
Дом
Русского
Зарубежья
им. Александра
Солженицына

ЕЖЕГОДНИК

*Дома русского зарубежья
имени
Александра Солженицына*

2013

МОСКВА

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
2014

УДК 08
ББК 79.1
Е-361

Редакционная коллегия
*М.А. Васильева, Н.Ф. Гриценко, О.А. Коростелев,
Т.В. Марченко, В.А. Москвин, М.Ю. Сорокина*

Ответственный редактор
Н.Ф. Гриценко

Художник
И.И. Антонова

ISBN 978-5-98854-048-9

© Коллектив авторов, 2014
© Оформление. ГБУК «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына», 2014

КАФЕДРА

Екатерина Андреева
МОЕ ПОНИМАНИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

В начале жизни я воспринимала русскую культуру только в семейном кругу, что было естественно, и лишь позднее я начала понимать ее в более широком масштабе.

Мой отец Николай Ефремович Андреев (1908–1982) приехал в Англию в 1948 г. на славянское отделение Кембриджского университета как преподаватель¹. Там он встретил мою мать, англичанку, которая была его студенткой, они поженились в 1954 г., и дома мы говорили по-русски. В 1958 г. родителям удалось выписать из Эстонии мою бабушку, Екатерину Александровну Андрееву, и она жила с нами до самой ее смерти в 1961 г. Она много со мной занималась, и мы были большими друзьями. Благодаря моим родителям и бабушке я встречала много разных русских, отношения с которыми были связаны со всеми периодами жизни семьи. Здесь были родственники, старые семейные друзья, коллеги и представители разных областей русской культуры. Потом также приезжали люди из Советского Союза. В моем понимании русскими эмигрантами были интересные люди, которые очень ценили культуру и историю своей страны и живо воспринимали то, что происходило в России. Они часто не соглашались друг с другом, и дискуссии были оживленными и продолжительными.

Но с того возраста, когда я это начала замечать, я поняла, что не все мое окружение разделяло мое мнение о русских. Считалось, что эмиграция — это какая-то отжившая и отсталая часть России, которую не надо принимать всерьез. Тогда, по-видимому, и возникло мое желание объяснить явление русской эмиграции. Мне казалось, что это отрицание эмигрантского опыта было несправедливо и что связь между эмигрантами и тем, что происходило в России, могла освещать очень много разных тем. Как же так происходит, что важная часть проблемы не воспринимается общественным мнением или научным сообществом? В английской академической среде до сих пор существует мнение, что тема русской эмиграции, в сущности, второстепенная и не относится к главным проблемам истории

---

¹ См.: Андреев Н.Е. То, что вспоминается: Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982): в 2 т. / под ред. Е.Н. и Д.Г. Андреевых. Таллинн, 1996. Новое издание в одном томе с новым предисловием и библиографией: СПб., 2008; в сокращенном переводе на английский: Andreyev N. A Moth on the Fence: Memoirs of Russia, Estonia, Czechoslovakia and Western Europe / With an Intro., Notes and Afterword by C. Andreyev; Transl. by P. Miles. Kingston-upon-Thames, 2009. См. также о Н.Е. Андрееве в настоящем издании — в статье «Общество защиты науки и знаний в Великобритании и помочь русским ученым-эмигрантам».

Советского Союза. Это мнение кажется во многом парадоксальным, ибо если коснуться вопросов истории XIX в., то тогда анализ эмиграции необходим, ибо без него никак не понять идеи и политику большевиков. Мы знаем, что в XX в. советские власти внимательно следили за эмиграцией, что само по себе разъясняет их взгляд на значение этого явления. Так что, по-видимому, в этом отрицании значения послереволюционной эмиграции частично отражаются политические взгляды, но сюда также включено влияние разных, иногда совершенно противоположных, тенденций в английском обществе и в английской истории.

Как известно, Англия никогда не была крупным центром русской эмиграции и русское эмигрантское сообщество здесь многим отличалось от сообществ в других европейских странах². Мой отец был общительным и гостеприимным человеком, и он чувствовал себя отрезанным и изолированным от русского общества, несмотря на то что у него была огромная переписка, которая связывала его со многими знакомыми и коллегами, и много людей к нам также приезжали. Я всегда помню приезды Кирилла Львовича Зиновьева, одного из ярчайших представителей первой волны эмиграции в Англии³. Хотя у Зиновьевых были связи с Прибалтикой, они познакомились с моим отцом здесь, в Англии, благодаря моей матери. Моя мать начала учить русский язык, когда она жила в Гилфорде, под Лондоном, у Ольги Петровны Зиновьевой, матери Кирилла Львовича. Когда Зиновьевы приезжали к нам в гости, мой отец и Кирилл Львович говорили без умолку в один голос обо всем: о политике, о культуре, об истории, а моя мать с женой Кирилла Львовича, Април, все это время сидели тихо, ибо в разговор невозможно было втиснуть даже слово. Кирилл Львович работал в Министерстве обороны, и в какой-то момент ему пришлось держать экзамен по-русски. К его большому удивлению, он получил не самые высокие отметки, и когда он спросил почему, то получил ответ, что он слишком быстро говорит по-русски. Его экзаменаторы сказали, что не могут понять, что он говорит! Моя мать рассказывала мне это с хохотом, чтобы объяснить, какое может быть отношение к иностранцам. Я также помню рассказ о том, как Април, талантливый литературовед и переводчица⁴, писала о Полине Виардо, близкой знакомой Ивана Тургенева. Април поехала во Францию посмотреть семейный архив и поговорить с потомками семьи Виардо. Они ее почти убедили, что отношение Тургенева к Виардо и к ее дочери было вполне платоническим и все другое — сплетня. В последний момент, когда Април собиралась уходить, в комнату вошел младший внук, и Април потом рас-

² См.: Кудрякова Е.В. Российская эмиграция в Великобритании в период между двумя войнами. М., 1995; Казнина О. Русские в Англии. М., 1997; Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940-е гг.). М., 2002; Zakharov V. No Snow on their Boots: About the First Russian Emigration to Britain. L., 2004.

³ Зиновьев Кирилл Львович (Fitzlyon, FitzLyon-Zinovieff; р. 1910) — потомок известного русского дворянского рода, переводчик, редактор, литературный критик, автор книги «Россия накануне революции» (Лондон, 1983). В эмиграции в Великобритании с 1918 г.

⁴ Фитцлион Април (Cecily April Mead FitzLyon-Zinovieff; 1920–1998) — переводчик русской классики, литературовед, автор ряда исследований, в том числе биографии Полины Виардо «The Price of Genius: A Life of Pauline Viardot» (L., 1964); генеральный секретарь Общества помощи русским беженцам.

сказывала, что он был вылитый Иван Тургенев в том же возрасте. Она поняла, что отношения были менее платоническими, чем потомки Виардо хотели бы их представить. Кириллу Львовичу теперь 103 года, и хотя он уже много лет как ослеп, ум у него совершенно ясный, и несколько лет тому назад он даже опубликовал новый английский перевод «Анны Карениной». Вместе со своей покойной женой они начали переводить этот роман Толстого много лет назад, но не кончили тогда работу. В новом переводе было использовано очень многое из того, что первоначально сделала Април. Когда я разговариваю с Кириллом Львовичем, мы можем касаться многих тем: например, истории России или международной политики. При этом он ярко воспринимает вещи и самостоятельно толкует и анализирует то, о чём мы говорим. Это всегда воссоздает атмосферу юности, когда такие же дискуссии велись с моим отцом.

Гости бывали отовсюду. Иногда приходили те, кто учился вместе с моим отцом в Таллине. Тогда особенно вспоминался литературный кружок при Русской гимназии и то, как они увлекались русской культурой. Позднее, конечно, многие разъехались по всему миру, но, например, Ирина Финдлоу рассказывала нам о своих детстве и юности, о моей бабушке и дедушке, которых она хорошо знала, а также о том, как она бывала на Валааме со школьной экспедицией, что произвело сильное впечатление на всех⁵. Ирина Анатольевна, как и многие, подчеркивала важную роль церкви в русской зарубежной культуре. Христианская вера часто помогала эмигрантам в повседневных затруднениях, а церковь была очень важной опорой для эмигрантского общества и помогала русским сохранять свою идентичность в разных ситуациях, когда мало где можно было найти поддержку в недружелюбной среде. Из разных источников и воспоминаний видно, что это действительно было так и что даже неверующие ходили в церковь, чтобы поддерживать разные знакомства в эмиграции и питать свое самосознание русского человека. Очень жалко, что состояние архивных источников до сих пор не дало возможности ученым проанализировать, как это все происходило в действительности. Мы знаем о том, как развивалось богословие в эмиграции и какие были страсти и расхождения в эмигрантской среде в связи с церковными вопросами и политикой. Деятельность отдельных личностей тоже проливает свет на эту проблему, тем не менее в нашем понимании истории русской эмиграции до сих пор остается большой пробел, ибо история русских эмигрантских приходов недостаточно хорошо освещена.

Вопрос веры касался и моей семьи. Когда приехала моя бабушка, то ей очень не хватало Русской православной церкви, и так как она была инвалидом, то русские православные священники приходили к ней и служили у нас дома. Иногда приезжал отец, позднее владыка, Антоний, епископ Сурожской епархии в Лон-

---

⁵ Ирина Анатольевна Кайгородова (1911–1984) была замужем за Джоном Финдлоу (Findlow; 1915–1970), англиканским священником. Ее отец, художник Анатолий Дмитриевич Кайгородов (1878–1945), и мать, Маргарита Карловна (1891–1984), жили в эмиграции в Эстонии. Они помогли моему отцу, Николаю Ефремовичу Андрееву, в 1927 г. уехать на учебу в Прагу. Джон Финдлоу в 1962 г. был представителем архиепископа Кентерберийского при Ватикане. См. о нем: *Findlow I. Journey into Unity. L., 1975* (рус. пер.: *Финдлоу И. Путь к единству. М., 1998*); *Андреев Н.Е. Каноник John Findlow: [некролог]* // Русская мысль. 1970. 18 июня.

доне⁶. Его спокойствие и его голос всегда производили сильное впечатление на нас в детстве. Позднее я читала его книги и проповеди и заинтересовалась его эмигрантским прошлым. Эмигрантская жизнь была трудна, и мне часто казалось, что эти трудности могли совершенно изменить жизнь. Во многих случаях людям приходилось создавать всю жизнь заново, и они в таком случае переосмысливали пережитое ими. Для некоторых людей это было слишком трудно, но я встречала и тех, которые брали самое лучшее из жизненного опыта и умели вдохновлять других, несмотря на всякие трудности и личные трагедии. Такие люди, как владыка Антоний, действительно передавали духовные ценности другим, помогая им найти правильный путь в жизни, и здесь они могли влиять и на окружающую английскую среду. Многие англичане заинтересовались православием, и не только владыка Антоний, но также и Николай Зёрнов⁷ имели широкое влияние.

До сих пор помню, как в Кембридже приехала моя бабушка. Мне было три года и семь месяцев. Был вечер, ноябрь 1958 г., входная дверь была открыта настежь, пока какая-то большая и незнакомая машина въезжала к нам во двор. Вскоре мы все сидели за столом. Вообще, бабушке было трудно ходить, так что она обычно лежала у нас в большой комнате на втором этаже. Я там много играла, и бабушка меня научила читать и писать по-русски до того, как я пошла в английскую школу. Позднее мне отец рассказывал, как он обсуждал с ней вопрос о том, как воспитывать детей в эмиграции. В то время в Кембридже было мало русских и не было ни детей, ни школы, ни православного прихода⁸. Они решили, что главное, чтобы мы, дети, усвоили язык. Как отец позднее объяснял, он хотел, чтобы мы что-то понимали в русской культуре, но он не желал, чтобы мы чувствовали себя эмигрантами. Как он выразился: «Эмиграция — это трагедия. Почти всю жизнь я был эмигрантом, и во всех странах, где я жил, местные жители меня считали ниже себя. Я этого не хочу для своих детей». Но то, что мои родители настаивали, чтобы мы говорили по-русски, тоже было нелегко, ибо русской среды почти не существовало. Позднее отец рассказывал, как мой младший брат, лет семи или восьми, пришел к нему в кабинет и спросил отца, может ли он с ним поговорить. Отец ответил: «Конечно, дорогой, в чем дело?» Брат спросил, почему надо говорить по-русски, на что отец ответил, что это его родной язык. Брат возразил, что никто в его классе не говорит по-русски. По-видимому, ему тогда казалось, что только старшее поколение разговаривает на этом языке, и это впечатление изменилось у него только в возрасте четырнадцати или пятнадцати лет. В это время брата отправили на курсы русского языка во Францию, где он встретил людей одного с ним возраста. В истории русской эмиграции вопрос воспитания детей был очень существенным. В самом начале, сразу после

---

⁶ Антоний (в миру Андрей Борисович Блум; 1914–2003), епископ, митрополит Сурожский (1966). После революции в России его семья оказалась в эмиграции, после нескольких лет скитаний по Европе в 1923 г. осела во Франции.

⁷ Зёрнов Николай Михайлович (1898–1980) — русский философ, богослов, исследователь православной культуры, общественный деятель. Аспирант Оксфордского университета в 1930–1932 гг., после этого работал в Англии.

⁸ Помню, как я ходила с отцом к Владимиру Федоровичу Минорскому (1877–1966), профессору востоковедения в Кембридже; его кабинет, как и у отца, был переполнен книгами.

революции, вопрос стоял немного иначе: надо было воспитывать детей, которые прошли тяжкие испытания и видели неописуемые ужасы. Многие из них остались сиротами, и необходимо было вернуть их в цивилизованную среду. Но некоторое время спустя эта ситуация изменилась, и уже стоял вопрос о том, как сохранить русскую культуру для детей. Они должны были одновременно быть способны жить в окружающей их среде и зарабатывать на хлеб. В этом смысле эмигрантская жизнь была полна трудностей. Я помню, как встретила знакомых моего отца в Париже. У них не было детей, ибо они решили, что у них будут дети только тогда, когда они вернутся в Россию. Этого не случилось, и жена всегда сожалела об этом, и мне было ее жалко. Я благодарна моим родным за то, что в нашей семье был реалистический подход не только к жизни в России, но и к жизни за рубежом. Здесь помогало, конечно, то, что мой отец был ученым и знал многое о том, что происходило в Советском Союзе. С другой стороны, он интересовался людьми и находил общий язык со многими, и это всегда помогало объяснить существующее положение вещей. И в то же время я помню, как я встретила очень милое русское семейство в Америке. Мать была из первой волны эмиграции, а отец — из второй, и мне всегда казалось, что той России, которую они себе воображали и о которой говорили детям, никогда не существовало.

Мой дедушка Ефрем Николаевич Андреев (1880–1942) был единственным членом семьи, который оказался за границей во время Гражданской войны, тогда как все другие члены семейства остались в России. Благодаря приезду бабушки у нас возобновились связи с родственниками, и в детстве я писала письма в Советский Союз старшему поколению. Позднее мне объяснили, что молодым было сложно иметь родственников в Англии, и эти люди предпочитают не иметь контактов с нами. Коллега моего отца Теренс Армстронг⁹, специалист по Сибири, поехал в Иркутск после XX съезда КПСС (1956), когда были организованы первые академические обмены. Когда он вернулся, то сказал отцу, что встретил ученого Владимира Андреева, и спросил, не является ли он родственником моего отца. Подумав, отец ответил, что это, по-видимому, его двоюродный брат, Владимир Николаевич¹⁰, и что он с ним не виделся с тех пор, как им обоим было по восемь лет. Когда Теренс вновь поехал в СССР, он взял с собой письмо от отца, где тот вспоминал детство. В ответ мне было написано письмо от дочери Владимира Николаевича, из которого было ясно, что лучше им не писать. При оказии Владимир Николаевич посыпал фотографии и устные приветы, но никогда не писал письма, даже тогда, когда они шли частным образом. Этот случай еще раз подчеркнул, как могло быть трудно людям в СССР, и нам надо было это понимать. Много позднее мои коллеги в университете неоднократно говорили, что я преувеличиваю и что я неправа. Но когда в 1992 г., уже после смерти отца и после распада СССР, мы с матерью встретились в Петербурге с детьми и внуками Владимира Николаевича, они подтвердили, что только теперь мы можем с ними свободно встречаться и что больше никто не интересуется ни ими, ни нами. Они нам рассказали, что Влади-

---

⁹ Армстронг Теренс (Armstrong; 1920–1996) — доцент Кембриджского университета.

¹⁰ Андреев Владимир Николаевич (1907–1987) — геоботаник, доктор биологических наук.

миру Николаевичу дали разрешение ездить за границу, но что он так и не поехал в Англию, поскольку боялся, что ему устроят провокацию, потому что там у него жил двоюродный брат.

Отрезанность от русской культуры была действительно серьезной проблемой для русских эмигрантов. Это особенно ясно проявляется, когда речь идет о писателях и художниках, которые лишились своей аудитории, но это также касается менее известных людей. То, что люди перенесли во время революции и Гражданской войны, — страдания, лишения, то, что они могли не просто потерять имущество, но могли потерять близких людей, — было само по себе очень тяжелым испытанием. То, что они также лишились и своей среды, было крайне трудно для всех. Это объясняет, почему так много людей жило «на чемоданах» и надеялось, что вот-вот смогут вернуться домой. Первой такой волной беженцев, которым было очень трудно или невозможно вернуться домой, были русские беженцы после революции. Русские эмигранты сравнивали себя с французскими эмигрантами после Французской революции, которые смогли вернуться домой через некоторое время. Для моего отца, как и для многих его сверстников, было очень трудно пережить разрыв со своей средой и с русским народом, и мой отец сознавал это. Когда он был молодым ученым, отец занимался Псково-Печерским монастырем, который остался на эстонской территории и не был частью СССР. Когда в 1937 и 1938 гг. он ездил в научные экспедиции в Псково-Печерский край, одним из основных интересовавших его вопросов был тот, как западные идеи повлияли на русскую иконопись. В результате исследований он пришел к выводу, что Псково-Печерский монастырь не являлся посредником в межкультурном диалоге России и Запада в период Средневековья. Наоборот, он переосмыслил свои доводы и выдвинул новую гипотезу о том, что монастырь возник как стихийное проявление религиозности в этом крае, но впоследствии стал промосковским на псковской почве¹¹. В этих поездках дополнительно к научной работе его привлекало то, что в Печерском крае остались русские крестьяне и что здесь он мог прикоснуться к своим людям, к своему народу. Такой же опыт он пережил, когда встретился с войсками Красной армии: эти люди были его соотечественниками. Когда три советские армии в мае 1945 г. освободили Прагу, отец читал войскам лекцию о Праге, стоя на машине. Как он вспоминал, ему задавали самые разнообразные вопросы, и это было ему крайне интересно, потому что он общался со своим народом, а не просто объяснял свою культуру иностранцам. Даже в тюрьме то, что он был русский, помогло ему, ибо с ним сидело много немцев и чехов, и он оказался тем человеком, который находил какой-то общий язык с тюремной стражей. Помню, как в 1977 г. отца пригласили читать доклад в Монреале в Канаде. Мы остановились у Марии Клементьевны и Евгения Евгеньевича Климовых¹². Евгений Евгеньевич познакомился с моим отцом в Псково-Печерском

---

¹¹ См.: Ковалев М.В. Проблемы истории древнерусского искусства в искусствоведческом наследии Н.Е. Андреева // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья / под ред. О.Л. Лейкинда. СПб., 2008. С. 235–246.

¹² Климов Евгений Евгеньевич (1901–1990) — художник, искусствовед, педагог, реставратор. См.: Климов Е.Е. Избранные работы / сост. А.Е. Климов. Рига, 2006; Из воспоминаний Е.Е. Климова // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1996–1997. Т. 28. С. 96–158.

крае, а во время войны он был у него в Праге и помогал отцу с коллекцией икон в Кондаковском институте. Отец почитал Евгения Евгеньевича знатоком русского искусства и считал его и его жену Марию Клементьевну очень хорошими людьми и носителями самых лучших традиций русской интеллигенции. Евгений Евгеньевич устроил так, чтобы отец прочитал два доклада в Канаде. Одним из них был доклад об «Августе Четырнадцатого» А.И. Солженицына, и прения были очень оживленными. Кончилось тем, что одна дама встала на стул и кричала, что Достоевский все предсказал заранее. Мой отец от души смеялся и потом сказал, что давно не читал лекцию русской аудитории и забыл, какие в ней могут быть страсти.

Пореволюционная русская эмиграция в Англии была маленькой частично потому, что большинство беженцев хотело быть со своими и сосредотачивалось там, где уже находились русские. Англия казалась более далекой от России. Люди, жившие в Европе, надеялись, что придет время, когда они смогут сесть на поезд и вернуться в Россию. С Англией это было сложнее, ибо надо было переплыть Ла-Манш. Мало людей говорили по-английски, и было труднее получить разрешение въехать в Англию. В XIX в. в Англию пускали всех, и въезд был свободный. В этот период в разное время разные русские радикалы жили и писали в Лондоне. Как известно, в Лондоне А.И. Герцен выпускал «Колокол» и, например, князь П.А. Кропоткин входил в разные английские круги. Позднее члены русской социал-демократической партии жили, встречались и печатались в Лондоне. Общественное мнение, которое отрицало автократию и царизм, в какой-то степени поддерживало эти радикальные и революционные круги. Когда в последние десятилетия XIX в. русская литература начала проникать в английское литературное сознание, именно эта часть английского общества интересовалась русской литературой. Когда в 1880-х гг. началась эмиграция евреев из Российской империи, то многие устремились в Северную Америку, и для некоторых из них Англия оказалась на пути. Какое-то их количество осело в Англии. Точных цифр этой волны эмигрантов не существует, но еврейское население из России и Польши увеличилось с 51 250 в 1871 г. до 95 541 в 1911 г.¹³ Реакция английского общества была парадоксальной: с одной стороны, эмигрантов, которые казались жертвами русского произвола, хотели поддерживать, с другой, местное население испытывало неприязнь к ним, ибо они нуждались в работе и жилищный вопрос в тех районах, где они сосредоточились, осложнялся. Часто считалось, что эти новые переселенцы требовали меньше платы за работу. Трудно доказать, что всегда было так, и со временем многие успешно вошли в английскую экономическую и социальную жизнь, но в конце XIX и начале XX в. создалось мнение, что надо ограничить количество людей, желающих въехать в Англию. В 1905, 1914 и 1919 гг. парламент Великобритании принял новые законы об иммиграции, и они совершенно изменили ситуацию, которая господствовала в XIX в. В результате, хотя у иммигрантов и сохранялось право на политическое убежище, им надо было доказать, что у них будет работа. Однако даже наличие работы не было гарантией, что можно будет остаться. Министр внутренних дел и чиновники министерства имели право отказать в разрешении на въезд в страну.

---

¹³ См.: Holmes C. John Bull's Island. Immigration and British Society: 1871–1971. L., 1988. P. 26.

Для русских эмигрантов введение такого закона могло иметь разные последствия. Англия бывала промежуточной страной для беженцев, но не обязательно давалаубежище. Во время Гражданской войны англичане эвакуировали русские войска из Архангельска и Мурманска. Некоторые считают, что их было около 15 000 человек¹⁴, хотя не все согласны с такими цифрами¹⁵. Ясно, что в этот период Англия давала разрешение на въезд очень малому количеству эмигрантов, и главным образом тем, у кого были какие-то личные связи. Впоследствии отношение к русским эмигрантам было двойственным. Многие в английском обществе приветствовали Февральскую революцию, и такие лица, как Павел Виноградов¹⁶, в 1917 г. старались объяснить преимущества февральских революционеров. После Октябрьской революции, с одной стороны, существовала боязнь большевиков и того, что коммунистическая идеология может заразить рабочий класс. С другой стороны, премьер-министр Д. Ллойд Джордж хотел восстановить отношения с Россией, и таким образом установился двойной подход. В СССР могли видеть серьезную угрозу, но, с другой стороны, эта страна могла бы выстоять в борьбе с фашистской угрозой. В 1941 г., когда нацистская Германия вторглась в Советский Союз, СССР стал союзником Великобритании и Сталин стал «добрыйм дядей Джо». Во всеобщем понимании СССР был против фашизма, и поэтому он сразу же стал демократической страной. Когда мой отец приехал в Англию в 1948 г., он ощутил влияние взглядов военного времени. В глазах правых политических кругов Россия была варварской страной, и в их понимании надо было бояться не только коммунизма, но и русских природных богатств, которые могли бы составить конкуренцию Англии и Британской империи. В глазах левых Советский Союз оставался социалистической страной, и им Сталин казался положительной фигурой. Тогда было очень мало людей, которые могли понять эмигранта, продолжавшего любить свою страну, хотя он и был противником существующего режима. Мне кажется, что, несмотря на всякие перемены, в академических кругах до сих пор ощущается влияние этих разных подходов.

В 1970-х гг., когда я была студенткой, мне часто казалось, что существовало два образа России за границей: то, что говорили эмигранты, и то, что анализировал академический мир. При этом, например, литературоведы расходились во мнениях с теми, кто интересовался политикой. Мне казалось, что частично эти расхождения происходили потому, что литературоведы больше внимания обращали на беллетристику и общались с диссидентами. Те же, кто интересовался другими вопросами, например политическими науками, имели доступ к официальным лицам, которые оспаривали взгляды диссидентов и считали их критику политического строя, мягко говоря, преувеличением. Конечно, здесь также действовали политика и холодная война. Западным ученым давали возможность работать в советских архивах, и они знали слишком хорошо, что если у них будут

---

¹⁴ См.: *Simpson J.H. The Refugee Problem. L., 1939. P. 339.*

¹⁵ См.: *Multanen E.H. British Policy Towards Russian Refugees in the Aftermath of the Bolshevik Revolution: PhD thesis. London University, 2000. P. 125; Казнина О. Русские в Англии. С. 9–10.*

¹⁶ Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925) — историк-медиевист, профессор Московского и Оксфордского университетов.

подозрительные по советским понятиям связи, то им будет труднее заниматься. Те, кто старался отговорить меня от интереса к истории эмиграции, делали это по разным причинам. Были те, кто мало знал и не интересовался этим. Они действительно считали, что не стоит заниматься исследованием тех, кто потерпел поражение в Гражданской войне и строил себе жизнь на надеждах, которые не могли быть реализованы. Другие отговаривали меня потому, что считали, что, хотя эмиграция сама по себе могла бы быть интересной темой, разработка такой темы ни к чему не приведет и лучше было бы заниматься исследованиями, которые бы больше соответствовали доминировавшим подходам к истории России. Когда я начала заниматься исследованием власовского движения¹⁷, этот вопрос оказался очень спорным, как и коллаборационизм всякого рода. Но поскольку не могло быть и речи о доступе к советским архивам, я должна была искать материал за границей. В развитии власовского движения можно было видеть взаимоотношения между первой волной эмиграции и советскими соотечественниками. Это было сложное сочетание: они нуждались друг в друге, но не всегда понимали друг друга и потому часто не соглашались друг с другом. Но это подчеркивало связь между разными поколениями русских эмигрантов и советскими людьми. Преимущество эмиграции было в том, что эмигранты интересовались Россией и у них было больше свободы для того, чтобы обсуждать эти вопросы. Публикации и идеи эмигрантов читались и обсуждались, хотя не и всегда принимались их советскими соотечественниками и более поздними волнами эмигрантов. В этом и была важность эмиграции. Когда началась политика гласности, прежние запрещенные темы стали публично обсуждаться. Коммунистические правительства начали терять власть по всему миру, и эмигрантский подход в рассмотрении разных вопросов казался более правильным. Эмиграция в целом совершенно ошибалась в предположении того, когда рухнет Советский Союз, но она имела более ясное представление о русской культуре и о русском народе и все еще могла найти общий язык с народом.

Мне жаль, что для многих людей, которых я знала, включая моего отца, перемены в России произошли слишком поздно, но я радуюсь тому, что их деятельность теперь вызывает интерес. Сейчас можно полнее оценить, какую роль Россия играла в жизни этих людей даже за рубежом. Я также сознаю, что понимание эмиграции есть существенная часть русской культуры. И мне все еще предстоит потрудиться, чтобы убедить некоторых моих коллег именно в этом.

---

¹⁷ См.: Andreyev C. Vlasov and the Russian Liberation Movement: Soviet Reality and Émigré Theories. Cambridge, 1987.

ГОД
ВЕЛИКОБРИТАНИИ
В РОССИИ

B.B. Голубинов

ПРОФЕССОР НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ
КУЛЬЧИЦКИЙ (1856–1925):
РЕВОЛЮЦИЯ И ЭМИГРАЦИЯ
В ЗЕРКАЛЕ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ

12 февраля 1925 г. газета русской эмиграции в Белграде «Новое время» известила читателей:

Проф. Н.К. Кульчицкий работал в Лондонском университете по своей специальности (гистология), приготовляя для университета гистологический кабинет. 29 января, окончив занятия, Н.К. вышел из своего кабинета на лестницу, подошел к лифту, отворил дверцу и, не заметив, что кабинки нет на месте, рухнул в пролет лифта. Повреждения организма были так велики, что медицинская помощь оказалась бессильной, и на другой день после катастрофы, т. е. 30 января, Н.К., почти не приходя в сознание, скончался. Н.К. Кульчицкий, уроженец Тамбовской губернии, окончил Харьковский университет по медицинскому факультету и в этом же университете занял профессорскую кафедру. Из Харькова он получил назначение в Казань — попечителем учебного округа. В 1914 г. — при Кассо — Н.К. был назначен попечителем Петроградского учебного округа. При перемене министра народного просвещения, когда этот пост занял П.Н. Игнатьев, ввиду резкого расхождения взглядов Н.К. был назначен в Сенат, а затем заменил гр. Игнатьева на посту министра народного просвещения. Принимая это назначение, Н.К. Кульчицкий просил Государя разрешить ему, в случае если он признает для себя непосильной задачу министерской работы, — доложить Его Величеству об этом. Всего министром проф. Н.К. Кульчицкий пробыл 67 дней, а затем в революцию пережил арест, сидел в крепости и наконец попал на линию беженских мытарств¹.

«Беженский» фрагмент линии судьбы моего прадеда, при жизни всемирно известного ученого-гистолога профессора Николая Константиновича Кульчицкого, занявший восемь лет из его 69-летней жизни, закончился. На эти годы, с февраля 1917 г., когда управляющий Министерством просвещения России Н.К. Кульчицкий потерял пост и как министр был арестован, до февраля 1925 г., когда жизнь «старого профессора» оборвалась в результате падения в пустую шахту лифта факультета анатомии Лондонского университета, пришлось, возможно, больше событий, чем на все предыдущие.

---

¹ Трагическая смерть профессора Н.К. Кульчицкого // Новое время (Белград). 1925. 12 февр. № 1136. С. 2.

Все пережитое нашло отражение в семейной переписке, дневниках и воспоминаниях, в газетной хронике, некрологах, служебной корреспонденции. Написанные по горячим следам письма, дневники, заметки хроников — важнейшие объекты анализа исторической ткани. Одни чудом сохранились дома, другие найдены в архивах и частных собраниях всего мира. Письма личные, изначально не предназначавшиеся для чужих глаз. Публикуя их, исследователь, тем более — родственник, потомок субъектов переписки, всегда рискует навлечь на себя «гнев» потревоженных предков. Оправданием служит только то, что «переписка содержит возможный выход за пределы личной экзистенции, выступая лиминальной практикой самоосуществления и культурного диалога»². Говоря проще, переписка эпохи «жизненных перемен» — не просто коммуникация, не только важнейший психологический ресурс обретения самого себя и самосохранения, но и инструмент укоренения в истории. Даже в личном письме — всегда весть, обращенная к будущим поколениям.

Биография Н.К. Кульчицкого опубликована³, в том числе автором этих строк. Не буду повторяться, ограничившись комментариями к публикуемым документам, отобранным из большого корпуса источников по принципу близости к биографии Н.К. Кульчицкого и истории его семьи.

Н.К. КУЛЬЧИЦКИЙ — В.Г. ГЛАЗОВУ
(ХАРЬКОВ — МОСКВА)⁴

Сохранилось шесть писем Н.К. Кульчицкого, относящихся ко времени работы в Харькове и адресованных Владимиру Гавриловичу Глазову (1848–1920?). В первых трех, выходящих за рамки данной статьи, Николай Константинович обращается к В.Г. Глазову, в ту пору (1900) начальнику штаба Финляндского военного округа, с ходатайством о производстве своего брата

---

² Фокина Т.П. Саратов — Маалот: переписка как целостный феномен: учеб. пособ. Саратов, 2010. С. 3.

³ Павличева С.В. Выдающийся отечественный гистолог проф. Н.К. Кульчицкий (1856–1925) // Вісник Сумського державного університету. Сер.: Медицина. 1999. № 3 (14). С. 28–30; Васильев К.К., Павличева С.В. Гистолог профессор Н.К. Кульчицкий (1856–1925) // Морфология. 2004. Т. 125. № 1. С. 91–92; Голубинов В.В. Казус Кульчицкого: материал к биографии профессора Н.К. Кульчицкого (1856–1925) // Саратовский медицинский журнал. 2009. Т. 5. № 3. С. 454–467; Васильев К.К. Николай Константинович Кульчицкий // Российское научное зарубежье: Мат-лы для биобиблиографического словаря. Пилотный вып. 1. Медицинские науки. XIX — первая половина XX в. / авт.-сост. М.Ю. Сорокина. М., 2010. С. 125–127; Голубинов В.В. Мой прадед — профессор Николай Константинович Кульчицкий (1856–1925) // Матеріали науково-практичних конференцій студентів, молодих вчених, лікарів та викладачів «Актуальні питання теоретичної медицини». (Суми, 21–23 квітня 2010 року). Суми, 2010. С. 70; Drozdov I., Modlin I., Kidd M., Goloubinov V. From Leningrad to London: The Saga of Kulchitsky and the Legacy of the Enterochromaffin Cell // Neuroendocrinology. 2009. Vol. 89. № 1. P. 109–120; Drozdov I., Modlin I., Kidd M., Goloubinov V. Nikolai Konstantinovich Kulchitsky (1856–1925) // Journal of Medical Biography. 2009. Vol. 17. P. 47–54.

⁴ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 922. Оп. 1. Д. 502.

Петра Константиновича Кульчицкого (1854, Кронштадт — 1920, Красноярск), капитана 71-го пехотного Белевского полка, в чин подполковника и затем благодарит за хлопоты. Письма, публикуемые ниже, относятся ко времени первой русской революции и отражают политическую и нравственную позицию Н.К. Кульчицкого. К этому времени В.Г. Глазов — министр народного просвещения, а Н.К. Кульчицкий — автор блестящих работ по гистологии, эмбриологии, строению органов желудочно-кишечного тракта, анатомии нервной системы и технике микроскопического исследования, изданных и переизданных в России и Германии, выпускник Харьковского университета со званием лекаря (диплом с отличием и серебряная медаль, 1880), доктор медицины (диссертация «О строении тела Grandy», 1882), профессор (1889), декан факультета медицины (1897–1901), зав. кафедрой гистологии и эмбриологии (1889–1910) того же университета, член-корреспондент Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге (с 1898). Упоминаемый Иван Николаевич Оболенский (1841–1920) — заслуженный ординарный профессор кафедры терапевтической факультетской клиники Харьковского университета.

14 апреля 1905 г.

Ваше Высокопревосходительство милостивый государь Владимир Георгиевич!

Вчера проф. И.Н. Оболенский передал мне, что в вопросе о назначении ректора нашего университета Вы остановили Ваше внимание на мне. Считаю своим долгом прежде всего принести Вашему Высокопревосходительству искреннюю благодарность за оказанную мне честь. Не скрываю от себя всей трудности настоящего положения и тем не менее, не колеблясь, готов принять на себя должность ректора и потому, что, как верный слуга Государю и Отечеству, не считаю себя в праве уклониться от служения, как бы оно трудно ни было, и потому, что слишком высоко ценю Ваше личное ко мне доверие. К исполнению возложенной на меня задачи я постараюсь приложить все свои силы и во всяком случае честно и нелицемерно исполнять свой долг. С чувством глубокой признательности и искреннего уважения имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугой.

Н. Кульчицкий

14 апреля 1905 г.

Христос воскресе!

Ваше Высокопревосходительство, глубокоуважаемый Владимир Георгиевич!

На предложение, которое передал мне Ив~~<ан>~~ Ник~~<олаевич>~~, я ответил Вам как министру народного просвещения, но теперь позволю себе написать Вам еще несколько строк приватно, таких, которые мне казались неудобными в письме на имя министра. Я не могу скрыть, что, если ректорство

не бывало моей мечтой, желание принимать участие в деле устроения наших университетов, в какой бы то ни было форме, было у меня всегда. Вот уже по крайней мере 20 лет, как я изучаю университетское дело. За этот долгий период времени всей жизни одного лица я много видел, много пережил и хороших, и трудных моментов. Много раз принимал я и участие в разрешении вопросов нашей университетской жизни. Результатом всего было глубокое убеждение, что правильное течение жизни всецело зависит от неуклонного исполнения закона в его точном, справедливом и умелом применении. В своей будущей деятельности, если Бог благословит ее, я и буду действовать таким образом. Во время моего деканства у меня было много столкновений с моими товарищами, желавшими толковать законы всегда по-своему, но никогда не было никаких недоразумений со студентами, даже в такие тяжелые дни, как забастовка 99 года, следы которой еще чувствуются и в настоящее время. В высокой степени важно, особенно в серьезных случаях, точное знание положения дела, а потому в своих донесениях, всегда официальных, я говорил и буду говорить только правду, <подкрепляя> изложение событий неоспоримыми данными, если это возможно. В противном случае я оставлю причины тех или иных явлений открытыми, но не считаю правильным и в этих случаях уклоняться и оправдываться неведением. При желании много может быть сделано на месте, конечно, при должном хладнокровии и осмотрительности. Для этого, однако, необходима возможна полная осведомленность о желаниях Вашего Высокопревосходительства, руководящего нашей академической жизнью. Ввиду целой массы подробностей, которые могут оказаться в будущем весьма существенными факторами, я очень желал бы лично переговорить с Вами, передать от себя некоторые проекты, а главное, лично получить указания Вашего Высокопревосходительства. С этой целью я приеду в Петербург в конце пасхальной недели, надеясь на Ваше разрешение.

Прошу Вас принять мои сердечные поздравления со светлым праздником Пасхи. Глубокоуважаемую супругу Вашу Александру Константиновну поздравляю и почтительно целую ручки.

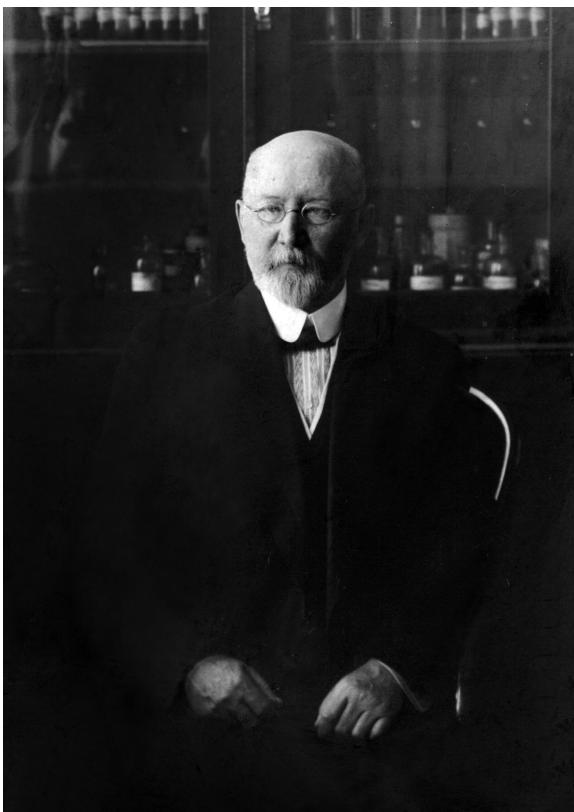
Вашего Высокопревосходительства покорнейший слуга

Н. Кульчицкий

Назначение Кульчицкого ректором Харьковского университета не состоялось. В революцию 1905 г. В.Г. Глазов потерял пост министра, в университетах была введена автономия, назначены выборы ректоров.

У слова «мытарства», почерпнутого из некролога Кульчицкого, помимо значения «испытания, страдания, невзгоды» в русском языке есть и другой, иносказательный смысл: препятствия и искушения, управляемые бесами. С «бесами» русской революции, в контексте названия знаменитого романа, Кульчицкому довелось сталкиваться не раз. Впервые — в Тамбове. Николай Кульчицкий родился в Кронштадте 16 января 1856 г., но, как и брат, учился в тамбовской классической гимназии, которую окончил с отличием и с серебряной медалью в 1874-м. Благодаря М.Ю. Лермонтову знаем: «Тамбов на карте генеральной //

Кружком означен не всегда; // Он прежде город был опальный, // Теперь же, право, хоть куда. // Там есть три улицы прямые, // И фонари и мостовые <...> // Короче, славный городок» («Тамбовская казнечайша», 1838). В этом «славном городке» 17-летний Коля Кульчицкий в год окончания гимназии вполне вкусили убывающую славу «опального города», попав под следствие за чтение запрещенной литературы — трех народнических брошюр. С 22 сентября 1874 г. Н.К. Кульчицкий был подчинен надзору полиции, 12 августа 1876 г. дело о нем разрешено в административном порядке с подчинением негласному надзору, а в 1877–1878 гг. он был привлечен (по счастью для него, будучи квалифицированным как свидетель) к знаменитому политическому «делу 193-х» — судебному процессу революционеров-народников⁵. «Процесс-монстр», как его называли современники, не только не предотвративший революцию, но как бы не ускоривший ее, искалечил жизнь одних и послужил предостережением для других. Слова, выбранные Лермонтовым эпиграфом к своей поэме, — «играй, да не отыгryvайся» — Кульчицкий усвоил на всю жизнь. К политике он, правда, позже вернулся, но дальнейший его путь проходил только по правому, консервативному, флангу. Говорят же, плох тот консерватор, кто в молодости не был радикалом.

Николай Константинович Кульчицкий.
<1920-е гг.>. Домашний архив Голубиновых (Москва).
Публикуется впервые

31 марта 1906 г.

Ваше превосходительство, глубокоуважаемый Владимир Георгиевич!
Христос воскресе! Поздравляю Вас со светлым Праздником от всей души.
Почтительно целую ручки Александры Константиновны, прошу принять мои
самые искренние пожелания здоровья и полного благополучия.

---

⁵ См.: Стенографический отчет по делу о пропаганде в Империи. СПб., 1878. С. 555–564.

Времена теперь нехорошие. С того времени, как мы виделись в последний раз, утекло много воды. 27 августа как громом поразило нас внезапное введение автономии, а затем и оставление Вами министерства. Освободители окончательно разнуздались, и поверить трудно, что творилось. Без преувеличения, нечто ужасное. Немедленно, конечно, были смещены ректор и деканы, был объявлен бойкот целому ряду профессоров. В университете начались митинги и всякого рода политическая агитация. В ноябре было дошло до баррикад. В университете засела толпа в несколько сот человек, перепортила массу вещей, иначе, словом, произвела настоящий погром. Кончилось для участников вполне благополучно. Конечно, о каких-нибудь занятиях не могло быть речи. Мало-помалу революционный угар прошел, а занятий все нет. Нет и надежды на скорое их возобновление. Об этом полугодии нечего и говорить, но и будущее полугодие едва ли будет занято. Очень уж долго длится забастовка. Теперь, если и откроются занятия, то неизвестно, что делать. Почти два года полного ничегонеделания деморализовали учащихся и учащих. Студенты всё забыли, что знали, это вполне естественно. Чтобы все поправить, нужна энергия, а где взять ее? Ее нет ни у кого решительно. В общем, картина неутешительная ни в настоящую минуту, ни в ближайшем будущем. Ив~~ан~~ Ник~~олаевич~~ и все мы, близкие к нему, переходим на положение старииков. Понемногу брюзжат. Русскому делу грозит серьезная опасность. Заедает беспринципность, олицетворяемая «кадетами». Эта основа их успеха повсюду, даже в Москве. Ну, будьте здоровы и счастливы. Если Бог приведет быть в Москве, сочту своей обязанностью и удовольствием быть у Вас и о многом побеседовать, если позволите.

С чувством глубокого уважения к Вам и горячей благодарностью за Ваше всегдашнее доброе отношение ко мне

Ваш слуга *Н. Кульчицкий*

Н.К. КУЛЬЧИЦКИЙ – С.М. СОМОВУ,
ПРЕДВОДИТЕЛЮ ДВОРЯНСТВА ПЕТРОГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ⁶

13 ноября 1915 г.

Милостивый государь, Сергей Михайлович.

Сим имею честь почтительнейше просить Ваше Превосходительство внести меня и членов моей семьи в родословную книгу дворян Петроградской губернии. Семья моя состоит из следующих лиц: тайного советника Николая Константиновича Кульчицкого, род. 16 января 1856 г., жены его Евгении Васильевны, род. 22 декабря 1862 г., двух сыновей: Александра, род. 16 августа 1894 г., Димитрия, род. 14 февраля 1896 г., и дочери Марии, род. 8 февраля 1898 г. Смею Вас уверить, что все мы в случае исполнения моей просьбы будем

---

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 16322. Л. 136.

честно хранить традицию русского дворянства, служа верою и правдой Царю и Отечеству.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть
Вашего превосходительства покорнейший слуга, попечитель Петроградского
учебного округа»

Н. Кульчицкий

К просьбе отца моего присоединяюсь.

Александр Николаевич <Кульчицкий>

Немного нарушая хронологию и забегая вперед, скажем, что письмо С.М. Сомову (1854–1924) представляет почти всех действующих лиц данной истории. Семья Н.К. Кульчицкого, хотя и относится к большому и разветвленному польскому и западно-украинскому роду Кульчицких, видимо, не входила в число русского дворянства вплоть до высоких назначений Николая Константиновича. Его отец, Константин Петрович Кульчицкий (27 июля 1827 — ?), из детей обер-офицера Херсонской губернии, воспитывался в Николаевском флотском училище, в 1845 г. поступил на воинскую службу рядовым военно-рабочей роты, служил в Кронштадте, Тамбове, был награжден бронзовой медалью «В память Крымской войны 1853–1856 гг.» и демобилизовался в звании штабс-капитана тамбовского губернского батальона в 1866 г. Мать Николая Константиновича, Елизавета Прокофьевна Павлова, дочь поручика. Старший брат Н.К. Кульчицкого, Петр (1854–1921), как и Николай, родился в Кронштадте и, окончив после тамбовской гимназии Московское пехотное юнкерское училище, стал, как его отец и дед, военным. В 1910 г. произведен в полковники, вышел в отставку в чине генерал-майора. Кроме брата, у Н.К. Кульчицкого две сестры. Судьба младшей, Веры (1859–?) не известна. Анна (1857–?) — замужем за казаком станицы Распопинской Усть-Медведицкого округа Области войска Донского, земским, а затем судебным врачом Маркияном Ивановичем Алексеевым (1853–?). Жена Н.К. Кульчицкого — Евгения Васильевна, урожденная Самойлова (1862–1932). У Кульчицких четверо детей: Ксения, в письмах — Ксюша (1883–1946), Мария, или Муся (1896–1972), Александр, или Шура (1894–1970), и Димитрий, Митя (1898–1985). Ксения, выпускница Брюссельской высшей коммерческой школы, замужем за севастопольским военно-морским врачом Евгением Петровичем Голубиновым (1880–1937)⁷ — Женей. Дети Голубиновых: Наталья — Талия, Талиуша (1907–1921) и Владимир⁸ — Додя, Додон (1912–1968). С Голубиновыми в Севастополе, в их доме на ул. Адмиральская, 5 жила сестра жены Кульчицкого — Антонина Васильевна Самойлова, тетя Нина. Ксения, Евгений, Владимир Голубиновы — бабушка, дед и отец автора статьи.

---

⁷ См.: Голубинов В.В. Благородство имени и судьбы: Евгений Петрович Голубинов (1880–1937) // Вестник морского врача (Севастополь). 2008. № 5 (5). С. 190–194; Он же. Военный врач на холме беззакония: (Материалы к биографии Евгения Петровича Голубинова (1880–1937)) // Там же. 2010. № 10. С. 178–190.

⁸ См.: Он же. Додя: Рассказ об отце: К 100-летию со дня рождения архитектора В.Е. Голубинова // Тектоника плюс. Саратов, 2012. С. 121–129.

СЫН Н.К. КУЛЬЧИЦКОГО ДИМИТРИЙ
О РОДИТЕЛЯХ⁹

Когда я родился, отец был прилежным и почтенным университетским преподавателем гистологии и поклонником театра. К тому же питал интерес к литературе и читал нам вслух книги. Он пел тенором, хотя и не поставленным, и был скрипачом-самоучкой. К несчастью, отец не мог добиться серьезных успехов в занятиях музыкой из-за того, что в результате несчастного случая в университетской лаборатории повредил палец. Иногда он играл, а когда я сам достаточно поднаторел в игре на скрипке, мы играли вместе, сестра же аккомпанировала нам на рояле. Мы исполняли «Серенаду» Браги и несложные пьесы Глинки. Время от времени, когда друзья отца приходили в гости, они присоединялись к нашему музицированию. Это было замечательное время! Наши отношения с родителями были добрыми, исполненными любви и абсолютного согласия. Когда мне исполнилось пять лет, отцу было 47, а матери 40. В среднем возрасте она весьма располнела. Мать была астматик. Спокойная, но волевая женщина. Не могу представить ее злой или возбужденной. Даже отчитывая нас, никогда не повышала голос. В семье царили мир и согласие. Отец был главой семьи, а мать вела домашнее хозяйство. Я помню отца расхаживающим взад-вперед по его кабинету, казалось, без дела, а в действительности проводя в это время серьезную интеллектуальную работу. Кроме игры на скрипке, у него было еще одно хобби. Он обожал химию, всегда ища ей практическое применение. Однажды отца захватила идея поиска оптимального способа обработки дерева для изготовления скрипок. Он часами занимался покрытием дерева подготовленными им лаками и был так поглощен этим занятием, что мой тогда совсем еще маленький брат на вопрос о профессии отца ответил: «Лакировщик скрипок».

Н.К. КУЛЬЧИЦКИЙ – ДОЧЕРИ, К.Н. ГОЛУБИНОВОЙ
(ХАРЬКОВ – СЕВАСТОПОЛЬ)¹⁰

30 сентября 1911 г.

Милая Ксюша!

У нас все благополучно, но скучновато. Когда мама уехала, как будто и все мы поехали вместе с ней. За обедами, что почти одно только время, когда мы бываем все в сборе, постоянно говорим о вас, о Талишке, как она встре-

---

⁹ Memorias de Dimitri Rostoff (Воспоминания Димитрия Ростова [Д.Н. Кульчицкого]). 1970-е гг. 365 машинописных страниц на испанском языке (Домашний архив Голубиновых (Москва)). См. также сокращенный перевод первой части текста на английский язык: Memoir of Dimitri Rostov // Catalogue of Glenny Collection, School of Slavonic and East European Studies (SSEES) Library (London). GLE/1/1/2. Unpublished and Previously Published Russian Émigré Memoirs (1927–1984). Фрагменты рукописи Ростова в настоящей статье приводятся в переводе С. Игонина.

¹⁰ Домашний архив Голубиновых (Москва).

тила «бабуску», что говорит и пр. Я очень рад, что мама погостит у тебя и что ты с ней повеселишься и немножко отойдешь от своей тоски одиночества¹¹. Мне нетрудно жить одному теперь, у меня весь день занят совершенно, с утра и до самой ночи, в такой степени, что не хватает минуты написать несколько строк. Вчера еще нужно было отправить тебе это письмо. Но ты не беспокойся. Уже труда большого у меня нет. Все идет гладко, без сучка и задоринки. Полное спокойствие и даже более, почти все довольны. И слава Богу! Все-таки как-то странно. Я должен употреблять все свое время только на экзамены. Остальное отошло в сторону и стало как будто не моим делом. Я еще никогда не испытывал ничего подобного. Конечно, это происходит оттого, что экзаменуется огромная масса людей. Каждую минуту я должен быть готовым к каким-нибудь услугам, и ни о чем другом даже думать некогда. Тем не менее я читаю свой курс в ожидании моего заместителя. Вчера были лекции при громадном стечении слушателей. Кончились аплодисментами и просьбами не оставлять чтений. Это приятно, но лучше уйти подобру-поздорову. Я устраиваю себе «уголок». Для первого начала заказал себе диван, купил два американских замка, чтобы можно было хорошо запереться и чтобы помешать мне было не очень-то легко. Завтра начну понемногу переносить необходимые препараты и свой материал. Забот и тут порядочно. Прибавь к этому, что у меня нет помощника. Все знают, что едет новый профессор, новая голова, и не так повинуются, как прежде, да и самому становится трудновато приказывать. Хорошо еще, что у меня вообще не было привычки держать в строгости своих подчи-

Димитрий Николаевич Кульчицкий.
Санкт-Петербург. <1910-е гг.>.
Домашний архив Голубиновых (Москва).
Публикуется впервые

¹¹ Муж Ксении Николаевны, Е.П. Голубинов, был прикомандирован к Императорской Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге для держания экзаменов и защиты диссертации на степень доктора медицины и в 1910/11 учебном году состоял ординатором в диагностической клинике проф. М.В. Яновского. В мае 1911 г. защитил работу, удостоился искомой степени и вернулся «в наличие Черноморского флотского экипажа» (Полный послужной список старшего врача Черноморского флотского экипажа статского советника Евгения Петровича Голубинова. Составлен 27 октября 1916 г. (с дополнениями вплоть до 1920 г.). Копия. Домашний архив Голубиновых (Москва)). Во время написания письма — судовой врач транспорта «Казбек».

ненных. Переход «на покой» не будет резким. Вообще, я чувствую себя куда лучше и своего отдыха жду с приятным нетерпением. О нашем житье дома тебе напишет Муська. Мы все здоровы, это главное. Пиши мне или заставляй маму. Крупно целую тебя, маму, Талюшу и Ант~~<онину>~~ В~~<асильевну>~~. Всегда кланяйся от меня Жене.

Любящий тебя Н.К.

В 1910 г. Николай Константинович, когда его педагогический стаж составил 30 лет, оставил заведование кафедрой, уйдя в добровольную отставку «не истомленным инвалидом, но в расцвете умственных сил, обогащенный жизненным опытом»¹², «для того чтобы дать лучшие шансы к продвижению по службе своим молодым коллегам. Сами по себе такие случаи самопожертвования бывают, но они крайне редки в академической практике»¹³. Переход «на покой» не стал для Кульчицкого резким просто потому, что покоя для него вообще не наступило. Напротив, он с головой окунулся в общественно-политическую жизнь, причем в годы, когда страна, не прияя в себя от первой русской революции, уже готовилась ко второй. С января 1912 г. (утверждение в должности состоялось 27 февраля) Н.К. Кульчицкий был назначен попечителем Казанского учебного округа, а 30 июня 1914 г. — Петербургского учебного округа. С 1914 г. он тайный советник. За заслуги награжден семью орденами, включая Св. Станислава 1-й степени и Командорский крест Почетного легиона, пожалованный Кульчицкому французским правительством за устройство курсов французского языка и французской литературы в Казани¹⁴. 20 января 1916 г. назначен сенатором Второго департамента с оставлением на должности попечителя и 27 декабря 1916 г., вскоре после убийства Г.Е. Распутина и накануне Февральской революции, — министром народного просвещения последнего императорского кабинета министров. Кульчицкий, сменивший либерала графа П.Н. Игнатьева (1870–1926), слыл человеком весьма консервативных, правых взглядов¹⁵. В последней попытке удержать страну царем была произведена замена кабинета министров не только на более консервативное и однородно-правое, но и состоящее из первоклассных и авторитетных специалистов — с целью «составить правительство из людей, которым Государь считал возможным лично доверять»¹⁶.

---

¹² Вступление заслуженного ординарного профессора Императорского Харьковского университета Н.К. Кульчицкого в должность попечителя Казанского учебного округа. Казань, 1912. С. 5–6.

¹³ J. P. H. The late Emeritus Professor Nicholas Kulchitsky // Journal of Anatomy. 1925. April. № 59 (Pt. 3). P. 336–339.

¹⁴ См.: Кульчицкий Н.К. Ходатайство в Департамент общих дел Министерства народного просвещения о разрешении попечителю принять и носить командорский крест Почетного легиона // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 16322. Л. 57.

¹⁵ См.: Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «Второй отечественной войны»: (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 108–127; Тихонов М.Ю. «Скажите государю...», или Загадка графа П.Н. Игнатьева для средней и высшей школы // Психологическая наука и образование. 2007. № 1. С. 83–92.

¹⁶ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 614.

О ПРОГРАММЕ МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ Н.К. КУЛЬЧИЦКОГО¹⁷

В Министерстве народного просвещения с уходом гр. Н.П. Игнатьева царит унылое выжидательное настроение. Между тем на очереди много текущих дел. 2 января предстоит открытие съезда директоров учительских семинарий, созданного гр. Игнатьевым, но до сегодняшнего дня оставалось неизвестным, откроется или нет этот многолюдный съезд, из которого съехались уже свыше 120 человек. Интересует всех также вопрос о том, кто явится ближайшими сотрудниками Н.К. Кульчицкого. На обращенные по этому поводу вопросы Н.К. Кульчицкий заявил следующее: «Обо мне составилось совершенно неверное представление, и близкое будущее покажет, что я вовсе не враг тех реформ, которые намечены моим предшественником. Я лишь оставляю за собою право вносить те поправки, которые найду нужными». Н.К. Кульчицкий указал, что он является поборником закона и поэтому намерен не предпринимать никаких шагов в деле народного просвещения без одобрения законодательных учреждений. Он считает неправильной организацию при министерстве совета по делам высших учебных заведений и учебных бюро, так как Положения о них должны быть проведены в законодательном порядке. Н.К. Кульчицкий высказывает удивление по поводу появившегося сообщения о том, что Гос. дума не будет работать вместе с ним. Ни Гос. дума, ни общество его не знает. До сих пор он действовал лишь в качестве исполнителя чужой воли, ныне же, в качестве главы министерства, он проявит свою волю, на что, по его мнению, он имеет право, как человек, 40 лет соприкасавшийся с наукой. Никакой ломки в нынешнем направлении дела министерства он производить не намерен, и начатые реформы высшей и средней школы будут им продолжены. Будут также осуществлены уже намеченные гр. Игнатьевым совещания. Возвращать из Гос. думы законопроект об университете уставе и какие-либо другие законопроекты Н.К. Кульчицкий в данный момент не думает. Он выражает уверенность, что ему удастся столкнуться на деловой почве с председателем университетской комиссии Гос. думы П.Н. Милюковым. Относительно своих ближайших сотрудников в будущем Н.К. Кульчицкий дал уклончивый ответ, указав, что он никого не собирается смешать, но и удерживать силой никого не намерен. Вообще, по его словам, он избегнет назначений одиозных для общества лиц. <...> В случае надобности заместить должность товарища министра или директоров департамента Н.К. Кульчицкий намерен искать на эти должности людей среди ректоров университетов, где, по его словам, есть весьма почтенные, знающие люди. В еврейском вопросе Н.К. Кульчицкий не намерен проявлять недоброжелательства, и последнее ему приписывают неправильно. В этом вопросе он намерен держаться исключительно требований закона, и в пределах этого закона он готов идти на встречу просветительным нуждам еврейского населения.

---

¹⁷ Русские ведомости. 1916. 31 дек. № 302 // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 358. К. 143. Д. 6. Л. 98–100.

Е.П. ГОЛУБИНОВ О КУЛЬЧИЦКИХ,
СЕВАСТОПОЛЕ И ПРАЗДНОВАНИИ НОВОГО 1917 ГОДА¹⁸

<В Севастополе> получилась целая группа знакомых между собой по возрасту и воспитанию подходящих детей, встречавшихся друг у друга и проводивших время в играх и веселье совместно. <...> В конце концов на елку стала собираться компания детворы до 25 человек. Всех их приходилось одаривать елочными подарками, что хотя и составляло расход, но благодаря улучшению нашей материальной стороны не было для нас затруднительным и доставляло нам удовольствие видеть счастливые детские мордочки. Подарки мы выписывали из Петрограда, куда по службе был переведен из Казани дедушка <Н.К. Кульчицкий>. Привозил их обыкновенно проводник курьерским поездом, за что получал от нас ничтожную, но по тем временам изрядную, сумму денег, от 1 до 3 рублей. Подарки наши выходили дешевле и отличались значительно большим разнообразием, чем можно было устроить в Севастополе. <...> Бабушка Евгения Васильевна неоднократно приезжала гостить к нам. Дедушка шутил, что быть крушению поезда — теща едет, но курьерский поезд доставлял бабушку аккуратно, и приезд ее сопровождался обильными подарками нам и детям. Долго гостить ей у нас не приходилось, дома была своя семья, и связана она была домашним хозяйством. Тетя Муся и брат ее Митя неоднократно нас посещали, и их приезды сопровождались радостью и большим сближением. Родные наши продолжали жить в Петрограде. Помимо писем мы продолжали поддерживать с ними связь при помощи курьерского поезда, который аккуратно заявлялся к нам каждую неделю, привозя и отвозя письма и что было нужно. <...> Лето у меня в Севастополе обычно проводил брат жены Шурко, которому пребывание у нас в Севастополе всегда нравилось, и куда он стремился всей душой. Для меня же он являлся незаменимым компаньоном <...>. Было у нас много общего, чем мы обоюдоюдно интересовались, да часто он мне и помогал в моих домовых предприятиях. Даже я создал термин — «собираться Шурке на общественные работы». Работы заключались в устройстве в саду плантажей, и Шура, хоть и не всегда с охотой, т. к. в его возрасте в Севастополе для него было много других лучших интересов, все же долбил их лопатой добросовестно, перетаскивал на своих плечах ведра с вынутой глиной и строительным мусором до 7-го пота. Так протекала наша жизнь до декабря 1916 года, когда наша жизнь вдруг в связи с некоторыми обстоятельствами <...> и совсем улучшилась. Оставалось жить не тужить. Елка 1916 года для нас была особенно радостной. Прошла она шумно. Было много детворы. Веселились они, и у нас на душе было светло и хорошо. Встречали новый 1917 год на блокшиве. По слухам встречи Нового года был молебен, а потом ужин, затянувшийся до утра. Гостей званых было много. Были приглашены, несмотря на военное время, жены чинов штаба и их добрые знакомые. Все были нарядны, оживлены и веселы. За ужином играл оркестр портовых музыкантов и пел песни хор песенников. Вино лилось рекой. Размах

---

¹⁸ Голубинов Е.П. Воспоминания [Севастополь, 1920-е гг. Рукопись, 363 с.] // Домашний архив Голубиновых (Москва).

в веселье и торжествах на минной бригаде был не меньший, чем в военном деле. Воевали добросовестно, но и веселились в антрактах не меньше. <...> Жизнь в доме была полной. Материальная сторона нашей жизни была налажена. Родня чувствовала себя в Петрограде не хуже нас. Все нам улыбалось. 10 февраля 1917 г. дома затевался детский спектакль и вечер. Сколько к нему было приготовлений. <...> Много разговоров и воспоминаний о спектакле было потом у детей и их родителей. 19 февраля справлялись, как и в прежние годы, мои именины, а 27 февраля случилось то, что в истории носит название революции и что предоставило право всякому вторгаться в нашу жизнь и обсуждать, так ли мы жили, как нам надлежало, и подчинило нашу жизнь новым создавшимся условиям жизни в России.

В дни Февральской революции Н.К. Кульчицкий был арестован, 3 марта доставлен в Таврический дворец, а с 4 по 12 марта 1917 г. заключен в Петропавловскую крепость, в 61-ю камеру Трубецкого бастиона, находившуюся между камерами, где пребывали бывший председатель Совета министров князь Н.Д. Голицын (1850–1925) и бывший товарищ председателя Государственного совета В.Ф. Дейтрих (1850–1919). Автору «посчастливилось» повидать 61-ю камеру: железная койка, привинченный к стене стол, небольшое зарешеченное окно. В этой же камере в том же 1917 г. будет заключен знаменитый «охотник за провокаторами» В.Л. Бурцев (1862–1942). Николаю Константиновичу «удалось избежать трагической судьбы многих других царских министров»¹⁹. Не знаю, помогло ли в этом прошение жены Кульчицкого Евгении Васильевны, поданное А.Ф. Керенскому и М.В. Родзянко 7 марта 1917 г.²⁰, но 12 марта около двух часов дня министр юстиции А.Ф. Керенский (1881–1970) прибыл в крепость и освободил Кульчицкого и начальника главного военного судного управления генерал-лейтенанта А.С. Макаренко (1861–1932). Кульчицкий и Макаренко «были введены к Керенскому, и он поздравил их с освобождением»²¹.

Д.Н. КУЛЬЧИЦКИЙ ОБ ОТЦЕ И СОБЫТИЯХ В ПЕТРОГРАДЕ И ХАРЬКОВЕ (1917–1918)²²

27 февраля 1917 г.

Ранним утром глава департамента, в котором работал отец, пришел к нам домой, чтобы пригласить его принять участие в экстренном совещании. Он явился лично, т. к. посчитал рискованным воспользоваться телефонной

---

¹⁹ Ульянкина Т.И. Русские ученые-эмигранты в Великобритании (1917–1940-е гг.) // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция: 1998. М., 1999. С. 242–247.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 153.

²¹ Записные книжки полковника Г.А. Иванишина // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 17. С. 477–572.

²² Memorias de Dimitri Rostoff.

связью. Он сказал, что в столице хаос и надо как можно скорее выработать линию поведения правительства. С этого собрания отец не вернулся. Три дня мы ничего не слышали о нем. На второй день я пошел искать его. Я обошел знакомых в надежде найти его, но безрезультатно. Внезапно в городе воцарилось странное затишье. Не было слышно шума вопящей толпы, лишь проезжали грузовики, набитые явно пьяными возбужденными солдатами. Как мы узнали позже, причиной этого было состоявшееся в цирке массовое собрание, на котором было принято решение о дальнейшем «углублении» революции. На следующее утро мы внезапно услышали звон дверного колокольчика и стук в дверь. Когда мы открыли, группа солдат и несколько штатских (включая студента) ворвались в квартиру и с криком: «Где министр?» оккупировали квартиру. Мы объяснили, что не знаем о министре ровным счетом ничего. Поутрухнув, они уже собирались уходить, но тут один из нежданых гостей зашел в комнату сестры и, не обнаружив там ministra, заметил на туалетном столике ювелирные украшения. Он уже совсем было собрался заграбастать несколько из них, когда сестра, увидев это, как могла встала на защиту своей собственности.

Младший сын Н.К. Кульчицкого, Дмитрий, воспитанник Императорского училища правоведения, во время революции экстерном завершил обучение в училище, поступил в сентябре 1917 г. в Одесское артиллерийское училище, где проучился несколько месяцев. В 1917–1918 гг. с риском для жизни не раз возвращался в Харьков, где власть неоднократно менялась и куда его отцу вместе с женой и дочерью Марией удалось добраться из Петрограда после ареста и счастливого освобождения из Петропавловской крепости.

Обстановка в городе *«Харькове»* становилась все более тревожной и смутной. Большевизм крепчал. Чтобы пресечь малейшую возможность контрреволюционных выступлений, большевики прибегли к практике взятия заложников. В один из дней было арестовано большое число наиболее влиятельных граждан города. Мой отец предполагал, что и он будет в их числе. Бывший министр Временного правительства и видный преподаватель университета, проработавший в нем 30 лет, ждал ареста в любую минуту и не переставал удивляться, что до сих пор оставался на свободе. Пытаясь найти объяснение этому обстоятельству, отец пришел к заключению, что своей свободой он обязан тому, что вскоре после назначения министром просвещения узнал, что два еврея — сотрудники университета — ожидают утверждения в должности приват-доцента. Граф Игнатьев — предыдущий министр, либерал, не сделал этого по одному ему известной причине. Отец спросил, действительно ли кандидаты достойны этого назначения и, получив утвердительный ответ, не колеблясь, утвердил их. На следующий день в доме зазвонил телефон. Человек, представившийся журналистом *«Речи»* — крайне левой газеты, — спросил отца: «Правда ли, что вы утвердили двух евреев в должности приват-доцентов?» — «Да, я сделал это», — ответил он. «Ваше превосходительство, мы все стоя салютуем вам. Урра!» Отец только смог сказать: «Ну, спасибо». <...> Вот почему мой отец уверился, что избежал ареста в награду

за поступок, весьма неожиданный для человека, которого считали «антисемитом», но вполне естественный для человека, прежде всего — порядочного.

Министром-«консерватором» Кульчицким были восстановлены в правах 17 человек студентов-евреев, эвакуированных из Варшавского ветеринарного института и принятых в Новочеркасский университет, где они, перейдя черту оседлости, столкнулись с угрозой утраты студенческой отсрочки от призыва. Став министром, Н.К. Кульчицкий сразу же утвердил в должности давно и безуспешно добивавшихся этого нескольких приват-доцентов — евреев — Петроградского и Московского университетов, включая будущих знаменитых ученых: филолога В.М. Жирмунского (1891–1971) и юриста Л.А. Лунца (1892–1979). Газета «Речь», соредактором которой был В.Д. Набоков (1869–1922), обсуждала и горячо приветствовала это решение²³. Перекличка судеб состоит в том, что и «правый» Н.К. Кульчицкий, и «левый» В.Д. Набоков вынуждены были после революции уехать из России и погибли в эмиграции в начале 1920-х гг. Не избежал изгнания и «либеральный» предшественник Кульчицкого граф П.Н. Игнатьев.

Слухи о призывае всех молодых мужчин в Красную армию ходили все более упорные, и мое положение становилось угрожающим. <...> Я понял, что не смогу продолжить образование. В университете постоянно кипели политические страсти. Время проходило в митингах и политических дискуссиях, заменявших учебные занятия. Из Одессы сообщали о значительном росте патриотических чувств жителей города. Формировалась Белая армия. Молодые люди вступали в нее с большим энтузиазмом. Мне стало ясно, что мое место там. Я поведал об этом родителям. Было мучительно оттого, что приходилось бросить их одних. Моя сестра уехала, от брата не было никаких вестей <...> с родителями остаться было некому. Кроме того, средств к существованию у них оставалось не много, а жизнь становилась все тяжелее и тяжелее. Я всегда с гордостью за них и восхищением буду вспоминать то, с каким сочувствием и душевной силой родители восприняли мое решение. Ни одного слова против, ни слез, только глубокое понимание моих настроений и патриотических чувств, которое помогло им забыть о своих собственных страданиях и невзгодах²⁴.

ДЖЕЙМС П. ХИЛЛ О Н.К. КУЛЬЧИЦКОМ²⁵

Многие из его коллег разделили судьбу их императора, но профессор Кульчицкий, хотя и был брошен в тюрьму, был освобожден после девяти дней заключения, и ему было разрешено возвратиться в Харьков. Он потерял все свое имущество и все личные денежные средства и, чтобы поддер-

---

²³ См.: Речь. 1917. 1, 2, 8, 17, 25 янв.; 2 (15), 7 (20), 10 (23) февр.

²⁴ Memorias de Dimitri Rostoff.

²⁵ J. P. H. The late Emeritus Professor Nicholas Kulchitsky // Journal of Anatomy. 1925. April. № 59 (Pt. 3). P. 336–339.

живать семьёю, претворил свои химические знания на практике и трудился в Харьковском технологическом институте над производством мыла, остро дефицитного и дорогого тогда товара. В самом конце 1918 г. условия в Харькове стали таким, что он решил отправиться с его семьёй в Севастополь, в дом его старшей дочери; и они были вынуждены идти всю дорогу пешком, — ужасное путешествие, которое заняло приблизительно двадцать два дня. Едва прибыв и обосновавшись там, он после того, как армия Деникина была разбита, вынужденно отбыл вместе с женой из Севастополя на борту английского судна, которое доставило их на Мальту.

Кульчицкие на Мальте, и не одни: вместе с дочерьми и внуками в 1919 г. они покинули Севастополь на несколько месяцев. Мальта — один из самых ярких и приятных эпизодов детства автора этих строк. Н.К. Кульчицкий значится среди русских беженцев (числом около 800, включая вдовствующую императрицу Марию Федоровну, мать императора Николая II), эвакуированных англичанами из Крыма в апреле 1919 года²⁶. Наконец, о пребывании Кульчицких и Голубиновых на Мальте свидетельствует на допросе в ОГПУ Крымской АССР арестованный в 1930 г. севастопольский доктор N., коллега Е.П. Голубинова: «В первый большевизм им всем удалось на английском миноносце эвакуироваться на остров Мальту»²⁷. Поэтому, когда записавшийся в Одессе в Добровольческую армию кадет 2-го офицерского конного генерала Дроздовского полка Дмитрий Кульчицкий после первого боевого крещения и изнурительных месяцев наступлений и отступлений, потеряв в бою друга детства и одноклассника по Училищу правоведения Михаила (Мику) Сатова-Швенднера, в августе 1919 г. попадает, получив отпуск, в Севастополь, он не застает в доме сестры ни родителей, ни сестер, ни племянников.

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КУЛЬЧИЦКИЙ – РОДИТЕЛЯМ (СЕВАСТОПОЛЬ – МАЛЬТА)²⁸

3 августа 1919 г.

Дорогие мама и папа, наконец я в Севастополе, но, к сожалению, уже совсем не вовремя, так как вас здесь сейчас нет. Мне предоставили трехнедельный отпуск (пришел мой черед), и я не хотел упустить шанс увидеться с вами. Я не знаю — будет ли еще у нас такая возможность. Я так скучаю о вас. Было так грустно бродить по пустому дому. Здесь только тетя Нина и я. К счастью, скоро должны приехать Ваня и его жена, и тогда дом снова оживет. Он пере-

²⁶ См.: Russian refugees. 1919. URL: http://website.lineone.net/~stephaniebidmead/russian_refugees.htm (дата обращения 13 декабря 2013 г.).

²⁷ Архив СНБ Украины. Главное управление в Крыму. Симферополь. Следственное дело в 6 т. Архивный № 010528. Т. 3. Л. 264–266.

²⁸ Memorias de Dimitri Rostoff. Письмо здесь приводится по рукописи воспоминаний — в двойном переводе.

жил большевистскую оккупацию без ущерба. Как говорит тетя Нина, «они» ничего не взяли. Мы каждый день ждем Вас. Особенно Женю. Дом нуждается в хозяине, а также Колчак и Деникин призывают, чтобы все русские военные возвратились из эмиграции... Прибыл Ваня! Я должен спешить, чтобы отдать ему это письмо, он его отправит. Главное, что о Шуре и <других> Кульчицких мы ничего не знаем. Я по-прежнему кадет. Служу во втором кавалерийском полку, но уже внесен в список на повышение. Так что я вернусь с золотыми эполетами. Я был в Харькове проездом и навестил всех наших знакомых. Они шлют вам приветы. Побывал и у Оболенских. Они были очень добры ко мне. Большевики наложили на них большую контрибуцию и реквизировали гимназию. Теперь они пытаются вернуть ее. Судя по вашему письму, вы живете неплохо. Я рад этому. Скоро должен прибыть Женя. Я сижу в комнате с окнами на улицу. Видимо, скоро ее придется сдать внаем. На этом я пока заканчиваю. До свидания, мои дорогие. Крепко обнимаю. Митя.

Своего брата Александра Димитрий видел последний раз в сентябре 1917 г. на вокзале в Петрограде — «стоящим на платформе у окна вагона»²⁹. В 1919 г. Александр, Шура, Кульчицкий — младший чиновник Министерства иностранных дел Российской (Омского) правительства адмирала А.В. Колчака (1874–1920)³⁰. 17 января 1920 г. он среди ста двенадцати лиц, арестованных ЧК в поездах А.В. Колчака и В.Н. Пепеляева (1885–1920), из которых сто одиннадцать были препровождены в Иркутскую губернскую тюрьму. Александр Николаевич уцелел, умер в Москве в 1970 г., и он — единственный «дедушка», которого автор застал в живых и хорошо помнит. Так сложилось, что он был одновременно братом одной бабушки автора (т. е. двоюродным дедом) и третьим мужем другой, по линии матери. Об иных Кульчицких мы узнали только недавно. Брат Н.К. Кульчицкого, генерал-майор в отставке Петр Константинович Кульчицкий³¹, в 1920 г. служащий коммунального отдела Казани, был арестован, приговорен Казанской губЧК к заключению в концлагерь «до особого распоряжения» и к лишению свободы. Погиб в 1921 г. в заключении. Реабилитирован в 2002 г. Из двух его сыновей, Бориса (1895–?) и Глеба (1898–1920), известна судьба второго. В 1920 г. Глеб Кульчицкий, командир катера «Сокол» водной милиции Красноярска, был арестован по обвинению в службе Колчаку и приговорен Красноярской губЧК к расстрелу. Реабилитирован в 1998 г.³² Ваня, или «великолепный Джон», — харьковский кузен Кульчицких Иван Павлович Полуэктов (Jean Paul Polouektoff; 26 сентября 1894 —

---

²⁹ Там же.

³⁰ См.: Центральный архив ФСБ России. Д. № Н-501. Оп. 7. Л. 5. Благодарю историка С.В. Дрокова за предоставленные сведения.

³¹ См.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 9. Д. 1420, 33945; Ф. 409. Оп. 2. Д. 5429.

³² Восстановливая справедливость: Список лиц, подвергнутых в разные годы репрессиям по политическим мотивам и реабилитированных Прокуратурой Республики Татарстан в 2002 году. Республика Татарстан. 2003. 9 августа. № 160 (24976); Жертвы политического террора в СССР // Правозащитный центр «Мемориал». URL: <http://lists.memo.ru/index11.htm> (дата обращения 14 декабря 2013 г.).

11 июля 1972, Париж, похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа), лейтенант флота, инженер-механик. Участник Первой мировой и Гражданской войн в составе Вооруженных сил Юга России (ВСЮР), талантливый инженер и чертежник. Иван Павлович помогал Е.П. Голубинову в разработке проектов переустройства дома, пристроек и перепланировок. Его жена — Раиса Николаевна Полуэктова (урожд. Добровольская; 1897 — 7 октября 1984, Париж), певица, в эмиграции — общественный деятель³³. Другой племянник профессора Кульчицкого, сын его сестры Анны, Константин Маркианович Алексеев (Constantine M. Alexieff; 31 марта или 1 апреля 1885 — 1 апреля 1949), до Первой мировой служил в 12-м Донском казачьем полку, во время войны — в составе 32-го, затем 51-го казачьих полков. За боевые отличия получил несколько наград, включая Георгиевский крест³⁴. После второго ранения признан не годным к строевой службе и в 1915 г. эмигрировал в США, где работал инженером на военных заводах по изготовлению амуниции. Жил в собственном доме недалеко от Нью-Йорка, поддерживал финансово «Общеказачий журнал». Жена — Ольга Б. Алексеева (1894—1965). Оболенские — друзья Кульчицких: упоминавшийся выше профессор Иван Николаевич и его жена Дарья Диевна, основательница и председательница попечительского совета харьковской частной женской гимназии Д.Д. Оболенской.

ДЖЕЙМС П. ХИЛЛ О КУЛЬЧИЦКИХ

Позже, когда войска Врангеля преуспели в том, чтобы повторно занять Крым, Кульчицкие возвратились в Севастополь, и профессор возобновил изготовление мыла, на сей раз для российского флота. Наконец, когда армия Врангеля была разбита в ноябре 1920 г., Н.К. Кульчицкий и его жена эвакуировались в Бизерту и в конечном счете достигли Англии в апреле 1921 г., потерпанные лишениями и фактически без средств к существованию³⁵.

И Кульчицкие, и Голубиновы (несмотря на сложности транслитерации русских фамилий, их легко опознать) — в списках перемещенных лиц, которые находились на Мальте под британской защитой, но покинули остров³⁶. Пути русских беженцев разошлись: кто последовал в Италию и Францию, как князья Трубецкие, кто вернулся в Россию, как Голицыны. Наши герои 10 октября 1919 г. отправились в Севастополь: г-жа Голубинова (Mrs. Gouloubinoff) с двумя детьми и г-н и г-жа Кульчицкие (Mr. & Mrs. Koulchitsky). Исключение составляет Miss Koulchitsky —

---

³³ См.: Российское зарубежье во Франции. 1919–2000: Биографический словарь: в 3 т. М., 2010. Т. 2. С. 482–483.

³⁴ См.: Корягин С.В. Ульяновы и другие. М., 2008. С. 38. (Генеалогия и семейная история Донского казачества. Вып. 83.)

³⁵ См.: J. P. H. The late Emeritus Professor Nicholas Kulchitsky // Journal of Anatomy. 1925. April. № 59 (Pt. 3). P. 336–339.

³⁶ См.: Списки и опросные листы русских эмигрантов, проживающих на Мальте // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 147. Л. 2а, 9.

очевидно, Муся. 9 сентября 1919 г. она рассталась с родителями, покинула Мальту и отбыла в Англию. Вероятно, с ними на Мальте какое-то время был и Е.П. Голубинов, но вернулся в Крым еще раньше, 6 сентября 1919 г. О мотивации к возвращению можем судить по письму Димитрия: дом без хозяев, призывы командования Вооруженных сил Юга России к эмигрировавшим военным вернуться. Другое дело, что некоторым положение в Крыму с приходом Врангеля вселяло излишний оптимизм. Например, осенью 1919 г. брат Е.П. Голубинова, вице-консул в Урмии, а до этого консул в Рио-де-Жанейро Сергей Петрович Голубинов³⁷ (1879–1951) послал учиться в Севастополь старшего сына. 16-летний подросток Всеволод Голубинов (Лодя, Vsevolod Goloubinoff; 1903–1972) с риском для жизни доберется до ул. Адмиральской, проживет в доме дяди около года, самостоятельно эмигрирует во Францию осенью 1920 г., получит там образование геолога, станет знаменитым французским писателем Сержем Голоном (Serge Golon) и будет вспоминать, как жил в Севастополе с бывшим царским министром просвещения в соседних комнатах. Николай Константинович и Евгения Васильевна покинули Севастополь немногим позже — в ноябре 1920 г. — в составе эвакуационной эскадры Русской армии. Видимо, не без помощи И.П. Полуэктова, во время эвакуации Русской армии помощника начальника транспортных мастерских «Кронштадт», Н.К. Кульчицкий поступил в мастерские рабочим, обеспечив тем самым свое прибытие вместе с женой в Бизерту (Тунис)³⁸. Как и при рождении, новая жизнь Н.К. Кульчицкого начиналась с названия «Кронштадт».

РАЙМОНД ДАРТ О Н.К. КУЛЬЧИЦКОМ (ЛОНДОН)³⁹

<1921>

В Университетском колледже я практиковался в изучении гистологии. И познакомился там с человеком, который оказал на меня большое влияние. Сразу, в первый день приезда, Эллиот Смит попросил меня, чтобы я занялся новым российским эмигрантом... «Его имя — Кульчицкий, он ассистент в лаборатории». — «Не идет ли речь о неврологе из Харькова?» — «Видимо, это он, — заключил Эллиот Смит, — но дело в том, что у меня нет никакого свободного места, достойного его, да к тому же он не говорит ни слова по-английски». Я побежал в лабораторию, где застал лысого интеллектуала. Еще недавно, в царские времена, он был в России министром просвещения и одновременно одним из самых выдающихся исследователей микроструктуры нервной системы. После революции он прибыл в Англию вместе с женой и

³⁷ См.: Голубинов В.В. «Никогда не забуду Вашей легкой руки»: Коллега и корреспондент В.Ф. Минорского — Сергей Петрович Голубинов (1879–1951) // Чтения памяти В.Ф. Минорского (1877–1966): Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 8–9 октября 2013 г. СПб., 2013. С. 51–54.

³⁸ См.: Список белоэмигрантов — офицеров русского флота (1921) // ГА РФ. Ф. Р-5903. Оп. 1. Д. 605. Л. 40; Д. 606. Л. 57.

³⁹ Dart R. Na tropach brakujecego ognia. Warzawa, 1963. S. 55–56. Отрывок из воспоминаний Р. Дарта приводится в переводе с польского издания его книги.

дочерью без всяких средств к существованию. Мы научились объясняться с ним на смеси из французского и немецкого языков. Хотя официально он был всего лишь ассистентом в моей лаборатории, однако благодаря его знаниям я столь многому от него научился, что по прибытии в 1923 г. в Йоханнесбург я мог уже быть в силах читать лекции по микро- и макробиологии в той анатомической пустыне, которую я там застал.

Графтон Эллиот Смит (Smit; 1871–1937) — англо-австралийский антрополог, исследователь нервной системы, профессор анатомии Университетского колледжа Лондона (University College London, UCL), входящего в состав Университета Лондона (University of London). Раймонд Дарт (Dart; 1893–1988) — австралийский антрополог, открывший австралопитека. Возглавлял факультет анатомии университета в Йоханнесбурге.

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КУЛЬЧИЦКИЙ – РОДИТЕЛЯМ
(ЛАГЕРЬ ОСТРОВ-КОМОРОВО, ПОЛЬША – ЛОНДОН)⁴⁰

20 сентября 1921

Ну конечно же я, дорогая мамочка! Ваш сын Димитрий Кульчицкий — воспитанник Императорского училища правоведения, собственной персоной, в добром здравии и страшно обрадованный тем, что нашел наконец своих милых «предков». Ругаю себя только за то, что так поздно послал объявление в «Новое время». Но кто же знал, что именно с этого и нужно было начинать. Я послал несколько писем в Константинополь, в «Bureau general russe des renseignements», просил начальника Русской дипломатической миссии при Польском Правительстве — князя Мещерского переслать мое письмо в Сербию, на что он любезно согласился, но все безуспешно, и вот наконец «Новое время» вывезло. Я, признаюсь, довольно часто думал о том, что вы, может быть, в Англии, но уверен не был (что вы уехали из Крыма с армией генерала Врангеля, я почему-то был твердо уверен). Ну, теперь, слава Богу, можно уже не быть уверенным, а знать, что гораздо уже приятней. Теперь, отправив это письмо, буду с нетерпением ждать длинного и подробного послания с изложением всех ваших злоключений. Как хотелось бы знать все это сейчас, но... это невозможно, а следовательно, ничего и не поделаешь. Приходится удовольствоваться описанием своих приключений. Если вы получили хоть одно мое письмо, вы знаете, что с войсками генерала Бредова я попал в Польшу при отступлении. Здесь на польском фронте произошло мое производство в корнеты, так что я вот уже с февраля 1920 г. корнет 2-го офицерского генерала Дроздовского конного полка. Пробыв с месяц на польском фронте, мы переехали под Krakow, в лагерь «Dalia» ⁴¹, где и были интернированы. Прожил я там до июля 1920 г., когда пожелал ехать в Крым, поступил в армию генерала Глазенапа, формиру-

---

⁴⁰ Kul'chitskii Family Collection // Leeds Russian Archive. Leeds University Library. GB MS 1365/210.

ющуюся в г. Калише, вернее, под Калишем, в местечке Щепиорно. В октябре из Щепиорно мы выступили на украинский фронт, пробыли недели две на фронте, и потом с отступавшей украинской армией перешли вновь польскую границу, и были интернированы в лагерь «Lukow-Lapiduz» в 80 верстах от Варшавы. Отсюда нас перевели в Остров, где меня твое письмо, мамочка, и застало. Сначала жилось нам здесь неважно, но с течением времени положение наше улучшилось, и теперь я пожаловаться особенно на свою жизнь не могу. Улучшение моего положения началось с того момента, когда я стал зарабатывать деньги игрой на скрипке в местном кинематографе. Заработка, конечно, небольшой, но позволявший поддерживать более или менее сносно себя в смысле еды. Вскоре, однако, скрипку пришлось бросить (разошлись с хозяином), но тут подвернулась другая вещь — выступление на сцене солдатского театра. При нашем лагере находятся казармы польского пехотного полка (собственно, лагерь наш представляет собой казармы, и очень хорошие, какого-то русского полка, даже бригады, и в одной части казарм стоим мы, а в другой 71-й пехотный польский полк. Так вот, среди нас нашлось несколько офицеров — бывших артистов, которые организовали три труппы — драматическую, украинскую и опереточно-комедийную, в которой я и состою. Теперь драматическая труппа уехала, так как всю нашу стрелковую дивизию перевели под Гданьск <? — нрзб.> в другой лагерь. Мы же выхлопотали себе разрешение остаться в Острове и продолжать работу в театре. Спектакли у нас бывают 1–2 раза в неделю. Сборы небольшие, но на карманные деньги хватает. Конечно, о том, чтобы заработать деньги на костюм, например, речи быть не может, но по крайней мере не голодашь и имеешь возможность покупать разные мелочи «натурально не разлучившись с званием культурного человека». Живем мы в бывших офицерских квартирах вне проволоки, окружающей лагерь, и пользуемся относительной свободой. Планов на будущее у меня, признаться, никаких нет. Без денег и будучи интернированным трудно чего-нибудь добиться. Хотел уехать за границу (это хоть и трудно, но можно было сделать), но, во-первых, я не знал, где вы, а потом и страшно было, не имея ни гроша за душой отказываться от куска хлеба, который тебе предоставляется, и обрекать себя на полуоголодное и нищенское существование какого-нибудь рабочего, ибо рассчитывать на интеллигентный труд не приходится из-за незнания языков и отсутствия специальности. Но главное, что парализовало мои начинания, — это неизвестность относительно вашего местопребывания и положения. Теперь я знаю, где вы, но что с вами? Как и чем вы живете? Фамилия Ainsworth дает мне лишь повод заключить, что вы как-нибудь да устроились и что вы не где-нибудь «за drutem» (за проволокой, т. е. интернированы), а на свободе и устраиваете свою жизнь так, как вам нравится и как возможно. Боюсь, что ваше материальное положение не блестящее. Неоткуда ему быть блестящим. Ради Бога, напиши, мамочка, или заставь Муську написать обо всем и всех. Все ли вы живы и здоровы. Как папа? Ксюша, Женя, Талюха, Додон. Талюха ведь теперь совсем взрослая, а Додон тоже gentleman. Ждать письма буду с невероятным нетерпением, а пока целую всех бесчисленное число раз. Я сказал в начале письма, что у меня нет планов на будущее. Это не совсем так.

Дело в том, что Бог наградил меня довольно порядочными артистическими способностями и голосом (ради Бога, не подумай, мамочка, что я хвастаю и что я зазнался). Я просто повторяю то, что мне говорили очень и очень многие, если даже не все, кто меня видел на сцене и слышал. Да и сам я чувствую это, так к чему же излишняя скромность, ведь «унижение паче гордости»), и из того и другого я и думаю сделать источник дохода. Тем более что дело это «bardzo mi sie podoba» — очень мне нравится. Но сделать это очень трудно. И все дело, конечно, в деньгах и костюме, ведь «по одежде встречают». Есть у меня думка и продолжать ученье, но для этого нужно быть свободным и обеспеченным. А это опять же трудно. Пока же жду письма. Целую всех. Адрес мой тот же. Любящий вас всех ужасно. Мой сердечный привет Miss Ainsworth.

Митя

Димитрий Кульчицкий двигался через Польшу в Крым вместе с Дроздовским полком. Их отряд «шел на фланге, защищая основную группу от атак красных. Для многих этот поход стал настоящим крестным путем, в основном из-за вспышки брюшного тифа, быстро распространившегося в войсках»⁴¹. Пробыв месяц на польском фронте, Кульчицкий «заболел через две недели после того, как <...> прибыли в Польшу — в спасительный лагерь для интернированных» неподалеку от Krakowa. 11 дней он не приходил в сознание. Выздоравлив, попытался вступить в формируемые в Польше подразделения Вооруженных сил Юга России, в июле 1920 года отправился на фронт добровольцем, но после заключения мира между Польшей и советской Россией был интернирован вновь в Ломжинском воеводстве. Димитрий Викторович Мещерский (1875–1933, Варшава) — князь, дипломат и ученый-востоковед, в 1919–1921 гг. исполнял в Варшаве консультативные обязанности. Бредов — видимо, генерал-лейтенант Николай Эмильевич Бредов (1873–1945), командующий группой Вооруженных сил Юга России во время Бредовского похода (январь — февраль 1920 г.) и перехода в Польшу через Западную Украину, где был интернирован со всем отрядом. Петр Владимирович фон Глазенап (1882–1951, Мюнхен) — офицер, служил в Добровольческой и Северо-Западной армиях. До августа 1920 г. в Польше командовал 3-й Русской армией, формированной Б.В. Савинковым для совместных действий с «белополяками». В письмах Кульчицкого упоминаются лагеря интернированных в поселке Коморово рядом с городом Остров (Острув), в поселке Щепиорно — под городом Калиш и др. Там Димитрий Николаевич принимал участие как певец (тенор) и скрипач под псевдонимом Кульчицкий-Коморовский (в знак принадлежности к лагерю в Коморове) в армейских группах музыки и танца, в 1922 г. подписал контракт с труппой артистов петроградской оперетты «Музыкальная комедия» и гастролировал по Польше, Германии, Чехии. Димитрий отыскал родителей в Лондоне через эмигрантскую белградскую газету, ту самую, с которой началось данное повествование.

---

⁴¹ Memorias de Dimitri Rostoff.

ДИМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КУЛЬЧИЦКИЙ –
ОТЦУ

(ЛАГЕРЬ ОСТРОВ-КОМОРОВО, ПОЛЬША – ЛОНДОН)⁴²

25–26 октября 1921

Дорогой папуля! <...> Вчера не успел отправить письмо, ибо не закончил его. Кончаю сегодня. У мамы в письме мне понравилась одна фраза, — «все пошли в кинематограф, и хорошо бы, если бы ты пришел с ними; я бы угостила тебя голубцами». И мне так ясно представилось это, может быть, не достаточно комфорtabельная и свободная, но, во всяком случае, мирная обстановка. Помнишь, мы все решали уехать в Англию в первые дни после революции. Думал ли кто-нибудь, что проект этот осуществится таким образом. Ты пишешь о тоске по родине. А вот у меня так никакого желания нет вернуться туда, ибо я все еще не перестал чувствовать некоторую зависимость от большевиков, и они настолько пугают нас, что не только не хочется возвращаться к ним, но, наоборот, тянет все больше на запад... Передай, папуня, Муське, чтобы написала мне. Так приятно получать от всех вас письма — все как-то ближе будто бы подходишь к вам. А пока целую тебя, папочка, и всех вас крепко.

Твой сын Митя

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА КУЛЬЧИЦКАЯ – А.С. МИЛЮКОВОЙ
(ЛОНДОН – ПАРИЖ)⁴³

12 января 1922. Chesham House, Chesham Place, SW1

Многоуважаемая Анна Сергеевна,
шлю Вам сердечный привет и поздравление к Новому году и искренние по-
желания всякого благополучия. Знаю, что Вы на меня сердитесь, и чувствую
себя очень перед Вами виноватой за свое долгое молчание, но, несмотря на все
это, верю, что Вы меня простите. Написать о комитетских делах было нечего,
ибо у нас происходит все то же, что и 2, 3, 4 месяца назад. Была вспышка энер-
гии — концерт 23 окт<ября>, давший £135 чистого сбора, еще одна «вспыш-
ка» — объявление в «Morn<ing> Post» — дало £53, за этим — уход С.М. Брук и
Варфоломеева. Новый Исп<олнительный> совет во главе с Mrs Tufulle хорошо
взялся за работу, но благодаря болезни Mme Doré деятельность опять ослабела.
Mme Doré привлекла в комитет много новых членов, и между прочим, некую
Mme MarKbreiter, имеющую большие средства, широкие знакомства и опыт в
благотворительных делах. Эта дама устроила 5 января «Children's Party» в Studio
своих знакомых, но по какой-то странной причине никто из нашего комите-
та, за малым исключением, не могли ей помочь в этом деле. «Party» не имело
никакого успеха. В Совете даже возник вопрос, не отложить ли вечер, но в

---

⁴² Kul'chitskii Family Collection // Leeds Russian Archive. Leeds University Library. GB MS 1365/212.

⁴³ ГА РФ. Ф. 5856 (П.Н. Милюков). Оп. 2. Д. 44. Л. 135–137.

конце концов Party провели, и, слава Богу, расходы покрыли, и чистый сбор выразится, вероятно, в 8–10 фунтах. Mrs MarKreiter все же осталась, по-моему, не совсем довольна и поговаривает о «resignation» [об отставке], что, конечно, ничего хорошего не предвещает. За последнее время мы дали Imperial War Relief Fund на голодающих рус^{ских} детей £67 — 12.8, послали Жекулиной £50 и отправили в Константин^{ополь} около 1000 garments [1000 предметов одежды], 2 cases (large) of soap [2 ящика (больших) мыла] и 130 вещей переслали в Польшу через одну из здешних рус^{ских} организаций («Общество взаимопомощи военнослужащих»). В общем, за прошлый финансовый год нами было отчислено £950. В настоящее время, мне кажется, нужно быть довольным и такой небольшой сравнительно суммой, т. к. другие благотв^{орительные} учреждения не посыпают и таких сумм за границу. Сейчас я сижу в office совсем одна: все ушли — сейчас $\frac{1}{2}$ 8-го. У нас сегодня заседание Исполн^{ительного} совета в 8.30, и мне не хочется ехать домой — уже очень далеко, да и инфлюэнцу я где-то поймала — хочется спать, в таком состоянии ездить домой на $\frac{1}{2}$ часа — слишком большое искушение: захочется остаться. Вы, вероятно, слышали, что у меня вышла пребольшая неприятность с Степ^{аном} Александровичем [неустановленное лицо] перед его уходом? Я помню, Вы как-то сказали мне: «Ст^{епан} Ал^{ександрович} может быть очень тяжелым человеком для того, кого он не-взлюбит» — я тогда усомнилась в этом, но теперь только вижу, как Вы были правы. Я бы очень хотела увидеть Вас и узнать Ваше мнение и взгляд на такие происшествия, а писать об этом не хочу, как-то уж очень неприятно описывать эту бесконечно глупую историю. С.А. знал меня очень короткое время и в конце концов назвал меня (при свидетелях) грубой, нетактичной, дерзкой и упрямой. Сильно — не правда ли? Настолько сильно, что я едва ли когда-нибудь решусь считать его своим знакомым. Мне так стыдно даже писать об этом, но мне хочется, чтобы Вы знали это от меня самой. Я, кажется, писала Вам, что мы на конец разыскали моего младшего брата — он сейчас в Польше — поет на сцене в какой-то оперетке и зарабатывает свой хлеб. Мы достали ему визу, как только будет возможность, выпишем его сюда. Папа работает в университете, но получает недостаточно для безмятежной жизни, и мои мечты о дальнейшем образовании далеки от осуществления. Напишите мне, пожалуйста, Анна Сергеевна, что Вы не сердитесь на меня — мне было бы очень больно сознавать, что Вы серьезно недовольны мною.

Уважающая Вас М. Кульчицкая

Анна Сергеевна Милюкова (1861–1935) — жена лидера Конституционно-демократической партии, министра иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюкова (1859–1943). На конверте — рукой М. Кульчицкой — адрес А.С. Милюковой: Mrs A. Miliukoff, 17 Rue Leriche, Paris XV ar, France. Известный парижский дом, где жили очень скромно, по свидетельствам очевидцев, П.Н. Милюков с женой⁴⁴. На обороте конверта — пометки, сделанные, возможно,

---

⁴⁴ См.: Родионова Н.А. Участие Милюковых в судьбе семьи В.Д. Набокова после его гибели // Мыслившие миры российского либерализма: Павел Милюков (1859–1943): Материалы международного научного коллоквиума. Москва, 23–25 сентября 2009 г. М., 2010. С. 214–225.

рукой самой Анны Сергеевны, — о вещах, видимо сданных в прачечную: количество простыней, рубашек, полотенец и т. п. Трудно доподлинно судить, о каком из комитетов, действовавших после революции в Великобритании, идет речь в письме Кульчицкой. Во Франции А.С. Милюкова была активным деятелем Комитета помощи русским писателям и ученым. П.Н. Милюков был среди тех, кто инициировал создание в Англии Комитета освобождения России. Но судя по обратному адресу — российского посольства — речь идет о базировавшихся там Комитете помощи русским беженцам или Русском Красном Кресте⁴⁵. Семья Кульчицких близко контактировала с Е.В. Саблиным (1875–1949), первым секретарем и управляющим делами бывшего российского посольства, а в 1919–1924 гг. и. о. посла, уполномоченным Временным правительством, и, видимо, Мария Кульчицкая, в Первую мировую войну — сестра милосердия в Петрограде, состояла в одном из благотворительных комитетов, действовавших в бывшем российском посольстве. В Лондоне М.Н. Кульчицкая работала также секретарем в Британской ассоциации больниц (British Hospital Association) и в редколлегии издательства «Burdett's Hospital and Charities».

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КУЛЬЧИЦКИЙ О ВСТРЕЧЕ С РОДИТЕЛЯМИ И СЕСТРОЙ (ЛОНДОН)⁴⁶

<1923>

Встреча с семьей была по-настоящему волнующей. Шесть бурных лет я не видел своих родителей, и было просто чудесно снова находиться рядом с ними. Однако теперь я стоял перед необходимостью заработать хоть немного денег, чтобы не быть обузой отцу. Мне также было необходимо совершенствовать свой скучный английский язык. Первую проблему я решил, поступив петь в хор в русском соборе, а справиться со второй мне помогала сестра путем своих регулярных занятий со мной. Все же этого было явно недостаточно, и я записался на вечерние курсы, которые вел английский преподаватель для слушателей-иностраниц. Я сохранил самые приятные воспоминания об этом человеке. Это был пожилой, скорее дородный, нежели толстый, доброжелательный джентльмен с живым взглядом и хорошим чувством юмора. У него был низкий, звучавший виолончелью голос и манера говорить слегка замедленно, равно как и манера неспешно двигаться. Его произношение было очень отчетливым, объяснения — самыми точными. Впоследствии я редко слышал столь безупречную английскую речь. Это был истинный викторианец во всех смыслах этого слова. В самом деле, он был похож на персонажа из книг Диккенса. Я вспоминаю его с любовью и благодарностью. Чуть позже я короткое время занимался деятельностью несколько иного рода, поступив в струнный оркестр, организованный тогда при русском посольстве в Лондоне. После революции

---

⁴⁵ См.: Ульянкина Т.И. Опыт изгнания: русские учёные в Великобритании в 1917–1940 гг. // Русский Миръ. 2000. № 1.

⁴⁶ Memorias de Dimitri Rostoff.

Членский билет Дмитрия Николаевича Кульчицкого
в Русской артистическо-литературно-музыкально-художественной
федерации в Чехословакии. 1922.

*Kul'chitskii Family Collection // Leeds Russian Archive.
Leeds University Library. Great Britain. GB MS 1365/178-1.*

Публикуется впервые

1917 года и до захвата власти коммунистами Россия не имела здесь посла, только поверенного в делах. Ведомство возглавлял Саблин — дипломат, назначенный Временным правительством и пользовавшийся огромным уважением в международных дипломатических кругах. Застой в дипломатической деятельности и нелегкие времена, которые мы были вынуждены пережить, подвигли его на организацию, с помощью сотрудников и русских эмигрантов, оркестра. Меня пригласили играть в нем на басовой домре. Я почти не владел этим инструментом, но так как он использовался только для аккомпанемента в достаточно простых пьесках нашего репертуара, то для его освоения мне хватило довольно короткого, но интенсивного периода упражнений. К сожалению, жизнь оркестра была недолгой, хотя теперь я уже не помню причины, по которой оркестр был распущен. Все же я расскажу два случая из той поры. Однажды мы играли на банкете для дипломатического корпуса и членов правительства. Конечно, я уже не могу вспомнить, какие пьесы мы тогда играли, но никогда не забуду выступления на нем Ллойд Джорджа, произнесшего послеобеденную речь. В другой раз мы играли в чьем-то доме на банкете, устроенном в честь королевы Испании. Помню, что когда гости вышли из столовой, королева подошла к нам и в нескольких дружеских словах поблагодарила за выступление.

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА КУЛЬЧИЦКАЯ – СЕСТРЕ, К.Н. КУЛЬЧИЦКОЙ
(ЛОНДОН – СЕВАСТОПОЛЬ)⁴⁷

<Ок. 1923–1924 гг.>

Драгоценная и бесконечно дорогая Бобочка!

Вчера получила твое письмо. Первое за эти три года. Хотела вчера же ответить, но все мои чувства и мысли были в таком безнадежном хаосе, что я не могла писать. О смерти Талюши мы узнали месяц назад от Серга Петровича Голубинова>. Известие это поразило нас как громом. Ты можешь себе представить сама, что за ужас мы пережили здесь, так далеко от тебя. Не буду много говорить об этом, на бумаге не скажешь все равно, как страшно больно переживать такое горе. Слава Богу, что ты оправилась от <потрясения>, было бы отчаяние, если бы и с тобой что-нибудь случилось! А бедный маленький Додик и Женя, даже страшно подумать, что они переживали. Когда на меня нападает тоска и отчаяние, я всегда думаю о тебе, и всегда вижу тебя такой бодрой и сильной духом, и горжусь тобой, и мне становится стыдно своей истерики. Я твердо верю, что ты и теперь, в дни тяжелых испытаний, найдешь в себе силы пережить свое горе и вернешься к спокойной жизни, в которой ты так нужна стольким безгранично любящим тебя людям. У нас было такое безмятежное детство и юность, что мы обязаны быть достаточно сильными людьми, чтобы бороться успешно с жизненными бурями. Это, конечно, в теории, а на практике все гораздо трудней, но все же нужно жить, если не для себя, то для близких. Не горюй очень, моя милая и дорогая, нашей дорогой девочке лучше вдали от этой скверной жизни, а мы должны еще пока побывать здесь — в конце же концов все будем опять вместе. У нас пока все обстоит благополучно, хотя папа эту неделю что-то прихворнул. <...> Каждый день все же ходит в университет, но возвращается рано. Мама потолстела с приезда раза в два — до петроградской нормы. Работает с утра до вечера. Конечно, устает, но мне кажется, что работа отвлекает ее от тоски. Папа и мама страшно тоскуют по тебе и мучились твоим молчанием. Первое письмо твое пропало. В прошлом году папа всю зиму нервничал и волновался. Вообще был нездоров, и сердце шалило. Эту зиму он провел гораздо лучше, а вот теперь, видимо, устал и раскис. Хочу как-нибудь так извернуться, чтобы увезти всех на отдых, да очень уж гадательно, смогу ли. Митя поет хорошим тенором и с большим одушевлением. О себе ничего сверхъестественного сообщить не могу, кроме того, что на Новый год утром я чуть не была отправлена к праотцам с большой скоростью. Не знаю, писала ли тебе мама, что меня переехал автомобиль? На всякий случай скажу вкратце. На Новый год утром я пошла по делу, отправить телеграмму и т. д. Перешла улицу (довольно пустынную), довольно долго ждала трамвая и наконец, когда подошли два трамваев сразу, я не спеша сошла с тротуара и не успела сделать двух шагов, как услышала крик на верхней части трамваев. Я невольно подняла голову и в этот момент почувствовала удар прямо в бок, который, конечно, сбил меня с ног. Вероятно, я потеряла сознание, т. к. не помню, как я, собственно говоря, долетела до земли, но

---

⁴⁷ Домашний архив Голубиновых (Москва).

Мария Николаевна Кульчицкая,
дочь профессора Н.К. Кульчицкого.
Лондон, Великобритания. <1920-е гг.>
Домашний архив Голубиновых (Москва).

Публикуется впервые

ушиб кости, от которого рука посинела и распухла ужасно. С левой стороны вдавлено ребро, ушиблена грудь, все кости от корсета впились и покрыли меня сплошь синяками. Правый бок был всех цветов. Коленки были черные, и правая нога припухла и посинела. На левой руке глубокая ссадина и синяк на локте. Спала только после брома и хороша была, как смертный грех. Пульс в первый день — 120, последующие дни — от 100 до 85 довольно долгое время. Недели три не могла ходить — трудно было дышать. Меня снимали рентгеновскими лучами, и специалист, который смотрел снимок, спросил, «кто эта за барышня, у которой при таких отчаянных ушибах не треснула ни одна кость». Сейчас, к сожалению, у меня есть признаки травматического невроза, а главное, тромбирована вена на внутренней стороне правой руки, что мешает мне работать. Рука болит, кость, и покалывает. Болит еще потому, что поврежден нерв. Мои убий-

встала (вылезла, скорее) сама и перешла улицу — зачем не знаю. Там меня задержали и повезли в госпиталь. Вид у меня был отменный, шляпа набок, волосы висят, ни одной пуговицы на пальто и правой туфле (которую, между прочим, разорвало пополам), рукав вырван, и вся в грязи. Я ни за что не хотела остаться в госпитале, зная, что было бы с нашими — тем более что, как на грех, Эльси в это время уезжала домой, а Мити еще не было. Кое-как доплелась до Доры Малкер (она живет почти рядом с нами). Она меня почистила, причесала, дала какой-то гадости и проводила домой. Предварительно позвонили по телефону нашему доктору. В госпитале только перевязали руку (правую), на которой оказалась довольно глубокая рана выше локтя. Нога оказалась каким-то чудом цела, и вообще, это просто чудо, что меня не убило. Весь этот день я ходила и лежала на диване, а на другой день уже не могла встать и пролежала 10 дней. Шея распухла вдвое. Повреждения оказались довольно солидными: удар в затылок и шею (вероятно, меня тащило за голову), рана на руке и сильный

цы оспаривают свою вину, и поэтому дело находится в руках надлежащих. Что из этого выйдет, не знаю, но на-деюсь на лучшее. Вот тебе самое подробное описание моих злоключений. Папа целую неделю ходил в университет на час — боялись осложнений, но, оказывается, раздавить меня окончательно не так легко. Ощущение, в общем, было не из первых, но я совсем не испугалась, верней, я так боялась испугать папу с мамой, что собствен-ные повреждения мало меня тревожили. Кланяйся от меня Муре и Ек. Д. [неустановленные лица]. Я очень рада, что ты с ними видишься. Мурка, конечно, должна волноваться и хандрить, такой уж у нее темперамент. Я бы ужасно хотела узнать, где Таня Альт. Она жила на Каплуновском пер., 16. Другая Таня мне пишет довольно часто. Сейчас я даю уроки музыки мальчикам Рыковск^{их}. Митя целует всех, а Додону просил передать, что он ему пришлет марок, а я целую его крепко прямо в носульку. Целую дорогого Женю и тетю, а тебя, моя золотая и любимая, тысячу раз крепко, крепко. В моей личной жизни — все почти без перемен. Много хочется тебе рассказать трагикомичного, да не стоит писать — это нужно представить в лицах. Очень рада слышать, что Наташа толстеет, хоть кто-нибудь да благоденствует. Еще раз крепко целую всех за всех.

Григорий Михайлович Чудаков (Tchoudakoff),
зять Н.К. Кульчицкого, муж М.Н. Кульчицкой.

Лондон, Великобритания. <1920-е гг.>

Домашний архив Голубиновых (Москва).

Публикуется впервые

Твоя Муся

Митя и я поем в хоре. Пожалуйста, пиши как можно скорей. Будьте все здоровы и берегите себя.

Н.К. КУЛЬЧИЦКИЙ – ДОЧЕРИ,
К.Н. КУЛЬЧИЦКОЙ
(ЛОНДОН – СЕВАСТОПОЛЬ)⁴⁸

18 марта 1924 г.

Милочка Ксюшенька!

Письмо твое я получил уже с месяц тому назад и до сих пор не ответил тебе. Но извини меня. Я живу теперь особой жизнью. Работаю, конечно, много, но, главное, волнуюсь постоянно обо всех, и часто без толку. Приду домой,

---

⁴⁸ Домашний архив Голубиновых (Москва).

пообедаю и ничего не делаю. Не то устаю, не то просто тупею. Видно, сказываются годы. Ведь шутка сказать, мне почти семьдесят лет. Или это две жизни. Одна для заработка, которую поневоле надо терпеть, а другая жизнь вместе со всеми, кого любишь, а они в разных местах, далеко от меня и друг от друга. Не знаю где. Временами как будто и ничего, а временами ох как тяжело! Сейчас я пишу тебе в своей лаборатории. Здесь у меня хорошо, — уютно, тепло и никого нет. Никто не помешает. Можно думать о чем угодно и сколько угодно. Я так и делаю. Последнее время мне все-таки везет в моих работах здесь. Подходит очень серьезное время, когда медицинский совет может сохранить для меня плату на следующий год или ее прекратить, а это целая половина нашего бюджета. Конечно, к этому времени нужно подать более или менее интересный отчет или попросту написать интересную статью. Мне кажется, что я сумею это сделать, так как материал уже готов. Остается написать. Трудно это для меня теперь, но поднатужиться надо. Свои препараты я уже демонстрировал в обществе английских анатомов, и, кажется, с хорошим успехом. Но все-таки это меня волнует, и это всегда весной. Летом, когда все пройдет благополучно, я успокаиваюсь, зимой работаю, а весной вновь волнуюсь. Наши меня за это упрекают, но поделать со мной ничего не могут. Мама тебе, разумеется, писала, что Митя уже начинает зарабатывать кое-что. Даже порядочно. Он на первых ролях в балете, но финансы его плохи. Одежонка тоже никудышная. Кое-чего совсем нет, так что до благополучия еще далеко, но и то слава Богу! Он очень увлечен своей ролью и тратит силы без счету. Похудел очень и последнее время прихварывает, вероятно, от переутомления. Он занят часов 8 чисто физической работой, это большой труд, и это ежедневно. Раньше 12 ночи он возвращаться домой не может. Обедает, и вообще питается, на лету. Спит мало, так как репетиции начинаются ровно в 10 часов, а от нас до его театра добрых полчаса пути. Теперь и о другом. Мы очень жалеем, что тебе не удается получить вторую посылку. Ведь там, по совести, все ношеное, ничего буквально нового, и вдруг такая плата. Ужасно жаль, но делать нечего. Нельзя ли тебе еще где-нибудь занять. Как только что-нибудь мы заработаем, так и тебе поможем. Поэтому ты не очень опасайся долгов, лишь бы не на очень короткий срок. Мы все здоровы. Крепко целую тебя, Женю и Додю. Писем от Жени и Доди не получил. Вскоре постараюсь прислать Доде тетрадок и бумаги. Будьте здоровы, мои дорогие. Пусть Додя напишет еще раз, да и Женя тоже. Еще и еще целую тебя, моя милочка. Как кончу работу, напишу опять. Прошлогодняя работа моя напечатана в январской книжке *Journal of Anatomy*⁴⁹.

H. K.

Наталья (Таля) Голубинова — «главный двигатель» жизни семьи, прожив неполных 14 лет, умерла в Севастополе 5 июля 1921 г. от смешанной инфекции дифтерита и скарлатины. «...Все, что было созданного за жизнь, вдруг рухнуло в какую-то пропасть, и на обломках рухнувшего и краю пропасти, куда оно рухнуло, приходится строить новое здание из тех же обломков рухнувшего. Неприятно — жутко!»⁵⁰

---

⁴⁹ Kulchitsky N. Nerve endings in muscles // *Journal of Anatomy*. 1924. January. Vol. 58. Part 2. P. 152–169.

⁵⁰ Голубинов Е.П. Воспоминания // Домашний архив Голубиновых (Москва).

ДЖЕЙМС П. ХИЛЛ О Н.К. КУЛЬЧИЦКОМ

Профессор Эллиот Смит предложил ему должность в штате кафедры анатомии, и таким образом «Старый Профессор», как мы стали любя его называть, занял место среди нас, и несмотря на все ужасные переживания, перенесенные им, был счастлив возобновлению своей гистологической работы. Им было сохранено все его великолепное знание техники исследования, и его знания и помощь постоянно использовались не только сотрудниками нашей кафедры, но и работниками других институтов. Он выполнил наиболее ценные исследования иннервации произвольной мускулатуры, которые уже дали далеко идущий эффект, так как прямым результатом этой его работы стало то, что позже профессор Джон Ирвин Хантер в Сиднее (чья недавняя смерть тяжело переживалась большинством из нас) начал свои блестящие исследования по влиянию симпатической системы на тонус мышц и изобрел операционную процедуру для снятия спастической параплегии у человека⁵¹.

Профессор Эллиот Смит использовал присутствие профессора Кульчицкого в Лондоне и с редким предвидением решил обеспечивать его работой на отделении анатомии, что как раз совпало с передачей преподавания гистологии от физиологов на кафедру анатомии. Присутствие в штате столь опытного гистолога, как профессор Кульчицкий, доказало его неоценимую ценность в становлении нового отделения, поскольку он имел непревзойденное знание гистологической техники; его советы и помощи постоянно испрашивали не только члены нашего собственного штата, но также и многочисленные сотрудники других учреждений. Он выполнял активную роль и действительно вызывал всеобщее восхищение, касающееся и его фактической преподавательской деятельности на отделении, и особенно в подготовке материалов для демонстрации на занятиях в классе гистологии. Его собственные далеко идущие исследования касались иннервации поперечно-полосатой мускулатуры, предмета, который он впервые исследовал в 1881 г. В феврале 1921 г. профессор Боек из Уtrechta читал лекции в Лондоне по двойной иннервации поперечно-полосатой мышцы и высоко оценил работу Кульчицкого в Университетском колледже по подготовке демонстрационного материала. Это стало толчком для повторного пробуждения интереса к проблеме, и приблизительно шесть месяцев спустя профессор Кульчицкий принялся за работу, чтобы произвести ряд превосходных препаратов мышцы питона, исследование которого привело к его публикации статьи «Нервные окончания в мышцах» («Journal of Anatomy», январь 1924)⁵². В этой работе он продемонстрировал присутствие двух отличных типов нервных окончаний в мышцах змеи. <...>

Случилось, что покойный профессор Джон Ирвин Хантер присоединился к штату факультета в 1922 г., когда профессор Кульчицкий был уже в разгаре этой работы, и прямым результатом исследований последнего было то выдающееся открытие, которое Хантер получил после своего возвращения в Сидней в 1923 г. —

---

⁵¹ См.: J. P. H. The late Emeritus Professor Nicholas Kulchitsky, M.D. // University College Magazine. 1925. March. P. 219.

⁵² Kulchitsky N. Nerve endings in the muscles // Journal of Anatomy. 1924. Vol. 58. Part 2. P. 152–169.

исследование, проведенное в соавторстве с Ройлом. Профессор Кульчицкий присутствовал на встрече в Анатомическом обществе 28 ноября, когда Хантер сделал замечательный доклад о своих результатах, которые он и его коллеги к тому времени получили. И как и каждый из нас, и даже более остро, Кульчицкий был потрясен несвоевременной смертью его молодого друга, которая последовала с такой трагической внезапностью и так вскоре после этого доклада. В октябре 1924 г. Кульчицкий издал вторую статью в этом журнале об окончаниях нерва в мышце лягушки⁵³. Вечером накануне случившегося с ним несчастного случая он закончил третью статью об окончаниях в мускулах ящерицы и посвятил эту работу памяти Джона Ирвина Хантера. Во всей своей работе над нервными окончаниями он был необычно осторожен в том, чтобы не делать поспешные выводы, но его предосторожность по проблеме, столь чрезвычайно сложной, была не чем иным, как кардинальным достоинством его исследования. «Молодые люди, — как он имел обыкновение говорить, — могут позволить себе делать ошибки, они имеют время, чтобы исправить их, но это невозможно для меня». В выполнении исследований нервных окончаний ему помогали гранты Медицинского исследовательского совета, который полностью признал ценность его работы⁵⁴.

Профессор Боек (Dr. J. Boeke) — руководитель лаборатории эмбриологии и гистологии в Университете Уtrecht, Голландия. Научная работа Кульчицкого и его лондонская судьба переплелись с работой и судьбой выдающегося молодого австралийского физиолога профессора Джона Ирвина Хантера (John Irvine Hunter; 1898–1924), присоединившегося к штату лондонского факультета анатомии в 1922 г. и развивавшего идеи Кульчицкого в своих исследованиях. Несмотря на разницу в возрасте, между учеными завязалась личная дружба. Вернувшись в Сидней, Хантер получил вместе с Н. Ройлом (Royle) блестящие результаты изучения влияния симпатической нервной системы на тонус мышц (хирургическая операция Ройла — Хантера: перерезка межузловых ветвей в поясничном отделе симпатического ствола при резко выраженных спастических параличах). Хантер вновь прибыл в Лондон и 28 ноября 1924 г. сделал в Анатомическом обществе доклад о своих достижениях, где он отдал должное исследованиям Кульчицкого, основываясь на них и обильно цитировал⁵⁵. Внезапно после своей замечательной лекции Хантер заболел тифом и умер 10 декабря 1924 г., не дожив несколько недель до 25 лет⁵⁶. Кульчицкий тяжело воспринял смерть молодого коллеги и в ночь на 28 января 1925 г., закончив обдумывать новую статью о нервных окончаниях в мускулах ящерицы, сообщил дочери, что посвятит будущий текст памяти Д.И. Хантера⁵⁷.

⁵³ Kulchitsky N. Nerve endings in the muscles of the frog // Journal of Anatomy. 1924. Vol. 59. Part 1. P. 1–17.

⁵⁴ См.: J. P. H. The late Emeritus Professor Nicholas Kulchitsky // Journal of Anatomy. 1925. April. № 59 (Pt. 3). P. 336–339.

⁵⁵ Hunter J.I. Lectures on the sympathetic innervation of striated muscle // British Medical Journal. 1925. № 3344. P. 197–201.

⁵⁶ См.: Wilson J. T. John Irvine Hunter, M.D. // Journal of Anatomy. 1925. April. № 59 (Pt. 3). P. 340–344.

⁵⁷ См.: G. E. S. Emeritus Professor Nicholas Kulchitsky, M.D. // The British Medical Journal. 1925. № 3346. P. 340.

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА КУЛЬЧИЦКАЯ –
СЕСТРЕ, К.Н. КУЛЬЧИЦКОЙ
(ЛОНДОН – СЕВАСТОПОЛЬ)⁵⁸

30 января 1925 г.

Милая родная моя Ксаночка.

У нас большое горе — папочка наш тяжело болен. Вчера он пошел в college, у него свои ключи от парадного, лифта и своего кабинета. Он открыл парадное (швейцаров не полагается), затем лифт, который имеет предохранитель, нельзя открыть, если он не подан, на этот раз предохранитель разъединили и спустили лифт вниз, что-то починяли, а папа открыл и упал в лифт — поломана рука — повреждена голова — отнялся язык. Доктора почти не дают надежды. Стонет ужасно. Лицо разбито. Ободрись — мы стараемся. Целую крепко.

Муся

Сейчас получили письмо от 9-го. Какое отчаяние, что деньги не доходят. 2 января послали 3 черв~~онца~~, и до 9 янв~~аря~~ как нет! Боже, что же это. Завтра отправляем 4 черв~~онца~~ — последний подарок тебе от папочки. Ему очень плохо. Вчера папа проснулся в слезах. Видел тебя во сне — гулял с тобой. Это был день его рождения, 16 янв~~аря~~ — по старому стилю, 29 — по новому».

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КУЛЬЧИЦКИЙ
О СМЕРТИ ОТЦА⁵⁹

Особенностью отца была привычка никогда не делать письменных заметок. Он все держал в голове. Однажды, уже в Лондоне, когда моя сестра помогала ему с письменным английским языком, она поинтересовалась — почему на склянках с препаратами, стоящих на его полочке, нет ярлыков, отец ответил вопросом: «Когда ты кладешь в буфет апельсины, разве ты наклеиваешь на них этикетки?» Он и без них прекрасно знал содержимое каждого пузырька. Отец умер внезапно, и никто так и не узнал, что это были за препараты. Однажды он сказал моей сестре, что ему хочется поскорее закончить неотложные дела, так как к нему пришла замечательная идея совершенно нового препарата. Они закончили свои дела в пятницу, и он собирался уже в понедельник продолжить ей свою новую работу. В субботу утром он пошел в университет и, сядясь в лифт, упал и получил тяжелые травмы. Он упал с пятнадцатифутовой высоты и некоторое время спустя скончался. Отец ничего не успел поведать моей сестре о своей новой идее и не оставил никаких записей, унеся свой секрет с собой.

---

⁵⁸ Домашний архив Голубиновых (Москва).

⁵⁹ Memorias de Dimitri Rostoff.

ТЕЛЕГРАММА МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ И ЕВГЕНИИ ВАСИЛЬЕВНЫ
КУЛЬЧИЦКИХ СЕСТРЕ И ДОЧЕРИ, К.Н. КУЛЬЧИЦКОЙ⁶⁰

31 января 1925

Папочка умер вчера. Пишем. Мы здоровы. *Муся. Mama.*

ПЕРЕПИСКА АДМИНИСТРАЦИИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО КОЛЛЕДЖА
ПО ПОВОДУ СМЕРТИ ПРОФЕССОРА КУЛЬЧИЦКОГО⁶¹

Томас Грегори Фостер (Thomas Gregory Foster; 1866–1931) — ректор Университетского колледжа Лондона. Виконт Челмсфорд (1st Viscount Chelmsford — Frederic John Napier Thesiger) — вице-король Индии, первый лорд Адмиралтейства. Профессор Джеймс П. Хилл (James Peter Hill; 1873–1954) — эмбриолог, заведующий кафедрой эмбриологии и гистологии. Уолтер Сетон (Walter Warren Seton; 1882–1927) — секретарь Университетского колледжа. Дж. Дж. Визерс (John James Withers) — адвокат Колледжа. «Waygood Otis-Lift Co» — лифтовая компания.

Томас Грегори Фостер – виконту Челмсфорду

31 января 1925 г.

Досточтимый лорд Челмсфорд, с большим сожалением я должен сообщить Вам, что в результате несчастного случая со смертельным исходом погиб профессор Кульчицкий. Сотрудники компании «Otis» проводили свою ежемесячную проверку лифта на кафедре анатомии. Двери лифта на первом этаже остались открытыми, а кабины лифта там не было. Профессор, очевидно, полагая, что лифт на месте, шагнул в шахту и упал, пролетев два этажа, в подвал. Он умер прошлой ночью в больнице в 11.20. Дознание будет в понедельник. Поскольку Вы были за городом, я сообщил об этом вице-председателю и с его одобрения поручил адвокату Колледжа г-ну Визерсу быть готовым представлять Колледж на следствии.

Искренне Ваш, [подпись]

Томас Грегори Фостер – Е.В. Кульчицкой

31 января 1925 г.

Уважаемая госпожа, позвольте мне от имени Колледжа выразить Вам самые глубокие сожаление и скорбь по поводу страшного несчастья, постигше-

---

⁶⁰ Домашний архив Голубиновых (Москва).

⁶¹ Correspondence about the case of Nicolai Kulchitsky (who died in an accident in the Anatomy Department), 1925–1926 / University College London Legal Records. — Reference code(s): GB 0103 UCLCA/LEG.

го Вашего мужа в здании факультета анатомии в прошлый четверг, и фатальных последствий этого события. Едва ли мне нужно заверять Вас, что будет проведена самая тщательная проверка обстоятельств, которые привели к несчастному случаю. Ваш муж сделал так много для нас, что мы разделяем с Вами, в полном смысле этого слова, Ваше горе и утрату. Его смерть оставляет пробел в научном мире, который будет невозможно восполнить. Дайте мне знать, если я могу чем-то Вам помочь.

С уважением и глубокой симпатией, искренне Ваш, ректор

Томас Грегори Фостер – Джеймсу П. Хиллу

31 января 1925 г.

Мой дорогой Хилл, я чувствую, что я должен написать Вам и выразить очень глубокое сочувствие Вам и всем сотрудникам кафедры эмбриологии по поводу страшного несчастного случая и его фатальных последствий. Я написал мадам Кульчицкой от имени Колледжа. Дайте мне знать, что делается в отношении коронерского дознания. На основании полномочий заместителя председателя <комитета Колледжа> я только что поручил адвокату Колледжа мистеру Визерсу быть готовым выступать на следствии от имени Колледжа.

С уважением, Грегори Фостер, ректор

Мария Николаевна Кульчицкая – Джону Дж. Визерсу

17 февраля 1925 г.

Уважаемый мистер Визерс, сегодня утром я узнала от мистера Плантса, что комитет Университетского колледжа решил оплатить расходы на похороны моего отца и отменить необходимость возвращения кредита, полученного моей матерью. Я знаю, г-н Плант писал Вам об этих счетах, и я глубоко признательна Вам за доброту и оказание мне помощи. Я пишу эту записку, чтобы просить Вас принять мою самую глубокую и искреннюю благодарность за неоценимую помощь и сочувствие, за которые и мать, и я от всего сердца Вам признательны. Я также хочу воспользоваться этой возможностью, чтобы поздравить Вас с высоким назначением и пожелать Вам больших успехов в вашей ответственной и почетной работе.

С искренним уважением, Мария Кульчицкая

Джон Дж. Визерс – Уолтеру В. Сетону

2 марта 1925 г.

Уважаемый д-р Сетон, отвечаю на Ваше письмо. <...> Положение следующее: 1) Я видел мисс Кульчицкую и получил информацию о доходах ее отца, семье и т. д. 2) В субботу я прежде коронера получил копии документов.

3) Я виделся с адвокатами «Waygood Otis-Lift Co», которые предложили £50 в качестве разрешения вопроса <о компенсации>. Я сказал им, что это абсурд. 4) Я встречаюсь с адвокатами страховой компании и сразу же дам Вам знать о результатах. Правовое положение достаточно сложное. Ответчиком по отношению к семье профессора Кульчицкого является Университетский колледж, так как, когда владельцы здания приглашают людей в здание, они гарантируют безопасность здания, лифтов, полов, лестниц и т. д., и поэтому Университетский колледж ответственен в первую очередь. Колледж застрахован, и вся претензия передается Колледжем в страховую компанию, а та будет опротестовывать любые претензии, выдвинутые против Университетского колледжа семьей Кульчицкого. Колледж может возбудить какой-либо иск против «Waygood Otis-Lift Co», но страховая компания предпочитает и полагает, что это будет даже полезно, чтобы претензии семьи Кульчицкого были сделаны против Колледжа и рассмотрены страховщиками, которые уже после этого начнут заниматься «Waygood Otis-Lift Co». Поскольку этот вопрос является чрезвычайно сложным, я встречусь с адвокатом и надеюсь, это поможет Вам в принятии окончательного решения. Я думаю, что «Waygood Otis-Lift Co» совершенно позорно повторяют одно и то же снова и снова, особенно с учетом того, что сказал коронер. Я полагаю, Вы хотите, чтобы они перепроверили лифты. Если так, я попрошу их провести проверку, предъявив соответствующие меры безопасности, но я не буду делать это до тех пор, пока не получу распоряжения от Вас.

Искренне Ваш, Дж.Дж. Визерс

Уолтер В. Сетон – Джеймсу П. Хиллу (Лондон)

4 марта 1925 г.

Уважаемый профессор Хилл, могли бы Вы дать мне знать, если это возможно завтра утром, чтобы мы заранее знали, какова сумма, которую просит мадам Кульчицкая, чтобы оплатить ее расходы на похороны? Как Вы, наверное, знаете, комитет Колледжа согласился на это вчера вечером, и я уведомил мистера Визерса, что это ни в коей мере не ограничивает нас в вопросе борьбы за компенсацию. Это должно быть ясно, что это не что иное, как заем, а не аванс из расчета той любой компенсации, которая может быть получена. Я пробиваю вопрос о компенсации так энергично, как это только возможно.

С уважением, Уолтер В. Сетон, секретарь

Джеймс П. Хилл – Уолтеру В. Сетону

Я понимаю, что сумма составляет 29 фунтов. Т. е. это расходы, понесенные в Русской Православной Церкви.

Судя по документам, Университетский колледж передал Е.В. Кульчицкой на похоронные и другие расходы 36 фунтов и 6 марта выслал чек на сумму 29 фун-

тов. По письму Марии Кульчицкой можно заключить, что семья профессора была освобождена от необходимости возвращать эти суммы. Данными о какой-либо компенсации со стороны лифтовой компании автор не располагает.

ИЗ НЕКРОЛОГОВ ДЖЕЙМСА П. ХИЛЛА НА СМЕРТЬ Н.К. КУЛЬЧИЦКОГО

* * *

Трагическая смерть профессора Кульчицкого, произшедшая 30 января <1925> вследствие несчастного случая с лифтом в помещении кафедры анатомии, явилась тяжелой утратой для медицинского факультета Колледжа, и для кафедры анатомии в особенности. Проф. Кульчицкий занимал пост лектора гистологии и был хорошо известен всем студентам, посещавшим занятия по гистологии в последние годы, но, вероятно, только немногие представляли себе, кем был в действительности этот выдающийся человек. <...> Мы ощущаем отсутствие благотворного участия проф. Кульчицкого в лаборатории, и его трагическая смерть, завершившая трагедию его жизни, воспринимается каждым из нас как личная потеря, т. к. он был всеми горячо любимым старым человеком, не высокомерным, деликатным, внимательным к другим, смелым, очень хорошо образованным⁶².

* * *

<...>

Кроме того, что он был заслуженным профессором Харьковского университета, сенатором и тайным советником, он был членом-корреспондентом Императорской Академии наук. Избран почетным членом нашего Общества в 1923 г. Несмотря на высокую степень, которой достиг, он был одним из самых скромных людей. <...> Несмотря на ужасные события, через которые он прошел, был чудесным образом здоров и активен для его лет, и очень радовался работе в Университетском колледже Лондона. Те из нас, кто имел большую честь быть связанным с ним в течение прошлых нескольких лет, только теперь полностью понимают, какую любовь Старик (поскольку именно так мы нежно называли его) вызывал к себе у каждого из нас. Он обладал очень яркой и привлекательной индивидуальностью и был действительно истинным джентльменом. Его кончина глубоко переживается его вдовой, двумя сыновьями и двумя дочерьми, которым мы выражаем нашу искреннюю симпатию в той трагической потере, которую они испытали⁶³.

---

⁶² J. P. H. The late Emeritus Professor Nicholas Kulchitsky, M.D. // University College Magazine. 1925. March. P. 219.

⁶³ *Idem*. The late Emeritus Professor Nicholas Kulchitsky // Journal of Anatomy. 1925. April. № 59 (Pt. 3). P. 336–339.

ЕВГЕНИЯ ВАСИЛЬЕВНА КУЛЬЧИЦКАЯ –
ДОЧЕРИ, К.Н. КУЛЬЧИЦКОЙ (ЛОНДОН – СЕВАСТОПОЛЬ)⁶⁴

18 марта 1925 г.

Дорогая Ксюша, Я уже ответила тебе на твое письмо от 23 фев<раля>, но все же ты просишь написать о папе. Постараюсь описать тебе все подробно. 29 января, в четверг, папа встал, как и всегда, рассказал мне, что видел тебя во сне, разговаривал с тобой и проснулся в слезах... После чего он собрался уходить, стал одеваться, но пальто еще не надел, а в кашне и шляпе вошел в столовую и говорит: «Душенька, сегодня я приду поздно [нрзб] по поводу гистол<огических> работ». Я была чем-то занята и не взглянула на него как следует и не проводила, не предчувствуя, что он уходит навсегда... Скоро я ушла из дома за провизией, потом вернулась, начала что-то делать, прибирать кажется. Вдруг телефон, говорят, чтобы я немедленно ехала в госпиталь, Nikolas очень болен... Меня как кипятком обдало, я стала одеваться, позвонила M-me Whiley, чтобы она поехала со мной, т. к. я боялась ехать одна. В это время приехала Муся и говорит, что папа упал в лифт, очень расшибся, лежит в госпитале, затем начинает утешать меня, что папа не страдал... Я поняла, что он уже умер... С этой уверенностью я поехала. Приезжаем в госпиталь, я едва иду, так страшно увидеть папу мертвым... Но к удивлению моему, увидела, что папуня жив, лежит на кровати, но очень волнуется и настойчиво повторяет по-английски: «Я сам, я сам!» — и все пытается встать с постели, но сестры немедленно водворяют его ноги обратно. Я догадалась, что ему надо, и просила сестер дать ему встать, но мне ответили, что доктор не позволяет, может произойти кровоизлияние и конец... Я, конечно, перестала настаивать, но страшно жаль мне было его, бедного, так он с ними боролся, но сломанная рука ему мешала, и он покорился и затих. Муся спросила, узнает ли он меня, он ответил: «Конечно!» Я так была уверена, что увижу папу мертвым, что сначала мне и в голову не приходило, что он может поправиться. Думала, ну, еще не умер, но скоро должен умереть... Скоро пришел наш квартирант, приятель Моссера, мы его послали за священником. Папуня опять стал метаться и кричал: «Я сам, я сам!» Я спрашивала у него, что он хочет, чтобы сказал по-русски, но он, очевидно, уже не сознавал и все продолжал говорить по-английски. Положили его очень неудобно, подняли кровать у ног на подушки вышиной в $\frac{1}{2}$ арш<ина>, не знаю зачем. Скоро приехал священник, стал читать молитвы и исповедь; когда он закончил молитву перед причастием словами: «В жизнь вечную», папа повторил: «Да, в жизнь вечную...» Причастился и после этого перестал говорить, только временами сильно стонал и, когда перевязывали, кричал: «Ой, ой, ой!» Мы втроем сидели все время около него, Муся иногда ходила говорить по телефону, а я не отходила ни на минутку, только когда перевязывали, меня выпроваживали, но я все же не отходила от ширм. Кричал он ужасно, когда перевязывали сломанную руку. Поминутно приходили доктора, смотрели, слушали сердце, пульс, измеряли давление крови и говорили, что положение улучшается, пульс прекрасный, все время 60. Приехал наш русский доктор, который всегда навещал папу, посмотрел

---

⁶⁴ Домашний архив Голубиновых (Москва).

и говорит: «Ничего нет ужасающего. Может поправиться...» Я стала надеяться. Так прошла ночь. Наутро все то же. Никак не могу сказать, узнавал ли нас папуя. Если у него что-нибудь спрашивали, он как будто отвечал глазами, но, может быть, мне это только казалось. Утром опять были мучительная перевязка и крики ужасные... Затем опять то же состояние. Когда я трогала его за голову, она была покрыта холодным липким потом. Приходили несколько раз M-me Whiley, Elsie с сестрой, доктор. Так время прошло до вечера. Опять приходили доктора, слушали, смотрели... Вечером опять мучительное обмывание, перевязка и крик ужасающий до хрипоты. Когда мы пришли после перевязки, папуя лежал и тяжело хрюпал дышал, так и не отдохнул, бедняжка... Стал дышать тише, реже... в 12 ч. 20 м. вздохнул в последний раз... Пришел доктор, послушал сердце и ушел, прислал сестер обмывать. Квартирант наш Ад. [неустановленное лицо] привез одежду. Мы надели папе черн~~ый~~ сюртук, он был очень хороший, такой спокойный торжественный вид... До утра он лежал тут же на кровати, а мы сидели около него. Ад. дремал временами, а мы не спали, все смотрели на папуя... В 5 ч., когда в палате стали просыпаться, принесли носилки и унесли папу в часовню. Часовня очень чистая, уютная, белый мраморный стол, покрышка чистая полотняная с нашитым крестом. Там мы оставили папуя и ушли домой. <...> На днях я получила от Анатомич~~еского~~ общ~~ества~~ Великобр~~итании~~ и Ирландии письмо след~~ующего~~ содержания: «Dear M-me K<ульчицкая! По по- ручению членов Общ~~ества~~ Великобр~~итании~~ и Ир~~ландии~~ имею выразить Вам горячее сердечное сочувствие в Вашей непоправимой утрате. Профес~~с~~ор K<ульчицкий> сделался дорогим каждому из членов, кто имел честь встречать его, и они долго будут скорбеть об утрате любимого друга. Героическая стойкость пр. K<ульчицкого> в тяжелых испытаниях, его громадный научный опыт и рвение в научн~~ых~~ исследованиях, его в высшей степени привлекательные личные качества, его [иrzб] отношение к другим никогда не будут забыты и всегда будут источником гордости для Общества, которое считает его своим членом. Секретарь Общ~~ества~~». Крепко целую всех Вас. Муся также целует всех. Митя сейчас опять в Милане.

M~~ама~~

Недавно послала тебе чулки. Сейчас получила твоё письмо от 9 марта. Получила ли ты Мусину записочку?

КСЕНИЯ НИКОЛАЕВНА ГОЛУБИНОВА –
МАТЕРИ, Е.В. КУЛЬЧИЦКОЙ (СЕВАСТОПОЛЬ – ЛОНДОН)⁶⁵

9 марта 1925 г.

Милая моя, дорогая Мамочка! Последнее письмо от тебя было от 19/II <1925>, и с тех пор жду напрасно каждый день. Быть может, письма не доходят. Ты не пиши заказными. Сейчас все наши разошлись — дома я, да Додик сидит за уроками. Я не переношу теперь минут одиночества и так же, как ты, могу непрерывно

---

⁶⁵ Kul'chitskii Family Collection // Leeds Russian Archive. Leeds University Library. GB MS 1365/215.

*Ксения Николаевна Голубинова
(старшая дочь Н.К. Кульчицкого) с сыном
Владимиром Евгеньевичем Голубиновым,
отцом автора статьи.*

*Севастополь. <Около 1920>
Домашний архив Голубиновых (Москва).
Публикуется впервые*

плакать. Так я живу уже четыре года — с вечной, ужасной тоской. Вот почему я так ясно представляю себе твоё теперешнее состояние. Попробуй пить бром. Он меня очень успокаивал. Утешать тебя не могу и говорить, что время излечит, тоже не поворачивается язык. Ничто не в состоянии не только излечить, но даже хоть на йоту ослабить эту боль души. Надо найти силы и возможность жить. С такой раной, а эта сила только в сознании быть необходимой оставшимся для тебя близким. Всякое горе эгоистично. Тем, кто ушел от нас, не нужны уже наши слезы — наоборот, по учению теософов, они причиняют им даже страдания. Плачем же мы скорее о себе, т. к. с их уходом теряем радость жизни. Верю же, что с переходом в ту жизнь они избавились от вечных земных страданий и забот, подчас и невыносимых, мы должны смирять свою скорбь и во имя дорогих ушедших терпеливо нести свой крест до конца. При твоей религиозности, мамочка, ты должна быть особенно тверда духом. Не мучься тем, что папуля выжил бы при другом уходе. Это кажется всем, кто теряет близких. Мне тоже все думается, что я неправильно поступила, когда заболела Талися, что

надо было ее сразу привезти в город. Мар~~ия~~ Гр~~игорьевна~~ страдает — зачем она Игоря отвезла в больницу — дома он бы не умер. И так каждый себя в чем-то упрекает. Нет, здесь воля Всеизвестного. Каждому предназначен свой час. Об этом, мамуня, никогда не думай, а представь себе, что было бы, если бы папочка, всегда энергичный, деятельный человек, пришел бы в себя после такой болезни совсем другим — слабым, безвольным, а быть может, и не совсем нормальным человеком. Что бы это было за страдание. Помни, как он всегда говорил, что человек не должен переживать свою славу, и он закончил свою славную и трудовую жизнь, быть может, в тот именно момент, с которого сила его должна была бы, в силу его преклонных лет, идти уже на убыль. Господь знает, что творит, и будем верить, что такая мученическая кончина послана ему как награда за его чистую, честную и благородную жизнь истинного христианина. Как было бы хорошо, если бы мы могли поговорить с тобой по-настоящему. Так хочется этого, но увы... Это невыполнимо. Крепись же, голубка, как можешь... Наша жизнь течет по-прежнему. Вчера решилась на новый заём, так как вещи не продаются, а за неуплату могли нам перерезать воду, электричество и описать имущество. Сегодня заткнула дыры где могла, и дышать стало немного легче. Зато % возросли до 50 к. в день.

Все никак не соберусь написать Мусявочке — как-то она жива. От Шуры все нет ответа, хотя туда ведь письмо идет не меньше 2 недель, да он не сразу напишет. Буду ждать терпеливее. Все мы вас крепко целуем. Мар^{ия} Гр^{игорьевна} кланяется. Будь здоровья.

Почти одновременно с Натальей Голубиновой заразился и умер мальчик Игорь Карпов (1911–1921), сын друзей семьи Голубиновых — корабельного инженера Виктора Евгеньевича Карпова (1877–1920) и Марии Григорьевны Раевской (1883–1943), младший брат бабушки автора по материнской линии, Ольги Викторовны Милорадович (1907–1996).

ДИМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КУЛЬЧИЦКИЙ О МАТЕРИ, Е.В. КУЛЬЧИЦКОЙ⁶⁶

Я вспоминаю мать уже в достаточно пожилом возрасте с все усиливающимися приступами астмы. Жизненные силы постепенно слабели и медленно оставляли ее. Слово «мудрость» лучше всего характеризует ее. Она занималась хозяйством, растила детей, и все это множество дел она вела столь разумно, что никогда не встречала несогласия. Мы никогда не противоречили ей и не вступали в споры совсем не потому, что сами были слишком примерными: у моего брата был весьма беспокойный и капризный характер, а сестра обладала исключительно живым темпераментом.

Вдова профессора Кульчицкого Евгения Васильевна пережила мужа на семь лет, умерла 29 сентября 1932 г.⁶⁷

ДИМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КУЛЬЧИЦКИЙ — СЕСТРЕ, К.Н. ГОЛУБИНОВОЙ (ТРИЕСТ — СЕВАСТОПОЛЬ)⁶⁸

24 июня 1926 г.

Милая, дорогая Ксюша!

Целую вечность не писал тебе, а собираюсь писать чуть не каждый день. Но так много нужно было бы сказать такого, чего не выразишь на бумаге, что пока решил послать просто привет и поцелуй. В двух словах скажу, что твое присутствие здесь и возможность поговорить с тобой были бы для меня высочайшим счастьем, ибо помимо глубочайшей братской любви я питают к тебе исключительное уважение и считаю, что в данный момент ты должна была

---

⁶⁶ Memorias de Dimitri Rostoff.

⁶⁷ См.: Возрождение (Париж). 1932. 2 окт. № 2679; Новое русское слово. Нью-Йорк, 1932. 17 окт. № 7204.

⁶⁸ Домашний архив Голубиновых (Москва).

бы быть заместителем папы у нас в семье (мама ведь «выведена из строя»). Но, видно, в жизни больше всего нужно иметь терпение, а потому будем терпеть... Мама чувствует себя насколько возможно хорошо. Муся тоже. Скучаю без папы ужасно, но опять-таки ничего не поделаешь. Мои дела идут в артистическом смысле прекрасно, в материальном хорошо и еще с надеждой на улучшение. Получил ли Додька швейцарские марки (50 шт.), которые я ему послал? Пиши на Мусин адрес, ибо я слишком часто меняю свой. На днях, возможно, еду в Вену (куда только не занесет судьба), все с танцами и на чудные условия.

Целую без конца тебя и всех.

Твой Митяй

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КУЛЬЧИЦКИЙ О СЕСТРЕ, К.Н. ГОЛУБИНОВОЙ⁶⁹

Моя сестра была для меня словно второй матерью, что добавляло теплых красок в моей жизни в семье. Она была доброй, нежной, но сильной духом и мужественно встречала жизненные невзгоды. Она всегда старалась сохранять душевную стойкость, особенно в те годы, когда писала нам письма из «Советского Рая». Однажды она написала, что очень счастлива, так как обзавелась новой дивной шляпкой, которую ее друг сделал из старого зонтика. Она стоит в ряду русских женщин, о которых писали Пушкин, Достоевский, Толстой и Тургенев и которым мы обязаны за все славное и героическое в истории России.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА КСЕНИИ НИКОЛАЕВНЫ ГОЛУБИНОВОЙ (ОГПУ КРЫМСКОЙ АССР)⁷⁰

19 ноября 1930 г.

Показания по существу. Отец мой профессор Харьковского университета. Я родилась и окончила свое образование тоже в Харькове. В 1906 г. я вышла замуж за бывшего студента Военно-морской академии Голубинова Евгения Петровича, который по окончании был назначен врачом в Кронштадт, где мы пробыли всего лишь два месяца, а весной того же 1906 г. переехали в Севастополь, где муж получил место врача во флоте. С тех пор я живу в Севастополе безвыездно. Никогда я нигде не служила, жила на средства мужа. В моей семье Кульчицких был еще брат Кульчицкий Александр Николаевич и сестра Мария Николаевна. Первый сейчас находится при мне, служит корреспондентом в ВЭО, а Мария Николаевна находится в Лондоне с 1916 г. вместе

---

⁶⁹ Memorias de Dimitri Rostoff.

⁷⁰ Архив СНБ Украины. Главное управление в Крыму. Симферополь. Следственное дело в 6 т. Архивный № 010528. Т. 3. Л. 96–97.

с матерью. Брат Александр по окончании гимназии поступил в Московский университет, но до революции не успел его окончить, долгое время служил в разных учреждениях. Последние 10 лет он жил в Иркутске, где был с 1920 г. На военной службе не служил, т. к. с детских лет страдал прободением барабанной перепонки. С сентября месяца текущего года он проживает у нас. С матерью и сестрой Марией имею редкую переписку, т. к. мать разбита параличом, а сестра занята по службе, а где служит, не знаю. Мария незамужняя. Из мужиной родни есть на свете брат его Сергей Петрович Голубинов и <сестра> Нина Петровна Голубинова. Первый с 1903 г. находится за границей как дипломат, был он в Урмии драгоманом, в Бразилии консулом, а последнее, что мы знаем о нем, что он находится в Германии. Чем занимается в настоящее время, не знаю, т. к. уже много лет никакой связи с ним не имеем. Нина Петровна Голубинова служит врачом в Ленинграде, где живет безвыездно со дня рождения. Другого кого-либо за границей, с кем мы имели бы связь, у нас нет. С семейством <N> мы знакомы давно по совместной службе моего мужа с доктором <N>, но за последнее время мы не поддерживали с ними тесного общения. <...> Последний раз я видела доктора <N> на улице Фрунзе 1 ноября месяца прошлого года, когда была опечалена неприятностями, — нам предстояло переселиться из собственного дома, который муниципализировали, и из которого нам предстояло выехать. В этой плоскости у нас тогда и разговор был. <...> Разговоры касались всегда чисто бытовых и обывательских сторон. На политические темы, о загранице мы никогда разговоров не вели. Я совершенно не знаю, какие проекты и наметки на будущее имели <N>. Последнее письмо из заграницы (из Лондона) я получила приблизительно месяца 1½ тому назад от сестры, которая пишет, что она собирается замуж. Кроме как от своих родственников из Лондона, я ни от кого из-за границы писем никогда не получаю. Брат даже и с ними не переписывается. О <N> я совершенно ничего не знаю. В прошлом я знала их как хороших, отзывчивых людей. Больше ничего по сему делу показать не имею, показания мною прочитаны и записаны правильно с моих слов.

Ксения Николаевна Голубинова [Подпись]

Ксения Николаевна старается не говорить лишнего, ни о ком из сослуживцев мужа не говорит плохо. Поводом для ареста 19 ноября 1930 г. и приговора Евгения Петровича и Ксении Николаевны Голубиновых послужили показания коллеги-врача: «Характеристика некоторых врачей, бывших моих сослуживцев по флоту: <...> Голубинов Е.П., бывший морской врач, знакомство с ним — с 1910 г. Отец, мать, сестра и брат жены эвакуировались после “врангелевщины” в Лондон, где отец (Кульчицкий) устроился в университет как преподаватель (по специальности — видный профессор-гистолог) и несколько лет тому назад погиб вследствие катастрофы с лифтом. Сам Кульчицкий — профессор Харьковского университета, затем попечитель <учебного> округа и впоследствии министр народного просвещения — человек резко правых убеждений (передавали, что у него был контакт с Распутиным), семья Голубиновых, как и Костровых, очень религиозные люди, соблюдают обряды и принимают участие в церковных делах. Первое

время при советской власти удалось им жить в своем доме, затем пришлось выехать по постановлению ЖАКТа, как бывшим домовладельцам. По своим политическим взглядам до революции они были близки к монархистам, после революции началась, по-видимому, “приспособляемость” к новому режиму. <...> Возвращаясь к политическому “кредо” доктора Голубинова, могу сказать, что он человек немного замкнутый, к Советской власти не мог относиться лояльно уже потому, что находился под влиянием такого реакционера (тестя) Кульчицкого <...> Отец жены <...> — человек ультраправых убеждений (трагически погиб в Лондоне). Остальные члены семьи проживают там же и имеют переписку с семьей Голубиновых. Насколько мне известно, брат Голубиновой гастролирует по Западной Европе в качестве балетного артиста. В последнее время Голубиновы живут замкнуто после того, как их выселили (как домовладельцев) из бывшего своего дома. Голубиновы, как и Костровы, люди очень религиозные и принимали активное участие (не знаю, как теперь) в делах церкви»⁷¹.

Коллегия ОГПУ от 15 июня 1931 г. по делу № 111458 по обвинению граждан по 58/11 и 4 статьям УК вынесла приговор в отношении 39 человек, севастопольских врачей и их жен. В том числе постановила: Евгения Петровича Голубинова «заключить в концлагерь сроком на 10 лет», Ксению Николаевну — «выслать через ПП ОГПУ в Казахстан сроком на 2 года»⁷². Голубиновы своей вины не признали. Е.П. Голубинов отбывал наказание в подразделениях Дальлага, сначала в поселке Обор, а затем — Бира Хабаровского края. Ксения Николаевна, отбывшая в ссылке в Казахстане два года с лишним, прибыла в Хабаровский край и в 1936 г. устроилась на работу вольнонаемным счетоводом-кассиром в месте заключения мужа. В сентябре 1937 г. покинула поселок, уехав в Саратов на встречу с сыном. Три недели спустя, 8 октября 1937 г., Евгений Петрович умер от туберкулеза и астмы. Ксения Николаевна умерла и похоронена в Саратове в 1946 г. Е.П. и К.Н. Голубиновы реабилитированы посмертно в 1958 г.⁷³ Их сын Владимир стал архитектором-конструктором, заведовал кафедрой архитектуры Саратовского политехнического института. Сестра Евгения Петровича, Нина Петровна Голубинова (2 сентября 1877, Вильна — март 1942, Ленинград), воспитанница Императорского Воспитательного общества (Смольного института) благородных девиц (62-й выпуск), преподавательница Ксенинского женского института, выпускница Женского медицинского института (1904), практикующий врач в Александро-Мариинской больнице Санкт-Петербурга, а в советское время — школьный врач, умерла в блокаду Ленинграда.

Младшие дети Н.К. Кульчицкого такой судьбы избежали. Александр, начинавший учиться на математическом факультете Московского университета, про-

---

⁷¹ Архив СНБ Украины. Главное управление в Крыму. Симферополь. Следственное дело в 6 т. Архивный № 010528. Т. 3. Л. 264–266, 272.

⁷² Там же. Т. 4. Л. 427–430.

⁷³ См.: Там же. Т. 6. Справка по следственному делу. Архивный № 555133. Военная коллегия Верховного суда СССР. Протест в порядке надзора по делу Рукавишникова Д.Н. и других (всего 39 человек). Приложение № 06684 от 12 августа 1958 г. Определение Верховного суда СССР № 4н-2885/58 от 14 августа 1958 г.

должил обучение на юридическом — в Петроградском университете, но завершить образование смог только в Иркутске после окончания Гражданской войны. Экономист. Умер в Москве. Мария вышла замуж за бывшего капитана Русской армии Григория Михайловича Чудакова (Tchoudakoff), сына сотрудника Русского правительственного комитета в Лондоне. Димитрий стал артистом русского балета в эмиграции. Под псевдонимом Dimitry Rostoff, или Dimitri Rostov он был танцором «Original Ballet Russe», балетмейстером, педагогом, гастролировал в Европе, Америке, Южной Африке, Австралии, на Дальнем Востоке. С начала 1940-х гг. обосновался в Перу. Руководил Академией танца в рамках Ассоциации актеров — любителей танца, музыки и драмы Перу. В 1961 г. возглавил балетную школу и труппу в Муниципальном театре Лимы. Выйдя на пенсию, вернулся в Лондон, в дом сестры Марии и ее мужа Г.М. Чудакова, пережил обоих и умер в 1985 г.⁷⁴

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Начав с некролога, им же закончу. Публикуемые далее тексты знаменательны по-разному. Первый напечатан по горячим следам, но так далеко от места гибели Кульчицкого — в газетах Австралии и Новой Зеландии. Спустя пару лет одна из этих же газет сообщает о новых перспективах в исследовании структурных и биохимических причин психических заболеваний — результатах, основывающихся в том числе на работах Кульчицкого⁷⁵. Многие из лондонских коллег Кульчицкого были связаны с Австралией, и, видимо, там хорошо знали.

Великий анатом / Царский министр / Кончина профессора Кульчицкого⁷⁶

Профессор Кульчицкий, который погиб в результате несчастного случая, случившегося на его шестьдесят девятый день рождения в одном из лифтов Лондонского университета, прожил замечательную жизнь. Он был министром образования в царском правительстве, и его симпатия к бедным, несомненно, спасла его от расстрела из рук революционеров. <...> Он был выдающимся анатомом, оказал великолепные услуги Лондонскому университету и сделал открытия, которые стали большим благом для искалеченных британских солдат.

И последний текст — юбилейная заметка дочери Н.К. Кульчицкого — Марии. Кто рассказал бы о нем лучше, тем более 30 лет спустя, чем дочь, помогавшая отцу переводить его статьи на английский.

---

⁷⁴ См.: Голубинов В. Хорош, красив и демоничен // Балет. 2011. № 6 (171). С. 44–45.

⁷⁵ См.: Mental Diseases // Evening Post. 8 Febr. 1927. Vol. CXIII. № 32. P. 5.

⁷⁶ A Great Anatomyst // The Sydney Morning Herald. 1925. 3 Febr. P. 9; A Tsarist Minister // Evening Post. 1925. 3 Febr. № 28. Vol. CIX. P. 5; Late Professor Kulchitsky // Northern Advocate. 1925. 3 Febr. P. 5.

Николай Константинович Кульчицкий. Лондон, Великобритания. <Между 1921 и 1925>. Домашний архив Голубиновых (Москва). Публикуется впервые

*Мария Николаевна Чудакова (Кульчицкая) –
редактору газеты «Таймс» (Лондон)⁷⁷*

16 января 1956 г.

Уважаемый сэр, могу ли я довести до Вашего сведения, что на 30-е число этого месяца приходится столетие со дня рождения моего отца, профессора Николая Кульчицкого, который трагически погиб в Университетском колледже Лондона 30 января 1925 года и чьи научные и административные достижения описаны в прилагаемом документе. Я перечислила наиболее важные подробности и буду чрезвычайно признательна, если Вы уделите внимание этому сообщению. Я рискнула, как смогла, подготовить текст и посылаю его копию на Ваше рассмотрение. Пожалуйста, дайте мне знать, можно ли считать возможным почтить память моего отца публикацией в The Times, за что я, как дочь, считала бы себя в долгу перед Вами.

С уважением, урожденная Кульчицкая

---

⁷⁷ Kul'chitskii Family Collection // Leeds Russian Archive. Leeds University Library. GB MS 1365/133.

30 января 1956 г.

Николай Кульчицкий

Сто лет назад в этот день в Кронштадте родился выдающийся гистолог Николай Кульчицкий, и тридцать один год назад он умер в Лондоне в возрасте 69 лет в результате несчастного случая, случившегося в этот же день в шахте лифта Университетского колледжа. Кульчицкий поступил в университет Харькова в 1874 году, окончил его с отличием в 1879 году, присоединился к преподавательскому составу, и в 1893 году был назначен на должность профессора гистологии в том же университете. Он был активным исследователем и опубликовал многочисленные статьи по всем направлениям гистологии и техники гистологического исследования. Среди его достижений можно отметить открытие своеобразных клеток кишечного эпителия, которые носят теперь его имя и известны также как аргентофильные или энteroхромаффинные клетки. Глубокие знания по гистологии нашли отражение в его книгах по гистологии и микроскопическому исследованию, которые стали учебниками по этим предметам на русском языке и были изданы пять раз с 1902 по 1912 год. Кульчицкий прекрасно знал химию, и им было изобретено много новых методов в технике исследования, таких как фиксирующая смесь и окрашивание миelinовых нервных волокон, — метод, который сделал его имя известным неврологам всего мира. После выхода на пенсию в 1912-м он оставил кафедру в университете и принял должность попечителя Казанского учебного округа, а в 1914-м возглавил Санкт-Петербургский учебный округ. Его заслуги были признаны царем, и в 1915 году Кульчицкий удостоился высокой чести получить звание сенатора, а на следующий год быть назначенным на должность императорского министра просвещения. После революции, потеряв все свое имущество и пережив период бедности и лишений, он эвакуировался на корабле в Бизерту и в конце концов достиг Англии в 1921 году. По приглашению сэра Графтона Эллиота Сmita Кульчицкий вошел в состав Университетского колледжа в Лондоне, где его присутствие сыграло неоценимую роль в создании нового факультета в то время, когда преподавание анатомии было накануне того, чтобы перейти от физиологов. В 1921 году Кульчицкий подготовил серию превосходных гистологических препаратов мышц питона, изучение им которых привело к публикации статьи о «нервных окончаниях в мышцах». Он опубликовал вторую статью «Нервные окончания в мышцах лягушки» в 1925 году, а накануне несчастного случая завершил третью — о нервных окончаниях в мышцах ящерицы. Помимо того что был почетным профессором гистологии и сенатором, Кульчицкий являлся членом-корреспондентом Императорской Академии наук, командором ордена Почетного легиона и почетным членом Анатомического общества Великобритании и Ирландии, куда был избран в 1923 году.

Н.К. Кульчицкий, его жена Евгения Васильевна, дочь Мария и ее муж Г.М. Чудаков похоронены на кладбище в Beckenham Cemetery, Plot P8, Reference 13478). Прах сына Димитрия развеян.

По запросу Ричарда Дэвиса (Richard Davies), директора Русского архива в Лидсе (Leeds Russian Archive), где хранится архив семьи Кульчицких, и стараниями сотрудника кладбища, за что я обоих благодарю, могила Кульчицких расчищена от зарослей и доступна для посещений. Усилиями Юлии и Келда Смедегаард (Julia & Keld Smedegaard), исследователей захоронений русской эмиграции, могила сфотографирована и размещена в виртуальном некрополе русского зарубежья на сайтах «Некрополь российского научного зарубежья»⁷⁸ и «Find A Grave» (№ 33616183)⁷⁹. Помимо названных лиц благодарю всех, помогавших мне в поиске материалов о Кульчицких, это: Irina Baronova (Byron Bay, Australia), Adiba Jadeer, Emma Sekuless (Canberra, Australia), Tatiana Leskova (Rio de Janeiro, Brazil), Richard D. Davies (Leeds, UK), Kathrine Sorley Walker, Carol Bowen, Ian McBride, Natasha Dissanayake, Natalia Veshneva (London, UK), Funny Dreyffus, Diana Kane, Lucy Telge de Linder, Stella Puga, Alejandro Yori (Lima, Peru), Ignat Drozdov, Irvin M. Modlin, Mark Kidd (New Haven, USA), Madeleine M. Nichols, Serge Rogosin (New York, USA), Tatiana Gladkova, Alexandre Plotto (Paris, France), А.А. Голубинова, А.А. Васильев, И.В. Груздева, С.В. Дроков, Н.Ю. Масоликова, Н.А. Родионова, О.А. Ростова, М.Ю. Сорокина, Е.Я. Суриц (Москва), Н.Е. Петрова (СПб.), К.К. Васильев (Одесса), В.В. Крестьянников, А.А. Зубарев (Севастополь), К.Б. Голубинова, С.В. Игонин (Саратов) и др.

---

⁷⁸ Кульчицкий (Kulchitsky) Николай Константинович. 1856–1925 // Некрополь российского научного зарубежья. URL: http://www.russiangrave.ru/21&prs_id=26 (дата обращения 14 декабря 2013 г.).

⁷⁹ Nicholas Konstantinovich Kulchitsky // Find A Grave. URL: <http://www.findagrave.com/cgi-bin/fg.cgi?page=gr&GSln=kulchitsky&GSmid=46812479&GRid=33616183&> (дата обращения 14 декабря 2013 г.).

Е.Н. Андреева

ОБЩЕСТВО ЗАЩИТЫ НАУКИ И ЗНАНИЙ
В ВЕЛИКОБРИТАНИИ
И ПОМОЩЬ РУССКИМ УЧЕНЫМ-ЭМИГРАНТАМ

Некоторые историки и исследователи считают, что XX век можно назвать «веком беженцев». Это справедливо в том отношении, что он видел не только многочисленные волны изгнанников, но и начало создания различных институтов, занимающихся проблемами людей, по целому ряду причин покинувших свою страну и не имевших возможности туда вернуться. В основе формирования этих институтов лежали не только гуманитарные соображения, но и юридическое понимание положения и статуса беженцев, а также политические и экономические вопросы¹.

Совет академической помощи (Academic Assistance Council, САП) возник в Великобритании в 1933 г. для содействия ученым-беженцам, которые пострадали после прихода к власти в Германии А. Гитлера. Один из основателей САП, британский общественный деятель и ученый сэр Уильям Беверидж (Beveridge, 1879–1963)², был настолько поражен ситуацией в Европе и разрушением научной жизни, что вместе со своими единомышленниками сразу решил помочь ученым, которые нуждались в защите и содействии. Поначалу сэр Беверидж полагал, что сложившееся положение не может продолжаться долго. Когда через три года, в 1936 г., стало ясно, что проблема беженцев не исчезает, САП был трансформирован в Общество защиты науки и знаний (The Society for the Protection of Science

---

¹ См.: In Defence of Learning. The Plight, Persecutions and Placement of Academic Refugees 1933–1980s / ed. S. Marks, P. Weindling and L. Wintour. Oxford, 2011 (Proceedings of the British Academy, 169). Этот том — плод конференции в честь 75-летия существования Совета для оказания помощи ученым-беженцам (The Council for Assisting Refugee Academics, CARA); он не только освещает разные стороны его истории в Великобритании, но также обращается к сравнительному изучению проблем помощи ученым-беженцам в мировом масштабе. Я очень благодарна CARA за разрешение опубликовать некоторые документы из их архива.

² См.: Harris J. William Beveridge: A Biography. Oxford, 1977 (хотя в этой биографии не обсуждается помочь беженцам). В Англии лорд У. Беверидж особенно известен тем, что был председателем комитета по пересмотру всей системы общественной поддержки нуждающимся. Комитет выработал так называемый План Бевериджа, на основе которого после Второй мировой войны в Великобритании была введена бесплатная медицинская помощь, а общественная помощь коренным образом реорганизована. Между 1919 и 1937 гг. У. Беверидж был ректором Лондонской школы экономики и политических наук (London School of Economics and Political Science, LSE) и многое сделал, чтобы она стала одним из ведущих учреждений общественных наук Великобритании.

and Learning, ОЗНЗ)³. Переименование было знаком понимания того, что положение специалистов не улучшается и дело должно продолжаться. Хотя большинство ученых, которым эта организация могла помочь, были немецкой и австрийской национальностей, а также очень часто еврейского происхождения, помочь не ограничивалась этими категориями, и всякий, у кого были академические трудности и кто лишился работы из-за новых указов нацистского режима, мог обратиться в Общество. Среди этих ученых оказались несколько русских ученых, в основном русских эмигрантов, у которых после прихода нацистского режима к власти появились трудности из-за их русского происхождения.

Чтобы понять, как Совет / Общество могли работать и каковы были ограничения их деятельности, надо иметь в виду отношение британского общества к беженцам и иммигрантам, а также особенности британской политики по отношению к ним и к тому, что происходило в Европе в 1930–40-х гг. Одновременно развитие САП показывает, как энергия и энтузиазм всего нескольких человек могли продвигать весьма важное дело. С другой стороны, переписка, сохранившаяся в архивах, еще раз демонстрирует, как часто благополучие людей, попавших в воздворот политических событий в Европе в 1930-х гг., висело на волоске и как им требовалась выносливость, предприимчивость и удача, чтобы спастись в труднейших условиях.

Лорд Беверидж подробно рассказал об этом в своей книге, но, как указывают другие исследователи, его рассказы не лишены ошибок и неточностей⁴. Несмотря на это, атмосфера того времени довольно точно передается в работе лорда Бевериджа. По его словам, однажды он сидел в венском кафе с австрийским философом и экономистом Людвигом Мисесом (Mises, 1881–1973) и преподававшим в Школе экономики и политических наук при Лондонском университете профессором Лионелом Роббинсом (Robbins, 1898–1984). В тот день вечерние газеты опубликовали список ведущих профессоров немецких университетов, которых новый нацистский режим уволил по политическим причинам или из расовых соображений. Пока Мисес читал список, Л. Роббингс и сэр Беверидж решили, что они организуют поддержку таких ученых в Лондонской школе экономики. Вер-

³ См.: Beveridge W. A Defence of Free Learning. L., 1959. P. 1. В этой работе лорд Беверидж описывает историю этого начинания. Часть архивов Общества (ныне существует под названием The Council for Assisting Refugee Academics, CARA) находится в Бодлеанской библиотеке в Оксфорде (Bodleian Library, Oxford). Архив новейшего периода — в Университете Восточного Лондона (Refugee Archive, University of East London).

⁴ См.: In Defence of Learning. P. 30. Так, например, некоторые историки считают, что идея создания общества возникла не в марте 1933 г., как об этом рассказывает сэр Беверидж, а в апреле, и это лучше совпадает с историей его встречи с физиком Лео Сцилардом (Szilard, 1898–1964), см.: Lanouette W. A Narrow Margin of Hope: Leo Szilard in the Founding Days of CARA // In Defence of Learning. P. 49; Refugee scholars: Conversations with Tess Simpson / ed. R.M. Cooper. Leeds, 1992. P. 241. Сцилард сделал очень много для основания САП, но лорд У. Беверидж никогда не описывал его роль в этом начинании, см.: Lanouette W. A Narrow Margin of Hope: Leo Szilard in the Founding Days of CARA. P. 55–57. Как писала Эстер Симпсон, со временем ставшая одной из самых важных фигур в Обществе, по-видимому, сэр Беверидж действительно считал, что он был единственным основателем общества, см.: Broda P. Esther Simpson: A Correspondence // In Defence of Learning. P. 114. См. также: Szilard L. Reminiscences // The Intellectual Migration / ed. D. Fleming and B. Bailyn. Cambridge, Mass., 1969. P. 94–151.

нувшись домой, они сразу занялись этим делом. По пути домой сэр Беверидж встретил в поезде знакомого немецкого ученого, пребывавшего в панике, ибо в соседнем купе сидел какой-то молодой человек, которого ученый посчитал нацистским агентом, следившим за ним. Для Бевериджа эта история стала ясным примером того, как политика диктаторов влияет на ученых и как страх разрушает ум и душу.

Хотя сэр У. Беверидж сделал многое, чтобы продвинуть дело, не вся инициатива принадлежала только ему. Другие ученые также поднимали вопрос, как лучше помочь своим коллегам в Европе. Профессора Мейджен Гринвуд (Greenwood, 1880–1949) и Чарльз Сингер (Singer, 1876–1960), также имевшие проект содействия ученым, просили поддержки для своих планов еще до возвращения сэра У. Бевериджа из Вены. Они подготовили черновик обращения, который стал первым текстом САП, но Гринвуд передал все в руки сэру Бевериджу, хотя и он, и Сингер продолжали играть важную роль в САП / ОЗНЗ.

После двух дискуссий, посвященных инициативе сэра У. Бевериджа, 17 мая 1933 г. профессорский совет Лондонской школы экономики и политических наук решил, что всем преподавателям и администраторам будет предложено жертвовать в фонд помощи ученым. Сэр У. Беверидж надеялся собирать здесь тысячу фунтов стерлингов в год, и это удавалось ему в течение трех лет существования САП. К 1939 г. ОЗНЗ собирало в целом около 100 тыс. фунтов⁵. Одновременно он высказал идею приглашения преподавателей самого высокого уровня, оказавшихся беженцами из-за нацистской политики, в качестве наставников аспирантов. Сэр Беверидж подчеркивал, что такие лица должны уже иметь мировую известность и что собранный фонд средств предназначен прежде всего для поддержки молодых ученых. Женатый специалист должен был получать 250 фунтов стерлингов в год, 182 фунта в год полагалось холостяку⁶. В первом отчете САП отмечалась, что полностью были поддержаны 49 ученых, а еще 90 нуждающимся была оказана частичная помощь⁷.

Одновременно сэр У. Беверидж обратился в другие британские университеты. В то время в Великобритании было меньше университетов, чем сейчас, и научная элита имела весьма тесные связи и знакомства. С 6 по 8 мая 1933 г. сэр У. Беверидж гостил у английского историка Джорджа Тревелиана (Trevelyan, 1876–1962; ректор Тринити-колледжа в 1940–1951 г.) в Кембридже, и все это время обсуждал положение немецкой профессуры. Во время этих разговоров, главным образом с самим Тревелианом, а также с физиком лордом Эндрю Резерфордом (Rutherford, 1871–1937) и биохимиком, лауреатом Нобелевской премии, президентом Королевского общества Фредериком Гауландом Хопкинсом (Hopkins, 1861–1947), постепенно выработался конкретный план созда-

---

⁵ Приблизительно 6 млн. фунтов стерлингов сегодня (см.: In Defence of Learning. P. 4).

⁶ В 1933 г. средний заработка составлял около 142 фунтов в год. 250 фунтов в год приравниваются к 15 тыс. фунтов в настоящее время, и 182 фунта приравниваются к 10 тыс. фунтов сегодня. Во время войны эти стипендии уменьшили.

⁷ См.: The Academic Assistance Council: Annual Report 1st May 1934. P. 3 // The Society for the Protection of Science and Learning. Papers (Bodleian Library, Oxford; далее — См.: SPSL) 1/1.

ния Совета академической помощи. Лорд Резерфорд был очень обеспокоен положением коллег, многих из которых он знал лично, и ему предложили стать президентом общества. В свою очередь сэр У. Беверидж написал обращение в Королевское научное общество — самую престижную организацию в области естественных наук в Великобритании — с просьбой учредить такой совет. Уже 11 мая пришел позитивный ответ. Королевское научное общество сообщило, что готово сделать все возможное, чтобы поддержать инициативу. Его члены предложили кандидатуру профессора Чарльза Стэнли Гибсона (Gibson, 1884–1950), химика при больнице Гайс в Лондоне, в секретари новой организации. 24 мая сообщение о создании Совета академической помощи, подписанное 43 ведущими британскими учеными, представлявшими все области науки, было опубликовано в газетах⁸.

Однако в процессе формирования новой институции возникало немало проблем. Так, когда обсуждалось членство в САП, кандидатура Ч. Сингера была отвергнута из опасений, что САП будут считать политической организацией, ибо он был еврейского происхождения. Хотя сэр У. Беверидж мало пишет о таких трудностях в своей книге, ясно, что САП и впоследствии ОЗНЗ встречались в британском обществе как с антисемитизмом, так и с людьми, которые считали, что помочь иностранным ученым будет мешать британцам.

Первое заседание Совета состоялось 1 июня 1933 г., здесь были избраны его руководящие лица, имевшие значительный вес в научном сообществе и представлявшие все области науки. Историка, преподавателя Университетского колледжа в Лондоне Уолтера Адамса (Adams, 1906–1975) пригласили в качестве почетного секретаря, его помощницей была назначена Эстер Симпсон (Simpson, 1903–1996)⁹. Позднее, когда У. Адамс перешел в Лондонскую школу экономики и политических наук, на его место пришел общественный деятель, писатель и музыкант Дэвид Клегхорн-Томпсон (Cleghorn-Thomson, 1900–1980), который до этого работал в Оксфордском университете. В 1939 г. почетным секретарем стала сама Эстер Симпсон. Между 1944 и 1966 гг. она работала в аналогичной организации — Обществе для приезжающих ученых (Society for Visiting Scientists), но в 1966 г. вернулась в ОЗНЗ, где продолжала свою деятельность вплоть до выхода на пенсию в 1978 г. Эстер Симпсон лично знала многих из тех, кому Общество помогло, и поддерживала с ними контакт. Несмотря на то что сэр У. Беверидж был ректором Лондонской школы экономики и политических наук и не мог посвящать Обществу все свое время, он возглавил Комитет для распределения средств (The Allocation Committee) и председательствовал там до начала Второй мировой войны.

Сразу же после создания САП различные лица начали жертвовать средства в поддержку этого начинания. Для привлечения средств сэр У. Беверидж и другие члены Совета часто выступали и старались подключить к своей деятельности все британские университеты и другие учреждения, в чем весьма преуспели, и САП

---

⁸ См.: Beveridge W. A Defence of Free Learning. P. 4–5.

⁹ См.: Refugee Scholars: Conversations with Tess Simpson / ed. R.M. Cooper. Leeds, 1992; In Defence of Learning. Part 2. Tess — The Linchpin. P. 101–123.

располагал многими важными контактами. Так, например, министр внутренних дел (The Home Office) сэр Джон Симон (Simon, 1873–1954)¹⁰, сочувствовавший его деятельности, в декабре 1935 г. смягчил для ученых некоторые условия въезда в страну, что позволило семьям ряда немецких специалистов приехать в Великобританию. Главный редактор газеты «Таймс» Джейфри Даусон (Dawson, 1874–1944) также положительно относился к стараниям Совета и всегда давал ему рекламу, когда он нуждался в этом. В Би-би-си относились более сдержанно и не всегда поддерживали САП рекламой. Сэр У. Беверидж также надеялся на поддержку банков, но не преуспел в этом; он искал содействия профсоюза школьных учителей, но и здесь его постигла неудача. Не все в Великобритании понимали положение ученых за границей и разделяли точку зрения Совета / Общества на подход к данной проблеме. Некоторые считали, что заключенный после Первой мировой войны Версальский договор был одной из главных причин прихода Гитлера к власти, и это стоило учитывать во взаимоотношениях с Германией. С другой стороны, немало членов академического сообщества опасались массового приезда иностранных специалистов в британские университеты и другие учреждения и сокращения рабочих мест для британцев.

Тем не менее Совет активно взаимодействовал с различными учреждениями и комитетами¹¹, помогавшими беженцам, с еврейскими и церковными организациями, а также с отдельными людьми, которые помогали беженцам¹². Они также старались связаться с иностранными учреждениями, имевшими аналогичные цели и средства. Так, в США начал работу Чрезвычайный комитет помощи переселенным немецким ученым (Emergency Committee in aid of Displaced German Scholars). Но в какой-то степени финансовые проблемы в США были серьезнее, чем в Великобритании, и экономический кризис начала 1930-х гг. все еще оставлял отпечаток на академической среде. В Германии действовало Чрезвычайное общество немецких ученых за границей (Notgemeinschaft Deutscher Wissenschaftler im Ausland), основанное в Цюрихе. В 1936 г. эта организация переехала в Лондон и сотрудничала с британским ОЗНЗ. Со временем делу помочь ученым-беженцам стали содействовать такие филантропические организации, как Рокфеллеровский фонд в США.

Интересно отметить, что когда профессор Уолтер Адамс объяснял цели САП / ОЗНЗ, он подчеркивал, что самой по себе помочь нуждающимся ученым недостаточно и приходится думать и о том, как восстанавливать науку там, где злодеяния нацизма и фашизма ее разрушали. В этом контексте он даже упоминал «Русскую акцию» президента Чехословакии Т.Г. Масарика (1850–1937) в Чехословакии как образец подобной миссии¹³.

---

¹⁰ Он был одним из немногих английских политиков, который в течение своей жизни служил министром иностранных дел, министром внутренних дел (1915–1916, 1935–1937) и канцлером.

¹¹ См.: In Defence of Learning. P. 127–190.

¹² См.: Bentwich N. They Found Refuge: An Account of British Jewry's Work for Victims of Nazi Oppression. L., 1956. P. 176–180.

¹³ См.: Walter Adams letter. 19 December 1940 // All Souls College, Oxford. Archives: Refugee Scholars — Rockefeller Foundation.

Первый отчет Совета академической помощи, опубликованный в мае 1934 г.¹⁴, указывает на то, что не только немецкие ученые нуждались в помощи, но что САП получал прошения от русских, австрийских, армянских и итальянских ученых. Лорд Беверидж пишет, что его личный архив содержит просьбы о помощи польского и португальского ученых. Между 1935 и 1937 гг. Совет прибавил Испанию и Португалию к списку стран, где ученые нуждаются в поддержке, так как их часто увольняли по политическим причинам и не давали возможности найти другой заработок. Среди этих лиц появляются и русские имена, иногда имена известных ученых. Ответы на эти просьбы показывают, какую помощь САП / ОЗНЗ могли оказать, а также то, как довольно часто они не могли помочь, — частично потому, что не всегда понимали ситуацию, или потому, что не всегда можно было найти подходящую для специалистов работу. Стоит подчеркнуть, что у САП / ОЗНЗ было мало средств. Их главной целью было найти работу для ученого и иногда, пока не появится постоянное место, оказать временную материальную поддержку.

Также ясно, что САП приходилось приспосабливаться к меняющейся ситуации. В 1933 и 1934 гг., когда сэр У. Беверидж надеялся на непродолжительность пребывания нацистов у власти, Совет активно помогал ученым, и те специалисты, которые рано попали в Великобританию, нередко получали значительную поддержку. Но постепенно выяснилось, что политические трудности продолжаются и необходима реорганизация САП, последовавшая в 1936 г. Одновременно стало понятно, что он не может помочь всем нуждающимся. Тогда в переписке и публикациях членов САП появляется другая тема: невозможно долго выплачивать стипендии, надо помогать тем, кто может найти постоянную работу. Если не было мест в научных и образовательных учреждениях, ОЗНЗ старалось уговорить обращающихся начать работать в промышленности. С другой стороны, хотя количество стипендий для тех, кто хотел работать в Великобритании, уменьшилось, ОЗНЗ старалось оказывать финансовую поддержку тем, кто мог уехать в другие страны, особенно в США, и там искать работу¹⁵.

Несмотря на критическое положение в Европе и надвигающийся военно-политический конфликт, все организации, помогавшие беженцам, должны были соблюдать иммиграционные законы Великобритании. Это законодательство существенно изменилось по сравнению с XIX в. Между 1826 и 1905 гг. граждане других стран могли въезжать в Великобританию без ограничений. Между 1848 и 1850 гг. иностранцев можно было высыпалть, хотя в реальности этого не происходило¹⁶. После 1870 г. их высылка могла осуществляться, если между странами существовал договор о выдаче преступников, но таких договоров было очень мало, и разница между криминальными и политическими действиями оставалась в британском законе неясной¹⁷. В XIX — начале XX в. из Великобритании больше людей

---

¹⁴ The Academic Assistance Council: Annual Report, 1st May 1934. P. 6 // SPSL 1/1.

¹⁵ См.: The Society for the Protection of Science and Learning: Annual Report 22nd July 1937. P. 8 // SPSL 1/1.

¹⁶ См.: Holmes C. Immigrants, Refugees and Revolutionaries // From the Other Shore: Russian Political Emigrants in Britain, 1880–1971 / ed. J. Slatter. L., 1984. P. 14.

¹⁷ См.: Porter B. The British Government and Political Refugees // From the Other Shore. P. 24.

уезжало в ее колонии, чем въезжало, и тем не менее иммигранты были. Самой большой группой были ирландцы, но также немцы, а к концу века начался поток еврейских иммигрантов из России и русской Польши¹⁸. Большинство этих людей собирались ехать в США, но по пути некоторые высаживались в Великобритании и оставались здесь. Точных цифры этой волны иммигрантов не существует, но ясно, что количество иммигрантов из Российской империи увеличилось в городах, где сосредоточились эти еврейские иммигранты, т. е. в восточных районах Лондона и в районах Лидса и Манчестера¹⁹. К 1911 г. насчитывалось 94 204 человека уроженцев России или Польши, и можно предположить, что значительная их часть была еврейского происхождения.

Что касается «русского вопроса» в Великобритании, то его состояние было парадоксальным. Среди читателей зарубежной литературы интерес к русской литературе частично вырос по политическим причинам²⁰. Либеральные круги негативно относились к произволу российского самодержавия и поддерживали радикальных лиц, искавших убежище от него. Князь П.А. Кропоткин (1842–1921) был вхож в такие либеральные круги и даже появился как романтическая фигура в детском рассказе²¹. Эти круги приветствовали еврейских иммигрантов как жертв царского режима. По-другому к ним относились рабочие и профсоюзы в тех районах, где поселились эти иммигранты. Их плохо понимали и считали, что они осложняют жилищный вопрос и составляют конкуренцию для рабочих. Это, наверное, было не совсем так, ибо большинство приезжающих не имели нужного опыта, чтобы работать на фабриках, и к тому же правила профсоюзов действовали против них. Они часто основывали собственные артели портняжного дела²² и развивали мелкий бизнес, не составлявший конкуренции существующей деловой жизни. В конце концов многие из этих людей вошли в британское общество и стали успешными предпринимателями. Но местные жители в конце XIX и начале XX в. так не думали.

В 1905 г. был введен первый закон об иммиграции. Министерство внутренних дел Великобритании могло отказать в праве на въезд лицам, не имевшим финансового обеспечения, но это не относилось к тем, кто подвергался политическим или религиозным гонениям. В 1914 г., сразу же после начала Первой мировой войны, парламент установил новый закон, в соответствии с которым иностранцев можно было интернировать, и они лишались прав апеллировать против этого. Министр внутренних дел получил гораздо больше власти в этих вопросах, и он, и чиновники министерства могли решать судьбу иммигрантов самостоятельно. В 1915 г. ввели паспорта, и все эти правила оставались в силе в течение всей войны. В 1919 г. закон был утвержден, а дополнительные постановления в 1920 г. дава-

---

¹⁸ См.: *Holmes C. Immigrants Refugees and Revolutionaries*. P. 7–10.

¹⁹ См.: *Idem. John Bull's Island. Immigration and British Society, 1871–1971*. L., 1988. P. 26.

²⁰ См.: *Brewster D. East-West Passage. A Study in Literary Relationships*. L., 1954. P. 138; *Peaker C. Reading Revolution: Russian Émigrés and The Reception of Russian Literature in England, c. 1890–1905*. Oxford University D. Phil. Thesis. 2007. P. 32–35, 40–41, 78–81, 245–246.

²¹ См.: *Nesbit E. The Railway Children*. L., 1905.

²² См.: *Gainer B. The Alien Invasion*. L., 1972. P. 16.

ли министру право принимать решения о въезде, передвижении внутри страны, местожительстве и высылке иностранцев. Это законодательство оставалось основой юридического отношения британцев к беженцам до и после Второй мировой войны. В 1971 г. закон об иммиграции иностранцев в Великобританию был досконально переработан. Так что САП, а впоследствии ОЗНЗ всегда должны были работать, имея в виду реалии законодательства: Министерство внутренних дел имело право отказать во въезде в страну тем, у кого не было средств и не было возможности в ближайшем будущем получить работу. В случае такого отказа можно было обратиться к министру, но не было никакой гарантии, что такое обращение изменит положение дел. САП / ОЗНЗ помогали находить места для нуждающихся ученых, а это во многом зависело от их научной специальности и от спроса на нее в Великобритании. Иногда им удавалось находить места в странах Британской империи или в Северной Америке. В таких случаях в ожидании официальных документов или транспорта Совет / Общество могли предоставить ученому временную финансовую поддержку.

Еще одна трудность возникла в связи с вопросом об интернировании иностранцев во время военных действий²³. Считалось, что в начале Второй мировой войны (в 1939 г.) в Великобритании находилось около 80 000 иностранцев, которые могли быть шпионами или помогать врагам Великобритании. Для фильтрации этих людей были созданы специальные комиссии. Шестьсот человек были признаны опасным элементом категории «А» и сразу же интернированы. В категорию «В» входили те иностранцы, по поводу которых существовали сомнения: за ними следили и ограничивали возможную область их деятельности. Но большинство иностранцев относились к категории «С», что означало, что они не представляли собой никакой угрозы. Большинство беженцев принадлежали именно к этой категории.

Однако местные комиссии по определению категорий иностранцев имели также полномочие решать, относились ли эти иностранцы к Великобритании положительно или отрицательно, были ли они беженцами или нет. Из-за этого довольно часто возникали недоразумения, когда тех иностранцев, которых считали беженцами, тем не менее интернировали, а других, которых не считали беженцами, включали в категорию «С» и освобождали. Многие британцы выражали тогда свое беспокойство по поводу того, как это все происходит. Эта критика усилилась, когда стало ясно, что в некоторых инстанциях возникали драки между нацистами и людьми еврейского происхождения, которые вопреки официальным указаниям интернировались вместе.

Положение дел еще больше ухудшилось в 1940 г., когда Норвегия не устояла перед фашистским вторжением и Германия начала наступление на Голландию и Францию. И британская пресса, и общественное мнение, и правительство теперь еще более остро реагировали на то, как иностранцы могли бы относиться к нацистскому успеху. Всех итальянцев интернировали даже до того, как Италия

---

²³ См.: Beveridge W. A Defence of Free Learning. P. 52, 55–62; Wasserstein B. Britain and the Jews of Europe. Oxford, 1979. P. 83–108; Seabrook J. The Refuge and The Fortress: Britain and The Persecuted, 1933–2013. Basingstoke, 2013. P. 83–88.

вступила в войну. В июне 1940 г. интернировали всех немцев и австрийцев мужского пола категории «С». Как пишет лорд Беверидж, это случилось очень быстро, и около 500 ученых-беженцев исчезло за ночь.

В это время исключительно важную роль в помощи интернированным ученым, большинство из которых находилось в лагерях на острове Айл-офф-Ман (Isle of Man) между Англией и Ирландией, сыграл физиолог, лауреат Нобелевской премии по медицине, один из вице-президентов САП в 1933 г. Арчибалд Хилл (Hill, 1886–1977)²⁴. Хотя лорд Беверидж никогда не подчеркивал его усилий, стоит отметить, что профессор Хилл многое делал для САП / ОЗНЗ, особенно в области поиска работы для ученых. Он имел четкое представление о том, что ОЗНЗ не должно быть только благотворительным обществом, действующим на периферии научной жизни, но должно сохранять самое ценное в науке. Следуя этому убеждению, профессор Хилл активно помогал интернированным ученым. Впоследствии нелепая политика правительства по отношению к беженцам подверглась критике с разных сторон, в частности, во время нескольких продолжительных дискуссий в палате общин в парламенте, и к концу 1940 г. почти всех ученых из лагерей выпустили.

РУССКИЕ УЧЕНЫЕ

В данной главе мы представим обзор архивных материалов САП / ОЗНЗ, касающихся ученых, бежавших из советской России в ходе или после Гражданской войны и обратившихся в Общество в поисках работы и материальной поддержки в связи с изменением их профессионального положения после прихода к власти национал-социалистов в Германии. Эти документы демонстрируют очень пеструю картину положения русских и того, как они справлялись с трудностями, что живо характеризует Европу в этот период²⁵. Одновременно они показывают, что реально могли сделать САП / ОЗНЗ и как важно для беженцев было знание английского языка или поддержка британских ученых.

Ситуация со славистами ярче всего показывает, насколько трудно было найти подходящую работу для беженцев. Среди тех, кто обратился в САП / ОЗНЗ, были специалисты, небезызвестные русскому читателю и внесшие немалый вклад в свою область науки. Однако устроиться в западных странах по профессии до Второй мировой войны было трудно, ибо спрос на славистику был сравнительно мал. По иронии истории, ее востребованность значительно повысилась с началом холодной войны.

Историк-славист Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968), брат Г.В. Флоровского (1893–1979), обратился в Общество в 1938 г. Он заполнил анкету ОЗНЗ и привел длинный список лиц, которые могли поручиться за него. Среди них — са-

---

²⁴ В 1963 г. он стал четвертым президентом ОЗНЗ. См.: *Weindling P. From Refugee Assistance to Freedom of Learning: the Strategic Vision of A.V. Hill, 1933–1964 // In Defence of Learning.* P. 59–76.

²⁵ Первый обзор этих материалов см.: *Sorokina M. Within Two Tyrannies: The Soviet Academic Refugees of the Second World War // In Defence of Learning.* P. 229–230.

мые известные русские историки-эмигранты в США: профессор Йельского университета Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952), лектор того же университета Георгий Владимирович Вернадский (1888–1973) и преподаватель Гарвардского университета Михаил Михайлович Карпович (1888–1959). Среди британских ученых Флоровский назвал имена сэра Бернарда Пэрса (Pares, 1867–1949), известного своим интересом к России и вкладом в развитие русистики в Великобритании, и профессора Кембриджского университета сэра Майкла Постана (Postan, 1899–1981), специалиста по экономической истории Средневековья. Флоровский, живший в Праге и преподававший историю России на философском факультете Карлова университета, сообщал Обществу, что уволен и нуждается в финансовой поддержке. 17 июля 1939 г. ему ответили, что Общество не может отправлять деньги в Чехословакию и советует искать работу в США, где возможностей больше, чем в Европе²⁶. На исходе Второй мировой войны, в ноябре 1944 г., ОЗНЗ запросило Г.В. Вернадского о судьбе А.В. Флоровского²⁷, который ответил, что, насколько ему известно, Флоровский оставался в Праге во время войны, но связь с ним утрачена²⁸.

Не все ученые были в таком безнадежном положении. Филолог Сергей Осипович Якобсон (Yakobson, 1901–1979) обратился в САП еще в 1933 г., когда его уволили с работы в Прусском рейхсархиве из-за еврейского происхождения. Его поддерживали очень влиятельные люди — уже упомянутый сэр Бернард Пэрс и знаток Восточной Европы, журналист и ученый Р. Сетон-Уотсон (Seton-Watson, 1879–1951), и уже в сентябре 1934 г. Якобсон писал с лондонского адреса. Он отлично знал английский язык, и, вероятно, это сыграло значительную роль в том, что в 1936 г. его взяли библиотекарем в Школу славянских и восточноевропейских исследований при Лондонском университете (School of Slavonic and East European Studies, London University). Здесь же преподавал Г.П. Струве²⁹, также, по-видимому, способствовавший С.О. Якобсону. Кроме того, в его поддержку писал историк сэр Льюис Намиер (Niemirowski, 1888–1960)³⁰. После того как нацистские власти Германии лишили Якобсона немецкого гражданства, он еще раз написал профессору У. Адамсу в ОЗНЗ с просьбой о документе, определяющем его правовой статус³¹. В результате С.О. Якобсону удалось получить все нужные удостоверения до того, как его могли интернировать как человека с немецким гражданством, и после ухода на пенсию сэра Б. Пэрса он даже преподавал русскую историю в упомянутой Школе славянских и восточноевропейских исследований.

---

²⁶ См.: SPSL 253/1. 10.

²⁷ См.: SPSL 253/1. 13.

²⁸ В дальнейшем эта связь была восстановлена; А.В. Флоровский жил в Праге до своей кончины.

²⁹ Струве Глеб Петрович (1898–1985), литературный критик и литературовед, переводчик, поэт. В 1932 г. получил место преподавателя истории русской литературы в Лондонском университете, сменив вернувшегося в СССР Д.П. Святополк-Мирского. До 1947 г. преподавал в Лондонском университете. С 1947 г. жил в США. Профессор кафедры славянских языков и литературы Калифорнийского университета в Беркли.

³⁰ См.: SPSL 260/5. 486.

³¹ См.: SPSL 444/3. 351.

В 1940 г. Якобсон уехал в США, где начал работать в Библиотеке Конгресса, став в конце концов главой ее Славянского отделения.

С.О. Якобсон старался помочь своему брату, известному филологу и лингвисту Роману Якобсону (Jakobson, 1896–1982). В архиве Общества за март 1939 г. находятся письма в его поддержку, написанные до того, как сам ученый обратился в ОЗНЗ³². В своем послании Р.О. Якобсон указывал, что 1 марта 1939 г. ему пришлось отказаться от кафедры в университете Брно в Чехословакии из-за еврейского происхождения³³. Благодаря рекомендациям и ходатайству брата в ОЗНЗ очень быстро решили, что Якобсону надо помочь, и выделили 250 фунтов стерлингов на год, которые ждали его приезда в Великобританию³⁴. В апреле 1939 г. Якобсон был в Стокгольме, затем уехал в Копенгаген, но в ОЗНЗ согласились отправить ему деньги в Данию³⁵. После того как с началом военных действий ученый уехал в Норвегию, в ОЗНЗ был поставлен вопрос о возможности продолжения пересылки ему стипендии. Уже после окончания Второй мировой войны, 27 июля 1947 г., Р.О. Якобсон объяснял ОЗНЗ, что не приехал в Великобританию, так как нашел работу в Швеции, а с 1943 г. служил профессором сравнительной литературы в Колумбийском университете в Нью-Йорке³⁶. Таким образом, хотя Якобсон так и не появился в Великобритании, ОЗНЗ выплатило ему часть денег по решению от марта 1939 г. По-видимому, это стало возможным потому, что Р.О. Якобсон был очень известным ученым, но также и потому, что его брат жил в Лондоне и знал, к кому обратиться.

Перемены в жизни литературного критика и журналиста Виктора Семеновича Франка (1909–1972), старшего сына высланного в 1922 г. из России религиозного философа Семена Людвиговича Франка (1877–1950), были примером того, как Общество старалось помогать молодым ученым³⁷. В.С. Франк обратился в ОЗНЗ в 1938 г.³⁸ Он учился при кафедре истории в Берлине, но после прихода нацистской партии к власти ему было все труднее находить работу из-за русско-еврейского происхождения и православного вероисповедания. Последнее обстоятельство сыграло важную роль в том, что ему помогло не только ОЗНЗ, но также Баллиол-колледж (Balliol College)³⁹ в Оксфордском университете и англиканская церковь, которая старалась поддерживать христиан, претерпевавших трудности из-за не-арийского происхождения. Изначально за Франка перед ОЗНЗ ходатайствовал историк, старший член Баллиол-колледжа в Оксфорде Бенедикт Сумнер (Sumner,

---

³² SPSL 309/9. 329–332.

³³ См.: SPSL 309/9. 343–345.

³⁴ См.: SPSL 309/9. 348.

³⁵ См.: SPSL 309/9. 354.

³⁶ См.: SPSL 309/9. 389.

³⁷ См.: Памяти Виктора Франка / ред. Л. Шапиро. Лондон, 1974.

³⁸ См.: SPSL 253/3. 39.

³⁹ См.: Balliol College archives. MBR 48. 10.1.1944. Здесь профессор Р. Бэлл (Bell) дает список имен одиннадцати ученых-беженцев, которым колледж помог между 1939 и 1944 гг. В.С. Франк в этом списке единственный принадлежал к русской культуре.

1893–1951)⁴⁰, запрашивавший о возможности пригласить его в Оксфорд и о финансовой поддержке⁴¹. Определенную роль, по-видимому, снова играл Глеб Струве, знавший семью Франк и ручавшийся за Виктора. В марте 1939 г. В.С. Франк приехал в Великобританию и начал получать стипендию от ОЗНЗ в Оксфорде, где занимался историческим исследованием. Одновременно в Обществе интересовались, может ли он найти академическую работу в США, на что Франк отвечал довольно неопределенно. 28 декабря 1939 г. он сообщил в ОЗНЗ о получении работы при Би-би-си⁴², где во время войны слушали радиопередачи разных стран и работало немалое количество иностранцев и беженцев, владевших редкими языками. Таким образом, ОЗНЗ и Оксфорд материально поддерживали В.С. Франка почти год, но когда он начал получать жалованье от Би-би-си, эта поддержка закончилась. В 1947 г. Франк получил британское подданство, а в 1950 г. стал главой русской секции при Би-би-си. В 1953 г. он начинает работать на станцию «Радио Свобода». То, что В.С. Франк жил и работал в Великобритании, помогло приехать сюда его отцу, С.Л. Франку. Позднее В.С. Франк сыграл важнейшую роль и в делах историка Н.Е. Андреева (см. ниже), который благодаря его активной поддержке переехал в Великобританию и преподавал на Славянском отделении Кембриджского университета.

Сам Семен Людвигович Франк обратился в САП за помощью в декабре 1934 г. В письме, написанном по-английски из Берлина, он объяснял, что лишен работы из-за еврейского происхождения⁴³. В поддержку Франка выступили многие британские специалисты, в том числе известный экономист и государственный деятель сэр Джон Мейнард Кейнс (Keynes, 1883–1946)⁴⁴. 15 марта 1938 г. философ Николай Александрович Бердяев (1874–1948) писал в ОЗНЗ, что готов устроить Семена Людвиговича в Париже, но не имеет средств помочь ему материально⁴⁵. Через некоторое время Французский фонд поддержки науки (*La Caisse Nationale pour les Recherches Scientifiques*) выделил Франку стипендию, а 21 октября 1938 г. Бердяев вновь обратился в ОЗНЗ за финансовой помощью коллеге⁴⁶. В свою очередь Общество связалось с англиканским епископом Чичестерским Дж. Беллом⁴⁷, активно помогавшим беженцам, и различными фондами. До конца 1942 г. С.Л. Франк получал финансовую поддержку от Всемирного совета церквей, и когда военные действия ее прервали, то и тогда оставалась надежда, что в конце концов она будет восстановлена в более подходящее время.

⁴⁰ В 1945 г. он был избран ректором колледжа Олл Соулз (Всех душ, All Souls College), Оксфорд.

⁴¹ См.: SPSL 253/3. 42.

⁴² См.: SPSL 253/3. 113.

⁴³ См.: SPSL 314/4. 110.

⁴⁴ См.: SPSL 314/4. 120.

⁴⁵ См.: SPSL 314/4. 159.

⁴⁶ См.: SPSL 314/4. 181.

⁴⁷ О влиянии епископа Чичестерского на судьбу семьи Франк см.: Резниченко А.И. Русский философ в Берлине: эпилог: Неизвестное письмо прот. С.Н. Булгакова еп. Чичестерскому Дж. Беллу // Русский Берлин: 1920–1945: Междунар. науч. конф. / сост. М.А. Васильевой, Л.С. Флейшмана. М., 2006. С. 355–362.

В начале 1945 г. В.С. Франк возобновил переписку с ОЗНЗ для получения родителями виз на въезд в Великобританию, и к июлю Министерство внутренних дел оформило разрешение⁴⁸. В августе он получил от Общества сорок фунтов на оплату расходов по переезду⁴⁹, и в итоге С.Л. Франк прожил у сына пять последних лет своей жизни. Благополучное разрешение этой ситуации стало возможным благодаря тому, что В.С. Франк уже жил в Великобритании и мог объясняться в британских инстанциях. Однако, несмотря на известность философа, в ОЗНЗ отказались материально поддерживать его после приезда в Великобританию — частично из-за недостатка средств, но также потому, что С.Л. Франк был в преклонном возрасте, а Общество старалось поддерживать ученых, еще способных работать в научной среде и университетах.

Отношение к С.Л. Франку можно сравнивать с положением другого известного религиозного мыслителя и философа Николая Онуфриевича Лосского (1870–1965), жившего в Праге (Чехословакия). Инициатором организации поддержки философа стала переводчик его произведений, а также русской классической литературы на английский язык Наталия Даддингтон (Duddington, 1886–1972), дочь писателя А.И. Эртеля. 23 марта 1939 г. она отправила первое письмо в ОЗНЗ, в котором убеждала, что положение Лосского в Праге опасно ввиду независимости его взглядов и философии⁵⁰. Поступили и другие письма, рекомендовавшие Лосского и объяснявшие важность его вклада в философию. В апреле 1939 г. он сам направил в ОЗНЗ анкету и список своих публикаций. Однако когда в Обществе поняли его возраст, то сразу ответили, что едва ли смогут помочь ввиду минимальности перспектив трудоустройства. Несмотря на эту очевидную проблему, Эстер Симпсон написала запрос о содействии Н.О. Лосскому в Совет помощи философам-беженцам (Council for Assisting Refugee Philosophers)⁵¹. Время от времени она напоминала об этом, но в январе 1940 г. по телефону получила ответ, что, к сожалению, Совет помочь философи не может⁵². Таким образом, хотя различные британцы поднимали вопрос о помощи и поддержке Н.О. Лосского, это не помогло.

Среди обратившихся в ОЗНЗ был и лектор русского языка и литературы в Страсбургском университете (Франция), специалист по работам В.С. Соловьева Дмитрий Николаевич Стремоухов (1902–1961). Просьбу талантливого филолога, жившего и работавшего в очень стесненных условиях, поддержал сэр Бернард Пэрс⁵³. Как обычно, ОЗНЗ обратилось в различные университеты, но спроса на русских филологов не было, о чем прямо свидетельствовало письмо из Эдинбурга

---

⁴⁸ См.: V.S. Frank to J.B. Skemp. 10 February 1945; 26 July 1945 // SPSL 314/4. 191, 212.

⁴⁹ См.: SPSL 314/4. 223. Двадцать фунтов от ОЗНЗ, десять фунтов от фонда помощи русского духовенства и десять фунтов от фонда Гарольда Бакстона (фонд, который поддерживал сближение между англиканской и православной церквями).

⁵⁰ См.: SPSL 521/2. 337.

⁵¹ См.: E. Simpson to C.A. Mace. 21 April 1939 // SPSL 521/2. 354.

⁵² См.: SPSL 521/2. 261.

⁵³ См.: SPSL 312/1. 5.

ского университета⁵⁴. Больше ОЗНЗ о Стремоухове не запрашивало, и он провел всю жизнь во Франции, где в последние два года жизни преподавал в Сорbonne⁵⁵.

Старший брат философа и теоретика культуры Михаила Михайловича Бахтина (1895–1975) филолог Николай Михайлович Бахтин (Bakhtin, 1894–1950) также направлял свои данные в САП⁵⁶, однако и он поддержки не получил. Бахтин приехал в Великобританию в 1932 г., женился на англичанке и защитил в Кембридже диссертацию по классической филологии. Таким образом, формально на момент обращения в САП он еще не имел академической карьеры и не терял место по политическим причинам. В дальнейшем Н.М. Бахтин преподавал на отделении классических языков Бирмингемского университета, а после Второй мировой войны возглавил лингвистическое отделение этого университета.

Бывший дипломат и историк Александр Михайлович Ону (Onou, 1865–1935) находился в сходной ситуации. Хотя ему пришлось покинуть Россию после революции, строго говоря, он не терял академическое место. Несмотря на это, в октябре 1933 г. Ону отправил в САП свои данные⁵⁷ и в декабре получил тридцать фунтов помощи. Параллельно Совет старался привлечь для поддержки историка церковь, а также обсуждал с А.М. Ону возможность переезда в Турцию и работы в Стамбуле⁵⁸. Однако начиная с весны 1934 г. переписка с ним прекратилась, а 7 апреля 1935 г. А.М. Ону скончался⁵⁹.

Историк и философ Георгий Михайлович Катков (Katkov, 1903–1985) жил и работал в Праге, являясь хранителем архива философа и психолога Франца Брентано (Brentano, 1838–1917). В декабре 1938 г. нацистские власти отказали ему в праве на работу, и в январе 1939 г. он обратился в ОЗНЗ. Благодаря содействию Общества Катков не только сам приехал в Оксфорд, но и сумел привезти значительную часть пражского архива Ф. Брентано, который затем был передан Оксфордскому университету сыном философа. Эта непростая акция в полной мере была оценена коллегами, и в июне 1939 г. ОЗНЗ приняло решение выплачивать Г.М. Каткову жалованье в течение двух лет, с тем чтобы он занимался разработкой архива Ф. Брентано и готовил публикации⁶⁰. Одновременно Каткову удалось добиться разрешения на въезд в Великобританию для отца — Михаила Мефодиевича Каткова (1861–1941), бывшего профессора-правоведа. Он также уговорил как можно скорее уехать из Праги свою невесту Елизавету Петерс⁶¹, так как она

⁵⁴ См.: SPSL 312/1. 8.

⁵⁵ См.: Российское зарубежье во Франции. 1919–2000: Биографический словарь: в 3 т. / под ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2010. Т. 3. С. 226–227.

⁵⁶ См.: SPSL 466/4. 427–428, 441.

⁵⁷ См.: SPSL 533/1. 89.

⁵⁸ См.: SPSL 533/1. 101, 106.

⁵⁹ См.: Meyendorff A. Alexander Onou. Obituary // The Slavonic and East European Review. 1935. Vol. 14. № 40. P. 185–187.

⁶⁰ См.: All Souls College, Oxford. Refugee Scholars documents. 1.

⁶¹ Последнее письмо Елизаветы Петерс из Праги в Англию написано 16 февраля 1939 г. Она уже была в Англии, когда 15 марта 1939 г. германские войска вошли в Чехословакскую Республику. См.: архив Тапуя Joyce (Джойс), дочери Г.М. Каткова.

была еврейского происхождения. В Великобритании профессиональная карьера Г.М. Каткова развивалась довольно стабильно. В 1941 г. он, как и В.С. Франк, получил место на Би-би-си, а уже через год смог вернуться к своим историко-философским занятиям. В это время Олл Соулс коллеж (All Souls College) ежемесячно выплачивал ему деньги по гранту⁶². После войны Катков продолжил работу над архивом Брентано и по совместительству работал на Би-би-си. В 1956 г. его избрали членом преподавательского состава нового Колледжа св. Антония в Оксфорде, где складывался так называемый Русский центр⁶³. Здесь Г.М. Катков сосредоточился на изучении русской истории и написал ряд работ о русской революции 1917 г. и ее последствиях.

По сравнению с Г.М. Катковым другому русскому пражанину, экономисту Александру Михайловичу Байкову (Bajkov, 1899–1963) пришлось выдержать значительно больше испытаний, прежде чем устроиться в Великобритании. Он работал в эмигрантском Экономическом кабинете С.Н. Прокоповича в Праге⁶⁴, который, как становилось ясно к началу 1938 г., едва ли мог сохранить свои позиции. Помочь Байкову взялся экономист Сергей Александрович Коновалов (Konovalov, 1899–1982)⁶⁵, в марте 1938 г. позвонивший в ОЗНЗ и обрисовавший трудную ситуацию коллеги⁶⁶. Он также объяснил, что уже сотрудничал с А.М. Байковым и хочет пригласить его в Бирмингемский университет. В соответствии с процедурой ОЗНЗ обратилось к различным специалистам за дополнительными рекомендациями Байкову. Хотя ничего отрицательного в них не было и ему даже выплачивали небольшую сумму, посыпая ее в Прагу, прошение Байкова о приезде в Великобританию было отклонено комитетом ОЗНЗ несколько раз. Из существующих архивных материалов неясно, в чем именно было дело, но С.А. Коновалову неоднократно писали, что Общество не уверено в наличии достаточных средств для помощи Байкову. Возможно, что это и было принципиальной трудностью, но также может быть, что комитет ОЗНЗ не понимал действительного положения дел и считал, что Байков хотел приехать сугубо по финансовым соображениям, а не находился в положении беженца⁶⁷.

Так или иначе, но коллеги пражского экономиста продолжали ходатайствовать за него. Глеб Струве встречался в ОЗНЗ с Д. Клегхорн-Томпсоном⁶⁸, чтобы поговорить о деле А.М. Байкова. 1 июля 1938 г. С.А. Коновалов снова пишет в

---

⁶² См.: 6All Souls College, Oxford. Refugee Scholars documents. 3. Research Grants File.

⁶³ См.: Russian and East European Centre. Fifty Years On. P. 2 URL: <http://www.sant.ox.ac.uk/russian/booklet.pdf> (дата обращения 12 декабря 2013 г.).

⁶⁴ См.: Tějchmanová S. Ekonomický kabinet S.N. Prokopoviče v Praze // Slovanský přehled. 1993. № 1. S. 55–62.

⁶⁵ Его отец служил министром при Временном правительстве в 1917 г. С.А. Коновалов приехал в Великобританию вскоре после конца Первой мировой войны и учился в Оксфордском университете. Он преподавал в Бирмингемском университете, а в 1945 г. стал профессором русистики в Оксфорде.

⁶⁶ См.: SPSL 228/4. 100.

⁶⁷ В апреле 1938 г. А.М. Байков писал, что, кроме некоторой поддержки от Чешского Красного Креста, у него не было никаких средств (см.: SPSL 228/4. 134).

⁶⁸ См.: SPSL 228/4. 111.

ОЗНЗ, разъясняя, что его протеже можно предложить работу, связанную как с преподаванием чешского языка, так и с русскими и чешскими экономическими проблемами⁶⁹. В конце концов в ОЗНЗ находят возможности для трудоустройства экономиста⁷⁰, и в апреле 1939 г. он приезжает в Великобританию⁷¹. Однако на этом его проблемы не закончились. В марте 1939 г. британские власти дали разрешение жене и маленьким детям Байкова на въезд в Великобританию⁷², но зато им отказали в разрешении покинуть Чехословакию⁷³. Позднее жена Байкова дала знать, что не может пойти в британское консульство в Праге, так как за ней следит гестапо, и еще через некоторое время связь с семьей была потеряна⁷⁴.

Судьба самого А.М. Байкова в Великобритании сложилась достаточно успешно. В 1948 г. он женился на Инне Ариан, работавшей в Славянском отделении Бирмингемского университета⁷⁵, а в 1955 г. получил статус профессора там же. В 1963 г., когда в Бирмингемском университете открылся Центр русских и восточноевропейских исследований (Centre for Russian and East European Studies), его библиотеку назвали в честь А.М. Байкова, но сам он не дожил до этого волнующего события⁷⁶.

Экономиста Якова Маршака (Marschak, 1898–1977), преподававшего в Германии, очень быстро выделили как специалиста, которому САП должен помочь. Уже в июне 1933 г. Л. Роббинс из Лондонской школы экономики и политических наук рекомендовал выплачивать ему стипендию для окончания статистического обзора, начатого до того, как нацисты уволили Маршака с работы⁷⁷. В июле 1933 г. другой экономист — Р. Опи (Opie, 1900–1984) из колледжа Магдалены (Magdalen College) в Оксфорде подтвердил профессору Ч. Гибсону, что Маршак самый выдающийся из всех экономистов, нуждающихся в поддержке, и что он берет на себя ответственность пригласить его в Оксфорд⁷⁸. В том же месяце Маршака назначают на год на специальную должность для беженцев в колледже Олл Суолс⁷⁹. Коллеги считали, что ему платят слишком мало, особенно принимая во внимание его маленьких детей. Маршаку порекомендовали обратиться в Рокфеллеровский

⁶⁹ См.: SPSL 228/4. 140–141.

⁷⁰ См.: Birmingham University Archives. Items relating to Alexander Baykov in the Minutes of the Faculty of Commerce (book) no 2. P. 251 (2 December 1938); P. 255 (27 January 1939). Я очень признательна доктору Майклу Берри (Berry) за его помощь и за то, что он нашел этот материал, касающийся А.М. Байкова.

⁷¹ См.: SPSL 228/4. 177.

⁷² См.: SPSL 426/2. 389.

⁷³ См.: SPSL 426/2. 404.

⁷⁴ См.: SPSL 228/4. 208. По-видимому, всю войну семье А.М. Байкова пришлось провести в Праге. Его сын стал художником. В предисловии к книге о нем его мать описывает, как он психически болел после войны, но искусство помогло ему вылечиться, см.: Alexander Baykov As An Artist. L., 1975.

⁷⁵ См.: England and Wales, Marriage Index, 1916–2005 (URL: www.ancestry.com).

⁷⁶ См.: Malnick B. Alexander Baykov (1899–1963) Obituary // Slavonic and East European Review. 1963. Vol. 42, № 98. P. 199–200. Автор ошибается в дате приезда А.М. Байкова в Англию.

⁷⁷ См.: SPSL 235/5. 136.

⁷⁸ См.: R. Opie to Ch. Gibson. 18 July 1933 // SPSL 235/5. 119.

⁷⁹ См.: SPSL 235/5. 138. Election to a Chichele Lectureship for a year.

фонд⁸⁰, и в июне 1934 г. он получил дополнительную сумму из этого фонда. В 1935 г. Я. Маршак становится экстраординарным профессором, а впоследствии — директором Оксфордского института статистики. Однако он недолго жил в Великобритании. С декабря 1938 г. по гранту Рокфеллеровского фонда Маршак уехал в США, где занял должность профессора экономики Новой школы социальных исследований (New School of Social Research), созданной в Нью-Йорке для помощи ученым-беженцам из Германии. В 1943 г. он принимает американское гражданство и начинает профессорскую карьеру в Чикагском университете⁸¹, которая успешно развивалась и в дальнейшем⁸².

Архив ОЗНЗ сохранил еще несколько дел, касающихся возможностей оказания помощи российским экономистам-беженцам. Бориса Сергеевича Ижболдина (Ischboldin, 1899–1984), преподававшего в Белграде и Париже, ОЗНЗ поддержало в 1937 г.⁸³ Ему предоставили, выражаясь современным языком, travel grant (грант на поездку) — 150 фунтов для поиска работы в США⁸⁴. Однако в июле 1938 г. Ижболдин сообщил, что ему не удалось найти подходящее место и он вернулся в Европу⁸⁵. В 1939 г. он вновь обратился в Общество и получил дополнительно 40 фунтов, чтобы вернуться в США с той же целью⁸⁶, и на этот раз покинул Европу навсегда. К 1945 г. Б.С. Ижболдину удалось получить место профессора экономики и экономической истории в Университете Сент-Луиса⁸⁷, где он и преподавал до выхода на пенсию⁸⁸.

В 1933 г. С.А. Коновалов пытался содействовать преподававшему в Германии Борису Давидовичу Бруцкусу (1874–1938) и писал в ОЗНЗ, что хотел бы пригласить его на работу в Бирмингемский университет⁸⁹. Ввиду отсутствия свободных вакансий проект остался без последствий, и Бруцкус в 1935 г. уехал в Иерусалим. Еще один экономист — Николай Всеволодович Первушин (Pervouchine, Pervushin, 1899–1983) — первоначально в 1936 г. обратился к профессору Э. Резерфорду⁹⁰. Он сообщал, что покинул СССР в 1923 г. и работал в Германии и Франции редактором в журналах по нефтяным проблемам. Вскоре Первушин заполнил анкету ОЗНЗ и отправил список своих публикаций, однако в архиве Общества нет никаких сведений о его поддержке. В 1946 г. Н.В. Первушин уехал из Франции в США и работал в Организации Объединенных Наций специалистом по синхронному

---

⁸⁰ См.: SPSL 235/5. 140.

⁸¹ См.: SPSL 235/5. 166.

⁸² См.: Arrow K.J. Jacob Marshak: 1898–1977. URL: <http://www.nasonline.org/publications/biographical-memoirs/memoir-pdfs/marschak-jacob.pdf> (дата обращения 12 декабря 2013 г.).

⁸³ См.: SPSL 233/3. 64.

⁸⁴ См.: SPSL 233/3. 81.

⁸⁵ См.: SPSL 233/3. 109.

⁸⁶ См.: SPSL 233/3. 117.

⁸⁷ См.: SPSL 233/3. 127.

⁸⁸ См.: Sharp J. Economic Synthesis: A Review of the Work of Boris Ischboldin // Review of Social Economy. Vol. 32, № 2. P. 215–221.

⁸⁹ См.: SPSL 471/1. 54, 57.

⁹⁰ См.: SPSL 236/9. 482.

переводу. В 1962 г. Монреальский университет МакГилл пригласил его на должность профессора русского языка и литературы, и до выхода на пенсию в 1971 г. он преподавал в Канаде⁹¹.

Опыт взаимодействия с ОЗНЗ историка и литературоведа Николая Ефремовича Андреева (1908–1982), жившего в Праге и фактически возглавлявшего знаменитый Археологический институт им. Н.П. Кондакова, был особенно драматичным и продолжался более десяти лет⁹². До Второй мировой войны ему не могли помочь, так как не было подходящей работы и он не владел английским языком. В 1948 г. за Н.Е. Андреева хлопотали уже многие его знакомые, друзья и коллеги. Изменение международной политики и начало холодной войны означали увеличение профессиональных позиций для тех, кто занимался Россией. Благодаря этому стечению обстоятельств Андрееву удалось приехать в Великобританию и преподавать на Славянском отделении Кембриджского университета.

Еще в июне 1939 г. его знакомая И.Д. Вергун⁹³ писала из Белграда профессору У. Адамсу с просьбой о помощи другу и сообщала, что в Великобритании дать отзыв об Андрееве могли бы Г.М. Катков или В.С. Франк⁹⁴. Одновременно историк сам направил ходатайство в ОЗНЗ и в июле заполнил анкету Общества⁹⁵. В свою очередь оно обратилось за рекомендациями к Г.М. Каткову, А.А. Васильеву⁹⁶, Г.В. Вернадскому, Н.П. Толлю⁹⁷, М.И. Ростовцеву и профессору Э. Миннсу в Кембридже⁹⁸. Все ответили, что научные достижения Н.Е. Андреева высоко ценятся и он действительно заслуживает поддержки. Профессор Э. Миннс в письме в ОЗНЗ от августа 1939 г. сообщал, что он уже объяснил Андрееву невозможность найти для него место в Великобритании, так как он не знает английского языка и на специальность «средневековая русская культура» нет спроса⁹⁹. Оценка Миннса играла важную роль в том, как в ОЗНЗ оценивали положение историка, но в сентябре 1939 г. началась Вторая мировая война, и связи с Чехословакией прервались.

После окончания войны, в 1945 г., ОЗНЗ вновь запросило Н.П. Толля о положении Н.Е. Андреева и получило ответ, что его последнее письмо Толлю дати-

⁹¹ См.: К 80-летию Н.В. Первушкина // Записки Русской академической группы в США. 1979. Т. 13. С. 347–350.

⁹² См. примеч. 1 в статье Е.Н. Андреевой «Мое понимание русской эмиграции» в наст. изд.

⁹³ Вергун Ирина Дмитриевна (1913–2000), дочь историка и филолога-слависта Д.Н. Вергуна (1871–1951).

⁹⁴ См.: SPSL 249/3. 39.

⁹⁵ См.: SPSL 249/3. 35–37.

⁹⁶ Васильев Александр Александрович (1867–1973), византолог, член-корреспондент Российской академии наук, с 1925 г. профессор университета Висконсин-Мэдисон (США).

⁹⁷ Толль Николай Петрович (1894–1985), археолог, искусствовед. В 1932–1938 гг. директор Археологического института им. Н.П. Кондакова в Праге. Учитель и коллега Н.Е. Андреева. Уехал в США в 1939 г.

⁹⁸ Миннс Эллис (Minns, 1874–1953), археолог, антиковед. С 1901 г. профессор в Кембридже. Интересовался русскими древностями, в 1898 г. работал в России. В Кондаковском институте хорошо знали его и его работу. Н.Е. Андреев считал его настоящим «джентльменом», говорившим на очень красивом и немного старомодном русском языке.

⁹⁹ См.: SPSL 249/3. 55.

ровано декабрем 1940 г. и, насколько он знает, Андреев еще остается в Праге¹⁰⁰. Вторично вопрос о судьбе историка был поднят в марте 1948 г., когда Ирина Финдлоу¹⁰¹ обратилась к профессору Э. Миннсу¹⁰². Она сообщала, что переписывалась с матерью Андреева, Екатериной Александровной (1883–1961), и поэтому знала, что историка арестовали в мае 1945 г., когда советские войска вошли в Прагу, а его мать насильственно выслали обратно в Эстонию в декабре 1946 г. Финдлоу считала Андреева уже погибшим, как вдруг получила письмо от него из Берлина, где он бедствовал. Она спрашивала профессора Миннса, может ли ОЗНЗ помочь историку хотя бы временно, пока Толль и другие бывшие коллеги пытаются устроить его в США. В конце письма Ирина Финдлоу прямо написала, что положительное решение — это вопрос жизни и смерти для Н.Е. Андреева. Профессор Э. Миннс сразу же откликнулся и написал в ОЗНЗ. Четыре дня спустя ему ответили, что нашли довоенные бумаги и свяжутся с Н.П. Толлем¹⁰³, который в свою очередь заверил Общество, что сделает все возможное, чтобы помочь Андрееву¹⁰⁴. В.С. Франк также обратился в ОЗНЗ о возможности временной поддержки для Андреева по пути в США¹⁰⁵. В то же время Толль написал Франку, что было бы крайне желательно, чтобы Андреев покинул Берлин как можно скорее, ибо он находится в Советской оккупационной зоне, что для него очень опасно. Казалось, профессиональная солидарность ученых вот-вот поможет Николаю Андрееву вернуться к нормальной профессиональной деятельности.

В ожидании оформления документов Н.Е. Андреева для переезда в США ОЗНЗ обратилось в МВД за разрешением на его временный въезд в Великобританию, но 21 апреля 1948 г. получило отказ¹⁰⁶. Сообщив об этом В.С. Франку, Общество добавило, что они тем не менее попытаются перевести историка в Британскую оккупационную зону в Германии¹⁰⁷. Несмотря на обескураживающий ответ МВД, друзья и коллеги Н.Е. Андреева не опустили руки и продолжили свои усилия по его спасению. В.С. Франку удалось лично встретиться с министром бароном Ф. Пакенхамом и в корне изменить ситуацию¹⁰⁸. Андреев был переведен в лагерь для перемещенных лиц в Ганновере в Британской зоне оккупации, а тем временем профессор Е.Ф. Хилл (Hill, 1900–1997), заведующая Славянским отделением в Кембридже и частично русская по происхождению, нашла ему времен-

---

¹⁰⁰ См.: SPSL 249/3. 69.

¹⁰¹ См. примеч. 5 в статье Е.Н. Андреевой «Мое понимание русской эмиграции» в наст. изд.

¹⁰² См.: Cambridge University Library Department of Manuscripts. E.H. Minns Correspondence. Box 1. Ms. Add 7222/1. Folder F. Благодарю П.А. Трибунского за указание на эти письма.

¹⁰³ См.: Ibid. Folder U.

¹⁰⁴ См.: SPSL 249/3. 82.

¹⁰⁵ См.: SPSL 249/3. 78.

¹⁰⁶ См.: SPSL 249/3. 80, 84.

¹⁰⁷ См.: SPSL 249/3. 87.

¹⁰⁸ См.: SPSL 249/3. 90. Барон Фрэнк Пакенхам (Pakenham, 1905–2001) в 1947 г. назначен министром, отвечавшим за Британскую оккупационную зону в Германии.

ное место преподавателя русского языка в Кембриджском университете¹⁰⁹. Когда Н.Е. Андреев приехал в Великобританию, она обратилась в ОЗНЗ за временной материальной поддержкой для него, и ему выделили средства еще до того, как начали выплачивать зарплату¹¹⁰. Когда в 1951 г. собирались закрыть отделение ОЗНЗ, Андреев написал, что глубоко благодарен Обществу за всю помощь и поддержку, которую оно ему оказало¹¹¹.

Безусловно, Н.Е. Андрееву очень повезло, что друзья и коллеги захотели и смогли ему помочь, а В.С. Франк не только понимал, как устраивались дела в Великобритании, но и сумел встретиться с министром и уговорить впустить его друга в тот момент, когда МВД уже отклонило прошение. С началом холодной войны Великобритании предстояло готовить специалистов со знанием русского языка, которые могли стать переводчиками на случай конфликта, что способствовало увеличению потребности в профессиональных славистах. Благодаря этому Н.Е. Андреев смог устроиться на работу в Кембриджском университете, где продолжал работать до выхода на пенсию.

Правоведам и адвокатам было особенно трудно найти работу по квалификации, и они пытались использовать для этого малейшие возможности, однако этой категории бывших российских специалистов ОЗНЗ удавалось помочь менее всего. Так, профессор православного богословского факультета Варшавского университета по кафедре истории русской церкви и церковного права Михаил Валерианович Зызыкин (1880–1960) в мае 1939 г. обратился за помощью к голландскому богослову Виссер’т Хоофту (Visser’t Hooft, 1900–1985), с которым познакомился на конференции в Оксфорде. Влиятельный коллега откликнулся на просьбу и написал в ОЗНЗ. В июне 1939 г. М.В. Зызыкин отправил свои данные, и ему сразу посоветовали ехать в США¹¹². Параллельно Виссер’т Хоофт, как секретарь Всемирного совета церквей, обратился к епископу Чичестерскому¹¹³, но ввиду вторжения германских войск в Польшу связь с русским профессором была потеряна. В 1947 г. сотрудники Всемирного совета церквей сообщили в ОЗНЗ, что М.В. Зызыкин находится в Лихтенштейне и все еще надеется уехать в США¹¹⁴. Однако этот план не осуществился, и профессор отправился в Аргентину. Правовед и философ Николай Николаевич Алексеев (1879–1964), вынужденно уехавший из Германии во Францию после прихода нацистов к власти, впервые написал в ОЗНЗ в 1936 г. Хотя Общество и запрашивало различные организации, в Великобритании работы для него не нашлось¹¹⁵. В дальнейшем профессор переехал в Белград, а после Второй мировой войны устроился в Женевском университете (Швей-

---

¹⁰⁹ Ирина Финдлоу рассказывала автору статьи, что она встретила Е.Ф. Хилл на заутрене в церкви и сказала, что ее старый друг Андреев был бы очень полезен русскому отделению в Кембридже. После этого Е.Ф. Хилл занялась делом.

¹¹⁰ См.: SPSL 249/3. 106; Beveridge W. A Defence of Free Learning. P. 96.

¹¹¹ См.: SPSL 249/3. 123.

¹¹² См.: SPSL 276/6. 400, 411.

¹¹³ См.: SPSL 276/6. 406.

¹¹⁴ См.: SPSL 276/6. 414.

¹¹⁵ См.: SPSL 465/3. 350.

цария). Другой правовед — Георгий Федорович (Fedorowicz, de Fiedorowicz, Fiedorowicz, 1888–?) — преподавал в Люблинском католическом университете в Польше и был уволен в 1934 г. по политическим причинам¹¹⁶. В 1935 г. он обратился за помощью к сэру Бернарду Пэрсу¹¹⁷. Несмотря на то что САП писал С.А. Коновалову в Бирмингем и искал работу Федоровичу не только в области права, но также связанную с русским или польским языком, ничего сделать не удалось, и в 1938 г. Федорович уехал в Париж.

Более повезло социологу и правоведу, специалисту по миграциям населения Евгению Михайловичу Кулишеру (Kulischer, 1881–1956), уволенному из Берлинского университета в 1933 г. вследствие еврейского происхождения. В САП он обратился в 1935 г. из Копенгагена, однако британское МВД не хотело впускать его в страну без перспективы получить постоянную работу¹¹⁸, и среди коллег обсуждалась возможность переезда ученого в Палестину. В это время он завершал подготовку большого исследования о связи между войнами и движением населения¹¹⁹, и для этого в 1936 г. после продолжительной переписки Кулишеру удалось получить стипендию от Французского комитета помощи иностранным ученым (Comité français pour l'accueil et l'organisation du travail des savants étrangers). Он надеялся на содействие ОЗНЗ в публикации книги, однако на этом пути оказалось немало препятствий. И первым из них был негативный отзыв ведущего британского специалиста по международной политике, профессора Арнольда Тойнби (Toynbee, 1889–1975)¹²⁰. По-видимому, по совету профессора Чарльза Селигмана (Seligman, 1873–1940) Кулишер отправил в 1938 г. три главы своей книги профессору У. Адамсу¹²¹, однако и он высказал пессимизм в отношении скорой публикации этого труда¹²². Стоит заметить, что рукопись исследования была выполнена на трех языках — русском, немецком и французском, что создавало трудности для любого издателя, и ОЗНЗ старалось помочь Е.М. Кулишеру найти квалифицированного переводчика¹²³. Кроме того, почетный секретарь ОЗНЗ Д. Клегхорн-Томпсон пытался содействовать публикации книги издательством Оксфордского университета в Нью-Йорке. Но в декабре 1939 г. окончательно выяснилось, что из этого также ничего не выйдет¹²⁴. С вторжением немецких войск во Францию переписка между ОЗНС и Е.М. Кулишером прекратилась. В 1941 г. он сумел перебраться в неоккупированную часть Франции, а оттуда — в США, где в

¹¹⁶ См.: History of the Department of Roman Law // The John Paul II Catholic University of Lublin. URL: http://www.kul.pl/department-of-roman-law,art_5664.html (дата обращения 12 декабря 2013 г.).

¹¹⁷ См.: SPSL 484/4. 437.

¹¹⁸ См.: SPSL 268/5. 182. Среди тех, кто рекомендовал его, был П.Н. Милюков (См.: SPSL 268/5. 159).

¹¹⁹ См.: SPSL 265/5. 233–234.

¹²⁰ См.: SPSL 268/5. 246–247.

¹²¹ См.: SPSL 268/5. 290.

¹²² См.: SPSL 268/5. 311.

¹²³ См.: SPSL 286/5. 371.

¹²⁴ См.: SPSL 286/5. 334, 455.

1943 г. опубликовал свою многострадальную работу¹²⁵ и продолжил профессиональную карьеру.

Рекомендации британских коллег имели весьма заметное влияние на деятельность САП / ОЗНЗ. Когда в 1935 г. знакомые известного специалиста в области аэродинамики Дмитрия Павловича Рябушинского (1882–1962) запросили САП о возможностях помочи для него, в адрес ученого была сразу же выслана анкета и предупреждение о минимальных возможностях трудоустройства в Великобритании¹²⁶. Тем не менее САП обратился к разным лицам, занимавшимся вопросами авиации, но в ответ получил довольно недружелюбное письмо от профессора химии Генри Тизарда (Tizard, 1885–1959) из Империал-колледжа в Лондоне, который к тому же был председателем Комитета авиационных исследований¹²⁷. Профессор заметил, что, во-первых, для иностранных ученых уже многое сделано; во-вторых, он не понимает позицию Рябушинского, так как можно дать ему стипендию для продолжения исследований в Париже, но нет возможности обеспечить ему официальную должность при колледже; в-третьих, вскоре после Первой мировой войны уже Рябушинский искал место в колледже, и тогда его старшие коллеги не испытывали особого энтузиазма относительно его кандидатуры. После такого письма САП, естественно, не стал продолжать поиски места для ученого, и переписка с ним прекратилась¹²⁸.

В феврале 1938 г. к профессору У. Адамсу обратилась педагог и общественный деятель Аделаида Владимировна Жекулина (1866–1950), игравшая важную роль в жизни русской эмиграции в Праге, с просьбой помочь физиологу растений Петру Филипповичу Миловидову (1896–1974)¹²⁹. Как обычно, ОЗНЗ отправило свою анкету в Прагу и обратилось к экспертам за оценкой научных достижений кандидата. Профессор ботаники в Кембридже Ф. Брукс (Brooks, 1882–1952) ответил, что Миловидов многое сделал в своей области, но нельзя сказать, что его исследования открыли какие-нибудь новые подходы к предмету. Тем не менее, считал он, надо поддержать Миловидова и было бы жалко, если бы он не смог продолжать свою научную деятельность¹³⁰. В июле 1938 г. ОЗНЗ решило платить Миловидову маленькую стипендию, семьдесят пять фунтов в год, с условием, что выплата будет производиться в Чехословакии¹³¹. Эти средства переводились ученому до мая 1939 г., когда Общество сообщило о сокращении фондов и остановке выплат¹³². В годы Второй мировой войны П.Ф. Миловидову пришлось переквалифицироваться в агронома, а после войны он вернулся к на-

---

¹²⁵ Kulischer E. The Displacement of Population in Europe. Montreal, 1943; *Idem*. Europe On the Move: War and Population Changes, 1917–1947. N. Y., 1948.

¹²⁶ См.: SPSL 540/4. 557.

¹²⁷ См.: SPSL 540/4. 575.

¹²⁸ См.: Российское зарубежье во Франции. Т. 2. С. 681–682.

¹²⁹ См.: SPSL 202/6. 177.

¹³⁰ См.: SPSL 202/6. 164.

¹³¹ См.: SPSL 202/6. 197.

¹³² См.: SPSL 202/6. 211.

учной деятельности и достиг академических высот, став профессором, членом Чехословацкого ботанического общества, действительным членом Общества гистологов и цистологов Чехословацкой академии наук. За свою выдающуюся научную деятельность он был награжден медалью Г. Менделея.

САП / ОЗНЗ помогли покинуть Европу и сделать карьеру в США двум другим выходцам из Российской империи — братьям Бикерманам. Старший из них — Илья Иосифович (Elias J. Bickerman, 1897–1981) — учился у академика М.И. Ростовцева в Петрограде¹³³, после Гражданской войны покинул Россию и писал докторскую диссертацию уже в Берлинском университете. В 1929 г. он получил там же должность приват-доцента по древней истории, однако в сентябре 1933 г. был уволен из-за еврейского происхождения. Старший Бикерман уехал в Париж и в октябре 1934 г. обратился в САП. В архиве Общества сохранилась обширная переписка, свидетельствующая о помощи ему в профессиональном устройстве, в частности, обсуждалась возможность выезда в Иерусалим. Но в сентябре 1941 г., когда он еще находился во Франции и ждал выездную визу, ему удалось найти место в Нью-Йорке¹³⁴, куда он вскоре и отправился. В США И.И. Бикерман сделал блестящую научную карьеру, став одним из ведущих специалистов по Древнему миру, включая древнюю иудейскую и христианскую историю.

Его брат Яков Иосифович (Jacob J. Bikermann, 1898–1978) был химиком и выехал из России в Германию в конце Гражданской войны. Некоторое время он состоял научным сотрудником при Институте кайзера Вильгельма в Берлине, затем работал редактором справочников по химии и занимался научными исследованиями¹³⁵. В 1935 г. младший Бикерман потерял работу в Германии из-за еврейского происхождения, но в 1936 г. временно получил ее в Манчестерском университете в Великобритании¹³⁶. Параллельно, при содействии ОЗНЗ, он рассматривал возможности выезда в Южную Африку или в Австралию и только в 1945 г. уехал в США¹³⁷. Как и его брат, Яков сделал хорошую научную карьеру в этой стране: он работал в Массачусетском технологическом институте и Кливлендском университете¹³⁸.

Еврейское происхождение также стало причиной увольнения в июле 1933 г. социал-гигиениста и демографа Мирона Канторовича (Kantorowitsch, Kantorowicz, 1885 — после 1977 (?)). Ему удалось быстро перебраться из Берлина в Великобританию и получить работу в статистическом бюро организации еврейского здравоохранения. Благодаря этому он опубликовал свою работу об

---

¹³³ См.: *Bikerman Joseph and Jacob J. Two Bikermans: Autobiographies*. N. Y., 1975.

¹³⁴ См.: SPSL 249/6. 551, 552.

¹³⁵ См.: *Rürup R. Schicksale und Karrieren: Gedenkbuch für die von den Nationalsozialisten aus der Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft vertriebener Forscherinnen und Forscher*. Göttingen, 2008. S. 158–159; а также: SPSL 209/1. 42.

¹³⁶ См.: SPSL. 209/1. 9.

¹³⁷ См.: SPSL 209/1. 15, 22, 36.

¹³⁸ См.: *Ludema K.C. Jacob J. Bikerman Friction and Adhesion // Wear*. 1979. № 53. P. 1–8.

исчислении еврейского населения Лондона¹³⁹ и с очень хорошей рекомендацией был представлен в 1934 г. в ОЗНЗ¹⁴⁰. В сентябре 1938 г. Канторович покинул Великобританию¹⁴¹ и далее работал в США по изучению статистики питания населения¹⁴². Здесь он изменил фамилию на Гордон, принял американское гражданство, и после этого его карьера получила новое развитие. М. Гордон скончался после 1977 г.¹⁴³

Биофизик Евгений Исаакович Рабинович (Rabinowitch, 1898–1973)¹⁴⁴ эмигрировал в Германию из России в 1920 г. Он окончил Берлинский университет (1922) и работал ассистентом в Институте физической химии кайзера Вильгельма в Берлине, а затем в Геттингенском университете (1929–1933), который ему пришлось покинуть из-за еврейского происхождения. Коллеги-физики сразу пришли ему на помощь, и Рабинович работал некоторое время в Королевской академии наук в Копенгагене у Нильса Бора, а в 1934 г. обратился за содействием в ОЗНЗ. Профессор Ч. Гибсон, один из почетных секретарей ОЗНЗ, нашел ему место при Университетском колледже в Лондоне¹⁴⁵, где Рабинович работал с профессором химии Ф. Дж. Доннаном (Donnan, 1870–1956). ОЗНЗ поддерживало научные исследования ученого, несколько раз продлив ему стипендию. Одновременно он получал один фунт в неделю от еврейской организации для матери¹⁴⁶. Хотя Рабиновича поддерживали различные высокопоставленные лица, к 1937 г. профессор У. Адамс в переписке выражает беспокойство по поводу того, что он не ищет постоянное место. Основаниями для тревоги служили отсутствие гражданства у Рабиновича (он имел только нансеновский паспорт), казавшаяся неактуальной тематика его работы, а также несколько угнетенное психологическое состояние физика, не стремившегося что-либо для себя устроить. Адамс даже задавался вопросом, являлось ли это состояние частью его русского характера или просто следствием его повторного беженства¹⁴⁷. Кроме того, многим в ОЗНЗ не нравилось, что Рабинович настаивал на поиске академической научной работы и не соглашался работать в промышленности¹⁴⁸. Тем не менее в 1938 г. ОЗНЗ удалось найти средства для его переезда с семьей в США¹⁴⁹. Ученый получил приглашение в престижный Массачусетский технологи-

---

¹³⁹ Kantorowitsch M. Estimate of the Jewish Population of London in 1929–1933 // Journal of the Royal Statistical Society. 1936. Vol. 99. P. 372–379.

¹⁴⁰ См.: SPSL 420/2. 43, 54.

¹⁴¹ См.: SPSL 420/2. 63.

¹⁴² См.: SPSL 420/2. 66.

¹⁴³ Марк Тольц, сотрудник Еврейского университета в Иерусалиме, написал работу о жизненном пути Канторовича, см.: По следам доктора Гордона. Семинар Института демографии НИУ ВШЭ // Институт демографии НИУ ВШЭ. URL: <http://www.hse.ru/demo/news/66297862.html> (дата обращения 12 декабря 2013 г.).

¹⁴⁴ В литературе годом его рождения приводится 1901, но сам он в анкете ОЗНЗ дает 1898 г.

¹⁴⁵ См.: SPSL 221/9. 405.

¹⁴⁶ См.: SPSL 221/9. 408.

¹⁴⁷ См.: SPSL 221/9. 420.

¹⁴⁸ См.: SPSL 221/9. 432.

¹⁴⁹ См.: SPSL 221/9. 463.

ческий институт, и его научная карьера блестяще развивалась. Так, Рабинович был включен в научный персонал Манхэттенского атомного проекта. Стоит отметить, что после атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в 1945 г. он стал одним из авторов знаменитого Франковского отчета, рекомендовавшего гражданский, а не военный контроль над атомной энергией. Журнал «Бюллетень ученых-ядерщиков» (*«Bulletin of the Atomic Scientists»*), одним из основателей и редактором которого являлся Рабинович, под его руководством быстро превратился во влиятельное международное издание. В то же время Евгений Исаакович не порывал контакты с русскими эмигрантами и, в частности, дружил с историком М.М. Карповичем.

Химик Абрам Борисович Буровой (Burowoy, Burawoy, 1905–1959) покинул Россию еще в 1911 г., учился химии в Лейпцигском университете¹⁵⁰ и затем работал там до 1933 г., когда его уволили из-за еврейского происхождения. Он сразу обратился в САП, и вскоре профессор Ч. Гибсон встретился с ним в Гамбурге и пригласил работать в свою лабораторию в больнице Гайз в Лондоне¹⁵¹. Гибсон был высокого мнения о работе химика¹⁵², благодаря чему стипендия Буровому возобновлялась несколько раз. С 1935 г. он работал в Манчестере у профессора Я. Хейлброна (Heilbron, 1886–1959). Рекомендательное письмо, которым профессор Ч. Гибсон сопроводил переход своего протеже, ярко отражает широко распространенное негативное общественное отношение к беженцам и непростые внутринаучные отношения этого периода, с которыми САП / ОЗНЗ должны были считаться. В этом письме Гибсон пишет об А.Б. Буровом как о приятном человеке, у которого нет ярких еврейских черт¹⁵³. Но когда встает вопрос о его будущем, подчеркивается, что, так как в отделении в Манчестере уже назначили двух иностранцев, принять еще одного еврея не представляется никакой возможности. Действительно, многие британцы не понимали реального положения дел в нацистской Германии и не хотели принимать на работу ученых-беженцев, так как это уменьшало количество рабочих мест для местных специалистов. После Второй мировой войны эти взгляды уже не высказываются в таком виде. Но пока У. Адамс из ОЗНЗ и другие ученые, поддерживавшие А.Б. Бурового, считали, что у него мало шансов найти постоянную работу, и советовали ехать в США. Профессор Хейлброн искал для него работу в разных фирмах, и когда в 1937 г. Буровой заметил, что ищет академическую работу и не хочет отвечать на предложение одной из фирм, в оживленной переписке коллег его «глупое поведение» критиковалось¹⁵⁴. Химик же хотел остаться с семьей в Великобритании и в конце концов пошел работать на «Calico Printers Association». Он получил британское подданство в 1946 г., а три года спустя, в 1949 г., устроился в Манчестерском технологическом институте¹⁵⁵. В 1959 г. А.Б. Буровой скоропостижно скончался¹⁵⁶.

---

¹⁵⁰ См.: SPSL 210/2. 28.

¹⁵¹ См.: SPSL 210/2. 45.

¹⁵² См.: SPSL 210/2. 38, 46.

¹⁵³ См.: SPSL 210/2. 92.

¹⁵⁴ См.: SPSL 210/2. 174.

¹⁵⁵ См.: SPSL 210/2. 179.

¹⁵⁶ См.: SPSL 210/2. 191.

Его старший брат Онисим Буровой (1900–1987), небольшие материалы которого также сохранились в ОЗНЗ, учился и работал инженером в Дрездене¹⁵⁷, позднее служил в фирме «A.E.G.» и благодаря знанию русского языка занимался организацией торговли с СССР¹⁵⁸. Он также был вынужден уехать из Германии. По поручению ОЗНЗ в 1933 г. с ним встретился представитель британской фирмы «Imperial Chemical Industries», который сообщил, что Буровой исключительно одарен, но находится в очень трудном положении¹⁵⁹. Видимо, поэтому, в отличие от брата, он сразу согласился на предложение работать в промышленности и в 1934 г. поступил в фирму «Ferguson, Pailin & Co» в Манчестере¹⁶⁰. В 1946 г. О.Б. Боровой получил британское подданство и только в 1969 г. уехал с женой в Женеву, где и скончался¹⁶¹.

У большинства российских ученых-беженцев накопилось много горького политического опыта. Революция и Гражданская война показали одну сторону политической жизни, а рост крайне правых политических групп в Германии и других странах тоже не облегчал дела. В этом контексте жизненный опыт математика Михаила Александровича Садовского (Sadowsky; 1902–1967) полон парадоксов. Кажется, политически он был очень наивен. Сын физика А.И. Садовского (1859–1923), профессора Юрьевского (Тартуского) университета, он родился здесь же, в 1916 г. уехал с родителями в Выборг, где учился и работал до выезда в Германию. В 1926 г. в Берлине он получил место преподавателя математики, а в 1927 г. — докторскую степень и должность помощника профессора Г. Хампла. В 1928 г. Садовский принял немецкое гражданство, на следующий год женился на немецкой еврейке и занял место приват-доцента. По его словам, и он сам, и его жена настолько ненавидели национализм в Германии, что еще в 1931 г. уехали в США, в университет штата Миннесота. Однако экономический кризис оставил глубокие последствия в американских университетах, и в конце 1933 г. Садовский был уволен ввиду недостатка средств. Он не мог найти другой работы в США и вернулся в Берлин, где его прежнее место было все еще свободно. Но вскоре из-за русского происхождения и еврейского происхождения его жены Садовскому пришлось оставить службу. В 1934 г. он писал в САП из Бельгии об отсутствии средств к существованию¹⁶². Пока Совет начинал заниматься его делом, Садовский получил место в Ленинградском университете, о чем и сообщил в декабре 1934 г.¹⁶³ Но, как в случае с США, он недолго оставался на родине. По словам Садовского, из СССР его выдворили в 1937 г. из-за того, что он не вводил коммунистические идеи в свои лекции и отказывался менять немецкий паспорт на советский. Вернувшись в Берлин, Садовский написал в ОЗНЗ, что его поло-

---

¹⁵⁷ См.: SPSL 242/2. 42.

¹⁵⁸ См.: SPSL 242/2. 48.

¹⁵⁹ См.: SPSL 242/2. 35.

¹⁶⁰ См.: SPSL 242/2. 67, 91–93.

¹⁶¹ Информация внука Борового, профессора Стивена Райхера (Reicher). См. также: SPSL 242/2. 98.

¹⁶² См.: SPSL 284/5. 237–240.

¹⁶³ См.: SPSL 284/5. 272.

жение стало еще труднее, чем в 1934 г., так как теперь в семье есть ребенок, а сам он не может вернуться в США, ибо разрешение на въезд больше недействительно в силу его отсутствия в стране свыше года¹⁶⁴. Несмотря на то что в письме Комитета помощи немецким ученым оценка научной и преподавательской деятельности М.А. Садовского была совсем не блестящей¹⁶⁵, в ОЗНЗ снова начинают подыскивать ему место. В разгар этой работы, в сентябре 1937 г., выяснилось, что Садовский уже в Палестине, куда он уехал к семье родственников жены¹⁶⁶. И хотя он снова жаловался в ОЗНЗ, что не может найти работу, так как не является евреем, на этом письме секретаршой ОЗНЗ написано карандашом: «Не отвечать»¹⁶⁷. В 1938 г. М.А. Садовский вернулся в США и работал в Иллинойсском технологическом институте.

В своей книге лорд У. Беверидж упоминает трагическую историю ихтиолога Владимира Вячеславовича Чернавина (Tchernavin; 1887–1949), который выделялся среди ученых, обращавшихся в ОЗНЗ, тем, что бежал прямо из СССР, а не из нацистской Германии¹⁶⁸. Потомственный дворянин, выпускник физико-математического факультета Петербургского университета, еще в дореволюционные годы Чернавин был участником научных экспедиций на Алтай и Тянь-Шань, а затем служил начальником ряда лабораторий и отделов Северного рыбопромышленного треста в Мурманске. В 1930 г. его объявили вредителем, арестовали и осудили на пять лет лагерей. Он был сослан на Соловки, затем работал на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Однако в 1932 г. Чернавину удалось бежать из лагеря, встретиться с женой и сыном, вместе с ними перейти финскую границу и добраться до Великобритании. Здесь они опубликовали воспоминания о жизни и аресте в СССР¹⁶⁹. Ряд влиятельных британских ученых, например биолог-эволюционист и философ Джюлиан Хаксли (Huxley, 1887–1975), знали о необычной эпопее семьи именно по этим воспоминаниям¹⁷⁰. Своей личностью и дружелюбным характером Чернавин очень нравился британским коллегам¹⁷¹. Профессор У. Адамс написал множество писем, стараясь найти ему подходящую работу¹⁷², но все предлагаемые места были временными и малооплачиваемыми — и в Музее естественной истории в Лондоне¹⁷³, и в Эдинбургском университете¹⁷⁴. Постоянное место никак не находилось, и однажды Адамсу прямо объяснили, что хотя у

¹⁶⁴ См.: SPSL 284/5. 274.

¹⁶⁵ См.: SPSL 284/5. 278.

¹⁶⁶ См.: SPSL 284/5. 280.

¹⁶⁷ SPSL 284/5. 283.

¹⁶⁸ Beveridge W. A Defence of Free Learning. P. 21–22.

¹⁶⁹ Tchernavin V.V. I speak for the Silent Prisoners of the Soviets. L., 1934. Его жена Татьяна Васильевна Чернавина (1887–1971) опубликовала свои воспоминания: Escape from the Soviets. L., 1934. Эти воспоминания были изданы в России: Побег из Гулага. М., 1996.

¹⁷⁰ См.: Julian Huxley to Walter Adams. 1 December 1935 // См.: SPSL 206/1. 44.

¹⁷¹ См.: SPSL 206/1. 276.

¹⁷² См.: SPSL 206/1. 198, 271.

¹⁷³ См.: SPSL 206/1. 19–20.

¹⁷⁴ См.: SPSL 206/1. 211.

Чернавина была высокая академическая квалификация, при выборе кандидатуры приоритет отдавался англичанину¹⁷⁵. Профессор Адамс стремился помочь и его жене, которая до ареста в 1931 г. была старшим научным сотрудником в Эрмитаже и также искала работу по специальности¹⁷⁶. Адамс писал ей рекомендации и помогал обоим супругам получить нужные документы у британских властей. Т.В. Чернавина даже обращалась к нему с вопросами об образовании сына¹⁷⁷. Архивные данные показывают, что коллеги были высокого мнения о профессиональных достоинствах В.В. Чернавина и хорошо относились к нему, но в 1949 г. он покончил с собой¹⁷⁸.

Вотличие от В.В. Чернавина, Лев Владимирович Черносвитов (Tchernosvitov, 1902–1945) покинул Россию молодым человеком и учился зоологии уже в Праге у русского профессора-эмигранта М.М. Новикова (1876–1965). Как и многие другие студенты-беженцы, он переменил не одну страну в поисках научной работы, в 1931 г. даже побывал в Аргентине, но к 1933 г. вернулся в Прагу. В ноябре 1938 г. его уволили как иностранца, и он обратился в ОЗНЗ, так как имел профессиональные контакты с Отделом зоологии Британского музея. Музей был готов содействовать ему, но нуждался в дополнительных средствах, так как уже поддерживал В.В. Чернавина¹⁷⁹. Благодаря содействию ОЗНЗ Л.В. Черносвитов приехал в Лондон 29 декабря 1938 г.¹⁸⁰ С июля 1940 г. он начал работать на Би-би-си¹⁸¹, но продолжал и научные исследования, сотрудничая с Британским музеем. В ноябре 1945 г. Черносвитов прислал в ОЗНЗ отчет о своей научной работе¹⁸², а 15 декабря скоропостижно скончался. Его дочь родилась в апреле 1946 г., уже после кончины отца, и это событие поразило всех его знакомых, в том числе В.С. Франка и Г.М. Каткова, работавших с Черносвитовым на Би-би-си. Эта новость дошла даже до жившего в Аргентине профессора зоологии Константина Ивановича Гаврилова (1908–1982), который хорошо знал ученого в Праге — у них были смежные интересы в биологии¹⁸³, а В.В. Чернавин написал его некролог¹⁸⁴.

История другого энтомолога, выпускника Московского университета Николая Ильича Баранова (Baranov, Baranoff, 1887–1981), эвакуированного из России в 1920 г. с войсками генерала П.Н. Врангеля, выглядела значительно более благо-

¹⁷⁵ См.: SPSL 206/1. 282.

¹⁷⁶ См.: SPSL 206/1. 252.

¹⁷⁷ Инженер Андрей Чернавин (1918–2007) работал на фирме Олега Александровича Керенского.

¹⁷⁸ См.: Trewavas E. Obituary: Dr Vladimir Tchernavin // Nature. 1949. May 14. P. 755–756.

¹⁷⁹ См.: SPSL 476/1. 77.

¹⁸⁰ См.: SPSL 476/1. 102

¹⁸¹ См.: SPSL 476/1. 127.

¹⁸² См.: SPSL 476/1. 139.

¹⁸³ См.: Российские ученые в Южной Америке: Письма зоолога К.И. Гаврилова историку Н.Е. Андрееву (1948–1980) / предисл. Е.Н. Андреевой, М.Ю. Сорокиной; подгот. текста А.А. Жидковой; comment. Е.Н. Андреевой, Н.Ю. Масоликовой, М.Ю. Сорокиной // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. М., 2012. С. 635.

¹⁸⁴ Proceedings of the Linnean Society. 1945–1946. Vol. 158. Pt. 2. 20 July 1947.

получно — многие годы он работал в Загребском университете (ныне Хорватия). После Второй мировой войны Баранов, как многие русские беженцы периода Гражданской войны, пытался избежать депатриации в СССР и оказался в лагере для перемещенных лиц в Австрии. Он обладал исключительной коллекцией насекомых и стремился связаться с Британским музеем, чтобы перебраться в Великобританию¹⁸⁵. Хотя коллекция вызывала большой научный интерес, возраст ученика оставлял минимальные возможности для получения им постоянной работы на островах¹⁸⁶, и в 1950 г. Баранов уехал в недавнюю провинцию Британской империи, а теперь новое самостоятельное государство Пакистан. Он жил в Лахоре до 1962 г., когда его сыну все-таки удалось получить для отца разрешение на въезд в Великобританию. Здесь Баранов-старший вновь обратился в ОЗНЗ и с ноября 1962 г. Общество начало выплачивать ему небольшую сумму, четыреста фунтов в год, для занятий научной работой¹⁸⁷. По-видимому, в этот период Н.И. Баранов начал описывать свою коллекцию и ее историю. Год спустя, в декабре 1963 г., он вновь просил ОЗНЗ о поддержке ввиду ухудшения здоровья и тяжелых материальных условий всей семьи¹⁸⁸. С этого момента Эстер Симсон поддерживала с ним и его женой постоянный контакт, чтобы помочь им просто по-человечески, а ОЗНЗ выделяло маленькие суммы фактически благотворительной помощи. Члены совета ОЗНЗ очень сочувствовали семье Н.И. Баранова и вплоть до конца 1970-х гг. помогали советами и небольшими средствами¹⁸⁹. Когда Эстер Симпсон вышла на пенсию, переписка ОЗНЗ с четой Барановых прекратилась, а сам Николай Ильич скончался в 1981 г.

Далеко не всем русским специалистам-беженцам, тем более в профессорском статусе, удавалось получить позитивный ответ от САП / ОЗНЗ — и тому были разные причины. Почвовед профессор Борис Nicolaevich Одинцов (Odintsov, 1882–1967), высланный в 1922 г. из советской России и работавший в Русском институте сельскохозяйственной кооперации в Праге, обратился в САП в 1933 г. Он сообщил, что остался без работы, так как чехословацкое правительство больше не могло поддерживать его учреждение¹⁹⁰. Профессор Ч. Гибсон оценил научные заслуги Одинцова не особенно высоко, но предложил найти для него место агронома¹⁹¹. По-видимому, такой вариант не слишком подошел бывшему профессору Петроградского университета, и после 1938 г. его переписка с ОЗНЗ обрывается. В 1945 г. Б.Н. Одинцов перебрался из Праги в Западную Германию, а с 1951 г. жил и работал в Нью-Йорке¹⁹².

---

¹⁸⁵ См.: SPSL 195/2. 275.

¹⁸⁶ См.: SPSL 195/2. 322.

¹⁸⁷ См.: SPSL 195/2. 334.

¹⁸⁸ См.: SPSL 195/2. 347.

¹⁸⁹ См.: SPSL 195/2. 368, 379, 399, 405.

¹⁹⁰ См.: SPSL 220/8. 365.

¹⁹¹ См.: SPSL 220/8. 361.

¹⁹² См.: Профессор Б.Н. Одинцов // Записки Русской академической группы в США. 1967. Т. 1. С. 208–210.

О ботанике и биохимике профессоре Владимире Васильевиче Лепешкине (Lepeschkin, 1876–1956) в архивах ОЗНЗ сохранилось мало сведений. Известно, что в 1934 г. он писал в САП из Вены, где в то время работал в Физиологическом институте местного университета. Лепешкин подробно перечислил свои многочисленные перемещения по различным странам в поисках работы и сообщил об отсутствии средств. На запросы САП о нем пришли положительные ответы, но постоянного места работы не нашлось, хотя варианты с временной малооплачиваемой работой в лаборатории предлагались¹⁹³. После 1935 г. писем В.В. Лепешкина в архиве САП нет. С 1947 г. и до конца жизни он занимался научной работой в Военно-морском институте медицинских исследований в штате Мэриленд, США¹⁹⁴.

Адриан Васильевич Дейша (Deicha, 1886–1952), профессор гидравлики в Горной академии и Институте путей сообщения в Москве, в 1924 г. выехал в научную командировку во Францию и в СССР не вернулся. В 1936 г. он направил в САП прошение о содействии, но ему ответили, что могут помочь, только если он потерял работу по политическим причинам¹⁹⁵. По-видимому, на этом отношения Дейши и ОЗНЗ завершились, так как дальнейшая переписка отсутствует. А.В. Дейша работал при Сорbonne, в 1941 г. во время оккупации Парижа был заключен в концлагерь, но сравнительно быстро освобожден и оставался во Франции¹⁹⁶.

Выпускник историко-филологического факультета Новороссийского университета в Одессе Николай Михайлович Иовец-Терещенко (Iovetz-Tereshchenko, 1895–1954) после ухода из России в 1920 г. преподавал в русских гимназиях в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, но уже к середине 1920-х гг. жил в Великобритании. В Оксфорде он ассистировал профессору-слависту Невилу Форбсу (Forbes, 1883–1929) и известному психологу, доктору Вильяму Брауну (Brown, 1881–1952)¹⁹⁷. Параллельно Иовец-Терещенко подготовил и защитил диссертацию о Слове о полку Игореве, получив за нее в 1928 г. степень по славистике, а после кончины профессора Н. Форбса в 1929 г. временно преподавал русскую литературу в Оксфорде в течение двух триместров. Отсутствие постоянной преподавательской работы, да и перспектив славистической карьеры заставили его изменить научную специальность. С 1930 по 1933 г. Иовец-Терещенко учился в Лондоне и готовил еще одну диссертацию — по психологии, за которую получил докторскую степень, а в 1936 г. опубликовал ее как книгу¹⁹⁸. Несмотря на наличие двух степеней и опубликованную монографию, он оставался без работы и средств. По совету английского поэта Томаса Элиота (1888–1965) в 1936 г. Иовец-Терещенко обратился в САП, который, несмотря на положительную рекомендацию поэта¹⁹⁹, не смог найти ему постоянную работу.

---

¹⁹³ См.: SPSL 200/6. 500, 520, 547.

¹⁹⁴ См.: Жидкова А.А. Возвращение Владимира Лепешкина // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 3. С. 518–528.

¹⁹⁵ См.: SPSL 242/6. 210.

¹⁹⁶ См.: Российское зарубежье во Франции. Т. 1. С. 466–467.

¹⁹⁷ См.: SPSL 505/1. 92.

¹⁹⁸ Iovetz-Tereshchenko N.M. Friendship-Love in Adolescence. L., 1936.

¹⁹⁹ См.: SPSL 505/1. 96.

Физик Владимир Исаакович Лазарев (Lasareff, 1904–?) покинул Россию в 1918 г. еще ребенком, окончил Институт кайзера Вильгельма в Берлине²⁰⁰ и работал там до 1933 г., когда из-за еврейского происхождения не мог более оставаться в Германии. Он уехал в Бельгию, где временно работал при Льежском университете. В своем письме в САП, сообщая о тяжелом материальном положении, Лазарев прилагал копию рекомендации ректора университета, также адресованную знавшему физика А. Эйнштейну. В архиве ОЗНЗ нет данных о поддержке Лазарева до Второй мировой войны, но сохранилась послевоенная переписка с ним. В 1946 г. он ответил на запрос ОЗНЗ и рассказал, что провел пять месяцев в немецком концентрационном лагере, затем покинул Льеж, воевал в Арденнах, а с октября 1944 г. присоединился к американским войскам в Бельгии и Голландии²⁰¹. После окончания войны Лазарев вернулся к работе в Льежском университете, опубликовал свои воспоминания о концлагере²⁰² и ряд научных работ в 1947 г. После этого его след исчезает.

В первые послевоенные годы в ОЗНЗ обратился ряд русских / советских ученых, стремившихся избежать депатриации в СССР. Биолог, бывший ректор Русского свободного университета в Праге Василий Сергеевич Ильин (1888–1957) писал в ОЗНЗ из Инсбрука (Австрия), где был председателем Русского эмигрантского комитета²⁰³. Знавший его Г.М. Катков написал письмо-рекомендацию, но пока в ОЗНЗ выясняли возможности работы в Великобритании, Ильин принял предложение Сельскохозяйственного института в Каракасе и уехал в Венесуэлу. В 1953 г. он был назначен профессором физиологии растений Университета Каракаса (Венесуэла), где оставался вплоть до своей смерти в 1957 г. и помогал ученым-беженцам, стремившимся уехать в Южную Америку.

Зоолог и эмбриолог Борис Иванович Балинский (Balinsky, 1905–1997), до Второй мировой войны работавший в Киевском медицинском институте, покинул СССР вместе с отступавшими немецкими войсками и первоначально устроился в Познани на территории Польши, а затем несколько раз менял место проживания. В поисках постоянной работы в январе 1946 г. он написал из Германии профессору Джюлиану Хаксли, который и переправил его письмо в ОЗНЗ²⁰⁴. Однако Общество ответило Хаксли, что свободное место для его протеже едва ли существует²⁰⁵. Впрочем, после консультаций ОЗНЗ с Эдинбургским университетом Балинский получил предложение отправиться в Шотландию на работу в Институт генетики животных. В 1949 г. он был приглашен в Университет Йоханнесбурга в Южной Африке и через пять лет возглавил там кафедру²⁰⁶.

---

²⁰⁰ См.: *Rürup R. Schicksale und Karrieren*. S. 247.

²⁰¹ См.: SPSL 333/9. 273.

²⁰² Lasareff V. La vie remporta la victoire. Liège, 1945.

²⁰³ См.: SPSL 504/3.

²⁰⁴ См.: SPSL 467/1. 103.

²⁰⁵ См.: SPSL 467/1. 107.

²⁰⁶ См.: Boris Ivan Balinsky. 10-9-1905 to 1-9-1997. URL: <http://www.microscopy.org.za/Documents/Members%20info/Borris.pdf> (дата обращения 12 декабря 2013 г.).

Похожая ситуация сложилась и у другого беженца Второй мировой войны — киевского медика, профессора рентгенологии и известного шахматиста Федора Парфеньевича Богатырчука (Bohatyrchuk, Bogatirchuk, 1892–1984)²⁰⁷. Ставший в 1944 г. членом Комитета освобождения народов России при власовском движении, Богатырчук обратился в ОЗНЗ из лагеря для перемещенных лиц в Байройте в 1947 г.²⁰⁸ Ранее он послал свои данные в британское Министерство здравоохранения и, поскольку ему долго не отвечали, тревожился, что письмо потеряно. Из ОЗНЗ его заверили, что ответ будет, но надо иметь в виду, что свободных мест, связанных с исследованиями по раку, в Великобритании нет, к тому же от иностранных медиков требуется сдача английских экзаменов по специальности²⁰⁹. В 1949 г. Богатырчук уехал в Канаду, где получил место профессора кафедры анатомии медицинского факультета Оттавского университета.

Профессор географии Владимир Петрович Полетика (von Poletika, 1888–1981), высланный из России в 1923 г. в Германию, впервые обратился в САП в 1934 г.²¹⁰ Однако сведений о том, что в то время САП ему помог, нет. В 1947 г. переписка Общества с В.П. Полетикой возобновилась. Он находился в лагере для перемещенных лиц в Германии и просил о помощи для переезда в Канаду вместе с женой и двумя детьми²¹¹. На запрос ОЗНЗ профессор географии Исаи Боуман (Bowman, 1878–1950), президент Университета Джонса Хопкинса (США), ответил, что найти работу для русского профессора не удается²¹². В дальнейшем В.П. Полетика, по-видимому, остался в Германии.

В 1954 г. ОЗНЗ просят выплачивать стипендию советскому инженеру, специалисту по ракетной технике Григорию Александровичу Токаеву (Токати, Tokaty, 1913–2003). Будучи направленным в Германию после окончания Второй мировой войны для сбора информации о немецком ракетном потенциале, в 1947 г. он перешел в Британскую зону оккупации в Берлине вместе с женой и дочерью, а в 1954 г. опубликовал свои воспоминания в Лондоне²¹³. Решение о поддержке Токаева, который сообщал, что нигде не работает, но надеется найти подходящую работу, принималось в ОЗНЗ трудно, так как эта ситуация была совершенно не похожа на обычное положение вещей. Члены совета Общества весьма опасались политических последствий того, что ОЗНЗ употребляют для того, чтобы выплачивать деньги перебежчику²¹⁴. Несмотря на опасения, Токаев получал стипендию в 1954 и 1955 гг. В 1957 г. Эстер Симпсон пыталась помочь найти работу для его

---

²⁰⁷ См. его воспоминания «Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту» (Сан-Франциско, 1978).

²⁰⁸ См.: SPSL 471/3. 431.

²⁰⁹ См.: SPSL 471/3. 372.

²¹⁰ См.: SPSL 336/5. 291.

²¹¹ См.: SPSL 336/5. 335.

²¹² См.: SPSL 336/5. 339.

²¹³ См.: *Tokaev G.A. Betrayal of an Ideal.* L., 1954; *Idem. Comrade X.* L., 1956.

²¹⁴ См.: SPSL 247/7. 325, 328, 332.

женены²¹⁵, но после этого года переписка ОЗНЗ с семьей Токаевых прекращается. Г.А. Токаев продолжал работать в Великобритании²¹⁶ и впоследствии возглавлял департамент аeronautики и космических технологий в Городском университете (City University) в Лондоне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По данным лорда Бевериджа, примерно 2600 ученых и исследователей (среди них очень небольшое количество женщин) обратились в САП и ОЗНЗ²¹⁷. Среди них только горсточка людей были русскими, и даже это определение очень условно. Почти все они родились в Российской империи, но после революции 1917 г. и окончания Первой мировой войны в 1918 г. паспорта, подданства, гражданства и границы менялись. Многие из этих людей были еврейского происхождения, и это сказывалось на их дальнейшей судьбе, даже когда они считали себя русскими по культуре. Они часто имели нансеновские паспорта, т. е. не имели гражданства, считая это демонстрацией своей верности России. Большинство из этих людей уже пережили трагедию беженства после раз渲ала Российской империи, а нацистская власть еще раз заставила их стать изгнанниками. В САП / ОЗНЗ старались им помочь. Но эти организации не могли обеспечить работой, в их компетенции было только дать временную стипендию и помочь с официальными документами. Одновременно они старались связать специалистов с людьми, которые интересовались их областью науки. Поддерживая эти контакты, эмигранты находили новую работу и могли построить новую жизнь.

Архивный материал ОЗНЗ, касающийся русских, показывает, как много талантливых ученых покинуло Россию в первой четверти XX в. Для людей старшего поколения, сделавших научную карьеру в России до 1917 г., САП / ОЗНЗ могли сделать очень немного. Большинство из них были уже слишком преклонного возраста, чтобы получить работу в британских учреждениях. Для тех, кому Общество смогло помочь, как, например, С.Л. Франку, помощь оказалась благотворительной. Для людей более молодого поколения, которые учились за границей или заканчивали здесь свое образование, шансов было немного больше, ибо они могли еще перестроить свою карьеру на новом месте. Но происходило это очень трудно, и сквозь официальные английские письма видно отражение личных трудностей: надо было спасать не только себя, но и родителей, жен и детей. Время от времени ОЗНЗ приходилось помогать также и членам семей, хотя, строго говоря, это не входило в задачи организации.

Кроме того, покинув Россию, ученые-беженцы или невозвращенцы фактически теряли привычный научный ландшафт — научные и образовательные учреждения и общества со своими традициями, школами, преподавателями и студентами.

---

²¹⁵ См.: SPSL 247/7. 366, 368–369, 376.

²¹⁶ См.: SPSL 246/7. 376.

²¹⁷ См.: Beveridge W. A Defence of Free Learning. P. VIII.

ми. Им приходилось теперь, с одной стороны, работать в международной научной среде, отличавшейся высокой конкуренцией, а с другой, адаптироваться к условиям реального положения различных научных дисциплин в мире. Так, например, до Второй мировой войны славистика привлекала минимальное внимание университетского руководства и общества. А в СССР в это время вырабатывался другой, политический подход к русской истории, литературе, экономике и т. д. Парадоксальным образом начало холодной войны помогло развитию славистики на Западе. Если посмотреть на профессиональную судьбу тех, кто занимался естественными науками, то заметно, что военные конфликты способствовали росту рабочих мест для инженеров или химиков, а вот биологам было крайне трудно найти подходящую работу в Европе.

В первой половине XX в. США были той страной, которая давала возможность развивать науку и найти себе место в обществе многим ученым-беженцам. Это была страна иммигрантов, менее связанных устоявшимися традициями и более сочувствовавших проблемам беженцев. Судя по переписке, в Великобритании немало людей действительно понимали ужасное положение ученых, которые оказались беженцами, но были и другие, которые придерживались старых понятий и не считали нужным приветствовать этих людей с их новыми идеями и другими методами.

Совет академической помощи возник в Великобритании в 1933 г. для содействия тем ученым, которые пострадали после прихода к власти в Германии нацизма. Его переименование в 1936 г. в Общество защиты науки и знаний отражало понимание происходивших изменений. Когда нацистская Германия вошла в Австрию в марте 1938 г., в Чехословакию в марте 1939 г. и в Польшу в сентябре 1939 г., и началась Вторая мировая война на Западе, ОЗНЗ должно было приспособиться к совершенно другим обстоятельствам. Многие из тех научных специалистов, которых оно раньше поддерживало и с которыми переписывалось, больше не могли находиться на связи, и было неизвестно, можно ли продолжать оказывать им помощь. С окончанием Второй мировой войны количество беженцев резко увеличилось, и ученые находились в бедственном положении в лагерях для перемещенных лиц. К счастью для многих, в это время, когда сама Великобритания была уже переполнена, а ее экономика испытывала большие трудности, стало значительно легче попасть в Северную и Южную Америку.

Один из исследователей считает, что главная ценность САП / ОЗНЗ в том, что они сумели объединить британский научный мир в поддержке академической свободы²¹⁸. Одновременно он полагает, что британское научное сообщество быстро поняло, что необходимо противостоять нацизму. Это утверждение можно принять в целом, хотя из переписки видно, что бывали случаи, когда иностранцам не хотели помогать или считали, что уже сделали достаточно. В самом САП в 1933 г. стремились помочь всем нуждающимся ученым-беженцам, но сравнительно быстро выяснилось, что содействие возможно только тем специалистам, у которых есть шанс получить постоянное место работы, и потому отказывали в помощи другим.

---

²¹⁸ См.: Zimmerman D. The Society for the Protection of Science and Learning and the Politization of British Science in the 1930s // *Minerva*. 2006. Vol. 44. P. 25–45.

Что касается русских ученых, то те, кто подал прошение очень рано, например С.О. Якобсон или Я. Маршак, получили сравнительно много от Великобритании, а также смогли преуспеть в США. Надо также заметить, что оба они отлично владели английским языком, и это сыграло важную роль. Великобритания стала убежищем для ряда русских ученых, которые собирались ехать в США. Г.М. Катков, Л.В. Черносвитов и А.М. Байков остались в Великобритания, но В.С. Франк, Н.Е. Андреев и В.В. Чернавин, которые также поселились в Великобритании, в первую очередь думали о США. Братья Буровые, инженер и химик, приняли британское подданство, но для многих других Великобритания оказалась промежуточной опорой, и впоследствии их жизнь и карьера развились в других странах. Я.И. Бикерман, Е.И. Рабинович и М. Канторович относились в категории специалистов, которые завершили свой жизненный путь в США. Здесь они нашли поддержку для своих идей и возможности для их развития, которых не существовало в Европе. ОЗНЗ также выплачивало стипендии некоторым ученым за границей, например Р.О. Якобсону, Е.М. Кулишеру, П.Ф. Миловидову. Немало научных специалистов обращались в Общество, но не получили поддержку по ряду обстоятельств. Тем не менее заметно, что члены ОЗНЗ очень любезно писали этим людям. Нередко они старались помочь им чисто по-человечески, даже когда было ясно, что просители не теряли работу по политическим причинам, а обращались как просто бедные эмигранты, у которых нет средств и которым некуда обратиться.

Для русских, которых ОЗНЗ поддерживало, это была очень существенная помощь, что они сами живо сознавали. Особенно ценилось бескорыстие этой акции. Общество старалось содействовать ученым в восстановлении их научной жизни, но ничего не требовало от них — ни благодарности, ни доказательств, что их научная работа удалась в новом окружении²¹⁹. Все эти ученые внесли значительный вклад в мировую и русскую культуру, и без той поддержки, которую ОЗНЗ оказывало им в самые трудные беженские годы, они не могли бы это осуществить.

---

²¹⁹ См.: Beveridge W. A Defence of Free Learning. P. 110–111. Беверидж цитирует А.М. Байкова и его благодарность ОЗНЗ за поддержку.

М.В. Ефимов

Д.П. СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ:
МЕЖДУ АРИСТОКРАТИЕЙ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ¹

Князь Дмитрий Петрович Святополк-Мирский (1890–1939) по праву считается одной из ключевых фигур в процессе знакомства англосаксонского мира с русской литературой в XX в. Написанные Мирским по-английски книги на долгие десятилетия стали основополагающими для западного читателя. Несколько поколений западных славистов были воспитаны «на Мирском». Сам Владимир Набоков, при всей эксцентричности и субъективности своих преподавательских методов, пользовался «Историей русской литературы» Мирского².

Мирский стал классическим автором в западной славистике, однако его первое жизнеописание появилось лишь в 2000 г.³ Книга Дж. Смита аккумулировала огромное количество самого разнообразного и труднодоступного материала. Материал этот все еще требует исследовательской рефлексии. Вместе с тем в России изучение биографии и наследия Мирского по-прежнему остается если не маргинальным, то, по крайней мере, факультативным исследовательским сюжетом⁴. В этом смысле показательно, что даже в работах, посвященных евразийству, Мирскому до настоящего времени не уделено должного внимания⁵.

Едва ли степень изученности наследия и биографии Мирского позволяет вычертить траекторию его судьбы, во многих отношениях парадоксальной. Рискнем предложить собственную гипотезу понимания этой крупной, значительной и трагической фигуры русского послереволюционного интеллектуализма.

Биографию Мирского можно представить себе в контексте ряда разноуровневых и взаимосвязанных оппозиций: военный vs. гуманист, литературный критик-эмигрант vs. историк литературы-англофон («русский князь» для англич-

¹ Автор благодарит Джеральда Смита (Оксфорд, Великобритания), Савелия Сендеровича (Италия, шт. Нью-Йорк, США) и Татьяну Марченко (Москва) за ряд ценных замечаний, сделанных ими при написании статьи.

² Подробнее см.: *Efimov M. Nabokov and Prince D.S. Mirsky // The Goalkeeper: The Nabokov Almanac / ed. Y. Leving. Boston, 2010. P. 218–229.*

³ *Smith G.S. D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. Oxford, 2000.*

⁴ См.: Ефимов М.В. Д.П. Святополк-Мирский: судьба творческого наследия и проблемы изучения: (К 120-летию со дня рождения) // Нансеновские чтения, 2010 / науч. ред. М.Н. Толстой. СПб., 2012. С. 274–288.

⁵ За исключением главы О.А. Казниной «Евразийский комплекс идей в литературе» в коллективной монографии: Гачева А.Г., Казнина О.А., Семенова С.Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М., 2003. С. 214–287.

чан vs. «английский профессор» для русских), филолог vs. историк, историк vs. идеолог, эстет-субъективист vs. евразиец (евразиец vs. «плохой» евразиец), эмигрант vs. возвращенец, «заочный коммунист» vs. жертва сталинского террора.

Во взаимном сцеплении этих оппозиций (которые можно множить и дальше) важную — и едва ли не ключевую — роль играет один уровень восприятия и самовосприятия Мирского, который, казалось бы, лежит на поверхности. Это — социальная идентификация и самоидентификация Мирского. Кажется, нет более известного сюжета, связанного с Мирским. История про «красного князя», «бывшего князя», «Рюриковича, ставшего коммунистом» знакома всем, кто хотя бы понаслышке знаком с именем Мирского. Однако известность сюжета никоим образом не означает его понятости.

Кем, собственно, был Мирский? Кем и когда он себя осознавал? Князем, решившим стать «бывшим»? кающимся дворянином? русским интеллигентом?⁶ бессословной жертвой эмигрантского *ressentiment'a*?

Характерно и значительно высказывание 21-летнего Мирского, завершившего свою единственную книгу стихов 1911 г. одой «Наш род», в которой писал о славе своего рода:

И вот встает все выше, горделивей,
Мужая в благодатном летнем блеске,
Чтоб в осень дней легко и величаво
Рассыпаться по плодородной ниве⁷.

В том же 1911 г., не окончив университета, Мирский поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии 4-й Стрелковый императорской фамилии полк.

К 1914 г. Мирский успел и выйти в отставку, и окончить университет, после чего началась война, и Мирский был мобилизован. Он, кажется, ни разу публично не высказался по поводу внешне парадоксального совмещения в своем лице кадрового гвардейского офицера и филолога и «сословных импликаций» этого. Не высказывался публично, но — сделал весьма показательное замечание в письме к Сувчинскому в 1922 г.: «...покойный Гумилев десять лет тому назад сказал

---

⁶ Не вдаваясь в обширные экскурсы и сопровождающие их дискуссии, отметим лишь, что, говоря о русских интеллигентах, мы разделяем точку зрения М.Л. Гаспарова: «Русская интеллигенция была западным интеллектуальством, пересаженным на русскую казарменную почву. Интеллигенция есть часть народа, занимающаяся умственным трудом, и только в силу исторических неприятностей берущая на себя дополнительную заботу: политическую оппозиционность. <...> И как власть была нерасчлененной и аморфной, так и формы интеллигентской оппозиции были нерасчлененными, литература, публицистика и философия сплавились в какой-то первоначальный синкретизм» (Гаспаров М.Л. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Российская интеллигенция: история и судьба / сост. Т.Б. Князевская. М., 1999. С. 11).

⁷ Мирский Д.С. Стихотворения. Статьи о русской поэзии / comp. and ed. by G.K. Perkins and G.S. Smith, with an Intro. by G.S. Smith. Oakland, 1997. P. 78. Есть искушение сравнить последние две строки со словами Мирского из его англоязычного первого «Русского письма» (1920): «...the seeds sown by history are slow in coming up» («...семена, посеянные историей, всходят медленно») (Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи / сост., подгот. текстов, примеч. и вступ. ст. В.В. Перхина. СПб., 2002. С. 25 (пер. с англ. Н.К. Шуликина)).

про меня <...> что, мол, говорит он глупости, но для стрелка и это хорошо. А Гумилев был человек вообще свободный от интеллигентщины»⁸.

Мирский прошел две войны — Первую мировую и Гражданскую — и, оказавшись в июне 1920 г. в Афинах, писал в сентябре того же года своему давнему знакомцу, английскому писателю М. Берингту: «Это были ужасные годы потерь (в феврале 1920-го был убит мой брат, погибли все мои друзья, за исключением двоих) и разочарований. Сначала в России, с ее Распутиным, Керенским, большевиками и всеми остальными, а затем и в Европе с ее бесславным Версальским договором, проклятым надувателем Вильсоном, ничтожным трусом Ллойдом Джорджем и предателями-французами. <...> Огромным благом является то, что после шести лет изоляции можно вновь вступить в контакт с широким миром»⁹. В другом частном письме, в 1923 г., Мирский говорил также о «чисто эмоциональной почве оскорбленного эмигрантского самолюбия»¹⁰.

Весьма характерно первое печатное высказывание Мирского по-английски, его «Русское письмо», опубликованное в декабре 1920 г. в «London Mercury»¹¹. В нем Мирский писал: «...направление течения высших слоев атмосферы очень часто противоположно направлению движения нижележащих слоев. <...> Кажется, это судьба России, что понимающий человек никогда не находит применения своим силам, а вся работа выполняется теми, у кого понимание отсутствует»¹².

Любопытно, что многое в последующих историко-литературных оценках есть некое развитие первого тезиса, а превратности биографии самого Мирского подтверждают второй.

В июне 1923 г. Мирский опубликовал в журнале «Slavonic Review» большую статью о Пушкине. В этом «введении в Пушкина», адресованном англоязычному (и специализированному) читателю, Мирский дает сравнительную характеристику Пушкина и русской интеллигенции: «Пушкин полностью лишен всех тех характеристик, которые обычно приписываются русской интеллигенции. Возможно даже, что самый легкий способ описать Пушкина — это перечислить характеристики русской интеллигенции и потом сказать, что Пушкин — это с точностью наоборот. Например, в политике интеллигенция выступает за равенство, анархию, радикализм; Пушкин — за свободу, закон и традицию. Интелли-

⁸ The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931 / comp. and ed. by G. S. Smith. Birmingham, 1995. P. 20. Гумилев — фигура для Мирского значимая именно в этом ключе. В августе 1921 г. в своем третьем «Русском письме» «Recent developments in Poetry. Poetry and Politics» («Современные течения в поэзии. Поэтика и политика») Мирский особо подчеркивал, что Гумилев — это «<e>динственный поэт, добровольно поступивший на военную службу <...> войсковым офицером он участвовал в кампании 1914 года в Восточной Пруссии» (Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. С. 37 (пер. с англ. М.В. Бондаренко)).

⁹ Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. С. 240–241 (курсив Мирского) (пер. с англ. И.Н. Герасимовой).

¹⁰ The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 23.

¹¹ A Russian Letter: Introductory // London Mercury. 1920. December. Vol. III. № 14. P. 207–209; перев.: Mirsky D.S. Uncollected writings on Russian Literature / ed., with an Intr. and Bibl., by G.S. Smith. Oakland, 1989. P. 45–50; пер. с англ. Н.К. Шуликина: Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. С. 23–27.

¹² Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. С. 25, 26.

генция питает отвращение ко всем установленным формам религии, но была бы рада принудительно ввести свое собственное безрелигиозное вероучение: это фанатизм без веры; Пушкин имел разумное уважение (я использую сейчас это слово в его подлинном английском значении) к освященным веками и действенным учреждениям христианской церкви, но сам в религии не нуждался. Интеллигенция не имеет интереса открывать фундаментальные законы, управляющие этическим универсумом, но сильно озабочена тем, чтобы навязать своим товарищам свои собственные законы. У Пушкина не было устойчивых взглядов на то, что хорошо или дурно в других людях, но он обладал почти сверхъестественным знанием этических законов, которые на самом деле управляют нашим миром. Интеллигенция испытывает глубокое уважение к профессии писателя и глубоко презирает ремесло; Пушкин мало думал о своей профессии и много — о своем ремесле. Эту серию антитезисов можно продолжать до бесконечности. Однако главное различие ясно и легко объяснимо: Пушкин принадлежал к иной России, чем литература интеллигенции; он принадлежал к другой и по сути отличной эпохе»¹³.

По сути, Мирский конструирует здесь некую устойчивую и весьма недвусмысленную в своей оценочности едва ли не вневременную антитезу: высокая дворянская культура, противостоящая интеллигенции как социальной группе с определенным и порочным типом «группового мышления».

Меньше чем через год, в сентябре 1924 г., в некрологе графу В.А. Комаровскому (1881–1914), с которым был хорошо знаком, Мирский скажет о «культурной почве» аристократии: «Он [Комаровский] вышел не из той среды, из которой выходили все деятели русской литературы и культуры за последние шестьдесят лет. Отприск старой, московско-петербургской дворянской фамилии с обширным родством и сильной семейной традицией, он был совершенно не задет интеллигентской культурой. Культурную почву его составляли семейные предания, старое, более французское, чем русское воспитание, старая дедовская библиотека <...> наконец, и едва ли не больше всего, свод анекдотов, дипломатических, светских, придворных, с прочным генеalogическим основанием, все услышанное с живых слов — непосредственная традиция, доходящая до самого осьмнадцатого века»¹⁴.

В словах о «незадетости интеллигентской культурой» совершенно очевидны сочувственные коннотации.

Характерно, что специфический «семейно-дворянский подход» самого Мирского виден и в упоминании в его англоязычной «Современной русской литературе, 1881–1925» («Contemporary Russian Literature: 1881–1925»; 1926), например, писавшего по-английски графа Петра Дмитриевича Бутурлина¹⁵ и поклонника

¹³ Mirsky D.S. Pushkin // Slavonic Review. 1923. Vol. 2. № 4. P. 71–84; перепеч.: Mirsky D.S. Uncollected writings on Russian Literature. P. 118–131. Русск. пер. цит. по: «Судья строгий, но праведный»: Статьи и рецензии Д. Мирского в журнале «Slavonic Review» (1922–1929) / публ., вступ. ст. и comment. О.А. Коростелева и М.В. Ефимова; пер. с англ. М.В. Ефимова // Русская литература. 2013. № 2. С. 208. Пер. с англ. здесь и далее, если не указано иное, автора.

¹⁴ Святополк-Мирский Д., кн. Памяти гр. В.А. Комаровского // Звено. 1924. 22 сент. № 86. С. 2.

¹⁵ По совпадению, родившийся в 1859 г. Петр Дмитриевич Бутурлин был почти ровесником отца Мирского, Петра Дмитриевича Святополк-Мирского (1857–1914).

Флобера и Бодлера адвоката князя Александра Ивановича Урусова¹⁶. В любой иной «нормативной» истории русской литературы эти имена едва ли были бы упомянуты. Характерно, что, говоря об Урусове, Мирский замечает, что тот «был одним из лучших литературных критиков своего времени, хотя критика его высказывалась в беседах и письмах», т. е. отсылает как раз к некоему внутрисловному референтному кругу, хорошо знакомому самому Мирскому — и закрытому для его читателей.

Важно отметить, что в повседневной жизни, в Великобритании и на континенте, общение Мирского с русскими аристократами — Голицыными, Бенкендорфами (в Великобритании), Шуваловыми (во Франции) — было лишь продолжением давнего дореволюционного знакомства или же — как в случае с бароном А.Ф. Мейендорфом — связано со служебными обязанностями преподавателя. Общение с родовитыми соратниками по литературной и евразийской работе — Трубецким, Сувчинским, Шаховским — было лишено каких-либо специальных сословных обертонов¹⁷. Мирский не имел намерения заводить светские знакомства и в британском высшем обществе (хотя, например, Морис Беринг и знакомил Мирского с леди Джулиет Дафф¹⁸).

Мирский был историком русской литературы и историком-руsistом. В своих англоязычных работах он неоднократно описывал генезис и российской аристократии, и российской интеллигенции (дворянской и разночинской), их эволюцию и взаимодействие. Как историк Мирский умел дистанцироваться от персональных сантиментов, каковыми бы они ни были¹⁹. Однако совершенно очевидно, что позиция Мирского не может быть описана как некое исполнение завета пушкинского Пимена: «Описывай, не мудрствуя лукаво, / Все то, чему свидетель в жизни будешь».

Мирский совмещал в себе дар историка-аналитика с генетически унаследованной идеей служения своему отечеству и собственной предназначенности для этого служения, понятому как обязанность и как привилегия. Идея эта ни в какой мере не была окрашена в какие-либо интеллигентско-народнические цвета, а прямо вытекала из наследственных семейных и сословных представлений о «государевой службе».

---

¹⁶ Mirsky D.S., *Prince. Contemporary Russian Literature: 1881–1925*. N. Y., 1926. P. 71 (Бутурлин), 68–69 (Урусов); Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск, 2007. С. 536 (Бутурлин), 533 (Урусов).

¹⁷ Показательно, что Мирский лишь однажды апеллирует к родословной князя Д.А. Шаховского, издателя и редактора журнала «Благонамеренный» — да и то в историко-литературном ключе: «Верно ли, что Вы — правнук кн. А.А. Шаховского, автора “Липецких вод” и т. д.?» (*Шаховской, архиеп. Иоанн. Биография юности: Установление единства*. Р., 1977. С. 207; пунктуация исправлена).

¹⁸ См.: Smith G.S. D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. P. 92.

¹⁹ Отметим, что до настоящего времени не предпринято сколько-нибудь последовательного и полного описания взглядов Мирского-историка, хотя Мирский и написал две «Истории России» (A History of Russia. London: Ernest Benn, 1927; Russia: A Social History. London: The Cresset Press, 1931), а также главу о средневековой Руси для «Кембриджской истории Средних веков» (Russia, 1015–1462 // Cambridge Medieval History. 1932. Vol. VII. P. 599–631). Отдельного рассмотрения также, безусловно, заслуживает книга Мирского о Ленине (Lenin: Makers of the Modern Age. London: The Holme Press, 1931; Idem: Boston: Little, Brown & Co., 1931).

В своей знаменитой статье 1931 г. «История одного освобождения»²⁰, объясняя причины своего обращения в марксизм-ленинизм и разрыв со всей своей предшествующей биографией, Мирский писал о начальном периоде своей эмиграции («около 1922 г.») как о времени, когда вместе с другими эмигрантами он, «ощущавший себя элитой нации, не мог не чувствовать себя парией, низшим существом рядом с довольной западной буржуазией и — в еще большей степени — в сравнении с победоносными рабочими и крестьянами нашей собственной страны»²¹.

При всей неизбежной идеологической окрашенности и заданности этого текста в нем определенно заложены принципиально важные для Мирского смыслы. Именно в этом ключе может быть понято евразийство Мирского — не как интеллектуальный quest, а как проект разработки новой имперской идеологии и ее воплощения на практике, в новой послереволюционной России. Мирский предельно четко сформулировал это в письме к Сувчинскому в марте 1929 г.: «...хочу поставить ребром вопрос: что мы делаем? и чего хотим? Дело не в содержании евразийства, а в его прикосновении с жизнью [sic]. Ждем ли мы власти? воспитываем ли новое поколение? занимаемся ли за других общеполезной проблематикой? стремимся ли влиять на Сталина?». Чуть раньше (декабрь 1928 г.), настаивая на превращении евразийцев в партию, Мирский отмечал: «Единственная альтернатива — отступление на чисто интеллигентские позиции, обращение в чисто идеологический кружок»²³.

Для Мирского «интеллигентское» (в том, по крайней мере, виде, как оно существовало в эмиграции) и было «идеологическим кружком», т. е. — пустым времяпровождением, с уже доказанной исторически бесплодностью. Потому и знаменитое нападение 1926 г. на «Современные записки» имело точно такое же основание: «В самом имени “Современных записок” — воспоминания о Некрасове, о Чернышевском, о Михайловском — “Современник” — “Отечественные записки”. Это — магистраль интеллигентской культуры, как партия с.-р. — микрокосм интеллигенции, равнодействующая ее направлений. Неслучайно поэтому, что после крушения интеллигенции, произошедшего всего через восемь месяцев после крушения породившей ее петербургской монархии, главное из того, что от нее уцелело, оказалось на эсерском плоту»²⁴.

Потому в конце 1927 г. Мирский и писал, что «<к>онечно, психоз и безумие было в начале 17 г., и октябрь был шагом к отрезвлению»²⁵, что считал интеллигенцию ответственной за крушение империи в феврале 1917 г. Потому, в целом довольно доброжелательно относясь к Алданову, Мирский считал его выразителем мнений и вкусов «буржуазной эмиграции», «грустящ<ей> о том, что она никогда и не была

²⁰ Опубликована сначала по-французски (*Nouvelle Revue Française*. 1931. 1 Sept. № 216 P. 384–389), а потом — в сильно сокращенном варианте — по-русски (Литературная газета. 1932. № 10 (179). 29 февраля. С. 2). Далее цитируется по английскому переводу Дж. Смита (*Mirsky D.S. Uncollected Writings on Russian Literature*. P. 358–367) французского текста Мирского.

²¹ *Mirsky D.S. Uncollected Writings on Russian Literature*. P. 361.

²² *The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931*. P. 122.

²³ *Ibid.* P. 115.

²⁴ Святополк-Мирский Д., кн. [Рец.:] «Современные записки» (I–XXVI. Париж 1920–1925 гг.). «Воля России» (1922, 1925, 1926 гг. № I–II. Прага) // Версты. 1926. № 1. С. 206.

²⁵ *The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931*. P. 96.

причастна к имперской власти и не участвовала в ее славе, сожалеющей о том, что, как ни плохо, а сочувствовали в свое время свергавшей ту власть революции»²⁶.

Вместе с тем Мирский ни в какой мере не был апологетом современного ему российского дворянства. Свою книгу о Ленине 1931 г. он начнет словами: «...не надо забывать, что накануне революции <1917 г.> российский помещичий класс достиг такого состояния культурного упадка, что простой факт обладания некоторой интеллектуальной культурой “деклассировал” тех, кто ею обладал, и отделял их от родного класса, неспособного иметь свою собственную интеллигенцию»²⁷.

Мирский «списал со счетов» русскую аристократию как политическую и интеллектуальную силу, что, собственно, и имел в виду Максим Горький, называя Мирского — после встречи с ним и Сувчинским в Сорренто в 1928 г. — «спецом по истреблению единокровных братьев», неизбежно обыгрывая происхождение Святополк-Мирского от князя Святополка Окаянного.

Однако Горький ошибался. В том же 1928 г. Мирский опубликовал в (заслуженно пользующейся дурной славой) газете «Евразия» текст принципиальной важности — статью «Тютчев (К 125-летию со дня рождения)». Эта статья меньше всего похожа на «заметку к юбилею». Мирский, уже осознавший себя марксистом, сформулировал в ней с предельной четкостью свое отношение к дворянскому наследию в истории русской культуры и «метафизике» этого наследия: «В своих величайших поэтах Русская Европа отрывалась от Империи и от постигнутого неотразимым роком своего класса. Линия дворянства уже не была восходящей, и созданная им империя была в параличе. <...> С восемнадцатым веком русский правящий класс утратил свою свежесть и наивность, свою обращенность наружу. Глубокая трещина в природе крепостной империи <...> делает весь XIX век, начиная уже с Пушкина, объективно трагическим — и направляет его внутрь. Эта обращенность внутрь отделяет век Толстого от века Ломоносова. Она принимает самые разнообразные формы от гамлетизма какого-нибудь Огарева до трагических автокарикатур Гоголя и до трагической автомифологии Блока»²⁸.

Мирский, в статье 1923 г. настаивавший на классицизме Пушкина как основе его мировосприятия и художественного мира, утверждает в статье 1928 г.: «Тютчев, как Пушкин, был наследник великой культуры классицизма, еще органически помнил Ломоносова и весь за ним стоящий европейский классицизм. У них было в руках достойное оружие, от них никем уж не унаследованное»²⁹.

Мирский приходит к осознанию того, что цветущая дворянская империя, «цветущее евразийство поэта Петровской индустриализации Ломоносова и поэта тропически-агрессивного Екатерининского крепостничества Державина»³⁰,

---

²⁶ Святополк-Мирский Д. Заметки об эмигрантской литературе // Евразия. 1929. 5 янв. № 7. С. 6.

²⁷ Mirsky D.S. Lenin. Boston, 1931. P. V.

²⁸ Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. С. 124.

²⁹ Там же. С. 122.

³⁰ Ср. это публичное высказывание с выраженным в письме к Сувчинскому в июне 1928 г.: «Последние дни читал Державина. Удивительный поэт! а для марксиста прямо пиршество! “Державин, или Золотой век дворянской империи”, Пушкин уже упадочник» (The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 107).

иссякла безвозвратно. Империя политически мертва и творчески бесплодна. Интроспекция художественно-плодотворна, но лишена силы, созидающей политический и этический космос. Вера в «новый классицизм»³¹ оказалась ошибочна.

Мирский, таким образом, оказывался в некоем сословном пограничье: он был «добровольно-деклассированным» аристократом, который зарабатывал в эмиграции себе на жизнь «интеллигентским» способом (преподавание, писание, лекции), не считая себя частью русской интеллигенции в ее эмигрантско-либерально-социалистическом виде.

Именно в этом ключе становятся понятны слова Мирского, обращенные к Максиму Горькому в конце 1930 г.: «...более нормальный путь обращения в советское консульство не кажется мне вполне удовлетворительным, т. к., во-первых, меня движет не советский патриотизм, а ненависть к буржуазии международной и вера в социальную революцию всеобщую; и во-вторых, что я совсем не хочу быть советским обывателем, а хочу быть работником ленинизма. Коммунизм мне дороже СССР»³².

«Коммунизм» в данном случае — это та «большая идея», которая должна была заменить Мирскому «идеологический кружок» евразийства и обеспечить ему некий новый — и, как он, возможно, предполагал, привилегированный — социальный статус взамен утраченного³³.

В 1928 г. Мирский писал, что «отрицание классов есть именно явление “демократически-плутократическое”. <...> ...У пролетариата гораздо больше общего с “феодальным” дворянством, которое никогда не отрицает своего классового существа»³⁴. Убедиться в ошибочности «социологического» сближения пролетариата и дворянства Мирскому, к несчастью, пришлось на собственном опыте.

³¹ В не опубликованной при жизни статье «О современном состоянии русской поэзии» (1922): «Мандельштам сказал: “Классицизм — поэзия Революции”. И если под Революцией понимают то, что начал Петр Великий, в этом есть доля истины. Классицизм — поэзия активная, поэзия Воли и Разума, искусствоteleologическое, в противоположность пассивному детерминистскому искусству, Романтизму. Именно отсутствие Воли и Разума сделало нашу “бескровную” бездарной. И присутствием их, если суждено нам победить, мы победим» (*Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. С. 84*).

³² Smith G.S., Kaznina O. D.S. Mirsky to Maksim Gorky: Sixteen Letters (1928–1934) // Oxford Slavonic Papers. 1993. № 26. P. 94.

³³ История «советского Мирского» — отдельный и сложный сюжет; см. об этом: Ефимов М. Мирский как советский критик: стратегия / трагедия двусмысленности // Политика литературы — поэтика власти: сб. ст. М., 2014. С. 214–226. Мы же упомянем здесь написанную Мирским в 1936 г. автобиографию, в которой Мирский подробно указывал все звания и должности своего отца, а также отмечал размеры земельных владений семьи Святополк-Мирских в Харьковской и Орловской губерниях. Публикатор документа называет это «вызовом», а упоминание поместий характеризует как «ненужное по существу», подчеркивая, что «[в] этом сказался характер Святополк-Мирского, чертами которого были, в частности, смелость, гордость родовыми традициями и обостренное чувство личности и личного достоинства» (*Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. С. 238*).

³⁴ The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 105. Мирский добавляет: «Это надо было сказать Трубецкому, в котором дворянские эмоции очень, в конце концов, сильны» (P. 105).

Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина

НОВЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА К БИОГРАФИИ
ИСТОРИКА ГЕОРГИЯ КАТКОВА (1903–1985)

Мы встретились в университетском Оксфорде, в одном из местных очаровательных кафе 12 августа 2009 г. К месту встречи наша 70-летняя гостья подъехала на велосипеде. Таня, Tanya Joyce, дочь русско-британского историка и философа Георгия Михайловича Каткова (1903–1985), согласилась на личное знакомство и небольшое интервью не без удивления и только после того, как услышала в названии пригласившей ее организации знакомое имя — Александр Солженицын. Оно оказалось паролем для англичанки, никогда не бывавшей в России и продолжающей относиться с недоверием к стране своих предков. Как выяснилось позже, такое отношение к писателю не было только обычной данью уважения автору всемирно известного «Архипелага ГУЛАГ», но значимой частью семейной памяти Катковых.

Исходно наша встреча была связана с поиском биографических материалов Г.М. Каткова для проекта «Российское научное зарубежье»¹. Автор четырех крупных монографий по российской политической истории конца XIX — начала XX в., изданных на нескольких европейских языках в 1960–70-х гг., хранитель и исследователь архива выдающегося австрийского философа и психолога Франца Брентано (Brentano; 1838–1917), одна из самых значимых и влиятельных фигур российской диаспоры в Великобритании второй половины XX в.², Георгий Катков не занимал высоких академических позиций и многие годы оставался в тени таких выдающихся соотечественников и коллег, как сэр Исаия Берлин (Berlin; 1909–1997) и профессор Леонард Шапиро (Schapiro; 1908–1983). Лишь на закате жизни он дал крохотное автобиографическое интервью Майклу Гленни и Норману Стоуну для книги «The Other Russia», собравшей воспоминания представителей трех поколений российской диаспоры³.

Тем не менее, как немногим русским эмигрантам первой волны, Г.М. Каткову посчастливилось увидеть свои книги изданными на русском языке. В 1984 г., еще при

¹ См.: Российское научное зарубежье: Материалы для библиографического словаря / авт.-сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. Пилотный вып. 2: Психологические науки. XIX — первая половина XX в. М., 2010. С. 57–58; Российское научное зарубежье: Библиографический справочник / сост. М.Ю. Сорокина. М., 2011. С. 325–326.

² О значительном интеллектуальном влиянии Г.М. Каткова на учеников и коллег неоднократно вспоминал профессор Женевского университета Ж. Нива, слушавший его лекции в Оксфорде (см.: *Нива Ж. Подарок Георгия Георгиевича: жить русским языком // Знамя. 2009. № 2; Он же. Феномен Солженицына // Звезда. 2013. № 9*).

³ *The Other Russia: The Experience of Exile / ed. by M. Glenny, N. Stone. L., 1990. P. 254–255.*

жизни Георгия Михайловича, известное парижское издательство «ИМКА-Пресс» опубликовало в серии «Исследования новейшей русской истории», основанной А.И. Солженицыным, и с его предисловием монографию «Февральская революция». В 1997 и 2002 гг. Русский общественный фонд Александра Солженицына и издательство «Русский путь» выпустили уже непосредственно в России сразу две исторические работы Каткова на русском языке — «Февральская революция» и «Дело Корнилова». Однако фигура их автора по-прежнему остается малоизвестной в России⁴, хотя для образованных читателей его фамилия относится к разряду «говорящих».

Действительно, Георгий Катков был внучатым племянником знаменитого публициста, основателя русской политической журналистики Михаила Никифоровича Каткова (1818–1887). Его отец — Михаил Мефодиевич Катков (1860–1941) — служил ординарным профессором Университета святого Владимира в Киеве по кафедре римского права, а мать — Екатерина Григорьевна (1866–1927), урожденная Головнина, приходилась племянницей известному либеральному реформатору, министру народного просвещения Александру II А.В. Головину (1821–1886)⁵. В эмиграции, где семья Катковых⁶ оказалась после нескольких лет хаоса и ужасов революций и Гражданской войны в Киеве, — сначала в Варшаве (Польша), а затем с 1922 г. в Праге (Чехословакия), восемнадцатилетний Георгий пошел по пути, достаточно нетрадиционному для русского беженца. Он окончил Русский юридический факультет в Праге (1922–1926)⁷, где преподавал его отец, а затем учился там же в Немецком университете (1929), где преподавание велось на немецком языке. Основной костяк студентов здесь составляли выходцы из пражской еврейской общины, а также чехи, желавшие учиться на немецком языке. Среди преподавателей были весьма популярны ученики Франца Брентано философ и психолог Кристиан фон Эренфельс (von Ehrenfels; 1859–1932) и философ Оскар Краус (Krauss; 1872–1942), отлично знавшие президента Чехословакии Т.Г. Масарика, также одно время учившегося у Брентано в Вене.

В интервью Майклу Гленни, названном «Гость Масарика», Катков немного рассказывал о роли президента Чехословакии в его судьбе: «Масарик проявлял ко мне интерес и давал деньги на мое обучение. Это были его собственные деньги, точнее — деньги, которые он получал от чешского правительства и мог тратить на свое усмотрение. На себя он не брал ничего, он был чрезвычайно скромным. За исключением лошадей — он любил ездить верхом, был чрезвычайно элегантен

⁴ Даже в новейшей энциклопедии «Общественная мысль Русского зарубежья» не указана дата его рождения, а также неправильно приводятся сведения об эмиграции и образовании (М., 2009. С. 335–336, авт. А.А. Федоренко).

⁵ Интересно, что именно М.Н. Катков сыграл важную роль в отставке А.В. Головнина с поста министра народного просвещения в 1866 г., см.: Головин А.В. Записки для немногих. СПб., 2004. С. 20.

⁶ Родной брат Г.М. Кирилл Михайлович Катков (1905–1995) стал известным художником, иконописцем и реставратором. Он учился в Карловом университете и Академии художеств в Праге, посещал заседания Семинария академика Н.П. Кондакова. Автор более 60 икон для иконостаса и клиросных преград церкви Успения Пресвятой Богородицы на Ольшанском кладбище. С 1929 г. жил во Франции. В конце 1930-х гг. уехал в Аргентину, расписывал католические храмы. В 1965 г. переехал в США. Выполнял работы для музея Н.К. Рериха в Нью-Йорке. Расписал синодальную церковь в Монреале (Канада), консультировал работы по росписи православной церкви в Ново-Дивееве под Нью-Йорком.

⁷ См.: ГА РФ. Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 392 (личное дело студента).

на лошади, прямо величественный... Русских он не любил, но помогал им, потому что русские помогали чешским беженцам...»⁸

Между тем благодаря протекции Т.Г. Масарика и ректора Немецкого университета О. Крауса молодой Г.М. Катков стал хранителем и исследователем архива Ф. Брентано при Немецком университете⁹, что сыграло в дальнейшем, в 1939 г., решающую роль при его отъезде в Великобританию¹⁰. В семье Катковых считали, что в условиях начинавшейся германской оккупации Чехословакии, когда новые власти тщательно проверяли благонадежность всех русских эмигрантов, в том числе и наличие у них еврейских родственников, приглашение из Оксфорда фактически спасло жизнь Георгия Михайловича и его невесты Елизаветы Пик-Петэрс (1910–1980), еврейки австрийского происхождения. Они поженились уже в Великобритании в декабре 1941 г., за несколько месяцев до рождения старшей дочери, Тани. По ее рассказам, многие считали этот брак странным — белорус и еврейка. Конечно, под «белорусом» имелась в виду не национальность, а «белый» русский, приверженец монархии и Белой армии.

Во время Второй мировой войны и в 1950–1959 гг. Георгий Катков служил на русской службе Би-би-си. Параллельно, в 1947–1950-м, он был лектором по философии в Оксфорде. Хотя Г.М. Катков очень любил преподавание, нельзя сказать, что его философская стезя сложилась удачно. Круг английских философов не очень-то принимал нового коллегу. Возможно, это обстоятельство способствовало тому, что с начала 1950-х гг. он решительно изменил научную специализацию и начал преподавать русскую историю, а также заниматься изучением истории русских революций. В 1956 г. при содействии сэра И. Берлина Г.М. Катков становится адъюнкт-членом Колледжа св. Антония Оксфордского университета, а с 1959-го до отставки в 1975 г. он действительный член Колледжа, член его Совета и университетский лектор по истории советских институций.

Стоит отметить, что Колледж св. Антония по британским меркам был основан совсем недавно — в 1950 г., значительно позже других оксфордских колледжей, объединенных в Оксфордский университет. До сих пор он считается самым космополитичным из них. Его специализация — международные отношения, мировая экономика, политика и история — всегда привлекала специалистов с беженским или эмигрантским прошлым, а значит, со знанием многих языков и страноведческих реалий, и одним из них был Гарольд Шукман (Shukman; 1931–2012), впоследствии известный британский историк-советолог, профессор Колледжа, ныне уже, к сожалению, покойный. Выходец из семьи еврейских эмигрантов, покинувших Россию еще до Первой мировой войны, выпускник университета в Ноттингеме, где он специализировался по русскому языку и литературе, в 1954 г. Шукман стал первым английским студентом, посетившим Советский Союз после начала холодной войны.

---

⁸ The Other Russia. P. 254.

⁹ Об этой работе сам Г.М. Катков вспоминал в: Katkov G. The World in Which Brentano Believed He Lived // Grazer Philosophische Studien. 1978. № 5. S. 11–27; см. также: Chisholm R. George Katkov as Philosopher // Ibid. 1985/6. № 25. S. 601–602.

¹⁰ Об обстоятельствах приезда Г.М. Каткова в Великобританию см. статью Е.Н. Андреевой «Общество защиты науки и знаний в Великобритании и помощь русским ученым-эмигрантам» в наст. изд.

Два года спустя ему доверили переводить бывшего председателя Совета министров СССР, в то время еще члена Президиума ЦК КПСС, Г.М. Маленкова (1902–1988) во время его пребывания в Великобритании. Начав с перевода, в дальнейшем Г. Шукман перенес центр своего исследовательского интереса на историю и переехал в Оксфорд, где стал членом Колледжа св. Антония. Он опубликовал несколько монографий по истории российских революций и сталинизма и перевел на английский язык многие художественные, мемуарные и научные произведения, связанные с историей СССР XX в. («Тяжелый песок» и «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, пьесы Исаака Бабеля и Евгения Шварца, мемуары А.А. Громыко, исследования Д.А. Волкогонова о Сталине, Ленине и Троцком и многие другие)¹¹. В течение десяти лет, с 1981 по 1991 г., профессор Шукман возглавлял Русский центр Колледжа и оставался здесь до выхода на пенсию в 1998 г.

Из этой небольшой справки понятно, что Георгия Каткова и Гарольда Шукмана связывали многие десятилетия сотрудничества, и неудивительно, что, получив наш запрос о поисках биографических материалов и захоронения русского коллеги, профессор Шукман сразу же откликнулся и связал нас с Таней Джойс. В письме к одному из авторов настоящей статьи (Н.Ю. Масоликовой) он тепло вспоминал коллегу:

«Known to Russian speakers as Georgii Mikhailovich and in English as Dr Katkov, or George, Georgii Mikhailovich was already a major presence when I joined St Antony's College, Oxford, as a graduate student in 1958. St Antony's College is one of the four graduates-only colleges of the University, and is organised on the basis of Area Studies — African, Chinese, Indian, International Relations, Japanese, Latin American, Middle Eastern, Russian, concentrating on history, politics and economics — with no “hard sciences” or Arts subjects. The exception was that there have always been some members of the Russian Centre who specialised in Soviet literature, although that was partly because of the significant element of Politics associated with Soviet literature. Among these specialists Max Hayward¹² was the best known, partly because he translated Dr Zhivago, partly because he was a pioneer of the political analysis of Soviet literature.

As a member of the Russian Centre, I attended the weekly seminar that had been meeting every Monday since 1953 — and still does to this day — and it was there that I first met George. His comments and interventions, and his lectures, were memorable, as he had a rather theatrical style of delivery, which gave his topics a much more colourful and lively character than was typical. He was a University Lecturer in Soviet Institutions, but he chose to concentrate his intellectual efforts on the history of the February Revolution of 1917.

As a junior member of the College, with friends among the other students, I did not get to know either George or the other senior members of the Centre for a while, though I well remember that on the eve of my D.Phil. oral examination, George took the trouble to give me some valuable advice on how to behave. I didn't remember anything he said when I was confronted by my examiners, Professors Isaiah Berlin and Leonard Schapiro! I had interrupted a year (1960–61) as a visiting scholar at Harvard, and returned to Oxford to take the exam, which was successful, and I was appointed a Junior Research Fellow at St Antony's soon after.

---

¹¹ См. официальную биографию на сайте Колледжа св. Антония: URL: <http://www.sant.ox.ac.uk/russian/shukman.html> (дата обращения 9 декабря 2013 г.).

¹² Хейворд Макс (Hayward; 1924–1979) — британский литературовед и переводчик.

Returning to Oxford later in the year, I bought a house not far from George's and started seeing him socially. Max Hayward was a frequent visitor at George's house, and soon became one at ours, too. Max organised a big conference on Soviet literature at St Antony's in 1962, which was attended by all the leading Western scholars of the subject in England, America, France and Germany, and we gave a memorable party for them at our house.

I started writing a book on Lenin, and George started his research for his book on February 1917, so we had plenty to discuss. My family soon became friends with his family: his wife Elizabeth, and his daughters Tanya, Nina (who died young), Helen and Madeleine. In 1962 Max Hayward and I collaborated on translating Evgenii Shvarts's Dragon (using a text that had been given to me by Nikolai Akimov, the producer I had met in Leningrad that summer after one of the few performances of the play), and later we translated Valentin Kataev's Holy Well (Svyatoi Kolodets); and George and I collaborated on writing a short illustrated book on Lenin (Lenin's Path to Power, 1971).

Some time in the early 1960s, the College learnt (whether from George or Max, I don't know) that Alexander Kerensky¹³ was in difficulties writing his last book of memoirs. He was at the Hoover Institution at Stanford at the time, and someone suggested he might find the atmosphere more conducive to writing at St Antony's. He duly arrived and the Fellows of the Russian Centre were each encouraged to spend time alone with him, discussing 1917 and thus prompting him to get on with his writing. I spent several hours with him and enjoyed our conversations, but George was his main interlocutor and on several occasions they each expressed profound differences of interpretation, which left George with a poor opinion of Kerensky, no doubt reciprocated by Alexander Fedorovich.

Among other notable visitors (all writers) to the Russian Centre were Fedin and Tvardovsky — Tvardovsky showed us how to open a bottle of vodka without using a corkscrew — Aksyonov and Tendryakov, Evtushenko, Voznesensky. We were invited to meet Anna Akhmatova when she came to Oxford to receive her honorary degree in 1965.

George had long suffered from chest infections, especially in the winter, and the Oxford climate made the problem worse. For many years, while the children were young, he would take the family to the Scilly Isles where they would walk along the shore and the cliffs to breathe the sea-air. After Max Hayward built his small house on the Greek island of Spetsae, George would take Elizabeth there in the winter to enjoy the warm climate. In January 1974, my wife and I were on holiday in Greece and drove to Spetsae where we spent time with George and Elizabeth, walking over the entire island and enjoying George's excellent cooking. After his retirement in 1975, and especially after his wife's death in 1980, George's health declined further, and he decided to sell the house in Oxford and move to his daughter Helen's house in Greenwich, London, where my wife and I visited him several times. A more important visitor was Alexander Solzhenitsyn, who went to see George on the occasion of his visit to England in 1983. This was the only personal visit made by Solzhenitsyn during his time in England»¹⁴.

---

¹³ Керенский Александр Федорович (1881–1970) — министр-председатель Временного правительства (1917).

¹⁴ Известный русским как Георгий Михайлович и англичанам как доктор Катков или Джордж, Георгий Михайлович был уже важной фигурой, когда я поступил аспирантом в Колледж св. Антония в Оксфорде в 1958 г. Этот колледж — один из четырех колледжей Оксфордского университета только для аспирантов и занимается в основном региональными исследованиями — африкан-

На память об этой встрече историка и великого писателя была сделана их совместная фотография, многие годы хранящаяся в архиве семьи Катковых и никог-

скими, китайскими, индийскими, международными отношениями, японскими, латиноамериканскими, ближневосточными, российскими, специализируясь на истории, политике и экономике; здесь нет в расписании точных наук или искусствознания. Исключением были несколько членов Русского центра, которые специализировались на изучении советской литературы, поскольку она была частично связана с важными политическими проблемами. Среди этих специалистов самым известным был Макс Хейворд, отчасти потому, что он перевел «Доктора Живаго», отчасти потому, что он был пионером политического анализа советской литературы.

Как член Русского центра, я посещал еженедельный семинар, который с 1953 г. и по сей день собирается по понедельникам, и именно там я впервые встретился с Джорджем. Его комментарии, замечания и лекции были незабываемы, так как он обладал истинным артистизмом, придававшим его выступлениям более красочности и живости, чем это было принято обычно. Он был лектор университета по истории советских институтов, но предпочитал сосредоточить свои интеллектуальные усилия на изучении истории Февральской революции 1917 года.

Как младший член Колледжа, дружищий с другими аспирантами, я не мог знать ни Джорджа, ни других старших членов Центра в течение некоторого времени, хотя хорошо помню, что накануне моих устных экзаменов на докторскую степень Джордж взял на себя труд дать мне несколько ценных советов о том, как себя вести. Выступая перед такими экзаменаторами, как профессор Исаий Берлин и профессор Леонард Шапиро, я, конечно, ничего не помнил из того, что он говорил! Мою учебу в Оксфорде прервал год (1960–1961), проведенный в качестве приглашенного ученого в Гарварде, и, вернувшись в Оксфорд для сдачи экзамена, что прошло успешно, я вскоре был назначен младшим научным сотрудником Колледжа св. Антония. Вернувшись в Оксфорд в конце этого года, я купил дом недалеко от дома Джорджа и начал с ним общаться. Макс Хейворд, который был частым гостем в доме Джорджа, вскоре стал и нашим гостем также. Он организовал большую конференцию по истории советской литературы в Колледже св. Антония в 1962 г., в которой приняли участие все ведущие специалисты по этой проблеме из Англии, Америки, Франции и Германии, и мы устроили памятную вечеринку для них в нашем доме.

Когда я приступил к написанию книги о Ленине, а Джордж начал свои исследования по истории Февральской революции 1917 года, у нас было много общих тем для обсуждения. Вскоре моя семья подружилась с его семьей — женой Элизабет и дочерьми — Таней, Ниной (которая умерла молодой), Еленой и Маделайн. В 1962 г. Макс Хейворд и я сотрудничали в переводе пьесы «Дракон» Евгения Шварца (используя текст, переданный мне Николаем Акимовым, театральным режиссером, с которым я встретился в Ленинграде в то лето после одного из первых представлений пьесы), а позже мы перевели «Святой колодец» Валентина Катаева. Джордж и я сотрудничали также в написании небольшой иллюстрированной книги о Ленине (*Lenin's Path to Power*, 1971).

В начале 1960-х годов Колледж узнал (возможно, от Джорджа или Макса), что Александр Керенский испытывал большие трудности при написании своей последней книги мемуаров. В это время он работал в Гуверовском институте в Стэнфорде, и кто-то предположил, что творческая атмосфера Колледжа св. Антония могла бы весьма содействовать Керенскому в его работе. И он действительно приехал в Оксфорд, и каждый член Русского центра мог провести с ним немало времени наедине, обсуждая события 1917 года и таким образом стимулируя написание мемуаров. Я провел с Керенским несколько часов и наслаждался нашими беседами, но Джордж был его главным партнером, и несколько раз они высказывали глубокие разногласия в интерпретации событий и фактов, что оставило Джорджа с плохим мнением о Керенском, без сомнения, отвечавшего ему взаимностью. Среди других известных гостей (писателей) Русского центра были Федин и Твардовский — последний показал нам, как открыть бутылку водки без использования штопора, — Аксенов и Тендряков, Евтушенко, Вознесенский. Мы были приглашены на встречу с Анной Ахматовой, когда она приехала в Оксфорд для получения почетной степени в 1965 году.

Многие годы Джордж страдал от болезни легких, особенно в зимнее время, а климат Оксфорда усугублял эту проблему. На протяжении многих лет, пока дети были маленькими, он возил свою семью на острова Силли, где они гуляли среди скал по берегу океана и дышали морским воздухом. После того как Макс Хейворд построил свой маленький домик на греческом острове Спетса, Джордж возил туда Элизабет зимой наслаждаться теплым климатом. В январе 1974 года моя жена и я были в отпуске в Греции и поехали на Спетса, где провели время вместе с Джорджем и Элизабет, гуляя по остро-

*Захоронение Г.М. и Е. Катковых на кладбище Хэдингтон в Оксфорде.
Фото Ю. и К. Смёдегаард*

да не публиковавшаяся. После нашей встречи в Оксфорде, по-видимому, в знак появившегося доверия Таня Джойс сделала нам дорогой подарок — несколько фотографий ее отца, в том числе с Александром Солженицыным, которые и публикуются в настоящем издании впервые.

Интересно, что в семье Солженицыных не знали об этом снимке, и по нашей просьбе в январе 2014 г. его прокомментировала Наталия Дмитриевна Солженицына¹⁵: «Встречу с Г.М. помню очень ярко, хотя она и была больше тридцати лет назад. Мы посетили Георгия Михайловича в Лондоне 17 мая 1983 года. Ему было 80 лет, и он уже не преподавал в Оксфорде, жил у замужней дочери в Лондоне. К этому времени мы уже организовали перевод его “Февральской революции” (*Russia 1917: The February Revolution, 1967*), бывшей настольной книгой для нескольких поколений западных студентов и аспирантов, изучающих историю России, и собирались в скором времени ее опубликовать в издательстве “ИМКА-Пресс”».

ву и наслаждаясь кулинарным искусством Джорджа. После отставки в 1975 году и особенно после смерти его жены в 1980 году здоровье Джорджа стало серьезно ухудшаться, и он решил продать свой дом в Оксфорде и переехать к своей дочери Хелен в ее дом в Гринвиче (Лондон), где моя жена и я бывали у него несколько раз. Значительно более важным посетителем Джорджа был Александр Солженицын, который приехал к Каткову во время его визита в Англию в 1983 году. Это был единственный личный визит Солженицына во время его пребывания в Англии». (Перевод М.Ю. Сорокиной.)

¹⁵ Приносим глубокую благодарность Н.Д. Солженицыной за отклик на нашу просьбу.

Об этой встрече Александр Исаевич упомянул в книге «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» (Ч. 3, гл. 9): «Ещё одна дорогая судьба, не послужившая России в полную силу, увядшающая в эмиграции. Обаятельный, душевный человек, такой тёплый голос. Много болезней, и правая рука потеряла силу писать, а по видимости — он держится, вот сидит на стуле, и разум совершенно ясный. Вот дарит мне свою книгу по-английски о корниловских днях, успел написать и её. И так точны его слова о Семнадцатом году. (Мы с ним почти сплошь совпадаем в оценках, и о Керенском увильчатом: не способный ясно ответить на вопросы Каткова о корниловских днях, тем более уклонялся оставить чёткую запись тех событий.) А вот — его начатые мемуары, и тоже по-английски, и нет сил докончить. Уговариваемся, что найдём ему русскую машинистку, и он будет диктовать ей русский вариант этих мемуаров. Вариант, не перевод! Может быть — успеет дать и русскую версию корниловской книги? А его “Февральскую революцию” мы думаем в этом году издать в ИНРИ в обратном переводе с английского, если он не задержит редактурой. (Как это, наверно, обидно: видеть свою книгу, переведенную на родной язык кем-то другим.)»

Через полтора года после встречи с А.И. Солженицыным, 20 января 1985 г., Георгия Михайловича Каткова не стало. Место его последнего упокоения находится в самом центре кладбища Хэдингтон (Headington) в Оксфорде, неподалеку от могилы отца, Михаила Мефодьевича Каткова. Надгробный памятник соединил в себе православный и католический кресты с именами «GEORGE KATKOV (1903–1985)» и «ELIZABETH KATKOV (1910–1980)»¹⁶. Причем по-русски имя Георгия Михайловича написано по старой орфографии. Панихида на его похоронах служил отец Георгий Гиббс (Gibbes, 1906–1993), чей приемный отец, архимандрит Николай, в миру Чарльз Сидней Гиббс (1876–1963), в молодости был наставником английского языка у детей последнего российского императора Николая II, а в 1934 г. принял православие и основал сначала в Лондоне, а затем в Оксфорде православный приход св. Николая Чудотворца. Насыщенная яркими людьми и драматическими событиями история обширной русской колонии в Оксфорде еще ждет своих исследователей.

Захоронение М.М. Каткова
на кладбище Хэдингтон в Оксфорде.
Фото Ю. и К. Смёдегаард

¹⁶ Наша самая искренняя признательность Юлии и Келду Смёдегаард за активное содействие в поиске захоронения Г.М. Каткова и знакомстве с профессором Г. Шукманом и Т. Джойс.

Н.В. Ликвинцева

«ВСЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО –
ЕДИНЫЙ, СИЛЬНЫЙ ПОТОК ЖИЗНИ»:
МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ СУРОЖСКИЙ
О СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА БЫТЬ ЖИВЫМ

В культуре XX в. тема жизни становится чем-то большим, чем просто одной из тем: одним из импульсов, задающих и ход развития культуры, и ее формы. В философии сам поворот от традиционной метафизики Нового времени к новейшей философии, стремящейся за пределы этой метафизики выйти, проходит через «философию жизни» Ф. Ницше и А. Бергсона и через идеи К. Маркса, с его попыткой соединить мысль с самим процессом жизнедеятельности человека в истории. Дальнейшее продумывание «жизни», как бы впускание ее внутрь мысли в экзистенциализме ведет к постановке, в качестве философских, проблем, непосредственно касающихся жизни человека. Установка на безопасное пребывание мыслителя в сфере рационально-теоретического, на его отвлеченност от жизненных катаклизмов сегодняшнего дня осталась в прошлом; внимание переносится в саму незавершенность настоящего, в рискованные и непосредственно касающиеся каждого «условия человеческого существования». Н. Бердяев видит здесь поворот от «символизма культуры», дававшего «лишь знаки наиреальнейшего бытия», к самой «наиреальнейшей жизни»¹. Мартин Хайдеггер размышляет о таинственном «зове бытия», в котором слышится все тот же жизненный призыв; Альберт Швейцер разрабатывает этику «благоговения перед жизнью»; Ханна Арендт вдумчиво описывает «*vita activa*»²; Мераб Мамардашвили в своих лекциях о Прусте детально продумывает отличительные признаки «живой жизни» и пути ее достижения.

Имя Марселя Пруста возникает здесь не случайно. Модернистский роман находится в самой сердцевине выстраивания новых отношений между культурой и жизнью³.

---

¹ См.: «Познание, искусство, мораль, государство, даже внешняя жизнь Церкви не преображали реальной жизни, не достигали сами по себе нового бытия, а давали лишь символы преобразления, лишь знаки наиреальнейшего бытия. Вот этот символизм культуры, в котором и было ее величие и красота, и переживает кризис. Цивилизация XIX и XX веков отрицает священную символику культуры и хочет наиреальнейшей жизни, хочет овладения жизнью и преобразования жизни» (Бердяев Н. Новое средневековье. М., 1991. С. 26).

² *Vita activa* — активная, деятельная жизнь (лат.). См.: Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельности жизни. СПб., 2000.

³ Установка на их сближение меняет саму форму романа: «новый роман» приводит длинные внутренние монологи героев и обилие деталей, словно призванных передать любой срез жизни (вспомним «Улисса» Дж. Джойса, где на многих страницах описывается один-единственный день), в текст включаются конкретные реалии жизни (например, фрагменты газетно-документальной хроники у Дж. Дос Пассоса и А. Солженицына), изменяется как авторская позиция, так и положения читателя (который из пассивного реципиента становится активной и творческой фигурой).

М. Мамардашвили пишет, что «Пруст и аналогичные ему авторы, такие как Джойс, Фолкнер, Музиль, Рильке, Эзра Паунд, возвращали нам гордость держания огня бытия <...> в противовес попытке устанавливать бытие на каких-либо налаженных и само собой действующих механизмах культуры»⁴.

Чтобы лучше понять особенности мысли митрополита Сурожского Антония и проследить, как преломляется тема жизни в его творчестве, обратимся к ближайшему для такого творчества контексту: к христианской богословской мысли XX в., к тому, что значит «жизнь» для верующего и церковного христианина. Здесь мы находим то же, уже отмеченное нами в культуре, противопоставление живого и рискованного личного, непосредственного опыта опосредующим механизмам его передачи, его символической и застывшей оболочке, уже ставшей маской и личиной. В сфере традиционной религии такое противопоставление оказывается в некотором смысле парадоксально-неожиданным, ведь оно как бы предполагает противопоставление личного опыта простому встраиванию в традицию, неотрефлексированному согласию с механизмами исторической передачи самих источников такого опыта, самих основ вероучения. Верующему в такой системе координат предлагается на собственном опыте убедиться в правомерности того, что он получил и узнал из традиции, саму веру свою не принимать легковерно. Ключевой фигурой такого типа богословствования является немецкий пастор Дитрих Бонхёффер, в 1945 г. расстрелянный нацистами за участие в заговоре против Гитлера. В письмах родным из тюрьмы он сформулировал парадоксально звучащие мысли о «совершеннолетии мира», уже не нуждающемся в Боге как лазейке для выхода из затруднительных положений, как привычной палочке-выручалочке. У такого «повзрослевшего» человека уже не «религиозное» отношение к Богу: «....наше отношение к Богу есть новая жизнь в “существовании для других”, в причастности к бытию Иисуса»⁵. Поворот к «другим» в таком богословии не случаен: если вера думающего и ищущего человека оказывается не чем-то наносным и случайным, но укоренена в его жизни, слита с ней в одно целое, такая вера немедленно оказывается верой «для других», протянутым и разделенным даром. Ключевыми понятиями такого неотделимого от самой жизни богословия будут «церковь для других» (как у Д. Бонхёффера) или «внешрамовая литургия», изливаемая в мир (как у православной монахини матери Марии Скобцовой). В этом же ряду стоит мысль католической монахини, ученицы Гуссерля Эдит Штайн⁶ или идеи французского философа Симоны Вейль, так и оставшейся на пороге церкви, но оказавшей глубочайшее влияние

---

⁴ Мамардашвили М. Психологическая топология пути: М. Пруст. «В поисках утраченного времени». СПб., 1997. С. 401.

⁵ Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность. М., 1994. С. 283.

⁶ Одна из книг, в которой собраны сочинения Эдит Штайн, озаглавлена «Потаенная жизнь» («The Hidden Life»). Взглядом феноменолога Э. Штайн видит, что внешние исторические события обусловлены невидимым присутствием в истории святых, людей, чья «потаенная» жизнь характеризуется внутренней связью с Богом: такая скрытая жизнь может быть незаметна для окружающих, но она, как фонтан, обязательно изливается вовне и определяет собой ход истории. См.: Stein E. The Hidden Life: Hagiographic Essays, Meditations, Spiritual Texts. Washington, DC, 1992.

на богословскую и религиозно-философскую мысль XX в.⁷ Богословие в такой парадигме становится не отвлеченными и абстрактными словами о Боге, но живым опытом Бога, которым можно поделиться с другими. Мысль, слово и жизнь образуют единое целое: недаром все упомянутые здесь религиозные мыслители погибли во Вторую мировую войну, сознательно и добровольно пойдя на риск и на смерть «за други своя».

Такая укорененность слова в самой жизни и в личном опыте общения с Живым Богом становится императивом и для митрополита Антония, постоянно напоминающего, что нужно не рассказывать о Боге, но показывать Его, являть Его самою своею жизнью: только так можно сегодня передать новизну христианской благой вести людям, уставшим от множества слышанных и не имеющих к их жизни никакого отношения вестей. Сам владыка в своих беседах не раз приводит образ английского писателя К.С. Льюиса: что верующие должны отличаться от неверующих так, как живые люди отличаются от статуй⁸, — т. е. в них должна быть притягательность живой жизни, то, что отличает живое от мертвого, жизнь от блеклого существования. Но, может быть, никто так подробно и вдумчиво, как митрополит Антоний, еще не продумывал связи этого всем нам хорошо знакомого чувства разлива и всплеска жизни, ощущения себя вполне живым, живущим в полноте, — с верой и личным опытом Живого Бога. Попробуем проследить ход мысли владыки, его аргументацию и ту антропологическую и экклезиологическую картину, какая возникает в итоге.

Одна из основных особенностей митрополита Сурожского Антония как оратора и проповедника — это востребованность его слова, получившего широкий резонанс и признание в самых разных аудиториях, далеко не всегда церковных. Почему русского православного священника-эмигранта, проживающего в не очень склонной к восприятию чужеродной культуры и чужеродного вероисповедания (а владыка везде выступал в церковном облачении) Великобритании, да еще и сохраняющего непонятную верность Московской патриархии, почему его снова и снова приглашают выступать с лекциями и беседами в университетах и институтах, в школах и больницах, на радио и на телевидении? Данный вопрос напрямую и ближайшим образом связан с нашей темой: форма, в которой излагает свои мысли о живой жизни митрополит Антоний, связана с содержанием этих мыслей, образует то же единство, о котором уже шла речь. Владыка ничего, кроме писем, не писал: многочисленные книги его

---

⁷ Симона Вейль рассматривает горизонталь «условий человеческого существования», определяемую ею как «сила тяжести», как некие рамки, в которых протекает жизнь человека (сюда относятся и физические законы, которым мы подчиняемся, и даже психологические и социальные нормы), — и «благодать», выводящую нас из подвластной силе тяжести горизонтали в вертикаль жизни, соединяющую человека с Богом. Путь из горизонтали в вертикаль лежит через Крест. См.: Вейль С. Тяжесть и благодать. М., 2008. Отметим, что тема Креста как проводника живой жизни принципиально важна и для творчества Эдит Штайн, и для матери Марии (Скобцовой), и, как мы увидим далее, для митрополита Антония Сурожского.

⁸ См., напр.: Антоний Сурожский, митр. Дом Божий // Антоний Сурожский, митр. Церковь. М., 2011. С. 165. Владыка цитирует книгу К.С. Льюиса «Просто христианство» («Mere Christianity»).

трудов появились благодаря самоотверженности его учеников и последователей (и прежде всего сестер Т.Л. и Е.Л. Майданович), расшифровывавших аудиозаписи устной речи, переводивших беседы с иностранных языков на русский и издававших и продолжающих издавать все новые и новые книги. Такая устная речь всегда ситуативна, всегда обращена не к какому-то абстрактному читателю, а к живым и конкретным людям, к вопросам, сомнениям и нуждам которых оратор всегда очень внимателен. То есть характерная для ХХ в. уже упомянутая нами нацеленность мысли на жизнь, на живое здесь сразу дана в полноте: автор не просто продумывает некую мысль и затем фиксирует ее в тексте, но сразу разворачивает эту мысль в ситуации незавершенности живой жизни, в ситуации обращенности к конкретным живым людям и общения с ними (формально такие тексты чаще всего представляют собой беседы с ответами на вопросы слушателей в конце). С евангельской формой повествования (также фиксирующей живую устную речь Спасителя, сопровождающую рассказами евангелистов о нем, его делах и поступках, вместе образующих единое целое) речь владыки роднит здесь и еще один момент: использование притч — коротких рассказов с живыми образами и будто на глазах рождающимися ситуациями, которые не навязывают слушателю уже готовую мысль, но погружают в ее исток и тем самым помогают ему родить ее самому, не просто услышать, но сделать частью своего опыта.

С одной такой притчи митрополита Антония мы и начнем попытку продумать его личный опыт живой жизни, отличия живого от неживого, «людей» от «статуй». Это притча о человеке, умирающем от рака печени. И сразу парадокс: один из самых ярких примеров торжества жизни дан в образе умирающего человека, человека в процессе умирания. Сюжет: человеку, привыкшему жить деятельной жизнью, поставлен смертельный диагноз. Владыка предлагает ему в ситуации невозможности что-либо делать — научиться быть, т. е. «как бы пребывать в вечности», потому что нельзя «просто быть» в пустоте. Условие: примириться с событиями собственной жизни, с собственной совестью и с окружающими и встреченными в жизни людьми, с Богом. Описываются болезненные этапы такого примирения, внутренняя борьба человека, который с помощью владыки движется к собственной сердцевине, «вскрывая слой за слоем». И вот кульминация процесса, со слов митрополита Антония: «И когда он уже умирал, недели за две до смерти, когда от него уже ничего не оставалось, кроме больших сияющих глаз, слишком слабый, чтобы держать ложку, он мне сказал: “Знаете, мое тело почти умерло, но я никогда не ощущал себя таким интенсивно живым, как сейчас”. И поскольку он обнаружил, что жизнь зависит не от физического состояния, а от цельности, которую приобрел, от жизни преизбыточествующей, в которую погрузился, он смог взглянуть в лицо смерти так, как не смог бы взглянуть, если бы предстал перед ней со всем грузом своего прошлого, со всей горечью, болью, неудовлетворенностью и отчуждением»⁹. Такая парадоксальная стыковка способности быть живым с предельной степенью физического нездо-

---

⁹ Антоний Сурожский, митр. Научитесь быть...: Духовные вопросы пожилого возраста. М., 2010. С. 23.

ровья и даже с умиранием не случайна: «бытие-живым» не является всего лишь разновидностью земных благ, это нечто совсем иное. В англоязычном докладе «Качество жизни» («The Quality of Life»), сделанном на медицинской конференции 1985 г. в Ноттингеме, владыка четко отличает жизнь от существования и выживания: «Выживание еще не означает, что мы живы. Жизнь предполагает качество жизни, цель и глубину. Просто существование и выживание — еще не то, что достойно человека. Под “качеством жизни” я отнюдь не имею в виду счастливую жизнь, легкую жизнь, комфорт, обилие благ, процветающее общество, отсутствие опасностей. Я имею в виду то, что живо в нас и что делает нас способными к творчеству, но позитивному творчеству — такому, которое служит другим, а не только нам самим»¹⁰.

В двух вышеупомянутых цитатах мы уже заметили два противоположных на первый взгляд образа: погружение человека в жизнь — и жизнь как что-то живое внутри нас самих, как что-то, как бы погруженное в нас. При этом из обеих цитат четко следует один вывод: что жизнь — это не возведенное в квадрат наслаждение жизнью, не здоровье, даже не счастье — но что-то совершенно иное. Радикальную инаковость этого состояния владыка подчеркивает постоянно. В беседе «О встречах и о последних свершениях» митрополит Антоний говорит о «такой новой жизни, которая не обязательно является более легкой, более привлекательной, а новой в том смысле, что эта жизнь в каком-то смысле ничем не похожа на нашу обычную жизнь, это жизнь, в которой царствует правда Божия, а не правда человеческая <...> Божие измерение, а не человеческие измерения; это новая жизнь, в которой мы должны вырасти и жить в меру Самого Христа...»¹¹.

Если не сопротивляться таким водным образом (погружение, глубина), дать себя увлечь переданной этими образами мысли, мы оказываемся в жизни как в самой новизне, «новизне всего»¹²: все вокруг и в нас самих настолько ново, что можно замереть в удивлении. Эту детскую способность удивляться и даже повторяющиеся воспринимать в его неиссякаемой новизне вспоминают многие, знавшие владыку: его из беседы в беседу повторяющиеся образы и притчи, особенно евангельские образы и притчи, им каждый раз переживаются заново. Потому что каждый раз — это единственный раз. Стать живым можно только здесь и сейчас, в мгновенной точке настоящего, тогда как прошлое и будущее —

---

¹⁰ Anthony, Metropolitan. The Quality of Life. Nottingham. May 1985. Medical Conference. Расшифровка еще не опубликованного доклада любезно предоставлена фондом «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского».

¹¹ Антоний Сурожский, митр. Человек перед Богом. М., 2006. С. 94. Ср. также с описанием Христовых учеников: «...в Нем они получают опыт вечной жизни уже пришедшей, нового измерения жизни, нового измерения отношений — онтологического, сущностного. Это не просто жизнь более величественная, более полная, богатая, более прекрасная. Христос принес им иного рода жизнь...» (Антоний Сурожский, митр. Воскресение и Крест // Антоний Сурожский, митр. Труды: в 2 кн. М., 2007. Кн. 2. С. 313).

¹² «Мне кажется, что дары предлагаются теперь так же, как и всегда. Вопрос в том, насколько мы принимаем их, потому что мы не способны поражаться и больше не воспринимаем новизну всего» (Антоний Сурожский, митр. Церковная община // Там же. С. 494).

удел существования в его отличии от жизни: «Мы не умеем — а надо научиться — жить в мгновении, в котором ты находишься: ведь прошлого *больше* нет, будущего *еще* нет, и единственный момент, в котором ты можешь жить, это *теперь*, а ты не живешь, потому что застрял позади себя или уже забегаешь вперед себя»¹³.

Такому собиранию жизни в одной точке настоящего научил владыку не раз вспоминаемый им случай из собственной юности. Однажды он, в то время еще не отец Антоний, а молодой человек Андрей Блум, военный врач и участник Сопротивления, был арестован в парижском метро немецкой полицией. Это был один из экзистенциальных и сполна пережитых моментов, изменивших его мировосприятие: он вдруг опытно и всецело прочувствовал тогда, что жить можно только в точке настоящего. Ведь в той точке почти неминуемого ареста прошлое уже не было, оно «не имело права существовать»: за это прошлое, за его участие в Сопротивлении его вот-вот расстреляют. «Будущего, оказывается, тоже нет, потому что будущее мы себе представляем, только поскольку можем думать о том, что через минуту будет»¹⁴. В той конкретной ситуации Андрею Блуму удалось избежать ареста, но это было не концом данной истории, а началом: сделанными тогда экзистенциальными выводами, своим опытным открытием этой точки подлинности, точки настоящего отец Антоний затем всю дальнейшую жизнь щедро делился со всеми.

Всмотримся в эту таинственную точку: ведь именно она, отсекающая прошлое и будущее и тем самым предельно концентрирующая в себе жизнь, и оказывается своеобразными воротами в вечность, опытом приобщенности к ней¹⁵. Такая точка похожа на воронку, пребывание в ней может быть описано в парадоксальных терминах: одновременно неподвижного покоя и движения на огромной скорости. Это «внутренняя устойчивость» (владыка часто использует этот термин, он весьма важен для его богословского словаря), которая является одновременно «динамичным покоем, покоем напряженным, полным жизни, покоем творческим»¹⁶, «совершенное равновесие, происходящее от такого напряженного биения, напора жизни, что кажется неподвижностью». Это, следовательно, динамичный, бодрый, радостный, живой покой всех сил души и тела»¹⁷, странное сочетание предельной скорости и неподвижности, высшей степени активности и противоположного активности покоя. Митрополит Антоний вслед за святителем Феофаном Затворником называет такое состояние «внутрьпребыванием» (еще один существенный богословский термин): представляется воронка, острием своим уходящая в глубь нашей души. Странная воронка, потому

¹³ Антоний Сурожский, митр. Без записок // Антоний Сурожский, митр. Труды. М., 2002. Кн. 1. С. 267.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ср.: «И вот эта вечная жизнь и есть духовная жизнь: жизнь, которая должна начаться теперь — не в будущем, не когда-то» (Антоний Сурожский, митр. Что такое духовная жизнь // Там же. Кн. 1. С. 325).

¹⁶ Сурожский Антоний, митр. Внутренняя устойчивость // Там же. С. 303.

¹⁷ Там же.

что, несмотря на сходство терминов, она ничего общего не имеет с солипсизмом или с психологической самоуглубленностью. Вспомним нашего ракового больного, с притчи о котором мы начали размышлять о признаках живого: он словно снимал с себя, и довольно болезненно, слой за слоем, продираясь в глубину этой самой воронки. Сдирать, снимать слой за слоем — значит: не вбирать в себя, а отдавать, выбрасывать балласт. Это точка предельной лишенности, точка необладания и, значит — точка свободы. Потому что, как правило, люди «прилипли» к внешним вещам, «живут жизнью, которая как щупальцами выбрасывается наружу»¹⁸, их поведение — не акция, а реакция, оно абсолютно обусловлено внешними обстоятельствами и ситуациями, они не действуют свободно, а лишь реагируют на внешние возбудители. Только святой, отказавшийся от обладания всем, совершенно свободен, он живет не «вне себя», а внутри, «под собственной кожей», дома. Конец нашей воронки — «это внутрьпребывание настолько углубленное, что оно достигает точки, где мы уходим корнями в тайну присутствия Божия. Это то, что отцы Церкви называют *сердцем* человека, — конечный пункт этого искания, последняя глубина, на которой человек обнаружил свой абсолютный центр и в то же время открывает, что именно здесь он — лицом к лицу с Богом»¹⁹. Так, нырнув в собственную глубину, мы, словно в стране чудес, прошли землю насквозь и вынырнули с другой стороны земли.

Прежде чем начать разговор о том, с Кем мы оказываемся лицом к лицу на своей предельной глубине, у самого истока жизни, обратим внимание на еще одну характерную деталь описания, данного в пространственных терминах, на используемые здесь образы. С одной стороны — это точка, сжавшееся до точки времени, миг. С другой стороны и одновременно — это воронка, похожая на туннель, уходящий в расширяющуюся даль, место простора, в котором возможно движение на огромной скорости, распахнувшийся горизонт. Того, кто находится в этой жизненной точке — просторе, характеризуют динамические термины: способность к позитивному творчеству, способность вырасти в меру самого Христа. То есть состояние живой жизни — это пространство движения, роста и изменения, способность быть живым — способность меняться (в отличие от неподвижно застывших в своей неизменности статуй). Еще одна из притч, повторяющихся во многих беседах владыки, — рассказ о неверующем человеке, по делу зашедшем в храм (ему нужно было передать посылку) и вдруг обнаружившем там нечто, что его изумило и чего он не встречал ни в каком другом месте. Тогда человек стал приходить еще и еще, пытаясь понять и уловить такую инаковость и притягательную для него особость этого пространства. Корень этой особости человек усматривает именно в том, что здесь люди могут меняться: он видит, как меняются лица людей после причастия, как меняется их манера общаться друг с другом, как люди становятся другими, не такими, какими они сюда вошли. Присутствие в Церкви Живого Бога этот человек обнаруживает через то, как этот Бог меняет людей. Именно ради встречи с таким Богом этот

---

¹⁸ Антоний Сурожский, митр. Внутренняя устойчивость. С. 304.

¹⁹ Там же.

человек и приходит в итоге в Церковь: он тоже хочет «быть измененным», хочет, чтобы и его «менял Бог»²⁰.

Сам момент рождения Церкви — Пятидесятницу, когда после воскресения Дух Святой снизошел на собранных вместе Христовых учеников, ставших после этого Церковью, — Владыка описывает именно в терминах такого изменения-оживания: «...в пятидесятый день после распятия Дух Святой сошел на учеников (Деян 2: 1-4), и они стали иными людьми, новой тварью, не по смелости, не по внешнему облику, а потому что жизнь воскресшего Христа влилась в них. Дух Святой их пронизал, как огонь пронизывает железо. Железо остается железом, но оно сияет, оно горит. Такими стали ученики. И тогда они вышли на проповедь. И люди, которые их встречали, уже встречали не обычновенных своих современников, которые рассказывали о том, что их Учитель воскрес, а людей, на которых можно было посмотреть и сказать: да, их Учитель несомненно воскрес, — что-то с ними случилось такое, чего мы никогда не видали и не переживали»²¹.

Опять обратим внимание на используемые образы: подлинная встреча с Богом увенчивается тем, что жизнь Христа, причем Христа воскресшего, влияется в нас; Дух пронизывает нас, как огонь железо. Образы, даже отдаленно ничего не имеющие общего с лубочным и поверхностно-бодрым псевдохристианством: такое вливание сразу вызывает в памяти картину беспомощного человека, распостертого под капельницей на больничной койке, или переливания крови, образ раскаленного в огне железа сразу напоминает о боли. Болезненные всякие роды: в этих рождается встреча с Живым Богом, т. е. с реально воскресшим Христом. Владыка не раз повторяет, что верующим можно стать, только реально, на личном опыте пережив определенный воскресение, приобщившись к нему. Владыка снова и снова, в разных аудиториях и контекстах, повторяет рассказ о еще одном своем опыте, полностью перевернувшем его жизнь: о своей первой встрече с воскресшим Христом. Будущий отец Антоний был тогда совершенно неверующим подростком, эмигрантским мальчиком в летнем лагере «Витязи», мечтающим сражаться и умереть за Россию и не собиравшимся слушать никаких поповских рассказней. На ту беседу со священником (которым был, кстати, отец Сергий Булгаков) его уговарили пойти, чтобы не нарушать витязевскую дисциплину, не срывать уже запланированной встречи: Андрею сказали, что беседу он может и не слушать, думать в это время о своем. Однако отец Сергий говорил слишком громко, и слова его все же долетели до ушей пытающегося думать о своем подростка, и как же его возмутила проповедь о кратости и смирении! После этой беседы, чтобы навсегда покончить с христианством и уже больше никогда не возвращаться к такому нелепому мировоззрению, подросток решил расставить все точки над i и лично убедиться, в самом ли деле там все так неразумно и нелепо, как он услышал. Для этого мальчик решил обратиться к первоисточнику. Но поскольку Евангелий целых четыре, он выбирает

---

²⁰ См.: Антоний Сурожский, митр. О Церкви // Антоний Сурожский, митр. Церковь. С. 55–56.

²¹ Он же. Беседы 2002 года // Антоний Сурожский, митр. Труды. Кн. 2. С. 31.

самое короткое, Евангелие от Марка. Вот за чтением этой книги с подростком и случилось событие, перевернувшее всю его жизнь: в какой-то момент он вдруг всем своим существом понимает, что по ту сторону стола находится воскресший Христос, что это не галлюцинация, не наваждение, но реальный и живой опыт. В таких многочисленных, бесконечных рассказах владыки о своей первой встрече с Богом примечательно то, что каждый раз это не рассказ о прошлом, о том, что было когда-то, это всегда дляющееся событие, дляющееся той длительностью неподвижной точки настоящего, о которой мы уже говорили.

Само слово «событие» тут тоже не случайно: событие как событие возможно только в сфере живого, только в ситуации жизни: человек, не живущий, а всего лишь существующий, не дотягивающий до жизни, пройдет мимо события, просто его не заметит. Термины «встреча» и «событие» тоже ключевые для богословского словаря митрополита Антония. Современный философ В. Бибихин любил слово «событие» писать через дефис, как «со-бытие»: вот он, момент вливания жизни, погружения в жизнь, момент сопряжения отдельной и частной жизни человека с тем, что есть сама Жизнь. Но разве можно этого достичь своими силами? Ведь событие всегда чистый дар, в него не врываются, в нем оказываются. Как человеку в такое событие попасть? На открытую дверь митрополит Антоний указывает снова и снова: это Евангелие. Вспомним, что событие встречи со Христом настигло Андрея Блума именно во время чтения Евангелия, первым же плодом встречи стало более внимательное чтение Евангелия как вести, адресованной лично ему. Цитируя слова Петра, обращенные ко Христу: «...куда же нам уйти от Тебя? У Тебя глаголы жизни вечной (Ин. 6: 68)», — владыка поясняет: «Когда мы читаем Евангелие, совершенно ясно делается, что Христос никогда не описывал вечную жизнь, поэтому “глаголы жизни вечной” — не речи Христовы, где бы Он *описывал*, как никто, что такое вечная жизнь. Нет, это Его слова, которые так ударяют в сердца, так проникают людей, что приобщают их той вечной жизни, которая есть жизнь Христова»²². Совет владыки предельно прост: он советует читать Евангелия не как исторический памятник или благочестивый текст, но как слова живого Христа, обращенные лично к тебе, думая над ними, сверяя с ними самого себя: в тех местах, где сердце наше горит и говорит «да» — там уже точки нашего соприкосновения со Христом, нашей сопричастности, это основа для нашего роста; те места, которые либо оставляют нас равнодушными, либо вызывают противление — это перспектива и направление роста, то, куда мы должны расти. Условие одно: принять эти слова настолько всерьез, чтобы позволить им «ударять в сердце», быть вбитым в него, как меч, как гвоздь, как то раскаленное железо, от образа которого мы уже вздрогнули.

Дар встречи — несказанный подарок, но получить его может лишь тот, у кого рука не ската в кулак, а разжата и беззащитно протянута вперед: дар может упасть в нее, как гвоздь, острием вниз, причиняя боль. «Все это может быть нам дано — если мы согласны это принять. Все, что мы можем сделать, — это

---

²² Антоний Сурожский, митр. Церковь и Евхаристия // Антоний Сурожский, митр. Труды. Кн. 2. С. 472.

открыться Богу и отдааться Ему <...> стать прозрачными, стать гибкими»²³. «Поэтому первое, на что надо решиться, это — на беззащитность, на то, чтобы открыть себя радости и горю, ласке и ударам жизни и все претворить в углубляющуюся, ширящуюся чуткость души, никогда не дать сердцу сжаться, а если оно сожмется, сказать: нет, распустись, открайся, тебе дано было сейчас пострадать, но это страдание тебя сделало участником Божественной скорби, Божественного страдания о мире; открайся, этим ты делаешься участником святыни!»²⁴

Только став прозрачными, только открав в своей душе все шлюзы, мы позволим божественной жизни, жизни воскресения течь в нас, увлечь нас в этот поток, только внутри которого мы живы. Болезненный и животворный процесс такого вливания жизни владыка не раз и подробно описывает со ссылкой на новозаветную притчу о садовнике, прививающем умирающий росток к ветке живого дерева (Рим. 11: 17–24). Сначала садовник, прививающий растение, вырывает росток из земли, так что тот теряет связь даже с той полу-жизнью, какая в нем была, собственная жизнь ростка вытекает из него, он умирает интенсивнее, чем умирал до сих пор. Затем, чтобы привить росток, садовник должен «надрезать живоносное дерево, и наше соединение со Христом, так же как соединение этой веточки с деревом, совершается рана к ране». И только после этого «живая жизнь этого животворного ствола начинает пробивать в росток»²⁵. Двигаясь от парадокса к парадоксу, мы подошли, может быть, к самой парадоксальной сердцевине христианского представления о живой жизни: чтобы ожить — надо сначала умереть, пройти через смерть.

Тема смерти и памяти смертной — одна из центральных в мысли митрополита Антония. Он не раз вспоминает еще в детстве слышанные и глубоко запавшие в душу заветы собственного отца: «Научись в течение всей жизни так ждать свою смерть, как юноша ждет свою невесту»; «Помни: жив ты или мертв — не имеет значения, даже для тебя. Важно, ради чего ты живешь и ради чего ты готов умереть»²⁶. Жизнь может быть живой только на фоне этой подступающей к ней смерти, придающей значительность каждому мигу и каждой детали этого мига: так, в общении с умирающей матерью значимо-говорящей становится каждая мелочь, каждая подробность, которая вдруг встает в полный рост именно потому, что может оказаться последней: например, то, как стоят на подносе чашки чая, ведь даже чашка чая в такой ситуации может стать выражением нашей любви²⁷.

Однако то умирание, которым наша ветка может быть привита к животворной лозе, — это вовсе не физическое умирание, хотя и включает в себя память о смерти. Ожить в этой болезненной процедуре прививки раны к ране мы можем, лишь будучи отрезаны от собственных корней, лишь потеряв то, что, как нам прежде

---

²³ *Он же*. Божественная литургия — местопребывание Духа // Там же. С. 457–458.

²⁴ *Он же*. Итоги жизни // Там же. Кн. 1. С. 347.

²⁵ *Он же*. Церковь и Евхаристия С. 469–470.

²⁶ *Он же*. Человеческие ценности в медицине // Антоний Сурожский, митр. Труды. Кн. 1. С. 34.

²⁷ См.: *Он же*. Смерть // Там же. С. 61.

казалось, и есть наша жизнь: она вытекает, уходит по капле в песок. Это, и только это, соответствует тому вскрыванию — слой за слоем — своей души, в котором, как мы помним, ожидал больной раком печени. Смысл такого кровопускания в том, что то, что нам прежде представлялось жизнью, — это «лжежизнь»; ничто так не загораживает подлинной жизни дорогу, как мы сами, то наше «я», которое «стеной непробитной» стоит между нами и жизнью. Условие и начало всякой аскетики — призыв Христа: «...если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною...» (Мф. 16: 24). Владыка поясняет: «Но что значит это отречение от себя? Большой частью мы думаем, что отречься от себя — значит устроить себе жизнь, лишенную радостей, жизнь, где все является жертвой, где ничего не остается, что могло бы сердце согреть, ум озарить, — и это не так. Потому что то “я”, от которого нам велено отречься, то “я”, которое стоит непроходимой преградой между полнотой жизни и мной, это не все “я”. Это какой-то поверхностный мелкий человек, заслоняющий собой весь горизонт, не дающий мне самому быть тем большим человеком, которым каждый из нас мог бы быть и стать». Отвергнуть «тюрьмную узость» такого поверхностного «я» — значит сказать себе: «Отойди в сторону, дай мне взглянуться в даль, в простор, в глубину! В этой большой, широкой, глубокой жизни и я найду себе место, но жизнь во мне не найдет места; человек может влиться в жизнь, но всю жизнь ограничить собой нельзя»²⁸. Вот она снова — наша воронка-туннель, уводящая в глубь души и одновременно выводящая на простор. Смерть, через которую надо неминуемо пройти на этом пути, — это не психологическая операция и не красивый образ, но нечто совсем иное: это, по владыке, приобщенность к смерти самого Христа, то погружение в его смерть, которое символизируют воды крещения: «...для того чтобы жить жизнью Христа, надо умереть смертью Христа»²⁹, погрузиться в его мертвость, носить в собственном теле ту «мертвость Господа Иисуса», о которой говорит апостол Павел (2 Кор. 4: 20).

Характерно, что все мысли владыки здесь предельно традиционны, укоренены в Писании, в учении Отцов; всякий, кто хоть немного интересовался православной аскетикой, найдет все предельно узнаваемым. В чем же секрет новизны, единственности слов и мыслей владыки, во многие сердца входящих так же ощутимо, как упоминавшийся гвоздь? Может быть, в предельной сращенности в личном опыте митрополита Антония Креста и воскресения в их нерасторжимом единстве. Так, например, положение учеников Христовых после распятия владыка описывает изнутри события, как будто сам становился его свидетелем: со смертью Учителя ученики потеряли все, что составляло их жизнь, сама жизнь вечная покинула их, ее больше нет. И только такое погружение в этот последний ужас оставленности, без-жизненности и смерти и дало им возможность затем реально участвовать в событиях Христова воскресения. Это единственный путь к тому опытному познанию воскресения, без которого невозможно быть верующим. Здесь стоит сразу отметить, что

---

²⁸ Антоний Сурожский, митр. Итоги жизни // Антоний Сурожский, митр. Труды. Кн. 1. С. 343.

²⁹ Он же. Дом Божий // Антоний Сурожский, митр. Церковь. С. 166.

такое прохождение через смерть — не единичный акт, не пересечение Рубикона. Такое углубление в жизнь и в смерть Христову, в опыт смерти и в опыт воскресения — одностороннее движение, та самая бесконечная воронка в глубь души, ее предел — беспредельность, бесконечность соединения с самим Христом, когда «уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2: 20), обожение (теозис), святость.

Характерно, что для владыки, как и для первых христиан, святость — не абстрактный идеал, но реальный императив, путь и результат оживания: «Поскольку наша святость может состояться лишь в тварном мире <...> то лишь в ту меру, в какую мы способны видеть и слышать, можем мы поступать соответственно, вернее, соответствовать воле Божьей, так что наше бытие становится творческим и спасительным действием, действием святости, которое послужит нашему освящению, но также и освящению всего мира. Здесь свое особое место занимает понятие мудрости. Эта мудрость отличается от человеческой “умудренности”. Мы видим ее в пророках, и патриархах, и в новозаветных святых: это их внутренняя способность хранить глубокий покой, быть абсолютно устойчивыми, глубоко и терпеливо глядываться в мир, в котором они живут, с тем чтобы различить в нем следы Божии, пути Божии, чтобы идти вслед Ему, потому что Он один — путь (Ин. 14: 6). И только на этом пути можем мы найти и поделиться истинной жизнью»³⁰.

Святость как обретение жизни, таким образом, отличается своеобразной мудростью, связанной с умением видеть и слышать из той точки глубинного покоя, о которой уже шла речь. Тогда еще одной отличительной способностью живого от неживого будет такое видящее зрение и слышащий слух — способность не просто смотреть, но видеть, не просто слушать, но слышать. Владыка постоянно напоминает о необходимости научиться молчать, потому что только из молчания можно вслушиваться и слышать. Видеть тоже нужно учиться — подлинное зрение возможно из той же точки молчаливого внутрьпребывания. Такое зрение и есть сама материя встречи, способ ее осуществления. Мы говорили о том, что владыка всегда находится внутри события: евангельское событие в его жизни разворачивается здесь и сейчас, событием становится каждый встреченный им человек, каждое обстоятельство жизни. Чтобы распознать событие как событие, нужно зрение, а мы «проходим мимо каждого и всех, мимо любого события. Потом, может быть, вспомним, а когда оно перед нами раскрывается, разверзается, мы его даже не видим»³¹. Так апостолы и Мария Магдалина после воскресения: одни не видели ангелов, другая не узнала Воскресшего — потому что застряли в своем горе и переживаниях и не видели того события, внутри которого уже находились. Присутствовать в каждом событии настолько, чтобы видеть и быть зрячим — это и есть, по владыке, непрестанная молитва. Он советует начинать каждый день с готовности воспринять все происходящее как дарованное Богом: каждую ситуацию, каждого встреченного человека, и потом

---

³⁰ Он же. Святость // Антоний Сурожский, митр. Труды. Кн. 1. С. 367.

³¹ Он же. Итоги жизни. С. 344.

не терять в течение дня такого зрения, которое все воспринимает как дар. «Поэтому на все нужно смотреть глазами художника или святого, другого выхода нет»³². В такой оптике живого взгляда различимо не просто событие как событие, видимы становятся, как говорит владыка, «разные пласти в событиях». «Есть, скажем, пласт, в котором ты живешь и тебе страшно или какие-то еще чувства одолевают тебя, а есть помимо этого еще какие-то два пласта: выше, над тобой — воля Божия, Его видение истории, и ниже — как течет жизнь, не замечая событий, связанных с твоим существованием»³³. (Например, опять-таки опыт, пережитый Андреем Блумом во время войны: ты лежишь под обстрелом, рискуя погибнуть в любой момент, а в траве ползают муравьи и тащат соломинку, и их можно увидеть, разглядеть, если быть зрячим, если оторваться от мыслей о самом себе и своей возможной смерти; это тот же пласт, что и чашки с чаем на подносе для умирающей матери — пласт маленьких вещей, вдруг вырастающих до огромной значимости.) Становление зрения связано все с тем же переводом взгляда с себя на мир вокруг, это взгляд из воронки внутрь пребывания в распахивающейся горизонте мира без нас, т. е. все тот же процесс очищения сердца, напрямую связанного со способностью видеть, ведь «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5: 8).

Только такими глазами, таким очищенным зрением возможно увидеть другого. Ведь ближний, которого нам заповедовано возлюбить, — это именно тот, кто нами увиден. По-настоящему увидеть — это уже значит: разделить судьбу, дерзнуть войти в обстоятельства чужой жизни, не пройти мимо, поставить в центр ситуации другого, а не себя. Многим знакомо это волшебное состояние, когда в людской безликой толпе вдруг начинаешь видеть лица, льющийся из каждого свет. Для встречи бывает достаточно одного взгляда, улыбки, прикосновения руки. Видение другого владыка сравнивает со взглядом на икону: она может быть затемнена и искорежена, но под слоем темной краски всегда — образ Божий. Его нужно увидеть, разглядеть. Если мы его не видим, «если мы в человеке, который перед нами, видим только его изуродованность и не видим вложенного в него Царства Божия <...> то мы, значит, слепы и сердце наше темно»³⁴. Наверное, все, кому посчастливилось встретиться с владыкой, помнят, это счастье — быть увиденным им.

Вот как описывает взгляд митрополита Антония Ольга Седакова: «Но тут в его взгляде, как будто ушедшем — в печальную глубину — вдруг загорелся тот веселый огонь, который знают все, кому пришлось вблизи видеть его переменчивое лицо: веселый, непобедимый, видящий все как есть.

— Бог подскажет.

Скорее всего, он и не сказал этих слов. Они просто загорелись в его глазах. Он посмотрел на меня не то чтобы не своими глазами — своими: но еще и глазами великой, бессмертной победы, глазами Воскресения, глазами близко стоящего Царства. Поразительно было не только то, что такие глаза совершенно въяве

---

³² Антоний Сурожский, митр. Итоги жизни. С. 330.

³³ Он же. Без записок // Антоний Сурожский, митр. Труды. Кн. 1. С. 344.

³⁴ Он же. Итоги жизни. С. 348.

можно увидеть здесь и сейчас и вблизи — но то, что и я при этом оказалась не совсем тем, кто только что спрашивал его: я оказалась тем, кого эти глаза видят! И по существу, нужно ли человеку какое-то еще утешение, какой-то еще совет? Вспомни, как ты видим, как ты любим, как ты навсегда не забыт — вот весть, с которой Владыка выходит к своему собеседнику»³⁵.

Такой взгляд любви, который щедро дарил всем встречным людям владыка, обладает оживляющим эффектом. Быть живым — значит: оживлять другого, давать возможность жизни пройти сквозь тебя — чтобы выйти к кому-то другому — к тому, за которого, возможно, придется даже умереть, кому жизнь нужнее, чем тебе. И это еще один парадокс христианства, до предела заостренный бескомпромиссной мыслью митрополита Антония: если мы попытаемся удержать эту льющуюся сквозь нас жизнь, остановить ее поток на себе, мы уже не сможем остаться живыми, мы тут же сползем на уровень не-жизни, просто существования. Но, разжав руки и позволив ей течь сквозь нас к другому, к ближнему, мы вдруг и сами окажемся внутри потока, мы будем живыми. Так свет проходит через витраж — насквозь и не задерживаясь, и только тогда витраж, если он прозрачен, начинает сиять. Богословие владыки — подлинное откровение такого победного движения света, его нарастания в мире, несмотря на всю реальность тьмы, свидетельство о том, что «свет здесь», что жизнь жительствует.

Водные и световые образы дают прочувствовать само движение жизни, ее динамику, поток, проходящий через все человечество, так что от каждого из нас зависит выбор: стать прозрачным и дать ему пройти сквозь, к тому, кто рядом, кто сейчас ближний и кому жизнь нужнее, чем мне, — или стать преградой на его пути, плотиной, затором. Потому что жизнь одна: «Это показывает, что все человечество — единый, сильный поток жизни, что все мы совершенно переплетены между собой, что мы призваны не только быть несомыми, но и нести, активно действовать и быть»³⁶. Такой единый поток любви, проходящий через нас как через единое Тело Христово, — и есть, по владыке, Церковь. Экклезиология митрополита Антония полностью укоренена в его антропологии: Церковь понимается им как богочеловеческое общество, как связь людей, приобщенных к Богу как источнику любви и жизни, людей, пропускающих этот поток любви и жизни (в их единстве) сквозь себя: ведь «...любовь — это не чувство или эмоция, но избыток победоносной жизни, жизни, которая столь интенсивна, столь наполнена, столь глубока и абсолютна, что может сама изливаться вовне, уже без оглядки на риск, на опасности, на потери, это такое дарение себя, которое в то же время как раз и будет победой жизни в человеке»³⁷.

Такая картина удивительно динамична (мы помним, что динамику, способность изменяться мы сразу выделили как один из признаков живого): поток любви, жизни, света, тот поток, только внутри которого мы и можем быть жи-

---

³⁵ Седакова О.А. Сила присутствия // Седакова О.А. Четыре тома. Т. 4: Moralia: Эссе, лекции, заметки, интервью. М., 2010. С. 847.

³⁶ Антоний Сурожский, митр. О церковных праздниках // Антоний Сурожский, митр. Церковь. С. 102.

³⁷ Anthony, Metropolitan. The Quality of Life.

выми, живущими, ни для кого не закрыт. По владыке, нет ни одного человека, вообще не причастного этому потоку, отделенного от него непроходимой стеной. В основе антропологии митрополита Антония лежит удивительная вера в человека и надежда на окончательную победу жизни над смертью, света над тьмой в каждом человеческом существе, а через человека и во всей твари: «И нам необходимо помнить: эти свет, тепло, присутствие простираются до пределов мира, и нет ни одной твари, ни одного сотворенного существа или предмета, которого бы они не коснулись»³⁸. В такой «динамической» экклезиологии проблема границ церкви снимается сама собой: снимается самим понятием «приобщенности», причастности к этому потоку Божественной любви и жизни, в который всегда может быть принят любой, для которого нет чужих и не-своих, который хочет излиться на всех. Подлинным членом такой Церкви (как Тела Христова), подлинным причастником такого потока любви и жизни оказывается лишь тот, кто позволяет этому потоку течь сквозь себя к тем, кто пока еще вне потока, кто еще не-живой, еще вне этой ткани общей жизни, в которой его отсутствие столь ощутимо.

Интересно, что такая динамическая картина мерцающей приобщенности всех и каждого к жизни, единой на всех, дана в аспекте не только пространства, но и времени, истории человечества. В последних беседах, которые владыка уже незадолго до смерти проводил в лондонском приходе, он рисует удивительную картину человеческой истории как все того же мерцания тьмы и света, «полумрака» (в русском переводе, по-английски используется слово *twilight*, означающее не только полумрак, но и сумерки, промежуточное состояние между светом и тьмой, переход одного в другое). Вся история и представляет собой такой клубящийся туман полумрака, в котором перевешивает то свет, то тьма. Но история предваряется «метаисторией»: тем, что было до грехопадения, состоянием чистого и беспримесного света. К такому же свету история и движется как к своему концу: к состоянию, когда Бог будет «все во всем», когда тьма будет окончательно побеждена. Сумерки характерны тогда для собственно исторического времени, времени между двумя этими полюсами света. Это как бы система координат, и вот в ней и дано самое интересное: воплощением Христа и сошествием Святого Духа свет последнего полюса, чаемый свет конца времен уже здесь, уже дан. Усилием видения (увидеть свет в себе, в жизни, в ближнем, увидеть собственную жизнь в таком свете, увидеть действие Бога в ней, разглядеть событие как событие, встречу как встречу) и оживания мы можем уже сейчас приобщиться к этому свету окончательной победы над смертью и тьмой, стать его причастниками, возрастать в нем, дать ему постепенно пронизать нас сквозь. Владыка пишет: «В этом смысле уже сейчас, хотя зачастую мы недостаточно зрячи, чтобы ясно это видеть, свет рождается, разгорается и льется все дальше и дальше. Не каждый из нас способен увидеть его, не каждое мгновение он сияет с одинаковой силой и незамутненностью, но свет, который мы ожидаем в будущем, когда Бог будет *всё во всём*, уже возгорелся в Воплощении и в

---

³⁸ Антоний Сурожский, митр. Уверенность в вещах невидимых: Последние беседы. М., 2012. С. 179.

существии Святого Духа. Мы живем в мире, в котором полумрак — не просто отсутствие первичного, изначального света сотворения мира. Свет, который присутствует в нашем мире, уже свет свершения, божественное присутствие, присутствие Бога чаемое, явленное и воспринятое теми, кто верит. Полумрак, в котором мы живем, в этом смысле — не отсутствие света, а постепенное возрастание к свету, в свет, или, вернее, это свет, который постепенно пронизывает нас и все вокруг»³⁹.

Вспомним воронку внутрьпребывания, с которой мы начали разговор о способности человека быть живым, воронку, уходящую в самые глубины человеческой души, к образу Божьему в каждом из нас. Мы вышли к окружности такой воронки, охватывающей собою всю бесконечность пространства и времени, историю, весь мир, все и всех впускающей в этот ширящийся круг жизни.

В качестве заключения отметим еще один парадокс, характерный для богословия митрополита Антония. Мы получили в итоге весьма оптимистическую, обнадеживающую антропологическую и экклезиологическую картину, в центре которой: вера в человека, надежда на приобщение к Жизни всех и каждого, Церковь как открытость. При этом то и дело в ходе рассуждения мы вслед за владыкой использовали весьма болезненные, ранящие образы: прохождения через смерть, прививки раны к ране, раскаленного железа. Такой «двойственный» эффект вызывает каждая из бесед митрополита Антония. Ольга Седакова заметила, что слово владыки обращено к «взрослым» (вспомним терминологию Д. Бонхеффера, писавшего о совершенолетии мира и повзрослевшем человечестве), современным людям, не принимающим легковесных утешений⁴⁰. Это слово не стремится утешить, обнадежить, поддержать, наставить. Оно просто делится тем, что пережито лично и на предельной глубине, уважая свободу слушателя принять его или отвергнуть, дорести до того, о чем идет речь, самому, — такое слово не имеет ничего общего с моральной сентенцией и становится проводником жизни, приглашающим жестом: круг жизни открыт, каждый, кто хочет, может в него войти. В бытии-живым, которое такое слово не столько описывает, сколько является, предъ-являет слушателю и затем читателю, нет заманивания или идеализации, есть четкое указание на риск и болезненность, на отсутствие гарантий (ведь надежда далеко не гарантия). Но поскольку это слово произнесено человеком совершенно живым, произнесено изнутри бытия-живым, из самой сердцевины его динамики, из того покоя, совпадающего с движением на огромной скорости, о котором шла речь, оно оказывается услышанным, помогающим слушателю перейти от статики к динамике, сделать шаг к бытию-живым. Убедительность такого слова обеспечена еще и тем, что оно обращено к целостному человеку, к человеку, наделенному и телесностью, и чувствами, и разумом, и духовной глубиной, пусть даже неведомой ему самому, и обращено из целостности: в бытии-живым, из которого это слово звучит, нет зазора между чувствами и их осмысливанием. Чувства не заглушены и не подавле-

---

³⁹ Там же. С. 188–189.

⁴⁰ См.: Седакова О.А. О Владыке Антонии Митрополите Сурожском: Проповедь для взрослых // Седакова О.А. Четыре тома. Т. 4: *Moralia*. С. 836–843.

ны, но ими «дирижирует» внимание, творческая способность видеть, слышать и все слушающееся воспринимать как дар, как знак присутствия Бога, как ткань общения (с Богом и с человеком), т. е. как саму ткань жизни, становящуюся от этого совпадающего с молитвой усилия быть живым все ярче и ярче. Владыка сравнивает такой бесконечный процесс с возгоранием огня, призванного стать ни много ни мало неопалимой купиной, т. е. присутствием в нас самого Бога, пронизывающего и меняющего каждого из нас: «Если вы начнете таким образом соединять жизнь с вашей молитвой, между ними никогда не будет разрыва и жизнь станет горючим, питающим в каждое мгновение огонь, который будет разгораться все больше и становиться все ярче и преобразит постепенно вас самих в ту горящую купину, о которой говорит Писание (Исх. 3: 2)»⁴¹. Тогда жизнь, бытие-живым, о котором размышляет митрополит Сурожский Антоний, оказывается одновременно способом осуществления теозиса, т. е. обожения человека: экзистенциально-современная мысль владыки входит в православную богословскую традицию (в которой столь существенна тема теозиса, данная уже в святоотеческой мысли), становится внутри нее следующим, новым звеном.

---

⁴¹ Антоний Сурожский, митр. Жизнь и молитва — одно // Антоний Сурожский, митр. Труды. Т. 1. С. 348.

НАУЧНЫЕ ВСТРЕЧИ

ВЕРНАДСКИЕ И РОССИЙСКАЯ ДИАСПОРА

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Москва. 14–15 марта 2013

М.Ю. Сорокина

МЕЖДУ СОВЕТСКОЙ МЕТРОПОЛИЕЙ И РОССИЙСКОЙ ДИАСПОРОЙ: НЕЮБИЛЕЙНЫЕ ЗАМЕТКИ О НАСЛЕДИИ СЕМЬИ ВЕРНАДСКИХ

14–15 марта 2013 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына состоялась международная научная конференция «Вернадские и российская диаспора», посвященная 150-летнему юбилею одного из основателей современного биосферного мышления и экологической парадигмы развития, естествоиспытателя, философа, организатора и историка науки, общественного деятеля, академика Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945). Он один из немногих русских ученых, влияние идей и самой личности которого вышло далеко за рамки научного сообщества. Юбилей В.И. Вернадского отмечается по всему миру, он включен в перечень памятных дат ЮНЕСКО, а в России празднуется в соответствии с указом президента России В.В. Путина.

Однако, несмотря на масштаб личности и деятельности В.И. Вернадского, до сих пор не существует ни его полного академического собрания сочинений, ни летописи жизни и творчества, ни научного описания самого крупного архивного собрания документов ученого в Архиве Российской академии наук; ряд научных трудов академика и его обширное эпистолярное наследие остаются фрагментарно изданными и тем самым неизвестными широкой научной общественности. К сожалению, нынешний юбилей, в отличие от предыдущих, которые в СССР / России сопровождались широкой историко-просветительской программой — от торжественных заседаний в Большом театре до издания новых исследовательских трудов и архива академика, — не стал поводом к углублению общественного и научного внимания к наследию В.И. Вернадского и публикации текстов самого мыслителя.

Между тем в ближнем и дальнем зарубежье заметно возрастает как интерес к научному наследию ученого, так и стремление включить его имя в пантеон своих «национальных героев». На постсоветском пространстве этот вопрос приобрел особое звучание в связи с проблемой формирования исто-

рической памяти и исторического сознания новых независимых государств. Стремление написать «новую» — в противовес «имперской» — версию истории нередко приводит к ее упрощенной «национализации». Так, например, составители многотомного академического издания «Владимир Иванович Вернадский. Переписка с украинскими учеными», вышедшего в Киеве в 2011 г. и приуроченного к юбилею академика, прямо пишут о том, что «стались возможно более широко подойти к понятию “украинские ученые”, включая в него как этнических украинцев, так и ученых и научных деятелей неукраинского происхождения, живших или работавших на Украине как постоянно, так и временно, изучавших ее, исследовавших ее естественные и производительные ресурсы, принимавших участие в научной, культурной, политической или государственной деятельности»¹. Вполне понятно, что киевские коллеги хотят максимальную расширить персональный состав «украинской науки», удивительно, что такое издание публикуется в том числе и под грифом Российской академии наук.

Когда-то импульс серьезной исследовательской работе с научным и эпистолярным наследием В.И. Вернадского дал собиравшийся в Минералогическом музее имени А.Е. Ферсмана небольшой кружок почитателей ученого. Им и еще нескольким энтузиастам из оттепельных 1960-х мы обязаны открытием Вернадского-философа. Сегодня «вернадистов» тысячи, однако, несмотря на кажущееся обилие научной и научно-популярной литературы об академике и своего рода канонизацию его фигуры в российской историографии и общественном мнении, многие стороны жизни и деятельности ученого остаются мифологизированными, малоизвестными и / или вовсе недокументированными. Именно поэтому программа мартовской конференции ДРЗ отражала те грани научного творчества и общественной деятельности В.И. Вернадского и членов его семьи, которые минимально обсуждаются в историографии, и прежде всего — их включенность в коммуникативный процесс между советской метрополией и российской диаспорой.

Напомним, что после Октябрьской революции 1917 г. академик В.И. Вернадский — член ЦК Конституционно-демократической партии и товарищ министра народного просвещения Временного правительства — бежал из Петрограда ввиду угрозы ареста и годы Гражданской войны (1918–1921) провел на Украине (Полтава, Киев, Крым), на территориях, неподконтрольных большевистской власти. Весной 1921 г. ученый вернулся в Петроград, в июле того же года был на несколько дней арестован и в мае 1922 г. с женой и дочерью покинул Россию, работал в Европе (Чехословакия, Франция) до весны 1926 г. Многие коллеги и друзья Вернадского полагали, что он не просто отправился в заграничную командировку, а эмигрировал, и уже никогда не вернется в Россию, тем более что сын академика — историк Георгий Владимирович Вернадский (1887–1978) эвакуировался осенью 1920 г. из Крыма вместе с врангелевскими войсками. Однако академик Вернадский возвратился в СССР, хотя его и отговаривали все друзья-kadеты, а любимая дочь,

---

¹ Владимир Иванович Вернадский. Переписка с украинскими учеными. Кн. 1: Переписка: А–Г / сост. А.С. Онищенко, Л.А. Дубровина, С.Н. Киржаев [и др.]. Киев, 2011. С. 31–32.

врач-психиатр Нина Владимировна Толль (1898–1986), осталась в Праге (в 1939 г. она, как и ее брат Георгий, перебралась в США).

В отличие от многих семей Российской интеллигенции, изнутри расколовых мировоззренческими конфликтами, идейная и профессиональная полярность не развела Вернадских. Напротив, даже то, что в пространстве этой семьи пересеклись все кажущиеся несовместимыми варианты гражданского отношения к новой советской власти — «белоэмигрант» (Г.В. Вернадский), «невозвращенец» (Н.В. Вернадская) и «возвращенец» (В.И. Вернадский), — только укрепило ее внутреннее единство. Перемещаясь между различными сегментами российского научного зарубежья и советской метрополии, Вернадские выполняли роль медиатора и хранителя среди всего российского научного сообщества. В этой перспективе «эмиграция» виделась им не только и не столько местом вынужденного изгнания, сколько пространством для реализации личных и международных научных проектов. Этот аспект деятельности семьи Вернадских еще предстоит изучать в его полноте и содержательной наполненности.

Архивное наследие Вернадских разделило драматическую судьбу его обладателей и оказалось разбросанным по архивохранилищам России, Украины, США, Франции и ряда других стран. Личные архивы академика В.И. Вернадского находятся: в Москве (Россия) — в Архиве Российской академии наук (Ф. 518; АРАН) и Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 1698; ГА РФ); Киеве (Украина) — в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского Национальной академии наук Украины (Ф. I; Ф. 260. Д. 758); Нью-Йорке (США) — в составе личного фонда его сына, Г.В. Вернадского (George Vernadsky Collection) в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета США (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University), здесь же хранятся и документальные материалы Н.В. Толль.

Личный фонд В.И. Вернадского, завещанный ученым Академии наук СССР, выделяется объемом и разнообразием материалов среди всех собраний деятелей Российской науки и техники, хранящихся в Архиве РАН. О его значении для Академии и властных структур советского периода говорит тот факт, что заведующий Московским отделением Архива АН СССР Ф.Д. Гетман лично информировал президента АН СССР академика С.И. Вавилова о ходе его описания. Экспертиза ценности архива В.И. Вернадского не проводилась, и таким образом он дошел до нашего времени почти в первозданном физическом виде. «Почти» потому, что в ноябре 1948 г., в период борьбы с «космополитизмом», из его состава были изъяты материалы сына и дочери академика; документы Партии народной свободы (Конституционно-демократической), одним из основателей и членом которой являлся В.И. Вернадский, а также письма академика к «одиозным лицам» (так в тексте акта)². По распоряжению Главного архивного управления МВД СССР и зав. Архивом АН СССР Г.А. Князева все эти документы — в количестве 22 «вязок», 53 и 11 единиц хра-

---

² АРАН. Дело фонда № 518. Ч. 1. Л. 34.

нения — были переданы в ГА РФ. Материалы Г.В. Вернадского и Н.В. Толль были выделены в этом архиве в отдельный фонд и хранятся ныне как личный фонд Г.В. Вернадского (№ 1137). В состав фонда № 523 (Конституционно-демократическая партия) было также передано дело из академического фонда В.И. Вернадского под названием «Партия народной свободы: Разные материалы. Переписка отдельных членов Партии народной свободы, законопроекты, телефонограмма № 513 о Севастопольском совещании Партии народной свободы с целью возобновления ее деятельности. 1901–1920 и б. д.»³. Письма В.И. Вернадского «одиозным» лицам, т. е. репрессированным партийным и государственным деятелям Советского государства (А.С. Бубнову, Н.И. Бухарину, Н.П. Горбунову и др.), составили еще один личный архивный фонд В.И. Вернадского в ГА РФ — № 1698 (11 дел). Этот фонд долгие годы был засекречен и стал доступен для исследователей лишь в эпоху перестройки.

С удалением политически «опасных» документов в 1948 г. изъятия из личного фонда В.И. Вернадского в Архиве Академии наук не закончились. В декабре 1950 г. газетная часть фонда — преимущественно белогвардейские и эмигрантские газеты, часть из них со статьями В.И. Вернадского и его инскриптами, удостоверяющими авторство этих, как правило печатавшихся под псевдонимами, статей была передана в спецхран Фундаментальной библиотеки по общественным наукам АН СССР (ИНИОН АН СССР / РАН)⁴. После этого других зафиксированных изъятий из личного фонда В.И. Вернадского в Архиве Академии наук не производилось.

Личный архив профессора Йельского университета (США) Георгия Вернадского передавался самим историком в Бахметевский архив Колумбийского университета частями с 1953 г. После его кончины в 1973 г. по завещанию оставшиеся документы поступили в дар Колумбийскому университету, где фонд Г.В. Вернадского и его семьи насчитывает ныне 234 коробки (по американской системе описания) документальных материалов. В 1975–1976 гг. в состав этого же фонда в качестве дара были переданы материалы дочери В.И. Вернадского — Н.В. Толль и принадлежавшие ей документы семьи Вернадских. Хотя опись фонда Г.В. Вернадского указывает на пять коробок документов непосредственно В.И. Вернадского (№ 84–88), в действительности их значительно больше, они хранятся в различных делах этой коллекции.

Анализ состава и содержания документов семьи Вернадских, хранящихся в архивах различных стран, показывает их полную комплиментарность. Поэтому сегодня ни одна историко-научная работа, связанная с именем и деятельностью В.И. Вернадского и членов его семьи, претендующая на статус научного исследования или научной публикации, не может быть выполнена без привлечения фондов разных архивохранилищ. Только совокупно они образуют то единое документальное пространство, которое дает возможность приобщиться к механизмам тончайшего мыслительного процесса, его идеиному и историческому контекстам, шаг за шагом проследить направления по-

---

³ ГА РФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 24.

⁴ АРАН. Дело фонда № 518. Ч. 1. Л. 35. Кроме того, в декабре 1946 г. А.Д. Шаховской была передана семейная переписка Шаховских (Там же. Л. 5, 33).

иска ученого — от момента интуитивного зарождения идей до нахождения их окончательных формулировок.

Историки, выступившие на конференции в Доме русского зарубежья, — М. Байссингер (МГУ / Германия), А.Г. Гачева (ИМЛИ РАН), П.А. Алипов (РГГУ), Н.Ю. Стоюхина (Нижегородский гос. университет), Н.А. Ёхина и М.М. Горинов-мл. (ДРЗ им. Александра Солженицына) — представили новые интерпретации и архивные материалы, отражающие широкий исторический контекст бытования российской научной диаспоры. Они говорили о судьбе дочери академика Н.В. Вернадской-Толль и ее роли в становлении «научного» евразийства; несколько докладов были посвящены биографии и научной деятельности зятя В.И. Вернадского — известного археолога и искусствоведа Н.П. Толля, а также оценке идей В.И. Вернадского в интеллектуальном контексте «молодой эмиграции» и евразийского движения (К.А. Чхеидзе, П.С. Боранецкий, М.М. Карпович).

О важности развития дальнейших исследований научного наследия В.И. Вернадского для современного естественно-научного и гуманитарного познания говорили Г.Б. Наумов (Государственный геологический музей РАН им. В.И. Вернадского), В.В. Вышкварцев (НОУ ВПО «Международный юридический институт») и У. Джонс («21st Century Science & Technology Magazine», США). Американский исследователь представил также «американский взгляд» на значение биосферных идей Вернадского в современном мире. Параллельно А.Н. Дмитриев (ИГИТИ НИУ ВШЭ) подробно остановился на рецепции научно-организационных идей В.И. Вернадского 1917–1920-х гг. в оценках украинской эмиграции.

Отдельная сессия конференции затрагивала проблемы становления и бытования научных школ, амбивалентных взаимоотношений учителей и учеников, коллег и оппонентов. О.А. Валькова (ИИЕТ РАН), оттолкнувшись от неизвестного ранее письма В.И. Вернадского к В.А. Варсанофьевой, представила доклад о «боях за историю геологии», Н.М. Щагина (Институт кристаллографии РАН) рассказывала о новых архивных документах, свидетельствующих о поддержке В.И. Вернадским известного кристаллографа А.В. Шубникова. Ряд докладов был посвящен коллегам и ученикам В.И. Вернадского, работавшим в эмиграции: Е.Е. Седова (Воронежский гос. педагогический университет) впервые в историографии сделала обзор жизни и деятельности французского радиолога русского происхождения Екатерины Шамье, Ю.И. Блох (Российский гос. геологоразведочный университет) остановился на своих изысканиях по реконструкции биографии кристаллографа-эмигранта Д.Н. Артемьева, Е.Л. Минина (Государственный геологический музей РАН им. В.И. Вернадского) — на истории формирования минералогической коллекции князей Гагариных, некоторые из которых были учениками В.И. Вернадского и после 1917 г. работали в эмиграции.

Для публикации в «Ежегоднике Дома русского зарубежья» отобраны те доклады, которые вводят в научный оборот новые исторические данные и / или предлагают новые интерпретации известного материала и не публиковались ранее. Надеемся, что и пост юбилейное «вернадсоведение» пойдет тем же путем.

А.Н. Дмитриев

ВЛАДИМИР ВЕРНАДСКИЙ,
«АКАДЕМИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»
1917–1918 гг. И УКРАИНСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ¹

Взаимоотношения украинской и российской эмиграции в научном измерении — тема, исследованная еще явно недостаточно, и наша статья касается лишь нескольких сюжетов этой большой и непростой проблемы. И спор о вкладе и наследии В.И. Вернадского, о событиях и перипетиях периода революции и Гражданской войны, начатый еще в 1920-х гг., пока не стал сюжетом чисто академическим, касающимся только истории науки и организации знания. В дискуссиях об этих сюжетах неизбежно оказываются и давние и актуальные размежевания, идеологические предпочтения, столкновения имперских и национальных подходов относительно видения прошлого и будущего России и Украины².

В мемуарных заметках 1943 г., написанных уже на склоне жизни, В.И. Вернадский довольно детально изложил свои впечатления от создания и первых месяцев деятельности Украинской академии наук в 1918–1919 гг. Еще из семейных преданий и впечатлений от общения с отцом он осознавал важность и специфику украинской (южнорусской, малороссийской) исторической традиции и культурного своеобразия³. Украинские интересы и перспективы молодой Вернадской начал осмысливать и в общении с историком и публицистом Михаилом Драгомановым, к личности которого он потом в дневниках и мемуарных заметках не раз возвращался. И уже у Драгоманова мы видим истоки той сложной двойственности украинско-российской идентичности, которая, в принципе, была характерна для личности и мировоззрения Вернадского в разные периоды⁴. Но в моменты общественно-политических кризисов и катализмов, как

¹ В работе использованы результаты, полученные в рамках реализации проекта «Отечественные университеты в эпоху революции и Гражданской войны (1917–1922)» Научного фонда НИУ ВШЭ № 12-01-0207.

² См.: Сорокина М.Ю. Россия и Украина в научном наследии В.И. Вернадского: исторические судьбы славянства // Научное наследие В.И. Вернадского в контексте глобальных проблем цивилизации. М., 2001. С. 118–131; Анастасын Д., Вознесенский И. [Ф.Ф. Перчёнок] Начало трех национальных академий // Память: историч. сборник. Вып. 5. М., 1981; Париж, 1982. С. 165–225.

³ См. его остававшуюся неопубликованной до конца 1980-х гг. работу «Украинский вопрос и русское общество», написанную в период Первой мировой войны.

⁴ См. книгу отца Вернадского с обширной вступительной статьей В.Д. Базилевича и В.А. Коротко-го: *Вернадський І.* Витоки: Творча спадщина у контексті історії економічної думки в Україні. Київ, 2009; см. также: Круглашов А. Драма інтелектуала: політичні ідеї Михайла Драгоманова. Чернівці, 2000.

в 1918 или 1919 г., эта двойственность стала и противоречивой, трагической, и в то же время созидающей. В конце концов, не просто в силу биографических обстоятельств именно Вернадский стал первым президентом и одним из главных создателей Украинской академии наук осенью 1918 г.

В переломных событиях, изменивших облик и судьбу Российской империи, актуальным оказалось и создание особой научной институции, собравшей вокруг себя интересы и усилия ученых Киева, Харькова и других регионов отныне самостоятельной республики. Именно с 1917 г. Вернадский оказался вовлечен в государственную политику и организацию науки в большом административном масштабе. Первый опыт пришелся на последние бурные месяцы существования Временного правительства, когда ученый согласился занять пост товарища министра народного просвещения — Сергея Федоровича Ольденбурга (1863–1934). (В кругу служебных интересов Вернадского были академические вопросы и проблемы высшего образования.) Уже там вопрос о дезинтеграции прежнего общеимперского пространства, вопрос о создании новых институтов и кафедр, учитывавших местные интересы и специфику, становится вполне очевидным⁵. На исходе весны 1918 г. из своего имения на Полтавщине Вернадский переехал в Киев и там стал во главе усилий по организации украинской академии наук.

В Киеве уже с 1907 г. работало Украинское научное товарищество, которое выпускало периодические издания на украинском языке и после перерыва, вызванного Первой мировой войной и антиукраинскими репрессиями, вновь активизировало свою деятельность уже в послереволюционных условиях. Существовавшее с конца XIX столетия во Львове Научное товарищество имени Шевченко (НТШ) тоже претендовало на создание национальной академии наук (по образцу восточноевропейских наций, под формальным патронатом имперских органов Вены). Однако после перенесения центра деятельности лидера НТШ историка Михаила Грушевского в Киев после 1905 г. и его открытого конфликта с большей частью руководства НТШ в 1912–1913 гг. именно приднепровская Украина стала местом концентрации украинского научного движения⁶.

Можно усмотреть своего рода «хитрость истории» в том, что создателем украинской науки не как некоторого интеллектуального проекта, но уже как определенной институциональной платформы оказался ученый, весьма далекий от идей полного обособления украинской и российской культур и заинтересованный в укреплении начал государственности российской. Здесь стоит отметить, что украинские запросы, интерес к национальной проблематике вообще, включая и польскую, и угорско-русскую стороны⁷, у Вернадского связывались не только с политическим измерением его деятельности (в связи с эволюцией Конституционно-

⁵ См.: Дмитриев А.Н. По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М., 2009. С. 168–174.

⁶ Подробнее см.: Он же. Украинская наука и ее имперские контексты (XIX — начало XX века) // Ab Imperio. 2007. № 4. С. 121–172.

⁷ См.: Вернадский В.И. [Из записок по польскому вопросу, 1916] // Вернадский В.И. Труды по истории наук. М., 2002. С. 180–181; Мазурок О., Пеняк П., Шевера М. Володимир Вернадський про Угорську Русь. Ужгород, 2003.

демократической партии⁸), но касались куда более широкого круга методологических и общенаучных проблем, включая связку философии и естествознания. Если мы обратимся к его историко-научным работам, переписке, диалогу с учеными следующих поколений, то в нашем контексте мы можем упомянуть такие неочевидные для разговора об украинских сторонах биографии ученого фигуры, как Борис Леонидович Личков (1888–1966), Евгений Васильевич Спекторский (1875–1954), Николай Николаевич Алексеев (1879–1964). Все они как раз в 1910-х гг. занимались в духе Вернадского схожей проблематикой на стыке новейшей методологии общественных и естественных наук⁹. И эта методологическая сторона оказалась неслучайно сопряжена и с эволюцией распавшейся царской и ново созданной советской империи, с украинско-российскими аспектами деятельности Вернадского.

Этот интерес к национальному вопросу, обострившийся у ученого в годы Первой мировой войны, также отражается и в научно-организационных идеях Вернадского, в частности в том, как он видел летом 1918 г. будущую Украинскую академию наук. Судя по всему, он потому так горячо взялся за ее создание, что почувствовал, что там можно реализовать те идеи, которые в силу разных обстоятельств трудно или невозможно было осуществить в Петрограде. Особенно это касалось как раз постановки вопроса об общественных или экономических науках как сопоставимых по значимости с гуманитарными и естественными. Это — реализованная Вернадским идея III отдела Академии, где были представлены экономика, социология и статистика, а также юридические науки¹⁰. В создании этого отдела активную роль играл другой талантливый российско-украинский ученый младшего поколения — Богдан Александрович Кистяковский, автор «Вех» и оппонент Петра Бернгардовича Струве в дискуссиях о перспективах украинской культуры начала 1910-х гг.¹¹ Кистяковский, сын киевского университетского профессора и брат влиятельного министра в кабинете П.П. Скоропадского, вернулся после 1917 г. на Украину, но, к сожалению, как и Михаил Иванович Туган-Барановский, скоропостижно скончался на втором году существования Украинской академии (вскоре после совместной поездки с Вернадским в Ростов). И перекличка идеологических позиций и социальных взглядов Вернадского и Кистяковского через Драгоманова¹² — тоже отдельный и интересный сюжет русско-украинской истории идей начала XX в.

⁸ См.: *Брейар С. Украина, Россия и кадеты // In memoriam: истор. сборник памяти Ф.Ф. Перченка / сост. А.И. Добкин, М.Ю. Сорокина. М.; СПб., 1995. С. 350–361; Он же. Партия кадетов и украинский вопрос (1905–1917) // Исследования по истории Украины и Белоруссии. М., 1995. Вып. I. С. 89–110.*

⁹ См. его пространную рецензию на работы Е.В. Спекторского и Н.Н. Алексеева: *Вернадский В.И. Из истории идей // Русская мысль. 1912. № 10.*

¹⁰ См.: *Історія Академії наук України. 1918–1923: Документи і матеріали. Київ, 1993. С. 22–188; Члени-засновники Національної академії наук України: зб. нарисів / упоряд. С.В. Кульчицький. Київ, 1998.*

¹¹ См.: *Василенко М.П. Академик Богдан Александрович Кистяковский // Записки социально-экономического отдела УАН. Київ, 1923. Т. 1; Депенчук Л.П. Богдан Кистяковський. Київ, 1995.*

¹² См.: *Кистяковский Б.А. М.П. Драгоманов: Его политические взгляды, литературная деятельность и жизнь // Политические сочинения М.П. Драгоманова / ред. И. Грэвс, Б. Кистяковского. М., 1908.*

Между тем власть в стране от Рады перешла в конце апреля 1918 г. к режиму гетмана Скоропадского, при котором и была основана Академия¹³ (а уже в середине декабря того же года на место гетманского режима пришла Директория Украинской народной республики (УНР), где на первые роли выдвинулся Симон Петлюра). На несколько месяцев 1919 г. в Киев вошли части Добровольческой армии, затем вытесненные оттуда большевиками. То, что начал делать Вернадский на Украине, в Киеве, обращаясь то к деятелям гетманата, то к генералу А.И. Деникину, пытаясь эту Украинскую академию сделать Киевской (а его продолжатели стремились позднее найти поддержку и у большевиков), было связано и с новым видением науки, заданным форсированными переменами времен мировой войны¹⁴. Вернадский понимал идею современной академии не просто как сообщества избранных умов, но как совокупности специализированных научно-исследовательских институтов, как масштабной исследовательской организации, построенной по определенному плану и охватывающей весь фронт научных работ.

Потом, почти четверть века спустя, в 1943 г., возвращаясь к этим идеям «географизации», расширения области научного или академического знания по всему пространству империи, он упоминает и Н.Я. Марра с его идеей основания высшей школы в Закавказье. Фактически зачаток ее тоже относится к этому же периоду, 1917 г. и основанию Историко-филологического института в Тифлисе, откуда потом вышла и Грузинская академия наук. Здесь же Вернадский упоминает и о Сибири (разумеется, он тогда не мог предположить ни будущую деятельность М.А. Лаврентьева, ни создание Сибирского отделения Академии наук¹⁵), вновь связывая национальное и государственное преобразование с академическими, административными сюжетами и с вопросами гораздо более масштабными, общенаучными, методологическими и т. д. В этом смысле деятельность Вернадского в условиях системного социального кризиса отвечала глубинной перемене в функциях и предназначении науки в XX столетии вообще — от «надпартийного» поиска всеобщих истин и ценностей к процессу социально управляемого познания / преобразования мира. В конечном счете, анализируя деятельность нашего героя и его оценки современниками, мы должны учитывать, что перед нами предстает не просто Вернадский-политик, с одной стороны, Вернадский-ученый, с другой стороны, и Вернадский-философ, а также историк науки, с третьей и четвертой. На самом деле, оценивая заслуги Вернадского и его общественную роль, мы неизбежно затрагиваем сложную, все более укреплявшуюся с течением времени взаимосвязь и политических, и чисто научных, интеллектуальных сторон его биографии и деятельности.

В разных работах, посвященных деятельности Вернадского как основателя Украинской академии наук, практически никогда не упоминается, что он одно-

---

¹³ См.: Ульяновський В.І. Гетьман Павло Скоропадський і справа заснування Української академії наук // Український історичний журнал. 2008. № 6. С. 26–38.

¹⁴ См.: Вернадский В.И. Война и прогресс науки // Чего ждет Россия от войны: сб. ст. Пг., 1915. С. 62–76; Он же. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Русские ведомости. 1917. 22–23 июня (вошли в кн.: Он же. Публицистические статьи. М., 1995. С. 199–206, 241–251).

¹⁵ См.: Он же. Первый год Украинской академии наук // Вернадский В.И. Труды по истории наук. М., 2002. С. 373–374.

временно с июня и до конца 1918 г. занимал на Украине важный пост, аналогичный тому, что годом ранее он получил при министре народного просвещения Временного правительства академике С.Ф. Ольденбурге. И тогда в Петрограде, и теперь в Киеве Вернадский практически отвечал за переустройство высшей школы, и особенно — университетов, возглавляя специальную Комиссию по делам высшей школы и научных учреждений. Учитывая, что территория, контролируемая украинской властью, постоянно менялась, в первую очередь это касалось университета столичного. И здесь ученый столкнулся с довольно сложной, почти неразрешимой проблемой преобразования Киевского университета, который еще с весны 1917 г. находился не просто в глубоком кризисе, а фактически в состоянии внутренней (академической) гражданской войны.

Достаточно упомянуть острый конфликт преподавателей со студенчеством, активные представители которого в сентябре — октябре 1917 г. просто физически препятствовали вновь переизбранному ректору Н. Цытовичу исполнять свои обязанности, не пуская его в университет. С одной стороны баррикад находилась старая профессура, а также сменивший одиозного Цытовича ректор, историк обществоведения Евгений Спекторский, который так или иначе занял позицию профессорского большинства. Эти исследователи стремились в условиях разгорающегося общественного и национального конфликта — в духе Михаила Булгакова и его героев — воспринимать Киев как органическую часть общероссийского пространства¹⁶. Все, что творилось вокруг: украинская власть и ее универсалы, украинское движение и провозглашенная независимость, а также немецкая оккупация — воспринималось этими кругами как дурной сон, спектакль, который должен был как можно скорее исчезнуть, чтобы жизнь снова вернулась в нормальное русло. И до 1917 г. близкая к черносотенству часть профессуры теперь активно поддерживала сторонников «единства Руси» — против большевиков, социалистов или украинских национальных сил. Позиция этих профессоров отражена в протесте Совета Университета св. Владимира против насилийственной украинизации Южной России, принятом 26 июля 1917 г.¹⁷ Этому консервативному профессорскому мейнстриму активно противостояли часть младших преподавателей (например, ученик Дм. Граве молодой математик Otto Шмидт) и студенчество, значительная часть которого была охвачена или левыми, или украинскими настроениями, что нередко смешивалось в годы Гражданской войны. Разумеется, профессорским корпусом это активное течение, имеющее поддержку у новой киевской власти, было встречено крайне негативно. Вместе с тем идея создания кафедр, посвященных местной истории и филологии, инициированная еще Временным правительством, воспринималась достаточно положительно.

---

¹⁶ См. мемуары Спекторского, обнародованные С. Михальченко: *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2010. Vol. 3. № 1. P. 161–198; Михальченко С., Ткаченко Е. Академическая жизнь Киевского университета св. Владимира в 1917–1918 гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. 2008. Вып. 5. № 1(41). С. 180–186.

¹⁷ Alma mater: Університет св. Володимира напередодні та в добу української революції: Матеріали, документи, спогади: у 3 кн. / автори-упорядники: Короткий В.А., Ульяновський В. І. Київ, 2000. Кн. 1: Університет св. Володимира між двома революціями. С. 84–86.

Как видно по страницам дневника тех лет, Вернадский в этих конфликтах занимал позицию арбитра, который больше сочувствовал старой профессуре. Но вместе с тем ученый понимал, что изрядная часть умонастроений старого профессорского корпуса связана еще с тем черносотенством, принципов которого он сам никогда не разделял и не принимал. Кроме того, Вернадский учитывал, что за радикализмом и национальным движением масс, солдат и молодежи стоит определенный вызов времени и новых общественных сил и течений, который тоже можно попытаться использовать ради пользы науки. И в этом смысле его деятельность как основателя Украинской академии нужно учитывать в более широком контексте его работы по переустройству всей образовательной системы, в попытках достичь некоего компромисса внутри университетского корпуса, особенно в Киеве.

В частности, это касалось открытия второго, собственно украинского университета в Киеве, который был то народным (по сути общественным), то государственным и пользовался достаточно большой поддержкой как снизу, так и в министерских кругах. Тогда в зависимости от политической конъюнктуры активно обсуждались разные варианты и его самостоятельного существования, и его организационного взаимодействия или слияния с прежним (русским) Университетом св. Владимира¹⁸. В целом позиция Комиссии по делам высшей школы была гораздо более взвешенной и конструктивной, чем платформа предшествовавших ее деятельности съездов представителей высшей школы на Украине (они собирались 14–17 апреля 1918 г. и 21–25 мая 1918 г.). Секретарем комиссии был молодой геолог Борис Личков, будущий биограф академика; с ним у Вернадского с тех пор завязались весьма приятные отношения и содержательная переписка¹⁹. Главными в резолюциях съезда было противодействие украинизации высшей школы и стремление сохранить прежнюю систему образования под знаком автономии учебных заведений. Вернадский и Н.П. Василенко в Комиссии по делам высшей школы активно содействовали идею открытия народных (украинских) университетов на местах (в Екатеринославе, Виннице и т. д.); преобразованию бывшего Историко-филологического института в Нежине²⁰. Особенно масштабным оказался реализованный план создания университета в Каменце-Подольском (во главе с филологом Иваном Огиенко) — в этом городе несколько месяцев действовали и органы управления УНР, эвакуированные из Киева. Потом, уже в эмиграции, к спорам о правильной тактике поведения в те кризисные месяцы участники событий не раз будут так или иначе возвращаться и заново обсуждать возможности и перспективы ушедших лет.

¹⁸ См. публикации: Завальняк О.М. Українська еліта і творення національної університетської освіти: фундатори і будівничі (1917–1920 рр.). Кам'янець-Подільський, 2005; Он же. Історія Кам'янець-Подільського державного українського університету в іменах (1918–1921 рр.). Кам'янець-Подільський, 2006.

¹⁹ К методологическим размышлениям междисциплинарного порядка принадлежит работа Личкова «Границы познания в естественных науках» (Киев, 1914).

²⁰ Материалы съездов представителей высших школ см.: Alma mater: Університет св. Володимира напередодні та в добу української революції. С. 7–49, 531–539; протоколы заседания комиссии: Там же. С. 430–481.

Тогда же, летом 1918 г., когда дебатируются разные планы устройства академии, происходит очень интересный и характерный диалог между Вернадским и находящимся тогда в подполье Грушевским. Тут столкнулись две идеи строительства национальной науки (которые были куда шире российско-украинских дебатов послереволюционного времени), отражавшие серьезные типологические дилеммы восточноевропейской академической жизни в целом — например, разностия тогдашней чешской науки вопреки более эtabлированной немецкой и т. п.

Вернадский предлагал более широкое, во многом интернационалистское видение: не важно, какой язык, главное — строить эту новую науку, где приоритетную роль будет играть естествознание, научно-исследовательские институты, а также новые дисциплины, такие как социология. Кроме того, в Киеве необходимо было создать при Академии наук и Национальную библиотеку²¹. И все это будет завязано на изучение производительных сил страны, связь общественного и естественно-научного знания. А Грушевский отстаивал старую идею в духе 1848 г. о том, что Академия наук должна быть зеркалом национальной интеллигенции. Там должны быть люди национально ориентированные, занимающиеся в первую очередь, и это неизбежно, историей и филологией, своим прошлым именно в гуманитарной плоскости.

Вскоре после смерти украинского историка, в 1934 г., Вернадский в дневнике вспоминал их давний разговор так: «Он убеждал меня отказаться от моего решения создать Академию... Он считал, что сейчас Украина не имеет настоящих ученых и неизбежно, раз вопрос будет идти о высоком научном уровне Академии (а это он считал условием *sine qua non*), то это будет русская Акад*емия* на Украине, занимающаяся укр*аинскими* предметами и научной работой в международном масштабе. Он считал, что Укр*аинская* акад*емия* должна быть создана позже, а сперва достаточно существ*ования* Науков*ого* Товарищества, надо дать ему средства развернуться. Я не согласился с этой точкой зрения, я считал, что дело роста украинской культуры есть не только дело украинцев, но и русских, что историческим фактом является совместное сожитие и участие украинцев в создании русской культуры за последние два столетия. Но я уверен, что роль русских ученых, [нрзб] в Укр*аинской* Акад*емии*; в первое время в большом числе будут работать для украинской культуры, тем самым работая для правильного развития русской культуры, что я так верю в будущее укр*аинской* культ*уры* и укр*аинского* языка, что совершенно не боюсь возможности ухудшения условий их развития созданием Укр*аинской* Акад*емии*: наоборот, с ходом времени — в этих рамках, не враждебных русской культуре — укр*аинский* язык и укр*аинская* культура вырастут и быстро достигнут равенства. Беседа была искренняя и откровенная. Он был, видимо, огорчен. Быстро проводил до дверей комнаты и скрылся»²².

---

²¹ См.: Дубровіна Л.А., Онищенко О.С. Діяльність М.П. Василенка та В.І. Вернадського як фундаторів Національної бібліотеки Української держави та створення Тимчасового комітету Національної бібліотеки // Дубровіна Л.А., Онищенко О.С. Історія Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського, 1918–1941. Київ, 1998. С. 9–35.

²² Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934. М., 2001. С. 354–355 (запись от 30 ноября 1934 г.). Ср. описание ситуации с иной стороны: Сохань П., Ульяновський В., Кіржаєв С. М.С. Грушевський і Academia. Київ, 1993.

Здесь очевидна преемственность принципа «пусть похуже, да свое», который Грушевский отстаивал для проекта национальной науки в рамках империи еще в 1907–1908 гг.²³ Речь шла о том, чему отдать приоритет: медленному развитию действительно украинской науки или скорейшему содействию той науке на Украине, какая есть, независимо от склонностей ее проводников. Эти две стратегии очень остро столкнулись летом 1918 г.²⁴ Можно даже сказать, что тогда Вернадский победил Грушевского. Случилось это и в силу политических причин, и из-за желания гетмана Скоропадского заручиться поддержкой ученых кругов, и особенно благодаря содействию и инициативе бывшего кадета историка и правоведа Николая Прокофьевича Василенко, который был тогда министром просвещения²⁵. И даже когда кабинет Скоропадского пал, а Василенко стал академиком (и был избран президентом Академии после Вернадского), их отношения и искренняя дружба, начавшиеся летом 1917 г., не прервались, а лишь укрепились.

Близкие к позиции Грушевского круги украинских ученых, сосредоточенные в Украинском научном обществе в самом конце 1918 г., при Директории УНР пытались «отыграть» ситуацию с созданием Академии в свою пользу. Тогда в устав по инициативе руководства УНТ 3 января 1919 г. (т. е. одновременно с принятием закона о языке) указом Директории были внесены важные дополнения о печатании продукции АН преимущественно на украинском языке (из иностранных допускались только французский, немецкий, итальянский, английский и латынь — и лишь в размере четверти от тиража украиноязычных изданий); сотрудники Академии должны были свободно владеть украинским, а ее члены — приносить присягу новому правительству²⁶. Но уже вскоре, с приходом Добровольческой армии, а также после окончательной победы большевиков и создания Украинской ССР, эти нововведения были отменены. Национальную академию наук тогда все же не ликвидировали как «остаток» гетманского режима, а, напротив, было решено сохранить ее и поддержать.

Как известно, с самого конца 1919 г., после переезда в Крым и тяжелой болезни началась новая глава в деятельности Вернадского, которая связана уже с возвращением в Петроград и эмиграцией в Европу. К украинским делам он потом

---

²³ См.: Грушевський М. Не пора [1908] // Грушевський М. Твори: у 50 т. Львів, 2005. С. 79.

²⁴ Грушевский был далеко не единственным оппонентом Василенко и Вернадского; первоначальные планы организации Академии остро критиковал и филолог В.Н. Перетц, будущий украинский академик, см.: Робинсон М. Выборы В.Н. Перетца в Украинскую академию наук в 1919 г. // Nel mondo degli Slavi. Incontri e dialoghi tra culture: Studi in onore di Giovanna Brogi Bercoff / a cura di M. Di Salvo, G. Moracci, G. Siedina. Firenze, 2008. Р. 513–519.

²⁵ См. о его биографии: Вороненко В.В., Кистерска Л.Д., Матвеева Л.В., Усенко І.Б. Микола Про-копиєвич Василенко. Київ, 1991; Из эпистолярного наследия В.И. Вернадского: Письма украинским академикам Н.П. Василенко и А.А. Богомольцу / сост. С.Н. Киржаев, В.А. Толстов. Київ, 1991; Гирич І. М. Грушевський і М. Василенко: (до історії творчих взаємин) // Український археологічний щорічник. 1999. Вип. 3/4 (Т. 6/7). С. 344–355.

²⁶ Эти новации, призванные вытеснить именно русский язык за пределы академического употребления, были негативно встречены Вернадским, Кистяковским и Крымским (также и членами УНТ). См.: Храмов Ю., Руда С., Павленко Ю., Кумаренко В. Рання історія Академії наук України: 1918–1921. Київ, 1993. С. 130–132. Правда, по специальному решению Общего собрания допускалась в отдельных случаях и публикация на ином языке.

возвращался скорее спорадически, но связи с Украинской академией и ее членами никогда не терял (в частности, председательствовал на заседании, посвященном выборам нового президента — Д. Заболотного — в мае 1928 г. в Киеве²⁷).

Теперь обратимся к ретроспективным спорам и оценкам деятельности Вернадского и альтернатив академического развития на Украине в период Гражданской войны. Отметим только важнейшие узловые точки. Одна — это 1927 г., полемика вокруг работы Николая Трубецкого «К украинской проблеме»²⁸, где основатель евразийства и структурной лингвистики фактически будет повторять аргументы Петра Струве о приоритете общерусской «высокой» культуры. Та позиция коллеги Вернадского по кадетской партии была высказана в 1911–1912 гг. на страницах «Русской мысли» против Богдана Кистяковского. Но Вернадский в этом смысле оказался гораздо чувствительнее к новым политическим настроениям (и после избрания президентом Украинской академии приостановил членство в кадетской партии), а Струве уже давно и последовательно двигался в иную сторону политического спектра, будучи тогда «либералом справа», по известному выражению его биографа Ричарда Пайпса.

Трубецкой повторял аргументы Струве о том, что украинская культура — это некий ценный и своеобычный локальный, народный фундамент единой русской культуры, которая в академической плоскости прекрасно будет выражаться в общероссийской науке. И с этой точки зрения никакой развитой украинской культуры, украинского научного языка и соответствующего высшего образования не нужно²⁹. Все это будет искусственным и нежизнеспособным изобретением. Украинская нота должна пребывать в единой симфонии нового евразийского пространства наряду с другими — включая более мощную и основную великорусскую и западнорусскую — белорусскую, решительно противостоя западному (в частности, польскому и католическому) влиянию. Но если Струве писал о перспективах украинства еще гипотетически, в условиях старого порядка, то выступление евразийцев прозвучало полтора десятилетия спустя в абсолютно иной политической обстановке на фоне ускоренной украинизации высшей школы и культурной сферы времен нэпа³⁰.

Возражая Трубецкому и защищая права украинской культуры, видный деятель времен Скоропадского министр иностранных дел Дмитрий Иванович Дорошенко, видный историк и до определенного момента последователь Грушевского³¹, упомянул фигуру Вернадского и его вклад наряду с Туган-Барановским, Кистяковским

---

²⁷ См. донесение секретного отдела ГПУ УССР от мая 1928 г.: *Даниленко В. Українська інтелігенція і влада: Зведення секретного відділу ДПУ УСРР 1927–1929* pp. Київ, 2012. С. 353.

²⁸ Евразийский временник. Кн. 5. Париж, 1927. Ответ Трубецкого Дорошенко опубликован: Евразийская хроника. Кн. 5. Вып. X. Париж, 1928.

²⁹ См.: *Делл'Агата Д. Николай Трубецкой и проблема украинского языка // Слово и культура: сб. памяти Н.И. Толстого*. М., 1998. Т. 1. С. 370–384.

³⁰ См.: *Савицкий П.Н. Великороссия и Украина в русской культуре // Родное слово* (Варшава). 1926. № 8. С. 10–14.

³¹ См.: *Досталь М.Ю. Д.И. Дорошенко в Праге в 20-е годы: (Страница из жизни украинской эмиграции) // Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX века*. М., 1992. С. 53–77.

и другими учеными из России в создание украинской науки: «Когда же в 1918 г. возникла Украинская Держава, то организатором Украинской академии наук явился член Петербургской академии наук В.И. Вернадский, а в числе первых академиков, равно как и в числе профессоров украинских государственных университетов, мы видим такие имена, как проф. М. Туган-Барановский, проф. Д.И. Багалий, проф. Н.И. Петров, проф. М.Ф. Кащенко, проф. С.П. Тимошенко, проф. Ф.В. Тарановский, проф. В.А. Косинский, проф. В.В. Зеньковский и длинный ряд других профессоров и ученых»³².

Трубецкой в полемике воспроизводил аргументы оппонента, упоминая, с одной стороны, деятелей российской науки с развитым украинским самосознанием вроде Александра Потебни или Максима Ковалевского, с другой — таких ученых, как В.И. Вернадский, В.А. Косинский, Ф.В. Тарановский, В.В. Зеньковский, которые во время немецкой оккупации Украины приняли участие в основании Украинской академии наук и тем самым «оптировали за украинскую культуру как за культуру верхнего этажа». Основоположник евразийства тут же указывает: «Однако моим утверждениям эти факты нисколько не противоречат: ни та, ни другая группа ученых, утверждая свое украинство, в то же время не думала отказываться от своей общерусской и продолжала творить на поприще обще-русской культуры. В частности, на вторую из упомянутых выше групп ученых вообще лучше не ссылаться, так как обстоятельства, при которых они оптировали, были не совсем нормальны.

Оставляя в стороне всю политическую сторону дела и характеристику той обстановки, при которой состоялось основание Украинской академии наук, укажем только на то, что по окончании Гражданской войны и по упразднении государственной границы между Украиной и РСФСР акад. В.И. Вернадский переехал в Ленинград, где продолжает быть (как я до революции) активным членом Общерусской (ныне Всесоюзной) академии наук, а проф. Косинский, Тарановский и Зеньковский эмигрировали за границу, где оказались в среде не украинской, а русской эмиграции»³³

Тем самым реализация проекта украинской науки сводится у Трубецкого, по сути, к незначительному эпизоду кризисных 1917–1918 г. и трактуется как вынужденный ответ ученых на давление политических обстоятельств. Что это было далеко не так — свидетельствуют хотя бы страницы из воспоминаний упомянутого Трубецким киевского профессора-философа Василия Зеньковского «Пять месяцев у власти». Зеньковский, министр исповеданий в кабинете времен Скоропадского, весьма сдержанно отзывался в этих мемуарах об ограниченной позиции своих коллег по университету, которые недооценили важность и мощь именно украинского фактора. Правда, нужно упомянуть, что оставшийся на русской стороне (при том что он читал в 1918–1919 гг. лекции в Украинском народном университете) Зеньковский эти написанные в начале 1930-х гг. мемуары при жизни не опубликовал, и они впервые увидели свет лишь в 1995 г.³⁴

³² Дорошенко Д.И. К украинской проблеме: (По поводу статьи кн. Н.С. Трубецкого) // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 388.

³³ Трубецкой Н.С. Ответ Д.И. Дорошенко // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. С. 401–402.

³⁴ Зеньковский В.В. Пять месяцев у власти: Воспоминания / под ред. М.А. Колерова. М., 2011.

Сам Дорошенко в основательном двухтомнике «История Украины 1917–1923 гг.» (Ужгород, 1930) в рамках главы об образовательной политике посвящает более десяти страниц деятельности Вернадского по созданию Украинской академии и усилиям Василенко по украинизации высшей школы (включая основание университета в Каменец-Подольском) и оценивает результаты весьма высоко³⁵.

Следующая вспышка полемики о том, как нужно было и что нужно было делать в переломные месяцы 1918 г., приходится на середину 1930-х гг., когда в Белграде выходит — переизданная недавно в Киеве — книга «Столетие киевского Университета Святого Владимира». Ее автором был Евгений Спекторский, который излагает весьма апологетическую (в политических красках — скорее октябрьскую, не черносотенную, но и не кадетскую) картину поведения профессоров Киевского университета того времени. Он там упоминает и Вернадского, притом весьма уважительно: «В период с марта 1918 года до февраля 1919 года над университетом Св. Владимира висела опасность украинизации. Но ему удалось сохранить свой русский характер. Этим он в значительной степени обязан как академику В.И. Вернадскому, который в качестве председателя Комиссии по делам высшего образования направил энергию украинцев в сторону Украинской академии наук и Украинского университета в Киеве, а также украинских факультетов в Виннице и Каменце-Подольском, так и целому ряду своих питомцев, которые, заняв руководящие места в украинском правительстве и ведомстве народного просвещения, продолжали бережно относиться к своей *alma mater*»³⁶.

Но в целом «общерусские» установки эссе Спекторского прослеживаются очень хорошо, что не осталось незамеченным украинскими культурными деятелями в эмиграции. В архивных фондах Киева сохранилось письмо, цитируемое современными украинскими авторами, занимающимися биографией Спекторского. В нем Михаил Дмитриевич Антонович (1910–1955), внук выдающегося историка и профессора Университета св. Владимира В.Б. Антоновича, писал своему отцу Дмитрию (в 1918–1919 гг. активисту национально ориентированного Украинского научного товарищества), что «вся книжка выдержана в духе Царинного и его мировоззрения»³⁷. Известная публицистическая книга А. Царинного «Украинское движение» (Берлин, 1925), приписываемая киевскому историку радикально правой ориентации Андрею Стороженко, была все-таки гораздо более заостренной по выводам и оценкам относительно «мазепинства», чем исторический очерк Спекторского, но характерно ее упоминание в контексте такого на первый взгляд академического сюжета, как недавняя история университета. Тем самым полемика времен Гражданской войны эхом продолжала звучать и в эмиграции 1930-х гг.

---

³⁵ См.: Дорошенко Д. Історія України 1917–1923 pp. Т. 1–2. Київ, 2002. Т. 2: Українська Гетьманська Держава 1918 року. С. 241–252.

³⁶ Спекторский Е.В. Столетие Киевского университета Св. Владимира: 1834–1934. Белград, 1935. [факсимильное переиздание: Київ, 2007]. С. 68.

³⁷ Цит. по: Ульяновский В.І., Короткий В.А., Скиба О.С. Останній ректор університету Святого Володимира Євген Васильович Спекторський: монографія. Київ, 2007. С. 210–211 (письмо от 7 марта 1937 г.).

В 1935 г. в короткой мемуарной заметке о культурном строительстве времени своего пребывания у власти Скоропадский подробно пишет о недавно умершем Грушевском, но не называет имени Вернадского³⁸. В представительных лекциях «Украинская культура» (1940, 1947, 1988) Вернадский без оговорок упоминается как украинский ученый, внесший вклад в возрождение философии после десятилетий господства позитивизма, в разделе, который принадлежал перу Дмитрия Чижевского, крупнейшего русско-украинского философа и историка литературы³⁹. Чижевский еще в середине 1930-х гг. опубликовал на немецком языке в эмигрантском журнале «Slavische Rundschau» («Славянское обозрение»), издававшемся в Праге, интересную статью про натурфилософию Вернадского. Он одним из первых представил в Европе идеи русского естествоиспытателя и натуралиста уже не только как ученого-бихимика, но и как мыслителя, предлагающего в духе Гегеля оригинальную картину эволюции природы. Опираясь на революцию в атомной физике и изучении радия, Вернадский, как подчеркивает украинский автор, был одним из немногих людей его поколения, кто смог этот новый поворот в естественных науках переосмыслить и в мировоззренческом ключе⁴⁰. Чижевский, который переписывался с Вернадским⁴¹, был среди совсем немногих деятелей, почти одинаково активно проявлявших себя и в украинской, и в российской эмиграции (по-русски он тогда часто печатался под псевдонимом «П. Прокофьев»).

Со второй половины 1920-х гг. в литературе российских эмигрантов-интеллигентов об Украине, нередко выдержанной в мемуарном ключе, не утихает polemическаяnota по отношению к тогдашней украинской эмиграции. Это относится и к сочинениям авторитетного публициста и историка Венедикта Мякотина⁴², и к весьма глубокой работе бывшего преподавателя Новороссийского университета в Одессе Петра Бицилли⁴³, и к «геополитическим» газетным очеркам ставшего евразийцем Н.Н. Алексеева⁴⁴, и к статьям министра УНР по делам национальных меньшинств и будущего просоветского деятеля и возвращенца Дмитрия Одинца (в «Современных записках»)⁴⁵. Уже в 1950-х гг. выходят очерк престарелого Николая Лосского⁴⁶ и публицистическая книга историка второй волны эмиграции Николая Ульянова «Происхождение украинского сепаратизма» (1966). Политические пер-

³⁸ См.: Alma mater: Університет св. Володимира напередодні та в добу української революції. С. 368–372 (вперше опубл.: Наша культура. 1936. Кн. 4 (13)).

³⁹ См.: Українська культура: Лекції за редакцією Дмитра Антоновича. Київ, 1993. С. 186.

⁴⁰ См.: Чижевський Д. Натурфілософія В.І. Вернадського [1935] // Чижевський Д. Філософські твори: у 4 т. Київ, 2005. Т. 2. С. 237–243.

⁴¹ См.: Янцен В. Неизвестный Чижевский: обзор неопубликованных трудов. СПб., 2008.

⁴² См. подробнее в 4-й главе диссертации: Иогансон Е.Н. В.А. Мякотин: Историк и политик: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1994.

⁴³ Бицилли П.М. Проблема русско-украинских отношений в свете истории. Прага, 1930.

⁴⁴ Алексеев Н.Н. Украинский вопрос в немецком освещении // Новая Россия (Париж). 1938. № 49. С. 8–9; Он же. Украина в свете германского империализма // Там же. № 58. С. 8–10.

⁴⁵ Одинец Д.М. Украинский сепаратизм // Современные записки. Т. 60. 1936. С. 369–387; Он же. Из истории украинского сепаратизма // Там же. Т. 68. 1939. С. 369–387.

⁴⁶ Лосский Н.О. Украинский и белорусский сепаратизм // Границы. 1958. № 39.

турбации двух мировых войн в середине XX в. далеко увело мировоззрение российских интеллектуалов от былого украинофильства Федора Корша и Алексея Шахматова. Параллельная жизнь русских и украинских эмигрантских институций и научных организаций также способствовали закреплению шаблона «сепаратизма» не только на политическом, но и на идеально-культурном уровне. Это препятствовало серьезному изучению украинских и прочих «областнических» интересов у Вернадского, вниманию к «чужим» аспектам его биографии.

Позицию самого ученого уже в 1920-х гг. хорошо иллюстрирует его письмо дочери Нине, где он подробно высказывает о перспективах и приоритетах украинского развития в связи с будущим России и мировой политики: «Я смотрю очень тревожно на украино-русские отношения — думаю, что русские совершенно не понимают происшедшего и изменения и возрождения. В нашем прошлом были такие элементы, которые не нашли себе места в современном (и царском) русском строе и ничем сейчас не могут быть уничтожены. Я считаю законными стремления украинцев-самостийников — но думаю, что Украина вполне самостоятельная, учитывая все, не может существовать; ее вхождение в Польшу (хотя бы федерации) приведет к ее поглощению Польшей, ее принадлежность к большому государству — России — ее прямой интерес. Однако в его пределах она должна иметь maximum самостоятельности. Мое различие с украинцами заключается в том, что их якобинско-централистический идеал мне столь же чужд, как и централистический идеал русских. Историю последних веков не вычеркнешь, и Новороссия — да и Слободская Украина и исторически и этнически не связаны тесно с Киевом. Может быть, выход — штаты. Все зависит от будущего хода истории “Союза советских республик”. Я очень сочувствую твоему участию в украинско-русском кружке... Рад всякой весточке об украино-русских отношениях»⁴⁷.

Здесь нужно сказать об одном интересном историографическом парадоксе. В конце советского времени во многом стараниями киевских ученых получилось так, что кадет и политически умеренный деятель Вернадский на момент 1918 г. стал признанным «хорошим», правильным сторонником чуть ли не извечной научной дружбы русского и украинского народов. А вполне левый, эсзеровски настроенный, почти большевик на момент начала 1920-х гг. Михаил Грушевский представлялся как «плохой» и ограниченный (буржуазный) националист, который всячески хотел украинскую науку оторвать от русской и т. д. И в ряде современных украинских работ эта альтернатива: «хороший» Вернадский против «плохого» Грушевского, как ни странно, сохраняется, притом что Грушевский сейчас канонизирован как создатель национального государства⁴⁸. Все-таки очень трудно удержаться от искажения во имя современной политической или институциональной конъюнктуры (или относительно персональной позиции «своего героя») тех очень противоречивых проблем, которые встали тогда, в 1918 г., перед

---

⁴⁷ «За СССР выявляется лик исстрадавшейся России»: Письма В.И. Вернадского детям / публ. и примеч. М.Ю. Сорокиной // Природа. 2004. № 1. С. 69 (письмо от 11 декабря 1923 г.).

⁴⁸ См.: Сытник К.М., Стойко С.М., Ананович Е.М. В.И. Вернадский: Жизнь и деятельность на Украине. 2-е изд., испр. и доп. Киев, 1988; Ситник К.М., Шмиговська В.В. Володимир Вернадський і Академія. Київ, 2006. С. 131–136 и др.

учеными разных взглядов и ориентиров, которые желали реализовать свой научный или организационный потенциал даже в тех крайне неблагоприятных политических обстоятельствах.

Здесь обязательно нужно упомянуть очень нетривиальную и ревизионистскую работу о Вернадском киевского историка Игоря Борисовича Гирича, который много занимался биографией Грушевского (отчасти близок к его оценкам и другой известный киевский историк, Сергей Белоконь⁴⁹). В середине 1990-х гг. Гирич помещает на страницах инициированного историками из украинской диаспоры сборника в честь видного львовского историка Ярослава Дацкевича большую, аргументированную статью о Вернадском⁵⁰. Основываясь главным образом на материалах недавно опубликованного дневника ученого и на собственной комментаторской работе, Гирич показывает, что Вернадский тогда по своим взглядам гораздо был ближе к Спекторскому, чем было принято считать всеми последующими историками. Показывая, что на самом деле Вернадский хотел спасти в первую очередь русскую науку, Гирич как будто поддерживает аргументы Трубецкого против Дорошенко из давней полемики конца 1920-х гг.⁵¹

Собственно, Гирич переворачивает эту позднесоветскую схему «плохой Грушевский, хороший Вернадский» ровно наоборот — хорошим оказывается великий украинский историк Михаил Грушевский, а Вернадский становится «обрусленым украинцем», примкнувшим к украинскому научному проекту в силу внешних обстоятельств. Далеко не все комментаторы с Гиричем согласились⁵². Но к заслугам историка нужно отнести то, что, хотя и сильно перегнув палку, он остро и откровенно поставил вопрос идентичности Вернадского, сняв излишний глянец и лоск с украинской «вернадскианы». Другое дело, что вопросом о ценностях и личных ориентирах обсуждение вопроса об объективной значимости ученого для эволюции национальной науки, на наш взгляд, далеко не исчерпывается. Но характерно, что и в самые последние годы эти споры о переопределении фигуры Вернадского, границах его мировоззрения и повторном присвоении его наследия продолжаются и не утихают⁵³.

⁴⁹ См.: Білокінь С.І. Революція і громадянська війна // Нариси історії української інтелігенції (перша пол. ХХ ст.): у 3 кн. Кн. 1. Київ, 1994. С. 122–129.

⁵⁰ Гирич І.Б. Між російськими і українськими берегами: Володимир Вернадський і національне питання (у світлі щоденника 1917–1921 років) // Марра Mundi: зб. наук. праць на пошану Я. Дацкевича з нагоди його 70-річчя. Львів; Київ; Нью-Йорк, 1996. С. 735–756.

⁵¹ См. дальнейшее изложение его идей: Гирич І.В. Вернадський і політичне українство // Хроніка 2000. Володимир Вернадський: наукова думка, як планетне явище; листування; щоденники. Вип. 57/58. [Київ, 2003]. С. 743–771. Статья вошла в книгу: Он же. Між наукою і політикою: Історіографічні студії про вчених-концептуалістів. Тернопіль, 2012.

⁵² Ср.: Лучка-Гай Е. Чи був Володимир Вернадський українським націоналістом // Сучасність. 1997. № 1. С. 89–96 и более нейтральную публикацию: Дражевська Л. Володимир Іванович Вернадський (1863–1945) // 125 років київської української академічної традиції. 1861–1986 / ред. М. Антонович. Нью-Йорк, 1993.

⁵³ См.: Брюховецький В.С. Еволюція української ідеї в системі поглядів В.І. Вернадського // Наукові записки / Національний університет «Києво-Могилянська академія». 1999. Т. 9. Спеціальний випуск: у 2 ч. Ч. 1. С. 4–9; Даниленко В.М. Володимир Вернадський про українсько-російські взаємини // Україна дипломатична: науковий щорічник. Вип. 5. Київ, 2005. С. 605–616.

В связи с вопросом о несовпадении самоистолкования и модусов рецепции можно кратко упомянуть и об украинских сюжетах в творчестве сына Вернадского, Георгия (который, в частности, писал о Богдане Хмельницком в 1940-х гг.)⁵⁴. Георгий Вернадский как наследник евразийства был в оценке украинских дел в целом скорее ближе к Трубецкому, чем к позициям своего отца. Однако украинские диаспорные историки, например Наталья Полонская-Василенко⁵⁵, жена уже упоминавшегося выше Н.П. Василенко (в ее обширной книге «Історія України») или Иван Лысяк-Рудницкий⁵⁶ уже после 1950-х гг. ссылались как раз на Георгия Вернадского, развивая такой взгляд на прошлое Украины, который отвечал скорее позиции Грушевского и его национально ориентированных единомышленников.

Подводя итоги, отметим, что тема «Вернадский, Украина, революция в университете и наследие эмиграции» касается сразу многих аспектов эволюции науки и академической сферы в целом в условиях трансформирующихся имперских и национально-государственных порядков. Здесь должны быть учтены и притязания ученого на создание нового общенаучного мировоззрения, которое позволило бы примирить и отрефлексировать его оригинальную философию, научные открытия и новые социальные процессы первой половины XX в. И сама эта попытка синтеза, и ее конкретные исторические воплощения продолжают быть интересными далеко за пределами историко-научных споров и квалификаций.

---

⁵⁴ См. подобнее: Гайдел Э. Об «украинофильстве» Георгия Вернадского, или Вариация на тему национальных и государственных лояльностей // Ab Imperio. 2006. № 4. С. 329–346.

⁵⁵ См. ее воспоминания о Владимире Вернадском: Полонська-Василенко Н. Академік Вернадський: (Спогади) // Хроніка. 2004. № 57/58. С. 496–509.

⁵⁶ См.: Лысяк-Рудницький І. Історичні есе. Київ, 1994. Т. 1. С. 91; Т. 2. С. 293 (соответственно, в очерках «Польско-украинские отношения» и «Новый Переяслав»).

O.A. Валькова

БОИ ЗА ИСТОРИЮ ГЕОЛОГИИ:
НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО
В.И. ВЕРНАДСКОГО к В.А. ВАРСАНОФЬЕВОЙ

...Благодарю Вас за те воспоминания о прошлом,
которые Вы возбудили во мне Вашей книгой.

В.И. Вернадский — В.А. Варсанофеевой¹

В ноябре 1941 г. в Москве, в издательстве Московского общества испытателей природы вышла в свет монография Веры Александровны Варсанофеевой (1889–1976) «Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии»², посвященная жизни и творчеству выдающегося отечественного геолога и палеонтолога, основателя московской геологической школы, академика, профессора геологии Московского университета Алексея Петровича Павлова (1854–1929). Книга была встречена доброжелательно научным сообществом. В подробной, развернутой рецензии, опубликованной в «Известиях Академии наук СССР» в марте 1942 г., Владимир Афанасьевич Обручев (1863–1956) отмечал: «В.А. Варсанофеева, тщательно использовав обширный материал, создала не только подробную характеристику жизни, научной и общественной деятельности А[лексея] П[етровича], но и обзор развития разных отраслей геологии в нашей стране за половину века и прекрасно выявила роль и значение покойного академика в этом развитии»³.

Владимир Иванович Вернадский (1863–1945) так же не остался равнодушен к выходу книги. 3 ноября 1942 г., все еще находясь в эвакуации в Боровом, он написал В.А. Варсанофеевой подробное письмо, начинавшееся словами: «На днях с величайшим интересом прочитал Вашу книгу об А.П. Павлове. Для меня это был пересмотр и моей жизни с 1889 по 1911, первый московский период моей жизни»⁴. Однако в отличие от В.А. Обручева, В.И. Вернадский был согласен далеко не со всеми выводами и оценками автора. О чем он не замедлил заявить. «Позволю сделать все-таки несколько замечаний»⁵, — писал он Вере Александровне. Замечания В.И. Вернадского носили совершенно конкретный характер и касались оценок деятельности и вклада в развитие геологических наук таких известных деятелей отечественной геологии, как К.Ф. Рулье, В.О. Ковалевский, Г.Е. Щуровский, М.А. Толстопятов. Прежде всего оценок роли Г.Е. Щуровского и М.А. Толстопятова. Пожалуй, можно выделить три основных пункта «несогласия»:

¹ В.И. Вернадский — В.А. Варсанофеевой. 3 ноября 1942 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 232. Л. 3.

² Варсанофеева В.А. Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии. М., 1941.

³ Обручев В.А. [Рец.:] В.А. Варсанофеева. Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии. Изд. Московского общества испытателей природы, Москва, 1941, 348 стр. с 4 портретами и 3 таблицами // Известия Академии наук СССР. Серия геологическая. 1942. № 3. С. 74.

⁴ В.И. Вернадский — В.А. Варсанофеевой. 3 ноября 1942 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 232. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 2 об.

1. «А П в Москве явился не только учеником Ковалевского, но по существу явился первым после Рулье крупным в Московском университете геологом, и в разговорах моих с ним он нередко оттенял влияние Рулье»⁶, — писал В.И. Вернадский, полностью отрицая таким образом роль Г.Е. Щуровского в развитии геологии в России второй половины XIX в.

2. «То, что он (А.П. Павлов. — О. В.) говорит о Щуровском, которому он, конечно, многим обязан, совсем не отразилось на его личной работе, кроме его истории геологии Московской губ. ...»⁷, — добавлял он.

3. «Когда я приехал молодым в Москву, в 1889 году <...> то захотел ознакомиться с нашими предшественниками и думаю, та оценка, которую дает А П, не отвечает действительности, особенно по отношению к Толстопятову»⁸.

Далее В.И. Вернадский дал свою, достаточно резкую, оценку работы А.М. Толстопятова. О его научной работе В.И. Вернадский писал: «Это был Обломов в университете. Он и его диссертации представляют из себя компиляции, правда, литературно, к моему удивлению, полные»⁹. О работе А.М. Толстопятова в Геологическом кабинете Московского университета: «Значительная часть коллекций была на полу, лежала кучами. Пришлось восстанавливать этикетки по номерам. Т в 1860-х годах начал разбирать и приводить в порядок коллекции, которые при Щуровском были в полном порядке, а потом забросил. И те части коллекции, до которых он не дошел и которые сохранились с 60-х годов, остались в порядке»¹⁰. О его работе в Румянцевском музее: «Так же Толстопятов сделал и с коллекцией Румянцевского Музея»¹¹. Наконец, В.И. Вернадский сравнил диссертацию М.А. Толстопятова с диссертацией Г.Н. Вырубова: «Это было время до А П, было время борьбы двух обществ. Толстоп поддерживался Об-вом Естествоиспытат»¹², а О-во Любителей¹³ поддерживало Вырубова¹⁴, диссертация которого была маленькая, но экспериментальная в отличие от Толст, и до сих пор с ней можно считаться»¹⁵.

В отличие от В.И. Вернадского, В.А. Варсаноффьева в своей книге очень высоко оценивала заслуги и Григория Ефимовича Щуровского (1803–1884) (с 1835 г. возглавлявшего кафедру геологии и геогнозии Московского университета, в 1848–1849 гг. декана физико-математического факультета, в 1868–1869 гг. прорек-

---

⁶ В.И. Вернадский — В.А. Варсаноффьевой. 3 ноября 1942 г. Л. 2 об.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 3.

¹² Московское общество испытателей природы (МОИП).

¹³ Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ).

¹⁴ В.И. Вернадский, видимо, случайно перепутал два общества, вернее, кто именно из них кого поддерживал: МОИП поддерживало Г.Н. Вырубова, а ОЛЕАЭ — М.А. Толстопятова.

¹⁵ В.И. Вернадский — В.А. Варсаноффьевой. 3 ноября 1942 г. Л. 3.

тора Московского университета, заслуженного профессора, высокоуважаемого современниками создателя геологического образования в Московском университете) и его ученика Михаила Александровича Толстопятова (1836–1890), первого профессора минералогии Московского университета. О Г.Е. Щуровском В.А. Варсаноффьева писала подробно, объясняя это следующим образом: «...профессора, менее выдающиеся по своим научным заслугам, обладая лекторским талантом и искренней любовью к своей науке и к преподаванию, могут дать своим слушателям очень много и привлечь к изучению своей специальности много молодых сил. К числу таких профессоров относились Г.Е. Щуровский и М.А. Толстопятов. Учитель А^{<лексея>} П^{<етровича>} Григорий Ефимович Щуровский, во многих отношениях близкий ему по духу, был, по словам С.Н. Никитина, “последним отголоском той блестящей плеяды московских профессоров 40-х и 50-х годов, эпохи Грановского, Рулье, Кудрявцева и др., от которых в наше время сохранились одни только рассказы”. Он, несомненно имел влияние на А^{<лексея>} П^{<етровича>} в его студенческие годы и, вероятно, сыграл роль в выборе им геологической специальности и в направлении его дальнейшей научной деятельности. Интересно по-этому подробнее осветить здесь фигуру Щуровского»¹⁶.

Давая оценку деятельности Г.Е. Щуровского, В.А. Варсаноффьева приводит слова самого Алексея Петровича, произнесенные им на заседании, посвященном памяти ученого: «Я имел счастье быть слушателем Григория Ефимовича уже в последние годы его профессорской деятельности...»¹⁷ — говорил А.П. Павлов. Дальнейший панегирик Г.Е. Щуровскому занимает не менее двух страниц. Видимо, это те самые слова А.П. Павлова, о которых говорит в своем письме В.И. Вернадский.

Сравнение А.П. Павлова с Г.Е. Щуровским в глазах В.А. Варсаноффьевой — величайшая похвала: «Перед глазами тех, кто ближе знал А.П. Павлова, слушал его лекции, бывал с ним на экскурсиях и читал его популярные книги, невольно встает его образ при чтении строк, посвященных памяти Щуровского, невольно бросается в глаза громадное сходство между учителем и его одаренным учеником. Если Щуровский и не вложил в него, как нечто новое, тех дарований и склонностей, которые отличали А^{<лексея>} П^{<етровича>} как ученого и педагога, он безусловно способствовал их пробуждению, он направил их своим примером в определенное русло, он заставил его задуматься над тем, как подходить к изучению и преподаванию науки, как способствовать ее распространению в широких кругах населения. Так же как и его учитель, А^{<лексея>} П^{<етрович>} был блестящим лектором и всю жизнь до последнего года серьезно готовился к каждой лекции и волновался перед нею. Так же неутомим и увлекателен был он как руководитель экскурсий, так же отзывчив ко всякому проявлению интереса к любимой им науке, так же внимателен к каждому из своих учеников и горячо предан делу популяризации геологии»¹⁸.

---

¹⁶ Варсаноффьева В.А. Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии. 2-е изд. М., 1947. С. 15.

¹⁷ Там же. С. 18.

¹⁸ Там же. С. 19.

Об А.М. Толстопятове В.А. Варсанофеева также пишет с большим уважением: «Профессор минералогии М.А. Толстопятов был тоже исключительно хорошим и интересным человеком и блестящим лектором. <...> Любимой областью его была кристаллография, и в частности процессы кристаллообразования, которым была посвящена и его докторская диссертация “Общие задачи учения о кристаллогенезе”. Толстопятов вел в этом направлении очень интересную работу...»¹⁹

Подводя итог сказанному, В.А. Варсанофеева отмечает: «Таковы были два ближайших руководителя А<лексея> П<етровича>. Общение с ними могло только укрепить и развить ту любовь к науке и истине, то глубокое уважение к университету как рассаднику культуры, то горячее и серьезное отношении к работе педагога, которые характеризовали А<лексея> П<етровича>»²⁰. Как мы видим, мнение это прямо противоположно мнению В.И. Вернадского. Законный вопрос: откуда взялось такое разногласие в оценке ключевых для истории московской геологии фигур? Почему В.И. Вернадский, являвшийся коллегой А.П. Павлова и преемником М.А. Толстопятова по кафедре в Московском университете, и В.И. Варсанофеева, считавшая себя ученицей А.П. Павлова, чьи научные и историко-научные взгляды формировались в одном и том же месте и почти в одно и тоже время, придерживались таких разных взглядов?

Посмотрим, откуда началось расхождение. Вернемся для этого к первому несогласию между В.И. Вернадским и В.А. Варсанофеевой. «А<лексей> П<етрович> в Москве явился не только учеником Ковалевского, но по существу явился первым после Рулье крупным в Московском университете геологом, и в разговорах моих с ним он нередко оттенял влияние Рулье»²¹, — писал В.И. Вернадский, считая оценку деятельности Г.Е. Щуровского неправильной, проводя ряд московских геологов напрямую от Рулье к Павлову, минуя Г.Е. Щуровского вообще.

РАУНД 1

Возвращаясь к научно-политическим конфликтам середины XIX в. в Москве, легко заметить существование двух лагерей среди московской профессуры, возглавлявшихся Г.Е. Щуровским, с одной стороны, и Карлом Францевичем Рулье (1814–1858), с другой. Конфликт этот имел, на наш взгляд, не столько отношение к сути и / или направлению научных исследователей, сколько к философско-моральным концепциям о роли и значении науки в жизни государства, о долге учёного перед своей страной и ее народом, об отношении к распространению и / или популяризации знаний. Тогда, в 1850–60-х гг. обсуждение этих тем вылилось в дискуссию о языке научных периодических изданий.

Дело в том, что по сложившейся еще в XVIII в. и все еще сохранявшейся в середине XIX в. традиции как Императорская Академия наук, так и многие из

---

¹⁹ Варсанофеева В.А. Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии. С. 20.

²⁰ Там же. С. 21.

²¹ Там же. Л. 2 об.

наиболее авторитетных научных обществ, как, например, Московское общество испытателей природы, публиковали свои научные периодические сочинения на иностранных языках (несмотря на то что получали свое финансирование из казны Российского государства). И это не вызывало особых возражений. К середине XIX в., однако, ситуация начала постепенно меняться. С распространением в стране университетского образования (хоть и медленным, но неуклонным), развитием научных учреждений и увеличением количества русскоязычных людей, занятых профессиональной научной деятельностью, появились первые признаки того, что требование обязательного знания иностранных языков, предъявлявшееся к ученым, стало (или скоро должно было стать) своеобразным барьером для желающих заниматься наукой и, соответственно, фактором, тормозящим развитие фундаментальной науки в стране. Некоторые представители научного общества сознавали возникшую проблему и пытались найти пути ее разрешения. Среди них был и Г.Е. Щуровский.

Одно из первых публичных выступлений Григория Ефимовича по этому поводу (насколько нам известно) состоялось весной 1851 г., когда в Московском обществе испытателей природы (далее — МОИП) обсуждался вопрос об издании естественно-научного журнала на русском языке. На заседании МОИП 15 марта 1851 г. его превосходительство президент Общества Владимир Иванович Назимов (1802–1874), занимавший в этот период также должность попечителя Московского учебного округа, предложил: «...не найдет ли Общество полезным издавать по-русски какой-либо труд по естественной истории, общедоступный для читателя, не знакомого специально с этим предметом»²². Предложение В.И. Назимова вызвало неоднозначную реакцию среди членов МОИП. Как записано в протоколе заседания: имело место «продолжительное суждение об этом предложении»²³. В итоге было решено, что специально выбранные господа — Г.Е. Щуровский, Н.А. Варнек и К.Ф. Рулье — упорядочат существующие точки зрения и представят их на рассмотрение общества.

На чрезвычайном заседании МОИП 18 мая 1851 г.²⁴ члены общества «слушали по порядку мнения назначенного Комитета из гг. Щуровского, Варнека и Рулье». Первыми свое совместное мнение зачитали Г.Е. Щуровский и Н.А. Варнек. Они оба считали, что следует приступить к изданию русскоязычного журнала под названием «Вестник Императорского московского общества испытателей природы»²⁵. Необходимость этого, по их мнению, вытекала из «самого Устава <Общества>, которым постановляется Обществу в непременную обязанность распространять естественно-исторические сведения внутри самой России. Русский язык есть, без сомнения, главный орган такого распространения сведений»²⁶. Таким образом, была высказана вслух, публично, в одном из самых уважаемых научных собраний

---

²² Протокол заседания Императорского Московского общества испытателей природы 1851 года, марта 15 дня // Архив МОИП. Д. 271. Л. 13 об.

²³ Там же.

²⁴ То же 1851 года мая 18 дня // Архив МОИП. 1851. Д. 271. Л. 26–32 об.

²⁵ Там же. Л. 22 об.

²⁶ Там же. Л. 23.

Москвы мысль, утверждению которой в умах отечественных ученых, интеллигенции, властей Г.Е. Щуровский впоследствии отдал немало сил и энергии. Конечно, нельзя сказать, что Григорий Ефимович является первооткрывателем данной идеи. Значение национального языка для распространения знаний в стране прекрасно понимал уже Г.Ф. Миллер, приступая в 1728 г. к изданию «Исторических, генеалогических и географических примечаний в ведомостях». Однако в русской культурной традиции популяризация науки среди широких слоев населения рассматривалась скорее как некая просветительская миссия, имеющая абсолютную ценность и потому важная, но никоим образом не связанная с развитием науки как таковой.

Позицию, оправдывающую ненужность русскоязычных научных изданий, прекрасно сформулировал К.Ф. Рулье, выступивший на том же чрезвычайном заседании МОИП со своим отдельным мнением. Во-первых, по словам К.Ф. Рулье: «Очевидно, кто работает для науки вообще, тот работает и для науки каждой страны <...> Язык нерусский не только не помеха для этой цели, всеми нами искомой, а напротив, существенное средство, чтобы Россия, всеми нами высоко чтимая, была и по своим естественным произведениям, и по мере их разработки высоко и достойно чтимой заграницей...»²⁷ Во-вторых: «От несоблюдения этого отношения в науке рождаются чрезвычайные неудобства: нужно бывает открывать вновь сведения, уже давно приобретенные в какой-либо стране, но высказанные на ее родном местном языке»²⁸. В-третьих: «...мы не можем себе представить русского читателя, который не понял бы статьи в Bulletin только потому, что она написана не на русском языке. Чтобы понять нашу статью, нужно предварительно научное образование, а этого научного образования нельзя получить, не зная по крайней мере французского и немецкого языков»²⁹. В-четвертых: «Наконец, и это нам кажется чрезвычайно важным, наше Общество изданием своих журналов на иностранном языке вполне выполняло цель, предписанную ему 3 § Устава: распространять сведения по естественной истории России (подчеркнуто автором. — О.В.), а отнюдь не в России»³⁰.

Надо отметить, что с подобными мнениями Григорий Ефимович и его единомышленники сталкивались неоднократно. Тем не менее Г.Е. Щуровский продолжал отстаивать свою позицию по данному вопросу. Он одним из первых пришел к пониманию взаимозависимости между уровнем образованности широких слоев общества в том или ином государстве и характером развития науки в данной стране. Однако в Московском обществе испытателей природы

---

²⁷ Мнение г<осподина> действительного члена Императорского московского общества испытателей природы профессора Рулье по случаю предложения его превосходительства господина президента не полезно было бы издать при обществе повременного труда по части естественной истории на русском языке в изложении общедоступном для всех сколько-нибудь образованных читателей. [1851] // Архив МОИП. Д. 275. Л. 42–42 об.

²⁸ Там же. Л. 44.

²⁹ Там же. Л. 46 об.

³⁰ Мнение г<осподина> действительного члена Императорского московского общества испытателей природы профессора Рулье... Л. 45 об.

Г.Е. Щуровский и его единомышленники остались в меньшинстве. Это привело к фактическому разрыву Г.Е. Щуровского с МОИП и созданию им в 1864 г. нового общества — Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), что вызвало неоднозначную и бурную реакцию в академических кругах.

На первом же заседании ОЛЕАЭ 14 мая 1864 г. Г.Е. Щуровский (избранный президентом) говорил, определяя задачи вновь созданного научного объединения: «Деятельность естественно-исторических обществ может выражаться в двух различных и трудно соединимых на практике направлениях: можно или заботиться о развитии и обогащении науки о природе вообще специальными исследованиями и разработкой новых нетронутых вопросов, или же стараться преимущественно о распространении науки в массе публики, о подготовлении новых деятелей для нее, об облегчении средств к серьезному изучению естествоведения, т. е. иметь в виду преимущественно не развитие науки вообще, но развитие, распространение и укоренение ее в данной местности. <...> Если мы окинем беглым взглядом деятельность естественно-исторических обществ в России, то не можем не убедиться, что они собрали много капитального в науке... Не в специальных исследованиях, не в ученых материалах чувствуется у нас недостаток: он чувствуется в людях, которые бы могли пользоваться этим материалом и которые бы могли далее вести его. Это выражают косвенно и существующие уже ученыe общества тем, что издают свои исследования на иностранных языках. В тех странах, где наука уже пустила глубокие корни, где она стала уже общим достоянием, там такое явление было бы немыслимо; следовательно, если где может быть полезна деятельность нового Общества и где, скажем это с полным убеждением, она особенно необходима, так это в изыскании средств к распространению серьезных занятий естествоведением в России. Этим и определяется та цель, которую, по мнению Совета, полезно усвоить себе Обществу, т. е. изыскание средств, могущих содействовать распространению естествознания в России»³¹.

Надо сказать, что мысль о создании нового естественно-научного общества при Московском университете, когда при нем уже существовало всемирно известное Московское общество испытателей природы, многими учеными была принята в штыки. Организаторов ОЛЕАЭ обвиняли в самых разных грехах. Как они сами вспоминали позднее, им приписывали «желание фигурировать в области какой-то не существующей по тогдашним воззрениям русской науки, потому что им не по силам была общечеловеческая, европейская наука...»³². Но подобная реакция научного сообщества не смущила Г.Е. Щуровского и его коллег, а значительные успехи ОЛЕАЭ в выполнении поставленных ими перед собой задач вскоре заставили недоброжелательных критиков умолкнуть.

---

³¹ Протоколы заседаний Общества любителей естествознания, состоящего при Императорском Московском университете. Год первый. Первое заседание 14 мая 1864 года // Протоколы заседаний Общества любителей естествознания при Императорском Московском университете с 14 мая 1864 г. по 29 августа 1866 г. М., 1866. С. 3.

³² [Воспоминания А.П. Богданова] [В изд.:] Юбилей Григория Ефимовича Щуровского (27 августа 1878 г.) // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 33. Вып. 1. М., 1880. С. 13.

Итоги этого первого раунда вкратце таковы: 1) научные периодические издания МОИП продолжали публиковаться на иностранных языках; 2) Г.Е. Щуровский для продвижения своих идей создал новое научное общество; 3) между двумя обществами (МОИП и ОЛЕАЭ) возникла вражда, длившаяся как минимум до начала XX в. Камнем преткновения между ними стало расхождение во взглядах по вопросу элитарности или демократичности науки.

РАУНД 2

Возникшее в начале 1860-х гг. противостояние никуда не делось с появлением на исторической сцене следующего поколения. В геологической науке Московского университета оно было представлено Григорием Николаевичем Вырубовым (1843–1913) и Михаилом Алексеевичем Толстопятовым (1836–1890). М.А. Толстопятов, ученик Г.Е. Щуровского, начал читать курс минералогии в Московском университете с 1861 г. на только что впервые образованной кафедре минералогии. Г.Н. Вырубов записался вольнослушателем на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета в 1862 г., сразу по окончании Лицея. И тут же разочаровался как в самом университете, так и в его преподавателях. Современные историки науки, биографы Г.Н. Вырубова Г.И. Любина и Е.А. Зайцева пишут со ссылкой на его «Школьные воспоминания»: «Канули, по его наблюдениям, в прошлое 40-е годы с романтическим увлечением высокими идеалами. Стремление к “высокому” у части студентов Вырубов все же нашел, но оно было смутным и неявным. В начале 60-х годов, особенно после принятия университетского устава 1863 г., в высшие учебные заведения России хлынул поток разночинной молодежи. Среди студентов возобладал тип тургеневского Базарова. Приобретение знаний отодвинулось на второй план, основной целью стало получение диплома и устройство жизненной карьеры “ради куска хлеба”. “Фабрикой дипломов” называл Вырубов Московский университет»³³. Конечно, Г.Н. Вырубова, более чем обеспеченного потомка двух знатных родов, проблемы карьеры «ради куска хлеба» занимали мало. В отличие от научного знания.

Геология и минералогия особенно интересовали Г.Н. Вырубова в научном отношении, но преподавание, предлагавшееся Г.Е. Щуровским и М.А. Толстопятовым его не устраивало. Он оставил несколько очень резких отзывов об обоих. О Г.Е. Щуровском Г.Н. Вырубов писал: «...у него мне нечemu было поучиться; я и без него мог вычитать из книг все нужное»³⁴. Даже смерть Г.Е. Щуровского в 1884 г., по словам Г.И. Любиной и Е.А. Зайцевой, не изменила мнения Вырубова: «Бедный русский Мурчисон! Я уже было привык считать его бессмертным, потому что мне казалось, что в наше время ему было уже за 80 лет, до такой степени были допотопны его знания»³⁵. Что касается М.А. Толстопятова, то они были знакомы не только по университету. В 1864 г. во время поездки Толстопятова по Западной Европе Г.Н. Выру-

³³ Зайцева Е.А., Любина Г.И. Григорий Николаевич Вырубов. 1843–1913. М., 2006. С. 30.

³⁴ Цит. по: Там же. С. 32 (примеч.).

³⁵ Цит. по.: Там же. С. 32.

бов взялся быть его гидом (он сам отправился в Европу в мае 1864 г., сразу же после сдачи университетских экзаменов), показать ему Париж и Берлин. Но друзьями это путешествие их не сделало. Наоборот, впоследствии Вырубов писал, что во время совместного путешествия его раздражало «дремучее» невежество Толстопятова³⁶. Сегодня трудно восстановить, что произошло между ними на самом деле и каким образом переплелись личные и научные отношения, но далее Вырубов отзывался о Толстопятове не иначе как следующим образом: «...в научном отношении это был квадратный корень, извлеченный из его учителя (Г.Е. Щуровского. — О. В.), от которого он отличался еще необычайной, неизлечимой ленью»³⁷ или «Разные Толстопятовы, Богдановы, Кирилловы и прочая чушь...»³⁸

В отличие от разочаровавших Г.Н. Вырубова Г.Е. Щуровского и М.А. Толстопятова, члены МОИП, наоборот, привлекли молодого исследователя. «Показательно отношение Вырубова к Московскому обществу испытателей природы, — пишут Г.И. Любина и Е.А. Зайцева. — Он признавался, что своих научных наставников он нашел вне стен Московского университета. Он встретил их в МОИПе. <...> Вырубов был благодарен МОИПу за то, что именно там реализовал свой интерес к научной работе: познакомился со знающими специалистами, опубликовал первые статьи. Его привлекал международный статус общества, половину членов которого составляли иностранцы»³⁹.

Характерно, что Г.И. Любина и Е.А. Зайцева сочли необходимым остановиться на взглядах Г.Н. Вырубова по поводу элитарности vs. демократичности науки. Они пишут по этому поводу: «Вырубов выступал как демократ, когда касался вопроса об использовании результатов исследований. Он рассматривал их как общее достояние, источник материального достатка, залог умственного и нравственного развития народа. Он приветствовал распространение знаний среди широких слоев населения. Что касается доступа к самим исследованиям, здесь он обнаруживал определенную корпоративную замкнутость. Вырубов считал, что занятие наукой — это удел немногочисленной группы людей, специальным образом подготовленных и имеющих необходимые способности. Он выступал как консерватор по отношению к демократическим формам преподавания и науки. Он скептически относился к общедоступным лекциям, научным съездам и выставкам, к новому типу научных обществ (Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии — ОЛЕАЭ). Он полагал, что, привлекая дилетантов, они снижают профессиональный уровень исследований. В этом он не был одинок. Многие ревнители “строгой науки” поначалу окрестили ОЛЕАЭ обществом “губителей естествознания”»⁴⁰.

Придерживаясь подобных взглядов, Г.Н. Вырубов не мог с уважением относиться к Г.Е. Щуровскому, являвшемуся основателем ОЛЕАЭ, организовавшего уже в первые годы своего существования (при активном участии Г.Е. Щуровского)

---

³⁶ См.: Там же. С. 33.

³⁷ Цит. по.: Там же. С. 32.

³⁸ Цит. по.: Там же. С. 37.

³⁹ Там же. С. 46; 48.

⁴⁰ Там же. С. 36.

несколько крупных выставок (участие в которых приняли сотни тысяч человек), результатом которых стало создание в Москве целого ряда музеев, в том числе Политехнического; ставшего активным участником I съезда русских естествоиспытателей и врачей в Санкт-Петербурге, проходившего с 28 декабря 1867 г. по 4 января 1868 г.; организовавшему и принимавшему в Москве II съезд русских естествоиспытателей и врачей в августе 1869 г.; бывшего неутомимым пропагандистом русского научного языка и таким же неутомимым популяризатором науки.

Надо заметить, что сам Г.Е. Щуровский, всегда активно поддерживавший талантливых и заинтересованных наукой молодых людей, видел потенциал Г.Н. Вырубова и даже предлагал ему работу в Московском университете. Но Г.Н. Вырубова это предложение не устроило: окончательно рассорившись с университетским начальством, решив переехать жить в Европу, он писал на прощание Г.Е. Щуровскому 24 октября 1866 г.: «Еще в прошлом году, когда Вы предложили мне занять кафедру в университете, еще прежде этого я должен был понять, что быть мне в университете так же невозможно, как и невозможно мне возвратиться к прежним, наивным понятиям моего детства. Я думал, что возможно какое-нибудь примирение, какое-нибудь взаимодействие, — спешу признаться, что смешна и наивна была эта надежда. В длинном ряду философских систем, выработанных человечеством, я и Московский университет занимаем две крайние точки: я занимаю скромное место на конце левой стороны, Московский университет блестящим образом занимает край правый. И так велико разделяющее нас расстояние, что нечего и думать подать друг другу руку: только жалкие болезненные продукты могло бы породить наше сотрудничество. Наш разрыв, тихий и миролюбивый, не пройдет без плодотворных последствий: университет избавится от беспокойного последователя новых идей, я избавлюсь от неприятной обязанности стесняться в приложении и популяризировании этих идей. Московский университет, захлопывая мне свои двери, открыл мне невольно другой выход, из которого видна широкая и беспрепятственно длинная дорога. Я наскоро уложил свой нетяжелый дорожный мешок, взял свою дорожную палку и завтра утром пускаюсь по этой дороге. В ней мы с Вами, Григорий Ефимович, не встретимся и на ней мы с Вами не будем конкурировать — это можно сказать наверное...»⁴¹

Итак, Г.Н. Вырубов покинул Россию, сохранив на всю жизнь чувство неприязни к Московскому университету. Впоследствии он станет признанным автором работ в области кристаллографической химии; редактором первого русскоязычного собрания сочинений А.И. Герцена; в 1891 г. будет избран президентом Парижского минералогического общества; в 1904 г. займет кафедру истории науки в Коллеж де Франс, отказавшись ради этого от русского подданства. А.М. Толстопятов, в свою очередь, станет блестящим лектором и минералогом, чьи научные труды будут оценены достаточно высоко впоследствии. Он умрет преждевременно, всего 54 лет, оставив многое незавершенным и неопубликованным.

---

⁴¹ [Прилож.] Письмо Г.Н. Вырубова к Г.Е. Щуровскому [24 октября 1866 г.] // Зайцева Е.А., Любина Г.И. Григорий Николаевич Вырубов. 1843–1913. С. 292–293.

В 1892 г. его вдова обратится к президенту МОИП Ф.А. Слуцкому (1841–1897)⁴² с просьбой опубликовать в «Бюллетеи МОИП» труды ее покойного мужа. Исследования, озаглавленные «О хохолках», не были закончены при жизни ученого. Его вдова с помощью члена Общества А.А. Крылова привела в порядок и подготовила к публикации разрозненные материалы. Статью передали на экспертизу редакционной комиссии, состоявшей из А.П. Павлова и В.И. Вернадского. Комиссия доложила свое мнение по поводу статьи на заседании Совета МОИП 19 марта 1892 г.

Члены комиссии нашли некоторые чисто технические недоделки и несоответствия. Прежде всего, они отметили, что приложенные к статье рисунки не пронумерованы, а в самом тексте исследования на них нет ссылок. Во-вторых, в первой части работы были обнаружены начатые, но незаконченные описания наблюдений, по мнению комиссии «нарушающие ход изложения остальных частей текста, содержащих ценный научный материал»⁴³. В-третьих, требовалось отредактировать не совсем удачный перевод (в оригинале статья была написана по-русски, а публиковалась на одном из европейских языков), в основном научных терминов. В итоге комиссия сделала следующий вывод: «По мнению комиссии, этого рода изменения в тексте во всяком случае необходимо будет сделать, если печатание работы состоится; более же детальное ознакомление с сочинением и доклад о нем Совету Общества комиссия откладывает до получения остальных рисунков»⁴⁴. Взятое в отдельности, подобное решение кажется несколько странным, поскольку некоторые, главным образом незначительные, недоделки не могли помешать оценить научное значение работы в целом и принять решение о ее публикации. Одновременно редактор изданий Общества заявил, «что на изготовление раскрашенных таблиц к этой статье понадобилось бы по крайней мере 500 руб.»⁴⁵.

На основании предварительного вывода редакционной комиссии и заявления редактора «г. Президент ответил г-же Толстопятовой, что изготовление таблиц Общество не может в настоящем году принять на свой счет; что Редакционная комиссия признает необходимым сделать кое-какие поправки и, кроме того, просит доставить остальные таблицы и сделать указания, к каким листам текста относятся прилагаемые рисунки, так как без таковых указаний статья не может быть напечатана»⁴⁶. В ответ на это постановление г-жа Толстопятова попросила вернуть ей рукопись, что и было сделано *немедленно*. В журнале заседания Совета МОИП 19 марта 1892 г. записано следующее постановление Совета Общества: «Совет постановил немедленно возвратить рукопись»⁴⁷. Постановление подписано президентом Общества Ф.А. Слуцким, секретарями Общества В. Льво-

⁴² Слуцкий (Слудский) Федор Алексеевич (1841–1897), механик, геодезист, астроном; профессор Московского университета, с 1886 г. вице-президент МОИП, в 1890–1897 гг. президент МОИП.

⁴³ Журнал заседания Совета Московского общества испытателей природы 19 марта 1892 г. // Архив МОИП. Д. 658. Л. 3.

⁴⁴ Там же. Л. 3 об.

⁴⁵ Там же. Л. 4.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

вым и А.П. Павловым, а также членами Совета Общества И.Н. Горожанкиным, В.А. Дейнегой, Е.Д. Кислаковским, В.Д. Соколовым⁴⁸.

В самом журнале заседания есть две особенности, которые стоит отметить. Прежде всего, в официальном и уже подписанном тексте журнала заседания встречаются редакторские правки. Случай крайне редкий, так как текст протокола составлялся сначала начерно, затем просматривался и исправлялся заинтересованными лицами (секретарем и президентом Общества) и только потом переписывался начисто и подписывался всеми участниками заседания. Правки в окончательном варианте текста практически отсутствуют. Их неожиданное появление свидетельствует о горячих дебатах, не укладывавшихся в традиционно официальные рамки. Второй особенностью является само слово «немедленно». Подобная лексика отсутствует в тексте протоколов, писавшихся подчеркнуто официально. Проявление каких-либо эмоций в тексте протоколов МОИП встречается настолько редко, что привлекает пристальное внимание.

Работы М.А. Толстопятова были изданы впоследствии его вдовой Е. Толстопятовой на ее собственные средства⁴⁹. Через много лет, 24 октября 1942 г., размышляя над книгой В.А. Варсаноффьевой об А.П. Павлове, В.И. Вернадский запишет в дневнике: «Вдова Толстопятова издала на французском языке его посмертную работу — предлагала мне ее редактировать. Я решительно отказал»⁵⁰. Никаких объяснений, никаких сожалений.

Как мы видим, кроме личных обид и несовпадений характеров, причиной конфликта представителей второго поколения московских геологов стало также расхождение в представлениях о путях развития геологической и минералогической науки, а также расхождение во взглядах на элитарность vs. демократичность науки.

РАУНД 3

И в этот момент на исторической сцене появляется третье поколение: А.П. Павлов и В.И. Вернадский (В.А. Варсаноффьева присоединится к ним чуть позже — она моложе). Как мы видели, именно они отказали вдове М.А. Толстопятова в публикации его трудов. Одной из причин, безусловно, было очень личное отношение В.И. Вернадского к Толстопятову. Когда он писал в начале письма к В.И. Варсаноффьевой: «Для меня это был пересмотр и моей жизни с 1889 по 1911 первый московский период моей жизни»⁵¹, он ничуть не кривил душой. В.И. Вернадский достаточно хорошо знал Г.Н. Вырубова и относился с уважением к его научным достижениям. По его дневникам разбросано немало упоминаний о Вырубове, о том, как В.И. Вернадский составил свое мнение о том или ином

⁴⁸ См.: Журнал заседания Совета Московского общества испытателей природы 19 марта 1892 г. Л. 3.

⁴⁹ См.: Толстопятов М.А. Топазы и включения в них турмалинов. Пг., 1916; Он же. Особенности эпоптических фигур в кристаллах эпидота и пушкинита. Пг., 1917.

⁵⁰ Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934. М., 2001. С. 148.

⁵¹ В.И. Вернадский — В.А. Варсаноффьевой. 3 ноября 1942 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 232. Л. 2.

ученом на основании его убеждений. Об отношениях между Г.Н. Вырубовым и М.А. Толстопятовым и своем отношении к М.А. Толстопятову В.И. Вернадский писал, например, в дневнике 15 июля 1941 г.: «Неожиданно я получил от А.П. Павлова в Париже письмо, извещавшее о смерти Толстопятова, о котором я имел самые дурные известия от Вырубова (Толстопятов был выбран профессором вместо Вырубова: научно не сравнимые величины), с которым я часто виделся в Париже»⁵².

В дневниковой записи от 24 октября 1942 г. В.И. Вернадский пишет: «В 1889 году получил в Париже письмо от А.П. <Павлова>, который приглашал меня в Москву и перевернул всю мою жизнь. О Толстопятове, моем предшественнике, я слышал, вероятно, тогда от Вырубова. Я не знал, что, д<олжно> б<ыть>, Вырубов сам подумывал о кафедре? Он тогда был еще русским подданным. Он (Вырубов) рассказывал, что Толстопятов занимался палеонтологией и что он был кандидатом на кафедру минералогии и диссертацией его была его работа о красящем веществе плитняков, отиск которой он мне дал. Вырубов связывал это с борьбой старого “казенного” Общества исп<ытателей> прир<оды> и Общ<ества> люб<ителей> естествознания (Богданов), где Вырубов играл яркую (по его словам) роль. Хронологически это как будто не сходится. Толстопятов читал в 1861 г. уже минералогию (Варсаноффева, стр. 16). <...> Я прочел обе диссертации Т<олстопятова> — это исторические очерки, которые показывали хорошее знакомство с литературой, (что) меня удивило — и ничего своего. Кислаковский восхищался его франц<узской> речью, изд<анной> Об<ществом> исп<ытателей> прир<оды> — но она мне показалась внешней и не глубокой. Надо перечесть»⁵³. Таким образом, В.И. Вернадский сформировал свое мнение о М.А. Толстопятове и, возможно, по экстраполяции о Г.Е. Щуровском на основании отношения к ним Г.Н. Вырубова, вовлеченного в философский, научный, профессиональный конфликт с ними обоими, в то время как В.А. Варсаноффева в своей работе следовала оценкам А.П. Павлова.

В письме к В.И. Варсаноффевой В.И. Вернадский писал: «Эта борьба двух обществ была большим злом московской научной жизни. Она кончилась в наш период с А<лексеем> П<етровичем>, мы работали в обоих об<щест>вах»⁵⁴. Но закончилась ли эта борьба на самом деле? Или разногласия, возникшие в середине XIX в., пережившие два поколения московских геологов, продолжали жить и в веке XX?

Для Веры Александровны ее книга об А.П. Павлове стала данью памяти учителя, человека, которого она глубоко уважала, чьи взгляды на развитие науки она впитала. 31 марта 1942 г. она писала супруге Владимира Афанасьевича Обручева Еве Самойловне Бобровской-Обручевой (?–1956): «Многоуважаемая Ева Самойловна! Меня очень порадовало Ваше письмо и то, что Вам так понравилась и заинтересовала Вас книга об Алексее Петровиче Павлове. Я писала

---

⁵² Вернадский В.И. Дневники. 1935–1941: в 2 кн. / отв. ред. В.П. Волков. М., 2006. Кн. 2. С. 268.

⁵³ Он же. Дневники: 1926–1934. С. 143.

⁵⁴ В.И. Вернадский — В.А. Варсаноффевой. 3 ноября 1942 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 232. Л. 3.

этую книгу с совсем особенным чувством и с большим желанием передать в ней действительный образ Алексея Петровича как человека, педагога и ученого. Он сыграл большую роль в моей жизни, и с ним связаны для меня самые светлые и радостные воспоминания первого юношеского увлечения наукой. В этой книге хотелось передать то светлое и хорошее, что неразрывно связано для меня с образом Алексея Петровича, хотелось написать ее как выражение моей глубокой благодарности за все хорошее, что он мне дал. Выход в свет этой книги является для меня моральной поддержкой в те тяжелые дни, которые я сейчас переживаю⁵⁵.

Для В.И. Вернадского исторические события, описанные В.А. Варсанофьевой, были частью его жизни. Именно приглашение А.П. Павлова занять кафедру после смерти М.А. Толстопятова привело В.И. Вернадского в Московский университет, что во многом определило его дальнейшую судьбу. Как он сам говорил в речи, посвященной памяти А.П. Павлова, 2 марта 1930 г.: «Сорок лет я был с ним связан на нашем жизненном пути. Молодыми мы встретились с ним в Бате, в Уэльсе, вместе совершали во время Международного геологического конгресса захватившие обоих нас <...> геологические экскурсии... Через него, благодаря этой случайной встрече я вместо Украины, куда думал уехать, попал в Московский университет, и здесь мы бок о бок, в постоянном общении проработали вместе почти 22 года»⁵⁶.

Неудивительно поэтому, что именно В.И. Вернадский выступал 2 марта 1930 г. на заседании АН СССР с речью памяти А.П. Павлова. Неудивительно, что он подготовил и хотел опубликовать развернутую статью об А.П. Павлове в «Бюллете-не МОИП». Однако статья эта опубликована не была. В дневниковых записях и письмах В.И. Вернадского 1941 г. сохранились сведения о его попытках добиться публикации, остававшихся безуспешными. Еще 4 марта 1941 г. В.И. Вернадский писал: «Глупость наделал. Мирчинк дал приписку (с моего согласия), что они помешают мою статью о Павлове, но отказался написать, в чем они с ней не согласны. Надо будет обращаться к Н.Г. Садчикову — Главлиту. Мирчинк — по трусости, правда понятной, потому что за ничтожную “вину” можно пострадать — и все близкие (тоже) — жестоко и бессмысленно»⁵⁷. 20 ноября 1941 г. В.И. Вернадский записал в дневнике: «Вчера на Об<ществе> исп<ытателей> прир<оды>: цензура в связи с моей статьей о Павлове А.П. — затруднено ее помещение. С моего согласия редакция [Bulletin] (пр<офессор> Мирчинк) сделала замечание, что редакция поместила мою статью о Павлове, хотя не согласна, но с чем [именно] не согласна — не сказано. Цензор К., с которым я говорил, требует, чтобы они сказали с чем [не согласны]. Липшиц в отпуску и был против отмены — и был прав. Цензор — не натуралист-геолог — было со мной говорил, что я не указываю отношение к дарвинизму Павлова — но выяснилось из разговора, что он

⁵⁵ В.А. Варсанофьева — Е.С. Бобровской-Обручевой. 31 марта 1942 г. // Архив РАН. Ф. 642. Оп. 2. Д. 357. Л. 1–1 об.

⁵⁶ Вернадский В.И. Памяти академика Алексея Петровича Павлова // Вернадский В.И. Статьи об ученых и их творчестве. М., 1997. С. 260.

⁵⁷ Он же. Дневники. 1935–1941. Кн. 2. С. 218.

[А.П. Павлов] ничего не сказал [на эту тему]»⁵⁸. Но несмотря на все усилия, статья так и не вышла. Она была опубликована только в 1997 г.

Книга же В.А. Варсаноффьевой вышла в Москве, в издательстве МОИП как раз в ноябре 1941 г., и никаких известных проблем с цензурой у нее не возникало. Неудивительно, что В.И. Вернадский прочитал ее буквально с карандашом в руках, выписывая номера страниц и делая замечания по каждой отдельной странице: человеку, событию, что отразилось в его дневниковой записи от 24 октября 1942 г.⁵⁹ Он выписывал из книги факты, о которых не знал или не помнил; вставлял свои комментарии о людях, событиях, оценках как научных идей, так и политических интриг. Записывал работы, которые он перечитывал или хотел бы перечитать в связи с книгой Варсаноффьевой, вставлял кусочки своих воспоминаний, которые иногда совпадали, а иногда и не совпадали с информацией, содержащейся в книге. Как хорошо известно, В.И. Вернадский не стеснялся в выражениях, когда делал записи в своем дневнике. Данный случай не стал исключением. Например, характеристику М.А. Толстопятова, данную В.А. Варсаноффьевой, В.И. Вернадский комментирует следующим образом: «Характеристика М.А. Толстопятова (1836–1890) — по некрологам учеников, в том числе А.П. (Павлова), — явно неверная. Как учитель он — был ничто»⁶⁰. Фразу В.А. Варсаноффьевой о смерти Г.Е. Щуровского В.И. Вернадский комментирует так: «Это имя тогда мне было совершенно чуждо, и оно было локальным и провинциальным для русской геологии»⁶¹.

Неудивительно, что В.И. Вернадский не смог удержаться и написал личное письмо Vere Александровне, указав на их наиболее фундаментальные расхождения, Vere Александровне, которую он уважал как профессионала⁶², но с которой никогда до этого не состоял в переписке. Удивительно только, что письмо это оказалось таким коротким.

Тем не менее на примере одного коротенького письма мы со всей наглядностью имеем возможность наблюдать, как личные взгляды, пристрастия и убеждения влияют на оценку исторических событий, сделанную даже наиболее выдающимися историками науки.

---

⁵⁸ Там же. С. 212.

⁵⁹ См.: *Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934.* С. 143–155.

⁶⁰ Там же. С. 155.

⁶¹ Там же. С. 145.

⁶² В письме Борису Леонидовичу Личкову (1888–1966) по поводу хлопот о его (Личкова) диссертации В.И. Вернадский, например, пишет: «...я написал самому крупному из членов этой комиссии (экспертной. — О.В.), проф. В.А. Варсаноффьевой, биографию А.П. Павлова, которой, Вы, кажется, читали. Она — крупный геолог» (В.И. Вернадский — Б.Л. Личкову. 24 июня 1943 г. // Архив РАН. Ф. 518 (Вернадский). Оп. 2. Д. 55. Л. 128).

M. Байссвенгер

Н.В. ВЕРНАДСКАЯ-ТОЛЛЬ
И СТАНОВЛЕНИЕ «НАУЧНОГО» ЕВРАЗИЙСТВА
(конец 1920-х гг.)

Исследователи евразийского движения, как правило, обращают внимание на его основателей и главных идеологов: экономиста и географа Петра Николаевича Савицкого, лингвиста и этнографа Николая Сергеевича Трубецкого, музыковеда и литературного критика Петра Петровича Сувчинского и философа и богослова Георгия Васильевича Флоровского. Немалый интерес вызывают также известные ученые, временно сотрудничавшие с евразийским движением, например историк и философ Лев Платонович Карсавин, филолог и лингвист Роман Осипович Якобсон или историк Георгий Владимирович Вернадский¹.

Действительно, после основания евразийского движения в 1921 г. в Софии именно эти люди разработали важнейшие идеи евразийства. Именно они в своих работах предложили рассматривать Россию как Евразию и утверждали, что страна представляет собой особый географический и культурный мир, не принадлежащий ни Европе, ни Азии, а, наоборот, представляющий собой гармоничный синтез Запада и Востока².

Тем не менее круг авторов, печатавших свои статьи в евразийских альманахах и сборниках, был значительно шире. Среди них оказывались порой люди довольно неожиданные, которые, несмотря на свое эпизодическое участие в евразийстве, вносили немаловажный вклад в становление евразийских идей.

Представителем таких «эпизодических евразийцев» является Нина Владимировна Вернадская-Толль (1898–1986). Дочь академика Владимира Ивановича Вернадского и сестра историка Г.В. Вернадского, Нина Толль не упоминается в исследованиях о евразийском движении. По своим профессиональным интересам она, казалось бы, была далека от евразийства. В 1920-х гг. Нина Владимировна получила медицинское образование в Праге и по специальности была врачом-психиатром³. Однако именно она скрывалась за инициалами «В.Т.», которыми

---

¹ См., например: Антощенко А.В. «Евразия» или «Святая Русь»?: Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории. Петрозаводск, 2003; Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М., 2004; Глебов С. Евразийство между империей и модерном. М., 2010.

² Краткое изложение истории и идей евразийского движения см.: Байссвенгер М. Евразийство // Новая российская энциклопедия: в 18 т. М., 2009. Т. 6 (1). С. 108–109.

³ О биографии Н.В. Вернадской см.: Сорокина М.Ю. Прага в судьбе семьи Вернадских // Slavia: Časopis pro slovanskou filologii. 2011. Vol. 80. № 2/3. P. 227.

была подписана статья, вышедшая в 1927 г. в 8-м номере «Евразийской хроники» и исследовавшая население Евразии по «антропологическому признаку»⁴.

Как могла Нина Владимировна Вернадская-Толль оказаться среди авторов статей, публиковавшихся в евразийских журналах? Безусловно, важную роль в этом должен был сыграть тот факт, что ее брат, Георгий Владимирович Вернадский, долгие годы плодотворно сотрудничал с членами евразийского движения, в первую очередь с П.Н. Савицким. Уже в августе 1922 г. П.Н. Савицкий упоминал Г.В. Вернадского как участника евразийского движения⁵. Начиная с 1923 г. его статьи появлялись в евразийских изданиях. Среди евразийских публикаций Вернадского было несколько текстов, знаковых для евразийского движения, как, например, «Два подвига святого Александра Невского» или же «Монгольское иго в русской истории»⁶. Благодаря этим статьям Вернадский выдвинулся на роль главного специалиста по истории Евразии среди членов движения. Уже в первых своих публикациях он особенно подчеркивал положительную роль монгольского фактора в истории России-Евразии. Эти идеи он позже развил в целом ряде монографических исследований, начиная с «Начертания русской истории» (1927) и «Оыта истории Евразии» (1934) и заканчивая «Звеньями русской культуры» (1938). Приверженность евразийским историческим конструкциям, которые Вернадский впервые сформулировал, находясь в эмиграции в Праге, он сохранил и после своего переезда в США в 1927 г., где он получил работу в Йельском университете⁷. Оставаясь долгие годы близко связанным с евразийством, Георгий Вернадский тем не менее никогда не входил в организационную структуру движения. Он весьма критически относился к планам многих евразийцев, в частности П.Н. Савицкого, намеревавшихся сделать движение политической партией, для того чтобы свергнуть советское руководство и превратить Советский Союз в новое государство — Евразию⁸.

Контактам Г.В. Вернадского с евразийцами в немалой степени способствовало его участие с 1921 г. — вначале как члена, а впоследствии в качестве директора — в работе Кондаковского семинария (*Seminarium Kondakovianum*) в Праге. Это был исследовательский институт по изучению русского, византийского и восточного миров и их взаимоотношений начиная с древнейших времен⁹. Уже сама тема се-

⁴ В. Т. [Н.В. Вернадская-Толль]. Понятие Евразии по антропологическому признаку // Евразийская хроника. 1927. № 8. С. 26–31.

⁵ П.Н. Савицкий — У.А. и Н.П. Савицким. 11 августа 1922 // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5783. Оп. 1. Д. 326. Л. 113 об.

⁶ Вернадский Г.В. Два подвига святого Александра Невского // Евразийский временник. 1925. № 4. С. 318–337; Он же. Монгольское иго в русской истории // Там же. 1927. № 5. С. 153–164.

⁷ О биографии Г.В. Вернадского и развитии его идей см.: *Halperin Ch.J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1985. Vol. 36. P. 55–194; Сорокина М.Ю. Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // Российская научная эмиграция: Двадцать портретов / под ред. Г.М. Бонгарда-Левина и В.Е. Захарова. М., 2001. С. 330–347.

⁸ См., например: Г.В. Вернадский — П.Н. Савицкому. 2 марта 1930 // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University, New York, USA. George Vernadsky Papers. Box 7. Folder «1930».

⁹ Об этом институте см.: Басаргина Е.Ю. Археологический институт им. Н.П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*): По материалам архивов Праги // Мир русской византистики: Мат-лы архивов Санкт-Петербурга / под ред. И.П. Медведева. СПб., 2004. С. 766–811.

минария, безусловно, содержала очевидные «евразийские» мотивы. Но также в рядах участников семинара были активные члены евразийского движения, в частности Татьяна Николаевна Родзянко. Связи между Кондаковским семинаром и теми семинарами, которые с 1925 г. регулярно проводили пражские евразийцы, были достаточно тесными. Кондаковцы регулярно выступали в евразийских семинарах с докладами или присутствовали на них в качестве слушателей¹⁰.

Самым активным участником обоих семинаров был, пожалуй, историк и археолог Николай Петрович Толль. В 1928 г. в евразийском издательстве вышла его научная монография «Скифы и гунны. Из истории кочевого мира», своего рода дополнение к монографиям Вернадского, разрабатывавшая с евразийской точки зрения более ранний период истории Евразии¹¹. Профессиональные занятия историей как Вернадского, так и Толля, а также их интерес к Востоку делали их связи с евразийством вполне объяснимыми и даже ожидаемыми. Увлечение Н.П. Толля, а также его жены (каковой с 1926 г. была Нина Владимировна Вернадская-Толль) кочевниками и Востоком, по-видимому, приобрело даже бытовые формы. По воспоминаниям Н.Е. Андреева, коллеги Толля по Кондаковскому семинару, «у них по восточному обычаю не было мебели <...> так что все сидели на циновках и каких-то неудобных подушках»¹².

Таким образом, участие в евразийстве Нины Вернадской-Толль, как сестры Георгия Вернадского и жены Николая Толля, было вполне объяснимым. Однако, как врач-психиатр, на первый взгляд, Нина Толль едва ли могла внести вклад в идеальные концепции евразийцев. Тем не менее ее статья под названием «Понятие Евразии по антропологическому признаку», вышедшая в 1927 г. в 8-м номере «Евразийской хроники», сыграла немаловажную роль в определении Евразии.

Появление этой статьи в евразийском издании стало возможным благодаря тому, что к концу 1920-х гг. евразийство поменяло свой характер. В начале 1920-х евразийские идеи отличал метафизический и философский пафос. Евразия, находящаяся между Востоком и Западом, Европой и Азией, провозглашалась и проповедовалась как предмет веры. Однако к концу 1920-х гг. евразийцы стали пытаться систематически доказать эмпирическое существование Евразии как особого мира, отличавшегося целым рядом характерных признаков и закономерностей. В евразийских изданиях в 1927 г. было опубликовано несколько таких «научных» исследований Евразии, в частности принадлежавших перу одного из главных основателей движения — П.Н. Савицкого. Он писал об особой евразийской географии, на основе которой Евразия конструировалась как особый мир, особый континент¹³. Несколько позже, в 1931 г., Роман Якобсон опубликовал похожий систематический

---

¹⁰ См., например, информацию о сообщении Е.Н. Клетновой на пражском Евразийском семинаре 6 мая 1926 г. по теме «Скифо-сарматские элементы в восточном славянстве», где присутствовали «кондаковцы» Н.М. Беляев и Н.П. Толль: Евразийская хроника. 1926. № 5. С. 83–84.

¹¹ Толль Н.П. Скифы и гунны: Из истории кочевого мира. Прага, 1928.

¹² Андреев Н.Е. То, что вспоминается: Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982): [в 2 т.] / под ред. Е.Н. и Д.Г. Андреевых. Таллинн, 1996. Т. 1. С. 296.

¹³ Савицкий П.Н. Географические особенности России. Ч. I: Растительность и почвы. Прага, 1927; Он же. Россия: Особый географический мир. Прага, 1927.

анализ евразийского пространства, основываясь на лингвистических, в частности фонологических, признаках¹⁴.

В связи с этими попытками евразийцев конца 1920-х гг. «научно» сконструировать Евразию специальность Нины Толль пришла как нельзя кстати. Ей было поручено, вероятнее всего Савицким, выявить особенности Евразии на основе антропологических принципов. Именно этой цели посвящена была ее упомянутая выше статья. В своей работе Нина Толль сравнивала распространение групп крови, т. е. групп 1, 2, 3, 4 — в разных странах. В основу исследования Толль положила коэффициент, предложенный польским биологом Л. Гиршфельдом (Hirschfeld; 1884–1954). Коэффициент вычислялся в результате деления процента жителей данной страны с группами крови 2 и 4 на количество людей с группами 3 и 4. Сравнивая коэффициенты, полученные для различных наций, Вернадская-Толль пришла к следующему выводу: «Русские по своему коэффициенту находятся гораздо ближе к азиатским и африканским народам», чем к европейцам¹⁵. Она суммировала: «По признакам строения и свойствам человеческой крови Европа резко отличается от Азии и представляет собой маленький замкнутый мир. Россия находится между группой европейской и азиатской — почти примыкает к азиатской группе, имея очень мало общего с Европой»¹⁶.

Эта статья Нины Толль, безусловно, является наиболее проблематичной из всех попыток научно обосновать евразийство и близко подходит к расистским идеологиям. Возможно, сами евразийцы осознали это. Поэтому планировавшаяся вторая статья, о еврейской крови, которая была также написана Толль, так и не появилась в печати¹⁷. Дальнейших подобных попыток «биологизировать» Евразию не предпринималось, тем более что в 1930-х гг., в контексте распространения нацистских расовых концепций, такие намерения выглядели бы еще более одиозно. Другая работа Н.В. Толль, а именно «заметка о критике западной науки», также не появилась в печати, несмотря на то что, по сведениям П.Н. Савицкого, в начале сентября 1927 г. она уже находилась в наборе¹⁸.

Впрочем, участие Нины Толль, как и ее мужа, в евразийском движении не ограничилось всего лишь публикациями. Так, летом 1927 г. по поручению Савицкого во время своего пребывания в Берлине супруги раздавали в киоски евразийскую литературу для продажи. Как предполагал Савицкий, таким образом евразийские публикации должны были попадать в руки советских граждан, проезжавших через Берлин по пути в другие европейские страны. Савицкий писал Толлю: «Теперь вот какая просьба к Н^ине В^{ладимиров}не и Вам. Вы знаете, в связи с какими соображениями является желательным, чтобы в наиболее бойких киосках Берлина (где имеются издания на всех языках) были выставлены на видном месте наши издания»¹⁹.

¹⁴ Савицкий П.Н., Якобсон Р.О. Евразия в свете языкоznания. [Прага,] 1931; Якобсон Р.О. К характеристике евразийского языкового союза. [Париж,] 1931.

¹⁵ В.Т. [Н.В. Вернадская-Толль]. Понятие Евразии по антропологическому признаку. С. 29.

¹⁶ Там же. С. 26.

¹⁷ См.: П.Н. Савицкий — Н.П. Толлю. 18 августа 1927 // ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 412. Л. 32.

¹⁸ См.: П.Н. Савицкий — Н.П. Толлю. 5 сентября 1927 // Там же. Л. 53 об.

¹⁹ П.Н. Савицкий — Н.П. Толлю. 18 августа 1927 // Там же. Л. 33.

Какие именно соображения Савицкий имел в виду? Дело было в том, что до апреля 1927 г. евразийцы распространяли свои издания в Советском Союзе с помощью «Треста» — подставной организации, инициированной ОГПУ. После разоблачения «Треста» в апреле 1927 г. данный путь проникновения литературы в СССР был закрыт²⁰. Поэтому для Савицкого временное пребывание супругов Толль в Берлине пришлось очень кстати, и он активно использовал его в целях пропаганды евразийства.

Совместное пребывание Толлей в Берлине в связи с евразийской «миссией» наводит на мысль, что евразийский эпизод в жизни Нины Вернадской-Толль был, в первую очередь, обусловлен семейными обстоятельствами, а именно влиянием как со стороны ее мужа Н.П. Толля, так и со стороны ее брата Г.В. Вернадского. Однако отнюдь не все члены ее семьи сочувствовали евразийству. Хорошо известно, что отец Нины Толль — В.И. Вернадский — в середине 1920-х гг. однозначно высказался против евразийства, считая, что «евразийцы <...> хорошие и, может быть, интересные люди — но они плохие мыслители — с неясной головой, с религиозно-философскими априориями, но самое главное — скучные и неживые, по статьям своим».²¹ Безусловно, семью Вернадских характеризовала удивительная «мировоззренческая и профессиональная полярность ее членов» без ущерба для внутрисемейных взаимоотношений²², и участие Н.В. Толль в евразийских изданиях лишний раз иллюстрирует эту особенность.

В то же самое время, нам кажется, что, помимо семейных связей, евразийство Нины Толль могло также быть результатом ее собственных идеиных поисков. Насколько можно судить по ее переписке с отцом, их личные беседы в Праге в 1924 г. касались «оценки того сложного положения, в котором сейчас находится ищащий правды человек в русском движении»²³. И вполне вероятно, что она нашла эту свою правду, хотя бы на некоторое время, как раз в евразийском движении.

Таким образом, роль «эпизодических» сотрудников евразийского движения вполне заслуживает внимания исследователей. В частности, Нина Вернадская-Толль сыграла, хотя и непродолжительную, но вместе с тем вполне существенную роль в становлении «научного» евразийства. Тот факт, что до сих пор ее участие в евразийстве оставалось практически неизвестным, объясняется тем, что ее псевдонимом «В.Т.», которым она подписала свою статью, не был расшифрован. Участие Нины Толль в евразийстве приобретает, на наш взгляд, еще большее значение из-за того, что она была первой женщиной, публиковавшейся в евразийских изданиях. Это обстоятельство также открывает новые возможности для изучения евразийства, в частности с гендерной перспективы, которая пока еще не была исследована.

---

²⁰ О «Тресте» см.: Флейшман Л. В тисках провокации: Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М., 2003.

²¹ В.И. Вернадский — Г.В. Вернадскому. 1 августа 1924. Цит. по: «За СССР выявляется лик исстрадавшейся России»: Письма В.И. Вернадского детям / Публ. М.Ю. Сорокиной // Природа. 2004. № 1. С. 75.

²² Сорокина М.Ю. Прага в судьбе семьи Вернадских. С. 227–228.

²³ В.И. Вернадский — Г.В. Вернадскому. 3 июня 1924. Цит. по: «За СССР выявляется лик исстрадавшейся России». С. 70.

А.Г. Гачева

ИДЕИ В.И. И Г.В. ВЕРНАДСКИХ
В ВОСПРИЯТИИ ПИСАТЕЛЯ, ПУБЛИЦИСТА,
ДЕЯТЕЛЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ К.А. ЧХЕИДЗЕ¹

В истории отечественных пореволюционных течений евразийству принадлежит особое место. И по оригинальной системе идей, развернутых в разные сферы социального бытия (в экономику, культуру, политику, образование), и по авторитетности участников, среди которых были выдающиеся представители русской гуманитарной науки, и по численности лиц, либо прямо входивших в движение, либо испытавших его идеальное и творческое влияние. Семья Вернадских с евразийством была связана самым непосредственным образом. Сын академика Георгий Вернадский и зять Николай Петрович Толль активно разрабатывали историко-культурную сторону евразийской доктрины. Что касается В.И. Вернадского, то, хотя сам он евразийских идей не разделял, его работы оказались важны и авторитетны для некоторых членов движения, таких как В.Н. Ильин и К.А. Чхеидзе.

Владимир Ильин, философ, богослов, один из блестящих преподавателей знаменитого Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже в представлении не нуждается. Что касается писателя, публициста, литературного критика Константина Александровича Чхеидзе (1897–1974), то пока для широких гуманитарных кругов это фигура малоизвестная, и интересуются им в основном историки русского зарубежья и исследователи наследия Н.Ф. Федорова², идеи которого К.А. Чхеидзе транслировал на эмигрантскую среду.

Между тем обращение к личности К.А. Чхеидзе, изучение его литературно-публицистического и эпистолярного наследия, его роли в евразийском движении, контактов с представителями пореволюционных течений позволяют увидеть некоторые характерные оттенки духовных и философских исканий русской эмиграции первой волны в той их части, которая связана с философией истории и

¹ Статья выполнена в рамках проекта РГНФ «Философ, писатель, публицист, деятель русского зарубежья Константин Александрович Чхеидзе (1897–1974). Художественное, публицистическое, мемуарное, эпистолярное наследие» (№ 13-04-00423).

² См.: Гачева А.Г. Неизвестные страницы евразийства: К.А. Чхеидзе и его концепция «совершенной идеократии» // Вопросы философии. 2005. № 9. С. 147–167; Макаров В.Г. Евразийство; К.А. Чхеидзе // Общественная мысль русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009. С. 142–149, 613–616; *Hagemeister M. Nikolaj Fedorov: Studien zu Leben, Werk und Wirkung*. München, 1989. S. 430–435; Из истории Fedoroviana Pragensia // Н.Ф. Федоров: Pro et contra: в 2 кн. СПб., 2008. Кн. 2. С. 836–848; Гачева А.Г. Fedoroviana Pragensia: Вехи создания, фондообразователи, историко-культурное значение // Slavia: časopis po slovanskou filologii. Roč. 80. 2011. № 2–3. S. 233–248.

философией человека, с попыткой построения целостного, религиозно ориентированного проекта социального действия.

Особенность Чхеидзе-мыслителя — тяготение к глобальным, масштабным идеям, стремление к синтезу, взыскание совершенства. Такое устроение мысли заставляло искать в поле идейных и философских систем человечества тот идеал, который отвечал бы внутреннему порыву к правде, к совершенному устроению жизни. Этот идеал Чхеидзе обрел в лоне философии русского космизма, соединив в себе интерес к религиозной (Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий) и естественно-научной (В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский) его ветвям. Более того, идеи, высказанные в целом ряде философско-публицистических статей Чхеидзе, обсуждавшиеся в переписке с философом-космистом Н.А. Сетницким, рождавшиеся из осмыслиения наследия Н.Ф. Федорова, из чтения работ как самого Сетницкого, так и его друга и единомышленника А.К. Горского, позволяют полнее представить философский и общественный контекст становления идеи ноосферы.

Когда познакомился К.А. Чхеидзе с идеями В.И. Вернадского и мог ли лично встречаться с ученым или слышать его? Вопрос этот нуждается в детальной разработке, в том числе и архивной. К.А. Чхеидзе читал работу Вернадского «Биосфера», и скорее всего, в русском переводе, так как книга эта имелась у Г.В. Вернадского, с которым Константин Александрович поддерживал прямые контакты. Мог он познакомиться и с французским изданием этой работы, ибо неплохо владел французским языком. Именно на французское издание «Биосфера» активно опирался В.Н. Ильин в книге «Шесть дней творения» (Paris, 1930), в которой стремился выстроить мост между Шестодневом и эволюцией, убеждая своих современников: «Библия и наука не могут враждовать, они говорят об одном и том же, но часто на разных, несоизмеримых <...> языках»³. Книгу В.Н. Ильина и заявленные в ней идеи К.А. Чхеидзе хорошо знал и высоко ценил, сам выступал за примирение и благое сотрудничество веры и знания. Мог он бывать и на лекциях, которые В.И. Вернадский периодически читал в Праге. Не исключено знакомство писателя с книгой В.И. Вернадского «Биогеохимические очерки. 1922–1932» (М.; Л., 1940). О Вернадском Чхеидзе мог читать в советской, эмигрантской и чешской печати. В 1931 г., работая над статьей «Наука в СССР» для карманной энциклопедии «Russia USSR. A Complete Handbook» (N. Y., 1933), он изучал труды по истории науки, выходившие в советской России.

Но обо всем по порядку. В июне — начале июля 1922 г., когда В.И. Вернадский впервые приехал в Прагу, бывший белый офицер князь Константин Чхеидзе работает чернорабочим в Болгарии и делает дневниковые заметки, которые затем под заглавием «Снимки и думы» будут напечатаны в 1926 г. в пражском журнале «Годы». Пройдя через братоубийственный опыт Гражданской войны, разгром Русской армии генерала Врангеля, бегство из Крыма, горькие мытарства изгнанников в Константинополе и на о. Лемнос, он задается вопросом: куда движется история и что значит в ней человек; размышляет о трагическом и гротескном

---

³ Ильин В.Н. Шесть дней творения: Библия и наука о творении и происхождении мира. Р., 1930. С. 9. Ссылки на В.И. Вернадского см. в главах «“Третий день” творения и геологические периоды» и «Происхождение жизни. Биосфера».

столкновении самонадеянных «бумажных» мечтаний, шапкозакидательских настроений деятелей Февральской революции, гордо заявлявших, что за четырехпять месяцев Россия совершила путь, «который другие народы совершали в столетия», став «самой свободной страной», и жесткой реальности большевистского переворота, в пожаре которого гордые либеральные прожекты сгорели дотла⁴.

В Прагу молодой офицер попадает в сентябре 1923 г., нелегально перейдя границу Чехословакии. Он одержим жаждой знания и творческого делания, чувствует себя представителем той новой России, которая «волит жить» и «волит трудиться»⁵. В воспоминаниях «События, встречи, мысли», над которыми Чхеидзе работал уже на излете жизни, в 1967–1971 гг., он описывал удивление и восторг, которые испытал в тот момент, когда зашел в Комитет помощи русским студентам и наткнулся на объявления о работе знаменитой Славянской библиотеки и библиотеки Земгора, где можно было получить книги («Книги!» — он так изголосился по ним за годы мытарства!), и о приеме на Русский юридический факультет: «Список профессоров. Читаю. Петр Бернгардович Струве — знаменитость! Профессор философии Н.О. Лосский (впоследствии признанный во всем мире глава школы персонализма). Ив. Ив. Лапшин. Вспоминаю его перевод книги У. Джемса “Многообразие религиозного опыта”. Новгородцев, Кизеветтер, Шахматов, Вернадский — сын академика Владимира Ивановича. Какие имена!..»⁶

На первый взгляд, имя Вернадского упомянуто здесь сугубо в нейтральном ключе (указан лишь академический статус ученого), однако если вслушаться, имя и отчество без фамилии звучат не официозно, но камерно, интимно-домашне. Спустя 2–3 страницы появится уже прямая оценка: «гениальный биохимик, мыслитель, советский академик», а в конце главы о русской Праге мемуарист еще раз упомянет Вернадского с характеристикой «великий ученый»⁷.

Эти отзывы — итог многолетнего внимания К.А. Чхеидзе к идеям автора «Биосферы». Внимания, которое возникло в 1920–1930-х гг. на фоне интереса к идеям Н.Ф. Федорова и получило новый импульс по возвращении писателя из советских лагерей, где он провел целое десятилетие (1945–1955). В письмах О.Н. Сетницкой, дочери философа Н.А. Сетницкого, с которым Константин Александрович переписывался и был духовно близок в 1929–1935 гг., подчеркнута давность знакомства с идеями ученого: «В.И. Вернадского уже давно знаю и высоко ценю»⁸.

Восхищение В.И. Вернадским шло рука об руку с восхищением его сыном, историком-евразийцем Г.В. Вернадским, автором книги «Начертания русской истории» (Прага, 1927), в которой была обоснована идея Евразии как «особого

⁴ Чхеидзе К.А. Снимки и думы // Чхеидзе К.А. Путник с Востока: Проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма. М., 2011. С. 139.

⁵ Он же. Как живут и работают... // Там же. С. 155.

⁶ Он же. События, встречи, мысли. Гл. VIII. Прага — Париж — Прага // Воспоминания. Дневники. Беседы: (Русская эмиграция в Чехословакии) / Сост. и общ. ред. Л. Белошевской. Кн. 1. Прага, 2011. С. 29.

⁷ Там же. С. 31.

⁸ К.А. Чхеидзе — О.Н. Сетницкой. 15 мая 1970 // Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого. Собрание Ю.Р. Берковского.

географического и исторического мира», расположенного «срединно», между Европой и Азией, и имеющего свою незаэмную творческую судьбу⁹. К.А. Чхеидзе считал Г.В. Вернадского «основоположником новой — евразийской — историографии России»: «Он первый из русских историков проследил и увязал историческое развитие России в рамках евразийского континента, проводя при этом параллели с окружающим миром (Иран, Индия, Китай и пр.)»¹⁰

Именно контакты с Г.В. Вернадским положили начало знакомству К.А. Чхеидзе с семейством Вернадских. Георгий Владимирович, как и ряд других членов евразийского движения (П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев), преподавал на Юридическом факультете в Праге. К.А. Чхеидзе стал одним из его деятельных учеников. Он прослушал у Г.В. Вернадского курс лекций по истории русского права, принимал деятельное участие в семинаре под тем же названием, подготовив доклады: «Сперанский и его место в развитии Русского права (2 части)», «Сперанский и его воззрения на право», «Степенная книга и ее историко-политическая философия»¹¹. В докладной записке на имя декана Русского юридического факультета, поданной в связи с отъездом в США по приглашению Йельского университета, Г.В. Вернадский назвал Чхеидзе в числе студентов, которые «в течение нескольких лет подряд серьезно занимались в семинаре по истории русского права», и просил главу факультета «взять под свое попечение означенных лиц при окончании ими курса Факультета и прохождении государственных экзаменов»¹². А когда в 1928 г. Чхеидзе защитил дипломную работу «Опыт анализа социальных норм», пригласил молодого ученого «специализир<оваться> в области юридич<еских> наук»¹³.

Предложения о продолжении научных занятий поступили и от двух других профессоров факультета: А.Н. Фатеева и Н.Н. Алексеева¹⁴, однако ученой карьере Чхеидзе сложиться было не суждено. Уже в первые месяцы пребывания в Праге бывший корнет увлекся идеями евразийства, а в 1924 г. вступил в Пражскую евразийскую группу. Особенно он сблизился с главой группы П.Н. Савицким, став его другом и верным помощником. И в сентябре 1928 г. по договоренности П.Н. Савицкого и П.П. Сувчинского¹⁵, которые еще согласно решали евразийские дела, не предполагая, как непримиримо и резко вскоре столкнутся на идеологической почве, переехал в Париж в качестве члена редакции газеты «Евразия».

«Евразия» была задумана предводителями движения как орган, призванный «идеологически организовывать свою среду и вырабатывать единый круг хлебника»¹⁶, «орган гибкий и подвижный, могущий отзываться на все события

---

⁹ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. М., 2004. С. 24, 28.

¹⁰ Чхеидзе К.А. События, встречи, мысли. С. 31.

¹¹ См.: Личное дело К.А. Чхеидзе // ГА РФ. Ф. 5765. Оп. 2. Д. 1037. Л. 59.

¹² Прошение Г.В. Вернадского от 4 августа 1927 // Там же. Л. 50.

¹³ Чхеидзе К.А. События, встречи, мысли. С. 62.

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ См.: П.П. Сувчинский — П.Н. Савицкому и Н.С. Трубецкому. Апрель 1928 // ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 422. Л. 152–152 об., 160 об.

¹⁶ «Хлебник» — на эзоповом языке евразийцев — «евразиец».

и факты русской и европейской жизни»¹⁷. Для того чтобы осуществить этот замысел, инициаторам издания нужно было согласовать свои позиции, самим быть единными идеино, духовно и организационно. Увы, этого единства в редколлегии нового печатного органа не было. Напротив, еще до выхода в свет первого номера между ее членами начались разногласия. В столкновении парижан (П.П. Сувчинского, П.С. Арапова, С.Я. Эфрон), склонявшихся влево и настаивавших на повороте лицом к СССР, и пражан, державшихся правой линии (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев), К.А. Чхеидзе твердо держал сторону последних. Стремясь укрепить позиции Пражской группы, повысить ее влияние на страницах нового органа, он пригласил к сотрудничеству Г.В. Вернадского, который, хотя и преподавал уже в США, не прерывал связей с пражскими евразийцами.

Г.В. Вернадский сотрудничество обещал. Однако события начали разворачиваться совсем не так, как хотелось бы правым евразийцам. Идейное лидерство в газете захватили П.П. Сувчинский и Д.П. Святополк-Мирский. От номера к номеру разногласия между правым и левым крылом евразийства становились все явственнее и в конце концов выплеснулись на страницы печати. В № 7 было напечатано открытое письмо Н.С. Трубецкого, заявлявшего о своем выходе из евразийской организации, вскоре состоялось публичное выступление правых евразийцев, во время которого было заявлено об «отпадении» парижской группы, была издана брошюра «О газете “Евразия” (Газета “Евразия” не есть евразийский орган)» (Париж, 1929) за подписью П.Н. Савицкого, Н.Н. Алексеева, В.Н. Ильина, в которой раскол был зафиксирован окончательно.

Г.В. Вернадский, которому К.А. Чхеидзе послал первые шесть номеров газеты «Евразия», отреагировал взволнованным письмом. Он критиковал мировоззренческую установку газеты, «общий тон», «подлаживающейся к советским властям», заключал, что «“Евразия” нанесла страшный удар идейному “евразийству”» и определенно заявлял, что сотрудничать с ней он не будет¹⁸.

Гнев против «Евразии» Г.В. Вернадский не переносил на Чхеидзе. Он только констатировал — и справедливо — что «направить работу в редакции» его корреспондент не имеет возможности. Более того, отказывая в сотрудничестве, Г.В. Вернадский делал специальную оговорку: «Позвольте сказать, что мое дружественное отношение лично к Вам, конечно, не изменилось, и я верю, что и Ваше ко мне также не изменится»¹⁹. И в этой уверенности был, безусловно, прав. «Нечего и говорить, что на Ваше дышащее справедливым негодованием письмо я нисколько не обиделся. Напротив, Вы выразили мне личное доверие. И этого я никогда не забуду и дай мне Бог оправдать Ваше добре мнение»²⁰, — писал корреспондент Вернадского в ответном письме. Более того, К.А. Чхеидзе, который уже с пятого номера «Евразии» снял свое имя из списка членов редакционной коллегии, а в январе 1929 г., оставив Кламар, вернулся в Прагу, мог только со-

¹⁷ П.П. Сувчинский — П.Н. Савицкому и Н.С. Трубецкому. Апрель 1928 // ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 422. Л. 152.

¹⁸ Г.В. Вернадский — К.А. Чхеидзе. 12 января 1929 // ГА РФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 19. Л. 2-3.

¹⁹ Там же. Л. 3.

²⁰ К.А. Чхеидзе — Г.В. Вернадскому. 9 февраля 1929 // Там же. Л. 4.

лидаризоваться с мнением своего наставника: «Конечно же, газета “Евразия” не только НЕ евразийская, но антиевразийская и даже провокационная в отношении к Евразийству»²¹.

«Энергичный пропагандист, организатор»²², К.А. Чхеидзе и позднее стремился привлекать Г.В. Вернадского к участию в евразийских изданиях, посыпал ему книги, поддерживал эпистолярный контакт. Одушевленный в начале 1930-х гг. идеей синтеза евразийства и «философии общего дела» Н.Ф. Федорова, но без введения в этот синтез третьего члена — марксизма, как то делали на страницах «Евразии» левые евразийцы П.П. Сувчинский и Д.П. Святополк-Мирский, он отправил Г.В. Вернадскому первые три выпуска переиздания I тома «Философии общего дела», которое было предпринято в Харбине в 1928–1930 гг. философом Н.А. Сетницким, а затем, по просьбе Георгия Владимировича, послал еще по одному экземпляру этих выпусков²³.

Взаимное внимание учителя и ученика питалось уважением к идеям друг друга. На правах наставника Г.В. Вернадский время от времени давал разъяснения и советы своему студенту и соратнику по евразийскому движению. Высоко ценил его доклад о Степенной книге, советовал напечатать текст «в Евраз^{ийской} хронике или Временнике», сообщая, что пишет об этом и П.Н. Савицкому²⁴, а когда К.А. Чхеидзе в одной из статей, напечатанной в 1928 г. в евразийском журнальчике «Внутренняя связь», «“выразил надежду”, что чаемое <...> Государство Правды “осуществится с благословления Патриарха Московского и всея России”», предостерег его от провоцирующих и неосторожных высказываний: «Это надо иметь в сердце, но об этом нельзя писать, чтобы нечаянно не дать лишних поводов к необоснованному обвинению нашей Церкви в России в политической интриге и лишнего козыря к обвинению Сов^{етским} Правительством наших иерархов в сношениях с политич^{ескими} партиями. Вы мне возразите, что это сказано в издании, не предназначенном к публ^{ичному} распространению, но как Вы можете ручаться, что хотя бы один экземпляр не попадет в ГПУ, а если они захотят инсценировать какой-нибудь новый процесс духовенства, то ничем не побрезгуют. А сейчас видимо опять у коммунистов вспышка их бешенства и полоса процессов. Тут надо быть щепетильно осторожным, чтобы какой-ниб^{удь} неловкостью не причинить зла»²⁵.

В истории эпистолярных контактов К.А. Чхеидзе и Г.В. Вернадского особое место занимает письмо последнего от 2 ноября 1927 г. Поблагодарив Чхеидзе за отзыв о книге «Начертания русской истории», Г.В. Вернадский подробно отвечает на его вопрос о перспективах сотрудничества России и США (во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. идея такого сотрудничества весьма занимала евразий-

---

²¹ К.А. Чхеидзе — Г.В. Вернадскому. 9 февраля 1929 // ГА РФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.

²² Так в письме П.Н. Савицкому от 16 февраля 1929 г. характеризует Чхеидзе представитель Белградской евразийской группы Э. Хара-Даван, выражая сожаление, что в этой группе нет подобного ему деятеля (ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 520. Л. 187).

²³ См.: Г.В. Вернадский — К.А. Чхеидзе. 13 августа 1932 // ГА РФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 19. Л. 13 об.

²⁴ См.: Г.В. Вернадский — К.А. Чхеидзе. 2 ноября 1927 // Там же. Л. 1 об.

²⁵ Г.В. Вернадский — К.А. Чхеидзе. 1 июля 1928 // Там же. Л. 6–6 об.

цев): «Мне кажется, что люди проницательные здесь провидят эту близость и к ней стремятся, но таких людей здесь пока мало. Вообще же, у среднего обывателя здесь полное равнодушие и отсутствие интереса к России, за исключением евреев, которые здесь очень многочисленны и влиятельны и которые в массе, конечно, сочувствуют большевикам. И все-таки, тем не менее, я думаю, что отношения России и Америки должны иметь огромное значение в будущем, и отношения эти могут (и мне кажется, неизбежно должны) быть их сближением. Повторяю, люди проницательные здесь начинают это видеть. Поэтому я очень сочувствую и кружку изучения Америки, о котором Вы пишете, и, в частности, тому что Вы начали изучать англ^{ийский} язык. Не надо только упускать из виду двух вещей. 1) В ближайшем будущем, мне кажется, нельзя надеяться на *быстрый* подъем интереса Америки к России, 2) Каждый год коммунистической разрухи уменьшает удельный вес России в мировой жизни и ее практическую важность для Америки. Экономическая производительность России теперь приближается только к доведенному уровню. Экономич^{еская} производительность Америки с 1914 г. возросла в 6 раз. Вот о чем надо думать»²⁶.

В том же письме содержатся следы интереса евразийцев к другой державе, в отличие от США, враждебной интересам России-Евразии. Вопрос о Японии и стратегических задачах России на Дальнем Востоке неоднократно поднимался идеологами движения. Не обошел этот интерес и Г.В. Вернадского: «Я здесь знакомлюсь понемногу с сочинениями японцев (на англ. языке, конечно) и японофилов о России — и мне теперь особенно ясно вырисовывается все значение принципа Евразии в мировом масштабе. Они все пишут о русском империализме в Азии — мы можем ответить — мы не захватчики в Азии, а у себя дома в Евразии. Вот принцип, на котором надо строить наши международные отношения в будущем!»²⁷

Подобные geopolитические комментарии для К.А. Чхеидзе имели особую ценность. С самых первых шагов в евразийском движении он стремился к обобщающему взгляду на судьбу России как многонационального, полифонического этнокультурного мира, размышляя об основаниях единства, связующего в составе единого державного целого большие и малые народности, о месте этого целого на мировой geopolитической карте. Общение с Г.В. Вернадским, чтение его работ стимулировало умственную и духовную работу Чхеидзе-мыслителя, отзывалось в его писательском творчестве.

В книге «Начертание русской истории» Г.В. Вернадский активно использует и по-своему обосновывает введенное П.Н. Савицким понятие «месторазвитие», одно из ключевых в евразийской теории: «Под месторазвитием человеческих обществ мы понимаем определенную географическую среду, которая налагает печать своих особенностей на человеческие общежития, развивающиеся в этой среде»²⁸. Для Чхеидзе эта источная связь истории и культуры того или иного

---

²⁶ Г.В. Вернадский — К.А. Чхеидзе. 2 ноября 1927 // Там же. Л. 1.

²⁷ Там же.

²⁸ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. С. 26.

этноса с окружающей природой, влияние климата и ландшафта на облик, быт, творчество народов земли были не только теоретическим положением, но частью личного опыта. Выросший на Кавказе, «в степях Моздокских»²⁹, с детства помнивший бурный Терек, цветущие долины, снежные шапки Эльбруса, сохранивший в памяти образ жизни и быта обитателей Кабарды и Балкарии, он, как никто другой, ощущал правду выводов своих евразийских учителей. И в книге «Страна Прометея», написанной в 1930 г., напечатанной два года спустя в Шанхае, а в 1933 г. вышедшей на чешском языке в Праге, представил Кавказ как особый духовный и этнокультурный мир, органически вписанный в природную среду, как месторазвитие населяющих его народов. При этом, рисуя уклад жизни горцев, материальную культуру, традиции, он не скатывался к узкому этнографизму, видя свою задачу в другом — воспроизвести целостный образ мира и человека, как слагается он в этой точке планеты, показать его истинную связь с кавказским месторазвитием.

Г.В. Вернадский, обосновывая понятие «месторазвитие», указывал на двунаправленность взаимодействия географических и социально-исторических факторов. С одной стороны, природная среда формирует народ, с другой — становится объектом его хозяйствственно-культурного творчества. «Сама природа Евразии в наше время есть природа, в значительной мере переработанная русским народом в своих хозяйственных нуждах»³⁰. Можно расслышать здесь отголосок многолетних размышлений В.И. Вернадского о роли разума в биосфере, о творческой деятельности человека, меняющей лицо земли, которые позднее оформятся в концепцию перехода биосферы в ноосферу.

Неуловимое веяние идей отца присутствует на начальных страницах книги сына — там, где изложены принципы, по которым строится в ней «начертание» русской истории. Г.В. Вернадский трансформирует введенный В.И. Вернадским принцип *давления жизни*, характеризующий степень захвата ею земной поверхности, и говорит о *давлении народа* «на окружающую этническую и географическую среду»³¹. Он пишет о «жизненной энергии, заложенной в каждой народности» и стремящейся «к своему наибольшему проявлению», что заставляет вспомнить и *élan vital* (жизненный порыв) А. Бергсона, и рассуждения В.И. Вернадского в работе «Биосфера» (М., 1926) о внутренней энергии жизни, влекущей ее к распространению, «растеканию» по планете. Как живое вещество, движимое энергией Солнца, занимает новые области пространства, так и народ, движимый жизненным порывом, стремится освоить свое месторазвитие, оккультуривая и претворяя его. Когда писалось и выходило в свет «Начертание русской истории», слово «ноосфера» еще не прозвучало в печати, хотя Э. Леруа в 1927–1928 гг. и использовал его в своих лекциях³². Сам В.И. Вернадский написал сыну о своей работе

---

²⁹ Чхеидзе К.А. Страна Прометея. Нальчик, 2004. С. 40.

³⁰ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. С. 27.

³¹ Там же. С. 23.

³² Le Roi E. Les origines humaines et l'évolution de l'intelligence. Р., 1928. См. подробнее: Семенова С.Г. Паломник в будущее: Пьер Тейяр де Шарден. СПб., 2009. С. 94–95.

над концепцией ноосферы в сентябре 1936 г.³³, но, по сути, еще с первых своих размышлений о живом веществе ученый искал место в биосфере ее разумной, человеческой части. Примечательно признание, сделанное в другом письме: «Я признаю введенное Ле Руа понятие — ноосфера — т. е. сферы ума — результатом исторического процесса (огромного геологического значения: мы живем в психо-зойской эре (Шухард), выразившейся в ноосфере. Ле Руа (1927) развил логическое мое представление о биосфере — но думаю, что я напечатал раньше, о чем Тейяр и он уже думали»³⁴. Так что нет ничего удивительного, что в книге сына возникают очертания идеи, над которой его отец думал «десятилетиями»³⁵. Народ, осваивающий месторазвитие, является творцом и строителем ноосферы, точнее той ее части, которая формируется в данной точке географического пространства.

Влияние географической среды на среду социально-историческую лежит в области природного, а значит, детерминированного, не зависящего от личных усилий и выбора человека. Обратное влияние человека на окружающую его природу необходимо включает в себя измерения активности и свободы. Именно этот акцент идеи месторазвития особенно привлекает К.А. Чхеидзе. В статье «Из области русской geopolitiki», напечатанной в программном сборнике посткламарского евразийства «Тридцатые годы» (Париж, 1931), говоря о слагаемых государственной формы организации людского сообщества, рядом с фактором месторазвития он ставит другой, не менее важный фактор — «творческие способности населения», готовность к «сработке», к «сотрудничеству»³⁶.

Одной из ключевых проблем евразийства была проблема соотношения обще-человеческого и национального. При этом в начальном евразийстве, евразийстве эпохи сборника «Исход к Востоку» (София, 1921), идея особности наций и культур, укорененных каждая в свое месторазвитие, превалировала над идеей вселенской человечества. Последняя отождествлялась с обезличивающим космополитизмом, с европеизмом, что навязывает миру одну-единственную понятную ему мировоззренческую и социально-государственную модель. Именно такой взгляд исповедовал идеолог движения Н.С. Трубецкой. Духовный наследник Н.Я. Данилевского, он представлял себе пространство земли как арену жизни и действия

³³ «Я ввожу <...> новое понятие ноосферы (сферы ума), которое ввел, исходя из моих представлений в Париже Ле Руа (философ, заместитель Бергсона (в College de France)). Ноосфера —хват биосферы умом человека — “борьба с природой” (дикое выражение и резко противоречащее нашему научному пониманию реальности) — создалась в плеистоценовое время около 1 000 000 лет назад — но ярко проявилась только в последние десятки тысяч лет — от нее переход к историческому процессу» (В.И. Вернадский — Г.В. Вернадскому. 13–14 сентября 1936; цит. по: Week-end в Большево, или Еще раз «вольные» письма академика В.И. Вернадского / публ. М.Ю. Сорокиной // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 23. СПб., 1998. С. 333).

³⁴ В.И. Вернадский — Г.В. Вернадскому. 6 октября 1936. Цит. по примеч. М.Ю. Сорокиной: Там же. С. 334.

³⁵ «Мне хотелось бы, особенно, чтобы ты прочел в “Проблемах биогеохимии” мой очерк VI “О ноосфере”, но я его еще не начал писать — но много, десятилетиями об этом думаю» (В.И. Вернадский — Г.В. Вернадскому. 18 февраля 1941; цит. по: «Я смотрю на происходящее оптимистически»: В.И. Вернадский — детям: Письма 1941 г. / публ. Д. Холлоуэя, В.Я. Френкеля, И.И. Мочалова, Г.А. Фирсовской // Природа. 1993. № 9. С. 95).

³⁶ Чхеидзе К.А. Из области русской geopolitiki // Чхеидзе К.А. Путник с Востока. С. 340.

замкнутых, автономных культур, залог самобытности которых — в максимальном сосредоточении на себе и в минимальном пересечении и взаимодействии с другими культурами. В книге «Начертание русской истории» Г.В. Вернадский следовал точке зрения Н.С. Трубецкого. Его заботила прежде всего судьба русско-евразийского мира, а вопрос о судьбе мира в целом он оставлял в стороне. Историк подчеркивал многонациональность России-Евразии, необходимость для ее державного целого «держаться внутренним чувством единства отдельных народностей»³⁷. Но «основным этническим элементом Евразии» и подлинным гегемоном на евразийском пространстве считал именно русский народ³⁸. Русский народ — «творец русской истории», и именно ему «в стихийном историческом процессе суждено усвоить» и претворить свое месторождение³⁹, собрать и соединить в лоне евразийской державы другие народности.

С доминантной ролью русского народа в России-Евразии К.А. Чхеидзе не спорил. Глубоко знавший и любивший русскую культуру, он сознавал ее важность не только для русского мира. В отличие от сепаратистски настроенных представителей эмигрантского Союза горцев Кавказа, выступавших за отделение от России северокавказских областей, а вслед за ними и других национальностей бывшей Российской империи и теперешнего СССР⁴⁰, он подчеркивал, что будущее кавказских народов, как и других народностей евразийского мира, в тесном союзе с Россией. Другое дело, что не пассивно, не на правах «материала» входят они в державное целое. Чхеидзе была близка выдвинутая философом Л.П. Карсавиным идея симфонической личности, и подлинное наднациональное целое виделось ему не стандартизованной массой, где стерты черты различия между национальными физиономиями, а симфонией наций и культур, в которой нераздельно и неслиянно соединяются голоса больших и малых народностей и каждая несет в общую духовную копилку свой индивидуальный творческий опыт⁴¹.

Большинство евразийцев, в том числе и Г.В. Вернадский, были готовы ограничить симфоническое единство народов только пространством Евразии, замыкая его на самом себе и обособляя от тех наций и культур, которые оказались за границами евразийского мира. К.А. Чхеидзе в конечном итоге не принял такую позицию, хотя в первые проведенные в движении годы и отдал дань евразийскому отталкиванию от европеизма, построив книгу «Страна Прометея» на контрасте цивилизации Запада, эгоистической, атомарной, не хотящей знать о любви, загнавшей человека в каменные лабиринты городов, в душные клетки квартир, где ему остается только умереть незнаемо и одиноко, и Кавказа, возделанной ойкумены, где человек живет в гармонии с миром и Богом, с собой и другими людьми. Сойти с точки зрения Н.Я. Данилевского, которого боготворили идеологи «Исхода к Востоку», помогла Чхеидзе духовная встреча с идеями Н.Ф. Федорова, мыс-

---

³⁷ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. С. 296.

³⁸ Там же. С. 28.

³⁹ Там же. С. 22, 24.

⁴⁰ См.: Одиннадцатое мая // Горцы Кавказа. 1929. № 5–6. С. 2.

⁴¹ См.: Конст. Ал. [К.А. Чхеидзе]. Казачьему Сполоху // Казачий сполох. 1924. № 2–3. С. 22.

лителя, который выдвигал перед родом людским задачи не только общепланетарные, но и вселенские и был убежден, что человечество, сознавшее себя братством сынов, должно поставить образцом совершенного устроения образ Пресвятой Троицы, неслянно-нераздельного, питаемого любовью единства Трех (многих) «я». Но в Троице не только отсутствует обособление ипостасей внутри целого, здесь невозможно *никакое* обособление, ибо нет ничего внешнего, чужеродного, нет чужих — все родные.

Смотря на евразийство сквозь федоровскую призму, Чхеидзе хочет видеть в нем учение об устройении не *части*, но *целого*, ищет не конфронтации России и Запада, а их примирения в новом духовно-творческом синтезе⁴². Не только Россия-Евразия, но все человечество должно осознать себя соборным единством народов, и это единство, чтобы быть действительно нерушимым, должно держаться пониманием абсолютной ценности и необходимости *каждого* своего звена.

Уважая и ценя труды Г.В. Вернадского, Чхеидзе тем не менее не нашел в них того духа вселенской, которым питалась активно-христианская мысль Ф.М. Достоевского, Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева. Но то, что не прозвучало в работах сына, звучало — и неоднократно — в работах отца, проговаривалось в дневниковых записях, в устных выступлениях и докладах. И именно эта точка зрения в конечном итоге оказалась близка К.А. Чхеидзе, определив его внимание и интерес к идеям Вернадского на долгие годы.

В свое время познакомившись со сборником «Исход к Востоку», где была заявлена идея консолидации — но лишь одной части земного шара — Евразии при не слишком скрываемом обособлении от европейского человечества, В.И. Вернадский писал: «Вчера закончил статьи Трубецкого и др. из сборника “Евразийцы”. Много интересного. Но в общем эти идеи мне кажутся одной стороной того общего, которое сейчас творится в человечестве. Главное и характерное — человечество единое. В этом смысле этот элемент единства (интернационала) имеет большое значение во всей истории человечества. Он в конце концов ведет к космичности сознательной жизни»⁴³.

Полагая одной из главных тенденций общественного развития стремление к единству, В.И. Вернадский придавал этому стремлению онтологичность, видел в нем один из важнейших законов развития жизни. В XX веке, по мысли Вернадского, «весь земной шар» оказался «охвачен единым»⁴⁴, человечество стало вселенским. Примечательно, что ученый тесно связывал явление планетизации «с будущей автотрофностью человечества»⁴⁵, а значит, с переходом рода людского на новый эволюционный виток, но не спонтанный, а направленный, творческий.

Размышления о евразийской доктрине, представленные в записи от 4 июля 1922 г., остались в архиве. Однако, как будто услышав упреки Вернадского, евразийцы в разработке и углублении своей идеологии постепенно преодолевали тен-

---

⁴² См.: Чхеидзе К.А. Моя тема — Кавказ // Чхеидзе К.А. Страна Прометея. С. 260.

⁴³ Запись в Праге от 4 июля 1922 // Вернадский В.И. Дневники, март 1921 — август 1925 / сост. В.П. Волков. М., 1998. С. 65.

⁴⁴ Там же. С. 66.

⁴⁵ Там же.

денцию к обособлению. Во многом это было связано с тем, что уже в первой половине 1920-х гг. к евразийству примкнули выдающиеся религиозные мыслители: А.В. Карташев, Л.П. Карсавин, В.Н. Ильин, для которых христианство было вселенской религией. Наследники русской христианской историософии, они убеждали своих собратьев по движению прислушаться к идее всечеловечества Достоевского, к концепции всемирной теократии В.С. Соловьева, к «философии общего дела» Н.Ф. Федорова, для которого «человечество есть также *отчество*»⁴⁶, все люди — большая семья, разошедшаяся по пространству земли и забывшая о своем источном родстве. И их усилия не остались бесплодными. Во второй половине 1920-х гг., и особенно в посткламарский период, в евразийстве отчетливо обозначается вектор: от местного к планетарному, от локального ко вселенскому. В программном сборнике «Тридцатые годы» П.Н. Савицкий выдвигает лозунг «От россиеведения к мироведению»⁴⁷. Он подчиняет путь России-Евразии не только требованиям ее культурно-исторического типа, но и всечеловеческим, всемирным задачам. Другое дело, что восхождение ко всецелому и всемирному идеалу начинается для нации с самопознания и самоопределения, и через это познание *своего* и решение национальных задач закладывается путь «к познанию *общего*», «к выполнению задач вселенских»⁴⁸.

В направлении от частного к общему, от национального к всечеловеческому движется в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. и мысль К.А. Чхеидзе. Соединяя идеи П.Н. Савицкого и Г.В. Вернадского о месторазвитии, антропогеографию своего учителя А.Н. Фатеева и теорию государств-материков Н.Н. Алексеева, он встраивает их в контекст русской христианской историософии, прочерчивает лестницу восхождения: от древних племен, имевших свои локальные месторазвития, к античным полисам, затем к государствам, «где субъектом истории является народ или совокупность народов», к «государству-материку» и, наконец, к будущему всепланетарному единству, когда «месторазвитием будет весь земной шар, а субъектом истории — все человечество»⁴⁹. Публицист становится одним из создателей и горячих сторонников концепции «идеократического интернационала», которая утверждается в евразийстве на рубеже 1920–30-х гг. Если идеологи первоначального евразийства под влиянием интернационалистских лозунгов большевизма отрицательно относились к идее интернационализма, видя в ней продукт «романо-германского», космополитического мировоззрения, то Чхеидзе, как сказал бы Достоевский, поднимает эту идею «на высшую ногу». Объединение государств-материков и населяющих их больших и малых народов он мыслит как путь к всеземному единству, открывающему новую творческую эру истории.

---

⁴⁶ Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства // Собр. соч.: в 4 т. М., 1995. Т. 1. С. 305.

⁴⁷ Логовиков П.В. [П.Н. Савицкий]. Научные задачи евразийства // Тридцатые годы. Париж, 1931. С. 59, 62.

⁴⁸ Там же. С. 63.

⁴⁹ Чхеидзе К.А. Из области русской geopolитики. С. 336, 340.

Историософская тема неразрывно сплетается у Чхеидзе с темой антропологической. Ответ на вопрос о задачах существа сознающего в истории и природе он находит в трудах русских религиозных мыслителей: Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского. Ему близка развитая в их творчестве идея богочеловеческого делания, пафос христианизации всех сфер и планов жизни: экономики, политики, социальных отношений, культуры, научного творчества, попытка взглянуть на эти сферы как на точки приложения благой активности человечества, сознающего свое сыновство Небесному Отцу и свою ответственность за бытие.

Внимание к истории и действию человека в истории не позволяло Чхеидзе уйти в сферу сугубо теоретической, философской работы, но постоянно направляло его в русло общественной активности и публицистического слова. Эта активность шла вразрез с установкой его учителя Г.В. Вернадского, который, критикуя кламарцев, бросал упреки Пражской евразийской группе, и в частности П.Н. Савицкому, за то, что тот ввязался в политическую игру, и призывал от запятнанных политических лозунгов перейти к чистому культурфилософскому творчеству, к разработке идейных и духовных оснований евразийства на его зре-лом этапе⁵⁰. Чхеидзе последовательный отказ Г.В. Вернадского от политической мысли и действия, строгая установка на «теоретическую разработку вопроса»⁵¹ казались непозволительной узостью. Ближе ему была установка П.Н. Савицкого, стремившегося к соединению философской мысли и политического действия, причем действия, имеющего под собой мощный этический и духовный фундамент. К такому же синтезу мысли и дела Чхеидзе шел в своей публицистической, эпистолярной, общественной деятельности. Он опирался на выдвинутый Н.Ф. Федоровым принцип проективности, переводящий идеал из сферы отвлеченного философствования в сферу активного делания, причем делания не самостийного, а неразрывного с верой. И сама идея получала у него характер проекта, нудящего к своему воплощению, ведущего людей за собой⁵².

В одном из докладов на Пражском евразийском семинаре Чхеидзе так определил причину своего внимания к евразийству: «Евразийство воспринимал всегда как волю к созданию синтетической эпохи, целостного мировоззрения», причем такого, «в котором увязаны в одно целое идея, искусство, наука, техника и т. д.»⁵³ Волей к созданию целостного мировоззрения, которое стало бы опорой целостного действия, определялась мысль и жизнь писателя-евразийца. В философии в качестве скреп этого мировоззрения он брал наследие русских христианских мыслителей, и прежде всего Н.Ф. Федорова, который, «указывая конечную цель, поставлял на службу ей все области человеческого труда — будь то наука или техника»⁵⁴, на идеи «Творческой эволюции» А. Бергсона. А в сфере науки

⁵⁰ См.: Г.В. Вернадский — П.Н. Савицкому. 10 апреля 1929 // ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 423. Л. 79–80 об.

⁵¹ Там же. Л. 80 об.

⁵² См.: Чхеидзе К.А. Идея-проект // Чхеидзе К.А. Путник с Востока. С. 379–382.

⁵³ Стенограмма доклада К.А. Чхеидзе «“Философия общего дела” Н.Ф. Федорова» // Н.Ф. Федоров: Pro et contra: в 2 кн. Кн. 2. С. 701.

⁵⁴ Там же.

опирался на концепцию «номогенеза», «эволюции на основе закономерностей» Л. Берга⁵⁵, работы Д.И. Менделеева, Л.И. Мечникова, С.И. Метальников и на идеи В.И. Вернадского.

Стремление К.А. Чхеидзе соединить внутри целостной идеи-проекта христианскую и научную мысль отвечало духу идей русского космизма. Представители этого течения стремились увидеть в науке и религии не врагов, а сестер, соработниц в общем планетарном действии. В одном из писем сыну, от 15 июня 1924 г., В.И. Вернадский подчеркивал значение «новой русской философии в рамках православия» для разрешения тех вопросов, которые ранее верующим христианам представлялись неразрешимыми, для приведения «в согласие с верой <...> того, что обычно в жизни подрывает и религиозное чувство и религиозное искание и веру и церковь как собрание верующих»⁵⁶. Ученый указывал, что для окончательного разрешения этих вопросов необходимо углубление и развитие самой веры, расширение ее духовного базиса⁵⁷. Именно к такому расширению призывали представители христианской ветви русского космизма Н.Ф. Федоров, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий, В.Н. Муравьев, выдвигая идеи активного христианства, регуляции природы, бессмертия и воскрешения. В том же направлении двигался и К.А. Чхеидзе, впитавший эти идеи и транслировавший их в русскую эмигрантскую и чешскую среду⁵⁸. Перед своими собратьями по движению, перед участниками других пореволюционных течений он ставил проблему согласования науки и религии, соединения веры и знания, подчеркивая, что такое соединение требует совершеннолетия веры, сознавшей себя не просто духовным актом, но, по слову апостола, «осуществлением чаемого» (Евр. 11: 1), и зрелости знания, не забывающего о своей ответственности перед бытием.

Согласование научной и религиозной картин мира означало для Чхеидзе признание целесообразности явлений жизни и разума, вело к оправданию человека и его творческого действия в мире. Неоднократно в статьях, выступлениях, письмах он апеллировал к христианству, которое утверждает ключевую роль «сынов человеческих» не только в истории, но и в бытии: «Совершенство дано в Евангелии, Христос — искупитель, Он победил разложение естества, победил “естественные законы” <...> а ап. Павел сказал: будьте подражателями мне, как я Христу»⁵⁹.

---

⁵⁵ Чхеидзе К.А. Антиномии современности // Чхеидзе К.А. Путник с Востока. С. 352.

⁵⁶ В.И. Вернадский — Г.В. Вернадскому. 15 июня 1924 // «За СССР выявляется лик исстрадавшейся России»: Письма В.И. Вернадского детям / публ. и примеч. М.Ю. Сорокиной // Природа. 2004. № 1. С. 73.

⁵⁷ См.: Там же.

⁵⁸ С 1929 по 1935 г. Чхеидзе состоял в переписке с Н.А. Сетницким (см.: Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х гг. Вып. 1: Н.А. Сетницкий. М., 2003. С. 382–450), помогал распространению в Европе харбинских изданий последнего, посвященных федоровской тематике, неоднократно выступал с докладами и сообщениями о «Философии общего дела» и затрагивал идеи Н.Ф. Федорова в своих статьях и письмах (см.: Гачева А.Г., Казнина О.А., Семенова С.Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х гг. М., 2003. С. 337–344, 350–351, 357; Н.Ф. Федоров: Pro et contra. Кн. 2. С. 688–721, 726–771; Чхеидзе К.А. Путник с Востока. С. 202, 210, 221, 227, 228, 376, 403–406).

⁵⁹ Стенограмма доклада К.А. Чхеидзе «“Философия общего дела” Н.Ф. Федорова». С. 701.

Закономерность явлений жизни, творческую «роль человека в познаваемом им мире»⁶⁰ подчеркивали в ХХ в. А. Бергсон, Н.А. Умов, В.И. Вернадский. Последний стремился ввести в космологию явления жизни и человека, соотнести эволюцию Вселенной и эволюцию жизни, представить их как единый процесс. В «Дневнике» 1928 г., констатируя «огромность Космоса по сравнению с ничтожным объемом охваченного жизнью пространства», он указывал на «неслучайность жизни», на человеческий разум как «ведущий в мире»⁶¹. А в работе «Научная мысль как планетное явление», ставшей развернутым обоснованием концепции перехода биосфера в ноосферу, утверждал: «Человек должен понять <...> что он <...> составляет неизбежное проявление большого природного процесса, закономерно длящегося в течение по крайней мере двух миллиардов лет», и с его появлением открывается «новая геологическая эра» в истории планеты — «психозойская или антропогенная»⁶², где ведущую роль играет его творческий разум, научная мысль.

Характерной чертой философского мышления русских космистов, вне зависимости от того, принадлежали они к естественно-научному или к религиозно-философскому крылу течения, было стремление опереть историческое действие на онтологический фундамент. Опереть не в духе социал-дарвинизма, механического переноса падших законов природы, оправдывающих вытеснение и борьбу особей, на человеческое сообщество, а в плане сознания единства исторического и космического процесса, глубинной взаимосвязи природы и истории. Космисты полагали в основу социальной философии представление о человеке как той инстанции, в которой природа приходит к самосознанию, «начинает не только сознавать себя, но и управлять собою»⁶³. Человек для них — добрый хозяин мира, которому Господь при сотворении дает заповедь хранения и возделывания Божьего сада — Вселенной (Быт. 1: 28) и который должен в соработничестве с Творцом вести бытие к преображению. К учету геологического и биологического факторов в построении стратегий общественного развития призывал В.И. Вернадский, выражая надежду на то, что «рано ли, поздно ли» «создание ноосферы в ее полном проявлении» «станет целью государственной политики и социального строя»⁶⁴.

Та же логика мысли присутствует у К.А. Чхеидзе. В статьях и докладах первой половины 1930-х гг., рассматривая проблему идеократии, ключевую проблему евразийской теории, он сразу же расширяет рамки анализа, переводя вопрос об идео-правительнице из области социально-политической в сферу онтологии и антропологии, возводя его к вопросу о сущности жизни, о смысле явления в мир человека. И

---

⁶⁰ Умов Н.А. Роль человека в познаваемом им мире // Русский космизм: Антология философской мысли. М., 1993. С. 114, 129.

⁶¹ Запись от 14 мая 1928 г. // Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934 / сост. В.П. Волков. М., 2001. С. 58. Примечательно, что, по мнению комментаторов, эта запись В.И. Вернадского связана с формированием идеи перехода биосфера в ноосферу.

⁶² Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление // Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 2004. С. 253, 262, 268.

⁶³ Федоров Н.Ф. Кто наш общий враг, единий, везде и всегда присущий, в нас и вне нас живущий, но тем не менее враг лишь временный? // Собр. соч.: в 4 т. М., 1995. Т. 2. С. 239.

⁶⁴ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. С. 337.

прямо опирается на то понимание жизни, которое было выдвинуто в религиозной и естественно-научной ветвях русского космизма (у Н.Ф. Федорова и В.С. Соловьева, Н.А. Умова и В.И. Вернадского, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского): жизнь для него есть борьба с энтропией, противодействие силам дезорганизации и распада⁶⁵. «Борьба за жизнь есть, в сущности, организация бытия», и во главе ее стоит человек, «высшая и конечная форма жизни»⁶⁶, порожденная творческим усилием эволюции. Человек — «организационный центр вселенной», и заповедь «обладания землей», данная ему в книге Бытия, есть завет возделывать и преобразовать эту землю, требование его «соучастия в обожении мира»⁶⁷.

Книгу «Шесть дней творения», соотнося библейское и научное понимание происхождения мира и жизни, В.Н. Ильин завершал утверждением: «В Библии раскрыта генетическая эйдология космоса с землей в центре»⁶⁸, мир есть проявление действия Пресвятой Троицы — действия в благости и красоте⁶⁹. К.А. Чхеидзе, продолжая мысль Ильина и его духовных собратьев в русской культуре — Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, — говорит о задании человека в восьмой день творения, которым становится история человечества и который должен стать воплощением Царствия Божия во всей совокупности мироздания.

В такой онтологической и антропологической перспективе социальная организация мыслится первой ступенькой к организации бытия в целом. Государственная форма объединения становится объединением для регуляции. Государства-материки и должны, считает Чхеидзе, явить в своей исторической жизни «прообраз грядущего объединения человечества»⁷⁰, будущего общепланетарного единства.

Ключевую роль в этом единстве Чхеидзе отводил идеям и идеалам, представляющим собой ценностные ориентиры действия, его нравственные направляющие и маяки. Он был убежден: от того, какой идеал предносится перед миром, собирающимся в единое планетарное целое, зависит грядущий облик этого мира, а главное, то, станет ли планетарное единство реальностью или же человеческий род сорвется в очередную братоубийственную войну. Мыслитель опирался на идеи философа-космиста Н.А. Сетницкого, который в книге «О конечном идеале» (Харбин, 1932) выдвинул понятия дробного и целостного идеала, отведя созидательную роль в истории только последнему. И одновременно выражал мысль, которая позднее неоднократно будет звучать у В.И. Вернадского, — мысль

⁶⁵ В русском зарубежье последовательным сторонником такого понимания жизни был В.Н. Ильин, работы которого оказали существенное влияние на К.А. Чхеидзе. В брошюре «Загадка жизни и происхождение живых существ» (Р., 1929) он писал об антиэнтропийной сущности живого, противостоящей закону рассеяния энергии, действующему в бытии, и сочувственно цитировал Л.С. Берга: «Жизнь есть борьба не только со смертью организма, но и со смертью всего мира. Неорганическая материя вышла из хаоса и стремится превратиться снова в то же неупорядоченное хаотическое состояние <...>. Напротив, живое стремится упорядочить хаос, превратить его в космос» (цит. по: Ильин В.Н. Шесть дней творения. С. 34–35).

⁶⁶ Чхеидзе К.А. К проблеме идеократии // Чхеидзе К.А. Путник с Востока. С. 356.

⁶⁷ Там же. С. 16, 17.

⁶⁸ Ильин В.Н. Шесть дней творения. С. 205.

⁶⁹ См.: Там же. С. 207.

⁷⁰ Там же. С. 20.

о соответствии или несоответствии идей, воздвигавшихся человечеством на его знаменах в разные эпохи истории, эволюционному вектору, устремляющему род людской к созданию общепланетарной общности: «Без сомнения, мы вступили в фазу вселенского. <...> Намечается состязание, и победит тот, кто возвысится до прозрения высшего, истинного идеала. В этом суть нашей эпохи»⁷¹.

Рассматривая идеократии прошлого и современности с точки зрения этого требования, Чхеидзе подчеркивал: ни одна из них не сумела вместить в себя представления о человеке как соработнике Творца, способном «организовать и преобразовать Космос»⁷². Главные идеократические системы современности — коммунизм и фашизм — основаны на идеалах дробных, ущербных. Они не ставят задачи онтологического восхождения мира и человека, пытаются создать идеальный строй с непреображенными, смертными, одолеваемыми самостью людьми, проповедуют селекционный подход (расовый или классовый)⁷³, полагают в свою основу насилие. Между тем истинная, совершенная идеократия может быть построена только на целостном, активно-христианском идеале, идеале обожения, победы над смертью, благого вселенского творчества. Этот целостный, богочеловеческий идеал Чхеидзе видел в философии Н.Ф. Федорова. И именно поэтому настаивал на необходимости «соразвития и взаимопроникновения» евразийства, выдвинувшего задачу общественного устройства на идеократических началах, и федоровской концепции «совершенной идеократии»⁷⁴.

В.И. Вернадский выстраивал концепцию ноосферы в поле свободного научного и философского поиска. Он признавал значение религиозных идей в «духовной жизни человечества»⁷⁵, но, утверждая разум как ключевой фактор развития мира, опирался всецело на научные данные. Иные акценты были у его современников С.Н. Булгакова и П.А. Флоренского, которые в своем философском творчестве также приближались к идее ноосферы. Мысль «о существовании в биосфере или, может быть, на биосфере, того, что можно было бы назвать пневматосферой, т. е. о существовании особой части вещества, вовлеченнной в круговорот культуры или, точнее, круговорот духа»⁷⁶, представление о «хозяйстве» как «творческой деятельности человека над природой»⁷⁷ рождались у них из религиозного источника, питалась верой в Логос, правящий миром. То же религиозное измерение идеи ноосферы присутствовало у другого ее творца — П. Тейяра де Шардена. Подобно

⁷¹ Н.Ф. Федоров: *Pro et contra*. Кн. 2. С. 702.

⁷² Чхеидзе К.А. Проблема идеократии // Вселенское Дело. [Харбин], 1934. Вып. 2. С. 59.

⁷³ Против идеологии фашизма, утверждающей принципиальное «неравенство людей, — неравенство глубокое, биологическое», В.И. Вернадский высказывается в работе «Научная мысль как планетное явление» и статье «Несколько слов о ноосфере», подчеркивая, что эта идеология идет вразрез с объективным движением к единству и равенству людей (см.: *Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера*. С. 279, 280, 479).

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 46. Л. 2.

⁷⁵ Вернадский В.И. О научном мировоззрении // Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. С. 209.

⁷⁶ П.А. Флоренский — В.И. Вернадскому. 21 сентября 1929; цит. по: Переписка В.И. Вернадского и П.А. Флоренского / публ. П.В. Флоренского // Новый мир. 1989. № 2. С. 164–165.

⁷⁷ Булгаков С.Н. Философия хозяйства // Сочинения: в 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 155.

Вернадскому, говоря о планетизации, о мегасинтезе человечества, он поставлял основой этого мегасинтеза верующий разум: «Только христианство способно на современной земле синтезировать в едином жизненном акте Все и Личность»⁷⁸.

Позднее, уже в 1960-х гг., К.А. Чхеидзе будет внимательно присматриваться к идеям французского философа, реально осуществившего тот синтез веры и знания, в необходимости которого он сам так убеждал в 1930-х гг. своих собратьев по евразийству. Параллельно наследием Тейяра де Шардена занимался друг и философский собеседник Чхеидзе врач и мыслитель Г.Н. Полковников, мнение которого Константин Александрович высоко ценил. В переписке с О.Н. Сетницкой Чхеидзе упоминает его имя не раз: «Сейчас много пишут о философе “неокатолике”, им интересуются и марксисты. Зовут его Тейльядр де Шарден»⁷⁹; «Т. де Шардена читал — “О природе”, по-чешски. Замечательный мыслитель»⁸⁰. «Шарден глубок и значителен»⁸¹.

Впрочем, все это будет уже после войны. Пока же К.А. Чхеидзе задается вопросом о задачах рода людского, осознающего свою планету как месторазвитие. «Интегральное изучение и освоение» земного шара, регуляция «его природы, его сил»⁸², «организация материи, организация духа, организация Космоса»⁸³ — таковы перспективы, открывающиеся перед человечеством, вступившим в эру идеократии. Современная эпоха с ее динанизмом, с ее жаждой вселенского делания и доселе невиданной технической мощью не может удовлетвориться тем, что предлагаєт ей секулярная материалистическая экономика. Муравииный труд «в свое пузо» не для нее. Она ищет «Общего Дела, в котором соединены усилия веры и труда, воли и интеллекта, каждого в отдельности и всех вместе»⁸⁴.

Апология планетарного, вселенского делания заставляла Чхеидзе, критически настроенного к идеологии большевизма, внимательно присматриваться к размаху того строительства, которое осуществлялось в 1920–30-х гг. в советской России. В этом он отчасти был близок В.И. Вернадскому, который, при всем не-приятии советской идеологической системы с ее давлением на свободную, в том числе и научную, мысль, в то же время понимал, что в огне революции и Гражданской войны совершился «процесс огромного внутреннего перерождения»⁸⁵, что советы гораздо больше, чем царская власть, уделяют внимания «великой ра-

---

⁷⁸ Цит. по: Старостин Б.А. От феномена человека к человеческой сущности // Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987. С. 32. Подробнее о ноосферных идеях о. Тейяра см.: Семенова С.Г. Паломник в будущее: П. Тейяр де Шарден.

⁷⁹ К.А. Чхеидзе — О.Н. Сетницкой. 21 апреля 1968 // Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого. Собрание Ю.Р. Берковского.

⁸⁰ К.А. Чхеидзе — О.Н. Сетницкой. 15 мая 1970 // Там же.

⁸¹ К.А. Чхеидзе — О.Н. Сетницкой. 22 августа 1970 // Там же.

⁸² Чхеидзе К.А. Из области русской geopolитики // Чхеидзе К.А. Путник с Востока. С. 337.

⁸³ Он же. Записка о философии Н.Ф. Федорова // Евразийские тетради. № 4. Прага, 1934. С. 34.

⁸⁴ Он же. Идеократическое содержание хозяйства // Евразийская хроника. Берлин, 1935. Вып. 11. С. 54.

⁸⁵ Вернадский В.И. Русская интелигенция и новая Россия // Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. С. 568.

боте по развитию производительных сил государства» и что политика власти в области науки в целом лежит в русле требований, выдвинутых им самим еще в 1917 г.: «организация научной работы» должна выйти «из рамок личного, частного дела», стать «объектом могущественных организаций человечества, делом государственным»⁸⁶. Как В.И. Вернадский защищал перед сыном-эмигрантом советскую Россию середины 1930-х гг. («виден и чувствуется огромный рост»; «Страна бурлит, и население стремится среди тяжелых условий жизни с огромной работой улучшить свое материальное — и духовное — положение»⁸⁷), так и К.А. Чхеидзе давал оправдание строительству, вовлекающему в свою орбиту многочисленные слои населения: с его точки зрения, в этом строительстве присутствовали трансформировавшиеся до неузнаваемости извечные чаяния «Царства Божия на земле», новой, «праведной и, как говорят простые русские люди, правильной жизни»⁸⁸. Социалистическая экономика, противостоящая хаотически-стихийной, зооморфной экономике капитализма, виделась мыслителю первой, еще неполнценной, дефектной пробой пера на путях ко всецелой организации жизни, понятой в самом высоком религиозном смысле этого слова. И задачу евразийства он полагал в том, чтобы вместо обрубленно-секулярного, спрямленно-плоского варианта хозяйственно-исторического делания дать своим соотечественникам и современникам «конечный идеал» преображения мира, устроения всеземного, всекосмического хозяйства, вытекающий из высокого представления о человеке «как орудии божественного разума, который (через веру, любовь и творчество) становится разумом Вселенной»⁸⁹.

В человечестве, вступившем в эру планетизации, возрастает роль научного знания. Этот тезис В.И. Вернадский отстаивал в целом ряде научных работ, публицистических статей и речей. Наука, с его точки зрения, выступает важнейшим фактором единства человечества, духовного и умственного сближения людей разных стран. А главное — она является силой, созидающей ноосферу, утверждающей ведущее место человека и его творческого разума на планете Земля. Мировоззренческую роль научного знания в современную эпоху, «когда практика жизни подводит человечество во всех концах земли к проблеме единства», подчеркивал и К.А. Чхеидзе. Задаваясь вопросом о том, «куда растет научно-техническая мысль», он так формулировал ее задачи: «...руководящей целью научно-технического прогресса является овладение космическими энергиями и, следовательно, овладение Космосом. Спектральный анализ, использование энергии морских волн, солнечных лучей, полеты в стратосферу, опыты радиопередачи в междупланетные пространства, искусственное дождевание, проекты оводнения Сахары и среднеазиатских пустынь — все это ввело и вводит нас в тесное общение с силами и жизнью Космоса. Недавний, ограниченный земными рамками, рационализм

---

⁸⁶ Вернадский В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Там же. С. 557.

⁸⁷ В.И. Вернадский — Г.В. Вернадскому. 19–20 августа 1936 // Week-end в Болшево, или Еще раз «вольные» письма академика В.И. Вернадского. С. 327.

⁸⁸ Чхеидзе К.А. Философия Федорова и «пятилетка» // Литературный архив Музея национальной письменности (Прага). Ф. 142. Fedoroviana Pragensia. I.3.27.

⁸⁹ Он же. Записка о философии Н.Ф. Федорова. С. 33.

преодолевается и земля, наша “низменная” земля, осознается небесным телом. Она — принадлежит небу и неотделима от начинаемой нами постигаться Большой Жизни Вселенной. Через это восстанавливается родство человека с природой, но не для того, чтобы человека низвести к природе, а для того, чтобы природу поднять до человека»⁹⁰.

Говоря о возрастающей роли науки, В.И. Вернадский ставил вопрос о нравственной ответственности за использование научных открытий: «Дорос ли он (человек. — А.Г.) до умения использовать ту силу, которую неизбежно должна дать ему наука?»⁹¹ Этот вопрос, заданный ученым в сборнике «Очерки и речи» (1922), волновал и Чхеидзе. Стремясь его разрешить, публицист опирался как на построения Федорова, стоявшего за синтез науки и религии в деле преображения мира, так и на идеи космистов 1920–1930-х гг. А.К. Горского, Н.А. Сетницкого, В.Н. Муравьева, видевших в религии — образ цели, конечного идеала, а в науке — средства к осуществлению этого образа. Впрочем, и в самой науке мыслитель стремился раскрыть идеалотворческие потенции, подчеркивая, что научное мировоззрение, «материализм, монизм и эволюционизм», привели «к представлению о “самоодухотворяющемся материи”, что равносильно религиозно-метафизическому «представлению о “материализующемся духе”»⁹². Так наука и религия протягивают руки друг другу. «Из недр генетической “научной” постановки проблем непосредственно рождается “ненаучная” телеологическая, целеустремительная, религиозная проблема — назначения человека и мира. Чувство родства с Космосом вызывает уверенность, что воля, ум и вдохновение человека способны организовать и преобразовать Космос»⁹³.

В 1931 г. К.А. Чхеидзе пишет очерк «Наука в СССР» для карманной энциклопедии «Russia USSR». Он проводит ту же мысль о взаимном движении навстречу друг другу материалистов и идеалистов, сходящихся на признании направленности развития мира, неслучайности явления в нем человека, и ищет примирения обоих течений мысли в понятии «материологизма», которое философ В. Ильин определил как «признание Логоса, действующего в материи»⁹⁴. И хотя в своем очерке Чхеидзе пытается выявить специфику именно русской науки, идя вразрез с утверждением Вернадского, что наука национального лица не имеет, финальный его вывод близок ученному: «будущее русской науки» «лежит на путях увязки <...> национального со вселенским»⁹⁵.

---

⁹⁰ Чхеидзе К.А. Проблема идеократии // Чхеидзе К.А. Путник с Востока. С. 375.

⁹¹ Вернадский В.И. Очерки и речи. Пг., 1922. С. 13.

⁹² Чхеидзе К.А. Проблема идеократии. С. 375.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Ильин В.Н. Материализм и материологизм // Евразия. 1928. № 2. 1 декабря. К.А. Чхеидзе было близко и то понимание смысла научного познания, которое давал В.Н. Ильин в книге «Шесть дней творения»: «Человек, носящий образ и подобие Божественного Слова <...> поскольку он добросовестно мыслит, а значит — изучает, создает науку — делает это силой Логоса, Его именем; и то, что он открывает, есть действие Логоса в мире» (Ильин В.Н. Шесть дней творения. С. 8).

⁹⁵ Русский текст очерка: Литературный архив Музея национальной письменности (Прага). Ф. 142. Fedoroviana Pragensia. I.3.37.

В статье «Наука в СССР», характеризуя современное состояние науки в советской России и ее крепнущее мировое значение, Чхеидзе дважды упоминает В.И. Вернадского. Один раз — говоря о развитии геохимии, а второй — о стремлении отечественных ученых построить целостную картину природы и готовых во имя этой задачи на любой риск. «Работы академиков Павлова, Ферсмана, Вернадского, Берна и других русских современных ученых получили мировую известность именно в силу их оригинальности, смелости, бесстрашия. Этот дух бесстрашения, столь необходимый в науке (вспомним Галилея, Ньютона), живет в русской науке, невзирая ни на какие препоны»⁹⁶. То же духовное бесстрашие Чхеидзе находил у Н.Ф. Федорова, поднявшего значение научного знания, неразрывного с верой, на недосягаемую высоту. В статье «Наука в СССР» он называет мыслителя «деятелем-идеологом синтетического типа», родоначальником «нового учения, охватывающего духовную и практическую жизнь <...> не являющегося ни “идеализмом”, ни “материализмом”, но вбирающего то и другое и одновременно стоящего вне- и над- этими диаметрально противоположными учениями», — учения, которому вслед за В.Н. Ильиным Чхеидзе дает название «материологизм»⁹⁷.

Значение идей В.И. Вернадского и Н.Ф. Федорова для философии науки К.А. Чхеидзе будет утверждать и позднее. Уже на склоне лет в одном из писем О.Н. Сетницкой, характеризуя напечатанный в «Новом мире» за 1968 г. очерк М. Петрова и А. Потемкина «Наука познает себя», он скажет так: «Написано со знанием дела, проявлена большая эрудиция. Однако поражает отсутствие русских имен. Упомянут только (и то вскользь) Ленин. У меня после чтения появилось желание напомнить авторам о существовании замечательных произведений Вл. Ив. Вернадского, а применительно к России Д.И. Менделеева (“К познанию России” и “Заветные мысли”). Уж не говорю о Н.Ф. Федорове, которого следовало бы поставить в центр всего изложения»⁹⁸.

Духовная встреча с отцом и сыном Вернадскими определила многое в становлении Чхеидзе как писателя и мыслителя. И если общение с Г.В. Вернадским, знакомство с его концепцией русской истории имело значение для формирования историософских и geopolитических идей писателя-евразийца, то вникание в работы В.И. Вернадского, шедшее рука об руку с углубленным вниманием к федоровской «Философии общего дела», дало ему тот планетарный и вселенский масштаб, который выделял его статьи и выступления в ряду евразийских писаний. Оценивая этот масштаб, можно увидеть в публицистическом творчестве писателя-евразийца впечатляющий пример влияния идей космизма на духовные искания русского зарубежья.

---

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ К.А. Чхеидзе — О.Н. Сетницкой. 1 ноября 1968 // Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого. Собрание Ю.Р. Берковского.

Н.А. Ёхина

МОЛОДАЯ ЭМИГРАЦИЯ
В ПОИСКАХ НОВОЙ РОССИИ:
П.С. БОРАНЕЦКИЙ И ЕВРАЗИЙСТВО

В 1928 г. несостоявшийся аспирант-экономист Петр Боранецкий нелегально покинул СССР¹, открыв тем самым новую, эмигрантскую главу своей жизни. Как писал на страницах «Нового Града» В.С. Варшавский, он «был первым, появившимся в эмиграции человеком нового социального мира, поднятого на поверхность землетрясением революции»².

П.С. Боранецкому было 28 лет, когда он бежал из своей страны от власти, которая ему, выходцу из крестьянской семьи, дала возможность не только получить высшее образование, но и сделать карьеру ученого, ибо после окончания в 1925 г. экономического факультета Одесского института народного хозяйства он был приглашен в аспирантуру в Москву³.

Представляется необходимым чуть подробнее остановиться на данном вопросе, поскольку до настоящего момента об аспирантском периоде жизни Петра Степановича практически ничего не было известно. В Москву он приехал в 1925 г. Его фамилия фигурирует в списке аспирантов, проживающих по ул. Волхонке, д. 18/1, «во владении РАНИОН по подоходному налогу за 1925/26 гг.»⁴. В число штатных аспирантов Института экономики РАНИОН Боранецкий был зачислен 19 января 1926 г.⁵

Вполне вероятно, что по советским меркам судьба Петра Степановича могла сложиться более чем удачно и его ждала карьера ученого-экономиста с возможной перспективой получения высоких постов в советских учреждениях. Достаточно упомянуть лишь некоторых его сокурсников по аспирантуре⁶, жизненный путь которых сложился именно так. Среди них, в частности, были такие в последующем громкие имена, как З.В. Атлас (1903–1978) — советский экономист, доктор экономических наук, профессор Торговой академии, Всесоюзной академии

¹ До настоящего времени не было доподлинно известно, в каком именно году П.С. Боранецкий покинул Россию. Уточнить данную информацию удалось благодаря письму П.С. Боранецкого одному из идеологов евразийства П.Н. Савицкому (от 2 марта 1929 г.), отложившемуся в ГА РФ. В письме Боранецкий называет точное время своего бегства из СССР — 1928 г. (см: ГА РФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 423. Л. 48).

² Варшавский В.С. «Третья Россия» // Новый Град. 1938. № 13. С. 175.

³ См.: Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 130.

⁴ ГА РФ. Ф. А-4655. Оп. 2. Д. 54. Л. 11.

⁵ См.: Там же. Д. 18. Л. 22–22 об.

⁶ Их имена фигурируют в списке аспирантов Института экономики за 1926–1927 гг. (см.: ГА РФ. Ф. А-4655. Оп. 1. Д. 56. Л. 27–27 об.).

внешней торговли, старший научный сотрудник Института экономики Академии наук СССР; Н.А. Цаголов (1904–1985) — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ; Л.М. Гатовский (1903–1997) — советский экономист, член-корреспондент АН СССР, директор Института экономики, позднее главный научный сотрудник института; В.И. Кац (1899 — после 1967) — доктор экономических наук, профессор, руководитель отдела в научно-исследовательском экономическом институте (НИЭИ) при Госплане Совета министров СССР и другие.

Однако П.С. Боранецкий выбрал другой путь, что было обусловлено вполне объективными для него причинами. Переезд в Москву как центр политической жизни и обучение здесь в аспирантуре окончательно лишили его иллюзий в отношении способности большевиков осуществить вековые чаяния народа. Уже позже, в эмиграции, для характеристики диктатуры пролетариата Боранецкий использовал народную поговорку: «Не дай Бог из Ивана — пана». Эту диктатуру «Ивана-пана» он рассматривал не иначе как подлинную охлократическую диктатуру, самую страшную из диктатур, ибо «тут низший — интеллектуально и морально — властвует над высшим»⁷. По утверждению же Боранецкого, «будучи выходцем из народа и не принадлежа в то же время к сословию “новых дворян”», в России он «имел возможность наблюдать обе стороны медали нового “предсоциалистического” господства-подчинения», испытывая, как и многие, «молчаливо-подавленный ужас повседневных унижений, попираний самых элементарных прав человеческого достоинства; наглого, подчеркнуто-господского своего положения новых бар, которые держатся в отношении беспартийных подобно за боевателям среди диких народностей»⁸. Помимо этого, одной из важнейших причин, обусловивших отношение Боранецкого к большевизму, являлась его догматизированная, безрелигиозная идеология⁹. Боранецкий же, хотя и отрицал «Бога Сущего», но грезил о «Боге Становящемся», но об этом чуть позже.

В аспирантуре это понимание нашло свое отражение в отношении П.С. Боранецкого к учебе. В частности, в протоколе заседания проверочной комиссии РАНИОН от 30 сентября 1926 г. указывалось на то, что Боранецкий оставлен в аспирантуре условно на один год «с тем, чтобы со стороны Коллегии Института было обращено внимание на его академическую работу»¹⁰. Как показывают отчеты о семинарских занятиях за 1926/27 учебный год, камнем преткновения для новоиспеченного аспиранта стала «Теоретическая экономия»: из одиннадцати семинарских занятий по данному предмету он посетил лишь два¹¹.

Однако далеко не леность была причиной столь несерезного отношения к семинарам по специальности. Комиссия по учету годичной работы аспирантов

⁷ Боранецкий П.С. Сталин и оппозиция // Третья Россия. 1938. № 8. С. 35–36.

⁸ Там же. С. 35.

⁹ См.: В поисках нового синтеза: Пореволюционные течения русской эмиграции 1920–1930-х годов: Переписка П.С. Боранецкого и К.А. Чхеидзе / публ. А.Г. Гачевой // Диаспора: Новые материалы. Т. 7. СПб.; Париж, 2005. С. 441.

¹⁰ ГА РФ. Ф. А-4655. Оп. 2. Д. 47. Л. 2.

¹¹ См.: Там же. Оп. 1. Д. 287. Л. 41 об., 50 об.

после рассмотрения представленных Боранецким для сдачи кандидатского минимума докладов («по стоимости», «о земельной ренте») и тезисов («по деньгам и кредиту») поручила заведующему учебной частью «путем личной беседы дополнить сведения о тов. Боранецком», оставив вопрос о его аттестации открытым¹². Подобное заключение было вынесено только в отношении Боранецкого.

В итоге решением заседания коллегии Института экономики от 28 июня 1927 г. П.С. Боранецкий из аспирантуры был отчислен как неуспевающий (помимо него отчислили еще восемь человек)¹³. Скорее всего, работы Боранецкого вызывали у преподавателей вопросы отнюдь не предметно-теоретического характера, а имели под собой идеологическую основу. Подтверждение этому позже находим у самого Боранецкого. Уже в эмиграции, в 1929 г., в письме одному из основателей и руководителей евразийского движения П.Н. Савицкому, рассказывая о себе, он упомянул о том, что «был исключен по идеологической чистке, по мотивам не-принадлежности к официальной (марксистской) идеологии», которая в этот период для аспирантов являлась «фактически обязательной»¹⁴.

Чем занимался Петр Степанович с момента своего исключения из аспирантуры до того, как покинул Россию, — неизвестно. Однако в том же письме П.Н. Савицкому в качестве причин, обусловивших его бегство из страны, он называл свою принадлежность к нелегальной организации «Крестьянороссов-мессионеров»¹⁵ и некие обстоятельства «личного рода»¹⁶, суть которых не раскрывал.

За границей Боранецкий сначала жил в Румынии, затем переехал в Чехословакию. Можно сказать, что эмиграцию он брал своего рода штурмом. В течение достаточно короткого срока ему, совершенно неизвестному в эмигрантской среде человеку, удалось не только громко, а точнее громогласно, заявить о себе, но и решать некоторые свои чисто практические проблемы с помощью видных эмигрантских деятелей. Именно в Праге произошло его знакомство с представителя-

¹² ГА РФ. Ф. А-4655. Оп. 2. Д. 47. Л. 13, 14 об.

¹³ См.: Там же. Л. 15 об.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 423. Л. 48.

¹⁵ В эмиграции данную группу называли «Народниками-мессианистами», однако информация о ней на данный момент крайне скучна. П.С. Боранецкий считался ее главой и, находясь в эмиграции, по его собственному утверждению, поддерживал с группой связь. В редакционной статье первого номера журнала «Утверждения» народники-мессианисты определяются как единственный из известных в России тайных кружков, ставящих «проблему по-революционной России» (От редакции // Утверждения. 1931. № 1. С. 6). Журнал «Третья Россия», издание которого Боранецкий начал в январе 1932 г., изначально позиционировался в качестве печатного органа народников-мессианистов. Первые два номера журнала открывались программными статьями от имени означенной группы. Однако уже в декабре 1932 г. в одном из писем члену евразийского движения К.А. Чхеидзе П.С. Боранецкий сетовал на то, что «слишком много прошло времени с момента прекращения непосредственной связи» с его друзьями в России, и он боится, что слишком разошелся с ними. Поэтому Петр Степанович посчитал, что «издавать журнал именем всей группы» права он уже не имеет. В итоге Боранецкий сообщает Чхеидзе следующее: «...я решил расширить наш журнал, в смысле снятия с него групповой пометки (клички), оставил его в партийном смысле без имени, хотя, само собой разумеется, с тем же идеяным направлением. Т<аким> обр<азом>, это будет не журнал группы, по имени, а действительно «орган исканий Нового Синтеза», орган творческой пореволюционной мысли» (В поисках нового синтеза: Пореволюционные течения русской эмиграции 1920–1930-х годов... С. 471).

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 423. Л. 48.

ми евразийского движения, в том числе и с одним из его идеологов, вышеупомянутым П.Н. Савицким.

Оказавшись за границей, без знания языка, Петр Степанович пытался не только заработать себе на хлеб трудом физическим, но и продолжить обучение. Предметом его научных занятий на первом этапе оставалась экономика. Для осуществления задуманного он обратился с заявлением в пражскую Русскую академическую группу, предоставив свою письменную работу по данному предмету. На работу необходим был отзыв одного из местных ученых-экономистов. В итоге в Академической группе Боранецкому посоветовали обратиться, учитывая характер «и тенденции разработанной темы»¹⁷, к П.Н. Савицкому. Боранецкий поспешил воспользоваться советом, написав Петру Николаевичу несколько писем, в одном из которых, от 2 марта 1929 г., помимо краткого изложения информации о себе, просил посодействовать в решении данной проблемы. Судя по тому, что в следующем письме, датированном 16 апреля 1929 г., Боранецкий уточняет фамилии руководящих лиц Академической группы, которым необходимо было направить отзыв¹⁸, П.Н. Савицкий в написании последнего не отказал.

Однако продолжить научные изыскания в экономической сфере Петр Степанович не пожелал. Даже «очищенная» от столь ненавистной для него официальной марксистской идеологии, экономика не стала для Боранецкого тем, чем она являлась для Савицкого, а именно «непосредственным инструментом для познания и переустройства мира», в ней идеолог евразийства «видел синтетическую дисциплину *par excellence*, содержащую по своей природе и метафизические, и эмпирические элементы»¹⁹.

Боранецкий увлекся философией и направил свои мыслительные усилия на достижение вечных религиозно-философских проблем, пытаясь разрешить их в соответствии с новыми жизненными реалиями. Вскоре он покинул Прагу и с документами от пражской Академической группы приехал в Париж. Здесь новоиспеченный философ обратился за помощью к Н.А. Бердяеву²⁰, прося содействия в «прикреплении к какой-нибудь академической организации», для того чтобы продолжить образование, и «нечто вроде справки» от Религиозно-философской академии, подтверждающей его занятие философией. Мотивировал он это тем, что окончательно решил избрать «предметом своих научно-подготовительных занятий философию, а не пол*и*тическую»²¹ экон*омию*.

Именно Н.А. Бердяеву П.С. Боранецкий сообщает о том, что философия для него «не специальность, а жизнь», откуда черпаются «силы и руководящие средства» для его практической деятельности. При этом Боранецкий подчеркивал, что «нащупал корень истины», заключающийся в универсальном принципе «единства всего со всем, — в субъективном выражении: “все во мне и я во всем”». Петр

---

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Там же. Л. 49.

¹⁹ Байссвенгер М. Метафизика Евразии // Русское слово. 2008. № 5. URL: <http://www.ruslo.cz/articles/170> (дата обращения 13 марта 2013 г.).

²⁰ Подробнее об этом см.: «Все во мне и я во всем»: Письма П.С. Боранецкого — Н.А. Бердяеву / публ. Н.А. Ёхиной // Русская философия в изгнании: Исследования и публикации. М., 2012. С. 397–435.

²¹ «Все во мне и я во всем...»: Письма П.С. Боранецкого — Н.А. Бердяеву... С. 411.

Степанович был убежден, что на основе этого принципа становилась возможной «форма бессмертия — бессмертия через присутствие во Всем, через приобщенность к бесконечности»²². Думается, нет ничего удивительного, что для краткого и емкого выражения сути своих философских построений Боранецкий использовал строку из стихотворения Ф.И. Тютчева²³. Ведь, как подчеркивает в предисловии к сборнику эмигрантских работ (1920–60-х гг.), посвященных великому поэту, современный исследователь М.Д. Филин, «присутствие и водительство Тютчева ощущалось на всем протяжении истории Зарубежной России...»²⁴.

Однако в Париже Петр Степанович посвятил себя не только исканиям в религиозно-философском направлении, но и занятиям, как он писал, «обыкновенной текущей политической работой»²⁵. В начале 1930-х гг. разработчики новых идеологических концепций в эмигрантской среде, выстраивая свои теории, возлагали надежды на молодое эмигрантской поколение, которое, по словам идеолога сменивовховства Н.В. Устрилова, вступало в жизнь через пятнадцать лет после революции. Именно оно должно было стать «определяющим политическим и культурно-историческим фактором»²⁶.

В этот период на страницах журнала «Утверждения», выходившего в 1931–1932 гг., была провозглашена идея «пореволюционного синтеза», способная объединить для дальнейшей созидательной деятельности представителей различных движений эмиграции. Речь шла об оформлении «единой синтетической пореволюционной идеологии, призванной интегрировать все то ценное, что в объединенном и неполном виде наличествует в целом ряде отдельных конструкций»²⁷. Основная ставка делалась на «объединение пореволюционной молодежи и той части эмиграции, которая в тяжком опыте обрела новое сознание»²⁸.

Позиционируя себя в качестве лидера действующей в России группы народников-мессианистов, Боранецкий еще на этапе подготовки журнала примкнул к утвержденым, лидером которых был Ю.А. Ширинский-Шихматов. В первом же номере «Утверждений» были опубликованы две его статьи: «О русском мессианизме» и «Назревание событий». Первая определялась Боранецким как «идеологическая», вторая как «тактическая»²⁹. В «идеологической» статье Боранецкий, рассматривая русскую революцию в качестве концентрированного, предельно актуального, катастрофически выраженного кризиса всей современной цивилизации, указывал на то, что она в своем аспекте «всеотрицания» изобличила и «все до основания старое, и все без остатка, что казалось новым и было на самом деле лишь отрицанием старого»³⁰. В этой связи «роковое заблуждение некоторых

---

²² «Все во мне и я во всем...»: Письма П.С. Боранецкого — Н.А. Бердяеву... С. 413.

²³ Речь идет о стихотворении «Тени сизые смесились...» (1835).

²⁴ Филин М.Д. От составителя // Таинник Ночи: Зарубежная Россия и Тютчев. М., 2008. С. 8.

²⁵ «Все во мне и я во всем...»: Письма П.С. Боранецкого — Н.А. Бердяеву... С. 410.

²⁶ Устрилов Н.В. Зарубежная смена // Утверждения. 1932. № 3. С. 107.

²⁷ От редакции // Там же. С. 3.

²⁸ От редакции // Там же. 1931. № 2. С. 3.

²⁹ «Все во мне и я во всем...»: Письма П.С. Боранецкого — Н.А. Бердяеву... С. 414.

³⁰ Боранецкий П.С. О русском мессианизме // Утверждения. 1931. № 1. С. 33.

групп евразийцев»³¹ Боранецкий видел в том, что они «последнее слово старого мира», под которым рассматривался большевизм, «приняли за первое слово нового мира, смерть приняли за рождение»³².

Говоря о будущем России, Боранецкий подчеркивал, что, поскольку она стала своего рода «жертвой искупления» всех «современных язв, противоречий, безысходностей, тупиков», страной, народ которой столько выстрадал и перетерпел, именно здесь должна была «заняться заря новой жизни». Приводя утверждение философа О. Вейнингера о том, что Христос был величайшим человеком, поскольку «мерился силами с величайшим противником», убежденный антихристианин Боранецкий, как это ни удивительно, уподоблял русский народ именно Христу, ибо народ этот «познал таких размеров зло, что его возрождающийся дух» граничил «с каким-то всеведением, с нравственным всемогуществом»³³. Теперь миссия России заключалась в том, чтобы «осуществить универсальный культурно-исторический Синтез, который, вобрав, творчески примирив и согласовав все ценности, идеи и силы и устремления груды распадающейся, рассыпающейся цивилизации, в нем открыть новый всемирно-исторический цикл, дать первоосновы новым высшим формам жизни»³⁴.

Воспринимая политическую борьбу прежде всего как войну, предполагающую мобилизацию всех сил, в «тактической» статье Боранецкий призывал к организации некой третьей силы — «национал-революционеров», которая противопоставлялась бы и «национал-пораженчеству», и «национал-соглашательству», и «пассивному национал-непротивленчеству»³⁵. Эта сила в лице многомиллионного крестьянства должна была осуществить национальную революцию, которая, с одной стороны, смела бы большевистскую «лже-социалистическую»³⁶ систему, с другой, могла бы противостоять мировому империализму, возможная война которого против большевиков рассматривалась Боранецким прежде всего как война против России и ее народа. В этой связи задачей пореволюционных сил эмиграции, как указывалось выше, определялась разработка объединяющей пореволюционной идеологии.

Однако вскоре сотрудничество с утвержденцами Боранецкий прекратил³⁷ и приступил с 1932 г. к изданию собственного журнала, получившего название «Третья Россия». Журнал также определялся как «орган исканий пореволюционного синтеза»³⁸. «Верховной организационной целью» третьероссов Боранецкий

---

³¹ Имелась в виду Кламарская группа.

³² Боранецкий П.С. О русском мессианизме. С. 31.

³³ Там же. С. 34.

³⁴ Там же. С. 37.

³⁵ Боранецкий П.С. Назревание событий // Утверждения. 1931. № 1. С. 60.

³⁶ Там же. С. 54.

³⁷ Причины, по которым Боранецкий прекратил сотрудничество с утвержденцами, были обозначены им в письмах Н.А. Бердяеву; см.: «Все во мне и я во всем...»: Письма П.С. Боранецкого — Н.А. Бердяеву... С. 414–419.

³⁸ От руководства журнала «Третья Россия» // Третья Россия. 1932. № 1. С. 2.

определил создание «подлинного Народного Движения»³⁹. Продолжая и углубляя тему необходимости третьей крестьянской революции, Боранецкий подчеркивал, что она должна была стать последней конструктивно-стабилизационной стадией «единой Российской Революции», открыть «эру подлинной Пореволюционности, эру Мира, Свободы и Строительства новых форм жизни». При этом «к революции» Боранецкий предполагал идти «через эволюцию», используя для облегчения и оформления стихийно происходящей рабоче-крестьянской социально-политической перегруппировки «все формы и методы приспособления», соглашаясь «на все сделки и компромиссы, если нужно, на тактическое расчленение единого пути борьбы на несколько этапов и приемов...»⁴⁰.

Ф.А. Степун в 1932 г. на страницах «Нового Града», приветствуя появление «Третьей России», констатировал, что журнал «энергично отмежевывается от всякого фашизма и определенно становится на сторону “неодемократии”». «От духа фашизма» Ф.А. Степун признавал за журналом лишь «его тон: волевой, страстный, бодрый, иногда не только несущийся, но и заносчивый», замечая при этом, что «люди, вышедшие из революции, не могут, да пожалуй, и не должны писать иначе»⁴¹.

По мнению Ф.А. Степуна, при всей сложности позиции авторов «Третьей России» в ее серьезности чувствовалась близость к России. Мыслитель признавал, что перед натиском «двудинного красно-черного фашизма» «без какого бы то ни было миросозерцания демократии дальше жить нельзя». Именно поэтому он вменял в заслугу третьероссам их понимание того, что спасение демократии «только в новом человеке и в новой вере», подчеркивал их правоту в стремлении «религиозно укоренить свой культурно-философский и социально-политический синтез», в «отрицании таких отживших антитез, как славянофилы и западники, правые и левые...»⁴².

Необходимо отметить, что и утвержденцы, и новоградцы, и третьероссы позиционировали издаваемые ими журналы в качестве органа молодежи, преследуя цель привлечь ее в свои ряды. Однако, как справедливо замечает А.Г. Гачева, отличительной чертой третьероссов являлось то, что Боранецкий был и идеологом группы, и фактически единственным ее представителем⁴³. При этом он упорно пытался наладить контакт с видными идеологами русской эмиграции, проповедуя свое учение. Среди них, помимо вышеупомянутых П.Н. Савицкого и Н.А. Бердяева, был, например, кадетский лидер П.Н. Милюков, который в непосредственный диалог с П.С. Боранецким, судя по всему, так и не включился⁴⁴.

---

³⁹ Боранецкий П.С. Как освободится Россия // Третья Россия. 1932. № 2. С. 15.

⁴⁰ Там же. С. 17–18.

⁴¹ Степун Ф. «Третья Россия» // Новый Град. 1932. № 3. С. 80.

⁴² Там же. С. 80–81.

⁴³ См.: Гачева А.Г. Идея «Третьей России» и пореволюционные течения русской эмиграции // В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов. М., 2010. С. 387.

⁴⁴ См.: Ёхина Н.А. П.С. Боранецкий — П.Н. Милюкову: В поисках «пореволюционного синтеза» // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков: Мат-лы междунар. науч. коллоквиума. М., 2010. С. 226–236.

Считается, что Боранецкий был близок к евразийскому движению⁴⁵, и это действительно в определенных аспектах так, хотя не будем забывать слова П.Н. Милюкова: «Каждый может найти у евразийцев, чего хочет — кто хочет — православие; кто хочет — национализм; кто хочет — критику белого движения; кто хочет соглашательство и оправдание большевизма; кто хочет реализм и понимание настоящего; кто хочет националистические утопии в построении будущего»⁴⁶. Боранецкий в этой связи просто не был исключением. Как указывалось выше, Петр Степанович фактически был одинокой, и, вполне вероятно, это объясняется в том числе и тем, что он всеми силами старался избежать столь частых в эмигрантской среде внутригрупповых расколов, которые фактически вели к распаду того или иного движения. В частности, Боранецкий подчеркивал, что в значительной мере евразийское движение распалось именно «из-за ужасной атмосферы закулисно-личных отношений»⁴⁷.

Однако вопрос здесь в другом. На основании имеющихся на данный момент материалов можно говорить о том, что только с евразийцами в лице прежде всего К.А. Чхеидзе, с которым П.С. Боранецкий также познакомился в Праге, ему удалось поддерживать довольно длительный контакт посредством переписки, которая, как указывает А.Г. Гачева, носила характер своего рода мировоззренческого диалога. Это тем более удивительно, что многие деятели эмиграции, включая и евразийцев, в частности Н.Н. Алексеев, не выдерживая идеиного и эмоционального напора Петра Степановича, проявляемого порой в неистовой форме, старались постепенно от него дистанцироваться. В 1933 г. Алексеев предоставил свою статью для публикации в № 3 «Третьей России»⁴⁸, а уже в 1934 г. в письме Савицкому призывал предать Боранецкого «полному бойкоту», квалифицируя его «как тип уголовный или полууголовный»⁴⁹. Причиной стал намеренный срыв Боранецким собрания Объединенного переволюционного клуба. При этом, как подчеркивает Алексеев, лидер третьероссов и не думал оправдываться, заявив, что «в политике все средства дозволены»⁵⁰.

Все эти обстоятельства, судя по всему, Петра Степановича не особенно трогали. Он достаточно легко адаптировался к любой ситуации, если нужно, шел на пролом, не стесняясь ни в выражениях, ни в действиях, не боясь при этом шокировать эмигрантскую интеллигенцию. Он не боялся расколов, ибо раскалываться было нечему. Можно сказать, что в эмигрантской среде он был единственным в своем роде феноменом, наглядно показав, какими могут быть представители нового «вышедшего из земли» поколения, «рожденного революцией»⁵¹ (так Боранецкий называл себя и себе подобных), но не связанного большевистской атеистической, классовой идеологией. Он был абсолютно искренен в своих порой

---

⁴⁵ См.: Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Биографический словарь: в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2008. Т. 1. С. 192.

⁴⁶ Милюков П.Н. Евразийство // Последние новости. 1927. 8 февр. № 2148.

⁴⁷ «Все во мне и я во всем...»: Письма П.С. Боранецкого — Н.А. Бердяеву... С. 414.

⁴⁸ В том же номере и тоже единожды была представлена статья евразийца Н.А. Клепинина.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 434. Л. 9–9 об.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Боранецкий П.С. Новый класс или новый народ спасет мир? // Третья Россия. 1932. № 1. С. 33.

столь нелицеприятных проявлениях. Ведь Боранецкий ставил себя на порядок выше всех пореволюционников, которые, по его мнению, «утверждали Новую Землю, но Небо у них оставалось старое, а, следовательно, старой оставалась и земля», третьевоссы же «утверждали» «Новую Землю и Новое Небо»⁵².

Мыслитель, на наш взгляд, озвучивал достаточно актуальную и для нашего времени проблему отсутствия объединяющей и руководящей идеи. Он подчеркивал, что современный человек не имеет «подлинного, мощного жизненного идеала». Именно поэтому, по мнению Боранецкого, все люди были «такие безрадостные, вялые, идейно бесхребетные, изъеденные скепсисом, безверием, недоверием, бессильные что-либо создать, чем-либо вдохновиться». Большевикам же, «пусть в виде пародии, смертельного суррогата», удалось создать подобный идеал, и в этом была их сила: «...за неимением подлинного продукта спрос истории довольствуется суррогатом», — делал вывод Боранецкий. В этой связи преодоление большевизма было невозможно, «пока вместо этого суррогата не будет предложен подлинный идеал жизнен^{ного} устроения, соответствующий уровню и запросам новой, уже стучащейся в дверь эпохи»⁵³. Этим новым идеалом, противопоставляемым и «падочно-материалистической депрессии», и «архаическому христианскому идеалу», должно было стать «новое целостное миросозерцание» как завершающий творческий синтез культурного человеческого развития⁵⁴.

Действительно, кардинальным отличием П.С. Боранецкого и от евразийцев, и от других пореволюционеров было то, что он резко отрицательно относился к христианству и вообще ко всем традиционным религиям. А.Г. Гачева указывает на то, что в эпистолярном споре Боранецкого и Чхеидзе ребром ставился вопрос о том, «имеет ли христианство свои задачи в истории, способно ли оно организовать бытие, или это пассивная нетворческая религия, уходящая прочь от мира и жизни, ценящая лишь трансцендентное»⁵⁵. Однако стремление К.А. Чхеидзе обратить П.С. Боранецкого «к идеям активного, преображающего мир христианства»⁵⁶ не увенчалось успехом.

Боранецкий подчеркивал, что он решительно отделяет проповедуемый им «народнический мессианизм» от «церковнического „messianism“ евразийцев», считая его «грубым недомыслием». Он был убежден, что идея мессианизма, базирующаяся на православии, была реализована две тысячи лет тому назад и, более того, «современный великий кризис человечества на последней духовной глубине своей и есть кризис христианства, являющегося душой, первоидеей западноевропейской цивилизации»⁵⁷.

Однако в данном вопросе не все было так однозначно. Дело в том, что Боранецкий говорил об «историческом христианстве и Христе», считая, что «подлин-

⁵² Боранецкий П.С. Новый класс или новый народ спасет мир? // Третья Россия. 1932. № 1. С. 34.

⁵³ Он же. О новом жизненном идеале // Там же. № 2. С. 47.

⁵⁴ Там же. С. 48.

⁵⁵ В поисках нового синтеза: Пореволюционные течения русской эмиграции 1920–1930-х годов... С. 445.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Боранецкий П.С. Новый класс или новый народ спасет мир? С. 31.

ный Христос» остался «непроявленным» и его, подчеркивал мыслитель, «мы пока попросту не знаем»⁵⁸. Христос, по Боранецкому, «есть только идеал человека: не то, что было, а то, что должно быть»⁵⁹. В этой связи «неохристианство», например Н.А. Бердяева и Д.С. Мережковского, рассматривалось Боранецким как «некое “новое релгиозное сознание”»⁶⁰.

П.С. Боранецкий придавал огромное значение научному прогрессу. Евразийцы в качестве противопоставления коммунистической антирелигиозной позиции приводили довод о том, что современные исследования в области биологии, физики, астрономии подтвердили «ограниченность сферы, доступной научному исследованию, и невозможность познать т. наз. “научными методами” последние источники бытия». И в этой связи для них становилось ясным, «что только идея Творца делает возможным цельное понимание мира». Помимо этого, подобные научные выводы, являющие собой продукт «культурной деятельности интеллектуальных верхов», сходились, по их мнению, «с первоначальным сознанием народных масс»⁶¹. В отличие от них Боранецкий считал, что благодаря науке «человек осознал безграничность (в возможности) своего могущества», он не мог «быть больше рабом — ни в чем, ни как». Для мыслителя это был «факт величайшего религиозного значения». В этой связи наступающую эпоху Боранецкий рассматривал как «эпоху предельного возвеличения Человека»⁶².

Он считал, что «современное человечество достигло таких высот развития, что раскрывающиеся перед ним горизонты раздвигаются в бесконечность». Для человека стала возможной постановка таких целей, которые «лишь в качестве мифа могли воздвигать великие религии». «Небывалые размеры современного атеизма» Боранецкий объяснял тем, что «в свете всепроникающего знания» «древняя вековая вера в “потустороннюю” совершенную жизнь» более не удовлетворяла неугасимым идеальным запросам современного человека. «Частичное возрождение христианства» он рассматривал лишь как временную реакцию на материализм⁶³.

Боранецкий разрабатывал свое учение прежде всего исходя из понимания того, что человеческие «природные запросы в высшей идеальной жизни» неугасимы, поскольку неугасимы в нем «потребности Истины, Добра и Красоты». Не находя удовлетворения на пути теологическом, человек стал искать его «в ином направлении» и нашел, как считал Боранецкий, благодаря раскрывшимся безграничным возможностям человека на земле, «раскрывшееся божеское могущество человека». На смену мифическому «лже-сущему Богу» приходит, по Боранецкому, реальный «Становящийся Бог»⁶⁴. Этот бог есть «реализующееся в истории Абсолютное: Истина, Красота, Добро»⁶⁵.

---

⁵⁸ Он же. О новом жизненном идеале. С. 54.

⁵⁹ Он же. О новом человеке // Третья Россия. 1934. № 4/5. С. 49.

⁶⁰ Он же. О новом жизненном идеале. С. 54.

⁶¹ Евразийство (формулировка 1927) // Евразийская хроника. 1927. № 9. С. 4.

⁶² Боранецкий П.С. В поисках нового мировоззрения // Третья Россия. 1932. № 1. С. 66.

⁶³ Он же. О новом жизненном идеале. С. 48.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 50.

Думается, П.С. Боранецкого вполне можно отнести к тому типу людей, о которых в самом начале XX в. писал В.И. Вернадский: «Под влиянием научного движения в не менее резкой степени меняется положение религий в общественной жизни и понимание религиозных доктрин людьми, затронутыми образованием; что еще важнее, появились новые формы религиозного сознания, считающиеся с теми данными, которые кажутся научно доказанными, и исходят из них в своих построениях, эти формы “реформированных” религий являются явными указателями силы научного движения в истекшем столетии, и едва ли до сих пор оценено все значение этих новых форм понимания старого или попыток новой обработки искомых религиозных проблем»⁶⁶.

Безусловно, многие религиозно-философские построения Боранецкого более чем спорны, а некоторые его высказывания в адрес христианства у многих и сейчас могут вызвать, по выражению К.А. Чхеидзе, «репульсивные эмоции»⁶⁷, но в рамках данной статьи мы не задавались целью осуществить детальный критический разбор так называемого учения П.С. Боранецкого. Важно здесь то, что актуальной применительно к современности остается сама постановка проблемы взаимодействия науки и религии, влияния религиозной мысли на современную молодежь, проблема разработки некой объединяющей национальной идеи, не-мыслимой без определенного духовного содержания. Вопрос даже не в том, что определенная часть современного молодого поколения не находит в традиционных религиях ответов на свои духовные запросы, а в том, что порой, к сожалению, подобных запросов не имеет.

Мы вполне согласны с утверждением С.Г. Семеновой о том, что П.С. Боранецкий, как и многие другие пореволюционники, верил, что новое развитие России возможно на путях «“всесединящей идеологии” нового универсального синтеза: западничества и славянофильства — в самобытчество, материализма и идеализма — в положительное, преобразовательное мировоззрение, либерализма и социализма — в неодемократию с первым этапом надклассовой и надпартийной Национально-Демократической Диктатуры, революции и контрреволюции — в духовную революцию, традиционной религии и ее атеистического отрицания — в богоискательство, созидание нового Бога»⁶⁸.

В этой связи обращение к наследию эмигрантских пореволюционных мыслителей, к их попыткам на базе православия ли (евразийцы и др.) или некоего «нового целостного мировоззрения» (Боранецкий) синтезировать объединяющую интегративную идеологию, «стоящую на уровне исторических запросов и нужд»⁶⁹, представляется достаточно актуальным.

---

⁶⁶ Вернадский В.И. Прогресс науки и народные массы // Электронные версии работ В.И. Вернадского. URL: <http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/progress.txt> (дата обращения 6 декабря 2012 г.).

⁶⁷ В поисках нового синтеза: Пореволюционные течения русской эмиграции 1920–1930-х годов... С. 486.

⁶⁸ Семенова С.Г. Русская религиозно-философская мысль и пореволюционные течения 1930-х годов в эмиграции // Гачева А.Г., Казнина О.А., Семенова С.Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М., 2003. С. 303.

⁶⁹ Боранецкий П.С. Как освободится Россия. С. 19.

М.Ю. Сорокина, Н.Ю. Стоюхина

К БИОГРАФИИ ИСТОРИКА
НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ТОЛЛЯ (1894–1985):
НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ДАННЫЕ

Семинарий / Археологический институт имени Н.П. Кондакова в Праге (Чехословакия) по праву считается самым успешным международным гуманитарным проектом российской научной эмиграции 1920–30-х гг. Несмотря на весомость научных достижений его сотрудников во многих областях истории, археологии и искусствознания, авторитет и влиятельность всей институции в международном научном сообществе, до сих пор не существует научной монографии, анализирующей деятельность Семинария на основе всей совокупности документов, сосредоточенных в архивах Москвы, Праги, Нью-Йорка и многих других архивохранилищах различных стран. Уже опубликованные исследования, как правило, базируются на отдельных собраниях документов¹. При этом у историков нет согласия в определении даже таких базовых фактов, как, например, кто был основателем и / или руководителем Семинария / Института в разные периоды его истории.

Так, в недавно опубликованной работе чешский историк Ю. Янчаркова утверждает, что «Чехословакия и Россия, Европа и Америка обязаны возникновением научного объединения мирового значения» первому директору Археологического института имени Н.П. Кондакова «профессору» Александру Петровичу Калитинскому (1880–1946) и что его имя «незаслуженно забыто как на родине, так и в изгнании»². Российский историк М.В. Ковалев согласен с чешской исследовательницей, что «главой Семинария стал крупный специалист в области византиноведения и древнерусской археологии А.П. Калитинский, бывший профессор Императорского Московского археологического института»³. Между тем другие

¹ См. например: Беляев С.А. Из истории становления Семинария имени академика Н.П. Кондакова в Праге // Русская эмиграция в Европе. 20–30-е годы XX века. М., 1996. С. 3–34; Иванов И.А. Русские византинисты в эмиграции // Вестник Инженерно-экономического университета в СПб. Сер. Гуманитарные науки. 2009. № 4. С. 222–228; Письма А.П. Калитинского в Семинарий им. Н.П. Кондакова / публ. В.А. Росова // Ариаварта: Историко-научный, литературно-философский журнал. СПб., 1997. Вып. 1. С. 227–272; Росов В.А. Семинариум Кондаковианум: Хроника реорганизации в письмах (1929–1932). СПб., 1999; Riha T. Russian Émigré Scholars in Prague After World War I // The Slavic and East European Journal. 1958. Vol. XVI. № 1. P. 22–26; Rhinelander L.H. Exiled Russian Scholars in Prague: The Kondakov Seminar and Institute // Canadian Slavonic Papers. 1974. Vol. XVI. № 3. P. 334–335; и др.

² Янчаркова Ю. «Теперь же, уходя в небытие...»: Письма А.П. Калитинского и М.Н. Германовой сотрудникам Археологического института им. Н.П. Кондакова княгине Н.Г. Яшвиль, Д.А. Расовскому, Н.П. Толлю // Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Praha. 2007. С. 159.

³ Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940-е годы). Саратов, 2012. С. 142.

специалисты считают отцом-основателем Семинария наряду с Калитинским историка Георгия Владимировича Вернадского (1887–1973) и даже княгиню Наталью Григорьевну Яшвиль (1861–1939)⁴. Сам же А.П. Калитинский признавался в марте 1935 г. в письме княгине, что «не мог бы <...> ровно ничего осуществить без тех двух Николаев, которые и есть на самом деле создатели всего дела»⁵, т. е. без Николая Михайловича Беляева (1899–1930) и Николая Петровича Толля (1894–1985).

Документированные биографические данные участников Семинария, которые до последнего времени как-то ускользнули от внимания исследователей, могут многое подсказать для изучения его происхождения. Так, например, для понимания профессиональной карьеры и роли А.П. Калитинского в научной жизни Праги небезразличен тот факт, что он вообще не имел высшего гуманитарного образования (окончил естественное отделение физико-математического факультета Новороссийского университета в Одессе (1907)⁶. Дореволюционная профессиональная биография Калитинского скромна — на протяжении многих лет он служил преподавателем математики и естественной истории в частных женских гимназиях, и только в мае 1910 г., в возрасте 30 лет, стал слушателем археологического отделения Императорского Московского археологического института имени Николая II (МАИ). Стоит заметить, что МАИ был учрежден за три года до поступления туда Калитинского и являлся, как бы мы сказали сегодня, институтом «второго образования» для членов научных обществ, губернских ученых архивных комиссий и т. п., сочетая в себе функции высшего учебного заведения, научно-исследовательского учреждения и научного общества. В 1915 г. А.П. Калитинский был избран на должность преподавателя МАИ по кафедрам бытовой и первобытной археологии. Однако его научные публикации или археологические экскурсии этого периода неизвестны; скорее всего, их и не было. Зато был значительный опыт светской жизни, чему в немалой степени способствовал его брак с актрисой Московского Художественного театра М.Н. Германовой⁷. К июлю 1923 г., когда 43-летний А.П. Калитинский появился в Праге, у него за плечами был еще и период антрепренерской деятельности и коллективного выживания в условиях Гражданской войны, но отнюдь не научной практики и преподавания, тем более в профессорском статусе. В отличие от Калитинского, Г.В. Вернадский окончил историко-филологический факультет Московского университета с дипломом 1-й степени еще в 1910 г., осенью 1913 г. был избран приват-доцентом Санкт-Петербургского университета и, что самое важное, опубликовал ряд заметных научных трудов, в том числе остающуюся актуальной по сей день магистерскую диссертацию «Русское масонство в царствование Екатерины II» (Пг., 1917). Даже годы Гражданской войны Вернадский провел в преподавании различ-

⁴ См., например: *Rhinelander L.H. Exiled Russian Scholars in Prague...* P. 334–335.

⁵ Янчаркова Ю. «Теперь же, уходя в небытие...». С. 186.

⁶ Центральный государственный архив города Москвы. Центр хранения документов до 1917 г. (ЦГАМ. ЦХД до 1917). Ф. 376. Оп. 2. Д. 65.

⁷ См.: Германова М.Н. Мой ларец с драгоценностями: Воспоминания. Дневники / сост., вступ. ст., подгот. текстов и примеч. И.Л. Корчевниковой. М., 2012.

ных исторических дисциплин в Пермском и Таврическом университетах, исполняя должности профессора⁸. По сравнению с другими участниками Кондаковского семинария сорокаletний Вернадский имел репутацию достаточно известного академического ученого, к тому же в силу семейных связей (отец — академик В.И. Вернадский) вполне интегрированного в академическую среду.

Упомянутым выше «двум Николая» — Беляеву и Толлю — было соответственно 23 года и 28 лет, когда они приехали в Прагу в 1922 г. Оба боевые офицеры, они не имели высшего образования и обладали совершенно разным социальным и профессиональным опытом до эмиграции. Но их объединяла воля и энергия молодых людей, прошедших через самые кровавые события Гражданской войны, неоднократно раненых и сумевших не только выжить физически и морально, но и найти свое призвание и место в новой реальности.

В отличие от Н.М. Беляева, которому посвящена небольшая литература⁹, Николай Петрович Толль, фактический директор Археологического института имени Н.П. Кондакова до 1948 г., принадлежит к числу тех ученых, имена которых регулярно упоминаются в научной литературе¹⁰, но чья биография остается почти неизвестной, а потому и нередко и мифологизированной, даже в ключевых пунктах. Так, например, новейшая литература утверждает, что в США, куда Толль уехал в 1939 г., он занимал кафедру иранистики в Йельском университете¹¹, что бесконечно далеко от реальных обстоятельств непростой судьбы русского эмигранта.

В послевоенной научной жизни и карьере Николая Толля ключевую роль сыграли три академика — Н.П. Кондаков (1844–1925), М.И. Ростовцев (1870–1952) и В.И. Вернадский (1863–1945). Первый из них, Н.П. Кондаков, точно определил потенциал научной одаренности и исследовательский профиль Толля: он «публично хвалил его в своем Семинарии», сказав, что у него данные настоящего ар-

⁸ См.: Селянинова Г.Д. Г.В. Вернадский в Пермском университете: 1917–1918 годы // Вестник Пермского университета. 2012. Сер. История. Вып. 2 (19). С. 115–124; «У русских ученых хватит энергии и воли к возрождению русской науки и культуры в возрождающейся России»: Отец и сын Вернадские в Крыму в годы Гражданской войны: 1919–1920 / публ. С.Б. Филимонова // Отечественные архивы. 2004. № 4. С. 102–111.

⁹ Беляев С.А. Из истории становления Семинария...; Росов В.А. Семинариум Кондаковианум...; Он же. От Новороссийска до Зайчар: Воспоминания русского беженца / подгот. текста, вступ. ст. и comment. С.А. Беляева // Русская эмиграция в Европе в 1920–1930-е гг. Вып. 2. СПб., 2005. С. 183 и др. Некролог см.: Byzantium. 1931. Т. 6. Р. 517–518 (авт. Grabar A.).

¹⁰ См., например: Пашutto В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 175; Скифский роман / под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997; Дом в изгнании: очерки о русской эмиграции в Чехословакии, 1918–1945. Прага, 2008. С. 95–97; Российское научное зарубежье: Материалы для библиографического словаря. Пилотный вып. 3: Востоковедение. XIX — первая половина XX в. / сост. М.Ю. Сорокина. М., 2011. С. 195; Andreyev C., Savický I. Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938. New Haven; L., 2004; Hopkins C. The Discovery of Dura-Europos. New Haven, 1979; Vzpomínky. Deníky. Vyprávění: (Ruská emigrace v Československu) / kolektiv autorů pod vedením L. Běloševské. Pr., 2011; и др. Недавно появилась персонально посвященная Н.П. Толлю статья: Drbal V. Archäologe Nikolaj Petrovič Toll und seine Rolle bei den Ausgrabungen in Dura-Europos (Syrien) // Byzantinoslavica (Praha). 2008. LXVI. 1/2. S. 53–70.

¹¹ См.: Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934 / сост. В.П. Волков. М., 2001. С. 19; Дом в изгнании... С. 96.

хеолога, ибо он видит, понимает, чувствует материал, так как археология — наука о материальных вещах, а не об отвлеченных, духовных проблемах»¹². Тонко определенное академиком «чувство материала» сыграло главную роль в том, что на многие годы «Ник» стал ближайшим помощником академика М.И. Ростовцева по археологической экспедиции Йельского университета в Дура-Эуропас (Сирия) и в дальнейшем переехал в США. Но конечно, важнейшей составляющей биографии Николая Толля стало его вхождение в дружную семью Вернадских, обладавших значительными связями и весомым научным и моральным авторитетом в научном сообществе. В январе 1926 г. он женился на дочери академика Нине (1898–1986), 9 мая 1929 г. у четы родилась дочь Татьяна, ставшая единственной внучкой академика.

Близкий друг семьи Вернадских профессор В.К. Агафонов (1863–1955) оставил весьма выразительный портрет Н.П. Толля этих лет: «Николай Петрович по натуре грубоват и самоуверен, да и воспитание было у него, должно быть, “неважное”, но Ниночку он любит по-настоящему, хоть и по-своему, несколько по-мужицкому, например, работу ее на него (не только по хозяйству) считает ее обязанностью. Но это все ничего: все покрывается ее большой любовью; да и у него, повторяю, к ней хорошее, крепкое чувство. Сам же он по себе все же человек хороший, способный вообще и чрезвычайно работоспособный, энергичный и инициативный. Главный его недостаток — нетерпимость и самоуверенность. Жизнь, может быть, обломает и эти углы»¹³. В этом описании привлекает внимание указание на «мужицкость», которая как-то не вяжется со стереотипным образом рафинированного интеллектуала-искусствоведа с нерусской баронской фамилией. Наше сообщение посвящено документированию некоторых «русских» эпизодов жизни Николая Толля. Оно основано на архивных материалах, выявленных при содействии А.В. Марыняка, М.М. Горинова-мл., Ю.В. Щепанской, польского историка М. Шимчака (Вроцлав), которым авторы статьи приносят самую искреннюю признательность за большую помощь.

«ОТЕЦ ЕГО – ВОЕННЫЙ...»

О происхождении Николая Петровича Толля до сих пор не было известно ничего. В автокомментариях к своему дневнику академик В.И. Вернадский со слов Толля записал ряд любопытных подробностей о семье своего зятя, послуживших для нас отправной точкой в архивных поисках: «Его мать — Иванова (он не любил о ней говорить и от нее убежал гимназистом в белую армию). Отец его — военный, из обрусовшего шведского рода. Рано его потерял. Николай Петрович мне

---

¹² Цит. по: Андреев Н.Е. То, что вспоминается: Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982) / под ред. Е.Н. и Д.Г. Андреевых: в 2 т. Таллинн, 1996. Т. 1. С. 296. С. 292. Правда, Н.Е. Андреев приехал в Прагу уже после кончины Н.П. Кондакова и передает его высказывания со слов третьих лиц.

¹³ Цит. по: Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934. С. 19; оригинал письма: В.К. Агафонов — В.И. Вернадскому. 21 октября 1928 // Архив РАН (АРАН). Ф. 518. Оп. 3. Д. 4^Г. Л. 25–25 об.

рассказывал, что, будучи на каком-то археологическом совещании в Гельсингфорсе, ему показывали книгу рода дома Толлей, где был указан и его отец. Надо достать — ветвь Танечки идет этим путем далеко вглубь от XVII века»¹⁴.

Действительно, род графов и баронов фон Толь (von Toll) включен в «Список дворянских родов, внесенных в Рыцарский матрикул Эстляндской губернии», а две дворянские отрасли этого рода — в матрикулы Великого княжества Финляндского. Если следовать «подсказке» академика, то Николай Толль мог бы носить баронский титул, однако официально он никогда не упоминал о своем высоком происхождении и всегда писал два «л» в фамилии (в отличие от одного «л», принятого в России для фамилий графских и баронских родов).

Николай Толль родился 9 (21) ноября 1894 г. в Лодзи (царство Польское). Попытки найти его метрическое свидетельство или запись о крещении через польских коллег к успеху не привели, зато по нашей просьбе А.В. Марыняку удалось обнаружить в Российском государственном военно-историческом архиве послужной список капитана 37-го пехотного Екатеринбургского полка Петра Эбергардовича Толля¹⁵, обстоятельства службы которого давали основание полагать, что он мог быть отцом нашего героя.

Согласно этому списку П.Э. Толль, рожденный 10 августа (ст. ст.) 1855 г., происходил из потомственных дворян Великого княжества Финляндского, православного вероисповедания¹⁶. Большую часть своей армейской службы он провел в 37-м пехотном Екатеринбургском полку, который квартировался в Лодзи (где родился Н.П. Толль). К 1907 г. полк был переведен в Нижний Новгород (Н.П. Толль здесь учился), и, таким образом, топография перемещений капитана П.Э. Толля весьма соответствует известным эпизодам биографии Николая Толля. Послужной список капитана дает и более точные сведения о возможных родственных отношениях Петра и Николая Толлей, совпадающие с данными записи В.И. Вернадского: в нем указано, что Петр Толль был женат на дочери отставного инженерного полковника Иванова, девице Марии Николаевне, и имел приемного сына Николая, усыновленного по решению Петроковского окружного суда от 14 февраля 1897 г. Жена и приемный сын вероисповедания православного.

Невозможно однозначно сказать, был ли Николай Толль биологическим сыном Петра Эбергардовича или усыновление только сопутствовало каким-либо семейным тайнам. Но отметим, что в 1905 г., т. е. при жизни Петра Толля, Департамент герольдии Правительствующего сената выдал свидетельство, что «сыну его, Николаю, дозволено пользоваться званием и правами личного почетного гражданина»¹⁷. И не более.

---

¹⁴ Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934. С. 382.

¹⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 14217 (п/с 2350 (1907)). Послужной список составлен 19 января 1907 г.

¹⁶ Он окончил Полоцкую военную гимназию и Варшавское пехотное юнкерское училище. В сентябре 1871 г. зачислен в 37-й Екатеринбургский пехотный полк, где прослужил всю жизнь, пройдя путь от портупей-юнкера до капитана. Скончался от грудной жабы 9 августа 1906 г., находясь в отпуску. См.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 14217 (п/с 2350 (1907)).

¹⁷ Там же.

ОТ НИЖНЕГО ДО АФИН

Семья Толль переехала в Нижний Новгород, по-видимому, вслед за перемещением туда 37-го Екатеринбургского полка. В списках учащихся Нижегородской губернской 1-й мужской классической гимназии имя Николая Толля впервые появляется в 1912/13 учебном году¹⁸.

Эта самая престижная в городе гимназия располагалась в центре, на Благовещенской площади, и имела более чем столетнюю историю. Когда-то на ее месте была усадьба вице-губернатора Нижнего Новгорода В.П. Елагина, в 1801 г. двухэтажный флигель на углу Тихоновской улицы заняло Главное народное училище, трехэтажный дом в центре — Приказ общественного призрения, а во флигеле на Варварской расположился трактир. В 1808 г. все три здания были переданы губернской всесословной мужской гимназии. После ревизии гимназии, проведенной в 1835 г. комиссией во главе с ректором Казанского университета Н.И. Лобачевским (1792–1856), министр народного просвещения граф С.С. Уваров (1786–1855) потребовал от властей города соединить три здания в одно, что и было исполнено к 1840 г. В дальнейшем, в 1904 г., по проекту инженера Е.А. Татаринова по Тихоновской улице был пристроен трехэтажный корпус в стиле раннего декоративного модерна.

Среди известных учеников и выпускников гимназии были писатели П.Д. Боборыкин и П.И. Мельников-Печерский, поэт Б.А. Садовской, философы В.В. Розанов и С.Л. Франк, математик А.М. Ляпунов и его брат музыкант С.М. Ляпунов, китаевед академик В.П. Васильев, композитор М.А. Балакирев, химик-органик академик А.Е. Фаворский, недолго учился здесь и будущий первый большевистский глава России Я.М. Свердлов. В 1863–1869 гг. в гимназии преподавал И.Н. Ульянов (1831–1886), отец будущего лидера большевиков В.И. Ленина, о чем и сейчас напоминает мемориальная доска. Состав преподавателей гимназии был сильным. Считалось, что здесь ярче выражено гуманитарное образование, уровень которого поддерживался группой выпускников Московского университета — от директора гимназии, действительного статского советника Ильи Семёновича Баранова¹⁹ до классного наставника Н.П. Толля, преподавателя древних языков, статского советника А.В. Надеждина и учителя немецкого языка Э.Ф. Гейне. Французский язык преподавала женщина — А.Н. Коптева²⁰.

Имя Николая Толля впервые зафиксировано в «Ведомостях об успехах, внимании и прилежании учеников VI класса основного отделения» за 1912/13 учебный год²¹. Этот год он окончил с неплохими оценками: Закон Божий — 5; все остальные предметы (русский, немецкий, французский языки и латынь, алгебра и геометрия, физика, история) — 4. Однако уже в отчете за I полугодие

¹⁸ См.: Центральный архив Нижегородской области. Ф. 520. Оп. 478. Д. 1537. Л. 72–104.

¹⁹ Его сын Николай Ильич Баранов (1887–1981) стал известным энтомологом, в эмиграции — научный сотрудник Института паразитологии и ветеринарного факультета Загребского университета. После Второй мировой войны жил в Пакистане, с 1962 г. — в Великобритании.

²⁰ См.: ЦАНО. Ф. 520. Оп. 478. Д. 1562. Л. 14.

²¹ См.: Там же. Д. 1537. Л. 72–104.

1914/15 учебного года классный наставник Толля А.В. Надеждин отмечает его успехи как невысокие. Впрочем, в этом классе, состоявшем из 37 учащихся, неуспевающих было девятнадцать человек! Из них тринадцать имели по одной двойке. Среди них — Николай Толль, а «неудовлетворительно» он имел по французскому языку. Что-то не складывалось у него с учительницей... Между тем в течение выпускного VIII класса оценки Толля не так уж плохи: он неизменно получал 5 по Закону Божию и истории, а по остальным предметам имел 4, лишь по физике 3. Средний балл аттестата, как пишет Надеждин, получался у него всего лишь 3,9, в итоге — восемнадцатое место в классе.

Гимназию Николай Толль оканчивал, когда уже началась Первая мировая война и была объявлена всеобщая мобилизация. 25 февраля 1915 г. в гимназию пришла официальная бумага из Нижегородского уездного по воинской повинности присутствия о необходимости явки к исполнению воинской повинности воспитанников гимназии, поименованных на обороте. Среди семи фамилий было и имя Толля. В сентябре того же года гимназия выдала ему удостоверение для представления в Константиновское артиллерийское училище в Петрограде²², учиться в котором и отправился Н.П. Толль. С осени 1914 г. это училище, как и все другие военно-учебные заведения, перешло на ускоренную 6–8-месячную программу подготовки офицеров-артиллеристов. Таким образом, поступив осенью 1915 г., Николай Толль мог окончить училище уже к середине 1916 г. с чином прапорщика. Документы о его военной службе за эти годы пока не обнаружены, но и нередко приводимые в биографиях Толля сведения о том, что в 1916–1917 гг. он учился на историко-филологическом факультете Казанского университета, своего подтверждения в архиве университета не находят.

Интересно, что почти одновременно с Николаем Толлем в Константиновском артиллерийском училище учились и уже упоминавшийся будущий кондаковец Николай Михайлович Беляев, и знаменитый в будущем лингвист Борис Генрихович Унбегаун (1898–1973). Беляев также происходил из семьи потомственных военных, но в отличие от Толля он успел в 1916 г. поучиться на первом курсе историко-филологического факультета Петроградского университета, где занимался, однако, не у антиковедов и византинистов (М.И. Ростовцева, Н.П. Кондакова и др.), а в семинаре известного историка, профессора Н.И. Кареева по истории Великой французской революции²³. Несмотря на близость курсов, Толль и Беляев, по-видимому, не пересекались в Константиновском училище. После его окончания Толль отправился служить в Кавказскую армию, а Беляев ввиду расформирования училища сразу после Октябрьского переворота в Петрограде (1917), как и многие юнкера-константиновцы, отправился на Дон. Считается, что именно Константиновское училище дало Белому движению на юге России наибольшее среди прочих военно-учебных заведений России число добровольцев — около 200 юнкеров прибыло на Дон осенью — зимой 1917–1918 гг. Первое время Николай Беляев воевал в первом белом партизанском отряде казачьего полковника

---

²² См.: Там же. Д. 1717. Л. 6 об.

²³ См: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 68845.

В.М. Чернецова, чья эпопея описана в романе М. Шолохова «Тихий Дон» и в очерках известного казачьего поэта Николая Туроверова. После гибели полковника в конце января 1918 г. Беляев стал участником 1-го Кубанского (Ледяного) похода в рядах Добровольческой армии генерала Л.Г. Корнилова, пройдя с жестокими боями от Ростова-на-Дону до Екатеринодара, был тяжело ранен и награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

Участником этого же знаменитого похода был и Н.П. Толль. В составе 1-го Кавказского мортирного артиллерийского дивизиона он оставался в Кавказской армии до января 1918 г., а затем в составе уже Добровольческой армии прошел все 80 дней похода и был удостоен первой награды Белого движения — знака отличия Ледяного похода 1-й степени. Число награжденных этим знаком было всего 4–5 тыс. человек, знак Н.П. Толля имел № 508. В последующие годы, до эвакуации Крыма в ноябре 1920 г., Толль воевал в бронепоездных частях Вооруженных сил Юга России и Русской армии, дослужившись до чина подполковника артиллерийского дивизиона²⁴, в составе которого с ноября 1920 по сентябрь 1921 г. находился в Галлиполи (Турция), а затем выехал в Афины (Греция).

Ставшие недавно доступными письма Н.П. Толля Г.В. Вернадскому, хранящиеся в Бахметевском архиве Колумбийского университета США, показывают, что уже в 1921 г. будущие коллеги и родственники были хорошо знакомы (вероятно, через Бориса Федоровича Ромберга). Однако афинская жизнь Толля была наполнена отнюдь не изучением греческих древностей, а тяжелой физической работой на газовом заводе²⁵. Вероятно, именно Георгий Вернадский помог бывшему офицеру-артиллеристу перебраться в ноябре 1922 г. в Прагу, где и началась новая, личная и научная, жизнь Николая Толля. Здесь он окончил философский факультет Карлова университета (1926/27) и стал одним из основателей, а затем и директором Археологического института имени Н.П. Кондакова и полностью посвятил себя научной работе. Уже в 1928 г. Толль опубликовал две небольшие, но до сих пор цитирующиеся научные монографии — «Скифы и гунны. Из истории кочевого мира» и «Коптские ткани», причем первую из них — в Евразийском издательстве. Историк Н.Е. Андреев вспоминал, что евразийские увлечения оказались даже на том, что в доме Толля «по восточному обычаю не было мебели <...> так что все сидели на циновках и каких-то неудобных подушках»²⁶.

«ДИТЯ ВСЯКИХ ЭВАКУАЦИЙ, БОЛЬШЕВИКОВ, ПЕРЕВОРОТОВ...»

Отмеченные Николаем Андреевым непривычность и неудобность домашнего интерьера Н.П. Толля были не только физически-телесными, но скорее метафизическими, зримо олицетворявшими ту потерю привычного строя жизни и быта, которую пришлось пережить сотням тысяч русских беженцев в начале 1920-х гг.

²⁴ См.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 74. Л. 20.

²⁵ См.: Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University (BAR). George Vernadsky Collection. Box 230, 232.

²⁶ Андреев Н.Е. То, что вспоминается... С. 296.

Дочь академика В.И. Вернадского Ниночка, приехавшая с родителями в Прагу летом 1922 г. и ставшая, в отличие от них, «невозврашенкой», очень точно выразила это ощущение целого поколения беженской молодежи в письме к жене брата, также Нине Вернадской: «Я <...> дитя всяких эвакуаций, большевиков, переворотов, бегств, и отвыкла от вещей и, главное — от любви к дому, и так страшно ценю это в тебе!»²⁷

Многие молодые беженцы-кочевники Гражданской войны, которые в своей «прошлой» жизни, скорее всего, никогда бы не встретились, в тесноте эмиграции тянулись друг к другу, образовывали небольшие семейные и холостяцкие коммуны, сходились и расходились, и романтические отношения Н.П. Толля с Ниночкой Вернадской продолжались не один год. «И у вас какая-то длительная тягучая история, которая даже и мне не всегда дает радостную надежду и уверенность в будущем», — грустно замечала жена Георгия Вернадского²⁸. Старшие Вернадские — Владимир Иванович и Наталья Егоровна — были не в восторге от романа их единственной и обожаемой дочери²⁹ с человеком совсем другого круга, «мужиком». Впрочем, ранний брак их старшего сына Георгия, который оказался многолетним и очень прочным, тоже поначалу не вызывал одобрения академика. Но старшие Вернадские очень хотели внуков («Мы им не дали этого утешения», — сокрушалась жена Георгия Нина³⁰) и делали все, чтобы романтические отношения Ниночки и Николая Толля переросли в официальный брак. «Тетя Наташенька уморительная, — отмечала все та же «старшая» Нина Вернадская, — когда ей говоришь, как Николай Петрович будет бояться их, она говорит, что она сама также боится, чтобы не помешать чему-нибудь»³¹.

В дневнике она записала летом 1925 г.: «Они все еще неженаты. В Париже бедится хлопотать Носович о разводе»³². Действительно, одним из главных препятствий к оформлению отношений с Н.В. Вернадской был первый брак Н.П. Толля. Как известно, церковный православный брак, за редкими исключениями, считался нерасторжимым, но проблема создания новой семьи в условиях потери связи с оставшимися в России родными касалась многих тысяч русских беженцев, и цер-

---

²⁷ BAR. George Vernadsky Collection. B. 70.

²⁸ Ibid. B. 76.

²⁹ В одном из писем 1920 г. академик В.И. Вернадский отметил: «Я исключительно счастлив в детях. Моя Ниночка, страшно одаренная — талантливая художница с совершенно особыми филологическими способностями (редкий тип филолога по призванию), с своеобразным самостоятельным умом и чудным сердцем. Мне больно сейчас, что она должна зарабатывать (служит в кооперативе), сапожничать (она никогда не гнушается никакой работы) и только урывками занимается. Дети вышли разные — очень дружные — но сын православный и русский без всяких украинских симпатий, а дочка — украинка, в этой области душевно близкая мне. Не знаю, как сложится ее жизнь, и даст ли возможность судьба развернуться этой оригинальной и своеобразной личности. Для меня она после смерти моей дорогой племянницы Нюты [дочери покойной сестры], которая была мне за дочь, самый близкий человек» (цит. по: История полувековой дружбы / публ. А. Сергеева и А. Тюрина // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 18. М.; СПб., 1995. С. 353–425).

³⁰ BAR. George Vernadsky Collection. B. 76.

³¹ Ibid.

³² Ibid. B. 142.

ковь шла им навстречу, помогая обрести такое исключительно важное в изгнании семейное счастье и покой.

В августе 1917 г., перед уходом на фронт, Николай Толль венчался в Алексеевской церкви г. Самарканда с Ольгой Петровной Сыромятниковой, в то время слушательницей московских Высших женских курсов³³. Они познакомились, по-видимому, еще в Нижнем Новгороде, уроженкой которого была Ольга (родилась 28 апреля 1893 г.). Здесь же она окончила в 1912 г. Мариинскую женскую гимназию и в сентябре 1913 г. была зачислена в число слушательниц историко-филологического факультета московских Высших женских курсов, где училась в 1913–1918 гг. Почему и как случилось, что Толль и Сыромятникова венчались в Самарканде, пока остается неизвестным. Скорее всего, стремление поддержать любимого человека помогло девушке добраться до Средней Азии даже в условиях транспортной разрухи революционного 1917 года. Однако, как оказалось, новобрачные виделись там едва ли не в последний раз, ибо с сентября 1917 г. Н.П. Толль находился уже на фронте.

Летом 1925 г., когда многим в Праге уже казалось, что роман Ниночки Вернадской с Николаем Толлем зашел в тупик, помочь им взялась проживавшая в Париже жена академика Вернадского Наталья Егоровна. Она обратилась за содействием в столь деликатном деле, как заочный развод любимого человека собственной дочери, к своему старому знакомому, бывшему сенатору Владимиру Павловичу Носовичу (1864–1936). Известный судебный деятель, обер-прокурор уголовно-кассационного департамента Правительствующего сената, Носович в 1918–1919 гг. возглавлял Управление внутренних дел Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России генерале А.И. Деникине. В эмиграции он жил в Париже, сотрудничая в Бюро защиты прав русских граждан за границей (1921), а с 1922 г. возглавлял Русское юридическое общество и входил в руководящие органы практических эмигрантских юридических союзов³⁴. Носович давно и хорошо был знаком с семьей Вернадских и, узнав об их приезде из России в Париж, сразу же написал академику 26 августа 1922 г.: «Глубокоуважаемый Владимир Иванович, после долгих поисков нашел Ваш адрес. Слышал, что Наталья Егоровна с Вами, что Ваша молодежь в Праге. Несказанно хочу Вас видеть»³⁵.

Восстановленная связь оказалась очень полезной для решения вопроса о новом браке Н.П. Толля. 17 июня 1925 г. В.П. Носович сообщал Наталье Егоровне: «Я только что из нашего Епархиального управления. Спешу сообщить Вам о результатах моих переговоров. В настоящее время и развод, и новый брак возможны. Мало того, возможно и при этом за более дешевую цену развести здесь [в Париже] лицо, проживающее в Чехословакии. <...> Что значит Прага? Только то, что прошение подается оттуда, что свидетели допрашиваются там и там же <...> производится публикация. Свидетели должны удостоверить под присягой, что-де супруг или супруга такие-то действительно находятся в безвестном отсутствии.

---

³³ См.: ЦГАМ. ЦХД до 1917. Ф. 363. Оп. 4. Д. 24630; Оп. 6. Д. 17.

³⁴ Последние годы жизни В.П. Носович провел в Белграде (Югославия), где и похоронен на Новом кладбище.

³⁵ BAR. George Vernadsky Collection. B. 73.

Все нужные формы я дам. Нужно, конечно, посмотреть документы, хотя главное только одно: доказать, что брак, о расторжении коего просят, заключен. <...> Самое благоразумное — производить дело из Праги. Там и свидетели есть, здесь их нужно искать, но для этого нужно, чтобы Ваш будущий beau fils [зять, фр.] проявил некоторую энергию. Низкий поклон Владимиру Ивановичу. Сердечно Ваш В. Носович»³⁶.

Благодаря энергичной и действенной помощи В.П. Носовича и Епархиального управления русскими православными заграничными церквами в Европе к концу ноября 1925 г. проживавший в Праге Н.П. Толль получил бракоразводное свидетельство. Его оформление стоило всего 250 рублей пошлины и еще примерно 200 рублей за привод к присяге свидетелей, публикацию объявления и т. п. «О том, как венчаться в Праге, получив духовный развод, — писал В.П. Носович Наталье Егоровне Вернадской, — Николай Петрович знает лучше меня. Низкий поклон Владимиру Ивановичу. Целую Ваши ручки. Непременно побываю у Вас до Вашего отъезда. Сердечно Вам преданный В. Носович»³⁷.

Любопытно, что бракоразводное свидетельство Н.П. Толля не уехало с ним в США, а осталось в Праге и ныне опубликовано В. Гавриневым на сайте общественного объединения «Русская традиция» (Чехия):

«Епархиальное Управление Западно-Европейского Митрополичьего Округа Ноября 19 дня 1925 года № 2047. Бракоразводное свидетельство. Выдано настящее свидетельство из Епархиального Управления Западно-Европейского Митрополичьего Округа Николаю Петровичу Толль, в том, что брак его с Ольгой Петровной Толль, урожденной Сыромятниковой, обоих православных и первобрачных, венчанных 17 августа старого стиля 1917 года причтом церкви военного гарнизона Самарканда, расторгнут определением Епархиального Совета от 9 ноября 1925 года по причине установленного безвестного отсутствия жены Ольги Петровны Толль, урожденной Сыромятниковой, с 1917 года и с разрешением Николаю Петровичу Толль вступить в новый, второй, законный, церковный брак. Митрополит Евлогий. Секретарь Аметистов»³⁸.

10 января 1926 г. Нина Владимировна Вернадская и Николай Петрович Толль венчалась в Праге в присутствии старших Вернадских, которые почти сразу после этого события вернулись в СССР. Через некоторое время старый друг профессор В.К. Агафонов рисовал почти идиллическую картину общего дома Толлей: «Николай Петрович <...> сделал всю мебель сам и выкрасил в красный цвет, а Ниночка с большим вкусом и талантом разрисовала ее прекрасными цветами и птицами. Удивительно хорошо. Все это, конечно, в евразийском стиле, и мебель вся низенькая и имеет вид какого-то художественного шатра, но мне понравилось»³⁹.

Интересно, что, несмотря, а может быть, и благодаря так мягко прошедшему «заочному» разводу, Ольга Толль еще многие годы сохраняла прямые контакты со

---

³⁶ Ibid. B. 228.

³⁷ Ibid.

³⁸ Гавринев В. Картинки из жизни эмигрантов // Русское слово. 2008. № 3. URL: <http://www.ruslo.cz/articles/162> (дата обращения 5 декабря 2013 г.).

³⁹ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 4^Г. Л. 25–25 об.

всеми представителями семьи Вернадских, с которыми она, по-видимому, была знакома через А.Д. Шаховскую. С начала 1920-х гг. Ольга жила во Владимире на Клязьме, уехав туда к сестре — известному психоневрологу Марии Сыромятниковой, врачу в колонии для несовершеннолетних правонарушителей. Здесь Ольга Толль стала Ольгой Петровной Владимировой, у нее росли сын и дочь. В довоенные годы она нередко бывала у старших Вернадских в Москве, которые считали ее очень порядочной и милой, помогали в устройстве детей, а Нина Вернадская-Толль из США присыпала лекарства для ее сына⁴⁰. Последнее известное письмо Ольги академику В.И. Вернадскому датировано сентябрем 1944 г.

Брак Нины Вернадской и Николая Толля продлился почти шестьдесят лет, большую часть которых они прожили в США, где и скончались, как в сказке — почти в один день. Место их последнего упокоения пока не обнаружено, архив не сохранился⁴¹ — похоже, что супруги целенаправленно не оставили его. С кончиной 1 декабря 1999 г. их дочери — Татьяны Николаевны Толль — «академическая» линия рода Вернадских пресеклась.

---

⁴⁰ См.: АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 351; Оп. 7. Д. 131.

⁴¹ За исключением небольшой части семейной переписки, переданной в личный фонд Георгия Вернадского в BAR.

М.М. Горинов-мл.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
МОСКОВСКИХ АРХИВОВ КАК ИСТОЧНИК
СВЕДЕНИЙ ПО БИОГРАФИИ М.М. КАРПОВИЧА

Жизненный путь историка, профессора Гарвардского университета, главного редактора «Нового журнала» Михаила Михайловича Карповича (1888–1959) остается недостаточно исследованным и мало документированным. За последнее двадцатилетие появились отдельные статьи, в которых приводились некоторые биографические данные о жизни и деятельности Михаила Михайловича¹. К сожалению, в них минимально использовались архивные материалы. Между тем богатейший архивный фонд Карповича хранится в Бахметевском архиве Колумбийского университета США. Российские архивы, и прежде всего московские, также сохранили немало интересных материалов, относящихся к доэмигрантскому периоду его жизни. Наша статья опирается на выявленные М.Ю. Сорокиной в 1990-х гг. документы этих архивов.

Исключительную важность представляет хранящееся в Центральном государственном архиве города Москвы, Центре хранения документов до 1917 г., в фонде Московского университета дело о приеме в этот университет Михаила Карповича². Оно содержит несколько гимназических фотографий будущего

¹ См.: Зеньковский С. Путь историка: (к 70-летию М. Карповича) // Опыты. 1958. № 9. С. 52–60; Керенский А.Ф. М.М. Карпович // Новый журнал. 1959. № 58. С. 5–8; Вернадский Г.В. М.М. Карпович: Памяти друга // Там же. С. 9–11; Вишняк М. М.М. Карпович — политик // Там же. С. 15–23; Гуль Р.М.М. Карпович — человек и редактор // Там же. С. 24–29; Тимашев Н. М.М. Карпович // Там же. 1960. № 59. С. 192–195; Письма М. Карповича Г. Вернадскому / публ., предисл. и comment. М. Раева // Там же. 1992. № 188. С. 259–296; Раев М. М.М. Карпович: русский историк в Америке // Там же. 1995. № 200. С. 244–248; Гавлин М.Л. М.М. Карпович // Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 281–282; Бирман М.А. М.М. Карпович и «Новый журнал» // Отечественная история. 1999. № 5. С. 124–134; № 6. С. 112–116; Дзевановский М.К. Профессор Михаил Карпович (1888–1959) // Славяноведение. 2002. № 1. С. 101–104; Гуль Р. Карпович М. Письма о «Новом журнале» / публ. В. Крейд // Новый журнал. 2002. № 226. С. 21–62; Крейд В. Карпович Михаил Михайлович (1888–1959) // Новый исторический вестник. 2003. № 1 (9). С. 173–178; Юдаева Н.В. Михаил Михайлович Карпович: русский историк в Америке // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2007. № 2. С. 52–58; Зейде А. «...Душевно тянусь»: Письма Н.В. Вольского М.М. Карповичу (1956–1957) // Диаспора: Новые материалы. Т. 9. СПб.; Париж, 2007. С. 355–373; Зейде А.М. Карпович и русская историография в Америке // Новый журнал. 2008. № 253. С. 123–139; Перейра Н.Г.О. Мысли и уроки Михаила Карповича // Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века). М., 2012. С. 7–23; «Мы живем в особенной атмосфере»: Письма М. Карповича Г. Вернадскому. 1909–1917 / публ. и comment. М.М. Горинова-мл., М.Ю. Сорокиной // Новый журнал. 2014. № 274. С. 92–156; и др.

² Центральный государственный архив города Москвы. Центр хранения документов до 1917 г. (ЦГАМ. ЦХД до 1917). Ф. 418. Оп. 320. Д. 723.

историка, его метрическое свидетельство, аттестат зрелости, прошения о приеме в Московский университет. Согласно метрическому свидетельству Михаил появился на свет в Тифлисе в 1888 г. в семье Карповичей — инженера путей сообщения, коллежского секретаря Михаила Викентьевича (католического вероисповедания) и Марии Евгеньевны (православной)³. Свидетельство позволяет уточнить, что Михаил Карпович родился не 3 августа по старому стилю, как это утверждается в посвященной ему литературе⁴, а 21 июля по старому стилю. Крещен в православной вере 30 июля в церкви Александра Невского. Из аттестата зрелости следует, что Михаил Михайлович 8 лет обучался во 2-й тифлисской мужской гимназии, окончил ее в 1906 г. В июне того же года Карпович был впервые зачислен на историко-филологический факультет Московского университета, но в следующем году уехал в Париж заниматься в Сорбонне. В июне 1908 г. он был вторично принят в Московский университет⁵. Весной 1914 г. сдал выпускные экзамены в историко-филологической испытательной комиссии, которая удостоила его диплома первой степени⁶. Этот диплом, а также фотографии Карповича за 1914 г. находятся в отдельном «Деле историко-филологической испытательной комиссии о Михаиле Карповиче»⁷; дипломное сочинение будущего историка «Священный союз и Александр I (1815–1825)»⁸ также сохранилось в фонде Московского университета.

В статьях, посвященных М.М. Карповичу, всегда указывается, что в молодости он был эсером, занимался революционной деятельностью⁹, но документальных подтверждений этому не приводится. Между тем в Государственном архиве Российской Федерации, в фонде Московского охранного отделения находится 117-листное дело «О студенте М.М. Карповиче»¹⁰, содержащее материалы наблюдений за ним, протоколы его допросов и другие интересные документы.

Из справки московской охранки следует, что Тифлисское охранное отделение наблюдало за Михаилом Карповичем еще с 1904 г., когда он был гимназистом. В конце 1905 г. как член тифлисской организации партии социалистов-революционеров он был арестован и провел некоторое время в Мцхетской крепости. В 1907 г. Карпович, по мнению охранки, даже входил в руководство Военного союза тифлисской организации эсеров¹¹. По-видимому, именно пристальное внимание полиции заставило Карповича уехать за границу, и следующий обширный блок документов датируется уже 1910 г. 15 января этого года Михаил был обыскан и арестован в Тифлисе за принадлежность к партии эсеров, ему воспрещено жи-

³ См.: ЦГАМ. ЦХД до 1917. Ф. 418. Оп. 320. Д. 723. Л. 29.

⁴ См.: Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005. С. 47.

⁵ См.: ЦГАМ. ЦХД до 1917. Ф. 418. Оп. 320. Д. 723; Там же. Л. 16, 24, 27.

⁶ См.: Там же. Л. 18.

⁷ Там же. Оп. 482. Д. 83. Л. 1–3, 10.

⁸ Там же. Оп. 513. Д. 3652.

⁹ См.: Гавлин М.Л. М.М. Карпович. С. 281; Бирман М.А. М.М. Карпович и «Новый журнал». С. 125; Переира Н.Г.О. Мысли и уроки Михаила Карповича. С. 7.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-63. Оп. 30. Д. 1541.

¹¹ Там же. Л. 115–115 об.

тельство в пределах Кавказского края сроком на пять лет¹². 30 января начальник Тифлисского губернского жандармского управления уведомил об аресте Карповича и Московское охранное отделение. Он также сообщил, что Карпович еще в 1905–1906 гг. являлся одним из главных руководителей этой организации, что подтверждалось собственноручным письмом Михаила к одному из гимназистов тифлисской гимназии, в котором он указывал на себя как на руководителя¹³.

В этот же период начинается наблюдение за Михаилом Михайловичем и его знакомыми непосредственно со стороны Московского охранного отделения. Так, среди «контактов» Карповича отмечен проживавший в доме № 19 по Староконюшенному переулку студент Московского университета Владимир Гурко, подвергавшийся аресту 7 марта 1909 г. за связи с членами Боевой организации эсеров¹⁴. Годы спустя Владимир Александрович Гурко-Кряжин (1887–1931) станет известным советским историком-востоковедом, зав. отделом Востока Кавказского отделения РОСТА, профессором Ленинградского университета и заместителем главного редактора журнала «Новый Восток».

У московской охранки Карпович проходил под кличкой Садовый¹⁵, сохранился и «Дневник наружного наблюдения за Карповичем» за 1910 г. Особенно интенсивно это наблюдение велось после того, как 22 ноября начальнику Московского охранного отделения пришло письмо от Николая Смирнова, бывшего помощника смотрителя Тифлисской губернской тюрьмы, в которой в январе — феврале 1910 г. содержался Карпович. Он сообщал, что Карповичу удалось выйти на свободу лишь потому, что он предварительно уничтожил компрометирующую его переписку. Кроме того, Карпович нарушил запрет на возвращение на Кавказ и находится в Тифлисе, по-прежнему принадлежит к «незаконному обществу» и не прерывает связей с находящимися под надзором полиции агитаторами. Смирнов ставил в известность московских коллег, что 24 ноября в московской квартире Карповича предполагается собрание студентов тифлисского землячества, на ко-

Михаил Михайлович Карпович —
студент Московского университета.
1905. ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 320. Д. 723. Л. 19.

Публикуется впервые

¹² См.: Там же. Л. 48–48 об., 115 об.

¹³ См.: Там же. Л. 1–1 об., 87–87 об.

¹⁴ См.: Там же. Л. 41.

¹⁵ См.: Там же. Оп. 44. Д. 2403. Л. 1–2.

тором будут присутствовать и революционные агитаторы. Он отмечал, что личность Карповича не внушает доверия хотя бы потому, что вся корреспонденция получается им почему-то «до востребования» на Главный почтамт и, прочитанная, моментально уничтожается в том же почтамте¹⁶.

23 ноября 1910 г. за домом № 5 Снегиревой в Полуэктовском переулке, где в квартире № 19 жил Карпович, его друзья Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973) и его супруга Нина Владимировна (1884–1971), Сергей Сергеевич Ольденбург (1888–1940), княжна Наталья Дмитриевна Шаховская (1890–1942) и прислуга Пелагея Дмитриевна Соколова¹⁷, была установлена особенно тщательная слежка¹⁸. В этот же день начальник Московского охранного отделения выписал ордер на проведение здесь тщательного и всестороннего обыска, проводил который старший помощник пристава Пречистенской части поручик Веденников. Как следует из протокола обыска, квартира № 19 состояла из пяти комнат, передней и кухни. При личном обыске у Карповича были отобраны блокнот, бумажник и входной билет в Московский университет; были изъяты также записные книжки, пакет со стихами, десять фотографий и пять номеров журнала «Крестьянское дело». У Шаховской нашли две броширы Льва Толстого, у Ольденбурга — материалы по истории студенческого движения. В тот же день московский градоначальник, признав Карповича «вредным для общественного порядка и спокойствия», постановил заключить его под стражу до выяснения обстоятельств дела¹⁹.

На допросе 24 ноября Карпович особо подчеркивал, что в последние три года занимается систематической научной деятельностью, политикой не интересуется и из товарищей по гимназии никого не встречает, а свободное от научных занятий время посвящает музыке, посещая концерты и оперу. Он заметил, что из университетских организаций входит только в состав Общества взаимопомощи студентов Московского университета и в Студенческое научное общество памяти князя С.Н. Трубецкого. Единственными своими близкими знакомыми он назвал тех, с кем живет в одной квартире, а также профессора В.И. Вернадского (1863–1945) и директора Московской консерватории М.М. Ипполитова-Иванова (1859–1935)²⁰. Среди вещей Карповича ничего его компрометирующего найдено не было, и на следующий же день, 25 ноября, Московское охранное отделение освободило его из-под стражи.

Тем не менее в эти годы охранка не выпускала студента Карповича из поля зрения. Когда в 1911 г. он жил в Петербурге в доме № 26 по 9-й линии Васильевского острова, то также находился под надзором местного охранного отделения и подвергался обыску²¹. 10 мая 1912 г. комнату Карповича в московском Полуэкт-

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-63. Оп. 30. Д. 1541. Л. 77–78 об.

¹⁷ См.: Там же. Л. 62, 64. Полуэктовский переулок располагается в самом центре Москвы, между улицами Пречистенка и Остоженка. Сегодня он носит название Сеченовский.

¹⁸ См.: ГА РФ. Ф. Р-63. Оп. 44. Д. 2403. Л. 3–4.

¹⁹ Там же. Оп. 30. Д. 1541. Л. 64–70.

²⁰ См.: Там же. Л. 72–73 об.

²¹ См.: Там же. Л. 84, 104 об. Петербургская охранка называла Карповича «Банковый».

товском переулке вновь обыскали, а самого Михаила отправили в Пречистенскую полицейскую часть. В сохранившемся протоколе допроса Карпович дает обещание больше не заниматься политикой и говорит о намерении выехать в ближайшее время в Тифлис²². Стремясь помочь сыну, его отец, Михаил Викентьевич, подал кавказскому наместнику прошение об отмене воспрещения Михаилу въезда на Кавказ ввиду слабого здоровья и необходимости для его поправления пребывания на юге и в семейной обстановке.

Наблюдение за Карповичем со стороны Московского охранного отделения прекращается в 1912 г. Вероятно, в это время Михаил действительно стал отходить от революционной деятельности. Об этом же свидетельствует и находящаяся в ГА РФ картотека Департамента полиции, который вел наблюдение за Карповичем параллельно с московской охранкой. В фонде Департамента полиции (Ф. 102), в составе Особого отдела, 5-го и 7-го делопроизводств есть 23 документа о «неблагонадежном» Карповиче за 1904–1912 гг. В основном это материалы за 1910 г. После 1912 г. наблюдение уже не велось.

Таким образом, архивные документы ГА РФ дают основание усомниться в словах самого Карповича о том, что в юности он был «не очень активным» членом партии эсеров²³. По крайней мере, его контакты с социалистами-революционерами прерываются не ранее 1910 г.

Революционная деятельность — это только одна страница биографии М.М. Карповича. Другие аспекты его жизненного пути раскрываются в его письмах к другу Георгию Вернадскому. Их дружба началась еще в Московском университете и продолжалась до кончины Михаила Михайловича²⁴. В то время, когда не было возможности встречаться лично, контакты заменяла переписка. В 1992 г. американский профессор Марк Раев опубликовал в «Новом журнале» восемь писем М. Карповича к Г. Вернадскому за 1919–1925 гг. из фонда Г.В. Вернадского в Бахметевском архиве Колумбийского университета США. Между тем М.Ю. Сорокина обнаружила 68 писем М.М. Карповича другу, относящихся к их доэмигрантским годам — с 1908 по 1917 г. — в личном фонде Георгия Вернадского в ГА РФ (Ф. 1137. Оп. 1. Д. 248). Этот фонд составили документы, волонтиристски изъятые из фонда академика В.И. Вернадского в Архиве Российской академии наук (Ф. 518) во второй половине 1940-х гг.²⁵

Основные темы писем М.М. Карповича другу — учебные занятия и работа, хобби, личные переживания, впечатления о знакомых людях, прочитанных книгах, международных событиях. В письме от 3 января 1910 г. из Петербурга он описывал Георгию свой досуг в первые дни нового года — чтение, игру на рояле, симфонический концерт под управлением дирижера В.И. Сафонова (1852–1918),

---

²² См.: Там же. Л. 94–97, 101.

²³ Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России. С. 250.

²⁴ См.: Бирман М.А. М.М. Карпович и «Новый журнал». С. 128.

²⁵ См.: Сорокина М.Ю. Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // Российская научная эмиграция. Двадцать портретов. М., 2001. С. 331; Она же. Ученые и архивы: к истории «архивного наследия» В.И. Вернадского // Архив Академии наук — достояние национальной и мировой науки и культуры: Мат-лы междунар. науч. конф. Москва, 10–14 ноября 2008 г. М., 2009. С. 393–394.

постановку В.Э. Мейерхольда (1874–1940) «Дон Жуан» Мольера в Александринском театре. Кроме того, он посетил кабаре «Дом интермедий», где проходил вечер масок, который охарактеризовал как «декадентские потуги на стихийное веселье», как нечто «богопротивное»²⁶, а также присутствовал на публичном заседании Императорской Академии наук, где В.И. Вернадский читал доклад о радио. Доклад показался Карповичу интересным, но «слишком конспективным», так что его, «профана» в этой области, «больше заинтриговал, нежели убедил»²⁷.

В эпистолярном общении М.М. Карпович предстает очень активным человеком, с широким кругом интересов. Из его писем мы узнаем, что он совмещал учебу в Московском университете с работой в редакции московского журнала «Крестьянское дело» (в 1913 г. журнал получил название «Колос», с 1914 г. — «Новый Колос»). Это был журнал для крестьян и сельской интеллигенции, выходивший два раза в месяц. Карпович подробно писал Вернадскому о своих конфликтах с главным редактором журнала Василием Павловичем Дроздовым (1878–1930). Так, Дроздов настаивал на том, чтобы во втором номере журнала за 1912 г. была заметка Карповича о Н.А. Добролюбове, с чем Михаил Михайлович решительно не согласился, будучи принципиальным противником «юбилейно-поминального» характера журнала²⁸. Карпович не считал работу в журнале главным своим занятием, но полагал, что «если всегда дожидаться того дела, к которому безусловно призван, то мало что сделаешь. Надо пользоваться и теми конкретными возможностями, которые дает жизнь»²⁹. Он часто наведывался в Петербург, работал в Публичной библиотеке, помогая князю Дмитрию Ивановичу Шаховскому (1861–1939) разбирать письма его пррапрадеда историка Михаила Михайловича Щербатова (1737–1790)³⁰.

Весной 1914 г. Карпович писал Георгию Вернадскому о ходе сдачи выпускных экзаменов в Московском университете. Историю Древнего мира он сдал благополучно. Хорошо прошел и экзамен по истории Средних веков: «Я совершенно зря перед экзаменом потерял душевное равновесие и стал очень глупо волноваться»³¹, — признавался он Георгию. А вот русскую историю Карпович еле-еле ответил на «удовлетворительно»: «Все спуталось в голове, и это был самый неприятный экзамен»³². Зато историю новой философии Михаил сдал блестяще.

После окончания университета Михаил Михайлович серьезно занялся древней русской литературой, филологией и славистикой, желал сдавать по ним магистерские экзамены, но уже в следующем году признавался Вернадскому, что филология — не его стезя³³. С октября 1914 г. он стал ответственным редакто-

---

²⁶ ГА РФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 72 об.–73.

²⁷ Там же. Л. 71 об.–72.

²⁸ ГА РФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 93–93 об.

²⁹ Там же. Л. 50.

³⁰ См.: Там же. Л. 76, 90.

³¹ Там же. Л. 115, 136.

³² Там же. Л. 111.

³³ См.: Там же. Л. 7 об., 112 об.

ром журнала «Новый Колос», писал статьи, занимался подбором сотрудников, рекламой³⁴. Карповичу предлагали читать лекции в Московском городском народном университете имени А.Л. Шанявского, но он отказался, почувствовав, что не сможет приспособиться к «специфической аудитории» и господствовавшему в университете «сентиментально-демократическому духу». Не пошел он и в газету «Русские ведомости»: хотел писать о литературе, а ему предложили описывать общественные настроения на Кавказе, к чему у него не было охоты³⁵. После долгих хлопот он устроился помощником ученого секретаря в Исторический музей Москвы и очень ценил это место, дававшее ему независимость. В свободное время Карпович изучал польский язык, занимался генеалогическими разысканиями, в ходе которых выяснил личности своих четырех прпрадедов с отцовской стороны (один из них оказался сподвижником Т. Костюшко, другой — грузинским князем Тумановым из свиты одного из грузинских царей)³⁶.

Рассказывая Георгию о своих увлечениях, Михаил Михайлович расспрашивал его об общих друзьях (С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбургах, А.Д. и Н.Д. Шаховских), старался быть в курсе всех событий его жизни. Так, он горячо поддержал его решение писать магистерскую диссертацию по истории русского масонства XVIII в., заметив, что эта тема близка и ему³⁷.

В отличие от писем других деятелей эсеровского направления, многие письма М.М. Карповича носили не столько деловой, сколько лирический характер, раскрывали его внутренний мир. Михаил Михайлович считал Георгия Владимира-вича близким себе человеком и доверял ему свои самые сокровенные душевные переживания. В письме от 27 июня 1911 г. он жаловался другу на рассеянность, на неумение серьезно сосредоточиться на чем-то одном, на отсутствие душевного спокойствия³⁸. Больше всего он страдал оттого, что молодость его проходит без любви. В июне 1913 г. Карпович писал Георгию, что увлечен одной девушкой, ничем особо не примечательной, встречался с ней редко, всегда в шумном месте. Его нежность оказалась ей не нужна, и, несмотря на это, встречи с ней были ему очень дороги. «Меня томит мысль, что молодость моя проходит без любви, без личного счастья, что тот запас нежности, который я ношу в себе, пропадает зря, никому на свете ненужный, — признавался другу Карпович. — Я чувствую себя созданным для идиллии личного счастья, все верится в чудо, все кажется, что судьба меня побалует. И так тянет меня к этому личному счастью, что, кажется, все бы отдал за него»³⁹.

Михаил делился с Георгием и художественными впечатлениями. Путешествуя летом 1912 г. по Германии, он посетил мюнхенскую Старую пинакотеку, где был покорен А. Дюрером и Д. Эль Греко, и гордился тем, что самостоятельно уловил

---

³⁴ См.: Там же. Л. 139, 143–143 об.

³⁵ Там же. Л. 112 об.–113.

³⁶ См.: Там же. Л. 113 об., 123 об., 124–124 об.

³⁷ См.: Там же. Л. 125.

³⁸ См.: Там же. Л. 30–30 об.

³⁹ Там же. Л. 98 об.–101 об.

в работах Эль Греко влияние Тинторетто. В дрезденской картинной галерее «Мадонна» Сандро Боттичелли тронула его гораздо больше, чем знаменитая «Сикстинская Мадонна» Рафаэля Санти. Карпович обратил внимание Вернадского на разницу между «старыми» и «новыми» французскими художниками, которая, по его мнению, заключалась в том, что у «старых» была глубокая вера в свое призвание, а также чувство смирения перед Богом. «Новые» художники не чувствовали за собой божественного «помазания» и имели «психологию самозванцев»⁴⁰. Из русских художников Михаил Михайлович ценил Валентина Серова (1865–1911), особенно любил его портреты⁴¹. Его любимыми писателями были Ч. Диккенс, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой и А.П. Чехов⁴². Карпович делился с другом впечатлениями о новой философско-публицистической литературе: «Я решительно за “Вехи”!.. Это книга для меня написанная, почти мной написанная». Этот сборник понравился ему тем, что он «услышал из авторитетных уст подтверждение тому, что прочувствовал сам»⁴³. Иногда Карпович давал развернутые оценки прочитанным книгам. Так, публиковавшийся в 1912–1914 гг. «Курс истории России XIX века» Александра Корнилова (1862–1925), члена ЦК Конституционно-демократической партии и друга В.И. и Г.В. Вернадских, показался ему «интересным» и «хорошо составленным». Но Карпович не согласился с утверждением Корнилова о том, что в XVIII–XIX вв. все творческие силы народных масс отходили к расколу и сектам: «Писать в истории духовной жизни народа только о расколе — не то же ли это самое, что в политической истории говорить только о революциях?»⁴⁴

В письмах Карповича присутствуют характеристики известных деятелей. Вот, например, мнение Михаила о востоковеде, непременном секретаре Академии наук академике Сергее Федоровиче Ольденбурге (1863–1934): «Столько он интересного рассказывает, столько в нем жизни, столько энергии! Диву даешься, когда только он успевает стольким интересоваться!» (письмо от 27 августа 1910 г.)⁴⁵. 27 марта 1912 г. Карпович присутствовал на проходившем в Петербургской городской думе вечере памяти А.И. Герцена, на котором выступали с докладами многие либеральные деятели⁴⁶. В письме Георгию Вернадскому от 2 апреля 1912 г. Михаил Михайлович ярко описывал ораторские качества выступавших на вечере лекторов: «Интересным по существу было только выступление Струве, но слушать его было довольно тягостно... Очень красивое вступительное слово произнес своим обычным скучающим и разочарованным тоном Нестор Котляревский. Бойко говорил Милюков, не преминувший в конце своей (в общем интересной) речи

---

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 46 об., 47 об., 48–48 об.

⁴¹ См.: Там же. Л. 95 об.

⁴² См.: Там же. Л. 19 об., 39, 73, 86, 114 об., 125.

⁴³ Там же. Л. 20–20 об.

⁴⁴ Там же. Л. 83–83 об.

⁴⁵ Там же. Л. 25 об.–26. Письмо от 27 августа 1910 г.

⁴⁶ См.: Амашер К. Юбилей Герцена 1912 года: чье наследство и кто наследники? // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков (1859–1943): Мат-лы междунар. науч. коллоквиума, Москва, 23–25 сентября 2009 г. / сост. М.Ю. Сорокина. М., 2010. С. 49.

зачислить Герцена в кадеты. Слушая его, глядя на его фигуру, на его жесты, я подумал, что это политический оратор английского или даже американского типа... Мне понравилась лекторская манера Александра Александровича <Корнилова>; очень простая и убедительная. Последним говорил Родичев, который, по-моему, был в ударе»⁴⁷.

В письмах к Вернадскому Карпович затрагивал и некоторые международные события. Во время Второй балканской войны он был на стороне Болгарии и весьма огорчился ее поражением и условиями Бухарестского мира. Ему было особенно обидно сознавать, что Россия оказалась бессильной повлиять на балканские события⁴⁸. Убийство в Сараево наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда (1863–1914), ставшее поводом для начала Первой мировой войны, вызвало в Карповиче сочувствие не к сербам, а к Габсбургам. Накануне «великого столкновения славян с немцами» он не чувствовал в себе славянского энтузиазма, потому что ощущал славянство раздробленным (письмо от 20 июля 1914 г.)⁴⁹.

Вспоминая о Карповиче на страницах «Нового журнала», А.Ф. Керенский отмечал, что в первый год войны он избежал призыва в армию как единственный сын в семье⁵⁰. В июле 1915 г. Михаил Михайлович писал Георгию Вернадскому о своем желании идти либо на военную службу, либо в отделы Земского и Городского союзов по военному снабжению. Но он хотел совмещать занятия там с основной работой в Историческом музее и сетовал на то, что «существующая у нас организация тыла не приспособлена к тому, чтобы использовать силы и время людей, могущих отдавать делу несколько послеобеденных часов ежедневно» (письмо от 12 июля 1915 г.)⁵¹.

В январе 1916 г. Карпович был мобилизован и прикомандирован к канцелярии военного министра, работал в Особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства⁵². В апреле 1917 г. он случайно встретился со старым другом семьи профессором Б.А. Бахметевым (1880–1951), назначенным Временным правительством новым послом в Вашингтон (США) и предложившим Михаилу Михайловичу стать его личным секретарем. В середине мая 1917 г. Бахметев и Карпович покинули Петроград и отправились в США⁵³, откуда уже не вернулись в Россию.

Документальные материалы московских архивов существенно дополняют наши знания о биографии М.М. Карповича, раскрывают его личность и внутренний мир. Как оказывается, роль Михаила Михайловича в российском революционном

---

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 84 об.–85.

⁴⁸ См.: Там же. Л. 14 об.–15, 101 об.

⁴⁹ Там же. Л. 122.

⁵⁰ См.: Керенский А.Ф. М.М. Карпович. С. 6.

⁵¹ ГА РФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 7.

⁵² См.: Mosely P.E. Professor Michael Karpovich // Russian Thought and Politics / ed. H. McLean, M.E. Malia, G. Fischer. Hague, 1957. (Harvard Slavic Studies; Vol. IV). P. 4.

⁵³ См.: Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты... С. 48.

онном движении не так мала, как это принято считать в историографии. Будучи в США главным редактором «Нового журнала», он уже опирался на солидный опыт, полученный им в доэмигрантский период при работе в журнале «Новый Колос». А его активные занятия филологией и славистикой в 1914–1915 гг. не прошли даром и пригодились ему как заведующему департаментом славянских языков и литературы Гарвардского университета. Несомненно, что научная и общественная деятельность, сама яркая личность М.М. Карповича заслуживают создания научной монографии на основе комплексного изучения документов российских и зарубежных архивов.

E.E. Седова

НЕЗАМЕЧЕННАЯ ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ:
ЕКАТЕРИНА АНТОНОВНА ШАМЬЕ (1888–1950)

Личность Екатерины Антоновны Шамье (Шамие, Chamié) представляет собой пока еще малоизвестную страницу в истории российской науки в эмиграции. Это имя нередко встречается на страницах мемуаров, в письмах представителей русской эмиграции первой волны, в хронике научной жизни Парижа 1920–1940-х гг., и его любое упоминание обычно сопровождается самыми громкими эпитетами — «блестящий ученый», «прекрасный педагог», «выдающийся деятель науки», «замечательная женщина» и т. д. Однако никаких достоверных сведений о ее жизни и деятельности до сих пор не опубликовано. До последнего времени имени Е.А. Шамье не было ни в российских справочниках и энциклопедиях по истории науки, ни в статьях и монографиях об истории российской педагогики в эмиграции¹. Между тем в западной литературе вклад Е.А. Шамье как известного физика и радиолога в развитие мировой науки давно общепризнан². Создан международный фонд ее имени — Bourse Catherine Chamié («Стипендия Екатерины Шамье»)³, поддерживающий талантливых ливанских студентов и молодых исследователей.

Однако биографические сведения об Е.А. Шамье даже в зарубежных источниках представлены крайне скучно. Это связано, прежде всего, с ее эмигрантской судьбой, а также с отсутствием личного архива и разрозненностью документов о научной и педагогической деятельности в архивах мира. Документы о научной деятельности Е. Шамье в 1920–1940-х гг. хранятся архиве Музея Кюри (фонд лаборатории М. Кюри Радиевого института в Париже)⁴, где находятся списки науч-

¹ Сведения о Е.А. Шамье недавно появились в: Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Биографический словарь: в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2010. Т. 3. С. 506; Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря. Вып. 2 [Пилотный]: Психологические науки: XIX — первая половина XX в. / авт.-сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. М., 2010. С. 106; То же. Вып. 6 [Пилотный]: Естественные науки: XIX — первая половина XX в. / авт.-сост. М.Ю. Сорокина. М., 2011. С. 331.

² Rayner-Canham M., Rayner-Canham G. A Devotion to Their Science: Pioneer Women of Radioactivity. Philadelphia, 1997; Gablot G. A Parisian Walk along the Landmarks of the Discovery of Radioactivity // Physics in Perspective. 2000. Vol. 2, № 1. P. 100–107; Sztejnbarg A., Hurek J. Działalność badawcza kobiet w Instytucie Curie we wczesnym okresie rozwoju nauki o promieniotwórczości // Historické aspekty v přípravě učitelů chemie / ed. M. Bílek. Praha, 2002. S. 340–344; Naaman A. Histoire des orientaux de France du 1er au XX-e siècle. P., 2003.

³ См.: URL: <http://www.bourse-chamie.org>.

⁴ Archives du Musée Curie. Fonds du laboratoire Curie. Service des mesures et étalons du radium. LC.SDM / Pièces 5871 à 5904.

ных работ за 1913–1948 гг., рекомендательные письма для приема в Радиевый институт: от факультета наук Женевского университета (1921), Комиссии по делам беженцев (1921), Русской академической группы (1921), доклады о результатах экспериментальной работы в Радиевом институте (1921–1950), научная переписка, а также воспоминания «Памяти Марии Кюри» (1935). Педагогическая работа Екатерины Шамье в Русской гимназии в Париже нашла отражение в архиве этого учебного заведения⁵. Здесь можно обнаружить учебные материалы по математике и физике, разработанные Шамье, доклады для педагогического совета гимназии, в которой она трудилась на протяжении тридцати лет.

Настоящий очерк представляет собой первую попытку реконструкции основных вех жизненного и творческого пути Екатерины Антоновны Шамье на родине и в эмиграции.

Она родилась 11 ноября (ст. ст.) 1888 г. в Одессе. Отец, Антуан (Антон Моисеевич) Шамье (Antun Châmyua; 1848–?), родился в Ливане и жил в Баальбеке. После известных событий 1860-х гг., когда в ходе религиозных столкновений было убито множество христиан в Южной Сирии и Южном Ливане, что повлекло первую массовую эмиграцию из Ливана, шестнадцатилетним подростком он приехал в 1864 г. в Россию, получил образование и женился на Елене Головиной (или Головкиной).

Обосновавшись в Одессе, Антон Моисеевич Шамье служил нотариусом и достиг чина титулярного советника, дававшего возможность получения личного дворянства. Кроме того, семья Шамье владела несколькими домами в Одессе, земельным наделом в Ананьевском уезде Херсонской губернии, а также мыловаренным производством и торговлей в Одессе, что обеспечило возможность дать прекрасное образование детям. У Екатерины было два брата — Николай (1887–1956) и Константин (1898–1934), а также сестра Татьяна (1903–1953)⁶. В апреле 1919 г. они эмигрировали вместе с овдовевшей к тому времени матерью во Францию, где сумели достичь значительных успехов в профессиональной деятельности.

---

⁵ ГА РФ. Ф. Р-10243. Оп. 7. Коллекция микрофильмов Свято-Троицкой духовной семинарии, Джорданвилль (США). Микрофильмы документов Русской средней школы в Париже; ОР РНБ. Ф. 1350 (семейный архив Дуровых).

⁶ Кроме того, в списке офицерских чинов русского императорского флота периода царствования императора Николая II встречается имя Александра Антоновича Шамье (1878–?), см.: Петербургский генеалогический портал. URL: <http://www.petergen.com/publ/omsn216.shtml> (дата обращения 6 ноября 2013 г.). Вероятно, о нем же пишет А. Новиков-Прибой в романе «Цусима»: «За вахтенного офицера был прaporщик морской службы Александр Антонович Шамье. Еще четырнадцатилетним мальчиком Шамье убежал из дома и поступил на коммерческие корабли. Скитания по морям и океанам ему понравились. Он решил кончить мореходные классы. Но после болезни тифом зрение его настолько притупилось, что на испытаниях в правительственной комиссии он не мог сделать отсчета по секстанту. Вместо желанного диплома ему удалось получить лишь свидетельство об окончании мореходных классов по программе штурмана дальнего плавания. Затем он два года отбывал воинскую повинность матросом в Черноморском флоте. В это время у него созрела мысль подготовиться к экзамену на аттестат зрелости и поступить в университет. Через несколько лет тяжелой жизни все преграды были преодолены, и желания его сбылись: он стал юристом. Из него выработался мужественный и решительный человек. Во время войны с Японией его снова призвали на службу и произвели в прaporщики» (Новиков-Прибой А.С. Цусима. М., 1985. С. 59). Дальнейшая судьба А.А. Шамье пока неизвестна.

Старший брат Екатерины, Николай Шамье (1887–1956), был известен как композитор и пианист⁷. Он начинал учиться музыке, а затем и преподавать ее еще в Одессе (в числе его наиболее известных учеников — выдающийся советский дирижер А.В. Гаук). В эмиграции Н.А. Шамье жил в Париже и с 1921 г. выступал на разнообразных вечерах и концертах Русского общества истории и искусства, Студенческого клуба Русского студенческого христианского движения, участвовал в тематических вечерах Тургеневского артистического общества и др. В 1928 г. Николай Шамье становится профессором Русской консерватории в Париже, читает лекции по истории музыки и преподает курсы сольфеджио и гармонии. Пройдя курс композиции в Schola Cantorum, он получил диплом композитора первой степени (1933). В числе написанных им произведений — опера «Ванделин» на сюжет Мирры Лохвицкой, четыре симфонические поэмы для оркестра, около сорока произведений для фортепиано, вокальные сочинения. Известный музыкoved и критик Л.Л. Сабанеев оценивал сочинения Н.А. Шамье как консервативные, т. е. продолжающие традиции дореволюционной музыкальной культуры России. Он считал также, что «ряд его фортепианных сочинений культивирует музыку, навеянную мыслями раннего Скрябина»⁸. В 1948 г. Николай Шамье становится вице-директором Русской консерватории в Париже. 25 июня 1954 г. здесь состоялись его чествование по случаю 25-летия преподавательской деятельности и концерт из произведений юбиляра⁹.

Другой брат Екатерины Антоновны — Константин (1898–1934), — окончив военное училище в России, участвовал в Гражданской войне на стороне Белого движения. Оказавшись, как и все Шамье, в Париже, он пытался торговать марками, открыл филателистический магазин, однако после провала своих коммерческих проектов в 1934 г. кончил жизнь самоубийством.

Е.А. Шамье. 1940-е (?). Фото из статьи:
Добровольская-Завадская Н.А.
К годовщине смерти Е.А. Шамье //
Возрождение (Париж). 1951. № 17. С. 131

⁷ См.: Корабельникова Л.З. Музыкальная культура русской эмиграции «первой волны» // Русское зарубежье: История и современность. М., 2011. Вып. 1. С. 156–178.

⁸ Сабанеев Л.Л. Воспоминания о России / сост. и предисл. Т. Масловской; comment. С. Грохотова. М., 2005. С. 230.

⁹ См.: Российское зарубежье во Франции. Т. 3. С. 507.

Младшая сестра Екатерины Антоновны, Татьяна (1903–1953), окончила в Париже балетную школу при Гранд-опера, а в 1921 г. по приглашению С.П. Дягилева поступила в труппу «Русского балета». С начала 1930-х гг. она выступала с труппой «Русского балета Монте-Карло», с которой затем уехала на гастроли в Нью-Йорк и более во Францию не возвращалась. В 1943 г. Т.А. Шамье открыла балетную студию в Нью-Йорке и выступала как хореограф — два ее балета («День рождения» и «Балерина») исполнены труппой «Русского балета Монте-Карло».

В отличие от сестры, Екатерина Шамье увлекалась естественными науками. Она окончила гимназию в Одессе (предположительно — Мариинскую) и в 1907 г. уехала для продолжения образования в Женевский университет (Швейцария), после окончания которого в 1913 г. начала исследовательскую деятельность, прерванную Первой мировой войной. В эти годы Екатерина, как множество образованных русских женщин, добровольно пошла служить сестрой милосердия, а в разгар Гражданской войны, в 1919 г., эмигрировала из Одессы — сначала в лагерь для беженцев в Швейцарии, где провела пять месяцев, а затем в Париж.

Натура деятельная и активная, в поисках работы Екатерина обратилась в 1921 г. к выдающемуся физику Марии Склодовской-Кюри (1867–1934), которая заведовала отделением фундаментальных исследований и медицинского применения радиоактивности Радиевого института. Интересно, что в лаборатории Кюри, основанной в 1904 г., имелось специальное помещение для работы женщин и на протяжении 1904–1934 гг. здесь проводили исследования 47 женщин-ученых, большинство из которых приехало из стран Восточной Европы¹⁰, в основном Польши и России. Мадам Кюри, немало удивленная смелой дерзостью русской эмигрантки (в престижную лабораторию дважды нобелевского лауреата поступить было очень нелегко) и еще более — положительными отзывами профессоров Женевского университета о Шамье, согласилась, и с тех пор Екатерина Шамье занимала место сотрудника лаборатории — сначала временного (без оплаты), а затем — постоянного штатного¹¹. В 1930 г. Мария Кюри вспоминала, что «Кэтрин» понравилась ей сразу — как образованный серьезный человек, все время посвящающий научной работе. Это первое впечатление в дальнейшем получило подтверждение в отличных результатах работы, и в дальнейшем М. Кюри использовала помочь Е. Шамье в самых различных вопросах, касающихся организации исследований в лаборатории. Так, например, Екатерина отвечала за классификацию коллекции минералов и участвовала в службе измерений Радиевого института¹². Историки науки отмечают, что только две женщины работали в лаборатории М. Кюри длительное время — ее дочь, также известный физик, Ирэн Жолио-Кюри (1897–1956) и Екатерина Шамье. После кончины М. Кюри в 1934 г. Шамье фактически стала правой рукой Ирэн, готовя всю лабораторию¹³.

---

¹⁰ Как известно, сама Мария Склодовская-Кюри была польского происхождения.

¹¹ См.: Rayner-Canham M., Rayner-Canham G. Women in Chemistry: Their Changing Roles From Alchemical Times to the Mid-Twentieth Century. Philadelphia, Penn., 2001. P. 111–112.

¹² См.: Ibid.

¹³ См.: Boudia S. An Inspiring Laboratory Director: Marie Curie and Women in Science // Chemistry International. 2011. Vol. 33, № 1. URL: http://www.iupac.org/publications/ci/2011/3301/3_boudia.html (дата обращения 6 ноября 2013 г.).

Аналогичную функцию незаменимого ассистента Е. Шамье выполняла и в работе с академиком В.И. Вернадским (1863–1945), приехавшим во Францию в научную командировку. «Сегодня утром не мог работать в Институте Кюри, т. к. заболела Шамье, которая мне помогает, — жаловался академик дочери в феврале 1924 г. — Там у меня начинают выясняться новые интересные результаты»¹⁴. Эти результаты появились в ходе исследования образцов свинца, выделенного из минерала кюрит, подаренного Радиевому институту владельцем одного из урановых рудников в Бельгийском Конго. Вернадский и Шамье обнаружили, что помимо известных элементов в его составе содержится какая-то примесь. Академик полагал, что речь идет — ни много ни мало — об открытии нового химического элемента. В феврале 1925 г. он сообщал своему ученику и коллеге академику А.Е. Ферсману: «Моя работа с Е.А. Шамье идет хорошо. Я надеюсь в ближайшие недели дать первую заметку в Парижскую академию, и одновременно мы пришлем заметку в нашу Академию. Открываются очень большие, мне кажется, новые горизонты; химический анализ ряда урановых минералов, в частности кюрита, представляется нам неверным. Мы работаем главным образом над материалом из Конго, но также из Бразилии, Корвалисса, Колорадо. <...> К сожалению, работа идет медленно и очень трудна»¹⁵. Но уже менее чем через месяц, 14 марта 1925 г., Вернадский констатировал: «Задача решена. Нашей волей мы с Екатериной Антоновной выделили паризий (Ps) в чистое соединение. Сейчас у меня дециграммы вещества и мы легко получим граммы. <...> Вчера, в первый раз имея дециграммы чистых соединений и уже зная о нем многое, я работал в новой духовной атмосфере: каждый миг все открывалось новое, никому неизвестное, и я так ясно это чувствовал и сознавал связь всего... Если бы дрогнула моя или Екатерины Антоновны воля — мы среди общего скепсиса и неудач и огромных трудностей — прошли бы мимо, как проходят все»¹⁶. Между тем вскоре оказалось, что спектр «новому» веществу не принадлежит, и история несостоявшегося открытия «паризия» и «азии» осталась уделом историко-научной литературы¹⁷.

Параллельно исследовательской работе, а известно более тридцати научных публикаций Е.А. Шамье на французском и русском языках, в том числе две книги по когнитивной психологии¹⁸, она вела активную научно-педагогическую и просветительскую деятельность — читала курс «История научных идей» на Высших педагогических курсах в Париже (1921–1922), курс физики в Русском высшем тех-

¹⁴ Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. The Rare Book and Manuscript Library. Columbia University (New York) (далее — BAR). G. Vernadsky Coll. B. 12.

¹⁵ Письма В.И. Вернадского А.Е. Ферсману / сост. Н.В. Филиппова. М., 1985. С. 118.

¹⁶ BAR. G. Vernadsky Coll. B. 12.

¹⁷ См.: Трифонов Д.Н., Харитонов А.Н. «Паризий» и «азий» Владимира Вернадского // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 1. С. 146–151; Юшкевич А.П., Янишина Ф.Т. В.И. Вернадский и учёные Франции // Вопросы истории естествознания и техники. 1991. № 2. С. 80–91; Сорокина М.Ю. Ученые и архивы: к истории «архивного наследия» В.И. Вернадского // Архив Академии наук — достояние национальной и мировой науки и культуры: Мат-лы международн. науч. конф. Москва, 10–14 ноября 2008 г. М., 2009. С. 391–413.

¹⁸ Principes nouveaux de psychologie; leur application à l'étude, des systèmes de connaissances et de la personnalité. Р., 1937; Psychologie du savoir; formation, structure et évolution du savoir scientifique. Р., 1950.

Преподаватели и учащиеся Русской гимназии в Париже. 1934.

ОР РНБ. Ф. 1350. Ед. хр. 111. Л. 1.1

В центре сидят, слева направо: директор гимназии Б.А. Дуров, основательница гимназии М.А. Маклакова, попечительница гимназии Л.П. Детердинг (княгиня Донская), законоучитель гимназии о. Николай Сахаров, княгиня М. Эристова. Левый балкон, слева: преподаватель пения Н.Н. Розов.

Правый балкон, справа налево: учительница подготовительной школы гимназии В.С. Яницкая, преподаватель французского языка и словесности Г.Л. Лозинский. Ниже, между ними: преподаватель ритмики и пения, организатор гимназических вечеров Т.В. Спасская

ническом институте (1949), а также выступала с докладами в русских эмигрантских организациях: «Радиоэлементы» (Общество русских химиков, 18 апреля 1926 г.), «Радиоактивные элементы» (Русская секция международной федерации университетских женщин, 14 мая 1929 г.), «О радиоактивности» (Научно-философское общество, 10 января 1933 г.) и др.¹⁹

Педагогическая деятельность в Русской гимназии в Париже — еще одна важнейшая ипостась жизни Е.А. Шамье в эмиграции. Она преподавала здесь с момента зарождения гимназии в виде курсов при российском посольстве (1919), имевших целью помочь получить аттестат зрелости тем, кто не успел этого сделать в охваченной революцией и Гражданской войной России. Инициатором курсов был преподаватель русского языка и литературы Сергей Георгиевич Попич (1879–1974). За сто франков за весь курс обучения желающие могли ежедневно с 4 до 7 часов вечера посещать занятия по Закону Божьему, русскому языку и сло-

¹⁹ См.: Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: Франция / под общ. ред. Л.А. Мнухина: т. 1–4. Париж; М., 1995–1997; Т. 1 (5) — 4 (8). 1940–1975. Париж; М., 1995–2002. Т. 1. С. 48, 250, 569; Т. 1 (5). С. 330, 369, 387, 393.

весности, истории, математике, физике, естествознанию, географии и латинскому языку. Занятия проходили на квартире бывшего посла Временного правительства в Париже В.А. Маклакова. В июне 1920 г. эти курсы окончили 20 учеников²⁰. Однако потребность в образовании для русских детей была столь велика, что возник вопрос о создании полноценного учебного заведения, которое, с одной стороны, давало бы национальное образование и воспитание, а с другой — готовило бы русских детей к поступлению во французские высшие учебные заведения. 26 сентября 1920 г. газета «Последние новости» поместила объявление о начале приема во все классы русской средней школы в Париже. Учредителями гимназии стали Б.А. Дуров, М.А. Маклакова, В.П. Недачин, С.Г. Попич, прот. Ник. Сахаров, В. Дюфур и К.Д. Старынкевич. Возникнув одной из первых в зарубежье, гимназия просуществовала до 1961 г.

Почти тридцать лет Е.А. Шамье преподавала в старших классах гимназии математику и физику, принимала участие во всех учебных и внеклассных мероприятиях, готовила годовые отчеты для педагогических советов, замещала директора гимназии Б.А. Дурова²¹. Ее влияние на парижских русских гимназистов выходило далеко за пределы урочного времени. Одна из учениц Шамье, Бьянка Чубар (Tchoubar; 1910–1990), известный химик-органик, признавалась, что именно Екатерина Антоновна вдохнула в нее призвание химика²². По воспоминаниям Е.Л. Миллер, с братом которой — известным филологом-романистом и переводчиком Григорием Леонидовичем Лозинским (1889–1942), Е. Шамье вместе работала в гимназии и была особенно дружна, она делала для своих подопечных все, что могла, в том числе отдавала часть своего небольшого жалованья на оплату завтраков наиболее нуждавшимся учащимся, обладая непререкаемым авторитетом среди молодежи: «Среди этой молодежи, особенно первого периода, были юноши из Добровольческой армии, не получившие настоящего образования, были бежавшие от большевиков и потерявшие след своих семей, вся обстановка их жизни была ненормальна, и Е.А. делала все, чтобы из них сделать настоящих людей. И вся эта молодежь, часто недисциплинированная, беспрекословно слушалась ее. Когда они начинали слишком шуметь, собирались сделать что-то, недозволенное правилами школы, стоило ей сказать лишь: “Дети, я прошу вас, не делайте этого ради меня”, как они беспрекословно повиновались, причем тут страх наказания не играл никакой роли, а только уважение и любовь»²³.

Профессор Надежда Алексеевна Добровольская-Завадская (1878–1954), также русская эмигрантка, работавшая в Институте Кюри, рассказывала, что первую половину дня Е.А. Шамье ежедневно посвящала гимназии. Ее роль в педагогическом совете была огромна: «Ее гуманность, справедливость, чуждый всякой предвзятости подход помогали находить в самых трудных вопросах надлежащее решение. Большая бессребреница, она часто терпеливо сносила отодвигание ее

---

²⁰ См.: Курсы для русского юношества в Париже // Грядущая Россия (Париж). 1920. № 2.

²¹ См.: ОР РНБ. Ф. 1350. Ед. хр. 106. Л. 1–15.

²² См.: Миллер Е.Л. Женщины русской эмиграции / публ. О.Р. Демидовой // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. СПб., 2008. С. 82.

²³ Там же.

личных интересов на второй план в моменты затруднительного материального положения гимназии. За тридцать лет педагогической деятельности Е.А. своим талантливым преподаванием и высокой чистотой своей личности способствовала духовному формированию многих поколений молодых людей. Кроме знаний, они получали от нее и правильные навыки мыслить, и русскую настроенность души»²⁴.

Свои воспоминания о Е.А. Шамье оставил и великий князь Владимир Кириллович (1917–1992), глава Российского Императорского дома в изгнании, которому она давала частные уроки в 1920-х гг. Он также отмечал ее «неутомимую энергию» и то, что главным смыслом существования для Е. Шамье было служение науке: «Рассказывали, что во время <Второй мировой> войны в оккупированном Париже она осталась в институте одна и продолжала работать. Когда гитлеровцы вошли в пустое здание института, они увидели в одной из лабораторий женщину, занятую своими опытами и не обращавшую на них никакого внимания. Они постыли, повернулись и ушли»²⁵.

Екатерина Антоновна Шамье скончалась тихо и незаметно 14 июля 1950 г. в Париже. Каталог некрологов «Незабытые могилы» не зафиксировал ни одного некролога, посвященного ей. Место ее захоронения также остается неизвестным, а вклад в российскую и мировую науку все еще ждет своих исследователей.

---

²⁴ Добровольская-Завадская Н.А. К годовщине смерти Е.А. Шамье // Возрождение (Париж). 1951. № 17. С. 131.

²⁵ Владимир Кириллович, великий князь; Леонида Георгиевна, великкая княгиня. Россия в нашем сердце. СПб., 1995. С. 22.

B.B. Вышкварцев
В.И. ВЕРНАДСКИЙ
И ЕГО СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ЛИЧНОСТЬ

Личность Владимира Ивановича Вернадского и его вклад в развитие естественно-научной и гуманитарной мысли продолжают выступать предметом оживленных дискуссий, проводимых современной русской ученой общественностью. В мировой науке имя В.И. Вернадского прочно связано с его фундаментальными изысканиями в области геологии, геохимии, биологии¹ и, что особенно известно — философским учением о ноосфере².

В Российской Федерации, обращаясь к творческому наследию ученого, современные исследователи-гуманитарии рассматривают фигуру В.И. Вернадского как педагога (педагога высшей школы; данной теме, по статистике Российской государственной библиотеки, на 2013 г. по педагогическим наукам посвящено 3640 диссертаций); как философа (на 2013 г. защищено 2020 диссертаций по философским наукам); как историка науки (на 2013 г. защищено 1317 диссертаций по историческим наукам и археологии); как культуролога (на 2013 г. защищено 574 диссертации по культурологии); как социолога (на 2013 г. защищено 485 диссертаций по социологическим наукам).

Кроме вышеобозначенного, авторским коллективом современных историков, политологов, экономистов подготовлен и представлен для общественного обсуждения проект учебника «История России»³. Так, в главе 18 (с. 72) учебника В.И. Вернадский указан одним из представителей «российской и зарубежной общественности»; в главе 19 (с. 71) — руководителем Комиссии по изучению естественных производительных сил России при Академии наук; в главе 21 (с. 77) — главой (наряду с К.Э. Циолковским) группы русских космистов. Вместе с этим в учебнике обозначены всего лишь две исторические даты, связанные с деятель-

¹ См. подробнее: Argüelles J. Vladimir I. Vernadsky. Essays on Geochemistry and The Biosphere. Santa Fe, New Mexico, 2007; Huggett R.J. Ecosphere, biosphere, or gaia? What to call the global ecosystem // Journal of Biogeography. 1999. Vol. 8. № 6; и др.

² См. подробнее: Allen J.P. Noospheric, the discipline of intelligence concerning the biosphere. Aix-en-Provence. 2000; Levitt G.S. Biogeochemistry — biosphere — noosphere. The Growth of the Theoretical System of Vladimir Ivanovich Vernadsky. Berlin, 2001; Oldfield J.D., Shaw D.J.B. V.I. Vernadsky and the noosphere concept: Russian understandings of society-nature interaction. URL: <http://eprints.gla.ac.uk/6820> (дата обращения 18 февраля 2013 г.).

³ История России: Учебник для учителя. URL: <http://rusrand.ru/dev/uchebnik-istorii> (дата обращения 19 февраля 2013 г.). Далее в тексте приводятся ссылки на страницы согласно поглавным нумерациям страниц в электронной публикации.

ностью В.И. Вернадского, — 1926 г. (выход труда «Биосфера» (глава 22, с. 104)) и 1939 г. (создание под руководством В.И. Вернадского комиссии по изотопам (глава 24, с. 120)). Вот такое скромное место претендует занять фигура В.И. Вернадского в современной учебной исторической литературе.

Либерализм В.И. Вернадского традиционно рассматривается через призму его общественно-политических идеалов и установок. Однако такие актуальные и злободневные темы, как индивидуум и социум, культурность, права, свободы и обязанности личности, соотношение этих категорий в условиях государственных преобразований на рубеже XIX–XX столетий — вот те немногие модели социальной динамики, о которых (в некоторой степени отрывочно) пытался донести свою мысль В.И. Вернадский, находящиеся за пределами современной исследовательской работы, «творческой сокровищницы», оставленной нам этим выдающимся ученым. Социокультурный концепт личности в изучении Владимира Ивановича не имеет структурной целостности, поэтому, по всей видимости, это и является одной из немаловажных причин «замалчивания» вопроса поиска и установления новой оригинальной научной парадигмы. Таковая, по нашему размышлению, выстраивается из смыслов личного мира, культурной среды и аксиом статики (равновесия и порядка) — иными словами — начал человеческого, нравственного и правового. При этом в качестве антитезиса можно привести суждение, что ни в научной, ни в философской, ни в теологической работе невозможно «охватить в логических формах выражений все бесконечное разнообразие природы или какой бы то ни было ее части, т. е. охватить реально Сущее. Мы не можем это сделать — в логических образах — даже в поэтическом творчестве. Поэтому вечное наше понятие не охватывает того реального изучаемого явления, для которого оно нами создано. При углублении в это понятие мы неизбежно сталкиваемся с несовершенством нашего логического аппарата, нашего слова, и на всяком шагу будем встречаться с противоречиями между ним и реальной действительностью»⁴. Попытку преодоления такой коллизии ученый находит в анализе не отдельно взятого живого элемента биосферы, а организма в целом и очищении его от различных сторонних «неживых» сегментов, что в конечном итоге способствует выявлению его «чистого свойства», «чистого качества». Названный процесс, аналогичный алгоритмам феноменологической редукции, выражаясь философской терминологией Э. Гуссерля, позволяет предположить «биологическое эпохи» — т. е. такое состояние живого элемента, в котором, исключая его внешние оценки, мнения и суждения о нем, можно выделить и сделать доступной сущность этого предмета. Следовательно, подставив в указанную формулу «биологического эпохи» значение «личности», мы получаем возможность акцентировать внимание на сущностных компонентах, определяющих ее истину. Впоследствии видный идеолог российского либерализма, философ и правовед Б.Н. Чичерин обосновал эту мысль следующим утверждением: «...в обществе устройство и деятельность целого определяются разумом и волею тех единиц, которые входят в его состав»⁵. В этом смысле В.И. Вернадский опередил как самого себя, так и многих отечественных

---

⁴ Вернадский В.И. Живое вещество. М., 1978. С. 181.

⁵ Чичерин Б.Н. Философия права. 2-е изд., испр. М., 2010. С. 25.

социологов и правоведов, изучавших феномен «личного» и «общественного» в их соотношении. И к пониманию разума как сущности личности ученый пришел посредством феноменологии, о чем он прямо и рассуждал в своей книге «Живое вещество», поэтому, на наш взгляд, не вполне закономерен тезис современного культуролога А. Н. Быстровой, утверждавшей, что разработка В. И. Вернадским учения о глобальном разуме (ноосфере) проводилась «в русле космизма»⁶.

Предтечей рационалистических взглядов В. И. Вернадского на личность выступали его отдельные концепты «научного интеллекта» или научной этики (учитывая, что, по собственному признанию, он придавал огромное значение этому вопросу)⁷. Задача личности человека — и в этом усматривается умеренно утилитарный подход В. И. Вернадского — состоит в доставлении наибольшей пользы окружающим. Наука приносит одновременно и удовольствие, и пользу, формирует такое внутреннее чувство личности человека, что ему, «можно бы было, казалось, остаться деятелем одной чистой науки»⁸. Этот процесс оказывает непосредственное влияние на расширение умственного кругозора личности. Вместе с тем ученый считал, что успешность процедуры его формирования зависит не только от прочтения книг, но и от познания и постижения зарубежных культур: «Только тогда, когда человек путешествовал по наиболее разнообразным странам, когда он видел не одну какую-нибудь местность, а самые разные — только тогда приобретается необходимый кругозор, глубина ума, знание...»⁹ Предназначение умственного кругозора личности — это представление о том, в каком положении она находится в государстве и какую роль она должна выполнять в обществе. В. И. Вернадский не давал прямого ответа на эти вопросы, однако высказал идею исторического, правового и естественно-научного просвещения народа путем создания широкой сети народных библиотек. Именно тогда велика степень разумного ниспровержения власти, что допускал ученый еще в 1884 г. в возрасте 21 года. По справедливому суждению современного российского философа И. И. Кального, пребывание в таком обществе формирует особый тип личности, которая преобразуется как биологический организм «в ипостась социального существа»¹⁰. В этой точке зрения мы считаем необходимым выделить общую популярность взглядов одного из выдающихся деятелей правоведения — П. И. Новгородцева, который понимал личность как бесконечность возможностей, безграничность перспектив, образ и путь осуществления абсолютного идеала¹¹. Поэтому в дальнейших источниках В. И. Вернадского — его письмах и записках — мы обнаруживаем иные трактовки сознания (разума) личности как ее сущности.

В письме из Мюнхена, адресованном одному из сокурсников по Петербургскому университету, юристу-государствоведу В. В. Водовозову от 22 октября

---

⁶ Быстрова А. Н. Мир культуры (основы культурологии). Новосибирск, 2002. С. 576.

⁷ См.: Мочалов И. И. Историческая анкета В. И. Вернадского // Природа. 1967. № 9. С. 97.

⁸ Из дневников В. И. Вернадского / под ред. И. И. Мочалова // Там же. № 10. С. 101.

⁹ Там же. С. 102.

¹⁰ Кальной И. И. В. И. Вернадский и его ноосферное мышление // Credo New. 2008. № 3. С. 4.

¹¹ См.: Новгородцев П. И. Об общественном идеале. 3-е изд. М., 1991. С. 120.

1888 г., ученый размышлял о так называемой «свободе воли» или «свободном действии личности»¹². В.И. Вернадский считал необходимой максимально полную самореализацию нравственного потенциала личности, отрицая превалирующую роль масс в созидании истории. Тем не менее ученый, по всей видимости, смирился с догматикой невозможности отрыва «индивидуального» от «коллективного»¹³, поэтому «сознание» и «разум» личности он провел через модус свободы, пытаясь придать ей форму независимости от положительного эффекта массовости. К чему способно привести такое противостояние «объективного» (массовость) и «субъективного» (личность) — В.И. Вернадский не объяснил. Однако в критику и поддержку позиции мыслителя выдвигаются два тезиса не менее маститых ученых — ранее упомянутого нами П.И. Новгородцева и представителя социологопозитivistской школы права Н.М. Коркунова. Так, в первом тезисе утверждается, что «абсолютный индивидуализм, мечтающий основать нравственную жизнь на полной независимости самодовлеющей личности, кончается абсолютным индифферентизмом: пытаясь в себе самом найти полное удовлетворение, объявляя, что ему ни до чего нет дела в мире, что все хорошо и так, человек должен почувствовать себя в результате не только освобожденным от всех связей, но и внутренне опустошенным и ко всему безразличным»¹⁴. Второй тезис содержит суждение о том, что «каждая отдельная личность не является продуктом исключительно данного общественного союза, а продуктом совместного воздействия нескольких разнородных союзов и, так как разные личности принадлежат различным союзам, то этим обусловливается большое разнообразие индивидуальных особенностей в населении современных государств»¹⁵. В.И. Вернадский, как нам думается, придерживался второго подхода, говоря о сознательной (рациональной) работе как отдельных личностей, так и «массы мелких человеческих единиц»¹⁶. Эти единицы, пребывая в состоянии борьбы за общественное благо, имплементируют сознательные силы для создания общего закона. Как показывают дальнейшие рассуждения ученого, под общим законом подразумевается реализация человеком права на свободу мысли и мнений. «Мы поставлены в тяжелое положение, — пишет ученый, — у нас завязан рот, заткнуты уши, мы не имеем почти возможности влиять на поступки того государства, гражданами которого являемся, не можем исповедовать веры, какая нам дорога, и проч. и проч.»¹⁷ Борьба личности за идеалы свободы — это тенденция к построению «общества maximum'a» — целостной социальной структуры, состоящей из лучших лю-

¹² Вернадский В.И. Письмо В.В. Водовозову (О роли народных масс) // Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 400.

¹³ «...Я не чувствую желания сбросить эти оковы — мне даже кажется, что это массовое познание является остовом всего моего ума и что я могу только добиваться чего-нибудь, когда исхожу и опираюсь на это массами познанное» (Там же. С. 398–399).

¹⁴ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. С. 109.

¹⁵ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права: [в 4 кн.]. М., 1914. Кн. 3. С. 10.

¹⁶ Вернадский В.И. Из записок: (О роли личности в истории) // Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. С. 402.

¹⁷ Там же. С. 405.

дей. Данная мысль, прежде всего, позволяет указать на рецепцию идей борьбы Р. фон Иеринга (о чём сам В.И. Вернадский, возможно, и не подозревал), и, что особенно важно, определение новой общественно-политической системы — «меритократии», смысл которой лишь в 1958 г. был раскрыт английским социологом М. Янгом в его утопическом произведении «Возышение меритократии (1870–2033)»¹⁸. Возможно предположить, что В.И. Вернадский одним из первых среди представителей естественно-научной школы предвосхитил открытие этого нового социологического и философского направления.

Наряду с вышеизложенным свободы изложения мысли и мнений коррелирует праву личности самостоятельно постигать сложные явления в жизни, их толковать и пропагандировать в обществе. Следовательно, можно сделать промежуточный вывод, что сознание (сознательная деятельность личности, разум) в представлениях В.И. Вернадского служило не источником перманентного накопления внутри личности, а «само-для-себя» играло роль средства социального распространения и дальнейшего анализа, синтеза, выделения определенных функциональных частей той или иной области знания (научного знания).

Проецируя это свойство динамики «разумного» в личности на систему самоорганизации общества (например, община, государство), ученый выдвинул следующую гипотезу: «...или такое государство достаточно сильно и может направить данную силу дурно, т. е. противно людскому благу и интересам прогресса; или оно не может победить прочих государств и должно медленно или быстро разрушаться, или в нем достаточно людей с сильной волей и ясным сознанием, и эти люди могут изменить ненормальные условия жизни»¹⁹. Через 18 лет, 19 марта 1906 г. (немного более чем за месяц до принятия Свода основных государственных законов Российской империи) В.И. Вернадский опубликовал социологическую работу «Три решения»²⁰, в которой де-факто трансформировал триаду рационалистических идей социума (совокупности личностей) и интерпретировал их в политологическом контексте²¹. В своем исследовании автор затронул ключевые вопросы, над которыми билось большинство отечественных ученых в преддверии провозглашения конституционализма в Российской империи, — какова роль и место активной личности с развивающимся чувством гражданственности, как найти выход из кризиса, что делать для этого отдельной личности и т. п. Удивительным образом В.И. Вернадский, поставив на повестку дня вопрос о преодолении кризиса, опередил П.И. Новгородцева, который спустя полгода на страницах журнала «Вопросы философии и психологии» разместил содержательный и глубокий по смыслу научный труд «Кризис современного правосознания». С определенной долей уверенности можно полагать, что В.И. Вернадский (учитывая совместную с П.И. Новгородцевым деятельность в Конституционно-демократической партии) был ознакомлен с данным научным изыском.

---

¹⁸ Янг М. Возышение меритократии (1870–2033) // Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С. 316–345.

¹⁹ Вернадский В.И. Из записок... С. 404.

²⁰ Вернадский В.И. Три решения. Мысли из жизни // Полярная звезда. 1906. № 14. С. 163–173.

²¹ См.: Там же. С. 173.

Таким образом, В.И. Вернадский долгое время находился в поисках социо-культурных предпочтений — «коллективная индивидуальность» или «индивидуальная коллективность». Феноменология *ratio* осуществила переход к кумулятивности сознания — насыщению его «воздухом науки», чтобы в дальнейшем силами пропаганды и просвещения бороться за обладание каждым «общим законом». Иными словами, произошел теоретический поворот от рационализма к прагматизму в сущности личности. По высказыванию Н.М. Коркунова, плодотворная деятельность личности как творческой единицы возможна только «согласно условиям исторически выработавшейся культуры»²².

Культура — очередной виток эволюции сознания личности, концептуальный принцип социальной динамики, обозначенный В.И. Вернадским. Одна из первых попыток актуализации ученым концепта «культуры», а вернее сказать, «культурности» обнаружена в упомянутом нами письме В.В. Водовозову, где она (культурность) ставится в один ряд с образованностью. Обозначив эту мысль, В.И. Вернадский посвятил оставшуюся часть письма иным волнующим его вопросам и в завершение подчеркнул: «О культурности также не докончил и даже не начал — а все неуменье спрятаться с мыслями и упорядочивать их»²³.

Говоря о концепте «культура», важно подчеркнуть, что широкое обсуждение он получил среди зарубежных экономистов и политологов конца XIX в. — Ричмонда Мэйо-Смита (Mayo-Smith), Эдвина Селигмана (Seligman), Вернера Зомбартта (Sombart) и др. на страницах лейпцигского сборника «Die Handelspolitik der wichtigeren Kulturstaaten in den letzten Jahrzehnten» («Торговая политика важнейших культурных государств в последние десятилетия»)²⁴ (1892). В Российской империи вопросам культурного государства, которое, по словам Г.Ф. Шершеневича, приходит на смену правовому государству²⁵, уделялось внимание в трудах А.К. Дживелегова, Б.А. Кистяковского, П.П. Пусторослева, Л.М. Родионова, А.Я. Ященко. В целом общий вектор воззрений этих ученых был направлен на вопросы реализации социальных прав граждан и их самоорганизацию в общественно-политические формы, которые рассматривались в диалектическом соотношении с государством. «Культурный человек и государство — это два понятия, взаимно дополняющие друг друга. Поэтому культурный человек даже немыслим без государства»²⁶. В.И. Вернадский размышлял о культуре в отвлечении от госу-

---

²² Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Кн. 4. С. 1.

²³ Вернадский В.И. Письмо В.В. Водовозову. С. 401.

²⁴ См. об этом: Вышкварцев В.В. К вопросу о культурном правовом государстве в теории русских ученых начала XX века // Проблемы взаимодействия личности и власти в условиях построения правового государства. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф.: 31 мая 2010 г.: в 2 ч. Курск, 2010. Ч. 2. С. 16. См. труды того же автора: Культурное государство: новая президентская идея развития современной России // Россия XXI век: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Владивосток, 2010. Ч. 1. С. 126–130; Правовое культурное государство в учении А.А. Никитского (Г. Новоторжского): современный аспект // Мат-лы VI междунар. межвузовск. науч. конф. «Россия и современный мир: проблемы политического развития». М., 2010. С. 31–32; Культурное государство и гражданский аппарат: к концепции *homo meritus* // Право и образование. 2010. № 12. С. 88–98.

²⁵ См.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1911. С 248.

²⁶ Кистяковский Б.А. Социальные науки и право: Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. С. 553.

дарства и его институтов, вновь обращаясь к идеологеме науки и общественного просвещения.

В одной из своих рукописей «Прогресс науки и народные массы» (1903) учёный обозначил для осмыслиения культурное состояние личности в силу различия степени образованности людей. Влияние на сознание личности происходит посредством формирования новых «наук», среди которых назван социализм как представление о «правильном» общественном устройстве, а также новые формы религиозного сознания. В.И. Вернадский писал, что даже в области искусства — далёкой сфере сознания человечества — проявляется обширное влияние научного миропонимания в силу коренных преобразований в технике. Наука как основа создания личности и человечества — это один из ключевых моментов в развитии «культурных» взглядов ученого. В.И. Вернадский снова акцентирует внимание на необходимости самостоятельного «сложения науки» из общественной среды «в окружающей и чеканящей его природе и обстановке»²⁷. В этом он повторяет научные контуры социологической школы права С.А. Муромцева, согласно которой право — продукт общественной жизни.

Для ученого особенный авторитет приобрела «умственная культура», которая составила отдельный компонент масштабного философского и правового учения о достойном человеческом существовании благодаря таким именам, как В.С. Соловьев, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский. В работе «1911 год в истории русской умственной культуры» В.И. Вернадский критикует университетскую реформу 1884 г., акцентируя, что именно «научная работа развивает чувство личности и личного достоинства. Она вырабатывает свободного человека, стоящего в среднем гораздо выше того уровня, который может от души подчиняться министерству»²⁸. Речь шла о Министерстве народного просвещения, которое, по мнению ученого, обязано служить интересам национальной культурной работы.

Следовательно, влияние науки как образовательного механизма на личность характеризуется как «личностная культурная политика»²⁹. Ученый обратил особое внимание на этот процесс после политических событий в России, связанных с установлением советской власти. Вера в свободу личности, и в частности религиозную свободу, сформировала отрицательное отношение В.И. Вернадского к старой русской интеллигенции, не ценившей эти блага, не связанной производительными силами, не желавшей постигать новое на уровне научного знания. Это утверждение прозвучало из уст ученого во время доклада на съезде Таврической научной ассоциации 9 ноября 1920 г. Выдвинув лозунг «новая интеллигенция в новой России», В.И. Вернадский не предлагает взамен старой новых лиц с новым творческим потенциалом и мироощущением или высоконравственных талантливых меритократов. Будучи в период с 1922 по 1925 г. в научной командировке во Франции, В.И. Вернадский в своем очередном письме к сыну вынужден был признаться, что одной из причин неудачи Белого движе-

---

²⁷ Вернадский В.И. Черты мировоззрения князя С.Н. Трубецкого // Русская мысль. 1908. № 4. С. 82.

²⁸ Он же В.И. 1911 год в истории русской умственной культуры. СПб., 1912. С. 8.

²⁹ Маршак А.Л., Ижикова Н.В. Личность как субъект культурной политики в современной России // Общество и право. 2009. № 5. С. 49.

ния «явились укрепление советской власти и культурное разорение России»³⁰. В дальнейшем (в письме от 2 ноября 1941 г.) ученый вновь подтверждает сказанное: «Крупные неудачи нашей власти — результат ослабления ее культурности. Средний уровень коммунистов — и морально, и интеллектуально — ниже среднего уровня беспартийных»³¹. Поэтому, не сумев сформулировать теоретическую модель построения культуры личности в новых политических условиях страны, В.И. Вернадский уходит в сферу геологии и с данной научной позиции высказывает концепцию «культурного человечества». Она связана с природными процессами на протяжении всей истории человечества. Принцип историзма в геологии подразумевал смену различных этапов (разрушение горных пород, движение земной коры), их взаимозаменяемость, сравнимость и возможность прогнозирования стагнации или направлений развития. Законы культурного роста человечества напрямую связаны с целенаправленностью или девиацией сознания личности. По словам В.И. Вернадского, «исторически длительные, печальные и тяжелые явления, разлагающие жизнь, приводящие людей к самоистреблению, к обнищанию, неизбежно будут преодолены»³². В этом мы видим постановку вопроса о преодолении нигилизма в широте его толкования — политического, правового, культурного, религиозного. Объединяя отдельные личности в «культурное человечество» и мечтая о ноосфере, мыслитель называет главной движущей силой такого союза культурную биохимическую энергию (или энергию человеческой культуры), подчиняющуюся законам термодинамики, имеющую информационный аспект, связанный с социальным опытом и творчеством³³. В связи с этим точка зрения В.И. Вернадского, как это указывается в современной литературе, в некоторой мере совпадала с кантовским восприятием человеческой цивилизации не просто как «культуры умения», а в качестве гражданского общества, «в котором утвердилась бы «культура воспитания», а государства объединились бы в единое всемирно-гражданское целое на основе законосообразности и свободы»³⁴. Следовательно, объединение сознательных и культурных личностей образует новую систему социального порядка и регулирования общественных отношений посредством установления прав, свобод и обязанностей личности. И в этом заложена еще одна грань, подчеркивающая уникальность гуманитарных взглядов В.И. Вернадского. Анализ его трудов позволяет установить гуманистическую направленность идеалов, лежащую в основе правового статуса личности — прав, свобод и обязанностей. В ряде прав и свобод личности ученый видел необходимость обеспечения возможности из-

³⁰ В.И. Вернадский — Г.В. Вернадскому. 24 июня 1924. Цит. по: «За СССР выявляется лик исстрадавшейся России»: Письма В.И. Вернадского детям / публ. М.Ю. Сорокиной // Природа. 2004. № 1. С. 74. URL: <http://arran.ru/?q=ru/vernad3> (дата обращения 25 февраля 2013 г.).

³¹ Вернадский В.И. Пережитое и передуманное. М., 2007. С. 65.

³² Он же. Биогеохимические очерки. 1923–1932. М.; Л., 1940. С. 40.

³³ См.: Таланов В.М. Линия В.И. Вернадского в истории образования и культуры // Ноосфера і цивілізація. 2011. Вип. 10/11 (12). С. 7.

³⁴ Шубин В.И. Кант и Вернадский. URL: http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/Shubin_V.I._Kant_i_Vernadsky_1999.html (дата обращения 26 декабря 2012 г.).

ложения своих мыслей и мнений, веротерпимости, свободы реализации знаний и умений.

В одном из дневников В.И. Вернадского содержится запись, сделанная 15 июня 1884 г., в которой он высказал требования к самостоятельности личности. В первую очередь говорилось о выработке характера: «Преимущественно следует: откровенность, не боязнь высказывать и защищать свое мнение, отброс ложного стыда, не боязнь доводить до конца свои воззрения, самостоятельность»³⁵. Современный историк С.М. Никитенко справедливо подчеркивает, что в упрек русскому обществу В.И. Вернадский ставил апатию, холопство, нежелание вести общественную деятельность в стране³⁶. Действительно, в августе 1892 г. ученый писал об отсутствии талантов, которые могли бы вести всех мыслящих и сомневающихся к одной великой и беспощадной борьбе со злом, мраком и несчастьем, которые были бы способны растолковать и объяснить пагубное течение русской жизни³⁷. В этом, пожалуй, кроется проблема нравственного и политического кризиса, о чём мы рассуждали выше, и выход из которого пытался найти В.И. Вернадский, апеллируя к самой личности. В этом случае можно предположить, что движение разума человека в сферу «культурности» проходит через психологические контуры «притязания». В духе естественно-психологической концепции ученый рассуждал об обязанности требовать от себя самих и от своих единомышленников исполнения норм нравственных прав. По рационалистической модели Б.Н. Чичерина, индивидуумы соблюдают требования законов не потому, что они являются таковыми, а потому, что сами индивидуумы желают такого соблюдения. Тем не менее данные априорные идеалы есть не что иное, как мечтания, и В.И. Вернадский это осознавал, считая, что «жизнь требует действий, а не мечтаний»³⁸.

Именно поэтому итогом разумных действий личности В.И. Вернадский видел подвижную патриотическую организацию граждан. Обязанность личностей состояла в их взаимном аккумулировании в политическую партию, в которой надлежит работать. В газете «Речь» от 3 мая 1917 г. ученый в очередной раз обращает внимание общественности на актуальность объединения граждан в политические структуры. «Надо поступиться удобствами жизни, — писал автор, — заставить себя принять решение. Надо единичными усилиями достигнуть коллективного решения, превратить толпу взбунтовавшихся испуганных рабов в организованное общество свободных граждан»³⁹. Таким образом, В.И. Вернадский был активным сторонником поступательного создания в России гражданского общества. Для ученого-«естественника» это является колоссальным достижением, поскольку в дореволюционной России исследование феномена гражданского общества на научном теоретическом уровне не велось,

---

³⁵ Из дневников В.И. Вернадского. С. 105.

³⁶ См.: Никитенко С.М. Научная и общественно-политическая деятельность В.И. Вернадского в период революционной эпохи 1905–1917 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 24.

³⁷ См.: Вернадский В.И. Из записок. С. 404.

³⁸ Он же. Три решения. С. 170.

³⁹ Он же. Обязанность каждого // Речь. 1917. 3 мая.

за исключением Б.Н. Чичерина, который затронул эти вопросы в работе «Философия права» (1900).

Гражданское общество В.И. Вернадского — это не гегелевское понимание промежуточного этапа между семьей и государством, это не родоплеменные, сословные и общегражданские союзы (юридические лица), что утверждал Б.Н. Чичерин⁴⁰. Ученый убедительно доказал, что гражданское общество прежде всего выступает политическим обществом, состоящим из отдельных нравственных, культурных, образованных личностей, задача которых — созидание, распространение и сохранение знаний во имя идеалов свободы. Это не «общество массовости и хаоса», это — упорядоченная и социально структурированная сфера самореализации разумных личностей. Следует привести слова известного общественного деятеля Российской империи, в молодости народовольца, а впоследствии сторонника монархии Л.А. Тихомирова: «Будучи основано на действительных законах политической и социальной природы, гражданское общество, искусно реформируемое, может дать людям все, что только возможно по законам природы»⁴¹. Уместно ли в связи с этим утверждать, что гражданское общество по В.И. Вернадскому (социосфера) — это часть будущей ноосферы? Социальная (межличностная) рефлексия — основа функций гражданского общества. Ученый представлял такую структуру саморегулируемой, самостоятельной — независимой от государственной воли. Именно поэтому мыслитель особенно критиковал начала «полицейского государства», где, по верному замечанию М.А. Рейснера, оно «думает за человека, решает, что для него благо, а что нет, что полезно, а что вредно, именно поэтому он подчиняется государству, потому что чувствует свою слабость»⁴².

Таким образом, социокультурные взгляды В.И. Вернадского на личность имели следующие характеристики:

- «чистое свойство» личности — ее разум (разумность), рациональная направленность сознания;
- научный интеллект — свойство, приносящее пользу как самой личности, так и окружающим;
- личность — это индивидуальная сознательная компонента социума;
- «умственная культурная политика» — последовательная деятельность личностей, связанная с накоплением, развитием и пропагандой научных знаний, направленных на преодоление социального кризиса — политического, культурного, религиозного, правового нигилизма;
- «гражданское общество» (политическое общество) — упорядоченная и социально структурированная сфера самореализации разумных личностей;
- динамика сознания личности направлена на достижение и поддержание «общего закона» — совокупности прав, свобод и обязанностей человека;
- концептуальность учения В.И. Вернадского: «от личности как “живого вещества” через меритократию и гражданское общество — к ноосфере».

---

⁴⁰ См.: Чичерин Б.Н. Философия права. С. 286.

⁴¹ Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997. С. 295.

⁴² Рейснер М.А. Общественное благо и абсолютное государство // Государство и верующая личность: Сб. ст. СПб., 1905. С. 361.

В современной литературе, в которой можно ознакомиться с новыми результатами изучения научного наследия В.И. Вернадского, показано, насколько многогранна, а главное — востребована исследовательская стезя ученого. По рассказыванию А. Сухотина, «многих поражало умение выдающегося советского ученого В. Вернадского ставить научную задачу широко, масштабно. Его ученик, академик А. Виноградов, подчеркивал, что за этим стоит как раз философская культура В. Вернадского. Он обладал талантом заставить “работать” такое большое количество фактов и так, казалось, далеко отстоящих друг от друга, что это скорее напоминало стиль философа, нежели естествоиспытателя»⁴³.

Для современных в России естественно-научного и гуманитарного направлений В.И. Вернадский как социолог и культуролог выступает поистине феноменальной фигурой. Изучение социокультурных аспектов личности — это своего рода социальный заказ на перспективу. Научные взгляды В.И. Вернадского на единичный субъект и его нравственную оболочку и проблема связи его учений в одну логическую цепь могут позволить найти один из способов решения великого множества масштабных задач, от искоренения различных видов человеческого нигилизма до построения глобального либерального общества и культурного (культурного правового) государства. Нужно лишь скрупулезно и детально разобрать и расставить все необходимые элементы научной сокровищницы, оставленной нам В.И. Вернадским.

---

⁴³ Сухотин А. Парадоксы науки. М., 1978. С. 93.

O.E. Конкка
В.И. ВЕРНАДСКИЙ
В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ

Имя В.И. Вернадского, произнесенное школьным учителем истории или увиденное на страницах учебника истории, может стать для многих российских школьников первой возможностью познакомиться с этим выдающимся человеком. Смеем надеяться, что те, кто продолжат свое обучение в вузах, смогут узнать гораздо больше о жизни и трудах знаменитого академика. Но что школьники узнают о Вернадском из уроков истории? Какой образ ученого предлагают им авторы учебников, какие акценты они расставляют? На примере некоторых учебников 2000–2012 гг. для 9–11-го классов (курсы «История России» и «Всеобщая история», XX — начало XXI в.) мы покажем, упоминают ли учебники имя Вернадского и какие именно сведения они сообщают о нем.

Для начала обратимся к группе учебников, которые представляют личность Вернадского с нескольких сторон. Этот подход характерен для некоторых учебников, появившихся в конце 1990-х — начале 2000-х гг. Как правило, они содержат критическую оценку советского периода, а также отличаются повышенным интересом к дореволюционной России начала XX в. Авторы уделяют особое внимание развитию промышленности и предпринимательства, различным идеяным и духовным течениям этого периода, деятельности российской интеллигенции. В качестве абсолютных ценностей представлены такие понятия, как демократия или конституция. Подробно рассматривается опыт российского парламентаризма начала века: Государственная дума 1–4-го созывов и присутствовавшие в ней партии. На страницах таких учебников В.И. Вернадский предстает в первую очередь как представитель российской интеллигенции, участвующий в политической жизни страны: член партии кадетов и Государственного совета, и лишь затем, в разделе, посвященном науке и культуре (или дореволюционного периода, или 1920–30-х гг.), повествуется о его научной мысли, трудах и заслугах.

Примером такого подхода может служить учебник «Россия в XX веке» А.А. Левандовского и Ю.А. Щетинова для 10–11-го классов общеобразовательных учреждений (этот параграф из издания 1997 г. присутствует в неизменном виде в издании 2002 г.): «Другим источником либерализма, помимо земцев-помещиков, являлась интеллигенция. Эта среда, в отличие от земской, была весьма неоднородной в социальном, имущественном и, соответственно, идеальном отношении. Среди интеллигентской верхушки — университетской профессуры, известных юристов и др. — большой популярностью пользовались конституционные на-

строения. Конституционалисты — П.Н. Милюков, В.И. Вернадский, А.А. Корнилов и др. — поддерживали тесные связи с земскими лидерами¹.

Таким образом, Вернадский на страницах этого учебника упомянут в первую очередь как представитель «интеллигентской верхушки» и конституционалист. Лишь позднее, в главе, посвященной российской науке конца XIX — начала XX в., Вернадский представлен как основатель новых направлений науки: биохимии, биогеохимии и радиогеологии. В третий раз имя Вернадского в данном учебнике приводится в контексте культурной революции начала 1920-х гг. Автор повествует о попытках нового большевистского правительства «вовлечь старую интеллигенцию в активную трудовую деятельность», обеспечив им «сносные» условия существования. В числе таких специалистов, наряду с Н.Д. Зелинским, Н.И. Вавиловым, П.Л. Капицей, упомянут и В.И. Вернадский².

Другой учебник для 11-го класса, «История России. XX век» В.П. Островского и А.И. Уткина (первое издание, по нашим сведениям, состоялось в 1995 г.), говорит о Вернадском в первую очередь как об академике и члене Государственного совета: «Российская академия наук представляла собой уважаемое в стране научное сообщество. Ее члены в обязательном порядке избирались в Государственный совет. Так, одним из авторитетнейших членов Государственного совета являлся великий ученый В.И. Вернадский³. Далее имя Вернадского упоминается в этом учебнике в числе ученых постреволюционной эпохи, которым советская власть позволила продолжать их исследования⁴.

В учебнике «Отечественная история. XX век» для 10–11-го классов И.И. Долуцкого, который до 2003 г. был рекомендован Министерством образования Российской Федерации, Вернадский появляется в первую очередь как преподаватель Московского университета, который не мог остаться равнодушным к событиям, происходившим в стране: «Правительство запретило студенческие сходки, ограничило автономию университетов, ввело полицию на их территорию. В знак протеста ректор Московского университета подал в отставку. Его поддержали еще 130 преподавателей (В.И. Вернадский, К.А. Тимирязев и др.). Ректора и Вернадского вывели из Государственного совета⁵. Лишь на последних страницах первого тома учебника упоминается о научных заслугах ученого.

Что касается учебников, издающихся и сегодня, то об интересе В.И. Вернадского к политике упоминается в учебнике для 11-го класса под редакцией Н.В. Загладина «История России. XX — начало XXI века». Эта книга является по-

---

¹ Левандовский А.А., Щетинов Ю.А. Россия в XX веке: Учебник для 10–11 классов общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 1997 (номер страницы не упомянут, так как нам удалось найти это издание исключительно в электронном формате; см., например, здесь: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-10732.html>).

² Там же.

³ Островский В.П. История России. XX век. 11 класс: Учебник для общеобразовательных учебных заведений. 7-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2002. С. 99–100.

⁴ Там же. С. 84.

⁵ Долуцкий И.И. Отечественная история. XX век: Учебник для 10–11 классов общеобразовательных учреждений: в 2 ч. М.: Мнемозина, 2001. Ч. 1. С. 86.

бедителем конкурса по созданию учебников по новейшей отечественной истории для общеобразовательных учреждений Российской Федерации, организованного в 2002 г. Учебник выдержал множество изданий, имеет большие тиражи и используется во многих учебных заведениях страны. В.И. Вернадский фигурирует здесь в первую очередь как один из «лидеров кадетов» — партии, руководство которой «отражало ее социальный состав. В него входили ученые, адвокаты, общественные деятели и чиновники, крупные землевладельцы и предприниматели»⁶. Лишь позднее о Вернадском написано как об ученом, прославившемся «созданием комплекса наук о Земле. Он разработал целостное учение о биосфере и эволюции биосферы в ноосфера, в которой человеческий разум и деятельность людей становятся определяющим фактором в развитии человечества»⁷. В учебнике этих же авторов для 9-го класса Вернадский также охарактеризован как «мыслитель и общественный деятель», а статья о его научной мысли сопровождается портретом ученого⁸.

Другой учебник Н.В. Загладина для 11-го класса, написанный в соавторстве с Н.А. Симонией, «История России и мира в XX — начале XXI века» излагает отечественную историю в контексте общемировой. И хотя по этой причине он уделяет меньше страниц непосредственно российской и советской истории, обширный параграф учебника посвящен отечественной мысли начала XX в., в частности философии космизма. В рамках этого течения упомянуты такие ученые, как Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский и В.И. Вернадский, по мнению которого, «деятельность человечества приобрела планетарные масштабы»⁹. Параграф сопровождается информацией о критическом отношении философа и мыслителя Н.А. Бердяева к взглядам этих ученых.

Еще один учебник, издающийся и по сей день и отличающийся многообразием подходов к личности Вернадского, — «История России» для 9-го класса О.В. Волобуева, А.П. Ненацкова, А.Т. Степанищева и В.В. Журавлева. Для этого учебника, выходящего с 2001 г. в издательстве «Дрофа» (тираж первого издания — 30 000 экземпляров), характерно обилие информации, отсутствующей во многих других учебниках, а также вопросов, наталкивающих на размышление о различных проблемах отечественной истории. На страницах этого учебника В.И. Вернадский упомянут в первую очередь как член партии кадетов — «партии образованной части общества», которую «иногда называли профессорской партией, так как в нее входили многие известные ученые»¹⁰. Затем целый параграф,

⁶ Загладин Н.В., Козленко С.И., Минаков С.Т., Петров Ю.А. История России. XX — начало XXI века: Учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Торгово-издательский дом «Русское слово — РС», 2008. С. 39.

⁷ Там же. С. 66.

⁸ Загладин Н.В., Козленко С.И., Минаков С.Т., Петров Ю.А. История Отечества. ХХ век: Учебник для 9 класса основной школы. 2-е изд., испр. и доп. М.: Торгово-издательский дом «Русское слово — РС», 2003. С. 71.

⁹ Загладин Н.В., Симония Н.А. История России и мира в XX — начале XXI века. 11 класс. 7-е изд. М.: Торгово-издательский дом «Русское слово — РС», 2008. С. 248.

¹⁰ Волобуев О.В., Журавлев В.В., Ненацков А.П., Степанищев А.Т. История России. ХХ век: Учебник для 9 класса общеобразовательных учебных заведений. М.: Дрофа, 2001. С. 37.

посвященный Вернадскому и свидетельствующий о его вкладе в мировую науку и мысль, открывает главу «Культура начала ХХ в.»: «Среди крупных ученых, которые пытались разобраться в магистральных путях движения научной мысли и в изменениях, вносимых ею в общество и природу, особенно выделялся Владимир Иванович Вернадский. Ученый энциклопедического кругозора, он был не только блестящим естествоиспытателем, но и одним из основоположников такой отрасли научного знания, как история науки и техники. Его отличал новаторский подход к изучению Земли как планеты, который характеризовался, во-первых, стремлением рассматривать науки о Земле (геологию, минералогию, биологию и др.) в их взаимосвязи и, во-вторых, в создании учения о биосфере и планетарной роли живого вещества. Сам Вернадский разрабатывал новые направления науки о Земле — радиогеологию, геохимию, биогеохимию. Рост научных знаний и технический прогресс ученый рассматривал как планетарное явление. С его точки зрения, духовное творчество человека — это особый этап в развитии биосферы, превращающейся в ноосферу (сферу разума). В движении научной мысли XIX — начала ХХ в. он выделял три основных направления ее расцвета: естествознание, математику и исторические науки, под которыми он понимал все обществознание»¹¹. Этот параграф сопровождается портретом и цитатой ученого и мыслителя. Такое внимание к личности Вернадского в современных учебниках встречается редко. В последующих изданиях (в частности, 2010 г.) этот параграф был несколько изменен и сокращен¹².

Теперь обратимся к учебникам, в которых личности В.И. Вернадского уделяено меньшее внимание и в которых он упоминается исключительно в рамках своей научной деятельности. Таковым является, к примеру, учебник А.А. Данилова, Л.Г. Косулиной и М.Ю. Брандт, который в несколько видоизмененном виде существовал уже в 1990-х гг. Издаваемый значительным тиражом, этот учебник является одним из основных пособий, используемых в 9-м классе российской средней школы. Вернадский в нем упоминается как выдающийся ученый дореволюционной России, «получивший мировую известность энциклопедическими трудами, послужившими основой для новых научных направлений в геохимии, биохимии, радиологии. Его учения о биосфере и ноосфере заложили основу современной экологии»¹³. Далее его имя появляется лишь единожды, в параграфе «Власть и интеллигенция», в числе ученых, «считавших своим долгом работать на благо Родины, хотя они не разделяли политических и идеологических взглядов большевиков»¹⁴.

В учебнике В.А. Шестакова, М.М. Горинова, Е.Е. Вяземского для 9-го класса имя Вернадского также упоминается исключительно в связи с его научной дея-

---

¹¹ Там же. С. 59.

¹² См.: Воловуев О.В., Журавлев В.В., Ненароков А.П., Степанищев А.Т. История России. XX — начало XXI века. 9 класс: Учебник для общеобразовательных учебных учреждений. 8-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2010. С. 54.

¹³ Данилов А.А., Косулина Л.Г., Брандт М.Ю. История России, XX — начало XXI века. 9 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений. 8-е изд., дораб. М.: Просвещение, 2011. С. 55.

¹⁴ Там же. С. 155.

тельностью. О нем говорится как об ученом, чьи труды «легли в основу биохимии, биогеохимии и радиогеологии» и который разработал учение о ноосфере, оказавшее влияние «на формирование современного экологического сознания»¹⁵. В другом учебнике для 9-го класса средней школы имя Вернадского не упоминается вовсе, но это скорее исключение из правила¹⁶.

Наконец, несколько слов о том, что говорится о В.И. Вернадском в известном учебнике для 11-го класса под редакцией А.А. Данилова (и А.В. Филиппова во 2-м томе), имеющем очень большие тиражи. Данный учебник вызвал полемику в российском обществе из-за своей ультрапатриотической риторики и ряда утверждений, воспринятых некоторыми читателями как частичное оправдание политики И.В. Сталина. В.И. Вернадский в нем упоминается дважды, исключительно в связи с его научной деятельностью и вкладом в развитие страны. Учебник не дает никакой информации о личности и взглядах ученого. Сначала он назван в числе российских ученых, добившихся «выдающихся результатов на самых разных направлениях». Его труды в области геохимии получили «мировое признание»¹⁷. Затем академик упомянут в параграфе, посвященном советской науке 1920-х гг.: «Большие научные силы были сосредоточены на непосредственно связанных с производством направлениях, таких, как разработка и научное обеспечение плана электрификации страны (ГОЭЛРО), гидроэнергетики, котлостроения, транспортного машиностроения. В.И. Вернадский организовал Радиевый институт»¹⁸. Таким образом, в данном тексте авторы делают упор на вклад ученого в развитие страны.

На основе этого анализа можно заключить, что если некоторые учебники представляют В.И. Вернадского как разностороннюю личность, какой он и являлся: представителя интеллигенции, интересовавшегося политикой, члена Государственного совета и партии кадетов, мыслителя и, разумеется, ученого — то другие учебники упоминают его исключительно как великого ученого соответствующей эпохи или не упоминают вовсе. Если первая тенденция характерна для некоторых учебников, появившихся в 1990-х и в начале 2000-х гг., и для ряда учебников, отличающихся нестандартным подходом к изложению истории и имеющих невысокие тиражи, то вторую можно наблюдать в некоторых недавно появившихся учебниках, а также в нескольких учебниках, имеющих высокие тиражи. Учебник «История России» под редакцией А.А. Данилова для 11-го класса является крайним представителем второй тенденции, закрепляя этот переход от заинтересованности личностью к заинтересованности человеком лишь в той мере, в какой он участвует в развитии своей страны.

¹⁵ Шестаков В.А., Горинов М.М., Вяземский Е.Е. История Отечества, XX — начало XXI века: Учебное пособие для 9 класса общеобразовательных учреждений / под ред. А.Н. Сахарова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 2006. С. 60.

¹⁶ Данилов Д.Д., Лисейцев Д.В., Клоков В.А., Кузнецов А.В., Кузнецова С.С., Павлова Н.С., Рогожкин В.А. История России. XX — начало XXI века: Учебник для 9-го класса основной школы. Изд. 2-е, испр. М.: Баласс, 2010.

¹⁷ Данилов А.А., Барсенков А.С., Горинов М.М. и др. История России, 1900–1945 гг. 11 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений / под ред. А.А. Данилова, А.В. Филиппова. 2-е изд. М.: Просвещение, 2012. С. 73.

¹⁸ Там же. С. 224.

Если большинство учебников говорят о В.И. Вернадском-ученом и некоторые — о Вернадском — общественном деятеле, то совсем немногие учебники упоминают академика как свидетеля своего времени. А ведь дневник В.И. Вернадского является историческим документом, который может помочь лучше узнать и понять целую эпоху. Так, например, он используется в трудах французских авторов в качестве иллюстрации к повествованию о сталинских временах¹⁹. К сожалению, в российских учебниках истории таким документам, как мемуары, письма, статьи, не всегда уделяется должное внимание. Можно привести пример лишь трех учебников (все три являются изданиями с небольшим тиражом), цитирующих более или менее объемные выдержки из дневников Вернадского.

Первую цитату находим в уже упомянутом учебнике «История России» для 9-го класса О.В. Волобуева, А.П. Ненарокова, А.Т. Степанищева и В.В. Журавлева: «Известный ученый, основатель геохимии, биогеохимии и радиологии академик Владимир Иванович Вернадский, оценивая события второй половины 30-х гг., записал в своем дневнике в январе 1939 г. о том, что “приводится цифра 14–17 миллионов ссылочных и в тюрьмах. Думаю, что едва ли это преувеличение”»²⁰.

В другом учебнике для 9-го класса, также выпущенном издательством «Дрофа» («История Отечества, XX — начало XXI века», авторы А.Ф. Киселев и В.П. Попов), отрывок из дневника за 1928 г. описывает человеческие типы, представлявшие установившийся в стране режим: «Два типа сейчас людей, связанных с той дикой идеологией, которая сейчас вырисовывается в окружающей жизни, — воинственным отрицанием свободной мысли диалектическим материализмом, марксизмом-ленинизмом и тому подобным. С одной стороны — вид этого невежественного отрицания, большей частью фанатики и начетчики, с другой стороны — обделывающие свои дела, боящиеся из-за жизненных соображений потерять “блага жизни”. У одних — трусость мысли, боязнь сделать ложный шаг; у других — вместо свободной мысли — узкая вера и отсутствие творчества. И те и другие — величайшие враги свободы. Психология как во времена религиозных погромов»²¹. Этот отрывок приводится после отрывка из воспоминаний Евгения Белова об академике И.П. Павлове, в котором повествуется о критических высказываниях академика в адрес советского режима. Далее учащимся предлагается ответить на вопрос: «Какие мысли ученых вы разделяете?»

Наконец, дневник В.И. Вернадского дважды цитируется в уже упомянутом учебнике И.И. Долуцкого для 10–11-го классов (издательство «Мнемозина»). Первая цитата приведена в тексте параграфа, посвященного советской науке: «Крупные неудачи нашей власти, — заметил Вернадский, — результат ослабления ее культурности. Цвет нации заслонен дельцами и ловкими карьеристами»²². Затем,

¹⁹ См.: Moscou 1918–1941: De « l'homme nouveau » au bonheur totalitaire // ed. C. Gousseff. P., 1993; Marie J.-J. Staline. P., 2001.

²⁰ Волобуев О.В., Журавлев В.В., Ненароков А.П., Степанищев А.Т. История России. XX век: Учебник для 9 класса общеобразовательных учебных заведений. С. 180.

²¹ Киселев А.Ф., Попов В.П. История России. XX — начало XXI века. 9 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений. 2-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2013. С. 139.

²² Долуцкий И.И. Отечественная история. XX век... Ч. 1. С. 271.

в той же последней главе первого тома «Строительство социализма в тридцатые годы» набор отрывков из дневника ученого приводится в качестве одного из документов, дополняющих материал, изложенный в последнем параграфе главы (вторым документом являются выдержки из путевых заметок А. Жида о Советском Союзе): «Кругом волнения в связи с недостатком самого необходимого. Черный хлеб ухудшился. Трудно доставать белый, дорогой. Все население занято добычей хлеба и т. п. За водкой огромные очереди»; «Приводится цифра 14–16²³ миллионов ссыльных и в тюрьмах. Думаю, что едва ли это преувеличение»; «Полицейский коммунизм растет и фактически разъедает государственную структуру. Все пронизано шпионажем. Всюду все растущее воровство»; «Идет развал — все воры в партии... Наркоматы представляют из себя живой брак... Современный чиновничий слой столь же слабый и бледный, как и царские чиновники»; «Грозный рост недовольства... “любовь” к Сталину есть фикция, которой никто не верит»; «Нет чувства прочности режима через 20 с лишком лет после революции»²⁴.

Любопытно, что в трех учебниках приведены выдержки из записей разных лет: конца 1920-х гг., 1930-х гг., начала 1940-х гг. В них затронуты разные аспекты жизни при советской власти: репрессии, люди, связанные с режимом, его партийная и административная система, а также проблемы повседневности. Таким образом, дневник Вернадского может использоваться для иллюстрации к материалу об этих (и других) периодах отечественной истории. В каждом случае выдержки могут помочь школьнику прочувствовать дух того времени, о котором идет речь в учебнике.

В контексте осуществляющейся в настоящее время подготовки проекта единого учебника отечественной истории остается лишь ожидать ответа на вопрос о том, какое место личность В.И. Вернадского займет в этом учебнике.

---

²³ В вышеупомянутом учебнике О.В. Волобуева и др. в той же самой цитате из дневника речь идет о «14–17 миллионах в ссылке и в тюрьмах», и именно эта цитата верна (см.: *Вернадский В.И. Дневники. 1935–1941: в 2 кн. / отв. ред. В.П. Волков. Кн. 2. М., 2006.*)

²⁴ *Долуцкий И.И. Отечественная история. XX век... Ч. 1. С. 282.*

ИВАН БУНИН:
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО РЕЦЕПЦИИ И ПОЭТИКЕ

T.B. Марченко
ЮБИЛЕИ И УТРАТЫ:
БУНИН И БУНИНОВЕДЕНИЕ

2013 год оказался богатым на бунинские юбилеи: 90 лет назад покинувший Россию писатель обосновался в Грассе, в средиземноморских Альпах; 80 лет назад ему, первому из русских писателей, была присуждена Нобелевская премия по литературе; 60 лет назад, после кончины 8 ноября 1953 г. — дата почти символическая — Бунин был похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем...

Важнейшие вехи жизни: радости — праздники — скорби.

Два события 2013 г. связаны и с именами двух отечественных литераторов-дов, создателей буниноведения.

17 сентября исполнилось 100 лет со дня рождения Александра Кузьмича Бабореко (1913–1999). Профессиональный редактор, принимавший участие в подготовке собраний сочинений И.С. Тургенева и А.К. Толстого, сочинений Козьмы Прutкова, всю жизнь он посвятил изучению жизни и творчества Бунина. Как радостно, что можно написать эти слова не с чувством удобно найденной стерты формуллы, а в полном сознании правды: посвятил. И как всякий честный труд — подвиг, было простым труженическим подвигом и дело жизни А.К. Бабореко. Его вклад оказался краеугольным камнем в буниноведение как скромную отрасль истории русской литературы.

В ночь на 9 мая — праздник великой Победы, на Светлой пасхальной седмице 2013 г. страшно погиб Олег Николаевич Михайлов (1932–2013). Сгорел на даче в Переделкине, и вместе с ним в огне погибло все его бытие последних двух десятилетий — рукописи, библиотека, архив. Как бы по-разному ни относились к Олегу Михайлову те, кто знал его более или менее близко, главное чувство, которое испытали все, услышав страшное известие, был ужас. И в устных беседах, и в электронной переписке, и в газетных заметках все время звучало рефреном: ужасно, ужасно... То, что случилось, — ужасно. Не всякая смерть проста, легка, но такой лютой кончины нельзя пожелать и врагу.

В советские времена филологические штудии в области русской классики просвещали дух, в области Серебряного века — давали чувство свободы, а изучение соцреализма приносило неплохие дивиденды. Изучение Бунина — до революции не успевшего войти в сонм классиков, а после революции оказавшегося в эмиграции, писателя «идеологически враждебного» — как будто ничего не приносило. Между тем два бунинских тома «Литературного наследства»¹, безусловно,

¹ Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: в 2 кн. / Институт мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР; редакция: В.Г. Базанов, Д.Д. Благой, В.Р. Щербина (глав. ред.) и др. М., 1973.

относятся к лучшим в этом научно-издательском академическом проекте. Изучение Бунина никогда не было массовым — пожалуй, лишь на родине писателя, в русском Подстепье с вузами в Курске, Орле, Ельце, Воронеже — его творчеством занимались всегда, создавали музейные экспозиции², берегли архив, писали диссертации. В Петербурге — точнее, Ленинграде — кажется, только Л.К. Долгополов и Л.В. Крутикова обратились к творчеству Бунина; но и в Москве буниноведов тоже можно было пересчитать по пальцам. В сущности, буниноведение как отрасль истории литературы XX в. держалось двумя именами; прочие авторы, как правило, посвящали Бунину одну книгу — а порой ограничивались статьями — и больше к «изученной» теме не возвращались. А собственно буниноведов было всего двое — А.К. Бабореко и О.Н. Михайлов.

Их буниноведение было разительно несхожим. Александр Кузьмич Бабореко стал биографом Бунина, собирая материалы о его жизни и творчестве. В своей книге «Дороги и звоны»³ он рассказывает, как и почему он восхитился и увлекся именно бунинским творчеством. Скорее всего, это было чистое исследовательское «влеченье, род недуга». А.К. Бабореко тоже немного написал о Бунине, его книга материалов для биографии Бунина вышла дважды⁴, хотя вторым изданием — с существенными дополнениями и переработками. Между тем без обращения к этому тому, содержащему, по сути, труд всей жизни одного человека, не обходится ни одно буниноведческое исследование. Долгие годы «Материалы...» были своего рода бунинской энциклопедией, надежным справочным изданием⁵. Поклонника и исследователя Бунина уже не было в живых, когда в бессмертной серии «Жизнь замечательных людей» дважды вышла бунинская биография в осмыслении А.К. Бабореко⁶.

Проработав всю жизнь редактором в «Художественной литературе», будучи и текстологом, и комментатором в собраниях сочинений русских классиков, которыми славилось это издательство, А.К. Бабореко выпустил последнее по времени достойное собрание сочинений Бунина уже в тот период, когда знаменитое ГИХЛ прекратило свое достойное существование, так что академику по разряду изящной словесности и нобелевскому лауреату пришлось довольствоваться «Московским рабочим», впрочем, в те годы достойное лицо сохранившим⁷. Это собрание сочинений не претендует ни на академизм, т. е. на издание критически выверенных по автографам и акрибически откомментированных текстов, ни на полноту — возможную пока лишь в том категорически (и императив этот не толь-

---

² Помимо Музея И.А. Бунина в Орле — одного из подразделений Объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева (http://www.muzey-turgeneva.ru/bunin_p_3.html), небольшие мемориальные экспозиции созданы в Ельце и в Ефремове (<http://bunin.niv.ru/bunin/museum/museum.htm>).

³ Бабореко А.К. Дороги и звоны: Воспоминания, письма. М., 1993.

⁴ Он же. И.А. Бунин: Материалы для биографии. (С 1870 по 1917). М., 1967; 2-е изд.: М., 1983.

⁵ Кстати, недавно появилось и такое издание: Бунинская энциклопедия: К 140-летию со дня рождения И.А. Бунина / авт.-сост. А.В. Дмитриев. Липецк, 2010.

⁶ Бабореко А.К. Бунин: жизнеописание. М., 2004; 2-е изд.: М., 2009.

⁷ Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1993–1998.

ко научный, но и нравственный) невозможном варианте, которым отличилось издательство «Воскресение»⁸.

Александр Кузьмич Бабореко родился, когда уже были написаны «Деревня» и «Суходол». Олег Николаевич Михайлов появился на свет после завершения и публикации первых (без позднейшей «Лики») частей «Жизни Арсеньева». Однако возрастная разница в почти двадцать лет, столь радикально изменивших Россию и не менее круто — жизнь и творческую судьбу Ивана Бунина, ровно никакого значения не имела для столь несхожих путей в буниноведении двух его российских основателей. Главным фактором формирования научной физиономии обоих был исключительно личностный фактор. Не будем спекулировать — что было бы, если... На рубеже 1950–60-х гг. А.К. Бабореко не удалось организовать полномасштабной акции по возвращению всего архива Бунина на родину. И как сам Иван Алексеевич оказался разорванным жизнью и творчеством между Россией и Западом, так в конце концов его архивом распорядились и высшие силы, которые в Англии носят обычно название закона, а у нас — случая или судьбы. О.Н. Михайлову не суждено было стать в начале 1990-х гг. кельнским профессором славистики — один из излюбленных сюжетов в его устных монологах: рейнвейн, трамвай, теннис — только Бунину и русскому зарубежью в этих рассказах совсем не оставалось места. Впрочем, именно в то время О.Н. Михайлов возглавил новый сектор в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН — литературы русского зарубежья.

Бабореко вступал в переписку с В.Н. Буниной, Г.Н. Кузнецовой, Л.Ф. Зуровым, успевал от них что-то получить, но что гораздо ценнее — узнать и включить в свои «Материалы...». Что-то без его вмешательства ускользнуло бы безвозвратно — но было сохранено навсегда. Михайлов — писал и издавал. Бунинские собрания сочинений советского времени ценные, собственно, только тем, что они — состоялись. Издавались с нарушением авторских прав, в вопиющем конфликте с английским пониманием закона — но поколения отечественных читателей и читательниц (что в случае с Буниным нельзя не подчеркнуть особо) оказались снабжены текстами писателя.

Когда Олегу Михайлову приписывают едва ли не славу «первооткрывателя» Бунина, это не очень честно и, мягко говоря, истине противоречит. Бунина — в отличие от резко антибольшевистски настроенных Мережковского или Шмелева — никогда не «закрывали», не прятали в спецхран; разве только «Окаянные дни» и прочую публицистику вкупе с не самыми беззубыми воспоминаниями о «корифеях» отечественной словесности. Впрочем, корифеев можно смело раскавычить — от Бунина досталось Блоку и Горькому, Маяковскому и А.Н. Толстому, прекрасным, несмотря ни на что, русским прозаикам и поэтам. Заглядывая «в Бабореко», исследователь хочет что-то уточнить, проверить свои догадки фактами, сопоставить свои наблюдения с подлинными документами эпохи. Неточности, ошибки, лакуны в трудах А.К. Бабореко, конечно, есть, но ценности их не отменяют. В год столетнего юбилея исследователя — буниноведа по призванию — становится очевидным, что основы изучения писателя в родной стране заложил именно А.К. Бабореко.

---

⁸ См. об этом издании открытое письмо О.А. Коростелева «Я объявляю вам войну» ([URL: http://www.russ.ru/pole/YA-ob-yavlyayu-vam-vojnu](http://www.russ.ru/pole/YA-ob-yavlyayu-vam-vojnu) (дата обращения 10 октября 2013 г.)).

Чем были прославлены труды О.Н. Михайлова? Почему именно он был поставлен во главе нового направления в изучении русской литературы XX в.? Ведь собственно буниноведение оставалось в отдаленном прошлом Олега Михайлова, критика и писателя, чья беллетристика была насквозь документальна, ибо откровенно автобиографична, а научно-популярные книги — биографии Кутузова и Суворова, позже к ним присоединились Екатерина II и Александр III — совершенно безудержны по художественному вымыслу⁹. Все, что было сделано Олегом Михайловым, кажется простым и легким, сочиненным на одном дыхании, основанном на знании, добытом не в каменоломнях. В этом был главный дар Олега Михайлова — схватывать и даже выхватывать — быстро, точно, непринужденно — факты из разных источников, не удостаивая их цитирования, и стремительно, не увязая в подробностях и доказательствах, составлять творческий портрет... Ни одной публикации архивного, впервые вводимого в научный оборот раритета, ни одного изданного без ошибок произведения русских *minor classics* — писателей-эмигрантов, ни одной оригинальной, острой, умной, неопровергимой интерпретации художественного текста.

В чем же секрет литературного успеха, славы «главного буниноведа»?

Однажды в частной беседе Олег Михайлов сказал мне: «Вы, — имея в виду, впрочем, не одну меня лично, а филологическое сообщество в целом, — пишете сто — для ста. А я пишу для миллионов...»

Тогда я посмеялась.

Ссылаясь на Олега Михайлова, мы отмечаем ошибки, упрекаем его за неверное понимание и штампы, мы отталкиваемся от его работ и утверждаем буниноведение научное, на архивно-документальной, строго фактографической и доказательной основе. Критически выверенные тексты, тщательные комментарии, чуть не по линейке прочерченная биографическая канва... Новые материалы и исследования. Жизнеописание. Прижизненная критика за почти семь десятилетий, на разных языках. Все настоящее, откомментированное, отрецензированное, высшей пробы. Кое-что по-немногу расходится, попадает в руки узким специалистам — единицам. Многократно улучшившаяся исследовательская база провоцирует появление работ по поэтике Бунина, тоже опирающихся не на эвристику, а на эмпирику. Нас даже не сто, нас гораздо, гораздо меньше. Мы рассылаем друг другу свои работы — сто для ста¹⁰.

А Олега Михайлова по-прежнему читают миллионы.

Это не перегиб: он неизменно востребован, его переиздают — пусть те, кого он иронически именовал Полиграфами Полиграфовичами, а не ведущие гуманистические издательские дома, что в том?

Его читают миллионы, не угадывая в его летучем безответственном повествовании о литераторах русского зарубежья бесконечные цитаты и самоцитаты, а

⁹ Более сдержанно В. Казак замечает по поводу бунинской биографии О. Михайлова: «[Автор] соединяет анализ творчества с элементами беллетристики». «В своих литературно-исторических произведениях, — отмечает немецкий славист, — Михайлов движется от документального повествования к своего рода романной форме, где литературная фантазия — не выходя за рамки истории, — помогает читателю заглянуть во внутренний мир соответствующего героя» (*Kasack W. Lexikon der russischen Literatur des 20. Jahrhunderts* [2. Aufl.], München, 1992. S. 773).

¹⁰ Как в стихотворении Веры Павловой перезваниваются ученицы музыкальки: «Просто прекрасную музыку / невозможно вынести в одиночку» (цикл «Секрет зеркал»).

заглатывая, запоминая чужие мнения и суждения, с блеском компилированные. Читатель — школьник, студент, преподаватель — потребляет «научно-популярные» или «просветительские» книги Михайлова, как конфеты¹¹. И сам становится обладателем неких познаний, нетяжелых на вес и приятно упакованных.

Среди писателей Олег Михайлов казался высоколобым интеллигентом, он не просто «что-то читал» — начитан он был по-настоящему и в узкоспециальной литературе, и в классике, русской и зарубежной. Но обдумать по-настоящему прочитанное ему было невмоготу, словно его и в самом деле филологической акрибией понуждали ломать слоистые камни! Не случайно он восхищался «Петром Первым» Алексея Толстого и без всякого питета отзывался о схоластической учености Мережковского, не говоря уж о романных конструкциях Алданова. Еще одна цитата из устных бесед: «Да, большая толстая книга, — о действительно солидной монографии, основанной на надежных источниках. — А процитировать нечего!» Стилистом, не гонясь за лаврами Бунина, Михайлов не был. Избитые выражения, трюизмы, штампы из литературоведения бог знает какой поры... но цитировать Олега Михайлова можно, радуясь, что долго и сложно обдумываемое высказано просто и точно, а пренебречь цитатами из него — невозможно.

Среди филологов это был писатель. Он был не просто представителем эссеистического направления в литературоведении — ну не академического же! — он просто не был представителем литературоведения как науки. Сочинитель, всю жизнь не то что по нитке выдергивая из собственной судьбы — лоскуты кожи от мяса отдирая, перекраивал их в художественную прозу. Но любовные истории, которые, честно сказать, ничем не были замечательны, кроме того, что принесли их герою — или их автору — столько настоящих, не клюквенным соком истекающих страданий, пусть и лежат в основе его московских романов¹², но в литературе не уцелеют и читателя содрогнуться не заставят. Проза, написанная не по эстетическим нормам, а по живому, содранному мясу и сорванным нервам, останется совсем другим — ароматом эпох, прожитых в Москве среди москвичей, вкусом выпитых напитков, звуком тугих теннисных мячей, живым духом быта и нравов — не очень целомудренных, правда, зато описанных искренне и откровенно. (Подумать только — когда-то всерьез дискутировали об искренности в литературе! А всего-то и надо — «заголиться и обнажиться».)

¹¹ Ср. дневниковую запись В.Н. Муромцевой-Буниной от 15 ноября 1930 г., передающую слова Д.С. Мережковского: «Нужен только тот писатель, который вносит что-то новое, хоть маленько. А даже Флобер мне не нужен, — ну, великолепная фраза, а дальше что? <...> Меня занимают только скучные книги, только они и интересны. Вот “Капитанская дочка” — ее съешь как конфетку, а Маркса или Канта — их читать все равно, что нож во внутренности вводить и там поворачивать. Но такие-то книги и нужны, они-то и делают эпохи. Это я так говорю, что моя “Атлантида” скучна» (Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Frankfurt a/M., 1982. Т. 2. С. 234).

¹² Час разлуки. М., 1979; Пляска на помойке. М., 2000. Мне жаль, что Олег Николаевич отказался в конце концов от первоначального названия последней вещи — «Записки старой обезьяны». Начинаться роман должен был фразой: «Второго января 1992 года он проснулся нищим». Цитирую отсутствующий источник, многократным эхом отзывающийся в памяти. Год рождения О.Н., 1932-й — год Обезьяны по восточному гороскопу.

Это был филолог,уважаемый писателями, и писатель, ценимый филологами. Каждый ценил в нем то, чего сам был лишен.

Последний роман Олегом Михайловым написан не был. Что-то он писал, компилировал, выпускал до конца жизни. Но книги, которую можно захватить с собой в последний путь, чтобы предъявить главному Судии, — такую книгу Олег Михайлов не написал. До главного героя, традиционно с ним связываемого, дотянуться оказалось невмочь. Ни «Митиной любви», ни «Жизни Арсеньева», ни «Темных аллей»... Филолог писал беллетристику, беллетрист сочинял научные статьи и комментировал чужие тексты. До подлинной литературы дело так и не дошло. Мемуары, впрочем, составили внушительный том — по объему, пожалуй, самый увесистый в литературно-критическом и филологическом наследии О.Н. Михайлова: «Вещая мелодия судьбы»¹³.

Почему не прозвучал вещий набат, хотя бы один предостерегающий его удар? Трагический уход из жизни стал преодолением литературы, выходом за пределы филологических игр с реальностью. «Гори, гори, прежняя жизнь! Гори, страдание! — кричала Маргарита». Последним сочинением, напечатанным при жизни Олега Николаевича, стала книга о Булгакове¹⁴. ««Но ты ни слова... ни слова из него не забудешь?» — спрашивала Маргарита, прижимаясь к любовнику и вытирая кровь на его рассеченном виске. — «Не беспокойся! Я теперь ничего и никогда не забуду», — ответил тот. «Тогда огонь! — вскричал Азазелло, — огонь, с которым все началось и которым мы все заканчиваем»».

Все горит, и рукописи сгорают, увы, дотла.

Остается память.

* * *

Памяти А.К. Бабореко и О.Н. Михайлова и был посвящен юбилейный научный семинар «Бунин и буниноведение: проблемы изучения творческого наследия писателя», состоявшийся 5 ноября 2013 г. в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына.

Бунин шагнул в зал с экрана. Видеопрезентация, составленная Т.В. Марченко, вобрала в себя разнообразные юбилейные даты жизни и творчества «последнего русского классика», «мэтра литературы русского зарубежья», первого русского нобелевского лауреата по литературе. Монтаж из коллекционных цветных фотографий С.М. Прокудина-Горского, документальных кадров времен революции и Гражданской войны, современных пейзажей Подстепья и средиземноморских Альп, архивных фотоматериалов, связанных с жизнью и творчеством И.А. Бунина, иллюстраций к его произведениям сопровождал роман И.И. Шварца на прославленные строки Бунина «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...».

Открывая семинар, Татьяна Вячеславовна Марченко напомнила не только о бунинских юбилеях, но и об уратах минувшего года. Она перечислила важные

---

¹³ Михайлов О.Н. Вещая мелодия судьбы. М., 2008.

¹⁴ Он же. Булгаков М.А.: Судьба и творчество. М., 2011.

даты из жизни Ивана Алексеевича Бунина — в 1923 г. писатель поселился в Грассе, где были созданы почти все главные его сочинения в эмиграции — «Солнечный удар», «Митина любовь», «Жизнь Арсеньева», «Темные аллеи»; в 1933 г. именно в этом городке его застала весть о присуждении ему, первому из русских писателей, Нобелевской премии по литературе; в 1953 г. писатель скончался в Париже... 2013 г. оказался одновременно и юбилейным (сто лет со дня рождения А.К. Бабореко, первого отечественного биографа Бунина, собирателя и публикатора его творчества), и трагическим (гибель самого, быть может, известного и переиздававшего буниноведа О.Н. Михайлова). О том, как непросто складывалось буниноведение в послесталинскую эпоху, и о том, какие трудности сопровождали издания Бунина в эпоху недавних 1990-х гг., рассказал научный сотрудник ИМЛИ РАН Сергей Николаевич Морозов. Личное знакомство докладчика с «основоположниками» буниноведения, А.К. Бабореко и О.Н. Михайловым, внесло особую щемящую ноту в этот мемориальный рассказ. Почетным гостем семинара был Андрей Александрович Бабореко, один из сыновей исследователя.

Ценным и тоже основаным на личном воспоминании сообщением стало выступление сотрудницы Отдела рукописей РГБ Марины Николаевны Волковой. Она опровергла сложившееся после гибели О.Н. Михайлова представление, что в пожаре погибло все рукописное собрание писателя и литературоведа, его ценнейшая коллекция автографов. Часть архива все же уцелела. М.Н. Волкова рассказала историю своего знакомства с Олегом Николаевичем, инициированного В.В. Петелиным, и передачи части раритетных писем в Отдел рукописей. Трогательно и горько прозвучал рассказ о том, как Олег Николаевич никак не хотел расставаться с фотографией Бориса Зайцева, приговаривая, что тот для него, «как Николай Угодник»... За пять дней до трагедии О. Михайлов связался с докладчицей по телефону, сообщил о готовности передать еще часть архива. Но она в это время была на больничном и могла встретиться с О.Н. Михайловым только после 9 мая. Встреча состоялась.... но уже на Ваганькове. Все же Отдел рукописей сейчас располагает (и скоро откроет доступ к своей коллекции) следующими материалами: 20 писем Б. Зайцева 1959–1972 гг.; 143 письма А. Сионского 1960–1975 гг.; 25 писем Иоанна Сан-Францисского; 4 письма В.Н. Буниной-Муромцевой; 4 письма К.И. Чуковского; 139 писем В.И. Лихоносова; 49 писем Ю. Кутыриной; некоторые материалы самого О.Н. Михайлова и другие документы и фотографии.

После мемориальной части прозвучал блок докладов, связанных с архивными разысканиями буниноведов. Возвратившись к «юбилейной» теме семинара, С.Н. Морозов на основе архивных документов, прежде всего эпистолярных, и русской дореволюционной периодики восстановил один из важных эпизодов в жизни Ивана Бунина — празднование 25-летия его литературной деятельности в 1912 г. Антон Владимирович Бакунцев (ДРЗ и МГУ) выступил с докладом об отношениях двух корифеев эмиграции — писателя И.А. Бунина и политика, главного редактора «Последних новостей» П.Н. Милюкова «Тут двух мнений быть не может...». Сложные, порой доходящие едва ли не до разрыва, порой смягчающиеся до дружеского участия отношения были проиллюстрированы эпистолярием, отложившимся в архивах героев доклада: не двусторонняя переписка, а всего не-

сколько писем разных лет. М.Н. Волкова сделала еще один доклад, обстоятельно и любовно охарактеризовав фонд 421 в ОР РГБ («И.А. Бунин»). Среди многих замечательных фактов, прозвучавших в этом докладе, назовем сообщение о недавнем приобретении машинописного экземпляра «Темных аллей» (40-х гг.) с большой авторской правкой. У РГБ не хватило денег купить этот раритет; выручил Газпром. Завершил «архивный» сюжет семинара Олег Анатольевич Коростелев, заведующий отделом литературы и печатного дела российского зарубежья, ставший главным редактором нового тома Литнаследства, посвященного Бунину. Проект, запущенный в ИМЛИ и поддержанный грантом РГНФ, грандиозен: О. Коростелев называл цифры, рядом с которыми мерещились целые бунинские институты (авторский коллектив, впрочем, небольшой): переписка, отложившаяся в архиве Бунина в Лидсе (Великобритания), поражает размерами и должна при публикации дойти до тысячи страниц текста и комментария к нему. Эта работа требует тщательной текстологической подготовки и скрупулезного комментирования; но дневники писателя и тем более его жены вообще требуют многих томов — Вера Николаевна исписала многие и многие тетради. Обещаны и материалы, связанные с художественным творчеством писателя, и его яркие маргиналии.

Затем прозвучали доклады о поэтике бунинской поэзии и бунинской прозы, произнесенные гостями семинара из Сибирского отделения РАН (Новосибирск). Елена Юрьевна Куликова проделала виртуозный анализ поэтических текстов, связанных с модой на дальневосточный ориентализм, сначала пришедший в европейскую литературу, а затем и в русскую. «Экзотика, даже эротика: тропика!» — так ярко, словами А. Белого был озаглавлен доклад, в котором было с большим мастерством разобрано два обращения к «малайским пантунам» Л. Де Лиля русских поэтов — точный в формальном отношении перевод Н.С. Гумилева и свободное переложение И.А. Бунина. Елена Владимировна Капинос, занимающаяся интерпретацией бунинского прозаического текста, выбрала для своего выступления рассказ «Аглая» и предложила изысканную, пронизанную мотивами и образами иных сочинений Бунина трактовку неразрывного бунинского единства — весны и тлена, жизни и смерти. Экранным переложениям Бунина, точнее, киновоплощению нескольких новелл из цикла «Темные аллеи» (в разных версиях — три Натали и три Сони, три Руси, две Тани, две героини «Холодной осени» и две — рассказа «В Париже...») посвятила свой обзор Т.В. Марченко. Пересмотрев десяток киноверсий Бунина, она обнаружила, что режиссеры неизменно сохраняют бунинские диалоги и немилосердно меняют «картинку», вместо бунинского словесно воссозданного видеоряда предлагая свое «видение», часто катастрофическиискажающее глубокий поэтический смысл первоисточника. Кроме того, кинематограф пока оказывается гораздо целомудреннее текста: упреки Бунину в эротизме никак не предъявишь отечественному кино «по мотивам» Бунина — на эротику в нем нет и намека!

Особо следует отметить музыкальную часть семинара. Елена Владимировна Кривцова, сотрудник отдела культуры, провела интереснейшую работу, чтобы сделать доклад «“Найти изначальный звук...”: Слово Ивана Бунина в русской музыке». Сначала докладчица проиллюстрировала музыкой и раритетными фото

«музыкальные фрагменты» в сочинениях И.А. Бунина: упоминаемые им арии из опер и романсы ожили и зазвучали теми голосами из собрания фонотеки Музея музыкальной культуры имени Глинки, которые мог слышать некогда автор «Митиной любви». Е.В. Кривцова исправила некоторые досадные неточности в комментариях к текстам Бунина, касающиеся музыки, предложила свою версию того, какая певица могла стать прототипом героини рассказа «Благосклонное участие», а затем проследила, как в течение века произведения писателя — и отнюдь не только стихи! — были переложены отечественными композиторами на музыку. На семинаре прозвучала и живая музыка, внеся дух подлинного искусства в строгую атмосферу научного заседания. Две прелестные юные девушки, сопрано Анастасия Погорелова (РАМ имени Гнесиных) и аккомпанировавшая ей на фортепиано Анна Половникова исполнили несколько номеров, в том числе — из вокального цикла Т.Н. Хренникова (тоже ельчанина, как и Бунин) на стихи его земляка. В аккомпанементе к романсу на стихотворение «Петух на церковном кресте» нельзя было не услышать зловещих петушиных выкриков.

Но не случайно на семинаре рефреном звучала мысль о том, что у Бунина смерть, тлен, уход и печаль всегда идут рука об руку со светлыми чувствами. Лучшим свидетельством современного цветения буниноведения как науки стал выход в самом конце того же 2013 г. поэтического двухтомника И.А. Бунина в «Новой библиотеке поэта» — «первого научного издания лирики Бунина», как сказано в аннотации¹⁵. Проделавшая огромную текстологическую работу Т.М. Двинягиной задачу критического издания поэтического наследия «одного из лучших лириков XIX–XX веков»¹⁶ сформулировала с мудреной прихотливостью: «...чтобы сегодняшний читатель увидел Бунина глазами его просвещенного современника, то есть того гипотетического и почти идеального читателя, который следил за поэтическим развитием Бунина, мог оценить его главные (стихотворные. — Т.М.) собрания... и заново прочесть их в историко-литературной перспективе своего времени»¹⁷. Один такой читатель у Бунина, несомненно, был — он сам.

Перевернута новая страница буниноведения.

За его юбилеями и утратами 2013 г. следуют обретения.

---

¹⁵ Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Т.М. Двинягиной. СПб., 2014. С. 543.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 387–388.

А.В. Бакунцев

РЕЧЬ И.А. БУНИНА «МИССИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ»
В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ЭПОХИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ
ЭМИГРАНТСКОЙ И СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИКИ 1920-х гг.)

Речь «Миссия русской эмиграции» — одно из самых известных, переиздаемых и в то же время одно из наименее изученных публицистических произведений И.А. Бунина. Литература об этой речи (по несколько строк в статьях и монографиях, посвященных жизни и творчеству Бунина, а также более или менее развернутые, обстоятельные примечания к его сборникам и собраниям сочинений, в которые «Миссия...» включалась) носит преимущественно назывательно-описательный, а вовсе не исследовательский характер и притом нередко содержит фактические ошибки.

Цель данной статьи — рассмотреть знаменитую бунинскую речь именно в тех аспектах, которым до сих пор не уделялось должного внимания. Для этого был привлечен обширный фактический, в том числе архивный, материал: различные источники текста «Миссии русской эмиграции», дневники И.А. и В.Н. Буниных, а также их современников, публикации в прессе русского зарубежья и советской России.

За неоценимую помощь, оказанную на разных этапах подготовки статьи, автор выражает сердечную признательность сотрудникам Отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки России, Научной библиотеки Государственного архива Российской Федерации, библиотеки Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, Эстонской национальной библиотеки, а также лично Н.Ф. Гриценко (ДРЗ), Р. Дэвису (РАЛ, Великобритания), О.А. Коростелеву (ДРЗ), О.Г. Леонтьевой (Архивное управление Тверской области), А.В. Лушенковой (Университет Монпелье, Франция), Т.В. Марченко (ДРЗ), С.Н. Морозову (ИМЛИ РАН), И.А. Танкман (Таллин), Г.В. Эфендиевой (Амурский национальный университет, Благовещенск).

* * *

1924 г. оказался одним из самых бурных периодов в политической истории русской эмиграции. В конце января умер В.И. Ульянов-Ленин, а начиная с февраля более двадцати крупных иностранных государств, включая Великобританию, Италию, Францию, Китай и Японию, установили дипломатические отношения с советской Россией, тем самым признав легитимность ее нового строя. Эмигрантская общественность не могла оставить без внимания эти события. Смерть «вождя мирового пролетариата» во многих вселила надежду на скорый

крах большевистского владычества. Эмигрантские газеты с нескрываемой радостью писали о расколе внутри партии большевиков, о противоречиях между разными представителями ее верхушки, об опале Л.Д. Троцкого. Правые при этом призывали к возобновлению активной вооруженной борьбы с советской властью¹. Однако воодушевление быстро сменилось шоком и недоумением: западный мир, на протяжении шести с лишним лет отказывавший в международном признании большевистскому режиму, вдруг словно переменил о нем свое мнение, протянув ему руку помощи и партнерства. Многими в русском зарубежье это было воспринято как предательство.

С начала февраля в эмигрантской печати и на многочисленных публичных собраниях обсуждался вопрос об отношении к «признанию». Спектр высказывавшихся о нем мнений был чрезвычайно широк: от полного одобрения (со стороны крайних левых) до резкого, бескомпромиссного осуждения (со стороны праворадикальных кругов). Социалисты и демократы заняли промежуточную позицию: советскую власть не признавать, воздерживаться от всяческих контактов с ее представителями, но при этом не поддерживать и никаких агрессивных действий в ее адрес. Эта позиция особенно была характерна для левого крыла Партии народной свободы, которое возглавлял П.Н. Милюков, чья «новая тактика» антибольшевистской борьбы в свое время, в начале 1920-х гг., стала едва ли не главной причиной политического размежевания внутри русской эмиграции².

¹ Так, еженедельник «Высший монархический совет», выходивший под редакцией одиозного политического деятеля ультраправого толка Н.Е. Маркова (прозванного еще до революции Марковым II), требовал «не сидеть, не ждать “исторической неизбежности”, а, организовавшись еще плотней, с железною дисциплиною самоутверженно работать упорно каждый в чем может и как может, и не падать духом перед неудачами и тем, что желаемое, может быть, не придет еще завтра! Надо помнить, что только упорной, настойчивой работой мы добьемся того, что вражеские стены в конце концов рухнут; они рухнут обязательно, но только тогда, когда мы сами сумеем их продолбить и взорвать» ([Б. н.] Надо действовать // Высший монархический совет (Берлин). 1924. 18 февр. (2 марта). № 116. С. 4). Официозу зарубежных русских монархистов вторил белградский «орган русской национально-государственной мысли» «Старое время»: «Мы думаем здесь о каких-то новых съездах, о каких-то новых формах объединения русской эмиграции, а там, в России, ждут только одного, когда мы начнем действовать. Пора, ой, как пора нам переходить от слов к делу» ([Б. н.] [Передовая] // Старое время. 2-е изд. (Белград). 1924. 13 марта. № 40. С. 1). Сходные призывы звучали и со страниц более умеренных правых изданий — например, варшавской газеты «За свободу!» в статьях М.П. Арцыбашева, Б.В. Савинкова и др.

² Это признавал сам Милюков (см.: Милюков П.Н. Россия на переломе: Большевистский период русской революции: в 2 т. Париж, 1927. Т. 2: Антибольшевистское движение. С. 242–243). Об этом писали и его политические противники (см., например: Даватц В.К., Львов Н.Н. Русская армия на чужбине. Белград, 1923. С. 39). Сама же «новая тактика», коротко говоря, заключалась в следующем: «1) анализ причин неудачи, постигшей Белое движение; 2) демократическая политическая программа... 3) отказ от дальнейшей вооруженной борьбы, от иностранной интервенции и обращение к активным общественным силам внутри России, которые могли бы быть противопоставлены большевикам; 4) объединение демократических элементов и отмежевание от реставраторских и монархических групп и тенденций, возглавивших в конце белой борьбы» (Петрова Т.Г. «Последние новости» // Литературная энциклопедия Русского зарубежья. 1918–1940: в 4 т. М., 2000. Т. 2: Периодика и литературные центры. С. 320). Реализация «новой тактики» предполагала также «освобождение от белого догматизма, осознание революции в ее целом и принятие ее в какой-то ее исторически законной и положительной части». При этом Милюков и его соратники требовали от эмиграции «отрыва от старых, не оправдавших себя методов борьбы, идейного и формального отрыва от старых тезисов и кадров белого движения» ([Б. н.] От издательства // Милюков П.Н. Три платформы республиканско-демократических объедине-

Чисто политический характер обсуждавшейся проблемы задавал соответствующий тон общественным дискуссиям, порой весьма бурным. На газетных столбцах и на партийных диспутах в Европе, Америке, на Дальнем Востоке шла настоящая идеологическая война.

В это время небольшая группа интеллигентов, по роду своей деятельности в основном далеких от политики, без всякой шумихи (и даже без особой рекламы) готовили, как они это называли, «беседу», посвященную вопросу о дальнейшем поведении русской эмиграции в новых условиях и вообще о смысле ее существования. Эта «беседа», вошедшая в историю как вечер «Миссия русской эмиграции», состоялась 16 февраля 1924 г. в парижском *Salle de Géographie* при невероятном стечении публики: по словам журналистов, в переполненном зале было так душно, что с некоторыми даже случились обмороки³. Но, несмотря на это, слушатели не расходились до самого конца.

Замысел этого вечера возник, по-видимому, в конце 1923 — начале 1924 г., когда и Ленин был еще жив, и советскую Россию *de jure* признавали только Германия и страны-лимитрофы. В дневнике В.Н. Муромцевой-Буниной, которой было поручено устройство вечера, имеются записи, сделанные в ходе его подготовки. Наиболее ранняя запись датирована 5 января 1924 г.: «Вчера были у Манухиных по поводу “Миссии русской эмиграции”. Споры отчаянные. <...> стали обсуждать список выступающих: 1. О. Георгий Спасский, 2. Мережковский, 3. Шмелев, 4. Бунин, 5. Карташев, 6. Кульман, 7. Манухин, 8. Кульман⁴, 9. Студент⁵. За вход 2 фр<анка>⁶.

Стоит обратить особое внимание на этот «список выступающих». Схожие списки, причем с указанием тем выступлений, приводятся в примечаниях к ряду сборников бунинской публицистики, среди которых наиболее ранним является сборник «Под серпом и молотом» (1975), составленный С.П. Крыжицким. Очевидно, именно Крыжицкий первым среди исследователей обнародовал полный перечень ораторов, чьи выступления были заявлены в программе вечера: «И.А. Бунин. — Миссия русской эмиграции. А.В. Карташев. — Смысл непримиримости. И.С. Шмелев. — Душа

ний (1921–1924 гг.). Париж, 1925. С. 4). Иными словами, речь шла о расформировании тех воинских частей, которые осенью 1920 г. удалось эвакуировать из захваченного красными Крыма в Галлиполи и на Балканы. Для огромной массы эмигрантов, сознававших себя, несмотря ни на что, «белыми», видевших в «белом воинстве» подлинно национальных героев, а в генерале П.Н. Врангеле и великом князе Николае Николаевиче — подлинно национальных вождей, подобная «тактика» была неприемлема и воспринималась чуть ли не как предательство (ультраправые, включая монархистов, именно так ее и воспринимали). Полный текст милюковского доклада «Что делать после Крымской катастрофы?», содержащего обоснование «новой тактики», см. в издании: Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии: В 6 т. М., 1996. Т. 4: Протоколы заграничных групп Конституционно-демократической партии. Май 1920 — июнь 1921 г. С. 76–83.

³ См., например: Яблоновский С. Два вечера. I // Руль (Берлин). 1924. 26 февр. № 981. С. 2.

⁴ Вероятно, предполагалось, что выступать будет не только филолог-литературовед Николай Карлович Кульман (1871–1940), но и его жена — педагог и общественный деятель Наталия Ивановна Кульман (1877–1958).

⁵ Имеется в виду Иван Яковлевич Савич (1898–1949) — будущий общественно-политический деятель и публицист.

⁶ Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы: в 2 т. / сост. М. Грин; вступ. ст. Ю. Мальцева. М., 2005. Т. 2. С. 99.

родины. Священник о. Г. Спасский. — Вокруг Креста. Д.С. Мережковский. — Слова немых. И.И. Манухин. — Русский Дом. И.Я. Савич. — Вестники возрождения. Н.К. Кульман. — Культурная роль эмиграции⁷. Эту программу (отображенную, в частности, на входных билетах) Крыжицкий мог видеть собственными глазами, так как имел доступ к материалам бунинского парижского архива еще в то время, когда он находился в распоряжении М.Э. Грин. Этим объясняется то доверие, с которым к сведениям, представленным Крыжицким, отнеслись другие публикаторы-комментаторы речи «Миссия русской эмиграции», перепечатав тот же «список выступающих» уже в «своих» сборниках бунинской публицистики⁸.

Между тем в действительности состав участников вечера «Миссия русской эмиграции» был несколько иным. Согласно газетным отчетам вместо заявленных первоначально девяти ораторов 16 февраля 1924 г. выступали шестеро: И.А. Бунин, А.В. Карташев, Д.С. Мережковский, И.С. Шмелев, Н.К. Кульман и И.Я. Савич⁹. Другие три имени были зачеркнуты на входных билетах — как утверждали некоторые журналисты, буквально «в последнюю минуту»¹⁰. На втором вечере «Миссия русской эмиграции», который состоялся 5 апреля 1924 г., основной состав участников был тот же, только вместо Савича выступил некий «председатель студенческого общества упрочения и развития славянской культуры г. Соловьев»¹¹.

* * *

Вопреки уверениям левой прессы, что «политика определенного типа имелаась в виду при самой подготовке собрания, при определении состава лекторов и слушателей»¹², вечер «Миссия русской эмиграции» по первоначальному замыслу не должен был носить какой-либо определенной политической окраски. На это указывают дневниковые записи Муромцевой-Буниной. З.Н. Гиппиус, которая также была прекрасно осведомлена обо всем, что касалось вечера, со своей стороны, печатно подтверждала, что его организаторы «не только не готовили “политического” собрания, но очень, напротив, старались об его “аполитичности”»¹³. Одна из главных причин этого заключалась в том, что среди потенциальных участников вечера не было ни одного приверженца какой-либо партии (за исключением Карташева,

⁷ Крыжицкий С. Примечания // Бунин И.А. Под серпом и молотом: сб. рассказов, воспоминаний, стихотворений / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. С.П. Крыжицкого. Лондон [Канада], 1975; 2-е изд. 1982. С. 229.

⁸ См., например: Василевская О. Примечания // Бунин И.А. Великий дурман / сост., вступ. ст. и примеч. О.Б. Василевской. М., 1997. С. 293; Морозов С.Н., Николаев Д.Д., Трубилова Е.М. Комментарии // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова. М., 1998; 2000. С. 535. Этот же список приведен в монографии А.К. Бабореко «Бунин: Жизнеописание» (М., 2004. С. 275).

⁹ См.: [Б. н.] Голоса из гроба // Последние новости (Париж). 1924. 20 февр. № 1174. С. 1; Р. С. [Словцов Р.] Вечер страшных слов // Там же. С. 2; Яблоновский С. Два вечера. I // Руль. С. 1–2; То же. II // Там же. 26 февр. № 981. С. 1–2; [Б. н.] «Миссия русской эмиграции» // Русская газета в Париже. 1924. 25 февр. № 8. С. 2; [Б. н.] О миссии русской эмиграции // За свободу! (Варшава). 1924. 25 февр. № 53. С. 3; и др.

¹⁰ [Б. н.] Религия и политика «непримиемых» // Последние новости. 1924. 27 февр. № 1180. С. 1.

¹¹ С. П. [Познер С.В.] Вечер самооправданий и демагогии // Там же. 8 апр. № 1215. С. 2.

¹² [Б. н.] Религия и политика «непримиемых». С. 1.

¹³ Гиппиус З. Религия и аполитизм // Последние новости. 1924. 19 марта. № 1198. С. 2.

который вскоре после Февральской революции вступил в ряды Партии народной свободы), при этом все они придерживались разных политических убеждений. Так, Бунин отрицал не только Октябрьскую, но и Февральскую революцию и заявлял о себе как об убежденном стороннике П.Н. Врангеля и А.П. Кутепова, полагая, что только «сильная военная власть может восстановить порядок, усмирить разбушевавшегося скота»¹⁴; Мережковский, отстаивая завоевания Февраля, ратовал за интервенцию и «религиозный фашизм»¹⁵; Шмелев называл себя «монархистом-консерватором с демократическим оттенком»¹⁶; правый кадет, политический и религиозный деятель Карташев открыто выступал за «реакцию», понимая ее расширительно — не просто как возврат к прежнему, но как всестороннее изживание большевизма; у филолога Кульмана была репутация националиста; врач и «общественник» И.И. Манухин тяготел к социал-демократии, дружил с М. Горьким и т. д.

При такой пестроте политических воззрений у их обладателей (как ни пытались они уйти от «политики») не могло не возникнуть разногласий, и эти разногласия не заставили себя долго ждать.

28 января 1924 г. Муромцева-Бунина с горечью записала в дневнике: «Только что вернулись от Манухиных в очень тяжелом настроении. Ив<ан> Ив<анович Манухин> сначала отказался от председательства на собрании, затем стал говорить, что у него нет пафоса произносить речи о доме. Раньше он говорил, что следует устроить такой дом, вид чайной, где могли бы русские находить приют от своей бездомной жизни, призывать богатых жертвовать на устройство этого дома. И он должен был закончить своей речью вечер. <...> Затем Ив<ан> Ив<анович> стал предлагать Иг<оря> Пл<атоновича> Демидова¹⁷ в члены нашего кружка. Мотивируя свое предложение тем, что мы слишком “правы”. Было постановлено, что все речи должны быть, так сказать, в религиозном плане, а потому неважно, каковы политические убеждения говорящего. Сегодня же Ив<ан> Ив<анович>, мотивируя свой отказ от председательства, все время указывал на якобы правую окраску речей, что вызвало отпор Шмелева, указавшего, что стыдно бояться таких слов, как “правый”, и т. д. И вообще нужно искать правды, и, если правду сейчас видишь в национализме, то борись за нее, ничего не боясь. Горячо говорил и Карташев. <...> З<инаида> Н<иколаевна Гиппиус> упрекала Карташева, что он служит правым, он в долгу не остался и сказал: “А вы говорите левые пошлости”»¹⁸.

Еще через несколько дней Манухин вообще отказался «от выступления, подчеркивая, что не хочет выступать под председательством Николая Карловича <Кульмана>»¹⁹.

Почему на вечере не выступали также священник Г.А. Спасский и Н.И. Кульман, неизвестно.

---

¹⁴ Запись в дневнике Муромцевой-Буниной от 29 июня 1923 г. (Устами Буниных. Т. 2. С. 93).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Демидов Игорь Платонович (1873–1946) — общественно-политический деятель, журналист, помощник редактора «Последних новостей», член партии кадетов, один из организаторов Республиканско-демократического объединения.

¹⁸ Устами Буниных. Т. 2. С. 100.

¹⁹ Там же. С. 101.

* * *

Несмотря на усилия участников вечера «Миссия русской эмиграции» придать ему сугубо религиозное звучание, полностью уйти от политики не удалось, что неудивительно, так как ораторы давали религиозную оценку *современности*, а она была насквозь политизирована. При этом — именно с политической точки зрения — вечер оказался в целом однородным, отчего у левых и возникло впечатление, что «религия должна была тут служить целям политики»²⁰. Идейные несовпадения были отодвинуты на задний план ради достижения общей цели — показать «ничтожность и вред узко политических разногласий, разъединяющих эмиграцию и препятствующих по-знанию и воплощению важной и ответственной эмигрантской миссии»²¹.

Однако объективно эта цель не была достигнута, и эффект от выступлений участников вечера оказался обратным. Сами того не ожидая и не желая, они дали повод для новых политических склок: враждующие лагери эмиграции набросились друг на друга с очередной порцией взаимных упреков и обличений. Причиной этого оказался слишком явный для всех «правый уклон» докладчиков. Одна часть эмигрантской общественности восприняла его с пониманием и одобрением, другая сурово осудила.

Между тем сами ораторы, настаивая на том, что они равно далеки и от правых, и от левых, делали акцент на понятии *непримиримости* — к советской власти, к советской культуре, причем в это понятие они вкладывали не столько политический, сколько религиозный и общечеловеческий смысл. Для них оно выражало совершенно определенную — главным образом моральную — позицию по отношению к большевикам.

В эмигрантский речевой обиход слово «непримиримость» было введено четой Мережковских, переехавшей осенью 1920 г. из Варшавы в Париж. Тогда же они создали что-то вроде того Религиозно-философского общества, которое собиралось в их петербургской квартире до революции. В него вошли, помимо Гиппиус и Мережковского, «старый, идеалистически настроенный народник» Н.В. Чайковский, левые кадеты И.П. Демидов и Н.В. Вакар, друг писательской четы, сам писатель В.А. Злобин и Карташев²². Позже к ним присоединились (правда, ненадолго) еще правые эсеры В.В. Руднев и И.И. Фондаминский. В дневниковой записи Гиппиус от 11 марта 1921 г. говорится, что после очередного заседания Фондаминский и Руднев «ушли, ибо не желают (не могут) влиять в “дела” — дух, а дух делать действенным»²³.

Мережковские долго не могли решить, как назвать новообразованное общество, или, как его определила Гиппиус, «сообщество на религиозных основах»²⁴. За

²⁰ [Б. п.] Религия и политика «непримиримых». С. 1.

²¹ [Б. п.] «Миссия русской эмиграции» // Русская газета в Париже. 1924. 25 февр. № 8. С. 2.

²² См.: Пахмус Т. Из архивов Зинаиды Николаевны Гиппиус: Ранние годы эмиграции // Записки Русской академической группы в США. Н. Й., 1990. Т. XXIII. С. 215.

²³ Гиппиус З.Н. Дневники: в 2 кн. / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1999. Кн. 2. С. 321. В.Н. Муromцева-Бунина в своем дневнике среди членов кружка Мережковских упоминает также близкого к социал-демократам адвоката, масона С.А. Балавинского (см.: Устами Буниных. Т. 2. С. 21). Однако в записях Гиппиус имя Балавинского в этой связи не встречается.

²⁴ Гиппиус-Мережковская З.Н. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 302.

небольшой срок сменилось несколько наименований: «Союз Духа», «Религиозный союз», «Союз февральистов», «Союз непримиримых»²⁵. Но еще до того, как последнее название окончательно закрепилось, понятие «непримиримость» стало для Гиппиус и Мережковского основополагающим, служа чем-то вроде индикатора политической приемлемости (или благонадежности), а также своеобразным паролем, посредством которого можно было отличить «своих» от «чужих». Так, оба начали печатать свои статьи в «Общем деле» Вл. Бурцева главным образом потому, что «к большевикам он был “непримирим”»²⁶. Показательна и та характеристика, которую Фондаминский дал соредактору «Современных записок» М.В. Вишняку в ответ на язвительные замечания в его адрес Гиппиус (письмо от 20 декабря 1923 г.): «Он ворчун, но добрый и “непримиримый”»²⁷. На языке Мережковских это значило: он наш²⁸.

На почве «непримиримости» чета Мережковских сблизилась в эмиграции с Буниным, Шмелевым, Куприным и еще целым рядом писателей, журналистов, общественно-политических деятелей.

Достоверных сведений о том, состоял ли Бунин в «Союзе непримиримых», не имеется. Однако точно известно, что Мережковские приглашали Бунина в свой «Союз...»: об этом сказано в дневниковой записи Муромцевой-Буниной от 10 (23) января 1921 г.²⁹ Гиппиус впоследствии вспоминала: «...мы сблизились как разделяющие ту же “юдоль” изгнанничества, притом одинаково (почти) относящиеся к России и совершенно одинаково к большевикам»³⁰.

Правда, спустя некоторое время основатели «Союза непримиримых», видимо, засомневались в целесообразности бунинского членства. Гиппиус 11 марта 1921 г. отметила в дневнике: «Бунин — во-первых, слишком чистый “художник”, а во-вторых — не без черносотенства»³¹. Под «черносотенством» Гиппиус, скорее всего, подразумевала бунинский «антифеврализм»³². Писатель, вообще имевший

²⁵ У Т. Пахмусс встречается несколько иной вариант названия: «Союз непримиримости» (см.: Пахмусс Т. Из архивов Зинаиды Николаевны Гиппиус: Ранние годы эмиграции. С. 215–217).

²⁶ Гиппиус-Мережковская З.Н. Дмитрий Мережковский. С. 301.

²⁷ «Не везет мне с “Современными записками”: З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский и В.А. Злобин / публ., вступ. ст. и примеч. Н.А. Богомолова // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2013. Т. 3. С. 223.

²⁸ Позже, в конце 1920-х гг., когда «Союз непримиримых» перестал существовать, Гиппиус существенно расширила содержание понятия «непримиримость»: для нее отныне быть эмигрантом и значило быть непримиримым. Об этом она писала в статье «Опять о непримиримости» (1929): «...непримиримость — это само существование эмиграции, как и самого слова “эмиграция”. Произнося слово “эмигрант” — мы обязаны подразумевать “непримиримый”. Когда этого нельзя, надо оставить слово в покое» (Гиппиус З.Н. Собр. соч.: в 15 т. / сост., подгот. текста А.Н. Николюкина и Т.Ф. Прокопова; коммент. А.Н. Николюкина. М., 2012. Т. 13. С. 94).

²⁹ См.: Устами Буиных. Т. 2. С. 21.

³⁰ Гиппиус-Мережковская З.Н. Дмитрий Мережковский. С. 307.

³¹ Гиппиус З.Н. Дневники. Кн. 2. С. 321.

³² Вряд ли под этим словом Гиппиус могла иметь в виду антисемитизм. С одной стороны, среди близких Бунину людей было так много этнических евреев (М.О. и М.С. Цетлины, М.А. Алданов, И.И. Фондаминский, Я.М. Цвибак (А. Седых), позднее А.В. Бахрах и т. д.), что его трудно было заподозрить в юдофобии. Ультраправые за его дружбу с евреями даже именовали его «жидовским батткой» (см.: Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям / сост., вступ. ст., коммент. Ст. Нико-

«истинно лютую ненависть и истинно лютое презрение к революциям»³³, и к Февральской революции относился соответствующим образом.

Между тем, как гласила одна из двух важнейших «заповедей» нового объединения, когда оно еще называлось «Союзом февралистов»³⁴, его членами могли стать только «люди, могущие сознательно, и ответственно для себя, заявить: что бы ни переживала Россия, и я лично, — я не способен, даже мысленно, отречься от России новой, пожелать, хотя бы мгновенно, чтобы не было Февральной революции»³⁵. Эта первая (а значит, и главнейшая) «заповедь» формально закрывала Бунина вход в «Союз...» Мережковских. Однако вторая вполне соответствовала его умонастроениям: «...как бы долго ни сидели большевики, я не способен ни на какое внутреннее их принятие и на то внешнее, которое выходит за черту физического насилия»³⁶.

Правда, уже через год требование к потенциальным «союзникам» безоговорочно признавать Февральскую революцию было снято³⁷. Видимо, Мережковские поняли, что подобное требование существенно ограничивает возможности для привлечения в «Союз непримиримых» новых членов. Ведь многие из тех, кто был настроен по отношению к большевикам не менее непримиримо, чем члены «Союза...», не соглашались, подобно Бунину, признавать Февраль.

Так или иначе, не попав по причине своих «черносотенных» убеждений в «круг посвященных», Бунин все равно оставался в орбите «Союза...» и участвовал в некоторых его заседаниях, где обсуждались религиозные, философские, политические вопросы, велись беседы о старой и новой литературе. Не исключено, что на одном из таких заседаний и родилась идея провести вечер на тему «Миссия русской эмиграции».

ненко. М., 2006. С. 108). С другой стороны, сама Гиппиус после опубликования своих «Петербургских дневников» прослыла среди эмигрантов антисемиткой, так что, по свидетельству М.В. Вишняка, от нее и от Мережковского «отвернулись в первое время даже их бывшие друзья» (Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. Bloomington, 1957. С. 131). Много позже, в декабре 1932 г., об антисемитизме Мережковских редактору рижской газеты «Сегодня» М.С. Мильруду писал А. Седых (см.: Абызов Ю., Равдин Б., Флейшман Л. Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов: в 5 кн. Stanford, 1997. Кн. 2. С. 437–438). Что же касается Бунина, то о его «черносотенстве» Гиппиус упоминала и впоследствии — например, в письме к Вишняку от 26 марта 1925 г. говорится, что Бунин, «кроме “Совр[еменных]х” зап[исок]», пишет в двух черносотенных газетах и письма <Б.А.> Суворину, который публично за них благодарит “дорогие строки дорогого академика” («Не везет мне с “Современными записками”». С. 293). Под «черносотенными газетами», очевидно, подразумевались «Русская газета» и «Русская земля» Г.А. Алексинского.

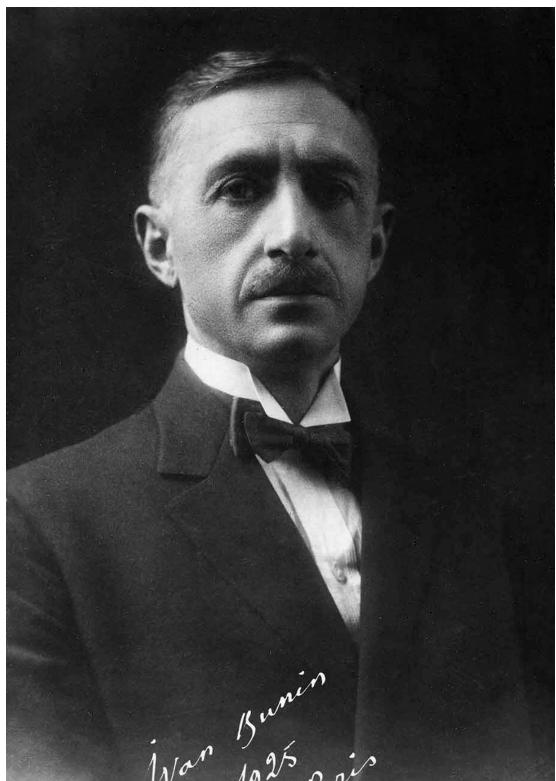
³³ Бунин Ив. Заметки // Южное слово. 1919. 12 (25) нояб. № 71. С. 1.

³⁴ Гиппиус в своей обширной статье «Там, в России», опубликованной в январе — феврале 1921 г., характеризовала свой «союз» двояко: с одной стороны, в «широком» смысле, «“союз февралистов” — это... в сущности, вся Россия», «все ее громадное большинство, без различия классов, только с различием ступеней сознательности»; с другой стороны, в «узком» смысле, это «в то же время и реальный русский интеллигентский, надпартийный союз», разрастающийся «вниз, в виде “Круга непримиримых”». При этом особо подчеркивалось, что «“союз”, несмотря на всю свою реальность, — вне досягаемости “товарищей» (Гиппиус З.Н. Собр. соч. Т. 12. С. 39).

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ См.: Гиппиус З.Н. О верности // Общее дело. 1922. 1 янв. № 531. С. 2.

И.А. Бунин.

На фото надпись: «*Ivan Bunin. 1925. Paris*».

На обороте надпись:

«Дорогому Александру Васильевичу Маклецову от
Ив. Бунина. Grasse, A<lpes> M<aritimes>, 1936».

РАЛ. MS. 1066/6255

Республиканско-демократическое объединение появилось «зачинщиком» дискуссии, развернувшейся в эмигрантской печати. Уже 20 февраля «Последние новости», ставшие с 1921 г. органом партии левых кадетов, которая являлась основой РДО, обрушились на «непримиримых» с резкой, уничтожающей критикой. Им, в частности, были предъявлены обвинения в «реакционности», «аристократизме», «презрении к русскому народу», а сами их выступления были названы «голосами из гроба».

Но едва ли не наибольшее негодование у газеты вызвал сам состав участников «собрания». Она недоумевала, как Бунин, Мережковский и Шмелев — «те, кем Россия по справедливости гордится» — могли «соединиться» с Карташевым, которого в левых кругах считали ренегатом с тех пор, как он возглавил Русский

***

Пик общественной напряженности вокруг выступлений Бунина и его идеинных союзников пришелся на конец февраля — первую половину марта 1924 г. 27 февраля Муромцева-Бунина отметила в дневнике: «Последствия вечера “Миссия русской эмиграции” все еще чувствуются. <...> ... Впечатление огромное, все очень взволновалось»³⁸. Там же сказано, что М.С. Цетлина собиралась «устроить у себя бой: пригласить всех выступавших с одной стороны и Руднева, Милюкова, Литовцева, Вишняка и пр. — с другой»³⁹. Состоялся ли этот «бой», неизвестно, но споры — печатные и устные — по поводу выступлений «непримиримых» продолжались до конца марта 1924 г.

В полемику вокруг вечера «Миссия русской эмиграции» оказались втянутыми, по сути, все политические силы русской эмиграции: от ультралевых до ультраправых. Однако первую скрипку в этом огромном оркестре играло левоцентристское (РДО). Собственно, оно и яви-

³⁸ Устами Буниных. Т. 2. С. 101.

³⁹ Там же.

национальный комитет (РНК)⁴⁰. В этом качестве на протяжении 1920-х гг. Карташев был одной из главных мишеней для политического остроСловия не только «Последних новостей», но и эсеровских «Дней» и «Воли России», сменивновеховской «Накануне» и т. д.⁴¹ Участие Карташева в вечере «Миссия русской эмиграции» было для левой печати главным доказательством правой ориентации его участников. «Соединившись с Карташевым, — утверждал автор передовой «Голоса из гроба»⁴², — три писателя [Бунин, Мережковский и Шмелев] не ему передали свою политическую невинность, а себя впервые окрасили определенным политическим цветом»⁴³. Спустя неделю в другой передовой — «Религия и политика “непримиримых”» — об этом же говорилось более конкретно: «Карташев защищал авторитет Врангеля и белой армии как “носителя исторически-традиционного, священного для народа, нерасторжимого в игре выборов и отставок, авторитета власти”. <...> Другими словами, речь идет о монархии, и даже не об *идее* монархии, а о традиционной связи будущей власти с самодержавием... Вот то начало, которое вместе с защищающей его белой армией г. Карташев ставит под покровительство религии, возводя его в ранг на-

⁴⁰ Республика́нско-демократи́ческое объединение враждовало с Русским национальным комитетом на протяжении целого ряда лет, доказывая реакционный характер его деятельности. По утверждению Милюкова, Комитет относился к категории безусловно правых организаций, притом скрытно исповедующих монархизм (см.: Милюков П.Н. Россия на переломе. Т. 2. С. 278–281). Однако подобная характеристика политического облика этой организации, мягко говоря, неточна. РНК был основан в июне 1921 г. представителями демократических партий (правыми кадетами, социалистами) и беспартийными центристами на «широкой антибольшевистской платформе», «вынесшей за скобки вопрос о монархии и республике» (Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. 2-е изд. М., 1994. Т. 1. С. 41. Курсив наш). Иначе говоря, РНК был вне- или надпартийной структурой, цель которой состояла в сплочении антибольшевистских сил, разобщенных «новой тактикой» Милюкова. Едва ли не главным пунктом программы Комитета значилась поддержка эвакуированной армии, что соответствовало «настроению подавляющего большинства эмиграции», однако его «центристская, “непредрешенческая” позиция не устраивала ни правое большинство, ни левое меньшинство». Правых раздражал «слишком левый» состав Комитета (А.В. Карташев. В.Д. Набоков, В.Л. Бурцев, П.Б. Струве, И.А. Бунин, А.И. Куприн); левые негодовали, что Комитет «поддерживает Врангеля и те реакционные силы, которые стоят за ним и привели к гибели антибольшевистское движение, насаждая “правый большевизм”» (Савицкий И. Прага и зарубежная Россия: (Очерки по истории русской эмиграции 1918–1938 гг.). Прага, 2002. С. 27).

⁴¹ Впрочем, доставалось ему и от правых. Характерны в этом смысле строки из анонимной заметки в еженедельнике «Высший монархический совет», посвященной первому вечеру «Миссия русской эмиграции»: «Интересна была речь А.В. Карташева “О смысле непримиримости”. На этот раз Карташев уже позабыл свои сказанные недавно в Праге трезвые слова о самодержавии и вновь стал самим собою, т. е. неисправимым интеллигентом-либералом. Со всем жаром, свойственным его темпераменту, восхвалял он интеллигентскую святыню — “свободу личности” и громил большевиков за то, что они ее рабски подчинили коллективу, отказывался от грядущей России, если в ней не будет этой свободы. И хотя революция, по Карташеву, “кровавый бред сатанинский”, но это, конечно, революция большевицкая, а не февральская, снявшая с народа оковы. Тут было все: и “идеализм” интеллигенции, и “свободный Христов человек”, и разочарование в Европе, и — ни одного простого слова исторической правды» (Б. н.] В русских кругах за границей // Высший монархический совет (Берлин). 1924. 18 февр. (2 марта). № 116. С. 8).

⁴² Автором этой передовицы предположительно был сам главный редактор «Последних новостей»: обычно именно он писал в газете передовые. См.: Седых А. Далекие, близкие. М., 1995. С. 151–181.

⁴³ [Б. н.] Голоса из гроба. С. 1.

циональной святыни. Люди, ведущие политическую пропаганду в одних рядах с г. Карташевым, очевидно, такую постановку принимают»⁴⁴.

И в дальнейшем «Последние новости» принимали в инициированной ими полемике самое активное участие, по сути, определяя ее характер и направление.

В известном смысле газета П.Н. Милюкова выражала общий взгляд левых кругов эмиграции на идеи, высказанные «непримиримыми». Другие левые издания русского зарубежья, включая даже «Накануне» и просоветский «Русский голос» (Нью-Йорк), лишь своими словами пересказывали-повторяли то, что о вечере «Миссия русской эмиграции» и/или одноименной речи Бунина писали «Последние новости». Главенствующую роль милюковской газеты в этой полемике косвенно признавала и правая пресса: в ее материалах на ту же тему «Последние новости» упоминаются почти так же часто, как имена участников пресловутого вечера, но, в отличие от них, — в исключительно отрицательном контексте. При этом редкий правый публицист не отказывал себе в удовольствии лишний раз лягнуть лидера левых кадетов, которому не могли простить его «новой тактики».

Не осталась в стороне от этих газетно-политических баталий и советская печать: вечеру «Миссия русской эмиграции» и прозвучавшей на нем, а затем опубликованной в правокадетском издании «Руль» одноименной речи Бунина были посвящены публикации в «Известиях», «Правде», «Красной газете».

* * *

Сами «возмутители спокойствия» довольно долго держались в стороне от вызванных ими публицистических битв. Однако в какой-то момент чаша терпения, по всей видимости, оказалась переполненной: было решено нарушить молчание, объясниться, причем не столько с обидчиками — в лице левой прессы, — сколько вообще с эмигрантской общественностью. С этой целью был устроен и 5 апреля 1924 г. проведен второй вечер «Миссия русской эмиграции».

С большой долей уверенности можно утверждать, что первоначально Бунин и его единомышленники не собирались проводить два вечера под одним и тем же названием, так же как не собирались они дважды произносить одни и те же речи. Вторично выходить на эстраду их вынудили именно нападки со стороны левой печати, в первую очередь — «Последних новостей».

Такой вывод можно сделать исходя из того, что писала о втором вечере «Миссия русской эмиграции» милюковская газета. В передовице «Бессильные потуги» и в отчете С.В. Познера «Вечер самооправданий и демагогии» говорится, что основным содержанием всех выступлений были «жалобы» на официоз левых кадетов. «Мы чрезвычайно польщены, — иронизировал по этому поводу автор «Бессильных потуг». — Три “великих писателя”, один богослов и один демагог употребили целый вечер на то, чтобы излить свой гнев на нас и более или менее удачно отпарировать наши замечания по поводу их первого публичного выступления. Второе выступление было так переполнено этими полемически-

---

⁴⁴ [Б. п.] Религия и политика «непримиримых». С. 1.

ми выпадами, что, право, публика могла бы сделать вывод, что, не напади мы на этих писателей, им больше не о чем было бы говорить... Перед многочисленной публикой в течение нескольких часов демонстрировались страдания обиженных самолюбий и делались бессильные потуги — побольнее задеть самого обидчика. “Высокая миссия” совершенно стушевалась перед этой ближайшей задачей, и своей проповеди, по существу, ораторы не продвинули вперед ни на шаг...»⁴⁵

Таким образом, вечер 5 апреля не был простым «повторением лекции, посвященной вопросу: “Миссия русской эмиграции”, как его анонсировала «Русская газета в Париже»⁴⁶, и с той, первой «лекцией», или «беседой», он имел мало общего. Об этом говорит содержание речей «непримиримых». Нет сомнений, что в статьях сотрудников «Последних новостей» эти речи пересказаны с искажениями, однако — это единственный источник сведений о них.

Например, о речи Бунина мы можем судить только по изложению Познера, так как ее автограф не сохранился. Понятно, что точность этого изложения весьма относительна: нельзя забывать о специфике газетного отчета, которому не обязательно быть стенографически точным. Тем не менее есть основания предполагать, что познеровский «конспект» бунинского выступления довольно близок к авторскому тексту: в нем легко узнается целый ряд бунинских автоцитат из статей, опубликованных ранее в разных периодических изданиях русского зарубежья. В их числе — две статьи писателя за 1922 г. («Итоги»⁴⁷ и «Литературные заметки»⁴⁸), а также авторский постскрипту姆 к речи «Миссия русской эмиграции», которая была напечатана 3 апреля 1924 г. в «Руль»⁴⁹. Вместе с тем в тексте, пересказанном Познером, есть ряд мест, которые заставляют подозревать, что Бунин в своем выступлении 5 апреля апеллировал и к некоторым чужим произведениям — в частности, к книге Н.А. Бердяева «Философия неравенства» (Берлин, 1923).

Итак, по словам Познера, Бунин «говорил “лишь за себя и только о себе”. Наша газета намерена загнать его в гроб, а он умирать не собирается⁵⁰. В старые годы поэтов — Тютчева, Фета — “выводили в расход” кличкою “обскуранты”, сделать это с

---

⁴⁵ [Б. п.] Бессильные потуги // Последние новости. 1924. 8 апр. № 1215. С. 1.

⁴⁶ [Б. п.] «Миссия русской эмиграции» // Русская газета в Париже. 1924. 7 апр. № 14. С. 3. С чем было связано как минимум двухдневное запоздание этого анонса, неизвестно.

⁴⁷ См.: Бунин Ив. Итоги // Утро (Нью-Йорк). 1922. 6 янв. № 5. С. 2–3.

⁴⁸ См.: Он же. Литературные заметки // Слово (Париж). 1922. 28 авг. № 10. С. 2.

⁴⁹ См.: Он же. Миссия русской эмиграции: (Речь, произнесенная в Париже 16 февраля) // Руль. 1924. 3 апр. № 1013. С. 6. Здесь и далее речь Бунина цитируется именно по этому изданию, кроме случаев, специально оговоренных в примечаниях.

⁵⁰ Ср.: «...до неправдоподобности странная передовая статья («Голоса из гроба». — А.Б.) положила прочное основание легенде о кровожадных и вместе с тем пророчески призывающих к “божественному существованию” мертвцах, которыми будто бы оказались мы... Московская “Правда” тоже страстью жаждет нашей смерти, моей особенно, для видимости беспристрастия тоже не скучая в некрологах на похвалы. Она сперва сообщила, что я на смертном одре в Ницце, потом похоронила меня (а вместе со мною Мережковского и Шмелева) по способу “Последних новостей” — морально...» (Там же).

собою он не позволит⁵¹. Утверждают, что он отстал⁵², но от чего? — От “красной жизни”, пускает оратор словечко, но вот эта жизнь. И следует длинная цитата из какого-то частного письма, в обычных мрачных красках рисующего жизнь в советской России⁵³. Он читает отрывки из статьи Петрищева, из очерков Степуна и недоуменно спрашивает, почему их никто не называет мертвцами⁵⁴.

“Почему Петрищев может, а я не могу?” Над ним издеваются, ликуют. Раздраженное самолюбие оратора усмотрело издевки и ликования в спокойных аналитических замечаниях нашей передовой⁵⁵, и он знает, где корни этого ликова-

⁵¹ Ср.: «“Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан” — это давно сказано, грубо и даже неумно сказано, а как пришлось ко двору. <...> Но и гражданином предписали быть масти определенной, — те из исполнявших гражданскую обязанность, которые оказывались масти неподходящей, платились жестоко: их немедля понижали даже в поэтических чинах, а порой и совсем лишали всех чинов и званий, их начинали терроризировать, чернить в глазах публики, их ставили “к стенке”, ссылали в бессрочную ссылку — и без всяких разговоров, “на месте”, “по законам революционного времени”, то есть без всяких “судоговорений”, а, главное, даже за малейшую пропинность: чуть что не так, не на пользу “революционному народу”, не в лад с “рабоче-крестьянскими вождями” — “в расход!” <...> И какое множество писателей — из тех, что не желали поддаваться этому разверзанию, — несло иногда целыми десятилетиями свою ссылку, моральную смерть! Сколько со-причислил этот скорый и немилостивый “ревтрибунал” к отверженному лицу “реакционеров”! <...> Вот теперь стали “реакционерами”, “обывателями”, “врагами народа”, “бурцевскими молодцами” и мы — Куприн, Мережковский, Гиппиус, Чириков... Ну, что же, не пропадем, только разве это не явное подражание большевикам, для которых мы, конечно, только “белогвардейская сволочь”, только умно ли это — шельмовать всех поголовно?..» (Бунин Ив. Литературные заметки // Слово. 1922. 28 авг. № 10. С. 2).

⁵² Ср.: «И легенда все растет, и вот какой-то г. Быстров доходит уже до того, что утешает “Последние новости” насчет общественного влияния того вздора, который ими же самими и выдуман: не бойтесь, говорит он в номере от 25 марта, молодежь не пойдет за этими писателями, “ставшими за границей публицистами и на сто лет от жизни отставшими!”» (Бунин Ив. Миссия русской эмиграции // Руль. С. 6). Бунин цитирует фрагмент статьи общественного деятеля Н.В. Быстрова «Большое легкомыслие» (Последние новости. 1924. 25 марта. № 1203. С. 2), которая содержала анализ доклада М.А. Осоргина «Трагедия молодежи».

⁵³ Ср.: «Каковы последние вести из России? Вот кое-что *наиболее типичное и наиболее достоверное*. Во-первых — из одного петербургского письма: — *Переживаем трагедию замещения старых богов — новыми...* Всем старым партиям — конец... Общий лозунг — “обогащайтесь!” — Больше не будет Тургеневых, Толстых, будут Стиннесы и Ратенау, будут янки... Остатки прежней интелигенции умирают в нищете, в самом черном труде... У новых людей — повадки, манеры резки, грубы, особенно неприятна молодежь — *многие совершенно дикие волки...* Неравенство растет... Колossalная безработица... Рабочие, прислуга, мастеровые бегут в деревню... Школы в неописуемом состоянии, университеты мертвты... Время ужасающего индивидуализма, хищничества, зависти, бессердечия к чужим страданиям...» (Бунин Ив. Итоги // Утро. 1922. 6 янв. № 5. С. 2. Курсив Бунина).

⁵⁴ Какую из статей А.Б. Петрищева и какие очерки Ф.А. Степуна цитировал, по утверждению Познера, Бунин, в точности неизвестно. Только с 1 января по 5 апреля 1924 г. в газете «Дни», где сотрудничал Петрищев, было опубликовано по меньшей мере 10 его статей, так или иначе посвященных советской действительности (быту, экономике, внутрипартийной борьбе, положению в деревне и т. п.). Степун в 1923–1928 гг. печатал серию очерков под общим заглавием «Мысли о России» в «Современных записках». Не исключено, что на вечере 5 апреля 1924 г. у Бунина в руках был номер «Дней» за 30 марта 1924 г., где были напечатаны и статья Петрищева «Паутина в быту» (о советском безбожии), и фрагмент IV очерка Степуна «Мысли о России» (о социальном расслоении и атмосфере всеобщего доносительства в Стране Советов), который вскоре в полном объеме появился в XIX книге «Современных записок».

⁵⁵ Имеется в виду передовая «Голоса из гроба» в «Последних новостях».

ния. — “Наша взяла!”, читает он в сердце автора нашей передовой и комментирует: “Чего лучше: установили демократию! Чего демократию! почти всех вырезали! Эти соучастники убийства России так осмелели, что рычат на того, у кого навернулись слезы при зрелище бедствий, обрушившихся на родину”. Он дает себе отчет, что от нашего органа его отделяет пропасть: “Последние новости” стоят на фундаменте правовом, демократическом, а у него побуждения — религиозные, духовные. Но все же он хотел бы, чтобы и мы его поняли. Он перечитывает свои стихи, о которых шла речь в нашей передовой⁵⁶, и объясняет их. Суть в том, что, кроме земной родины, есть родина вечная, “вечная обитель”. Все поэты: Шиллер, Шене, Баратынский — на склоне лет становились консерваторами, поклонниками прошлого⁵⁷. Сам Бог установил иерархию, отрицает равенство и утверждает аристократизм⁵⁸. Впрочем, оратор готов присягнуть и республике, если она окажется достойной того⁵⁹. Но быть собачкой Жучкой, которой говорят “умри！”, и она издается, он никак не хочет»⁶⁰.

* * *

Второй вечер «Миссия русской эмиграции», в отличие от первого, не вызвал большого общественного резонанса, и публикации о нем были только

⁵⁶ Имеются в виду «Семь стихотворений» Бунина, напечатанные в конце 1923 г. в журнале П.Б. Струве «Русская мысль» (см.: Бунин Ив. Семь стихотворений: I. Сон епископа Игнатия Ростовского («Сон лютый снился мне: в полночь, в соборном храме...»); II. «Хозяин умер, дом забит...»; III. «Едем бором, черными лесами...»; IV. «Наполовину вырубленный лес...»; V. «Душа навеки лишена...»; VI. «Зарос крапивой и бурьяном...»; VII. «Все снится мне заросшая травой...» // Русская мысль (Прага). 1923. Кн. VI–VIII. С. 3–7). В передовой «Голоса из гроба» о них говорилось: «В последней книжке “Русской мысли” — находим яркое выражение настроения “непримиримых” — в “семи стихотворениях” Бунина. Они все выдержаны в одном настроении... “Зарос крапивой и бурьяном мой отчий дом. Живи мечтой, надеждами, самообманом”: такова формула, таков завет этого настроения...» ([Б. н.] Голоса из гроба. С. 1).

⁵⁷ Ср.: «И никому-то даже и в голову не пришло задаться вопросом, право, довольно серьезным и сложным: да почему же это были (или, по крайности, казались, именовались) “реакционерами” Гете, Шиллер, Андре Шене, Вальтер Скотт, Диккенс, Тэн, Флобер, Мопассан, Державин, Батюшков, Жуковский, Карамзин, Пушкин, Гоголь, Аксаковы, Киреевские, Тютчев, Фет, Майков, Достоевский, Лесков, гр. А.К. Толстой, Л. Толстой, Гончаров, Писемский, Островский, Ключевский, даже и Тургенев, не раз не угождавший “молодежи” — и почему так высоко превознесены были Чернышевский со своим романом, Омулевский, Златовратский, Засодимский, Надсон, Короленко, Скиталец, Горький?...» (Бунин Ив. Литературные заметки // Слово. 1922. 28 авг. № 10. С. 2).

⁵⁸ См., что на этот счет говорится у Бердяева в «Философии неравенства»: «Аристократия сотворена Богом и от Бога получила свои качества. <...> Возможна и оправдана лишь аристократия Божьей милостью, аристократия по духовному происхождению и призванию и аристократия по благородству происхождения, по связи с прошлым. <...> В истории существует водительство меньшинства, водительство аристократии. Восстание против этого водительства есть посягательство на тайну истории...» (Бердяев Н. Философия неравенства: Письма к моим недругам по социальной философии. Берлин, 1923. С. 105–106, 117–118).

⁵⁹ Ср. с записью в дневнике Муромцевой-Буниной от 2 мая 1925 г.: «Ян сказал: “Я и сам за республику. Монархию я жалею, как вообще прежнюю Россию. Конечно, если бы <великий князь> Н<николай> Н<николаевич> пошел в Москву и навел порядок, то, вероятно, он сделал бы это лучше, чем Милков с Мироновым”» (Устами Буниных. Т. 2. С. 115).

⁶⁰ С. П. [С.В. Познер]. Вечер самооправданий и демагогии. С. 2. Курсив Познера.

в «Последних новостях». Внимание эмигрантской и не только эмигрантской общественности сосредоточилось на речи Бунина, опубликованной в «Руле». Ее обсуждение — в печати, в частной переписке — продолжалось до начала мая 1924 г., а отдельные отклики (например, М. Горького) появлялись даже в 1926 г.⁶¹

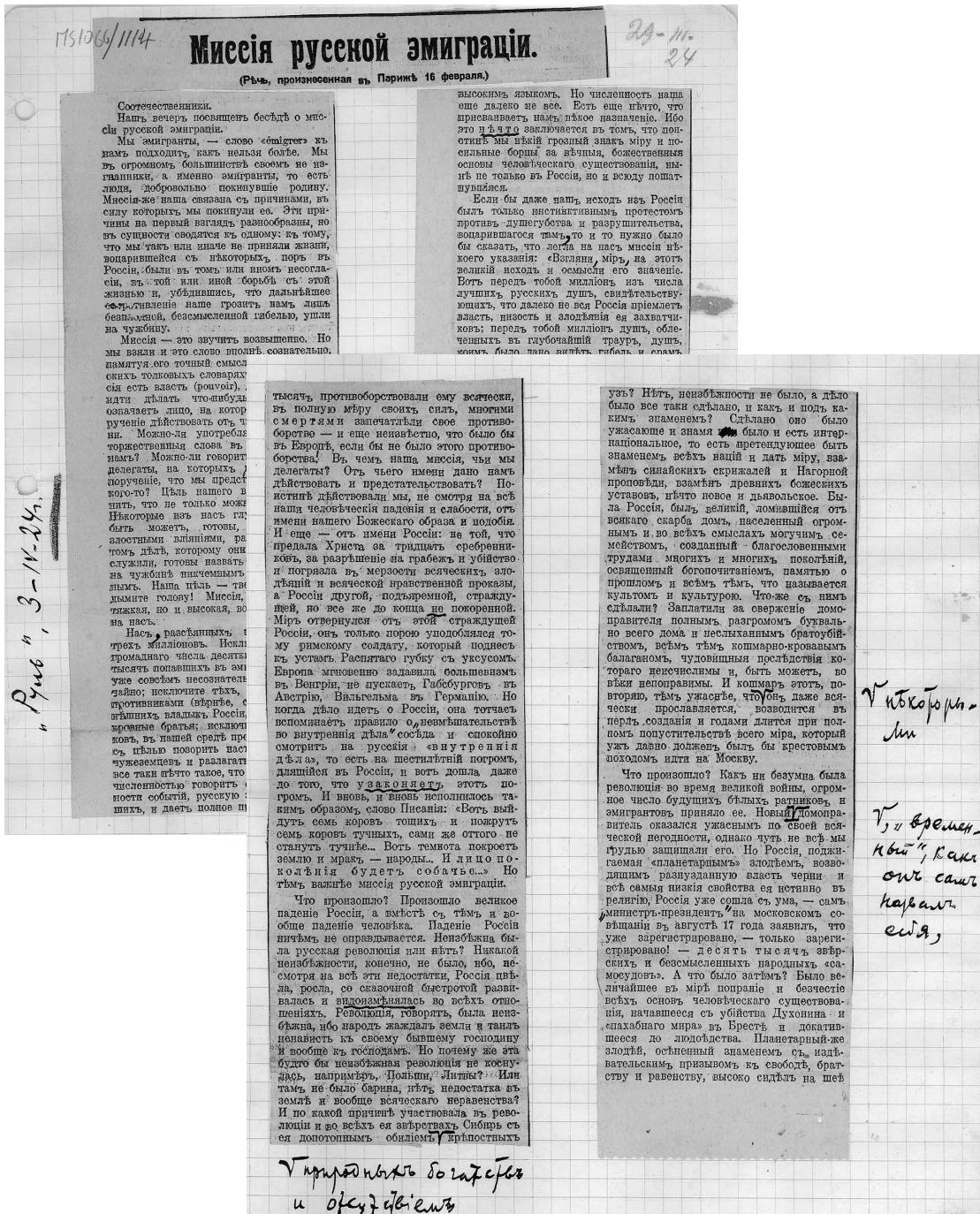
В целом же в полемике вокруг вечеров «Миссия русской эмиграции» и одноименной речи Бунина приняло участие *по меньшей мере* 16 периодических изданий, в том числе газеты: «Последние новости» (Париж), «Руль» (Берлин), «Русская газета в Париже», «Накануне» (Берлин), «Дни» (Берлин), «Русь» (София), «Новое время» (Белград), «Старое время» (Белград), «Русский голос» (Нью-Йорк), «Вечернее время» (Париж), «Последние известия» (Ревель), «Известия» (Москва), «Правда» (Москва), «Красная газета» (Ленинград); еженедельник «Высший монархический совет» (Берлин); журнал «Воля России» (Прага). Разумеется, этот перечень не является исчерпывающим. Не исключено, что отклики на «беседы» о миссии русской эмиграции и конкретно на речь Бунина появлялись и в других изданиях русского зарубежья и ССР.

Но прежде чем говорить о том, как соотечественники Бунина, разъединенные революцией, Гражданской войной, политическими убеждениями, восприняли его знаменитую речь, обратимся к самому тексту «Миссии русской эмиграции», к истории ее создания и первых — как зарубежных, так и отечественных — публикаций.

* * *

Как уже упоминалось, вечер «Миссия русской эмиграции» был задуман еще в конце 1923 г. Что же касается одноименной бунинской речи, то время возникновения ее замысла точно неизвестно: в опубликованных дневниках писателя и его жены сведений на этот счет не имеется. Рукопись речи, по-видимому, не сохранилась: она не значится ни в одном каталоге бунинских фондов в отечественных и зарубежных архивах. Тем не менее очевидно, что большая часть речи была написана под живым, «горячим» впечатлением от «злобы дня», от важнейших событий конца января — начала февраля 1924 г.: в их числе смерть Ленина, переименование Петрограда, международное признание «Советов». Религиозный подход в оценке этих событий, выбранный Буниным (как и другими «непримиримыми»), избавлял его от необходимости четко обозначать свою политическую позицию, а также давать эмигрантской общественности конкретную программу действий в новых условиях. И если Мережковский призывал к «крестовому походу на Москву» (надо думать, не только в фигуральном, но и вполне конкретном смысле, включая интервенцию, сторонником которой он всегда был), то суть бунинского выступления сводилась к чисто духовному, нравственному противлению «власти Антихриста»: «Миссия русской эмиграции, доказавшей своим исходом из России и своей борьбой, своими ледяными походами, что она не только за страх, но и за совесть не приемлет Ленинских градов, Ленинских заповедей, миссия эта заключается ныне в про-

⁶¹ См.: Горький М. Из дневника // Красная газета (Ленинград). Вечерний выпуск. 1926. 30 июля. № 176. С. 2; То же // Огонек (Москва). 1926. № 31. С. 6.

Публикация речи И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции» в газете «Руль» (Берлин).

1924. 3 апр. № 1013. С. 5. Вырезка с правкой автора. РАЛ. MS. 1066/1114

должении этого неприятия. <...> Это глубоко важно и вообще для неправедного времени сего, и для будущих праведных путей самой же России»⁶².

Появление бунинской речи в газете «Руль» 3 апреля 1924 г., скорее всего, было вызвано теми же причинами, которые побудили «непримиримых» вторично сбратить публику в Salle de Géographie. Указание на это содержится в авторском постскриптуме к речи: по словам писателя, цель ее опубликования состояла в том, чтобы «хотя несколько опровергнуть кривотолки, которым подвергся в печати, а благодаря ей отчасти и в обществе» первый вечер «Миссия русской эмиграции»⁶³. При этом может возникнуть вопрос: почему Бунин опубликовал свою речь именно в «Руле» — в газете с ярко выраженной партийной (право-кадетской) окраской, притом издававшейся в Берлине, — а не стал печатать свою «Миссию», например, в «Русской газете в Париже», сотрудником которой формально числился⁶⁴ и где, к слову, свою речь «Душа Родины» опубликовал Шмелев?⁶⁵

Безусловно, выбор в пользу «Руля» был сделан Буниным неслучайно. У него уже был опыт сотрудничества с этой газетой, имевшей репутацию «одного из самых интеллигентных изданий зарубежья»⁶⁶. В первой половине 1920-х гг. Бунин опубликовал в «Руле» целый ряд стихотворений и рассказов, а также эссе из цикла «Записная книжка» (1921) и статью «Самогонка и шампанское» (1921). В воскресном приложении к «Рулю» — еженедельнике «Наш мир» также было напечатано несколько произведений писателя. Газета И.В. Гессена⁶⁷ в ту

---

⁶² Бунин Ив. Миссия русской эмиграции // Руль. С. 5.

⁶³ Там же. С. 6.

⁶⁴ Бунин не кривил душой, когда в своем «Письме в редакцию» эсеровской газеты «Дни» заявил: «...в парижской “Русской газете” я “ближайшего участия” не принимаю, — там мое имя просто в числе сотрудников, — и посему ни за какие статьи этой газеты ответственности на себя не беру» (Бунин Ив. <Письмо в редакцию> // Дни (Берлин). 1923. 6 июня. № 180. С. 5). До мая 1924 г. бунинские произведения (в основном стихи) в «Русской газете» не появлялись. Тем не менее это «отречение» было воспринято литературной эмиграцией неоднозначно. Так, М.А. Алданов писал М.В. Вишняку 28 июля 1923 г.: «Бунин — политик очень плохой, об этом нет спора, и участие в газете Алексинского — лучшее доказательство, как и письмо в ред<акцию> “Дней”. Но к нему как к человеку Вы, по моему, несправедливы. У него как у человека громадные недостатки, но и громадные достоинства. Я его люблю. Кстати, кто его надоумил написать письмо в ред<акцию> “Дней”? Вы пишете: близкие люди. Я ему об этом ничего не писал» («“Современные записки”, с которыми я так связан»: М.А. Алданов / публ., вступ. ст. и примеч. Е.Б. Рогачевской // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. М., 2012. Т. 2. С. 45). С «Русской газетой» Бунин был связан главным образом через А.И. Куприна и Г.А. Алексинского, в газете которого «Огни» (Прага) он печатался в 1921–1924 гг. Отношения с редакцией складывались непросто, и к началу 1925 г. Бунин прекратил свое участие в «Русской газете».

⁶⁵ Шмелев Ив. Душа Родины // Русская газета в Париже. 1924. 3 марта. № 9. С. 2–3.

⁶⁶ Зверев А.М. «Руль» // Литературная энциклопедия Русского зарубежья. 1918–1940. Т. 2: Периода и литературные центры. С. 353.

⁶⁷ Возможно, Бунин и Гессен были знакомы еще до революции. В мае 1920 г. Гессен предложил писателю, как и целому ряду его коллег, сотрудничать в еще только затевавшемся «Архиве русской революции». Бунин тогда ответил полным согласием (см.: Письмо И.А. Бунина И.В. Гессену / публ. С. П. // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 160–161), но до его участия в этом издании дело так и не дошло.

пору была для него едва ли не единственным периодическим изданием, которое устраивало его во всех отношениях: творческом, материальном и политическом⁶⁸ — чего, по всей видимости, нельзя было сказать о «Русской газете в Париже». Показательны в этом смысле строки из бунинского письма к Шмелеву от 1 октября 1924 г.: «Я тоже кое-что написал, только куда опять-таки, кроме “Руля”? “Окно” захлопнулось, “Совр*еменные* записки” могут брать только на три копеечки...»⁶⁹ Как мы видим, «Русской газеты» в этом перечне нет, хотя в то время Бунин уже давно печатался в ней, тем самым как бы оправдывая присутствие своего имени в списке ее сотрудников.

Вместе с тем у нас есть основания предполагать, что публикация бунинской речи в газете Гессена могла не состояться. Вскоре после первой «беседы» о миссии русской эмиграции речи ее участников планировалось издать в составе соответствующего сборника⁷⁰. Однако это издание не было осуществлено.

Так или иначе, «Руль» предоставил для «Миссии русской эмиграции» свои столбцы «с несомненным сочувствием, поскольку и тон, и пафос этой речи вполне согласовывались с позицией газеты»⁷¹.

* * *

Спустя 30 с лишним лет писатель Н.Я. Рощин вспоминал: «В 1923 г. [так!]... он [И.А. Бунин] прислал... подарок — помещенную на целой полосе гессеновского “Руля” статью “Миссия Российской [так!] эмиграции”, столь его опозорившую и о которой сам он говорил впоследствии, что этим выступлением его “черт попутал”»⁷².

Эти строки сопоставимы с тем, что о бунинской публицистике (в частности, об «Окаянных днях») писали «зубры» советской словесности: В.В. Вишневский⁷³,

⁶⁸ Политически «Руль» был близок Русскому национальному комитету, в котором состоял и Бунин. Близость эта была обусловлена среди прочего тем, что один из основателей и соредакторов «Руля», В.Д. Набоков, был также одним из основателей Комитета и членом его правления.

⁶⁹ «А Париж Вам может быть полезен всячески...»: Письма Ивана Алексеевича и Веры Николаевны Буниных к Ивану Сергеевичу и Ольге Александровне Шмелевым / вступ. заметка, подгот. текстов и примеч. С.Н. Морозова // Москва. 2001. № 3. С. 193.

⁷⁰ См.: [Б. н.] «Миссия русской эмиграции» // Русская газета в Париже. 1924. 3 марта. № 9. С. 3; [Б. н.] Миссия эмиграции // Последние известия (Ревель). 1924. 6 марта. № 62. С. 1.

⁷¹ Зверев А.М. «Руль». С. 352. В каком-то смысле повторилась история с лекцией «Великий дурман», которую Бунин хотел вначале выпустить отдельной книгой, но в конце концов напечатал в «Южном слове» и «Родном слове» в виде отрывков-«фельетонов». Подробнее об этом см. нашу статью: Бакунцев А.В. Лекция И.А. Бунина «Великий дурман» и ее роль в личной и творческой судьбе писателя // Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, 2011. М., 2011. С. 17–44.

⁷² Рощин Н. Воспоминания о Бунине и Куприне / публ., подгот. текста Л. Голубевой // Вопросы литературы. 1981. № 6. С. 171.

⁷³ См. запись от 1 марта 1945 г. в дневнике Вс. Вишневского: «Читал Бунина “Окаянные дни”. Это сильно, злобно, талантливо... Читать трудно — все грубо, едко, беспощадно... Если вы, Бунин, еще живы, да будет вам стыдно!» (Вишневский Вс. Статьи, дневники, письма. М., 1961. С. 484–485).

Л.В. Никулин⁷⁴, К.М. Симонов⁷⁵, А.К. Тарасенков⁷⁶ и даже А.Т. Твардовский⁷⁷. Все они на разные лады твердили одно и то же: а именно, что в 1917 г. Бунин совершил «роковую ошибку», сделавшись непримиримым врагом советской власти; что в своей публицистике он сполна проявил свое «классовое лицо помещика-крепостника» и что в целом эта ярая, «злопыхательская» публицистика недостойна его, безусловно, большого таланта, а потому должна быть «с презрением отвергнута»⁷⁸.

Нет причин сомневаться в искренности этих суждений, ведь принадлежат они не просто литераторам, но еще и «правоверным» коммунистам. Однако нельзя забывать и о том, что за «возвращение» некогда опального автора к советскому читателю, за «реабилитацию» его творческого наследия тогда, в 1950–60-х гг., надо

⁷⁴ «Написанные Буниным в разное время публицистические статьи, очерки и некоторые его рассказы недостойны его таланта и часто не отличаются от злобных, злопыхательских писаний эмигрантских клеветников. Отчасти это объясняется характером Бунина, теми его “личными чувствами”, о которых он сам писал в “автобиографических заметках”» (Никулин Л.В. Чехов. Бунин. Куприн. Литературные портреты. М., 1960. С. 262).

⁷⁵ В очерке Симонова «Из записей об И.А. Бунине», в частности, об «Окаймленных днях» говорится: «При чтении этой книги записок о гражданской войне было тяжелое чувство: словно под тобой расступается земля, и ты рушишься из большой литературы в трясину мелочной озлобленности, зависти, брезгливости и упрямого до слепоты непонимания самых простых вещей» (Симонов К.М. Собр. соч.: в 10 т. М., 1984. Т. 10. С. 360).

⁷⁶ «Та позорная политическая позиция, которую занимал И.А. Бунин в годы революции, те глубоко враждебные выпады против советского народа, которые допускал писатель со страниц белогвардейских газет, вызывают наше глубокое возмущение и справедливое осуждение. <...> Печальным памятником позорных заблуждений останутся дневники, статьи и некоторые стихи и рассказы И.А. Бунина, опубликованные в двадцатых–тридцатых годах в белоэмигрантских изданиях. Эти страницы бунинского литературного наследия советский читатель с брезгливым негодованием отмечает прочь» (Тарасенков А.Н. О жизни и творчестве И.А. Бунина // Бунин И.А. Избранные произведения. 1892–1944. Челябинск, 1963. С. 13–14).

⁷⁷ «Бунинские писания, подобные его дневникам 1917–1919 годов “Окаймленные дни”, где язык искусства, взыскательный реализм, правдивость и достоинство литературного изъяснения просто покидают художника, оставляя в нем лишь иссушающую злобу “его превосходительства, почетного члена императорской Академии наук”, застигнутого бурями революции и терпящего от них порядочные бытовые неудобства и лишения, — эти писания мы решительно отвергаем...» (Твардовский А. О Бунине // Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. М., 1965. Т. 1. С. 31). Об этой вступительной статье Твардовского А.К. Бабореко писал Л.Ф. Зурову 6 августа 1965 г.: «Предисловие к “Собранию сочинений” И.А. Бунина Вас не обрадует, как не обрадовало оно и меня. <...> Статья неоригинальна, повторяет ходячие мнения, которые нетрудно опровергнуть. Это было неожиданно для меня» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 34. Л. 116 об.).

⁷⁸ Тарасенков А.Н. О жизни и творчестве И.А. Бунина. С. 13–14; Твардовский А. О Бунине. С. 30–32; Большая советская энциклопедия / под ред. О.Ю. Шмидта. М., 1927. Т. 8. Стб. 126–127; То же / под ред. С.И. Вавилова. 2-е изд. М., 1951. Т. 6. С. 289. Литературная ценность бунинской публицистики и сегодня признается далеко не всеми. Например, ректор Московского гуманитарного университета и одновременно председатель Попечительского совета литературной Бунинской (!) премии И.М. Ильинский считает недопустимым печатание в России публицистических произведений писателя — уже потому, что сам Бунин якобы «завещал не переиздавать свою публицистику после его смерти» (Ильинский И.М. Белая правда Бунина: (Заметки о бунинской публицистике) // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. С. 5). Между тем ни в основном тексте бунинского «Литературного завещания» (1942), ни в позднейшем дополнении к нему (1951) о публицистике не говорится ни слова.

было чем-то платить. Такой «платой» (или «жертвой») стала бунинская публицистика: недопускаемая на страницы периодических изданий и книг, она в то же время нещадно порочилась в критических и научных статьях, в литературоведческих и историко-литературных монографиях. При этом неуклонно и последовательноискажался личностный и творческий облик самого писателя. Его, по выражению С.П. Крыжицкого, «“подчистили” — кое-что умолчали, кое-что извратили или изъяли (“как недостойное большого писателя”), а в местах, которые могут смутить читателя, поставили пять типографских знаков: <...>. Предложение, фраза, мысль обрывается — дальше, мол, неинтересно. А вот именно за этими тремя точками в стрельчатых скобках и раскрывается подлинное лицо Бунина, страницы, истекающие “живыми ранами России”...»⁷⁹

Думается, что приведенные выше строки рошинских мемуаров были продиктованы тем же «литературно-чекистским» стремлением «подчистить», «причесать» Бунина и при этом опорочить, дискредитировать идеологически «ненужную» часть его творческого наследия. Ведь советский читатель, для которого Рошин предназначал свои «Воспоминания», доступа к бунинской «статье» в гессеновском «Руле» не имел, а сам ее автор и вовсе давно покончил с собой на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. Так что мемуарист мог быть спокоен: указать ему на явные фактические ошибки в датировке и названии бунинской «статьи» и тем более опровергнуть его высказывание *по существу* было некому. Не было это сделано и при публикации рошинских мемуаров в 1981 г., что, в общем, вполне объяснимо — с учетом особенностей тогдашней идеологической и общественно-политической обстановки. Однако сегодня можно с уверенностью сказать, что утверждение Рошина, будто Бунин был «опозорен» своей «Миссией русской эмиграции» и впоследствии раскаивался в том, что выступил с этой речью («черт попутал»), не соответствует действительности. Бунин не только не стыдился своей речи, но, напротив, по меньшей мере еще дважды (после 1924 г.) возвращался к ее тексту с целью повторного опубликования. В итоге одна из этих двух *авторизованных* (или даже авторских) републикаций была осуществлена, другая — нет. Всего же при жизни Бунина «Миссия русской эмиграции» перепечатывалась три раза.

* * *

Первым — уже в июле 1924 г. — бунинскую речь перепечатал литературный иллюстрированный журнал ревельских монархистов «Эмигрант» (№ 4. С. 2–6). Была ли эта републикация авторизованной, неизвестно. Ее текст содержит ряд незначительных искажений лексического и пунктуационного характера (например, трижды напечатано «представительствовать» вместо «предстательствовать»; в нескольких местах используется знак «;» вместо «,» и др.). Кроме того, в «Эмигранте» представлена только сама *речь* Бунина, а его авторский постскриптум «своими словами» пересказан в острополемическом и местами исключительно грубою редакционном предисловии под заглавием «Кто они?», направленном против Милюкова и его

---

⁷⁹ Крыжицкий С. Замолчанный Бунин // Бунин И.А. Под серпом и молотом. Лондон (Канада), 1975. С. 8.

Миссія Русской Эмиграціи.

Кто они?

Въ Парижѣ, въ послѣднее полугодіе было устроено рядъ вечеровъ, посвященныхъ бесѣдѣ о русской эмиграціи. Въ нихъ принимали участіе выдающиеся ученые, писатели, адвокаты и общественные деятели.

На одномъ изъ такихъ вечеровъ выступилъ съ рѣчью, произведшей исключительное впечатлѣніе на слушателей,— известный писатель И. Бунинъ.

Успѣхъ этой рѣчи и вообще вечеровъ всполошилъ заграничное „осиное гнѣздо“, какъ именуются нынѣ жалкіе остатки бывшихъ русскихъ соціалистическихъ партій, состоящіе, собственно говоря, изъ однихъ оскальдившихся и покинутыхъ рядовыми членами вождей. И вотъ они, вкупѣ съ впавшимъ въ старческий маразмъ Милюковымъ, выпустили въ своихъ газетахъ цѣлый рядъ статей, въ которыхъ приписывали И. Бунину и затѣмъ, съ пѣнкою у рта, опровергали то, чего онъ вовсе и не говорилъ, т. е. прибѣгли къ своему испытанному шулерскому прѣму.

Конечно, эти статьи успѣха, по крайней мѣрѣ, среди эмигрантовъ не имѣли, такъ какъ авторы ихъ хорошо известны. Вѣдь, въ свое время, у Милюкова, Керенского, Чернова и Ко. была власть, денежные и материальные ресурсы огромной страны, поддержка интеллигенции, однимъ словомъ исключительно благопріятныя возможности показать свои способности и умѣніе. И что же они сдѣлали съ Россіей, съ народомъ, съ нами??!

Ни одно правительство въ мірѣ такъ

скандально и глупо не проваливалось.

Мало того, когда лучшіе русскіе люди, желая исправить содѣянное этими горе-правителями, вели смертельную борьбу на фронтахъ, они помогали нашимъ врагамъ, разлагая взболоченные тылы Колчака, Деникина, Врангеля, о чёмъ сами же потомъ цинично оповѣстили.

Они предали довѣрившихся имъ Государя и Колчака, смерть которыхъ лежитъ на ихъ совѣсти, какъ и смерть, разореніе и лишеніе родного крова многихъ миллионовъ русскихъ людей.

Казалось бы, послѣ всего совершенного, имъ слѣдовало бы только каляться и никоимъ образомъ не выступать ни въ роли учителей, ни въ роли критиковъ.

Но, очевидно, они природы своей измѣнить не могутъ, и мѣткая фраза И. Бунина, о тѣхъ, которые „будучи противниками, вѣрнѣ соперниками, нынѣшихъ владыкъ Россіи, суть, однако, кровные братья послѣднихъ“, пребывающіе въ нашей средѣ лишь съ цѣлью *позорить насъ передъ лицомъ чужеземцевъ и разлагать насъ*, попала не въ бровь, а прямо въ глазъ ни кому-нибудь другому, а именно этой компании. Не даромъ же они такъ всполошились.

Есть хорошая итальянская пословица:
„Мыть голову осламъ, — терять напрасно мыло и воду“.

Пародируя ее, можно сказать:
Отвѣтить на плохо переваренную зловонную старческую жвачку Милюкова и обычные инсинуации Керенского

Статья «Кто они?» в литературном иллюстрированном журнале «Эмигрант» (Ревель).

1924. № 4. Июль. С. 1

идейных союзников⁸⁰. В заключительных строках этого предисловия говорилось: «В опровержение кривотолков, которым подверглась в упомянутых выше газетах⁸¹, а благодаря им — и в других, речь И. Бунина, мы печатаем ее полностью, и пусть читатель узнает, что именно было сказано на этом вечере “мертвецов-эмигрантов” (выражение Милюкова) — живых носителей русской государственной идеи»⁸².

Второй раз бунинская «Миссия русской эмиграции» была перепечатана в декабре 1933 г. в газете П.Б. Струве «Россия и славянство» (№ 227. С. 1). Здесь знаменитая речь писателя представлена в сильно сокращенном виде, со следами довольно существенной стилистической — то ли авторской, то ли редакторской — правки, под заголовком «И.А. Бунин об исторической миссии русской эмиграции». Републикацию предваряет редакционное предисловие: «Мы с особым удовольствием, в связи с увенчанием Ивана Алексеевича Бунина Нобелевской премией, с его разрешения помещаем выдержки из замечательной речи его о “миссии русской эмиграции”, произнесенной им 16-го февраля 1924 г. в Париже, на публичной беседе, на которой вместе с ним выступали А.В. Карташев, Д.С. Мережковский, Н.К. Кульман и И.С. Шмелев. Речь эта была в свое время полностью напечатана в газете “Руль” (№ 1013 от 3 апреля 1924 г.)»⁸³. При этом авторский постскриптум, носивший ярко выраженный полемический и злободневный характер, в силу его неактуальности в 1933 г. в «России и славянстве» воспроизведен не был.

Наконец, третья прижизненная перепечатка бунинской речи была осуществлена, по всей видимости, уже из газеты Струве. Под тем же заголовком, но с еще большими изъятиями «Миссию русской эмиграции» поместил на своих страницах ежегодный однодневный сборник «День русской культуры» (Харбин, 1934. С. 6–8). В ряде источников в качестве места издания этого сборника ошибочно указан Париж⁸⁴. Главной темой сборника также явилось присуждение Нобелевской премии Бунину: его пор-

⁸⁰ Автор — или авторы — этого предисловия позволили себе, например такие выражения: «впавший в старческий маразм Милюков», «Отвечать на плохо переваренную зловонную старческую жвачку Милюкова и обычные инсинуации Керенского и Ко, это — терять даром бумагу и чернила» и др. Российские «горе-правители» (Керенский, Милюков, Чернов) обвинялись не только в том, что они не воспользовались имевшимися в их распоряжении «властью, денежными и материальными ресурсами огромной страны, поддержкой интеллигенции, одним словом, исключительно благоприятными возможностями показать свои способности и умение», но и в том, что, «когда лучшие русские люди, желая исправить содеянное этими горе-правителями, вели смертельную борьбу на фронтах, они помогали нашим врагам, разлагая взбаламученные тылы Колчака, Деникина, Врангеля, о чем сами же потом цинично оповестили» ([Б. н.] Кто они? // Эмигрант (Ревель. 1924. № 4. С. 1–2).

⁸¹ В этом предисловии никакие газеты конкретно не упоминаются: сказано только вообще об изданиях «жалких остатков бывших русских социалистических партий».

⁸² [Б.н.] Кто они? С. 2.

⁸³ Ред~~акция~~. [Предисловие]. И.А. Бунин об исторической миссии русской эмиграции // Россия и славянство (Париж). 1933. Дек. № 227. С. 1.

⁸⁴ См.: Крыжицкий С. Примечания // Бунин И.А. Под серпом и молотом. С. 229; Василевская О.Б. Примечания // Бунин И.А. Великий дурман. С. 293; Скроботова О.В. Жанрово-тематическое многообразие “внехудожественного” творчества И.А. Бунина 1917–1923 годов: дневники, публицистика: Автoreферат дис. ... канд. филолог. наук. Елец, 2006. С. 15; Иван Алексеевич Бунин: Библиография первых изданий в газетах, журналах, литературно-художественных альманахах и сборниках (1887–1987) / сост. Й. Кржесалковой; сост. указателей М. Ржегаковой. Прага, 2011. С. 159.

Обложка ежегодного сборника
«День русской культуры» (Харбин, 1934)

«День русской культуры» с бунинскими пометами на полях⁸⁵. Согласно сообщению куратора архива — Ричарда Д. Дэвиса эти пометы, сделанные писателем, скорее всего, уже незадолго до смерти и представляющие собой простые подчеркивания, никакого концептуального значения не имеют.

Совсем иное дело — хранящаяся в РАЛ вырезка из газеты «Руль» с полным текстом «Миссии русской эмиграции» и авторскими маркинациями⁸⁶. Эти пометы (на полях и кое-где внутри печатного текста) носят двоякий характер: одни подобны тем, что оставлены на страницах сборника «День русской культуры», имеют вид простых вертикальных и горизонтальных, угловых и дугообразных

⁸⁵ Редакция. [Предисловие]. И.А. Бунин об исторической миссии русской эмиграции // День русской культуры. Харбин, 1934. 11 июня. С. 6.

⁸⁶ РАЛ. MS. 1066/1121.

⁸⁷ РАЛ. MS. 1066/1114. Фотокопия этого документа предоставлена Ричардом Д. Дэвисом.

трет вынесен на обложку, а внутри, помимо бунинской речи, из того же номера «России и славянства» перепечатано шмелевское «Слово на чествовании И.А. Бунина». Тексту републикации «Миссии русской эмиграции», как и в рассмотренных ранее двух случаях, предпослано редакционное предисловие: «В связи с увенчанием в прошлом году Ивана Алексеевича Бунина Нобелевской премией, редакция сборника «День русской культуры» шлет сердечно любимому и глубоко чтимому Ивану Алексеевичу свои горячие искренние приветствия и наилучшие пожелания, среди коих первое: «Скорой встречи в России!»

Печатаемая ниже, в выдержках, речь И.А. Бунина «о миссии русской эмиграции» была произнесена И[<]ваном[>] А[<]лексеевичем[>] десять лет тому назад на публичной беседе в Париже⁸⁵.

В Русском архиве Лидского университета (РАЛ) хранится экземпляр сборника

подчеркиваний и потому малоинтересны; другие являются собой несомненные следы бунинского саморедактирования. В основном это исправления явных опечаток, допущенных редакцией «Руля» при опубликовании «Миссии русской эмиграции»⁸⁸. Так, из предложения «И по какой причине участвовала в революции и во всех ее зверствах Сибирь с ее допотопным обилием крепостных уз?»⁸⁹ по досадной случайности «выпало» несколько слов, которые Бунин восстановил в ходе правки. В итоге фраза вновь обрела утраченную при наборе смысловую стройность и историческую достоверность (ведь в Сибири никогда не было крепостного права): «И по какой причине участвовала в революции и во всех ее зверствах Сибирь с ее допотопным обилием **природных богатств и отсутствием** крепостных уз?»⁹⁰

Возможно, внося правку в уже опубликованный текст, Бунин как истинно взыскательный художник просто оставался верным своей нетерпимости ко всякого рода промахам и оплошностям. Но не исключено также, что он готовил текст своей речи для новой публикации (возможно, даже в Собрании сочинений издательства «Петрополис»), а потом почему-то отказался от этого намерения.

С уверенностью можно сказать лишь одно: к перепечатке в «России и славянстве» текст «Миссии русской эмиграции», хранящийся в РАЛ, никакого отношения не имеет, так как внесенная в него правка не совпадает с правкой, отображеной в тексте републикации. Например, те сокращения, результатом которых стал вариант, напечатанный в «России и славянстве», не коснулись варианта, хранящегося в РАЛ. Не соотносятся между собой и менее значительные исправления: замены, вставки, вычеркивания. Кроме того, для несостоявшейся републикации Бунин готовил и свой постскриптум, которого, как уже говорилось, нет в варианте, предназначенному для «России и славянства».

* * *

После 1933 г. бунинская речь долгое время не републиковалась. Своебразный издательский «обет молчания» в отношении «Миссии русской эмиграции» был нарушен лишь в середине 1970-х гг.: С.П. Крыжицкий включил ее в состав сборника бунинских рассказов, воспоминаний и стихов «Под серпом и молотом» (с. 209–217). Републикация речи была осуществлена по тексту в «Руле», однако при этом Крыжицкий почему-то пренебрег авторским постскриптулом.

Отечественный читатель смог познакомиться с речью Бунина только на закате перестройки. В октябре 1990 г., когда в СССР отмечалось 120-летие со дня рожде-

⁸⁸ В газетном и вообще издательском деле такое случалось нередко. Например, в тексте одного из бунинских фрагментов-«фельетонов» «Из “Великого дурмана”», перепечатанного в издании «Скорбь земли родной: Сборник статей 1919 г.» (Нью-Йорк, 1920. С. 44–50), наборщики пропустили одну или две строки, и в таком виде этот «фельетон» воспроизвился при всех последующих перепечатках, с ошибочным примечанием: «Пропуск строки в подлиннике». Подлинный текст «фельетона» см.: Бунин Ив. Из «Великого дурмана» // Южное слово (Одесса). 1919. 24 нояб. (7 дек.). № 82. С. 2; И.А. Бунин. «Из “Великого дурмана”». Фрагмент № 2: восстановленный текст / публ. А.В. Бакунцева // Южное сияние (Одесса). 2011. № 1. С. 178–182.

⁸⁹ Бунин Ив. Миссия русской эмиграции // Руль. С. 5.

⁹⁰ РАЛ. MS. 1066/1114. Шрифтовое выделение наше.

ния писателя, «Миссия русской эмиграции» появилась на страницах сразу трех советских периодических изданий: журнала «Слово», еженедельника «Литературная Россия» и ежедневной газеты «Московский комсомолец»⁹¹. Однако уровень текстологической подготовки этих републикаций оставляет желать лучшего.

Так, журнал «Слово» напечатал речь Бунина с обширными купюрами, а еженедельник «Литературная Россия» — с многочисленными, порой грубыми искажениями текста⁹².

Не обошлось без ошибок и в той републикации, которую осуществил «Московский комсомолец». В этом издании текст бунинской речи сопровождается чем-то вроде преамбулы, где, в частности, говорится: «Павел Николаевич Милюков, редактор крупнейшей эмигрантской газеты “Последние новости”, опубликовал эту речь с грубыми искажениями. Ее точный текст впервые появился в берлинской газете “Речь” 3 апреля 1924 г. Этот текст мы и воспроизведим»⁹³. Скорее всего, эти ошибки объясняются небрежностью автора преамбулы. В первом случае налицо неточность словоупотребления: Милюков и сотрудники его газеты лишь *пересказывали* содержание бунинской речи, сама же она *никогда* не публиковалась в «Последних новостях». Во втором случае, возможно, мы имеем дело с тривиальной опиской. Впрочем, Бунин ведь действительно печатался в газете «Речь», но было это еще до революции, в Петербурге / Петрограде.

Перепечатки «Миссии русской эмиграции» в советской периодике предварили появление более строгих в научном отношении, методологически выверенных републикаций бунинской речи в составе уже книжных изданий. С 1990 г. она стала регулярно включаться в сборники публицистики Бунина и в собрания его сочинений⁹⁴. Источником текста в этих изданиях, как правило, служит первоначальная публикация речи в «Руле» — соответственно, воспроизводится как сама речь, так и авторский постскриптум к ней. И только в сборнике «Окайяные дни: Неизвестный Бунин» (М., 1991), составленном О.Н. Михайловым, «Миссия русской эмиграции» напечатана по одному из изданий Крыжицкого, о чем составителем честно сказано в примечаниях.

* * *

Вернемся же теперь в начало 1924 г. и обратимся к полемике, развернувшейся вокруг вечеров «Миссия русской эмиграции» и одноименной речи Бунина.

⁹¹ Бунин И.А. Миссия русской эмиграции // Слово (Москва). 1990. № 10. С. 67–69; То же / подгот. текста Е. Туинова // Литературная Россия (Москва). 1990. 19 окт. № 42. С. 13–14; То же / публ. В. Лаврова // Московский комсомолец. 1990. 21 окт. № 243. С. 2.

⁹² По подсчетам редакции «Московского комсомольца», таковых оказалось более ста двадцати! См.: [Б. н.] От редакции: [Послесловие] / Бунин Ив. Миссия русской эмиграции // Московский комсомолец. С. 2.

⁹³ [Б. н.] [Преамбула] / Бунин Ив. Миссия русской эмиграции // Там же. Шрифтовое выделение наше.

⁹⁴ См.: Бунин И.А. Окайяные дни. Воспоминания. Статьи / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А.К. Бабореко. М., 1990. С. 349–359; Он же. Окайяные дни: Неизвестный Бунин / сост., предисл. О. Михайлова. М., 1991. С. 323–332; Он же. Великий дурман. С. 126–138; Он же. Публицистика 1918–1953 годов. С. 148–157; Он же. Собр. соч.: в 8 т. М., 2000. Т. 8. С. 409–419; Он же. Полн. собр. соч.: в 16 т. М., 2006. Т. 8. С. 388–398; Он же. Окайяные дни: Дневники, статьи, воспоминания. М., 2011. С. 567–582.

Как уже было сказано, «зачинщиком» этой полемики были «Последние новости», проявившие исключительную идеологическую нетерпимость по отношению к Бунину и его единомышленникам. Сходным образом отреагировали на их выступления и другие левые издания русского зарубежья.

Однако недоброжелательность и даже агрессивность левой прессы не должна была стать для «непримиримых» чем-то неожиданным. Например, Бунину и прежде не раз доводилось читать о себе много нелицеприятного в демократических изданиях. Менялись названия газет, но упреки, высказывавшиеся в адрес писателя, сама манера ведения дискуссии с ним (как правило, грубая, издевательская) оставались неизменными, точно скроенными по одному и тому же шаблону.

Начало противостоянию левых с Бунином положили еще «Одесские новости» — старейшая газета Одессы, ставшая в 1919 г. партийным органом местных меньшевиков. Именно она в ответ на устные и письменные публицистические выступления писателя первой обвинила его в неумном самолюбовании, в «высокомерной ненависти к народу», в «обывательщине», в «поправении». В одном из своих антибунинских памфлетов газета среди прочего писала: «Забудьте на минуту о себе, о Бунине, и подумайте о России. Скромно, без ссылок на “людей, все-таки не совсем рядовых”⁹⁵, разберитесь, посоветуйте, помогите. Не зажимайте нос, когда проходите мимо народа. С ним ведь жить придется! Вы “не русофоб, не германофоб, не англофоб, не румынофоб и не юдофоб, хотя...”⁹⁶ Все это очень хорошо. Но вы слишком большой бунинофил. Это плохо!.. Особенno, когда, проливая слезы над Россией, вы все время озабочены мыслью, к лицу ли вам глубокий траур...»⁹⁷

Левая печать эмиграции при всей своей политической неоднородности высказывалась о Бунине-публицисте примерно в том же духе. Ее раздражали страстные, пристрастные бунинские статьи, в которых находили отражение взгляды, быстро снискавшие автору репутацию правого, даже чуть ли не монархиста⁹⁸.

⁹⁵ Отсылка к словам Бунина: «Это форменное преступление в такие дни — клеветать на нас, людей все-таки не совсем рядовых, и клеветой зажимать нам рты, дискредитировать нас ради своего политического соперничества с нами» (Бунин Ив. Заметки // Южное слово (Одесса). 1919. 12 (25 нояб. № 71. С. 1).

⁹⁶ Отсылка к той же статье Бунина.

⁹⁷ [Б. п.] Маленький человек в большом писателе // Одесские новости. 1919. 13 (26) нояб. № 11058. С. 1. См. также: [Б. п.] «Годовщина» // Там же. 26 окт. (8 нояб.). № 11040. С. 2; [Б. п.] Право-газетный шаблон // Там же. 10 (23) нояб. № 11055. С. 2.

⁹⁸ Так, М.Л. Слоним называл Бунина «монархистующим» (см.: Слоним М. Литературные отклики: Живая литература и мертвые критики // Воля России (Прага). 1924. № 4. С. 61). А один из постоянных авторов сменохевской «Накануне», советский публицист А.В. Бобрищев-Пушкин, относил писателя к числу «последовательно мыслящих контрреволюционеров», которые «непременно доказываются до крепостного права» (см.: Бобрищев-Пушкин А. Хвала крепостному праву // Накануне (Берлин). 1924. 5 апр. № 80. С. 2). Миф о бунинском монархизме был весьма живучим. Из русского зарубежья он перекочевал в советскую Россию и попал здесь на благодатную почву. О монархических пристрастиях Бунина писали крупнейшие советские издания (см.: Стеклов Ю. [Ю.М. Нахамкес]. Весенние мотивы // Известия. 1924. 25 марта. № 69. С. 1; Меньший А. Оклеветанная собака // Красная газета. Вечерний выпуск. 1924. 3 мая. № 98. С. 2; Смирнов Н. Солнце мертвых: Заметки об эмигрантской литературе // Красная новь (Москва). 1924. Кн. 3. С. 253). И до сего дня даже в работах, претендующих на научность, можно встретить подобную характеристику политических взглядов писателя. Так, В.П. Кочетов называет Бунина «убежденным монархистом» (см.: Кочетов

Однако, как нам представляется, ничего *специфически* правого и тем более монархистского в этих взглядах не было. В той или иной мере их разделяли и социалист В.Л. Бурцев, и либеральный консерватор П.Б. Струве, и правые кадеты В.Д. Набоков и А.В. Карташев, и эсер В.В. Руднев и т. д. Позицию Бунина правильнее было бы обозначить как центристскую, с сильным государственным элементом, предполагавшим среди прочего отстаивание национальных ценностей и традиций.

Писатель, в отличие от левой эмигрантской общественности (левых радикалов, меньшевиков, эсеров, миллюковцев), не признавал никаких «завоеваний» революции; выступал за продолжение военных действий против советской власти, не исключая интервенции; преклонялся перед «белым ратником», чей подвиг для него был сродни христианскому подвигу самоотвержения⁹⁹; указывал на политическую незрелость русского народа, на его неготовность управлять гигантским государством и соответственно — на демагогичность и безответственность республиканских лозунгов о «народоправстве»; считал виновниками катастрофы, постигшей Россию, не только большевиков, но и их формальных противников («вернее, соперников», как он аттестовал их в «Миссии русской эмиграции») — т. е. тех же эсеров, кадетов, меньшевиков, для которых, по мнению писателя, личные политические амбиции оказались превыше интересов нации и государства¹⁰⁰; отрицал всякую ценность новорожденной советской литературы.

Если Бунин и «поправел», в чем его упрекали левые издания, то лишь относительно тех «левых социалистов и даже большевиков», с которыми он будто бы дружил (по утверждению М.В. Вишняка) в дореволюционной России¹⁰¹.

тов В. Неистовый Бунин // Бунин И.А. Окаймленные дни / предисл. В.П. Кочетова; подгот. текста и примеч. А.К. Бабореко. М., 1990. С. 7). О.Н. Михайлов пишет о том, что в эмиграции Бунин занял «районе правые позиции» (см.: *Михайлов О. Страстное слово // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 8*). И.М. Ильинский характеризует писателя как «православного монархиста» (см.: *Ильинский И. Белая правда Бунина. С. 13*), что говорит уже о вопиющем непонимании особенностей бунинского политического и религиозного мировоззрения.

⁹⁹ Эсер В.В. Руднев, бывший московский городской голова, один из соредакторов «Современных записок», вопреки мнению своих коллег по журналу, чтил подвиг белого воинства не меньше, чем Бунин (и еще сотни тысяч русских эмигрантов), однако никому не приходило в голову называть его из-за этого правым или монархистом.

¹⁰⁰ Особенно в этом смысле показательно отношение Бунина к лидеру эсеров А.Ф. Керенскому. В бунинских письмах, дневниках, статьях периода революции и первых лет эмиграции о Керенском сказано немало горьких и злых слов. Писателя возмущала демагогия и некомпетентность временно-го российского «домоправителя», ставшего инициатором ряда мер, которые, по мнению не только Бунина, но и, например, А.И. Деникина, в итоге разложили Русскую армию и разрушили российское государство. Однако со временем отношение Бунина к Керенскому изменилось, стало более доброжелательным. Они были знакомы лично. В 1940 г. Бунин, «махнув рукой на всякий стыд», даже обратился к Керенскому, переехавшему в США, с просьбой о вспомоществовании — «не лично, разумеется, — сохрани Вас Бог от такой мысли, — а при посредстве каких-нибудь добрых и богатых американцев» (Центр гуманитарных исследований Техасского государственного университета. Фонд А.Ф. Керенского. Коробка 46. Дело 173; копия этого письма предоставлена О.Г. Леонтьевой и Н.Ф. Грищенко). В ноябре 1949 г. Керенский посетил Буниных в их парижской квартире на улице Жака Оффенбаха (см.: Устами Буниных. Т. 2. С. 395).

¹⁰¹ См.: *Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. Bloomington, 1957. С. 132.*

Участие писателя в целом ряде формально недемократических изданий: в «Общем деле», в «Огнях» (Прага) Г.А. Алексинского, в «Новой русской жизни» (Гельсингфорс), в «Русской газете в Париже», а затем и в «Возрождении» П.Б. Струве — для левых также было свидетельством его ориентации «на правые круги русской общественности»¹⁰². Однако и это «доказательство» бунинской «правизны» не выдерживает критики: ведь в то же самое время наряду с перечисленными изданиями писатель печатался (правда, не столь регулярно) и в более чем демократических — как беспартийных, так и партийных — газетах: «Сегодня» (Рига), «Утро» (Нью-Йорк), «Слово» (Париж), «Звено» (Париж), «Руль» (Берлин).

Все это говорит о том, что левые весьма упрощенно понимали сущность бунинского политического мировоззрения, находя реакционность там, где речь на самом деле шла лишь о неприятии крайностей революции.

С другой стороны, *настоящие* правые, в том числе воинствующие монархисты, при всей симпатии к писателю вполне «своим» его никогда не признавали, видимо, считая его *недостаточно* правым. Характерен в этом смысле хотя и сочувственный, но все-таки довольно сдержаный отзыв еженедельника «Высший монархический совет» о речи Бунина на первом вечере «Миссия русской эмиграции» (см. ниже). Даже «Русская газета в Париже» в своем отчете об этом же вечере большую симпатию выразила Шмелеву, чьи взгляды были явно ближе позиции издания.

* * *

Так или иначе, недовольство левых эмигрантских кругов политической позицией Бунина росло в течение всей первой половины 1920-х гг.

Впервые оно дало о себе знать в конце 1920 г., когда в эсеровской газете «Воля России» появилась анонимная статья под красноречивым заголовком «Клевета и поэт», явившаяся откликом на бунинскую статью «Чехи и эсеры».

Бунин, основываясь на сведениях, почерпнутых из токийской эмигрантской газеты «Дело России» (как оказалось, большей частью ложных), по сути, обвинил действовавшие в годы Гражданской войны в Сибири чехословакские и эсеровские военные и политические организации в предательстве и мародерстве¹⁰³. Журналист «Воли России», в свою очередь, уличил писателя в использовании непроверенных данных, негодуя на его «моральную неразборчивость и политическую небрезгливость». «Академик и поэт Ив. Бунин, — писал эсер-аноним, — кроме поэзии занимается и политикой. Время от времени в “Общем деле” появляются его статьи. Конечно, трудно быть подлинным поэтом и сотрудником “Общего дела” одновременно, но г. Бунин, доставшийся Вл. Бурцеву по наследству от деникинского “Освага”, умудрился совместить эти два занятия. Однако всему бывают пределы. Не довольствуясь писанием собственных статей, Ив. Бунин начал ставить свое имя под чужой клеветой, и почерпнутой им к тому же из самого отвратительного, самого грязного источника. Очевидно, нравы “Освага” заразительны»¹⁰⁴.

---

¹⁰² Там же.

¹⁰³ См.: Бунин Ив. Чехи и эсеры // Общее дело. 1920. 24 дек. № 162. С. 2.

¹⁰⁴ [Б. п.] Клевета и поэт // Воля России (Прага). 1920. 29 дек. № 89. С. 2.

«Воля России» и в дальнейшем, став журналом, держала Бунина на публицистическом прицеле, неизменно пеняя ему на «ретроградность» его эстетических и «реакционность» политических принципов и взглядов.

С весны 1921 г. «политику» Бунина начали периодически критиковать «Последние новости». До этого газета, поначалу принадлежавшая бывшему поверенному М.Л. Гольдштейну, ничего подобного себе не позволяла. Даже если редакция была не согласна с писателем, свое мнение она выражала весьма дипломатично, видимо боясь задеть его самолюбие. Например, по поводу некоей «лекции о русской революции»¹⁰⁵, которая была прочитана Бунином в Париже 12 мая 1920 г., «Последние новости» писали: «“Художественная проза”, как называл лектор свое чтение, была облечена такой мастерской формой, присущей Бунину, что невольно захватывала слушателей, и не разделяющих взглядов автора. Как бы ни относиться к этим взглядам, во всяком случае, в ясном чеканном языке Бунина, в каждом слове неподдельной страстью, проникнутой временами излишней желчью и гордостью, сквозила жгучая боль за Россию и любовь к родине»¹⁰⁶.

Статья Н.М. Минского о Бунине, напечатанная в «Последних новостях» в день 50-летия писателя, и вовсе носила апологетический характер. Среди прочего автор статьи каялся в том, что до Первой мировой войны и революции не чувствовал «откровения правды и грозного пророчества» в бунинских писаниях о русском народе. «Чем дальше читаешь Бунина, — отмечал Минский, — тем больше убеждаешься, что один он не согнал, один измерил море ненависти, ожесточенной жажды мщения, которое веками копилось в душе русского крестьянина, покамест не вскипело и не затопило мира. Один Бунин предостерегал интеллигенцию не творить себе кумира из народа, из народной веры, из народной правды. И если бы интеллигенция вовремя разбила этот кумир, мы, может быть, не сидели бы теперь на реках европейских, на Темзе, на Сене, и не плакали бы о своем бессилии»¹⁰⁷.

При новом редакторе «Последних новостей» подобные публикации о Бунине — по крайней мере, в первой половине 1920-х гг. — стали совершенно невозможны. С переходом в руки Милюкова издание, по сути, объявило войну всем, кто в политике придерживался принципиально иных, менее демократических взглядов. В числе таковых оказался и Бунин. Твердо уверенная в том, что в плане политического самоопределения писатель ориентируется на правые круги эмиграции, газета не раз порицала его за это — причем как напрямую, от лица редакции, так и через посредство фактически посторонних ей авторов.

---

¹⁰⁵ Не исключено, что это был некий «поздний» вариант «Великого дурмана».

¹⁰⁶ [Б. н.] Лекция И.А. Бунина // Последние новости. 1920. 14 мая. № 15. С. 3.

¹⁰⁷ Минский Н. Иван Алексеевич Бунин: (К 50-летию со дня рождения) // Последние новости. 1920. 23 окт. № 154. С. 3. По старому стилю Бунин родился 10 октября 1870 г. В XIX в. разница между юлианским и григорианским календарями составляла 12 дней, т. е. 10-е число по старому стилю соответствовало 22-му числу по новому стилю. В XX в. разрыв увеличился еще на один день, и поэтому, будучи в эмиграции, Бунин отмечал свой день рождения не 22-го, а 23 октября.

Таким «посторонним» автором был, например, И.М. Василевский (Не-Буква), напечатавший в «Последних новостях» в апреле 1921 г., спустя месяц после «смены власти», статью «Бесплодие: Литературные настроения». В этой статье, безмерно возмущившей Бунина, он и еще целый ряд писателей-эмигрантов были обвинены в «поправении», которое Василевский объявил главной причиной «бесплодия», будто бы постигшего русскую зарубежную литературу. «Поправление, — писал он, — это раньше всего злоба и ненависть. А ненависть и злоба — всегда бесплодны». Непосредственно о Бунине среди прочего было сказано: «Умный и чуткий художник, он как будто ослеп, кинувшись в политику».¹⁰⁸

Через год, комментируя бунинские «Литературные заметки» в парижской газете «Слово»¹⁰⁹, «Последние новости» в анонимном обзоре «Печать» выразили свое «программное» мнение о публицистике и политических воззрениях «почтеннего беллетриста»: «Бунин-беллетрист имеет определенное место в литературе. Но Бунин-политик надлежит суждению соответственно критерию этой профессии, а не той, которая ему более свойственна. И если Бунин-политик оказывается обывателем или если, еще хуже, он усваивает и развивает в политике взгляды, которые зачисляют его в определенный политический лагерь, он не должен пенять, если не все органы печати будут считать за “честь” печатать его политические рассуждения»¹¹⁰.

Впрочем, столь же беспощадно в газете критиковались и художественные произведения Бунина, если в них обнаруживались признаки «вредного» (т. е. правого) умонастроения. Например, сам Милюков в своем обзоре 18-й книги «Современных записок», где среди прочего был напечатан бунинский рассказ «Несрочная весна»¹¹¹, увидел в этом рассказе, исполненном пронзительной то- ски по навсегда ушедшей, погибшей России, только «поразительную клиничес-

¹⁰⁸ Василевский И. (Не-Буква). Бесплодие: Литературные настроения // Последние новости. 1921. 1 апр. № 291. С. 2. Бунин не преминул ответить на выпады Не-Буквы, уличив его в беспринципности, «вранье» и «мелкой низости» (см.: Бунин Ив. Из записной книжки // Общее дело (Париж). 1921. 4 апр. № 263. С. 2), хотя против формулировки «поправление» возражать не стал. По мнению Д.Д. Николаева, появление статьи Василевского «привело к окончательному разрыву Бунина с “демократическим лагерем”» (Николаев Д.Д. Миссия русского писателя: (Творчество И.А. Бунина 1920–1923 гг.) // Бунин И.А. Сочинения: «Ночь отречения» / вступ. ст., сост., подгот. текстов, comment. Д.Д. Николаева. М., 2001. С. 29). Однако, на наш взгляд, исследователь явно преувеличивает значение этого события в истории бунинских взаимоотношений с «демократическим лагерем», с которым в действительности писатель никогда не порывал. Об этом говорит хотя бы тот факт, что среди наиболее близких Бунину людей были эсеры М.О. и М.С. Цетлины, И.И. Фондаминский, близкий к эсерам М.А. Алданов и др. Думается, что последствия публицистической атаки Василевского были куда скромнее и свелись, в сущности, лишь к возникновению вялотекущей конфронтации между Бунином и конкретно «Последними новостями».

¹⁰⁹ См.: Бунин Ив. Литературные заметки // Слово. 1922. 14 авг. № 8. С. 2. В этих «заметках» Бунин посредством подборки цитат из советской прессы и сборника «Смена век» (Прага, 1921; 1922) показал провокационный характер призывов возвращаться в Россию («В Каноссу!»), исходивших от сменовеховцев и идеологически близкой им части эмигрантской интеллигенции во главе с социалистами А.В. Пешехоновым и Е.Д. Кусковой.

¹¹⁰ [Б. п.] Печать // Последние новости. 1922. 15 авг. № 713. С. 2. Бунин парировал и этот выпад — в своих новых «Литературных заметках», по обыкновению, зло высмеяв обидчика (см.: Бунин Ив. Литературные заметки // Слово. 1922. 28 авг. № 10. С. 2).

¹¹¹ См.: Бунин Ив. Несрочная весна // Современные записки (Париж). 1924. Кн. XVIII. С. 5–18.

скую картину», объясняющую ту «политику», которую «ведут попавшие в Европу большие писатели»¹¹².

В сущности, о том же самом Милюков писал потом в передовой «Голоса из гроба». То, что так удивило в ней Бунина (Милюков «ни с того ни с сего» смешал «мою речь с моими последними стихами и рассказами»¹¹³), для редактора «Последних новостей» было более чем закономерным. ««Смешать» Бунина с Буниным нам отнюдь не кажется преступным, ибо в результате этого “смешения” получилась определенная характеристика настроения писателя»¹¹⁴, — писал Милюков впоследствии в передовой «Новый Апокалипсис».

В бунинских «Семи стихотворениях», напечатанных в конце 1923 г. в журнале П.Б. Струве «Русская мысль», так же как и в «Несрочной весне», Милюков усомнился в яркое выражение настроения “непримиримых” — «настроения смерти и тления», о котором «нечего было бы сказать, если бы этим настроением дело и ограничивалось. Можно было бы разве пожалеть о расстроенных нервах, о большом направлении фантазии. Но нет. Эти больные и одержимые хотят непременно давать советы здоровым. “Обручившись со схимой”, они не выдерживают воздуха заоблачных высот и несут свои скрижали на нашу грешную землю. И нарушивши обет молчания, Боже мой, что они говорят, чему они учат! В какие дебри заводит их злоба и ненависть ко всему, что продолжает жить вопреки им, когда они продолжают утверждать, что все великое и достойное умерло! С какой непонятной враждой они хватаются за колесницу жизни, которая не хочет “обратиться вспять”! И как должна быть уязвлена их надменная гордость, когда “нечистый мир”, “презренный и бесстыдный”, когда преступный и нераскаянный народ, когда вскормленная дьяволом интеллигенция проходят мимо них, не замечая их поз непризнанного величия и их мистического маскарада»¹¹⁵.

Тем не менее Милюков безоговорочно признавал художественное дарование Бунина и был чрезвычайно заинтересован в его сотрудничестве — но лишь в качестве «беллетриста»¹¹⁶. Как «политик» Бунин, не только не скрывавший сво-

¹¹² П. М. [П. Милюков]. «Современные записки», книга XVIII // Последние новости. 1924. 31 янв. № 1157. С. 3. Примерно то же самое о «Несрочной весне» М.Л. Слоним писал в «Воле России» (см.: Слоним М. Литературные отклики: Живая литература и мертвые критики. С. 62–63). При этом ни Милюков, ни Слоним, видимо, не замечали, что их политизированные суждения о бунинском творчестве сближали их с советскими критиками, оценившими прозу и поэзию Бунина с позиций «вульгарного социологии» (см., например: Смирнов Н. Солнце мертвых: Заметки об эмигрантской литературе. С. 253–256; Воронский А. «Вне жизни и вне времени»: (Русская зарубежная художественная литература) // Прожектор (Москва). 1925. 15 июля. № 13. С. 18–20; Горбов Д. Мертвая красота и живущее безобразие // Красная новь. 1926. № 7. С. 234–239).

¹¹³ Бунин Ив. Миссия русской эмиграции // Руль. С. 6.

¹¹⁴ [Б. н.] Новый Апокалипсис // Последние новости. 1924. 6 апр. № 1214. С. 1.

¹¹⁵ [Б. н.] Голоса из гроба. С. 1. Внутри цитаты — отсылки к стихотворениям Бунина «Все снится мне заросшая травой...» и «Сон епископа Игнатия Ростовского».

¹¹⁶ В начале 1923 г., по всей видимости, между ними шли переговоры об этом. Печататься в официозе РДО писатель, очевидно, не согласился. О его тогдашнем отношении к газете можно судить по дневниковой записи, датированной 19 марта 1922 г.: «Тоска до слез. Опять бесплодно посижу, почитаю “Посл<едние> нов<ости>”, от вестей и подлости которых плакать хочется» (Устами Буниных. Т. 2. С. 68. Курсив наш), — а также по строкам из письма от 1 января 1923 г. к Шмелеву: «“Послед-

ей приверженности «белой идеи», но, наоборот, всячески ее подчеркивавший, был для лидера левых кадетов неприемлем¹¹⁷. А это значило, что в той ожесточенной (часто в прямом смысле слова — не на жизнь, а на смерть) борьбе, которую Республиканско-демократическое объединение вело с правыми (в том числе реставраторскими и реакционными) тенденциями в среде русской эмиграции, Бунин не мог рассчитывать на снисхождение не только со стороны Милюкова и его газеты, но и вообще всего «демократического лагеря» эмиграции.

* * *

Как, вероятно, ни был привычен Бунин к грубости по отношению к себе со стороны левой прессы, его не могла не уязвить ее реакция на «Миссию русской эмиграции». Это видно по авторскому постскрипту к тексту речи, опубликованному в «Руле»¹¹⁸. Недаром то, что о ней писали левые газеты, Бунин назвал «кривотолками». Наиболее болезненными для него оказались выпады «Последних новостей». Передовая «Голоса из гроба» и отчет Р. Словцова (Н.В. Калишевича) «Вечер страшных слов», с которых, собственно, и началась полемика вокруг «бесед» о миссии русской культуры и бунинской речи, покоробили писателя своим изdevательски-задиристым тоном и убийственно-оскорбительным содержанием. Ведь милюковская газета не просто критиковала и даже не просто обличала «непримиримых» — в своей нетерпимости она шла гораздо дальше: Бунин и его единомышленники были объявлены ею «живыми мертвцами» и тем самым как бы морально уничтожены, «похоронены заживо».

Красноречивым был уже сам заголовок милюковской передовой, вызвавший негодование в центристском и правом лагерях эмиграции. Отвечая своим оппонентам в «Руле», «Русской газете в Париже», софийской «Руси», ревельских

н<ие> нов<ости>» не место мне, ни строки не дал туда никогда, не могу» («А Париж Вам может быть полезен всячески...». С. 183). Но еженедельник «Звено», служивший литературным приложением к «Последним новостям», оказался вполне приемлемым. Письмом от 26 февраля 1923 г. Милюков благодарил Бунина за его согласие сотрудничать в этом издании и просил поскорее прислать рассказы, предназначенные для «Звена», добавляя, что в счет гонорара редакция будет платить писателю «максимум того, что платят (напр., Шмелеву), т. е. по 40 сантимов за строчку» (РАЛ. MS. 1066/3861). Текст этого письма предоставлен Р. Дэвисом.

¹¹⁷ Эта позиция оставалась неизменной даже в то время, когда Милюков добивался участия Бунина в «Последних новостях», после того как писатель ушел из «Возрождения». В письме от 3 сентября 1927 г. Алданов сообщал Бунину: «“Последние новости” были бы чрезвычайно рады печатать Вашу беллетристику и Ваши стихи (вероятно, и Ваши воспоминания — как о Толстом, — одним словом, все, кроме статей политических, типа “Октябрьских дней”)... Публицистику же Вашу Вы могли бы печатать в “России” (т. е. в газете, которую П.Б. Струве основал после ухода из “Возрождения”. — А.Б.)...» (Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Бунинным / публ. М.Э. Грин // Новый журнал (Нью-Йорк). 1965. Кн. 80. С. 279). Эти строки наверняка писались после соответствующих консультаций с Милюковым.

¹¹⁸ В Парижском архиве Бунина наряду с рецензиями на произведения писателя, появившиеся в печати в 1924 г., имеется несколько газетных вырезок с отзывами о вечерах «Миссия русской эмиграции» и об одноименной бунинской речи (РАЛ. MS. 1066/8033–8072). Вырезки испещрены бунинскими пометами, однако большого исследовательского интереса эти пометы не представляют: во-первых, сделаны они были после Второй мировой войны; во-вторых, замечаний как таковых среди них почти нет. В основном это обычные боковые и внутритекстовые подчеркивания. Так что судить по этим материалам об отношении Бунина к своим оппонентам невозможно.

«Последних известиях» и персонально Бунину, «Последние новости» настаивали на правомерности такого заголовка, признаваясь, что в данном случае прибегли «к литературному заимствованию — из Герцена». «Может быть, — говорилось в передовой «Новый Апокалипсис», — г. Бунин вспомнит тот аналогичный случай, по поводу которого Герцен употребил это выражение. Если нет, то мы устроим конкурс среди читателей»¹¹⁹. Автор статьи подразумевал запись в дневнике А.И. Герцена¹²⁰ от 10 сентября 1842 г. о П.Я. Чаадаеве: «Спор с Чаадаевым о католицизме и современности; при всем большом уме, при всей начитанности и ловкости в изложении и развитии своей мысли он ужасно отстал. Даже мне было жаль употреблять все средства, в нем как-то благородно воплотилась разумная сторона католицизма. Он в ней нашел примирение и ответ, и притом не путем мистики и пietизма, а социально-политическим воззрением. Но тем не менее и это голос из гроба, — голос из страны смерти и уничтожения. Нам странен этот голос. Истинного оправдания нет им [славянофилам и западникам], что они не понимают живого голоса современности»¹²¹.

По мысли автора «Голосов из гроба», «непримиримые» точно так же не понимали «живого голоса современности», поскольку отрицали послереволюционную действительность, тосковали по безвозвратному прошлому, мечтали его вернуть и сознавали невозможность этого. В итоге в них зародилось «чувство злобной непримиримости, мстительного сознания: “я выше”, я — “генеральская дочь”, а там только “титулярные советники”, — и соответственная гордость изолированности»¹²².

Вероятно, оттого, что образы из знаменитого романа на стихи П.И. Вейнберга «Он был титулярный советник...» были смешаны в «Голосах из гроба» с цитатами из бунинских стихотворений, сам Бунин принял эту «генеральскую дочь» на свой счет — об этом свидетельствуют строки его постскриптума в «Руле»: «Прочтите, сказал он [Милюков] стихи Бунина в “Русской мысли” и его рассказ “Несрочная весна” в “Современных записках”: “это все непримиримость с новой жизнью, тоска о прошлом — и гордость: я, мол, генеральская дочь, а там только титулярные советники...” (Да, пусть не протирают глаза читатели “Руля”: я цитирую буквально)»¹²³. Впрочем, центристская и правая пресса эмиграции восприняла милюковскую аналогию совершенно в том же духе. Между тем под «генеральской дочерью» Милюков имел в виду вовсе не Бунина, а Антона Крайнего (З.Н. Гиппиус), статью которого «Литературная запись: Полет в Европу», опубликованную в 18-й книге «Современных записок», редактор «Последних новостей» раскритиковал в конце января 1924 г. На это Милюков указал в статье «Новый Апокалипсис», ставшей откликом на появление в «Руле» печатного текста бунин-

¹¹⁹ [Б. п.] Новый Апокалипсис. С. 1.

¹²⁰ «Дневник» Герцена впервые был опубликован (сискажениями) в 1-м томе женевского издания его «Сочинений» (1875). Воспроизведился так же, сискажениями, в издании: Герцен А.И. Полн. собр. соч. и писем: в 22 т. / под ред. М.К. Лемке. Пг., 1915–1925. Т. 1.

¹²¹ Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 516. Курсив наш.

¹²² [Б. п.] Голоса из гроба. С. 1.

¹²³ Бунин Ив. Миссия русской эмиграции // Руль. С. 6.

ской «Миссии русской эмиграции»: «Может быть, читатели “Руля” окажутся внимательнее г. Бунина и узнают в нашей параллели одно близкое к кружку Бунина лицо, которому случилось от имени “генеральской дочери” разжаловать в “титулярные советники” Горького»¹²⁴.

Действительно, именно Антон Крайний первым упомянул о «титулярном советнике» и «генеральской дочери» — в связи с М. Горьким, который, по словам критика, до революции был «проповедником разрушения» и «помогал “изъятию” всяческих ценностей» в первые годы большевистского режима. «Горький, — писал Антон Крайний, — отравлен тайной, вполне безнадежной, любовью, которая, как змея, источила всю его жизнь. На заре туманной юности он влюбился... в “культуру”. Ужаснее этого с ним ничего не могло случиться»¹²⁵. Горький, по мысли критика, и есть тот титулярный советник, который «в любви изъяснялся» генеральской дочери — культуре. Чем это обернулось для незадачливого влюбленного, хорошо известно. «Не будем же строги к титулярному советнику, — заключал Антон Крайний. — Может быть, даже “изъятелем”-то, да и проповедником разрушения, помощником разрушителей стал он благодаря этой роковой своей страсти. Любовь к “культуре” при полной к ней неспособности — недуг, выедающий, склагающий не только талант писательский, но и душу человеческую»¹²⁶.

Милюков упрекнул Антона Крайнего в непоследовательности: «...он стыдливо молчит о том, какую “политику” ведут попавшие в Европу большие писатели. Зато он не удерживается от политики и становится очень смелым, когда заговорил о Горьком. И, Боже, сколько тогда появляется злости у критика! <...> Так сама собой “политика” в оценке Антона Крайнего создает классификацию русских писателей на два лагеря. Один — “изъатели” и “очистители”. Они кладут яйца, из которых “вылупились непристойные гады”. Этих можно всех сразу вымазать одной краской. Другие — *свои* писатели, требуют осторожного обращения. Они носят в себе ощущение умершей или умирающей России...»¹²⁷

Бунина Милюков тогда же причислил именно к таким писателям, отметив, что его «Несрочная весна» «отчасти иллюстрирует характеристику Антона Крайнего»¹²⁸. Потому-то «генеральская дочь» возникла и в «Голосах из гроба»:

¹²⁴ [Б. п.] Новый Апокалипсис. С. 1.

¹²⁵ Крайний А. Литературная запись: Полет в Европу // Современные записки. 1924. Кн. XVIII. С. 135.

¹²⁶ Там же. С. 136. Обвинение Горького в “изъятии” всяческих ценностей вызвало в печати эмиграции даже не полемику, а скандал. С критикой статьи, будто бы несправедливо компрометирующей Горького, выступили в «Последних новостях» С.П. Юшкевич и С.В. Познер (см.: Юшкевич С. Антон Крайний в «Современных записках» // Последние новости. 1924. 1 февр. № 1158. С. 2; Познер С. Писатель, критик и читатель (какие-какие итоги) // Там же. 10 февр. № 1166. С. 2). Антону Крайнему и М.В. Вишняку (как редактору «Современных записок») пришлось оправдываться (см.: Крайний А. Необходимые поправки // Там же. 6 февр. № 1162. С. 2; Вишняк М. От «Современных записок» // Там же). Тем не менее автора скандальной статьи поддержали М.П. Арцыбашев в газете «За свободу!» и А.А. Яблоновский в «Руле», подтвердившие факт участия Горького в «экспроприации экспроприаторов» (см.: Арцыбашев М. Записки писателя. XIII. Истошный вопль // За свободу! 1924. 18 февр. № 46. С. 1–3; Яблоновский А. Досадная полемика // Руль. 1924. 26 февр. № 981. С. 2–3).

¹²⁷ П. М. [П.Н. Милюков]. «Современные записки», книга XVIII. С. 3.

¹²⁸ Там же.

очевидно, для Милюкова подобная ассоциация напрашивалась сама собой. Странно только, что никто из его современников, включая Бунина, не распознал ее «тайного» смысла.

Отчет Р. Словцова «Вечер страшных слов» дополнял и развивал положения «Голосов из гроба». По поводу выступления Бунина было справедливо отмечено, что писатель «повторил уже не раз высказанные им мысли». Однако в своем изложении бунинской речи Р. Словцов допустил неточности, на что впоследствии ему указал сам писатель¹²⁹. По словам журналиста, «И.А. Бунин наметил все главные мысли и страшные слова, которые повторили потом другие ораторы». «Словно из затхлой кельи, — писал Р. Словцов в заключительном абзаце, — выходила публика после докладов на простор парижской улицы. И на морозном, таком русском, воздухе быстро рассеивался кошмар страшных слов. Не так силен большевистский дьявол, как кажется обитателям мистических келий, и, несмотря на все свои грехи и несчастья, жива Россия. И быть не “воплощенной укоризной ее грехов”, а работником ее освобождения — вот в чем истинная миссия эмиграции»¹³⁰.

* * *

«Руль» был первым периодическим изданием русского зарубежья, выступившим в защиту Бунина и его единомышленников. В номерах за 23, 24 и 26 февраля газета обнародовала собственную версию того, о чём говорилось на первом вечере «Миссия русской эмиграции». Ее возмутили нападки газеты Милюкова на «самых крупных современных писателей», «на смену коих революция, по утверждению самих коммунистов, еще никого не выдвинула». И возмущение «Руля» было тем сильнее, что сам Милюков и возглавляемое им Республиканко-демократическое объединение обнаружили в те же февральские дни готовность расширять фронт антибольшевистской борьбы как можно дальше, почти до бесконечности влево, вплоть до сотрудничества с Троцким¹³¹. Свое негодование орган правых кадетов выразил в анонимной передовой «Похороны заживо» и в обстоятельном отчете своего парижского корреспондента С.В. Яблоновского (Потресова) «Два вечера».

Автор передовой пенял Милюкову на то, что он «хочет быть *plus roi que le roi même*¹³², пусть Бунин и Шмелев еще живы, пусть произведения их пользуются широким успехом не только среди русской интеллигенции, но усердно переводят-

---

¹²⁹ См.: «Отчет (под заглавием “Вечер страшных слов”) больше всего отвел места мне, вполне исказив меня, приписав мне нелепый призыв к “божественному существованию” и претензию на прореческий сан, сообщил, как мало я похож на пророка “со своим холодным блеском нападок на народ”; и глумился и над всеми прочими участниками вечера, тоже будто бы желавшими пророчествовать, но оказавшимися совершенно неспособными “подняться на метафизические высоты”» (Бунин Ив. Миссия русской эмиграции // Руль. С. 6).

¹³⁰ Р. С. [Р. Словцов]. Вечер страшных слов. С. 2.

¹³¹ Призыв к такому сотрудничеству исходил от члена «республиканско-демократической группы» кадетской партии П.П. Гронского. Об этом его предложении было сказано в первой части отчета С.В. Яблоновского «Два вечера» (Руль. 1924. 23 февр. № 979. С. 1–2). Его интерпретация выступления Гронского вскоре была опротестована самим оратором (см.: Гронский П. Письмо в редакцию // Там же. 28 февр. № 983. С. 6).

¹³² Святее папы римского. Буквально: большим королем, чем сам король (*фр.*).

ся на иностранные языки. Для П.Н. Милюкова это голоса из гроба, и произведения их — даром, что их на первом месте помещает и республиканско-демократический журнал, — для него не больше, чем “клиническая картина”».

Бунинскую «приверженность прошлому» журналист назвал вполне естественной и даже имеющей в условиях обострившегося «противоречия “отцов и детей”» «особое значение как противовес неудержимым разрушительным стремлениям революции. Если бы противовеса не было, что осталось бы от прошлого, перед величием которого даже коммунисты то и дело пасовали».

«Во всяком случае, — подчеркивал автор передовой, — трудно поверить глазам, когда видишь, что такой крупный ученый-историк, как Милюков, заживо хоронит лучших писателей, составляющих гордость России, и унижает этих писателей до пошлых сравнений с “генеральской дочкой”, противопоставляющей себя “находящимся там титулярным советникам”. Напомнив Милюкову о неоднократных переменах в его политической ориентации, сотрудник «Руля» в конце своей статьи предрекал: «...если П.Н. Милюкову придется вернуться от словесных турниров к практической деятельности в России, он так же беззастенчиво забудет свою роль могильщика <и> будет домогаться заключить с заживо похороненными “прогрессивный блок”»¹³³.

В отчете Яблоновского первая «беседа» о миссии русской эмиграции была противопоставлена заседанию Республиканско-демократического клуба, которое состоялось 14 февраля 1924 г., а выступления «непримиемых» — докладу Милюкова «После Ленина» и репликам его соратников. «Какие несхожие физиономии у этих двух вечеров! — воскликнул Яблоновский. — Не только по существу, но и по внешности. На одном, как всегда, спокойный, холодный весь от рассудочности, П.Н. Милюков, на другом — писатели, показавшие еще раз, что они пишут кровью своего сердца и соком своих нервов»¹³⁴.

Таким образом, симпатии журналиста были на стороне Бунина и его единомышленников. Подвергнув бывших коллег по партии резкой критике за их чрезмерный «левый уклон» и беспринципность, Яблоновский с явным сочувствием — и с наибольшей (по сравнению с другими репортёрами) точностью — пересказал суть речей, прозвучавших 16 февраля в Salle de Géographie. В речи Бунина самое сильное впечатление на него произвел рассказ о собачонке убитого красноармейцами старика-нищего, о ее ярости при виде «всякой красноармейской шинели» и мольба писателя, обращенная к Богу, «пробудить» (в оригинале — «продлить») в нем «подобную же собачью ненависть к русскому Каину»¹³⁵.

---

¹³³ [Б. п.] Похороны заживо // Руль. 1924. 24 февр. № 980. С. 1.

¹³⁴ Яблоновский С. Два вечера. И. С. 1.

¹³⁵ То же. И. С. 1. Образы Каина, Авея — как метафоры или аллегории — в публицистике Бунина появились еще в годы Гражданской войны. «Авель» у него — это «белая», Христова Россия, поруганная и убитая. Соответственно, «Кайн» — это ее кровные враги: в первую очередь большевистская власть, а с ней и та часть народа, которая «не приняла белых». К образу Авея в применении к России Бунин впервые, по-видимому, обратился в ходе своего интервью «Одесским новостям» в июне 1918 г. (см.: Иновин Ал. У трупа Авея // Одесские новости. 1918. 15 (28) июня. № 10729. Приложение. С. 1). Примерно в то же время в бунинской публицистике появился и первый намек на аллегорию Каина. Правда, вначале речь шла скорее об «Иуде». Осенью 1918 г., отвечая на вопрос ан-

И все-таки журналист был не вполне удовлетворен услышанным на первом вечере «Миссия русской эмиграции». По его словам, то же чувство испытывала и публика: «...не то чтобы она не согласилась с тем, что было сказано, — она, мне кажется, должна была жалеть о том, что не было сказано». По мнению Яблоновского, ораторы, в которых немалая часть эмигрантской общественности видела своего рода духовных вождей, недостаточно четко обозначили свое кredo, свои «чаяния и даже пути к достижению этих чаяний» именно в связи с теми новыми обстоятельствами, от которых отныне целиком зависело физическое и нравственное существование русской эмиграции. «Нельзя же признать достаточным, — недоумевал журналист, — указания Бунина на то, что они желают не повернуть течение обратно, а только иного течения, или слова Мережковского, что для правых они слишком левые, а для левых слишком правые»¹³⁶.

* * *

Вслед за «Рулем» в поддержку участников вечера «Миссия русской эмиграции» высказалось еще несколько эмигрантских изданий, выходивших в разных странах Европы. Но, в отличие от газеты Гессена (вернее, от ее парижского собкора), у них в основном не было никаких нареканий к речам «непримиримых».

К числу таковых относилась, например, «Русская газета в Париже». Больше всего ее порадовало то, что «огромный успех этого публичного выступления, голос которого призвано отзовется во всей русской эмиграции, вызвал страшный переполох в “антибольшевистском” милюковском стане. Только на седьмом году борьбы с большевиками национальное русское движение ширится, кристаллизуется и крепнет. С национальным русским движением оказывается вся выдающаяся русская литература и вся русская мысль. А в милюковском таборе не оказалось никого». О бунинской речи было сказано кратко, конспективно — в том смысле, что в ней писатель «наметил основные признаки понятия эмигрантской миссии и выразил те чувства, верования и переживания подлинной русской эмиграции, с которыми связано сознание тяжкой, но и высокой миссии, выпавшей на ее долю»¹³⁷.

С не меньшим воодушевлением о «Миссии русской эмиграции» писала право-либеральная «Русь». Не имея своего представителя в Париже, она, как и большин-

---

кеты «Одесских новостей», приуроченной к 100-летнему юбилею И.С. Тургенева, Бунин писал, что ему тяжело вспоминать «28 октября прошлого года, когда русский народ, с радостным остервенением бросивший за тридцать сребреников всю свою душу под ноги наемных разбойников, жег и громил из пушек свою собственную Москву, свой собственный Кремль...» (Бунин И.А. Страшные контрасты: Ответ на анкету «Одесских новостей», посвященную 100-летию И.С. Тургенева, «Художники о художнике» // Одесские новости. 1918. 10 нояб. (28 окт.). № 10839. С. 5). Почти год спустя эти строчки — правда, в несколько измененном виде — были включены в статью «В этот день», и вместо «русского народа» в ней значился «Кайн России»: «Третьего ноября Кайн России с безумно-радостным остервенением бросивший за тридцать сребреников уже всю свою душу под ноги наемных злодеев, восторжествовал полностью...» (Бунин Ив. В этот день // Южное слово. 1919. 25 сент. (8 окт.). № 29. С. 1). Тогда же, осенью 1919 г., на своей лекции «Великий дурман» и затем в письменном ответе на вопрос анкеты «Южного слова» об отношении к Добровольческой армии Бунин подчеркивал: «Издревле был на Руси Авель рядом с Каином — и спасал ее своим воскресением» (Бунин И.А. [Ответ на анкету «Южного слова» о Добровольческой армии] // Там же. 22 сент. (5 окт.). № 26. С. 4).

¹³⁶ Яблоновский С. Два вечера. II. С. 2.

¹³⁷ [Б. н.] «Миссия русской эмиграции» // Русская газета в Париже. 1924. 25 февр. № 8. С. 2.

ство других эмигрантских изданий, участвовавших в полемике, судила об этом вечеря по передовым и отчетам в «Последних новостях», «Руле» и «Русской газете».

Признавая важность выступлений Бунина и его единомышленников, «Русь» в то же время отметила сходство высказанных ими мыслей и настроений с мыслями и настроениями, лежащими в основе «пресловутого “евразийства”» и «“теократических” соображений высланных из России философов с Бердяевым во главе». По мнению газеты, «эти мысли и настроения не имеют в себе ничего специфически эмигрантского: в России, под большевиками... они возникали даже раньше, чем в эмиграции, и уже во всяком случае независимо от нее. Эти мысли и настроения — в разных формулировках и проявлениях, захватывают все более широкий круг русских образованных людей... и сейчас в эмиграции... нет ни одного культурного центра, где бы новое идейное движение не имело своих, иногда очень горячих, истолкователей».

В противоположность «Последним новостям», отрицавшим право современных писателей быть «учителями жизни»¹³⁸, «Русь» ничего предосудительного в стремлении Бунина, Мережковского и Шмелева играть именно такую роль не увидела: «Русские писатели искони были “учителями”. Та общественная позиция и система идей, сторонницей которой является художественная литература, фактически всегда возобладает. Можно сказать, что русская литература более, чем кто бы то ни было другой, разрушила русское государство. Теперь происходит резкий перелом, который выступление литературной тройки лишний раз резко подчеркивает. Милюков может писать все, что ему угодно, но писания эти рядом со страницами Бунина и Шмелева будут иметь не больше силы, чем некогда проповедь Победоносцева рядом с учительством Толстого. Все роли перемешались»¹³⁹.

Спустя две недели «Русь» вернулась к теме миссии русской эмиграции и, опираясь на идеи, высказанные «непримиримыми», попыталась сформулировать тактические задачи, стоящие перед русской колонией в Болгарии. О Бунине и его единомышленниках говорилось следующее: «С живым честным словом выступали люди, чьи имена вписаны неизгладимыми чертами в историю русской культуры, люди, чьи имена дороги каждому чтущему эту русскую культуру. Это прежде всего имена наших любимых писателей. Имена людей, из которых каждый любовно сберег и унес с охваченной мраком большевистского засилия родины частичку священного огня, раньше так ярко, так светло пылавшего на алтаре России»¹⁴⁰.

---

¹³⁸ Так, автор «Голосов из гроба» писал: «“Учителя жизни” — это явление не новое в русской литературе и общественности. Можно было бы сказать, что это — явление отживающее, даже отжившее. В наше время сложных общественных настроений старая монополия вождей интеллигенции давно уже стала анахронизмом» ([Б. н.] Голоса из гроба. С. 1).

¹³⁹ [Б. н.] [Б. н. (передовая)] // Русь (София). 1924. 27 февр. № 276. С. 1.

¹⁴⁰ [Б. н.] [Б. н. (передовая)] // Там же. 11 марта. № 287. С. 1. Сохранение этого «священного огня», по мысли автора анонимной и безымянной (согласно традиции, принятой в «Руси») передовицы, и являлось главной «миссией русской эмиграции» — «тем великим и святым делом, выполнить которое мы все должны». «Пусть каждый из нас, — писал журналист, — заботится добросовестно о спасении тех незримых частиц самой России, с которыми мы ушли на чужбину. Пусть каждый берегает наше великое наследство — прекрасный русский язык и находящиеся в его распоряжении крупицы русской культуры. Пусть каждый охраняет честь России, честь русского имени. А в общем — пусть каждый бережет, охраняет и защищает — русскую идею» (Там же).

Ревель, 6 марта 1924 г.

Миссия эмиграции. Въ кипучей и идеальной борьбѣ этого февраля на всемъ фронтѣ русской эмиграции религиозно-национальная мысль перешла уже отъ обороны къ нападению.

На этотъ разъ идеяный бой разился въ центрѣ эмигрантскаго водительства, въ Парижѣ.

Здѣсь, въ переполненномъ публикой Salle de Géographie состоялось собраніе, посвященное вопросу объ идеальной миссіи русской эмиграціи.

Предсѣдательствовалъ профессоръ Н. К. Кульманъ. Съ рѣчами выступили предсѣдатель национального комитета А. В. Карташевъ, проф. Кульманъ, И. Я. Савичъ и плеяды наиболѣе выдающихся и любимыхъ русскихъ писателей современности.

Здѣсь — И. А. Бунинъ, И. С. Шмелевъ и Д. С. Мережковскій.

Все это — имена, уже вошедшія въ исторію русской и, отчасти, міровой литературы, цветы русской воли, культуры и мысли.

И всѣ эти силы оказались въ одномъ лагерь, въ лагерь национальной Россіи.

Вопросы политические на собраніи не затрагивались.

Ноаоборотъ, всѣ выступавшіе ораторы подчеркивали второстепенность и ничтожность различія политическихъ оттѣнковъ по сравненію съ верховной задачей дня, задачей сплоченія и объединенія русской эмиграціи. А это объединеніе необходимо для выполнения миссіи непрѣятія большевизма и борьбы до конца за освобожденіе и возстановленіе Россіи.

Знакомы русской народной души — И. А. Бунинъ первымъ ярко формулировалъ чувства и вѣрованія русской по своему складу эмиграціи:

— Произошло нѣчто дьявольское. Немѣжности въ русской революціи не было. Она была сдѣлана умышленно и сдѣлана притомъ во имя торжества зиаміи интернационала, взамѣнъ заповѣди Богооткровеній и Нагорной Проповѣди. Разрушенъ домъ, освященный богочестіемъ, культурами и культурой. Плаветарный злодѣй высоко сѣлъ на шею русскаго дикаря. И этотъ дикарь дерзнулъ на то, что узаснулся бы самъ дьяволъ, дерзнулъ коснуться раки преподобнаго Сергія.

— Боже! — воскликнулъ И. А. Бунинъ — и я долженъ къ этому дикарю ити на поклонъ и служеніе.

Писатель продолжалъ:

— Въ мірѣ происходитъ бѣщенія по-гона за властью, за расположениемъ толпы. Для этого нужны великая ложь и угодничество, нужны волненія и револю-

ціи, нужно отъ времени до времени ходить по колѣнамъ въ крови.

Вместо Бога надо дать канонизированаго скота.

Борьба до конца съ торжествомъ канонизированаго хама, непрѣятіе Ленина и Ленинграда — вотъ миссія русской эмиграціи.

Въ древней Руси говорили: Подождемъ, православные, пока Богъ перемѣнитъ орудія! Теперь должны подождать и мы. Мы никогда не можемъ ити на побѣдный миръ съ нынѣшней ордою.

— Можно было претерпѣть ставку Батыя, но Ленинградъ претерпѣть нельзя.

— Наша миссія — закончила Бунинъ — не поддаваться соблазнамъ и крикамъ. Въ дикой и нынѣ мертвой русской степи, где почтѣ бывшій ратникъ, теперь — тьма ипуста. Но тамъ во гробѣ сѣя Христовой Россіи, и это сѣя умерши оживеть...

Выступавшій вслѣдъ за нимъ А. В. Карташевъ въ проникновенной, свойственной ему богословско-философской формѣ подчеркнулъ, что октябрьская революція въ Россіи, превратившая человѣка въ классового зѣбра, — ложь и бредъ. Нынѣ Россія, пока тамъ торжествуетъ бѣсовское нарожденіе азѣтатического соціализма, великий удаѣтъ, славившій волю народа. Эмиграція выполняетъ миссію религиозную и национальную.

— Все претерпѣмъ, но со свободнаго Христова человѣка доживемъ.

Д. С. Мережковскій сталъ на эту же точку зѣбра:

— Наша миссія — воззваніе Креста. Передъ этой задачей меркнетъ обычное дѣлѣніе на правыхъ и лѣвыхъ. Есть люди, прѣмлющіе патиновченую кровавую зѣбу, и люди, прѣмлющіе Крестъ.

— За нашими спорами мы уже потесняли интервенцію и непрізнаніе. У европейцевъ нѣть стыда въ глазахъ, и мы должны объединиться подъ знаменемъ Креста, объединиться для того, чтобы объединеннымъ Крестовымъ походомъ подняться на царство Зѣбра, сѣвшаго въ Россіи.

Писатель И. С. Шмелевъ въ высокожудѣственной формѣ выявилъ передъ слушателями мистическую сущность русской души, порой подверженной глубокому паденію, буйству и грѣху, но и изъ бездны своего паденія способной подняться до исканій правды и Бога.

Въ заключеніе И. Я. Савичъ и предсѣдатель собранія проф. Кульманъ указали на проявляющіяся несомнѣнныя признаки возрожденія.

Знаменемъ этого возрожденія и распространѣнія души является во всѣхъ странахъ русского разсѣянія мощное движе-

ніе распространенія и укрѣпленія национальной идеи.

Выступленіе писателей имѣло необычайный успѣхъ.

Уже сразу послѣ собранія выяснилось, что рѣчи выступавшихъ ораторовъ могутъ быть изданы особымъ сборникомъ. Ему уже теперь обезпечивается внимание самыхъ широкихъ и разнообразныхъ круговъ.

Такимъ образомъ, еще разъ выяснилось, что всѣе соціализмъ и не двусмысленные лозунги милюковской "республиканско-демократической" тактики развертыванія фронта наѣло, до товарища Троцкаго, не старая партійная, давно изжившая хвачка безрелигіозности и радикализма, а, наоборотъ, религиозная и национальная идея является факселомъ, ведущимъ за собою массы въ зарубежной и порубежной Россіи.

Успѣхъ собранія переполошилъ лѣвыхъ, и вскорѣ послѣ того на страницахъ милюковскихъ "Послѣднихъ Новостей" объ этомъ выступленіи появился крайне тенденціозный и укорителійский подзаглавіе "Вечеръ страшныхъ словъ".

Въ этой статьѣ и въ рядѣ другихъ дѣлается попытка оклеветать, разложить, уличить въ мракобѣсіи и такъ или иначе разஸлить и ослабить нарастающее въ русской массѣ идеиное и религиозное движение.

Напрасно!

Поздно!

Въ национальномъ лагерь теперь — цѣль русской литературы, лучший сѣвъ русской мысли и русскаго государства великаго творчества.

Кто съ нами?

Съ нами — Амфитеатровъ, Аричбашевъ, Бунинъ, Бурцевъ, Курпинъ, Мережковскій, Шмелевъ, Яблоновскій.

А съ ними?

— Опозорившій и пережившій себя Максимъ Горкій.

Перевертынь Алексѣй Толстой, ком-прометирующий свое громкое имя.

Или смѣновѣховцы, презираемые даже большевиками!

Силы подсчитаны, и ясно, съ кѣмъ теперь русская жизнь и русская мысль.

Лучшіе русские писатели всегда были учителями жизни.

Теперь объединенное выступленіе И. А. Бунина, Д. С. Мережковскаго, И. С. Шмелева — неоспоримое знаменіе нарастающаго религиозно-национального и государственно-общественного объединенія всѣхъ русскихъ живыхъ силъ.

гр
от
тай
ст
до
ме
до
Вс
ши

но
ти
на
со
ро
ГІ
бе
ар
не

по
ар
ст
гр
пр
М
бл
св
ко
об
ве
ко
ап
он
ма
гри
то

Въ
на
ис
ол
ко
ск
пр
во
ре
ра
жу
ме

вѣ

Передовая «Миссия эмиграции» въ газете «Последние известія» (Ревель).

1924. 6 марта. № 62. С. 1

2 марта о вечере «Миссия русской эмиграции» сообщал ультраправый еженедельник «Высший монархический совет». Об этом «собрании» еженедельник высказался в целом довольно сдержанно. И если Милюков и сменовеховцы уличали «непримиримых» в «правизне» и «мракобесии», то монархисты усмотрели в их выступлениях «чрезмерный» интеллигентский либерализм (в особенности это относилось к Мережковскому и Кartaшеву). Каждому из выступавших еженедельник посвятил по несколько строк. Речь Бунина, «произнесшего много красивых слов, отрицавшего революцию, полного религиозного подъема и непримиримой ненависти к большевикам», явно была воспринята благожелательно: «Видно, что Бунин любит Россию, Россию старого быта, и верит, что если Русь и под татарским игом все-таки не признавала поработителей, то и мы “подождем соглашаться на новый похабный мир с нынешней ордой”»¹⁴¹.

6 марта к сторонникам Бунина и других «непримиримых» присоединились ревельские «Последние известия». Эта беспартийная газета придерживалась правоцентристских взглядов. В своей передовой «Миссия эмиграции» она большей частью повторила то, о чем ранее уже писали «Руль» и «Русская газета в Париже». В finale статьи (только его и можно назвать по-настоящему оригинальным) было сказано: «В национальном лагере теперь — цвет русской литературы, лучший сев русской мысли и русского государственного творчества». «Кто с нами? — вопрошал анонимный автор и тут же отвечал: — Амфитеатров, Арцыбашев, Бунин, Бурцев, Куприн, Мережковский, Шмелев, Яблоновский». «С ними» же (т. е. в стане левых) были «опозоривший и переживший себя Максим Горький», «переверстень Алексей Толстой, компрометирующий свое громкое имя» и «сменовеховцы, презираемые даже большевиками». «Силы подсчитаны, — заключал журналист, — и ясно, с кем теперь русская жизнь и русская мысль. <...> Теперь объединенное выступление И.А. Бунина, Д.С. Мережковского, И.С. Шмелева — неоспоримое значение нарастающего религиозно-национального и государственного объединения всех русских живых сил»¹⁴².

На следующий день, 7 марта, белградская консервативная газета «Новое время» напечатала несколько странную, но в целом сочувенную статью Е.В. Глуховцовой «Миссия русской эмиграции»¹⁴³. Эта статья представляла собой что-то вроде «синтетического» конспекта всех прозвучавших на вечере 16 февраля речей — или свободной вариации на их основе. Глуховцева передала общий смысл выступлений, добавив и кое-что от себя. Бунинская речь в этом произведении не упоминается, поэтому здесь мы его рассматривать не будем.

16 марта о своей солидарности с участниками вечера «Миссия русской эмиграции» заявило белградское «Старое время» — «орган русской национально-государственной мысли». Вечер стал для газеты очередным поводом лягнуть Милюкова. Издание не стало утруждать себя написанием аналитического мате-

---

¹⁴¹ [Б. п.] В русских кругах за границей // Высший монархический совет. 1924. 18 февр. (2 марта). № 116. С. 8.

¹⁴² [Б. п.] Миссия эмиграции // Последние известия (Ревель). 1924. 6 марта. № 62. С. 1.

¹⁴³ Глуховцова <Е.В.> Миссия русской эмиграции // Новое время (Белград). 1924. 7 марта. № 859. С. 3.

риала, ограничившись небольшой заметкой в обзоре «Среди печати», в которой были приведены отдельные — по мнению газеты, ключевые — высказывания «непримиримых». В заключение автор заметки иронизировал: «Теперь посудите, могут ли эти слова нравиться Милюкову. И, главное, какая наглость, тут же, в Париже, рядом, в зале, переполненном публикой... И кто? Какие-то никому не известные имена: Бунин, Мережковский, Шмелев, Куприн¹⁴⁴, Карташев. Бедный Милюков!»¹⁴⁵

Тут же, в подборку, была приведена цитата из передовой «Миссия эмиграции» в ревельских «Последних известиях» — о том, кто «с нами» и кто «с ними». «Вот видите, Павел Николаевич!» — как бы разводило руками с притворно-озадаченным видом «Старое время».

* * *

Еще в конце февраля «Последние новости» решили ответить на критику со стороны центристских и правых изданий («Руля», «Русской газеты», «Руси») и объяснить причину своего недовольства выступлениями участников вечера «Миссия русской эмиграции». По словам газеты, ее отношение к Бунину, Мережковскому и Шмелеву «как к литераторам, конечно, не изменилось вследствие усвоения ими политических взглядов, которые мы считаем вредными для России. Но ведь и сам Гоголь не мог бы претендовать на иммунитет после того, как напечатал “Переписку с друзьями”. К сожалению, именно преклонение перед авторитетами оказывает их носителям плохую услугу, утверждая их в мысли непогрешимости и приводя к таким падениям, как то, которое испытал Гоголь»¹⁴⁶. При этом газета признавалась, что по-настоящему ее возмутило не это, а союз «писательской тройки» с «реакционером» и «скрытым монархистом» Карташевым¹⁴⁷.

«Последние новости» не собирались прекращать разговор о миссии русской эмиграции. В продолжение этого разговора 14 марта была напечатана статья С.В. Познера «Пастыри и молодежь», в которой среди прочего высказывались упреки в адрес Бунина и других участников вечера «Миссия русской эмиграции».

Журналист пенял им на то, что у них «ни одного слова сострадания не нашлось» для «России наших дней»: ведь, по мнению Познера, часть ответственности за происшедшее в России лежала и на «непримиримых». «“Планетарный злодей на шее русского дикаря”, — рассуждал он, цитируя бунинскую речь. — Но ведь в стане этого дикаря провели всю жизнь сами теперешние хулители его, не покладая рук писали для него, наставляли чему-то. Почему же они тогда находили нужным служить ему, а теперь, когда он в сугубо тяжелом положении, отходят в сторону и намерены ждать, “пока переменится орда”? Почему их прежняя, охватывающая десятилетия литературная деятельность не помешала воцарению “пла-

---

¹⁴⁴ Так в первоисточнике. Видимо, автор обзора перепутал Куприна с Кульманом.

¹⁴⁵ [Б. н.] Среди печати // Старое время. 2-е изд. 1924. 16 марта. № 43. С. 3.

¹⁴⁶ [Б. н.] Религия и политика «непримиримых». С. 1.

¹⁴⁷ О надуманности такой характеристики председателя Русского национального комитета и, соответственно, о безосновательности напрямую связанных с ней обвинений в адрес Бунина, Мережковского и Шмелева уже говорилось выше.

нетарного злодея”? За “грехи прошлого” ответственны не одни Иваны, не помнящие родства, но — и в большей степени — и они, видные представители русской культуры и общественности, ведущие свои духовные генеалогии от славных працелов. Вот какие вопросы могли встать у любого из юных слушателей, а писатели над этим не задумались»¹⁴⁸.

Дискуссия «демократического лагеря» с участниками вечера «Миссия русской эмиграции» эхом отзывалась и в статье юриста, общественного деятеля, члена Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО) Н.В. Быстрова «Большое легкомыслие». Сама по себе эта статья была посвящена совсем другой теме — а именно докладу М.А. Осоргина «Трагедия молодежи», прочитанному 1 марта на заседании Республиканско-демократического клуба. В своем докладе Осоргин в духе сменовеховства и «пешехоновства» призвал молодых эмигрантов, несмотря ни на что (включая риск возможных репрессий), возвращаться на родину. После этого на Осоргина со стороны антибольшевистски настроенной общественности — причем как правой, так и левой — обрушился настоящий шквал критики¹⁴⁹. Быстров тоже возражал Осоргину, среди прочего замечая: «Подавляющее большинство русской эмигрантской молодежи в день читает максимум одну эмигрантскую газету, к тому же относясь к ней весьма скептически. Поэтому не приходится бояться влияния старых писателей, ставших за границей публицистами. При этом публицистами, на сто лет от жизни отставшими»¹⁵⁰. Как известно, Бунина очень разгневало это высказывание «какого-то Быстрова».

* * *

Наряду с демократами, центристами, правыми в обсуждении выступлений «непримиримых» приняли участие и левые радикалы.

Так, 2 марта свое мнение о первом вечере «Миссия русской эмиграции» сочла необходимым высказать сменовеховская газета «Накануне». В сущности, она лишь на свой (глумливо-саркастический и едко-метафорический) лад пересказала милюковскую передовицу «Голоса из гроба», позаимствовав этот заголовок для собственной передовой. Подобная вольность в обращении с чужой интеллектуальной собственностью свидетельствовала вовсе не о намерении «Накануне» выступить единым фронтом с «Последними новостями» против «непримиримых» (что, к слову, сделали впоследствии правоэсеровские «Дни»), а о полном пренебрежении к одному из своих злейших политических врагов.

В своей версии «Голосов из гроба» сменовеховцы не пощадили ничьих репутаций, нисровергли все возможные авторитеты. Весьма показательно уже начало статьи: «Величественная картина: П.Н. Милюков, в тоге из “Последних новостей”, решительно заколачивает вход в склеп русской эмиграции. Из склепа несутся

---

¹⁴⁸ Познер С. Пастыри и молодежь // Последние новости. 1924. 14 марта. № 1194. С. 2.

¹⁴⁹ Отчет о докладе Осоргина и полемику вокруг него в «Последних новостях» см.: [Б. н.] Трагедия молодежи // Там же. 8 марта. № 1189. С. 1; К-в. Трагедия молодежи: Доклад М.А. Осоргина // Там же. С. 2; Быстров Н. Большое легкомыслие // Там же. 25 марта. № 1203. С. 2; Осоргин М.А. Ответ соблазнителя // Там же. 30 марта. № 1208. С. 2.

¹⁵⁰ Быстров Н. Большое легкомыслие. С. 2.

вопли мертвых душ, Бунина, Мережковского, Шмелева и некоторых других подручных». Далее газета с исключительным упорством доказывала принадлежность «трех с половиной корифеев (за половину идут Савич, Кульман и др.)» к «мракобесам» и «вурдалакам» русской эмиграции.

«С необычайной высоты своего великолепия и чистоты, — писала «Накануне», — они обрушили на современную Россию целое море помоев, сплетен, грубых выдумок. О существе мессианства они ничего не сказали, но выступали все с поражающим единством мыслей. Аристократизм и ненависть, вот два тезиса, преподнесенные ими эмиграции, как альфа и омега утверждения истины». В Бунине, по утверждению газеты, «старый барин, помещик, крепостник возобладал над всем, что в нем предполагали раньше. Из последних в последние слова поносил он русский народ, в позиции, метко отмечаемой “Посл<едними> нов<остями>”: “я выше, я генеральская дочь, а там — только титулярные советники”, смерды, холопы презренного бесстыдного века».

«Революция, — говорилось далее, — рассеяла жизненный поток — один пошел по великому пути обновления, другой, ручеек, разлился в болото эмиграции. Но Бунин и другие не вода, не глина, а камни на пути потока революции. Они и впрямь сильнее многих других силой сопротивления. И поэтому их реакция — реакционность — должна была прорваться, сказаться особенно резко».

Статья заканчивалась словами: «Предоставим мертвым хоронить своих мертвцев, не будем тревожить их праха напоминанием, что гордая “генеральская дочь”, как известно, плохо кончила — продалась в розницу. Неумолимы законы жизни; чем ярче, чем полнее цветение новой жизни в России, чем ярче ее новый полнокровный быт, чем смелее стучат молотки труда, строящего новую жизнь, тем жальче, безнадежнее в потемках эмигрантского склепа раздаются стуки костлявых рук в крышке гробов»¹⁵¹.

Мрачная милюковская метафора нашла отклик и у пражских левых эсеров. М.Л. Слоним в статье «Литературные отклики: Живая литература и мертвые критики», опубликованной в мартовском номере «Воли России», вслед за редактором «Последних новостей» как бы прочел отходную Бунину и еще целому ряду литераторов и общественно-политических деятелей (Антону Крайнему, Карташеву, Струве, Мережковскому, Куприну, Шмелеву), для которых «старая», ушедшая Россия была бесконечно ценнее России «новой», с ее творческими «исканиями» и «прорывами».

Непосредственно «монархистующему» Бунину вменялись в вину его «воспоминания об умершем», «культ помещичьего прошлого», «отвержение дня сегодняшнего» — все то, что, по словам Слонима, составило «душу» рассказа «Несрочная весна», написанного, впрочем, «чудесным полнозвучным языком, той сжатой, лирически насыщенной прозой, которой так прекрасно владеет Бунин»¹⁵². Этой же бунинской «проповедью» Слоним укорял и Антона Крайнего, не давше-

---

¹⁵¹ [Б. н.] Голоса из гроба // Накануне. 1924. 2 марта. № 52. С. 1.

¹⁵² Слоним М. Литературные отклики: Живая литература и мертвые критики. С. 62. Подобная «эстетико-социологическая» двойственность в оценке бунинского пореволюционного творчества была свойственна и советской критике.

го ей «должную» объективную оценку в контексте своих обличений Горького: «Горький поддерживал большевиков. Это преступление. <...> А Бунин на собраниях эмиграции, скандируя, заявляет, что только восстановление прошлого спасет Россию. Почему эта проповедь — не преступление в глазах А. Крайнего? Не потому ли, что сам он близок к этим взглямам и чтит эту проповедь?»¹⁵³

Вся статья Слонима, и особенно та ее часть, где говорится об Антоне Крайнем и Бунине, их духовной и идеальной близости, о «Полете в Европу» и «Несрочной весне», удивительно созвучна милюковским высказываниям на ту же тему. «Бунин дополнил А. Крайнего, — вслед за редактором «Последних новостей» утверждал пражский критик. — Оба они — люди старой, умершей России. Для обоих живет и дышит только мир мертвцов, и мертв и безмолвен мир живых»¹⁵⁴.

Не остался в стороне от полемики вокруг «Миссии русской эмиграции» и нью-йоркский «Русский голос». Эта, как она сама себя величала, «самая распространенная в Соединенных Штатах и Канаде ежедневная кооперативная газета» не скрывала своей просоветской ориентации¹⁵⁵. Неудивительно, что ее отклик на выступления «непримиримых», о которых она могла судить главным образом по публикациям в «Последних новостях», «Руле», «Накануне», являет собой не что иное, как злобный пасквиль.

Например, о Бунине — одном из трех, по выражению «Русского голоса», «бывших писателей» и «мстителей за утерянные серебряные ложки»¹⁵⁶ — было

---

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же. С. 62–63. В том же духе, в унисон с Милюковым, написаны и заключительные абзацы «Литературных откликов», где автор снова возвращается к «плакальщикам» по старой России: «Они неспособны уловить “музыку будущего”. Им чужда и глубоко ненавистна та новая Россия, которая, несмотря ни на что, пробивает себе дорогу в большевистской чаце и, как говорил Герцен, в порыве импровизации разом стучится в тысячи исторических ворот. Они не поняли, что великая катастрофа революции — не только крушение, но и рождение. И сколько бы ни отрицала “старая гвардия” это новое, сколько бы ни оплакивала былое великолепие и мечтала об его возврате — настоящая жизнь идет вне ее и помимо нее. И пусть плакальщики произносят надгробное слово русской литературе и думают, будто за пределами их прихода, за оградой их храма — гробовая тишина, пустота, отчаяние смерти! Ведь все равно жива и будет жить русская литература — и безнадежно мертвы лишь ее мольщики и отрицатели» (Там же. С. 63).

¹⁵⁵ Редактор «Русского голоса» А. Ветлугин (наст. имя и фам. Владимир Ильич Рындзюн; 1897–1953), которого — с учетом его «белогвардейского», даже осваговского прошлого — тоже можно было бы назвать «перевертнем», писал 2 января 1925 г. А.В. Луначарскому: «В продолжении двух лет я состою редактором нью-йоркской газеты “Русский голос”, стоящей на советской платформе. О характере “Русского голоса” Вы можете судить по тому факту, что весной прошлого года нами было собрано и переслано Н.К. Лениной (т. е. Крупской. — А.Б.) 2000 долларов в фонд Живого Памятника Ленину...» (цит. по: Николаев Д.Д. Ветлугин // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / под общ. ред. О.Н. Михайлова. М., 2008. Вып. 4. С. 306).

¹⁵⁶ В материалах «Русского голоса» образ «серебряных ложек» в 1924 г. встречается часто (см., например: Ветлугин А. За чтением их газет // Русский голос (Нью-Йорк). 1924. 27 февр. № 2957. С. 2). Упоминает их в своих «Записках писателя» и Арцыбашев (см.: Арцыбашев М. Записки писателя. ХІІІ. Истошный вопль. С. 3). Этот образ стал в эмигрантской публицистике своеобразным символом утраченного обывательского благополучия в дореволюционной России. Его творцом был поэт-сатирик Жак Нуар (наст. имя и фам. Яков Викторович Окснер; 1888–1941), в стихотворении которого «Повесть о надворном советнике» (Время (Берлин). 1924. 25 февр. № 292. С. 2) серебряные ложки — один из устойчивых, лейтмотивных образов. Лишенный имущества в годы революции, некий на-

сказано, что он будто бы «взял на себя поручение “обляять” народ. По его словам, весь русский народ — “сволочь” и все “несчастья России” произошли оттого, что она была населена русскими». «Все три писателя, — утверждалось далее, — не скрыли (в этом, пожалуй, значение их “откровения”), что быть против советского правительства — значит быть против России и всего русского народа. Но, по словам Бунина, для него “Бог” важнее, чем “Россия”. А посему, раз вся “Россия захвачена антихристом”, он, русский писатель Бунин, призывает всех, всех истреблять “антихриста” (т. е. истреблять русский народ). Приятно, что три писателя договорились».

Вывод «Русского голоса» был таков: «Мережковский, Бунин и Шмелев открыто призывают к уничтожению русского народа. Они высказали то, что лежит на сердце у каждого врага революции»¹⁵⁷.

Спустя две недели «Русский голос» напомнил своим читателям «о “докладе”, прочитанном в Париже писателями Мережковским, Буниным, Шмелевым». И опять газета клеветала на этих «трех писателей», которые якобы «подвергли анафеме Россию, русскую молодежь» и «заявили: “Для России работаем только мы, эмигранты. Настоящие писатели — только мы, живущие вне России, и только мы работаем”...»¹⁵⁸

А еще через месяц, наблюдая за публицистическими баталиями в Европе и злорадно констатируя, что «белая иммиграция»¹⁵⁹, включая Милюкова и «большого писателя и маленько человека Ивана Бунина»¹⁶⁰, «вся питается пожиранием друг друга», «Русский голос» с надеждой заключал: «Это, конечно, хорошо. И дай им Бог поскорей друг друга съесть»¹⁶¹.

дворный советник становится эмигрантом. Когда приходит известие о смерти Ленина, у него появляется надежда вернуть «две дорожки, серебряные ложки, за домом малинник, последний царский полтинник», это приводит его в стан монархистов. Но в конце концов ради обретения прежнего благополучия надворный советник возвращается в СССР и становится... агентом ГПУ. Однако такой финал истории с «серебряными ложками» публицисты «Русского голоса» явно игнорировали.

¹⁵⁷ [Б. н.] Договорились // Русский голос. 1924. 9 марта. № 2968. С. 2.

¹⁵⁸ [Б. н.] Как они работают // Там же. 25 марта. № 2984. С. 2.

¹⁵⁹ Особенность «Русского голоса»: иммигрантами газета называла не только переселенцев, но также беженцев и политических эмигрантов.

¹⁶⁰ Эта характеристика Бунина явно заимствована у одесских социалистов. См. красноречивый заголовок направленной против писателя заметки в меньшевистских «Одесских новостях» (1919. 13 (26) нояб. № 11058. С. 1): «Маленький человек в большом писателе». Примерно так же отзывался о Бунине в «Верстах» в 1926 г. критик Д.П. Святополк-Мирский: «Бунин редкое явление большого дара, не связанного с большой личностью» (Святополк-Мирский Д. Библиография [«Современные записки» (Париж. 1920–1925. № I–XXVI.); «Воля России» (Прага. 1922, 1925, 1926 гг. № I–II)] // Версты (Прага). 1926. № 1. С. 209). Мнение В.В. Вересаева о Бунине было еще более резким: «Поразительно было в Бунине то, что мне приходилось наблюдать у некоторых других крупных художников: соединение совершенно паршивого человека с непоколебимо честным и взыскательным к себе художником» (Вересаев В.В. Литературные портреты / сост., вступ. ст. и comment. Ю. Фохт-Бабушкина. М., 2000. С. 454).

¹⁶¹ Ветлугин А. Невежды и ученыe о суде над «учеными» // Русский голос. 1924. 30 апр. № 3020. С. 2.

* * *

С середины марта полемика вокруг выступлений участников первого вечера «Миссия русской эмиграции» выплеснулась за пределы эмигрантской среды: теперь в нее оказалась вовлеченою еще и советская печать.

Бунин в постскриптуме к тексту своей речи, опубликованному в «Руле», упоминает о московской «Правде», в которой 16 марта «появилась статья, почти слово в слово совпадающая со всем тем, что писалось о нас в “Последних новостях”»¹⁶². В Парижском архиве писателя есть вырезка с этой статьей, которая озаглавлена «Маскарад мертвцевов» и подписана инициалами Н. С. Однако место ее опубликования Бунин и на вырезке, и в постскриптуме указал неверно¹⁶³. В действительности статья «Маскарад мертвцевов» была напечатана в «Известиях», а инициалы Н. С. принадлежали журналисту, писателю, критику, впоследствии также фольклористу и коллекционеру Н.П. Смирнову¹⁶⁴.

Бунин был прав: при написании своего полуграмотного опуса («Простматривая печать белой эмиграции, кажется, что попадаешь на маскарад... мертвых»¹⁶⁵) Смирнов, несомненно, пользовался милюковскими «Голосами из гроба». Не исключено, что в его поле зрения были и другие «Голоса...» — в «Накануне». На это указывает удивительное концептуальное, а местами и словесное сходство всех трех текстов. Однако цитаты московский критик брал только из «Последних новостей».

Очевидно, что в своей статье Смирнов пытался быть таким же остроумно-злозычным, как публицисты-эмигранты из «Последних новостей», «Накануне»

---

¹⁶² Бунин Ив. Миссия русской эмиграции // Руль. С. 6.

¹⁶³ Эту ошибку вслед за писателем не раз повторяли и его современники, и исследователи его жизни и творчества. См., например: Даватц В. Миссия эмиграции: И. Лампады св. Сергия // Новое время (Белград). 1924. 10 апр. № 887. С. 2; Крыжицкий С.П. Примечания // Бунин И.А. Под серпом и молотом. С. 229; Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870–1953. Frankfurt a/M; М., 1994. С. 268; Морозов С.Н., Николаев Д.Д., Трубилова Е.М. Комментарии // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 541; Бабореко А.К. Бунин: Жизнеописание. С. 275.

¹⁶⁴ В 1920-х гг. Н.П. Смирнов сотрудничал в «Известиях» и «Красной нови», публиковал критические статьи в основном на литературные темы. В 1934 г. Смирнов был арестован и осужден на пять лет северных лагерей и ссылки «за антисоветскую агитацию и распространение литературы контрреволюционного содержания» (цит. по: Перхин В.В. Русские литераторы в письмах (1905–1985): Исследования и материалы. СПб., 2004. С. 263). После освобождения до конца жизни он интересовался литературой русского зарубежья, собирая материалы, связанные с Бунином, и незадолго до кончины передал их известному коллекционеру В.В. Лаврову. Переписывался с В.Н. Муромцевой-Буниной, Л.Ф. Зуровым, Г.В. Adamовичем, В.А. Мамченко, Ю.К. Терапиано. В бунинском томе «Литературного наследства» опубликовано сообщение Смирнова «Русская древность и фольклор в поэзии Бунина» (Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: в 2 кн. / Институт мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР; редакция: В.Г. Базанов, Д.Д. Благой, В.Р. Щербина (глав. ред.) и др. М., 1973. Кн. 2. С. 408–411). Имя Смирнова встречается в письме А.К. Бабореко к Л.Ф. Зурову от 2 ноября 1966 г.: «С Н.П. Смирновым я контакты не поддерживаю — по причинам, которые объяснить невозможно, — никогда я с ним не ссорился и никаких претензий у меня к нему нет. Простите, что не выполню Вашу просьбу: не могу...» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 35. Л. 133).

¹⁶⁵ Н. С. [Н.П. Смирнов]. Маскарад мертвцевов // Известия (Москва). 1924. 16 марта. № 63. С. 2. Курсив наш. Показательно, что, цитируя эту же фразу в своем постскриптуме, Бунин не удержался от едкого замечания: «...какой прекрасный русский язык!»

«воинственных галлов» почти за год до того, как начал редактировать «Южное слово»¹⁶⁷.

Неверными были также представления Смирнова о характере отношений Бунина, Мережковского и Шмелева с газетой «седеньского профессора, гrimи-рующеся под бравого артиллериста с дарданелльского форта», т. е. Милюкова. По словам журналиста, они там якобы печатались уже тогда, в первой половине 1920-х гг., однако это противоречит исторической правде. Обычно под словом «печататься» подразумевается полноценное (пусть даже и нерегулярное) сотрудничество в том или ином периодическом издании, а эти писатели только время от времени публиковали в «Последних новостях» отдельные, и притом, как правило, незначительные, тексты вроде «писем в редакцию», что, разумеется, вовсе не делало их сотрудниками газеты «седеньского профессора».

Кроме того, в своей статье Смирнов вольно или невольно (т. е. по незнанию) фальсифицировал и знаменитую «дружескую пародию» Куприна на Бунина «Пироги с груздями (Из кислых рассказов)»¹⁶⁸. А заявляя, что в сравнении с выступлениями участников вечера «Миссия русской эмиграции» «даже “Вехи” кажутся безвинной елочной хлопушкой», автор «Маскарада мертвцев» неверно указал дату первого издания этого сборника: 1907 г. — тогда как на самом деле сборник вышел в 1909 г.

Подобно своему анонимному коллеге в «Накануне», московский журналист признавал за Буниным только его дореволюционные заслуги и достижения. «Бунин, тот самый Иван Бунин, новый рассказ которого был когда-то для читающей России подарком, Ив. Бунин, печатавшийся до “Освага” в горьковской “Летописи”, теперь, по словам Смирнова, «позировал под библейского Иоканаана», выступал в его «черном плаще» (?). «Он “религиозен”, — саркастически замечал журналист. — Он — правовернейший христианин, хотя и писал когда-то в своей автобиографии: “никакой ортодоксальной веры не держусь”»¹⁶⁹. С таким же сарказмом автор статьи приводил слова писателя о

¹⁶⁷ Это стихотворение, написанное ко дню официального вступления в Одессу союзнических войск, было опубликовано 9 (22) декабря 1918 г. на первой полосе «Одесского листка» (№ 279).

¹⁶⁸ По версии Смирнова, в этой пародии «Бунин изображался примерно так: вечер, усадьба, у окна барин с закутанными пледом ногами, на окне — родовая “голубая” книга, а в двери служанка, пришедшая, по традиции, почесать на ночь барские пятки». Аутентичный текст «Пирогов с груздями» см. в изданиях: Жупел (СПб.). 1906. № 3. С. 7; Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы): Антология / под общ. ред. Н.Г. Мельникова. М., 2010. С. 817. Не исключено, что об этой пародии Смирнов узнал из статьи А.В. Бобрищева-Пушкина «Хвала крепостному праву» (Накануне. 1924. 5 апр. № 80. С. 2), где «Пироги с груздями» также цитировались — близко к тексту, но все равно с искажениями.

¹⁶⁹ Впрочем, в отношении бунинской религиозности сарказм Смирнова был отчасти объясним. Бунин и впрямь обладал весьма своеобразными, глубоко индивидуальными представлениями о вере и религии вообще, что заметно по целому ряду его высказываний — например, в первых редакциях рассказа «Тень птицы» (1908), повести «Деревня» (1909–1910). До революции он, от рождения православный христианин, чрезвычайно интересовался (впрочем, скорее как художник, чем как «богоискуситель») католицизмом, исламом, иудаизмом, буддизмом. В первые месяцы большевистского владычества значение православия постепенно начало расти и в религиозном, и в историко-культурном самосознании Бунина. В вере, так же как в русской истории и литературе, писатель отныне черпал силы для нравственного сопротивления новой власти, агрессивно отрицавшей прошлое, государст-

том, что он «от рода не был» помещиком (что было чистой правдой), «опровергая» это утверждение цитатами все из тех же «Семи стихотворений» и «Несрочной весны». «Теперь, — писал Смирнов, — православнейший писатель выступает как представитель и защитник своего, разбитого революцией класса. Это особенно ярко сказывается в его позднейших произведениях. <...> Здесь уже не только помещик, но помещик-мракобес, дворянин-крепостник. Эпигон крепостничества»¹⁷⁰.

Исходя из всего этого, автор «Маскарада мертвцевов» делал вывод: «Бунин, носивший во время своих скитаний по востоку *пробочный [так!] шлем*, мечтает, как и Мережковский, о железном шлеме *крестоносца*»¹⁷¹.

Ключевые тезисы «Маскарада мертвцевов» Смирнов воспроизвел в другой своей статье — «Солнце мертвых», напечатанной в том же 1924 г. в журнале «Красная новь».

* * *

В постскриптуме к своей речи в «Руле» Бунин среди статей, напечатанных в «Последних новостях» в развитие темы «голосов из гроба», упомянул «через запятую» и статью З.Н. Гиппиус «Религия и аполитизм». В этом писатель был не совсем прав: статья Гиппиус явно выбивалась из общего ряда материалов, которые газета Милюкова посвятила «беседам» о миссии русской эмиграции.

Соглашаясь с публицистами «Последних новостей» в том, что «религиозное собрание» 16 февраля «было политическим и правым», Гиппиус в то же время возражала против их практики навешивания «бездоказательных» ярлыков («голоса из гроба»), а также против их попыток ограничить «непримиримых» и других непрофессиональных политиков (не «спецов») в праве высказывать свои суждения по тем или иным политическим вопросам. При этом Гиппиус критиковала и участников первого вечера «Миссия русской эмиграции» за то, что они, по ее мнению (и здесь она была единодушна с Яблоновским), недостаточно четко заявили о своих политических взглядах, декларативно дистанцировавшись как от правых, так и от левых и целиком сосредоточившись на сугубо религиозной (т. е. с их точки зрения — аполитической) оценке происходящего в России и в мире.

во, церковь, традиции. Характерны в этом смысле строки из бунинского дневника (запись от 4 мая (21 апреля) 1917 г.): «Вчера от Ушаковой зашел в церковь на Молчановке — “Никола на курьей ношке”. Красота этого еще уцелевшего островка среди моря скотов и убийц, красота мотивов, слов дивных, живого золота дрожащих огоньков свечных, траурных риз — всего того дивного, что все-таки создала человеческая душа и чем жива она — единственno этим! — так поразила, что я плакал — ужасно, горько и сладко! Сейчас был с Верой там же. “Христос воскресе!” Никогда не встречал эту ночь с таким чувством! *Прежде был холoden*» (Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. / сост., comment. А.К. Бабореко. М., 2000. Т. 8. С. 64. Курсив наш).

¹⁷⁰ Мечты о восстановлении крепостного права Бунину приписывали и до революции — например, Куприн в своих «Пирогах с груздями». В леворадикальной эмигрантской и советской публицистике этот миф превратился в пропагандистский шаблон — притом что Бунин родился через девять лет после отмены крепостного права и знал о нем только по рассказам родных и представителей бывшей дворни.

¹⁷¹ Н. С. [Н.П. Смирнов]. Маскарад мертвцевов. С. 2. Курсив наш.

По мнению автора статьи, такие превратно понимаемые аполитичность и религиозность ничем не лучше откровенных (по сути — провокаторских) призывов «вернуться» в Россию, поскольку и в том и в другом случае речь в конце концов идет об уклонении от борьбы с большевизмом. «Непримиримые, — писала Гиппиус, — могут упорствовать в своих ошибках (религиозных), могут и далее уклоняться от выбора между двумя коренными линиями, но пусть не обманывают себя: выбор все равно будет сделан, ими же самими, хотя помимо их воли; и не казаться будут собрания такими или другими, а действительно примут один из уклонов, как первое приняло — правый»¹⁷².

Ни с кем из участников вечера «Миссия русской эмиграции» (кроме Карташева, который удостоился настоящей отповеди за свое тяготение к «правому корыту») Гиппиус напрямую не полемизировала, но из контекста «Религии и аполитизма» можно было понять, что «отрицание всякой, во все времена, революции» (Бунин), «осуждение, безразборное, русской интеллигенции» (Шмелев) и подчеркнутый «национализм», без необходимых поправок и пояснений» (Кульман) сочувствия в авторе статьи не находили.

Вскоре на статью Гиппиус в правоэсеровской газете «Дни» откликнулся М. Бенедиков (М.Ю. Берхин), который, по его собственному признанию, «не без некоторого недоумения следил за полемикой на столбцах “Последних новостей” сначала о “литературе и политике”, затем — о “религии и политике”». В его собственной статье «Эпидемия политики» затрагивались и общие вопросы о «границах “политизма”, допустимого для представителей аполитических корпораций» (т. е. непрофессиональных политиков), и вполне конкретные, связанные с выступлениями Бунина и его единомышленников, которые как раз и представляли одну из таких «корporаций».

По мнению Бенедиктова, Гиппиус заблуждалась, считая, что «кто-то посягает на неотъемлемое право писателя, религиозного мыслителя или кого бы то ни было исполнить долг гражданина, печалясь о судьбах родины». «Поскольку политика соприкасается с долгом человека и гражданина, — утверждал журналист, — постольку она — дело каждого из нас, а писателя и мыслителя — тем более. Но вне этих рамок политика, как и публицистика, является профессией и действительно должна составлять монополию “спецов”». Политика, обосновывал он свою мысль далее, «как профессия, требует, как и всякая другая, специальных знаний, опыта и других качеств, коими не обладают пророчествующие писатели и политиканствующие пророки. Благословляя их на роль политических вождей, г-жа Гиппиус, очевидно, рассчитывает на то, что религиозное пророчество с успехом может заменить нормальные атрибуты политика».

Бенедиков соглашался с Гиппиус только в одном: «...было бы лучше, если бы ее единомышленники смело выбросили свой политический флаг вместо того, чтобы заниматься камуфляжем. Мужество всегда подкупает. А в данном случае оно имело бы и благотворное влияние: люди, пьянеющие от мистической диалектики, узрели бы “правое корыто” во всей его неприглядности. Тогда эпидемия политики была бы вовсе не страшна»¹⁷³.

---

¹⁷² Гиппиус З. Религия и аполитизм // Последние новости. 1924. 19 марта. № 1198. С. 2. Курсив Гиппиус.

¹⁷³ Бенедиков М. Эпидемия политики: (Письмо из Парижа) // Дни. 1924. 29 марта. № 424. С. 2.

* * *

С началом апреля в полемике вокруг выступлений «непримиримых» наметился новый поворот: произошла своего рода замена (точнее, сужение) ее объекта. Как уже отмечалось, эмигрантская пресса, за исключением «Последних новостей», осталась безучастной ко второму вечеру «Миссии русской эмиграции», который, напомним, состоялся 5 апреля 1924 г. Гораздо больший интерес у журналистов (причем по обе стороны советской границы) вызвала одноименная речь Бунина, напечатанная двумя днями раньше в «Руле».

Ее обсуждение началось с обстоятельной статьи сотрудника «Дней» А.Б. Петрищева «Ненависть или надрыв?». Учитывая установку писателя на религиозность, Петрищев проанализировал его речь с точки зрения христианской и стоической этики и пришел к неутешительному выводу: в своей «проповеди ненависти» к целому народу Бунин отказался «от Христа и Сенеки» с их «афоризмами»: «Вы храмы Божии есте» и «Человек человеку святыня. Homo homini res sacra est». Этот «отказ» публицист квалифицировал как «упадок в первобытность, и притом удивительно сходный с мракобесным безумием ленинизма. Ведь и для той, ленинской, стороны нет человека как святыни, как храма божия. <...> Разница лишь в том, что для В.И. Ленина “наши” были там, где для И.А. Бунина чужие и ненавистные».

В бунинской «Миссии русской эмиграции» Петрищев увидел вместо точных формул, «политических ответов» сплошные «иноскazания», «эпитеты» и «метафоры», среди которых «чуть ли не наиболее вразумительной» метафорой, по его мнению, была следующая: «“До последнего издыхания” питать в себе “святую ненависть к русскому Каину” и укреплять “любовь к русскому Авелью”».

«Против “святой ненависти”, как и соответственной любви, нельзя возражать, — рассуждал Петрищев. — Самое отвратительное, если человек не горяч и не холоден. В ком действительно кипит святая ненависть, в том есть и великая любовь. Но к чему ненависть? Слово “Каин”, конечно, не ответ. Что и кто, собственно, разумеется под этим иноскazанием? И.А. Бунин дает немало пояснений. <...> И о ком идет речь, — ясно. Если взять “дикарей”, виновных в “заветных ча- янениях насчет земельки”, да прибавить “хулиганов” и “гадин”, не принявших Белое движение, и дополнить ко всему просто “хама” и “комсомольца”, то... “Каин”-то выходит преогромный. Чуть ли не все население России. А любимый “Авель” совсем маленький, рассыпанный по зернышку и неведомо из кого состоящий».

Подтверждая право Бунина и вообще любого человека на «святую ненависть» к тому «мрачному и возмутительному», что было совершено «за годы революции живыми людьми, населяющими Россию», Петрищев в то же время отказывал в таком праве применительно к самим людям, к народу: «И.А. Бунин, как и всякий другой, вправе ненавидеть совершенные преступления. О квалификации их, о причинах, о смягчающих или усугубляющих вину обстоятельствах мы можем спорить. Но сама по себе ненависть к преступлению, к пороку, к низости падения человеческого есть воистину святая ненависть. К сожалению, нам говорят о другом — о “миссии”, о праве ненавидеть людей. А такого права у Бунина нет. Да и быть не может»¹⁷⁴.

---

¹⁷⁴ Петрищев А. Ненависть или надрыв? // Дни. 1924. 6 апр. № 431. С. 1. Курсив Петрищева.

В соответствии с этим тезисом Петрищев переосмысливал и бунинское утверждение: «Поистине действовали мы, несмотря на все наши человеческие падения и слабости, от имени нашего Божеского образа и подобия»¹⁷⁵. В интерпретации публициста «Дней» (весьма спорной) писатель в данном случае будто бы имел в виду именно «право ненавидеть людей». И далее Петрищев, в сущности, опровергал не бунинское высказывание, а именно собственную интерпретацию его, ссылаясь при этом не только на «идеальное, евангельское, но и практическое, церковное христианство». «Ведь даже инквизиция, — писал он, — считала необходимым символически показать свою любовь к людям, осужденным ею на сожжение, в их последний предсмертный час. И не только любовь, но и уважение к праву преступника на спасение и оправдание там, перед лицом последнего и нелицеприятного судьи. Пусть это было лицемерие. Но все-таки, повторяю, даже инквизиция признавала обязательной эту добродетель и считала нужным платить ей дань. И.А. Бунин освобождает себя больше, чем отцы-инквизиторы. Но в таком случае к чему ссылки на образ и подобие? Нет, это не божеский образ и не божеское подобие»¹⁷⁶.

В своих сентенциях Петрищев дошел даже до отрицания художника в Бунине: ведь «если он теперь видит только эпитеты: “дикари”, “хамы”, “хулиганы”, но не видит сущности, не видит и даже ненавидит человека, прикрытого эпитетами, то художнику конец¹⁷⁷. Без любви катуре, без умиленного проникновения в ее сущность современное нам художественное творчество разве возможно психологически?» Впрочем, считал публицист, «и не одному художнику — гражданину тоже конец. Если все хамы и негодяи и чуть ли не весь народ непременно надо лютой ненавистью ненавидеть, то из чего же строить здание гражданственности? Во что верить? На что надеяться? Дороги нет? И строить не для чего и не для кого. Сиди в тупичке и шипи на род людской — зачем, дескать, не по нашему вкусу устроен».

«Правда ли, что у И.А. Бунина есть “святая ненависть”, а не надрыв? — во-прошал Петрищев и отвечал на свой вопрос скорее отрицательно. — С большиможесточением он пишет о “дикарях”, которые, на его взгляд, повинны в заветной мечте насчет “земельки”... Но как жаль, что он судит об этих “дикарях” из парижского далека понаслышке, заглазно. Надо бы ему посмотреть лично, как “дикари” с семнадцатого года жили и живут, как “земельку” делили, как среди бесспорно ужасных поступков совершились — именно “дикарями” — умилительнейшие дела человечности... Именно Бунину надо бы посмотреть. Его глазами художника, способными видеть зерно сквозь шелуху... Совсем бы другое он теперь чувствовал. И по-другому бы говорил»¹⁷⁸.

В заключительных строках своей статьи Петрищев выражал робкую надежду на то, что в конце концов истинный художник возьмет в душе Бунина верх над озлобленным публицистом: «Перед нами проповедь ненависти. Но, прости-

---

¹⁷⁵ Бунин Ив. Миссия русской эмиграции // Руль. С. 5.

¹⁷⁶ Петрищев А. Ненависть или надрыв? С. 1.

¹⁷⁷ Удивительно, что эти строки были написаны после появления в печати бунинского рассказа «Косцы» (Медный всадник: Альманах. Берлин, 1923. Кн. 1. С. 1–12), где явлена как раз любовь к человеку, притом — русскому человеку.

¹⁷⁸ Петрищев А. Ненависть или надрыв? С. 1–2.

те, я плохо верю, чтобы художник Бунин утратил способность видеть не только в массовом, но и действительно падшем человеке затаенные черты трогательно человеческого. Такая утрата в русском писателе означала бы слишком — до невероятия — глубокий культурный упадок. И если бы мне сказали, что ожесточение Бунина — особое чувство, подстрекаемое пафосом непривычной ему публицистической литературности¹⁷⁹ и пеной нарочито обидных слов, то я не сумел бы возразить. И не стал бы возражать»¹⁸⁰.

* * *

«Последние новости» отнеслись к появлению бунинской «Миссии русской эмиграции» в «Руле» со своей обычной язвительностью. В передовой «Новый Апокалипсис» газета подвергла речь писателя весьма подробному, придирчивому разбору, чередуя многочисленные цитаты, собственными, как правило едкими, а подчас и откровенно грубыми комментариями.

Едва ли не наибольшее раздражение у «Последних новостей» вызвал бунинский постскриптум, который был истолкован милюковским изданием как «жалоба»: «И.А. Бунин написал на нас жалобу в “Руль”. Должно быть, г. Бунин очень сердит на нас, потому что, вопреки своей обычной литературной манере, суховатой и холодной, он на этот раз прибегает к самым неумеренным выражениям, чтобы излить свой гнев. Художник слова должен был бы знать, что не всегда самые сильные слова производят самое сильное действие и что при злоупотреблении ими писатель пугает, а читателю не страшно — разве только немножко смешно».

Почти треть «Нового Апокалипсиса» его анонимный автор (скорее всего, сам Милюков) посвятил ответу на бунинские замечания по поводу той характеристики, которую «Последние новости» дали первому совместному выступлению «непримиримых», а сам факт опубликования речи писателя назвал «неосторожным поступком»: «Действительно, подлинная речь г. Бунина оказывает услугу не ему, а нам. Она ровно ничего не изменяет по существу нашей характеристики, а только придает ей новые краски».

«Речь г. Бунина, действительно, переполнена “страшными словами”, — отмечал автор передовой. — Обычно столь реалистический и трезвый писатель становится здесь на ходули и на крик кричит. Ему, видимо, хочется придать своим словам какую-то особую значительность». И далее следовали саркастические оценки не только содержания речи писателя, но и ее отдельных элементов, в том числе заглавия и слога. «Умышленная значительность вложена уже в самое заглавие: “Миссия русской эмиграции”. Не подумайте, что это заглавие выбрано спроста. Г. Бунин справился предварительно “во французских толковых словарях” и вот что прочел там: “миссия есть власть (в скобках: pouvoir), данная делегату идти делать что-нибудь”. И это не совсем литературное “идти делать” — тоже неспроста. Ведь сказано: шедше, научите все языци¹⁸¹. <...> В соответствии с “высокой миссией” и

---

¹⁷⁹ Здесь Петрищев заблуждался: к 1924 г. «публицистическая литературуность» Бунину была уже очень «привычна».

¹⁸⁰ Петрищев А. Ненависть или надрыв? С. 2.

¹⁸¹ Автор передовой цитирует Евангелие (Мф. 28: 19).

вся речь выдержана в библейском пророческом стиле. <...> Непременно, конечно, нужно русскому “миссионеру” двадцатого века доказать, как в XVII и XVI веках, что мир весь во зле и грехе лежит, а цветет православием третий Рим — увы, теперь уже не Москва реальная, а Москва, унесенная на подошвах эмигрантов...»

От внимания автора передовой не ускользнули бунинские упреки в адрес незадачливых «домоправителей» России, не сумевших удержать в своих руках власть. «Намеки прозрачны: недостает только собственных имен, — негодовал журналист. — Осуждение большевизма, прямая цель “миссии”, здесь тонет в задаче более общей: в обличении “собачьего лица” современности и “социальных” партий всего мира в повторстве инстинктам толпы, в огульном обвинении их при этом в служении личным интересам властолюбия, в осуждении их за злонамеренное “устройство революций”».

Избегая слова «мракобес», которого не стеснялись леворадикальные публицисты, автор «Нового Апокалипсиса» тем не менее подразумевал именно это слово, когда корил «начетчика двадцатого века» Бунина за его «национализм», понимаемый как «связь с прошлым», а в его «психологии и логике» видел отражение «психологии и логики» протопопа Аввакума и русского средневекового государственного деятеля Мисюря Мунехина¹⁸². «Жаль вот только, — иронично добавлял журналист, — что и весь мир, и Россия прожили с тех пор несколько столетий — и заразились разными “социальными” злоучениями. Они заразились и еще худшим. “Погашены лампады над гробницей Сергия Радонежского, закрыты врата его лавры”. А так как г. Бунин верит, что вместе с тем “разрушены наши нравственные основы” и что “без этих лампад не бывать русской земле”, то ему только и остается заключить, что наступила на Руси и во всем мире “тьма” кромешная и дикое состояние, которым “служить преступно”».

В финальных строках своей передовой автор выражал уверенность, что «мотивировка антибольшевизма эсхатологическими соображениями Бунина и его кружка» не найдет сочувствия у эмигрантской общественности, являясь делом его личного, «нездорового и ненормального», умонастроения. Допускная возможность того, что Бунину «удастся создать секту», анонимный сотрудник «Последних новостей» вместе с тем утверждал, что «ни в Бернарды Клервоские¹⁸³, ни в Савонаролы Бунин не годится. Для этого он слишком русский барин — из той породы, из которой произошло столькоувековеченных нашей литературой “лишних людей”, так блестяще охарактеризованных “великим русским историком Ключевским”»¹⁸⁴.

---

¹⁸² Мунехин Михаил Григорьевич по прозвищу Мисюрь (втор. пол. XV в. — 1528) — московский дьяк при псковских наместниках, фактический правитель Пскова (с 1510 г.).

¹⁸³ Бернар (Бернард) Клервоский (Bernard de Clairvaux; Bernardus abbas Clarae Vallis; 1090–1153) — деятель Католической церкви, теолог-мистик, монах, с 1115 г. настоятель основанного им монастыря в Клерво, один из основателей ордена тамплиеров, вдохновитель Второго крестового похода (1147). В 1174 г. был причислен к лику святых.

¹⁸⁴ [Б. н.] Новый Апокалипсис // Последние новости. 1924. 6 апр. № 1214. С. 1. По всей видимости, автор статьи имел в виду статью В.О. Ключевского «Евгений Онегин и его предки» (Русская мысль (Москва). 1887. № 2. С. 291–306), где представлена с «историко-генетической» точки зрения «генеалогия» Онегина как одного из первых «лишних людей» в русской литературе и русской действительности, которого Ключевский называет «не общим или господствующим типом време-

Через два дня после опубликования «Нового Апокалипсиса», 8 апреля, газета Милюкова напечатала две статьи о втором вечере «Миссия русской эмиграции» — передовую «Бессильные потуги» и отчет С.В. Познера «Вечер самооправданий и демагогии». А еще через два дня, 10 апреля, со своим личным мнением о существе бунинской речи на столбцах «Последних новостей» выступил М.А. Осоргин.

* * *

В своей статье «Миссия Ив. Бунина» Осоргин при внешнем, обманчиво-доброжелательном простодушии, по существу, шаг за шагом дискредитировал Бунина и его позицию — за что впоследствии, спустя много лет, удостоился от самого «миссионера» хлесткого словца: «Злой был болван!»¹⁸⁵

Начав с иронических и несколько даже фамильярных похвал автору «Миссии русской эмиграции», его цельности и стойкости в «неизменном господском презрении к хаму и хамству, проявившемуся в русской смуте», Осоргин постепенно переходил к прямому развенчанию героя своей статьи.

En pendant с автором «Нового Апокалипсиса» Осоргин сделал особый акцент на бунинском «барстве». Он писал: «Как подлинный барин, крепкий, старозаветный, без всяких разночинных идеиных штатаний и подлаживаний (все это говорю без малейшей иронии), Ив. Бунин никого и ничего не пощадит, в ком и чем видит признак двуличия, подмазывания, приспособления, вообще — слабости и хамства». Этим же «барством» Осоргин объяснял и бунинскую «беспощадность» к народу, который «не принял белых», к России, «сошедшей с ума» и оказавшейся «на пути святой собачьей ненависти Бунина». «И даже маленькая мегаломания И. Бунина («московская ‘Правда’ страстно жаждет нашей смерти, моей особенно», — это по поводу невиннейшей ошибочной заметки о мнимой болезни Ив<ана> Ал<ексеевича¹⁸⁶), и его выражения (“Ленин — выродок, нравственный идиот от рождения”, “московские поэты — содержанцы красной блудницы” и проч.) — все это стильно и прекрасно дополняет цельный образ настоящего барина нашей российской самобытной культуры, если и не “аристократа духа”, то во всяком случае — анархиста-индивидуалиста. И когда И. Бунин говорит: “Россия!

ни», а «типическим исключением». Соответственно, и разновидность русского барства, изображенная в этой статье, носит характер «типического исключения».

¹⁸⁵ РАЛ. MS. 1066/8054.

¹⁸⁶ В феврале 1924 г. Бунин печатно опроверг «злостное сообщение» о своей «“смертельной” болезни», которое, по его словам, было напечатано в «Правде»: «Позвольте заявить ради близких мне лиц, что я, слава Богу, совершенно здоров» (Бунин Ив. Письмо в редакцию // Последние новости. 1924. 19 февр. № 1173. С. 2; То же // Руль. 1924. 21 февр. № 977. С. 2; см. также: [Б. н.] Литературная хроника // За свободу! (Варшава). 1924. 3 марта. № 60. С. 4). Однако обнаружить такое сообщение ни в «Правде», ни в «Известиях» нам не удалось. Сплошной просмотр de visu номеров обеих газет за ноябрь 1923 — февраль 1924 г. оказался безрезультатным. Единственное за этот период упоминание о Бунине имеется лишь в «Известиях», в статье некоего А. Пилигрима «Русский табор на Сене», однако ни о какой «смертельной» болезни писателя там речь не идет: «Ныне Париж вновь полон русскими... кто же сомневается, что из пепла восстанет Вл. Бурцев и простиными воскресшего “Общего дела” покроет лысины и плеши, гофрированные прически и белогвардейские проборы... всех, кто впитывает старческую желчь писателя Бунина...» (Пилигрим А. Русский табор на Сене: (Бытовые зарисовки) // Известия. 1924. 18 янв. № 15. С. 5).

Кто смеет меня учить любви к ней!”, — то сразу чувствуешь, что, во-первых, Бунин и впрямь, по-своему, любит Россию, а, во-вторых, никто его учить не сунется, ибо у него в руке не прописи патриотического словоблудия, а хороший арапник, и рука у него тяжелая».

Будто бы «искренно» восхищаясь «определенностью позиции и художественностью речи анархиста-индивидуалиста, настоящего барина Ивана Бунина», Осоргин вместе с тем явно не верил в неподдельность бунинского пафоса: по его мнению, Бунином был всего лишь «самосоздан превосходный образ и цельный тип». Иначе говоря, в представлении Осоргина бунинская непримиримость была не более чем маской, позой, мистификацией. Все сказанное Бунином о миссии эмиграции Осоргин назвал «абсолютным нонсенсом», будучи убежденным, что «как умный человек Ив. Бунин это, конечно, сознает — хотя вслух в этом никогда не признается и не должен признаваться: это нарушило бы впечатление художественной цельности образа, и я бы первый перестал им восхищаться».

Далее, развивая свой тезис о бунинской «позе» непримиримости, Осоргин утверждал: «Никакой общей не только миссии, а и просто жизненной задачи у эмиграции нет и не может быть. Врангель и Краснов готовят какой-то “поход” на Россию, — но Ив. Бунин с ними никуда не пойдет. <...> А то “продолжение не-приятия”, о котором говорит Ив. Бунин как о миссии, — и не миссия, и не задача, а просто — мироощущение, бытие и поза. В нем эта поза красива, как в фигуре заметной, в писателе с именем; в другом — смешна; третий — просто ни в чем не разбирается. Но зачем позу называть миссией? <...> Конечно, эмиграции легче жить, думая, что у нее есть высокая миссия. Но долго такой самообман тянуться не может. А пережили мы все так много, что выдержим и еще одно разочарование...»

Осоргин был уверен, что рано или поздно «эмигрантская масса дифференцируется». Ее «беженская, аполитическая часть склынет в Россию (хорошо бы, если бы без унижений)», а в эмиграции останутся «три слоя»: «Первый — кому это материально выгодно (дальцы) и кто привык (акклиматизировался); второй, не-многочисленный, — “непримиримые”, анархисты-индивидуалисты типа Бунина и кого не пустят; третий — политические противники той власти, какая в это время в России окажется. Задачей первых будет устроение своей жизни, задачей вторых — спасать свою душу от духовной смерти, задачей третьих — доступная им форма политической борьбы на расстоянии (как было при царизме)».

«Когда все это произойдет», пророчествовал Осоргин, Бунину «уже не придется выступать... на эстраде... не по своей части. Он будет писать хорошие вещи, а мы будем читать. Его красавая, цельная, художественная фигура останется тою же, говорить же пустяки о всяких “миссиях” и вообще заниматься черной политической работой будут другие, спецы этого дела. И гораздо лучше будет». Однако в то же время Осоргин «от души» желал будущему нобелевскому лауреату «вернуться в Россию скорее»: «Он ведь и народ русский знает и любит, и человек умный и культурный, и революцию (в части, без хамства) приемлет. Как писатель, — а ими Россия скудна, — он там положительно необходим; как “политик”, он там, — слава Богу, — совершенно неведом и никому не интересен.

Смерти его — Боже избави — никто там не хочет. Ненависть собачью перевесит в нем любовь человечья. Литература выиграет — политика ничего не проиграет»¹⁸⁷.

Осоргинский памфлет попал в поле зрения только что начавшей выходить парижской консервативной газеты «Вечернее время»: 23 апреля некто О. Козельский¹⁸⁸ напечатал в газете «маленький фельетон» под заглавием «Об одном “пустяке” и о “миссии”».

Отдав дань обычному для правой прессы злословию в адрес Милюкова и его газеты, О. Козельский напустился персонально на Осоргина за ряд его, может быть, слишком категоричных заявлений.

Например, ему не понравилась рекомендация Осоргина Бунину «не выступать на эстраде “не по своей части”, а также — слова о том, что «говорить пустяки о всяких миссиях и вообще заниматься черною политической работой будут другие, спецы этого дела». В ответ автор «маленького фельетона» писал: «...прежде всего позволительно спросить г. Осоргина, почему спецы должны говорить непременно пустяки? И далее, если это все-таки неизбежно, то не лучше ли, чтобы “спецы” замолчали, а раздались другие голоса? Что же касается “спецов”, то действительно, некоторые из них говорят “пустяки”».

В качестве примера О. Козельский привел призыв того же Осоргина к эмигрантской молодежи «непременно вернуться в Россию, и даже не закончив начатого образования... потому, что России нужны не люди науки или искусства, т. к. и наука, и искусство являются для нее роскошью, а нужны одни мускулы». Сомневаясь в искренности этого призыва («г. Осоргин отводит для себя и своих единомышленников привилегированное положение: едва ли он имеет намерение опроститься так, как он рекомендует молодежи»), публицист одновременно указывал на то, что Бунину Осоргин предлагал «вернуться», исходя из совершенно иных — по сути, прямо противоположных — посылок. «Позвольте, — изумлялся О. Козельский, — как же это г. спец только что уверял, что России ни наука, ни искусство не нужны, а тут вдруг писатели стали для нее необходимы? Уж надо чего-нибудь одного держаться. А то и в самом деле можно подумать, что “спецы” ставят своей задачей говорить непременно пустяки и в этом и состоит их миссия»¹⁸⁹.

Таким образом, О. Козельский не столько защищал Бунина от Осоргина, сколько хотел выразить непосредственно Осоргину свое несогласие с его позицией. А речь Бунина оказалась всего лишь формальным поводом для этого.

* * *

Сотрудник белградского «Нового времени» и в то же время один из наиболее последовательных (и тактичных) милюковских оппонентов В.Х. Даватц

---

¹⁸⁷ Осоргин М.А. Миссия Ив. Бунина // Последние новости. 1924. 10 апр. № 1217. С. 2.

¹⁸⁸ Скорее всего, это псевдоним: в справочнике В.Б. Курдячева «Периодические и непериодические коллективные издания русского зарубежья. 1918–1941» (М., 2011) в списке авторов газеты (с. 145–146) О. Козельский не значится. Не указан человек с такой фамилией и в трехтомном биографическом словаре «Российское зарубежье во Франции. 1919–2000» (М., 2008–2010).

¹⁸⁹ Козельский О. Об одном «пустяке» и о «миссии»: Маленький фельетон // Вечернее время (Париж). 1924. 23 (10) апр. № 2. С. 2.

также счел своим долгом высказаться о бунинской речи. Его обширную, в трех частях, статью под заглавием «Миссия эмиграции» газета А.А. Суворина (сына знаменитого издателя-магната) печатала 10–12 апреля. Первая часть («Лампады св. Сергея») была целиком посвящена анализу речи писателя. Во второй части («Транспортная контора») по ней как бы «поверялась» статья А.С. Изгоева из цикла «Политические письма», которая была опубликована в том же номере «Руля», что и «Миссия русской эмиграции». В третьей части («Белое воинство») автор рассуждал о роли Белой армии в борьбе с большевизмом — как в прошлом, так и в исторической перспективе.

По отношению к Бунину статья Даватца носила однозначно апологетический характер: все идеи писателя получили полную и безоговорочную поддержку, при этом ему в особую заслугу ставилось его благоговение перед «белым ратником».

Примерно две трети текста первой части «Миссии эмиграции» Даватца — «Лампады св. Сергея» — занимают выписки из бунинской речи, что, безусловно, снижает ценность этого произведения с исследовательской точки зрения. Однако в то время, когда статья Даватца появилась, такое обильное цитирование было не только оправданным, но и в известном смысле необходимым, если не сказать — целесообразным. Далеко не все представители русских колоний на «периферии» русского рассеяния (в той же Югославии или в странах Балтии, в Северной и Южной Америке, на Дальнем Востоке) имели возможность читать парижские и берлинские газеты. Обзоры прессы, компиляции и «монтажи», подобные «Лампадам св. Сергея», в какой-то степени решали для них проблему «информационного неравенства», как это явление называется в наши дни.

Применительно к бунинской «Миссии русской эмиграции», к полемике вокруг нее Даватц не сказал ничего нового. В сущности, он просто пересказал по-своему содержание бунинского постскриптума, не забыв даже «Правду» (и тем самым невольно повторив ошибку писателя): «Московская “Правда” трогательно сошлась с П.Н. Милюковым. Милюковские “голоса из гроба” вдохновили “Правду” на статью “Маскарад мертвцев”. В статье этой “Правда” тоже советует обратиться и к последним стихотворениям Бунина в “Русской мысли”, и к последнему рассказу в “Современных записках”. Разница только в том, что П.Н. Милюков может расчитывать, что его читатели действительно ознакомятся с этими зловредными произведениями, а читатели “Правды” должны поверить ей на слово: не у всякого хватит смелости из-за эмигрантской “дискуссии” рисковать головой».

Не исключено, что Даватц был знаком и с соответствующими публикациями в «Русской газете в Париже», «Последних известиях», «Старом времени», «Днях», «Накануне». Без подобной осведомленности у него вряд ли возник бы риторический вопрос: «Что же взбудоражило так весь левый фланг и заставило его соединиться в трогательный блок?»

Так или иначе, для Даватца было очевидно, что речь Бунина «настолько значительна, так много вызывает мыслей и настроений, что достойна того, чтобы на ней остановиться подробно»¹⁹⁰. Сделанный им на основе текста бунинской речи монтаж давал читателям «Нового времени» довольно точное представление о

---

¹⁹⁰ Даватц В. Миссия эмиграции: I. Лампады св. Сергея // Новое время. 1924. 10 апр. № 887. С. 2.

том, что было сказано писателем 16 февраля, на первом вечере «Миссия русской эмиграции»¹⁹¹.

Во второй части своей статьи Даватц, опираясь на идеи, высказанные в речи Бунина, возражал Изгоеву, настаивавшему: «Для настоящего времени ничего не может быть вреднее мысли, что есть две России: одна там, морально заклейменная, гнилая, вымирающая, и другая здесь, за рубежом, сохранившая в большей или меньшей степени свою нравственную силу и душевное здоровье. Нет, двух России не существует и не должно быть. Россия одна, и она там — за Вислой до Тихого океана. А тут выкинутые бурей на чужие берега сотни тысяч образованных русских людей, готовых служить своей родине и поддерживать те силы, которые там, в России, борются за создание человеческих условий жизни в стране, не вынесшей тяжести мировой и гражданской войны»¹⁹².

Для Даватца же, как и для Бунина, и для абсолютного большинства русских эмигрантов, было «две России — Христа и Антихриста, и чтобы бороться за одну, нужно явственно различать другую. Это и есть ответ на вопрос “Последних новостей”:

— Непримиримость? Против кого?

Ибо из “народа”, сотворяющего кумиры и “молящегося матерщиной”, мы никогда и ни при каких обстоятельствах не сможем сделать фетиша только потому, что это “народ”. Коллективно молиться о белой России, сберегать ее и оттачивать непримиримое сознание — это очень нелегко в обстановке всеобщего умописступления. Трудна эта задача и тяжела эта миссия...»¹⁹³

В третьей части своей статьи Даватц, продолжая спорить с Изгоевым и опять-таки апеллируя в этом споре к Бунину, в очередной раз продемонстрировал свою верность белой идеи и преклонение перед доблестью «белого воинства». Память о его подвиге для ученого-публициста была свята. Он сам, будучи человеком сугубо штатским, по убеждению вступил в Добровольческую армию, переименованную при Врангеле в Русскую, пережил ее эвакуацию из Крыма, разделил с однополчанами все тяготы пребывания в Галлиполи и на всю жизнь сохранил безмерное уважение к белым вождям — Колчаку, Деникину, Врангелю, Кутепову, став при этом одним из главных заступников армии перед лицом ее врагов из эмигрантского демократического стана. «В белом воинстве, — писал Даватц в «Миссии эмиграции», — живет источник национальной чести: на белом воинстве нет пятна Брестского предательства. В недрах его спасены старые знамена и реликвии. И доколе будет жива белая армия, сплоченная и единая, несмотря на распыление, — дотоле будет она вечной угрозой для тех, подражающих, пыжающихся и лишенных воинской чести... Вот почему на белом воинстве лежит сугубая и особенно тяжелая миссия».

---

¹⁹¹ В «Лампадах св. Сергия» дважды встречается одна и та же ошибка: датой проведения первой «беседы» о миссии русской эмиграции Даватц называет не 16 февраля, а 16 марта. Вероятно, Даватца в данном случае сбил с толку бунинский постскриптум, где 16 марта упоминается как дата появления статьи «Маскарад мертвцевов».

¹⁹² Изгоев А. Политические письма // Руль. 1924. 3 апр. № 1013. С. 2.

¹⁹³ Даватц В. Миссия эмиграции: II. Транспортная контора // Новое время. 1924. 11 апр. № 888. С. 3.

Соответственно, и Бунина с его торжественно-скорбным словом в честь «белого ратника», почившего «в дикой и ныне мертвой русской степи», Даватц безоговорочно причислял к «своим».

Напротив, Изгоев с его рассуждениями о задачах эмиграции оказался для Даватца представителем враждебного лагеря. Изгоевские слова: «Основные силы, которым суждено будет преодолеть революцию, должны развиваться в ее недрах. Роль зарубежных русских в оздоровлении своей родины будет очень велика, если они смогут связаться с этими внутренними силами и во всяком случае содействовать доставлять материалы и средства борьбы, такие, какие им нужны и полезны»¹⁹⁴, — для сотрудника «Нового времени» стали свидетельством того, что Изгоев и ему подобные «воспринимают эмиграцию как своеобразную “транспортную контору”» и что поэтому для них «существование Русской армии является, конечно, странным анахронизмом». «В самом деле, — горько иронизировал Даватц, — что могут предложить России несколько десятков тысяч хотя бы самых испытанных бойцов? Какой “товар”, “нужный для возрождающейся родины”, понесут они с собою через русскую границу?»

«Но если принять бунинскую “миссию”, — тут же добавлял он, — то значение Русской армии выявляется во всей своей силе. И не ложным пафосом, а горячим проникновением звучат слова Бунина о “русском Авеле”...»

В финале своей статьи Даватц с удовлетворением отмечал, что вопреки тем, кто «давно уже спел отходную белому движению», подобно Милюкову, Изгоеву, Г.Н. Раковскому — автору книги «Конец белых: От Днепра до Босфора (Вырождение, агония и ликвидация)» (Прага, 1921) — и др., «Бунин считает белое дело не предметом исторических исследований и археологии, но живым делом и настоящей борьбой. Он не боится “не понравиться” кому-то на той стороне границы. И, не убоявшись, он, конечно, не может обойти молчанием “белого ратника”. На нем лежала вся тяжесть многолетней физической борьбы. На нем лежит и теперь еще большая тяжесть — быть хранителем российской чести»¹⁹⁵.

* * *

На страницах советской прессы имя Бунина появлялось не так часто, как имена политических и военных лидеров эмиграции: Милюкова, Керенского, Карташева, Врангеля, великого князя Николая Николаевича, Маркова II. В этом нет ничего удивительного: как «политик» для советской власти Бунин был не опасен и (возможно, Осоргин тут был прав) не слишком интересен. О его политической ориентации («тяготении» к монархизму) писали большей частью вскользь, как о досадном заблуждении прекрасного прежде, до революции, писателя. Но так продолжалось лишь до выступления Бунина на первом вечере «Миссия русской эмиграции». Печатный же текст его одноименной речи и вовсе заставил советских публицистов внимательнее присмотреться к писателю-«белоэмигранту». Один из них — М.Е. Кольцов — 24 апреля 1924 г. изложил итоги своих наблюдений в «Правде».

---

¹⁹⁴ Изгоев А. Политические письма. С. 2. Этим высказыванием Изгоев, по сути, демонстрировал близость своих идей «новой тактике» Милюкова.

¹⁹⁵ Даватц В. Миссия эмиграции: III. Белое воинство // Новое дело. 1924. 12 апр. № 889. С. 2.

Статья Кольцова «Голос Бунина» выдержана в обычном для советской журналистики (когда речь шла об «акулах» и «матерых волках» эмиграции) тоне: напыщенность соседствует в ней с невероятной вульгарностью. Подобный стиль должен был, вероятно, создать у читателя впечатление моральной силы и находчивости автора, который в разговоре о «классовых врагах» за словом в карман не лезет. Однако при ближайшем рассмотрении за всеми шаблонными уловками большевистского красноречия открываются бедность мысли, беспомощность и дряблость стиля, и невольно изумляешься тому, что Кольцов до сих пор среди историков отечественной журналистики имеет репутацию «золотого пера». По крайней мере, в сравнении с его коллегами-эмигрантами, в том числе из леворадикальных изданий вроде «Накануне» и «Русского голоса», присяжный «правдинский» фельетонист был довольно сер и косноязычен.

Свой антибунинский памфlet Кольцов начинал издалека, с обличений «добродетельных слюнтяев», которые любят «обвинять большевизм в раздувании «кровожадных страстей» народа, в разжигании ненависти трудовых низов к капиталистам и помещикам», и с осанны народу, сорвавшему «узду и путы на руках» и давшему «волю своим истинным чувствам к классу угнетателей».

По мнению Кольцова, в том, что «карающей рукой пролетария и мужика водило не холодное классовое побуждение, но стихия созревшего во тьме и пробужденного инстинкта», русская интеллигенция (включая «некоторых маститых литераторов») должна была, по крайней мере отчасти, винить и себя. Говоря при этом о Бунине, публицист прибег к испытанному пропагандистскому средству, третируя писателя его помещичьим происхождением. «Темен народ русский, — саркастически писал Кольцов. — Откуда ему быть просвещенному? В усадьбе дворянина Бунина университета для крестьян не водилось. Сам Бунин, ученый, культурный и изысканный человек, отстоявшись с молодости строгим стильным нарциссом, подарил нескольким тысячам российской интеллигенции десяток отличных по красоте стиля, по аристократическому изяществу книг. Шутка сказать — почетный академик по разряду изящной словесности. Но у крестьян бунинских, если собрать их воедино, не нашлось бы, у всех вместе, понятия, чтобы разобрать хоть одну главу из бунинской изящной словесности».

Подобно «известинцу» Смирнову, «правдинец» Кольцов использовал и другой стилистический шаблон советской публицистики: сталкивать — по принципу контраста — в одной характеристике похвалу дореволюционной деятельности имярек с хулой его пореволюционных поступков и высказываний. У Кольцова Бунин — одновременно «жемчужина российской литературы» и «один из духовных вождей бывшей русской интеллигенции» (курсив наш). Его речь, опубликованная в «Руле», будто бы не столько разгневала советского публициста, сколько внушила ему чувство жалости к озлобленному из-за своего бессилия противнику. «Можно как угодно торжествовать над поверженным врагом, — высокомерно рассуждал Кольцов. — Но есть минуты, когда, взглянув на искаженный отчаянием, не человечий, оскотиневший от злобы вражий лик, захочешь отвернуться. Когда, видя его в последнем градусе безумия ползающим на четвереньках и кажу-

щим осклизлый бешеный язык, потупиши в брезгливом испуге глаза. Слюнешь, уйдешь, чтобы не видеть обнаженной человечьей жути».

С тем же высокомерием «победителя» Кольцов разбирал и текст бунинской «Миссии русской эмиграции».

«Вы не знаете этой миссии? — с нарочитой едкостью спрашивал он. — Не чувствуют ее и полтора миллиона неудачливых белогвардейцев и буржуа, выброшенных революцией за борт страны. Но Бунин, русский писатель, в изгнании став общественником, зовет эмиграцию блюсти свою миссию... Уполномоченный божеским образом безработных губернаторов и исправников, божеским подобием помещиков и спекулянтов, Бунин проклинает безбожное “попустительство” всего мира, который уже давно должен был бы крестовым походом идти на Москву. Идти на Москву надо, обязательно, безысходно необходимо, ибо описать творящееся там не в силах заплетающийся в ярости бунинский язык, проклясть <—> его задыхающийся голос...»

Бунинские слова о «святой собачьей ненависти к русскому Каину» Кольцов комментировал так: «Бунин бессилен. Он не дает в своей речи никакого рецепта действия русского эмигранта. Но как клокочет его ненависть, как переливается она через края человечьего образа, “божьего подобия”, заставляя это подобие открыто становиться на одну доску с животным! Голоса не хватает, нужен уже собачий лай. <...> Мужик из бунинской усадьбы и из великого множества других усадеб необъятной равнины, восставший вместе с рабочими из городов против веков рабства у Бунина и Буиних, стомиллионный истинный хозяин страны — вот кого клянет Каином свергнутый хозяин. И хулитель знает это. Но не смущен. <...> Старый барин покинут. Ненависть душит его. Такой душной апоплексической ненависти, сгибающей человека, бросающей на четвереньки, сменяющей голос на лай, — такой злобы не найти у самого темного лесного из бунинских крестьян».

В заключение Кольцов, уже окончательно переступая черту полемического такта, желал Бунину «приобщиться святых тайн» для «облегчения от астматической злобы».

«Низины, пугающие ямы человеческой психики. Из них несет смрадом догорания, шевеля брезгливую тоску и жалость»¹⁹⁶, — подводил итог своим социолого-психологическим «наблюдениям» Кольцов.

* * *

Кольцов был не единственным, кто акцентировал свое внимание на истории возненавидевшей большевиков собачонки. Ко времени появления «Голоса Бунина» в «Правде» эта — с виду бы безобидная и незначительная — история уже составила отдельный, совсем не безобидный сюжет в полемике вокруг бунинской речи. А импульс к образованию такого сюжета дала публикация в «Руле» тоже с виду вполне обычного «Письма в редакцию», подписанного неким «пережившим послереволюционные режимы всяких цветов, российским гражданином Н. Н.».

---

¹⁹⁶ Кольцов М. Голос Бунина // Правда (Москва). 1924. 24 апр. № 94. С. 1.

«Письмо...» было напечатано в «Руле» 12 апреля, через девять дней после «пламенной речи» писателя. Как объяснял Н. Н., в редакцию он обратился «для восстановления репутации скромного существа», за которое он счел «долгом заступиться». Суть этого «заступничества» состояла в следующем.

Автор «Письма...» высказывал предположение, что Бунин в своем рассказе о собаке убитого красноармейцами старика-нищего имел в виду происшествие, «описанное просто, трогательно и ярко» в мемуарах русского литературоведа, поэта, переводчика В.М. Фишера. Эти мемуары были опубликованы в 1923 г. в журнале «На чужой стороне»¹⁹⁷. Правда, у Фишера старик был вовсе не нищим, а ростовщиком в одном украинском местечке, носил фамилию Янковский. Убили его не красноармейцы, а петлюровцы — как деникинского «шпиона», каковым он на самом деле не являлся¹⁹⁸, — на глазах у его собаки (как писал Фишер, «такой же старой, как он сам») по кличке Шек. Собака после этого убийства пришла жить к Фишеру. «Шек усердно стерег дом, — цитировал Н. Н. мемуариста, — усердно лаял, но в его собачьей душе был надрыв. Во время пальбы он дрожал и выл жалобно и тихо. Он не мог забыть выстрела, уложившего его господина. Солдат он ненавидел, к какой бы армии они ни принадлежали, и я разделял с ним это чувство»¹⁹⁹. Автор «Письма в редакцию» подчеркивал: «В мемуарах В.М. Фишера описаны зверства и безобразия и белых казаков, и блакитно-желтых петлюровцев, и красных большевиков».

Таким образом, выходило, что в своей интерпретации происшествия с собакой Бунин значительно исказил факты ради своих, в сущности — чисто пропагандистских — целей, превратив обычную собаку, напуганную зреющим убийства собственного хозяина, в яркий символ непримиримости к большевизму. Этим, по мнению Н. Н., писатель будто бы запятнал «репутацию честного Шека».

Однако ни подтвердить, ни опровергнуть гипотезу автора «Письма в редакцию» при всей ее правдоподобности²⁰⁰ не представляется возможным: мы не зна-

---

¹⁹⁷ Фишер В.М. Записки из местечка // На чужой стороне (Прага). 1923. Кн. III. С. 35–64.

¹⁹⁸ Как потом выяснилось, на него донесла состоятельная жительница того же местечка, которую в свою очередь убили уже большевики. Перед расстрелом ее провели под конвоем через местечко, на месте расстрела заставили раздеться и после казни глумились над ее трупом (Там же. С. 63).

¹⁹⁹ Н. Н. Письмо в редакцию // Руль. 1924. 12 апр. № 1021. С. 4; Фишер В.М. Записки из местечка. С. 60. Курсив Н. Н.

²⁰⁰ Бунину вообще было свойственно весьма вольное обращение с фактическим материалом. Доказательством этому могут служить, например, «Комментарии» в сборнике бунинской «Публицистики 1918–1953 годов». См. также: Риникер Д. Проблема эпитетекта у И.А. Бунина // Культтура русской диаспоры: Эмиграция и мемуары: Сб. статей. Таллин, 2009. С. 186–198; Бакунцев А.В. «Окаянные дни»: особенности работы И.А. Бунина с фактическим материалом // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2013. № 4. С. 22–36. Вместе с тем нельзя исключать вероятности того, что Бунин в своей версии истории с собачонкой «превратил» петлюровцев в красноармейцев не «по злому умыслу», а лишь следя расхожему «белогвардейскому» представлению, возникшему еще в пору Гражданской войны и ставившему знак равенства между петлюровцами и большевиками. Так, в марте 1919 г. сотрудники деникинского Освага в «Сводку сведений о злодеяниях и беззакониях большевиков» среди прочего включили информацию о расстреле петлюровцами более 30 белых офицеров на станции Дачная (см.: Красный террор в годы Гражданской войны / сост., вступ. ст. Ю. Фельштинского, Г. Чернявского. 3-е изд., доп. М., 2013. С. 194–195). В то же время и некоторые большевики видели в петлюровских гайдамаках «братьев» (Там же. С. 200). Так что ошибался ли Бунин или сознательно искал истину в эпизоде с пресловутой собачонкой, по существу он все равно оставался прав.

ем точно, был ли Бунин знаком с мемуарами Фишера и пользовался ли он ими во время работы над «Миссией русской эмиграции».

Так или иначе, загадочный N. N. своим «Письмом в редакцию» вольно или невольно дал бунинским недоброхотам материал для «разоблачительных» публикаций, направленных против «зарвавшегося клеветника».

«Накануне» 18 апреля поместила на своих столбцах совершенно хамский по тону «маленький фельетон» под заглавием «Разоблаченный пророк». Автор, скрывшийся за псевдонимом К. Треплев, опираясь на сведения, изложенные в «Письме...», в глумливой, злопыхательской форме обвинил Бунина в дезинформации. Однако при этом сам фельетонист не гнушался подтасовками иискажениями фактов. В частности, он ставил знак равенства между петлюровцами и «белыми ратниками», что исторически было неверно, а также на все лады издевательски обыгрывал знаменитую бунинскую мольбу о «собачьей святой ненависти к русскому Каину».

«Право же, — писал двойник чеховского персонажа, — это не случайно, что Бунин сопоставил себя с собакой²⁰¹ и заговорил о святой собачьей ненависти — к революции, к русскому народу, к новой России. Ненависть свою он разбавил поповским елеем и мистикой, взятой напрокат у Карташева. С одной стороны — крест, с другой — нагайка. И посредине — в виде господа бога — Кутеп-паша²⁰². Галлиполийский палаch. И грозный оклик:

— Будем сечь».

К. Треплев явно обладал весьма своеобразной логикой: без видимой причины, доверяясь своим прихотливым ассоциациям, он мог, например, сравнить (точнее — отождествить) Бунина с щедринским генералом, который за 35 лет службы «никогда никаких претензий не видел», приплести сюда же революцию и в конце концов вернуться к главной теме своего «маленького фельетона».

С каким-то лакейским сарказмом К. Треплев писал о том, как «в пылу библейского гнева, призывая на российскую “Содом и Гоморру” кару божью (Кутеп-пашу), Бунин пожелал превратиться в собаку. Не в собаку даже, а — в “худую сбачонку”...»

«Так трогательно рассказывает и так возвыщенно мечтает Бунин, — язвил автор «Разоблаченного пророка». — “Святая собачья ненависть...” В этом слы-

²⁰¹ К слову: бунинское «сопоставление» себя с собакой и впрямь было не случайным, но и не единичным. Сходный «психологический параллелизм» наблюдается, например, в «Снах Чанга». Примечательна также запись в бунинском дневнике от 16 августа 1917 г.: «Высунулся в окно. Сорочка со скребом когтей перебралась через потемневший от дождя забор из сада и пробежала мимо окна, улыбнувшись мне дружески, сердечно и замотав хвостом. *Как наши души одинаковы!*» (Бунин И.А. Собр. соч. Т. 8. С. 33. Курсив наш).

²⁰² Имеется в виду генерал А.П. Кутепов. Ходили слухи об исключительной суровости дисциплины, которую он установил в русском военном лагере в Галлиполи. Об этом, например, писал в своей книге «Конец белых» Г.Н. Раковский (с. 238–240). Однако в то же время сами галлиполийцы строгость порядков, введенных Кутеповым, оправдывали необходимостью сохранять в эвакуированных частях боевой дух и воинскую исправку. См. об этом: [Б. п.] Генерал Александр Павлович Кутепов // Русские в Галлиполи: Сб. статей, посвященный пребыванию 1-го армейского корпуса Русской армии в Галлиполи. Берлин, 1923. С. 54–60; Ряснянский С. Галлиполи: Из Владимирского календаря на 1971 г. [Б. м., б. г.] С. 4–5; и др.

шится железный голос пророка Иеремии. В этом есть пророческий пафос. Но... На всякого мудреца довольно простоты. Собачонку Бунина, с которой он хотел брать пример, разоблачили, и с лица эмигрантского Иеремии сошли румяна пророческого гнева».

Знаменательно, что, цитируя пресловутое «Письмо в редакцию» «остроумного российского гражданина», К. Треплев выпустил из его заключительной фразы упоминание о «красных большевиках» (к слову: точно так же с этим текстом поступили А. Меньшой в «Красной газете» и М. Горький): «В мемуарах В.М. Фишера описаны зверства и безобразия и белых казаков, и блакитно-желтых петлюровцев».

Указав на три «нестыковки» в бунинской версии происшествия с собакой («Во-первых, старик был убит не красноармейцами, а петлюровцами. По терминологии Бунина: “белыми ратниками”. Во-вторых, собака ненавидела солдат всех армий, и главным образом тех армий, которые, к великому неудовольствию Бунина, “не приняла Россия”. В-третьих, в записках, на которые ссылается Бунин, описывают грабежи “белых ратников”: казаков и украинских партизан»), автор «маленько-го фельетона» злорадно резюмировал: «От великого до смешного — один шаг: и пророческая трагедия превращается в старый, затасканный анекдот...»

Заканчивался «маленький фельетон» на той же издевательской ноте: «Право, можно порадоваться за Бунина: его молитва не была услышана Богом, и чудо не совершилось. Веселенькая была бы картина, если бы Бунин вдруг превратился, да еще до последнего своего “издыхания”, в собачонку Шек: пришлось бы ему яростно лаять на присутствовавших в зале великих князей, митрополита Евлогия, славных генералов и на товарищей своих: на Мережковского, на Кartaшева... Оказывается, что нельзя положиться не только на человека, но даже и на собаку: подведет. И если Бунину так уж хочется полаять по-собачьи, отшлем его к блоковской собаке: "...а рядом жмется шерстью жесткой, поджавши хвост, паршивый пес". Этот не подведет»²⁰³.

В том же духе была написана статья некоего А. Меньшого «Оклеветанная собака», опубликованная 3 мая в вечернем выпуске «Красной газеты».

Вслед за К. Треплевым А. Меньшой тоже потешался над тем, что «обнаружилось духовное родство между Шеком и великим русским писателем Иваном Алексеевичем Буниным». И, подобно Кольцову, он вовсю эксплуатировал пропагандистский шаблон советской печати и зашел в этом гораздо дальше Кольцова, демонстрируя — то ли по простодушию, то ли из каких-то особых соображений — полное невежество в вопросе о политическом «ландшафте» эмиграции. Так, и беспартийный Бунин, и даже правокадетская газета «Руль» походя были записаны А. Меньшим в монархисты.

Трудно сказать, в каком издании А. Меньшой почерпнул сведения для своей статьи. Не исключено, что автор «Оклеветанной собаки» обращался к первоисточнику — «Письму в редакцию» Н. Н. Однако более вероятным представляется, что он воспользовался «маленьким фельетоном» К. Треплева — на это указывает определенное стилистическое сходство текстов. Вместе с тем А. Меньшой, без-

---

²⁰³ Треплев К. Разоблаченный пророк // Накануне. 1924. 18 апр. № 89. С. 4.

условно, привнес и нечто от себя. Центральной темой его статьи стала бунинская «клевета» на собаку по кличке Шек.

По словам А. Меньшого, Бунин, «великий писатель», «оклеветал эту ни в чем неповинную, честно исполнившую свой долг собаку. Оклеветал в печати. Оклеветал подлейшим образом. Оклеветал под видом похвалы, — это самый худший вид клеветы...»

Замечательны своей пропагандистской экспрессией «факты», которые автор статьи приводит в доказательство бунинской «вины» перед Шеком. «Иван Бунин, — писал А. Меньшой, — крайний монархист... разоренный революцией мелкопоместный дворянчик, озлобленный и желчный, — он принципиально не подает руки евреям и лицам податных сословий, — Иван Бунин, более чем на-половину выживший уже из ума, — Иван Бунин вдруг почувствовал влечение, род недуга к еврейской собачке, у которой в душе надрыв, — заметьте: чисто еврейский надрыв... Иван Бунин произнес в Париже на монархическом [!] собрании пламенную монархическую [!] речь — и закончил ее... цитатой из мемуаров В.М. Фишера. Только он позволил <себе> эту цитату несколько “исправить”: вместо петлюровцев он поставил красноармейцев, — т. е. погром устроили красноармейцы, старика-еврея Янковского убили красноармейцы, собака Шек лаяла только на красноармейцев. Передержка. Подтасовка. Наглая ложь».

Трафаретно, по К. Треплеву и Кольцову, автор статьи истолковывал и бунинскую мольбу о продлении «святой собачьей ненависти к русскому Каину». «...Иван Бунин, — паясничал, подобно своим коллегам из «Накануне» и «Правды», А. Меньшой, — тоже хочет вихрем носиться, захлебываясь от яростного лая... Но пока что он обляял собаку. Как будто у еврейской собаки могут быть дворянские, верноподданнические, православные чувства... Такая явная клевета, такая диффамация, что даже “Руль” (газета правокадетская и тоже монархическая) не удержался и обратил внимание великого писателя на недопустимость такого вольного обращения с собачьей честью...»

«Так живет и работает белая эмиграция; такие вот у нее интересы; такие вот занимают ее вопросы; так вот выродились некогда талантливые люди...»²⁰⁴ — резонерствовал в конце своей статьи А. Меньшой.

Реакция Бунина на эти злопыхательские попытки «разоблачения» неизвестна. Скорее всего, он их просто проигнорировал, а возможно, и вовсе о них не знал. По крайней мере, никому из своих «разоблачителей», включая «российского гражданина N. N.», писатель не ответил.

* * *

К началу мая 1924 г. полемика вокруг бунинской «Миссии русской эмиграции» выдохлась. Однако ее отголоски неожиданно прозвучали два с лишним года спустя, когда — сначала в ленинградской «Красной газете», затем в московском журнале «Огонек» — появился отрывок «Из дневника» М. Горького. В этом отрывке опять фигурировала пресловутая бунинская собачонка и ее «святая ненависть».

---

²⁰⁴ Меньшой А. Оклеветанная собака // Красная газета. Вечерний выпуск. 1924. 3 мая. № 98. С. 2.

Горький обратил внимание на это место бунинской речи еще в марте 1924 г., в разгар полемической баталии между левой и правой печатью. Он писал М.Ф. Андреевой из Мариенбада: «А в Париже И.А. Бунин проповедует “собачью ненависть” к большевикам. Так и говорит: собачью. Совершенно обезумели со зла эти ребята»²⁰⁵.

Свой отрывок «Из дневника» Горький, несомненно, писал с учетом антибунинских публикаций в леворадикальной эмигрантской и советской прессе 1924 г. Основным источником сведений для него, скорее всего (судя по цитатам), послужила статья «Разоблаченный пророк» в «Накануне». Однако по стилю, тону горьковский отрывок заметно мягче, чем статьи Смирнова, Кольцова, К. Треплева, А. Меньшого. В отличие от них, Горький не издевался над Бунином, а скорее скорбел из-за того, что видел бывшего своего литературного товарища «в состоянии столь болезненного бешенства». «Пропал художник»²⁰⁶, — эти слова, родившиеся в связи с «Окаянными днями», Горький мог бы сказать и применительно к «Миссии русской эмиграции». И все-таки резкости в адрес Бунина у него тоже есть. Уже в самом начале отрывка читаем: «И.А. Бунин в Париже публично *возопил*: “Молю бога, чтобы он до последнего издыхания моего сохранил во мне святую собачью ненависть к русскому кайну”» (курсив наш).

Этот «вопль» Горький прокомментировал следующим образом: «Моралистам Бунин дал хороший повод говорить о слепоте ненависти. Остроумные люди, вероятно, очень посмеются над мольбою культурного человека и прекрасного писателя, который дожил до того, что вот, — предпочитает собачье бешенство человеческим чувствам»²⁰⁷.

Горьковская сентенция была замечена Бунином. И через год он, с присущей ему публицистической ядовитостью, ответил Горькому в «Возрождении»: «...да, остроумный милостивый государь, дожил. Дожил при вашей добродой помощи, — при помощи ваших друзей, Дзержинских и Луначарских, вместе с вами утверждающих во всем мире такую “слепоту ненависти”, которой мир еще никогда не видывал. Дожил до тех дней, когда, как сказал мне один сербский епископ, “стало человеку стыдно поднять глаза на животное и зверя”. И не вам, чекистам, засосаться над собаками, и особенно над собакой этого нищего старика, убитого

---

²⁰⁵ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М., 2009. Т. 14. С. 310.

²⁰⁶ Архив А.М. Горького: М. Горький. Художественные произведения. Статьи. Заметки. М., 1969. Т. 12. С. 242.

²⁰⁷ Горький М. Из дневника // Красная газета. С. 2; То же // Огонек. С. 6. Почти сорок лет спустя советский литературовед А.А. Волков, основываясь на этой публикации и не имея достоверных источников сведений о том, что в действительности происходило весной 1924 г. в связи с выступлениями Бунина и его единомышленников, писал о «белогвардейской газете “Русь”» [!], которая «напечатала и всячески популяризовала [!] рассказ Бунина на тему о том, как красноармеец убил нищего, жившего тихо и мирно вместе с собакой, и как собака эта после убийства бросалась на людей, одетых в красноармейскую форму». Бунинскую «мольбу» Волков назвал «истерическим воплем», который будто бы находится в центре этого «рассказа», являвшегося, по уверению литературоведа, свидетельством того, что в эмиграции, «порвав последние нити, связывающие его с народом, Бунин лишил свое творческое воображение жизненного источника, и его рассказы начали строиться либо на поблекших воспоминаниях, либо на сухом и скучном рассудочном вымысле» (Волков А.А. Русская литература XX века. Дооктябрьский период. М., 1964. С. 314).

вашим доблестным воинством для потехи. И ничуть не бешеная она была, и не бешенство я предпочитаю “человеческим чувствам” — хотя уж какие там человеческие чувства могут быть у нас к вам! — и не слепоту проповедовал я, а именно ненависть, вполне здравую и, полагаю, довольно законную.

“Остроумные люди, вероятно, очень посмеются над мольбой культурного человека...” Интересно знать, почему, собственно, надо быть остроумным, чтобы над этой мольбой смеяться? По-моему, для этого надо быть скорее большой тушицей, которой и в голову не приходит самый простой вопрос: да как же в самом деле случилось, что “культурный человек и прекрасный писатель” “дожил до того, что вот, предпочитает собачье бешенство человеческим чувствам”?

Впрочем, что ж взять с Горького? Он всегда был склонен к остроумию, к снисходительной усмешке. Чекисты ходили по колено в крови в своих подвалах, а он усмехался, он трунил, он похлопывал нас по плечу...»²⁰⁸

Это были уже самые последние отзвуки былой полемики вокруг бунинской речи.

* * *

«Миссия русской эмиграции», безусловно, явилась важной вехой в творческой биографии Бунина. В ней как бы подводился итог его предшествующей публицистической деятельности, в то же время она предваряла собой его будущие публицистические и художественно-публицистические произведения — столь же острые, проникнутые пафосом непримиримости к большевистскому режиму и создаваемой им «новой», советской культуре. В числе таких произведений статьи «Ионния и Китеж» (1925), «Российская человечина» (1925), «“Мы не позволим”» (1951), цикл эссе «Записная книжка» (1925–1930), «Окайные дни» (1925–1935), очерки «Третий Толстой», «Маяковский», «Гегель, фрак, метель» из книги «Воспоминания» (1950) и др.

Кроме того, «Миссия...» стала едва ли не последним устным выступлением писателя, затрагивавшим — если и не напрямую, то опосредованно, «религиозно» — вопросы актуальной политики. После 1924 г. Бунин, насколько нам известно, выступал только как литератор — с чтением своих стихов, рассказов и воспоминаний.

Каковы же были общественные результаты публичного выступления Бунина и его единомышленников? Безусловно, оно всколыхнуло эмигрантскую общественность. Однако никаких практических выводов сделано не было.

В 1930 г. Милюков, рассказывая о достижениях своей газеты за первые десять лет ее существования, утверждал, что тогда, в 1924 г., благодаря пропаганде «Последних новостей» демократический лагерь эмиграции сумел нейтрализовать то влияние, которое правые круги оказывали на эмигрантскую общественность (главным образом на казачество и молодежь), и добился своего рода «сдвига влево». Одним из свидетельств этого «сдвига», по мнению лидера РДО, стала «полная неудача попытки ряда известных писателей выступить публично с обличени-

---

²⁰⁸ Бунин Ив. Записная книжка // Возрождение (Париж). 1927. 26 мая. № 723. С. 2.

ями “греховности” русского народа»²⁰⁹. Если понимать эту фразу буквально, то Милюков, безусловно, преувеличивал эффект от пропагандистской деятельности «Последних новостей»: как мы видели, «попытка выступить» «ряду известных писателей» как раз вполне удалась. Но если Милюков хотел сказать только, что эти писатели не сумели сплотить вокруг себя все политические силы эмиграции (как на то надеялись многие их сторонники), то он был совершенно прав.

И все-таки определенное влияние на своих соотечественников — даже при-надлежавших к формально враждебному стану — «непримиримые», вне всяких сомнений, оказали. Кое-что из их «проповеди» (например, призыв блюсти культурные традиции, утверждение интеллектуального и духовного превосходства эмиграции над советским социумом) запало в душу даже Милюкову. Иначе как объяснить то, что прозвучало из его уст летом 1927 г., на очередном Дне русской культуры, и чего он ни под каким видом не произнес бы в пору конфронтации с «непримиримыми»? «Будем, как бы то ни было, помнить одно, — говорил тогда Милюков. — Поддержать преемственность и вновь завязать надорванную нить традиции — это есть и наш здешний удел: даже, пожалуй, в этом — наша специальная миссия. Мы для нее более приспособлены, чем большинство тех, кто остался по ту сторону границы. Блюсти прошлое — не значит, конечно, блюсти в прошлом то, что умерло. Это лишь значит сохранить от холодных ветров под теплым покровом щедро посаженные озими. Мы верим: весна близко, — и посев взойдет пышными всходами»²¹⁰.

В известном смысле эти слова и выражали тот «символ веры», о приверженности которому так твердо заявили участники вечеров «Миссия русской эмиграции», в том числе Бунин, посвятивший «завязыванию надорванной нити традиции» не только свою знаменитую речь, но вообще все свое пореволюционное творчество.

---

²⁰⁹ Милюков П. Политическая деятельность «Последних новостей» // Юбилейный сборник газеты «Последние новости». 1920–1930. Париж, 1930. С. 19.

²¹⁰ [Б. п.] Речь П.Н. Милюкова на празднике русской культуры // Последние новости. 1927. 17 июня. № 2277. С. 3.

A. Майер-Фраац

«ПУТЕВАЯ КНИГА» –
ЗАБЫТЫЙ СТИХОТВОРНЫЙ ЦИКЛ ИВАНА БУНИНА

1

В 1919 г. в Симферополе вышел в свет сборник «Отчизна», открывающийся стихотворным циклом Ивана Бунина «Путевая книга» и содержащий тексты Шмелева, Короленко, Чехова и ряда других авторов¹. Публикация цикла приходится на время, когда соединение отдельных текстов в более крупные литературные формы было обычной поэтической практикой². Бунин, как лирик, стоящий скорее вне главных течений своего времени, в предшествующих газетных публикациях также объединяет свои стихи, особенно сонеты, тематически³. В книжных публикациях, однако, Бунин от этого неизменно отказывается⁴. Цикл «Путевая книга» также впоследствии расформировывается. В первых книжных изданиях подобный отказ от публикации ранее известных циклов может рассматриваться

---

¹ Отчизна. Кн. I. Симферополь, 1919. С. 5–19. Цикл находился в распоряжении редактора сборника А. Дермана уже с октября 1918 г. (см.: Лидин В.Г. О некоторых автографах И.А. Бунина // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: в 2 кн. / Институт мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР; редакция: В.Г. Базанов, Д.Д. Благой, В.Р. Щербина (глав. ред.) и др. М., 1973. Кн. 2. С. 495). А.К. Бабореко упоминает публикацию цикла в несколько измененном составе в газете «Южное слово» (Одесса, 1918), издаваемой при участии Бунина (см.: Бабореко А.К. И.А. Бунин: материалы для биографии. 1870–1917. М., 1983. С. 262). Этот вариант стихотворного цикла, однако, содержит совсем другие произведения. Эти стихотворения тематически связаны также с путешествиями Бунина в Италию, на Ближний Восток и на Цейлон, причем они формируют особый круг, поскольку место действия первых двух стихотворений связано с Турцией, а действие в стихотворениях с восьмого по десятое происходит в Египте, на море и на Цейлоне, т. е. вне Европы; все остальные стихотворения тематически связаны с Италией. Между двумя циклами нет практически никаких связей на тематическом и/или на формальном уровне. Некоторые из стихотворений этого цикла никогда больше не включались самим Буниным в прижизненные издания или публиковались со значительной правкой. Поэтому анализ этого второго цикла с тем же самым заглавием — «Путевая книга» — представляет самостоятельный интерес, оставленный за рамками настоящего монографического рассмотрения цикла.

² В этой связи можно вспомнить не только циклы Бальмонта, Брюсова, Блока, Вяч. Иванова, но также Есенина, Цветаевой, Пастернака, часто публикующих в это время свои стихи в форме циклов.

³ Ср., например, циклы в сборниках товарищества «Знание»: «Восток» (1905. № 7. С. 253–261); «Цветные стекла» (1907. № 15. С. 195–200); «Сонеты» (1908. № 25. С. 99–102); «Иудея. Сонеты» (1908. № 25. С. 3–5).

⁴ Ср., например: Бунин И.А. Полн. собр. соч. М., 1915. Т. 1, 3; Он же. Собр. соч.: в 11 т. Берлин, 1934–1936 Т. 1–6, 8; Он же. Избранные стихи. Париж, 1929. Эти книги не содержат стихотворных циклов, в два последних издания, однако, включены отдельные стихотворения из «Путевой книги». Все стихотворения анализируемого цикла вошли во второй том нового двухтомника Бунина, ставшего первым научно-критическим изданием поэтического наследия писателя: Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. Т. 2 / вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Т.М. Двинятиной. СПб., 2014. (Новая Библиотека поэта).

и как проявление решительного отказа от практики модерна. Однако маловероятно, что Бунин, уже в октябре 1913 г. необычайно полемично высказавшийся против модерна и авангарда в речи по случаю юбилея газеты «Русские ведомости»⁵, в 1918–1919 гг. снова позволил себе увлечься модными тенденциями и соединил ряд стихотворений в цикл, особенно если принять во внимание, что этот цикл выходит в свет в условиях, с самого начала исключающих близость к отвергнутым автором литературным направлениям.

Невольно напрашиваются два вопроса: 1. Какое значение отводится циклу «Путевая книга» как циклу, в определенную историческую эпоху заново составленному из ранее написанных отдельных стихотворений? 2. По каким причинам (если исключить сознательный отказ от модернистской практики как не соответствующий духу времени) этот цикл позже подвергся расформированию?

2

Если воспользоваться типологией лирических циклов американского слависта Слоана⁶, в случае «Путевой книги» речь может идти о тематически-мотивном цикле. Пятнадцать пронумерованных римскими цифрами стихотворений собраны под одним заголовком (см. Приложение). Два стихотворения (II и XIV⁷) уже публиковались ранее, остальные увидели свет впервые в данном контексте⁸. Все стихотворения были написаны между 1915 и 1918 гг. По терминологии Хелены Мустард⁹, это цикл, составленный задним числом, что, впрочем, с учетом семантических отношений между отдельными стихотворениями, не имеет особого зна-

---

⁵ См.: Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 2. С. 320.

⁶ См.: Sloane D.A. Aleksandr Blok and the dynamics of the lyric cycle. Columbus, Ohio, 1988. P. 43–60. Слоан различает четыре основных типа лирических циклов: жанровый цикл, который формируется только на основе принадлежности отдельных текстов к одному и тому же жанру; тематически-мотивный цикл, части которого связаны друг с другом общими темами и взаимопроникающими мотивами; драматически-ситуационный цикл, для всех стихотворений которого характерна некая общая исходная ситуация, а их лирический субъект воплощается в форме некоей действующей фигуры, и повествовательный цикл (plot-cycle), в котором существует причинно-временная связь между мотивами. У последнего типа, в свою очередь, существуют три разновидности: эпизодический (*sequentielle*) цикл, в котором действие последовательно развивается от одного стихотворения к другому, дневниковый (или диаристический) цикл (*diaristic*, «в форме дневника»), в котором развитие действия прерывается лирическими отступлениями, а также архетипический цикл (*summative*), в котором в каждом отдельном тексте повторяются и развиваются одни и те же элементы действия. Преимущество типологии Слоана состоит в широте ее идеи, по самой сути своей допускающей смешение форм, что позволяет почти целиком охватить самые разнообразные лирические циклы. См. рассмотрение обширной дискуссии разных теоретических подходов к лирическому циклу: Meyer-Fraatz A. “Putevaja kniga” — ein vergessener Gedichtzyklus Ivan Bunins // Zeitschrift für Slawistik. 1995. Bd. 40. Heft 1. S. 269–271.

⁷ Стихотворение II было опубликовано в журнале «Современный мир» (1916. № 10) под заголовком «За Соловками» и с эпиграфом «Солнце полночи, тени лиловые... Случевский» (см.: Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. М., 1965. Т. 1. С. 670); стихотворение XIV — в газете «Возрождение» (Москва. 1918. 16 июня. № 12) (см.: Он же. Собр. соч.: в 9 т. М., 1967. Т. 8. С. 424).

⁸ Ср. примеч. к первому стихотворению в изд.: Он же. Собр. соч.: в 9 т. М., 1967. Т. 8. С. 423 и след.

⁹ См.: Mustard H. The lyric cycle in German literature. N. Y., 1946. P. 5 etc.

чения. Как и в большинстве стихотворений Бунина, в них, как на живописных полотнах, фотографиях или кинопленке, воспроизводятся ландшафты и природные явления в их тесной связи с элементами цивилизации.

Цикл обретает свои очертания при помощи как формальных, так и тематических эквивалентностей¹⁰. Почти все тексты состоят из восьми строк с четырьмя перекрестными рифмами. Однако при последующих публикациях тексты разделяются на два четверостишия¹¹. Лишь в нескольких случаях встречается опоясывающая рифма (например, в первой половине стихотворения XII и во второй половине стихотворений IV и V); на две строки укороченное стихотворение VIII содержит смежную и опоясывающую рифмы. В первых двух стихотворениях мужские рифмы чередуются с дактилическими¹²; во всех остальных происходит чередование мужских и женских рифм. Все тексты, за исключением двух стихотворений, написанных хореем, и одного, написанного дактилем, написаны четырех- или пятистопным ямбом. При этом четвертая строка стихотворения X укорочена на две стопы — прием, который в лирике Бунина (по крайней мере, в конце текста) часто является способом постановки смыслового акцента¹³. Дактиль особенно бросается в глаза во втором стихотворении.

Только стихотворение VIII написано шестистопным ямбом и состоит из шести строк с тремя рифмами. Не только с точки зрения своего расположения или по формальным признакам, но и тематически именно это стихотворение служит своеобразной осью цикла. В то время как стихотворения с I по VII представляют собой моментальные снимки промежуточных остановок в долгих странствиях по России, стихотворение VIII, описывающее альпийский ландшафт, знаменует выход из российских пределов. Особая осевая роль стихотворения VIII подчеркивается содержащейся в нем аллюзией на стихотворение А.К. Толстого «На нивы желтые нисходит тишина...» (1862)¹⁴, ярко проявляющейся в сходной лексико-синтаксической структуре первой строки (ср.: «На Альпы к сумеркам спустились облака»). Кроме того, *процаяльное* стихотворение Толстого («Душа моя полна / Разлукою с тобой и горьких сожалений») также описывает некий поворотный пункт.

Между тем отдельные стихотворения цикла не следует понимать как описания этапов одного-единственного странствия; речь идет об остановках во время различных путешествий. Общим для большинства текстов является то, что в них описываются идеализированные ландшафты. Только два стихотворения (V и XIII), подчеркивающие трудности повседневного быта и прирожденное ковар-

---

¹⁰ В смысле поэтической функции Р. Якобсона. Подробнее о понятиях формальной и тематической эквивалентности см.: Schmid W. Puškins Prosa in poetischer Lektüre. München, 1991. S. 78 etc.

¹¹ См.: Бунин И.А. Собр. соч.: в 11 т. Т. V. С. 180, 183, 206 и далее; Т. VI. С. 222, 243; Т. VIII. С. 176 и далее, 183, 188 и далее, 193, 196 и далее; а также: Он же. Стихи. С. 119, 175, 196, 206 и далее, 211, 214 и далее.

¹² Стихотворение I написано шестистопным хореем с цезурой и дактилической клаузулой непосредственно перед цезурой в шестой и седьмой строках, в результате чего эти строки удлиняются на один слог; стихотворение VII — четырехстопным хореем; стихотворение II — четырехстопным дактилем.

¹³ Ср.: Маркович Я.С. Заметки о поэтике Бунина // Бунинский сборник. Орел, 1974. С. 110 и далее.

¹⁴ Толстой А.К. Полн. собр. стихотв.: в 2 т. Л., 1984. Т. 1. С. 106.

ство всех живых существ, выпадают из этих тематических границ. Этими двумя стихотворениями, отчетливо отличающимися своим основным настроением от остальных текстов, в гармоничный в целом цикл вносится некий диссонанс, подобный диссонансу, создаваемому на уровне ритма первыми двумя стихотворениями, выделяющимися своим особым метрическим размером.

Сцепление мотивов, проявляющееся в первую очередь в подхватывании лексических единиц, позволяет установить параллель между стихотворениями с I по V по одну сторону и с IX по XIII по другую сторону оси текста VIII. Хотя в стихотворениях VI/XIV и VII/XV не обнаруживаются какие-либо лексические повторы, однако эти пары содержат по меньшей мере отдельные сходные мотивы. Отмеченные параллели проявляются часто таким образом, что во второй части цикла¹⁵ мотив из первой части подхватывается на более «высоком» (в данном случае понимаемом как менее материальный) уровне. Так, тема веры вводится в первом стихотворении «материально», описанием монастырского комплекса, лубочно-сказочной «древней обители». В стихотворении IX религиозная тема преломляется в воображении лирического субъекта, готового увидеть в радужных отблесках нимбы отшельников, прежде живших в умбрийских горах. Обращение к теме религии, таким образом, обосновывается историческими фактами и осуществляется при непосредственном участии лирического субъекта; при этом эта тема не находит прямого визуального соответствия, как, например, сходство крепостных стен из стихотворения I с цветом неба. В стихотворении XII, которое подхватывает лексические мотивы стихотворения IV (*дым, туча*), экзотический ландшафт воспринимается религиозно, а возникающая в нем радуга сравнивается со входом в райский сад («Как вход в Эдем, роскошна и страшна»). В самом же стихотворении IV содержится лишь простая зарисовка южнорусской степи. Как уже упоминалось выше, стихотворение XIII (подобно пятому) — натуралистично, с вторжением в область отталкивающей физиологии, в чем проявляется некий разрыв с тематикой предшествующих ему текстов. Однако, в отличие от стихотворения V, в данном случае лирический субъект не ограничивается простым изображением повседневной ситуации, но использует ее как повод для обобщающих размышлений о природе мирового зла. То обстоятельство, что во второй половине цикла непосредственные размышления лирического субъекта играют большую роль, чем в первой, только дополнительно подтверждают описываемый феномен.

Однако и внутри каждой из обеих частей (половин) цикла можно установить наличие определенных мотивных связей между отдельными текстами, при этом речь о вторичных циклах (в терминологии иерархии границ Пойнтнера¹⁶) вести нельзя. Так, одной из тем стихотворений с III по VI является симбиоз человека и зверя; действие IX и X происходит в Италии; XIV и XV связаны друг с другом мотивом ночи. Нередко, однако, при помощи сходства лексики непосредственно соседствующих стихотворений выстраиваются смысловые оппозиции: общности

---

¹⁵ В полном соответствии с давней, но не вполне устаревшей теорией Йоахима Мюллера, см.: Müller J. Das zyklische Prinzip in der Lyrik // Germanisch-romanische Monatsschrift. 1932. XX. Jahrgang. S. 8.

¹⁶ См.: Poyntner E. Die Zyklisierung lyrischer Texte bei A. Blok. München, 1988. S. 13 (= Slavistische Beiträge. Bd. 229).

мотива монастыря I и II стихотворений противопоставлен контраст между радостным настроением в первом и ледяной пустотой и отсутствием лирического субъекта — во втором. Далее: II и III стихотворения описывают полночную сцену, однако мотив холода второго и мотив тепла третьего, а также мотив изоляции второго и связанности с природой третьего текста противопоставляют их друг другу в троичной оппозиции. Идеализированное пастушьей жизни в IV стихотворении находится в контрасте с угрюмым описанием крестьянских будней, наполненным нарочито прозаичными выражениями, в V. Дождь и холод южного ландшафта в X стихотворении контрастируют с жарой и сухостью в XI.

Таким образом Бунин выстраивает диссонансы к центральной теме цикла — попытке представить мир как гармоничный синтез человека и природы, природы и цивилизации. Подобные диссонансы обнаруживаются также на микроструктурном уровне одного отдельно взятого стихотворения, например в оксюморонах («глубину небесную в черноту сгущающих» (I, строка 6); «Как вход в Эдем роскошна и страшна» (XII, строка 3)) или в сугубо «непоэтических» выражениях («скользнув в грязь» (V, строка 3); «закинув хвост на свой костлявый зад» (V, строка 6); «Кишки зеленовато-мыльной, / Что пароходный бросил кок» (XIII, строки 7–8))¹⁷. В последнем случае диссонансу, создаваемому лексически, противостоит, подчеркивая его дополнительно, необычайно поетически воздействующая фигура гипербатона¹⁸ в заключительной восьмой, процитированной выше, строке.

Часто диссонансы возникают буквально на уровне звуков, например, во II стихотворении, которому сначала девятикратным повторением звукосочетаний /ло/ и /ол/, подчеркнутым равномерным ритмическим рисунком дактиля, придается некое единое глухое звучание. В последней строке, однако, этот звуковой рисунок разрушается учащенным повторением взрывных и шипящих согласных и гласных переднего ряда, причем разрушение это подготавливается введением в пятой строке фразы «скрылись кресты» и использованием звука /и/ в качестве опорной гласной рифмы С («обители» — «святители»; стихотворение построено по простому принципу ababcdc, с чередованием дактилических и мужских рифм). Таким образом, восьмая строка **«Три мужичка-старичка босиком»** становится звонким и пронзительным окончанием всего стихотворения. Подобным образом существует почти скороговорка звукового повтора «Копытом легким потный конь» («кптм» — «гкм» — «птн» — «кн») в заключительной строке VI стихотворения. Остальные тексты тем не менее демонстрируют полную звуковую гармонию; примером тому может служить III стихотворение, в котором повторением гласной /о/ и многочисленных звонких и особенно носовых согласных словно воспроизводится звуковая имитация «полночного звона» из первой строки.

На уровне цикла как целого, таким образом, находит свое выражение известная двойственность отношений между, с одной стороны, стремлением к

---

¹⁷ О «непоэтической» лексике у Бунина см.: Слаевский В.И. Диалектика бунинского поэтического стиха // Вопросы теории и истории лирики. Воронеж, 1988. С. 34–47.

¹⁸ Напомним, гипербатон как фигура речи означает разъединение смежных слов, выделение темы высказывания путем постановки ее в начало или в конец фразы, часто — с разрывом синтаксических связей. Прием, вообще характерный для поэзии Бунина.

Прекрасному и к Гармонии с миром и, с другой стороны, убеждением, что достижение прекрасного и гармонического состояния в мире невозможно. В этой связи одним из основных мотивов большинства стихотворений «Путевой книги» становится мотив одиночества. Когда ландшафты описываются как *бездонные*, то человеку в этих текстах действительно редко кто-то или что-то сопутствует, разве только зверь или сигара. Там же, где присутствуют многочисленные живые существа, безусловно царят дисгармония и беспокойство: например, во II стихотворении монахи бегут от негостеприимной природы. Это стихотворение, представляющее собой аллюзию на стихотворение К.К. Случевского («Светом стальным отливают холодные, / Грузные волны полярных зыбей, / Солнца полуночи тени лиловые / Видны...»)¹⁹, интересно и в ином отношении: содержащийся в нем ландшафт, одновременно соединяющий географическое расположение монастыря и место изгнания, выражает свойственную циклу как целому противоречивость. К концу XIII стихотворения цикла дерущиеся за судовые отходы чайки наводят лирического героя на размышления о мировом зле. В противоположность этому в IX стихотворении царит абсолютная гармония: изображение красоты природы увенчивается упоминанием анахоретов, живших прежде в описываемых местах (впрочем, речь в этом стихотворении идет не о Белом море, а о холмах Италии; вспомним переломное стихотворение IX, отделяющее «русские», северные путевые впечатления от западных, восточных и южных). Аналогичным образом и в XI стихотворении описывается безлюдный ландшафт. При этом мед, которым пахнут сухие лепестки цветов на крыше (строка 7), не горек — в отличие от меда русской степи из III стихотворения (строка 3). Полнее всего гармония с миром ощущается лирическим героем по ночам²⁰.

Несмотря на свойственную автору противоречивость отношений между стремлением к гармонии и попытками ее разрушения, цикл в целом является замкнутым. Кроме уже упомянутой параллельности обеих половин цикла, можно отметить симметричность стихотворений по обе стороны оси (стихотворения VIII), которая при помощи семантической противопоставленности соответствующих стихотворных пар создает напряженность между обеими частями цикла. Это становится особенно явным при рассмотрении первого и последнего стихотворений цикла, посвященных одной теме, но резко отличающихся друг от друга семантической структурой. В обоих текстах определенному ландшафту придается религиозное значение. При этом в первом стихотворении в изображении здания монастыря как связующего звена между Небом и Землей находит свое выражение идея синтеза природы и цивилизации. С помощью лексических эквивалентов при

---

¹⁹ Стихотворение является составной частью путевого цикла «Мурманские отголоски» (1888), темой которого, как свидетельствует заглавие, является один-единственный ландшафт (см.: Случевский К.К. Мурманские отголоски // Случевский К.К. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1962. С. 116 и далее).

²⁰ См.: стихотворения III, XIV и XV. О значении ночных размышлений в стихотворениях Бунина, особенно в его сонетах, и в его прозе см.: Meyer A. Die Sonettdichtung Ivan Bunins. Wiesbaden, 1990 (= Opera Slavica. N. F., 20). S. 124–139.

описании цвета стены монастыря приравниваются к небу: «Бледно-синеватый мел ее стены, / Мрамор неба, белый, с синими разводами» (строки 3–4). Взгляд наблюдателя направляется, таким образом, снизу вверх. В то время как на первый взгляд кажется, что побеленные стены монастыря «уступают» мрамору небес, в конце концов, однако, его златокованые медные шишаки, с их «райскою красою», одерживают победу над чернотой небес. Характерная для всего цикла двойственность закладывается уже в первом стихотворении оксюмороном «глубину небесную» (строка 6), причем для этой противоречивости находится и положительное воплощение в заключительной строке «Райскою красою за стеной мерцающих» (строка 8). В последнем стихотворении, напротив, взгляд наблюдателя направлен сверху вниз. Между Божественным, представленным метафорически описанием звезды, и Земным нет более никаких материальных отношений, как между уравненными единством лексического описания монастырем и небом, но есть лишь некая пантеистическая связь. Лирический субъект надеется на благословение своего ночного пути по пустыне. В то время как в первом стихотворении его перспектива — это точка зрения находящегося *вне* (он находится за пределами монастыря), в последнем он вступает с ландшафтом, посреди которого он находится и который толкуется им пантеистически, в непосредственную связь, пытаясь найти в нем самого себя.

Это последнее стихотворение играет, кроме того, ключевую роль в цикле как целом²¹. Наряду с заглавием цикла этот текст (в словах «мой путь ночной») напрямую указывает на тему путешествия, которая придает циклу смысл не только на внутритекстовом, но и на межтекстовом уровне, если принять во внимание «жизненный текст» автора. Уже сорок лет тому назад Д. Ричардс совершил попытку экстраполировать бунинскую философию путешествий, о которой писатель высказался в интервью 1912 г.²², из его стихотворных и прозаических трудов. Согласно выводам Ричардса начиная с 1890-х гг. путешествие является для Бунина не только способом постичь красоту мира, но и предпосылкой для литературного творчества и, таким образом, главным смыслом жизни²³. Бунинские высказывания о значении путешествий были сделаны в период перед Первой мировой войной, когда подобному жизненно важному для писателя времяпрепровождению еще ничто не препятствовало. Мировая война, революция и Гражданская война положили всему этому конец. Если считать последние четыре строки XV стихотворения ключом к пониманию и интерпретации путевого цикла, то содержащиеся в нем диссонансы можно истолковать как прорывы в тот придающий жизни смысл мир путешествий, который составлял жизнь Бунина до начала войны. Одновременно метафора пути вселяет надежду на конец препятствующих этому ограничений.

---

²¹ Это утверждение согласуется также с выводами К. Боровец, которая указывает в своей диссертации на особое значение, придающееся последнему стихотворению в стихотворном цикле, см.: *Borowec Ch. The lyric cycle in early Russian Symbolism: Ba'mont and Brjusov*. Ann Arbor, Mich., 1991. P. 50 etc.

²² См.: Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. М., 1967. Т. 8. С. 541.

²³ См.: Richards D.J. Comprehending the beauty of the world: Bunin's philosophy of travel // The Slavonic and East European review. 1974. Vol. 52 (129). P. 514–532.

Здесь уместно вспомнить тот второй смысловой уровень, который согласно И.В. Фоменко²⁴ характерен для каждого путевого цикла. Остановки во время путешествий, описываемые отдельными его стихотворениями, символизируют также остановки на пути по жизни, смысл которой состоит в поисках Вечно Прекрасного и гармонии с миром и которая терпит в процессе этих поисков одно поражение за другим. Ось VIII стихотворения обозначает в этом случае расширение не только пространственного, но и духовного горизонта. В то время как в первых семи стихотворениях речь преимущественно идет о материально понимаемых взаимоотношениях между природой и цивилизацией, а большинство из них демонстрирует большее сходство с жанровыми полотнами, чем с натурфилософской лирикой, в последних семи текстах находит свое выражение все более сложное взаимопреплетение настроений, культурологических размышлений, а также философских и религиозных раздумий. Параллельно этому начиная приблизительно с 1907 г. в лирике Бунина наблюдается склонность к глубокому философствованию²⁵. На этот год приходится также первое путешествие Бунина на Восток, к которому он, в отличие от предыдущей поездки в 1903 г., интенсивно готовится, собирая информацию о культуре и религии стран, которые он намеревается посетить²⁶. С этой точки зрения данный цикл представляет собой наглядную демонстрацию того, как шел процесс развития автора как поэта и как личности. Соответственно этому негативно окрашенные тексты второй половины цикла приобретают новое качество. В отличие от первой части, не суровые будни или враждебность природы определяют угрюмое настроение лирического субъекта, но природа как проявление собственного самому человеку зла. В подобных настроениях находит свое отражение то чувство изолированности и чуждости, которое вызывает в Бунине изменившаяся политическая ситуация, предчувствие приближающейся катастрофы. На этом фоне X стихотворение, темой которого является дождливый весенний день на Капри, вполне может рассматриваться как выражение несколько охладившихся отношений между Буниным и Горьким²⁷. Подобным образом можно трактовать и не входящие в данный цикл стихотворения «Война» и «Семнадцатый год», в которых реакция на политическую ситуацию выражается в форме простого описания ландшафтов и природы²⁸. «Путь ночной» по негостеприимному горному ландшафту в конце последнего стихотворения является, таким образом, метафорой преодоленных в 1918–1919 гг. превратностей на жизненном пути.

²⁴ См.: Фоменко И.В. О принципах композиции лирических циклов // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 2. С. 133.

²⁵ О проблеме периодизации лирики Бунина см., например: Михайлов О.Н. Иван Алексеевич Бунин. Очерк творчества. М., 1967. С. 72.

²⁶ См.: Бабореко А.К. И.А. Бунин: материалы для биографии. 1870–1917. С. 107 и далее.

²⁷ О существовании некой внутренней дистанции между Горьким и Буниным при их последней встрече см.: Нинов А.А. Бунин и Горький. 1899–1918 // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 2. С. 52.

²⁸ См.: Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. М., 1965. Т. 1. С. 375, 439. Подобным образом могут быть проанализированы также короткие рассказы «Страшный рассказ», «Обреченный дом» и «Убийца», которые М. Ланглебен интерпретирует как параболу политической ситуации в послереволюционной России (см.: Langleben M. The Guilty House: A textlinguistic approach to the shortest prose by I.A. Bunin // Elementa: Journal of Slavic and Comparative Cultural Semiotics. 1994. Vol. 1. № 3).

Почему же цикл «Путевая книга», общее значение которого, как было показано, выходит за рамки смысла отдельных входящих в него стихотворений, был снова расформирован? Причиной этому едва ли может являться несовершенство его композиции. Не подлежит сомнению, что в отдельных стихотворениях можно обнаружить отклонения от характерных для их большинства размера или рифмовой структуры; в иных обнаруживается разрыв с тематикой предшествующих им текстов. Однако эти аномалии, на первый взгляд противоречащие почти безукоризненному скрещению симметричности и параллельности тематической композиции, приобретают особое значение, если трактовать их как разрывы в некоей стабильной картине мира.

Однако к расформированию цикла привело, скорее всего, не некоторое несовершенство его первой редакции, но позднее осуществленная автором переработка отдельных входящих в него стихотворений. Наряду с изменениями в VIII стихотворении, приведшими к стиранию аллюзии на стихотворение А.К. Толстого и ослабляющими, таким образом, осевую функцию теста внутри цикла как целого, в глаза бросается в первую очередь обработка последнего стихотворения, ключевая роль которого в цикле обсуждалась выше. Вторая его половина была переписана полностью. Вместо

Звезды над светлым океаном...
Благословен мой путь ночной
По этим мертвым горным странам,
Пустым и бледным под луной! (XV, строки 5–8)

уже в 1929 г. читаем:

Звездой пылающей, потиром
Земных скорбей, небесных слез
Зачем, о господи, над миром
Ты бытие мое вознес?²⁹

Тема путешествия отсутствует в стихотворении полностью, выражение сдержанной надежды заменяется жалобами на собственную судьбу. При таком варианте последнего стихотворения предыдущие должны восприниматься как четырнадцатикратное доказательство неудавшейся жизни. Рассматриваемые отдельно, стихотворения новой редакции представляются лишь рядом разрозненных тяжелых вздохов.

Цикл «Путевая книга» 1918–1919 гг. выражает некое насущное противоречие между желанием и действительностью, вытекающее из новых политической и общественной ситуации и ставящее под вопрос жизнь в соответствии со старыми привычками; однако в эмиграции обстоятельства и условия жизни изменяются вновь. Десять лет спустя путешествия теряют свою прежнюю ценность для биографии Бунина, прояснение неопределенности ситуации 1918–1919 гг. с помощью метафоры пути представляется устаревшим. Так, больше не публикуются и некоторые стихотворения одесского периода с подобной тематикой (например, «Ночной путь»³⁰). Подлинной

---

²⁹ Бунин И.А. Стихи. С. 211.

³⁰ См.: Он же. Собр. соч.: в 6 т. М., 1987. Т. 1. С. 411 и далее.

причиной расформирования цикла «Путевая книга» является, таким образом, не общая практика подобного обращения с циклами, но потеря прежней конгруэнтности между текстом проживаемой жизни и созидаемым литературным текстом.

Пример цикла «Путевая книга» показывает, что для Бунина как поэта непременно должна быть в наличии некая неограниченная конгруэнтность между его жизненным и литературным текстами. Это предположение позволяет объяснить, почему он снова и снова переписывает свои старые стихотворения или отдает распоряжения не включать некоторые из них в будущие переиздания³¹. Этим объясняется также, почему цикл «Путевая книга» существовал как таковой только ограниченное время: отображая проходящее, мимолетное внутреннее состояние автора, цикл являет собой промежуточный итог и одновременно поворотный пункт его развития как художника. Свойственная самой его природе временность является отражением переходного характера момента, в который Бунин ищет новые пути не только в жизни, но и в литературном творчестве. Таким образом, исследование цикла помогает ответить на вопрос, почему Бунин ставит после эмиграции новые акценты, переходя к написанию почти исключительно прозаических произведений, в которых ностальгически описывается прежняя Россия, а тема путешествий если не отсутствует полностью, то не проявляется более идеализированно, как это было в ранних стихах или в прозаическом цикле «Тень птицы» (1907)³². Это снова становится возможным лишь в ностальгических взглядах автора в прошлое к концу его жизни³³.

Очевидно, поэзия постоянно является для Бунина способом непосредственного выражения внутренних переживаний, в полном соответствии с понятием субъективности у Гегеля. Как только текст — в данном случае стихотворный цикл в качестве промежуточного итога жизненного пути — теряет свои «биографические полномочия», его повторная публикация (по крайней мере, с согласия автора) становится невозможной³⁴.

В этом безоговорочном единстве внутренних переживаний и их образного выражения в форме описывающего природу лирического стихотворения проявляется, кроме прочего, та традиционность Бунина, которая отличает его от играющих с языком и воображением авторов модерна и авангарда.

Перевод с нем. О. Сазончик

---

³¹ См.: Там же. С. 521 и далее.

³² См.: Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. М., 1965. Т. 3. С. 313–411. Исключениями являются тексты, подобные очерку в форме дневника «Воды многие» (1911–1926), которые создавались в течение длительного промежутка времени и представляют собой философскую обработку прежних путевых впечатлений (см.: Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. М., 1988. Т. 4. С. 449–470), а также другие короткие рассказы и заметки 1920-х гг., описывающие, однако, часто очень негативные происшествия в пути, ср. например, «Третий класс» (1921) (Там же. С. 189–191).

³³ Ср., например, стихотворение «Nel mezzo del camin di nostra vita» (1947) (Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. М., 1967. Т. 8. С. 24).

³⁴ Аналогично обращение Бунина со своим носящим печать символизма сонетом «Забытый фонтан», повторная публикация которого была напрямую запрещена автором (Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. М., 1987. Т. 1. С. 392).

Приложение

Иван Бунин
ПУТЕВАЯ КНИГА

I

Древняя обитель супротив луны,
На лесистом взгорье, над речными водами,
Бледно-синеватый мел ее стены,
Мрамор неба, белый, с синими разводами.
А на этом небе, в этих облаках,
Глубину небесную в черноту стущающих, —
Храмы в златокованых мелких шишаках,
Райскою красою за стеной мерцающих.

II

Солнце полночное, тени лиловые
В желтых ухабах туманных зыбей.
Солнце не греет — на лица суровые
Падает светом холодных лучей.
Скрылись кресты Соловецкой обители.
Пусто — до полюса. В блеске морском
Леткою мглой убегают святители —
Три мужичка-старичка босиком.

III

Полночный звон степной пустыни,
Покой небес, тепло земли,
И горький мед сухой полыни,
И бледность звездная вдали.
Что слушает моя собака?
Вне жизни мы и вне времен.
Звенящий сон степного мрака
Самим собой заворожен.

IV

Роса, при бледно-розовом огне
Далекого востока, золотится.
В степи сидит пустушка на копне.
В степи рассвет, в степи роса дымится.
День впереди, столь радостный для нас,
А сзади ночь, похожая на тучу.
Спят пастухи. Бараны сбились в кучу,
Сверкая янтарями спящих глаз.

V

Осенний день. Степь, балка и корыто.
Рогатый вол, большой соловый бык,
Скользнув в грязи и раздвоив копыто,
К воде ноздрями влажными приник:
Сосет и смотрит светлыми глазами,
Закинув хвост за свой костлявый зад,
Как вдоль бугра, в пустой небесный скат,
Бредут хохлы за тяжкими возами.

VI

Стена горы — до небосвода.
Внизу голыш, шумит ручей.
Я напою коня у брода.
Под дымной саклею твоей.
На ледяном Казбеке блещет
Востока розовый огонь.
Бьет по воде, игриво плещет
Копытом легким потный конь.

VII

Стали дымом, стали выше
Облака, — лазурь сквозит
И на шиферные крыши
Голубой водой скользит.
Что с того, что крыши стары
И весенний воздух сыр!
Даже запахом сигары
Снова сладок Божий мир.

VIII

На Альпы к сумеркам спустились облака.
Все мокро, холодно. Зеленая река
Стремит свой шумный бег по черному ущелью
К морским крутым волнам, кипящим на песке,
И зоркие огни краснеют вдалеке,
Во тьме от Альп и туч, под горной цитаделью³⁵.

IX

Роняя снег, проходят тучи,
И солнце резко золотит
Умбrijских гор нагие кручи,
Сухой кустарник и гранит.
И часто в тучах за горами
Обрывки радуги цветут —
Святые нимбы над главами
Анахоретов, живших тут.

X

Вид на залив из сада под таверной...
В простом вине, что взял я на обед,
Есть странный вкус — вкус виноградно-серный —
И розоватый цвет.
Пью под дождем, — весна здесь прихотлива,
Миндаль цветет на Капри в холода, —
И смутно в синеватой мгле залива
Далекие белеют города.

XI

Пустыня в тусклом, жарком свете.
За нею — розовая мгла.
Там минареты и мечети,
Их расписные купола.
Там шум реки, базар под сводом,
Сон переулков, тень садов —
И, засыхая, пахнут медом
На кровлях лепестки цветов.

---

³⁵ Вариант «Отчизны» отличается от текста, обычно публикуемого в стихотворных разделах сочинений Бунина. См.: [Двинятина Т.М.] Примечания // Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. СПб., 2014. Т. 2. С. 428. То же касается сихотворений X и XIV (см.: Там же. С. 453, 460).

XII

Сорвался вихрь, промчал из края в край
По рощам пальм кипящий ливень дымом —
И снова солнце, в блеске нестерпимом,
Ударило на зелень мокрых вай.
И туча, против солнца смоляная,
Над рощами вздвигалась как стена —
И радуга горит на ней цветная,
Как вход в Эдем, роскошна и страшна.

XIII

Смятенье, крик и визг рыбаков
На сальной, радужной волне...
Да, мир живых и зол и жалок,
И в нем порою тяжко мне.
Вот — сколько ярости бессильной,
Чтоб растащить тугой моток
Кишки зеленовато-мыльной,
Что с парохода бросил кок!

XIV

На даче пусто, ночь темна,
Туманны звезды голубые,
Вздыхая, ширится волна,
Цветы качаются слепые.
И часто, с ветром, до скамьи,
Как некий дух в эфирной плоти,
Доходят свежие струи
Волны, вздыхающей в дремоте.

XV

Звезда дрожит среди вселенной...
Чьи руки дивные несут
Какой-то влагой драгоценной
Столь переполненный сосуд?
Звезда над светлым океаном...
Благословен мой путь ночной
По этим мертвым горным странам,
Пустым и бледным под луной!

E.B. Капинос

ИЗ ПАРИЖА – В ГОРОД МЕЧТЫ И ВООБРАЖЕНИЯ: «ПОЗДНИЙ ЧАС» И.А. БУНИНА

Сюжет рассказа «Поздний час» (1938; «Темные аллеи») характерен для эмигрантской литературы: в Париже герой-повествователь представляет себе Россию, во сне или в мечтах возвращаясь к покинутым местам. В контексте бунинского творчества этот сюжет тоже далеко не уникален, в том или ином смысле почти каждая новелла «Темных аллей» — это воображаемое возвращение на родину. Между тем впервые сюжет-возвращение появился у Бунина за несколько десятилетий до эмиграции — в 1899 г. Бунин написал лирическую миниатюру «Поздней ночью»: в парижском гостиничном номере герой и его спутница переживают какую-то размолвку или момент отчуждения; «избегая глядеть» на героиню, герой отворачивается к окну, видит узкую улицу внизу и вдруг ясно вспоминает родные места: «Я мысленно покинул Париж, и на мгновение померещилась мне вся Россия, точно с возвышенности я взглянул на огромную низменность. Вот золотисто-блестящая пустынная ширь Балтийского моря. Вот — хмурые страны сосен, уходящие в сумрак к востоку, вот — редкие леса, болота и перелески, ниже которых, к югу, начинаются бесконечные поля и равнины. На сотни верст скользят по лесам рельсы железных дорог, тускло поблескивая при месяце. Солнечные разноцветные огоньки мерцают вдоль путей и один за другим убегают на мою родину»¹. Воспоминание о родине оживляет прошлое в душе героя, и вместе с прошлым возвращается любовь к уже, казалось бы, разлюбленной. В этом тексте трудно угадать стиль позднего Бунина: внесюжетные моменты еще не развернуты и не имеют глубоких скрытых планов, однако они уже преобладают над сюжетными перипетиями.

Исследуя историю создания и публикации рассказа «Поздней ночью», Т.В. Марченко напомнила, что критики увидели в нем «беллетризацию “семейной жизни”» автора (Бунин только что расстался с А.Н. Цакни, соответственно, рассказ прочитывался как описание ссоры с женой) и что Бунин, разумеется, отвергал этот подход, настаивая на условности изображаемого эпизода². В 1899 г. Бунин пишет Париж, еще ни разу не побывав в этом городе: первая его парижская поездка (1900) выпадает как раз на период между написанием и публикацией рассказа. Но и побывав в Париже, Бунин, замечает Т.В. Марченко, не привносит

¹ Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. М., 1965–1967. Т. 2. С. 177. Далее в статье цитаты из текстов Бунина приводятся по этому изданию с указанием в скобках тома и страницы.

² См.: Марченко Т.В. Парижский текст Ивана Бунина: прелюдия в лунном свете (*Revue les etules siaves*. 2014. Т. XXXV. № 1. Р. 165–166).

в рассказ парижской конкретики³. Зато, по мнению исследовательницы, можно предположить подспудную связь этого текста с Анной Цакни, чьи ранние годы прошли во Франции⁴. В свою очередь добавим: вполне может быть, что «Поздней ночью» — это поэтическая вариация на темы рассказов А.Н. Цакни (если таковые были) о Париже или поэтическая фантазия о городе, неразрывно связанном с ее жизнью. Образ Парижа создается Бунином в Москве, из чужих воспоминаний и впечатлений, и в этом воображаемом европейском городе его герой грустит о России, откуда автор рассказа вовсе и не уезжал.

Не только сюжет мысленного возвращения на родину, придуманный и опровергнутый за двадцать лет до эмиграции, повторит Бунин в «Позднем часе», он обставит его теми же образами, что и в «Поздней ночи»: связью локуса и героини (своего рода женским олицетворением города, страны), мотивами ночи, месяца, печали, утраты. Только лирическая динамика и смысловая концентрация текста 1938 г. окажутся гораздо выше, чем в 1899-м. Через четыре десятилетия, уже во Франции, давно найденный сюжет получит «жизненные подтверждения» и значительно усложнится в поэтике.

БЕЗЫМЯННЫЙ ГОРОД

«Поздний час» начинается, как нередко бывает у Бунина, «с середины» каких-то размышлений и воспоминаний. Две-три первых фразы позволяют понять, что герой живет не в России, но читатель еще не успевает установить местоположение героя, как Бунин перемещает его в русский уездный город, будто лишь мост через реку отделяет заграницу от России:

«Ах, как давно я не был там, сказал я себе. С девятнадцати лет. Жил когда-то в России, чувствовал ее своей, имел полную свободу разъезжать куда угодно, и не велик был труд проехать каких-нибудь триста верст. А все не ехал, все откладывал. И шли и проходили годы, десятилетия. Но вот уже нельзя больше откладывать: или теперь, или никогда. Надо пользоваться единственным и последним случаем, благо час поздний и никто не встретит меня.

И я пошел по мосту через реку, далеко видя все вокруг в месячном свете июльской ночи.

Мост был такой знакомый, прежний, точно я его видел вчера: грубо-древний, горбатый и как будто даже не каменный, а какой-то окаменевший от времени до вечной несокрушимости, — гимназистом я думал, что он был еще при Батыев» (7; 37).

Столь быстрое переключение из одного пространства в другое отмечает начало парижского сна о родине.

Затем повествование вновь возвращается через «Ярославль», «Суэцкий канал», «Нил» в Париж, с русского моста на один из мостов Сены. Любопытно, что

---

³ См.: Там же. Р. 170.

⁴ См.: Там же. Р. 175–176.

парижский набросок с отражениями-триколорами можно найти в дневниковой записи Бунина от 10 апреля 1922 г. Сравним:

«Поздней ночью»

«В Париже ночи сырье, темные, розовеет мглистое зарево на непротивном небе, Сена течет под мостами черной смолой, но под ними тоже висят струистые столбы отражений от фонарей на мостах, только они трехцветные: белое, синее, красное — русские национальные флаги» (7; 38).

Дневник И.А. Бунина

«Возвращался — пустые улицы и переулки после дождя блестят, текут как реки, отражая длинные полосы (золотистые) от огней, среди которых иногда зеленые. Вдали что-то церковное — густо насыпанные белого блеска огни Place Concorde. Огни на Сене — русские национальные флаги»⁵.

В контекст дневника мимолетная зарисовка площади Конкорд входит беглым воспоминанием о родной стране с ее исчезнувшими флагами, так похожими на французские. В «Позднем часе» пейзаж становится резче в красках, теряет связь с конкретным парижским местом — Place de la Concorde, говорится сразу о нескольких мостах через Сену, о Париже и Сене вообще, город расплывается в отражениях, будто бы готовясь к преображению.

Описав обширный круг, соединяющий восток и запад, две страны и два континента, рассказ опять устремляется в тот же далекий провинциальный город: «Тут на мосту фонарей нет, и он сухой и пыльный. А впереди, на взгорье, темнеет садами город, над садами торчит пожарная каланча...» (7; 38). Кажется, что сон, мечта не сразу, а постепенно овладевает сознанием героя. Текст строится по законам поэзии, он скреплен серией повторов и весь «прошит» пунктиром заглавия: словосочетание «поздний час» повторяется от начала к концу в прямом или несколько редуцированном виде четырежды⁶, а между повторами размещены

⁵ Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Frankfurt a/M, 1977–1982. Т. 2. С. 85.

⁶ «Надо пользоваться единственным и последним случаем, благо *час поздний* и никто не встретит меня» (7; 37), «И вот в такую ночь, в тот *поздний час*, когда в городе не спал только он один, ты ждала меня в вашем уже подсохшем к осени саду» (7; 40), «И было уже так *поздно*, что даже и колотушки не было слышно...» (7; 40), «Как *поздно* и как *немо!*.. Ветер стих к предрассветному *часу*» (7; 42). (Здесь и далее в текстах Бунина курсив наш.)

Лирическая природа «Позднего часа» подробно исследована в работе В.П. Скобелева, где, в частности, отмечена и прокомментирована серия подобных «позднему часу» повторов: «...дважды отмечается августовская трава — при описании свидания в саду говорится про “заросшую сухими травами дорожку”, потом, в сцене на кладбище, вновь упоминается “сухая трава”. Дважды упоминается мост, проходя по которому герой-повествователь попадает в уездный город, говорится и про один из парижских мостов через Сену. Дважды автор считает нужным упомянуть, что она и он во время ночных пожара взялись за руки. Систематически повторяющиеся эпически значимые, тяготеющие к объективированной наглядности детали... становятся именно в своей повторяемости экспрессивно значимыми, подобно рефренью в поэзии» (Скобелев В.Н. К соотношению эпического и лирического в сюжетно-композиционной системе бунинской новеллы эмигрантского периода («Поздний час») // Русское зарубежье — духовный и культурный феномен: Междунар. сб. науч. ст. Вып. 1. М., 2003. С. 32–33). Кроме лексических, у В.Н. Скобелева приведены синтаксические и грамматические повторы в тексте рассказа.

следующие друг за другом картины, и их равномерное чередование задает ритм, соотносит между собой разные времена и пространства, позволяя им наслаждаться, «выплывать» друг из-за друга.

В конце третьего абзаца (когда заграница уже во второй раз уступает место России) перед нами появляется как будто тот же, но и немного другой русский город: «Горело далеко, за рекой, но страшно жарко, жадно, спешно. Там густо валили черно-багровым руном клубы дыма, высоко вырывались из них кумачные полотнища пламени, поблизости от нас они, дрожа, медно отсвечивали в куполе Михаила Архангела. И в тесноте, в толпе, среди тревожного, то жалостливого, то радостного говора отовсюду сбежавшегося простонародья, я слышал запах твоих девичьих волос, шеи, холстинкового платья — и вот вдруг решился, взял, весь замирая, твою руку... » (7; 38). Повествование «Позднего часа» дается в двойной оптике — точные и четкие воспоминания перебиваются неясными и обобщенными образами, кажется, что рассказчик без усилия помнит все до мелочей, и в то же время будто с трудом представляет что-то далекое и неопределенное. Переживание города «здесь и сейчас» то сливаются с городом в памяти и в прошлом, то, напротив, отделяется от него. Неглубокая река превращается в судоходную, июльское возвращение на родину⁷ на месяц «отстает» от августовских воспоминаний о счастливом давнем лете, случившемся на заре жизни («И ночь была почти такая же, как та. Только та была в конце августа...» (7; 39)).

Казалось бы, разница между мечтой и воспоминанием не значительна, однако она серьезно усложняет и углубляет описание города. Бунина часто сравнивают с Прустом⁸ и наделяют характеристиками, почерпнутыми из постпрустовской критики, что справедливо прежде всего потому, что сложная текстура времен и модальность бунинского повествования может быть косвенно связана с бергсонианской идеей «воспоминания-образа», существующего в тесной связке с «чистым воспоминанием» и восприятием.⁹ Память в философии Бергсона — это не прямая трансляция из прошлого, она подключает к себе творческое воображение, создающее целый спектр различных смысловых оттенков.

---

⁷ О том, что «сейчас» июль, мы узнаем из следующих строк: «...в месячном свете июльской ночи...» (7; 37), «...от ровного тока слабого июльского ветра, который тянул откуда-то с полей, ласково дул на меня» (7; 37).

⁸ См., например: Лушенкова А. Иван Бунин и Марсель Пруст: «непроизвольная» и «чувственная» память // Метафизика И.А. Бунина: Сб. науч. тр., посвященный творчеству И.А. Бунина. Воронеж, 2011. Вып. 2. С. 43–58; Таганов А.Н. Иван Бунин и Марсель Пруст: потаенное сродство // Потаенная литература: Исслед. и мат-лы. Иваново, 2000. Вып. 2. С. 107–116.

⁹ «Восприятие никогда не бывает простым контактом духа с наличным предметом: оно всегда насыщено дополняющими и интерпретирующими его воспоминаниями-образами. Воспоминание-образ, в свою очередь, причастно к «чистому воспоминанию», которое оно начинает материализовать, и к восприятию, в которое он стремится воплотиться: рассматриваемое с этой последней точки зрения, оно может быть определено как рождающее восприятие. Наконец, чистое воспоминание (несомненно, независимое de jure), как правило, появляется только в окрашенном и живом образе, который его обнаруживает» (Бергсон А. Материя и память // Собр. соч.: в 4 т. М., 1992. Т. 1. С. 243).

По мысли Ж. Делеза, открытые Бергсоном характеристики памяти могут быть спроектированы в сферу художественного¹⁰ и порождать большое разнообразие художественных приемов. Ж. Делез работает с кинотекстом, в его понимании кинотекст символизирует и словесную, и изобразительную культуру XX в. с ее приверженностью к повествовательным лакунам, которые очень по-разному восстанавливаются памятью¹¹. Напряженность бунинского текста также обеспечивается заполненными или незаполненными лакунами, моментами обманчивого тождества. Бунин намеренно разнообразит и умножает целый ряд несходств между тем городом, что вслыхивает в памяти героя, и тем, который здесь и теперь предстает перед глазами рассказчика. Одни и те же локусы читатель видит совершенно различными, мечта превращается в реальность, но мнимую. Если от философских параллелей прибегнуть к параллелям литературным, то можно почувствовать влияние, оказанное на «Поздний час» элегией-Heimkehr («Вновь я посетил...» А.С. Пушкина, «Запустение» Е.А. Боратынского и мн. др.). Элегия такого типа предполагает сопоставление картин прошлого и настоящего: до отъезда и после возвращения. Лирическая эмоция развивается на основе сходства, волнующего узнавания в настоящем прошлого и в то же время на основе установления отличий между «тогда» и «теперь», вызывающих печаль, горечь утраты.

Русский город, где оказался герой «Позднего часа», — это мифопоэтическое пространство, несущее в себе прозрачную символику. В город ведет мост через реку, и это, конечно, мост, перекинутый между двумя мирами; город начинается у собора и заканчивается кладбищем, и дорога между этими двумя сакральными точками символизирует жизнь героя, самого города и всей страны в целом. Река с каменным мостом через нее, собор, церковь Михаила Архангела, пожарная каланча, гимназия и рынок, кладбище на окраине есть в каждом старом русском городе. В тексте ни город, ни река не названы, это особенно ощутимо на фоне Парижа и Сены и придает нереальность и обобщенность русскому пространству. Как для Бунина, так и для многих других писателей подобный способ художественного обобщения достаточно обычен (вспомним хотя бы город «Белой гвардии» Бул-

---

¹⁰ Примерно над тем же размышляли и русские формалисты. См.: Капинос Е.В. Сюжет, история и время: от С.Л. Франка к Б.М. Эйхенбауму // Сюжетология и сюжетография. Новосибирск, 2013. № 1. С. 7–18.

¹¹ Вот, к примеру, отрывок, из Ж. Делеза, который показывает, сколь большое разнообразие художественных эффектов можно извлечь, осмыслия понятие А. Бергсона «образ-воспоминание»: «Как наиболее точно определить различие между образом-воспоминанием и образом-грезой? Мы исходим из образа-перцепции, а он, по природе своей, актуален. То, что Бергсон называет “чистым воспоминанием”, обязательно является виртуальным образом. Но в первом случае само воспоминание становится актуальным в той мере, в какой его вызывает образ-перцепция. Случай грезы обладает двумя значительными отличиями. С одной стороны, перцепции грязящего продолжают существовать, но в диффузном состоянии праха внешних и внутренних актуальных ощущений, которые сами по себе схватываются, а от сознания ускользают. С другой же стороны, виртуальный образ актуализируется не непосредственно, а в другом образе, — а тот сам играет роль виртуального образа, актуализирующегося в третьем, и так до бесконечности: греза — это не метафора, а серия анаморфозов, вычерчивающих весьма большой круг» (Делез Ж. Кино. М., 2013. С. 308).

гакова, списанный с Киева, но не названный), однако у Бунина этот прием имеет свою специфику.

Ландшафтное, топографическое чувство Бунина настолько точно, что каким бы обобщенным ни был город, в нем можно опознать Елец. Это вовсе не обязательно для прочтения рассказа, как необязательна вообще любая связь с реалиями для художественного текста, однако узнавание Ельца добавляет в повествование выразительную лирическую ноту. Елец опознается по прямой главной улице, начинающейся за рекой и ведущей от собора (в реальности — Вознесенский собор, построенный в конце XIX в.) к старому кладбищу, во времена Бунина улица называлась Орловской (сейчас Коммунаров); узнаваема и пожарная каланча на ней, чуть дальше старое каменное здание мужской гимназии, где учился Бунин, все это сохранилось по сей день. Легко представить маршрут героя «Позднего часа»: видимо, придерживаясь Орловской, рассказчик сворачивает на Успенскую, затем возвращается назад, к мужскому Троицкому монастырю на Орловской («На выезде, слева от шоссе, монастырь времен царя Алексея Михайловича» (7; 42))¹². Здесь важны не только реалии, аналоги которых, повторим, есть в каждом городе, важна их последовательность, и эта последовательность выдерживается Буниным в соответствии с елецкой топографией, путь героя можно почти буквально сверить по карте¹³.

Из ранних произведений Бунина в связи с «Поздним часом» вспоминается еще один елецкий текст — рассказ «Над городом» (1900)¹⁴, где церковь синекдохически замещает город: «Теперь даже огромный купол церкви был наравне с нами, а под ним — разноцветные крыши города, сбегающего к реке, улицы и переулки между ними, грязные дворы, сады и пустоши» (2; 201). В «Позднем часе» Бунин прибегает к похожему замещению, но только картина дана в перспективе не сверху, а снизу — купол Архангельской церкви отражает пламя пожара. Горит «далеко, за рекой» (7; 38), но символически горает весь город: «Поздний час» посвящен исчезнувшим местам, оставшимся только в памяти и воображении. «Огнь пожирающий» составляет неотторжимую часть поэтического сознания Бунина, где всесокрушающая стихия вторгается в течение времени, в историю как знак Апокалипсиса: «Читаю Соловьева <...> походы друг на друга, беспрерывное сожжение городов, разорение их, “опустошение дотла” — вечные слова русской истории! — и пожары, пожары...»¹⁵ — записывает Бунин в дневнике 4 апреля 1921 г. Учитывая бунинскую символику огня, нетрудно заключить, что пространственный и временной фон свидания героев

¹² Реальный Троицкий монастырь в Ельце был основан на несколько десятилетий раньше венчания на царствие Алексея Михайловича, но расцвел и укрепнился именно в середине XVII в.

¹³ См., например, карту из частного собрания В.А. Заусайлова: Старинные карты Ельца // Елецкий краевед: Краеведческие материалы о Ельце. URL: <http://eletskraeved.ru/karty/starinnaya-karta> (дата обращения 1 июля 2013). Подробный анализ топонимов и локальных описаний Бунина в связи с конкретными елецкими и орловскими реалиями сделан Т.В. Красновой. См.: Краснова Т.В. Российская топонимия в художественной прозе И.А. Бунина. Елец, 2005.

¹⁴ О Ельце в этом тексте см.: Бабореко А.К. И.А. Бунин: Материалы для биографии (с 1870 по 1917). М., 1983. С. 14.

¹⁵ Устами Буниных... Т. 2. С. 35–36.

на пожаре — это весь город, вся история России и человечества, вплоть до гибели страны и конца времен¹⁶.

Сличение реалий с художественными образами — не главный и не единственный способ, позволяющий опознать Елец в «Позднем часе». Та же церковь Михаила Архангела, мужской монастырь, каменная гимназия, Вознесенский собор на Орловской улице, ведущей «вон из города», многократно описываются в «Жизни Арсеньева»:

«...Гул колоколов с колокольни Михаила Архангела, возвышавшейся надо всем в таком величии, в такой роскоши, какие не снились римскому храму Святого Петра, и такой громадой, что уже никак не могла поразить меня впоследствии пирамида Хеопса» (6; 11);

«А потом — резкая и праздничная новизна гимназии: чистый каменный двор ее, сверкающие на солнце стекла и медные ручки входных дверей, чистота, простор...» (6; 65);

«А прямая, как стрела, Долгая улица, ведущая вон из города, к острогу и монастырю, тонет в пыли и слепящем блеске солнца, заходящего как раз в конце ее пролета <...> А в соборе звонят ко всенощной <...> Чем ближе собор, тем звучнее, тяжелее, гуще и торжественнее гул соборного колокола...» (6; 67–68).

«Я мысленно вижу, осматриваю город. На выезде, слева от шоссе, древний мужской монастырь...» (6; 69)

Через повторы одних и тех же или очень схожих мотивов, через узнавание в одном тексте деталей другого проявляется природа бунинского лиризма. Как известно, репертуар лирических тем гораздо более ограничен, чем репертуар тем прозаических, в повторяемости мотивов бунинская проза напоминает стихи. Содержание стихотворных текстов устойчиво, стихи описывают одно и то же, но по-разному, так же устроена и бунинская проза: рассказы отражаются в романе, в автобиографических заметках, а между собой легко группируются в семантические гнезда, в не собранные автором циклы и т. д. «Поздний час» в цикле «Темные аллеи» звучит миниатюрной вариацией на темы «Жизни Арсеньева», рассказ повторяет сюжет романа в его вершинных точках: детство и юность героя в старинном уездном городе, ранняя смерть возлюбленной, эмиграция... Кстати, Бунин и в «Жизни Арсеньева» оставляет город своего детства без названия. Постоянно упоминая реальные и вымышленные Каменку, Батурино, Васильевское, Орел, Ефремов, писатель как бы специально обходит Елец, а все та же Орловская улица Ельца в «Арсеньеве» превращается в Долгую. В «Позднем часе» названия улиц — Старая, Монастырская¹⁷ — тоже стилизованы, приближены к эпитетам. Абстракция топонимики поэтически возвышает образ конкретного места, а чи-

¹⁶ Подробнее о стихии огня у Бунина и, в частности, о теме «тленного» и «нетленного» в «Позднем часе» и «Огне пожирающем» (1923) см.: Капинос Е.В. Кладбищенский топос: русское и французское кладбища в творчестве И.А. Бунина // Н.П. Анциферов. Филология прошлого и будущего: По материалам международной научной конференции «Первые московские Анциферовские чтения». М., 2012. С. 235–338.

¹⁷ Монастырская улица действительно была в старом Ельце, но она лежит в стороне от тех мест, что описываются в рассказе.

татель получает возможность пройтись по вымышленному городу с настоящим, но скрытым именем.

Почему же связь с реалиями, «документальные» кадры повышают лиризм текста, а не прозаизируют, не конкретизируют его, как могло бы случиться? Во-первых, потому что связь эта неявная. Бунинские тексты моделируют очень зримые пространства, которые буквально «втягивают» читателя, заставляя его внимательно всматриваться в детали, узнавать их¹⁸. Сочетание конкретности, «документальности» с обобщенностью и неопределенностью заключает в себе мощный художественный эффект. Во-вторых, похожие мотивы (в нашем случае «елецкие») в разных текстах подталкивают читателя к установлению, пусть зыбких, но все-таки параллелей, связей между текстами. В «Позднем часе» повествование ведется от лица вымышленного героя, но в «Жизни Арсеньева», с которой перекликается рассказ, те же мотивы автобиографичны, следовательно, и на героя «Позднего часа» ложится тень автобиографизма. Пространственные векторы настолько сильны, что они как бы устремляются за пределы текста, к реалиям, будто бы личность автора, его родные места, — это своеобразный «тайник», на который наводит художественный рассказ. Думается, не случайно, называя в художественных текстах имена разных городов, Бунин скрыл название того города, который был ближе всего к его имени, к его дому. Скрытое имя делает образ города еще более притягательным, биографический подтекст творчества Бунина еще более актуальным. Столь же пристальное внимание к личности автора характерно и для лирики, которая не повествует о конкретных событиях, как эпос, а концентрируется на отвлеченных эмоциях, но при этом направляет интерес читателя к личности и биографии поэта.

В «Позднем часе» Елец не равен самому себе; похожие, но не одинаковые рельефы одних и тех же мест не являются, как уже указывалось, результатом случайного неразличения образов памяти и воображения. Писатель разделяет два города, город памяти и город воображения, и читатель имеет возможность заметить разность между ними. Елец юности — шумный и живой; свидания героя и героини проходят в окружении толпы или в чьем-то присутствии хотя бы на дальнем плане: в первый раз герой целует руку возлюбленной на пожаре, «среди тревожного, то жалостливого, то радостного говора отовсюду сбежавшегося простионародья» (7; 38), во время свидания в саду город, казалось бы, спит, но слышно, как «бродит по ночному веселому городу старик с колотушкой» (7; 40). Тот город, в котором, переместившись из Парижа, очутился рассказчик, напротив — тих и безлюден, причем эта тишина и безлюдье замечаются не сразу, а настораживают постепенно. В первом абзаце город уже пуст: «...и никто не встретит меня» (7; 37), но поскольку речь идет о «позднем часе», то кажется, что фраза мотивирована ночным временем, однако и позже рассказчик не услышит ни одного звука, не

---

¹⁸ Аналогичные «зримые детали» встречаются и в других текстах Бунина, к примеру в «Визитных карточках» и «Солнечном ударе», где пароходы причаливают к пристани в городах, названий которых мы не знаем, но описание Бунина таково, что читатель может точно определить — они причаливают к правому берегу Волги. Топографическая точность и в то же время поэтическая обобщенность неназванного локуса позволяют видеть в этом парадоксальном сочетании характерную примету бунинского стиля.

встретит ни единой души, устремляясь от моста к кладбищу. Тогда-то и становится понятно, что герой идет по мертвой земле, по городу-некрополю, а описание некрополя наложено на описание живого, радостного и шумного Ельца, оставшегося в далеком прошлом.

Подобные моменты разделения пространств в одном континууме иногда удается зафиксировать в текстах лирической природы. Так, по мнению Ю.Н. Чумакова, XXXV, XXXVI–XXXVII строфы 4-й главы «Евгения Онегина» позволяют заметить идентичность дома автора и дома Онегина в деревне: «...автор (и это хорошо видно в тексте романа) фактически вселяет Онегина в собственное поместье, а затем одновременно оказывается живущим там же. Конечно, в поэтическом тексте они живут каждый в своем доме, но автор, поставив строфы рядом, обыграл множественность своих обликов, намекнул, что реально-жизненной основой эпизода является сельцо Михайловское, узнаваемое по разрозненным чертам и деталям»¹⁹. В «Позднем часе» более чем достаточно намеков на реальный Елец, но это не отменяет художественного обобщения, а лишь наращивает его мощность. Разные планы города едины, но и несводимы один с другим, причем они восприняты только одним героем (а не двумя, как в романе Пушкина), и «я» этого героя-рассказчика получает множественные облики: Я-в мечтах, Я-в воспоминаниях, Я-в прошлом, Я-в молодости, Я-сейчас, на пороге смерти. Не случайно нетождественность внутри «я», расслоенность «я» — одна из ведущих тем этого рассказа: «...худой юноша в серой куртке и в щегольских панталонах со штрипками; но разве это я?» (7; 39)²⁰.

Осторожное (а у Бунина даже тщательно замаскированное) наведение на реалии не только не превращает художественный текст в документальный, а, напротив, усиливает абстракцию поэтического мира. «Сколки» реальности, ее образы словно вторгаются в уже сформированный и самоценный художественный континуум, украшая и укрепляя его, подчеркивая его границы.

ЗВЕЗДА И КАМЕНЬ

Черта, отделяющая некрополь от живого Ельца, парижский сон о Ельце от воспоминания о нем, не проводится резко, она нечеткая, мягкая. И осознать это

---

¹⁹ Чумаков Ю.Н. В сторону лирического сюжета. М., 2010. С. 74. Для Ю.Н. Чумакова, как и для нас в данном случае, важна лирическая природа стихотворного романа.

²⁰ Аналогичных моментов взгляда на себя со стороны, «неузнавания» себя самого, нового, давнего, много в «Жизни Арсеньева», особенно это касается любимых Бунинским сцен перед зеркалом, вот один из примеров: «Помню: однажды, вбежав в спальню матери, я вдруг увидел себя в небольшое трюмо <...> Очевидно, в силу того, что я вдруг увидел (как посторонний) свою привлекательность, — в этом открытии было, неизвестно почему, даже что-то грустное, — свой уже довольно высокий рост, свою худощавость и свое живое, осмысленное выражение: внезапно увидел, одним словом, что я уже не ребенок...» (6; 29). Коллизию умножения и ментальной непрерывности «я» видит в бунинском мотиве зеркала Е.К. Созина. См.: Созина Е.К. «Стадия зеркала» в творчестве И.А. Бунина // Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры. Тюмень, 1997. Вып. 3. С. 62–66.

можно, наблюдая за героиней. Подобно городу, образ героини тоже удваивается, расщепляется, поскольку она символизирует и олицетворяет этот город. Там, где героиня вспоминается, она близка герою, на ней — светлые одежды: на пожаре «холстинковое платье», во время свидания в саду — белое («слабо белело... вдали твое платье» 7; 40). Второе явление героини совершенно иное, в пустом городе-некрополе она сплетается из теней листвы на мостовой, и ее призрачный, «сквозистый», траурно-«кружевной» образ из плана воображения незаметно переходит в план воспоминаний: «...только в домах направо, до которых тень не достигала, освещены были белые стены и траурным глянцем переливались черные стекла; а я шел в тени, ступал по пятнистому тротуару, — он сквозисто устлан был черными шелковыми кружевами. У нее было такое вечернее платье, очень нарядное, длинное и стройное. Она в нем была таинственна и оскорбительно не обращала на меня внимания. Где это было? В гостях у кого?» (7; 39). Гости, кажется, почти готовы ожить вместе с героиней, но не хватает какого-то последнего усилия памяти, поэтому воображаемая неопределенность обстановки — «где?», «у кого?» — и недоступность героини («оскорбительно не обращала внимания») сохраняется, контрастируя с другим ее образом, светлым, родным и близким, во время пожара и в саду.

Два появления героини: «тогда», на пожаре, и «сейчас», в ночном городе, графически создают ее портрет, в котором сходится живое и мертвое, родное и не-досягаемое, ощущение это усиливается тем, что в рассказе она называется то во втором лице («...я слышал запах твоих девичьих волос» (7; 38)), то в отдаленном третьем («Она в нем была таинственна» (7; 39)). Во втором лице — когда вспоминается живой Елец, и еще раз — у ее дома в мертвом городе: «Твой отец, твоя мать, твой брат — все пережили тебя, молодую, но в свой срок тоже умерли» (7; 39), одно притяжательное местоимение оживляет целую вереницу мертвых, а непоследовательность в употреблении местоимений уравнивает два различных мира — мир «тогда» и мир «теперь», в результате разделенные между собою память и сон сливаются в одно, подменяют друг друга, чем обеспечивается «множественная» модальность текста, особенно явная в сцене похорон.

Если считать сюжет «Позднего часа» сжатой вариацией на темы «Жизни Арсеньева» (в дневнике Бунина от 7 мая 1940 г. сохранилась запись: «“Поздний час” написан после окончательного просмотра того, что я так нехорошо назвал “Ликой”»²¹), то, по аналогии с романом, герой не должен был бы присутствовать на похоронах героини: в романе между Ликой и Арсеньевым происходит размолвка, и Арсеньев только спустя полгода узнает о смерти Лики. В рассказе нет развития отношений, подробностей судьбы героев, отмечены лишь вершинные ее моменты. Сюжет составляют пожар и ночные свидания: любовь в параллели к смерти заполняет весь текст. Сцена похорон героини как будто бы вставлена в сюжетную цепь отдельным звеном, но, с другой стороны, этой сцены как будто и нет: «Дует с полей по Монастырской ветерок, и несут навстречу ему на полотенцах открытый гроб, покачивается рисовое лицо с пестрым венчиком на лбу, над закрытыми выпуклыми веками. Так несли и ее» (7; 42).

---

²¹ Устами Буниных... Frankfurt a/M, 1982. Т. 3. С. 49.

Траурная процессия представляется сначала как «некое» обычное событие (так всегда происходит в этом городе, на этом кладбище), но приближенное в ракурсе и выразительное описание лица «некоего» покойника меняет угол зрения, общий обзор превращается в конкретную картину, «некто» мертвый преображается в героиню, к живым портретам которой добавляется еще один — с «рисовыми лицом» и «выпуклыми веками». Ни разу Буниным не употреблены здесь слова «покойник», «мертвец», «мертвый», «чей-то» гроб оказывается гробом героини, но каждый (и герой-повествователь в первую очередь) может увидеть себя в том же положении, следовательно, одна и та же фраза может быть отнесена к разным лицам, к разным ситуациям, временам, меняться в модальности.

Понять, был ли герой на ее похоронах, был ли он с ней в момент ее смерти, повествование не позволяет, тем более что в самом начале «Позднего часа» есть указание на то, что рассказчик покинул родной город очень рано, в «девятнадцать лет». Похороны могут быть грезой рассказчика, вмещенной в его парижскую мечту о родине; сном во сне. Обычная условность бунинских развязок подталкивает к тому, чтобы считать (как, например, не без иронии делает это Д. Быков) идеальным завершением почти любого рассказа Бунина смерть героини, а лучше двойное самоубийство возлюбленных²². Но наряду с развязкой не менее важна сюжетная потенциальность, «перебор» разных возможностей развития сюжета возможностей, переходы из воспоминаний к образам воспоминаний, от конкретики фактов к потенциальному впечатлению от них.

Разноликость героини определяет характер повествования: «Поздний час», не содержа в себе ничего, кроме смутных упоминаний о свиданиях героев, тем не менее пунктиром намечает всю жизнь героини: от девичества к женственности и смерти. Отсутствие героини в пустом городе, мечта и воспоминания о ней, ее черное кружевное платье несут в себе семантику смерти, и в то же время текст обнаруживает и противоположное смысловое движение — по мере углубления в сон и воспоминания не только усиливается осознание смерти и утраты, но и, наоборот, героиня все больше оживает, а ее любовь к герою (и его к ней) набирает силу. Оживание героини происходит в сознании героя, рассказ идет о нем и от его лица, а между тем возникает иллюзия, что не герой, а героиня и ее таинственный тихий город скрывают причину происходящего с ним²³. Ушедшие из земного бытия героини Бунина никогда не исчезают, их биография продолжается, они будто бы существуют после смерти, меняются, продолжают возбуждать жалость и любовь. Вспомним последние фразы «Жизни Арсеньева», которые, как и рассказ «Поздней ночью», могут считаться увертюрой «Позднего часа»: «Недавно я видел ее во сне — единственный раз за всю свою долгую жизнь без нее. Ей было столько же лет, как тогда, в пору нашей общей жизни и молодости, но в лице ее уже была

---

²² Об этом: Лекция Дмитрия Быкова «Поэзия в прозе. Иван Бунин» (25 сентября 2011 г.). URL: <http://www.youtube.com/watch?v=IXHGG5yEUn8> (дата обращения 26 ноября 2013 г.).

²³ Аналогичный пример можно видеть у Бунина, к примеру, в рассказе «Зимний сон», где главный герой, Ивлев, видит во сне учительницу, и далее все происходящее с учительницей и Ивлевым направляется уже не волей Ивлева, а будто бы его грезой-учительницей. См.: Капинос Е.В. Малые формы поэзии и прозы (Бунин и другие). Новосибирск, 2012. С. 37.

прелесть увядшей красоты. Она была худа, на ней было что-то похожее на траур. Я видел ее смутно, но с такой силой любви, радости, с такой телесной и душевной близостью, которой не испытывал ни к кому никогда» (6; 288). Сильной позицией героини обусловлено то, что материя памяти как бы освобождается от своего носителя, становится «независимой»: у Бунина не только герой-повествователь владеет памятью, воображением и героиней, но и они владеют героем, значит, рождаясь в сознании героя, героиня захватывает это сознание целиком.

Ряд лирических приемов «Позднего часа» обеспечивает «самостоятельность» и силу героини. Главный из них — ее связь с пространством. Свидание в саду Бунин вписывает в пейзаж, в «пестрый сумрак сада», похожий на тот «пятнистый тротуар», «сквозисто устланный черными шелковыми кружевами», по которым он идет теперь в этом воображаемом городе. Главная тема здесь, как и во всем рассказе, — взгляд, зрение, и на этом фоне другие мотивы необычайно возвышаются в своей значимости:

«И мы сидели, сидели в каком-то недоумении счастья. Одной рукой я обнимал тебя, слыша биение твоего сердца, в другой держал твою руку, чувствуя через нее всю тебя. <...>

А потом ты проводила меня до калитки, и я сказал:

— Если есть будущая жизнь и мы встретимся в ней, я стану там на колени и поцелую твои ноги за все, что ты дала мне на земле» (7; 40–41).

Можно сказать, что нынешнее воображаемое посещение рассказчиком города, в котором живет это воспоминание, — это прообраз той «будущей» встречи, которая им с героиней еще предстоит. Благоговением, преклонением перед бесценным даром любви и продиктован этот рассказ.

Сцена свидания в саду «прикрыта» ночной тенью, оставлена в полутьме, между тем визуальные мотивы выступают в ней на первый план, они-то и связывают героев с пространством, которое немо, но не слепо, даже напротив — оно как бы перенимает от автора/рассказчика способность остро видеть, автор/рассказчик будто несет на себе печать вселенского всевиденья²⁴. Обратим внимание на глаза героини: «...быстро подойдя, с радостным испугом встретил блеск твоих ждущих глаз» (7; 40) — это момент встречи; «Легкий сумрак и мерцание твоих глаз в сумраке» (7; 42) — это прощание. Все, что происходит между встречей и прощанием, описано в двух планах, и второй план открывается во взгляде героя: вверху справа «безгрешно сияет над двором месяц и рыбым блеском блестит крыша дома» (7; 40); слева он видит «...заросшую сухими травами дорожку, пропадавшую под другими яблонями, а за ними низко выглядывавшую из-за какого-то другого сада одинокую зеленую звезду, теплившуюся бесстрастно и вместе с тем выжидательно, что-то беззвучно говорившую» (7; 40–41). Герой как бы заимствует взгляд этой

²⁴ «Всевиденье», детальность, скульптурность и пластичность образов — это характерное качество прозы Бунина, о которой, к примеру, В. Вейдле пишет: «Все исполнено, все сотворено. Точно из первозданной глины вылеплены навек и толстая спина офицера “во всей его воинской сбре”, и “непорочно-праздничное платьице” Лики на балу, и ее “озабытие, ставшие отрочески сиреневыми руки”, и пугающий бедного Костеньку старухин мопс, “раскормленный до жирных складок на загривке...”» (Вейдле В. На смерть Бунина // Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы): Антология. М., 2010. С. 485).

звезды, дарящей ему широчайшую панораму, соединяющую любовный восторг со всем, земным и небесным, миром вокруг. Затем тот же взгляд зеленой звезды от героя передается героине: настолько близко сходятся в тексте «выглядывающая» звезда и «мерцание твоих глаз» (примерно так же, но гораздо более схематично построена кульминация рассказа «Поздней ночью», когда герой смотрит на парижское небо и через этот взгляд, блуждающий по далеким пространствам и видящий там Россию, воссоединяется с героиней, получает возможность возращения к ней).

Тема взгляда не только организует сцену свидания в саду, она значима для всего рассказа. Позволим себе вернуться к началу текста, ибо тема берет свое начало именно там. В «непроглядном небе» Парижа герой смотрит на свою родину и думает о ее истории и своей жизни: «...все началось, протекло и завершилось на моих глазах, — так быстро и на моих глазах!» (7; 40). Финитный смысл этой фразы намекает на то, что и страна, о которой идет речь, и все ее обитатели в некотором смысле уже окончили свой земной путь, как тот покойник, «рисовое лицо» которого с «закрытыми выпуклыми веками» покачивается в гробу. Между тем повествователю дана возможность откуда-то издалека увидеть свой город, «взглянуть на гимназию» (7; 39), на «все вокруг, насколько хватало глаз» (7; 42), «взглянуть и уйти уже навсегда» (7; 41). Что касается героини, то в проекции на нее тема взгляда подпитывается традиционной семантикой классической легкой и элегической поэзии. Рассказчик помнит «черные молодые глаза» (7; 39) возлюбленной, ее «ясный взгляд» (7; 40), о его любви и о ней самой говорит «одинокая зеленая звезда» (7; 41). «Большеглазый Спас в ржавом окладе» (7; 41), невидимо глядящий на рассказчика с иконы в Скобянном ряду, и звезда замыкают цепь визуальных мотивов, благодаря которым герой и героиня соотносятся с городом, небом, Творцом, безмерно расширяя границы своего «я».

Восход звезды играет роль завершающего аккорда кульминации и финала, звездою уравниваются сад и кладбище — локусы двух бытийственно разделенных свиданий. Предутренняя одинокая звезда, как и город, не названа ни в первом, ни во втором случае, однако, как и город, ее можно безошибочно опознать — это Сириус, чье появление на ночном небосклоне отмечает самый поздний, предутренний час ночи. Одна и та же звезда соединяет героя и героиню через предел земной жизни, через время и пространство. Именно с этой, дважды восходящей в рассказе звездой, связаны и другие лейтмотивы текста: ночь «Позднего часа» освещена месяцем, он светит и в самом начале, где месячный свет ловят глазницы-иллюминаторы парохода, стоящего на знакомой и вместе с тем неузнаваемой реке (это «вообще река» — «так было и на Ниле»), тот же месяц «сияет над двором» в саду. В свете месяца кружево мостовой в вечернем городе рисует образ героини в ее черном вечернем платье («Я шел — большой месяц тоже шел, катясь и сквозя в черноте ветвей зеркальным кругом; широкие улицы лежали в тени...» (7; 38)), и та же кружевная тень от листьев лежит под деревьями на кладбище: «Месяц стоял за деревьями уже низко, но все вокруг, насколько хватало глаз, было еще ясно видно. Все пространство этой рощи мертвых, крестов и памятников ее узорно пестрело в прозрачной тени» (7; 38).

Месяц, как и Сириус, уравновешивает разрозненные картины, события, времена и пространства рассказа. Бунин был чрезвычайно внимательным наблюдателем небесных светил, их образы исследованы буниноведами уже довольно подробно²⁵. Не повторяясь, укажем лишь на ту же самую звезду в «Жизни Арсеньева»: «...где белеет, серебрится широко раскинутое созвездие Ориона, а ниже в светлой пустоте небосклона, остро блещет, содрогается лазурными алмазами великолепный Сириус, любимая звезда матери...» (6; 100–101). В этом отрывке намечена еще одна линия схождения «Позднего часа» с романом, добавляя к коннотатам «женского» еще и компоненты материнского, семейного, родственного («Да и у меня все умерли, и не только родные, но и многие, многие, с кем я, в дружбе или приятельстве, начинал жизнь...» (7; 39–40)). Весь рассказ целиком, а не только его последняя, кладбищенская сцена, — это уплотненный концентрат элегических тем, самым непосредственным образом соотнесенных с рассказчиком, с его судьбой, семьей, с его близящейся к концу жизнью.

В описании кладбища можно обнаружить несколько сильных приемов, которые воспринимаются совместно и организуют такой финал, перед которым нивелируется и под который «подстраивается» все предыдущее содержание рассказа. Кроме Сириуса, внимание останавливает надгробный камень: «...передо мной, на ровном месте, среди сухих трав, одиноко лежал удлиненный и довольно узкий камень, возглавием к стене» (7; 43). Слова «удлиненный», «узкий» синонимичны эпитетам траурного портрета героини, ее «длинному, стройному» платью, «тонкому стану» в той сцене, где она появляется в тенях ночного города. Благодаря сходству эпитетов здесь, на кладбище, воспоминание становится еще более живым, герояня, лежа в могиле, вновь почти оживает. Отметим, что неявное, «призрачное» присутствие «влюбленной тени» — это одна из обычных элегических тем, как, например, в пушкинском «Заклинании»:

Приди, как дальняя звезда,
Как легкой звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне все равно, сюда! сюда!²⁶

Холодный месячный свет²⁷ (еще более яркий оттого, что Бунин использует редчайший эпитет, а не привычный «лунный свет» или генетивную конструкцию «свет месяца») гармонирует в рассказе с мотивами камня, немоты, скован-

²⁵ О звездах в рассказе «Поздней ночью» со ссылкой на А. Смирнова (Треплева) (Смирнов (Треплев) А. Театр душ: Критические этюды. Воспоминания. Письма / сост., подгот. к публ., вступ. ст. и comment. М.А. Перепелкина. Самара, 2006. С. 338) пишет Т.В. Марченко (Марченко Т.В. Парижский текст Ивана Бунина: прелюдия в лунном свете); см. также: Тер-Абрамянц А.П. Созвездия Ивана Бунина: (Образы звездного неба в творчестве Бунина) // И.А. Бунин и русская литература XX века. М., 1995.

²⁶ Пушкин А.С. Сочинения. Л., 1936. С. 419.

²⁷ Правда, однажды, в живом Ельце, в счастливую ночь свидания даже этот свет греет: «...задремал с трубкой в зубах стариk, греясь в месячном свете» (7; 40).

ности, тяжести, застывания. К последней фразе текста: «Из-за стены же дивным самоцветом глядела невысокая зеленая звезда, лучистая, как та, прежняя, но немая, неподвижная» (7; 43), — незаметно подводит целая серия словосочетаний с разнообразнейшей «риgidной» семантикой: «Мост... даже не каменный, а какой-то окаменевший» (7; 37), «...золотыми столбами: пароход точно на них стоял» (7; 38), (7; 38), «...улицы лежали в тени» (7; 38), «...все осталось таким, как полвека назад; каменная ограда, каменный двор, большое каменное здание во дворе» (7; 39). Тень немоты и неподвижности лежит как на городе с его каменной мостовой, так и на герое, который, бродя по ночным улицам, то и дело останавливается, встречаясь с видениями собственной памяти: «...я ел на тумбу возле какого-то купеческого дома, неприступного за своими замками и воротами» (7; 40). На кладбище едва не останавливается его сердце: «...вся голова у меня сразу оледенела и стянулась, сердце рванулось и замерло... Что это было? Пронеслось и скрылось. Но сердце в груди так и осталось стоять» (7; 42–43), с «остановившимся сердцем, неся его в себе как большую чашу» (7; 43), герой оказывается возле могильного камня.

Камень лежит возглавием к звезде так, словно и лежащая под ним тоже повернута к звезде. И в кладбищенской сцене, и во время свидания в саду широкая пейзажная горизонталь уравновешивается низкой вертикалью: герой и его возлюбленная тогда и теперь смотрели и смотрят на ту же звезду, но в то же время как бы оттуда, вместе с ней глядят на мир, заполняя собой все лирическое пространство.

Для поэтики Бунина характерно, что точные описания, соотносимые с узнаваемыми елецкими реалиями, обобщаются не только в силу символичности и условности локусов и топонимов, но и благодаря поэтическим подтекстам формально-романтического содержания. Эта обобщенность может быть воспринята как черта «лирической неопределенности», о которой пишет в связи с данным текстом В.П. Скобелев²⁸. Выше уже отмечалось, что за «Поздним часом» стоит обширный пласт элегики, в нем можно уловить отголоски мотивов «возвращения на родину», встречи с возлюбленной за гробом; даже общий меланхолический тон рассказа и его центральный образ звезды, — все это продиктовано элегическими правилами. Мы не станем представлять здесь весь кластер поэтических подтекстов «Позднего часа», остановимся лишь на тех, что идут от Жуковского — поэта, с которым Бунина связывает поэтическое и кровное родство.

Самый очевидный подтекст из Жуковского — это стихотворение «Лалла Рук», в котором из-за вполне явленного герою облика молодой женщины встает ангелоподобный «призрак» — «гений чистой красоты», «обитающий» не с нами, не в нашем мире, но вдохновением «животворящий» земной мир.

---

²⁸ «На усиление субъективного начала в сюжете повествования работает и применяющийся в “Позднем часе” принцип неопределенности, составляющий, как известно, один из основополагающих признаков лирического рода, лирического мышления» (Скобелев В.П. К соотношению эпического и лирического в сюжетно-композиционной системе бунинской новеллы эмигрантского периода («Поздний час»). С. 33).

А когда нас покидает,
В дар любви, у нас в виду
В нашем небе зажигает
Он прощальную звезду²⁹.

Все это очень похоже на сюжет «Позднего часа», а «восточные», экзотические мотивы «Лаллы Рук» слегка подсвечивают восточные темы Бунина, которые становятся у него все настойчивее от раннего к позднему периоду и несут не орнаментальную, а философскую нагрузку. Находясь во Франции, Бунин еще острее, чем на родине, ощущает Россию азиатской страной, история которой исходит из древности монгольского ига («Мост... окаменевший от времени... гимназистом я думал, что он был еще при Батые» (7; 37)) и заканчивается в огне «азиатчины» (...глаз отвык от России; еще раз с ужасом убедился, какая мы Азия, какие монголы!»³⁰).

Второй довольно явственный подтекст — «Сказка о царе Беренде», где Иван-царевич и Марья-царевна, убегая от Кощея, обращаются то речкой с мостиком, то дремучим лесом, то церковью с монахом. Топографические метаморфозы «Сказки...» напоминают ландшафт «Позднего часа» с его мостами, садами, кладбищенской рощей и церквями, а также повороты излюбленных бунинских сюжетов, среди которых есть и погони («Баллада», «Волки»), и сказочный автор-персонаж Иван с реальным именем Бунина (Иоанн Рыдалец). Заключительная часть сказки Жуковского повторена во всем сюжете «Позднего часа»: Иван-царевич из «Сказки...» видит перед собой неизвестно откуда взявшийся чудесный город:

...уж склонялось
Солнце к закату, и вдруг в вечерних лучах перед ними
Город прекрасный. Ивану-царевичу смерть захотелось
В этот город заехать...³¹

Рискуя не вернуться обратно из этого волшебного места («Заехать нетрудно, да трудно / Выехать будет...») и предать забвению все, что лежит за его пределами, Иван-царевич все-таки входит в «город прекрасный», а Марья-царевна, обернувшись «белым камнем», ждет его возвращения (...ступай, а я здесь останусь / Белым камнем лежать у дороги...). Так и героя «Позднего часа» белым камнем у дороги ждет его возлюбленная: ей обещана встреча «в будущей жизни» (7; 41).

Многослойный подтекст из Жуковского проявляет некоторые новые черты и в географии «Позднего часа», ведь с этими, родными для Бунина местами, пусть и не напрямую, но связана биография Жуковского: его отец, помещик А.И. Бунин,

---

²⁹ Жуковский В.А. Сочинения. М., 1954. С. 92.

³⁰ Устами Буниных... Т. 2. С. 84.

³¹ Жуковский В.А. Сочинения. С. 199.

владел имением Мишенское (где и родился Жуковский) в Тульской³² и землями в Орловской губернии, к которой в XIX в. относился Елец. В «Позднем часе» с удивительной точностью изображен реальный, доныне сохраняющий свой прежний облик город, но одновременно это сказочно-литературное и будто бы заколдованное место, в котором хранится самая драгоценная часть души и героя рассказа, и его автора.

* * *

Мы рассмотрели два тематических центра рассказа «Поздний час»: один со-пряжен с городом, другой — с героиней. И героиня, и город — создание мечты рассказчика, картина его памяти и воображения. Эта картина образует отдельный мир с удвоениями, умножениями пространств и мотивов, со сложной временной и модальной структурой; мир, куда уже вписана история России первой половины XX в.

---

³² «Большая Выра, изобильная водою и глубокая при мельничных плотинах, не протекает собственно в Мишенском, а, прихотливо извиваясь, омывает вблизи сочные, богатые могучей растительностью луга этого села, прилегающие к Большой Болховской (Орловской губернии) дороге и изобилующей своими преданиями Васьковой горе», — пишет о расположении Мишенского П.М. Мартынов (см.: Мартынов П.М. Село Мишенское, родина В.А. Жуковского // В.А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999. С. 488).

T.B. Марченко

«КТО КАК СТРЕЛЯЕТСЯ, ТАКОВ ОН И ЕСТЬ...»: GESTUM BUNINI
(К ИНТЕРПРЕТАЦИИ РАССКАЗА И.А. БУНИНА «КАВКАЗ»)

I

В последние предвоенные годы, став нобелевским лауреатом, но неудачно распорядившись деньгами, Бунин поневоле много ездит, выступает, зарабатывает литературными чтениями. Посетив в декабре 1936 г. Англию и Швейцарию, зимние месяцы 1937 г. Бунин проводит в Париже, где отмечается пушкинский юбилей, сто лет со дня рокового выстрела на Черной речке. 1 февраля В.Н. Бунина кратко записывает в дневнике: «Вчера на Пушкинском вечере было больше 400 человек. Ян читал очень хорошо»¹. Далее М. Грин, публикатор дневников Буниных, откуда почерпнута цитата, делает очередную купюру, которыми вообще пестрит воспроизведение записей Веры Николаевны за 1937 г. Чуть ниже сообщается, что «единственная запись Бунина за этот год написана по пути в Югославию в Венеции». Запись носит брюзгливый характер и вполне отражает настроение Бунина этого времени: «Нынче был на Лидо. Огромно, гадко, скучно»². В Белграде и Любляне Бунин побывал в последней декаде августа³. Собравшись с силами во Франции, в начале 1938 г. писатель предпринимает турне по Прибалтике⁴. В 1937 г. вышел в свет трактат «Освобождение Толстого», в 1938 г. — заключительная часть «Жизни Арсеньева» под названием «Лика». Рассказов в конце 1930-х гг. написано и напечатано немного, и среди них — «Кавказ», позже вошедший в книгу «Темные аллеи» и помещенный на второй позиции в первом разделе, сразу после титульного рассказа⁵.

---

¹ Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Frankfurt a/M, 1982. Т. 3. С. 23.

² Там же. С. 24.

³ О пребывании Бунина в Югославии (Белграде и Любляне) см. статью Бобана Чурича «Буњин 1937. године у Београду» в кн.: *Буњин Б. Из живота руског Београда*. Београд, 2011. С. 148–157. 16 августа Бунин, между прочим, сообщал П.М. Бицилли: «...через два-три дня я еду в Сербию, буду там сперва купаться на Адриатическом берегу, потом побываю в Белграде, в Любляне, в Загребе...» (Переписка И.А. Бунина и П.М. Бицилли (1931–1951) / вступ. ст. Т. Двинягиной; публ. Т. Двинягиной и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. II / сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. М., 2010. С. 142).

⁴ См. подытоживающую монографию: *Бакунцев А.В. И.А. Бунин в Прибалтике: Литературное турне 1938 года*. М., 2012.

⁵ Х. Реезе, привлекая к рассмотрению семь авторских проектов книги, проанализировала «процесс формирования и модификации» сборника «Темные аллеи» с начала 1941 г. (рукопись, посланная М.А. Алданову и легшая в основу первого, нью-йоркского издания 1943 г.) до внесения автором в 1953 г., незадолго до смерти правки в парижское издание 1946 г. Немецкая исследовательница соста-

Полностью автограф «Кавказа» не сохранился. В бунинском фонде РГАЛИ отложились два черновых автографа — первый вариант (треть будущего рассказа) и второй вариант — перепечатка первого с рукописным завершением, но без знаменитой загадочной концовки («выстрелил себе в виски из двух револьверов»)⁶. Первый вариант «Кавказа», с незначительной стилистической правкой на одном дыхании написанного текста, содержит только два первых фрагмента рассказа, действие которых происходит в Москве. Автограф написан чернилами, тогда как название — «Кавказ» — и краткая помета справа сверху страницы («К ½ рукописи 2 стр<аницы> на машинке») вписаны простым карандашом; дата в верхней части первой страницы также внесена в иное время — ручкой с очень бледными чернилами. Кроме того, нумерация (четыре страницы на двух оборотных листах), некоторые заметки на полях и подчеркивания в тексте сделаны красным карандашом.

Второй вариант состоит из двух частей: первые две страницы перепечатаны на машинке, и в них внесена существенная содержательная правка. Прежде всего это касается мест, отчеркнутых в первом варианте красным карандашом. Страницы 3–6 — рукописные, и этот вариант содержит почти полный текст рассказа, но без финала. Оба автографа полностью написаны (второй частично напечатан) на одинаковых листочках в клеточку, вынутых, но не вырванных из блокнота. Рукописная часть текста покрывает листы с обеих сторон, практически без полей (Бунин пишет через строку, оставляя место для правки). Фраза на последнем сохранившемся листе обрывается на середине, заключительные строки рассказа должны были быть написаны на отдельном листочке; финал, очевидно, был утерян после перепечатки рассказа набело. Названия у рассказа во втором варианте нет.

Начало работы над рассказом помечено 18 сентября 1937 г.⁷; в качестве даты завершения рассказа воспроизводится при перепечатках рассказа 12 ноября 1937 г.⁸, что крайне сомнительно, поскольку 14 ноября рассказ уже был опублико-

---

вила сводную таблицу, которая наглядно иллюстрирует работу Бунина над окончательным содержанием сборника (см.: Reese H. Ein Meisterwerk im Zwielicht: Ivan Bunins narrative Kurzprosaerwerbung *Temnye allei zwischen Akzeptanz und Ablehnung* — eine Genrestudie. München, 2003. (Slavistische Beiträge 424). S. 409–411). Раздел I претерпел наименьшие изменения; рассказ «Кавказ» занимает в нем неизменную вторую позицию, вслед за титульными «Темными аллеями».

⁶ РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 87 (четыре рукописные страницы), 88 (шесть машинописных страниц с правкой от руки). Последняя страница (Ед. хр. 88. Л. 6) обрывается на середине фразы: «На другой день по приезде».

⁷ В сводной алфавитной таблице рассказов Бунина, созданных с 1936 по 1949 г., Х. Реезе верно указывает проставленную Буниным дату написания «Кавказа» в графе «Дополнительные замечания»; однако в графах «Дата [создания] рукописи / машинописи, место архивного хранения» пропущена ничем не подтвержденная и неизвестно где почерпнутая дата «04.09.1937» (скорее всего, это ошибка; см.: Reese H. Ein Meisterwerk im Zwielicht. S. 402). В архивном деле РГАЛИ (Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 88) отмечена крайняя дата: 18 сентября 1937 г., а также количество документов: 2; количество листов: 10. Общая пагинация отсутствует, на листах простояны красным карандашом страницы для каждого из вариантов соответственно. В настоящей работе страницы первого варианта нумеруются с 1 по 4, страницы второго варианта — с 5 по 10.

⁸ Предположение немецкой исследовательницы, что дата возникла из машинописи статьи А. Седых для «Нового русского слова», малоубедительно (ср.: Reese H. Ein Meisterwerk im Zwielicht. S. 402).

ван в газете «Последние новости» (№ 6077). И дата начала работы над рассказом, и дата его первой публикации интригуют: едва вернувшись в Грасс после изнурительной поездки (жара, переезды, выступления, интервью, банкеты), Бунин сразу практически набело пишет и вскоре публикует рассказ. Заехав на один из самых модных благоустроенных курортов на Адриатике и испытав лишь неудобство и досаду, Бунин слагает гимн дикому Черноморскому побережью Кавказа, и потому маловероятно, что написать рассказ его подвигли свежие приморские впечатления⁹.

В 1937 г., когда был написан «Кавказ», в эмиграции, как и в советской России, широко и торжественно праздновали мрачный юбилей.

Пушкина не стало 29 января 1837 г. 23 февраля Александр Бестужев-Марлинский, предчувствуя собственную скорую гибель, отслужил на могиле Грибоедова панихиду по двум своим убиенным тезкам¹⁰: 7 июля автор «кавказских повестей» погиб (тело его исчезло) в стычке при мысе Адлер. 25 февраля того же года был вынесен приговор по делу корнета Лермонтова, автора «непозволительных стихов», и в марте он отправился в действующую армию на Кавказ. В тот все еще таинственный, экзотический по природе край, к которому Лермонтов обращался еще совсем мальчиком: «Как я любил твои бури, Кавказ! Те пустынные громкие бури, которым пещеры как стражи ночей отвечают!.. На гладком холме одинокое дерево, ветром, дождями погнутое, или виноградник, шумящий в ущелье, и путь неизвестный над пропастью, где, покрываясь пеной, бежит безымянная речка, и выстрел нежданный, и страх после выстрела: враг ли коварный, или просто охотник... все, все в этом крае прекрасно!»¹¹ Процитированный второй фрагмент сти-

⁹ Любопытно, что одному из интервьюеров, интересовавшихся поездкой Бунина на Балканы, писатель прямо заявил, что ехал «к теплому морю с единственной целью отдохнуть, полежать на горячем песке под палиющим солнцем...» (Рыбинский Н. Писатель о поездке на юг // Сегодня. 1937. 1 сент.). Однако оба курортных берега Адриатики в пик сезона разочаровали Бунина многолюдством и отсутствием свободных мест в отелях. Загадочным выглядит, впрочем, само желание ехать к морю — от моря: все то, что Бунин напрасно искал на Адриатическом побережье, находилось в двадцати минутах езды от Грасса, на Лазурном Берегу. Ото всей этой поездки так и веет бегством. Несколько месяцев спустя Бунин вспоминает в письме к Бицилли о «небывалой погоде» в Сербии в конце лета — «“лютые” холода и дожди» (Переписка И.А. Бунина и П.М. Бицилли (1931–1951). С. 146), так что о свежих морских впечатлениях говорить действительно не приходится.

¹⁰ А.С. Грибоедов, русский посол в Персии, был убит в Тегеране 30 января (11 февраля) 1829 г. Бестужев-Марлинский писал брату 23 февраля 1837 г.: «Меня глубоко потряс трагический конец Пушкина, дорогой Павел... Я всю ночь не сомкнул глаз и на восходе солнца уже ехал по крутой дороге, ведущей к монастырю святого Давида, который ты знаешь. Приехав туда, зову священника и служу панихиду на могиле Грибоедова, на могиле поэта, попранной ногами черни — без надгробного камня, без надписи на нем. Я плакал тогда — как и сейчас плачу — горячими слезами, плачу о друге, о товарище по оружию, о себе самом; и когда священник протяжно провозгласил: “за убиенных боляр Александра и Александра”, я чуть не задохся от рыданий — эти слова показались мне не только воспоминанием, но и предсказанием... Да, чувствую я, что смерть моя тоже будет и насильственной и необычайной — и близкой...» (Нечкина М. Грибоедов и декабристы. Изд. 3-е. М., 1977. С. 623).

¹¹ «Синие горы Кавказа, приветствую вас!..» (1832), второй фрагмент. Цит. по: Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4 т. М., 1957. Т. 1: Стихотворения. С. 266. Ср. с этим юношески восторженным воскликанием восемнадцатилетнего поэта дневниковую запись семидесятилетнего Бунина о Средиземноморских Альпах: «Сидел на плетеном разрушающемся кресле, смотрел на легкие и смутные как дым горы за Ниццей... Райский край! И уже сколько лет я его вижу, чувствую!» (Устами Буниных. Т. 3. С. 45. Запись от 21 июня 1940 г.)

хотоврения в прозе «Синие горы Кавказа, приветствую вас!..» (1832) стилистически и текстуально близок началу поэмы «Измаил-Бек», о которой семидесятичес-тырехлетний Бунин так отзовется в дневнике: «...перечитывал (давно не читал) “Восточные повести” Лермонтова <...> Совершенно детский, убогий вздор, но с замечательными проблесками»¹². Элементы процитированного лермонтовского пейзажа, как и «нежданный выстрел», свободно и органично вплывены в ткань бунинского «Кавказа».

Сам Бунин никогда не был в той части Черноморского побережья, которое описано в рассказе.

«Кавказ, территория между Черным, Азовским и Каспийским морями. <...> На Кавказе — крупные курортные районы (Кавказские Минеральные Воды, курорты Черноморского побережья), центры туризма и альпинизма, — сообщает современная «Бунинская энциклопедия». — В июне 1904 г. Бунин с братом Юлием и племянником Дмитрием Пушешниковым, по его словам, “восемнадцать дней шатался по Кавказу, измучился от жары и поспешил снова в деревню”, о чем и писал М.П. Чеховой 5 июля из Огневки¹³. Кавказ упоминается Буниным в повести “Деревня”, в рассказах “Далекое”, “Алексей Алексеевич”, “Под серпом и молотом”, в повести “Митина любовь”, в статьях “Маяковский”, “Думая о Пушкине”, “Александр Клягин”, “Мы не позволим”»¹⁴.

Раскрывая замысел «Кавказа», писатель, между прочим, признавался: «...на Кавказском побережье я <...> никогда не был, — был только в Новороссийске и в Батуме, видел прочее побережье только с парохода»¹⁵. Однако и сам Бунин, и его критики и исследователи обычно подчеркивают исключительную точность его описаний *nature vive*. Умение словесно запечатлеть внешний мир во всем его многообразии и подробностях обыкновенно приписывают не художественному вымыслу, а фактографическим свойствам памяти писателя. Бунин, впрочем, опровергал расхожее мнение о своей способности фиксировать в памяти, а затем воспроизводить явления окружающего мира в их мельчайшей детализации: «Еще: как часто

¹² Устами Буниних. Т. 3. С. 168. Запись от 10 августа 1944 г. Когда в 1928 г. в зарубежье было задумано издавать романы-биографии (из замыслов были осуществлены, в частности, «Тургенев» Зайцева и «Державин» Ходасевича), то Бунину, согласно В.Н. Буниной, «предлагали Толстого, Чехова, Мопассана, но он согласился на Лермонтова» (Устами Буниних. Т. 2. С. 189). Комментируя дневниковую запись, М. Грин утверждает, что Бунин «начал собирать материалы к этой неосуществленной книге» (Устами Буниних. Т. 2. С. 305).

¹³ С.Н. Морозов в «Летописи жизни и творчества И.А. Бунина» (Т. I: 1870–1909. М., 2011) сообщает самые неопределенные сведения об этом путешествии. Кажется, письмо М.П. Чеховой (в «Летописи...» процитированное на с. 543) — единственное мало-мальски достоверное свидетельство о кавказской поездке Бунина. Даты отъезда и возвращения неопределены: «июнь, начало» (с. 541) и «июнь, конец». Сохранилась посланная Н.Д. Телешову 14 июня открытка из Порт-Петровска (Махачкалы) и авторская дата под записью стихотворения «Луна полночная глядит...»: «Ночь на пароходе в Касп. море. Июнь 1904 г.» (с. 541; С.Н. Морозов конкретизирует эту ночь серединой июня). Однако Каспий — это восточный Кавказ, отличающийся и по климату, и по природным красотам, и по населению и освоенности от Черноморского побережья.

¹⁴ Бунинская энциклопедия / авт.-сост. А.В. Дмитриев. Липецк, 2010. С. 291.

¹⁵ Цит. по: [Бабореко А.К.] Комментарии / Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1967. Т. 6: 1927–1952. С. 621.

писали обо мне: “Какая у Бунина удивительная память! Как помнит он в своем прошлом цвета, запахи, лица, пейзажи” — и т. д. Так, да не так: я плохо помню *частности* пережитого, виденного, зато воспринимаю очень сильно *общее*, из которого и рождаются мои вымыслы...»¹⁶ И в процитированном письме Ю.Л. Сазоновой от 6 апреля 1953 г., в других письмах тому же адресату, а также в эпистолярных признаниях эстетически чуткому П.М. Бицилли¹⁷ Бунин поясняет особенность своего творческого дара — мгновенное появление художественного замысла от чужой стихотворной строчки, мелькнувшей книжной иллюстрации, газетного заголовка, пригревшегося пейзажа, быть может никогда и не виденного.

Принимая во внимание и широкий круг знакомств Бунина, многие друзья которого могли рассказывать ему о Кавказе, и его длительное, а в годы написания «Темных аллей» — постоянное проживание в Приморских Альпах, в непосредственной близости от Средиземного моря, можно думать, что в качестве источников кавказского пейзажа могли быть чужие устные рассказы и воспоминания, а также впечатления от близкой по климату природы Côte d'Azur. В поисках аргументов для этого утверждения стоит обратиться к книге путевых заметок «Лазурный берег России» (1909) французского геодезиста Эдуара Мартеля, побывавшего в Крыму и на Кавказе в 1903 г.¹⁸

Деловая поездка сочеталась у Э. Мартеля с активным туризмом по полудиким местам и пристальным вниманием ко всему, что встречалось на пути. Мы еще перелистаем страницы этого обширного и яркого путевого очерка¹⁹, пока же продемонстрируем, как глазам француза, хорошо знакомого с французскими средиземноморскими курортами, открылась русская Ривьера. Э. Мартель дает характеристику увиденным им новым курортным городам — именно в этих городах будет искать неверную жену герой бунинского «Кавказа». «Геленджик — стоящий в глубине одноименной бухты, пляжи и морские купания, особенно популярные среди публики, принадлежащей к среднему классу»²⁰; «Сочи — лежащий приблизительно на равном расстоянии от двух больших портов Новороссийска и Поти, между пляжем и холмами, откуда открывается величественная панорама снежных гор, представляет поразительную аналогию с Каннами на Лазурном Берегу своим местоположением и общим обликом... Это будет любимейшее место отдыха и спокойной курортной жизни»²¹; «Гагра — роскошное творение <...> выросшее из земли с фантастической скоростью всего за год. На дороге в Сухум она

¹⁶ «Драгоценная скучность слов»: Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Ю.Л. Сазоновой (Слонимской) (1952–1954) / вступ. ст. К. Триббла; публ. К. Триббла, О. Коростелева и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. II. С. 327.

¹⁷ См.: Переписка И.А. Бунина и П.М. Бицилли (1931–1951) / вступ. ст. Т. Двинягиной; публ. Т. Двинягиной и Р. Дэвиса / Там же. С. 121, 130, 133, 136, 161.

¹⁸ Martel É. A. La Côte d'azur russe: Riviera du Caucase. Р., 1909. Эдуар Альфред Мартель (Martel; 1859–1938) — выдающийся французский географ, геодезист, основатель спелеологии.

¹⁹ Цитируя его по недавно вышедшему изданию (включившему в себя оригинальный текст не полностью): Мартель Э. Кавказская Ривьера: По югу России и по Абхазии. М., 2004.

²⁰ Там же. С. 9.

²¹ Там же.

будет подобием Монте-Карло, привлекающим аристократию и финансовую верхушку, полной противоположностью Сочи как по географическому положению, так и по составу общества»²². Отметив это сходство двух побережий — двух ривьер, французский путешественник замечает о Сочи: «Сравнение напрашивается само собой <...> это Прованс, вид с моря, на Эстерель, на Канн, на залив Жуан с Приморскими Альпами, менее снежными и в два раза дальше отстоящими от берега (80 км вместо 40)»²³. Это как раз те места, где Бунин прожил четверть века.

И все же для Бунина не было необходимости глядеть в окно, чтобы с натуры Лазурного Берега списывать, «воспоминая с грустью, иные берега, иные волны». В рассказе создан не фактографически точный кавказский пейзаж — а образ Кавказа, в котором не последнюю роль играет русское литературное представление о нем.

Сопоставляя рассказ В. Набокова «Весна в Фиальте» с чеховской «Дамой с собачкой», М. Шраер замечает: «В 1936 году, сочиняя Фиальту — узнаваемый, хотя и вымышленный курорт, Набоков воспользовался опытом своего предшественника по слиянию атрибутов крымского и средиземноморского побережья в языке и описаниях пространства рассказа. Художественный метод Чехова заключался в смешении его собственных воспоминаний с наслоениями коллективной памяти, хранящейся в языке»²⁴. Это замечание можно было бы отнести и к Бунину, если уточнить, что речь в его случае должна идти не только и не столько о языке вообще, сколько о языке художественной литературы. Разумеется, метаязык русской и мировой литературы вообще был одним из важнейших средств создания русской литературы; смелые новаторы столь же смело черпают из общелитературного источника. Приведем хрестоматийный пример, блистательно разобранный В.В. Виноградовым: «В “Повестях Белкина” Пушкин рисует новые узоры по старой канве: характерные сентиментальные и романтические сюжеты наполняются живым культурно-историческим и общественно-бытовым содержанием и перерабатываются по законам реалистического стиля»²⁵. В отличие от Набокова Бунин не вуалирует создаваемый топос, а, напротив, подчеркивает его географическую определенность. Название бунинского рассказа мгновенно вводит в круг кавказской тематики русского романтизма, текстов Пушкина, Лермонтова, Марлинского, чего автор, по всей видимости, и добивался.

В литературе русского модернизма кавказский литературный контекст вообще без труда узнаем, ср.: «Первое стихотворение Пастернака, связанное с Кавказом, прямо имеет в виду лермонтовскую романтическую традицию»²⁶. «Осознание поездки на Кавказ как своего рода поэтического паломничества, вызывающего ассоциацию с нисхождением Данте в ад — ассоциацию, подкрепляемую

---

²² Мартель Э. Кавказская Ривьера. С. 10.

²³ Там же. С. 56.

²⁴ Шраер М.Д. Набоков: темы и вариации. СПб., 2000. С. 88.

²⁵ Виноградов В.В. Стиль прозы Лермонтова // Литературное наследство. Т. 43–44: М.Ю. Лермонтов: в 2 кн. / Институт литературы (Пушкинский дом) АН СССР; отв. ред. П.И. Лебедев–Полянский, зав. ред. И.С. Зильберштейн. М., 1941. Кн. 1. С. 564.

²⁶ Иванов Вяч.Вс. Литературные параллели кавказским стихам Пастернака // Культура русского модернизма: Статьи, эссе и публикации. В приношение В.Ф. Маркову. М., 1993. С. 158.

экзотическим колоритом кавказского пейзажа, имело давнюю и богатую литературную традицию. Эта традиция восходила к двум путешествиям на Кавказ Пушкина, относившимся к 1820 и 1829 году», — указывает Б. Гаспаров, обратившись к изучению реминисценций из пушкинского «Путешествия в Арзум» в «Путешествии в Армению» О.Э. Мандельштама и заметив о «символической» поездке последнего: «Поэтическое паломничество Мандельштама совершается как бы по столетним следам пушкинского путешествия на Кавказ»²⁷. У Бунина осуществить подобное путешествие возможности не было.

Литературные турне Бунина по Европе в 1936–1938 гг. словно призваны наверстать те полтора десятка лет, что были безвыездно проведены в Париже и Грассе. Не имея возможности повторить пушкинские маршруты в России и на Кавказе, Бунин словно осуществляет невоплощенные пушкинские мечты о заграничных путешествиях — изгнаник из России и ее узник оказываются в зеркально симметричных условиях. С навязчивой зеркальностью повторяются мотивы — и жизни, и творчества; пушкинский « побег » в « обитель дальнюю » у эмигранта Бунина оборачивается иным бегством, в том числе и от пушкинских торжеств. Пушкин в середине 1930-х гг. преследовал Бунина неотступно.

«Всем известно, что в 1937 году отмечалось 100-летие со дня гибели А.С. Пушкина. И какую страну Русского Рассеяния ни возьми, везде мы находим информацию о том, что по инициативе выдающихся представителей русской эмиграции там-то и там-то был сформирован Пушкинский комитет»²⁸. Судьба Пушкина словно примеряется каждым русским изгнаником на себя и каждому оказывается впору. Пушкин — это еще и общее наследие, общий и «величайший» предок. «Пушкинская годовщина в 1937 году является событием огромной важности, — попытался выразить эти общие чувства Б.Л. Бразоль в американской газете «Россия». — <...> Воистину, на Пушкине могут и должны соединиться и братским целованием сродниться все, в ком имеется хоть крупица русскости, хоть зерно не мудрствующей лукаво, а здоровой любви к нашей Родине, сыновней нежности к ее прошлому, бодрой веры в ее будущее»²⁹. Русский юрист из Америки уверен, что Пушкин прочно вошел «в сознание каждого из нас», т. е. всех русских людей без различия возрастов и занятий, а «благословенные его напевы так неразрывно переплелись с дорогими воспоминаниями отроческих наших дней, так тесно спаяны с нашими заветными мечтами и думами о России, что мы просто не можем, не умеем, не смеем отделить наше бренное бытие от его лучезарного облика»³⁰.

К кому же можно приложить сказанное с большей справедливостью, если не к русскому писателю, который за несколько лет перед тем посвятил главу своего

---

²⁷ Гаспаров Б. Тридцатые годы — железный век: (К анализу мотивов столетнего возвращения у Мандельштама) // Cultural Mythologies of Russian Modernism: From the Golden Age to the Silver Age / ed. by B. Gasparov, R.P. Hughes, and I. Paperno. Berkeley, 1992. P. 151. (California Slavic Studies, vol. 15.)

²⁸ Курченко В. Общество им. А.С. Пушкина в Америке (Пушкинский комитет, 1935–1937) // Новый журнал. 2012. № 267. С. 280.

²⁹ Текст, опубликованный в американской русскоязычной газете «Россия» 21 января 1935 г., приводит в своей публикации В. Курченко (Курченко В. Общество им. А.С. Пушкина в Америке. С. 284).

³⁰ Там же. С. 283.

автобиографического романа Пушкину, а в декабре 1933 г. получил Нобелевскую премию прежде всего за «Жизнь Арсеньева» и продолженную в ней русскую поэтическую традицию? В Пушкине эмиграция видела «неумирающий символ» «национального единства»³¹, когда ни в самой эмиграции, ни в русском, расколотом революцией народе этого единства не было. В печальную годовщину событий на Черной речке именно нобелевский лауреат должен был — конечно, не стать новым символом, не заместить Пушкина, но оказаться рядом в национальном литературном пантеоне. Бунин казался, да и позиционировал себя преемником русской классики: передавая слова отца («может, вторым Пушкиным или Лермонтовым выйдет?»), Бунин пишет не о вымыщенном Алеше Арсеньеве, а о себе самом. В Париже он и ощущает себя главой русской литературы в изгнании.

А значит, именно Бунин должен был стать ключевой фигурой близящихся торжеств. Возможная позиция — вслед за Пушкиным, рядом с Лермонтовым, век назад первым страстно, яростно и абсолютно конгениально отзовавшимся на «смерть поэта» и изгнанным за свои стихи о Пушкине из России на Кавказ. Теперь такого конгениального слова эмиграция ждала от Бунина. Комитеты, заседания, концерты — нобелевский лауреат во фраке, с белой бабочкой, мировая знаменитость и национальная гордость эмиграции, должен был находиться на сцене, в первом ряду президиума. Должен был сказать главные, пронзительные слова, соединить роковой выстрел на Черной речке с трагедией русской эмиграции. Именно от него, затаив дыхание, русский изгнаник должен был услышать так же, как веком раньше сосланные в бесчорную каторгу декабристы, о надежде, верной сестре несчастья, о любви, о дружестве и свободе, о радостном воссоединении на родине с братьями, отдающими меч...

Но Бунин промолчал.

Бунину было не с чем выступить. Уровень события предполагал создание текста, если и не равновеликого первому поэту России, то хотя бы достойного первого писателя эмиграции, увенчанного лаврами международной премии. В публицистическом наследии Бунина нет посвященных Пушкину юбилейных речей. В основательный том его изданной публицистики включены лишь два крошечных текста — причем более поздний, прочувствованный, послевоенный, к 150-летию со дня рождения поэта³², развивает мысль текста 1937 г., напечатанного в специальном пушкинском № 7 «Иллюстрированной России». Три строки, озаглавленные «Пушкинские торжества», чудовищны по немоте: «Страшные дни, страшная годовщина — одно из самых скорбных событий во всей истории России, той России, что дала Его. И сама она, — где она теперь, эта Россия?»³³ Нечего сказать, и потому Бунин прежде всего ищет оправдания ненаписанным текстам, смещает акцент с Пушкина на Россию и только усугубляет свою неправоту. Россия, остав-

³¹ Курченко В. Общество им. А.С. Пушкина в Америке. С. 284.

³² Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова. М., 1998. С. 457.

³³ Там же. С. 419. За процитированными строками следует монтаж пяти стихотворных строк — двух из «Медного всадника» Пушкина и трех начальных строк из стихотворения Бунина «День памяти Петра» (1925). В комментариях «активное» участие Бунина в «юбилейных пушкинских торжествах» сильно преувеличено; так, в качестве главного вклада Бунина в памятные пушкинские дни отмечено размещение главы из «Жизни Арсеньева» (уже вышедшей отдельным изданием) в однодневной парижской газете «Пушкин» (Там же. С. 611).

ленная эмигрантами, продолжала существовать и, празднуя тот же юбилей, доказывала тем самым и свое существование, и свое право на существование. В дни светлой печали о Пушкине Бунин остался совсем один. *Solus rex.* Не брошенный своим народом король, а король, бросивший свой народ. Это одиночество 1937 года кажется одним из самых трагических мгновений в жизни самого Бунина.

Публикуя документы Центрального Пушкинского комитета в Париже (1935–1937), М.Д. Филин замечает: «Лишенные возможности отправлять многие свойственные развитым социумам функции, представители Зарубежной России сформулировали и материализовали *идею временного замещения русской жизни жизнью в русской культуре*, и такая “сублимация”, кажется, не имеет аналогов в мировой истории»³⁴. При этом Пушкину исследователь отводит роль «наиболее популярной и распространенной, разработанной и влиятельной эмигрантской идеологии»³⁵. Замечательно, что пушкинский юбилей как бы продолжал нобелевское празднование самого Бунина. Праздник словно не прерывался, и Бунин неизменно оставался в его фокусе. Центральный Пушкинский комитет был образован в 1935 г. в преддверии празднования юбилея и для его организации; Бунин — нобелевский лауреат — был избран заместителем (товарищем) председателя, В.А. Маклакова. Однако, в отличие от прочих русских писателей, а также представителей русской культуры и общественности, от прославленного балетного танцовщика С. Лифаря до лекторов Богословского института, Бунин в феврале 1937 г. в сообщениях русской прессы о различных юбилейных пушкинских мероприятиях не появляется. Выступают Б. Зайцев и И. Шмелев, В. Сирин (Набоков) и — особенно охотно и много — М. Цветаева; даже «негритянский» Париж проводит вечер памяти великого русского поэта³⁶.

«Журнальных публикаций о Пушкине было в Париже, разумеется, с избытком, но явно преобладала юбилейная публицистика, а также статьи традиционного историко-литературного, критического или мемуарного жанра. Встречались весьма достойные опыты: Б.К. Зайцева, А.М. Ремизова, В.Ф. Ходасевича, Марины Цветаевой, И.С. Шмелева... Однако работ подлинно глубоких, с претензией на философичность, — раз, два и обчелся», — без обиняков замечает М. Филин³⁷. В другом издании, освещавшем празднование пушкинского юбилея зарубежной Россией, — книге «Пушкин в эмиграции. 1937» — собрано около полусотни (46) текстов наиболее именитых представителей гуманитарной интеллигенции русского зарубежья³⁸. Среди них и все мэтры русской литературы в изгнании, помимо перечисленных выше — Д.С. Мережковский, М.А. Осоргин, Н.А. Тэффи... Нет Марины Цветаевой, поскольку ее пушкиниана обширна и хорошо известна. Нет первого русского нобе-

³⁴ Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935–1937): в 2 т. / сост., предисл. М.Д. Филин. М., 2000. Т. 1. С. 7. Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, курсив цитируемого источника.

³⁵ Там же. С. 8.

³⁶ М.И. Цветаева читала свои переводы Пушкина на французский язык (см.: Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция / под общ. ред. Л.А. Мнухина. Т. 3: 1935–1940. М., 1996. С. 286). Откликнулась и армянская диаспора — 14 февраля вышел специальный номер газеты «Арач», посвященный Пушкину (см.: Там же. С. 284).

³⁷ Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935–1937). С. 345.

³⁸ Пушкин в эмиграции. 1937 / сост., comment., вступит. очерк В. Перельмутера. М., 1999.

левского лауреата по литературе Ивана Бунина. Он мелькает — для полноты картины — несколькими строками растиражированной цитаты в предисловии к изданию³⁹. Составитель, В. Перельмутер, почерпнул практически все представленные материалы из «четырех наиболее популярных эмигрантских изданий, выходивших в Париже»: газет «Возрождение» и «Последние новости», журналов «Современные записки» и «Иллюстрированная Россия». Все эти издания наперебой распахивали свои страницы перед Буниным. И — ни строки.

Бунин на пушкинских торжествах как писатель не появился.

С конца января 1937 г. эти торжества, захватывающие все объединения и сообщества эмиграции и часть парижского литературного бомонда (П. Валери, А. Пьер), проводятся на разных площадках едва ли не ежедневно. На 31 января эмигрантские газеты анонсируют «Собрание, посвященное памяти А.С. Пушкина», которое проводит Союз русских дворян. Предполагается речь Бунина «Слово о Пушкине»⁴⁰. В 1937 г. 10 января, день смерти Пушкина, приходился на воскресенье; в понедельник 11 января Пушкинский комитет провел торжественное собрание памяти А.С. Пушкина. Выступали среди прочих Мережковский и Шмелев, французские слависты Э. Оман и Ж. Легра⁴¹. Один из корреспондентов, освещавший собрание в «Иллюстрированной России», Е. Сергеев, сетует: «К сожалению, из намеченных к выступлению писателей не мог сделать этого заболевший И.А. Бунин»⁴². Напрашивается дерзкое замечание: кстати заболевший. Пушкинские вечера прошли в крупнейших городах Франции — Тулузе, Ницце, Марселе, Бордо, Каннах... Завершая «пушкинскую неделю», 21 февраля состоялся объединенный литературно-драматический вечер Союза деятелей русского искусства и Пушкинского комитета, на котором вступительную речь сказал Б.К. Зайцев⁴³.

М. Грин опубликовала в третьем томе издания «Устами Буниных» всего две страницы «немногочисленных» записей за 1937 г., принадлежащих, за уже упомянутым исключением, Вере Николаевне⁴⁴. Но и эти дневниковые свидетельства мало что проясняют: 17 января «Ян болен», но 1 февраля, на многолюдном (400 человек) пушкинском вечере «Ян читал очень хорошо» — читал, вероятно, Пушкина; 5 февраля проснувшаяся глубокой ночью В.Н. Бунина обнаруживает, что муж еще не вернулся из ПЕН-клуба: «Вероятно, застрял на Монпарнасе». Что ж — «пока не требует поэта...» Еще одна «пушкинская» запись обходится без Бунина: вместе с Л.Ф. Зуровым, в начале нового года поселившимся в Париже отдельно, Вера Николаевна 1 апреля посетила пушкинскую выставку: «Было хорошо». Вернисаж выставки «Пушкин и его эпоха», развернутой в большой галерее концертного зала

---

³⁹ См.: Пушкин в эмиграции. 1937. С. 24. Речь идет о процитированной выше заметке «Пушкинские торжества».

⁴⁰ Русское зарубежье. Хроника... Т. 3. С. 278.

⁴¹ См.: Там же. С. 283.

⁴² Сергеев Е. Пушкинские дни в Париже // Иллюстрированная Россия. 1937. № 9. Цит. по: Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935–1937). Т. 2. С. 459.

⁴³ См.: Русское зарубежье: Хроника... Т. 3. С. 288. Там же помещен довольно обширный список мероприятий и организаций, их устраивавших. Бунин не выступал никогда.

⁴⁴ См.: Устами Буниных. Т. 3. С. 22–24.

«Плейель», состоялся 16 марта; всю весну на выставке регулярно читались лекции о великом русском поэте, проходили концерты, устраивались литературные вечера. И лишь на торжественное закрытие, 18 апреля, выбрался наконец и Бунин — с чтением пушкинских стихов. В тот же день на чествовании устроителя выставки С. Лифара в ресторане Корнилова Бунин выступил наконец с речью⁴⁵.

Представить, однако, что Бунин жил эти месяцы «гулякой праздным», не думая постоянно о Пушкине, о его озарившем всю русскую жизнь гении и о скорбной годовщине, о гениальной вспышке лермонтовского гения в ответ на гибель первого поэта России, — невозможно. Спустя полтора десятка лет В.Н. Бунина утверждала в письме к Ю.Л. Сазоновой, собирающейся писать книгу о Бунине: «Вообще со смертью Пушкина и Лермонтова он так и не примирился»⁴⁶.

Отношение к дуэли и гибели Пушкина в России было особым, иным, чем к трагической истории Лермонтова. Между тем при всей романичности последнего года жизни Пушкина русские писатели редко посягали на беллетризацию его биографии. Один из немногих опытов относится к первому послереволюционному десятилетию. Роман «Пушкин и Данте» был написан Василием Каменским на родине, но издан в Берлине в 1928 г.; его публикация в России задержалась на долгие десятилетия⁴⁷. Единственная, но фатальная идеологическая промашка автора состояла в стремлении представить Пушкина не борцом с самодержавием, а живым, влюбленным, ревнующим, страдающим человеком. Акценты расставлены хрестоматийно: образ Пушкина окутан такой чистой горячей любовью потомков, что ничтожны и неинтересны окружавшие его статисты, интриговавшие, замышлявшие, убившие — и в исторической перспективе бездарно и безнадежно промахнувшиеся. Стилистически произведение далеко не безупречно, особенно очевиден диссонанс с пушкинским слогом. Из главы о женитьбе: «приветливое обаяние» семнадцатилетней Наташи Гончаровой «напомнило Пушкину тихое крымское море в час восхода, и ему стало бирюзово легко. Повеяло дыханием безбрежного счастья»⁴⁸. Но дело поначалу разладилось: «гонимый неудачей сватства», Пушкин «отправился в далкий путь, на Кавказ»⁴⁹. Спустя всего несколько лет Наталья Пушкина расстроенно жалуется, что «муж <...> страшно ревнует», «мучительно страдает». Собеседница, Идалия Полетика, насмешливо восклицает: «Ревнивый муж! — это так обыкновенно в нашем обществе и приятно не более, как кокетство...», не следует «доверять комедии страдания ревнивого супруга»⁵⁰.

Любовный треугольник в жизни Бунина был гораздо менее уважаемого свойства. И любовь, и ревность свою он не мог выражать и защищать так открыто, как боготворимый им Пушкин. Но переживаемые муки были от этого ничуть не менее сильны и болезненны. То мрачное вакхическое исступление, в котором Бунин пре-

---

⁴⁵ См.: Русское зарубежье. Хроника... Т. 3. С. 318.

⁴⁶ Письмо от 24 декабря 1953 г. // «Драгоценная скопость слов». С. 360.

⁴⁷ Каменский В.В. Степан Разин; Пушкин и Данте: Художественная проза и мемуары / сост., подгот. текста, вступ. ст. и comment. А.Г. Никитина. М., 1991.

⁴⁸ Каменский В. Пушкин и Данте. Берлин, 1928. С. 120–121.

⁴⁹ Там же. С. 123.

⁵⁰ Там же. С. 223.

бывал несколько довоенных лет, усугублялось абсурдностью ситуации. В 1934 г. покинули долголетние, с 1926 г., отношения с Галиной Кузнецовой, а в 1935 г. она совсем оставила и писателя, и виллу в Грассе. И как бросила она ради Бунина мужа — тоже эмигранта, бывшего белого офицера, — так и теперь она уходит не «в никуда», а завязав новые любовные отношения, с Маргой Степун⁵¹. Бунин переживал тяжело, доведен был до крайности. Объясняя финал рассказа «Кавказ», С. Крыжицкий находит «комментарий» к нему в другом бунинском рассказе, «Часовня»: «...был очень влюблен, а когда очень влюблен, всегда стреляют себя». Исследователь тем самым указывает на тесные структурно-мотивные связи внутри «Темных аллей»: «И читатель становится свидетелем правоты этого утверждения в рассказе «Кавказ», в котором муж, страстно любящий свою неверную жену и не в силах настичь ее на кавказских курортах, куда она бежала со своим любовником, застрелился»⁵².

Вызов, выстрел, бегство, Кавказ... Что было делать Бунину? Честь жены была нарушена им самим, его связью с Кузнецовой; вызвать к барьеру Маргу Степун? «Дневника И.А. Бунина за 1934 год в архиве нет, — свидетельствует М. Грин, — возможно, что он записей и не делал»⁵³. Сохранилась только машинопись кратко описанного Буниным случая, произошедшего с ним летом в Грассе: «...вдруг исчез, совершенно не заметив этого, — исчез весь в мгновение ока — меня вдруг не стало — настолько вдруг и молниеносно, что я даже не поймал этой секунды. Потом так же вдруг увидел и понял, что лежу в кабинете на диване, грудь облитая водой, которую мне бесчувственному давали пить... Внезапная смерть, вероятно, то же самое»⁵⁴.

Если реакция бывшего офицера (в эмиграции — парижского таксиста) на разрыв с женой, отдавшей предпочтение Бунину, выражалась в естественных и ожидаемых формах — И.Г. Одоевцева, вспоминая начало бунинского романа с Кузнецовой, утверждала: «Петров носился с идеей об убийстве Бунина»⁵⁵, — то сам Бунин оказался во всех отношениях в психологическом и моральном тупике. Бунина терзала не только ревность, но иные «муки» «этой страшной и гадкой жизни», которых он не мог и не умел преодолеть. В письме Бунину от 17 декабря 1935 г. Ф.А. Степун, умный и тонкий философ и критик — и одновременно невольный участник разыгравшейся любовной драмы — касается этой открытой раны, пытаясь объясниться с Буниным и расставить точки над i. Степун, в частности, пишет о невозможности существования в любовном треугольнике («нельзя качаться между Вами и Маргой, нельзя жить то в Гётtingене, то на Ривьере»⁵⁶),

⁵¹ Подробно о возникновении и развитии этих отношений см. примечания Р. Дэвиса и К. Хуфена к публикации писем Ф.А. Степуна к И.А. Бунину, в кн.: С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002. С. 153–156.

⁵² Kryzyski S. The Works of Ivan Bunin. The Hague, 1971. С. 210. Между тем о «страстной любви» мужа речи в рассказе нет. Это лишь одна из возможных интерпретаций.

⁵³ Устами Буниных. Т. 3. С. 7.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Михайлов О.Н. Бунин // Литература русского зарубежья. 1920–1940. М., 1993. С. 105.

⁵⁶ Марга Степун, оперная певица, первый ангажемент получила в оперном театре Гётtingена, куда к ней сначала приезжала, а с октября 1935 г. совсем переселилась Г.Н. Кузнецова; укажем на это реальное противопоставление — Гётtingена (при известных, Пушкиным введенных и опоэтизованных коннотациях «Германии туманной», т. е. дождливой, сырой, «серой») и Ривьера — солнца, юга, моря.

о невозможности найти привычный («нормальный») выход: «Я думаю, если бы Марга была мужчиной, то Вы, Иван Алексеевич, вероятно одобрили бы мой братский совет»⁵⁷. Каким бы этот совет ни был, ситуация в восприятии Бунина сложилась «аномальная». Если брошенный Кузнецовой муж, офицер, мог думать о дуэли с соперником, дворянином Буниным, то последний не видел и не находил никакого выхода: поединок был заведомо невозможен⁵⁸. Уже после войны Бунин оценивал свое состояние 1935–1936 гг. как одержимость, называя себя в письмах к тому же Степуну «вполне сумасшедшим, спившимся вдребезги», бесноватым, «из которого бес мог войти только в одну из тех свиней, что бросились с обрыва в озеро Генисаретское!»⁵⁹.

Исходом этой одержимости стало творчество. Зная его автобиографическую кулису, Степун точно уловил связь между «очень сложным соотношением любви и творчества в мужской душе» Бунина. Касаясь последней части «Жизни Арсеньева» в письме к писателю от 24 июля 1939 г., Степун утверждал: «Правильность этой моей мысли доказывается тем, что в “Лике” история любви все время переплетается не только с темою художественного творчества, но даже и с тщательнейшим анализом писательского мастерства. В этом платонизме повести, сливающей воедино любовь, познание и искусство, очень много правды и тонкости, очень много особого очарования»⁶⁰.

Примером такого творческого «слияния» становится и рассказ «Кавказ», поэтика которого складывается из историко-культурной, литературной, автобиографической многослойности⁶¹. Фоновый автобиографический подтекст этого рассказа содержит в себе литературно подкрепленный и оправданный дуэльный дискурс, и мучительную абсурдность ситуации, когда именно артикулированный обманутым мужем, офицером, и освященный вековым дворянским кодексом стереотип поведения оказывается неосуществимым, и, одновременно, раздумья о выстреле на Черной речке и собственный литературный ответ Бунина на смерть поэта.

В обращении к пушкинско-лермонтовскому образу Кавказа, месту дуэли и месту ссылки за дуэль, раю и аду одновременно, Бунин демонстрирует исключи-

⁵⁷ Письма Ф.А. Степуна И.А. Бунину / вступ. ст. К. Хуфена; публ. и примеч. Р. Дэвиса и К. Хуфена // С двух берегов. С. 114.

⁵⁸ Ф. Степун, кстати, не удержался в вышеупомянутом письме от намека на едва ли «нормальную» ситуацию и прежде, когда Г.Н. Кузнецова жила у Буниных в Грассе: «Сказать ей [Марге]: опомнись, куда, в какой разврат ты ведешь несчастную Галину Nikolaevну, живвшую до сих пор нормальной женской жизнью?» (Письма Ф.А. Степуна И.А. Бунину. С. 114).

⁵⁹ Письма Ф.А. Степуна И.А. Бунину. С. 155.

⁶⁰ Там же. С. 119.

⁶¹ Очень немногие сохранившиеся дневниковые записи 1934–1936 гг. перекликаются с целым рядом деталей рассказа «Кавказ». Так, 15 августа 1935 г. (действие «Кавказа», кстати, скорее всего, именно август — «казалось, лето кончилось...») он описывает свою поездку в Канны: «купанье в новой купальне», — «всё англичане, — тучи, ветер» (синтаксис этой фразы невольно напоминает завтраки героев «Кавказа» — «всё жареная на шкаре рыба, белое вино, орехи и фрукты»), «В кафе встретил их. Выпил 2 рюмки коньяку...» и т. д. с упоминанием всего разнообразия и количества выпитых спиртных напитков, «лег полежать и заснул. Проспал одетый до 4 утра, пил кофе и опять заснул до 10. Состояние странное, гибельное, но спокойное. Так вот и умру когда-нибудь...» Кончается запись фразой «Любить значит верить» (Устами Буниных. Т. 3. С. 15–16).

чительную близость своих творческих исканий к русскому модернизму. «Образ путешествия русского поэта на Кавказ составлял <...> одну из важнейших нитей в символическом узле, в который были вовлечены темы покорения других народов <...> течения времени и истории, судьбы творческой личности и движения исторических и поэтических поколений»⁶². Кажется, Бунин вовсе не поднимает этих тем, а пишет любовную историю о тривиальном адюльтере — однако весь «спектр символических значений», вспыхивающий уже в названии «Кавказ», мотив «смерти поэта», дуэльная семантика и целый ряд литературных реминисценций позволяют увидеть за внешней сюжетной простотой рассказа не только глубокое и емкое содержание, жизнь во всей ее непреодолимой антиномичности («ужас» жизни и «красота жизни»)⁶³, но и выход из «индивидуальности во Всеединство и из земного бытия в метафизическое подлинное бытие»⁶⁴.

II

Композиция рассказа «Кавказ» фрагментарна, но эта отрывочная безыскусность — кажущаяся. Бунинская экономность в привычных художественных средствах активизирует иные возможности словесной изобразительности и выразительности, невнимание к которым приводит интерпретаторов либо к банальному результату, либо к нулевому. Примером первого может служить такая, например, трактовка: «Военную дворянскую среду Бунин рисует как закрытое общество, которое имеет свое собственное понятие о чести офицера и чести полка. Своей офицерской честью особенно дорожит безымянный герой из рассказа «Кавказ» (1937). Когда он узнал, что жена его уехала из Москвы с любовником, он застрелился: он считал, что только смерть может смыть (sic!) его опозоренную честь»⁶⁵. Пример второго — мнение О.Н. Михайлова, воспринимающего «Кавказ» наряду с некоторыми другими поздними произведениями Бунина как некие «осколки недописанных, не вполне состоявшихся произведений, с клочковатостью и распадом сюжета <...> или [как] прямые заимствования из чужой литературы...»⁶⁶. Рассуждая — очень тонко, хотя и немного запутанно — о совершенстве сочинений Пушкина, П.М. Бицилли замечает, «как много у Пушкина вещей, называемых “отрывками”, которые он, по-видимому, и сам считал таковыми»⁶⁷. Между тем «Кавказ», с его устойчивым положением в первой части цикла «Темные аллеи», очевидно, представлялся Бунину вполне законченным произведением.

⁶² Gasparov B. The “Golden Age” and Its Role in the Cultural Mythology of Russian Modernism // Cultural Mythologies of Russian Modernism. P. 13.

⁶³ Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870–1953. Мюнхен, 1994. С. 339.

⁶⁴ Там же. С. 337.

⁶⁵ Yackovlev (Licharev) A. Bunin's prose writing in exile. (Diss.). Urbana, Illinois, 1967. P. 85.

⁶⁶ Михайлов О.Н. Бунин. С. 132.

⁶⁷ Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования. Статьи. Рецензии / вступ. ст., сост. и comment. М.А. Васильевой. М., 2000. С. 380.

«В поздней бунинской прозе лирико-фрагментарный характер композиции становится особенно утонченным, что создает основу прямого соотнесения с модернистскими художественными поисками», — полагает современный исследователь, выбирая в качестве демонстрационного примера именно «Кавказ», чья «точечная композиция», в отличие от «реалистической процессуальности», «отодвигает на периферию причинно-следственные сюжетные связи (банальное бегство героев-любовников от ревнивого мужа)»⁶⁸. Пытаясь объяснить особенности рассказа, В.Я. Линков настолько запутывается в элегантной научности собственных формул, что нам не удалось разглядеть в них рациональное зерно. Однако продолжим цитату в надежде, что продвинутый читатель сам разберется в построениях исследователя: «Магия ритмической пульсации текста — маленький по объему рассказ разбит автором на семь сегментов — “схватывает” жизнь в ее извечных антиномиях: пространственно-временная бесконечность мира таит в себе “слишком великое счастье” любви, которое в своей высшей точке <...> скрывает интуицию о глубинном трагизме всего сущего. Активизация ритмической стихии приводит в действие внесяжетные элементы (россыпь деталей картины мира: “предвечная белизна гор”, “допотопные удары грома”, “шумная гробовая чернота лесов” и т. д.), именно на них смещается семантический фокус»⁶⁹.

Рассмотрим подробнее композицию рассказа, состоящего из семи фрагментов размером от нескольких абзацев до нескольких строк; в шести первых фрагментах повествование строится по принципу Ich-Erzählung⁷⁰.

Действие первого фрагмента связано с московской гостиницей, где героиня трижды навещает героя-рассказчика и они планируют бегство и совместный отъезд «в каком-нибудь совсем диком месте три-четыре недели»; действие второго — с московским вокзалом, откуда после третьего звонка отходит «кавказский» поезд; третий — монолог героини в купе с нарастанием счета числительных — «в первый раз говоря мне ты», «дала ему два адреса», «будет дня через три-четыре»; четвертый фрагмент — это ландшафты южной России, мелькающие за окном поезда⁷¹, с резкой сменой времени суток (ночь — утро) и погоды; почти телеграфный пятый фрагмент — сообщение о прибытии к морю; часть шестая, наиболее пространная (около страницы), — описание прибежища героев в курортной

---

⁶⁸ Линков В.Я. Мир и человек в творчестве Л.Н. Толстого и И.А. Бунина. М., 1989. С. 142.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Все цитаты из рассказа приведены по изд.: Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. М., 1966. Т. 7: Темные аллеи. Рассказы 1931–1952. С. 12–16.

⁷¹ «Ведь железная дорога, — указывает в этюде о рассказе Набокова «Весна в Фиальте» А. Жолковский, — не только метафора жизненного пути (слегка заезженная), но и богатый источник роковых реминисценций, в частности из “Анны Карениной”, которых, разумеется, нет нужды называть впрямую и которым нельзя позволить сбыться в точности...» (Жолковский А. Philosophy of composition: (К некоторым аспектам структуры одного литературного текста) // Культура русского модернизма: Статьи, эссе и публикации. С. 392). В связи с этой работой заметим кстати, что при рассмотрении заведомо модернистского текста исследователь оперирует такими понятиями, как «металитературность», «литературная условность», и как о само собой разумеющемся замечает, что «текст должен изобиловать цитатами, полуоткрытыми и очевидными, отдавать то Толстым, то “Дамой с собачкой” <...> то Буниным, то Пушкиным» (Там же. С. 393).

деревушке у моря, в «горных джунглях», в череде времени суток: раннее свежее утро, полдневный зной, бурные грозовые ночи. Наконец, седьмой, заключительный фрагмент связан с третьим героем и его смертельным жребием. Выдвинув тезис об «абсолютной нерегламентированности в сюжетостроении» бунинских рассказов, О. Сливицкая доказывает его на примере именно «Кавказа»⁷².

Ощущение от чтения поздней бунинской прозы исследователи неоднократно пытались выразить, называя погружение в мир смутно знакомых образов «эффектом тумана» (Ю. Мальцев) или искренне недоумевая от внезапно возникающих параллелей. Не находя близкой ассоциации для рассказа «Кавказ», О. Сливицкая уверена в ее существовании и делится «смутным ощущением, что это не самое начало, что уже было что-то, о чем читатель должен знать. Эффект, подобный тому, когда начинается не новое произведение, а срединная глава романа»⁷³. Впрочем, еще раньше Ф. Степун делился впечатлением, что «рассказы Бунина — не в себе законченные миниатюры, а художественно выломанные фрагменты из какой-то очень большой вещи»⁷⁴.

In medias res начинается и «Кавказ». Ассоциативная насыщенность «прозрачной», с «легким дыханием» прозы Бунина поразительна. Это прозрачность лирического стихотворения, свободного от имплицитной цитатности, тонкой многосмысленной игры (игра в поэтике Бунина табуирована), изысканной стилизации, жонглирования «чужими» образами и коллизиями. Начало «Кавказа» — это подхватывание «распахнутого», по удачному выражению М. Шраера, финала чеховской «Дамы с собачкой» с незначительной на первый взгляд сменой ролей («Приехав в Москву, я <...> остановился в <...> номерах...»). Но в монологе героини неожиданно звучит другой открытый финал: «Мне кажется, — говорила она, — что он что-то подозревает, что он даже знает что-то, — может быть, прочитал какое-нибудь ваше письмо, подобрал ключ к моему столу...»; в finale пушкинского романа в стихах Татьяна поливает слезами письмо Онегина, а последовавшее объяснение героев прерывает приход ее мужа — генерала, который, что разумеется по умолчанию, «ни перед чем не остановится», «защищая свою честь, честь мужа и офицера». Речь в этой угрозе может идти, безусловно, только о дуэли, и безымянный бунинский герой одновременно напоминает о двух трагически закончившихся реальных русских дуэлях, гибели оскорбленного мужа (Пушкина) и офицера с «самолюбивым характером» (Лермонтова)⁷⁵.

Пренебрежительно рассуждая о «ключковатости» композиции «Кавказа», О. Михайлов упускает из виду, что в основу рассказа ложится ситуация «бегства-погони»⁷⁶, которая и передается средствами прерывистого, фрагментарного по-

⁷² Сливицкая О.В. О природе бунинской «внешней изобразительности» // Русская литература. 1994. № 1. С. 73; Она же. Сюжетное и описательное в новеллистике И.А. Бунина // Там же. 1999. № 1. С. 103; Она же. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М., 2004. С. 145–151.

⁷³ Она же. Сюжетное и описательное в новеллистике И.А. Бунина. С. 92.

⁷⁴ Степун Ф.А. Бунин // Степун Ф.А. Встречи. Нью-Йорк, 1968. С. 105.

⁷⁵ Закавыченные цитаты — из рассказа Бунина «Кавказ».

⁷⁶ «Обязательная» для произведений кавказской тематики — даже в «Вечере на Кавказских водах в 1824 г.» А. Бестужева-Марлинского, герои-рассказчики которого находятся в теплом безопасном помещении, речь в каждой из рассказанных историй идет именно о бегстве-погоне.

вествования. Если в первом фрагменте речь идет о «плане» побега, то второй — начало его осуществления. Тема кражи, «воровского» поведения, уже отчетливо прозвучавшая в первом фрагменте («воровски остановился в незаметных номе-рах», «жил затворником», «входила поспешно», «следит буквально за каждым моим шагом» и под.), во втором вступает в особенно явный контраст с тем «слишком великим счастьем», которого герои ожидают от поездки. Глаголы движения, простые, бытовые, выявляют будничную заурядность этого побега-кражи («шли дожди», «лето прошло и не вернется», «дрожащими на бегу», «я ехал»), а мотив воровства и одновременно безликости — нет не только имени, но и лица — развивается в описании героя-рассказчика: «По вокзалу и по платформе я пробежал бегом, надвинув на глаза шляпу и уткнув лицо в воротник пальто». Дальше рассказ строится на конструкциях, в которых главная роль вновь отводится глаголам движения, действия, причем наиболее стертым, заурядно бытовым («опустил», «взял», «вышел», «запер», «приоткрыл и замер», «пора было быть — их все не было», «ударил», «похолодел», «опоздала», «не пустил», «упал», «видел», «устроил», «оглушил» и т. п.).

Второй фрагмент начинается с развернутого описания внезапного похолода-ния и непогоды («В Москве шли холодные дожди, похоже было на то, что лето уже прошло и не вернется, было грязно, сумрачно, улицы мокро и черно блестели раскрытыми зонтами прохожих и поднятыми, дрожащими на бегу верхами извозчи-чих пролеток»). Это ненастье (в рукописи первоначально стояло «июньские»⁷⁷) в первом фрагменте упомянуто через единственную деталь («она, бросив куда попало зонтик...»); напротив, поднятая героиней «вуалька» и все, что в ней «потрясало» героя-рассказчика, отзовется в дрожании и беге экипажей (с усилением мотива бегства и воровства — экипажи чужие, «извозчики»).

Этот фрагмент решен исключительно в черно-белой гамме, вся стилистическая нагрузка в нем ложится на графические эпитеты, порой оксюморонно заостренные: «черно блестели», «темный вечер», в «темном свете» (!) — «белый фартук». Подобный ««контраст-единство» черного и белого, света и тьмы»⁷⁸ в послереволюцион-ном творчестве Бунина играет настолько заметную роль, что становится не столько ведущим элементом стиля, сколько имманентным признаком бунинской поэтики — «противоречивым единством» крайностей, «диссонирующим единством»⁷⁹. Этую важнейшую «стилистическую доминанту» Бунина О. Сливицкая именует «острой оксюморонностью»⁸⁰. К нераздельной близости черного и белого, своего рода гар-моническому диссонансу стоит присмотреться пристальнее. В первом фрагменте «Кавказа» роли между тремя участниками тривиального, казалось бы, адюльтера распределены так, что от едва начатой любовной истории исходит ослепительный свет и одновременно начинает веять могильным холодом. Достигается это за счет

⁷⁷ «В Москве непрерывно шли холодные июньские дожди...» (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 2); вычеркнуто при перепечатке (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 6).

⁷⁸ Белоусова Е.Г. Русская проза рубежа 1920–1930-х годов: кристаллизация стиля (И. Бунин, В. Набоков, М. Горький, А. Платонов). Челябинск, 2007. С. 74.

⁷⁹ Там же. С. 77.

⁸⁰ Сливицкая О.В. «Повышенное чувство жизни». С. 46.

того, что «в бунинском исполнении традиционная символическая антиномия (“белое/светлое — черное/тьма”), прочитываемая как вечное противоборство жизни и смерти, оказывается неожиданной и обновленной»⁸¹; белое (свет) может быть ассоциировано со смертью, а черное (мрак) — с радостью. Работая над текстом «Кавказа», Бунин ощущает избыточность прямого выражения противоречивых эмоций в речи персонажей (ср.: «...лучше смерть, чем эти муки! Я так все-таки счастлива»⁸²; последняя фраза в окончательный текст не вошла), прибегая к изобразительным средствам, прежде всего к черно-белой колористике.

«Никак нельзя упускать из виду, — предупреждает О.В. Сливицкая, — что Бунин — прозаик и поэт одновременно. <...> Стало быть, прозаическая и поэтическая стихия у него имеют общий источник. Стало быть, в глубинах его миросозерцания имеется некое начало, влекущее к объективности прозы и субъективности лирики»⁸³. Поздние новеллы Бунина, которым так трудно подобрать жанровое определение, обнаруживают исключительную близость к жанру стихотворной миниатюры — с теми конститтивными признаками, которые усматривают в нем исследователи. Так, А.Б. Есин выделяет по крайней мере три главных качества жанра стихотворной миниатюры (помимо чисто формального — количества строк): «повышенная смысловая нагруженность поэтического слова», «решающая роль» «пунктированной», «ударной» концовки, которая становится единственной кульминацией и «символический характер предметных деталей» («иносказание с высокой степенью обобщения»)⁸⁴. К пунктированной концовке-кульминации мы еще вернемся. Примером того, как предметные детали обретают «смысловую емкость» и обрастают символикой, становится, в сущности, весь короткий фрагментированный текст «Кавказа».

В третьем фрагменте — свои опорные слова, вводящие кавказскую тематику подспудно: «страшная роль», «нарзан» и названия кавказских курортов: Геленджик и Гагры. В первоначальном варианте текста героиня спрашивает: «У тебя есть что-нибудь выпить?» — и в очевидном соответствии с «диссонирующими единством» черного и белого получает стакан «белого вина»⁸⁵. Из окончательного текста Бунин убирает эту и ряд других деталей — бытовых и даже натуралистических подробностей («Я налил ей белого вина в вагонный стакан с голубой надписью [нрзб], она выпила и протянула мне мокрые губы, поцеловав меня долгим, нежным поцелуем»⁸⁶). Подробное обоснование предполагаемого преследования мужа («Это вздор, что ему нельзя уехать без отпуска, — он и без отпуска уедет»), как и последующая, даже не дописанная интимная сцена («Потуши огонь, дай мне раздеться и скорее иди ко мне...»), Бунином вымараны либо на первоначальной стадии (первый вариант), либо при перепечатке рассказа (второй вариант).

---

⁸¹ Сливицкая О.В. «Повышенное чувство жизни». С. 76.

⁸² РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 7.

⁸³ Сливицкая О.В. «Повышенное чувство жизни». С. 36.

⁸⁴ Есин А.Б. Стихотворные миниатюры в системе жанров русской лирики // Филологические науки. 1995. № 4. С. 26–27.

⁸⁵ РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 7.

⁸⁶ Там же.

В четвертом фрагменте совершается резкий переход от черно-белой, преступной («воровское» поведение героев, их «страшная роль») дождливой Москвы к теплому югу. Сменяется и эrotическая символика, поскольку на смену кратким свиданиям героев постепенно приходят полноценные любовные отношения; возникают «тепловые» эпитеты — «солнечно», «душно», «нагретые», «нестерпимое сухое солнце» (особенно резко контрастирующее с «темным» освещением московского вокзала) и вспыхивают первые, кричаще яркие цветовые эпитеты — «канареечные круги подсолнечников и алые мальвы». В первоначальный набросок ландшафта, открывающегося за окном идущего к югу поезда, вмешивается очерковый стиль Бунина-мемуариста: «Дальше, я радостно знал это / думал я, пойдет уже совсем великий простор приазовских пустынь, беспредельных нагих равнин с курганами и могильниками, нестерпимое сухое солнце, небо подобное пыльной туче (в оригинале «тучи». — Т.М.), а к вечеру / потом вырастут миражи первых гор на горизонте...»⁸⁷ Из этого «радостного» личного воспоминания Бунин оставляет лишь те ключевые слова, которые связаны с Эросом и Танатосом: «Дальше пошел безграничный простор нагих равнин с курганами и могильниками <...> потом призраки первых гор на горизонте...» В этом фрагменте усугубляется еще одна антитеза — влаге пропитанной дождем Москвы, тропическому ливню кавказского побережья противопоставлена жажда изнемогающей от зноя южнорусской природы (трижды повторяется определение «пыльный», его усиливают «душный» и «сухой»).

Место, в котором герои находят свое «великое счастье» (пятый фрагмент рассказа), смущает географической условностью ведущего туда маршрута. Что означает — после Геленджика и Гагра «мы спустились вдоль берега к югу»? Обратимся вновь к опыту французского географа, проехавшего по Черноморскому побережью Кавказа как раз в ту эпоху, которая обычно описывается в бунинской поздней любовной прозе. Э. Мартель описывает не только «величественные пейзажи» и строящиеся курорты, он уделяет внимание и транспортному сообщению. В ту эпоху, когда бунинский герой ищет беглецов «в Геленджике, в Гаграх, в Сочи» (напомним, что географически Сочи расположен между Геленджиком и Гаграми, так что герой буквально мечется по побережью), железная дорога еще не построена, а «между Новороссийском и Поти на протяжении 450 километров существует только две гавани для больших судов»⁸⁸. К счастью для путешественников, открывающих для себя этот дивный, но еще не благоустроенный край, есть возможность нанять экипаж; ведь если «из-за непогоды или иных причин упущен пароход, приходится огибать весь Кавказ по громадной петле, которую делает железная дорога от Поти до Баку через всю Грузию...»⁸⁹. Вероятнее всего, именно поэтому и сам Бунин никогда не смог проехать вдоль Черноморского побережья Кавказа; замечательно и то, что проложенное много позже железнодорожное полотно⁹⁰ навсегда устранило эту неувязку из бунинского рассказа, обратив ее в

---

⁸⁷ Там же. Л. 4. Вычеркивания сделаны сразу.

⁸⁸ Мартель Э. Кавказская Ривьера. С. 16.

⁸⁹ Там же. С. 17.

⁹⁰ Сквозное рабочее движение поездов по Черноморской железной дороге открыто в конце 1942 г. В 1949 г. в постоянную эксплуатацию принят последний участок этой линии Адлер — Сухуми.

мнимый анахронизм. Бунин, кстати, подробнейшим образом описав московский гужевой транспорт и усадив героев в поезд дальнего следования, больше ни о каких средствах передвижения не упоминает: покинутый муж «искал» сбежавших любовников по всему побережью, но как он добирался от одного курорта до другого (верхом?) — остается непроясненным.

Э. Мартель двигался со своей экспедицией по побережью, комментируя окружающую экзотику; многие его наблюдения позволяют оценить мастерство Бунина в создании никогда им не виданного, но удивительно достоверно воплощенного пейзажа. Французский путешественник отмечает, например, редкостное сходство «природного расположения» Сочи с Каннами: «Такое же синее море, мелко-галечные пляжи, зеленые холмы и долины, известняковые горы в среднем отдалении. А если немного подняться по склону, на горизонте открываются величественные снежные вершины»⁹¹. Свои впечатления «от кавказского побережья в целом» Э. Мартель сводит к «замечанию, сделанному прямо на месте: оно менее красиво, чем Альпы и французский Лазурный Берег, но более интересно своей дикостью и русско-восточным колоритом и намного превосходит великолепием лесов и величием горных хребтов»⁹². Но прежде всего — в Каннах «нет азиатского колорита разноцветных абхазских, черкесских, мингрельских и турецких костюмов», нет ни «буйных лесов, спускающихся к самому морю, ни дикости нетронутой природы»⁹³. Мартель описывает места, удачно названные Буниным «перво-бытными»; это не тронутые цивилизацией несколько сот километров «песчаных и мелко-галечных пляжей», которые «идут почти непрерывной полосой...»⁹⁴. Места эти дики еще и потому, что мало населены: «В предгорьях Кавказа, между Туапсе и Сочи <...> три черкесские деревни (аула), коренные жители которых в виде редкого исключения не эмигрировали после завоевания...»⁹⁵ А дальше, от Гагры в направлении Сухума, «близко друг за другом следуют турецкие, абхазские, имеретинские деревушки <...> И гагринские горы, возносящие к небу свои леса»⁹⁶.

Путешественник отмечает и энтузиазм морских купаний, особенно вдохновленных райской пустынностью и простотой нравов: «Побережье пока так малолюдно, что ношение купальных костюмов еще не считается необходимым. Нередко на пляже можно заметить даже представительниц женской части местного населения всех возрастов, плещущихся в море в простых набедренных повязках <...> В будущем Сочи эта деталь кавказских нравов, несомненно, будет как-то завуалирована»⁹⁷. Француз не ошибся, но в бунинском рассказе как раз и противопоставлено райски пустынное, дикое место уже окультуренному Сочи:

---

⁹¹ Мартель Э. Кавказская Ривьера. С. 56–57.

⁹² Там же. С. 143.

⁹³ Там же. С. 57.

⁹⁴ Там же. С. 22.

⁹⁵ Там же. С. 44. Кавказская война на Черноморском побережье закончилась в 1864 г., часть населения (племена адыгов) была выселена в Османскую империю, а также на равнинные земли Прикубанья.

⁹⁶ Там же. С. 151.

⁹⁷ Там же. С. 63.

«уходили на берег, всегда совсем пустой, купались и лежали на солнце до самого завтрака» — «позавтракал в своей гостинице на террасе ресторана, выпил бутылку шампанского, пил кофе с шартрезом, не спеша выкурил сигару...» Кстати, если верить французу, то последнее перечисление все же выдает незнание Буниным курортных реалий именно Черноморского побережья. Э. Мартель, отметив, как быстро обустраиваются кавказские здравницы, свидетельствует: «Среди массы воспоминаний я отмечу мое удивление, когда, присутствуя на одном собрании в сочинской гостинице-пансионе, я обнаружил полное отсутствие вина, пива, ликеров, даже водки и невозможность их купить. Минеральная вода, чай или кофе — единственные напитки русских пансионов, которые не платят за патент на розничную торговлю спиртным»⁹⁸.

Напомним: «....восходящая к Пушкину ассоциация кавказского пейзажа, с его “разломами”, с дантовским адом, сообщала поэтическому паломничеству на Кавказ высокую символическую значимость»⁹⁹. Прежде чем развернуть амбивалентный кавказский пейзаж адскими безднами, Бунин обмолвился в черновом варианте — «райски богатое» место; однако позже это определение снял¹⁰⁰. Буйному растительному хаосу Бунин придаст парковую стройность и красоту: «Мы нашли место первобытное, заросшее чинаровыми лесами, цветущими кустарниками, красным деревом, магнолиями, гранатами, среди которых поднимались веерные пальмы, чернели кипарисы». Экзотика тропического леса одновременно символизирует собой упоение любовью и несет в себе погребальный оттенок; не случайно весь перечислительный ряд сложился сразу, а над последним образом — траурных кипарисов — Бунину пришлось поработать, ср.: «густые / острые / черно-синие кипарисы»¹⁰¹. Вместо ожидаемой многоцветной палитры в изображении «горных джунглей» Бунин в каждой части ландшафтной зарисовки оставляет единичный красочный мазок и непременно обыгрывает черно-белый контраст: «В лесах лазурно светился, расходился и таял душистый туман, за дальними лесистыми вершинами сияла предвечная белизна снежных гор...» Очарованный Эдуар Мартель замечал: «Глаза и разум не успевают отмечать противоположности. Нужен настоящий мастер французской словесности, Фромантен, Доде или Лоти, чтобы передать изумительную прелест этих мест, свободных и безлюдных, среди чистой природы и величественных гор»¹⁰².

Хотя доминантой центрального фрагмента рассказа становится «жар» и свет («Горячее солнце было уже сильно, чисто и радостно», проходил по «энзиному базару», «в энзином сумраке <...> тянулись <...> горячие, веселые полосы света», облака «пылали», «светили <...> огненные мухи», «кипел блеск», «блестящий лиvenir»), призрак катастрофы, смертельной опасности маячит среди этой немыслимой красоты и «великого счастья» любви. Словно античные плакальщицы, «плав-

---

⁹⁸ Там же. С. 59.

⁹⁹ Гаспаров Б. Тридцатые годы — железный век. С. 174.

¹⁰⁰ См.: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 8.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Мартель Э. Кавказская Ривьера. С. 133.

но ходили черкешенки в черных длинных до земли одеждах <...> с закутанными во что-то черное головами, с быстрыми птичьими взглядами, мелькавшими порой из этой траурной закутанности». Этой лирической и грозной образности (описание возникло сразу без помарок) мешают и легко устраниются заземленные сравнения («жарко, как в духовой печи»); лишними кажутся и вычеркиваются эпитеты («не будет конца этому безмятежному покою, этой довременной / безлюдной красоте»¹⁰³). Но интереснее всего смена цвета моря в этот час красоты и покоя. Хорошо известна пристрастность Бунина к чистым, ярким краскам, «активное включение <...> в описание действительности названий драгоценных металлов и камней»¹⁰⁴. На сей раз, подыскивая краску для отражения «безмятежности» морского пространства и нежности человеческих отношений в окружении неземной красоты, Бунин ищет не только цвет, но и особую фактуру, которая передавала бы ощущение хрупкой и прекрасной гармонии. На помощь приходят цветы — «море было цвета незабудки»¹⁰⁵. Но почти тотчас, судя по тем же чернилам, нажиму пера, почерку, Бунин это сравнение отвергает. Можно было бы поспекулировать по поводу цвета незабудки — ярко-голубой, он точно корреспондирует с цветом неба¹⁰⁶, но очень неточно соотносим с цветом морской воды, особенно в Черном море. Не меньше оснований имеют спекуляции, связанные с названием цветка, словно вводящим соглядатая (почти забытого любовниками обманутого мужа). Во всяком случае, Бунин изменил название цветка, то есть оттенок морской воды, и ограничил обзор из окна: «часть моря <...> имела цвет фиалки». Скорее всего, в выборе тропа Буниным двигало желание выбрать именно «цветочное» сравнение; цвет мог оказаться более или менее условным, главным оставалось ощущение нежности и недолговечности скромного цветка.

Великолепие закатов, пылающих облаков действует на героиню столь эмоционально сильно, что заставляет вспомнить ее фразу из первой части рассказа, когда она убеждала мужа: «умру, если не увижу юга, моря»; она «закутывала лицо газовым шарфом и плакала»¹⁰⁷, и этот жест вдруг сближает ее с обликом закутанных в черное черкешенок; чтобы избежать полного зрительного совпадения, глагол был позже изменен («закрывала»). В своей первобытной стихийной прелести природа «великолепна»¹⁰⁸, и Бунин не скучится на детали ночной феерии — «мерцали, светили топазовым светом огненные муhi, стеклянными колокольчиками звенели древесные лягушки». Изображение «непроглядных» ночей потребовало от Бунина известных стилистических усилий (вычеркнуто «черны, густы», «густо темны»¹⁰⁹). Мало сказать, что Бунин описывает южную

---

¹⁰³ РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 9.

¹⁰⁴ Белоусова Е.Г. Русская проза рубежа 1920–1930-х годов. С. 74.

¹⁰⁵ РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 9.

¹⁰⁶ Вспомним эпитет из романа В. Каменского о Пушкине — юная Гончарова напоминает поэту о «тихом крымском море в час восхода», и ему становится «бирюзовово легко».

¹⁰⁷ РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 9.

¹⁰⁸ Там же. Этот эпитет Бунин, впрочем, уберет.

¹⁰⁹ Там же.

ночь; он разворачивает воистину волшебно-сказочное зрелище, с музыкальным сопровождением («глухой стук в барабан и горловой, заунывный, безнадежно-счастливый вопль как будто все одной и той же бесконечной песни») и обновленными декорациями («выступали вверху звезды и гребни гор, над деревней вырисовывались деревья, которых мы не замечали днем»). Вероятно, и днем «в прибрежном овраге, спускавшемся из лесу к морю, быстро прыгала по каменистому ложу мелкая, прозрачная речка», но ночь позволяет писателю прибегнуть к изощренной светописи; первоначально оттенки варьировались «чудесно дробилось / кипело в ней в лунные ночи лунное серебро / стекло!»¹¹⁰ Однако позже Бунин не просто уточнил образ, но и завершил сцену неожиданно кратким, олицетворенным участником, которого могло ощутить рядом с собой только сознание первобытного человека: «Как чудесно дробился, кипел ее блеск в тот таинственный час, когда из-за гор и лесов, точно какое-то дивное существо, пристально смотрела поздняя луна!»

Поэтический гимн райскому блаженству у моря завершается грандиозной картиной грозы, в романтической марлинанизированной прелести которой зашифрована финальная трагическая развязка¹¹¹. Этот последний пейзаж — разгулявшаяся первобытная стихия — находится в особенно странной и жуткой гармонии с миром человеческих переживаний: «Иногда по ночам надвигались с гор страшные тучи, шла злобная буря, в шумной гробовой черноте лесов то и дело разверзались волшебные зеленые бездны и раскалывались в небесных высотах допотопные удары грома. Тогда в лесах просыпались и мяукали орлята, ревел барс, тявкали чекалки...» Только эпитет «адски» Бунин удалил как очевидно излишний¹¹² — как выше удалил его антоним «райский». В этом описании, конечно, великолепна романтическая стилистика — в мощных эпитетах, в контрастах, в полифонической партии пробудившейся дикой природы. Но литературная составляющая в этом пейзаже, как и во всем предпоследнем фрагменте, скорее — почтительная дань стилю; под изысканной словесной оболочкой «шевелится хаос» древнего мира. Из оплота цивилизации — освещенного дома — герои наблюдают первобытную, «допотопную» стихию, перемешивающую ад и рай, «высоты» и «бездны», «волшебное» и «зеленое» с «гробовой чернотой». Дневному блаженству любовников среди гармонии покоя и красоты противостоит ночной мятущийся мрак и ужас, и то ли как посланцы этого страдающего космического духа, то ли в страхе перед ним испуганные шакалы (чекалки) приились к человеческому жилью, «стояли под блестящим ливнем и тявкали, просились к нам...»

«Она радостно плакала, глядя на них».

---

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Предвосхищая кавказские грозы Лермонтова, Бестужев-Марлинский писал: «О, в буре есть что-то родственное человеку!» («Прощание с Каспием», 1934; цит. по: Бестужев-Марлинский А.А. Кавказские повести / подгот. изд. Ф.З. Кануновой. СПб., 1995. С. 279). Оценил первобытную мощь черноморской грозы и французский географ, едва ли не предвосхитив в своих записях зарисовку Бунина: «А когда ночь достигает молчаливого леса, огромные сосны черными призраками вырисовываются на фоне снежной короны вершин, которая горит, пламенеет, сияет от Аибги до Агепсты. Я отмечаю это зрелище одним из белых камней в моей жизни» (Мартель Э. Кавказская Ривьера. С. 108).

¹¹² РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 10.

Дж. Вудворд замечает, что Бунин «играет с нашим ожиданием, создавая ложное впечатление о возможной жертве насилия» и поражая читателя «парадоксальным» финалом¹¹³. «Из содержания следует, — приходит к сходной трактовке О. Сливицкая, — что главное лицо здесь муж. Именно он пережил трагедию, именно его самоубийство составляет одновременно и кульминацию повествования. И его развязку, то есть дает двойной эстетический эффект»¹¹⁴. Когда героиня произносит (в первом фрагменте): «лучше смерть, чем эти муки», — она озвучивает, в сущности, мысли своего мужа, ибо этот выбор он и осуществляет в finale новеллы. «Он уже согласен отпустить меня, так внушила я ему, что умру, если не увижу юга, моря...» — признается героиня¹¹⁵. Заурядная мелодрама, обман одного из супругов с помощью избитого предлога окажется в итоге прямой противоположностью ожидаемому развитию событий: муж героини умирает, именно увидев юг и море, умирает в совершенном одиночестве, усиленном стилистически. Если вокруг героев-«обманщиков» постоянно движутся другие люди — упомянута «разнообразная толпа» на вокзале во втором фрагменте, «людный вагон» в четвертом, а в пятом фрагменте описание этого многолюдства разрастается в целое описание («кипела торговля, было тесно от народа <...> по утрам съезжалось туда на базар множество разноплеменных горцев»), то в последнем фрагменте застрелившийся офицер уже разъединен с миром людей, они никоим образом не упомянуты, хотя речь идет о его приезде в Сочи, купании в море, завтраке в «гостинице на террасе ресторана» — т. е. кругом тот же мир «толпы», «людей», тех же отдыхающих, горцев, носильщиков, официантов (кто-то откупоривает же для героя шампанское, подает ему «кофе с шартрезом»!)¹¹⁶.

Заметим, что именно по этому принципу (романтической) противопоставленности героя толпе (одновременно — живым людям, живущим каждодневными наущными заботами) построен пейзаж, открывающий «Княжну Мери» Лермонтова. Его ведущие мотивы контрапунктически угадываются в «Кавказе», хотя Бунин избегает прямой цитации. Если «цветущие кустарники» вымышленного черноморского курорта совсем не обязательно находятся в родственной связи с «ветками цветущих черешен» Пятигорска, а «душистый туман» с «запахом цветов», то трудно, напри-

¹¹³ Woodward J. Ivan Bunin: A Study of His Fiction. Chapel Hill, 1980. P. 218. «Хотя большинство рассказов этого тома [«Темных аллей»] сходным образом свидетельствует о заботе Бунина по созданию атмосферы, это ни в коем случае не единственное объяснение этой внезапно поражающей расточительности. Так, например, продолжительное описание идиллии в «Кавказе» временно нарушает атмосферу, господствующую во всей остальной новелле, это должно было быть несомненно продиктовано совершенно иными соображениями». Исследователь усматривает их в меняющихся точках зрения, в показе событий не только глазами рассказчика (что создает эффект «расточительности»), но и иных героев (что неизбежно приводит к «экономности» повествовательной техники). Эта техника «передования «экономности» и «расточительности»» возможна только при условии «личной вовлеченности» в повествование, которая отличает позднюю новеллистику Бунина (Там же).

¹¹⁴ Сливицкая О.В. «Повышенное чувство жизни». С. 146.

¹¹⁵ В «Даме с собачкой» Чехов переносит место действия с юга в Москву, Бунин — наоборот.

¹¹⁶ О. Сливицкая сводит решение последнего фрагмента рассказа к синтаксису («простое и стрепительное перечисление глаголов»); однако, как мы видели, этот прием Бунин использовал и во втором фрагменте; кроме того, помимо глаголов в последнем фрагменте рассказа смысловую нагрузку несет и другие элементы, которые исследовательница предпочитает не замечать ради сохранения «чистоты» своей концепции — противопоставления «сюжетных» и «описательных» блоков повествования (Сливицкая О.В. «Повышенное чувство жизни». С. 146).

мер, не провести параллели между бунинскими грозами — предвестниками трагической развязки — и надеждами обживающегося у подножия Машука Печорина, что «во время грозы облака будут спускаться до <...> кровли»¹¹⁷. Лермонтовский герой распахивает окно в душистый палисадник «в пять часов утра» — бунинский герой «просыпался рано и <...> шел по холмам в лесные чащи» до утреннего чая «часов в семь» утра; городок, в котором «шумит разноязычная толпа», отзывается в бунинском многолюдном базаре; описание гор Буниным («за дальними лесистыми вершинами сияла предвечная белизна снежных гор») кажется каденцией к лермонтовскому («амфитеатром громоздятся горы все синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снежных вершин»). Можно было бы счесть эти пейзажные зарисовки простым совпадением, если бы не почти поэтическая плотность обоих текстов и их многосмысленность: у Лермонтова пейзаж становится прелюдией и к исповедально-психологическому автопортрету Печорина, и к дальнейшему остро драматическому развитию событий, у Бунина — через статику и динамику природы переданы душевые состояния человека, причем и присутствующих героя и геройни, и отсутствующего (мужа геройни). Наконец, бунинский мотив радости, «веселого света» очевидно коррелирует со знаменитыми финальными строками лермонтовского пейзажа: «Весело жить в такой земле! Какое-то отрадное чувство разлито во всех моих жилах. Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка; солнце ярко, небо сине — чего бы, кажется, больше? Зачем тут страсти, желания, сожаления?..»

Если сравнить кавказские пейзажи Лермонтова и Бестужева-Марлинского, то окажется, что пейзажная «техника» последнего, если ее очистить от кружева сравнений и метафор, а также замечаний в руссоистском духе, гораздо точнее и во всех смыслах конкретнее воссоздает своеобразный мир природы южного края, и эта конкретность, зоркость и внимание к подлинности облика местности, «фенологическая» достоверность зарисовки, безусловно, родственны бунинскому восприятию природы. Безвестные «клейкие листочки» не имеют никакого отношения к поэтике Бунина, а вот умение соблюсти фактографическую точность и динамику набрасываемого «вида», которые демонстрирует Марлинский при всех издержках его стиля, этой поэтике весьма близки: «Наконец они въехали в густой лес орешников, потом дуба, черешни и еще ниже чинара и чилдара. Разнообразие, богатство растений и величавое безмолвие сенистых дубрав вселяло какое-то невольное благоговение к дикой силе природы. Порой из ночного мрака ветвей, как утро, расцветала поляна, украшенная благоуханным ковром цветов, не мятых стопою человека. Тропинка то скрывалась в чаще, то выходила на край утеса, и под ним в глубине шумел и сверкал ручей, то пенясь между каменьями, то дремля на каменном дне водоема, под тенью барбариса и шиповника. Фазаны, сверкая радужными хвостами, перелетывали в кустарниках; стада диких голубей вились над скалами то стеной, то столбом, восходящими к небу, — и закат разливал на них воздушный пурпур свой, и тонкие туманы тихо подымались в ущелиях; все дышало вечернею прохладою, незнакомою жильцам полей» («Аммалат-бек»)¹¹⁸. Марлинский умело пользуется пейзажной техникой в

---

¹¹⁷ Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4: Проза. Письма. М., 1958. С. 67–68.

¹¹⁸ Бестужев-Марлинский А.А. Соч.: в 2 т. М., 1981. Т. 2: Повести. Рассказы. Очерки. Стихотворения. Статьи. Письма. С. 27–28.

прозе, создавая колорит экзотической в то время для русского местности, и в этом изобилующем конкретными деталями пейзаже некоторые удивительно согласно перекликаются с бунинским образом «первобытного места» (ср., в частности: «В лесах лазурно светился, расходился и таял душистый туман»).

Напротив, лермонтовский пейзаж дорожит не столько конкретностью зрительных и в еще меньшей степени слуховых, обонятельных или осязательных образов природы, сколько символико-поэтической стущенностью образов. Так, в описании очень сходной, «горно-тропической», местности Лермонтов, сообщив предварительно, что самый ее воздух «располагает к любви, что здесь бывают развязки всех романов», создает необычайно подвижную картину, достигая динамизма с помощью единственного, но многократно используемого приема — олицетворения, тем самым тесно связывая особенности конкретного пейзажа с человеческим состоянием. Кроме того, Лермонтов вводит в этот пейзаж элементы переведенного им стихотворения Гёте «Ночная песнь странника» («Горные вершины...»), причем ряд опорных слов оригинала, не вошедших в лермонтовское свободное переложение, находит отражение в романном повествовании: «И в самом деле, здесь все дышит единением; здесь все таинственно — и густые сени липовых аллей, склоняющихся над потоком, который с шумом и пеной, падая с плиты на плиту, прорезывает себе путь между зеленеющими горами; и ущелья, полные мглою и молчанием, которых ветви разбегаются отсюда во все стороны, и свежесть ароматического воздуха, отягощенного испарениями высоких южных трав и белой акации, и постоянный, сладостно-усыпительный шум студеных ручьев, которые, встретясь в конце долины, бегут дружно взапуски и, наконец, кидаются в Подкумок. С этой стороны ущелье шире и превращается в зеленую лощину; по ней вьется пыльная дорога»¹¹⁹. И прочитываемое в подтексте обещание «отдохнешь и ты», подспудно напоминающее читателю, что журнал Печорина попадает в руки «издателя» после смерти героя, и глубоко скрытый в этом пейзаже сексуальный подтекст — в Кисловодске Вера назначает Печорину тайное свидание («наконец-то вышло по-моему», радуется герой¹²⁰) — во многом предваряют художественные открытия Бунина, не только осознавшего, какие могучие возможности таятся в таком привычном «внесюжетном» элементе, как пейзаж, но и многограново и разнообразно использовавшего его.

Разбирая «Кавказ», Б. Кирхнер высказал предположение, что «для понимания этой новеллы» главное значение имеет специально нагнетаемое автором описание великолепия природы: «Романтический пейзаж Кавказа символизирует красоту мира, которую Бунин противопоставляет поступку отчаявшегося офицера, самоубийству. Тем самым Бунин показывает, что смерть не является единственной приметой человеческой жизни и что есть на земле такая красота, которая переживает смерть людей»¹²¹. Трудно возразить, но еще труднее оторвать поэтику Бунина от предшествующей традиции, в диалоге с которой эта поэтика оформляется и обретает свои оригинальные черты. Вот что писал, в частности, В.В. Виноградов, анализируя

---

¹¹⁹ Лермонтов М.Ю. Собр. соч. Т. 4. С. 114.

¹²⁰ Там же. С. 122.

¹²¹ Kirchner B. Die Lebensanschauung Ivan Aleksejevič Bunins nach seinem Prosawerk. Tübingen, 1968. S. 119.

лермонтовский стиль: «Пейзажный рисунок в прозе Лермонтова почти всегда символичен. Он не только лирически изображает фон действия, но и символически отражает чувства героя и его представления об ожидаемых событиях. Именно в таком импрессионистическом плане Печорин рисует в “Княжне Мери” картины окружающей природы на пути к месту дуэли»¹²². Этот горный пейзаж находится в глубинной связи с бунинским «Кавказом». Ослепительная красота природы («Я не помню утра более голубого и свежего!») воспринимается особенно напряженно, поскольку окружающий мир уведен глазами человека, едущего на дуэль с заведомо смертельным исходом. Жизнь и смерть в лермонтовском тексте противопоставлены средствами пейзажа так же, как любовь и гибель противопоставлены у Бунина: «теплота солнечных лучей» сливается «с умирающей прохладой ночи», «серебряный дождь» (бунинский «блестящий ливень») глухо напомнит о пулях, так же как и «дымная даль» (о дымке после выстрела; у Бунина «таял душистый туман»), наконец, после вырвавшегося эмоционального эпитета «страшный» (утесы у Лермонтова, тучи у Бунина), лермонтовский пейзаж закончится символическим указанием на гробницу (утесы, «казалось, сходились непроницаемой стеной»), а бунинский прямо напомнит о выстреле, точнее, его неединственности («удары грома») и небытии («гробовая чернота лесов» — с последним контрастным противопоставлением «белоснежному кителю», надетому самоубийцей в finale).

В резком контрасте со стилистикой финального пейзажа «Кавказа» — сцены бури, напоминающей лермонтовского «Мцыри», нарочито просто, реалистически буднично написан финальный фрагмент, с неожиданно, невероятно звучащим выстрелом.

Как и в «Княжне Мери», в бунинском «Кавказе» звучит не один выстрел: едва не сорванная Грушницким и драгунским капитаном (пистолет Печорина не был заряжен), дуэль состоялась и закончилась совсем не так, как хотелось ее инициаторам. По поводу нарушения дуэльных правил доктор Вернер замечает: «Это немножко похоже на убийство, но в военное время, и особенно в азиатской войне, хитрости позволяются...»¹²³ Любое кодифицированное руководство сообщает, что «дуэль — это поединок двух человек с использованием смертельного оружия»¹²⁴. И тогда финальная фраза «Кавказа» не должна прочитываться как сообщение о простом самоубийстве. Самоубийством кончает, например, герой «Митиной любви», и автор говорит об этом в финальном абзаце так: «Она, эта боль, была так сильна, так нестерпима, что, не думая, что он делает, не сознавая, что из всего этого выйдет, страстно желая только одного — хоть на минуту избавиться от нее и не попасть опять в тот ужасный мир, где он провел день и где он только что был в одном из самых ужасных и отвратительных из самых земных снов, он нашарил и отодвинул ящик ночного столика, поймал холодный и тяжелый ком револьвера и, глубоко и радостно вздохнув, раскрыл рот и с силой, с наслаждением выстре-

---

¹²² Виноградов В.В. Стиль прозы Лермонтова. С. 597.

¹²³ Лермонтов М.Ю. Собр. соч. Т. 4. С. 128.

¹²⁴ Scholle Ch. Das Duell in der russischen Literatur: Wandlungen und Verfall eines Ritus. München, 1977. S. 1.

лил» (1924)¹²⁵. Герой «Кавказа» — «он», обманутый муж, «офицер» — «выстрелил себе в виски из двух пистолетов» (выделено нами). Если учесть, что классические дуэли русской литературы — это сплошное нарушение правил (перенос выстрела одного из соперников на неопределенное время в «Выстреле», опоздание Онегина более чем на час при максимально положенных пятнадцати минутах ожидания и прочие отступления от дуэльного кодекса, вышеупомянутый обман в «Герое нашего времени»), то и противоречие букве правил в «Кавказе» не может помешать рассматривать этот рассказ в контексте «дуэльных» сюжетов русской литературы и соответствующего социально-этического мировосприятия.

III

«...Дуэль подразумевала наличие строгого и тщательно исполняемого ритуала. Только пунктуальное следование установленному порядку отличало поединок от убийства», — характеризует Ю.М. Лотман институт дуэли в России¹²⁶. Правила были известны назубок, так же как и все вытекающие последствия, а именно: «Участие в дуэли, даже в качестве секунданта, влекло за собой неизбежные неприятные последствия: для офицера это, как правило, было разжалование и ссылка на Кавказ...»¹²⁷ Само слово Кавказ, со всей многосмысленностью его в русской культуре, звучало как выстрел, и усматривать «подлинный смысл» рассказа (точнее, его предпоследнего отрывка) в «описании Кавказа» — на котором писатель никогда не был! — значит пренебрегать его символикой, «сужать горизонт» восприятия текста. «По отношению к сюжету — это *всего лишь* место действия, которое без всякого ущерба легко может быть заменено любым другим», — полагает О. Сливицкая¹²⁸. Категорически возразим: бунинский сюжет с неизбежностью разворачивается в единственно возможном локусе. Место действия оказывается едва ли не решающим сюжетослагающим элементом, в противном случае ни один рассказ вообще не состоялся бы, а от пронзительного восторга и ужаса «Темных аллей» в целом остался бы голый эстетизм — искусство ради искусства, описание ради описания. Самим названием рассказа Бунин вводит читателя в метаконтекст литературного Кавказа, одновременно вставая в оппозицию к традиции, ибо сюжет теряет привычную жесткую конструкцию, и его коллизии сплетаются в не-привычный, алогичный и вместе с тем устремленный к знакомой цели (любовь-смерть) узор. Прямолинейное, лежащее на поверхности истолкование бунинско-

---

¹²⁵ Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. М., 1966. Т. 5: Повести и рассказы 1917–1930. С. 237.

¹²⁶ Лотман Ю.М. Дуэль // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 169.

¹²⁷ Там же. С. 172.

¹²⁸ Сливицкая О.В. «Повышенное чувство жизни». С. 148. Выделено нами. Жаль, что исследовательнице не приходит в голову для подтверждения своих тезисов экспериментально «перенести» героев и сюжет одного рассказа — в другой. Место и время действия и влекут за собой героев и сюжет, их притягивает локус, и локусом они обусловлены, как некогда, в эпоху великого реализма, герои были обусловлены «средой».

го рассказа (обманутый муж «прямо» заявляет: «Я ни перед чем не остановлюсь, защищая свою честь, честь мужа и офицера!») невозможно хотя бы потому, что эта угроза сразу настраивает на ожидание кровавой развязки — однако совсем не такой, какая наступает в рассказе¹²⁹.

Бунин, безусловно, опирается на «кавказский текст» русской литературы, но отнюдь не на весь его многоплановый и многослойный историко-политический и художественный конгломерат¹³⁰. Одна из бунинских «проекций» обнаруживается довольно легко. Собственно, кто этот безымянный офицер, если попытаться определить его с точки зрения системы персонажей такой «кавказской повести», как «Княжна Мери», попытаться найти типологически близкого ему героя? Перед осуществлением задуманного он «купался утром в море», «надел чистое белье, белоснежный китель» — эти детали как будто прямо ассоциируются с Печориным, с его погружением «в холодный кипяток нарзана» в утро дуэли и с его поразившим рассказчика в «Максиме Максимыче» «ослепительно чистым бельем»; но Печорин «среднего роста», тогда как герой-рассказчик «Кавказа», увидев мужа своей возлюбленной, «поражен его высокой фигурой, узкой шинелью». Шинель — атрибут Грушницкого, у его нового офицерского мундира воротник был «очень узок»; Печорин и Грушницкий не могут избежать смертельного поединка, ибо один из них — подлинный, обаятельный, хотя порой малосимпатичный «герой времени»¹³¹, а другой — его «“сниженный” двойник», «пошляк» в романтическом восприятии¹³². Но Бунин сплавляет в одном персонаже черты лермонтовских ге-

¹²⁹ Приведем в качестве полностью неудовлетворительной следующую интерпретацию финала «Кавказа»: «Очевидно, что на первом плане у него он сам, и ему невдомек, что у другого человека, его жены, могут быть какие-то свои мысли и чувства, что они могут меняться, что она могла разлюбить его. Об этом же свидетельствуют и самые последние минуты его жизни, когда он вовсе не думает о тех, кого оставляет, ни о душе своей, а самым дотошным образом ублажает свое тело...» (Гречнев В.Я. Цикл рассказов И. Бунина «Темные аллеи» // Русская литература. 1996. № 3. С. 232). В подобном подходе нарушена и логика общечеловеческая (вероятно, «в последние минуты жизни» обманутый муж должен с нежностью думать об «оставленном» любовнике жены; вероятно, «ублажать тело» — это как раз и стреляться сразу из двух револьверов; вероятно, сбежавшая жена на курорте предается не плотскому ублажению, а мыслям именно о душе), и логика нравственного императива русской литературы (от Татьяны до Анны Сергеевны), и логика истолкования бунинского текста в соответствии с его поэтикой, а не вопреки ей.

¹³⁰ Так, «кавказская повесть» в ее главном, военном и цивилизационном, противостоянии русской армии и «горцев» Бунина, всю сознательную жизнь прожившего в ситуации «мирного» Кавказа (и унаследовавшего в семейном предании иную войну — Крымскую), не занимала.

¹³¹ Если понимать под временем не конкретную историческую эпоху в развитии России, а человеческий возраст — молодость, нуждающуюся в романтических идеалах и сильных личностях. В этом смысле удачную характеристику Печорина предложил В.В. Набоков, полагавший, что «молодому Лермонтову удалось создать вымышленный образ человека, чей романтический порыв и цинизм, тигриная гибкость и орлиный взор, горячая кровь и холодная голова, ласковость и мрачность, мягкость и жестокость, душевная тонкость и властная потребность повелевать, безжалостность и осознание своей безжалостности остаются неизменно привлекательными для читателей самых разных стран и эпох, в особенности же для молодежи...» (Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М., 2001. С. 433). Читатель в молодости — когда и читают лермонтовский роман — «с жаром отождествля[ет] себя с его героем» (Там же. С. 434).

¹³² Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. С. 346.

роев-антиподов, наделяя его чертами обоих¹³³. Для характеристики героини при этом отбираются портретно-поведенческие особенности, связанные с образом и обликом Веры: при ее первом появлении это «женщина, окутанная черной шалью» (героиня Бунина, живущая среди скрытых «траурными покрывалами» горячек, закрывает «лицо газовым шарфом», чтобы поплакать; слезы — непременный атрибут Веры).

Но и роль героя-рассказчика также связана с образом Печорина: «Неужели, думал я, мое единственное назначение на земле — разрушать чужие надежды? С тех пор, как я живу и действую, судьба как-то всегда приводила меня к развязке чужих драм, как будто без меня никто не мог бы ни умереть, ни прийти в отчаяние! Я был необходимое лицо пятого акта: невольно я разыгрывал жалкую роль палача или предателя»¹³⁴. Первые фрагменты «Кавказа» и разворачиваются как акты любовной драмы. Развязка, однако, наступает не по законам классической поэтики, тем более драматургической. Традиционную развязку в пятом акте усиливает кульминация в роли развязки в заключительном, пуантируированном фрагменте.

Архитекторика новеллистики Бунина не случайно напоминает чуткому исследователю (Ю. Мальцеву) лермонтовский «Сон», с его зыбкой многоплановостью видений, каждое из которых столь же реально, насколько является плодом воображения, «сном» и даже еще изысканнее и загадочнее — «сном во сне»¹³⁵. Кажущаяся случайность, «клочковатость» фрагментов «Кавказа», отсутствие между ними четкой связи обладает в действительности свойством неожиданной зеркальности. «Я знал это побережье, жил когда-то некоторое время возле Сочи, — молодой, одинокий, — на всю жизнь запомнил те осенние вечера среди черных кипарисов, у холодных серых волн...» — вспоминает в первом фрагменте герой-повествователь; «На другой день по приезде в Сочи он <...> выстрелил себе в виски из двух револьверов», — сказано в заключительном фрагменте. Исследователи полагают (мы цитировали выше это мнение), что в новелле «Кавказ» противопоставлены два пейзажа — холодной, дождливой, промозглой, «серой» Москвы и яркого, солнечного, «веселого» юга. Между тем это представление складывается из соединения клишированных априорных представлений читателя (исследователя) о московском и южном климате и действительно появляющихся в тексте Бунина соответствующих тропов.

Впервые цветовые эпитеты «серый» и «черный», а также определения «осенний», «холодный» появляются не при характеристике Москвы, а в воспоминаниях героя-рассказчика именно о Сочи (в первом фрагменте). Получив посланные из Геленджика и Гагра открытки, «он» (обманутый «муж и офицер») ищет «ее» в

---

¹³³ Словно дразня модернистов «разрешением проблемы, сформулированной для XX века Ницше — трагической антиномичности мира и раздвоенности человека» (*Паперно И. Пушкин в жизни человека Серебряного века // Cultural Mythologies of Russian Modernism*. С. 20).

¹³⁴ Лермонтов М.Ю. Собр. соч. Т. 4. С. 108.

¹³⁵ «Витки пяти этих четверостиший сродни переплетению пяти рассказов, составивших роман Лермонтова “Герой нашего времени”, — пишет о композиции «Сна» с их «пророческими стихами» Набоков (Предисловие к «Герою нашего времени» // Набоков В.В. Лекции по литературе. С. 424–425).

этих курортных городках; однако неожиданно возникает третье название (трое героев, число три настойчиво повторяется в рассказе, почти во всех его фрагментах), и «он» оказывается именно в Сочи (на карте располагающимся, как уже упоминалось, между двух прочих упомянутых локусов). В первом фрагменте одинок рассказчик, в последнем — его соперник, третий лишний, офицер. Офицер без оружия непредставим; но у бунинского героя оказалась *пара* револьверов. Парными бывают только дуэльные пистолеты: «Дуэль — это поединок двух лиц со смертельным оружием», — как явствует из традиционного определения этого «ритуала». Место, мелькнувшее в воспоминаниях героя-рассказчика, внезапно актуализируется как искомый пункт, как место назначенной дуэли: «Он искал ее в Геленджике, в Гаграх, в Сочи»; в Сочи и разыгрывается трагический финал. Напомним еще один лермонтовский диалог, Печорина и княжны Мери: «Разве я похож на убийцу? — Вы хуже...»¹³⁶ Заключительный пуант возвращает нас к воспоминанию, «на всю жизнь» врезавшемуся в память рассказчику, как к воспоминанию об убийстве (даже «хуже»), о могиле («черные кипарисы», «гробовая чернота лесов»), о смерти.

Посвятив подробное исследование «изменениям и упадку обычая» дуэли в русской литературе — от Пушкина и Лермонтова, Толстого («Война и мир»), Тургенева («Отцы и дети»), Достоевского («Бесы») до Чехова («Дуэль»), Куприна («Поединок») и Арцыбашева («Санин»), немецкая исследовательница К. Шолле приходит как будто к неожиданным, однако вполне закономерным выводам. Во-первых, независимо от жанра и содержания анализируемых произведений их объединяет «одна существенная общая характерная черта: ни одна из рассматриваемых дуэлей не была проведена согласно правилам. В большей или меньшей степени в каждом отдельном случае речь идет об отступлении от предписаний»¹³⁷. В таком общем контексте нарушения дуэльного кодекса или в отходе от него бунинский «Кавказ» с «неявкой» соперника к барьеру и самоубийством офицера сразу из двух пистолетов может рассматриваться тоже как повествование о дуэли, состоявшейся вопреки отсутствию не только секундантов, но и физическому отсутствию одного из соперников. Во-вторых, сопоставление с описанием поединков в европейской литературе, где дуэль изображается по большей части в «смешном» ключе, выявляет еще одну особенность русской литературы, в которой отношение к дуэли чаще всего не «смешное», а трагически-серезное: «Эта литература в гораздо большей степени — обвинение против бесчеловечно используемого обычая»¹³⁸. И в-третьих, «поведение героя на дуэли определяет масштаб его личности: как кто стреляется (*sich duelliert*), таков он и есть»¹³⁹.

«Воровское», хотя и «великое счастье» любви, с обретением утраченного рая — первобытные кущи бунинского описания (не случайны эпитеты «предвечный», «допотопный») не дают усомниться в этом — как будто спотыкается в finale о

---

¹³⁶ Лермонтов М.Ю. Собр. соч. Т. 4. С. 103.

¹³⁷ Scholle Ch. Das Duell in der russischen Literatur. S. 183.

¹³⁸ Ibid.

¹³⁹ Ibid. S. 185.

двойной выстрел. Но уже в первой части рассказа назначено место дуэли, и в том, что она состоится, нет ни малейшего сомнения, обманутый (но не знающий этого наверняка и пока лишь догадывающийся об измене) муж предупреждает жену: «Я ни перед чем не остановлюсь, защищая свою честь, честь мужа и офицера!» В первоначальном наброске этот персонаж еще был мало симпатичен автору: «Вы даже и представить себе не можете, — жаловалась героиня, — на что он способен при его ревности / ревнивости и охранении своей “офицерской чести”. Кроме того, я ведь вам говорила, что за последнее время припадки его участились, и он раз сказал мне прямо: “Помни, что ревнивый эпилептик может перед припадком сделать все, что угодно, вплоть до убийства”»¹⁴⁰. Этот текст был перепечатан, а потом самым серьезным образом переработан — строки черны от вычеркиваний, вставок и новых вычеркиваний: «Я думаю, что он на все способен при его ревнитом и жестоком характере. И ведь что больше всего заботит его? Охрана своей “офицерской чести”, высоких традиций — семьи, брака. Раз он мне прямо сказал: “Я ни перед чем не остановлюсь, защищая их — вплоть до револьвера”»¹⁴¹. Как видим, болезнь (эпилепсия) совершенно исключается из мотивационной сферы. Позже два места были отчеркнуты красным карандашом, на полях вынесен знак вставки: к характеру мужа был добавлен еще один эпитет — «самолюбивый», а вместо «их» — т. е. высоких традиций семьи и брака (не раз попранных, стоит напомнить, самим писателем в собственной жизни) — появляется окончательная формулировка: «свою честь, честь мужа и офицера»¹⁴². Эти слова являются ключом к финалу рассказа.

Дуэльная практика, сложившаяся в России лишь в XIX в., сразу оказалась в нераздельной связи с понятием о чести. Правило защиты чести касалось всего дворянского сословия, но в военных кругах «применялось еще строже: отказ от защиты собственной чести или чести полка являлся причиной для разжалования из офицеров»¹⁴³; не удивительно, что именно офицеры «демонстрировали особую чувствительность в вопросах чести»¹⁴⁴. Однако напрасно полагает современный исследователь, что русские дуэлянты «воспринимали поединок <...> как реальную возможность устраниить конкретного человека либо умереть самому»¹⁴⁵. Так, впрочем, очевидно, воспринимает угрозы мужа и героиня «Кавказа». Дело, между тем, было не в жажде крови, не в потребности физического устранения, а именно в особом и навсегда утраченном понимании чести: «Дуэль — не месть и не средство избавиться от соперника: это лишь ее низменная, далеко не всегда присутствующая черта. Дуэль — риск своею жизнью во имя общественного к себе уважения, во имя своей внешней чести; не чужая кровь смывает с нее пятно, а

---

¹⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 1–2.

¹⁴¹ Там же. Л. 5.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Хоптон Р. Дуэль: Всемирная история. М., 2010. С. 32.

¹⁴⁴ Там же. С. 47.

¹⁴⁵ Ловатов С.А. [Вступительная статья] // Русские дуэлянты: Документы, свидетельства очевидцев, исповеди, судьбы / сост., comment. и вступ. ст. С.А. Ловатова. Челябинск, 2003. С. 19.

своя собственная, или, по крайней мере, готовность ее пролить»¹⁴⁶. Герой Бунина произносит свои угрозы не от себя лично, а в точном соответствии с дуэльным кодексом, неукоснительно соблюдааемым в офицерской среде. Статья первая дуэльного кодекса, изданного перед Первой мировой войной, гласила: «Личная и семейная честь, а также честь и достоинство офицерского звания и своей чести должны быть офицером почитаемы и ценимы дороже жизни...»¹⁴⁷ Таким образом, не приходится сомневаться — Бунин пишет о готовящейся дуэли в самом начале рассказа. Невнимание к дульному дискурсу «Кавказа» связано с полной утратой кодекса чести на протяжении XX в. и тем самым с выведением его за рамки интерпретации рассказа: «Старомодного чувства чести практически не осталось в современной действительности»¹⁴⁸.

Но о чем, как не о дуэли, должны свидетельствовать два пистолета, два выстрела в финале «Кавказа»? Очевидно, что «дуэль является почти идеальным сюжетным элементом, формирующим кульминационные всплески», а несостоявшаяся дуэль становится провалом «с точки зрения литературного сюжета» — «на месте акцента оказалась пустота»¹⁴⁹. Давно было замечено: «Офицеры Бунина — это особая каста, которая больше всего заботится о своей офицерской чести. Офицер, запятнавший свою личную репутацию и через нее и полковую, должен смыть своею кровью двойное бесчестие»¹⁵⁰. Очевидно, что «жестокий, самолюбивый» офицер должен был довести дело об оскорблении чести до конца. Бунин убрал определение «вспыльчивый» из окончательного текста «Кавказа», тогда как именно эту черту характера Пушкина заостряли его современники, поражаясь его поведению в дуэльной ситуации. И.П. Липранди признавался, что «знал Ал. Серге-ча вспыльчивым, иногда до исступления; но в минуту опасности — словом, когда он становился лицом к лицу со смертью, когда человек обнаруживает себя вполне, — Пушкин обладал в высшей степени невозмутимостью при полном сознании своей запальчивости, виновности, но не выражал ее. Когда дело дошло до барьера, к нему он явился холодным как лед. <...> Эти две крайности в той степени, как они соединились у Ал. С-ча, должны быть чрезвычайно редки»¹⁵¹. Бунинский персонаж — человек именно такого типа: взбешенный в первом фрагменте рассказа «Кавказ», он хладнокровен и выдержан в день своей предрешенной смерти. Напротив, герой, от лица которого ведется повествование, не обладает выдержанкой: «Когда я ехал на вокзал, все внутри у меня замирало от тревоги и холода», — признается он, и уже в вагоне поезда он «замер», «похолодел от страха», увидев героиню с мужем на перроне, «отшатнулся от окна»: «Третий звонок оглу-

---

¹⁴⁶ М.Э. Дуэль и честь в истинном освещении: Сообщение в офицерском кругу [1902] // Русские дуэлянты. С. 59.

¹⁴⁷ Микулин И., генерал-майор Генерального штаба. Пособие для ведения дел чести в офицерской среде (часть 2-я). Избранные статьи из Дуэльного кодекса [1912] // Русские дуэлянты. С. 71.

¹⁴⁸ Хоптон Р. Дуэль. С. 398.

¹⁴⁹ Кобринский А. Дуэльные истории Серебряного века: Поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб., 2007. С. 7–8.

¹⁵⁰ Yackovlev (Licharev) A. Bunin's prose writing in exile. P. 86.

¹⁵¹ Липранди И.П. Из дневника и воспоминаний / Русские дуэли. С. 149.

шил меня, тронувшийся поезд поверг в оцепенение...» В первоначальном тексте страх героя-повествователя был еще более утрирован: «оглушил, как громом», «сдерживая мелко стучашую зубами челюсть»¹⁵². Замечательно, что неподдельно напуганный счастливый соперник воображает обманутого мужа спокойным и нежным: «Я мысленно видел, как он хозяйственно вошел [в купе] вместе с нею, оглянулся, — хорошо ли устроил ее носильщик, — и снял перчатку, снял картиз, целуясь с ней, крестя ее...»

Перекрестил муж неверную жену, прощаясь навеки, а внимание читателя сфокусировано на руках персонажей: муж держит жену под руку рукой в перчатке, а в поезде перчатку снимает, и в это время в соседнем вагоне измученный страхом любовник платит кондуктору за услуги «ледяной рукой»¹⁵³. Вызов сделан — и не принят: «При дуэли на пистолетах следует выбирать совершенно открытую местность...» — гласит популярный в начале XX в. дуэльный кодекс В.А. Дурасова (параграф XXXVII)¹⁵⁴, а тем временем герой-любовник бежит от поединка и укрывается в горах Кавказа. Но Кавказ, о котором Пушкин с восторгом писал Бестужеву-Марлинскому: в нем «много, в самом деле, романтизма»¹⁵⁵, — тем же романтическим Кавказом оставался и почти век спустя, когда, например, М.М. Зощенко «поехал на Кавказ», где «дрался на дуэли»¹⁵⁶. Пересяка в эти овеянные романтизмом места действие «Кавказа», Бунин усиливает дуэльный дискурс рассказа. Само его название отсылает к поэме Пушкина «Кавказ» (черновой редакции «Кавказского пленника»), наброски которой относятся к августу 1820 г.¹⁵⁷

Напомним, что бунинский «Кавказ» написан в наивысший момент почитания, прославления Пушкина, общерусской огромной и искренней любви к нему — и прежде всего под углом зрения его гибели. В те времена, особенно в белой эмиграции, никому в голову не могли прийти мысли, подобные следующим: «Сегодня ясно, что никакого фатального тупика в начале 1837 года в жизни Пушкина не было. Была драматическая (внутренне) ситуация (“жена полюбила другого”), которую следовало суметь пережить на глубинно-смиренном, качественно-религиозно новом уровне <...> Дуэль не нужна была никому (Дантес сделал все мыслимое, чтобы потушить пожар и вывести ситуацию в полную формальную благопристойность), кроме самолюбия и гордости великого поэта <...> сакральный отблеск на имени Пушкина стал вечен»¹⁵⁸. Пишуший даже не осознает, что этот «сакральный отблеск» нужен не имени Пушкина, не его посмертной славе, а его потомкам. «Можно предположить, что принятие интеллигенцией официаль-

---

¹⁵² РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 4.

¹⁵³ В первоначальном тексте этот вызов брошенной перчатки и скрещенных рук соперников (противников, находящихся, впрочем, в разных вагонах) не был четко выписан: «Кондуктору <...> я сунул в руку десятирублевую бумажку...» (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 87. Л. 4).

¹⁵⁴ Цит. по: Савченко Б.А. Знаменитые дуэли. М., 2005. С. 370.

¹⁵⁵ Цит. по: Кацура А. Дуэль в истории России. С. 98.

¹⁵⁶ Кобринский А. Дуэльные истории Серебряного века. С. 11.

¹⁵⁷ См.: Rak В.Д. Пушкин в работе над поэмой «Кавказ»: (К истории заполнения тетради ПД 830) // Русская литература. 1998. № 4. С. 52–53.

¹⁵⁸ Доватов С.А. [Вступительная статья] // Русские дуэлянты. С. 11.

ного культа декабристов и Пушкина (а также, в меньшей степени, и Лермонтова) объяснялось ностальгией по временам, когда честь еще была жива, — временам, которые персонифицировались в образах декабристов, Пушкина и Лермонтова как безукоризненных дуэлянтов», — рассуждает ближе к истине еще одна исследовательница русской дуэльной практики¹⁵⁹. В сложившемся национальном культе поэта «немыслимо представить Лермонтова или Пушкина убийцами, они онтологически должны быть жертвами»¹⁶⁰.

На западноевропейский взгляд, русские литературные поединки XIX в. происходят в сугубом несоответствии с установленными дуэльными нормами, а дуэль Печорина с Грушницким вообще «нарушает чуть ли не все правила: с начала и до конца она представляет собой гротескную пародию на общепринятый протокол...»¹⁶¹. По минимальности расстояния, на котором обычно стрелялись русские дуэлянты (три-пять шагов), их поединки выглядели «незаконными»¹⁶². В начале XX в. представления о поединке еще более деформируются и «впервые, видимо, возникают фантастические, с точки зрения неписанных дуэльных правил, ситуации...»¹⁶³. Одну из таких ситуаций создает в «Кавказе» и Бунин, нарушая дуэльные стереотипы, и прежде всего представление об участниках поединка как о противостоянии «горячей романтической натуры, с одной стороны, и холодного циника — с другой»¹⁶⁴. Вернее, он соединяет два типа дуэлянтов в одном. Так же смешены, размыты или утрированы и другие требования дуэльного кодекса, например возможность замены одного из дуэлянтов при личном характере на-несенного оскорблении: «Заменяющее лицо всегда отождествляется с личностью заменяемого, пользуется всеми его преимуществами, принимает на себя все его обязательства и имеет законное право совершать все те действия, которые совершил бы заменяемый в случае своей дееспособности» (кодекс В.А. Дурасова, параграф VII. Личный характер оскорблений и случаи замены)¹⁶⁵. Обманутый муж, самолюбивый офицер, дорожащий понятиями чести, выступает в роли сразу обоих противников, заменяя не явившегося («он искал их...») к барьера соперника: «Заставлять ждать себя на месте поединка крайне невежливо» (кодекс В.А. Дурасова, параграф XVII. Поведение противников на месте поединка)¹⁶⁶.

Топографически рассказ закольцован идеально: начавшись с мечты о побеге влюбленных в «горные джунгли» возле Сочи, рассказ именно в Сочи заканчивается двумя смертельными выстрелами. Поведение бунинского героя почти точно укладывается в дуэльные предписания: «На другой день по приезде в

---

¹⁵⁹ Рейфман И. Ритуализованная агрессия: Дуэль в русской культуре и литературе. М., 2002. С. 265.

¹⁶⁰ Ловатов С.А. [Вступительная статья] // Русские дуэлянты. С. 21.

¹⁶¹ Хоптон Р. Дуэль. С. 379.

¹⁶² Русские дуэли. С. 20.

¹⁶³ Кобринский А. Дуэльные истории Серебряного века. С. 14.

¹⁶⁴ Савченко Б.А. Знаменитые дуэли. М., 2005. С. 5.

¹⁶⁵ Цит. по: Там же. С. 362.

¹⁶⁶ Там же. С. 370.

Сочи он купался утром в море, потом брился, надел чистое белье, белоснежный китель, позавтракал в своей гостинице на террасе ресторана, выпил бутылку шампанского, пил кофе с шартрезом, не спеша выкурил сигару». Так, в частности, содержащие «много дельных советов возможным участникам поединков» дуэльные «учебники» рекомендуют дуэлянту утром «накануне боя» после пробуждения «выпить кофе с сухим печеньем, однако воздержаться от сытного завтрака в столь ранний час»¹⁶⁷. А о бодрящем воздействии купания перед поединком рассуждал лермонтовский Печорин: «Погружаясь в холодный кипяток нарязана, я чувствовал, как телесные и душевые силы мои возвращались. Я вышел из ванны свеж и бодр, как будто собирался на бал. После этого говорите, что душа не зависит от тела!...»¹⁶⁸

Но не совпадением с кодифицированными или неписанными правилами проведения дуэлей поражает заключительный фрагмент бунинского «Кавказа». В нем странным образом отзываются детали, которые врезались в память мемуаристов, потрясенных дуэлью и гибелью Лермонтова — вызванного Мартыновым, по преданию, за злую шутку о «диком горце с кинжалом»¹⁶⁹. Е.Г. Быховец (Ивановская) вспоминала о встрече с Лермонтовым в Железноводске перед дуэлью: «На половине дороге <...> мы пили кофе и завтракали»¹⁷⁰. Всего больше ужаснула близких поэта разразившаяся вслед за его гибелью сильнейшая гроза, которую А.П. Шан-Гирей (со слов секунданта Лермонтова, М.П. Глебова) описывал апокалиптически: «...коны привязанные ржут, рвутся, бьют копытами о землю, молния и гром беспрерывно; необъяснимо страшно стало!»¹⁷¹ Другой секундант на этой дуэли, А.И. Васильчиков, так рассказывал о природном катаклизме, сопровождавшем смерть второго поэта России: «Когда мы приехали на гору Машук и выбрали место по тропинке <...> темная, громадная туча поднималась из-за соседней горы Бештау...»¹⁷² После поединка «шел проливной дождь». «...Лермонтов, уже мертвый, лежал на том же месте, где упал <...>. Черная туча, медленно поднимавшаяся на горизонте, разразилась страшной грозой, и перекаты грома пели вечную память новопреставленному рабу Михаилу»¹⁷³. Свидетелями именно такой грозы и становятся герои бунинского «Кавказа» — «страшные тучи», «злобная буря», «шумная гробовая чернота лесов», «допотопные удары грома»... Еще один друг Лермонтова, С.А. Раевский, сокрушался: «А мы дома с шампанским ждем <...> Мы с расспросами к князю [Васильчикову], а он только и сказал: “Убит” и запла-

---

¹⁶⁷ Хоптон Р. Дуэль. С. 98.

¹⁶⁸ Лермонтов М.Ю. Собр. соч. Т. 4. С. 130.

¹⁶⁹ По словам косвенной свидетельницы ссоры, Э.А. Клингенберг (Шан-Гирей), острота была произнесена по-французски: «montagnard au grand poignard» (Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 151); известен акварельный портрет Н.С. Мартынова, сделанный Г.Г. Гагариным именно в 1841 г. и изображающий противника Лермонтова «в черкеске и с большим кинжалом» (Там же. С. 271).

¹⁷⁰ Савченко Б.А. Знаменитые дуэли. С. 131.

¹⁷¹ Там же. С. 134.

¹⁷² Там же. С. 132.

¹⁷³ Там же. С. 133.

кал. Мы чуть не рехнулись от неожиданности; все плакали, как малые дети»¹⁷⁴. Фрагментарность бунинского рассказа не дает возможности утверждать, какое событие произошло раньше, — гроза, которую наблюдали любовники в деревушке у моря, или самоубийство после шампанского и кофе в Сочи, — но кажется, что сама природа оплакивает новопреставленного: «Тогда в лесах просыпались и мяукали орлята, ревел барс, тявкали чекалки... Раз к нашему освещенному окну сбежалась целая стая их, — они всегда сбегаются в такие ночи к жилью, — мы открыли окно и смотрели на них сверху, а они стояли под блестящим ливнем и тявкали, просились к нам...» И только героиня в этот миг «радостно плакала».

Грозой как символическим отражением смятения в душе героя-дуэлянта уже воспользовался Чехов в «Дуэли» (1891). Однако в этом рассказе молнии ярко блещут и «оглушительные, раскатистые удары грома» гремят над морем в ночь перед поединком. Когда миновала «милая гроза», все конфликты оказываются разрешенными, она вбирает в себя страхи и очищает души героев, так что утром, на рассвете, когда солнце «зелеными лучами» освещает землю, очевидно, что, даже если дуэль и состоится, никто не будет убит. Бунинская гроза тоже символична; но это не символ очищения, а символ того страшного, дикого, первобытного хаоса, который вторгается вместе с любовью в жизнь человека, разрушает ее покой и гармонию, губит и саму жизнь. Но таким же страшным, бесчеловечным решением является и дуэль, не восстанавливющая порядок и равновесие, а уничтожающая какие бы то ни было представления о счастье. В предположении, что бунинский герой воссоздает ситуацию дуэли и защищает свою честь, нет большой натяжки, тем более что «существует немало примеров дуэлей, которые происходили на таких коротких расстояниях, что гибель или серьезные ранения фигурантам были практически обеспечены»¹⁷⁵. Недаром в русском языке в слове «стреляться» совпадают два значения: стрелять в себя с целью самоубийства и драться на дуэли с кем-либо, используя огнестрельное оружие.

Бунин словно реализует мечту исследователя о «тексте, где было бы все. Там были бы жизнь и смерть, поэзия и правда, сюжет и бессюжетность, прошлое и будущее, Россия и Запад, море и горы, поезда и автомобили... Герой боролся бы с антагонистом и в то же время чем-то походил на него, как и рассказчик на автора... А в центре была бы героиня, доступная и недосягаемая, ускользающая и все-таки улавливаемая — хотя бы в повествовательные сети. И антагонист побеждал бы героя, а смерть — жизнь, но смерть оказывалась бы лишь одной из масок искусства, ибо смерть и поэзия одно...»¹⁷⁶. И как бы, кажется, хорошо укладывался текст бунинского «Кавказа» в эту услужливо изготовленную форму (и отсутствие таких деталей, как автомобиль, извинительно, а оппозиция Россия и Восток не менее многозначна), — если бы не «клюквенный сок» модернистского пристрастия к игре, маскам, travestированию, в конце концов, к «балаганчику»¹⁷⁷. Этот игровой

---

¹⁷⁴ Там же. С. 134.

¹⁷⁵ Хоптон Р. Дуэль. С. 89.

¹⁷⁶ Жолковский А. Philosophy of composition. С. 390.

¹⁷⁷ Не случайно одним из ключевых образов рассказа В. Набокова «Весна в Фиальте», о котором идет речь в приведенной цитате, становится разъездной цирк.

элемент, как и философско-эстетские прения об Эросе и Танатосе, культурах Диониса и Аполлона, занимавшие умы русских модернистов, никак не соположены с финальным пуантом бунинского рассказа. Двойной выстрел в заключительном абзаце «Кавказа» — совсем не игра, именно из-за отсутствия не только иронии, но даже малейшего намека на нее у насмешливого, ироничного, злозыкого Буннина, автора талантливо-карикатурной, одновременно блестящей и чудовищной мемуарной галереи представителей современной ему русской литературы. Его текст соответствует иным обязательным требованиям модернизма — он «должен изобиловать цитатами, полуоткрытыми и очевидными», «отдавать» кем-нибудь из русских классиков; однако вместо «литературной условности происходящего»¹⁷⁸, несмотря на все богатство реминисценций, кровь пролита настоящая.

Изощренно, контрапунктно выстроенный композиционно, изысканный в цветописи и светописи, впечатляющей многосмысленностью и символичностью тщательно отобранных деталей, рассказ написан кровью собственного сердца. Его очевидный автобиографический подтекст мучителен, а реминисценции литературно-исторического характера с проекцией на трагические судьбы двух гениев русской поэзии и на не затянувшиеся в русской душе раны от их гибели открывают в рассказе о банальном адюльтере неожиданные, ошеломляющие «бездны» и «небесные высоты». Заурядные с точки зрения обычного сюжета события, увиденные в ракурсе личностей и судеб Пушкина и Лермонтова, возвращают жизни, любви, смерти утраченный в новейшую эпоху масштаб и глубину и одновременно предупреждают от однозначных истолкований. Задолго до революции и эмиграции, в очерке, написанном к счастливому юбилею — столетию со дня рождения Пушкина, Л. Шестов, в частности, отмечал, что своим творчеством Пушкин отучал русского человека от ригоризма, от излишней прямолинейности и категоричности. Как будто верно, что «нельзя прощать “виновных” и принципом правосудия должно быть жестокое правило возмездия — но наедине со своей совестью, наученные великим поэтом, мы знаем уже иное: мы знаем, что преступление является не от злой воли, а от бессилия человека разгадать тайну жизни», — заключает Шестов¹⁷⁹. Кажется, что в известном смысле бунинский «Кавказ» иллюстрирует мысль Шестова. Помимо преломления мотива дуэли, в рассказе присутствует и подмеченное философом бессилие человека перед тайной жизни, не поддающейся прямолинейной разгадке, перед тайной любви. Офицер, обманутый муж, движимый справедливой и законной жаждой мести, предполагая наказать виновную жену и вызвать на дуэль соперника, постепенно оставляет свои попытки разыскать беглецов. Тот же юг, те же ослепительно прекрасные места Черноморского побережья производят на него свое чарующее действие. Он словно разгадал источник страданий, осознав, что им является не сбежавшая с любовником жена, а он сам, терзающие его мысли и чувства. Тот, кто казался грозным преследователем и беспощадным мстителем, становится жертвой; «счастье любви», которым так полно и самозабвенно наслаждались любовники, оборачивается смертью, и дальнейшая история влюбленной пары остается за рамками рассказа.

---

¹⁷⁸ Жолковский А. Philosophy of composition. С. 393.

¹⁷⁹ Шестов Л.И. А.С. Пушкин [1899] // Воздушные пути (Нью-Йорк). 1960. № 1. С. 62–63.

Кроме прочего, этот обрыв сюжета — романного сюжета, его свертывание в тугую сжатую спираль, которая может развернуться на длинное психологическое или даже психоаналитическое повествование, объясняет силу эмоционального воздействия коротких рассказов Бунина. Это новаторский шаг в новеллистике, пересмотр структуры классической композиции. Чувствуя, понимая это, Ю.Л. Сазонова, вопреки традиционно сложившемуся о Бунине мнению как о традиционалисте и «стороже прошлого», называет писателя «самым буйным новатором»¹⁸⁰. Обновление повествовательных форм в «Кавказе» несомненно. Композиция его фрагментарна внешне, отдельные фрагменты связаны со сменой места действия. Все развертывание сюжета — это всего лишь экспозиция, а последний короткий фрагмент аккумулирует в себе и кульминацию, и развязку.

В финале не просто происходит смена персонажа и заходит речь о «третьем лишнем», все время незримо пребывающем в тексте и даже однажды в нем мелькнувшем въяве. Со сменой центрального персонажа, на которого теперь наведен фокус, происходит устранение «я» рассказчика (в повествовании типа Ich-Erzählung) — словно он действительно убит на дуэли. Финал написан в сухой отстраненной манере от третьего лица, и эта смена повествовательного ракурса — еще один, дополнительный эффект, иначе распределяющий отношение читателя к описанному любовному треугольнику и к трем его участникам. Как в юбилейном 1937 г. все внимание было сосредоточено на личности и трагической гибели Пушкина, так и в «Кавказе» главным действующим лицом оказывается застрелившийся — из двух пистолетов — офицер. Выстрелы, довольно часто звучащие в прозе Бунина, не обязательно сами по себе создают остро драматический эффект. Но финал «Кавказа» отличается именно тем, что сам Бунин определил как «редкую силу, напряженность», присущую его повествовательному мастерству¹⁸¹. А «кавказский» лермонтовский текст («Княжна Мери») содержит и еще один ключ к неожиданной развязке любовной драмы бунинского «Кавказа», с необычным претворением в ней мотива дуэли. Узнав о «проделке» драгунского капитана, задумавшего изъять пулью из его дуэльного пистолета, Печорин разрабатывает свой сценарий предстоящей дуэли: «...ваша мистификация вам не удастся <...> мы поменяемся ролями»¹⁸². Что предстоит счастливым любовникам бунинского «Кавказа»? Сознание состоявшегося отмщения: не убийца — но «хуже».

Литературный и исторический контекст создавал новое измерение в прозе Бунина. Когда Ю. Сазоновой кажется, что вся мировая проза не имеет аналогов «с этим даром передачи огромного содержания в сжатых до экстракта словах»¹⁸³, то одно из объяснений этому во многом справедливому тезису и содержится во вбирии и растворении бунинским словом предшествующей традиции. Будучи искренне увлечена бунинской прозой и одновременно тонко чувствуя, как угодить старому мэтру, его корреспондентка и in spe автор монографии о писателе

---

¹⁸⁰ Письмо от 15 июня 1953 г. // «Драгоценная скучность слов». С. 346.

¹⁸¹ Письмо от 7 апреля 1953 г. // Там же. С. 328.

¹⁸² Лермонтов М.Ю. Собр. соч. Т. 4. С. 128.

¹⁸³ Письмо от 27 октября 1952 г. // «Драгоценная скучность слов». С. 306.

предлагает особое жанровое определение «рассказов-экстрактов» Бунина: *Gesta Buni[ni]* по аналогии с *Gesta Romanorum* («Римскими действиями»)¹⁸⁴. Одним из таких «действий» Бунина становится и рассказ «Кавказ», вобравший в себя обостренное драматическое переживание судьбы великих русских поэтов, их творчества, переплетенное с тяжелыми коллизиями личной жизни при невозможности обычных решений и поступков, при диффузии понятий измены, чести... Двойной выстрел в finale рассказа — это, в сущности, и есть *gestum* Бунина, по-человечески выстраданный, глубоко сокровенный ответ на пережитую драму любви и драму творчества. «Кавказский» дискурс, «дуэльный» дискурс, включая Бунина в напряженный диалог с литературными предшественниками, разрешает его собственный сложный нравственный конфликт и освобождает от житейской мелочности в пользу философского постижения жизни во всей ее бесконечной противоречивости.

«А как создаются мои писания? — поверяет Бунин тайну своего творчества почти на пороге смерти. — <...> пишу вполне бессознательно — то, что как будто кто-то диктует мне, не знаю ни единой строки заранее, — и выходит как-то *само собой* следующее (нечто изумительно прекрасное)». Простительно трогательно это признание, как и еще одно — «истинно <...> Бог послал»¹⁸⁵. Воистину — «но лишь божественный глагол до слуха чуткого коснется...».

---

¹⁸⁴ Письмо от 22 декабря 1952 г. // Там же. С. 314; Письмо от 14 января 1953 г. // Там же. С. 317. Публикаторы дважды пропустили ошибку в латыни: в публикации «*Gesta Buninorum*». «Римские действия», следя грамматике, это «действия римлян»; в переводе на русский образованное по аналогии именование «*gesta Buninorum*» буквально означает «действия Буниных». Пользуемся случаем исправить эту двойную ошибку.

¹⁸⁵ Письмо от 6 апреля 1953 г. // «Драгоценная скучность слов». С. 327.

С.В. РАХМАНИНОВ:
К 140-летию со дня рождения
и 70-летию со дня смерти

C.P. Федякин

«СИМФОНИЧЕСКИЕ ТАНЦЫ» С.В. РАХМАНИНОВА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

«Симфонические танцы» Рахманинова — из тех произведений, которые с неизбежностью будут привлекать новых и новых интерпретаторов. Слишком значимы в этом произведении «говорящие» музыкальные темы, способные дать ключик к «расшифровке» произведения. И даже понимая, что, толкуя музыкальное произведение, стоишь перед опасностью подмены музыкальных образов словесно выраженным образным рядом, иной раз весьма произвольным, отказаться от «объяснения» «Симфонических танцев» невозможно, как невозможно отказать композитору в праве выразить в звуках свое мировоззрение.

В последнее время появились две публикации о «Симфонических танцах» с серьезной попыткой еще раз «перечитать» партитуру. В.Н. Грачев дал развернутое прочтение рахманиновского произведения под знаком «Откровения Иоанна Богослова», увидел и четырех всадников из Апокалипсиса в его начале, и предреченное композитором «православное воскрешение» России в его конце¹. Артем Ляхович видит саму проблему «интерпретации» под иным углом зрения². «Симфонические танцы», по его мнению, можно воспринимать как чисто музыкальное произведение (поскольку сам Рахманинов отказался от того, чтобы сопроводить это сочинение какой-либо программой). Но вместе с тем в них есть программность, пусть и неявная, есть тайнопись, но, возможно, есть и «мистификация», т. е. намек на тайнопись без явного стремления эту тайнопись запечатлеть в звуках.

Эти два несовпадающих (кроме некоторых деталей) толкования лишний раз подтверждают, что любое произведение искусства может иметь множество интерпретаций, причем никакая из них не может быть признана всеобъемлющей (как никакая проекция трехмерного объекта на плоскость не может явить его «целиком»). Даже если мы точно знаем, что хотел выразить своим сочинением композитор, музыкальный образ нельзя «исчерпать» словами или иными внemузикальными образами. Достаточно вспомнить стихотворную «Поэму экстаза» Скрябина и его знаменитое симфоническое произведение с тем же названием, чтобы ощутить, насколько многогранней музыкальный образ чуть ранее написанного его

---

¹ См.: Грачев В.Н. О художественном мире «Симфонических танцев» С.В. Рахманинова // Слово: Образовательный портал. URL: www.portal-slovo.ru/art/36039.php (дата обращения 4 декабря 2013 г.).

² Ляхович А. Программность «Симфонических танцев» Рахманинова: тайнопись или мистификация? // Израиль XXI: Музыкальный журнал. URL: http://www.21israel-music.com/Simfonicheskie_tancy.htm (дата обращения 4 декабря 2013 г.).

словесного прообраза. Столь же отличен «Остров мертвых» Рахманинова от той черно-белой репродукции одноименной картины Арнольда Бёклина, которая послужила «первотолчком» для создания этого произведения. Музыкальное «полотно» Рахманинова, несомненно, «насыщенней» растиражированных печатных копий живописного шедевра.

«Симфонические танцы», завершенные в 1940 г., уже на исходе жизни, — из самых сложных произведений композитора. Вряд ли его смысловую составляющую когда-либо можно будет исчерпать даже целым множеством интерпретаций. Тем более что в партитуре произведения, — во всех трех частях, — находят все новые скрытые цитаты и музыкальные символы. В настоящей статье не предлагается окончательное «объяснение» музыкального произведения. Это лишь попытка раскрыть еще одну его грань.

* * *

В первой части «Симфонических танцев» есть тема, которая пришла из далекого прошлого, — из Первой симфонии Рахманинова. Она была написана в 1895 г. двадцатидвухлетним композитором. Исполнение симфонии 15 марта 1897 г. завершилось провалом. Для молодого автора это было равносильно катастрофе: после этого потрясения он долго не мог заниматься сочинительством. Сама симфония была одним из первых произведений Рахманинова, где он вполне сознательно использовал музыкальную символику, и автор возлагал на свое сочинение особые надежды.

Известно, что к этому произведению был подыскан эпиграф с отсылкой и к Священному Писанию, и к роману Л.Н. Толстого «Анна Каренина»: «Мне отмщение, и Аз воздам». Сочинение было посвящено «А.Л.», т. е. Анне Лодыженской, жене композитора Петра Викторовича Лодыженского, приятеля Рахманинова. Об отношениях Рахманинова и Анны Александровны известно так мало, что, в сущности, можно их считать скрытыми от биографов. Но уже то, что Сергей Рахманинов называл ее «родная» и относился к Лодыженской с особым уважением, говорит об особой значимости этого посвящения. Можно предположить, что эпиграф как-то связан с судьбой «А.Л.». Но как часто бывает, он оказался в большей степени обращенным к судьбе самого композитора.

Многие современники связывали провал симфонии с вялым и невнятным дирижированием А.К. Глазунова. Родился даже слух, что оркестром управлял пьяный дирижер³. Но Александру Константиновичу совсем не нужно было быть «хмельным», чтобы столь неудачно исполнить сочинение молодого коллеги. Задача Глазунова была невероятно трудной — за две репетиции перед концертом разучить три новых произведения. К тому же Рахманинов и сам словно «готовил» себе этот «удар судьбы». И эпиграф, и номер опуса 13-й говорили о многом. К тому же симфония прозвучала в одном концерте вместе с сочинением Чайковского, название которого — «Фатум» — было не менее говорящим. Сам «Фатум» имел весьма непростую судьбу. После петербургской премьеры в 1869 г., после критики М.А. Ба-

³ См. рецензию Н.А. Рахманиновой в воспоминаниях: *Сван А.-Дж., Сван Е.* Воспоминания о С.В. Рахманинове // Воспоминания о Рахманинове: в 2 т. / сост., ред., примеч. и предисл. З. Аветян. 5-е изд., доп. М., 1988. Т. 2. С. 209.

лакирева, который произведением Чайковского дирижировал, Петр Ильич в конце концов партитуру уничтожил. В 1896 г. «Фатум» был восстановлен по оркестровым голосам и в роковой день 15 марта 1897 г. словно бы «передал» тяготевшее над ним заклятие Первой симфонии Рахманинова, партитура которой тоже была утрачена (возможно — уничтожена автором) и, восстановленная по оркестровым голосам и клавираусцугу, прозвучала снова уже после смерти композитора.

О том, что Рахманинов в 22 года решился на некий вызов судьбе, говорит и главная тема симфонии. Известно, что в ней слились тема из обихода и тема из средневековой секвенции «Dies irae» («День гнева»). К последней не раз обращались композиторы, и европейские — Берлиоз, Лист, Сен-Санс, и русские — Чайковский, сам Рахманинов не один раз, после — Н.Я. Мясковский. Знаменитый с XII столетия мотив остался таковым и в XIX в. Мелодический «отрезок», — тему часто брали в укороченном виде, — обрел черты символа. Образ Страшного суда в нем сливался с образом смерти, душевного мрака, торжества разрушительных сил⁴.

В главной теме симфонии соединились два древних напева востока и запада Европы. Предположительный напев из обихода (октоих) был указан В.Н. Брянцевой⁵. «День гнева» — не совсем точно — отразился в первых четырех нотах вступления. То, что оставшиеся три — это цитата именно из этой секвенции, говорит главная тема первой части симфонии, поскольку вступление — это, в сущности, ее усеченный вариант (см. примеры 1 и 2 в Приложении).

В «Симфонических танцах» тема из Первой симфонии звучит совершенно преображенной (см. пример 3 в Приложении). И чтобы лучше понять и ее появление, и сам характер звучания, нужно, во-первых, вслушаться в тематический материал этой части и, во-вторых, вспомнить ту историческую атмосферу, которая «Симфоническим танцам» предшествовала.

В самом начале произведения верхние голоса первых четырех аккордов, — если соединить крайние и средние ноты, — дают то самое пересечение линий, которое в эпоху барокко воспринималось как символ креста. Зная интерес Рахманинова к древним напевам, к истории некоторых музыкальных тем⁶, есть основание полагать, что те четыре креста, которые начертаны в самом начале «Симфонических танцев» (см. пример 4 в Приложении), появились в партитуре не случайно⁷.

⁴ Текст этой секвенции стал составной частью «Реквиемов» европейских композиторов, в том числе и особо известных — Моцарта, Керубини, Берлиоза, Верди.

⁵ См. Брянцева В.Н. С.В. Рахманинов. М., 1976. С. 219.

⁶ О таком интересе говорит общение композитора с С.В. Смоленским, А.Д. Кастаньским, музыкантами из кружка А.Б. Гольденвейзера и — позже — с историком и теоретиком музыки И.С. Яссером.

⁷ Известно, что таким крестом была и тема, рожденная из фамилии «Бах» — b-a-c-h, и что И.С. Бах часто «расписывался» собственной фамилией в своих произведениях: см. об этом: Бодки Э. Интерпретация клавирных произведений Баха. М., 1993. С. 226–228. О кресте во вступительных аккордах «Симфонических танцев» пишет В.Н. Грачев в соответствии со своим толкованием произведения. А. Ляхович предположил, что вся фраза из восьми аккордов (т. е. как бы два креста) — это единный рисунок, «тройной — православный крест». При таком истолковании получится, что в начале произведения начертаны два таких креста. Можно было бы предположить, что Рахманинов «изобрел» этот сложный рисунок. Но композитор всегда стремился в своем творчестве опираться на традицию русского и европейского искусства, а музыкальной традиции с начертанием «православных крестов» не существует.

То, что Россия вступает на свой крестный путь, Рахманинов почувствовал еще в 1914-м. Об этом говорит и его фраза в письме от 22 июля Александру Зилоти, запечатлевшая подавленное состояние композитора в начале германской войны: «...с кем бы мы ни воевали, но победителями мы не будем»⁸. Об этом говорит и его «Всенощная», написанная в начале 1915-го. Своим главным духовным произведением композитор словно бы призывает, пока не поздно, вспомнить основополагающие ценности русской жизни и русской культуры. И если «Всенощная» — предчувствие исторического перелома, то «Симфонические танцы» запечатлели время, наступившее после.

По свидетельству С.А. Сатиной, композитор сначала хотел дать названия частям «Симфонических танцев»: «День», «Сумерки», «Ночь». И часть первая, «День», начинается с чувства очень тревожного.

Если дать слово музыковедам, мы что-то сможем уловить в этой музыке, но очень уж в «общем виде». На языке одного: «Угловатая, ритмически дробная, вся сотканная из коротких попевок тема развивается напористо и моторно, в характере токкаты»⁹. На языке другого: «Основной образ первой части — разворачивающийся в крайних разделах сложной трехчастной формы марш-скерцо, исполненный грозного воодушевления»¹⁰. Третий исследователь услышит «позитивное начало», «бородинский героико-эпический симфонизм» и «негативную фантастико-зловещую (даже “злую”) образность, основанную на немелодическом, интонационно и гармонически “колючем” тематизме»¹¹.

Все различают резкие аккорды, «маршеобразность» темы, помноженной на ее же «токкатность». Но в толкованиях — чрезмерная разноголосица. Кто-то способен различить «краски батальности», «колкие аккорды», «“металлические”, “бронированные” звучности», «голос войны»¹². Кто-то — «массовый натиск, возникший в эпоху великих приступов, в зорях первой русской революции», помноженный на «остроту скерцозной динамики»¹³.

То, что в произведении зазвучал голос истории, — в этом нет сомнения. Но какая эпоха отразилась в нем, — русская революция или Вторая мировая война? Фразы вроде «военно-маршевая музыка»¹⁴ или «маршевая поступь»¹⁵ — вряд ли смогут что-либо объяснить. Если добавить, что здесь была услышана и «рахманиновская колокольность», и «хоровая песенность древнерусского “знатенного” происхождения» в «аккордовом фактурном слое»¹⁶, — причем все в неявном

---

⁸ Рахманинов С.В. Литературное наследие: в 3 т. / ред., вступ. ст. и comment. З. Апетян. М., 1980. Т. 2. С. 71.

⁹ Соколова О.И. Симфонические произведения С.В. Рахманинова. М., 1957. С. 121.

¹⁰ Брянцева В.Н. С.В. Рахманинов. С. 582.

¹¹ Кандинский А.И. «Симфонические танцы» Рахманинова: (К проблеме историзма) // Алексей Иванович Кандинский. Воспоминания. Статьи. Материалы. М., 2005. С. 110.

¹² Там же. С. 111.

¹³ Брянцева В.Н. С.В. Рахманинов. С. 582.

¹⁴ Кандинский А.И. «Симфонические танцы» Рахманинова: (К проблеме историзма). С. 106.

¹⁵ Брянцева В.Н. С.В. Рахманинов. С. 582.

¹⁶ Кандинский А.И. «Симфонические танцы» Рахманинова: (К проблеме историзма). С. 107. Курсив А.И. Кандинского.

виде, — то самым непосредственным образом ощущается уже не сама музыка, но заметная трудность в ее описании.

Есть указание на первоисток последнего произведения композитора. К.Я. Голейзовский, автор либретто балета «Скифы» (он так и не был написан Рахманиновым в 1915 г.), услышал в «Танцах» именно эту «скифскую» музыку¹⁷. Разумеется, композитор, чуть ли не десятилетие положивший на то, чтобы закончить свой 4-й фортепианный концерт, мог еще больше времени потратить на другой замысел. Но важен здесь не сам «звуковой материал», — даже если он и пришел из музыки для балета, — важно, как он *преображен*. «Симфонические танцы» — произведение именно 1940-го, а никак не 1915 г. И тембровой, колористической новизной звучания, и своими тональными «неожиданностями» — это детище времен Второй мировой войны. Другое дело, что год 1940-й, когда разгоралась Вторая мировая, поневоле заставлял вспоминать прошлое. Поэтому «День», «Сумерки» и «Ночь» — это не только эпохи человеческой жизни, как обычно истолковывают эти предполагаемые названия, но и разные периоды одного исторического времени. Но тогда и совсем иной образ может быть ощущим за этой музыкой. Хотя понять его можно только лишь в сопоставлении со средним разделом, с этой бесконечной мелодией, отделенной от предыдущего жесткого ритма каким-то пастушеским наигрышем и оплетенной «свирильными» или «жалейными» погудками-напевами.

Это очень русская музыка. Когда исследователи предположили, что в ней можно обнаружить и отголоски казахской народной песни¹⁸, то и здесь очевидным была русская основа этой темы. Соприкосновение с казахской песней если и было, то привнесло в музыку разве что степной, «поляинный» запах. И любой, кто услышит эту бескрайнюю мелодию, будь то музикант или простой любитель, чувствует одно: мучительную ностальгию, воспоминание о России, похожее на светлую боль. В пастушьих наигрышах отчетливо слышна Русь «изначальная», в нескончаемой мелодической линии — Россия XIX, Россия начала XX в. Здесь явлена та самая «печаль полей», которая превратила Древнюю Русь в Россию.

Когда-то Блок сумел запечатлеть этот двойной образ.

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

За строками встает та самая «Святая Русь», образ которой неизбежно связывается с подъемом Московии, с Куликовской битвой. Но здесь же, сквозь эту Русь, светится и образ необъятной России, которая исторически явится после «Святой Руси»:

---

¹⁷ См.: Соколова О.И. Симфонические произведения С.В. Рахманинова. С. 118.

¹⁸ См. об этом: Кандинский А.И. «Симфонические танцы» Рахманинова: (К проблеме историзма). С. 103–104.

Наш путь — степной, наш путь — в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о, Русь!¹⁹

Когда в стихотворном цикле «На поле Куликовом» (1908) Русь и Россия совместились в единый образ, в нем засветился богочестивый лик:

...И когда, наутро, тучей черной
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.

Само сражение 1380 г. если и отразилось в творчестве Рахманинова, то вряд ли в «Симфонических танцах». Скорее — в знаменитой прелюдии до-диез минор. Но есть и магия строк, способных жить самостоятельной жизнью. «Светел навсегда» — как неожиданно и точно звучат эти два слова, если они сказаны не о только о далеком прошлом, но и о России, ушедшей на дно истории в 1917 г. Печаль русских полей, ветра, который колышет травы, — все запечатлено в «ностальгической» теме «Симфонических танцев». Сквозь нескончаемую, бесконечную, как российские степи, мелодическую линию, оплетенную пастушескими наигрышами, встает тот самый образ Родины, что «светел навсегда». Тот самый образ, что брезжил в сердцах русских эмигрантов. И подобный лик («светел навсегда») проступает и в раннеэмигрантском рассказе Бунина «Косцы» (1921): «Кругом нас были поля, глушь серединной, исконной России. Было предвечернее время июняского дня. Старая большая дорога, заросшая кудрявой муравой, изрезанная заглохшими колеями, следами давней жизни наших отцов и дедов, уходила перед нами в бесконечную русскую даль. Солнце склонялось на запад, стало заходить в красивые легкие облака, смягчая синь за дальними извалами полей и бросая к закату, где небо уже золотилось, великие светлые столпы, как пишут их на церковных картинах. Стадо овец серело впереди, старик-пастух с подпаском сидел на меже, навивая кнут... Казалось, что нет, да никогда и не было, ни времени, ни деления его на века, на годы в этой забытой — или благословенной — богом стране. И они шли и пели среди ее вечной полевой тишины, простоты и первобытности с какой-то былинной свободой и беззаботностью. И березовый лес принимал и подхватывал их песню так же свободно и вольно, как они пели»²⁰.

Подобный образ чуть позже засветится и в прозе Бориса Зайцева (повесть «Анна», 1929): «Сквозь два небольшие же оконца глядел со двора угасающий

---

¹⁹ Образы Блока точно соответствуют евразийской «формуле» Л.Н. Гумилева: «Древняя Русь и Великая степь». Именно об этих образах в блоковском цикле писал Георгий Федотов в известной статье «На поле Куликовом» (1927). Там же он сказал и о евразийском видении истории у Блока. Во многом это соотносится и с двумя родинами Рахманинова — землями новгородскими, где он появился на свет, провел детские годы, и тамбовскими степями, Ивановкой, — тем местом, которое стало родиной его творчества.

²⁰ Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. М., 1988. Т. 4. С. 221.

осенний русский день, когда вечерняя заря не горит над горизонтом, ровны серые облака на небе, буреет в поле копенка вики неубранной, ветер треплет картофельную ботву, да вдалеке одинокий жеребенок, тоненький, длинноногий, призраком стоит — а вдруг тонко заржет, распустит хвост и ветерком понесется домой»²¹.

Свою бесконечную мелодию-ностальгию Рахманинов поручил саксофону. Быть может, потому, что это был голос «из Америки». Быть может, потому, что самый тембр его мог лучше передать голос степи²². Это — ностальгия 1920-х, когда образ России еще близок, но уже недостижим.

В русской прозе, написанной в самом начале жизни на чужой земле, была заметна затаенная грусть, когда недавнее прошлое видится двойным зрением: к изображению все время примешивается горькое чувство. Писатель видит прошлое — и понимает: его больше нет. Композитор «слышит» прошлое с тем же чувством утраты.

Жесткая, ритмическая тема, с которой начинаются «Симфонические танцы», — раздольный, печальный, нескончаемый напев, который ей противостоит. Контраст, который оттеняет и угловатую «жесткость» наступившего «Дня», и тихую, длительную боль памяти.

Музыка часто являлась Рахманинову из его зрения: «Остров мертвых» (картина Бёклина), «Тройка»²³, два фортепианных цикла, где самоназвание — «Этюды-картины» — говорило о «внемузикальном» их происхождении. И — редкие признания: что же изображено в том или ином «этюде»: «Море и чайки», «Ярмарка», «Серый волк и Красная Шапочка» и т. д.²⁴

Ритм жесткого, механического движения. Не его ли нескончаемые переезды отразились в этой теме? — С концертами, из города в город, от одного концерта к другому. Жизнь — в дороге, часто под стук колес.

Эту жизнь в 1920-х однажды припомнит «русский берлинец» Юрий Офросимов. Нищее время. Бывший офицер питается скучно. В зимнее время может отогреться лишь в поезде окружной дороги, где за одну и ту же цену можно ехать до следующей станции или катить четыре часа по всему кругу. «Древнейшие до-военные вагоны скрежетали, скрипели, лязгали, на остановках, задрожав, подбрасывали. А за окнами свистело и шипело — казалось, что это наша ностальгия разлетается там плотными клочьями пара, оседая и стекая по окнам мутными слезами»²⁵.

Если укрупнить, обобщить, заострить это воспоминание — получится образ, столь похожий на самое начало «Симфонических танцев». В главной теме — почти зрительное ощущение поезда, сарами, с клоками дыма, с жестким стуком колес. Но сам образ не механический, не звуковая «иллюстрация». Тональная «не-

---

²¹ Зайцев Б.К. Собр. соч.: в 5 т. М., 1999. Т. 3. С. 351.

²² См.: Кандинский А.И. «Симфонические танцы» Рахманинова: (К проблеме историзма). С. 104.

²³ Прелюдия, оп. 32 № 12; вторая часть Второй симфонии.

²⁴ См.: С.В. Рахманинов — О. Республики. 2 января 1930 // Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. 2. С. 270–271.

²⁵ Офросимов Ю. Памяти поэта (Корвин-Пиотровский) // Новый журнал. 1966. № 84. С. 72.

устойчивость» и заметная «рваность» музыки рождают образ не какого-то поезда, даже не «поезда вообще», но именно *переездов*, «жизни на колесах»²⁶.

О том, что 1-я часть последнего произведения Рахманинова передает ощущение русских за границей в первые годы эмиграции, говорит время, которое предшествовало сочинению. 23 августа 1939 г., после концертов в Европе, уже погруженной в предвоенную атмосферу, из Шербура Рахманинов с женой отбыл в США. Пароход «Аквитания» шел тихо: на палубе полумрак, окна замазаны черным и занавешены, освещение в каютах тусклое. Картина была до удивительного похожа на конец 1918 г., когда он из Норвегии с семьей плыл в далекую Америку, и время было еще военное, тревожное, опасались подводных лодок. Как и в 1918-м, композитор пребывал в подавленном состоянии. И действительно, именно за время плавания мир успевал изменяться. В 1918 г. Рахманиновы прибыли в Нью-Йорк ко времени окончания Первой мировой войны. В 1939 г. — к началу Второй мировой.

Война закрыла для русского музыканта двери Европы и потому снова, как в 1919 г., как в начале 1920-х гг., его ждали концертные поездки только по Америке. Концертный сезон начнется в Вустере 18 октября. Далее — привычно напряженный ритм: Сиракьюс, Цинциннати, Анн-Арбор, Кливленд, Давенпорт, Минneapolis, Бостон, Вашингтон, Гаррисберг, Грэнсборо, Детройт, Ньюарк, Нью-Йорк, Оберлин и т. д. В юности он — не без шутливости, но и не без некоторого «франтовства» — в письмах к близким знакомым подписывался: «странствующий музыкант». Вряд ли думал тогда, в 1890-х гг., что говорит не только о настоящем, но и будущем. «Странствующим музыкантом» вновь ощутил себя с первых лет своей зарубежной жизни. И то же самое и со всею остротой должен был почувствовать и в сезон 1939/40 г. Тем более что американцы решили отметить двадцатилетие его артистической деятельности здесь, в Новом Свете, и в конце года в Нью-Йорке и Филадельфии пройдут «рахманиновские» концерты. Год 1939-й настойчиво возвращал мыслями в 1919-й и начало 1920-х, когда он жил «на колесах», разъезжая с концертами по стране.

В памяти подобные переезды останутся и у русских эмигрантов. Когда из России ехали в Берлин. Из Берлина — в Прагу, Варшаву, Париж. Даже название заметок, — как бы из записной книжки, — могло зазвучать совершенно «пожелезнодорожному», как у Георгия Адамовича: «На полустанках»²⁷.

...Резкая начальная тема (жизнь «под стук колес») — печальный напев (взгляд из окна, который видит только прошлое, тоску русских равнин) — снова возвращение в «День» («под стук колес») — явление главной темы из собственной Первой симфонии. Это — драматургическая канва первой части «Симфонических танцев».

---

²⁶ В.Н. Грачев предполагает, что этот жесткий ритм рисует четырех апокалиптических всадников. Музыка — особое искусство. Описывать ее словами — занятие почти бесплодное. Но иначе без непосредственного звучания дать представление о произведении невозможно. В то же время словесные образные ряды, которые музыка рождает в разных слушателях, могут не противоречить друг другу, но сосуществовать. В настоящей статье литературные параллели приводятся из произведений, которые были созданы в то же время, что и музыка Рахманинова.

²⁷ Адамович Г. На полустанках: (Заметки поэта) // Звено (Париж). 1923. 8 окт. № 36. С. 2.

Сложно составленная тема из Первой симфонии, в основе которой лежал древний знаменный напев, слитый с мотивом из секвенции «Dies irae», в «Симфонических танцах» предстает в неузнаваемом виде: музыка не тревожная, но уми-ротворенная, почти благостная. Авторская ремарка — *cantabile*, т. е. — «певуче». Конечно, знаменный напев, что лег в ее основу, ведет к образу «Святой Руси». Конечно, «День гнева» отсылает и к европейскому Средневековью, и к образу смерти, и к древней европейской традиции при изображении мрачного и «разрушительного» прибегать к цитатам именно из этого напева. Но цитата как бы взята в кавычки. Совсем как у Бунина в стихотворении 1923 г.:

«Опять холодные седые небеса,
Пустынные поля, набитые дороги,
На рыжие ковры похожие леса,
И тройка у крыльца, и слуги на пороге...»

— Ах, старая наивная тетрадь!
Как смел я в те года гневить печалью Бога?
Уж больше не писать мне этого «опять»
Перед счастливою осеннею дорогой!

То, что в России казалось чуть ли не катастрофой, в эмиграции могло увидеться иначе. То, что некогда было печалью, тоскою, трагедией, — вспоминается как ушедшее счастье. Провал Первой симфонии в России — это резкий перелом в судьбе. Воспоминание о нем в эмиграции — тихая грусть по «утраченному раю».

...Русское зарубежье после обвала Российской империи. Разумеется, композитор отразил *свой* эмигрантский опыт, свою американскую жизнь с конца 1918 г. Переезды, переезды, переезды... — и при взгляде из окна, когда перед глазами проносится чужая земля, — тоска по утраченной родине, где — как теперь кажется, прекрасно было все, даже самое горькое.

Но запечатлелось в этой музыке и общее. Бесприютный русский эмигрант. Он брошен в пугающий и жестокий мир. Он только-только почувствовал под ногами чужую землю. Настоящее («День») было беспокойным, тяжелым, злым. А память возвращала к «светел навсегда», к далекому русскому прошлому.

* * *

Вторая часть не требует особого указания на партитуру. Цитатность здесь не такая, как в первой части. Достаточно лишь указать на вступительные «зазывные» фанфары. В их возгласах исследователи различили искаженные мотивы знаменного распева²⁸. Такой «призыв» может напомнить о «Трубе предвечного» («Tuba mirum») из многочисленных реквиемов европейских композиторов, хотя здесь это скорее лишь напоминание о Страшном суде, нежели его начало. Далее

---

²⁸ Хотя В.Н. Грачев и А. Ляхович в указанных выше работах дали отсылки к разным музыкальным источникам.

жесткий аккомпанемент на «раз-два-три» вносит подчеркнуто механистическое начало в эту музыку. Одинокий, живой «мелодический голос»²⁹ — не столько противостоит этой жесткости, сколько пытается как-то устоять в чуждом ему пространстве.

Тональность здесь «твёрдая» — соль минор (в отличие от первой части, где царствует до минор-мажор). И все же не покидает странное ощущение: почва «плывет» под ногами, земля «неустойчива» и будто «покачивается». В.Н. Грачев услышал в этой части «Симфонических танцев» бал как ритуальное действие, возникшее в эпоху Петра Великого, которое выражало «единство царя со своим народом, олицетворяемым избранным кругом людей — Светом»³⁰. Но эмоционально куда ближе к этой музыке стоит другой бал, запечатленный в стихотворении современника Рахманинова, поэта Георгия Иванова «Как вы когда-то разборчивы были...», вошедшего в книгу «Портрет без сходства» (1950):

...Стал нашим хлебом цианистый калий,
Нашей водой — сулема.
Что ж — притерпелись и попривыкали,
Не посходили с ума.

Даже напротив — в бессмысленно-злобном
Мире — противимся злу:
Ласково кружимся в вальсе загробном,
На эмигрантском балу.

Авторская ремарка «Tempo di valse» («В темпе вальса») слишком часто заставляет исследователей говорить об этой части «Симфонических танцев» именно как о вальсе. Слова немузиколога, пожалуй, более точны: «Вальс, который никак не решится стать вальсом»³¹. Здесь та же зыбкость, неотчетливость, притом что сами доли — «раз-два-три, раз-два-три...» — на большем пространстве «Сумерек» отчетливо обозначены.

Для музыки всегда трудно найти емкие и ясные характеристики. Язык описания с неизбежностью будет приблизительным и неточным. В «около-вальсе» Рахманинова услышали и «знойную истому»³², и «звуковые «вихи», подобные «вьюжной» стихии поэмы «Двенадцать»»³³.

И все же самое непосредственное ощущение от этих «Сумерек» сближает всех: чувство острого одиночества, чуть ли не потерянности в холодном мире, вечер, почти не отличимый от ночи, и в нескольких «мгновениях» — мерцание зловещего провала, какая-то «истома мрака».

---

²⁹ Брянцева В.Н. С.В. Рахманинов. С. 588.

³⁰ Грачев В.Н. О художественном мире «Симфонических танцев» С.В. Рахманинова.

³¹ Никитин Б. С. Сергей Рахманинов: Две жизни. М., 2008. С. 109.

³² Соколова О.И. Симфонические произведения С.В. Рахманинова. С. 125.

³³ Кандинский А.И. «Симфонические танцы» Рахманинова: (К проблеме историзма). С. 115.

Попытки сопоставить «почти вальс» Рахманинова с другими вальсами не приносят должного результата. Но различима иная параллель: «Рахманиновский «Вальс» соприкасается с миром русской лирики»³⁴.

«Сумерки». Одиночество. Не так просто найти этому рахманиновскому образу точное подобие в литературе. В близком «регистре» звучит блоковское стихотворение 1912 г.:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.

Но здесь отчаяние доведено до края, до бесчувствия. До «все равно». В музыке Рахманинова — живые вздохи. Затаенное отчаяние, бессилие противостоять... Но повсюду — живой и горестный трепет.

Лишь одна строфа приблизилась к этой музыке: Иннокентий Анненский, «Тоска мимолетности» из «Трилистника сумеречного» (1904):

Сейчас наступит ночь. Так черны облака...
Мне жаль последнего вечернего мгновенья:
Там все, что прожито, — желанье и тоска...
Там все, что близится, — унылость и забвенье.

Но это — звуки из дореволюционного времени. Здесь предчувствуется только «унылость и забвенье», здесь нет съедающего душу беспокойства. Только поэтам русского зарубежья пришлось пережить те же минуты, которые знал и Рахманинов. Но и здесь — только сближения, полного совпадения нет. Зато есть «голос новейшей истории», как в стихотворении Георгия Адамовича «Осенним вечером, в гостинице, вдвоем...» (1928):

...Осенний крупный дождь стучится у окна,
Обои движутся под неподвижным взглядом.
Кто эта женщина? Зачем молчит она?
Зачем лежит она с тобою рядом?

Осенним вечером, Бог знает где, вдвоем,
В удушии духов, над облаками дыма...
О том, что мы умрем. О том, что мы живем.
О том, как страшно все. И как непоправимо.

---

³⁴ Кандинский А.И. «Симфонические танцы» Рахманинова: (К проблеме историзма). С. 115. При этом «лирика» понимается музыковедом в самом широком смысле этого слова: и поэты, и художники, авторы лирического пейзажа. Мнение музыковеда тем более ценно, что он намеренно уходит от чисто музыкальных параллелей: вальс Рахманинова не похож на вальсы других композиторов — Глинки, Чайковского, Глазунова, Равеля.

У Георгия Адамовича — совпадение в настроении. И все же нет той крайней бесприютности, когда человек один на один с чужбиной, с мирозданием. У Георгия Иванова — есть одиночество. Но...

Начало небо меняться,
Медленно месяц проплыл,
Словно быстрее подняться
У него не было сил.

И розоватые звезды,
На розовой дали,
Сквозь холодающий воздух
Ярче блеснуть не могли.

И погасить их не смела,
И не могла им помочь,
Только тревожно шумела
Черными ветками ночь³⁵.

Здесь нет того зловещего кружения звуков, за которыми — пока еще неясно — сквозит «Великое Ничто». Позже, в 1948 г., и этот образ появится в стихотворении Георгия Иванова:

Лунатик в пустоту глядит,
Сиянье им руководит,
Чернеет гибель снизу.
И даже угадать нельзя,
Куда он движется, скользя,
По лунному карниzu...

И все же здесь слишком отчетлив лунный рисунок. Нет наползающих, взвихренных туманов, за которыми — как за «кружениями» звуков у Рахманинова — не столько чернеет, сколько угадывается мировая пропасть.

Предыдущее сочинение, Третью симфонию (оп. 44), Рахманинов закончил в 1936-м. Дата знаменательная для русского зарубежья. Это год той самой полемики о молодой эмигрантской литературе, которая завершилась на довольно-таки пессимистической ноте, когда идея — сохранить русскую культуру и найти достойную смену в литературе, — которую лелеяло старшее поколение русских писателей за рубежом, становилась зыбкой, если вообще реальной³⁶. Этот год стал

---

³⁵ Стихотворение впервые появилось в сборнике «Розы» (1931).

³⁶ См.: Федякин С.Р. Полемика о молодом поколении в контексте литературы русского зарубежья // Русское зарубежье: приглашение к диалогу: Сб. науч. тр. Калининград, 2004. С. 19–28; Он же. Полемика вокруг статьи Г. Газданова «О молодой эмигрантской литературе» // Газданов Г. Собр. соч.: в 5 т. М., 2009. Т. 5. С. 269–279.

переломным и для русского Парижа, и для Рахманинова, который после Третьей симфонии на четыре года снова замолчал как композитор. Далее для русского зарубежья начинается хроника утраты былых надежд. Год 1937-й. 100-летие со дня гибели Пушкина. Речи, статьи, специальные выпуски газет. Еще нет отчаяния. Но это последняя попытка почувствовать «устойчивость» культуры перед нашествием «вторичного варварства»³⁷. 1938-й. Уходит из жизни Федор Шаляпин. Вместе с ним — огромная эпоха. Для Рахманинова это не только потеря друга, — все прожитые годы разом уходили в прошлое. В тот же год политические события в Австрии сорвали исполнение рахманиновских «Колоколов». Русский музыкант успел в Вене дать только клавирабенд, а вскоре после этого власти отменили все концерты. Под окнами отеля, где остановился композитор, ходили группы людей, выкрикивая: «Гитлер!.. Аншлюс!..» Сам аншлюс, — присоединение Австрии к Германии, — произойдет через две недели после его выступления. В марте 1939 г. Германия оккупирует Чехию. О самом состоянии Рахманинова в этот год всего красноречивее говорят его письма. Сначала появляются «хмурые» фразы вроде: «Что-то нехорошо выглядит у всех на свете»³⁸. Потом тревога композитора нарастает: «Гитлер усиленно заботится о том, чтобы ни одна душа в Европе не имела покоя»³⁹. И наконец, европейские будни начинают превращаться в кошмар ожидания, когда всегда столь сдержаный композитор в письме от 2 мая 1939 г. своей близкой родственнице и самому добруму другу Софии Александровне Сатиной не может не выказать душевную смуту: «Меня замучили! Целый день, Сонечка, разговор о Гитлере, о войне. Три раза в день чтение газет. Несколько раз в день рекорды радио⁴⁰, а когда вечером расходимся, то последними словами все же будет: “что завтра скажут газеты!?” И с завтрашнего утра опять все сначала»⁴¹.

Это чувство тревожного предвоенного времени усилилось во время сочинения «Танцев» еще тем, что в поверженной немецкими войсками Франции остались его дочь Татьяна и внук.

«Закат Европы», — название знаменитой книги Освальда Шпенглера давно стало почти афоризмом. Именно такой «закат» успел ощутить Рахманинов в своих последних европейских турне, — закат, сумерки, время у самого порога ночи. Надвижение темноты русская эмиграция прозревала задолго до катастрофы. Название последнего большого цикла стихотворений Владислава Ходасевича «Европейская ночь», — а его книга вышла еще в 1927 г., — словно явило эти предчувствия.

...Подспудное чувство тревоги и стущившейся темноты. Звуковые «вращения», которые иногда взметаются в вальсе, кому-то напомнили «вьюжную» лири-

---

³⁷ «Вторичное варварство» — афористическое название статей П.М. Бицилли. Опубл.: Звено (Париж). 1927. № 207. 16 янв. С. 3; Современные записки (Париж). 1940. № 70. С. 264–269.

³⁸ Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. 3. С. 143.

³⁹ С.В. Рахманинов — Е.К. и Е.И. Сомовым. 2 апреля 1939 // Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. 3. С. 145.

⁴⁰ То есть музыкальные записи, которые транслировались по радио.

⁴¹ Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. 3. С. 149.

ку Блока⁴². Но, быть может, еще точнее, если за этими вихрями — не взметающийся снег, но — сырой город и совсем «не зимний» образ из «метельных» «Бесов» Пушкина: «...закружились... словно листья в ноябре». В звуковых извиах есть несколько эпизодов, где мрачноватая, вращающаяся звуковая ткань словно на миг «прорывается», звук оркестра, человечный, теплый, в одно мгновение леденеет, и сквозь нервное, сбивчивое круженье просвечивает бездна... Словно воплотились те же чувства, которые будут охватывать Набокова при чтении отдельных страниц Гоголя, где за поворотами фраз вдруг начинает сквозить мировой кошмар. Или, быть может, те ощущения, которые пережил герой Газданова из «Ночных дорог», — прозы, созданной в те же «сумеречные» годы.

Роман пишется накануне войны. В нем — чувство глубокого одиночества в ночном городе. Один эпизод — почти символический. Верхний этаж, выступ в стене. Странное стремление героя выбраться на крышу. И — спустя несколько минут — жуткий образ города, который предстал его взору... Он пытается вернуться в свое окно, ищет ногой выступ, его нет; он тянется ногой вниз, надеясь найти точку опоры; он уже повис на руках, держась за черепицу, с трудом повернулся голову, чтобы увидеть злосчастный выступ: «Очень далеко, в страшной, как мне показалось, глубине тускло горел фонарь над мостовой; а я висел над задней, глухой и совершенно ровной стеной дома, над шестиэтажной пропастью»⁴³.

Пустынnyй угрюмый город — и пропасть, на дне которой едва брезжит свет крошечного фонаря. «В темпе вальса», в сумрачных звуковых извиах — словно виден такой же тусклый свет. И за ним, ниже — кромешный провал эпохи.

Вторая часть «Симфонических танцев» — предчувствие катастрофы, которым были охвачены русские за рубежом во второй половине 1930-х гг. Уже поднимается ветер истории, он кружит, срывая листья, вращая мятые газеты, — «мусорный ветер» предвоенных лет. Скоро «живь станет нестерпимо», как некогда произнес Александр Блок⁴⁴. Последние минуты перед мировой трагедией, которая поглотит и то одинокое сознание, одинокую душу, которая еще живет в этой музыке.

* * *

Третья часть (опять «неустойчивая» тональность: ре мажор-минор) начинается с аккордных вздохов, тиховатых звуковых перебежек «на цыпочках» (как могут перебегать еще невидимую сцену актеры перед поднятием занавеса) и резких ударов оркестра. В конце вступления — двенадцать звенящих ударов⁴⁵. Полночь. Разгул «бесовщины» и начинается после двенадцатикратного боя часов. Впрочем, некоторые слышали в этих ударах звуки погребального колокола.

До музыкальных подобий с неизбежностью приходят литературные: Пушкин — Гоголь — Лермонтов — Достоевский... И далее, до Федора Сологуба, Андрея Белого, Блока, Ремизова — тех, кого знал или хотя бы мог знать Рахманинов.

---

⁴² См.: Кандинский А.И. «Симфонические танцы» Рахманинова: (К проблеме историзма). С. 115.

⁴³ Газданов Г. Собр. соч. Т. 2. С. 24.

⁴⁴ Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 59.

⁴⁵ Первой эту деталь отметила Брянцева. См. об этом: Брянцева В.Н. С.В. Рахманинов. С. 589.

«Бесы» — один из краеугольных мифов русской культуры XIX и начала XX в. Зарождается у Пушкина в пляске снежных вихрей («Вьюга злится, вьюга плачет...»). И конечно, «Бесы» — не личная фантазия. Образ тройки в русской поэзии XIX в. созвучен образу России⁴⁶. Слова «сколько их!» — скрытая отсылка к евангельскому тексту: имя им — легион:

...Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Последняя строфа опять-таки — не столько личное переживание, сколько историческое предчувствие:

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

«Метельные» бесы Пушкина не раз отзовутся в русской литературе. В «Бесах» Достоевского (это подчеркнуто эпиграфами из Пушкина и Нового Завета) совсем смешаются с евангельской притчей: «Тут на горе паслось большое стадо свиней, и они просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро, и потонуло»⁴⁷.

Для прежней, имперской России «пушкинские» бесы закончатся «вьюжными» кружениями в «Двенадцати» Блока. Но русский бес разнообразен. В устной истории «Уединенный домик на Васильевском», некогда сочиненной Пушкиным, бес — почти «интеллигент». У Гоголя он — либо из народной демонологии (большая часть повестей из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Вий»), либо, как и у раннего Достоевского («Двойник»), он посетит мир чиновный. А уж то, что главный герой гоголевской одиссеи — «Мертвые души» — «бесоват», об этом писалось много.

---

⁴⁶ См. об этом подробнее: Мочульский К. Россия в стихах. I. Пушкин. Лермонтов. Кольцов // Звено (Париж). 1923. 16 июля. № 24. С. 2.

⁴⁷ Лк. 8: 32–33. Цитируется по эпиграфу Достоевского, где есть небольшие расхождения сино-дальным переводом: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 5.

«В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод».

Хоть и давно замечена эта подчеркнутая безликость главного героя, она и сейчас томит своей странностью. Не тем, что главный герой как бы не имеет лица, но тем, что образ, сотканный из отрицаний («не» и «ни») так запоминается.

В русской литературе бес очень часто — существо безлиное, как в стихотворении Блока «Я прогнал тебя кнутом...» (1905):

Я, как ты, дитя дубрав,
Лик мой также стерт.
Тише вод и ниже трав —
Захудалый черт.

И в среде художников — будь то больное воображение живописца Лугина у Лермонтова (повесть «Штос») или кошмар Чарткова у Гоголя (повесть «Портрет») — нечистый или не может обрасти лица, или теряет его. У Лермонтова в незаконченной повести «Штос» — знакомый «размытый» образ: «Старичок зашел вился на стуле; вся его фигура изменялась ежеминутно, он делался то выше, то толще, то почти совсем съеживался...». В «Портрете» Гоголя жутковатый, экзотический — с дьявольщиной в глазах — нарисованный персонаж в первой редакции повести просто «сбегает», «стирается» с полотна (неожиданно обретенная безликость!). Во второй редакции повесть притворяется «реалистической»: изображение исчезает вместе с украденным портретом. Но основа образа та же: портрет с мучительными глазами тянется к безликости, и с тем большей очевидностью, что даже совсем без «фантастики». В русской эмиграции тоже скажут об этой многоликиности (которая равна безликости). Тема эта зазвучит в стихотворении Бориса Поплавского «Сентиментальная демонология» (1927).

Но простая идея «нет лица» — не могла оставаться в русской литературной традиции неизменной. Она преобразовалась, расширялась, доходила до неожиданно острых метафизических прозрений. «Обыденность», «повседневность» — чем не безличие. Значит, привычно «человеческое» — тоже касается мира «исподнего»? И «обиходность» беса вдруг явится у Достоевского — в одном долгом и мучительном разговоре, который будет потрясать и русские, и европейские умы. Именно в «Братьях Карамазовых» это существо, ожившее порождение бреда, произнесет один из самых поразительных афоризмов мировой литературы: «Я сатана, и ничто человеческое мне не чуждо»⁴⁸.

Образ «нечистого» — мог «вскипеть», разрастаясь до масштабов типического образа (Иудушка Головлев у Салтыкова-Щедрина), воплотиться в героях «Истории одного города» (того же автора), поразить недугом (в «Бесах» Достоевского)

---

⁴⁸ «Братья Карамазовы», часть четвертая, глава IX («Чорт. Кошмар Ивана Федоровича»). Фраза для еще большей остроты будет произнесена по-латыни: «Сатана sum et nihil humanum a me alienum puto». То есть с той же непреклонностью, как и Декартово: «Cogito ergo sum» («Мыслю — следовательно, существую»).

огромную часть России, где образ нечистого становится до невероятного разномлиkiem.

Но дьявольскому размаху могло противостоять и ничтожество микроскопизма. И образ мог рассыпаться «мелким бесом» в литературе XX в., заселяя самые потаенные уголки. Нечистый войдет в обиход, начнет кривляться и пошло приплясывать, как Недотыкомка в «Мелком бесе» Федора Сологуба, подкидывать геюю кошмарно тикающую бомбу-сардинницу в «Петербургге» Андрея Белого, вовплотится в разноликой многочисленной нечиисти у Ремизова (уродыши, озябыши, ведунки, полуутвратники и т. д.).

Русская музыка шла за литературой. Она «полюбила» ведьму и сквозящий за народной демонологией образ смерти. То в образе Наины из «Руслана...» (1842) Глинки, то в образе «Бабы-Яги» — у Даргомыжского, Мусоргского, Лядова⁴⁹. У последнего явится и беспокойная — «взметающаяся» в прыжках — «Кикимора» (1909). Но в изображении разгула нечистой силы тягаться с «Ночью на Лысой горе» (1867) Мусоргского было довольно трудно.

Музыкой почти невозможно передать безличие. От темы, — основы музыкального произведения, — требуется выразительность и своеобразие, т. е. — лицо. Зато через хроматизмы, «неблагозвучные» интервалы, неожиданные модуляции можно передать бесовскую иноприродность⁵⁰.

Во время Рахманинова образ «исподних» проявится у консерваторского товарища, Александра Скрябина. В «Сатанической поэме» (1903) он обрел вполне «европеоидные» черты: здесь живет память о «Мефисто-вальсе» Ференца Листа. В «черных мессах», — 6-й и 9-й сонатах (1911–1912 и 1913), — в «каннибалических плясках» оп. 73 № 2 («Мрачное пламя», 1914) — проступает жутковатый образ, не похожий ни на европейскую, ни на русскую традицию. Слышится не «дьявольское», но что-то нечеловеческое, которое внушает тревогу своей неизведанностью.

Рахманинов в первых прикосновениях к образу — тоже вполне европеец. Изображал ад в опере «Франческа да Римини» (1905), рождал собственный образ Мефистофеля в Первой сонате (1907). Секвенция «Dies irae» («День гнева»), которая в европейской музыке столь часто обретала черты символа смерти, ужаса, а часто и разгула «дьявольских сил» перед Судным днем, пронизала самые различные его произведения. Теперь он подошел к изображению шабаша.

«Бесовское действие» нелегко запечатлеть в звуках. Когда-то шабаш явился в «Фантастической симфонии» Гектора Берлиоза. Мотив «Dies irae» мрачно выдувают медные в какой-то траурной пустоте. Симфония изображала жизнь артиста. И до взметающейся пляски — она явится позже — сознание романтика словно бы погружено в наркотические потемки.

У Мусоргского — это «Ночь накануне Ивана Купала», вошедшая в историю музыки как «Ночь на Лысой горе». Здесь нечистая сила «справляет бал». Шабаш

---

⁴⁹ «Баба Яга: с Волги на Ригу» (1862) Даргомыжского, «Баба Яга: избушка на курьих ножках» Мусоргского (1874), «Баба Яга» Лядова (1904).

⁵⁰ Не случайно тритон (уменьшенная квинта или увеличенная квarta) в эпоху барокко называли «интервалом дьявола».

разгульный, в свирепых плясках. Иногда — разухабистых и диких. Иногда — отдающих пьяным гопаком. И все — с жутковатой дурашливостью и юродством.

У Рахманинова сойдутся и разгул, и мотив-символ «*Dies irae*». Есть здесь и оглядка на «Пляски смерти» Листа, которые русский музыкант исполнял в концертах и где цитируется эта же тема. В рахманиновском шабаше много мажора, — на первый взгляд, слишком много, чтобы запечатлеть адовый мрак. Но «Гибель мира» отчетливо ощущима здесь и в минорных стонах, и в миноро-мажорном переплете.

Главная тема, — угловатая, припрыгивающая. То и дело чередуется размер, — то $\frac{6}{8}$, то $\frac{9}{8}$. Из-за этих ритмических перебоев зигзаги скачков и пританцовываний становятся еще более ломанными. Какие-то тематические осколки вышмыгают, встраиваясь в рваный «пульс» произведения, пока вся эта вакханалия не приводит к теме, рожденной из знаменитой средневековой секвенции «*Dies irae*». Она вылетает — с присвистом, гримасами, и если перевести звуковой образ на поэтический, получится почти по-блоковски: «То кости лязгают о кости» («Как тяжко мертвому среди людей...» (1912) из цикла «Пляски смерти»). Эта «вызывающе лихая пляска», как скажет исследователь композитора, «звукит у октавного унисона пикколо и флейты в предельно высоком, визгливом регистре, с пристукиваниями ксилофона — будто танцевальное соло самой смерти»⁵¹. Но тут не только веяние смерти. Ощущимы и злорадное юродство, и дьявольская издевка.

И следом за этим шутовским и жутким «*Dies irae*» следует тема из «Всенощной» Рахманинова, из номера 9-го «Благословен еси, Господи». Тогда, в 1915 г., она явилась к нему из древнего знаменного распева.

С завершением адских плясок начинается второй раздел. Здесь музыка «очеловечивается», теплеет, звуковые вздохи и стенания напоминают мотивы второй «около-вальсовой» части. В них можно обнаружить и отдаленное родство «осколочным» интонациям все того же «*Dies irae*», но преображеной теплым, живым звучанием.

И вот — снова все обрушивается, несутся раскоряченные, бесовские пляски. И после еще несколько раз прозвучавших в различных вариантах мотивов «*Dies irae*» опять проведена тема из «Всенощной» — в более полном варианте — и все завершается несколькими оглушительными аккордами.

Сколько бы ни сближали музыку Рахманинова с творчеством писателей-реалистов, с Бунином, Чеховым, — он не мог обойтись без того «музыкального символизма», с которым неизбежно сталкивается композитор, занимаясь развитием своих тем.

Скрябин, столь современный и столь «противоположный» ему композитор, полагал, что музыкой можно выразить даже философские идеи. Вступительная тема скрябинской «Божественной поэмы» запечатлела тезис, с которого начиналось фихтеанство: «Я есмь». Если вглядываться в партитуру, можно действительно различить и «Я», и «есмь», и непростое их соединение в единое «суждение»⁵².

---

⁵¹ Брянцева В.Н. С.В. Рахманинов. С. 591.

⁵² См.: Федякин С.Р. Скрябин. М., 2004. С. 205–211.

Рахманинов вряд ли мог одобрить столь крайний «рационализм». Но избежать стремления наделить особым смыслом свои темы — не мог. Потому так часто вводит в свои произведения — следуя скорее западноевропейской, нежели русской традиции, — мотив «*Dies irae*». В «Симфонических танцах» этот мотив из «Дня гнева» проходит с редкой настойчивостью. То как выкрики, то как стоны, то как слетающие с высоты звуки, то как громовые аккорды (см. пример 5 в Приложении). Но эта многовариантность — еще не все. Мотив «*Dies irae*» пронизывает звуковую ткань «Танцев», словно «расторяясь» в отдельных интонациях и их «атомах»⁵³. Как часто в знаменном распеве, пришедшем из «Всенощной», видели противостояние разгулу «бесовских сил». Но стоит взглянуться в ноты, чтобы увидеть глубинное родство этой темы — теме, рожденной из «*Dies irae*», — разнужданной, — со свистом и кривлянием. Начало темы, пришедшей из «*Dies irae*»: g — fis — g — e — fis — d — e. Начало темы, пришедшей из «всенощного», «строгого» песнопения: g — fis — g — fis — g — e — fis — g — a — g.

Их совпадение в пяти нотах (g — fis — g — e — fis) — чем не родство, чуть ли не «единокровность»? Почти «кусочек» звуковой хромосомы, общей и для «Дня гнева», и для цитаты из «Всенощной» (см. пример 6 в Приложении). А залихватский, «плясовый» темп делает сходство еще более разительным.

И все же знаменный распев, который ляжет в основу внутренней драматургии 9-го номера «Всенощной» («Благословен еси, Господи»), — в «Симфонических танцах» вобрал начало трагическое.

Первые два проведения, которые идут следом за двойным же явлением насмешливо-злого, с издевательским «присвистом» «*Dies irae*»... Знаменный распев готовится не отстать, звучит «запыхавшись». Следование этих тем друг за другом — как перекличка различных реплик: «День гнева — тот день расточит вселенную во прах»... «День гнева — тот день расточит вселенную во прах...» — И в ответ, едва переводя дух: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу»... «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу»...⁵⁴

Какие содрогания души должны были уловить: святое — в лице древнего знаменного пения — попрано, не может «противостоять», может лишь, страдая «одышкой», попытаться настигнуть ускользающую действительность? «День гнева» звучал упрямее, непреклонней, знаменное песнопение отвечало лишь первыми своими фразами. Но вот прошел второй, «одухотворенный» раздел. И за этой, «человеческой», а не «бесовской» музыкой, после вздохов, печали и надежд — новая вакханалия. Но после срывающихся с небес громовых аккордов: «День гнева — тот день!..», после слетающих вниз осколков «Гнева», — новое проведение «всенощной» темы. Теперь она идет медленнее, уверенней, тверже. И не «обломками» песнопения, но — цельно, полно.

«День гнева — тот день!.. День гнева — тот день!..» — выкрикивает тема смерти. В ответ — непреклонно:

⁵³ Не случайно многие музыковеды находили отсылки к секвенции «*Dies irae*» в темах, которые другим музыковедам казались вполне самостоятельными: сама ритмическая и интонационная сторона произведения наталкивает на попытки поисков «осколков» средневекового напева в этой музыке.

⁵⁴ Отрывки из текстов песнопений здесь и далее точно соответствуют музыкальным цитатам в «Симфонических танцах», как если бы эти темы пелись, а не исполнялись оркестром.

«Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Поклонимся Отцу и Его Сынови, и Святому Духу, Святым Троице во едином существе, с серафимы зовущее: «Свят! Свят! Свят!» еси, Господи. И ныне и присно и во веки веков, аминь.

Жизнодавца рождши, греха, Дево, Адама избавила еси. Радость же Еве в печали место подала еси; Падшая же от жизни к сей направи, Из Тебе воплотивыйся Бог и человек.

Алилуя, алилуя, алилуя, Слава Тебе Боже!

Алилуя, алилуя, алилуя, Слава Тебе Боже!»⁵⁵

Знаменный распев уже не топчется, но обретает самостояние. И проходит в той самой «исконной тональности» ре минор, в какой он предстал во «Всенощной».

И все же это самостояние напева — не последние звуки «Симфонических танцев». Уже прозвучала в оркестре вся тема, вплоть до «Алилуя, алилуя, алилуя, Слава Тебе Боже!» И — вылетают откуда-то издалека, в том же тревожном ритме жесткие аккорды. И падают рядом: один, другой... Еще один. Еще... Наступает тишина...

Когда Скрябин ушел от традиционной гармонии, завершая свои произведения не привычной тоникой, а «прометеевским аккордом», или особыми созвучиями, или «тайнием звуков», — критики-скептики едко улыбались: у него музыка не заканчивается, но обрывается. Рахманинов в век нескончаемых музыкальных экспериментов всегда отталкивался от привычной тонической системы. И тем не менее о «Симфонических танцах» хочется повторить то же самое: они словно бы обрываются... И не аккордом, но ошеломительно звучащей тишиной. Тою «немотою» мира, которая наступает «после всего».

Менее чем через год после завершения «Симфонических танцев» начнется Великая Отечественная война. Не предчувствие ли удара, который примет Россия, звучит в этой «звуковой пустоте», которой завершаются «Танцы»? Или, быть может, катастрофическая «тишина» — то время, которое явится с «распадом атома», после жизни композитора?

Не станет ни Европы, ни Америки,
Ни Царскосельских парков, ни Москвы
Припадок атомической истерики
Все распылит в сияньи синевы.

Потом над морем ласково протянется
Прозрачный, всепрощающий дымок...
И Тот, кто мог помочь и не помог,
В предвечном одиночестве останется.

Георгий Иванов в послевоенных стихах явил одно из возможных воплощений «последней немоты», завершившей «Симфонические танцы».

---

⁵⁵ Текст воспроизводится по «Всенощной» Рахманинова, в «Симфонических танцах» звучит только оркестровая «обработка» этой темы. Слова из «Всенощной» — символическое наполнение этой музыки.

Эпоха «атома», взрывов, содроганий земных... Но «вечная пауза» в конце произведения — быть может, и о том будущем, которое начертано в «Откровении Иоанна Богослова»:

«И когда Он снял шестую печать, я взглянул, и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь.

И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои.

И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих.

И цари земные, и вельможи, и богатые, и тысячечнальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор, и говорят горам и камням: падите на нас и сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца; ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?» (Откр. 6: 12–17).

В третьей части много мажора. И вместе с тем — необоримое ощущение катастрофы. И вовсе не потому, что мажор слишком часто сцепляется с ведовскими ужимками и «приплясыванием». Но самый «тональный план» этой части, — когда словно бы нет «твердой» опорной ступени, когда мажор и минор перебивают друг друга, непрерывные модуляции дают впечатление, что тональность все время «плывет», «сбивается», — рождает чувство неустойчивости. «Ломается» ритм, «ломаются» тональности. Все обваливается, рушится, иногда, напротив, — подскакивает, но опять срывается вниз. И нет твердой «почвы под ногами». Мир пошел к последней черте, и жизнь вернулась к истокам — к неминуемой границе между «временем» и «вневременностью».

Какими глазами смотрит Рахманинов на этот порог? И почему «Симфонические танцы» стали особо ценимым автором произведением? И почему в душе его — воодушевление и надежда?

Когда Иван Алексеевич Бунин в тяжелом 1944 г. закончит рассказ, который считал лучшей своей прозой, — то «выдохнет» на обрывке бумаги: «Благодарю Бога, что он дал мне возможность написать “Чистый понедельник”»⁵⁶.

Рахманинов знает: он не только написал о «последнем» и главном в этой жизни, но скоро и сам шагнет за «порог». Да, он еще успеет переделать Четвертый концерт, еще переложит для фортепиано «Колыбельную» Чайковского. Но в сущности, «Симфонические танцы» — прощальное его произведение. Закончив партитуру, он не просто ставит завершающий знак. Но пишет со вздохом облегчения: «29 октября 1940. New York. Благодарю тебя, Господи!»⁵⁷ Эти слова — уже за границами сочинения. Но стоят на рукописи как ответ на последнюю «немоту» собственной музыки.

* * *

В плане личном «Симфонические танцы» стали своеобразным ответом композитора на провал Первой симфонии. В 1895 г. он слил в главной теме своего

---

⁵⁶ Бунин И.А. Собр. соч. Т. 5. С. 623.

⁵⁷ Воспоминания о Рахманинове. Т. 1. С. 495.

произведения русскую и западноевропейскую духовную музыку. В 1940 г. проходит что-то подобное: тема из знаменного распева (прошедшая через ра�ахминовскую «Всенощную») и сближается, и сталкивается с западноевропейским средневековым песнопением. И тогда, и теперь он обращается к музыкальным символам, где мотив «Dies irae» играет ключевую роль. Отсылка же к своей симфонии в первой части — это и переосмысление собственной трагедии. Тогда она связывалась с личной судьбой, эпиграф («Мне отмщение, и Аз воздам») отсыпал к Высшей силе, которая причастна к отдельной человеческой жизни. «Симфонические танцы» выходят за пределы только личной судьбы. Здесь трагедия обретает всечеловеческий размах. И с этим дыханием всемирной истории произведение Рахманинова с неизбежностью выразило и настроения той части человечества, которая уже столкнулась со своим малым апокалипсисом, — гибелью отечества. И потому с «Симфоническими танцами» можно сверять те «тенденции» и «веяния», которые происходили в культуре русского зарубежья и в жизни соотечественников композитора между двумя мировыми войнами.

Приложение

НОТНЫЕ ПРИМЕРЫ

Пример 1

Главная тема первой части Первой симфонии (оп. 13). Первые четыре ноты можно воспринять как несколько искаженный мотив из «Dies irae». С 4-й по 7-ю (отмечено) — точно запечатленный мотив «Dies irae», который у Рахманинова в разных произведениях часто встречается в виде очень коротких цитат.

Пример 2

42 **Grave**

A musical score excerpt from the first movement of Rachmaninoff's Symphony No. 1, marked 'Grave'. The score is for two staves: treble and bass. The first staff begins with a forte dynamic 'fff' followed by a series of eighth-note chords. The second staff begins with a piano dynamic 'p' followed by eighth-note chords. Measures 42 through 6 are shown, with measure 6 ending on a forte dynamic 'fff'.

Вступление к Первой симфонии, в основе которого — главная тема первой части. Первые четыре ноты также можно воспринять как несколько искаженный мотив из «Dies irae». С 4-й по 6-ю (отмечено) отрывок из «Dies irae» (см. пример 1).

Пример 3

Преображенная тема вступления к Первой симфонии, процитированная в первой части «Симфонических танцев».

Пример 4

[Non allegro]

Барочные кресты в верхнем голосе вступительных аккордов (для большей ясности сами аккорды не приводятся).

Пример 5

a

Listesso tempo

mf marcato

p

Listesso tempo

b

c

d

Разнообразные варианты цитат из «Dies irae» в третьей части «Симфонических танцев» (см. также пример 6а).

Пример 6

a

Musical score fragment a showing two staves of music in G major, 2/4 time. The top staff has dynamics *pp* and *s*. The bottom staff has dynamic *p*. A bracket below the first measure covers both staves. A curved arrow points from the eighth note in the second measure of the bottom staff to the eighth note in the third measure of the top staff, indicating a pitch match.

b

Musical score fragment b showing two staves of music in G major, 2/4 time. The top staff has dynamic *f marcato*. The bottom staff has dynamic *mf*. A bracket above the first measure covers both staves. A curved arrow points from the eighth note in the second measure of the bottom staff to the eighth note in the third measure of the top staff, indicating a pitch match.

Вариант темы из «Dies irae» (а) и первое проведение темы из «Всенощной» (б). Отмечены фрагменты их звукового совпадения (*g — fis — g — e — fis*).

С.Г. Зверева
СЕРГЕЙ РАХМАНИНОВ:
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ¹

Сердце Сергея Рахманинова перестало биться в ночь на 28 марта 1943 г. Рахманинов скончался в своем доме в Беверли-Хиллз в Калифорнии. Рядом с ним находились супруга Наталья Александровна, ее сестра Софья Александровна Сатина, а также дочь Рахманиновых Ирина Волконская. Накануне, в субботу к композитору приходил священник русской церкви во имя иконы Божией Матери «Взыскание погибших» в Лос-Анджелесе² протоиерей Григо-

---

¹ Несмотря на широчайшую известность Рахманинова, его биография и творческое наследие исследованы недостаточно полно. Это отчасти объясняется тем, что архив музыканта разбросан по разным странам. Наиболее крупные его части находятся в Москве (во Всероссийском музейном объединении музыкальной культуры им. М.И. Глинки) и в Вашингтоне (в Библиотеке Конгресса США). Немало материалов попало в другие архивы России, США, Великобритании, Швейцарии (см. подробнее: Антипов В.И. К истории нотного архива С.В. Рахманинова // Русские музыкальные архивы за рубежом. Зарубежные музыкальные архивы в России: Мат-лы междунар. конф.: сб. ст. Вып. 4. М., 2008. С. 96–112.). В настоящее время Российской музыкальным издательством (Москва) предпринимается первое Полное академическое собрание сочинений С.В. Рахманинова, в ходе которого осуществляется поиск и источниковедческая экспертиза материалов, их описание и каталогизация, текстологическое и музиковедческое исследование и, наконец, публикация. В процессе этой работы список неизвестных ранее источников, находящихся как в зарубежных, так и отечественных архивах, год от года пополняется. Выявленным в разных странах источникам, связанным с творческой биографией Рахманинова, в том числе его автографам, посвящен ряд статей сборника «Новое о Рахманинове» (М., 2006). В рамках данного проекта нам удалось обследовать литературную часть коллекции С.В. Рахманинова в Библиотеке Конгресса (изучение и копирование материалов коллекции С.В. Рахманинова в Библиотеке Конгресса проводилась по разрешению ныне покойного внука С.В. Рахманинова А.Б. Рахманинова (Конюса)). Некоторые материалы легли в основу настоящей статьи, посвященной последним годам жизни и кончине Рахманинова, которого провожали в последний путь русскоязычные диаспоры во многих странах мира. Эти проводы показали огромное почитание Рахманинова в русском зарубежье, где он завоевал славу не только одного из самых известных за пределами СССР русских музыкантов, но и щедрого благотворителя. О помощи Рахманинова нуждавшимся соотечественникам, о перечислении им крупных сумм на медицинские нужды Красной армии в годы Второй мировой войны, о личностных качествах Рахманинова русскоязычные газеты впервые заговорили сразу после его смерти. Темы, затрагивавшиеся в этих публикациях, поднимаются и в настоящей статье, включающей фрагменты ряда первоисточников, хранящихся в Библиотеке Конгресса.

² Приход во имя иконы Божией Матери «Взыскание погибших» был основан в 1923 г. выходцами из России; храм освящен в 1928 г. митрополитом Платоном (Рождественским). В настоящее время приход входит в состав Сан-Францисской и Западно-Американской епархии Православной церкви в Америке. См. веб-сайт прихода, где рассказано о его истории, представлены архивные фотографии: URL: <http://www.hvmla.org/indexR.shtml> (дата обращения 15 декабря 2013 г.).

рий Прозоров³ и причащал Рахманинова. Наутро батюшка вновь появился у Рахманиновых — на этот раз, чтобы отслужить первую панихиду по усопшему. После воскресной литургии отец Григорий с церковного амвона сообщил молящимся о постигшем колонию горе и объявил порядок погребальных богослужений⁴. В воскресенье вечером гроб с телом Рахманинова был привезен в церковь Божией Матери «Взыскание погибших» и установлен перед алтарем⁵.

Сообщение о смерти великого русского пианиста и композитора взорвало американский радиоэфир. Радиостанции перекраивали свои программы и из продюсеров несколько дней звучали произведения Рахманинова⁶. Редкая крупная американская газета в те дни выходила без известия о его смерти⁷. Особо подчеркивалось, что Рахманинов и его супруга 1 февраля 1943 г. приняли американское гражданство⁸.

³ Протоиерей Григорий Прозоров (1894–1946) служил в церкви иконы Божией Матери «Взыскание погибших» в Лос-Анджелесе с 1935 г. до конца его дней.

⁴ См.: У гроба С.В. Рахманинова // Новая заря (Сан-Франциско). 1943. 2 апр. Републикация: Похороны Сергея Рахманинова / вступ. Ж. Шерона // Новый журнал. 2013. № 270. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2013/270/r20-pr.html> (дата обращения 15 декабря 2013 г.).

⁵ Гроб был сделан из металла и после прощания с Рахманиновым герметически запаян, поскольку родные намеревались со временем выполнить желание Сергея Васильевича похоронить его в России, в новгородской земле. Достаточно подробное обсуждение воли Рахманинова в отношении места его будущего упокоения, современная дискуссия о перезахоронении останков композитора содержится в книге: Никитин Б.С. Сергей Рахманинов. Две жизни. М., 2008. С. 183–189.

⁶ Так, Нью-йоркская муниципальная радиостанция 1 апреля 1943 г. транслировала рахманиновские «Рапсодию на тему Паганини», Третью симфонию, оперу «Алеко», прелюдии (см.: После кончины С.В. Рахманинова // Новое русское слово. 1943. 31 марта). По сообщениям той же газеты, в дни проводов Рахманинова из жизни все концерты в Нью-Йорке включали сочинения, которые исполнялись в его память. Нью-йоркский филармонический оркестр под управлением Фрица Райнера посвятил Рахманинову исполнение Шестой симфонии Чайковского, а в тот же вечер на концерте в камерном зале Карнеги-холла пианист Роберт Гольдсанд исполнил в его честь «Похоронный марш» Бетховена (см.: Памяти С.В. Рахманинова // Новое русское слово. 1943. 2 апр.). Газеты также оповещали о концертах Бостонского симфонического оркестра под управлением Сергея Кусевицкого, в которые были включены сочинения Рахманинова: в Карнеги-холле в Нью-Йорке прозвучала его симфоническая поэма «Остров мертвых» (См.: После кончины С.В. Рахманинова // Новое русское слово. 1943. 31 марта), а на двух концертах в бостонском Симфони-холле — Вторая симфония (см.: Symphony in Tribute to Rachmaninoff // Traveler (Boston). 1943. Apr. 6).

⁷ «В главных американских газетах описания были поверхностными, “дежурными”, “по слуху”. Больше внимания уделялось тому факту, что в православных храмах все долго стоят со свечами, чем самим похоронам. (См.: Rachmaninoff Rites held in Los Angeles // The New York Times. 1943. March 31; Rachmaninoff Paid tribute in Russian Services // Los Angeles Times. 1943. March 31.)» (Шерон Ж. Похороны Сергея Рахманинова // Новый журнал. 2013. № 270. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2013/270/r20-pr.html> (дата обращения 15 декабря 2013 г.)).

⁸ Посвященные Рахманинову статьи и некрологи появились также в СССР. Материалы были подготовлены для празднования 70-летия Рахманинова, которое должно было состояться 1 апреля 1943 г. См.: Глиэр Р.М. Выдающийся русский композитор // Известия. 1943. 31 марта; Глебов И. [Б.В. Асафьев], Рахманинов // Литература и искусство. 1943. 3 апр. № 14 (66). В своей статье музыковед Б.В. Асафьев сформулировал многие основополагающие идеи о композиторском и исполнительском стиле Рахманинова. Он писал о новоромантической поэтике музыкального языка Рахманинова, о песенной его основе: «В сущности, даже его [Рахманинова] симфонические поэмы пребывают в сфере “инструментальной канатности”, где всё повествование ведётся песенно, так же, как Рахманинов-пианист канатно-песенно формировал свои раздумья. Необходимо пояснить: когда речь идет

30 марта на смерть Рахманинова откликнулись русскоязычные газеты в США: «Новое русское слово», «Россия», «Новая заря», «Родная жизнь», «Русский голос», публиковавшие многочисленные объявления с выражениями скорби и соболезнований, статьи, некрологи, интервью⁹. О причине смерти информация была противоречивой, что побудило врача А.В. Голицына, лечившего Рахманинова, опубликовать довольно подробную статью о ходе болезни и причине смерти музыканта. Голицын писал, что Рахманинов в конце жизни страдал от склероза сердца и повышенного кровяного давления и сбирался в ближайшее время завершить карьеру пианиста, связанную с сильным нервным перенапряжением. Рахманинов полагал, что концертный сезон 1942/43 г. станет последним в его карьере, и в будущем хотел сосредоточиться на композиции. А. Голицын писал: «Смерть С.В. Рахманинова, так недавно выступавшего с концертами, поразила всех своей неожиданностью. Всего за две-три недели до этого события появилось в газетах известие об отмене концертов, вследствие какого-то неврита, которым будто бы он болел, но о серьезности его заболевания никто не подозревал. <...> Вся жизнь С.В. Рахманинова была необычна, и также необычна была его предсмертная болезнь: он умер от рака (но особенного, очень редкого вида рака), унесшего его в могилу в течение двух месяцев. ...Судьба смилиостивилась над ним и послала ему самую молниеносную форму этой болезни, так называемую меланому, распространившуюся в течение двух-трех месяцев в печени, легких, костях и под кожей»¹⁰.

Рахманинов почувствовал себя нездоровым с середины января 1943 г., когда стал слабеть и худеть, кашлять, ощущать боли в боку. Однако он продолжал выступать. 17 февраля, в Ноксвилле, он дал свой последний в жизни концерт, после которого гастроли были прерваны. 26 февраля чета Рахманиновых вернулась в Лос-Анджелес, где Сергею Васильевичу и был поставлен окончательный диагноз, который от него скрыли. Доктор сообщал: «Болезнь прогрессировала не по дням, а по часам, развивалось застойное воспаление легких, слабел пульс, и за три дня

о песенности, это не имеет здесь фольклорно-этнографического значения, что для Рахманинова не характерно. Под песенностью в данном аспекте разумеется особенное национальное качество русской лирики...» (Там же). Исполнительский стиль Рахманинова был созвучен, по мнению автора, эпохе «обновления русской лирики <...> на основе борьбы за правду живой интонации». Как пишет Асафьев, «в своем исполнительстве [Рахманинов] ораторски воплощает заветы эпохи, означенной подъемом русского оперно-театрального искусства (еще раз, театр Саввы Мамонтова), лебедиными песнями Чехова, пламенной романтикой новелл писателя-публициста Горького и юностью МХАТ, если вести его историю сисками Станиславского, страстных и упорных» (Там же). О соболезнованиях, которые были выражены семье покойного композитора музыкантами из СССР, см.: Рахманинов С.В. Литературное наследие: в 3 т. / сост.-ред., автор вступ. ст., коммент., указателей З.А. Апетян. М., 1980. Т. 3: Письма. С. 390–394.

⁹ Объявления в русских газетах помещали и видные люди (С.И. и Э.Б. Юрок, А.В. и А.Ф. Грейнер), и скромная артистическая братия, и русские организации. В числе последних был Хор донских казаков под управлением Сергея Жарова, правление Толстовского фонда, правление Центрального объединенного русского комитета «Помощь России в войне» (Russian War Relief), Общество помощи русским детям за рубежом, газета «Новое русское слово» и др.

¹⁰ Голицын А. Болезнь и смерть С.В. Рахманинова // Русская жизнь. 1943. 14 апр.; То же // Новое русское слово. 1943. 24 апр.

до смерти больной стал терять сознание; иногда бредил, и в бреду, как передавала Наталия Александровна, не отходившая от него ни на минуту, он двигал руками, как бы дирижируя оркестром или играя на фортепиано»¹¹.

Внук Рахманинова А.Б. Рахманинов (Конюс)¹² передал рассказ бабушки, Н.А. Рахманиновой, что в предсмертном бреду композитору казалось, что он слышит звуки своей «Веснощной»¹³.

* * *

Узнав о смерти Рахманинова, в Лос-Анджелес устремились сотни живших в Калифорнии русских эмигрантов. При совершении вечером 28 марта, в воскресенье великой панихиды маленькая русская церковь была переполнена. Среди молящихся было много актеров, работавших в то время в Голливуде¹⁴. Газета писала: «Храм утопал в цветах — огромный крест из белых гардений возвышался на амвоне перед гробом, два куста больших деревьев в кадках — азалий в полном цвету — по бокам особенно выделялись. В числе венков обратил внимание на себя венок от вице-консула СССР, который присутствовал на похоронах»¹⁵.

Замечательно пел хор церкви, к которому присоединились восемь певцов из знаменитого Хора донских казаков имени атамана Платова (регент Н.Ф. Кострюков), гастролировавших в те дни в Лос-Анджелесе. По желанию семьи обряд был строго литургическим, речи не произносились, только батюшка сказал надлежащее напутственное слово. Родственники пожертвовали церкви семейную икону великомуученика Пантелеимона-целителя, до тех пор висевшую в комнате компо-

---

¹¹ Голицын А. Болезнь и смерть С.В. Рахманинова. О ходе болезни и последних месяцах жизни Рахманинова подробно пишут в своих воспоминаниях вдова композитора Н.А. Рахманинова и медсестра О.Г. Мордовская (см.: Воспоминания о Рахманинове: в 2 т. / сост., ред., comment. и предисл. З. Апетян. Изд. 4-е. М., 1974. Т. 1. С. 335–349).

¹² Александр Борисович Рахманинов (Конюс) (1933–2012) — сын второй дочери С.В. Рахманинова Татьяны Сергеевны Рахманиновой (в замуж. Конюс; 1907–1961).

¹³ См.: Шаблинская О. Супруга Сергея Рахманинова раскрыла семейную тайну лишь перед смертью: сердце композитора принадлежало не ей одной // Аргументы и факты. 30 мая 2012. № 22. URL: <http://www.aif.ru/culture/person/33676> (дата обращения 15 декабря 2013 г.).

¹⁴ В частности, в храме находился русский актер Михаил Чехов, который благодаря Рахманинову получил место в Голливуде. Чехов вспоминал: «Война заставила меня закрыть мою театральную школу и молодой, только что создавшийся театр. Я оказался не у дел. Сергей Васильевич, узнав об этом (и не сказав мне ни слова), стал заботиться о моей дальнейшей судьбе. Он был в это время в Голливуде. По безграничной доброте своей Сергей Васильевич не жалел ни труда, ни времени для достижения цели и не прекратил своих усилий, пока мой приезд в Голливуд не был обеспечен. Он обратился к Ратову (режиссеру, ставившему картину из русской жизни), и Ратов сделал все, что было в его силах, чтобы исполнить желание Сергея Васильевича. И несколько раз, уже больной, Сергей Васильевичправлялся о моем положении. Я все ждал дня, когда смогу лично поблагодарить его за незаменимую услугу, оказанную мне, но он быстро угасал, и мне не удалось увидеть его. За несколько дней до его кончины я смог послать ему короткую записочку и букет красных роз. Я поблагодарил его мысленно, когда целовал его холодную, красивую руку на панихиде в маленькой русской церкви» (Чехов М.А. Литературное наследие: в 2 т. М., 1995. Т. 1: Воспоминания. Письма. С. 263. См. также на сайте: Театральная библиотека. URL: http://teatr-lib.ru/Library/Chehov_m/Nasled_1/#_Toc136607737 (дата обращения 15 декабря 2013 г.).

¹⁵ У гроба С.В. Рахманинова // Новая заря (Сан-Франциско). 1943. 2 апр.

зитора¹⁶. На Руси к этому святому было принято обращаться с молитвой во время болезни и страданий. По всей видимости, к нему многократно в своей жизни обращался и Рахманинов¹⁷.

Церковное прощание с музыкантом продолжалось три дня. В понедельник вновь служили панихиду, во вторник — заупокойную литургию, за которой последовало отпевание. На этих службах вновь пел хор, усиленный казаками-пластовцами. После отпевания гроб с телом Рахманинова был помещен в усыпальницу на кладбище Роздейл (Rosedale Cemetery).

* * *

В первые три дня после кончины Рахманинова, на девятый день и в годовщину смерти во многих русских храмах США были совершены панихиды. Они прошли в Скорбященском и Свято-Троицком храмах Сан-Франциско, в храме Христа Спасителя и в Свято-Покровском кафедральном соборе Нью-Йорка, в Свято-Николаевской церкви Стратфорда, Свято-Александро-Невской церкви Лейквуда и др.

Церковные хоры с большим энтузиазмом участвовали в этих богослужениях, отдавая дань памяти автору непревзойденных «Литургии» и «Всенощной». В связи с проводами Рахманинова в газетах мелькали имена известных в США русских регентов: И.А. Колчина, В.С. Лукши, С.В. Савицкого и конечно же С.А. Жарова. Будучи мальчиком, Жаров пел в московском Синодальном хоре на премьере «Литургии» Рахманинова, которая состоялась в Москве 25 ноября 1910 г. В память о Рахманинове всемирно известный Хор донских казаков под управлением Жарова 31 марта 1943 г. пел на панихиде в нью-йоркском храме Христа Спасителя.

Разумеется, устраивались и концерты из сочинений Рахманинова, и торжественные вечера его памяти. Однако главное место отводилось церковным по-гребальным обрядам. Именно в храмы, а не в залы или рестораны приглашались на проводы Рахманинова представители американских властей, артистических и музыкальных союзов. Так, уведомление о панихиде 4 апреля в Скорбященском соборе Сан-Франциско было вручено мэру города, Торговой палате, Сан-Францисскому симфоническому оркестру, оперной и музыкальной ассоциациям и др. Объявление о панихиде было сделано также по радио¹⁸. В Нью-Йорке, в храме Христа Спасителя на панихиде по Рахманинову 31 апреля присутствовали представители Общества русских врачей, Общества имени М.П. Мусоргского,

---

¹⁶ Подаренная храму икона ранее принадлежала зятю Рахманинова П.Г. Волконскому (1897–1924). На обороте иконы значилось: «Милой Бабушке графине Марии Александровне Шуваловой на память о крестинах первого внука Петра Григорьевича Волконского. Москва, 16 ноября 1897 года. Передана с благословением на брак ему же, Светлейшему Князю Петру Григорьевичу Волконскому, от бабушки графини Марии Шуваловой в 1924 году. Дрезден» (Шерон Ж. Похороны Сергея Рахманинова // Новый журнал. 2013. № 270. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2013/270/r20-pr.html> (дата обращения 15 декабря 2013 г.).

¹⁷ В 1901 г. Рахманинов, переживший тяжелую депрессию, написал хоровое сочинение «Пантеле́й-целитель» для смешанного хора a cappella (без опуса) на стихи А.К. Толстого.

¹⁸ См.: Торжественная панихида по С.В. Рахманинову // Русская жизнь (Сан-Франциско). 1943. 3 апр.

польского и чешского консульств, Русского балета Сергея Юрока, Русской оперы Михаила Кашука¹⁹. На богослужение почти в полном составе пришла труппа Театра русской драмы²⁰.

Проводы Рахманинова всколыхнули русские диаспоры по всему миру. Приходим фрагмент письма пианиста К.Е. Климова²¹ к вдове Рахманинова Наталье Александровне. 7 декабря 1948 г. Климов так описывал проводы Рахманинова в последний путь русскоязычной православной диаспорой Риги:

«Итак — Рига в 1943 году: немецкий “прижим” по русской линии был в полном ходу. Латыши им помогали. Ничего русского нигде не допускали, боялись национальных веяний и тем губили и русское дело спасения от небывалого ига, и себя. Все это, конечно, уже старо, но не стало от этого менее трагично. В конце марта 1943 года я был в гостях у знакомых и около 6 часов вечера по радио (секретно поставленному на Лондон) узнал потрясающую весть о кончине Сергея Васильевича. Это было настоящее горе для нас.

Дня через два я поехал к митрополиту Сергию (убиенному в 1944 году²²) и просил его отслужить всенародную панихиду по Сергею Васильевичу в соборе. Владыка Сергий не только согласился, но прибавил, что считает необходимым придать этой панихиде характер национальной скорби. В начале апреля и состоялась эта незабываемая панихида в рижском кафедральном соборе. Были приведены учащиеся всех русских школ города Риги во главе с гимназией; присутствовал ряд делегаций от различных обществ, были и немцы, и конечно масса частной публики. Огромный собор был полон до отказа. Владыка Сергий отслужил так, как он служил лишь иногда, — вдохновенно и проникновенно, облачившись в драгоценное облачение и в сослужении всего соборного духовенства.

Митрополичьим хором управлял М.М. Назаров²³, воспитанник московского Синодального училища, певший в Москве “Всенощную” под управлением Данилина. После панихиды Владыка произнес поистине потрясающее слово памяти “великого русского артиста и христианина Сергея Васильевича Рахманинова”. Многие плакали. Тут мы могли наконец свободно излить нашу скорбь, скорбь русских людей, потерявших одного из лучших и благороднейших своих сынов, в котором воплощались и наша национальная гордость, и наша честь, и наша слава,

¹⁹ Упомянуты известные импресарио, выходцы из Российской империи Сергей (Соломон) Исаевич Юрок (1888–1974) и Михаил Эммануилович Кашук (1877–1952).

²⁰ См.: Панихида по С.В. Рахманинову // Новое русское слово. 1943. 2 апр.

²¹ Константин Евгеньевич Климов (1896–1985) окончил консерваторию по классу рояля в Риге. Он преподавал в Риге музыку, являлся товарищем председателя Рижского филармонического общества имени А.Г. Рубинштейна. Климов встречался с С.В. Рахманиновым в 1928–1930-х гг. в Берлине, переписывался с ним. Письмо к Н.А. Рахманиновой было отправлено Климовым из городка Труа-Ривьер (Trois-Rivières; Квебек, Канада), где он преподавал фортепиано.

²² Сергей (Воскресенский) (1897–1944) — митрополит Виленский и Литовский.

²³ Михаил Михайлович Назаров (1896–1949) окончил московское Синодальное училище церковного пения в 1916 г. В Риге он работал регентом митрополичьего хора и пианистом-концертмейстером Латвийской консерватории.

и наш гений. Верьте моей искренности, — я не пустые слова говорю, а передаю Вам с чувством подлинного душевного волнения то, что навсегда осталось памятным в моем сердце.

Вскоре после этого мы устроили в актовом зале Университета концерт памяти Сергея Васильевича. Слово о творчестве и личности Сергея Васильевича было произнесено мною. Исполнялись лишь фортепианные и вокальные произведения Сергея Васильевича. И тут был подъем и подлинное горение. Этим мы возложили как бы символический венок на могилу Сергея Васильевича»²⁴.

Как известно, тело Рахманинова в Россию перенесено не было: в июне 1943 г. он нашел вечное упокоение на кладбище Кенсико (Kensico) в городке Валхалла (Valhalla) близ Нью-Йорка, где родственники купили участок земли²⁵. Вдова композитора вспоминала: «Похороны состоялись первого июня. Служил митрополит Феофил²⁶, пел большой русский хор. На похороны приехало очень много народа — музыканты, друзья, русские и американские поклонники Рахманинова, были и представители Советской России, приехавшие из Вашингтона. Фоли²⁷ удалось устроить для удобства публики, приехавшей на похороны, специальный вагон, который был прицеплен к поезду. На могиле у изголовья растет большой развесистый клен. Вокруг вместо ограды были посажены хвойные вечнозеленые кусты, а на самой могиле — цветы. На могиле большой православный крест под серый мрамор. На кресте выгравировано по-английски имя, даты рождения и смерти Сергея Рахманинова»²⁸.

* * *

Историческим фоном последних лет жизни Рахманинова стала Вторая мировая война. Композитор остро переживал за судьбу России, за родственников, оказавшихся в оккупированной Франции. Свояченица Рахманинова С.А. Сатина вспоминала: «Война с Россией продолжала все более и более волновать Сергея Васильевича. Взгляд его на исход войны был глубоко пессимистическим. Вначале, как и большинство людей в Америке, он был уверен, что русские будут сразу раздавлены немецкими полчищами. Он переходил от отчаяния к надежде и от надежды к отчаянию. Преобладало последнее чувство. Не слушая лично почти никогда новостей по радио <...> он всё лето и осень три раза в день ждал и слушал с нетерпением и волнением резюме сообщений, которые делали ему жена или

²⁴ Library of Congress. Sergei Rachmaninoff Archive (LC SRA). ML30.55.B2. Box K-. Folder Klimov, Konstantin.

²⁵ Причину, по которой прах Рахманинова не был перенесен в Россию, озвучил его внук, А.Б. Рахманинов (Конюс): «Могила Рахманинова была и останется в Америке. Есть письмо, в котором Сергей Васильевич просит о том, чтобы его похоронили в Соединенных Штатах» (...Почему тело Рахманинова не перевезут из США в Россию? // Аргументы и факты. 5 июня 2012. URL: <http://www.aif.ru/culture/dontknow/9189> (дата обращения 15 декабря 2013 г.). Однако данное письмо композитора его наследниками обнародовано не было, как, впрочем, нет и письменного завещания Рахманинова о его погребении в России.

²⁶ Феофил (Пашковский) (1874–1950) — митрополит всей Америки и Канады.

²⁷ Чарльз Фоли — организатор гастролей Рахманинова, друг его семьи.

²⁸ Рахманинова Н.А. С.В. Рахманинов // Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. 3. С. 390.

другие члены семьи. Его глубоко огорчало пораженческое настроение некоторых групп русской колонии и полное непонимание среди американцев происходящего в России»²⁹.

Патриотические настроения Рахманинова стали известны представившему в США Московский патриархат митрополиту Вениамину (Федченкову)³⁰, который был одним из инициаторов кампании помочи СССР. 27 августа 1941 г. он обратился к композитору:

«Глубокочтимый соотечественник, Сергей Васильевич!

Я не имел еще чести быть с Вами знакомым лично; но все интеллигентные люди знают Вас. А мне лично говорил еще о Вас и бывший мой сотрудник-викарий, ныне уже покойный (†1939) архиепископ Антонин, знаяший Вас лично.

В последнее время, когда уже началась война немцев против нас, мне пришлось стороною услышать отрадные вести о Вас, что Вы, не в пример массе эмигрантов, страдаете душою за Родину нашу и желаете ей победы над жестоким, гордым и бездушным врагом.

Кроме этого я с самого начала войны думал и думаю: как бы соединить тех, пока еще немногих, русских людей за границей (в Америке), которые безоговорочно желают победы России. Такие есть, как знаете, и из военных кругов, и из интеллигенции (Общество друзей Русской Культуры), и из духовенства (временно пребывающего в расколе с Матерью Церковью). А есть много колеблющихся, которые и пошли бы, но пока не видно такого вождя у них.

И вот, может быть, по Божьему Промыслу пришло Ваше имя. Не суждено ли Вам начать это добре и святое дело? Доколе же русская интеллигенция будет продолжать свое разделение с народом своим? Так было; неужели так и будет? Неужели даже смертельная борьба наших братьев русских против удушения их немцами не соединит нас, беженцев, с общим Отечеством? Чего же еще тогда ждать? Неужели — только смерти и вымирания (физического и духовного) среди чуждых нам иностранцев? Не пора ли «домой», хотя бы пока душою? А момент — исторически-единственный...»³¹

---

²⁹ Сатина С.А. Записка о С.В. Рахманинове // Воспоминания о Рахманинове. Т. 1. С. 107.

³⁰ Митрополит Вениамин в письме к Рахманинову 27 августа 1941 г. рассказал о себе следующее: «Я — представитель Русской (Патриаршей) Церкви в Америке, назначенный Патриархией (на место отколовшегося [покойного] Митрополита Платона) в 1933 году из Парижа. Прежде (в России еще) я был епископом Армии и Флота при генерале Врангеле. Потом отошел (1923 г.) от этого бесплодного дела. А в 1927 г. по прямому предложению Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Сергия Московского (здравствующего и ныне, — к великой пользе Церкви и Родины: о нем-то Вы знаете) я дал подпиську Патриархии о “ loyality ” [сноска: под “ loyality ” разумею лишь “воздержание от борьбы”] по отношению к советскому правительству ради Церкви и ее учения. С 1933 г. я в Америке. Как Вам известно, огромная часть приходов еще с Митрополитом Платоном во главе отделилась “временно” от Матери Церкви в автономную Церковь. Но потом, при Епископе Феофиле они подчинились карловацкому центру, — еще при [покойном] Митрополите Антонии, а теперь с Митрополитом Анастасием. Позиция этого центра открыто прогитлеровская; и здесь — почти то же. Со мною, то есть с Матерью Церковью, здесь лишь 12 приходов. Я служу обычно на 121 E. 7 St в Нью-Йорке; а живу в Бруклине» (LC SRA. ML30.55.B2. Box T-. Folder U-V).

³¹ Там же.

Владыка предлагал Рахманинову взять на себя миссию объединения сочувствовавших СССР русских эмигрантов: «Если Бог внушил Вам эту благую мысль, тогда я готов был, чем мог, помочь в первоначальной организации дела (своими проектами, если нужно — и участием, приглашением инициаторов движения “За Родину!” и т. п.). Но Вы, благодаря разным мотивам, могли бы сделать больше меня в данном вопросе, — как лицо “нейтральное” и общеизвестное... Я состою членом двух Комитетов (американского и русско-американского) “медицинской помощи России”³². Но это совсем другое дело. Я говорю о русском, собственно нашем движении за Родину. И Вы можете тут многое сделать».

Ответ Рахманинова митрополиту Вениамино неизвестен. Однако известно то, что Рахманинов принял на себя обязанность почетного председателя Русско-американского комитета медицинской помощи Советскому Союзу, членом которого был и владыка Вениамин³³. 1 ноября 1941 г. Рахманинов дал в Нью-Йорке первый концерт с целью сбора средств для медицинской помощи Красной армии. Вырученные деньги (около 4000 долларов) Рахманинов передал в советское генеральное консульство в Нью-Йорке³⁴. 15 ноября 1941 г. митрополит Вениамин писал Рахманинову: «По всей стране Американской <...> прогремело, что Вы дали концерт в пользу Родины. Конечно, не столь важны собранные деньги, сколько Ваше мужество выступить открыто на помощь родному народу и его армии»³⁵.

В течение всего 1942 г. Рахманинов не только посыпал значительные денежные средства в помощь армии, но также по его инициативе было послано около двухсот посылок советским военнопленным, находившимся в немецких лагерях³⁶.

* * *

Вскоре после смерти Рахманинова стали появляться публикации, в которых была обнародована информация о благотворительной деятельности композитора, которую он сам при жизни старался тщательно скрывать. Одна из первых статей, затрагивающих эту прежде закрытую тему, вышла в газете «Новое русское слово»:

«Немногие по-настоящему знали Рахманинова. При первой встрече с ним он производил впечатление человека сдержанного, даже сурового, всегда сосредоточенного. Но по более близком знакомстве с ним становилось ясно, что суровая внешность не соответствует его внутренним душевным переживаниям, что этот большой во всех отношениях человек — верный друг, готовый всегда помочь,

---

³² Речь идет о Русско-американском комитете медицинской помощи Советскому Союзу, организованному по инициативе русского политического деятеля Виктора Александровича Яхонтова (1881–1978).

³³ Активной сотрудницей этого комитета была также няня внучки Рахманиновых Елена Михайловна Малышева.

³⁴ С.В. Рахманинов — М. Левину. 19 ноября 1941 // Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. 3: Письма. С. 195. См. также комментарии к данному письму: Там же. С. 365–366.

³⁵ LC SRA. ML30.55.B2. Box T-. Folder U-V.

³⁶ [Вступительная статья] // Рахманинов С.В. Литературное наследие Т. 1: Литературное наследие. Воспоминания, статьи, интервью, письма. М., 1978. С. 36.

поддержать не только словом, но и делом, неизменно откликающийся на чужую беду и горе. И делал это он всегда незаметно, — о многих добрых делах Рахманинова никто не знал.

Всем было известно, что Рахманинов в течение ряда лет давал ежегодный концерт в Париже в пользу русских студентов, — М.М. Федоров³⁷ получил у него на своих питомцев сотни тысяч франков. Знали, что он делал крупные пожертвования на голодающих в России и инвалидов. Это была та часть благотворительной деятельности Рахманинова, которую он не мог скрыть. Но была и другая. В голодные годы он отправлял в Россию своим бывшим друзьям по консерватории и Большому театру сотни продовольственных пакетов. Еще в прошлом году, во время “Недели доброты”, С.В. Рахманинов передал в Красный Крест крупную сумму на посылки русским военнопленным. Он часто помогал людям, которых не знал, с которыми никогда в жизни не встречался. Да позволено мне будет нарушить слово, данное однажды Сергею Васильевичу, и рассказать теперь один эпизод, который я обещал ему хранить в секрете.

Однажды в “Последних новостях”³⁸ я написал обычное воззвание, несколько строк с просьбой помочь одной молодой женщине, матери двух детей, попавшей в тяжелое положение. На следующий день я получил от С.В. Рахманинова чек на 3000 франков, — это были большие деньги по парижским понятиям, они обеспечивали жизнь этой семьи на несколько месяцев. С.В. Рахманинов не знал имени женщины, которой помогает, и единственным условием он поставил мне, чтобы я об этом не сообщил в газете и чтобы никто не знал о его жесте.

Такие вещи характеризуют личность человека лучше и полнее, чем самые пышные некрологи»³⁹.

Благотворительная деятельность Рахманинова, распространявшаяся главным образом на соотечественников в России и Европе, была поистине беспрецедентной. Находясь в эмиграции, он истратил около трети своих средств на благотворительные нужды⁴⁰.

Немалые средства были направлены Рахманиновым в церковные организации. Музыкант осознавал то огромное значение, которое церковь играла для соотечественников на чужбине. Денежная помощь Рахманинова церквам объясня-

³⁷ Михаил Михайлович Федоров (1859–1949) — видный общественный деятель русского зарубежья, глава созданного по его инициативе в 1922 г. Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей.

³⁸ Имеется в виду парижская газета «Последние новости», с которой автор статьи, А. Седых (наст. имя и фам. Яков Моисеевич Цвибак), сотрудничал с 1921 г.

³⁹ Седых А. Жизнь Рахманинова // Новое русское слово. 1943. 30 марта.

⁴⁰ Благотворительные акции Рахманинова осуществлялись через различные организации. Для русских в России в 1921–1923 гг. — через Американскую администрацию помощи (American Relief Administration). Для русских эмигрантов — через Комитет по образованию русского юношества в эмиграции (Committee for the education of the Russian youth in exile; в русской диаспоре эта организация называлась Общество помощи русским детям за рубежом), а также через Толстовский фонд, основанный в штате Нью-Йорк в 1939 г. А.Л. Толстой. См.: Зверева С.Г. Благотворительная деятельность Сергея Рахманинова в отношении Русской Православной Церкви // С.В. Рахманинов — национальная память России: Мат-лы IV междунар. науч.-практич. конф. 26–28 мая 2008 г. Тамбов, 2008. С. 23–33.

лась еще и тем, что многие из них занимались благотворительной деятельностью в отношении русских эмигрантов, и особенно — детей⁴¹.

Принимавший близко к сердцу нужды молодежи, с огромным трудом пробивавшей себе дорогу в жизни, Рахманинов поддерживал русских студентов и русские учебные заведения — в том числе Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже. Просьба о помощи этому учебному заведению поступила к нему 22 ноября 1927 г. от митрополита Евлогия (Георгиевского). «Зная отзывчивое сердце» Рахманинова и рассчитывая на его понимание «исключительного значения Богословского института как рассадника богословского просвещения и школы пастырей», владыка Евлогий просил Рахманинованести лепту на его содержание в 1927/28 учебном году⁴². Судя по ремарке на полях этого письма, Рахманинов переслал институту чек на сумму в 2500 франков и продолжал оказывать существенную финансовую помощь в течение последующих лет. 3 января 1929 г. он послал митрополиту Евлогию еще один чек на такую же сумму⁴³.

Композитор полагал, что его соотечественники в Европе материально более уязвимы, чем те, что перебрались в Америку, и щедро помогал и отдельным людям, и организациям. Например, в 1932 г. он отправил 400 долларов на постройку православного храма в селе Доброславы в Чехословакии, поддержав крестьян-русинов, которые захотели перейти из униатства в православие. Начальник православной миссии в Пряшевской Руси архимандрит Виталий (Максименко) 21 августа 1932 г. написал Рахманинову следующие строки, которые, вероятно, нашли в композиторе отклик: «Верьте, дорогой Сергей Васильевич, что через эту жертву Вы становитесь причастным к большому русскому православно-народному делу. В нашей миссионерской работе мы с каждым шагом все глубже и крепче убеждаемся в том, что наш народ на Карпатах только тогда сохранит свою девственную русскую душу, если весь целиком приобщится к благодатной жизни Православной Церкви. Так ведь будет и с Россией: воскреснет и расцветет она непременно, но тогда, когда пробудится от греховного сна и обновится духовно русская народная душа»⁴⁴.

В 1920-х гг. Рахманинов поддерживал несколько русских православных церквей в Германии. Например, систематически помогал церкви в Дрездене, где его семья жила некоторое время до революции и куда неоднократно приезжала, будучи в эмиграции. Первый взнос в этот храм в размере ста долларов Рахманинов сделал в 1924 г., а с лета 1927 г. посыпал туда ежемесячные пожертвования.

В 1925 г. композитор получил письмо от епископа Берлинского Тихона (Ляшенко), который сообщал, что посольский храм в Берлине был закрыт советски-

⁴¹ Именно в целях поддержки детей через церковные приходы часть дохода Рахманинова от концерта 1932 г. в Париже была направлена в церковь Преподобного Серафима Саровского на улице Лекурб в Париже, в русскую церковь в Клиши, в храм Иоанна Воина в Медоне, в сестричество при Свято-Александро-Невском соборе в Париже.

⁴² LC SRA. ML30.55.B2. Box C-. Folder: Eulogii.

⁴³ См.: LC SRA. ML30.55.B1. Box A-. Folder: D-.

⁴⁴ LC SRA. ML30.55.B2. Box T-. Folder: U-V.

ми властями. Прихожане решили построить новый храм и, зная любовь Рахманинова «к благолепию православного богослужения, каковому он немало послужил своим талантом», просили его дать концерт в пользу храма. В ответ последовал чек на сто пятьдесят долларов⁴⁵.

Есть основания полагать, что композитор частично субсидировал художественное оформление храма Преподобного Сергия Радонежского на Свято-Сергиевском подворье в Париже. 20 декабря 1925 г. с просьбой оказать в этом содействие к Рахманинову обратилась великая княгиня Мария Павловна — двоюродная сестра покойного императора Николая II⁴⁶. В память о своей убитой большевиками тете — великой княгине Елизавете Феодоровне — Мария Павловна пожертвовала на благоустройство храма Свято-Сергиевского подворья 100 тысяч франков. Она писала Рахманинову, что старый посольский Свято-Александровский собор стал объектом притязаний советского посольства. Опасаясь его захвата, православные купили участок земли на окраине Парижа с несколькими домами и немецкой церковью, которая была освящена во имя преподобного Сергия Радонежского. Великая княгиня возглавила комитет, который купил царские врата XVI в., а также пригласил для росписи церкви иконостаса художника Д.С. Стelleцкого. В планы комитета входило также установление на храме русских церковных глав и создание оконных проемов в «старорусском стиле». Вряд ли композитор ответил отказом великой княгине — ведь он сам при крещении был наречен во имя преподобного мученика VIII в. Сергия, погибшего в монастыре Саввы Освященного.

Оказывал Рахманинов помощь и русским православным в США. Слом наложенной жизни, хаос и драматические коллизии первых послереволюционных лет крайне болезненно отразились на судьбах русской диаспоры не только в Европе, но и в Северной Америке. В 1918 г., лишившись финансирования, прекратил свое существование знаменитый хор Свято-Николаевского собора под управлением И.Т. Горохова. Регент и взрослые певцы были вынуждены искать новые места работы. Пение во время богослужений было возложено на священнослужителей и мирян, которые в 1924 г. решили образовать фонд поддержки хора и обратились к ряду влиятельных лиц, в том числе к С.В. Рахманинову: «Находясь в таких тяжелых обстоятельствах, мы, члены причта кафедрального собора, решили образовать певческий фонд и в этих видах обращаемся к Вам за помощью. Мы знаем Ваше добре русское отзывчивое сердце, помним и ценим Ваше прежнее внимание к нуждам нашего собора и смеем думать, что и в разрешении этого насущного вопроса, который наиболее озабочивает нас теперь, Вы придетете нам на помощь и тем окажете поддержку не только нашему собору, но и всей православной русской колонии в Нью-Йорке, которая, потерявши свою Родину и все самое дорогое, ищет утешения в благолепных службах в родном храме на чужбине»⁴⁷.

---

⁴⁵ LC SRA. ML30.55.B2. Box T-. Folder T-.

⁴⁶ См.: LC SRA. ML30.55.B2. Box M-. Folder M-.

⁴⁷ LC SRA. ML30.55.B2. Box T-. Folder T-.

Между тем в 1926 г. этот храм перешел в собственность так называемой обновленческой церкви, которую американский суд счел официальной преемницей дореволюционного прихода. В результате большая часть тех, кто ранее посещал Свято-Николаевский храм и не пожелал примкнуть к «обновленцам», в 1926 г. перешла в новый приход во имя Христа Спасителя, основанный эмигрантами. В 1925 г. Рахманинов оказывал помощь и этой общине. С 1928 г. Сергей Васильевич избрал другую форму поддержки церкви в Америки, став одним из попечителей Фонда взаимопомощи русского православного духовенства, в котором, по-видимому, состоял до конца своих дней⁴⁸.

Трогательное описание визита Сергея Рахманинова с супругой в русский храм в Ванкувере оставил архимандрит Антонин (Покровский), с которым Рахманинов состоял в переписке и к которому относился с особой теплотой:

«12 марта в 11 ч. 30 мин. утра Рахманиновы осчастливили своим посещением настоятеля русского храма архимандрита Антонина. С большим удовольствием осматривали они вновь строящийся храм и <радовались> возникновению этого первого храма в Британской Колумбии. В квартире настоятеля желанные гости были встречены русскою публикою, где в оживленной сердечной беседе Рахманиновы провели более часа. С большим интересом слушали историю возникновения первого православного храма в Ванкувере и сердечно пожелали принять участие в храмосоздании своею жертвою. Христиансское чувство любви особенно выразилось в отношении к настоятелю храма: они увидели, что храм возникает среди трудных материальных обстоятельств, в борьбе с которыми и обострилась болезнь ног настоятеля, поэтому, несмотря на протест архимандрита, С.В. Рахманинов вручил ему вместе с другими подарками плед для завертывания ног в холодные дни.

Вечером 12 марта состоялся концерт С.В. Рахманинова в громадном зале, переполненном ванкуверскою публикою, ожидаюшею с нетерпением знаменитого композитора, а в 11 ч. 50 мин. ночи мы проводили нашу российскую гордость — С.В. Рахманинова — в г. Чикаго»⁴⁹.

Известно, что за Рахманиновых и его семью молились во многих русских храмах. В некоторых из них имена композитора и членов его семьи были записаны для поминовения на вечные времена. Нередко композитора называли «иконой», т. е. лицом русской эмиграции. Такого почитания удостаивались лишь единицы соотечественников на чужбине.

На небосводе диаспор звезда Рахманинова была одной из самых ярких, а когда она погасла, то это было замечено всеми. В марте и апреле 1943 г. русскую диаспору, узнавшую о смерти Рахманинова, охватил всплеск общего горя. Потому ли оно было так велико, что Рахманинов был гениальным композитором и пианистом? Конечно, это имело огромное значение. Но не менее важным было и то, что этот

---

⁴⁸ Последнее по времени письмо секретаря Рахманинова, подтверждающее участие музыканта в этом фонде, хранящемся в Библиотеке Конгресса, относится к 14 ноября 1942 г. (LC SRA. ML30.55.B2. Box M-. Folder M-).

⁴⁹ Цит. по.: Павел (Фокин), архим. Жизненный путь архиепископа Вашингтонского и Аляскинского Антонина (Покровского), его личные воспоминания и переписка. М., 2007. С. 117–118.

русский гений был добрым и благородным человеком, не проходившим мимо чужой беды⁵⁰.

2 апреля 1943 г. игумен Георгий писал только что овдовевшей Н.А. Рахманиновой: «Господь дал рабу Божию Сергию великий талант, вдохновения свыше, дар любви Божией!»⁵¹ Дирижер С.А. Кусевицкий добавляет: «Музыкальный мир знал, что он [Рахманинов] олицетворяет достоинство, честь и музыкальную совесть. Это было важно и дорого. Одно присутствие такого человека в жизни поднимало моральный уровень музыкального искусства»⁵².

А вот слова дирижера и композитора В.Р. Бакалейникова: «За мою долгую жизнь Россия пережила не одну тяжелую утрату. Умерли: Лев Толстой, Римский-Корсаков, Ермолова, Станиславский, Шаляпин, Анна Павлова, Скрябин, Репин, Танеев, Куприн, Фокин, Глазунов, Павлов. С.В. Рахманинов последний из мотикан старой России, которую мы любили, любим и будем любить до гроба. Вот почему смерть Рахманинова для нас, знавших его как человека доброго, хорошего и отзывчивого — так трагична»⁵³.

Идеи о бессмертии наследия Рахманинова высказал в своей статье его коллега В.В. Завадский⁵⁴: «Перевернута последняя страница одной из прекраснейших поэм родного русского искусства — “Рахманинов”. Мы, утерявшие так много и за пределами, и в пределах родины, должны постараться по-настоящему, возможно глубже познать эту последнюю нашу утрату... <...> Утеряв Рахманинова-артиста, люди обратятся к Рахманинову-творцу. Наше горе велико, но также велика должна быть наша гордость, ибо хотя чудесная поэма — жизнь Рахманинова — прочитана до конца, на месте ее выброс и остался с нами сказочный цветок — его музыка, чтобы, по мере нашей нужды, вновь и вновь расцветать и оживлять и

⁵⁰ Отдельные письма к Рахманинову от русских писателей, поэтов, музыкантов (А.К. Глазунова, А.И. Куприна, К.Д. Бальмонта, Игоря Северянина), которым Рахманинов оказывал помощь, опубликованы в кн.: *Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. 3: Письма. С. 399–423. Письма А.Д. Каstальского к С.В. Рахманинову опубликованы в изд.: Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. 5: Александр Каstальский: Статьи, материалы, воспоминания, переписка / ред.-сост., авт. вступ. ст. и коммент. С.Г. Зверева. М., 2006. С. 732–747.* Однако подавляющая часть корреспонденции подобного рода (она хранится в коллекции Рахманинова в Библиотеке Конгресса) до настоящего времени остается неизданной.

⁵¹ LC SRA. ML30.55.B2. Box F-. Folder G-. Идентифицировать фамилию игумена Георгия — священнослужителя Московского патриархата, в момент написания письма находившегося в Лос-Анджелесе, пока не представляется возможным.

⁵² Отклики на смерть С.В. Рахманинова // Новое русское слово. 1943. 2 апр.

⁵³ Великая утрата // Там же. 2 мая.

⁵⁴ Завадский Василий Васильевич (Vassily Savadsky; 1893–1954) — композитор, пианист, дирижер, музыкальный критик. Сын известного в России хорового дирижера и духовного композитора В.Г. Завадского. В.В. Завадский обучался в Петербургской консерватории у А.К. Глазунова, А.К. Лядова, Н.Н. Черепнина. Жил в США с 1924 г., куда прибыл при поддержке Н.К. Рериха. Известно, что 3 декабря 1943 г. В.В. Завадский выступал перед концертом памяти С.В. Рахманинова в помещении Клуб-хауса в Нью-Йорке. Концерт устраивало Общество приехавших из Европы; исполнялись романсы и «Элегическое трио» Рахманинова. Сбор с концерта предполагалось передать на нужды «русских тружеников умственного труда во Франции» ([Объявление] // Новое русское слово. 1944. 3 дек.).

обогащать своими таинственно-волшебными ароматами наши обедневшие, опустошенные, ожесточившиеся души.

Думая о Рахманинове, как-то не вяжется говорить об утрате... В наших руках сверкает оставленное им наследие. Оно велико, оно не все нами еще охвачено, не все исследовано и познано... Рахманинов ведь жил так скоро, за ним было не угнаться. За гигантского роста исполнителем современники склонны были преувеличивать значение и размеры Рахманинова-композитора. Да и не верилось как-то людям: возможно ли, чтобы так много вместилось в одном? Не видали они бескрайнего неба, степей и лесов Руси!..

По-мирскому это, вероятно, было и к лучшему; — слава артиста принесла Рахманинову великий житейский успех, великий авторитет, равного которому русское искусство уже давно не знало... Наследию же его принадлежит “жизнь вечная”, ибо это — искусство великого мастера, великой культурной преемственности, великого народа и — великого сердца. <...>

Русское искусство — это сердце русской культуры. Русская культура — это культура сердца... Самыми дорогими и любимыми для нас всегда будут не те, что сумел взволновать наши умы, но те, кто согрел и покорил наши сердца. Таким был в музыке Рахманинов. <...> И несется дальше песнь Рахманинова, и с ней несется вперед все правдивое, живое и страстное русское искусство, пока не объемлет, не согреет и не оживит сердца мира»⁵⁵.

Такими словами и идеями, проходящими через многие посвященные Рахманинову посмертные публикации, хотелось бы завершить и эту выходящую через 70 лет после кончины великого композитора статью.

---

⁵⁵ Завадский В. Сердце Рахманинова // Новое русское слово. 1943. 4 апр.

Приложение

E. Сван

НАША РУССКАЯ УТРАТА¹

*Подготовка текста и примечания
С.Г. Зверевой*

Умер Сергей Васильевич Рахманинов, умер скитальцем-изгнаниником, далеко от России, которую он так любил, которую он обожал, как он сказал однажды на вокзале в Вене, уезжая оттуда в сопровождении своей верной спутницы — Натальи Александровны Рахманиновой после одного из своих триумфальных концертов, уезжая в Париж, чтобы там играть в пользу безработных русских.

Несмотря на любящую и заботливую семью, несмотря на поклонение публики, несмотря на небывальные успехи на подмостках всего мира, он жил замкнуто и душевно одиноко — один со своей тоской по утраченной и такой любимой России.

Ушел от нас осколок этой великой России, один из представителей славной плеяды русских музыкантов эпохи закатного сияния нашей России, ученик Танеева, близко знавший Римского-Корсакова, однокашник Скрябина.

Еще рано писать о Сергееве Васильевиче пространные воспоминания и исследования — слишком еще остра утрата, слишком близка еще минута безвозвратного ухода, слишком страшна еще непоправимость совершившегося.

И так хочется просто принести ему на его свежую могилу его любимых русских ландышей; не искусственно взращенных и пряно благоухающих чужих ландышей, а наших русских, диких ландышей, тонких, почти прозрачных, на длинных гибких стеблях, так скромно и свежо пахнущих русских лесом, талым снегом и русской девственной весной. Это были его любимые цветы.

Но русские дикие ландыши далеко, и мы не можем их нарвать... И хочется рассказать взятые из памяти наугад простые случаи из жизни Сергея Васильевича, которые приблизят его к русским людям как человека и вызовут у них желание горячо помолиться об упокоении его души.

Сергею Васильевичу концертные поездки были необходимы, как воздух, и вместе с тем физически он часто очень уставал, особенно когда мучила его невралгия в виске. Тогда в Вене на вокзале в ожидании поезда он присел на чемоданы. «Сергей Васильевич, зачем Вы так много играете, ведь это слишком тяжело? А вот теперь еще пять благотворительных концертов в разных концах мира»... Сергей Васильевич посмотрел своим мудрым взглядом, встал, вытянулся и так просто сказал: «В такие времена о себе и о своем здоровье думать нельзя». У этого баловня судьбы можно было поучиться выдержке и дисциплине.

Встает в памяти другой случай: паскудная улица на задворках Филадельфии. Годы запрещения продажи вина. После концерта агент Сергея Васильевича устроил обед в каком-то итальянском ресторанчике, где в полутемной комнате из-под полы подавали «киянти». В те дни все, как дети, радовались таинственной обста-

новке и возможности полакомиться запрещенным вином. Сергей Васильевич же совсем не пил, так, пригубит стаканчик-другой без всякого вдохновения. Шел он туда, чтобы доставить удовольствие другим и не разочаровать агента. Все расселись за большим накрытым столом. Сергея Васильевича мучила невралгия, он морщился и украдкой, незаметно потирал висок. А рядом в комнате кто-то неистово и грубо «наяривал» на банджо.

«Сергей Васильевич, можно пойти велеть им перестать так громко играть?»

«Нет, нет, что Вы!.. Пожалуйста, не надо, а то они еще подумают, что я чем-нибудь недоволен».

Вот мы все: «мы почтаем всех нулями, а единицами — себя, мы все глядим в Наполеоны», как сказал Пушкин, а вот настоящие «единицы» страшно скромны. Таков был и Сергей Васильевич — он был скромен и деликатен той высшей внутренней скромностью, которою так часто отличаются великие люди, которою отличался, например, Чехов. Сергей Васильевич близко знал и любил Чехова: «Вот был человек — Антон Павлович! Я читаю его письма. Всего шесть томов. Четыре прочел и думаю, как ужасно, что осталось всего два тома. Через два тома он умрет, и кончится общение с ним!.. На него молиться надо: больной, бедный, а думал только о других. Три школы построил, библиотеку создал в Таганроге, помогал направо и налево, и только бы кто-нибудь не узнал».

Когда Горький просил у Чехова разрешения посвятить ему «Фому Гордеева», Чехов ему написал, что только разрешает написать «Антону Павловичу Чехову», из скромности он боялся напыщенных прилагательных в посвящении.

После обеда в итальянском ресторанчике Наталья Александровна и друзья, приехавшие из Нью-Йорка на филадельфийский концерт, уехали на такси на нью-йоркский поезд. Мы пошли пешком обратно в гостиницу, т. к. Сергей Васильевич в полночь уезжал один в Бостон на свой следующий по расписанию концерт. Пришлось идти трущобными улицами негритянского квартала. Вдруг Сергей Васильевич остановился у рыбного лотка: «Смотрите, смотрите, этот торговец обвещивает этого старика. Вот подлец, смотрите...»

На следующем углу мы наткнулись на странную фигуру старой негритянки. Закутанная в тряпье, она сидела с трясущейся вытянутой рукой и смотрела куда-то в пустоту слепыми глазами с красными вывернутыми веками.

«Что это?.. Что это?.. Смотрите», — весь точно задрожал Сергей Васильевич и привычным жестом вынул бумажник.

Как только кончался концертный сезон и Сергей Васильевич оседал на несколько месяцев, вокруг него создавалась чисто русская жизнь.

Так было в Ramboillet² под Парижем, где воскресала жизнь русского поместья, где к утреннему чаю подавались сливки, сыр, ветчина, крученые яйца, где Паша, вывезенная из России, подавая на стол, уговаривала гостей: «Пожалуйста, кушайте на здоровье», где гуляли и ходили за грибами веселой гурьбой.

Сергей Васильевич вставал раньше всех и иногда уходил в лес один. Возвращался довольный и начинал подтрунивать: «Вот вы не умеете грибы искать... Ну где же! Смотрите, целая полянка, вот тут, рядом с домом, вся усажена белыми грибами... Я двадцать штук насчитал!»

Веселая гурьба стремилась на полянку, и действительно — полно грибов. Оказывается, Сергей Васильевич рано утром набирал грибы, усаживал ими полянку, а потом трунил над всеми.

После чая большой дом затахал. Как-то незаметно Сергей Васильевич закрывал двери в гостиной и садился за рояль. Он не упражнялся в точном смысле слова. Он что-то проигрывал, задумчиво перебирал клавиши, а то вдруг победно и громко звучали из гостиной «les Adieux» из сонаты Бетховена³. И снова так же незаметно Сергей Васильевич появлялся в саду или в столовой.

Да будет ему легка чужая земля, и «да Господь Бог наш учинит душу его в месте светле, в месте злачне, в месте покойне, идеже вси праведнии пребывают»⁴.

Вечная ему память...

¹ Впервые: Ек. Сван (Ек. Резвая). Наша русская утрата // Россия. 1943. 2 апр. Сван Екатерина Владимировна (урожд. Резвая; 1890–1944) — литератор, преподаватель русского языка. Е.В. Сван была одаренной писательницей, о чем свидетельствует ее вышедшая в 1946 г. в Нью-Йорке, в «Издательстве имени Чехова», книга «Статьи. Рассказы. Описания». Екатерина Владимировна и ее супруг, музыковед и композитор Альфред Альфредович Сван, входили в число лиц, довольно близко знавших Рахманинова и его семью. Они являются авторами воспоминаний о композиторе: Swan A.J., Swan K. Rachmaninoff: Personal Reminiscences // Musical Quarterly. 1944. V. XXX. № 1. P. 1–19; V. XXX. № 2. P. 174–191; Сван А.-Дж., Сван Е. Воспоминания о С.В. Рахманинове // Воспоминания о Рахманинове. Т. 2. С. 190–222.

² До постройки имения Сенар в Швейцарии Рахманиновы проводили летнее время на даче во Франции, в Клерфонтене близ Рамбуи.

³ Имеется в виду 1-я часть сонаты Бетховена № 26 («Прощальной») ми-бемоль мажор, оп. 81а.

⁴ Приводится фраза из молитвы, читаемой на православном заупокойном богослужении.

E.B. Кривцова

С.С. ПРОКОФЬЕВ – С.В. РАХМАНИНОВ:

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

И ТВОРЧЕСКИЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

(К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КОМПОЗИТОРОВ)¹

Основные вехи развития личных и творческих контактов двух композиторов достаточно полно обозначены в литературе, посвященной Рахманинову, в контексте восприятия им направлений современной, «новой» музыки. Как тема отдельного исследования история связей Рахманинова и Прокофьева нечасто привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей. И совсем мало, на мой взгляд, изучены взаимоотношения композиторов, а также роль Рахманинова в становлении и развитии Прокофьева как человека и музыканта. Возможно, оттого, что в контексте музыкального знания XX в. эти фигуры далеки друг от друга. Действительно, творческие методы, музыкальные пристрастия, стиль самовыражения, судьбы Рахманинова и Прокофьева различны. Но не зависит ли такая точка зрения от нашего восприятия, пристрастий, перемен исторических декораций? Субъективность оценочной шкалы несомненна. Однако со временем оценки меняются. Теперь можно говорить о тенденции сближения фигур Рахманинова и Прокофьева в процессе осознания их роли в мировой культуре.

Другая сторона такого взгляда на проблему более частная: назрела необходимость систематизации уже известных фактов, исследования биографических пересечений. Необходимо актуализировать изучение личных и творческих связей Рахманинова и Прокофьева и демифологизировать некоторые аспекты этой темы. Такая кропотливая, не всегда заметная и масштабная, но всегда благодарная работа ведется во Всероссийском музейном объединении музыкальной культуры (ВМОМК) имени М.И. Глинки, так как Рахманинов и Прокофьев являются для музея приоритетными фигурами².

---

¹ Автор выражает признательность за консультации и помошь в написании статьи музыковедам Марине Павловне Рахмановой, Алексею Александровичу Наумову инуку композитора С.С. Прокофьева Сергею Святославовичу Прокофьеву.

² Всероссийское музейное объединение музыкальной культуры имени М.И. Глинки не только хранит фонды С.В. Рахманинова и С.С. Прокофьева, но и является научно-исследовательским центром, координирующим изучение жизни и творчества композиторов. Музейное объединение оказывает помошь Музею-усадьбе С.В. Рахманинова «Ивановка» в Тамбовской области, участвует в издании Полного академического собрания сочинений композитора. В ряде сборников, вышедших в музее, опубликованы научные статьи сотрудников ВМОМК им. М.И. Глинки и неизвестные прежде материалы о Прокофьеве и Рахманинове; см.: Сергей Прокофьев: К 110-летию со дня рождения: Письма, воспоминания, статьи / ред.-сост. М.П. Рахманова; науч. ред. М.В. Есипова. М., 2001; Новое о Рахманинове: сб. ст. / ред.-сост. И.А. Медведева; науч. ред. М.П. Рахманова, М.В. Есипова; науч. консульт. А.А. Наумов. М., 2006; Сергей Прокофьев: Письма, воспоминания, статьи: К 110-летию со дня рождения / ред.-сост. М.П. Рахманова; науч. ред. М.В. Есипова. М., 2006; С.С. Прокофьев: Документы, статьи: сборник / ред.-сост. М.П. Рахманова; науч. ред. М.В. Есипова. М., 2007.

Основным источником по теме стали мемуары: дневник Прокофьева, воспоминания Рахманинова³ и фрагменты воспоминаний современников. Не менее важно эпистолярное наследие. Однако количество респондентов и, как следствие, «распыленность» информации, затрудняют его использование. Однако в перспективе анализу писем современников с упоминаниями о взаимоотношениях Рахманинова и Прокофьева принадлежит ведущая роль.

Нарушая привычную в музыковедении парность композиторов: Верди — Вагнер, Скрябин — Рахманинов, Прокофьев — Шостакович и так далее, рассмотрим творческие и личные параллели-пересечения Рахманинова и Прокофьева.

Сергей Сергеевич — младший современник Сергея Васильевича. Разница в возрасте — 18 лет — всегда давала о себе знать в их общении. Двадцатисемилетний Прокофьев, воспринимая сорокапятилетнего (всего лишь!) Рахманинова как уже немолодого человека, воскликнул: «О, старое поколение! Неинтересны тебе мысли молодых, но мы вникаем в это чувство и не виним»⁴. На первом этапе знакомства, состоявшегося в 1915 г., всемирно известный композитор, пианист и дирижер Сергей Васильевич Рахманинов относился к Прокофьеву чуть свысока, называя эксперименты Прокофьева «музыкальным озорством». Рахманинов отмечал талант и мощь молодого композитора в «Скифской сюите» (1914), но голосовал против издания ее у С.А. Кусевицкого⁵. На задиристые реплики Прокофьева вроде «Я Вами доволен, Вы хорошо исполнили Скрябина» С.В. Рахманинов отвечал не менее колко, но с улыбкой, приговаривая при этом: «Его нужно осаживать...»⁶ Куда там! Задира Прокофьев не упустил возможности поквитаться с маститым композитором. В обзоре «Скрябинский цикл в Петрограде» на страницах журнала «Музыка», скрывшись за псевдонимом «В. Иванов», Прокофьев оставил за собой последнее слово в обмене колкостями на скрябинскую тему: «Много надежд возлагалось на Рахманинова, впервые выступившего в качестве исполнителя Скрябина. Очень меткую, яркую и глубоко справедливую характеристику исполнения Рахманинова дал г. Каратыгин. К этой оценке, цитированной в прошлом № “Музыки”, я ничего не имею прибавить. Разве что весьма неприятно свойственное Рахманинову акцентирование затақтовой восьмой, если с таковой начинается фраза»⁷.

По словам Нины Кошиц, Рахманинов отзывался о сочинительстве Прокофьева так: «Очень талантливый, но еще не выписался»⁸. На что Прокофьев в дневнике разражается едкой репликой: «Это последнее надо понимать, что я пишу не в той сфере, которая доступна Рахманинову. Если я случайно коснусь ее, то тогда Рах-

---

³ Воспоминания Рахманинова, записанные и подготовленные к публикации О. Риземаном, не были одобрены самим композитором; см.: *Riesemann O., von. Rachmaninoffs recollections told to Oscar Riesemann. L., 1934.*

⁴ Прокофьев С.С. Дневник: [в 3 ч.]. Р., 2000. Ч. 1: 1907–1918. С. 760.

⁵ См.: Воспоминания о Рахманинове: в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 375.

⁶ Там же. Т. 1. С. 245.

⁷ Иванов В. Скрябинский цикл в Петрограде // Музыка. 1915. 10 окт. № 227. С. 400. Фрагмент журнала с пометами С.С. Прокофьева хранится в ВМОМК им. М.И. Глинки. Ф. 33. Ед. хр. 94.

⁸ Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 1: 1907–1918. С. 663.

манинов скажет, что в этих сочинениях я выписался»⁹. В этом ключе страницией позже эпитет «недосягаемое божество Рахманинов» мог бы выглядеть очередной ироничной колкостью Сергея Сергеевича, если бы в той же фразе не было вполне искреннего признания в любви «к очень хорошим» романсам Рахманинова (и тут же — «...но мои, конечно, лучше»)¹⁰.

Ранее, в феврале того же 1917 г. Рахманинов присутствовал на концерте Прокофьева в Москве. Этот концерт стал событием для Сергея Прокофьева, который сделал следующую запись в своем дневнике: «На концерт собрались решительно все: Рахманинов, Метнер, Кусевицкий <...> словом, вся музыкальная Москва <...> Рахманинов сидел во втором ряду у прохода рядом с Кусевицким неподвижный как изваяние Будды. Говорят, публика после иных вещей начинала аплодировать, потом взглядала на своего любимца и, видя его окаменелость, смущенно замолкала. Я очень интересовался его впечатлением и впоследствии узнал, что он ушел недовольный концертом, но все же сказал — А все-таки это талантливо»¹¹.

Очевидно, что для Прокофьева Рахманинов не только олицетворял «всю музыкальную Москву», но был тем композитором, мнение которого было чрезвычайно важным и интересным. Что сказал, как отзывался Рахманинов о его музыке или исполнении, весьма заботит Прокофьева. Покорение музыкальной Москвы, о котором грезит молодой музыкант, во многом зависит от позиции Сергея Васильевича. Стоит отметить, что Прокофьев связан с досоветской музыкальной средой и академической школой Москвы гораздо теснее, чем можно ожидать. Называя, и по праву, Прокофьева питомцем Петербургской консерватории, необходимо помнить о его московском музыкальном круге: Ю.Н. Померанцеве, Р.М. Глиэрэ, Б.Л. Яворском и, прежде всего, о С.И. Таиневе. О нем в дневниках Прокофьев пишет неоднократно, например: «Таинев <...> прочел целую лекцию о теории композиции и о регистрах, и о рисунке музыкальном, и о приеме писать вариации, словом, в несколько часов дал мне в десять раз больше, чем Витоль и Лядов в полтора года. <...> Вот у кого бы учиться!»¹² Что же касается Рахманинова, то можно заключить, что Прокофьев, ничуть не сомневаясь в своем музыкальном несходстве с ним («...пишу не в той сфере, доступной Рахманинову»), тем не менее дорожит возможностью творческого общения и контактов. Думается, не случись октябрьской катастрофы, трагически переломавшей историю России, взаимоотношения Прокофьева и Рахманинова сыграли бы немаловажную, если не определяющую роль в развитии русской музыки.

Эмиграция переменила многое в истории отечественного музыкального искусства. Исследователи рассматривают два направления, очертившихся в рус-

---

⁹ Там же. С. 663. Запись за август 1917 г. Разговор с Ниной Кошиц произошел в Кисловодске после отъезда Рахманинова.

¹⁰ Там же. С. 664.

¹¹ В программе концерта прозвучали пять романсов на стихи А.А. Ахматовой,opus 27 (впервые), «Гадкий утенок», на бис — «Наваждение». См.: Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 1: 1907–1918. С. 637. Запись без даты. Февраль 1917 г.

¹² Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 1: 1907–1918 С. 115. Запись от 15 февраля 1910 г. Накануне Прокофьев ехал в одном поезде с Таиневым из Петербурга в Москву.

Сергей Прокофьев. <США. 1919>
Рекламная фотография. ВМОМК им. М.И. Глинки. Ф. 33. Ед. хр. 568

ском зарубежье 1920–1930-х гг.: так называемые традиционное и современное¹³. Первое, естественно, связано с именем Рахманинова. А имидж разрушителя традиций, бунтаря закрепился за Прокофьевым — «диким мустангом на подножном корму»¹⁴. Впрочем, это деление скорее из области позднейшего изучения музыкальной истории XX в., нежели обстоятельство, способное стать основой объяснения дальнейшего творческого и личного соприкосновения двух великих музыкантов. Трагедия изгнанников, частная драма очевидцев крушения старого мира связывают Прокофьева и Рахманинова. Их реакция на происходящее в революционной России схожа. Ее можно выразить словами Прокофьева: «Запереть сердце на ключ и ко всему окружающему относиться деревянно»¹⁵. В силу оптимизма, свойственного молодости, и складу личности, Прокофьеву было легче, чем Рахманинову, следовать этим словам. Для Сергея Васильевича, обремененного большой

¹³ См.: Польдяева Е. Прокофьев и русская эмиграция в Париже 20-х годов // Сергей Прокофьев: Письма, воспоминания, статьи. С. 259.

¹⁴ Энгель Ю. На вечере «Музыкального современника» // Русские ведомости. 1917. 10 февр. № 83. Цит. по: Сергей Прокофьев. 1953–1963: Статьи и материалы. М., 1962. С. 343.

¹⁵ Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 1: 1907–1918. С. 685.

семьей, «разоренного большевиками» (по выражению Прокофьева¹⁶), потерявшего свой дом, свой устоявшийся мир, относиться «деревянно» к невзгодам, в том числе и материальным, было труднее.

Прокофьев прибыл в Соединенные Штаты раньше Рахманинова: 21 августа по новому стилю 1918 г. голландское судно «Гротиус» с Сергеем Сергеевичем на борту встало на рейде в заливе Сан-Франциско. А в ноябре того же года неожиданно для Прокофьева в Нью-Йорк прибывает Рахманинов. «Замечательное событие, — отмечает в дневнике Сергей Сергеевич. — Я необычайно обрадовался его приезду и сейчас же отправился в Hotel Netherland¹⁷, где и нашел его...» — пишет Прокофьев. «Я не вполне знал, — продолжает он, — как Рахманинов настроен по отношению ко мне: когда-то он рассердился за мои суждения об исполнении им Скрябина, затем он признал меня чрезвычайно талантливым, но пишущим непонятные вещи... И, наконец, вся эта история с Кошиц¹⁸, но я был уверен, что раз пойду к нему с открытым сердцем, все пойдет на лад. Так и вышло. <...> Рахманинов оказался ужасно славным, занятно ворчливым на американцев и дорогу и звал меня прийти обедать...»¹⁹ Через день Прокофьев снова у Рахманинова, застает его за работой над новой редакцией 1-го концерта: «Мы провели час в самом теплом разговоре и право же, Рахманша (*sic!* — E.K.) ужасно хороши. Только жалуется, что стар, что ему нездровится, что потерял с большевиками все деньги. С концертами здесь торопиться не будет, хочет пожить спокойно. Все время трещали к нему телефоны. Он говорил: “Ах, проклятые!” и посыпал меня разговаривать»²⁰. За этими строками, написанными в юмористическом ключе, с налетом некоторого амикошонства чувствуется одинокость и потерянность Прокофьева. Ведь к нему не «трещат телефоны», а его импресарио Адамс, готовящий первый перед американской публикой концерт, не внушает доверия. Как-то сложится карьера в Америке! Да к тому же в кармане осталось только 30 центов и приходится, по определению Прокофьева, «комбинировать» (обедать чашкой кофе, ужинать у знакомых). К этому можно добавить тревогу за мать Марию Григорьевну, оставшуюся в далекой России. О чем же «в теплом разговоре» беседовали два Сергея? Темы прежде всего профессиональные: с чего дебютировать в Америке — симфонического или сольного концерта, что делать с

¹⁶ Там же. С. 757.

¹⁷ В знаменитом отеле «Netherland», расположеннном около Центрального парка, С.В. Рахманинов останавливался и в свой первый приезд в Нью-Йорк в 1909 г.

¹⁸ Порай-Кошиц Нина Павловна (1892–1965) — артистка оперы и камерная певица. Речь идет о своеобразном «творческо-любовном треугольнике» Рахманинов — Кошиц — Прокофьев, полном недомолвок, впрочем вполне объяснимых словами самой Нины Кошиц, записанных ею в Ессентуках в 1917 г.: «Что делать, если одновременно светят два солнца?.. Да еще хочется, чтобы грело не старое долговечное, а другое, молодое?» (цит. по: Прокофьев С. Деревянная книга. СПб., 2009. С. 134). Получив письмо от певицы, в котором она сообщает о своем прибытии в Штаты и обращается с просьбой о помощи в организации гастролей по Америке, Прокофьев запишет в Дневнике вполне определенно: «Кому письмо Нины Кошиц не даст покоя, так это Рахманинову, а особенно его супруге» (Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 2: 1919–1933. С. 87. Запись от 20 марта 1920 г.). См. также: Кошиц Н. Мои встречи с Прокофьевым / публ. Н. Тартаковской // Сергей Прокофьев: Письма, воспоминания, статьи.

¹⁹ Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 1: 1907–1918. С. 746. Запись от 11 ноября 1918 г.

²⁰ Там же. С. 747. Запись от 13 ноября 1918 г.

разбитым пальцем, чтобы продолжить играть. (Кстати, знаменитый рецепт Рахманинова: тонкий слой ваты, коллоидум и опять слой ваты — Прокофьеву помог, но не понравился: «С тампоном на пальце немного играю, но все же он мешает.»)²¹ Рахманинов, как и Прокофьев, в этот момент на распутье. Решение переехать в Штаты далось Рахманинову непросто. Не миновало его и частое среди русских эмигрантов «творческое безмолвие»: не хотелось сочинять. Даже по истечении многих лет жизни на чужбине композитор, создавший целый ряд великолепных произведений, в интервью «Дейли телеграф» от 29 апреля 1933 г. скажет «За те 17 лет, что я покинул мою родину, я чувствую себя неспособным сочинять»²². А Прокофьев настроен на борьбу. Он готов «и [к] бешеным успехам и к чистке с голода сапог»²³. И вот первый успех в США! 20 ноября 1918 г. Прокофьев в сольном концерте в нью-йоркском Эолиан-холле исполнил Рахманинова, Скрябина, самого себя. «“Этюды-картины” Рахманинова, — отчитался он «Дневнику», — я сыграл просто-напросто очень хорошо»²⁴. Включение в программу recital'я сочинений Рахманинова и Скрябина имело причины прагматические: Прокофьев решил подстраховаться перед вкусами неизвестной ему публики и сыграть произведения авторов, уже имевших успех и известность в Америке. Как жаль, что не сохранилось записей сочинений Рахманинова в интерпретации Прокофьева! Это было бы лучшим доказательством того, что Сергей Сергеевич не только прагматичен в выборе репертуара, но покорен музыкой Сергея Васильевича, хотя и нечасто заявляет об этом публично. В этом проявилась ставшая притчей во языцах прокофьевская двойственность. В своих музыкальных пристрастиях он, по словам Н.С. Голованова, «нежный любовник, очарованный», но «боящийся попасть в тенеты мелодии с ее сладким очарованием и сейчас же выступающий <...> свои токкаты»²⁵.

В 1915 г., драматически расставшись со своей возлюбленной Ниной Мещерской, Прокофьев дома музиковал, чтобы унять сердечную боль. Он играл Рахманинова — 3-й фортепианный концерт. Жена Прокофьева Лина Ивановна вспоминала, что Прокофьев любил слушать на пластинках 2-й и 3-й фортепианные концерты Рахманинова в исполнении автора. «Неоднократно слушая по радио произведения С.В. Рахманинова, Сергей Сергеевич говорил, что у него есть “темы удивительной красоты”, в частности во 2-м концерте», — свидетельствует вторая жена Прокофьева Мира Александровна²⁶. Как пианист Сергей Сергеевич

---

²¹ Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 1: 1907–1918. С. 747. Запись от 14 ноября 1918 г.

²² S. Rachmaninov's interview // Daily Telegraph, 1933. 29 April. См. также интервью Рахманинова, данное в ноябре 1934 г., в котором композитор говорит: «У изгнанника, который лишился музыкальных корней, традиций и родной почвы, не остается желания творить...» (цит. по: Рахманинов С.С. Литературное наследие: в 3 т. М., 1978. Т. 1: Воспоминания. Статьи. Интервью. Письма. С. 131).

²³ Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 1: 1907–1918. С. 759.

²⁴ Там же. С. 748.

²⁵ Голованов Н.С. Этюд о Прокофьеве / публ. О. Захаровой // Сергей Прокофьев: К 50-летию со дня смерти: Воспоминания, статьи, письма / ред.-сост. М.П. Рахманова; науч. ред. М.В. Есипова. М., 2004. С. 368.

²⁶ Мендельсон-Прокофьева М.А. О Сергееве Сергеевиче Прокофьеве // С.С. Прокофьев: Материалы. Документы. Воспоминания / ред.-сост. С.И. Шлифштейн. М., 1956. С. 230.

многократно включал в свой репертуар сочинения Сергея Васильевича (примеров обратного, Рахманинова, исполняющего Прокофьева, найти не удалось). Восхищение мощным пианистическим дарованием Сергея Васильевича находит отражение в дневниковых записях Прокофьева: «...играет прямо-таки изумительно». Да и в сочинениях композиторов многие музыкальные критики усматривали моменты «странной», на их взгляд, «общности — в пафосе, звуковой мощи, ритмической повелительности»²⁷. Влияние Рахманинова-композитора отметит и сам Прокофьев много позже в автобиографии «Юные годы»: «“Сны” и “Осеннее” — сочинения “задумчивого порядка”. <...> Мрачность шла от некоторых рахманиновских настроений, главным образом, от “Острова мертвых” и 2-й симфонии»²⁸.

Америка приняла и полюбила Рахманинова, стала для него своей, хоть и не заменила Россию. А Прокофьев в Новом Свете не нашел того, что искал (простора для поиска и эксперимента, финансовой стабильности) и вернулся в Европу, воспринимая ее как центр «чистой», академической музыки и музыкального новаторства во многих областях искусства, свободного от американского «чистогана» (так ему, по крайней мере, казалось тогда). «Любопытно, — констатирует Прокофьев ситуацию с Америкой, — что бешеный успех вместо меня сделал Рахманинов, так мрачно и равнодушно приехавший из своего Копенгагена»²⁹. <...> И теперь битком набитые концерты и десятки тысяч долларов. Я радуюсь за него и за русскую музыку...»³⁰ Приписываемое Прокофьеву, так часто упоминаемое и известное по книге Нины Берберовой «Курсив мой» высказывание «Мне нечего делать в Америке, пока там Рахманинов...»³¹ — своеобразная мифологема, связанная с желанием третьих лиц на все наклеивать ярлыки. На деле Рахманинов и Прокофьев не являлись соперниками в покорении американской публики. Напротив, Рахманинов поддерживал молодого коллегу. Например, одобрил сюжет оперы «Любовь к трем апельсинам», расценив получение заказа на нее как большой успех Прокофьева в Америке; интересовался сценической судьбой этого сочинения³². И у Рахманинова, и у Прокофьева на музыкальном поприще были свои ниши, свои задачи, в том числе коммерческие. А мир Европы и Нового Света принял и того и другого. Тем паче, карьера

²⁷ А.Н. Римский-Корсаков в письме к Б.В. Асафьеву 14 декабря 1916 г. писал о том, что находит в этюдах-картинах Рахманинова моментами странную связь с Прокофьевым; см.: Деклерк Ю. Долгая дорога в «родные края» // Сергей Прокофьев: Письма, воспоминания, статьи. М., 2001. С. 41. Исследователи находят сходство темы 1-го концерта Прокофьева с финалом Духовного концерта a capella, оп. 31 «Литургия Иоанна Златоуста» (1910) Рахманинова. Музыкальные переклички с Прокофьевым есть в рахманиновских Прелюдиях ми мажор и в Этюде-картине ми-бемоль мажор, см: Брянцева В.Н. С.В. Рахманинов. М., 1976. С. 41, 174, 423.

²⁸ С.С. Прокофьев: Материалы. Документы. Воспоминания. С. 23. «Сны», оп. 6 — симфоническая картина для большого оркестра (1910); «Осеннее», оп. 8 — симфонический эскиз для малого оркестра (1910; новая ред. 1934). Прокофьев также отметил, что «Осеннее» написано в одной тональности с «Островом мертвых» и Симфонией № 2 Рахманинова.

²⁹ С.В. Рахманинов с семьей прибыл в США на норвежском судне, вышедшем из Осло 1 ноября 1918 г.

³⁰ Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 1: 1907–1918. С. 759.

³¹ Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. М., 2010. С. 442.

³² См.: Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 1: 1907–1918. С. 757. Запись от 23 декабря 1918 г.

Прокофьева в Америке сложилась достаточно успешно. В канун 1922 г. Прокофьев, подводя определенные итоги, оценил прошедший год так: «Хороший год. Начался весело в Калифорнии. Затем контракт с Мэри Гарден³³, постановка “Шута”, чудесное лето в St. Brevin и постановка “Апельсинов”. Чего уж лучше. Феноменальный год»³⁴. А после успешных гастролей по США в 1926 г. Прокофьев напишет: «Меня еще Нью-Йорк покусывает, но Америка быстро мне сдается. Тем хуже для кусачей»³⁵. То, что Америка «сдалась» Прокофьеву окончательно и бесповоротно, станет ясно позже, в 1945 г. — когда портрет Прокофьева будет помещен на обложке еженедельника «Тайм», что для американцев традиционно считается пиком карьеры того или иного деятеля. Парадоксально, но портрет Рахманинова по разным обстоятельствам так и не появился в «Тайм», но об этом ниже.

Период с 1918 по 1921 г. (с 1921 г. Прокофьев все больше времени проводит в Европе, а в 1922 г. переезжает туда на постоянное место жительства) наиболее наполненный во взаимоотношениях Прокофьева и Рахманинова. Их сочинения нередко стоят в программах концертов рядом; достаточно часты, хотя и нерегулярны личные встречи и контакты в Нью-Йорке. 10 декабря 1918 г. на концерте в Карнеги-холле присутствовали оба композитора. Исполнялись сочинения Прокофьева и Симфония № 2, опус 27 Рахманинова. Кстати, именно на этом концерте юная Каролина Кодина³⁶ (будущая жена Прокофьева Лина Ивановна) впервые увидела Сергея Сергеевича и была очарована им³⁷. А сам Прокофьев о концерте сделал следующую запись: «Первым номером — симфония e-moll Рахманинова, которую я прослушал с большим наслаждением. После симфонии автора, хоть он и прятался за спину жены, нашли и сделали ему овацию, заставив его встать и раскланяться»³⁸. В воспоминаниях Лины Ивановны Прокофьевой³⁹ имя Рахманинова появляется не однажды. Так, в 1920 г. Сергей Сергеевич пригласил ее на концерт Сергея Васильевича. После концерта Лина и Прокофьев зашли в артистическую к Рахманинову, который встретил их приветливой улыбкой. Лина Ивановна позднее вспоминала: «Ему было уже сорок пять, и он, конечно, обладал куда большей проницательностью, чем я. Потом подошла его младшая дочь, тогда еще маленькая, и спросила его громким ше-

---

³³ Гарден Мэри (Garden; 1874–1967) — певица, импресарио, в 1921–1922 гг. директор Чикагской оперы.

³⁴ Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 2: 1919–1933. С. 129. Запись от 31 декабря 1921 г.

³⁵ Там же. Ч. 2. С. 449.

³⁶ Кодина-Прокофьева Лина (Каролина) Ивановна (сценич. псевд. Лина Льюбера; 1897–1989) — первая жена композитора; познакомилась с Прокофьевым в 1918 г. в Нью-Йорке. Принцесса Linett, Пташка — так называл ее Прокофьев. В октябре 1923 г. в Германии, в Этталье был зарегистрирован брак Каролины Кодина и Сергея Прокофьева. Вместе они прожили до марта 1941 г.

³⁷ См.: Чемберджи В. ХХ век Лины Прокофьевой. М., 2008. С. 12.

³⁸ Там же. С. 12.

³⁹ Воспоминания первой жены С.С. Прокофьева представляют собой магнитофонные записи, наговоренные Линой Ивановной, разрозненные литературные рукописи. Все это хранится в семейном архиве Прокофьевых за рубежом. Вышеупомянутая книга В. Чемберджи представляет литературный пересказ этих материалов и компиляцию литературы о Прокофьеве, посему издание не может претендовать на научную точность или объективный, взвешенный взгляд на биографию композитора.

потом, чтобы я услышала: “Они собираются пожениться?»⁴⁰ С семьей Кодина (родителями Лины) Рахманинов познакомился задолго до эмиграции, во время первых гастролей по США в 1909 г. Он сказал тогда о маленькой Каролине: «Кая хороша воспитанная девочка». Когда эта девочка подросла, то именно через Рахманинова (вернее, через его секретаря) ей подыскали работу (должность в одном из русских фондов).

Итак, подытоживая анализ взаимоотношений Прокофьева и Рахманинова в этот период, назовем его временем «открытия ими Америки и открытия их Америкой»; легко заметить, что Прокофьев слегка рефлексирует по поводу общения с успешным и маститым Рахманиновым. То ему кажется, что Сергей Васильевич недостаточно любезен, то не совсем так поздоровался или не уделил должного внимания: «23 февраля 1919: Днем Концерт Рахманинова, наконец, с русской программой, и даже модерной: Рахманинов, Скрябин, Метнер. Сыграно превосходно. Когда я зашел в артистическую, где была куча народа, то Рахманинов меня принял очень странно: протянул большую, мягкую и любезную руку, но не прекратил разговора с каким-то джентльменом»⁴¹. Думается, такая несвойственная Прокофьеву трепетность проявлялась невольно, на подсознательном уровне в связи с определенным дефицитом человеческого участия и тепла. Ведь, в сущности, Прокофьев в Америке так одинок! Прокофьева тянет к Рахманинову как к сильной и цельной личности. Загадка этой личности живо интересует Прокофьева. «Что же Вы не написали, какое на Вас впечатление произвел Рахманинов с точки зрения музыкальной и человеческой. Можно подумать, что за “роскошной виллей” Вы не видели самого человека»⁴², — пишет Сергей Сергеевич из Этталая Петру Сувчинскому, который, очевидно, встречался с Рахманиновым в Штатах.

Прокофьеву импонирует в Рахманинове многое: и чуть высокомерное отношение к американской публике, и спокойная, властная манера общения, и даже то, что порой упускается из виду исследователями Рахманинова — чувство юмора! Примеры? Дарственная надпись на собственной фотографии, подаренной любимой дочери: «Ирине свинине»⁴³. Или: «Личные качества предпочитаю механическим» — критерий при найме нового шофера в 1933 г.⁴⁴ Не случайно Прокофьев записывает шутки и остроумные реплики Рахманинова в своем дневнике: «Стар я стал и шаловлив»⁴⁵ (так Рахманинов мотивирует свой отказ от предложений выступить с концертами); «И рожа-то у него такая умная» (про представленного ему В.Н. Башкирова — брата поэта Б.Н. Башкирова-Верина).

---

⁴⁰ Чемберджи В. ХХ век Лины Прокофьевой. С. 21. Имеется в виду младшая дочь композитора Татьяна, которой в ту пору было тринадцать лет.

⁴¹ Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 1: 1907–1918. С. 22–23.

⁴² С.С. Прокофьев — П.П. Сувчинскому. 6 сентября 1922 // Петр Сувчинский и его время. М., 1999. С. 76.

⁴³ Фотография Рахманинова с такой дарственной надписью, сделанной 10 августа 1921 г., находится в фонде Рахманинова: ВМОМК им. М.И. Глинки. Ф. 18. Ед. хр. 2130.

⁴⁴ Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. 2. С. 350.

⁴⁵ Рахманинов цитирует пушкинские строки (слова из партии Мельника в опере Даргомыжского «Русалка»): «Да, стар я стал и шаловлив, за мной смотреть не худо».

Характерно, что элемент «детской»⁴⁶, в целом присущий характеру Прокофьева, в отношении к Рахманинову проявился неосознанным чувством — сходным с привязанностью к отцу или «синдромом младшего брата»: когда хочется быть понятым, получить одобрение и тем самым самоутвердиться. Со временем под влиянием взросления и возмужания Прокофьева эти чувства трансформируются в критическое, не всегда справедливое отношение к Сергею Васильевичу. Прокофьев растет как художник, как личность, в том числе и в собственных глазах. Поворотным пунктом во взаимоотношениях Прокофьева и Рахманинова становится успешная премьера «Скифской сюиты» Прокофьева в Париже 30 апреля 1921 г. Сам Сергей Сергеевич считает, что успех этого сочинения затмил исполнение в тот же день рахманиновского «Острова мертвых». Наступает время осмысления Прокофьевым творческой позиции Рахманинова. По мнению Прокофьева, Сергей Васильевич недостаточно сочиняет, потакает вкусам среднего уровня американской публики, и тем самым ради коммерческого успеха пре-небрегает своим музыкальным даром. Мировой успех Рахманинова-исполнителя у широкой публики на взгляд Прокофьева, привел к некоторому засилью Рахманинова-композитора. «Слава Богу, что не душите Рахманиновым!» — пишет Прокофьев, поздравляя Держановского с выходом журнала «К новым берегам»⁴⁷.

Решительный отказ Сергея Васильевича помочь с концертами Нине Кошиц, прибывшей в Америку 26 октября 1919 г., усугубляет скептическое настроение Прокофьева по поводу Рахманинова и приводит к отчуждению. А вот взаимно ли оно? Умудренный жизненным опытом Рахманинов несуетен в общении. Прокофьев ему явно симпатичен, но в свое сердце он его не допускал и не допускает. По словам Прокофьева, Рахманинов к нему «очень мил, дружественен»⁴⁸. Таково достаточно ровное и стабильное отношение Рахманинова к Прокофьеву. И это несмотря на то, что молодой музыкант слишком задирист, боек на язык, несдержан в оценках. Одно выражение Прокофьева «Метнер и Рахманинов — туземные купидоны» чего стоит!⁴⁹ Передаваемые из уст в уста (ведь русский эмигрантский круг достаточно узок) хлесткие фразы зачастую рождают светские сплетни и пересуды. Несомненно, что до Рахманинова многое доходило, но как Сергей Васильевич реагировал на выпады такого рода — неизвестно. «Он был очень скрытен относительно всего, что касалось его музыки и относительно себя», — вспоминала Софья Александровна Сатина⁵⁰. Принципиальная позиция Рахманинова — не

⁴⁶ Кстати, современники отмечали «детскость» и в личности Сергея Васильевича: «У Рахманинова, как у многих больших людей, были черты детскости. Он любил всякие вещицы: какой-нибудь необыкновенный карандаш, машинку для скрепления бумаги <...> радовался пылесосу» (цит. по: Гольденвейзер А.Б. Воспоминания. М., 2009. С. 339). Прокофьева также приводили в восторг различные технические «игрушки».

⁴⁷ С.С. Прокофьев — В.В. Держановскому. 29 августа 1923. Цит. по: Деклерк Ю. Долгая дорога в «родные края». С. 106.

⁴⁸ Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 2: 1919–1933. С. 125.

⁴⁹ С.С. Прокофьев — П.П. Сувчинскому. 10 декабря 1923 // Петр Сувчинский и его время. С. 99. Этот же эпитет — «туземные купидоны» — встречается и в письмах Сергея Прокофьева Владимиру Дукельскому.

⁵⁰ Сатина С.А. Записка о Рахманинове // Воспоминания о Рахманинове: в 2 т. / сост., ред., примеч. и предисл. З. Апетян. 5-е изд., доп. М., 1988. Т. 1. С. 115.

участвовать в интригах и группировках, в том числе и музыкальных. Ложь и лицемерие были абсолютно неприемлемы для Рахманинова. «Обмана он не прощал никогда, — продолжает С.А. Сатина, — и помнил его долгие годы. Доступ к нему человеку, обманувшего его, был закрыт навсегда»⁵¹. У Рахманинова была особенная способность чувствовать малейшую ложь⁵². Но во взаимоотношениях двух Сергеев никогда не было лжи и обмана. Рахманинов был всегда доступен для Прокофьева! И все же музыка Сергея Сергеевича далека от Сергея Васильевича. К числу заблуждений Рахманинова относительно Прокофьева можно отнести мнение, что только эпатаж и стремление к оригинальности интересны в его музыке. Прослушав в исполнении пианиста Боровского⁵³ сочинения современных, «новых» композиторов, в том числе и Прокофьева, Рахманинов заметит: «Прокофьев талантлив пока нахал, а когда хочет быть серьезным, то не лучше остальных»⁵⁴. «Лучше! Многое лучше!» — так и хочется воскликнуть сегодня. То, что трактуется Рахманиновым как «нахальство», большей частью является напористостью, самоутверждением, реализацией здоровых творческих амбиций Прокофьева. Рахманинову, по воспитанию и душевным качествам человеку XIX в. — «века невинности», многое в поведении Прокофьева кажется нарочито эпатажным, хотя порой вины Сергея Сергеевича в этом нет. «Слыхали ли Вы quartet Прокофьева? — пишет Рахманинов Кусевицкому. — Сегодня прочел в “Последних новостях” не более не менее, что со временем Бетховена так красиво и умно для квартета не писали»⁵⁵. Кусевицкий в ответ на ворчание Сергея Васильевича отвечает резонно и не без юмора: «Я тоже читал заметку о Прокофьеве и на редкость веселился. Думаю, что Прокофьеву самому было “конфузно” ее читать (а впрочем, кто знает, молодежь так влюблена в себя, что даже быть наряду с Бетховеном им кажется оскорбительным?)»⁵⁶. В то же время Рахманинова подкупают прокофьевские оптимизм, оригинальность личности, «солярность» миросощущения. В общении с Прокофьевым Рахманинов радуется тому, что не утратил с годами испытаний способности воспринимать новое, и не только в музыке. «Я <...> изменился. Не сильно, но все же ко многому, от чего отворачивался, повертался, и наоборот», — писал он Э.К. Метнеру в 1932 г.⁵⁷ Роднит Рахманинова с Прокофьевым и то, что оба не делят музыкальное искусство на передовое и отсталое. Главный критерий — талантливое и неталантливое. «Schlecht und modern» («Плохое и новое») — изречение, приписываемое Гете, запомнилось Рахманинову в связи с размышлениями по поводу книги Э.К. Метнера «Музыка и

---

⁵¹ Там же. С. 115.

⁵² Слова Дагмары Рибнер, которая недолгое время, сразу по прибытии Рахманинова с семьей в США, выполняла обязанности его секретаря. См.: Рибнер (Барклай) Д. О Сергее Рахманинове // Воспоминания о Рахманинове. Т. 2. С. 183.

⁵³ Боровский Александр Кириллович (1899–1968) — пианист, близкий друг С.С. Прокофьева.

⁵⁴ Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 2: 1919–1933. С. 301. Запись от 25 января 1925 г.

⁵⁵ С.С. Рахманинов — С.А. Кусевицкому. 8 декабря 1931 // Рахманинов С.В. Литературное наследие: в 3 т. М., 1980. Т. 2. С. 320.

⁵⁶ С.А. Кусевицкий — С.В. Рахманинову. 16 декабря 1931 // Там же. С. 535.

⁵⁷ С.В. Рахманинов — Э.К. Метнеру. 23 января 1932 // Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. 2. С. 332. (Оригинал в ВМОМК им. М.И. Глинки. Ф. 132. Ед. хр. 2518.)

модернизм»⁵⁸. Для Прокофьева рахманиновский талант неоспорим, а эстетические разногласия, такие как вменяемое Рахманинову критикой «ложноакадемическое ретроргадство»⁵⁹ и совпадение с «арифметически средним вкусовым критерием широкой публики»⁶⁰ в выборе репертуара, не кажутся препятствием в общении. «Днем концерт Рахманинова со второстепенной программой»⁶¹, но играл прямо-таки изумительно. Заходил к нему. Рахманинов будто помолодел, повеселел, шутил, удерживал около себя. Надо бы ему послать “Бабушкины сказки”, может, он разберется в них и будет относиться к моим сочинениям более прилично, чем до сих пор», — запишет Прокофьев 20 ноября 1921 г.⁶² Не сохранился ли в нотной библиотеке Рахманинова экземпляр «Бабушкиных сказок»?

Начало 1920-х гг. для Прокофьева проходит под знаком переустройства привычного уклада. Женитьба на Лине Кодина, рождение сына Святослава требуют иного образа жизни. С богемным привычками холостяка, самого элегантного и модно одетого⁶³, по мнению чикагской прессы, покончено. С 1922 г. Прокофьев поселяется в Этталье (Германия). Однако с середины 1920-х гг. и Прокофьев, и Рахманинов часто бывают в Париже. Встречаются изредка, случайно: в Русском музыкальном издательстве Н.К. и С.А. Кусевицких, на концертах. Но не только обстоятельства частной жизни разъединяют музыкантов. В этот период жизни каждый из них делает свой гражданский выбор и, по сути, решает свою дальнейшую судьбу. В 1925 г. у творческой интеллигенции за рубежом возникла реальная возможность наладить связи с советской Россией. По указанию руководства ВКП(б) был предпринят ряд попыток, и, надо признаться, вполне успешных, новой власти привлечь к сотрудничеству и склонить к последующему возвращению в СССР эмигрантов — наиболее ярких фигур в мире искусства. Представитель Госконцерта Борис Красин⁶⁴ встречается в Париже с Метнером, Прокофьевым, пытается повидаться и с Рахманиновым. Однако Сергей Васильевич от встречи уклоняется. Если Прокофьев рассматривает предложения о гастролях в СССР и считает какой-либо, большей частью коммерческий, контакт с

⁵⁸ Проверить, принадлежит ли это высказывание Гете, Рахманинов просил Э.К. Метнера в уже цитированном письме от 23 января 1932 г. (см. сноску 57). Метнеру не удалось установить авторство Гете (ответное письмо от 12 февраля 1932 г. хранится в Библиотеке Конгресса США). См.: Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. 2. С. 332, 537.

⁵⁹ Цитируются слова из статьи: Лурье А. О Рахманинове (1928) // Вишневецкий И.Г. Евразийское уклонение в музыке 1920–1930-х годов. М., 2005. С. 247. Лурье Артур (наст. имя и фам. Лурья Наум Израилевич; 1891–1966) — композитор, общественный деятель, эмигрировал из России в 1921 г.

⁶⁰ Так писал В. Карагыгин в газете «Речь» в 1913 г. (№ 324). Цит. по: В.Г. Карагыгин: Жизнь. Деятельность. Статьи и материалы. Л., 1927. С. 207.

⁶¹ Концерт состоялся в Чикаго 20 ноября 1921 г. Имел представление об эстетической платформе Прокофьева, оценивающего музыку по гамбургскому счету, можно лишь предположить, что он подразумевал под «второстепенной программой». К ней Прокофьев мог причислить следующие сочинения из репертуара Рахманинова сезона 1921/22 г.: Вебер — Таузиг — «Приглашение к танцу»; Крейслер — Рахманинов — «Муки любви»; Бизе — Рахманинов — Менэт; Донанни — Этюд-капричио, оп. 28. См.: Рахманинов С.В. Литературное наследие Т. 3. С. 450.

⁶² Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 1: 1907–1918. С. 175.

⁶³ См.: Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 2: 1919–1933. С. 179.

⁶⁴ Красин Борис Борисович (1884–1936) — музыкальный критик, в 1920-х гг. (до 1926 г.) директор Софила (позже — Государственной Московской филармонии), брат известного революционера и государственного деятеля Леонида Красина.

новой властью возможным для себя (особенно после того, когда к переговорам подключился Б.Л. Яворский⁶⁵), то Рахманинов категоричен: «Я знаю, они меня будут звать в Россию, но я дал зарок, что не поеду, поэтому нам не о чем разговаривать»⁶⁶.

Позже П.П. Сувчинский будет изумляться тому, что «типичный белоэмигрант» Рахманинов «непонятно почему канонизирован большевиками»⁶⁷. Прокофьеву же предстоит быть «составленным» ССР, получив от возвращения на родину сполна и славы, и горечи. Однако до момента принятия Прокофьевым решения о возвращении в Россию еще далеко, а пока Сергей Сергеевич и Сергей Васильевич продолжают историю своего знакомства в основном в декорациях музыкальной Европы конца 1920-х гг.

Во время гастролей четы Прокофьевых по США, 5 февраля 1926 г. произошла встреча с Рахманиновым на традиционном парадном завтраке у Стейнвея. «Птичка разговорилась с Рахманиновым о его внучке⁶⁸, он был рад побеседовать с нею», — запишет в дневнике Прокофьев⁶⁹.

11 июня 1928 г. встреча в Русском музикальном издательстве С.А. и Н.К. Кусевицких (РМИ) в Париже:

«Рахманинов ласково:

— А вот и Сергей Сергеич.

Просит объяснить, кто такой Набоков...»⁷⁰

«2 декабря. Париж.

Вечером концерт Рахманинова, первый в Париже за всю его жизнь. Париж не жалует рахманиновскую музыку⁷¹, и Рахманинов обезжал его до сих пор. Сегодня блестящий съезд, толпы нарядного народа. <...>

⁶⁵ Авторитет Б.Л. Яворского сыграл не последнюю роль в принятии Прокофьевым положительного решения о сотрудничестве с советской Россией.

⁶⁶ Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 2: 1919–1933. С. 346. Запись от 27 июля 1925.

⁶⁷ Петр Сувчинский и его время. С. 349.

⁶⁸ Волконская Софья Григорьевна (в замуж. Венемекер; 1925–1968) — внучка С.В. Рахманинова, дочь И.С. Рахманиновой-Волконской.

⁶⁹ Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 2: 1919–1933. С. 376.

⁷⁰ Там же. С. 633. Набоков Николай Дмитриевич (1903–1978) — композитор-эмигрант, тесно общался с Прокофьевым в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Прокофьев охарактеризовал Набокова довольно загадочно: Набоков — это «цветок между двумя безднами» (Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 2: 1919–1933. С. 633). В этой шутливой характеристики Прокофьев перефразирует известное среди музыкантов высказывание Ференца Листа о второй части Сонаты № 14 («Лунной») Бетховена.

⁷¹ Действительно, в Париже с сольным концертом С.В. Рахманинов впервые выступил 2 декабря 1928 г., почти четверть века после начала исполнительской карьеры. После этого концерта Рахманинов ежегодно выступал в Париже, чаще всего в конце концертного сезона (с марта по май). С 1928 по 1939 г. Рахманинов дал десять концертов в Париже с неизменным успехом. Последний концерт состоялся 25 апреля 1939 г., незадолго до окончательного отъезда в США (см.: Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. 3. С. 439–464. Слова Прокофьева о том, что Париж не жалует музыку Рахманинова, явное преувеличение. Должно быть, Сергей Сергеевич имел в виду, что музыкальная эстетика Парижа как мировой столицы современных направлений в искусстве не слишком сочетается с рахманиновской музыкой. Беспощадный в самокритике Рахманинов объяснял свои взаимоотношения с парижской публикой по-другому: «Вообщем, если только мою концертную деятельность можно назвать “блестящей”, то концерты в Париже являются мутным пятном на ней» (С.С. Рахманинов — Е.К. и Е.И. Сомовым. 11 марта 1936. Цит. по: Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. 2. С. 71–72).

В зале Дягилев, Глазунов. К последнему подхожу с несколькими любезными словами. Жаль, что в программе⁷² нет Бетховена — это лучшее, что удается Рахманинову. Баха он играет хорошо, Шопена неровно: технику ошеломляюще, но лирику вычурно и со вбиванием гвоздей. Себя — плохо: убивает собственную поэзию, которую на старости лет забыл, заменив виртуозностью. Несмотря на все — впечатление сильное: уж больно интересная фигура. Совершенно невероятно он выходит на эстраду: какой-то косой неверной походкой, так что не веришь, что он дойдет до рояля. Зато, тем большее впечатление, когда он заигрывает. Публика ревела от восторга. Когда концерт окончился, я в толпе на лестнице слегка поскользнулся. Впереди как раз спускались дочки Рахманинова. Я сказал вполголоса: “Что это я хожу как Рахманинов...”»⁷³

21 мая 1929 г. Рахманинов и Прокофьев встречаются в Париже на премьере балета «Блудный сын». Эта встреча является значительным событием в отношениях Прокофьева и Рахманинова. Как и много лет назад на концерте в Москве, Прокофьеву очень важна реакция Сергея Васильевича на происходящее. Рахманинов с Дягилевым в первом ряду. Прокофьев за дирижерским пультом. Позже на лестнице он подошел к Рахманинову, «взял за руку и спросил, как ему это понравилось. Сергей Васильевич ответил ласково: “Очень многое, особенно начало второй картины и самый конец”»⁷⁴. Через два-три дня Прокофьеву рассказали в издательстве Кусевицкого, что заходил Рахманинов и купил экземпляр клавира «Блудного сына». Еще один вопрос к исследователям: сохранился ли этот рахманиновский экземпляр клавира?⁷⁵

В конце 1929 г., в канун Рождества Прокофьев с семьей отправляется на гастроли в Америку. Лайнер «Беренгария» тут же прозвали «Музыкальной шкатулкой» («boîte à musique»⁷⁶, по словам Прокофьева), так как на борту судна оказались одновременно Прокофьев, Рахманинов, Эльман⁷⁷. Лина Ивановна вспоминала, что «в отличие от Прокофьева не боялась качки и на зависть ему прогуливалась по палубе с Рахманиновым (по ее выражению) давним другом»⁷⁸. Во время плавания Рахманинов ежедневно приглашал Прокофьевых в каюту, вместе раскладывали пасьянсы⁷⁹.

⁷² Программа концерта 2 декабря 1928 г.: Бах — Бузони — Органные прелюдии № 3 g-moll и № 4 G-dur; Лист — «По прочтении Данте»; Шопен — Фантазия f-moll op. 49; Рондо Es-dur op. 16; Ноктюрн F-dur op. 15; Вальс Des-dur op. 70; Этюд E-dur op. 10; c-moll № 12 op. 704 Рахманинов — Прелюдии из опусов 3, 32, 23.

⁷³ Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 2: 1919–1933. С. 653.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Экземпляр этого издания с пометами С.С. Прокофьева есть в фондах музея: ВМОМК им. М.И. Глинки. Ф. 33. Ед. хр. 1619.

⁷⁶ Игра слов: по-французски boîte — коробок, ящик;озвучно с bateau — бот, судно.

⁷⁷ Эльман Миша (Михаил Саулович) (1891–1967) — русско-американский скрипач, занимался у Л. Ауэра, соученик Прокофьева по Петербургской консерватории, один из блестящих вундеркиндлов; поступил в консерваторию в 6 лет, начал концертную деятельность с 13 лет.

⁷⁸ Чемберджи В. ХХ век Лины Прокофьевой. С. 32.

⁷⁹ В жизни Прокофьева пасьянсы играли немалую роль. Д.Р. Рогаль-Левицкий в своих мемуарах приводит слова Прокофьева: «...я весь свой досуг трачу на пасьянсы <...>. Я очень люблю трудные пасьянсы. Легкими я не увлекаюсь» (цит по: Рогаль-Левицкий Д.Р. «Мимолетные связи»:

По словам Лины Ивановны, Рахманинов очень интересовался поездкой Прокофьева в Россию⁸⁰, буквально засыпал его вопросами. К записям Сергея Сергеевича эти строки добавляют немаловажные штрихи — «очень интересовался» гастролями в СССР⁸¹. Сам Прокофьев в своем дневнике уделит не слишком много места общению с Сергеем Васильевичем. Язвительный тон и содержание записи говорят о каком-то «наткнутии» (словечко Прокофьева) в их отношениях. То, что путешествие через Атлантику до эры перелетов было определенным светским мероприятием, хорошо известно. Обеды и ужины в вечерних туалетах и смокингах, прогулки по палубе, участие в увеселениях на борту океанского лайнера — именно об этом вспоминает жена Лина Ивановна и сам Прокофьев. Но что-то было еще, недосказанное, недописанное. Это кануло в небытие, как и рахманиновский карточный пасьянс, который через годы в эвакуации будет раскладывать Прокофьев. На борту «Беренгарии» 28 декабря 1929 г. Прокофьев написал письмо Мясковскому. О Рахманинове всего несколько слов в постскриптуме: «Корабль везет еще Рахманинова. По вечерам раскладываем с ним пасьянсы. Какая идиллия!»⁸²

К началу 1930-х гг. «антирахманиновские» настроения Прокофьева, видимо, усилились. Их смысл можно попытаться понять из письма Прокофьева Мясковскому от 18 марта 1932 г.: «В Париже дали клавирабенды Рахманинов⁸³ и Метнер. Первый — с большой публикой и большим “траляля”, второй — скромно. Сыграл Рахманинов пять баллад — Грига, Листа, Шопена и две Брамса; играл с чрезвычайным блеском, но сухо, тогда, казалось бы, с чего ударяться в романтическую программу. Была и собственная новинка — вариации на тему Корелли, скорее казенные, хорошо, но неизобретательно сделанные — словом, учебное пособие. Лишь в конце, после технической коды a grand spectacle (большой спектакль), когда уже все закончено, вдруг появляется лирическая пристройка, нечто вроде второй коды — реминисценция добрых старых рахманиновских побочных партий. Будто в его иссохшем мозгу тускло мелькнуло, что он тоже когда-то был талантливым мелодистом»⁸⁴. Резкость высказываний по отношению к Сергею Васильевичу известна не только по переписке и дневникам, но и по

(К 70-летию со дня рождения Сергея Прокофьева) / публ. О.Г. Дигонской // Сергей Прокофьев: К 110-летию со дня рождения: Письма, воспоминания, статьи. М., 2001. С. 189–190. По воспоминаниям М.А. Мендельсон-Прокофьевой, у Прокофьева было «несколько любимых пасьянсов: “картичная галерея”, “математический”, “рахманиновский”, который ему показал Рахманинов на пароходе» (цит. по: Мендельсон-Прокофьевы М.А. Воспоминания [Черновик] // ВМОМК им. М.И. Глинки. Ф. 33. Ед. хр. 1124. Л. 15 об.).

⁸⁰ Имеется в виду поездка Прокофьева в СССР в 1929 г. См.: Чемберджи В. ХХ век Лины Прокофьевой. С. 32.

⁸¹ Там же.

⁸² РГАЛИ. Ф. 2040. Оп. 2. Ед. хр. 219. Л. 32–33 об. Опубликовано в: С.С. Прокофьев и Н.Я. Мясковский: Переписка. М., 1977. С. 325.

⁸³ Концерт состоялся 16 марта 1932 г. В программе: Григ — Баллада g moll; Брамс — Баллады: d-moll и D-dur; Лист — Баллада h-moll; Шопен — Баллада As-dur; Рахманинов — Вариации на тему Корелли. См.: Концертные сезоны С.В. Рахманинова (1909–1943) // Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. 3. С. 457.

⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 2040. Оп. 2. Ед. хр. 221. Л. 4. Письмо опубл.: С.С. Прокофьев и Н.Я. Мясковский: Переписка. С. 439.

выступлениям⁸⁵ Прокофьева, в том числе на страницах советских газет⁸⁶. Определение «исыхание» относительно рахманиновского творчества не раз встречается у Прокофьева. После проигрывания 4-го концерта Рахманинова он пишет, что Рахманинов, Метнер, Глазунов творчески «усохли на пятом десятке»⁸⁷. Но сам, как видим, внимательно следит за творчеством Сергея Васильевича! Именно Прокофьев привез в советскую Россию партитуру Третьей симфонии Рахманинова, искал по нотным магазинам Берлина его же «Рапсодию на темы Паганини» (для Мясковского) и риземановские «Воспоминания»⁸⁸. Обращаясь к музыке Сергея Васильевича, Прокофьев именно в ней видит ориентиры в поисках перспектив собственного творчества, ошибок и удач на этом пути. Так, нетерпимость к присутствию в творчестве Рахманинова, по мнению Прокофьева, элементов так называемого легкого жанра находит отражение в строках письма Владимиру Дукельскому. Его Прокофьев считает не только своим другом, но и учеником. Предостерегая младшего коллегу-композитора от увлечения популярной музыкой в ущерб серьезной, Прокофьев пишет: «Вы ужасно боитесь, чтобы не промелькнула опереточность, ставшая (Вы того не замечаете) Вашей плотью и кровью. Такой прецедент был уже в русской музыке, и, как ни странно, это в лице Рахманинова. Ведь он тоже был втрое талантливее многих, и хотя до канканов не опустился, но все же распоясался на слишком разливанные романсы. Когда же со стороны музыкантов поднялся галдеж, он попытался сделать серьезное лицо, но стал городить такую сушь, что быстро в этой области сошел со сцены — и так остался композитором “романсов для широкой публики”»⁸⁹. Абсурдность такого определения Рахманинова-композитора была очевидна тогда, очевидна и сегодня. Кроме упоминавшихся «Вариаций на темы Корелли» (1931) Рахманинов после прокофьевского «диагноза» 1932 г. — «творческое исыхание» — еще подарит миру «Рапсодию на темы Паганини» (1934), Симфонию № 3 (1935) и гениальные «Симфонические танцы» (1940). К слову сказать, холодное остроумие, хлесткость формулировок, детская задиристость и нетерпимость Прокофьева по отношению к Рахманинову со временем становились все более и более несущими.

⁸⁵ 3 мая 1933 г. в Москве во время творческой встречи с театральными работниками Прокофьев вызвал смех аудитории, заметив, что в Америке Рахманинов «мрачно делает большие деньги» (Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 2: 1919–1933. С. 828).

⁸⁶ Так, в беседе с корреспондентом газеты «Вечерняя Москва», опубликованной 6 декабря 1932 г. под названием «Какой сюжет я ищу», на вопрос «Что делают русские композиторы на Западе?» Прокофьев кратко сообщает: «Сергей Рахманинов <...> играет свои старые произведения. Нового почти ничего не создал. Если пишет что-то, то в большинстве случаев это обработка чужого материала. Например, Вариации на тему Корелли» (цит. по: С.С. Прокофьев: Материалы. Документы. Воспоминания. С. 86–87).

⁸⁷ Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 2: 1919–1933. С. 669.

⁸⁸ В 1934 г. Прокофьев, видимо исполняя просьбы Мясковского, сообщал в письме, что «не “Фантазия”, а “Рапсодия” еще не вышла, а книга Риземана была в продаже только на немецком языке». (Вероятно, Прокофьев искал англоязычный вариант «Воспоминаний».) См.: РГАЛИ. Ф. 2040. Оп. 2. Ед. хр. 222. Л. 7 об. Письмо опубл.: С.С. Прокофьев и Н.Я. Мясковский: Переписка. С. 439.

⁸⁹ С.С. Прокофьев — В. Дукельскому. 9 ноября 1930 // Сергей и Лина Прокофьевы и Владимир Дукельский. Переписка. 1924–1946 / публ. И. Вишневецкого // Сергей Прокофьев. Письма. Воспоминания. Статьи. С. 27.

ственными. Сергей Сергеевич переживет Сергея Васильевича на 10 лет и скончается тоже в марте, не дожив до возраста Рахманинова семь лет. Прокофьеву предстоит, изведав все прелести советской «музыкальной казармы», стать «сочувственным другим Прокофьевым»⁹⁰, выслушать (и не в узком кругу коллег, а через идеологический рупор mass-media) упреки в упрощенчестве (от друзей) и в грехах буржуазного формализма (от врагов) и, так же как Рахманинову, обессмертить свое имя в истории мировой культуры.

Далее пути Рахманинова и Прокофьева расходятся окончательно. Трудно сказать, когда они виделись в последний раз: потребуется кропотливая работа по со-поставлению хронографов Прокофьева и Рахманинова. Последнее документальное свидетельство их контактов — фотография на палубе трансатлантического лайнера: чета Рахманиновых и Прокофьев. Это любительский, судя по качеству, снимок, возможно, был сделан Линой Ивановной Прокофьевой и подарен Прокофьевыми Мясковскому. Фотография находится в РГАЛИ в фотоальбоме Николая Яковlevича. Под фотографией (его рукой?) проставлены название судна «Нормандия» и год — «1936»⁹¹. Предстоит выяснить, когда именно состоялся совместный вояж Прокофьева и Рахманинова. Зимой 1937 г. у Прокофьева состоялись гастроли в США. В начале декабря 1936 г. он еще находился в Париже, за которым последовала Америка. Вернуться в СССР предполагалось не ранее марта 1937 г. Возможно, встреча на «Нормандии» состоялась в декабре 1936 г.? Однако Рахманинов в 1936 г. начал свой концертный сезон в октябре в Лондоне и уже в начале ноября прибыл в Нью-Йорк, чтобы продолжить выступления в Штатах. Эта информация подкрепляет некоторые сомнения в да-

⁹⁰ В фонде Сергея Прокофьева хранится автограф композитора (листок с финансовыми расчетами по авторским гонорарам). На свободном поле его рукой приписано красным карандашом: «Совсем другой Прокофьев». Помета, сделанная в конце 1940-х гг., свидетельствует о глубоком переосмыслении прожитого (см.: ВМОМК им. М.И. Глинки. Ф. 33. Ед. хр. 1181).

⁹¹ РГАЛИ. Ф. 2040. Оп. 4. Ед. хр. 32. Л. 75. О самом большом и быстроходном французском лайнере «Нормандия», созданном гением русского инженера-судостроителя В.Н. Юркевича, написано немало как в научной, специальной, так и в художественной литературе. Например, Ильф и Петров (пассажиры судна в 1936 г.) в «Одноэтажной Америке» восхищались грандиозностью и порицали баснословную роскошь лайнера: ««Нормандия» — это колоссальная гостиница с роскошным видом на море, которая внезапно сорвалась с набережной модного курорта и со скоростью 30 миль в час поплыла в Америку». С 1935 по 1939 г. было сделано 139 пассажирских рейсов. Среди знаменитых пассажиров «Нормандии» Шаляпин, Марлен Дитрих, Чкалов и др. Во время Второй мировой войны лайнер в результате пожара затонул в доке Нью-Йорка.

Судя по детским воспоминаниям Святослава Сергеевича Прокофьева, «дома разговоров о «Нормандии» было много». В московской квартире композитора на ул. Чкалова долгое время хранился макет судна. В семейном архиве Прокофьевых в Париже сохранились пассажирская квитанция (бирка) с именем Прокофьева и записка неустановленного лица Прокофьеву на корабельном бланке, датированные 1938 г. (Сведения любезно предоставлены Сергеем Святославовичем Прокофьевым.) Так что Прокофьев неоднократно путешествовал на «Нормандии». Это также могло внести путаницу при подписи фотографии в альбоме. Мясковский мог написать год получения фотоснимка (именно в 1936 г. прибыл основной багаж семьи Прокофьева из Парижа), а название «Нормандия» появилось потому, что о судне много слышал от Сергея Сергеевича. Стоит добавить небольшой «штрих» к сюжету о «Нормандии»: интерьеры лайнера были созданы по эскизам художника Александра Яковлева — того самого «Саши-Яши» из близкого окружения Прокофьева в Париже. См. записи 1919–1933 гг.: Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 2: 1919–1933.

С.С. Прокофьев, Н.А. и С.В. Рахманиновы
на борту трансатлантического судна <«Беренгария»>. Декабрь 1929>.
РГАЛИ. Ф. 2040. Оп. 4. Ед. хр. 32. Л. 75

тировке, вызванные деталями, изображенными на снимке: Наталья Александровна в пальто или манто до колена, на голове — шляпка-клош. Этот головной убор круглой формы с маленькими полями моден в 1920-х гг., но исчезает к середине 1930-х гг., а одежда становится значительно длиннее. На Сергея Сергеевича костюм также не вполне соответствует 1936 г. Кроме того, на фото Сергей Сергеевич выглядит слишком молодо (скорее как в начале 1930-х гг.). Сергей Прокофьев и Наталья Рахманинова отлично разбирались в моде: они не только любили хорошо одеваться, но и могли себе это позволить. В Прокофьеве всегда отмечалось безупречное владение стилем в одежде: «Одет он был всегда с иголочки... Изящно сидевший костюм»⁹². А Сергей Васильевич в тем-

⁹² Аджемов К.Х. Незабываемое: Воспоминания. М., 1972. С. 7. Константин Христофорович Аджемов (1911–1985) — пианист, педагог, музыкальный критик, в 1936 г. был аккомпаниатором Л.И. Прокофьевой.

ном немногого бесформенном пальто выглядит как обычно на фотографиях 1920–1940-х гг. — «вне времени и пространства». Не оттого, что Рахманинов не умел или не хотел следовать моде (думается, супруга композитора следила за внешним видом обожаемого ею Сергея Васильевича), а потому, что внешность его была настолько оригинальна, что позволяла не замечать, во что он одет. «Наружность Рахманинова была значительна и своеобразна. Он был очень высок ростом и широк в плечах, но худ. Когда сидел — горбился. Форма головы у него была длинная, острыя, черты лица резко обозначены. Он брил усы и бороду. Его лицо покрывали выразительные складки морщин, а довольно большой, красивый рот нередко складывался в ироническую улыбку»⁹³, — таким он запомнился современникам.

Итак, с 1937 по 1938-й (последний вояж Прокофьева за рубеж) вполне вероятна случайная и прощальная встреча двух великих Сергеев во время их концертных турне по Европе и Америке. Вторая мировая война пресекла эти возможности — Рахманинов на последнем рейсе «Аквитании» навсегда покинул Старый Свет 23 августа 1939 г. (за неделю до вторжения Гитлера в Польшу).

17 марта 1943 г., накануне 70-летия Сергея Васильевича на его имя были получены поздравительные телеграммы из Советского Союза. Одна из них от Союза композиторов СССР. Среди подписантов имя Сергея Прокофьева⁹⁴. Но Рахманинов по состоянию здоровья вряд ли мог прочесть это поздравление. В ночь с 27 на 28 марта 1943 г. он скончался в больнице Беверли-Хиллз от рака легких и печени. Незадолго до кончины Сергея Васильевича, а именно в конце января 1943 г., Прокофьеву приснился сон⁹⁵, вошедший в воспоминания его второй жены Мирзы Александровны Мендельсон-Прокофьевой (запись от 25 января 1943 г.): «Сережа во сне видел Рахманинова. Ему снилось, что мы идем по какой-то дачной местности и встречаем Рахманинова с букетом лиловых и желтых цветов. Сережа, желая быть любезным, говорит Рахманинову, что солнце бросает красивые блики на его букет. Рахманинов в свою очередь говорит о том, что его интересует новый концерт Сережи. Сережа недоумевает, почему он спрашивает о ненаписанном концерте, а не о Седьмой сонате»⁹⁶. Это чуть ли не единственное упоминание о

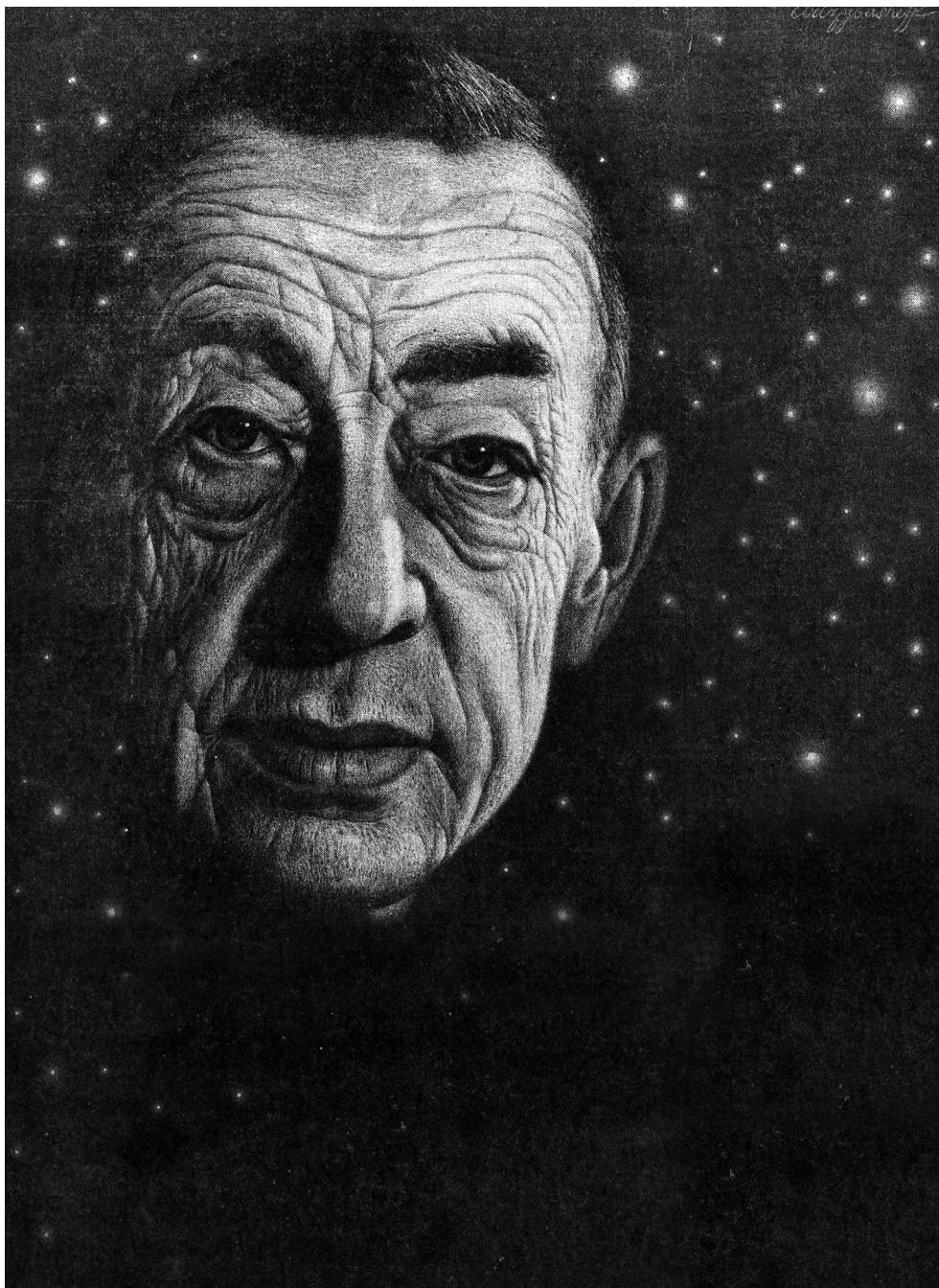
---

⁹³ Гольденвейзер А.Б. Воспоминания. С. 337.

⁹⁴ См.: Рахманинов С. Литературное наследие. Т. 3. С. 393.

⁹⁵ По-видимому, Прокофьев внимательно относился к своим сновидениям. По его дневниковым записям известны сны о Максе Шмидтгофе (консерваторском друге), о Римском-Корсакове, о Глазунове, «склонившемся над его [Прокофьева] постелью, поздравившем Сережу с успехом “Александра Невского” и сообщившем, что очень хорошая статья о кантате появилась в Бурято-Монгольской газете» (цит. по: Мендельсон-Прокофьева М.А. Воспоминания // ВМОМК им. М.И. Глинки. Ф. 33. Ед. хр. 1413. Л. 59).

⁹⁶ Мендельсон-Прокофьева М.А. Воспоминания // ВМОМК им. М.И. Глинки. Ф. 33. Ед. хр. 1413. Л. 58–59. В этой дневниковой записи М.А. Мендельсон-Прокофьева упоминает о сонате в связи с тем, что незадолго до этого впервые прозвучало новое сочинение Прокофьева — Седьмая соната для фортепиано в исполнении С.Т. Рихтера (14 и 18 января 1943 г.), за создание которой композитор получил Сталинскую премию в том же 1943 г. Свой последний Концерт для фортепиано с оркестром (№ 5, оп. 55) Прокофьев написал в 1932 г., задолго до окончательного возвращения в СССР и до «заключительного» сна.

Портрет С.В. Рахманинова. Худ. Б. Арцыбашев.
Иллюстрация из газеты «Нью-Йорк таймс». 1 апреля 1943. ВМОМК им. М.И. Глинки.
Ф. 18. Ед. хр. 221

Рахманинове в архивном наследии Прокофьева по возвращении в СССР⁹⁷. Символично, что последняя встреча композиторов произошла лишь во сне. Не своеобразное ли это предчувствие скорого ухода Рахманинова, не доказательство ли необъяснимой связи людей и явлений? Новый концерт, которым интересовался Рахманинов в сновидении, Сергей Сергеевич все же начнет писать в 1952 г., но не успеет закончить. Шестой концерт для двух фортепиано и струнного оркестра в трех частях (opus 133) сохранился только в набросках. Может быть, двадцать четыре страницы эскизов концерта⁹⁸ хранят ключ к истолкованию знаменательного сна Сергея Прокофьева?

Прошло чуть больше года со смерти Сергея Васильевича. 22 мая 1944 г. в Москве цвела любимая им сирень. В ходе мировой войны наконец-то повеяло миром. А в Большом зале Московской консерватории состоялся симфонический концерт, на котором присутствовал Прокофьев. В программе — Рахманинов «Рапсодия на тему Паганини», Третий фортепианный концерт Сергея Сергеевича. Солировал Яков Зак⁹⁹. Нет сомнения, что в этот вечер Прокофьев думал о Рахманинове, вспоминая все, что связывало их. Это подтверждает фрагмент воспоминаний Д.Р. Рогаль-Левицкого, работавшего с февраля по март 1944 г. с Прокофьевым над партитурой «Сказки про шута, семерых шутов перешутившего»¹⁰⁰. Композитор тогда занимал номер в гостинице «Метрополь». В одно из посещений между Рогаль-Левицким и Прокофьевым состоялся следующий разговор: «Хотите посмотреть последний портрет Рахманинова? Это американский журнал, только что полученный в Москве.

— Конечно! — ответил я и подошел к Прокофьеву.

— Вот, кажется этот. Смотрите, как он изменился незадолго до смерти.

Действительно, лицо Рахманинова было неузнаваемо. Под глазами были огромные мешки, все лицо в глубоких морщинах, а в выражении его всегда такого сурогого, немного татаро-монгольского облика было что-то подавленное и глубоко скорбное.

— Как это ужасно! — заметил я, — а отчего, собственно он умер.

— Кажется от рака легких, но боюсь, это не совсем так...¹⁰¹

---

⁹⁷ 16 марта 1950 г. в Кремлевской больнице Прокофьев в беседе с профессором М.С. Александровым поделился своими воспоминаниями о Рахманинове. Об этом: *Мендельсон-Прокофьева М.А. Воспоминания о Сергее Прокофьеве. Фрагмент: 1946–1950 годы // Сергей Прокофьев: К 50-летию со дня смерти. Воспоминания, статьи, письма. С. 193.*

⁹⁸ РГАЛИ. Ф. 1929. Оп. 1. Ед. хр. 179.

⁹⁹ Помимо этих сочинений в программе исполнялся Концерт для фортепиано и оркестра М. Равеля.

¹⁰⁰ В 1944 г. Д.Р. Рогаль-Левицкий оркестровал балет «Сказка про шута, семерых шутов перешутившего» (1915–1920) для предполагаемой, но неосуществленной постановки балета в Кировском театре. Работа осталась незавершенной.

¹⁰¹ Эта фраза Прокофьева представляется весьма интригующей, но, как пишет публикатор воспоминаний Д.Р. Рогали-Левицкого, «пояснить ее не представляется возможным». См.: *Рогаль-Левицкий Д.Р. «Мимолетные связи»: (К 70-летию со дня рождения Сергея Прокофьева) / публ. О.Г. Дионской // Сергей Прокофьев: К 110-летию со дня рождения: Письма, воспоминания, статьи. М., 2001. С. 185.*

Мы умолкли, созерцая последний портрет Рахманинова.

— А может быть, это не очень удачная фотография?¹⁰² — спросил я, отказываясь верить обложке американского журнала, тщательно выполненной в красках.

— Не думаю. Вероятно, так и было на самом деле, — тихо ответил Прокофьев и задумался (подчеркнуто в оригинале.— Е.К.).

Я не мог оторвать глаз от портрета Сергея Васильевича, которого я так живо помнил по его московским выступлениям. Лицо было, конечно, одним и тем же, но совершенно неузнаваемым — так оно изменилось перед смертью. <...> Через несколько минут Прокофьев взял из моих рук журнал и положил его на место»¹⁰³.

---

¹⁰² Во фрагменте воспоминаний Д.Р. Рогаль-Левицкого, скорее всего, речь идет не о фотографии, а о последнем портрете Рахманинова, написанном выдающимся русским художником Борисом Михайловичем Арцыбашевым (1899–1965), сыном известного русского писателя Михаила Арцыбашева. Работа над портретом Сергея Васильевича велась по цветной фотографии неустановленного автора, датированной 1941 г., и по серии снимков Эрика Скала (Eric Scaal). В конце декабря 1942 г. в нью-йоркской квартире Рахманинова по заданию журнала «Лайф» Скал провел последнюю в жизни Сергея Васильевича фотосессию. После долгих и сложных переговоров (Рахманинов не любил позировать перед фотокамерами, избегал газетной шумихи) композитор согласился. Эти снимки были опубликованы в журнале уже после смерти Рахманинова 12 апреля 1943 г. Известно, что Арцыбашев активно сотрудничал с «Лайф». Это обстоятельство является косвенным доводом того, что именно на основе фотографий Э. Скала художником был создан выразительный портрет, опубликованный в черно-белом варианте 1 апреля 1943 г. в газете «Нью-Йорк таймс». Под портретом были помещены отклики на кончину Рахманинова многих знаменитых музыкантов. Среди них Орманди, Кусевицкий, Стоковский, Рубинштейн и др. Таким образом, дата создания этого портрета Рахманинова — январь — март 1943 г. В сопроводительном тексте к изображению композитора редакция «Нью-Йорк таймс» сообщила, что в полноцветном варианте (см. выше: «...обложка... тщательно выполненная в красках») этот портрет будет опубликован в 10-м, майском номере журнала «Тайм», дочернем издании «Лайф». Казалось бы, все сходится, и именно знаменитая обложка «Тайм» с цветным портретом С.В. Рахманинова работы Арцыбашева послужила темой приведенного выше диалога между Прокофьевым и Рогаль-Левицким. Однако знакомство с интернет-сайтом архива журнала показало, что на обложке 10-го номера «Тайм» за 1943 г. изображен адмирал Третьего рейха Карл Дёниц. Просмотр близлежащих по времени обложек также оказался безрезультаенным. Сплошной просмотр *всех* обложек «Тайм» с 1923-го (год основания журнала) по 1965-й (год смерти Арцыбашева) выявил, что ни один портрет Рахманинова никогда не публиковался на обложке этого журнала. К сожалению, по типично американскому принципу: на обложке только прижизненное изображение лица на пике карьеры — «Тайм» не изменил даже ради гениального композитора, столько сделавшего для музыкальной культуры США. Вероятно, Арцыбашев опубликовал свою работу в цвете в другом издании, попавшем в Советский Союз, а потом и в руки Сергея Прокофьева почти через год после смерти Сергея Рахманинова.

¹⁰³ Там же. С. 184–185.

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

O.T. Ермишин
РИТМЫ ДРЕВНЕРУССКОЙ ИСТОРИИ
В КОНЦЕПЦИИ П.Н. САВИЦКОГО

Петр Николаевич Савицкий (1895–1968) был выдающимся ученым, который имел широкие научные интересы. Им написаны книги и статьи по географии, философии, истории, статистике, экономике, политике, лингвистике, литературе, роведению. Среди его работ особое место занимает тема Древней Руси. Савицкий не просто занимался изучением древнерусской истории, но создал на основе изученного материала продуманную концепцию. Первоначально его концепция получила обоснование в статьях «“Подъем” и “депрессия” в древнерусской истории» (1935) и «Ритмы монгольского века» (1937)¹. Нормальная научная работа была прервана началом Второй мировой войны, потом последовал арест и 10 лет советских лагерей. Однако после возвращения в Прагу в 1956 г. Савицкий вернулся к научным занятиям и разработке своей прежней концепции. Он пишет книгу, которая не была закончена и опубликована, но сохранилась в архиве Славянской библиотеки (Прага, Чехия)². Сначала Савицкий назвал книгу «Россия. Общее экономическое положение страны», но затем зачеркнул первоначальное название и дал новый заголовок работе — «Русская история в приливах и отливах творческой воли». Таким образом, есть счастливая возможность сравнить первоначальный и поздний этапы работы П.Н. Савицкого над разработкой концепции древнерусской истории.

Основой своей концепции Савицкий считал идею периодической системы сущего. По мнению Савицкого, в основе всего сущего лежит закон ритма или упорядоченности, который определяется организационной идеей. Вслед за одной организационной идеей наступает период хаоса и упадка, за которым скрывается утверждение новой организационной идеи. Первоначально Савицкий обозначил ритмический закон истории понятиями «подъем» и «депрессия», начав его исследование с древнерусской истории X–XII вв.

По мнению Савицкого, социально-экономическая история Древней Руси имела свою особую ритмику, о чем свидетельствует изучение источников, относящихся как к северо-восточной, так и к южной Руси. Прежде всего, Савицкий обращает внимание на деятельность социальных верхов, которая то активизи-

---

¹ Савицкий П.Н. «Подъем» и «депрессия» в древнерусской истории // Евразийская хроника. 1935. Вып. XI. С. 65–100; Он же. Ритмы монгольского века // Евразийская хроника. 1937. Вып. XII. С. 104–155.

² Slovanská knihovna (Praha). T-Sav. Inv. č. 219–220.

ровалась, то ослаблялась. Однако за активизацией социальной деятельности он склонен видеть усилия, направленные на реализацию организационной идеи. Такой «подъем» со временем сменялся «депрессией», который сводился к распаду или «провалу» организационной идеи.

Кроме деятельности социальных верхов, Савицкий выделил 27 основных признаков «подъема»: 1) торговая деятельность; 2) создание крупных индивидуальных состояний (накопление богатств); 3) процветание сельскохозяйственных предприятий; 4) технические усовершенствования; 5) основание и рост городов (возникновение и развитие новых городов); 6) строительство городов-укреплений; 7) открытие и прокладка новых торговых путей; 8) рабочее движение (развитие различных рабочих специальностей, связанных со строительством); 9) колонизационная деятельность, направленная на заселение новых территорий; 10) социальная «ставка на сильных» (ориентация на определенный социальный слой); 11) строительство вообще и кирпично-каменное строительство в частности; 12) перенос кирпично-каменного строительства в новые месторождения; 13) создание выдающихся памятников изобразительного искусства; 14) привоз в страну произведений искусства из-за границы; 15) привоз реликвий; 16) строительство школ и библиотек; 17) вызов иностранных специалистов; 18) прилив в храмы золота и серебра; 19) земельные вклады в церкви и монастыри; 20) основание новых монастырей; 21) учреждение новых епархий; 22) церковные торжества (канонизация святых, перенесение мощей); 23) пиры; 24) бытовая широта; 25) предоставление приюта эмигрантам; 26) политическое объединение страны; 27) внешнеполитическая активность (дипломатическая и военная).

Все наиболее характерные для подъема признаки проявились, как указывал Савицкий, в период правления князя Владимира Святого. Время князя Владимира стало «кульминацией» подъема, затем начался упадок («депрессия»), который прерывался только двумя «подъемами» — «Мономаховым подъемом» (1113–1117) и «подъемом Всея Вселенской» (1216/1217–1227). Признаки «депрессий» были полным отрицанием признаков «подъемов». Так, если общим признаком «подъема» было стремление к политическому объединению страны, то периоды «депрессии» отличались тенденцией к политическому распаду.

По мнению Савицкого, хотя почти все указанные им признаки были известны историкам, главная его задача сводится к объединению признаков «подъемов» и «депрессий» в единую систему. Савицкий писал о своем исследовании: «Оно не может не открыть нашему взору ту взаимную связь, которая сопрягает воедино ряды разнородных исторических явлений, оно должно помочь нам историю понять как систему. Исследуя “биологические кривые”, мы не только должны по-новому ощутить вкус, цвет и запах времени, но можем по-новому познать и его структуру»³.

Общие идеи, кратко сформулированные в ранних статьях Савицкого, получают новую трактовку в поздней архивной работе «Русская история в приливах и отливах творческой воли», которая до сих пор мало известна. По сути, Савицкий меняет общий подход: от теоретических деклараций он переходит к анализу и детальной реконструкции древнерусского исторического материала. Иначе говоря, Савицкий не делает теоретических утверждений и потом их доказывает, а анали-

---

³ Савицкий П.Н. «Подъем» и «депрессия» в древнерусской истории. С. 95.

зирует исторические факты, которые сами по себе приводят к очевидным выводам о законах, их определяющих.

Изменилась и широта исторического кругозора: Савицкий начинает изучение древнерусской истории не с эпохи Владимира Святого, а с первых шагов в формировании единой хозяйственно-экономической общности, с русскойprotoистории VIII в. Экономическое пространство будущей России начинает складываться с появлением славян, у которых Савицкий находит некоторые ярко выраженные экономические бытовые особенности. Именно охота, бортничество и земледелие определяют как быт славян, так и их участие в международной торговле. По мнению Савицкого, найденные клады IX–X вв., с тысячами восточных монет, убедительно показывают вовлеченность славян в восточную торговлю, активное развитие торгового капитала. Русские купцы поставляли на Восток меха, мед и рабов, добываемых во время военных набегов. Савицкий пишет: «...торговля Руси с Передней Азией “достигает грандиозных размеров” (IX–X вв.). Складывается хозяйствственно-географическая карта Руси этих столетий, в том виде, как мы знаем ее по находкам восточных монет»⁴.

Активная торговля указывает на «подъем», кульминацией которого в древнерусской истории Савицкий считает весь X в. Торговая деятельность ведет в свою очередь к созданию городов (торговых центров) и прокладке новых торговых путей. Кроме восточных торговых путей через Волго-Окский бассейн, прокладывается путь в Византию («из варяг в греки»). Например, в договорах с греками Олега и Игоря (907, 912, 945) уже зафиксированы условия для русских купцов. В торговле с Византией экспортный товар из Руси остался тем же — меха, мед, воск и рабы, а импортом стали золото, ткани, вина и плоды (как написано в летописи о возвращении князя Олега из Царьграда: он вернулся, «неся золото, и паволоки, и овощи, и вина, и всяко узорочье»⁵). Одновременно из Византии начинают призывать на Русь иностранных специалистов.

В конце X в. экономическая ситуация начинает постепенно меняться. Происходит угасание восточной торговли, что связано с распадом Багдадского халифата и подтверждается на основе найденных кладов сокращением с 980-х гг. притока саманидских диргемов. Торговля с Византией становится основной, что в свою очередь ведет к политическому объединению Новгорода и Киева. И далее Савицкий указывал: «Здесь мы подходим к определению признака, входящего слагаемым в общую характеристику экономического состояния страны и особенно важного в обрисовке ранних периодов ее истории. Мы говорим о понятии “вековой торгово-географической конъюнктуры”. Ее нужно отличать от обычного, так называемого “торгово-промышленного” цикла со свойственными ему более мелкими и короткими колебаниями экономического благосостояния. “Вековая торгово-географическая конъюнктура” составляет как бы фон этих колебаний»⁶. В конце X в. «вековая торгово-географическая конъюнктура» изменилась, когда

---

⁴ Slovanská knihovna (Praha). T-Sav. Inv. č. 219. S. 14–15.

⁵ Цит. по: Ibid. S. 24.

⁶ Ibid. S. 31.

волжский торговый путь пришел в упадок и его заменил днепровский путь, а торговое значение вместо арабского халифата приобрела Византия.

Развитие торговли влекло за собой и установление определенного правового порядка, и сильной государственной системы, которая получила свое оформление с принятием христианства из Византии. В связи с новыми условиями развертывается активная строительная деятельность. Например, в 988 г. князь Владимир «повеле рубити церкви»⁷. Для постройки Десятинной церкви он вызвал греческих мастеров. Множество признаков только подтверждают общее представление Савицкого о «Владимировом подъеме», которому он дает оценку «весьма хорошую» («отлично» он готов был бы поставить только в том случае, если бы Русь играла ведущую роль, подобно Византии).

Как ранее полагал Савицкий, после «Владимирова подъема» сразу следовал упадок. В поздней работе он уже пришел к выводу, что признаки подъема и упадка находятся друг с другом в более сложной диалектической связи. Для их объяснения Савицкий предложил схему с двумя кривыми. Он пояснял: «Одна учитывает и те относительно “мелкие и короткие колебания экономического благосостояния”, которые установимы на основании имеющихся в наличии материала. Притом она учитывает их во всем их значении, какое только можно вычленить из источников. Естественно, что в пределах этой кривой контрасты представляются резкими, а изменения экономического благосостояния — крутыми. Но можно подойти к явлениям и с другой стороны. “Мелкие и короткие колебания экономического благосостояния” не в силах, конечно, определяюще повлиять на общее положение производительных сил страны. Их влияние более поверхностно, чем существенно. Это обстоятельство дает основание для вычерчивания второй “выравненной” кривой. В ней, прежде всего, мы не допускаем, в отличие от первой, более дробных хронологических делений, чем десятилетие; прослеживаем изменения экономического благосостояния страны только от десятилетия к десятилетию, но никак не от года к году. При этом мы учитываем тот фон, на котором развертываются эти изменения, ту неизменность положения производительных сил в основном»⁸. Такой двусторонний подход позволяет Савицкому объяснить период 1015–1019 гг. после смерти князя Владимира, когда во время борьбы между Святополком и Ярославом был прерван нормальный процесс торговли, а Новгород и Киев испытали ряд сильных потрясений. Тем не менее эти потрясения не оказались на общей «торгово-географической конъюнктуре», что позволило после княжеской усобицы вернуться к экономическому подъему. Савицкий также обращает внимание на то, что с экономическими процессами тесно связана социальная политика. То, что раньше он называл «ставкой на сильных», заключается в усилении социальной дифференциации, т. е. в выделении отдельных социальных групп. В период снижения благосостояния страны происходят социально нивелирующие процессы, уравнение социального положения отдельных групп.

В начале 1030-х гг. Савицкий находит явные признаки «подъема»: храмостроительство, учреждение Ярославом школ, победа над печенегами (1034), создание

---

⁷ Slovanská knihovna (Praha). T-Sav. Inv. č. 219. S. 35.

⁸ Ibid. S. 44–45.

митрополичьей кафедры (1037), строительство в Киеве Софийского храма (1037). Затем последовал «Подъем Ярославичей» (Изяслава, Святослава и Всеволода) в 1050-е и 1060-е гг. Однако, как пишет Савицкий, в 1066–1068 гг. разразилась «депрессия». Началась межкняжеская усобица, произошло нападение Всеслава Полоцкого на Новгород и его разграбление, затем победа половцев над русским войском на р. Альте (1068), «киевская революция 1068 г.» с изгнанием Изяслава, выступление волхвов. Начало 1070-х гг. Савицкий характеризует как борьбу «встречных» признаков, когда показатели «подъема» сбиваются нашествием половцев и постоянными усобицами между князьями. В 1086–1091 гг. происходит быстропреходящий «подъем», который сменяется «депрессией» (мэр 1092 г., усобицы, набеги половцев). «Святополкова депрессия» затянулась до конца 1090-х гг. На этом и заканчивается, по Савицкому, XI в. для Древней Руси.

Общая методология Савицкого заключалась в том, чтобы за фактическим материалом найти ведущие законы истории. Однако в отличие от первоначальной теоретической схемы в поздней работе Савицкий пришел к выводу, что «подъем» и «депрессия» не просто сменяют друг друга, а составляют сложную структуру.

Реконструкция русской истории, которую задумал Савицкий, оказалась максималистской задачей. Первоначально Савицкий предполагал довести рассмотрение исторического материала до XVII в., но успел написать текст, охватывающий период до 1353 г. Такая широта исторического охвата предполагала, что ритмы древнерусской истории имели для Савицкого самое актуальное значение, так как объясняли не только прошлое, но открывали перспективы для объяснения современности. Исследования древнерусской истории были для Савицкого основой для разработки историософии, которую он сам назвал «философией факта». В 1957 г. Савицкий писал П.П. Сувчинскому: «Теперь два слова о моей “философии факта”. Я назвал бы ее “философией всегда насыщенного смыслом факта”. По моему мнению, среди исторических фактов *нет фактов случайных*. Есть факты выражющие “генеральную линию” данного момента (какова бы она ни была); есть “факты-отголоски” (отражения прошлого); и есть “факты-пророчества”. <...> Вкладываю в этот конверт два мои очерка по этой части: “Подъем и депрессия в древнерусской истории” и “Ритмы монгольского века”. Перечтите их! Это именно *опыты по философии факта*. По замыслу моему (не знаю, удалось ли мне выразить его с достаточной яркостью!), в них каждый факт должен звучать *своим тоном*. И все они вместе должны сливаться в *симфонию* с ее “подъемами” и “падениями”⁹. Так от истории Савицкий приходит к историософии, в которой исторические факты объясняются и объединяются в единую симфонию смысла.

В заключение следует отдельно сказать об истоках и предпосылках концепции П.Н. Савицкого. В данном случае необходимо хотя бы кратко охарактеризовать евразийство, или евразийское мировоззрение П.Н. Савицкого. В 1920-х гг., будучи одним из лидеров евразийства, Савицкий приложил немало усилий для пропаганды общеевразийских идей, для утверждения не столько личной, сколько общей

---

⁹ П.Н. Савицкий — П.П. Сувчинскому. 5 ноября 1957 // Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Коллекция В. Аллоя. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 5–7 (курсивом выделены слова, которые автор в письме дал разрядкой).

идейной платформы. Например, он утверждал (в докладе «Евразийская концепция русской истории», 1933 г.), что концепция евразийской истории с наибольшей полнотой выражена в «Начертании русской истории» (1927) Г.В. Вернадского. К книге Г.В. Вернадского Савицкий написал в виде приложения статью «Геополитические заметки по русской истории», т. е. он дополнял евразийскую концепцию истории с точки зрения географии, экономики и geopolитики. Следует отметить, что евразийская концепция в основном была связана с историей Московской Руси, с периодом после монгольского нашествия. Ситуация изменилась после раскола евразийского движения («Кламарский раскол» 1929 г.), когда парижская просоветская группа евразийцев откололась от других евразийских групп, а затем прекратила существование. Тогда же Н.С. Трубецкой заявил о выходе из евразийского движения, с тем чтобы заняться своей основной специальностью — лингвистикой. Когда П.Н. Савицкий остался единственным лидером евразийского движения, он обратился к развитию того типа мировоззрения, который считал наиболее правильным, — академического евразийства. В русле академического евразийства, не ограниченного рамками политики и идеологии, и появляются исследования П.Н. Савицкого по Древней Руси. Можно сказать, что Савицкий выходит за границы традиционного евразийства 1920-х гг. и одновременно возвращается к его первоначальным идеям, к пониманию истории России не через призму идеологии, а в контексте христианской историософии и религиозной культуры (сборник «Поворот к Востоку», 1921 г.). В этом отношении Савицкий нашел поддержку у Н.С. Трубецкого, который в письме от 17 ноября 1935 г. дал краткую и яркую характеристику новых идей П.Н. Савицкого: «И все же евразийское мировоззрение, как я его представляю, насквозь пропитано религиозностью, и притом самой настоящей религиозностью (“восточной”, если хотите), а не гуманистически-суррогатной. Эта религиозность состоит, по-моему, прежде всего в самоограничении, сознании своей преходящей природы, своей включенности в мироздание, своей подчиненности неисповедимым законам, предписанным волей Творца, своего бессилия перед лицом Его всемогущества, своей ограниченности перед лицом Его бесконечности и своего невежества перед лицом Его всеведения. <...> Во всех Ваших научных работах сквозит тот же мотив — Вы вскрываете отдельные структурные законы, правильность и периодичность в географических зонах, в смене периодов истории, устанавливаете факты совпадения или координации пространственных и временных, природных и культурных явлений, — и каждый раз подчеркиваете, что причинного объяснения дать нельзя. Все эти правильности и повторения во времени и в пространстве для Вас как бы обрывки какого-то космического ритма, сущность которого человеку не дано познать. Это — едва ли не самая существенная черта Ваших научных работ»¹⁰. Начиная с 1930-х гг., когда политические цели отступают на второй план, главной научной задачей для Савицкого становится работа над созданием новой системы идей, в результате чего наука обогатилась оригинальной концепцией древнерусской истории.

---

¹⁰ Письма Н.С. Трубецкого к П.Н. Савицкому // Соболев А.В. О русской философии. СПб., 2008. С. 426–427.

T.K. Шор

СЕМЬЯ ДОКТОРА Э.Э. ГАРТЬЕ И ЭСТОНИЯ

В биографической справке об ученом-педиатре, профессоре Государственно-го института медицинских знаний в Петербурге / Петрограде Эдуарде Эдуардовиче Гартье (1872–1959), приводимой в pilotном выпуске материалов для биобиблиографического словаря «Российское научное зарубежье»¹, есть небольшой пробел, который мы надеемся восполнить настоящей публикацией. В частности, не уточняется, каким образом семья Гартье оказалась за рубежом.

В Национальном архиве Эстонии (*Rahvusarhiiv = RA*) в фондах Государственного архива (*Riigiarhiiv = ERA*) «Петроградская Контрольная оптационная комиссия» (ERA. 28) и «Министерство внутренних дел» (ERA. 14) удалось найти документы об оптации и выходе из гражданства Эстонской Республики Эдуарда Эдуардовича Гартье, его супруги Евгении Александровны Гартье и дочерей Ирины и Мелит(ты). В заявлении от 26 августа 1920 г. в Петроградскую оптантскую комиссию под № 12438 говорилось:

Гражданин Эдуард Эдуардович Гартье
Местожительство и почтовый адрес:
гор. Петроград, Кирочная ул. 27.
Временно: Моховая ул. 29, кв. 26.

Прошу принять меня на основании статьи IV мирного договора между Россией и Эстонией гражданином Эстонии и выдать мне соответствующий паспорт.

Мне 48 лет, я приписан к гор. Пернову², на территории, ныне составляющей Эстонию, в доказательство чего прилагаю следующие документы:

Перновской городской управы справка от 12 июня 1893 г. за № 65;

Свидетельство второй гильдии³ Перновской городской управы от 25 июня 1894 г. за № 1299;

Билет 2-й гильдии Перновской городской управы от 25 июня 1894 г. за № 1300.

¹ Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря: Пилотный выпуск 1: Медицинские науки. XIX — первая половина XX в. / авт.-сост. М.Ю. Сорокина. М., 2010. С. 68.

² Современное эstonское название города — Пярну (Pärnu). До 1918 г. входил в состав Лифляндской губернии с центром в Риге.

³ С 1863 г. в России действовал новый закон о купечестве. Регистрировались только купцы 1-й и 2-й гильдий. Они покупали купеческое свидетельство в городской управе, уплатив пошлину в размере от 40 до 120 руб., в зависимости от региона. Такое свидетельство выдавалось лицам, имеющим магазин или предприятие, на котором работало более 16 человек.

В приложенном к заявлению опросном листе приводились данные о семье, образовании, месте службы и прочее — всего по 17 пунктам:

Гартье Эдуард Франц Фридрих Эдуардович (Hartje Eduard Franz Friedrich).

Женат, жена Евгения Александровна, 37 лет; дети: Ирина, 13 лет, Мелитта,

8 лет.

Родился в гор. Пернове в 1872 г., родители из Пернова⁴. Отец умер, мать в гор. Петрограде, дядя, брат отца, врач Александр Гартье в гор. Юрьеве⁵.

Образование: высшее медицинское.

Род занятий: профессор, врач.

В настоящее время профессор Государственного института медицинских знаний, служил в детской больнице имени Пастера, в Приюте для недоносков.

Главным источником дохода является служба.

Когда переселился в Россию и где проживал: с детства в гор. Петрограде.

Где предполагаете поселиться в Эстонии: в гор. Юрьеве.

Имеются ли у Вас в России: 1) недвижимое имущество (национализированное или нет); 2) торгово-промышленные предприятия (национализированные или нет) — нет.

Отношение к воинской повинности — на учете.

Кто может порекомендовать Вас в Эстонии или Петрограде и Москве: врач Гартье в гор. Юрьеве, заведующий Гигиеническим институтом при Юрьевском университете доктор Ферма⁶.

---

⁴ Дед Гартье портной Карл Генрих Гартье (Carl Heinrich Hartge; 1800–1884) был родом из Шёнинга — небольшого городка в северной Вестфалии. В 1836 г. он женился на дочери перновского мясника Доротее Амалии Фрёберг. От этого брака родилось семь детей. Второй сын — Эдуард Александр Гартье — родился в Пернове в 1843 г. С 1874 г. постоянно жил в Петербурге. Два младших брата получили образование в Дерптском университете. В метрической книге Николаевского немецкого прихода г. Пярну (EELK Pärnu Nikolai kogudus), к которому принадлежала семья Гартье, за 1872–1873 гг. записи о рождении Эдуарда Гартье не обнаружено. См.: Ajalooarhiiv (= ЕАА) [Исторический архив Эстонии]. ЕАА. 1273.1.390 Personalraamat 1865–1884, 1906; ЕАА. 1273.1.60 Meetriksaraamat, 1872; ЕАА. 1273.1.61 Meetriksaraamat, 1873.

⁵ Александр Эмиль Гартье (род. 1856) был доктором медицины Дерптского/Юрьевского/Тартуского университета (1884), работал ассистентом в университетских клиниках в 1883–1885 и в 1888 гг., затем приходским врачом в пасторате Хельме 1885–1888, позже свободно практиковал в Дерпте/Юрьеве. Был женат на дочери хелметского пастора Хедвиг Бэзэ. Двое их детей, дочь — филолог Маргret Гартье (род. 1893) и сын — юрист Освальд Роберт Гартье (1895–1976, Ганновер), также учились в Тартуском университете. В 1922 г. А. Гартье с супругой покинули Эстонию и обосновались в Рейнской провинции. См.: ЕАА. 402.2.8831 Alexander Emil Hartge (1876); ЕАА. 402.2.8832 Alexander Emil Hartge (1876); ЕАА. 402.3.382 Alexander Hartge (1883–1876); ЕАА. 402.1.5883 Oswald Robert Hartge; ЕАА. 2100.1.2646 Osvald Hartge; ЕАА. 2100.16.110 Margret Hartge; Album Academicum Universitatis Tartuensis 1918–1944. 3. Tartu, 1994. Lk. 486, 519. Brennsohn I. Die Aerzte Livlands von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart: Ein biographisches Lexikon nebst einer historischen Einleitung über das Medizinalwesen Livlands. Mitau, 1905. S. 190; *Idem*. Die Aerzte Estlands vom Beginn der historischen Zeit bis zur Gegenwart: Ein biographisches Lexikon nebst einer historischen Einleitung über das Medizinalwesen Estlands. Riga, 1922. S. 444.

⁶ Здесь имелось в виду получить рекомендацию от своего дяди А.Э. Гартье — известного в Юрьеве врача. Сведений о докторе Ферма не обнаружено. До 1918 г. кафедрой гигиены заведовал выпускник Военно-медицинской академии проф. Е.А. Шепелевский, а институтом — Г.В. Хлопин. Экстраординарный проф. В.П. Жуковский嘗試在1912年开设儿童医院。

Tundusmärkused. — Signalement.	
Passi omanik. Le porteur du passeport.	Tema naine. Sa femme.
Amet <i>arst</i>	
Profession <i>médecin</i>	
Sündimise koht <i>Peterburg</i>	Petersburg
Lieu de naissance <i>Petersbourg</i>	Petersbourg
Sündimise aeg <i>27.VIII.1879</i>	22.II.1884
Date de naissance	
Elikohut <i>Rīas</i>	Rīas
Domicile <i>Riga</i>	Rīga
Nagu <i>oraal</i>	oraal
Visage <i>oraal</i>	oraal
Silmad <i>hallikas?</i>	pruunid
Couleur des yeux <i>grünblau</i>	bruns
Juuksed <i>mustad</i>	mustad
Couleur de cheveux <i>gris</i>	noir
Iseäralised märgid	
Signes particuliers	

 Petit Photo

Passi omaniku allkirgi
 Signature du titulaire

Tema naise allkirgi
 Signature de sa femme

E. Gartje

Lapsed:
Melita
 sünd 17.I.1912, näelle 14.II.1912

Enfants:
Melita

VALIEPASS

— 2 —

— 3 —

Страницы из заграничного паспорта Эстонской Республики
Эдуарда Эдуардовича Гартье. 1925. ERA. 14.12.3745

Tundusmärkused. — Signalement.	
Passi omanik. Le porteur du passeport.	Tema naine. Sa femme.
Amet <i>arst</i>	
Profession <i>Peterburg</i>	
Sündimise koht <i>Petersburg</i>	
Sündimise aeg <i>22.II.1884</i>	
Date de naissance	
Perekonna sets <i>abelius</i>	
Situation de famille <i>mariee</i>	
Elikohut <i>Rīas</i>	
Domicile <i>Riga</i>	
Nagu <i>oraal</i>	
Visage <i>oraal</i>	
Silmad <i>pruunid</i>	
Couleur des yeux <i>bruns</i>	
Juuksed <i>mustad</i>	
Couleur des cheveux <i>noirs</i>	
Iseäralised märgid	
Signes particuliers	

Passi omaniku allkirgi
 Signature du titulaire

Tema naise allkirgi
 Signature de sa femme

Laste nimed ja sünnitunnid
 Noms et dates de naissance des enfants:

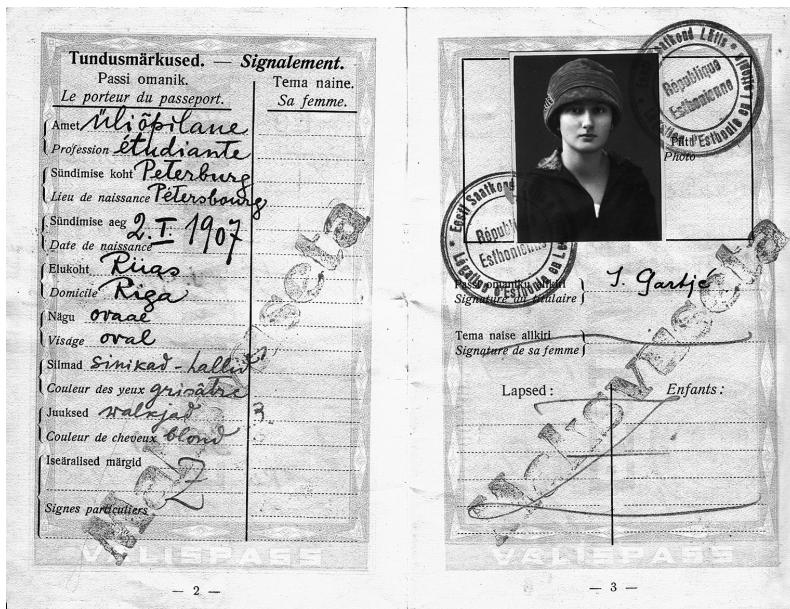
to. Melita, sünd 14.II.1912

VALIEPASS

— 2 —

— 3 —

Страницы из заграничного паспорта Эстонской Республики
Евгении Александровны и Мелиты Эдуардовны Гартье. 1925. ERA. 14.12.3745

Страницы из заграничного паспорта Эстонской Республики
Ирины Эдуардовны Гартье. 1925. ERA. 14.12.3745

Паспорт или иные свидетельства, доказывающие эстонское происхождение: Отделение Перновской городской управы по воинской повинности от 12 июня 1893 г. за № 65; свидетельство 2-й гильдии из Перновской городской на имя моего отца Эдуарда Александра Карловича от 25 июня 1894 г. за № 12.

Адрес: временно: Моховая ул. 29, кв. 26⁷.

Из копии определения Перновской городской управы по воинской повинности от 12 июня 1893 г. следовало, что «приписанный к I призывающему участку Эдуард Эдуардович Гартье по постановлению Перновского уездного по воинской повинности присутствия пользуется льготою первого разряда на основании § 45 О воинской повинности и что ему поэтому не нужно являться к сроку призыва и вынуждения жребия»⁸.

В архивном фонде «Министерство внутренних дел» Эстонского государственного архива в деле административного отдела МВД сохранился акт об отказе от эстонского гражданства в пользу гражданства Латвийской Республики Э.Э. Гартье и его семьи. Прощения были высланы из Риги и пришли в Таллинн с сопроводительным письмом от 16 августа 1928 г.

⁷ Riigiarhiiv = (ERA) [Эстонский государственный архив]. ERA.28.2.2955 Petrogradi Kontroll-Opteerimise Komisjon [Петроградская Контрольно-оптационная комиссия. Личные дела оптантов]. Hartje, Eduard Eduardi p. L. 1-2.

⁸ Ibid. L. 5.

21 августа 1928 г. в МВД Эстонской Республики было заведено дело по ходатайствам семьи и по справке кабинета министра Латвийской Республики о приеме Эдуарда Гартье, его жены Евгении и детей Ирины и Мелиты в латвийское подданство⁹.

Из справки посольства Эстонии в Латвии следовало, что семья Гартье с августа по ноябрь 1921 г. проживала в Таллинне по Кадака тee 2, в доме Бэра. Затем по паспортам иностранцев, полученным в столице Эстонии 15 августа 1921 г., они жили в Риге. Долгов на территории Эстонии семья Гартье не оставила¹⁰.

В деле Тартуского университета о приискании мест профессоров и преподавателей за 1920–1923 гг. заявления Э.Э. Гартье не обнаружено. По-видимому, он лично наведался в канцелярию университета и узнал, что вакансии по его предмету не предвидится. Вероятно, это и послужило поводом сразу же выехать в Ригу, где возможность получить достойное место службы была значительно выше, чем в маленькой Эстонии.

Интерес представляют заграничные паспорта (*välispass*) Эстонской Республики, приложенные к делу, выданные в эстонском консульстве в Риге 11 ноября 1925 г. Визы и пометы на паспортах дают возможность проследить пути следования семейства Гартье с 1921 по 1928 г. Паспорта продлевались 3 ноября 1926 и 11 ноября 1927 г. Из них следует, что врач Эдуард Эдуардович Гартье родился в Петербурге 27 августа 1872 г., проживал в Риге. Супруга Евгения Гартье родилась в Петербурге 22 февраля 1884 г. Дочь Ирина, студентка, родилась в Петербурге 2 января 1907 г., младшая дочь Мелита — 14 февраля 1912 г.

Судя по штампам рижского полицейского префекта 1927 и 1928 гг., семья Гартье проживала в Риге (Латвия) по адресу: Мелузос Александра иела 4. В паспортах сделаны отметки о посещении Италии в августе 1928 г.

Дело завершает подпись от 20 сентября 1928 г.: «Я, ниже подписавшийся, Эдуард Гартье свидетельствую, что в консульстве Эстонской Республики в Риге получил свидетельство о том, что совместно с супругой и детьми Ириной и Мелитой был освобожден от эстонского гражданства»¹¹.

---

⁹ См.: ERA. 14.12.3745. L. 1–8.

¹⁰ См.: Ibid. L. 5.

¹¹ Там же. Л. 13.

А.Б. Арсеньев

РУССКИЕ В КИНЕМАТОГРАФИИ ЮГОСЛАВИИ

1

Развитие югославской кинематографии историки разделяют на примерно двадцать периодов, разделов и фаз¹. Из них мы можем выделить десять основных:

1. Период передвижного кинематографа и съемки иностранных кинооператоров на территориях будущего Королевства сербов, хорватов и словенцев (1896–1906).
2. Работа пионеров отечественного кино и появление первых постоянных кинематографов (1907–1911).
3. Период Балканских войн и Первой мировой войны (1912–1913, 1914–1918).
4. Период нерегулярного производства кинокартин в Королевстве СХС — Югославии (1918–1931).
5. Возникновение Государственного киноцентра и попытки налаживания постоянного кинопроизводства (1931–1941).
6. Период Второй мировой войны (1941–1945).
7. Период административного управления югославской кинематографией (1945–1951).
8. Период децентрализации и реорганизации кинематографии, переход к самоуправлению (1951–1961).
9. Упразднение Союзного фонда по финансированию кинематографии, самостоятельная деятельность республиканских киностудий (1962–1991).
10. Кинематография независимых государств — Сербии, Хорватии, Македонии и др. (1991 — до настоящего времени).

Для того чтобы соблюсти хронологические рамки, в нашей работе фактографический материал будет сгруппирован несколько иначе — по отдельным видам деятельности русских кинематографистов и по кинематографическим центрам (Загреб, Белград). Отдельно рассмотрим работу советских военных кинооператоров и югославско-советское сотрудничество в создании совместных художественных фильмов.

Настоящая работа не является первой, посвященной участию русских (эмигрантов) в кинематографии Югославии. Пионерами этой темы следует считать молодого белградского историка кино Владимира Коларича, автора статьи «Ки-

---

¹ См.: *Kosanović D. Počeci kinematografije na tlu Jugoslavije, 1896–1918. Beograd, 1985. S. 11–15.*

нодеятельность русских эмигрантов в Белграде и на югославских просторах в первой половине XX века², и хорватского литературоведа Магдалену Медарич, автора статьи «Вклад русских эмигрантов в хорватскую художественную культуру — живопись, ваяние, архитектуру, фотографию и кино»³.

Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить указанных авторов за предоставление текстов своих работ, а также Ростислава Владимиоровича Полчанинова (США, Нью-Гайд-Парк, шт. Нью-Йорк) за ценные указания и Татьяну Витальевну Пушкадию-Рыбкину (Загреб) за присланные статьи и книги, опубликованные в Хорватии. В ее книге⁴ мы нашли ряд интересных фактов о русских кинематографистах в Загребе.

2

Первая публичная демонстрация фильмов на Балканах состоялась в Белграде 6 июня 1896 г. (в Москве — 7 июня, в Петербурге — 8 июня, в Нью-Йорке — 28 июня, в Загребе — 8 октября, в Любляне — в ноябре 1896 г., в Суботице — в мае 1897 г., в Сараево — в июле 1897 г.)⁵. В белградском ресторане «У золотого креста» «живые картины» показывал сотрудник братьев Люмьер Андре Кар (Carre), фотограф из Лионса. В начале 1897 г. он снова приехал в Белград, где демонстрировал новые фильмы (среди них были «Русский царь с царицей, сопровождаемые французской гвардией» и «Русский царь в Париже», оба производства 1896 г.). Одним из первых А. Кар начал снимать кинохронику местного быта в целях привлечь публику («Отправление его величества короля из дворца в соборный храм», «Прогулка по парку Калемегдан» и др.).

Среди иностранных операторов в 1899 г. в Загребе съемки проводил Франц Иосиф Озер (Oeser), а в 1903 г. в Аббации (Опатия, Хорватия) — Станислав Новорита (Noworyta), поляк, объездивший до того полмира, обосновавшийся в Сплите, позднее — в Загребе.

В 1903 г. парижской фирмой «Братья Пате» была создана художественная кинокартина «Убийство сербской коронованной четы», далекая от фактографической достоверности (лента утрачена). Оператор из Будапешта Адольф Штраус (Strauss) в 1904 г. снял документальную киноленту «Вступление на престол и коронование короля Петра I Карагеоргиевича». Это событие зафиксировал и шотландец Арнольд Мюир Вильсон (Wilson).

---

² *Kolarić V. Filmska delatnost ruskih emigranata u Beogradu i jugoslovenskim zemljama u prvoj polovini XX veka // Zbornik radova Fakulteta dramskih umetnosti. Broj 13–14. Beograd, 2008. S. 181–197.*

³ *Medarić M. Doprinos ruskih emigranata hrvatskoj likovnoj kulturi — slikarstvu, kiparstvu, arhitekturi, fotografiji i filmu // Oko književnosti — osamdeset godina Aleksandra Flakera / uredio J. Užarević. Zagreb, 2004.*

⁴ *Пушкадија-Рыбкина Т. Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба. Загреб, 2007.*

⁵ См.: *Kosanović D. Počeci kinematografije... S. 31.*

Первые киносъемки, осуществленные на Балканах местными энтузиастами, относятся к 1905 г. Их проводил фотограф Мильтон Манаки (1882–1964) из города Битола (Македония). Статичной камерой на пленку формата 35 мм он снял фильм «Пряхи».

Известная труппа «The American Show Kobelkoff» циркового артиста Николая Васильевича Кобелкова (1851–1933; будучи от рождения без рук и ног, он исполнял удивительные цирковые номера) в свои программы включила и кинематограф. В 1905 г. эта труппа с кинопрограммой выступила в Любляне, Риеке и других городах тогдашней Австро-Венгрии⁶.

После передвижных первые постоянные кинематографы на просторах будущего славянского королевства открылись в Загребе и Белграде (1906), Дубровнике, Риеке. На одном из литературно-развлекательных вечеров Русско-сербского клуба в Белграде (возник в 1903 г.), состоявшемся 27 ноября 1907 г., после чтения стихотворений А.С. Пушкина (в исполнении секретаря Российской миссии) были показаны «картины на кинематографе»⁷. Неизвестно, принадлежал ли проекционный аппарат клубу, миссии или был взят напрокат. Неизвестен и кинорепертуар этого вечера⁸.

Помимо показа немых фильмов, с 1908 г. два кинематографа в Загребе демонстрировали ленты с синхронной звукозаписью на фонографе (немецкой системы «Disken-Synchronismus»).

В марте 1910 г. в России были сняты кадры «Визит короля Петра в Петербург» и «Встреча короля Петра в Киеве». Пребывая в Белграде, в августе 1911 г. Луи де Бери (Beéry) создал ленту «Отправление короля, престолонаследника и принцессы Елены в Петербург». В программах белградских кинематографов 1909–1913 гг. встречаются и российские фильмы; игровые: «Петр Великий», «Дмитрий Донской», «Наполеон в России», «Княжна Тараканова», «Дуэль», «Купленный муж, или Победа сердца»; документальные: «У графа Л. Толстого», «Нижегородская ярмарка», «Охота на волков», «Парад в Царском Селе», «Владикавказец», «Национальные типы Кавказа», «Празднование 300-летия царствования дома Романовых» и др.

Первый игровой фильм, снятый на Балканах, — «Карагеоргий» (Белград, 1911). Продюсером фильма выступило Общество по созданию сербских кинофильмов в сотрудничестве с фирмой «Братья Пате». Постановщиком был известный сербский актер, «дядюшка» Илья Станоевич. В съемках приняли участие актеры белградского Национального театра⁹. Одним из зачинателей югославского игрового кино является и юный Владимир Тотович, ученик коммерческого училища в Нови-Саде. В 1915 г. он по собственному сценарию поставил комедийную ленту «Вор в роли детектива» (лента не сохранилась).

⁶ См.: *Traven J. Pregled razvoja kinematografije pri Slovenci (do 1918)* / priredila L. Nedić. Ljubljana, 1992.

⁷ Српска застава (Београд). 1907. 27. новембар.

⁸ См.: *Slijepčević B. Kinematografija u Srbiji, Crnoj Gori, Bosni i Hercegovini 1896–1918*. Beograd, 1982. S. 50.

⁹ После многих лет поисков фильм найден в Вене и отреставрирован.

Две Балканские войны за освобождение и раздел османских владений на Балканах были первыми военными столкновениями на территории Европы в эпоху кинематографа. На фронт и в тыл хлынули иностранные военные корреспонденты, фотографы и кинооператоры. Одним из них был россиянин еврейского происхождения Самсон Моисеевич Чернов (1887, Россия — 1929, Биарриц, Франция), корреспондент парижского журнала «Иллюстрация» («Illustration») и кинокомпаний «Братья Пате» и «Гомон», российских газет «Русское слово» (Москва) и «Новое время» (Санкт-Петербург), — художник-живописец, отличный фотограф и опытный кинооператор. Одно время он владел фотоателье в Рязани. Как военный фотокорреспондент стал известен в России своими фотографиями с фронтов Русско-японской войны. В 1912 г. Авраам Иосифович Дранков отправил его снимать военные операции сербских войск в Первой балканской войне (1912)¹⁰.

С. Чернов лицо загадочное, его биография изучена недостаточно. Уже в мае 1913 г. в Белграде были показаны его киноленты «Эдирне после занятия города» (Адрианополь пал 26 марта 1913 г.), а в августе 1913 г. — «Битва на Брегальнице» (победа сербской армии над болгарской). Тогда же в Офицерском доме в Белграде С. Чернов развернул выставку из 500 своих фотографий, снятых во время обеих Балканских войн, а также фотографий черногорских полей битв и ландшафтов освобожденных территорий. Этими фотографиями автор воспользовался для написания серии больших полотен маслом, которые были выставлены в Петербурге. Об успехе выставки посланник Сербии отправил отчет в Белград, и сербское правительство выкупило у С. Чернова сотни и сотни фотографий и диапозитивов¹¹. В конце 1913 г. С. Чернов в Париже прочитал лекцию о болгарских зверствах в отношении сербского населения во время Второй балканской войны. Накануне Первой мировой войны он снова появляется в Белграде, где аккредитован как корреспондент парижского журнала «Иллюстрация» и петербургской газеты «Новое время».

После убийства в Сараеве наследника австро-венгерского престола, но еще до предъявления ультиматума Сербии в здании австро-венгерского посольства в Белграде скончался российский посланник Николай Генрихович Гартвиг. Много-людные похороны, состоявшиеся 1 (14) июля 1914 г., снимались на кинопленку, и лента была показана в кинозале гостиницы «Касина» (собственник Джоко Богданович). Есть основание не доверять заявлению престарелого Славко Йовановича, что он снимал это событие (плёнка утрачена)¹². Однако обнаружены материалы, свидетельствующие о том, что 14 (27) июля Дж. Богданович и С. Чернов заключили контракт на съемки военной кинохроники в случае ожидаемой войны.

---

¹⁰ См.: Балкански ратови: фото-запис Самсона Чернова. Београд, 2010. С. XXIV.

¹¹ Десятки и сотни фотографий С. Чернова публиковались в Королевстве СХС, Великобритании и Республике Сербии, а большая часть выкупленного фонда лишь в 2012 г. обнаружена в запасниках Архива Сербии (Архив Србије) в Белграде.

¹² См.: Јовчић С. С камером и пушком: Драгиша М. Стојадиновић. Београд, 1999. С. 58.

С.М. Чернов. Сербия. 1910-е гг.
Фото из развлекательного журнала
«Политикин забавник» (Белград).
2010. № 3069. 3 декабря. С. 20

при этом пренебрежение контактами с официальными представителями России в Сербии, — все это не могло не вызвать подозрений, что этот иностранный корреспондент ведет и разведывательную работу. Позднее, в 1915 г., Чернову вменяли в вину то, что в канун второго австро-венгерского нападения он фотографировал сербские позиции вдоль Савы и Дуная, а затем неожиданно уехал за границу. Однако его фото- и киносъемки вдоль Дуная (от Кладово до Белграда), фиксация эпизодов обороны Сербии в 1915 г., трагического отступления сербской армии на юг, через горы Албании, пребывания войск и беженцев на острове Корфу, с которыми С. Чернов разделял все тяготы и рисковал жизнью, свидетельствуют о его моральной чистоте перед союзниками России и о личной жертвенности.

С июля по август 1916 г. его фотографии о подвиге и бедствиях выживших остатков Сербской армии были выставлены в Королевской галерее в Лондоне. Выставку открыл великий князь Михаил Михайлович Романов в присутствии сербского премьер-министра Н. Пашича, представителей дипломатического

22 августа 1914 г. Штаб Верховного командования Сербской армии выдает Дж. Богдановичу и С. Чернову справку о том, что оба допускаются на театр военных действий для проведения киносъемок. С. Чернов снял первые бои на реке Сава, переправу сербских войск на территорию Австро-Венгрии, въезд в Земун, плenение австрийских солдат, разрушенный Белград, город Шабац. Военным властям он представил свой отчет (на русском языке, на четырех страницах)¹³.

Вопреки своей явно просербской ориентации, проявленной смелости на фронте и завидной работоспособности, действия Самсона Чернова попали под подозрение чинов Разведывательного отдела Штаба Верховного командования. Его частые поездки по Сербии, фронтовые съемки, отлучки в нейтральную Румынию (из которой можно было легко проехать в Австро-Венгрию), поездки, которые он объяснял необходимостью получать фотографический материал, застрявший в Вене, путешествия вместе с любовницей (при жене и детях в России), австро-венгерской гражданкой и

¹³ См.: Архив Војно-историјског института. Кутија 69. Бр. 15.

корпуса и множества публики. Пресса хвалила достоинства фотографий, запечатлевших усилия сербского народа выжить. А белградская пресса сообщила любопытный штрих: на острове Корфу С. Чернов крестился в православную веру, был наречен Александром. Сам военный министр Б. Терзич был его восприемником¹⁴.

Это все, что известно о деятельности на Балканах Самсона Чернова — живописца, фотографа, кинооператора, объективно извещавшего мир о Сербии в ее судьбоносные дни, оставившего видный след в истории югославской кинематографии и фотографии. Дальнейшая его судьба была такова: женитьба на американке, жизнь в достатке в США, затем в фешенебельном Биаррице и разорение. Недавно Архив Сербии (Белград) выпустил роскошно оформленный альбом фотографий С. Чернова, снятых им в годы Балканских войн¹⁵.

Учитывая проявленный интерес и сочувствие российской общественности к свободолюбивым сербам и черногорцам на Балканах, интересно отметить, что в те военные годы киностудия известного российского кинопромышленника Д.И. Харитонова выпустила среднеметражный игровой фильм «Балканская царица» (1912), снятый по мотивам драмы черногорского короля Николы Петровича.

Военные действия на Балканах 1913 г. снимал на кинокамеру также серб Йован М. Милинкович, будучи корреспондентом российской газеты «Землица». Его хроникальный фильм «Вторая балканская война» (1913) до сих пор считается единственной русской лентой, снятой об этой войне¹⁶.

Среди иностранных немых игровых фильмов на тему Первой мировой войны в России был снят военно-патриотический фильм «Под пулями немецких варваров» (1914). Автор сценария и режиссер ленты Владимир Ростиславович Гардин (1877–1965) впоследствии стал одним из основателей и первым директором ВГИКа¹⁷. Действие в фильме происходит в Сербии в начале войны. В нем снимались артисты А. Морозов и Людмила В. Сычева¹⁸.

4

С окончанием Первой мировой войны и образованием Королевства сербов, хорватов и словенцев (1 декабря 1918 г.) наступает новый этап в истории югославской кинематографии. Тут уже встречаются русские имена, и историки отмечают их заслуги. По всей вероятности, это были первые беженцы с юга России периода Гражданской войны. В Белграде хранится четырехминутный фрагмент высококачественного документального фильма «Белград 1919». Операторами зафиксি-

¹⁴ См.: Српски гласник (Београд). 1916. 15. јули; *Slijepčević B. Kinematografija...* S. 174–181.

¹⁵ Балкански ратови: фото-запис Самсона Чернова / приредили М. Перешић, М. Милићевић, Б. Богдановић. Београд, 2010.

¹⁶ См.: *Slijepčević B. Kinematografija...* S. 128.

¹⁷ См.: Вишневский В. Художественные фильмы дореволюционной России. М., 1945.

¹⁸ См.: Kosanović D. Leksikon pionira filma i filmskih stvaralača na tlu jugoslovenskih zemalja 1896–1945. Beograd, 2000. S. 151, 196.

рованы Д.В. Иванов и В. Матусевич¹⁹ (последний, вероятно, был и режиссером-постановщиком²⁰).

Белградская «Русская газета» в мае 1920 г. опубликовала объявление: «Первая русско-сербская фабрика кинематографических картин ищет помещение (Василий Иванов)»²¹.

В местной газете Нови-Сада встречаем две заметки:

«Три дня, с 16 по 18 июля 1920 г., в кинозалах “Аполлон” и “Елизавета” будет показана интересная кинокартина “Жизнь в России под большевиками”. Весь доход от спектаклей пойдет на помошь раненым российским беженцам»²².

«Комитет помощи русским под предводительством графини Софии Николаевны Толстой в четверг и пятницу (21 и 22 апреля 1921 г.) в кинотеатре “Елизавета” устраивает показ фильма “Отец Сергий” по Л.Н. Толстому»²³. (Картина в постановке Я. Протазанова, 1918 г.)

Несколько русских беженцев-эмигрантов в 1920-х гг. стали владельцами передвижных кинематографов (Дмитрий Макаренко в г. Србобран²⁴, Кузьма Яковлевич Стрельцов — в Сараеве²⁵, полковник Шухов — в Сплите²⁶). На вечерних (более дорогих) сеансах немого кино многие русские подрабатывали игрой на фортепиано (Пелагея Александровна Лазарева в кино «Ориент», г. Велики-Бечкерек²⁷), на скрипке (Александр Тихонович Герасимов в кинотеатрах Загреба). Материально плохо обеспеченные, русские студенты Люблянского университета создали хор, который в антрактах во время показа немых фильмов с русской тематикой исполнял русские песни²⁸. В частном кинематографе «Гранд» в г. Смедерево фильмы демонстрировал Николай Кочкиногов, а в кинематографе «Томаси» г. Вараждин — Мельхиор Мержанов²⁹. Полковник Владимир Аркадьевич Ляшенко (1859, Харьков — 11 апреля 1931, Панчево) основал предприятие по импорту фильмов для их проката по всей стране³⁰. Его сын, Владимир Владимирович Ляшенко (3 мая 1906 — ?), с

¹⁹ В других источниках — W. Matusevitsch. Можно предположить, что это Василий Александрович Матусевич (1863, Севастополь — 20 февраля 1923, Загреб), генерал-майор по Адмиралтейству. В Первую мировую служил на Балтийском флоте, в Гражданскую войну — на Черноморском.

²⁰ См.: *Kosanović D. Leksikon pionira...* S. 94, 141.

²¹ Русская газета (Белград). 1920. 9 мая. № 3. Предполагаем, объявление дал Василий Андреевич Иванов (1894, Станица Михайловская — 21 мая 1928, Панчево), о котором известно, что он был есаул, что он был холост и что он скончался от саркомы.

²² Застава (Нови Сад). 1920. 16. јули.

²³ Там же. 1921. 21. април.

²⁴ См.: Правда (Београд). 1934. 25. фебруар.

²⁵ См.: Арсенев А.Б. Русская эмиграция в Боснии и Герцеговине (1919–1990-е гг.) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. М., 2011. С. 142.

²⁶ См.: Kudrjavcev A. Ča je pusta Londra. Split, 1998. S. 139.

²⁷ См.: Павлов Б.Л. Русская колония в Великом Бечкереке (Петровграде — Зренянине). Зренянин, 1994. С. 47.

²⁸ Павлов Б. Ушедшая Любляна // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1975. 17 авг.

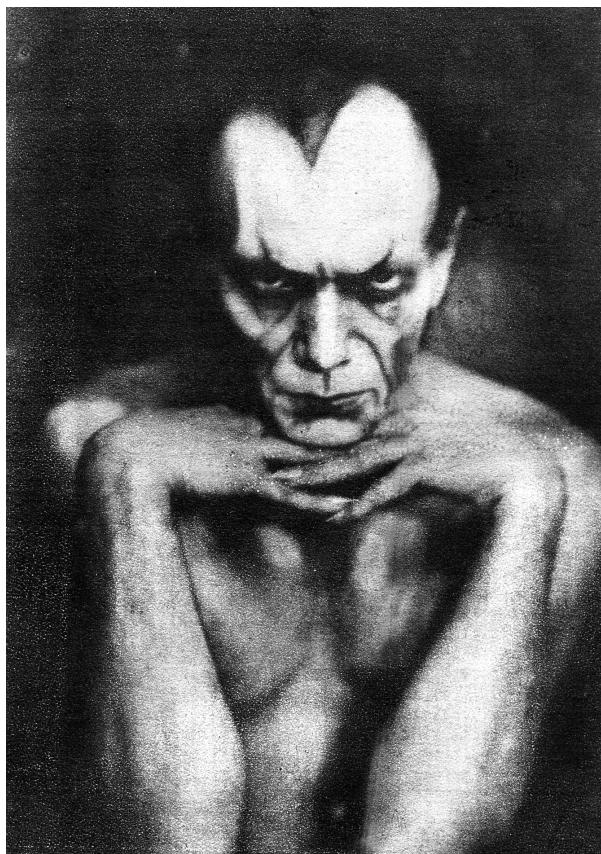
²⁹ См.: Filmski godišnjak 1936. Beograd, 1936. S. 52, 69.

³⁰ Сообщение библиотекаря Несибы Палибрк-Сукич (Панчево) автору.

1928 г. «пропагандировал русские национальные идеи путем постановки в различных городах русских патриотических фильмов, сопровождая их пояснениями на сербском языке»³¹.

К концу 1930-х гг. в Белграде проживало более 6 тыс. русских. Помимо многих русских столовых, ресторанов, библиотек и газет, существовал и русский кинематограф «Дрина» (по улице Князя Павла, д. 70)³².

Вскоре после объединения в Королевство СХС в Загребе было создано Предприятие по производству кинокартин «Югославия» (Tvornica filmova Jugoslavija; 1919). На нем было снято и выпущено в прокатную сеть несколько фильмов. С разрешения Министерства просвещения в начале 1922 г. Акционерное общество «Югославия-фильм» (Jugoslavija-film D.D.) в Загребе открыло Школу кинематографической игры (Škola za kinematografsku glumu), которая просуществовала всего один учебный год. В нее записалось 25 слушателей и были приняты три преподавателя, все ранее проживавшие в России: Александр Александрович Верещагин (преподавал искусство драматической игры), Анатолий Юрьевич Базаров (техника мимики) и Арманд Грохман (практика интерпретации). У этих россиян уже был опыт работы в немом кино. О д-ре А. Грохмане известно лишь то, что он был эмигрантом из России, актером, игравшим как в ряде русских кинокартин, так, видимо, и в немецких (в Берлине). Обучение в загребской школе велось по принципу «кинодекламации» — художественного чтения перед камерой. Историки кино отмечают, что это была первая киношкола в Югославии³³.

А.А. Верещагин в роли Мефистофеля в трагедии «Фауст» И.В. Гете. Сербия. 1924. Фото из журнала «Comœdia» (Белград). 1925. № 25. 15 февраля. С. 7

³¹ Русская эмиграция 1920–1930 гг.: Альманах. Вып. I. Белград, 1931. С. 41.

³² См.: Русский голос (Белград). 1939. 9 дек. № 453.

³³ См.: Lazić R. Traktat o filmskoj režiji: u traganju za estetikom režije od Aleksandra Petrovića do Emira Kusturice. Beograd, 1989. S. 204.

Силами единственного выпуска школы А. Верещагин (сценарий и режиссура) и Йосип Хала (оператор) создали игровой фильм «Страсть к приключениям» («Strast za pustolovinama», 1922). Съемки продолжались всего один месяц³⁴. Помимо будущей выдающейся актрисы хорватского театра Божены Кралевой (Kraljeva; этот фильм был единственным с ее участием), в главных ролях снимались сам А. Верещагин и его супруга Александра Лескова (ученица школы). Пресса отмечала, что фильм имеет пролог и четыре действия, каждое из которых «символизирует одну из картин природы»³⁵. Историки кино этому фильму уделяют видное место в киноискусстве Югославии. Картина имела успех у публики, а критика отмечала, что тому способствовал местный колорит. А. Верещагин намеревался создать еще один игровой фильм на балканскую тему, по мотивам народной баллады XVII в. «Хасанагиница». Однако под давлением иностранной конкуренции и в результате пренебрежения государства делом защиты отечественного кино-производства предприятие «Югославия-фильм» уже в 1923 г. обанкротилось. Закрылась и киношкола. Русским пришлось искать новую работу.

Александр Александрович Верещагин (25 февраля 1885, Москва — 1965, США) был выпускником кадетского корпуса. Одновременно учился в Николаевской инженерной академии и в Драматическом училище Ю. Озаровского в Петербурге (окончил его в 1906 г.). Его актерский дебют состоялся в Драматическом театре В.Ф. Комиссаржевской при Вс. Мейерхольде. Затем следуют: игра в Интимном театре «Лоло» (Москва), дружба с А. Таировым, актерский антракмент в киевском театре «Бергоне» (1908). В 1909–1910 гг. А. Верещагин странствует по Турции, Египту, Судану, Афганистану, Индии, Греции, Австрии, Германии, Италии, Испании и на год обосновывается в Париже. Работает на киностудии «Люкс». Фотогеничный, с выразительной мимикой и пластикой, он исполняет главные роли во французских фильмах «Смерть солдата», «Храм Богородицы», «Дочь железнодорожного надзирателя», играет в ряде парижских театров.

В 1911 г. А.А. Верещагин возвращается в Россию, поступает в театр «Крикое зеркало» и «Старинный театр» Н. Евреинова. В декабре 1911 г. он в студии А. Дранкова ставит кинодекламацию «Горе доверчивому» (актерами выступили сам А. Верещагин и О. Глебова) и «Дивертисмент на полотне», а в российском ателье братьев Пате — сценки: «На бис», «Проводы праздника», «Смерть солдата или Письмо умирающего солдата», «Кочубей в тюрьме», играет в кинодекламации «Жизнь бурлака, или Скора»; в январе 1912 г. у А. Дранкова — в кинокартине «Водевиль-шарж».

В военные годы Александр Александрович одно время воюет, затем работает в театрах Риги, Петрограда, Либавы, Ревеля. В революционные годы отправляется на Кавказ (в 1918 г. он директор Русского театра в Батуми). С юга России переправляется в Константинополь, затем в Софию, Афины, Салоники, а в конце 1919 г. прибывает в Королевство СХС. В сезоне 1919/20 г. А.А. Верещагин — режиссер

---

³⁴ См.: *Kirigin J. Film u svijetu i kod nas*. Zagreb, 1950. S. 38.

³⁵ Застава. 1922. 1. сентябрь.

белградского Королевского национального театра, в сезоне 1920/21 г. — театра в Скопье, в 1921/22 г. — театра в Сараеве. Вскоре ставит спектакли в Хорватском национальном театре в Загребе. После Загреба вплоть до 1944 г. он режиссирует почти во всех театрах Югославии (Скопье, Сараево, Сплит, Белград, Нови-Сад, Осиек, Петровград, Цетинье, Баня-Лука, Панчево). Перед окончанием войны переезжает к сыну в США³⁶.

Его жена, Александра Лескова-Верещагина (13 октября 1891, Москва — 13 февраля 1933, Бела-Црква), актерскую карьеру начала и осуществила на сценах юга России, где завоевала репутацию талантливой актрисы с богатым и разнообразным репертуаром. Оказавшись с мужем в Королевстве СХС, в 1919—1921 гг. она была режиссером и актрисой Национального театра в Скопье, в 1921—1923 гг. — в только что основанном Национальном театре в Сараеве. Сопровождая непоседливого мужа или одна, часто обуреваемая заботами и личными кризисами, ставила спектакли (редко в них играя) в Скопье (1923/24), Нови-Саде (1924/25), снова в Скопье (1925—1928), Осиеке, в Сараеве (1928/29), Сплите (1931/32), Нови-Саде (1932/33). Проблемы с освоением языка на местных сценах, семейные неурядицы, неблагосклонный прием у публики и критики, потеря работы породили в ней нервную депрессию и привели к самоубийству³⁷.

Следует упомянуть Дмитрия Сергеевича Грудзинского (? — 29 января 1962, Лейквуд, шт. Нью-Джерси, США), бывшего сотника Уссурийского казачьего войска. Оказавшись в Загребе, он исполнил главную роль в неоконченном немом фильме кинорежиссера Йосипа-Джуки Беркеша «Рожица» («Rožica», 1924) и сыграл в фильме этого режиссера «Их двое» («Njih dvoje», 1927). Оба фильма снимались фирмой «Стелла-фильм» («Stellafilm», Загреб)³⁸.

Попытки русских проявить себя в киноискусстве на просторах Королевства сербов, хорватов и словенцев связаны с важным событием в жизни русской эмиграции — открытием в 1925 г. представительства эсеровского Земгора, эмигрантской организации республиканской направленности, базировавшейся в Праге. Канцелярия бесплатно давала советы и юридические справки по эмигрантским делам, оказывала бесплатную медицинскую помощь, открыла мастерские, библиотеку с читальным залом, бюро труда и вечерние курсы для приобретения профессии, основала Институт изучения России и Югославии, Русскую студию искусств с секциями: литературной, музыкально-вокальной, драматической, а также с киностудией и шахматным кружком. Земгор на сербском языке издавал толстый журнал «Русский архив» («Руски архив»; 42 выпуска, 1928—1937 гг.). Подавляющее большинство членов студии составляла русская студенческая молодежь. Их силами в 1927 г. в Белграде был подготовлен и издан общественно-литературный сборник «Ступени» (с разделами: проза, стихи, публицистика и критика).

³⁶ См.: Чоб. У. Велики глумац и редитељ Александар Верешчагин прича нам о себи // Дан (Нови Сад). 1938. 8. фебруар; Lešić J. Istorija jugoslovenske moderne režije (1861—1941). Novi Sad, 1986. S. 433—434; Novaković R. Istorija filma. Beograd, 1962. S. 292.

³⁷ См.: Lešić J. Istorija jugoslovenske... S. 351.

³⁸ См.: Kosanović D. Leksikon pionira... S. 84.

По заказу Загребского пенсионного фонда киносекция студии Земгора сняла короткий игровой фильм «Из-за лотерейного билета» («Zbog srećke», 1927) в постановке Михаила Николаевича Каракаша³⁹. В драматической и кинематографической секциях велись подготовки к съемкам игровой ленты по сценарию молодого белградского прозаика Владимира Вольда, — кинодрамы из американской жизни⁴⁰. Костюмы были выполнены по эскизам Анания Алексеевича Вербицкого (1895, Лебедин, Харьковская губ. — 1974, Херцег-Нови), выдающегося художника Национального театра в Белграде. По материальным причинам этот замысел не был реализован.

В различных (и неожиданных) источниках, как и в трудах об истории кино в Югославии межвоенного времени, мелькают русские имена.

Кинооператором частной белградской компании «Новакович фильм» был Александр Николаевич Васильев (1899—?)⁴¹. В Белграде он снимал выпуски хроники «Новакович-журнала», несколько документальных и один короткометражный игровой фильм «Король чарльстона» («Краљ чарлстона», 1927) в постановке Кости Новаковича⁴². В картине снимались и русские — Татьяна Николаевна фон Энден и Нина Рахманова⁴³. Еще в России А.Н. Васильев сконструировал некий вариант звукозаписывающей кинокамеры и в Белграде пользовался своим изобретением. Позднее им был снят документальный фильм «Празднование 550-летия Косовской битвы» («Прослава 550-годишњице Косовске битке», 1939)⁴⁴.

Актер Сергей Яненко⁴⁵ в России играл эпизодические роли в немом кино. Оказавшись эмигрантом в Белграде, остался пламенным синефилом и стал одним из основателей Югославского киноклуба (Югословенски фильм клуб, 1930). Как актер-любитель играл в немых игровых фильмах белградской компании «Адрия Националь» («Адрија Национал») — «Сквозь бурю и огонь» («Кроз буру и огань», 1930) и «У врат Востока» («На капији Оријента», 1932)⁴⁶.

Анатолий Маношевский (1901, Екатеринодар — 18 марта 1983, Риека, Хорватия) — оперный певец (тенор), выпускник Музыкальной академии в Загребе (1926), солист Загребской оперы, снимался в кинокартине Станислава Новориты «Отечественное звуковое кино» («Domaći ton film», 1930). В ней он исполнил русскую песню, аккомпанируя себе на гитаре. Этот фильм являлся демонстрацией

³⁹ См.: Volk P. Dvadeseti vek srpskog filma. Beograd, 2001. S. 536; Kosanović D. Leksikon pionira... S. 107.

⁴⁰ См.: Моменат из кино-студије групе руске уметности у Београду // Недељне илустрације (Београд). 1928. Бр. 52. С. 8.

⁴¹ Иногда в литературе упоминается под фамилией «Васильевић».

⁴² Из биографии А.Н. Васильева известно лишь то, что он на 34-м году жизни, 30 апреля 1933 г. в г. Панчево женился на Марии Евтихиевне Бараковской, урожд. Дедковой. Шафером был Коста Новакович (См.: Палибрк-Сукић Н. Руске избеглице у Панчеву 1919–1941. Панчево, 2005. С. 215).

⁴³ См.: Kosanović D. Leksikon pionira... S. 185.

⁴⁴ См.: Volk P. Dvadeseti vek... S. 623.

⁴⁵ Предполагаем, что это Сергей Георгиевич Яненко (? — не позднее 7 марта 1957, США) — сын статского советника Георгия Порфириевича Яненко (ок. 1876 — 1936, Белград).

⁴⁶ См.: Kosanović D. Leksikon pionira... S. 99; Novaković R. Istorija filma... S. 296.

собственного изобретения С. Новориты — системы синхронизации киноленты и записи звука на граммофонную пластинку. Впоследствии А. Маношевский стал видным оперным солистом в Загребе и Риеке (где в 1953 г. отметил свой 25-летний юбилей сценической деятельности)⁴⁷.

В игровом фильме «А жизнь течет дальше» (*«I život teče dalje»*, 1933) о рыбной ловле у берегов Далмации с соответствующей драматической завязкой, снятом совместно «Югославским образовательным фильмом» (*«Jugoslavenski prosvetni film»*) и «Стар-фильмом» (*«Starfilm»*) из Праги, известной русской артистке театра и кино Верой Всеходовне Барановской (1885, Санкт-Петербург — 5 декабря 1935, Париж) была дана одна из главных ролей⁴⁸.

5

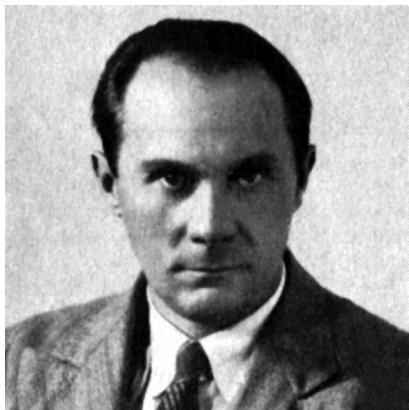
Вторым после «Югославия фильма» предприятием по производству фильмов в Загребе стал Гигиенический институт (*Higijenski zavod*, основан в 1926 г.), в составе которого возникла Школа народного здравоохранения (*Škola narodnog zdravlja*). В те годы эта школа была одной из десяти подобных учреждений в мире с задачей ускорить социально-оздоровительное развитие страны посредством проведения широкомасштабных мероприятий по превентивной медицине и гигиене. На значительные средства, полученные от Фонда им. Рокфеллера, было построено здание, оснащенное современной аудиовизуальной аппаратурой, лабораторией и кинотехникой. Директором школы стал энергичный доктор социальной медицины Андрия Штампар (*Štampar*), член Гигиенического отделения при Лиге Наций. Деятельность фотокинолаборатории началась с изготовления диапозитивов, приобретения фильмов, их перевода и показа с помощью переносных проекторов с аккумуляторами. Демонстрируя фильмы в самых отдаленных населенных пунктах страны, школа впервые знакомила деревенских жителей с кинематографом. Благодаря своей оснащенности и трудолюбию опытных сотрудников школа вскоре стала выпускать собственную кинопродукцию, усовершенствовала выразительные особенности кино и имеющуюся в наличии кинотехнику. Тут были отсняты первые фильмы в технике теней, первые анимационные фильмы, начато производство коротких и среднеметражных игровых фильмов — сначала при участии артистов театра, позднее — с актерами-любителями. Однако самый значительный вклад в развитие югославского кино Школа народного здравоохранения внесла в области документального кино, преимущественно этнографического, и фильмов-путешествий.

С 1930 г. полных тридцать лет главным кинооператором и автором фильмов при этой школе был инженер-электрик Александр Тихонович Герасимов (15 ноября 1894, Славянск — 24 февраля 1977, Загреб), выпускник Политехнического института им. Петра Великого в Петербурге (1918). Одно время он работал

---

⁴⁷ См.: *Kosanović D. Leksikon pionira...* S. 136.

⁴⁸ См.: *Novaković R. Istorija filma...* S. 293; *Volk P. Dvadeseti vek...* S. 293–294.

А.Т. Герасимов. Загреб. 1930-е гг.

Югославский киноархив
(Архив Југословенске кинотеке;
Белград)

в Севастополе, откуда выехал с беженцами в Болгарию. В 1919 г. некий вор, ограбив А.Т. Герасимова в ночном поезде Белград — Загреб, сыграл, возможно, решающую роль в судьбе молодого человека, направлявшегося в Германию: в Загребе пришлось сойти с поезда. Жизнь эмигранта из России с дипломом инженера и скрипкой в руках протекала по следующей программе: с 9 до 13 часов — репетиции в составе театрального оркестра; с 16 до 19 часов — игра на скрипке, последовательно в кинозалах «Метрополь», «Аполлон» и «Унион»; с 19.30 до 23 часов — игра на скрипке в оперном спектакле; с 23 до 2 часов ночи — игра в оркестре вочных клубах.

Помимо игры на скрипке Герасимову хватало времени заниматься кино на любительском уровне. По объявлению удалось приобрести

сти поддержанную кинокамеру «Messter» 1896 г. и отремонтировать ее, а лабораторию сымпровизировать в ванной комнате. Чистую пленку Герасимов приобретал в виде обрезков и отбросов. В сотрудничестве с фирмой «Стелла-фильм» он снимал живописные виды на натуре: Загребскую хозяйственную ярмарку, зоологический сад, даже танцовщицу среди толпы группу гастролирующих артистов МХТ. Для этой кинокомпании Герасимов снял документальные фильмы «Загреб и его достопримечательности» («Zagreb i njegove znamenitosti», 1927), «Цветочная променада в Максимири» («Cvjetni korzo u Maksimiru», 1928), «Степан Радич в жизни и смерти» («Stjepan Radić u životu i smrti», 1928). Отснятый материал он отдавал на обработку в фотокинолабораторию Школы народного здравоохранения. Там его заметили и пригласили на постоянную работу. После десяти лет зарабатывания игрой на скрипке Герасимов наконец серьезно занимается любимым делом, ставшим его профессией⁴⁹. Помимо занятий искусством кино, Александр Тихонович занимался и художественной фотографией. За серию фотографий деревенской архитектуры ему был присужден приз на Всемирной выставке в Париже в 1937 г.⁵⁰

Вторым (из трех) кинооператором при киносекции школы работал русский эмигрант, по профессии юрист, А.Ю. Базаров. Вместе с А.Т. Герасимовым он снял игровой немой фильм «Грешницы» («Grešnice», 1930, 2728 м) при участии профессиональных актеров, балерин и актеров-любителей — драму из деревенской жизни в северной Хорватии (Славонии). Главные персонажи: молодая вдова, девушка и сводня. Девушку играла русская эмигрантка Елена Владимировна Лукателла-Маньковская⁵¹ (урожд. Измельцева; 8 июня 1903, Казань — 1985, Будапешт),

⁴⁹ См.: Škrabalo I. 101 godina filma u Hrvatskoj 1896–1997. Zagreb, 1998. S. 83–84.

⁵⁰ См.: Hrvatska opća enciklopedija. Zagreb, 2002. Svezak 4. S. 169.

⁵¹ Первый муж — Любомир Лукателла, второй — Николай Викторович Маньковский.

Съемки фильма «Грешницы» с участием А.Ю. Базарова-Брюховецкого, А.Т. Герасимова и Е.В. Лукателла-Маньковской. Загреб. 1930. Фото из книги: Majcen V. Obrazovni film. Zagreb, 2001. S. 107

окончившая загребскую Актерскую школу (1923); в 1924–1929 гг. театральная актриса в Белграде, Сараеве, Осиеке, Загребе (1929–1936), затем в Цетинье, Осиеке, Вараждине (с 1947). В фильме снимались и молодые русские балерины, ученицы загребской Балетной школы Маргариты Петровны Фроман.

В отличие от предыдущих фильмов, снятых в Школе народного здравоохранения, камера в игровом фильме «Грешницы» отличалась подвижностью, кадры были осмыслены и тщательно смонтированы. Вопреки своей назидательно-воспитательной цели, эта картина заняла видное место в фильмографии хорватского игрового кино, поскольку была создана на высокопрофессиональном уровне.

Важной вехой в развитии нового вида искусства в Королевстве Югославия было и принятие Закона о кинематографии (Закон о фильму, 1931). Эти новшества повлияли на кинопродукцию Школы народного здравоохранения в Загребе. После не совсем удавшихся опытов с «теневым», анимационным и игровым кино Школа ориентировалась на производство документально-образовательных фильмов, рассчитывая на доходы от их проката в кинозалах. Ведущими специалистами оказались (как операторы, монтажеры, лаборанты) А.Т. Герасимов и А.Ю. Базаров. Помимо картины «Грешницы» они вместе сняли фильмы «Два брата» (*«Dva brata»*, 1931), «Эндемичный сифилис» (*«Endemični sifilis»*, 1933), «Голубацкая мушка» (*«Golubačka mušica»*, 1934) и еще 16 фильмов. До своего перехода

на постоянную работу в «Заря-фильм» («Zora-film», Загреб) Базаров больше трудился в лаборатории. Герасимов оставался главным кинооператором киносекции школы, в которой он один снял более сотни фильмов, т. е. более половины всей продукции этого заведения. Одновременно он заботился о приобретении новой киноаппаратуры, об оснащении кинофотолаборатории. Свои профессиональные инженерные знания Александр Тихонович использовал для усовершенствования техники съемки. Годами он трудился над переделкой незвуковой кинокамеры в звуковую⁵². Именно этой камерой были сняты первые звуковые фильмы Школы народного здравоохранения — «Плитвицкие озера» («Plitvička jezera», 1932), «Полети, сивый сокол» («Poleti, sivi sokole», 1932), «Пляски и песни острова Крк» («Pjesme i plesovi otoka Krka», 1936). В ряде документальных фильмов Герасимов был и режиссером — «Туберкулез костей и суставов» («Tuberkuloza kostiju i zglobova», 1931), «Кралевица» («Kraljevica», 1931), «Дубровник» («Dubrovnik», 1939). С его уходом на пенсию в 1961 г. производство фильмов при школе прекратилось. Его работу как кинооператора высокой визуальной культуры, чуткого к композиции и смене планов, включавшего детали и необычные формы и структуры из природы, — оценили историки югославского кино, отмечавшие многие визуальные достоинства кадров. Герасимов находил красоту в пейзажах и события представлял без специальных подготовок. Своей богатой многолетней деятельностью создатель документальных, образовательных, этнографических и фильмов о природных красотах и достопримечательностях страны — «Велебит» («Velebit», 1932); «Наше приморье» («Naše primorje: Hrvatsko primorje», 1932); «Плитвицкие озера» («Plitvička jezera», 1932); «Наше Косово» («Kroz naše Kosovo», 1933); «Хорватское Загорье» («Hrvatsko zagorje», 1934); «Рисовые поля в Македонии» («Rižina polja u Makedoniji», 1937); «Крк, наш самый большой и самый многолюдный остров Адриатического моря» («Krk, najveći i najnapušćeniji otok Jadranskog mora», 1938) — А.Т. Герасимов стал в ряды выдающихся хорватских кинодокументалистов⁵³. Его документальный фильм «Один день в туропольской задруге» («Jedan dan u turopoljskoj zadruzi», 1933), отличающийся драматургической целостностью, ненавязчивым повествованием и поэтической экспрессией, принято считать высшим достижением хорватского документального кино. В 1960 г. этот фильм был показан на Втором международном фестивале этнографического и социального кино во Флоренции и затмил все фильмы, снятые современной техникой, — ему был присужден гран-при.

Во время Второй мировой войны школа продолжала выпускать фильмы. Александр Тихонович снял восемь фильмов, а после войны — семнадцать. Помимо работы оператором, в пятнадцати фильмах он был также сценаристом и режиссером. Белградский историк югославского кино записал об А.Т. Герасимо-

⁵² Звукозаписывающей кинокамерой Герасимова пользовалась и киностудия «Заря-фильм». Сегодня эта камера хранится в коллекции музеиной кинотехники при Хорватской кинотеке (Hrvatska kinoteka, Zagreb).

⁵³ Исчерпывающие фильмографии А.Т. Герасимова и А.Ю. Базарова см.: Majcen V. Filmska djelatnost Škole narodnog zdravlja „Andrija Štampar“ (1926–1960). Zagreb, 1995. S. 103–141; Idem. Obrazovni film: Pregled povijesti hrvatskog obrazovnog filma. Zagreb, 2001. S. 254–322.

ве: «Высокий профессионализм, настойчивость и преданность жанру сделали его одним из самых плодовитых и самых выдающихся создателей документального кино межвоенного периода»⁵⁴.

Сотрудниками киносекции школы были выходцы из России А.Ю. Базаров и Н.И. Баранов.

Анатолий Юрьевич Базаров (Базаров-Брюховецкий; 19 апреля 1881, Одесса — 19 марта 1936, Загреб), юрист, кинооператор, кинорежиссер и педагог. Работал преподавателем в Киношколе в Киеве. Эмигрировал в Королевство СХС и первый год в Белграде подрабатывал игрой в ресторанах. С 15 марта 1922 г. в Загребе — управляющий на киностудии «Югославия-фильм» (*Jugoslavija-film*) и преподаватель в Школе кинематографической игры (1922/23). С 1930 г. работал в Школе народного здравоохранения, в которой один или в сотрудничестве с А.Т. Герасимовым снял восемнадцать документальных и короткометражных игровых фильмов. Один из основателей киностудии «Заря-фильм» (1935 г.) и руководитель ее кинолаборатории⁵⁵.

Николай Ильич Баранов (6 апреля 1887, Орел — 15 августа 1981, Лондон), энтомолог. окончил физико-математический факультет Московского университета и двухгодичные энтомологические курсы. С 1921 г. ассистент сельскохозяйственной опытной станции под Белградом, до 1927 г. сотрудник Гигиенического института в Скопье, с 1928 по 1944 г. сотрудник Школы народного здравоохранения в Загребе и постоянный научный сотрудник Института паразитологии ветеринарного факультета Загребского университета. По его сценариям были сняты киножурнал «По всему нашему отечеству» (*Širom naše domovine*, 1931) и фильм «Голубацкая мушка» (*Golubačka mušica*, 1934). Открыл свыше 200 типов двукрылых в Европе, Азии, Африке и Австралии⁵⁶.

6

В 1930 г. при Центральном пресс-бюро в стране были созданы Государственный киноцентр (Државна филмска централа) и предприятие «Югославский образовательный фильм» (Југословенски просветни филм, 1931) с центром в Белграде и филиалом в Загребе⁵⁷. В его создании принимал участие граф Илья Ильич Толстой (16 декабря 1897, Гринево, Тульская губ. — 7 апреля 1970, Москва), внук Л.Н. Толстого, морской офицер, общественный деятель в Белграде, в будущем — кандидат педагогических наук, доцент Московского университета, автор первого в СССР сербскохорватско-русского словаря (1957). Илья Ильич играл видную роль в деятельности «Югославского образовательного фильма», «вместе с журна-

---

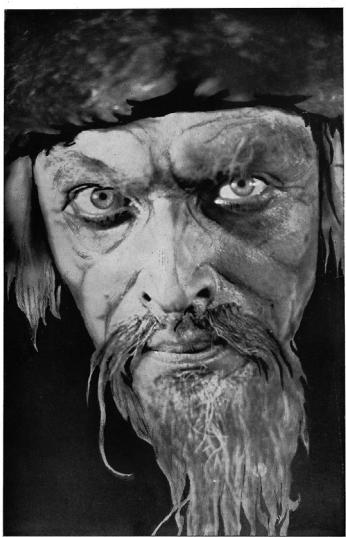
⁵⁴ Volk P. Svedočenje: Hronika jugoslovenskog filma 1896–1946. Prvi deo. Beograd, 1973. S. 73.

⁵⁵ См.: Hrvatska opća enciklopedija. Zagreb, 1999. Svezak 1. S. 671; Kosanović D. Leksikon pionira... S. 25.

⁵⁶ См.: Пушкидия-Рыбкина Т. Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба. С. 141.

⁵⁷ См.: Volk P. Dvadeseti vek... S. 284.

САЛА МАНЂЕЖ
20 новембра у вече

Иван Прознић — Черепов.

СМРТ ИВАНА ГРОЗНОГ
Историјска трагедија

А.Ф. Черепов в роли Иоанна Грозного
в трагедии А.К. Толстого «Смерть Иоанна
Грозного». Белград. 1929. Афиши.
Собрание А.Б. Арсеньева (Нови-Сад)

по ул. Якшичева, д. 9. Сохранился проспект-приглашение поступления в эту школу⁶⁰. В переводе с сербского текст проспекта гласит:

Киношкола, Белград, ул. Якшичева 9 (под кинотеатром «Корзо»).

Вам, любителям кино, Вам, любителям нового мирового искусства, Вам, кто думает о кинокарьере, наша школа предоставляет широкие возможности для испытания своих сил.

⁵⁸ В оригинале опечатка. Имеется в виду Александр Викторович Ланин (1906, Нижний Новгород — 1945, расстрелян югославскими партизанами), общественный деятель русской эмиграции в Белграде: председатель Союза русской национальной молодежи, журналист, член Русского народного ополчения, германофил.

⁵⁹ Белоемиграција у Југославији 1918—1941. Т. I / приредили др Т. Миленковић, др М. Павловић. Београд, 2006. С. 304—305.

⁶⁰ Хранится в Музее театрального искусства Сербии (Музеј позоришне уметности Србије, Београд). Фонд А. Черепова.

листом И. Ланиным⁵⁸ разъезжал по провинции и устраивал показы документальных и пропагандистских фильмов»⁵⁹.

Законодательные ограничения, обширный импорт мировой продукции и отсутствие финансовых стимулов сделали судьбу игрового кино белградских синеастов в начале 1930-х гг. весьма незавидной. Редкие попытки энтузиастов оставались нереализованными. И все же интерес к съемкам игровых фильмов проявлялся среди кинолюбителей. Между ними выделялся деятельный Александр Филиппович Черепов, активист «Югославского киноклуба» (основан в 1930 г.). Главная цель белградского клуба заключалась в том, чтобы сосредоточить усилия на создании отечественного, национального кино. В октябре 1930 г. А.Ф. Черепову удалось создать и возглавить в Белграде Киношколу (Фильмска школа). На первом этапе своего короткого существования она помещалась в арендованном ателье (ул. Милоша Великого, д. 6), но вскоре переехала в помещения

Киношкола А.Ф. Черепова. Проспект. Белград. 1930. Музей театрального искусства Сербии (Музей позоришне уметности Србије; Белград). Фонд А.Ф. Черепова

Киношкола для Вас открыта! Она приглашает всех заинтересованных людей в свои новые, особо оборудованные помещения, где читаются лекции, проводятся репетиции и киносъемки.

Проверка ваших способностей к кино и пробные съемки проводятся бесплатно.

Те, кто при испытаниях продемонстрируют способности к кино — будут приняты.

Что требуется при вступлении в школу? Лишь одно условие — **способность к кино.**

Цель школы: Создать кадры национальных киноактеров, которые посвятят себя национальному кино в своей стране. По окончании учебного курса каждому выпускнику будут вручены диплом и 50 м кинопленки, на которую он будет заснят.

Курс школы продолжается один год.

Вечерние занятия с 7.30 до 9.30 ч. Дневные — с 3 до 5 ч.

Лекции и репетиции проводятся всеми вместе или в группах.

Запись в школу — ежедневно в канцелярии с 11 до 3 ч. и с 5 до 8 ч.⁶¹

⁶¹ Черепов А. Могућност нашег националног филма. О циљевима и намерама директора нове Кино-школе у Београду, г. Александра Черепова, б. редитеља „Совкино“ и „Межрабом“ // Илустровани лист (Београд). 1929. 28. јули. Бр. 30. С. 19.

Примерно такая же информация содержалась и в статье «Возможность нашего национального кино (о целях и намерениях директора новой Киношколы в Белграде, г-на Александра Черепова, бывш. режиссера “Совкино” и “Межрабпомфильма”»), опубликованной в сербском журнале. Городское управление Белграда 5 января 1932 г. выдало А. Черепову разрешение проводить киносъемки в своем ателье, а за этим разрешением последовало и второе: допускались съемки экстерьеров в Белградской крепости и на городских улицах⁶².

С учениками школы и с Михаилом Каракашем (при «Югославском образовательном фильме») Александру Филипповичу удалось создать немую кинокомедию «Неловкий Букки на пляже» («Неспретни Буки на плажи», 1932). Операторами являлись Йосип Новак и русский эмигрант Александр Величко⁶³, а в главной женской роли выступила тоже русская, Ольга Соловьевна. Второй лентой А. Черепова стала комедия-бурлеск «Приключения доктора Гагича» («Авантуре доктора Гагића», 1933), тоже при участии Ольги Соловьевной. Третья комедия «Неловкий Букки на аэродроме» («Неспретни Буки на аеродрому») осталась незавершенной по материальным причинам.

Историки югославского кино о втором фильме А. Черепова писали: «Любительские неловкости, психологические эффекты и частое включение остроумных выходок — содействовали тому, что эта комедия, вопреки своей dilettantской простоте, оказалась смешной и вышла на киноэкраны»⁶⁴.

Приводим краткие биографии создателей этих комедий.

Александр Филиппович Черепов (22 августа/5 сентября 1893, Чавли, Ковенская губ., ныне Литва — 1946, Германия), актер, режиссер, педагог. Театральное образование получил в Москве. Играл во многих труппах Москвы, провинциальных городов и Петрограда — Ленинграда. Как следует из его личных заявлений, в советской России был кинорежиссером в Совкино и Межрабпомфильме. Несколько лет служил театральным актером и режиссером в Риге, гастролировал в ряде европейских стран. В 1929 г. переехал в Белград. Основал Общество кинолюбителей и вместе с Михаилом Каракашем — частную Школу-студию драматического искусства (1930) и свою Киношколу (1930). С русскими профессиональными актерами и любителями поставил несколько драматических спектаклей классического репертуара, а с 1933 г., после открытия в Белграде Русского дома им. императора Николая II, ему и антрепренеру И.Э. Дуван-Торцову было поручено создать и руководить Русским общедоступным драматическим театром. В театральном зале Русского дома А. Черепов ставил и играл главные роли в спектаклях до своего назначения на пост режиссера Национального театра в г. Баня-Лука (1939). Одно время он был и режиссером в театре г. Ниш. В военные годы Александр Филиппович собрал русскую труппу для разъездного фронтового театра «Веселый бункер» при Русском охранном корпусе. Осенью 1944 г. он покинул пределы Югославии и в состоянии душевного расстройства скончался в Германии.

---

⁶² Хранятся в Музее театрального искусства Сербии (Белград). Фонд А. Черепова.

⁶³ Упоминается и как Леонид Величко (см.: *Kosanović D. Leksikon pionira...* S. 231).

⁶⁴ *Volk P. Dvadeseti vek... S. 296.*

Михаил Николаевич Каракаш (20 апреля 1883, имение Каракаш близ Симферополя — 15 августа 1937, Бухарест), оперный певец (баритон), режиссер, актер и вокальный педагог. Солист Мариинского театра в Петербурге (1911–1918) и Белградской оперы (1922–1926). Вместе с супругой, оперной певицей Елизаветой Ивановной Поповой, гастролировал во многих городах Европы. Постоянная боязнь потерять голос (после перенесенной болезни) заставляла Михаила Николаевича искать и другие пути в жизни. В 1923–1926 гг. он учился на техническом факультете Белградского университета, снимался в кино Италии и Германии, преподавал в основанной им Вокальной студии при белградском Земгоре, в Школе-студии драматического искусства (созданной им совместно с А. Череповым), играл в спектаклях белградских театральных трупп, затем — на парижских, бельгийских и лондонских гастролях Пражской труппы МХТ. С 1931 г. преподавал вокал в Русской консерватории им. С. Рахманинова в Париже, выступал и ставил спектакли в Русской частной опере в Париже⁶⁵ и поставил ряд опер в Белграде (сезон 1934/35). В последний год своей короткой жизни занимал пост директора Бухарестской оперы.

Необходимо отметить, что М.Н. Каракаш принял участие в полемике русской эмиграции, развернувшейся в 1924–1926 гг. в прессе Парижа, Берлина, Праги, Риги на тему *pro et contra* кинематографа как нового вида искусства⁶⁶. В статье «Искусство ли кинематограф?» он присоединился к защитникам экрана: «...если под словом *искусство* понимать все то творчество, которое дает “эмоции высокого строя” как самому творцу, так и его ценителю, то тогда кинематограф, безусловно, — искусство»⁶⁷. В своей короткой статье М. Каракаш затрагивает и фундаментальные вопросы киноискусства. Например, подчеркивает: «Нельзя рассматривать кинематограф в той же плоскости, что и театр: кинематограф имеет свои законы, свои пути, свою технику»⁶⁸.

Ольга Михайловна Соловьева (1900, Одесса — 12 декабря 1974, Цавтат близ Дубровника), балерина, хореограф, живописец, скульптор. В 1919 г. снималась в немых фильмах в Ялте на студиях «И. Ермольев» и «А. Ханжонков и К°». Эмигрировала в Королевство СХС. До 1924 г. танцевала в балетной труппе Национального театра в Белграде, с 1924 по 1929 г. в составе знаменитых русских балетных трупп гастролировала в странах Европы, Северной, Латинской и Южной Америки, Австралии. Снималась в фильмах в Италии и в Голливуде. По возвращении в Югославию поселилась в большом доме на скалистом морском мысе в Цавтате. После Второй мировой войны была одним из членов-учредителей известного

⁶⁵ См.: Нечаев В. Елизавета Ивановна Попова и Михаил Николаевич Каракаш // Московский наблюдатель (Москва). 1991. № 6–7. С. 57–64; Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 278–280.

⁶⁶ См.: «Синефили» и «антисинемисты»: полемика русской эмиграции о кинематографе в 1920-х гг. // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. М., 2010. С. 345–362.

⁶⁷ Каракаш М. Искусство ли кинематограф? // Возрождение (Париж). 1926. 12 июня. Цит. по: «Синефили» и «антисинемисты»... С. 353.

⁶⁸ Там же.

международного фестиваля «Дубровницкие летние игры» (1950), при котором изредка работала хореографом⁶⁹. В поздние годы занималась живописью и скульптурой.

В 1930-х гг. киносъемками в Белграде увлекался Всеволод Владимирович Бельский (около 1900, Санкт-Петербург — ?), блестящий пианист и спортсмен, сын друга и либреттиста Н.А. Римского-Корсакова⁷⁰. В своем письме от 1934 г. к М.Н. Римскому-Корсакову В.И. Бельский упоминает «домашние киносъемки» сына⁷¹.

Во второй половине 1930-х гг. в рекламных фильмах белградской студии «МААР тон-филмска реклама» снимался Алексей Николаевич Родзевич (8 января 1911, Одесса — 28 марта 1982, Мадрид). Так он подрабатывал, будучи студентом агрономического факультета Белградского университета. По рассказам знакомых, он сам себя снимал при помощи особого аппарата, дававшего ему время встать перед объективом, и сам наговаривал текст рекламы⁷². Эта студия принимала заказы на рекламу самых различных товаров: одежды, кастрюль, колбас. Отец (директор гимназии) и мать Алесхи были убиты большевиками, а он окончил Русский кадетский корпус в Сараеве (1929) и в конце 1930-х гг. работал в качестве землемера по земельному кадастру при Министерстве финансов в Белграде. После Второй мировой войны стал видным общественно-политическим деятелем в рядах русской эмиграции, с семьей проживал в Чили, США (с 1961 г.) и Испании (с 1976 г.)⁷³.

7

По мнению югославских историков кино (Д. Косановича, П. Волка, В. Майцена, Н. Пата, И. Шкрабало, В. Коларича), одним из самых выдающихся русских эмигрантов, оставивших яркий след в хорватской/югославской кинематографии, был Сергей Сергеевич Тагатц (27 июля (9 августа) 1898, Белопольск⁷⁴ — 30 апреля 1973, Загреб), кинооператор, режиссер, аниматор, изобретатель, педагог. Детство его прошло в Петербурге, где он окончил гимназию. Еще в годы учения юноша примкнул к кружку, в котором снимались любительские фильмы, а после переезда семьи в Крым, в 1918 г., ему в Ялте удалось поступить на работу на киностудию «И. Ермольев». Там С. Тагатц по собственной инициативе пытался «оживить» фирменный знак московской студии, появлявшийся на экране в начале фильма, — сделать подвижным хобот слона, разворачивающего киноленту. Удачная

⁶⁹ См.: *Kosanović D. Leksikon pionira...* S. 199; *Volk P. Dvadeseti vek...* S. 603.

⁷⁰ См.: *Барсова Л.Г.* Взгляд на жизнь и деятельность В.И. Бельского в Петербурге и Белграде // Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении (Белград, 1–2 июня 2011 г.): Доклады междунар. науч. симпозиума. Белград, 2012. С. 216.

⁷¹ Архив семьи Бельских пострадал во время бомбардировок Белграда; рукописи, кинопленки и библиотека сгорели.

⁷² Сообщение Р.В. Полчанинова автору в письме от 3 декабря 2012 г.

⁷³ Подробнее см.: А.Н. Родзевич // Кадетская перекличка (Нью-Йорк). 1982. № 31. С. 111–112.

⁷⁴ По другим сведениям: Биела близ Вязьмы (см.: *Filmska enciklopedija*. Zagreb, 1990. Svezak 2. S. 611; *Hrvatska opća enciklopedija*. Zagreb, 2008. Svezak 10. S. 593).

работа аниматора была замечена, но студия прекратила свою деятельность, владелец бежал в Париж, а С. Тагатц — в Константинополь, Чехословакию и Загреб. Этот город им был выбран не случайно. Его мать была полькой (французских корней), а отец (родившийся в России) и дед по отцу — хорватами.

Неопытному юноше помог актер Владимир Эльский, знакомый по крымской студии⁷⁵. В 1922 г. С. Тагатц получает два заказа: создает анимационные фильмы-рекламы крема для обуви «Адмирал» и «Алда-чая». В первом офицер шагает вдоль строя своих подчиненных, хвастаясь до блеска начищенными сапогами, в другом негритенок с экрана кидает в публику пакетики с чаем. Этими рекламами заинтересовался Анатолий Базаров, управляющий лабораторией студии «Югославия-фильм», в которой молодому энтузиасту разрешили работать. Изобретателю, «дедушке (знаменитой в будущем) Школы загребского мультипликационного фильма»⁷⁶ (*Zagrebačka škola crtanog filma*), В.Ф. Эльский нашел и постоянную работу в студии «Босна-фильм» (*Bosna film*), где С. Тагатц создал еще две анимационные миниатюры — товарный знак этой кинокомпании и рекламу популярного мальчика-актера немого кино Джеки Когана⁷⁷.

После 1923 г. Сергей Сергеевич прекращает заниматься анимацией и принимает пост руководителя лаборатории студии «Босна-фильм». На протяжении 1927–1960 гг. он принимает самое деятельное участие в кинопроцессе как кинооператор, режиссер, а также конструктор-изобретатель в области кинотехники. После неокончен-

С.С. Тагатц. Загреб. 1930-е гг.

Фото из издания: *Filmska enciklopedija, sv. 1-2 / Leksikografski zavod Miroslav Krleža. Zagreb, 1990. Sv. 2. S. 611*

⁷⁵ Владимир Федорович Эльский (Андронов-Эльский; 10 декабря 1866 — 3 ноября 1940, Берлин), актер; играл в российских фильмах: «Любовь статского советника», «Поединок роковой», «Похождения Шпайера и его шайки “Червонных валетов”», «Жемчужное ожерелье» (все 1915 г.), «Паны-на-летчики» (1920).

⁷⁶ *Pata N. Majstori zagrebačkog crtanog filma: Dokumenti — sjećanja — sudionici. Zagreb, 1996. S. 11.*

⁷⁷ См.: *Zagrebački krug crtanog filma. Zagreb, 1978. Svezak 1. S. 20–22, 424.*

Товарный знак киностудии
И.Н. Ермольева. Москва. 1910-е гг.
Фото из книги: *Zagrebački krug crtanog filma, sv. 1–3. Zagreb, 1978. Sv. 1. S. 21*

С.С. Тагатц написал несколько статей о кинематографе, среди которых самой значительной является «Важные вопросы отечественного кино».

В военные годы С.С. Тагатц был режиссером, кинооператором и монтажером пропагандистских документальных и игровых звуковых фильмов («Отечество» («Domovina», 1943) и др.), а после войны в Хорватии снимал первые кинохроники одновременно с документально-образовательными лентами. В фильме «Охотники за морскими кораллами и губками» («Koraljari i spužvari», 1947) проводились первые в Югославии подводные съемки из примитивного батискафа конструкции Тагатца. С 1948 г. Сергей Сергеевич занимался и педагогической работой в Кинотехникуме (Kinotehnikum) — средней кинематографической школе в Загребе. За свою многолетнюю деятельность удостоен награды Комитета по культуре и искусству Правительства ФНРЮ (1946).

8

Историки югославского кино выделяют двух русских эмигрантов, авторов статей по теории и практике кино — Ю.Л. Ракитина и С.С. Тагатца, поставив их в ряд с отечественными теоретиками кино 1920–1930-х гг. (Б. Токин, Д. Алексич, М. Ристич, С. Кратов).

⁷⁸ Картина состояла из двух частей «1. Прогулка на лодке по Бледскому озеру»; «2. Певец Лео Миркович исполняет испанскую серенаду “Санта Фе” в сопровождении Иво Тиардовича, на гитаре» (см.: Kosanović D. Kinematografija i film u Kraljevini SHS/Kraljevini Jugoslaviji 1918–1941. Beograd, 2011. S. 78).

⁷⁹ См.: Kosanović D. Leksikon pionira... S. 217.

Юрий Львович Ракитин (23 мая 1882, Харьков — 21 июля 1952, Нови-Сад), актер МХТ, режиссер императорских театров в Петербурге, ассистент и друг В.Э. Мейерхольда, по приглашению директора сербского Королевского национального театра в Белграде приехал в 1921 г. в Королевство СХС из Константинополя. В Белграде и других городах страны он до 1952 г. поставил около двухсот спектаклей — от трагедий до водевилей и опер⁸⁰. Находясь с апреля по декабрь 1920 г. в Константинополе, Юрий Львович часто посещал кинематографы, а 29 августа весь день осматривал дворец Бебек и развалины замка Ромели-Гиссар. Вероятно, живописные места так вдохновили его, что он задумывает киносценарий. Вскоре вместе с кинооператором он дорабатывает сценарий фильма «Тайны Ромели-Гиссара». Ракитин знакомится с турецким актером Бурханеддин-беем (Burhaneddin Bey) и в своем дневнике отмечает: «Он лучший турецкий актер, принявший европейскую школу игры, но, конечно, псевдо-европейскую, а вернее сказать — старую французскую, патетическую, должно классическую, — на пафосе и условном эффекте»⁸¹.

Съемки начались 16-го, затем были продолжены 18 сентября, но технические неполадки с камерой и неблагоприятная погода приостановили работу. Ракитин поглощен мыслями о Париже и советует продюсеру Максимову заменить его режиссером Гайдаровым. Через два дня (20 сентября) Ракитин в качестве режиссера и оператор Мочарук в саду-ресторане «Таксим» ведут съемки итальянского праздника — отмечалось 50-летие национального объединения⁸².

Ю.Л. Ракитин. Белград. 1923. Фото Милана Савича.
Собрание А.Б. Арсеньева (Нови-Сад)

⁸⁰ См.: Арсеньев А. Режије Ј.Љ. Ракитина // Јуриј Львович Ракитин: живот, дело, сећања. Нови Сад; Београд, 2007. С. 385–391.

⁸¹ Арсеньев А. Ракитин в Константинополе (апрель — декабрь 1920 г.) // Там же. С. 106.

⁸² См.: Там же.

Позднее, в 1927 г., в сербском Национальном театре в Белграде Ю.Л. Ракитин поставит первую и единственную на театральных подмостках Белграда пантомиму — «Покрывало Пьеретты» на музыку венгерского композитора Эрне Дохна-ны, при участии артистов и танцоров театра, вместе с учениками Театрально-балетной школы. Несомненно, режиссеру вспомнились постановки этой пантомимы В.Э. Мейерхольдом (в Петербурге) и А. Таировым (в Москве). Смелую затею Юрия Львовича в довольно консервативной театральной среде тех лет можно воспринять как некий театральный ответ или аналог немых фильмов, показ которых сильно конкурировал с театральными постановками. Перед премьерой он выступил с заметкой в театральном журнале: «Мотив драмы Шницлера мы осовременили, возвели мост между романтикой в духе Гофмана и последним криком современной моды — кошмарными фокстротами. Нам хотелось познакомить публику с новым видом пластического искусства, где все подчинено ритму, где исполнители говорят жестом. Задачи нашей студии заключаются не только в том, чтобы привить молодежи музыкальность и чувство ритма, но и уметь находить новые пути в искусстве»⁸³.

За год до этой своей постановки Ю.Л. Ракитин опубликовал статью «В чем тайна “Великого немого”?»⁸⁴, в которой рассматриваются отношения немого кино и художественной литературы, живописи, театра. Автор отмечает достоинства нового вида искусства и его огромную роль в современном обществе. Он обуславливает причину интереса к кинематографу глубокими сдвигами в психике современного человека. Прежде всего, пишет он, кинематограф привлекает своим ритмическим движением, которое является его основной стихией. В подсознании ритм очаровывает душу человека современности значительно сильнее, чем краски и звуковые модуляции. Даже машины не могут действовать вне ритма. По мнению автора, связь кинематографа с другими видами искусства условна.

Подчеркивая самостоятельную природу киноискусства, Ракитин, по мнению сербских историков кино, стоит на позициях русских авангардистов и первых европейских теоретиков кино (Р. Канудо, Ж. Дюлак). Некоторое оспаривание Ракитиным киноискусства тех лет современные историки трактуют не как пуританство и морализаторство, а скорее как нечто «онтологическое», поскольку в кинематографе театральный режиссер усматривает близость с идеологическими, общественными и культурными процессами, которые в силу все большей механизации и объективизации жизни упраздняют онтологический и нравственный примат человеческой личности как образа Божия (использованы термины Ракитина в его эссе «Новая эстетика» 1926 г. и «Демократизация трагики» 1938 г.)⁸⁵. Далее, историк кино подчеркивает: «Ракитин в своей статье, вероятно неосознанно, ставит некоторые краеугольные вопросы, относящиеся не только к стихии и сущности киноискусства, но и искусства как такового. Эти его вопросы, прони-

⁸³ Ракитин Ј. Прва пантомима у Београду // Comoedia (Београд). 1927. Бр. 2. С. 8–9.

⁸⁴ Он же. У чому лежи тајна «Великог Мутавка»? // Comoedia (Београд). 1925/26. Бр. 26. С. 3–6; Бр. 27. С. 18–19; Бр. 28. С. 14–15.

⁸⁵ См.: Коларић В. Однос Јурија Ракитина према филму // Књижевна историја (Београд). 2008. Бр. 134–135. С. 203–208.

зывающие самую онтологию искусства, соотношение искусства и мира, вопросы природы подражаний и преобразований, не перестают оставаться актуальными»⁸⁶.

Сергей Сергеевич Тагатц, автор первого мультипликационного, первого звукового и первого цветного фильма в Югославии, в 1935 г. опубликовал статью «Важные вопросы отечественного кино»⁸⁷. Не случайно она вышла в известном журнале югославской ориентации «Новая Европа» (1920–1941), который после Первой мировой войны следовал концепту новой формы устройства европейского «союза народов» и стремился именно в этом ключе влиять на действительность.

Работа видного кинематографиста-практика выходит за рамки одного полемического обзора состояния югославского кино тех лет. Существенно, однако, что свои размышления автор в первую очередь посвящает осмыслинию современного ему состояния в кинематографии и его возможного развития. Вместе с тем идеям С.С. Тагатца присущи и актуальные теоретические аспекты⁸⁸.

Тагатц ставит вопрос: «Нужно ли нам, вообще, отечественное кино?» — указывая на явную заинтересованность политической и культурной элиты страны в становлении и развитии национальной кинематографии. И далее отмечает: «Если творчество не является элементарным подражательством, *рабским следованием чужим авторитетам*, оно не является и механическим отображением заранее заданной действительности. Поэтому в своей сути кино не есть коллективное произведение и действие, а в своих лучших образцах оно глубоко эгоцентрично. Лишь творческая сила автора, сила одиночки-личности-таланта, способна художественно преобразовать действительность». Тагатц подчеркивает: «Не подражать, а создавать сообразно обстоятельствам и собственным замыслам»⁸⁹. Причем «собственное» у него насколько личное, настолько и национальное, и — это очень важно — обоим присуща свобода.

С.С. Тагатц сопротивляется предпочтению «культурного» фильма «развлекательным» лентам. Он считает, что кино в своей сути всегда ориентировано на развлечение, но это не умаляет его художественных достоинств. Технологизация и стремление к максимальной доступности значительно больше угрожают своеобразию киноискусства, чем функциональная и эксплуататорская природа «развлекательного» кино.

Опорой своей апологии киноискусства С. Тагатц делает признание совершенно особого языка, присущего только этому виду искусства: «Живые картины кинематографа, понятные всем народам, это иероглифы в движении, которые в сознании зрителя превращаются в слова национального языка»⁹⁰.

Сосредоточенная на критике состояния отечественной кинематографии и предлагающая ряд практических шагов для его улучшения, статья С. Тагатца 1935 г.,

---

⁸⁶ Там же. С. 207.

⁸⁷ Tagac S. Važna pitanja domaćeg filma // Нова Европа (Загреб). 1935. Књ. 28. Бр. 8. С. 237–255.

⁸⁸ В нашем коротком обзоре статьи С. Тагатца мы опираемся на ее разбор историком кино в его работе: Коларић В. Сергеј Тагац у «Новој Европи» // Нова Европа 1920–1941: Зборник радова / уредници др Марко Недић и др Весна Матовић. Београд, 2012. С. 635–641.

⁸⁹ Там же. С. 638.

⁹⁰ Там же. С. 639.

по мнению В. Коларича, содержит мысли о киноискусстве, согласующиеся с самыми глубокими теоретическими исканиями эпохи. Они вновь станут актуальными в эпоху кино «новой волны» во Франции, в ее художественных и теоретических истолкованиях трудов С.М. Эйзенштейна, А. Базена и Р. Брессона. В наши дни, с присущими им противоречиями киноглобализации, выглядят весьма актуальными идеи С. Тагатца об имманентной взаимосвязи универсального и национального.

Петр Алексеевич Митропан (1 августа 1881, Орел — 6 декабря 1988, Белград), славист, литературовед, переводчик, педагог — отмечен историками югославского кино как автор рецензий на фильмы из прокатной сети Королевства Югославия в 1930-х гг.⁹¹ П.А. Митропан окончил гимназию в Полтаве и отделение славистики в Московском университете (1914). Четыре года провел на фронте, был контужен, награжден орденами. В эмиграции — преподаватель педагогического училища (1921–1931), лектор-славист философского факультета в Скопье (1931–1941) при Белградском университете. Сотрудник многих югославских периодических журналов, один из основателей и многолетний редактор толстого журнала по науке и литературе «Южное обозрение» («Јужни преглед»; Скопье, 1927–1941). После Второй мировой войны Петр Алексеевич продолжил лекторскую работу, уже на кафедре славистики филологического факультета Белградского университета. Автор десятка книг и учебников русского языка. Перевел множество произведений почти всех классиков русской и советской литературы. Свои рецензии о фильмах публиковал в журнале «Южное обозрение».

В этом разделе следует снова упомянуть Александра Филипповича Черепова. До своего переезда из Риги в Белград он в первом выпуске еженедельного иллюстрированного журнала «Кино-рампа» (Рига, 24 октября 1925 г.) опубликовал статью «Театр и кино», посвященную вопросам переоценки искусств театра и кино. В ней он ссылается на статьи Ю.И. Айхенвальда 1913 г. и Л.Н. Андреева («Кино убивает театр»).

Черепов вслед за Л. Андреевым считал, что важную роль в театральном искусстве играет действие и зрелище, которые в итоге окажутся причиной гибели театра. Он отмечает: «Независимое кино с изумительной быстротой победно шествует вперед, все углубляясь по существу и уходя все дальше от недавнего примитива и мало-содержательности». Позднее, уже в Белграде, в статье-интервью «Театр или кино», опубликованной в сербской газете, он снова подчеркивает роль *действия и зрелища* в театре и кино, но добавляет, что современному театру следует освободиться от неуклюжего, громоздкого, малоподвижного *действия*. Освободившись от этого балласта, театр возвратится к своей сути, психологической правде. Зрелище и действие отступят на второй план и освободят место вечной силе театра — актеру. Кризис театра, по Черепову, вызван лишь одной внутренней причиной: качественным упадком и духовным обнищанием актера. «Все реже встречаются хорошие актеры. Прежний властитель театра — актер, стал неловким слугой всевозможных измов»⁹².

---

⁹¹ См.: *Kosanović D. Leksikon pionira...* S. 150.

⁹² Позориште или фильм? — Мишљење г. Александра Черепова, директора приватне позоришне школе у Београду // Вырезка из сербской газеты, без указания названия газеты и даты (Музей театрального искусства Сербии (Белград). Фонд А. Черепова).

Интересно отметить, что в 1930-х гг. мировой рынок был завален голливудскими экранизациями русской литературной классики или эпизодами российской истории и слезливыми мелодрамами императорских времен. Большинство таких низкопробных и дорогих постановок порождало оправданную критику и насмешку русской эмиграции. В марте 1938 г. Русский общедоступный театр в Белграде поставил оригинальную комедию-ревю Николая Михайловича Фева и Сергея Сергеевича Страхова «Двадцать лет», в которой была разыграна остроумная пародия на американскую продукцию кинокартин из русского быта⁹³.

9

Если в межвоенные и послевоенные годы в Загребе своей работой кинооператоров выделялись А.Т. Герасимов и С.С. Тагатц, в Белграде почетное место кинооператора занимал Михаил Дмитриевич Иванников (6 (19) сентября 1904, Георгиевск, Северный Кавказ — 9 сентября 1968, Белград). В 1920 г. в Константинополе семья Иванниковых разделилась: сын, как гимназист переведенной из Турции в Чехословакию Русской гимназии Всероссийского союза городов, попал в городок Моравска-Тржебова, родители с дочкой — в Белград. В 1922 г. Миша окончил это русское среднее учебное заведение на чужбине. Некоторое время он был студентом сельскохозяйственного факультета Университета им. Менделея в Брно, затем Русского юридического факультета в Праге. С 1925 г. Михаил Дмитриевич в Белграде; в конце 1920-х гг. учился в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже. В мае 1930 г. Михаил Дмитриевич окончательно обосновался в Белграде, став студентом богословского факультета Белградского университета.

Литературным творчеством М.Д. Иванников начал заниматься в пражском кружке «Скит поэтов», в Белграде входил в объединения «Книжный кружок», «Литературная среда», состоял членом Союза русских писателей и журналистов в Югославии. Как писатель-прозаик публиковался с 1931 г. («Последние новости», «Современные записки», Париж). В 1936–1938 гг. писал фельетоны для белградской газеты младороссов «Русское дело». После Второй мировой войны его повести и рассказы печатались в «Новом русском слове» и «Новом журнале» в Нью-Йорке⁹⁴.

Внимание белградского прозаика привлекал человек, его внутренний мир, мысли и чувства, а также психологическое раздвоение русского эмигранта⁹⁵. Проза Иванникова была высоко оценена Иваном Буниным, а Георгий Адамович об авторе повести «Дорога» отозвался как о «приобретении для нашей литературы, писателе с большим будущим»⁹⁶.

---

⁹³ См.: Време (Београд). 1938. 19. март.

⁹⁴ Осеню 2012 г. в Санкт-Петербурге в Издательстве имени Н.И. Новикова вышел сборник литературных произведений М.Д. Иванникова («Правила игры»; ред.-сост. А.А. Данилевский).

⁹⁵ См.: Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. Л., 1988. С. 311.

⁹⁶ Струве Г. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. Париж; М., 1996. С. 206.

*М.Д. Иванников. Белград. 1940-е.
Собрание А.М. Иванникова (Белград)*

Источником средств к существованию для Михаила Дмитриевича в Белграде стала работа кинооператора. С 1930 по 1937 г. он трудится в фирме «Югославский образовательный фильм» и одновременно, до 1941 г. — как кинооператор и режиссер в фирме «Художественный фильм» («Артистик-фильм»), оказывая при этом услуги и другим кинокомпаниям. До войны им было снято более сотни кинорепортажей и документальных фильмов. Самые значительные: «Югославское попурри» («Југословенски потпури», 1933), «Приезд за-

гребских студентов на Опленац» («Долазак загребачких студената на Опленац», 1934), «Белград, день Вознесения» («Београд, Спасовдан», 1938), «Пионеры охраны нашего неба» («Пионери одбране нашег неба», 1938), «Средневековые монастыри Сербии» («Средњевековни манастири у Србији», 1940), «Источники здоровья» («Извори здравља», 1940), «Дорога гигантов» («Пут цинова», 1940, одновременно: режиссура и монтаж), «Рассказ об одном дне» («Прича једног дана», 1941), «Демонстрации 27 марта в Белграде» («Демонстрације 27. марта у Београду», 1941). Незавершенными в 1941 г. остались съемки художественного фильма «Любица и Яня» («Љубица и Јања»). В годы германской оккупации Белграда Михаил Дмитриевич был кинооператором фирмы «Югосток-фильм» («Југоисток филм») — филиала кинохроники «УФА-журнала» («UFA-Journal»).

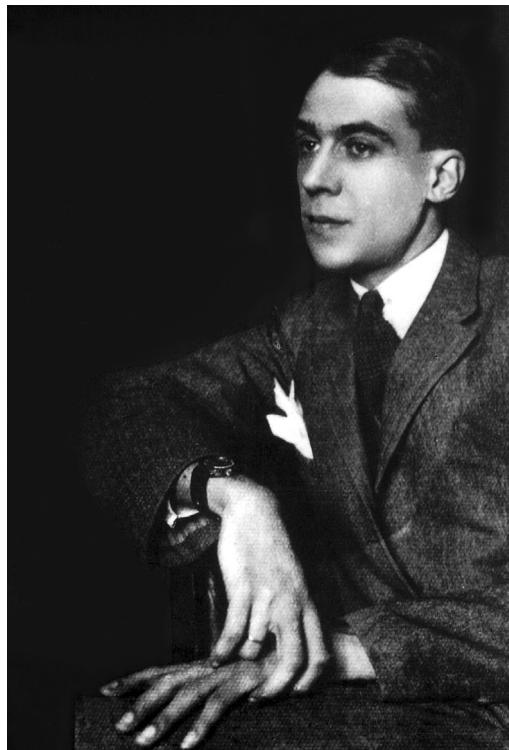
С октября 1944 г. опытный кинооператор был направлен в Киносекцию Верховного штаба Народно-освободительной армии, снимал фронтовые операции и очерки для первых выпусков «Кинохроники» («Филмске новости», 1945). Продолжая состоять сотрудником «Кинохроники», Иванников снял 16 документальных фильмов (в двух из них был режиссером) и два полнометражных художественных фильма: «Барба Жване» («Барба Жване», 1949) и «Майор Баук» («Мајор Баук», 1951). Со дня основания Белградского телевидения (1959) М.Д. Иванников стал его первым телеоператором. Если в русских белградских литературных кружках его звали Мишель, то в сербской среде этот ветеран югославского кино был известен по прозвищу Дедушка. Благодаря блестящей камере М.Д. Иванникова документальный фильм «Рассказ об одном дне» (жизнь Белграда с раннего утра до поздней ночи) считается высшим достижением киноискусства в Королевстве Югославия⁹⁷ наряду с его кинолентой «Дорога гигантов» (о велосипедных гонках по Сербии).

⁹⁷ См.: Kosanović D. Leksikon pionira... S. 105.

Вторая мировая война на просторах Королевства Югославия была не только войной с оккупантами (Германией, Венгрией, Италией, Болгарией). Оккупантами было создано пронацистское Независимое государство Хорватия (*Nezavisna Država Hrvatska; NDH*). Все военные годы бушевала кровопролитная межэтническая гражданская война и противостояние между сербскими монархистами (четниками) и коммунистами (партизанами). Большинство югославов, убитых в 1941–1945 гг., пали от рук собственных сограждан.

В январе 1942 г. в Хорватии возникло государственное предприятие «Хорватский фильм» (*Croatia film*, вскоре переименованное в *Hrvatski slikopis*) ультранационалистической направленности. Располагая современной аппаратурой и материальными средствами, помимо кинохроники нацистской направленности, кинематографисты отводили душу, снимая и так называемые культурные фильмы. Был снят среднеметражный художественно-документальный фильм «Барокко в Хорватии» (*Barok u Hrvatskoj*, 1942). Для этого фильма впервые в Хорватии (Югославии) была разработана сценография, автором которой являлся театральный художник В.И. Жедринский, русский. Ему была заказана и сценография первого хорватского полнометражного звукового художественного фильма «Лисинский» (*Lisinski*, 1944)⁹⁸ — о жизни и деятельности выдающегося композитора Ватрослава Лисинского (1819–1854). Благодаря мастерски выполненным «богатым» декорациям и костюмам, достоверно отражавшим эпоху, обе картины имели успех и были высоко оценены критиками. Уже после войны В.И. Жедринский стал и художником фильма «Знамя» (*Zastava*, 1949), реализованного на новом загребском предприятии «Ядранный фильм» (*Jadran film*).

Владимир Иванович Жедринский (30 мая 1899, Москва — 30 апреля 1974, Париж), художник театра, живописец, график, карикатурист. Внук курского гу-

В.И. Жедринский. Белград. 1930-е гг.
Музей театрального искусства Сербии
(*Музеј позоришне уметности Србије*; Белград).
Фонд В.И. Жедринского

⁹⁸ См.: Škrabalo I. Hrvatska filmska povijest ukratko (1896–2006). Zagreb, 2008. S. 105.

бернатора. В 1917 г. окончил гимназию в Москве, с 1918 г. учился в Киевском художественном училище, сотрудничал в Комитете охраны памятников искусства. С 1920 г. в эмиграции в Королевстве СХС. Многолетний художник белградского Королевского национального театра. Оформлял спектакли (декорации, костюмы) и для других театров страны (более 130 постановок). Создал серию графических портретов-шаржей видных политиков и деятелей культуры, постоянный сотрудник белградской ежедневной газеты «Политика», рисовал комиксы. Участвовал в выставках русских художников и международных выставках декоративного искусства (Париж, Вена, Прага).

В 1941 г. В.И. Жедринский с семьей переехал в Загреб и стал художником Хорватского национального театра. В связи с политической обстановкой в Югославии в 1951 г. был вынужден выехать из страны. Поселился в Марокко, где в Муниципальном театре Касабланки оформил 12 спектаклей. С 1952 г. жил во Франции. Был главным художником Оперного театра в Ницце, оформлял спектакли и в Руане, Нанте, Льеже, Монсе, Любляне, Праге, Париже⁹⁹.

11

В военные годы художественные фильмы с военной тематикой на территории расчлененной Югославии снимались киногруппами из Германии, СССР, Англии, США. Изготовленные по заказам своих правительств, эти фильмы преследовали исключительно пропагандистские цели.

Первый немецкий полнометражный документальный фильм «Поход на Балканы» («Drang nach Balkan», 1941) был отвергнут Военным отделом пропаганды. Вскоре одной из киностудий рейха был создан полнометражный художественный фильм «Люди в бурю» («Menschen im Sturm», 1941), в котором вторжение германской армии в Югославию оправдывалось насилием сербов (!) над этническими немцами, проживающими в той части Словении, которая была аннексирована Третьим рейхом и где сербы не проживали. Цель фильма — разжигание ненависти между сербами и хорватами, сербами и этническими немцами¹⁰⁰. Главную роль югославской немки Веры исполняла звезда немецкого кино, лауреат Государственной премии рейха, любимица и хорошая знакомая А. Гитлера Ольга Константиновна Чехова (урожд. Книппер; 14 апреля 1897, Александрополь, ныне Гюмри, Армения — 9 марта 1980, Мюнхен).

В постановке Г.М. Раппапорта в СССР был снят короткометражный художественный фильм «Сто за одного» (1941) — о зверских расстрелях сербов немецкими оккупантами. Главную женскую роль исполняла Л.С. Емельянцева. Вскоре в постановке Л.Д. Лукова на экраны вышел и среднеметражный художественный фильм «Ночь над Белградом» (1942). Действие в нем разворачивалось во время нацистской оккупации столицы. В главной роли снималась Т.К. Окуневская. Од-

⁹⁹ См.: Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я. Художники русского зарубежья 1917–1939: Биографический словарь. СПб., 1999. С. 275–276.

¹⁰⁰ См.: Škrabalo I. Hrvatska filmska... S. 39.

ноименная песня Н. Богословского на слова Б. Ласкина приобрела известность. В постановке С.И. Юткевича был снят художественный фильм «Новые похождения Швейка» (1943). Действие в нем частично происходит в оккупированной Югославии: солдата Швейка немцы мобилизуют и отправляют на Балканы, а он там помогает партизанам.

Британская студия «Илинг» (*«Ealing»*) выпустила художественный фильм «Подпольщик» (*«Undercover»*, 1943; альтернативное название «Подземная герилья» (*«Underground Guerillas»*) по сценарию Мони Данишевского (*Danischewsky*; 28 апреля 1911, Архангельск — 16 октября 1994, Лондон) в постановке Сергея Нолбандова (*Nolbandow*; 1895, Москва — 1971, Лондон) — о героической борьбе четников генерала Дражи Михайловича в горах Югославии.

Голливудская компания «Фокс» (*«Fox»*) сняла полнометражный пропагандистский игровой фильм «Четники» (*«Chetniks»*, 1943) в постановке Льюиса Кинга (*King*), в котором была представлена борьба четников с оккупантами. Главную женскую роль в фильме исполняла Анна Стенская-Судакевич (1908, Киев — 1993, Нью-Йорк)¹⁰¹.

Как и военные действия на Балканах в 1912–1918 гг., события Второй мировой войны запечатлены на кинопленках иностранцев — оккупантов и союзников, военных корреспондентов Англии, США, СССР. Самые ценные свидетельства о боях партизан Тито оставили советские кинооператоры. В начале их было двое, потом шестеро, позднее двадцать четыре.

Так, известно, что в 1943 г. на освобожденную партизанами территорию на парашюте приземлился опытный кинооператор В.С. Ешурин, который снимал бои черногорских бригад с немцами в Санджаке¹⁰². Вторым прибыл в Югославию В.Н. Муравцев, неустрешимый кинооператор, погиб в последний день войны у местечка Опичина вблизи Триеста при съемках вступления отрядов Югославской народной армии в Триест в мае 1945 г.

В момент вступления первых отрядов Красной армии на территорию Сербии в их составе были и кинематографисты. Первую группу операторов составляли: В.С. Ешурин, И.Д. Грачев, С.Я. Коган, В.Н. Муравцев. Вскоре прибыла и большая группа операторов, проводившая съемки последних боев с оккупантами и освобождение Белграда (20 октября 1944 г.). В ней находились: В. Петров, Б.М. Рогачевский, С.А. Стояновский, И.А. Чикноверов, Р.Б. Халушаков, А.И. Сологубов, Е.И. Ефимов, С.С. Школьников, Ф.Г. Кротик-Короткевич и В.Ф. Левитин.

В монтаже отнятого советскими кинооператорами материала принимали участие писатель И.Г. Эренбург и режиссер Л.В. Варламов. Так возникли фильмы Л. Варламова «Вымогательство Тито» (1944), «Белград» (1944), полнометражный фильм «Сыны Югославии» (1944), «Югославия» (1945). За последний фильм Л. Варламов был удостоен Сталинской премии (1946). Из материала погибшего В. Муравцева С. Школьников позднее создал фильм «Всю ночь война» (1972) в сотрудничестве с

---

¹⁰¹ См.: *Kosanović D. Leksikon pionira...* S. 204.

¹⁰² По свидетельству В. Ешурина, весь снятый материал был зарыт в окрестностях г. Никшич при одном из последних наступлений и, по всей вероятности, утрачен (см.: *Kosanović D. Leksikon pionira...* S. 99).

югославскими кинематографистами и в совместном производстве с белградским Центром ФРЗ.

В ответ на неоднократные убедительные просьбы югославской стороны в начале 1946 г. в Белград прибыл прославленный кинорежиссер «Мосфильма» А.М. Рoom. По сценарию Георгия Мдивани приступили к съемкам фильма «В горах Югославии» (сербское название «Бура на Балкану»)¹⁰³. Кинооператором был Э.К. Тиссэ, художником — А. Уткин. В нем снимались Николай Мордвинов, Иван Берсенев, Ольга Жизнева, Всеволод Санаев и др. Работа над фильмом продолжалась целый год. Помимо нескольких молодых югославских деятелей кино, впоследствии признанных режиссеров, в помощники советскому кинооператору был приставлен югослав Георгий Владимирович Скрыгин (Žorž Skrigin). Картина была снята в художественно-документальной стилистике — о судьбе простого боснийского крестьянина, ставшего партизанским командиром.

Сам фильм разочаровал благосклонных югославских зрителей и критиков. Поэтика режиссера А. Рoomа была явно шаблонной и декоративной. Такой она казалась еще и потому, что действительные герои и недавно прошедшие бои оставались живыми в воспоминаниях современников. Как режиссер ни старался представить характерные черты и специфику революции в Югославии, он не мог выйти за рамки опробованных штампов советского военного кино¹⁰⁴. Партийному руководству Югославии, внимательно наблюдавшему за съемками, изменявшему и дополнявшему сценарий, конечный продукт также не понравился по ряду причин¹⁰⁵.

Однако взаимная работа над этим игровым звуковым фильмом дала возможность молодым югославским кинематографистам многому научиться, обрести практический опыт. Значительную роль в становлении югославского кино социалистической эпохи сыграла теория и практика советского киноискусства. В 1940-х гг. было переведено несколько советских книг (труды Е.М. Голдовского по кинотехнике¹⁰⁶ и др.), а советские картины 1920–1940-х гг. получили широкий доступ на экраны Югославии.

В довоенный период в кинозалах страны преобладала американская и немецкая продукция. Усилия культурной общественности показать признанный в мире шедевр «Броненосец „Потемкин“» потерпели неудачу из-за запрета Министерства внутренних дел¹⁰⁷. По свидетельству старожила Сараева, в 1930-х гг. там шли советские кинокомедии «Веселые ребята», «Волга-Волга» и «Цирк»¹⁰⁸. После установления дипломатических отношений между Королевством Югославия и СССР (в июне 1940 г., уже в разгар Второй мировой войны в Европе) в Белграде шли и советские исторические кинофильмы. Характерна была реакция русских эми-

¹⁰³ См.: Volk P. Dvadeseti vek... S. 322.

¹⁰⁴ См.: Novaković R. Istorija filma... S. 344–345.

¹⁰⁵ Подробнее см.: Ljubojev P. Evropski film i društveno nasilje: Svet minulog kolektivizma. Novi Sad; Beograd, 1995. S. 269–272; и др.

¹⁰⁶ См.: Kosanović D. Uvod u proučavanje jugoslovenskog filma. Beograd, 1976. S. 25–26.

¹⁰⁷ См.: Кино Югославии / сост. И.М. Райгородская. М., 1978. С. 11.

¹⁰⁸ Письмо Р.В. Полчанинова автору от 26 ноября 2012 г.

грантов на показ этих фильмов. В свой белградский дневник 17 сентября 1940 г. театральный режиссер Ю.Л. Ракитин записал: «На мои восторженные слова о фильме “Волга-Волга” <Николай Захарович> Рыбинский буркнул: Да, хорошо играют и жизнерадостно, но как Вас могут развлечь актеры, когда там существуют концлагеря?! — Идиот! Сейчас лагеря повсюду. Мы, эмиграция, можем, даже обязаны, ненавидеть советскую власть, но не смеем ее смешивать с искусством»¹⁰⁹.

12

Приступая к социалистическому периоду страны, восстановленной в несколько расширенных границах бывшего Королевства Югославия, необходимо отметить создание государственных киностудий — в Белграде, Загребе и Любляне (1945), Сараеве и Скопье (1947), Титограде (ныне: Подгорица; 1949). С годами растет количество студентов академий театрального и киноискусства в Белграде и Загребе. Республикаансые киностудии выпускают свои первые звуковые документальные и художественные фильмы, издаются теоретические и популярные журналы о новинках мирового и отечественного кино. С 1954 г. в приморском городе Пула проводится ежегодный кинофестиваль югославского фильма (на древней римской арене).

В 1950–60-х гг. в кинокартинах преобладала военная тематика с тенденциозным подчеркиванием массовости и значительности народно-освободительной борьбы партизан при освобождении страны. Постепенно росло количество экранизаций художественной литературы; в 1960–70-х гг. кинематографисты обращались к актуальным темам действительности. Десяток фильмов был снят в сотрудничестве с мощными кинокомпаниями Запада (Югославия привлекала своими пейзажами для съемоквестернов и низкими тарифами на статистов). Значительных успехов достигло югославское документальное кино в 1970–80-х гг.

В 1947 г. в Загребе при редакции «Образовательного фильма» («Nastavni film») сформировался кружок энтузиастов анимационного кино, из которого в 1951 г. возникла так называемая Загребская школа мультипликации, вернее — Студия мультипликации при кинокомпании «Загреб-фильм» («Zagreb film»). Очень скоро эта школа завоевала мировую известность. Ее прославленные авторы, обладатели сотни международных наград, с гордостью подчеркивали, что первые анимационные фильмы возникли в Загребе в давних 1922–1923 гг. «Отцом мультфильма в Хорватии» они считают С.С. Тагатца¹¹⁰. Подробно освещая деятельность шестнадцати выдающихся авторов студии, историки упоминают и двух русских, трудившихся на этапе становления загребской мультипликации, — это Леонтий Семенович Бельский (Leontije Bjelski) и Нина Петровна Тумина (Nina Tumin).

---

¹⁰⁹ Арсеньев А. Ракитин међу руским емигрантима // Зборник Матице српске за сценске уметности и музику (Нови Сад). 1995. Бр. 16–17. С. 259.

¹¹⁰ См.: Pata N. Majstori zagrebačkog crtanih... S. 9.

Леонтий Семенович Бельский-Савченко (17 октября 1895, Санкт-Петербург — 3 января 1964, Загреб), художник-график, по профессии юрист. В загребской прессе с 1924 г. публиковались его карикатуры, в 1935 г. — комиксы «Газета Пентека» и «Гость из космоса». При рекламном предприятии «Maar K.D.» (1931—1936) Л.С. Бельский создавал короткие анимационные фрагменты, которые включались в рекламные фильмы. После войны Леонтий Семенович поступил на работу в студию «Образовательного фильма». Там он стал сценаристом, рисовальщиком и режиссером первого хорватского образовательного (немого) анимационного фильма «Процесс в доменной печи» (*«Proces u visokoj peći»*, 1948). Пресса отмечала: «Это событие не только является успехом нашей молодой кинематографии, но и важная дата в истории нашего просвещения»¹¹¹.

Нина Петровна Тумина (5 апреля 1911, Житомир — 1972, СССР), художница. Окончила Академию художеств в Загребе (1935). Одно время жила в Скопье, после войны возвратилась в Загреб. Поступила на работу в хорватский филиал Государственного кинопредприятия (*Filmsko poduzeće — Direkcija za Hrvatsku*), а с сентября 1948 г. — на предприятие «Ядран-фильм», где занималась экспериментами по созданию мультфильмов. С русского языка Нина Петровна перевела труд И.П. Иванова-Вано «Искусство мультипликации»¹¹², который в 1948 г. был опубликован в книге «Мультипикационный фильм» (редактор Н. Тумина) как том библиотеки Комиссии по кинематографии Правительства НР Хорватии¹¹³. После прекращения политических и партийных отношений с СССР, в период массовых арестов подозреваемых или «просоветски ориентированных граждан» пострадала и Нина Петровна — она была узником «Голого острова» (югославского ГУЛАГа) с 1949 по 1955 г. По амнистии ей удалось выехать в СССР.

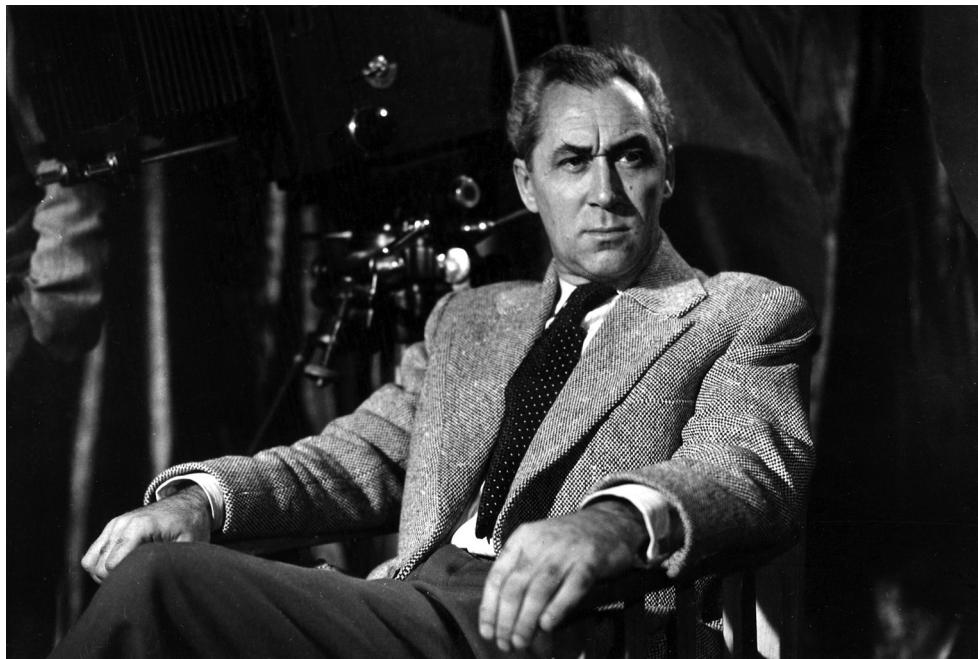
Видный вклад в кинематографию социалистической Югославии внес Георгий (Жорж) Владимирович Скрыгин (*Zorž Skrigin*; 4 августа 1910, Одесса — 31 октября 1997, Белград) — выходец из России, в довоенные годы проживавший в Загребе, а после войны — в Белграде. Родом Георгий Владимирович из дворянской, офицерской семьи. В 1919 г. с отцом эвакуировался в Варну, а в 1920 г. вся семья воссоединилась в Королевстве СХС, в Скопье. Жорж поступает в русский Крымский кадетский корпус в г. Белая Церковь, но среднее образование получает в Русской гимназии в Загребе. Подрабатывает танцовщиком в Театре оперетты. По совету сестры-балерины поступает и оканчивает студию известной балерины Маргариты Петровны Фроман, и с 1930 г. становится членом балетной труппы Хорватского национального театра.

С ранних лет, еще в Одессе, у Жоржа обнаружился талант к рисованию, позднее он с энтузиазмом занимался фотографией. В начале 1930-х гг. стал членом фотоклуба «Загреб», сблизился с кружком фотографов, впоследствии известным как Загребская школа художественной фотографии. Если балет обеспечивает Скрыгину существование, увлечение фотографией становится для него художественной потребностью. Его занимает психологическая трактовка портрета.

¹¹¹ Pedagoški rad (Zagreb). 1948. Br. 4–5. S. 307.

¹¹² См.: Ibid.

¹¹³ См.: Crtani film / red. N. Tumin. Biblioteka Komisije za kinematografiju Vlade NR Hrvatske. Zagreb, 1948; см. также: Zagrebački krug... S. 425.

Г.В. Скрыгин. Белград. 1950-е гг. Югославский киноархив
(Архив Југословенске кинотеке; Белград)

Жорж Скрыгин становится признанным художественным фотографом театрально-артистической среды Загреба, но ему не чужды и едкие социальные темы. На фотосалонах в стране и за рубежом его работы удостаиваются высших призов (Будапешт, Турин, Вена, Антверпен, Лейпциг, Париж, Берлин, Бостон, Нью-Йорк, Буэнос-Айрес), фотографии публикуются в журналах «Рундшau» («Rundschau»), «Америкен» («American»), «Лайф» («Life»), «Тайм» («Time») и др.

В 1939 г. Жорж Скрыгин примыкает к кружкам артистов левой ориентации. После раздела Югославии эти артисты группами вступают в партизанские отряды. В апреле 1942 г. Скрыгин со своим фотоаппаратом и запасом из тридцати фотопленок пробирается на освобожденную партизанами территорию страны, мечтая запечатлеть бои партизан с оккупантами. Всю войну он провел в походах, принимал участие в создании и деятельности Театра народного освобождения («Kazalište narodnog oslobođenja», 1942) — артистического кружка при Верховном штабе маршала Тито. Подобно фотографиям Самсона Чернова 1910-х гг., военные фотографии Жоржа Скрыгина (их сохранилось более 500) являются уникальным свидетельством народно-освободительной борьбы и народного бедствия. Они обошли весь мир. Отличаются мастерством, высокими художественными достоинствами, насыщены универсальными визуальными метафорами¹¹⁴.

---

¹¹⁴ Опубликованы в альбоме, оформленном автором, с пояснениями: *Skrgin Ž. Rat i pozornica*. Beograd, 1968.

После войны Георгий Владимирович короткое время состоит художественным руководителем балета и оперы Национального театра в Белграде (1945), но проявляет интерес к киноискусству. Участвует в съемках советского кинофильма «В горах Югославии» (1946) и становится кинооператором первого послевоенного югославского художественного фильма «Славица» («Slavica», 1947). С 1955 по 1967 г. он снял и поставил одиннадцать документальных и восемь игровых фильмов: «Их двое» («Njih dvojica», 1955), «Погоня» («Potraga», 1956), «Кровавая рубашка» («Krvava košulja», 1957), «Госпожа министерша» («Gospođa ministarka», 1958), «Товарищ председатель — центр нападения» («Drug predsednik — centarfor», 1960), «Большие гастроли» («Velika turneja», 1961), «Кот под каской» («Mačak pod šлемom», 1962), «Шаги сквозь туманы» («Koraci kroz magle», 1967)¹¹⁵. Документальный фильм «Македония» (1945) в его постановке о зарождении македонской нации принято считать первым македонским фильмом, а два художественных фильма-комедии («Госпожа министерша» и «Товарищ председатель — центр нападения»), которые имели миллионную аудиторию, — заложили основы жанра комедии в кинематографии социалистической Югославии¹¹⁶. Современные исследователи творчества этого режиссера находят, что его художественные фильмы интересны и с идеологической позиции, как демонстрация «социализма с человеческим лицом»¹¹⁷.

Жорж Скрыгин избирался первым председателем Общества деятелей кино Сербии (1951) и первым генеральным секретарем Союза кинематографистов Югославии (1952). За свою патриотическую и художественную деятельность удостоен многих орденов и наград, среди которых ордена: «За храбрость», Труда, «За заслуги перед народом», Братства и единства, Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ), «За жизненное творчество».

При создании документального фильма «По следам 4-го и 5-го наступления» (1947), в котором Ж. Скрыгин был оператором, сценаристом и режиссером, вторым оператором выступил молодой Николай Владимирович Жедринский (17 января 1926, Белград — 2 мая 1980, Париж), талантливый сын театрального художника В.И. Жедринского. За эту работу ему была присуждена государственная награда.

13

После внезапно прерванных в 1948 г. политических и государственных отношений с СССР и странами «народной демократии», в период децентрализации и реорганизации югославской кинематографии (по республиканским кинокомпаниям) в стране было выпущено много документальных и художественных картин. Перед показом любого художественного фильма в кинозалах демонстрировались

¹¹⁵ См.: Volk P. Dvadeseti vek... S. 601.

¹¹⁶ См.: Žorž Skrigin — Ratne fotografije: Katalog izložbe. Beograd, 1983. [Страницы не нумерованы.]

¹¹⁷ См.: Велисављевић И. Филмови Жоржа Скригина: Социјализам са људским лицом // Руски алманах (Земун). 2010. Бр. 15. С. 180.

еженедельные выпуски «Кинохроники» («Филмски журнал») об актуальных событиях в стране и за рубежом. На протяжении многих лет над созданием этих выпусков трудился М.Д. Иванников.

Документальные фильмы тех лет отражали этапы восстановления хозяйства, культурное разнообразие национальных этносов и достопримечательности страны. Так, в истории кино отмечена работа Ксении Раевской, снявшей документальный фильм «В защиту здоровья» («У одбрану здравља», 1948), посвященный достижениям Красного Креста в лечении туберкулеза¹¹⁸. Жорж Скрыгин снимает авторские фильмы «Македония» (1948), «По долине Моравы» («Долином Мораве», 1952), «Борец и строитель» («Borac i graditelj», 1953) — о восстановлении разрушенного Белграда, «Ревю югославских танцев» («Revija jugoslovenskih igara», 1953).

Значительный след в кинематографии Македонии оставил Александр Александрович Маркус (20 июня 1926, Скопье — 8 сентября 1988, Скопье), театральный и кинорежиссер, переводчик. Будучи студентом Высшей киношколы в Белграде, снимался в художественном фильме «Барба Жване» («Barba Žvane», 1949) в роли Марко. По завершении образования Александр Александрович с 1953 по 1955 г. работал на студии «Вардарфильм» в Скопье. В его постановке был снят короткометражный художественный фильм «Европа» (1953)¹¹⁹. Популярный среди студенческой молодежи, «Саша» часто выступает с лекциями о киноискусстве в Академическом киноклубе в Скопье, созданном в 1959 г. энтузиастами. Однако он сменяет работу, становится режиссером и художественным руководителем Театра национальных меньшинств, а с 1957 г. — «свободным художником» и по приглашению театров ставит спектакли, чаще всего для Турецкой театральной труппы. За театральные постановки Александр Александрович неоднократно награждался на театральных смотрах страны¹²⁰.

Приморский хорватский город Сплит чтит память Александра Федоровича Стасенко (23 июня 1933, Сплит — 5 апреля 1990, Сплит), выдающегося кинематографиста, прославившего себя и родной город, мастера документального кино — сценариста, оператора, режиссера, киномонтажера, широко известного как Саша Стасенко. Он окончил классическую гимназию в Сплите и электротехнический факультет университета в Любляне. Активист студенческой киносекции в Сплите, он основал любительскую киногруппу KASG «816». С 1965 по 1970 г. самостоятельно создал одиннадцать любительских документальных фильмов, завоевавших призы в стране и за рубежом. С 1970 г. стал профессиональным кинематографистом. Будучи одним во всех лицах — автором сценария, режиссером, оператором, монтажером и музыкальным редактором, — А.Ф. Стасенко снял еще около тридцати фильмов, а в 1970–1985 гг. участвовал в реализации фильмов других авторов (сценарии, режиссура, кинооператор). В четырех художественных картинах итальянских и югославских кинокомпаний был ассистентом режиссера.

---

¹¹⁸ См.: Volk P. Dvadeseti vek... S. 330.

¹¹⁹ См.: Тренчовски Г. Orbis pictus. Македонската филмска и ТВ-режија и други текстови. Скопје, 2001. С. 26.

¹²⁰ См.: Стефановски Р. Турски театар. Скопје, 2009. С. 8.

М.В. Островидов. Загреб. 2000.
Собрание М.В. Островида (Загреб)

(«Žene», 1977) — о далматинских женщинах, занимающихся добычей пропитания; «Ямар» («Jamar», 1983) — о подвиге шахтера; «Все годы в одной ночи» («Sve godine i jednoj noći», 1980) — о женах, мужья которых работают на чужбине; «Охота» («Lov», 1981) — об опасной ловле тунцов¹²².

Режиссура и операторская работа Александра Федоровича отличаются визуальной красотой и подкупающей достоверностью. О своем творчестве он говорит: «Центральное место в нем занимает человек, каким бы он ни был, оказавшийся в любых условиях, обуреваемый проблемами... Фильмы отображают драму человека».

Еще один деятель кино русского происхождения оставил след в кинематографии Хорватии — Михаил Викторович Островидов (р. 5 февраля 1930, Загреб), журналист-международник, кинооператор художественных, документальных и телевизионных фильмов и репортажей. Его отец, русский эмигрант, был первым врачом-психиатром в Сплите. Популярный в Загребе, «Микки» в этом городе окончил отделение кинооператоров Училища кинематографистов (1949), изучал историю искусств на философском факультете университета и окончил Академию театрального и киноискусства (отделение кинокамеры). С 1949 г. М. Островидов ассистент оператора хорватского журнала «Обзор кино» («Filmski pregled»), выпускавшегося при студии «Ядрен-фильм». С 1956 г. он входит в состав энтузиастов-основателей Загребского телевидения, в котором работал главным оператором и журналистом до самого выхода на пенсию (1991). Снял около 20 тысяч передач для информационных телепрограмм, объездил с камерой многие страны Европы, Америки, Азии, Африки, сотрудничал с Загребской школой мультипликации. Михаил Викторович участвовал как оператор в создании анимационных

В его богатой фильмографии критика отмечает две основные темы — ностальгия и трудолюбие, усидчивость человека¹²¹. Коротко представим эти фильмы, завоевавшие высокие призы: «Последние» («Poslednji», 1972) — о вымирании ремесла «песочников» (выгребателей песка из моря и из судов); «Колонисты» («Kolonisti», 1978) — о людях приморья, которые не могут обосноваться на хлебородной равнине; «После потопа» («Posle potopa», 1985) — о жизни крестьян села, затопленного искусственным озером; «Путь» («Put», 1977) — о прокладке автодороги сквозь скалы Далматинского Загорья; «Женщины»

¹²¹ См.: Škrabalo I. Hrvatska filmska... S. 93.

¹²² См.: Filmska enciklopedija. Svezak 2. S. 558.

фильмов режиссера Душана Вукотича (*Vukotić; 1927–1998*) «1001 рисунок» («1001 crtež», 1960) и «Игра» («Igra», 1962), удостоенного гран-при на фестивале в Мангейме, и в ряде других. М.В. Островидов был оператором художественного фильма «Жюри» («Žiri», 1962) и ряда документальных фильмов. Лауреат ордена Труда с золотым венком, орденов Италии и Голландии, двух наград «Золотое перо» Общества журналистов Хорватии (1980, 2011), награды имени Отокара Кершовани — за творческую деятельность (2002).

В белградских кругах кинематографистов завоевал себе имя Борис Дмитриевич Гортынский (р. 5 декабря 1954, Белград), кинооператор, режиссер, сценарист, окончивший кинооператорское отделение Университета искусств в Белграде (1981). Как оператор полнометражных художественных картин «Прямая передача» («Direktan prenos», 1982), «Забытые» («Zaboravljeni», 1988) завоевал призы «Золотая аrena» на кинофестивале в Пуле и «Мильтон Манаки» на фестивале кинооператоров в Битоле — оба за лучшую операторскую работу. Затем последовали: «Начальный удар» («Početni udarac», 1990), «Лучше бегства» («Bolje od bekstva», 1993), «Дыши глубоко» («Diši duboko», 2004; приз «Лучший фильм» Международного фестиваля независимого кино в Хьюстоне («World Fest»), 2005), «На прекрасном голубом Дунае» («Na lepotom plavom Dunavu», 2008; приз «Лучший фильм» Международного кинофестиваля Западного Голливуда (West Hollywood International Film Festival), 2009; приз за визуальное достижение в киноискусстве «Cine Gear Expo», 2009), а также документальные фильмы: «След» («Trag», 1981), «Славко Воркачи — жизнь и смерть голливудского кинематографиста» («Slavko Vorkapić — život i smrt holivudskog filmadžije», 1984, одновременно режиссер), «Воспоминания о будущем» («Memoriјe budućnosti», 1986), «Король мусорной свалки» («Kralj deponije», 1987), «Серб обнимает словенца, хорвата» («Srbin grli Slovenca, Hrvata», 1987), «Лайбах: Победа над солнцем» («Lajbah: Pobeda nad suncem», 1988), «Старое железо не ржавеет» («Staro gvožđe ne rđa», 1990). Кинооператор телевизионных фильмов и сериалов, включая сериал «Серый дом» («Сиви дом», 1985), считающийся высшим достижением белградского телевидения в этом жанре.

В 1991 г. переехал на постоянное жительство в США, в Лос-Анджелес, но время от времени принимает участие в реализации кинопроектов в Сербии. Своей самой значительной операторской работой в США Борис Дмитриевич считает художественную картину «Узник времени» («Prisoner of Time», 1993; реж. Марк Левинсон) с участием актеров Олега Борисовича Видова и Елены Алексеевны Кореневой. Это фильм о диссидентах-художниках из Советского Союза, проживающих в США (был показан на Международном кинофестивале в Москве¹²³).

Александр Михайлович Иванников (р. 5 марта 1950, Земун, пригород Белграда) продолжил дело своего отца, Михаила Дмитриевича. В Белграде он окончил факультет драматического искусства (отдел организации кинопроизводства) Университета искусств в Белграде. Работал продюсером «Авалапро фильм», экспертом по кинопрокату на предприятии «Центар фильм»; состоял директором ряда художественных и телевизионных фильмов и сериалов. Александр Михайлович

---

¹²³ См.: Volk P. Dvadeseti vek ... S. 519; Письмо Б.Д. Гортинского (Белград) автору от 6 декабря 2012 г.

занимается вопросами кинопроизводства, выступает как публицист и руководит киностудией при факультете драматического искусства Университета искусств в Белграде¹²⁴.

Немного удалившись от темы, упомянем еще одного русского, видного архитектора и градостроителя социалистического периода. Игорь Львович Скопин (6 октября 1914, Харбин — 28 сентября 1993, Загреб) окончил архитектурное отделение технического факультета Загребского университета (1939). Среди прочих масштабных проектов, он участвовал в создании комплекса киностудии «Ядро-фильм» Загребе (1956)¹²⁵.

14

В югославских военных фильмах и кинокомедиях 1940–60-х гг. встречаются русские имена, преимущественно это профессиональные театральные актрисы.

В фильмах «Сказ о фабрике» («Прича о фабрици», 1949), «Волшебный меч» («Чаробни мач», 1950), «Фросина» («Фросина», 1952), «Дом на набережной» («Кућа на обали», 1954) и «Эшелон доктора М» («Ешелон доктора М», 1955) снималась Надежда Игнатьевна Подерегина (Нађа Подерегин, Nadja Regin; р. 2 декабря 1931, Ниш) — киноактриса, прозванная «первой секс-бомбой югославского кино» и «югославской Сильваной Мангано»¹²⁶. Отец ее, Игнатий Петрович Подерегин (1897, Кременчуг — 1941, Кральево), русский эмигрант, окончил два факультета — философский и агрономический — Белградского университета, был преподавателем сельскохозяйственного училища в г. Кральево, занимался и научной работой. Взятый в 1941 г. оккупантами в заложники, в перекличке перед расстрелом не заявил, что он русский, и был расстрелян вместе с сербами. В тяжелые послевоенные годы Надя с матерью (черногоркой) и сестрой переехала в г. Плевле. Вскоре очаровательная девушка становится студенткой Академии театрального и киноискусства в Белграде. «В те годы, когда в стране еще нет телевидения, кино является главной жизненной отдушиной. На экране церемониальным маршем проходят строгие лики бойцов и комиссаров, мелькают исстрадавшиеся лица мучеников и жертв нацизма, а среди них — она, властная, ухоженная, вестник нового времени, дуновение уже подзабытого, счастливого мира, Надя!»¹²⁷

Быстро пришла ее слава. После съемок фильма «Эшелон доктора М» (первого югославского фильма в жанре вестерн), окончив академию и философский факультет Белградского университета, молодая актриса уезжает в Германию. Там она снимается в восьми фильмах. Выходит замуж и в 1956 г. переезжает в Англию. В 1950–60-х гг. играет в ряде художественных фильмов (два из которых о Джейм-

¹²⁴ См.: Volk P. Dvadeseti vek... S. 524.

¹²⁵ См.: Пушкиадия-Рыбкина Т. Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба. С. 184.

¹²⁶ Лазаревић С. Рађање прве секс-бомбе // Илустрована политика (Београд). 1985. Бр. 1369. С. 34–35.

¹²⁷ Там же. С. 34.

се Бонде — «Из России с любовью» (*«From Russia with Love»*, 1963); «Золотой палец» (*«Goldfinger»*, 1964), много и часто снимается в телефильмах. Вместе с сестрой актриса в 1982 г. создает книгоиздательство «Honeyglen Publishing Ltd.», занимается литературной деятельностью (пишет роман, детские рассказы, воспоминания).

Мария Николаевна Наблоцкая (урожд. Болеславская; 14 июня 1890, Астрахань — 6 октября 1969, Любляна, Словения), драматическая актриса, во втором браке замужем за режиссером Борисом Николаевичем Путятой (1871–1925). Ее дебют состоялся в Киеве, в сезоне 1910/11 г. Играла на сценах Москвы, Харькова, Тифлиса. С труппой «Гнездо перелетных птиц» покинула юг России и в сентябре 1922 г. прибыла к своему мужу, уже обосновавшемуся в словенском Национальном театре в Любляне. С 1922 по 1957 г. Мария Николаевна непрерывно играла в этом театре. О ней писали: «Эта дама с необыкновенно приветливой улыбкой и задумчивым взглядом безусловно отличалась от подвижных, оживленных и любезных, но в то же время довольно высокомерных русских эмигранток, после Первой мировой войны волновавших воображение всех европейских мужчин... Ее усмешка, каждое ее движение, легкая упругая походка, — весь ее облик открывал редко встречающиеся черты исключительной привлекательности, которую наши несколько угрюмые и тяжеловатые на подъем словенцы неохотно признают за женщиной, — она была очаровательна»¹²⁸.

В 1929 г. Мария Николаевна отклонила предложение киноагентов из Вены сниматься в кино (рекомендация Владимира Гайдарова). Однако в конце своей карьеры она исполнила роль пожилой барыни-чудачки, мадам Люли, в художественном фильме, снятом по роману словенского писателя Янко Керсника (Kersnik) «Из грязи в князи» (*«Jara gospoda»*; *«Triglav film»*, Любляна, 1953)¹²⁹.

Татьяна Львовна Лукьянова (6 ноября 1923, Белград — 19 августа 2003, Белград), известная театральная, кино- и телевизионная актриса, выпускница Русско-сербской гимназии в Белграде (1942). Любовь к театру возникла у нее в ранние годы, при посещении русских спектаклей в Русском доме имени императора Николая II и на занятиях в гимназическом драматическом кружке, которым руководила В.М. Греч, бывшая артистка МХТ, актриса и режиссер белградских теа-

Н.И. Подерегина. Белград. 1950-е гг.

Фото из журнала «Илустрована политика» (Белград). 1985.

29 января — 5 февраля. № 1369. С. 34

¹²⁸ Kaplan F. Hvalnica igri. Ljubljana, 1980. S. 124. Цит. в переводе по: Вагапова Н.М. Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах: Очерки. СПб., 2007. С. 83.

¹²⁹ См.: Вагапова Н.М. Русская театральная эмиграция... С. 88.

тральных трупп¹³⁰. После окончания Театральной школы Таня Лукьянова в 1948 г. поступает в Белградский драматический театр (Београдско драмско позориште). С первого дня его основания и буквально до последних дней своей жизни она оставалась верна этой сцене. Публика и режиссеры ее нежно любили за воплощенный талант, за балетную походку (этую походку у нее, еще юной девушки, высмеивал режиссер Ю.Л. Ракитин), за негромкий, ангельский детский голосок. Стоило ей шагнуть на сцену — раздавались рукоплескания.

Т.Л. Лукьянова много снималась в телевизионных фильмах (более 30) и телесериалах (около 15). В художественном кино играла в фильмах: «Медальон с тремя сердцами» («Medaljon sa tri srca», 1962), «Дни» («Dani», 1963), «Широкие листья» («Široko je lišće», 1981), «Путешествие» («Putovanje», 1982), «Нелегко обходиться с мужчинами» («Nije lako sa muškarcima», 1985), «Бал на воде» («Bal na vodi», 1985), «Красавчик» («Šmeker», 1985), «Hey, Babu Riba» (1985), «Раненая страна» («Ranjena zemlja», 1999), «Крестьяне» («Seljaci», 2001), «Все остается людям» («Sve je za ljude», 2001). За свою долгую творческую жизнь актриса неоднократно награждалась. После ее кончины Белградский драматический театр установил награду «Grand Prix Татјана Лукјанова».

Заида Хамзатовна Кримшамхалова (3 апреля 1936, Крагуевац — 5 сентября 2008, Нови-Сад), театральная и телевизионная актриса, дочь терского казака, прибывшего с остатками Русской армии в Королевство СХС. Детство провела в г. Шабац. Окончила Государственное театральное училище в Нови-Саде (1959). Театральный дебют — в театре г. Сомбор, где играла несколько сезонов. С 1963 г. постоянная актриса Сербского национального театра (Српско народно позориште) в Нови-Саде. Снималась в телевизионных сериалах и в двух художественных фильмах: «Широкие листья» (1981) и «Секс — партийный враг № 1» («Seks — partijski neprijatelj br. 1», 1990).

Татьяна Владиславовна Белякова (р. 1 января 1934, остров Млет, Хорватия), известная югославская театральная, кино- и телеактриса, родилась в русской семье врача Владислава Михайловича и Елены Борисовны. Окончила Академию театрального и киноискусства в Белграде. Актриса ряда белградских театров. Снималась в художественных фильмах: «Большой и малый» («Veliki i mali», 1956), «Три желания» («Tri želje», 1958), «Трещина рая» («Pukotina raja», 1959), «Товарищ председатель — центр нападения» (1960), «Ключок голубого неба» («Parče plavog neba», 1961), «Счастье наступит в 9» («Sreća dolazi u 9», 1961), «Азбука страха» («Azbuka straha», 1961), «Нет малых богов» («Nema malih bogova», 1961), «Невесиньская винтовка» («Nevesinjska puška», 1963), «Глиняный голубь» («Glineni golub», 1966), «Три часа любви» («Tri sata za ljubav», 1968), «Любовь, тут и там — брань» («Ljubav i poneka psovka», 1969), «Приемыш» («Hranjenik», 1970), «Люби, люби, да не теряй головы» («Ljubi, ljubi, al' glavu ne gubi», 1981), «Мох на асфальте» («Mahovina na asfaltu», 1983), «Любимчик» (1986), «Лагерь Ниш» («Logor Niš», 1987), «Подсолнухи» («Suncokreti», 1988), «Тайна портного» («Krojačeva tajna», 2006), «Бумажный

¹³⁰ Вера Мильтиадовна Греч (урожд. Коккинаки; 1983–1974) в эмиграции снималась в немых художественных фильмах «Преступление и наказание» (Германия, 1924) и звуковых фильмах «Идиот» (Франция, 1946) и «Анастасия» (Франция, США, 1956).

принц» («Princ od papira», 2007), «Извещение о смерти для Эскобара» («Čitulja za Eskobara», 2008) в том числе в среднеметражных: «Еще один день» («Još jedan dan», 2010) «Войны» («Ratovi», 2012). Актриса отличилась своими ролями привлекательных, зачастую холодных женщин с твердым характером¹³¹. Татьяна Владиславовна продолжает сниматься в телевизионных фильмах и телесериалах.

Людмила Львовна Лисина (р. 2 ноября 1939, Одесса), театральная актриса. Училась в Театральном институте в Москве. Вышла замуж за сербского режиссера Драгована Йовановича (Јовановић; 1937–2012). Актриса известного театра «Ателье 212» и Национального театра в Белграде¹³². Сотрудник Третьей программы Белградского радио (художественное чтение стихотворений русских поэтов Серебряного века в подлиннике) и преподаватель русского языка на кафедре славистики филологического факультета Белградского университета. Снималась в югославских художественных фильмах: «Бегства» («Bekstva», 1968), «Приемыш» (1970), «Девушка с Космая» («Devojka sa Kosmaja», 1972), «Беглец» («Begunac», 1973), «Как бы не так» («Nije nego», 1978), «Венок Петрии» («Petrijin venac», 1980), «Что случается, когда любовь рождается» («Šta se zgodi kad se ljubav rodi», 1984) и др.

Марина Евгеньевна Колюбаева (2 ноября 1950, Белград — 13 марта 2004, Белград), актриса белградских театров. Дочь инженера-строителя Евгения Васильевича и Валентины Степановны. Снималась в художественных фильмах «Девушка Вишня на Ташмайдане» («Višnja na Tašmajdanu», 1968), «Родина в песнях» («Domovina u pesmama», 1971), «Что случается, когда любовь рождается» (1984).

Ольга Петровна Янчевецкая (урожд. Виноградова; 18 марта 1890, Брест-Литовск — 27 ноября 1978, Белград), известная исполнительница русских и цыганских песен и романсов. В первом браке супруга издателя и журналиста Василия Григорьевича Янчевецкого (впоследствии известный советский писатель В.Г. Ян), во втором браке (в Белграде) — супруга Юрия Николаевича Азбукина. Давала вокальные концерты в Петербурге, была корреспондентом «Петербургских ведомостей». Эмигрировала в Королевство СХС с русскими артистами труппы «Летучая мышь». Гастролировала в городах Далмации, жила в Загребе, с 1926 г. обосновалась в Белграде. Снималась в художественных фильмах: «Когда я буду мертвым и белым» («Kada budem mrtav i beo», 1967), «Утро» («Jutro», 1967), «Полдень» («Podne», 1968), «Павел Павлович» («Pavle Pavlović», 1975).

Нина Васильевна Кирсанова (урожд. Ванер; 21 июля 1898, Москва — 3 февраля 1989, Белград), выдающаяся балерина, хореограф и педагог. Супруга московского оперного певца Бориса Попова. Танцевала на сценах Москвы, с 1921 г. выступала на сценах Варшавы, Krakova, Львова и Бухареста. Прима-балерина, хореограф и педагог балетной труппы Национального театра в Белграде (1923–1926, 1931–1936, 1939–1951). С труппами Брониславы Нижинской, Анны Павловой, Игоря Швезова, де Базиля, «Русского балета Монте Карло» и др. гастролировала во многих странах мира. Завершив карьеру балерины и хореогра-

---

¹³¹ См.: Filmska enciklopedija. Svezak 1. S. 92.

¹³² См.: Volk P. Dvadeseti vek... S. 552.

фа, Нина Васильевна продолжила педагогическую деятельность в собственной балетной студии, государственных балетных школах Белграда, ряда городов Югославии и в США.

В годы Второй мировой войны была сестрой милосердия и щедрым донором крови для раненых. В последние десятилетия своей жизни проявила интерес к археологии, окончила археологическое отделение философского факультета Белградского университета, защитила магистерскую диссертацию (попытка реконструировать танцы древних народов), изучала языки и танцы исчезнувших цивилизаций.

Нина Васильевна снималась в художественном фильме «Нечто между» («Nešto između», 1982) режиссера Срдана Караповича (Караповић). О балерине-археологе были сняты фильм Николы Раича (Рајић) «Нина Кирсанова» и телепередача «Сердечно ваши» Ивана Хетриха (Hertih)¹³³.

Лидия Константиновна Пилипенко (р. 8 февраля 1938, Лапово, близ Крагуеваца), балерина, хореограф. Прима-балерина и директор Балета Национального театра в Белграде. Окончила балетную школу в Белграде, совершенствовалась в Лондоне. Снималась в художественных фильмах «Свисток в восемь вечера» («Zvižduk u 8», 1962) и «Как любили друг друга Ромео и Джульетта» («Kako su se voleli Romeo i Julija», 1966), в телевизионном фильме «Ориентируйтесь на комедию» («Orijentišite se na komediju», 1973) и телесериале «Формула 1» («Formula 1», 1984).

Соня Лапатанова (р. 16 сентября 1948, Битола, Македония), известная балерины и хореограф Балета Национального театра в Белграде (совершенствовалась в СССР и США), внучка русского эмигранта-врача Петра Васильевича (1878–1960) и дочь врача Николая Васильевича (1914–1987) Лапатановых, — была хореографом и снималась в телефильмах «Музыка сцены» («Scenska muzika», 1976) и «Вариации для Золушки» («Varijacije za Pepeļjugu», 1987), а также хореографом в художественном фильме «Мисс» («Miss», 1986) и телефильмах «Мистер доллар» («Mister dolar», 1989) и «Смерть госпожи министерши» («Smrt gospođe ministarke», 1991).

Иногда эпизодические роли в югославских художественных фильмах играли русские: Павел Владимирович Анагности (1944, Белград — 17 октября 2005, Белград), журналист, снимался в фильме «Счастливое семейство» («Srećna rođonica», 1979), и Лидия Михайловна Ираклиди (урожд. Соловьев; 4 (17) октября 1893, Кишинев — ноябрь 1994, Апатин, Сербия), всесторонне образованная дама, была известна в аристократических и интеллектуальных кругах как первая открывшая в Белграде женский косметический салон. Снималась в роли пожилой матери избалованного авантюриста в кинокомедии «Счастье» («Срећа», 1987).

Большой популярностью в современной Сербии пользуется Андрей Владимирович Шепетковский (р. 5 марта 1974, Алексинац, Сербия), театральный и киноактер. Он известен как сценарист и автор одной театральной пьесы. Окончил

---

¹³³ См.: Шукуљевић-Марковић К. Нина Кирсанова: Примабалерина, кореограф и педагог. Београд, 1999. С. 21.

факультет драматического искусства Университета искусств в Белграде (1998) как лучший студент выпуска. Снимался в художественных фильмах: «Кабы я сказал тебе» («Kad bih ti rekao», 1999), «Белый костюм» («Belo odelo», 1999), «Механизм» («Mehanizam», 2000), «Виртуальная действительность» («Virtuelna stvarnost», 2001), «Бумажный принц» («Princ od papira», 2008), «Бюро потерянных вещей» («Biro za izgubljene stvari», 2008), «Фильм о Милоше Бранковиче» («Film o Milošu Brankoviću», 2008), «Белградский фантом» («Beogradski fantom», 2008), «Любовь приходит после» («Ljubav dolazi kasnije», 2012).

Сильвио Йосифович Мирошниченко (р. 1972, Бад-Шуссенрид, Германия) в Хорватии зарекомендовал себя как кинорежиссер, кинооператор и автор статей о киноискусстве. Сын Йосифа Филипповича, выходца из деревни Мирошниченко на Украине. Окончил отделение драматургии (2001) и кинооператорское отделение (2010) Академии драматического искусства в Загребе. Кинорежиссер и сценарист более двадцати документальных фильмов, среди которых: «Грезы на перроне детства» («Snovi na peronu djetinjstva», 2001), «Охранник буксира» («Čuvar tegljača», 2003), «Ревизор железнодорожного полотна» («Ophodar pruge», 2004), «Дубровник» (2005), «На дороге страха» («Na putu straha», 2006), «Дневник одного скина» («Dnevnik jednog skinsa», 2008), «Под ударами критики» («Pod udarom kritike», 2011), «Горы 21000 Сплит» («Brda 21000 Split», 2012). Его фильмы демонстрировались и награждались на престижных фестивалях (Париж, Амстердам, Берлин, Москва, Чикаго, Барселона). Оператор и ассистент режиссера художественных фильмов «Дух в болоте» («Duh u močvari», 2006) и «Мост на краю света» («Most na kraju svijeta», 2012). Член Союза хорватских кинорежиссеров.

С 1990-х гг. в Белграде существует «Видеопроизводство Прекраснов» («Prekrasnov video produkcija»), частная студия, оказывающая услуги по видеосъемке, аудиозаписи и монтажу. Ее основатель и собственник Зоран Александрович Прекраснов (р. 1968, Белград), внук донского казака, священника. Помимо прочих, студия выпустила документальные фильмы: «Камикадзе-каскадер» («Kamikaza kaskader», 1999), «Компьютерные инсталляции» («Kompjuterske instalacije», 2000) и «Новисадские мосты, которых больше нет» («Novosadski mostovi kojih više nema», 2000)¹³⁴, снятые его отцом, Александром Григорьевичем Прекрасновым (30 августа 1927, Лисичине, близ г. Подравска-Слатина, Хорватия — 5 января 2006, Белград), летчиком Югославской военной авиации, руководителем мастерской визуального искусства при Студенческом культурном центре в Белграде (1982), пионером компьютерной художественной графики в Сербии (самостоятельная выставка в 2002 г. и др.).

Русские эмигранты и их потомки не только принимали участие в создании югославских кинокартин, но случалось, что русские беженцы воплощались и на киноэкране. Например, в художественном фильме режиссера Лордана Зафрановича (Zafranović) «Оккупация в 26 картинах» («Okupacija u 26 slika», 1976; картине присуждена «Золотая аrena» на кинофестивале в Пуле, фильм также участвовал в конкурсе Международного кинофестиваля в Каннах, 1979) действие происходит

---

¹³⁴ См.: Volk P. Dvadeseti vek... S. 837, 846–847.

в годы Второй мировой войны в Дубровнике, и в нем в карикатурном, утрированном виде представлены трое русских эмигрантов, симпатизировавших оккупантам: священник о. Тихон, взбалмошная Нина Андреевна и генерал Семен Чабудкин¹³⁵. А в фильме режиссера Эмира Кустурицы «Папа в командировке» («Otac na službomu putu», 1985; лауреат «Золотой пальмовой ветви» в Каннах), в котором представлена драматическая история семьи, попавшей в жернова югославского тоталитаризма 1942–1952 гг., есть эпизод с участием трогательно-гуманного русского эмигранта в годах, врача Евгения Александровича Ляхова, жившего в глухой провинции (городок Зворник на р. Дрина), и его хрупкой дочери Маши, в которую влюбляется мальчик, главный герой фильма¹³⁶.

О русских в Королевстве СХС — Югославии телекомпании Сербии снимали документальные сериалы или отдельные передачи. Семисерийный фильм «Русские в Сербии» («Руси у Србији», 1995) подготовила Лиляна-Лика Лукич (Лукић); четырехсерийный фильм «Русские архитекторы в Сербии» («Руски архитекти у Србији») и фильм «Мы, кадеты — мы дети России» («Ми кадети — ми деца Рузије», 2011) по сценарию и в постановке Драгана Чиричича (Čitričić) выпустила Белградская студия Радио-телевидения Сербии. Трехсерийный фильм «Кисловский» («Kislovski») Яна Макана (Makan) об агрономе-селекционере Сергею Андреевичу Кисловскому (1899, Прилуки, Полтавская губ. — 1995, Нови-Сад) выпустила Новисадская студия Радио-телевидения Сербии. Трехсерийный фильм Светланы Милянич (Мильанић) «Сербские Толстые» («Српски Толстоји», 2011) и ее трехсерийный фильм «Хранители традиции» («Чувари традиције», 2013) были сняты в студиях телевидения Воеводины (Нови-Сад). Та же телекомпания выпустила документальный фильм о русском участке Успенского кладбища в Нови-Саде. Йоже Перко (Perko) стал автором сценария, режиссером и оператором документального телефильма Телевидения Словении «Русская дорога» («Ruska cesta», 1999) — ее в 1916 г. в Альпах строили российские военнопленные. Мария Астроева создала документальный фильм «Потерянный рай» (2007, производство ДОО «Наша мрежа», Нови-Сад) о генерале П.Н. Врангеле в Сремски-Карловцах и фильм о театральном режиссере Юрии Львовиче Ракитине («Ракитин», 2012). Сценарист и режиссер Анита Панич (Panić) создала телефильм «Ольга Янчевецкая» (2009, производство Белградской студии Радио-телевидения Сербии) о жизни и творчестве известной эстрадной певицы, а в сериале Радио-телевидения Сербии «Последняя аудиенция» («Последња аудијенција», 2008) сербская актриса выступила в роли Ольги Янчевецкой. При частном агентстве и издательстве «Бернар» (Белград) режиссер Бошко Милованович (Миловановић) снял документальные фильмы «Было, и калмыки жили в

¹³⁵ Вне всякого сомнения, имелась в виду реальная личность: контр-адмирал Александр Дмитриевич Бубнов (1883–1963), профессор Морской академии в Дубровнике, автор капитального исторического труда — учебника «Морские войны» (Дубровник, 1940), опубликованного на хорватском языке (см.: Арсеньев А. Русская эмиграция в Дубровнике // Европа: Международный альманах. Тюмень, 2011. Вып. X. С. 123–125).

¹³⁶ По всей вероятности, фамилия врачу была дана неслучайно: в югославской провинции врачами работали братья Николай Николаевич и Кирилл Николаевич Ляховы и их мать, врач Ольга Ивановна (см.: Литвињенко С. Руски лекари у Србији и Црној Гори. Београд, 2007. С. 140, 187, 188).

Белграде...» (2011) о калмыках-эмигрантах и «Его благородие барон Врангель» («Јего благородије барон Врангел», 2013)¹³⁷.

В сценариях югославских художественных фильмов нашли свое место и граждане СССР, а затем и бывшего Советского Союза, оказавшиеся в Югославии – Сербии. В югославском фильме «черной волны» «WR: мистерия организма» («WR: misterija organizma», 1971) режиссера Душана Макавеева (Макавејев, р. 1932)¹³⁸ представлена любовь советского парня, спортсмена-фигуриста, и югославской девушки-коммунистки (аллегория на государственные взаимоотношения СССР и Югославии); в популярной в Югославии и СССР кинокомедии из современной белградской жизни «Что случается, когда любовь рождается» (1985) Зорана Чалича (Чалић, р. 1931) белградский юноша влюбляется в русскую девушку Наташу из Москвы (в фильме также представлены ее родители и дедушка); а в трех художественных фильмах «Танго — это печальная мысль в танце» («Танго је тужна мисао која се плеше», 1997) в постановке Пуриши Джорджевича (Ђорђевић, р. 1924), «Белый костюм» (1999) Лазаря Ристовского (Ристовски, р. 1952) и «На прекрасном голубом Дунае» (2008) Дарко Баича (Бајић, р. 1955) представлены девушки-проститутки, оказавшиеся в Сербии в постсоветское время.

В Югославии были сняты полнометражные картины по мотивам русской и советской художественной литературы: «Враг» («Neprijatelj», 1965) Живоина Павловича (Павловић; 1933–1998) — по мотивам повести «Двойник» Достоевского; «Событие» («Događaj», 1969) Ватрослава Мимицы (Mimica, р. 1923) — по рассказу «Происшествие» Чехова; «Мастер и Маргарита» («Majstor i Margarita», 1972) Александра (Саши) Петровича (Петровић; 1929–1994) — по роману Булгакова; «Палата № 6» («Soba br. 6», 1973) Луциана Пинтилие (Pintilie, р. 1933) — по повести Чехова; «Дождь» («Kiša», 1975) Пуриши Джорджевича — по мотивам «Дамы с собачкой» Чехова; «Избавитель» («Izbavitelj», 1976) Крсто Папича (Papić; 1933–2013) — по рассказу «Крысолов» А. Грина; «Случай Хармса» («Slučaj Harms», 1988) Слободана Д. Пешича (Пешић, р. 1956) — по мотивам прозы и биографии Д. Хармса; «Святое место» («Sveto mesto», 1990) Джордже Кадиевича (Kadijević, 1933) — по повести «Вий» Гоголя.

В этих экранизациях сценаристы и режиссеры по-разному следовали литературной фабуле оригинала и замыслам писателей¹³⁹.

¹³⁷ Отметим, что о русских в Югославии снят ряд документальных фильмов в России, среди которых: «Между молотом и наковальней: Русские в Югославии» (2010, в составе сериала «Русские без России» телеканала «Россия», Российского фонда культуры и фонда «Русский мир») Н. Михалкова и Е. Чавчавадзе; «Солнце на погонах» (2010) и «Фуражка, милая, не рвися!» (2010, оба киностудии Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына) режиссера А. Русаковой; «Добро пожаловать» (2010) и «Батина. Как это было...» (2011, оба производства группы компаний «Rostik Group») режиссера М. Ордовского; «Дмитрий Сироткин: Заочная исповедь» (2011, продюсерский центр «4 формата», Москва) А. Джазояна и В. Грудинской; «Юрий Лобачев — отец русского комикса» (2011, ООО «Раям», Москва) сценариста и режиссера П. Фетисова.

¹³⁸ Этого известного югославского кинорежиссера по его рождении усыновил русский эмигрант, архитектор Сергей Сергеевич Макавеев (1904, Тифлис — не ранее 1945), который был арестован в Нови-Саде органами Смерша и увезен в СССР.

¹³⁹ Подробный разбор этих экранизаций см.: Велисављевић И. Чехов у југословенском филму // Руски алманах. 2011. Бр. 16. С. 181–189; Он же. Руски писци у југословенском филму // Там же. 2013. Бр. 17. С. 200–207; Там же. 2013. Бр. 18. С. 110–120.

Итоги совместного югославско-советского кинопроизводства, восстановленного после нормализации партийных и государственных отношений в 1955 г., были достаточно скромными, если сравнивать с тем, что было снято югославскими кинематографистами в сотрудничестве с кинокомпаниями Германии, Франции, Италии, Польши, США и т. д.

Было снято два документальных фильма: «Всю ночь война» (1972) в постановке Семена Школьникова (совместная работа Таллинской киностудии и киностудий из Титограда и Белграда) и «Вук и Россия» (1988) в постановке Миленко Дереты (Дерета, р. 1950) и Бориса Саракатунова («Inex film» (Белград) и Центральная студия документального фильма «Совинфильм» (Москва)).

В двух югославских художественных фильмах на военную тематику снимался Сергей Федорович Бондарчук: «Битва на Неретве» («Bitka na Neretvi», 1969) сценариста и режиссера Велько Булаича (Bulajić, р. 1928) и «Вершины Зеленой горы» (1976) сценариста и режиссера Здравко Велимировича (Велимировић; 1930–2005).

Всего было создано восемь советско-югославских художественных фильмов:

«Алеко Дундич» (1958). Фильм снимали белградская студия «Авала фильм» и Киностудия имени М. Горького. Сценарий — Михаил Кац, Леонид Луков, Анатолий Исакович (Исаковић, Белград). Режиссер Леонид Луков. Оператор Михаил Кириллов. Художник Александр Дильтер. Монтаж — Ирина Жучкова. Музыка — Никита Богословский. С советской стороны в фильме участвовали актеры: Борис Ливанов, Татьяна Конюхова, Татьяна Пилецкая, Владимир Трошин.

«Проверено — мин нет» (1965). Совместное производство Киностудии имени А. Довженко и «Ловченфильм» (Титоград). Сценарист Предраг Голубович (Голубовић; 1935–1994), режиссеры Славко Велимирович (Велимировић) и Юрий Лысенко. Оператор Сергей Лисецкий. В ролях: Сергей Анофриев, Ольга Лысенко, Леонид Тарбанов.

«Попутного ветра, “Синяя птица”!» («Dobar vетар, „Plava ptico“», 1967). Приключенческий фильм по одноименной повести Берислава Косиера (Kosiјer, р. 1930). Совместное производство «Ленфильма» и «Авалафильм» (Белград). Сценарий — Юзеф Принцев, Станислава Борисавлевич (Борисављевић), Федор Шкубона (Škubonja). Режиссер Михаил Ершов. В ролях: Борис Амарантов, Виталий Доронин, Всеволод Гаврилов, Азер Курбанов, Евгения Ветлова, Светлана Вишнякова, Лариса Тараненко, Роберт Зотов, Алексей Смирнов.

«Наперекор всему» (1972). Совместное производство Киностудии имени А. Довженко и «Filmski studio» (Титоград). Режиссер Юрий Ильенко. Оператор Вилен Калюта. В ролях: Лариса Кадочникова, Иван Миколайчук, Борис Хмельницкий, Юрий Дубровин, Валерий Лущевский, Федор Панасенко, Лев Перфилов, Владимир Шакало, Владимир Волков.

«Свадьба» (1973). Военная драма по одноименному роману Михайло Лалича (Лалић; 1914–1992). Совместное производство Киностудии имени А. Довженко и «Filmski studio» (Титоград). Сценаристы Радомир Шаранович (Шарановић; 1937–2001), Виктор Говядя. Режиссер Р. Шаранович. Оператор Вадим Ильенко. Худож-

ник Анатолий Мамонтов. В ролях: Зураб Капианидзе, Валентин Никулин, Вацлав Дворжецкий, Александр Быструшкин и др.

«Единственная дорога» (1974). Совместное производство студии «Мосфильм» и «Filmski studio» (Титоград). Сценарий — Вадим Трунин. Режиссер Владимир Павлович (Павловић). Оператор Алексей Темерин. Художник Георгий Турьлёв. Монтажер Ирма Џекавая. Композитор Карен Хачатурян. Музыка, текст и исполнение песен: Владимир Высоцкий. В ролях: Анатолий Кузнецов, Татьяна Сидоренко, Александр Аржиловский, Лев Дуров, Глеб Стриженов, Ирина Мирошниченко, Светлана Данильченко, Владимир Высоцкий, Виктор Павлов, Владислав Дворжецкий и др.

«Дикий ветер» (1986). Совместное производство «Moldova film», «Film danas» (Белград), «Croatia film» (Загреб), «Noble Production» (США). Сценарий — Игорь Болгарин, Владимир Соснора, Живоин Павлович (Белград). Режиссеры Валериу Жереги и Александар Петрович (Белград). Операторы В.С. Яковлев, Александр Петкович (Белград). Композитор Евгений Дога. В ролях: Виктор Проскурин, Любовь Полищук, Елена Кондулайнен, Сильвия Берова, Евгения Симонова, Светлана Тома.

«Поезда без улыбки» (1990). Совместное производство Киностудии имени А. Довженко и «FRZ Film 41» (Белград). Режиссер Светислав Бата Недич (Недић, р. 1962). Операторы Сергей Лисецкий и Валерий Чумак. Художник Анатолий Добролежа. Монтаж — Наталия Боровская. В ролях: Анна Тверенева, Борис Хмельницкий.

16

Собирая факты о деятельности русских в Югославии, мы убедились, что еще многое в югославской кинематографии осталось неисследованным. Мало работ историков кино посвящено эстетической и художественной оценке югославской кинопродукции. В архивах и кинотеках осталось много неупорядоченного и во все не атрибутированного материала. Много кинолент утрачено, много погибло из-за несоответствующих условий хранения¹⁴⁰. Фильмы, хранящиеся в Военно-географическом институте на Калемегдане, в 1944 г. были увезены в Москву по распоряжению сопроводительных органов Красной армии, принимавшей участие в освобождении Белграда¹⁴¹. Фильмы А.Ф. Черепова сохранились, фильмы М.Д. Иванникова — частично¹⁴²; они неоднократно демонстрировались в белградском зале Югославской кинотеки и по белградским программам телевидения.

---

¹⁴⁰ В нашей работе мы не указывали на наличие сохранившихся кинолент, в создании которых принимали участие русские (в межвоенный период).

¹⁴¹ В XX в. сотрудники Югославской кинотеки (Југословенска кинотека, Београд) не имели доступ к фондам Государственного кино- и фотоархива СССР; см.: Јовићић С. С камером... С. 73.

¹⁴² В начале 1945 г. часть фонда «Артистик фильма» сгорела в пожаре; см.: Momčilović D. Mihajlo Ivanjikov: Život i delo. Beograd, 1992, S. 12. Дипломная работа (машинопись) хранится в библиотеке Факультета драматического искусства Университета искусств в Белграде.

Фонд документальных и образовательных фильмов Школы здравоохранения в Загребе сохранился почти в полном объеме. Расчленение Югославии на независимые республики (недружелюбно относящиеся друг к другу) замедляет работу исследователей, тормозит необходимый обмен фильмами и комплектование национальных кинотек.

Вклад русских в югославскую кинематографию межвоенного и послевоенного периода был достаточно велик. Обладавшие уже некоторым опытом работы на киностудиях в Крыму, выходцы из России в двух центрах кинопроизводства (Загреб, Белград) заняли соответствующие места в частных и государственных кинокомпаниях и проявили свои художественные таланты, технические знания, изобретательность и энтузиазм. Самый видный вклад они внесли в 1930-х гг., работая кинооператорами и режиссерами документальных лент и в области усовершенствования киноаппаратуры. После Второй мировой войны заметный след оставили оператор М.Д. Иванников, режиссер Г.В. Скрыгин и ряд русских актрис (снимались более чем в пятидесяти художественных фильмах). В национальные кинематографии некоторых союзных республик социалистической Югославии, как и суверенных государств бывшей Югославии, внесли большой вклад представители второго и третьего поколения выходцев из России.

M.O. Рубинс

ВАСИЛИЙ РОЗАНОВ И РУССКИЙ МОНПАРНАС
(1920–30-е гг.)

В литературных кругах русского Парижа Василий Розанов приобрел нежданную посмертную славу. Если в России в течение практически всего советского периода его имя упоминалось крайне редко¹, то в диаспоре его парадоксальные писания вызывали жаркие споры. Вполне предсказуемо, что основное внимание в эмигрантской прессе уделялось таким произведениям Розанова, как «Уединенное» (1912), «Опавшие листья» (1913, 1915) и «Апокалипсис нашего времени» (1918). В 1920–1930-х гг. эти тексты не только были опубликованы эмигрантскими издательствами, но и стали появляться в переводах на европейские языки², вызывая резонанс в западной печати³.

Первоначально внимание к Розанову привлекли эмигранты старшего поколения, которые были лично знакомы с ним до революции. Переоценка розановского наследия началась с публикаций Д. Мережковского и З. Гиппиус. Они

¹ В статье «Мистицизм и канонизация Розанова» (1922) Л. Троцкий уловил возрождение интереса к Розанову и, эффектно продемонстрировав «недостатки» его политических и идеологических убеждений, фактически табуировал наследие философа для многих поколений советских исследователей.

² См.: Розанов В.В. Уединённое: почти на правах рукописи. С приложением статьи Виктора Ховина «Предсмертный Розанов» / сост. В.Р. Ховин. Париж: Опарованный странник, 1928; Он же. Опавшие листья. Париж: Руссика, 1930. «Апокалипсис нашего времени» был напечатан во втором номере журнала «Версты» за 1927 г. с предисловием П. Сувчинского и статьей Д. Святополк-Мирского «Веянье смерти в предреволюционной литературе». В том же году вышел английский перевод «Уединенного» (*Rozanov V.V. Solitaria. L.: Wishart, 1927*), а в 1929 г. — «Опавших листьев» (*Rozanov V. Fallen Leaves. L.: Mandrake Press, 1929*). По-французски «Уединенное» вышло в 1930 г. в одном томе с «Апокалипсисом нашего времени» и предисловием Бориса де Шлётцера: *L'Apocalypse de notre temps, précédé de Esseulement / traduits du russe par Vladimir Pozner et Boris de Schloezer*. Р.: Plon, 1930. Появление этих переводов тем более удивительно, что всего лишь в 1925 г., рецензируя «Живые лица» З. Гиппиус, Г. Адамович сетовал на то, что Розанов все еще совсем неизвестен в Европе (см.: Адамович Г. Литературные беседы // Звено. 1925. 3 авг. № 131. С. 2).

³ См.: Schloezer B., de. V. Rozanov // Nouvelle Revue française. 1929. 1 nov. № 194; рецензии Д.Х. Лоуренса на «Уединенное» (*Lawrence D.H. Solitaria // Calendar of Modern Letters. 1927. July. № 4. P. 152–161*) и «Опавшие листья» (*Idem. Fallen Leaves, by V.V. Rozanov. Translated from the Russian by S.S. Koteliansky, with a Foreword by James Stephens. London, 1929 // Everyman. 1930. 23 Jan.*). В. Познер и Д. Святополк-Мирский уделили существенное внимание Розанову в своих обзорах русской литературы, написанных ими для западных читателей, соответственно по-французски и по-английски: *Pozner V. Panorama de la littérature russe contemporaine*. Р.: Editions KRA, 1929; *Mirsky D. Contemporary Russian Literature*. N. Y., 1926.

познакомились с Розановым еще в конце 1890-х гг. и после периода тесного дружеского общения и сотрудничества в журнале «Новый путь» разошлись из-за идеологических разногласий. В 1914 г. чета Мережковских фактически инициировала исключение Розанова из Религиозно-философского общества⁴. Дореволюционные статьи Мережковского о Розанове отражают несовместимость их позиций, например, в статье 1913 г. он осуждает Розанова по причинам морально-религиозного характера⁵. Однако впоследствии Мережковский резко меняет свое мнение. Он был потрясен известием о безнадежном положении Розанова, его нищете и болезни, приведших в конце концов к его смерти в Сергиевом Посаде. А Гиппиус незадолго до его кончины даже обращалась за помощью к Горькому⁶. В дни большевистского террора она начинает прочитывать розановские тексты как пророчества и завершает свою «Черную книжку» (часть «Петербургских дневников», охватывающую период 1919–1920 гг.) цитатой из «Опавших листвьев»:

«Хочу завершить эту мою запись изумительным отрывком из «Опавших листвьев» В.В. Розанова. Неизвестно, о чем писал он это — в 1912 году. Но это мы, мы — в конце 1919-го!

«И увидел я вдали смертное ложе. И что умирают победители, как побежденные, а побежденные, как победители.

И что идет снег и земля пуста. <...>

Но остаются недвижимыми костями, и на них идет снег»⁷.

Окончательная реабилитация Розанова Мережковскими и эмигрантами их круга произошла после прочтения «Апокалипсиса нашего времени», сочиненного автором на смертном одре. В этом проникновенном «завещании» Розанов отказывается от своего привычного «юродивого» тона⁸ и дает четкое толкование

⁴ Отметим для ясности, что заседание Религиозно-философского общества, состоявшееся 26 января 1914 г., создало условия для его исключения, приняв соответственную резолюцию. Непосредственным поводом послужили несвоевременные публикации Розанова о ритуалах еврейских жертвоприношений, как раз в разгар дела Бейлиса. Формально Розанов сам принял решение о выходе из общества, что он и сделал 15 февраля 1914 г.

⁵ См.: Мережковский Д.С. Розанов // Русское слово. 1913. 1 июня.

⁶ Об этом она пишет в мемуарном эссе о Розанове «Задумчивый странник» (Окно (Париж). 1924. № 3).

⁷ Гиппиус З. Петербургские дневники (1914–1919). Нью Йорк: Орфей, 1982. С. 64.

⁸ Современники нередко отзывались о Розанове как о юродивом. Например: «Иногда он [Розанов] с поразительной непринужденностью выступает в публику, “не причесавшись”, не смущаясь теми условными законами “приличия”, которыми связаны даже самые радикальные представители русского общества. За это он не раз — и довольно заслуженно — встречал упреки в цинизме, в “юродстве”, в “неграмотности”» (Философов Д.В. Слова и жизнь. Литературные споры новейшего времени (1901–1908 гг.). СПб., 1909. С. 149); «В Розанове и было это юродство. В каком-то отношении он именно юродивый русский гений» (Курдюмов М. [М. Каллаш]. О Розанове // Настоящая магия слова: В.В. Розанов в литературе русского зарубежья / ред. А.Н. Николюкин. СПб., 2007. С. 100). В 1911 г. вышла статья Р. Иванова-Разумника «Юродивый русской литературы» (Иванов-Разумник Р.В. Творчество и критика: Статьи критические: 1908–1922. Пб., 1922). Возрождение этого культурного мифа, созданного вокруг Розанова, в творчестве более поздних писателей XX в. является предметом статьи О. Рейди (Ready O. The Myth of Vasilii Rozanov: the ‘Holy Fool’ through the Twentieth Century // Slavonic and East European Review. 2012. Vol. 90. № 1. P. 34–64). Несмотря на заявленное в названии на-

причин упадка русской цивилизации, что, конечно, не могло не вызвать живого отклика у эмигрантской интеллигенции, размышлявшей о судьбах России в столь же апокалиптической тональности. Рассуждая о Розанове в период парижской эмиграции, Мережковский называет его гениальным эсхатологическим мыслителем и пророком, ведущим свою духовную родословную от Данте, Достоевского и В. Соловьева.

Гиппиус в свою очередь усиленно пыталась поместить Розанова в эпицентр эмигрантских дискуссий, неоднократно апеллируя к его наследию на заседаниях «Зеленой лампы». Так, 10 апреля 1928 г. она сделала доклад, посвященный разбору «Апокалипсиса нашего времени», который был опубликован на следующий день под заголовком «Два завета» в газете «Возрождение». К Розанову она обращалась и в целом ряде статей⁹, неустанно пытаясь защитить его от нападок критиков¹⁰. В эмиграции Гиппиус полностью переосмыслила свое отношение к ранее ею не-приемлемым непринципиальным или аморальным высказываниям Розанова, представляя его человеком глубоких антиномий, которого не следует судить по обычным критериям¹¹.

Укреплению положительного образа Розанова способствовал и Алексей Ремизов. В 1923 г. он опубликовал брошюру, озаглавленную «Кухня: Розановы письма», в которой он создал своеобразный нарратив из воспоминаний, писем, снов и воображаемых разговоров со своим покойным другом о превратностях эмигрантской судьбы. В статье «“Воистину” памяти В.В. Розанова» (1926) Ремизов углубляется в анализ особенностей розановского стиля, обнаруживая истоки его «“живого”, “изустного”, “миметического”»¹² синтаксиса у Аввакума и Лескова. Эти соображения представляют дополнительный

мерение проследить рецепцию Розанова как «юродивого» на протяжении всего столетия, автор сразу переходит от обсуждения публикаций начала века (главным образом статьи Иванова-Разумника) к А. Синявскому, В. Ерофееву и Д. Галковскому, таким образом совершенно не затрагивая период первой волны эмиграции, когда споры вокруг Розанова были наиболее интенсивными. Более того, Рейди считает опубликованную в Нью-Йорке в 1956 г. антологию под редакцией Ю. Иваска, в список авторов которой был включен Розанов, первой попыткой воскресить интерес к незаслуженно забытому мыслителю: «После того как произведения Розанова исчезли в СССР, он был заново открыт авторами эмиграции и андеграунда постсталинского периода, которые читали его в тамиздате и самиздате» (с. 46). На самом деле антология Иваска была не началом, а результатом усилий критиков диаспоры предыдущих десятилетий, культивировавших учения Розанова тем усерднее, чем больше они замалчивались в советском контексте.

⁹ О женах // Последние новости. 1925. 30 июля; Не нравится — нравится // Новый корабль. 1928. № 4; Развод? // Сегодня. 1932. 14 февр. С. 4.

¹⁰ Например, в статье «Об одной книжке» (Современные записки. 1939. № 69) Гиппиус негативно оценивает книгу М.М. Спасовского «В.В. Розанов в последние годы своей жизни: из неопубликованных писем и рукописей» (Берлин, 1939), критикуя автора за то, что он называет Розанова антисемитом.

¹¹ Краткий обзор высказываний Гиппиус о Розанове в эмигрантской печати дан в статье: Королева Н.В. Розанов глазами Зинаиды Гиппиус и литераторов ее круга // Наследие В.В. Розанова и современность: Мат-лы науч. конф. Москва, 29–31 мая 2006 г. М., 2009. С. 162–67.

¹² В.В. Розанов: Pro et contra: Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология: в 2 кн. СПб., 1995. Кн. 2. С. 352–356.

интерес в связи с тем, что манера самого Ремизова обнаруживает связь с той же традицией¹³.

Помимо писателей и критиков, Розанов привлек внимание и ведущих мыслителей русского зарубежья, включая Бердяева, Шестова, Федотова и Флоровского. Доминирующее в эмиграции философское направление было тесно переплетено с православным богословием, поэтому не удивительно, что критические высказывания Розанова о христианстве (которое он уравнивал с «холодом», противопоставляя его жизнеутверждающему духу иудаизма) не могли не вызвать полемическую реакцию. В своей статье 1930 г. Лев Шестов пишет, что Розанов видел основного врага в христианстве, а его путь к полному самовыявлению лежал через «крайнюю грубость и циничность»¹⁴. Возможно, наиболее последовательным оппонентом Розанова был Георгий Флоровский. В статье 1937 г. он называет Розанова «человеком религиозно слепым», грешившим чрезмерной субъективностью и «навязчивой интимностью, ненужной, а потому переходящей в манерность и развязность»¹⁵. Для Василия Зеньковского Розанов — это «религиозный мыслитель», который «подымает бунт против всего того, что умаляет и унижает “естество” <...> он не вмещает тайны Голгофы и в сущности не знает Воскресения: ему дорого бытие, как оно есть, до своего преображения»¹⁶. «Физиологический» (а не логический) ход мысли Розанова подчеркивает Бердяев, в частности, в книге «Самопознание» (1949)¹⁷. Философ и критик Мария Каллаш, которая написала ряд статей о Розанове еще до революции¹⁸, предприняла более подробный обзор его мыслей о христианстве в книге «О Розанове» (1929), опубликованной под псевдонимом М. Курдюмов. В этой работе она интерпретирует идеализацию Розановым частной жизни (его «пафос материального бытия»¹⁹) сквозь призму его несчастного детства. По поводу его отрицания христианства она замечает, что Розанову было свойственно полное непонимание сути этой религии, делая, однако, парадоксальный вывод: «Вольно или невольно, но самым “спором” своим Розанов утверждал христианство, утверждал Церковь»²⁰.

¹³ Основываясь на признании Ремизова о том, что он написал эту статью во время Пасхи, на его обращении к усопшему Розанову как к живому человеку и особенно на названии, отсылающем к традиционному пасхальному приветствию «Христос воскресе. — Воистину воскресе», Генриетта Мондри показывает, что статья Ремизова, возможно, была задумана как пародия на статью Троцкого «Мистицизм и канонизация Розанова» (см.: *Mondry H. Šklovskij pro, Trockij contra: ‘Canonizing’ Vasilij Rozanov in the 1920s // Russian Literature*. 2011. LXIX. P. 239–57).

¹⁴ Шестов Л. В.В. Розанов // В.В. Розанов: Pro et contra. С. 380.

¹⁵ Флоровский Г. В.В. Розанов // Там же. С. 397.

¹⁶ Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа: Критика европейской культуры у русских мыслителей. Р.: YMCA-Press, 1927. С. 211–212.

¹⁷ Бердяев Н. Самопознание. Париж: YMCA-Press, 1949. С. 187.

¹⁸ Среди них рецензия на «Уединенное», опубликованная Каллаш под псевдонимом Гаррис в «Утре России» 15 марта 1912 г.; см. также: Каллаш М. Карамазовщина // Голос Москвы. 1914. 14 февр.; Курдюмов М. Уединенный (о Розанове) // Вечернее время. 1924. 13 июля.

¹⁹ Курдюмов М.А. О Розанове // Настоящая магия слова. С. 88.

²⁰ Там же. С. 101.

Популярность Розанова не ограничивалась лишь кругом русской диаспоры. Благодаря появившимся в 1920-х гг. переводам его книги стали доступны западноевропейским читателям. Писатель Д.Х. Лоуренс, один из активных популяризаторов Розанова, написавший рецензии на «Уединенное» и «Опавшие листья», даже утверждал, что среди молодых авторов Парижа и Берлина русский философ пользуется репутацией пророка²¹. Кроме того, есть основания полагать, что рассуждения Розанова о поле и космических ритмах оказали непосредственное влияние на взгляды самого Лоуренса²². Английский писатель, видимо, узнал о Розанове от эмигранта Самуила Котелянского, жившего в Лондоне и поддерживавшего тесные связи с модернистским кружком Блумсбери. Котелянский способствовал появлению новых переводов русских классиков, многие из которых он делал сам. В апреле 1927 г., когда Лоуренс испытывал творческий кризис, возникший в процессе работы над романом «Любовник леди Чаттерлей», Котелянский послал ему свой перевод «Уединенного». Лоуренс был потрясен мыслями Розанова, особенно его «языческим», «фаллическим видением», полным «живой, подлинной страсти», и утверждал, что со страниц «Уединенного» для него зазвучал «голос нового человека»²³. Проанализировав комментарии писателя о Розанове, особенно в частной переписке, Г. Димент делает вывод, что знакомство с «Уединенным» окончательно убедило Лоуренса в необходимости правдивого изложения «фаллического видения» в его романе²⁴. Нет сомнений, что отголоски Розанова слышны и в размышлениях Лоуренса о судьбах западной цивилизации в его «Апокалипсисе» (1929–1930).

Младоэмигранты вступили в литературную жизнь диаспоры как раз на пике дискуссий о Розанове. Вряд ли случайно то, что один из первых вечеров журнала «Числа», состоявшийся 26 января 1930 г. в парижском зале Дебюсси, был посвящен именно Розанову. Как следует из краткого отчета об этом вечере в «Числах», это мероприятие привлекло широкие круги эмигрантской интеллигенции и даже французских гостей, включая Пьера Дрие ла Рошеля и Габриэля Марселя. Борис де Шлётцер прочитал доклад о Розанове и отрывки из «Уединенного» и «Апокалипсиса нашего времени», переведенных им вместе с Владимиром Познером. Шестов сравнил в своем выступлении Розанова с Ницше: «Для современного ума Бог умер. <...> Для Розанова же Бог бессильный был, как и для Ницше, Богом умершим, “Богом в гробу”»²⁵. Проводя параллель между Розановым и Паскалем, Адамович заявил, что русский мыслитель ближе христианству, чем может пока-

²¹ См.: *Lawrence D.H. Fallen Leaves by V.V. Rozanov // Lawrence D.H. Introductions and Reviews / ed. N.H. Reeves & John Worthen*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 347.

²² См.: *Lavrin J. Aspects of Modernism: From Wilde to Pirandello. L., 1935; Stammler H. Apocalyptic Speculations in the Works of D.H. Lawrence and Vasilij Vasil'evich Rozanov (Die Welt der Slaven 1959); Zytaruk G. D.H. Lawrence's Response to Russian Literature. The Hague; P.: Mouton, 1971.*

²³ *Lawrence D.H. Introductions and Reviews. P. 317–318.*

²⁴ См.: *Diment G. A Russian Jew of Bloomsbury: The Life and Times of Samuel Koteliansky*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2011 (особый интерес для нашей темы представляет глава 8: «Rozanov and Lady Chatterley's Lover: The End of an Era». P. 165–86).

²⁵ Вечера «Чисел» // Числа. 1930. № 1. С. 253.

заться на первый взгляд. Бердяев выделил как главную проблематику Розанова противопоставление Нового и Ветхого Заветов (в ракурсе дихотомии жизни/смерть), а Юлия Сазонова поделилась своими личными воспоминаниями. Центральное место Розанова в эстетике молодого поколения русских писателей было подчеркнуто и через включение в первый номер «Чисел» раздела «Розановиана»,²⁶ а также рецензии Федотова на «Опавшие листья». Рецензент называет книгу малой карманной энциклопедией Розанова и определяет основные темы его репертуара: «любовь и смерть» (связанная с опытом «умирания любимой») и «плач о России, предчувствие ее гибели»²⁷.

С самого первого номера «Числа» (и, шире, вся «новая литература», которая нашла отражение на страницах журнала) формировалась под знаком Розанова. Формулируя идеологически независимую платформу журнала, его сотрудники вдохновлялись пафосом мыслителя. Борис Поплавский писал: «В “Числах” впервые кончился политиканский террор эмигрантщины, и поэтому новая литература вздохнула свободнее, освободившись от невыносимого лицемерия общественников, не удостаивавших внимания личную жизнь, над которыми так горько смеялся Розанов...»²⁸ Писатели русского Монпарнаса воспринимали вечные «колебания» Розанова не как признак его неустойчивых убеждений, а как долгожданный плюрализм оценок и позиций²⁹. Кроме того, в межвоенный период розановский стиль начинает привлекать большее внимание, чем его взгляды³⁰. Такая деидеоло-

²⁶ Розановиана // Числа. 1930. № 1. С. 254.

²⁷ Федотов Г. В. Розанов. «Опавшие листья» // В.В. Розанов: Pro et contra. С. 393–396.

²⁸ Поплавский Б. Вокруг «Чисел» // Собр. соч.: в 3 т. / вступ. ст. Е. Менегальдо; подгот. текста, коммент. А. Богословского, Е. Менегальдо. М., 2009. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма. С. 126.

²⁹ Гораздо позднее подобный подход к текстам Розанова получил теоретическое обоснование в исследовании А.Л. Кроун. Анализируя «Уединенное» и «Опавшие листья», она делает вывод о внутренней полифонии розановского дискурса и выделяет восемь отдельных голосов, которыми оперирует его нарратор. Эта полифония, по мнению исследовательницы, отличается от полифонии романов Достоевского, который использовал различные голоса как носители разных идеологических позиций, включенных в сознательный диалог и полемику. У Розанова же отдельные голоса просто сосуществуют, по очереди занимая доминирующую позицию в повествовании и не складываясь в какую-либо общую картину или иерархию. См.: Crone A.L. Rozanov and the End of Literature. Würzburg: Jal-Verlag, 1978. Р. 14.

³⁰ В СССР еще до того, как вокруг Розанова образовался информационный вакуум, к особенностям его стиля привлек внимание В. Шкловский: в докладе в ОПОЯЗе, частично опубликованном под названием «Тема, образ и сюжет Розанова» в журнале «Жизнь искусства», а затем изданном в виде книги («Розанов. Из книги “Сюжет как явление стиля”», 1921), которая в свою очередь стала частью книги «О теории прозы». Эта работа, ставшая не только одной из первых попыток перенести акцент с Розанова-мыслителя на Розанова-писателя, но и изложением метода формалистов, вызвала резонанс (в частности, отклики В. Жирмунского, В. Ховина, О. Мандельштама, М. Горького, А. Ремизова и др.). Шкловский рассматривает главные работы Розанова как основной модернистский источник современной прозы, отличающейся документальностью, бессюжетностью, отсутствием мотивировки, фрагментарностью и исповедальным тоном. Однако, продолжает он, розановские книги, производя впечатление случайной комбинации сцен из личной жизни писателя, публицистических вкраплений, писем и даже фотографий, все же являются результатом продуманной композиционной стратегии и знаменуют собой появление нового жанра, «более всего подобного роману пародийного типа, со слабо выраженной обрамляющей новеллой (главным сюжетом) и без комической окраски» (Шкловский В. Розанов // В.В. Розанов: Pro et contra. С. 326).

гизация Розанова представляла собой кардинальное изменение в рецепционной оптике по отношению к его текстам.

Трудно не заметить целый ряд параллелей между розановским письмом и поэтикой русского Монпарнаса. Игнорирование Розановым каких-либо социальных, литературных и лингвистических конвенций, идеологических и политических принципов, его демонстративное равнодушие к успеху и славе, приоритет частного начала над общим, бесконечные рассуждения о смерти и умирании, акцент на жалости, а также фрагментарность, бессюжетность и провокационный тон его писаний, часто откровенных до неприличия, не могли не привлечь авторов «незамеченного поколения». Заметим, кстати, что сама эта формула, придуманная Владимиром Варшавским, возможно, была навеяна следующими строками Розанова: «Меня вообще манят писатели безвестные, оставшиеся незамеченными»³¹. Удивительна частотность прямого обращения к Розанову в выступлениях и статьях младоэмигрантов, а также степень более или менее сознательной ориентации на «розановщины» в их художественных текстах.

Пожалуй, из всего этого литературного поколения Поплавский в большей степени ощущал близость Розанову. По свидетельству Николая Татищева, Розанов был одним из любимых писателей Поплавского³², а в статье «Среди сомнений и очевидностей» (1932) Поплавский и сам признается, что желал бы быть другом Розанова (наравне с Тютчевым и Рембо)³³. Дневники, статьи и заметки Поплавского испещрены цитатами из Розанова³⁴. Даже когда он полемизировал с философом, он делал это с неизменным уважением, вниманием и восхищением перед его мыслями, как будто ведя разговор с близким другом. Категория жалости была особенно близка этической позиции Поплавского. Розанов писал: «Никакой человек не достоин похвалы. Всякий человек достоин только жалости»³⁵; «Есть ли жалость в мире? Красота — да, смысл — да? Но жалость? Звезды жалеют ли? Мать — жалеет, и да будет она выше звезд. <...> Жалость — в маленьком. Вот почему я люблю маленькое»³⁶. Хотя в статье «О согласии погибающего с духом музыки» Поплавский мягко критикует Розанова за чрезмерное проявление сочувствия³⁷, в другой статье («О смерти и жалости в “Числах”») он утверждает «мистическую жалость к человеку» как основную «ноту» своего поколения. В статье

³¹ Розанов В.В. Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 2: Уединенное. С. 258. Хотя Розанов приписывает это мнение своему другу Шперку, сам он явно его разделяет.

³² См.: Комментарии // Поплавский Б. Собр. соч. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма. С. 527.

³³ См.: Там же. С. 112.

³⁴ Н. Лапаева замечает, что каждое упоминание о Розанове в дневниках Поплавского служит знаком присутствия какой-либо важной для него теоретической или эстетической проблематики (Лапаева Н.Б. Розанов «без кавычек» в дневниках Бориса Поплавского: проблема рецепции // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 1 (72). С. 54–63).

³⁵ Розанов В.В. Сочинения. Т. 2: Уединенное. С. 274.

³⁶ Там же. С. 285.

³⁷ «Розанов, главным образом, больше других был прекрасно не прав в этом, слишком он уж все принимал к сердцу и не мог ничего от себя оторвать, как в каком-то беспрерывном вальсе любви» (Поплавский Б. Собр. соч. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма. С. 30).

«О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции» (1930) он говорит о «жалости», которая должна заменить «пошлость» «красивого искусства» и «чистой духовной жизни». Литература же для него «есть аспект жалости»³⁸. В других заметках Поплавского разбросаны мысли о том, что стихотворение рождается из жалости поэта к самому себе, или о том, что лучшая часть любого портрета — это сочувственное отношение художника к своей модели. Понятие жалости находит воплощение в образе Васеньки, робкого спутника героя романа «Аполлон Безобразов», и тематизируется в некоторых стихотворениях («Жалость», «Жалость к Европе» и др.). В конечном итоге жалость оказывается выше восхищения перед величайшими творческими достижениями человеческого гения: «Уже становится ясно, что вся грубая красота мира растворяется и тает в единой человеческой слезе, что насилие — грязь и гадость, что одна отдавленная заячья лапа важнее Лувра и Пропилеев»³⁹. Это утверждение перекликается с хрестоматийным мотивом Достоевского о слезе ребенка, и Поплавский неслучайно упоминает Великого инквизитора в сходном контексте⁴⁰. Однако помимо очевидных аллюзий к Достоевскому, слова Поплавского об «отдавленной заячьей лапе» прочитываются и как импровизация на розановский протест против духовного наследия цивилизации, в которой даже небольшая часть человечества обречена на страдания. В «Апокалипсисе нашего времени» Розанов предпринимает наиболее массированную критику христианской теологии на том основании, что обещание всеобщего спасения исключает евреев. Он находит один из своих типичных идиосинкритических образов для наглядной иллюстрации этой несправедливости: «Нельзя иначе, как отодвинув шкаф, спасти или, вернее, избавить от непомерной вечной муки целую народность, 5–8–10 миллионов людей, сколько — не знаем: но ведь даже *и одного человека задавить — страшно*. И вот он хочет дышать и не может дышать. “Больно”, “больно”, “больно”. Но между тем кто же отодвинет этот шкаф? Нет маленькой коротенькой строчки “из истории христианства”, которая не увеличивала бы тяжести давления. <...> Между тем уже один тот факт, что “живой находится под шкафом”, соделывает какое-то содрогание в груди. “Как живой под шкафом?” “Как он попал туда?” Но — “попал”. <...> Надавила и задавила вся христианская история. Столько комментариев. Столько “примечаний”. Разве можно сдвинуть такие библиотеки. <...> Господи, — все эти библиотечные шкафы надавили на грудь жидкa из Шклова. <...> Какая же это “благая весть”, если “человек в море” и “шкаф упал на человека”? <...> “Человека задавило”, и не хочу слушать “Подражание Фомы Кемпийского”»⁴¹.

³⁸ Поплавский Б. Собр. соч. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма. С. 46.

³⁹ Там же. С. 49.

⁴⁰ «Ибо христианство говорит, споря с новым Великим Инквизитором, о единственном осуществлении добра, что пусть даже замедлится намного пришение всеобщего благополучия на земле, если для этого следует до конца унизить и замучить хотя бы единого только человека (девочку Достоевского)» («О смерти и жалости в “Числах”» // Поплавский Б. Собр. соч. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма. С. 64).

⁴¹ Розанов В.В. Собр. соч.: в 30 т. М., 2000. Т. 12: Апокалипсис нашего времени / под общ. ред. А.Н. Николюкина. С. 49–50.

Безусловно, освоение Поплавским розановского топоса было не менее селективно и субъективно, чем интерпретация им идей, почерпнутых из иных философских и религиозных систем, которые он без устали изучал, от Шопенгауэра и теософии, до Якова Беме и каббалы. Например, христианство (пусть и в самом вольном изложении) было важным моментом его духовной самоидентификации, а в статье «О смерти и жалости в “Числах”» он даже говорит о своем поколении как о христианском. В то же время его явно не задевает розановская критика христианства, по крайней мере, она не вызывает у него того протesta, который демонстрировали другие эмигранты, либо оспаривавшие Розанова, либо, допуская явные натяжки, стремившиеся оправдать его и представить как «христианина поневоле». Поплавский не ощущает потребности в оправдании Розанова, более того, он признает заслуги последнего в очищении «православия от недомыслия западников»⁴², а также отдает дань «символистической литературе последних лет — от Розанова до Реми де Гурмона» за «мистическую реабилитацию пола», «ибо где христианство воплощено, как не между любовниками»⁴³. Поплавский, кроме того, пытается приимрить розановский культ деторождения⁴⁴ с христианской религией, которую Розанов, как известно, ассоциировал с бесплодием, монашеским безбрачием, а в самом крайнем выражении — с извращениями скопцов. Вместо опровержения утверждений Розанова (как это делали многие комментаторы, от Каллаша до Мережковского) Поплавский вступает в диалог с Розановым и пытается найти приемлемый компромисс. Так, он переносит ответственность за культ аскетизма на апостола Павла, который якобы искал изначальное послание: «...христианство тоже было какой-то неуловимой атмосферой галилейских разговоров Христа и его друзей, которую Павел, например, совершенно не понял, не мог понять, потому что не был при этом, например, в вопросе о браке, о котором Павел грубо, прямо-таки оскорбительно грубо, пишет, в то время как сам Христос не только присутствовал на свадьбах, но еще и обращал воду в вино, чтобы они были веселее»⁴⁵.

Избегая открытой полемики, Поплавский иногда имплицитно парирует аргументы Розанова. Осуждение христианства зиждилось у Розанова в основном на неприятии культа страдания, например: «Боль мира победила радость мира — вот христианство»⁴⁶; «Уже зло пришествия Христа выразилось в том, что получилась цивилизация со стоном»⁴⁷ и т. д. Поплавский же, напротив, легитимирует именно «атмосферу агонии» как самую «приличную на земле»: «И, конечно, для литературы, т. е. жалости (т. е. для христианства), самое лучшее — это погибать.

---

⁴² Поплавский Б. Путь № 24 и № 25. YMCA-Press. Париж // Собр. соч. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма. С. 85.

⁴³ «По поводу...» // Там же. С. 71.

⁴⁴ «Волновали и притягивали, скорее же очаровывали — груди и беременный живот. Я постоянно хотел видеть весь мир беременным» (Розанов В.В. Сочинения. Т. 2: Уединенное. С. 355).

⁴⁵ Поплавский Б. Человек и его знакомые // Собр. соч. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма. С. 123.

⁴⁶ Розанов В.В. Сочинения. Т. 2: Уединенное. С. 370.

⁴⁷ Он же. Собр. соч.: в 30 т. Т. 12: Апокалипсис нашего времени. С. 50.

Христос агонизирует от начала и до конца мира. Поэтому атмосфера агонии — единственная приличная атмосфера на земле»⁴⁸.

Терпимость Поплавского к розановским высказываниям, которые многим казались вызывающими, возможно, объясняется тем, что сам Поплавский относился к церкви весьма амбивалентно: хотя его влекли некоторые аспекты христианства, особенно мистицизм, он ощущал несостоительность институциональной религии. В своем дневнике Поплавский признается в своей неспособности достичь совершенства путем соблюдения ритуалов. Его метафизический поиск увлекал его далеко за пределы христианских догматов, приводя к идее личных взаимоотношений с Богом, или, как говорил Татищев, к «роману с Богом»⁴⁹. Элен Менегальдо пишет: «Все творчество Поплавского <...> свидетельствует о религиозных поисках. <...>. Поплавский не христианин, главным образом потому, что он отрицает Церковь со всеми ее ритуалами, стремящимися заключить человека внутри организованной структуры, где он полностью теряет свою индивидуальность и самобытность, чтобы стать лишь одним из баранов божественного стада. Но <...> он продолжает личный поиск Бога»⁵⁰.

Эта личная модель взаимоотношений с божественным в определенной степени напоминает позицию Розанова, и Поплавский даже прибегает к розановскому лексикону, пытаясь сформулировать свои взгляды в дневнике: «Святость есть никому необъяснимое личное отношение с Богом, наподобие супружеской любви». Продолжением этой мысли служит утверждение, что с самого начала христианство было основано на любви и дружбе⁵¹. Такое «домашнее» видение раннего христианства приводит Поплавского к ответам на некоторые вопросы экзистенциального порядка, которые Розанову не удалось положительно разрешить. Например, эпизод воскрешения Лазаря был для Розанова свидетельством неограниченных возможностей Иисуса и в то же время недостатка сочувствия к остальному человечеству: «Не потрясают ли: «Ни единый мученик не был пощажен». А ведь мог бы... Мог ли? О... Конечно, кто воскресил Лазаря — мог. Значит — не захотел...?»⁵² В статье «Человек и его знакомые» Поплавский предлагает внешне простое решение этой дилеммы: «Христианство в героический период было «Христос и его знакомые». Христос воскресил Лазаря, поступив внешне нелогично, даже несправедливо, соблазнительно, ибо почему тогда не всех вообще воскресил. Отвечу: потому что Лазарь был его личный друг»⁵³.

---

⁴⁸ Поплавский Б. О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции // Собр. соч. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма. С. 46.

⁴⁹ Татищев Н. О Поплавском // Круг. 1938. № 3. С. 151.

⁵⁰ Ménégaldo H. L'Univers imaginaire de Boris Poplavsky. Thèse, Lille 3. Lille: A.N.R.T., 1984. P. 286.

⁵¹ Но и истоки этой религии «любви и дружбы» тоже можно найти в прочтении Поплавским Розанова. Татищев вспоминал о том, как Поплавский цитировал Розанова: «Как у Розанова: «Будь верен в дружбе и верен в любви, остальных заповедей можешь не соблюдать»» (Татищев Н. Из статьи «В Серебре пустынь» // Поплавский Б. Собр. соч. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма. С. 503).

⁵² Розанов В.В. Собр. соч.: в 30 т. Т. 12: Апокалипсис нашего времени. С. 30.

⁵³ Поплавский Б. Человек и его знакомые // Собр. соч. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма. С. 122.

Евангельский миф о воскрешении Лазаря был популярной темой для многих поколений русских мыслителей и писателей, а в межвоенный период получил новое наполнение, став метафорой духовного состояния диаспоры. Поплавский также неоднократно обращается к этому мифу, например помещая его в подчеркнуто десакрализующий контекст в черновом варианте романа «Аполлон Безобразов»:

«— Знаете ли вы, что Лазарь сказал, когда Христос его воскресил? <...> Он сказал ‘merde’.

— Почему? — спросил я в изумлении.

— Да, видите ли, представьте себе, что вы порядком намучились за день, устали, как сухин сын, и только что вы освободились от бед, только что вы задремали, закрывши голову одеялом, как вдруг грубая рука трясет вас за плечо и голос кричит: ‘Вставай’. И вам, слипшимся глазами смотрящему на отвратительный свет, что другое придет вам в голову сказать безжалостному мучителю, как не это — “merde”»⁵⁴.

Уже на ранних подходах к теме в цикле «Автоматические стихи» Поплавский демонстрирует изрядный скептицизм: «Как ужасно к счастью просыпаться / Как нелепо к жизни возвращаться»⁵⁵. Здесь проходил ощутимый водораздел между его идеей бессмертия и представлениями Розанова, который ценил прежде всего физические, осязаемые аспекты мира: «Все бессмертно. Вечно и живо. До дырочки на сапоге, которая и не расширяется и не “заплатывается”, с тех пор, как была. Это лучше “бессмертия души”, которое сухо и отвлеченно. Я хочу “на тот свет” прийти с носовым платком. Ни чуточки не меньше»⁵⁶.

Не могло не импонировать Поплавскому, который отстаивал «принципиальное право писателя на несоциальность»⁵⁷, и презрительное отношение Розанова к «принципам» и «убеждениям». Как Розанов сформулировал в «Опавших листьях»: «Я сам “убеждения” менял, как перчатки, и гораздо больше интересовался калошами (крепки ли), чем убеждениями (своими и чужими)»⁵⁸. Но в то же время Розанов утверждал, что любое его высказывание было сделано искренне и «от души», даже если впоследствии он переходил на противоположную точку зрения⁵⁹. По воспоминаниям Адамовича, Поплавский тоже шокировал современников произвольной сменой «масок»: «Никогда нельзя было заранее знать, с

---

⁵⁴ Поплавский Б. Неизданное: Дневники. Статьи. Стихи. Письма. М., 1996. С. 377.

⁵⁵ Поплавский Б. Автоматические стихи. М., 1999. С. 53. Не исключено, кроме того, что эти строчки содержат и полемическую отсылку к проекту всеобщего воскрешения Николая Федорова, другого русского мыслителя, вызывавшего немалый интерес в эмигрантской среде.

⁵⁶ Розанов В.В. Сочинения. Т. 2: Уединенное. С. 283.

⁵⁷ Поплавский Б. Об осуждении и антисоциальности // Собр. соч. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма. С. 57.

⁵⁸ Розанов В.В. Сочинения. Т. 2: Уединенное. С. 353.

⁵⁹ «Конечно, я не написал бы ни одной статьи <...> т. е. не написал бы “от души”, если бы не был в этом уверен» (Розанов В.В. Сочинения. Т. 2: Уединенное. С. 494). В «Опавших листьях» он пишет: «Год прошел, — и как многие страницы “Уед.” мне стали чужды, а отчетливо помню, что “неверного” (против состояния души) не издал ни одного звука» (Там же. С. 544).

чем пришел сегодня Поплавский, кто он сегодня такой: монархист, коммунист, мистик, рационалист, ницшеанец, марксист, христианин, буддист или даже просто спортивный молодой человек, презирающий всякие отвлеченные мудрости и считающий, что нужно только есть, пить, спать и делать гимнастику для развития мускулов? В каждую отдельную минуту он был абсолютно искренен, — но остановиться ни на чем не мог»⁶⁰.

Альтернативой неприемлемых как для Розанова, так и для Поплавского общепринятых истин было признание ценности частной жизни. Эта позиция противоречила традиционной для русской культуры риторике, требовавшей подчинения личного «общему благу» (что было подхвачено и лидерами русской диаспоры). Для Поплавского и других младоэмигрантов, восставших против примата «общественного» и систематического подавления индивидуального начала, Розанов был предшественником, который осмелился бросить вызов национальному идеалу. Поплавский серьезно продумывал свою аргументацию, как видно из его черновых заметок к речи, озаглавленной «В поисках собственного достоинства. О личном счастье в эмиграции», которую он готовил для заседания «Зеленой лампы» 31 мая 1934 г. на тему «О личном счастье в эмиграции». В этой речи Поплавский вспоминает о Достоевском и Розанове, чьи взгляды на самоценность личности намечают полярные точки любой идеологической дискуссии: «Ибо мы — Россия, она там, где двое студентов особенным образом ссорятся из-за идей с Достоевским и Розановым в кармане»⁶¹. Но на розановское наследие для младоэмигрантов насылались и уроки самоуважения, полученные ими на Западе. Говоря от имени сотрудников журнала «Числа», Поплавский замечает: «Мы на Западе научились уважению, французскому уважению к себе и к своей личной жизни, мы смеем ее описывать точно, откровенно, подробно, серьезно»⁶². Само существование таких периодических изданий, как «Числа», доказывает устойчивость жизни в изгнании, жизни «с вечными ее полюсами — счастливой личной судьбой и одиночеством, но не в отвратительном, скрежещущем, жалком чеховском стиле; что, мол, “личная жизнь все равно, подлая, продолжается, ничего не поделаешь”, а Личная Жизнь с большой буквы, по-западному, с искренним уважением к ней»⁶³.

Пытаясь исправить вслед за Розановым традиционный для русской ментальности дисбаланс между «общим» и «частным», писатели русского Монпарнаса заостряли внимание на микрокосме отдельного человека, на его неповторимых чувствах, мыслях и переживаниях. Написав в «Среди сомнений и очевидностей», что «художник описывает лишь самого себя и то, чем он мог бы быть, свое потенциальное»⁶⁴, Поплавский практически процитировал слова Розанова из первого короба «Опавших листьев»: «Собственно мы хорошо знаем — единственно себя. О всем прочем — догадываемся, спрашиваем. Но если единствен-

⁶⁰ Цит. по: Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников / сост. Л. Аллен, О. Гриз. СПб., 1993. С. 20.

⁶¹ Поплавский Б. Собр. соч. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма. С. 408.

⁶² Он же. Вокруг «Чисел» // Там же. С. 132.

⁶³ Там же. С. 125.

⁶⁴ Там же. С. 111.

ная “открывшаяся действительность” есть я, то очевидно и рассказывай об “я” (если сумеешь и сможешь)»⁶⁵. Само название розановской книги «Уединенное» провозгласило новый контекст для литературного творчества: углубленное самонаблюдение в тиши собственного дома. 27 декабря 1928 г. Поплавский записывает в дневнике: «Следует <...> пассивно и объективно описывать уже имеющуюся налицо собственную субъективность и горестно-комическую закостенелость и выделенность. Великие образцы этого — Розанов и Рембо — абсолютно общечеловеческие в смысле своих интересов, абсолютно правильно передавших странность и неожиданность преломления вечных вопросов в их душевных мирах»⁶⁶.

Этот акцент на частном диктовал особый стиль, лишенный традиционных литературных излишеств, риторических оборотов и эффектно завершенных сюжетных линий. Наряду с безусловной ориентацией младоэмигрантов на авангардную западную литературу, истоки их интереса к жанру «человеческого документа» можно обнаружить и в наследии Розанова. «Литература вся празднословие»⁶⁷, — заявлял Розанов, уравнивая литературу с любым иным текстом: «Моя кухонная (прих.-расх.) книжка стоит “Писем Тургенева к Виардо”... Это — другое, но это такая же ось мира и в сущности такая же поэзия»⁶⁸. (Тем самым, кстати, Розанов на десятилетия опередил французских постструктураллистов, которые потрясли литературный мир теориями о *письме* (*écriture*), поставив знак равенства между литературой и любым бытовым текстом.) Поплавский берет это на вооружение и ставит задачу «писать без стиля», как Розанов⁶⁹: «Не следует ли писать так, чтобы в первую минуту казалось, что написано “черт знает что”, что-то вне литературы?»⁷⁰

Первый абзац «Уединенного», провозглашающий исповедальный тон и метод регистрации спонтанных мыслей без предварительного отбора и редактирования (своего родаproto-«автоматическое письмо»), предвосхищает поэтику «незамеченного поколения»: «Шумит ветер в полночь и несет листы... Так и жизнь в быстротечном времени срывает с души нашей восклицания, вздохи, полунысли, получувства... Которые, будучи звуковыми обрывками, имеют ту значительность, что “сошли” прямо с души, без переработки, без цели, без преднамереня — без всего постороннего... <...> эти “нечаянные восклицания” <...> текут в нас непрерывно, но их не успеваешь (нет бумаги под рукой) заносить, — и они умирают. <...> Однако кое-что я успевал заносить на бумагу»⁷¹.

Поплавский заимствует розановскую метафору литературы как гонимых ветром листьев: «Кто знает, какую храбрость одинокую надо еще иметь, чтобы еще писать, писать без ответа и складывать перед порогом на разнос ветру»⁷².

---

⁶⁵ Розанов В.В. Сочинения. Т. 2: Уединенное. С. 378.

⁶⁶ Поплавский Б. Собр. соч. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма. С. 413.

⁶⁷ Розанов В.В. Сочинения. Т. 2: Уединенное. С. 216.

⁶⁸ Там же. С. 326.

⁶⁹ Поплавский Б. Неизданное. С. 109.

⁷⁰ Он же. Заметки о поэзии // Собр. соч. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма. С. 19.

⁷¹ Розанов В.В. Сочинения. Т. 2: Уединенное. С. 195.

⁷² Поплавский Б. Неизданное. С. 15.

Ряд других мотивов в метадискурсе эмигрантов (творчество «без читателя», исключительно для себя, для близких друзей или какого-то неясного круга будущих родственных душ, произведение как «бутилка в море»⁷³ и т. п.) отсылают к репертуару розановских высказываний: «Ах, добрый читатель, я уже давно пишу «без читателя» <...> Пишу для каких-то «неведомых друзей» хоть «ни для кому»»⁷⁴; «Литература родилась «про себя» (молча) и для себя»⁷⁵; «Слава — змея. Да не коснется никогда меня ее укус»⁷⁶; «Безвестность — почти самое желаемое»⁷⁷; «Слава — не только не величие: слава — именно начало падения величия»⁷⁸.

Розановский минималистский подход к литературе приводил его к отрицанию Гутенберга, так как, по его мнению, изобретение печатного станка и массового тиражирования, увеличивая видимость писателей, лишало их самобытности, неповторимого «почерка». В «Опавших листьях» Розанов определяет себя как странного писателя *non ad typ., non ad edit* (не для печатания, не для издания)⁷⁹. Может показаться, что вкупе с высказываниями о письме его антииздательский пафос намечает путь к полной энтропии литературы, не только к отрицанию конвенциальной формы, содержания, читательской аудитории, понятия успеха, но и самого метода производства и распространения текстов. Однако Розанов не только отрицает, но и предлагает нечто взамен, а именно возвращение к средневековой рукописной продукции: «Мое «я» только в рукописях, да «я» и всякого писателя»⁸⁰. Он говорит о «рукописности» своей души⁸¹ и выбирает характерный подзаголовок для книги «Уединенное» — «Почти на правах рукописи». Идеал «рукописности» нашел живой отклик у молодых авторов русского зарубежья, которые предпочитали стилизовать «частные» жанры письма, дневника или исповеди, рассчитанные лишь на себя, а не на постороннего читателя. Паррафразируя Розанова, Поплавский объявляет собственную антигутенберговскую компанию:

«Сейчас можно писать лишь для тайнovidенья и удовлетворения совести <...> Литература возможна для нас сейчас лишь как род аскезы и духovidенья, исповеди и суда, хотя на этом пути ей, может быть, придется превратиться из печатной в рукописную»⁸².

---

⁷³ Поплавский использовал эту метафору особенно часто. Он включил стихотворение «Рукопись, найденная в бутылке» в сборник «Флаги» (1928). Ряд интертекстов для образа «бутилки в море» у Поплавского обсуждается в статье: Токарев Д.В. ««Бутылка в море»: Б. Поплавский и А. де Винь // Западный сборник. В честь 80-летия Петра Романовича Заборова. СПб., 2011. С. 369–380.

⁷⁴ Розанов В.В. Сочинения. Т. 2: Уединенное. С. 195.

⁷⁵ Там же. С. 227.

⁷⁶ Там же. С. 253.

⁷⁷ Там же. С. 262.

⁷⁸ Там же. С. 320.

⁷⁹ Там же. С. 377.

⁸⁰ Там же. С. 197.

⁸¹ Ср. запись в дневнике Поплавского от 15 сентября 1935 г.: «Теперь мечта купить новый скрытый блокнот для продолжения рукописного блуда» (Поплавский Б. Собр. соч. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма. С. 447).

⁸² Поплавский Б. Об осуждении и антисоциальности // Там же. С. 60.

«Существует только документ, только факт духовной жизни. Частное письмо, дневник и психоаналитическая стенограмма — наилучший способ его выражения. Мысль о зрителе порождает литературное кокетство. Хочется быть красивым и замечательным. Конец. Эстетика. Пошлость. Литературщина»⁸³.

Как наиболее внимательный читатель и последователь Розанова, Поплавский вплетает его «текст» и в свои художественные произведения. Заключительный монолог Олега, главного героя романа «Домой с небес», представляет собой пастиш из наиболее характерных розановских мотивов. Повествование во втором лице приводит к наложению нескольких голосов: с одной стороны, Олега, который, возможно, обращается сам к себе, с другой стороны, автора, говорящего одновременно со своим героем и с собой, выстраивающего своего рода архетипную модель современного писателя: «Ты, неизвестный солдат русской мистики, пиши свои чернокнижные откровения, перепечатывай их на машинке и, уровнив аккуратной стопой, складывай перед дверью на платформе, и пусть весенний ветер их разнесет, унесет и, может быть, донесет несколько страниц до будущих душ и времен, но ты, атлетический автор непечатного апокалипсиса, радуйся своей судьбе. Ты один из тех, кто сейчас оставлены в стороне, которые упорно растут, как хлеб под снегом, которые удостоятся, может быть, войти в ковчег нового мирового потока — мировой войны. Ковчег, который ныне строится на Монпарнасе; но если поток запаздывает, ты погибнешь, но и это перенесешь спокойно, так же, как перенес, принял уже гибель своего счастья или заочную гибель своих сочинений... Жди и накапливай солнечную энергию...»⁸⁴ (курсив мой. — М.Р.)

Ироническая автохарактеристика героя романа «Домой с небес» («Писатель?.. Да, в отхожем месте, пальцем на стене, в мечтах, в дневниках, в отрывках без головы и хвоста...»⁸⁵) немедленно отсылает к провокационным заявлениям Розанова о том, что мысли посещали его в ватерклозете. Его отношение к литературе как к органическому процессу выражалось у него через утверждение неразрывной связи между автором как физиологическим существом и текстом как продуктом его жизнедеятельности. По мнению Генриетты Мондри, «в случае Розанова текучесть границ между писателем и его текстом происходит за счет выделений его организма. Он настаивал на том, что его творчество основывалось на сперме и дотрагивался до страниц рукописи пальцами, покрытыми различными испражнениями. Таким образом уничтожалась граница между органической природой письма и конкретным физическим обликом рукописи или книги»⁸⁶. В этом контексте заявления Поплавского о физиологичности письма указывают на розановский претекст: «...пиши животно, салом, калом, спермой, самим мазаньем тела по жизни»⁸⁷. Он сетует, что пишет слишком «словесно», ведь слова не имеют непосредственного физического обличья по сравнению с

---

⁸³ Поплавский Б. О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции // Там же. С. 47.

⁸⁴ Он же. Собр. соч. Т. 2: Аполлон Безобразов. Домой с небес: Романы. С. 428.

⁸⁵ Там же. С. 339.

⁸⁶ Mondry H. Šklovskij pro, Trockij contra: ‘Canonizing’ Vasilij Rozanov in the 1920s. P. 246.

⁸⁷ Поплавский Б. Из дневников // Звезда. 1993. № 7. С. 79.

телесными выделениями: «Почему-то я пишу так скучно <...> так словесно, не потому ли, что не смею писать непонятно, я не свободен от страха публики и даже критики, потому что я недостаточно обречен самому себе, недостаточно нагл, чтобы ходить голым <...> обмазанный слезами и калом, как библейские авантюристы, мою рабскую литературу мне до того стыдно перечитывать, что тяжелое как сон недоумение сковывает руки»⁸⁸. И конечно, Розанов был виртуозом «отрывков без головы и хвоста», часто начиная свои фрагменты с многочления и обрывая их, не закончив предложения. При ближайшем рассмотрении многие пассажи из романов Поплавского построены «по Розанову», начиная с постановки философских вопросов и заканчивая определенным синтаксисом, лексикой и интонацией.

Поплавский разделял и историософские взгляды Розанова, особенно при осмыслинении недавних событий в России, которые так кардинально изменили жизнь его поколения. Вопреки довольно распространенному мнению, что революционное движение представляло собой нечто чуждое русскому национальному характеру и образу жизни, Поплавский вслед за Розановым находит истоки большевизма в хронической «болезни русского духа»: «Я же считаю большевиков грандиозной болезнью русского духа, но не новой болезнью, а вечной болезнью русской диалектики ценности личности, ибо для меня истинные вдохновители пятилетки не Молотов и Каганович, а ненавистные Розанову Иван Грозный и Писарев с Добролюбовым»⁸⁹.

Розановские взгляды на брак как наиболее важную предпосылку полноценного существования имплицитно присутствует в рассуждениях Поплавского о новой эмигрантской литературе. По Поплавскому, причина страданий одиноких героев Шаршун, Фельзена, Бакуниной кроется в их семейной неустроенности: «...эмиграция есть раньше всего несчастье холостой жизни»⁹⁰. Это «несчастье» не только влияет на судьбы отдельных людей, но и символизирует разлуку диаспоры с ее «женой» — Россией.

Параллели между розановским типом письма и творчеством русского Монпарнаса, разумеется, не ограничиваются одним Поплавским. Хотя Юрий Фельзен не упоминал имя философа столь часто, во многом автодидактический нарратор его трилогии заражен розановским инстинктивным, почти физиологическим желанием записать каждую мысль и эмоцию. Розанов говорил о себе: «Всякое движение души у меня сопровождается выговариванием. И всякое выговаривание я хочу непременно записать. Это — инстинкт»⁹¹; «Я решительно не могу остановиться, удержаться, чтобы не говорить (писать)...»⁹². Герой Фельзена также отличается графоманскими наклонностями, а жизнь его представляет собой бесконечное проговаривание внутреннего текста. В романе «Письма о Лермонтове»

---

⁸⁸ Поплавский Б. Неизданное. С. 202–204.

⁸⁹ Он же. Вокруг «Чисел» // Собр. соч. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма. С. 131–132.

⁹⁰ Он же. Собр. соч. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма. С. 127.

⁹¹ Розанов В.В. Сочинения. Т. 2: Уединенное. С. 227.

⁹² Там же. С. 269.

он усматривает в Лермонтове «непрерывную творческую готовность и необходимость все немедленно выразить и передать», хотя в еще большей степени это имеет отношение к нему самому. В конечном итоге тип писателя, созданный в трилогии Фельзена, — это писатель, если процитировать слова Адамовича о Розанове, «без божественного дара умолчания»⁹³.

Фельзеновский герой, по собственному определению, «человек solo»,⁹⁴ одинокий наблюдатель, сторонящийся активного вмешательства в жизнь, лишенный воли к самореализации и испытывающий ощущение пустоты вокруг. «Письма о Лермонтове», кроме того, оказываются материализацией идеи Розанова: «Вместо “ерунды в повестях” выбросить бы из журналов эту новейшую беллетристику и вместо нее <...> лучше в отдельных книгах, вот воспроизвести чемодан старых писем»⁹⁵. В чемоданах часто хранится неполная или односторонняя переписка, соответственно, Фельзен включает в свой эпистолярный роман только письма его героя, начиная с пятого письма (в этом также находит отражение принцип фрагментарности, иллюзии «среза жизни»).

Псевдопрустовский стиль Фельзена и описываемые им психологические нюансы, разумеется, резко отличаются от кратких, афористических, разрозненных записей Розанова. В целом, несмотря на заявления о своей приверженности поэтике фрагмента и иных антиромановых принципов, большинство писателей русского Монпарнаса создавали довольно стройные произведения, с четкими сюжетными линиями и часто довольно сложным синтаксисом. Исключение представляет проза Сергея Шаршунова. В течение всей жизни Шаршун записывал на отдельных листочках, которые он называл листовками, афоризмы, наблюдения и случайные мысли, придумывал поговорки. Отвечая на анкету «Чисел», которая призывала респондентов высказать о своем творчестве, Шаршун назвал свои «высказывания» или «записи-протоколы» результатом автоматического записывания, которое началось, по его словам, как только он выучил алфавит⁹⁶. Шаршун вполне отдавал себе отчет в том, что его метод записывания эклектичных отрывков напоминает розановскую манеру, и открыто признал это, посвятив Розанову свой более поздний сборник «Вспышки искр» (1962). А название другого сборника, «Шепотные афоризмы» (1969), прямо перекликается с определением, данным Розановым своему мозаичному тексту — «шепоты», «говоры»⁹⁷ и «вздохи».

⁹³ Рецензируя «Апокалипсис нашего времени», Адамович пишет: «Розанов, в конце концов, все-таки — гениальный болтун, писатель без тайны, без божественного дара умолчания, сразу вываливающий все, что знает и думает» (Адамович Г. «Апокалипсис нашего времени» В. Розанова // Настоящая магия слова. С. 61).

⁹⁴ «“Точно я иностранец — во всяком месте, во всяком часе, где бы ни был, когда бы ни был”. Все мне чуждо, и какой-то странной, на роду написанной, отчужденностью. Что бы я ни делал, кого бы ни видел — не могу ни с чем сливаться. “Не совокупляющийся человек” — духовно. Человек “solo”. (Розанов В.В. Сочинения. Т. 2: Уединенное. С. 241).

⁹⁵ Там же. С. 335.

⁹⁶ Что вы думаете о своем творчестве? // Числа. 1931. № 5. С. 288.

⁹⁷ «Эти говоры (шепоты) и есть моя “литература”» (Розанов В.В. Сочинения. Т. 2: Уединенное. С. 269).

До определенной степени литературное поведение Шаршуна также носило отпечаток Розанова. Всегда отдавая предпочтение изобразительному искусству, Шаршун не относился к своей литературной работе как к профессиональному занятию и не считал свои тексты предназначенными для широкого читателя. Скорее, для него это было глубоко личное дело, способ открыть «клапан» и «выпустить пар»: «Литература для меня — клапан...»⁹⁸ Иная из его метаремарок («Мое творчество болезнь, болячка, которую нужно непременно сковыривать. После чего дышится легче» («Крест из морщин», 1959)⁹⁹) соотносится с Розановым еще в большей степени¹⁰⁰. Не объявляя формальный бойкот печатному станку, Шаршун, как правило, от руки оформлял свои листовки и лично разносил их по своим знакомым. Даже на фоне асоциальности русского Монпарнаса Шаршун отличался чрезвычайным равнодушием к окружающему миру: «До остального мира мне нет совершенно никакого дела; внешние события могут меня затронуть — в том, что касается меня самого и моей безопасности, — но они никогда не оказываются сильнее меня»¹⁰¹. Естественно, главным предметом листовок Шаршуна, как, впрочем, и «опавших листьев» Розанова, была персона самого автора:

«А единственный, доступный моему наблюдению объект — я сам.

Потому что по сторонам — ничего не вижу, т. е. не знаю.

Таким образом, я не больше чем — соболезнующий, интимный,тишайший наблюдатель, сиделка у постели больного, неотступно его сопровождающий — на суще, на море, и в воздухе.

...Мне от себя — не отвязаться!.. Я неизлечим.

<...>

Не имея ни с кем ничего общего — могу говорить только о себе»¹⁰².

В 1930-х гг. Шаршун продолжил исследование своей души в ряде длинных текстов, которые можно определить как разновидность автофикациональной прозы: «Долголиков» (1934), «Путь правый» (1934), «Заячье сердце: лирическая повесть» (1937), «Подать» (1938) и «Небо-колокол» (1938). По авторскому замыслу, все эти произведения составляли «солипсическую эпопею» под названием «Герой интереснее романа». В последующие десятилетия Шаршун постоянно исправлял и реадектировал эти тексты, корректируя названия и имена персонажей, добавляя или удаляя целые главы и менять сюжетные ходы. Никакой текст, даже опубликованный, никогда не был окончательным для Шаршуна, который относился ко всему, что он написал, как к черновику, подлежащему переработке. Эта нестабильность текстуальной реальности отражала его концепцию идентичности: его герой, авторское *alter ego*, находился в состоянии вечной незавершенности, постоянно

---

⁹⁸ Цит. в переводе по: *Brisset P Charchoune le solitaire*. Р.: Galerie J.-L. Roque, 1970.

⁹⁹ Цит. по: Кузьмин Д. «После чего дышится легче»: Сергей Шаршун // Textonly. 2006. № 1(15). URL: <http://textonly.ru/case/?article=5684&issue=15> (дата обращения 20 октября 2013 г.).

¹⁰⁰ «Несу литературу как гроб мой, несу литературу как печаль мою, несу литературу как отвращение мое» (Розанов В.В. Сочинения. Т. 2: Уединенное. С. 318).

¹⁰¹ Что вы думаете о своем творчестве? С. 288.

¹⁰² Из листовок С. Шаршуна / публ. Р. Герра // Новый журнал. 1986. № 163. С. 127–128, 131.

видоизменяясь и обнаруживая все новые черты своего характера¹⁰³. Врожденная множественность и расплывчатость литературной персоны Шаршуна находится в соответствии с многочисленными идеологическими и моральными лицами/масками, возникающими в книгах Розанова.

Инвариантный герой Шаршуна, который в каждом тексте получает выразительную говорящую фамилию (Долголиков, Самоедов, Скудин, Берлогин), отличается, помимо всего прочего, непривлекательной наружностью и неумением вести себя в обществе. Первая же глава «Долголикова», напечатанная в «Числах» и озаглавленная «Фотография героя», начинается со странной вуайеристской сцены: двое посторонних пристально рассматривают героя, сперва с помощью бинокля, а затем телескопа, и дают следующие насмешливые определения его неказистой внешности: «узласт, как породистый индеец», «голова — лестница пирамиды», «нижняя губа — предельный выступ», «рот уродливо, непропорционально мал»¹⁰⁴. По наблюдениям Анник Морар, эта увертюра к проекту «лирической эпопеи» представляет собой намерение автора не только вывести на сцену героя, но и самого себя, предлагая обманчиво законченный, как бы «фотографический» образ лишь для того, чтобы постоянно вносить в него изменения в последующих частях «эпопеи»¹⁰⁵.

Самоедов, герой романа «Путь правый», так страдает от своих комплексов, что в конечном итоге решает вступить на одинокий путь религиозного мистицизма, вместо того чтобы продолжать добиваться любви недосягаемой монпарнасской художницы Наденьки. Такая подчеркнуто заниженная самооценка героев Шаршуна отсылает к частым упоминаниям Розанова о своем «мизерабельном» виде и мыслях об одинокой духовной жизни как компенсации за неудачу в любви: «Удивительно противна мне моя фамилия <...> Такая неестественно отвратительная фамилия мне дана в дополнение к мизерабельному виду <...> в душе я думал: — Нет. Это *кончено*. Женщина меня *никогда не полюбит, никакая*. Что же остается? *Уходить в себя, жить с собою, для себя* (не эгоистически, а духовно), для будущего»¹⁰⁶.

Как и Розанова, Шаршуна окружающие воспринимали как «юродивого» и нередко подвергали насмешкам. В романе «Беатриче в аду» Николай Оцуп даже создал шарж на Шаршуна, сделав его прототипом художника Хвощего, гротескной фигуры «монпарнасского отшельника», напоминающего Шаршуна целым рядом черт и привычек (включая строгое вегетарианство), не говоря уже о шипящих в его фамилии¹⁰⁷. Другой любопытный факт заключается в том, что мемуаристы, писавшие по отдельности о Розанове и Шаршуне, не сговариваясь находят очень сходный тон для описания их странностей. В своем проникновенном мемуарном эссе «Задумчивый странник» Гиппиус говорит о Розанове как о редком «явле-

¹⁰³ См.: Moaard A. De l'émigré au déracine. La «jeune génération» des écrivains russes entre identité et esthétique (Paris, 1920–1940). Lausanne, 2010. P. 236–37.

¹⁰⁴ Шаршун С. Долголиков // Числа. 1930. № 1. С. 117.

¹⁰⁵ См.: Morard A. De l'émigré au déracine. P. 227.

¹⁰⁶ Розанов В.В. Сочинения. Т. 2: Уединенное. С. 210–211.

¹⁰⁷ См.: Оцуп Н. Беатриче в аду. Париж: Дом книги, 1939.

нии», существующем вне общепринятой нормы: «...он был до такой степени не в ряду других людей, до такой степени стоял не между ними, а около них, что его скорее можно назвать “явлением”, нежели “человеком” <...> редчайшее явление, собственным законам подвластное и живущее в среде людской <...> Всякое человеческое общество — монастырь. Для Розанова — чужой монастырь (всякое!). Он в него пришел... со своим уставом»¹⁰⁸. Гораздо позднее Ирина Одоевцева охарактеризовала Шаршуна в книге «На берегах Сены» в аналогичных выражениях: «Мне всегда казалось, что Шаршун находится не на одном уровне с остальными, а немного выше их или немного в стороне от них. Никогда не вместе с ними, а всегда сам по себе. Одиноко. Один. Всюду не свой, а чужой. Другого измерения или с другой планеты — чужой и непонятный»¹⁰⁹.

Скрытые цитаты из «хрестоматийного» Розанова пронизывают многие произведения писателей межвоенного поколения¹¹⁰. Да и вообще, розановское «присутствие» в интеллектуальной атмосфере русского Парижа было настолько ощущимо, что многие критики просто упоминали его имя без особых пояснений, чтобы выразить свое отношение к тому или иному произведению своих современников. Е. Зноско-Боровский, например, раскритиковал стихи Бориса Божнева как «большую, безликую розановщину, писсуарную поэзию»¹¹¹. «Распад атома» Г. Иванова заставил критиков вспомнить о синкетическом единстве человека, пола и бога, что составляет одну из розановских любимых мыслей. Владимир Злобин упомянул Розанова в своем докладе на посвященном «Распаду атома» заседании «Зеленой лампы»¹¹². В недавней статье о «Распаде атома» Андрей Ранчин также проводит параллели между Розановым и Ивановым: «Шокирующая откровенность рассказчика, кажущаяся спонтанной, хаотичной смена эпизодов-кадров, словно снятых камерой, которую забыл выключить оператор, вызывают в памяти “Опавшие листва” и “Уединенное” Василия Розанова. <...> Но Розанов действительно превращал интимное свидетельство, “документ души” в достояние литературы. Иванов же совершаet противоположную метаморфозу: литературный текст притворяется интимным дневником, написанным едва ли не извращенцем — не-

¹⁰⁸ Гиппиус З. Задумчивый странник // В.В. Розанов: Pro et contra. С. 143, 173.

¹⁰⁹ Одоевцева И. Избранное. М., 1998. С. 680.

¹¹⁰ Отголоски розановских «опавших листьев» и «дырочки на сапоге» слышатся, например, в размышлениях повествователя из романа Василия Яновского «Портативное бессмертие»: «Так вот листы кружат, трутся у моих ног сейчас. “Это души, это души слепые, чего им надобно?” ... “Где ты будешь через 1000 лет, скажи, подумай?” О, сколько раз, отверженный, я бессознательно впитывал в себя: и пуну на строгом небе, и ветер, и пыльцу дождя <...> скрежет далекого автобуса, мелькнувшего за дверью гарсона в белом кителе и себя — от головы до пальцев, от боли в глазах до трущей прорехи в носке» (Яновский В. Портативное бессмертие. М., 2012. С. 494).

¹¹¹ «То там, то тут натыкаешься на отдельные строчки или на целые вещи, изображающие то же грязное воображение, тот же неразделенный, болезненный эротизм. Вот смерть сидит в уборной под медной цепочкой и рвет бумагу; вот сам поэт в писсуаре сочиняет стихи, читая объявления врачей и посматривая на проходящие пары влюбленных. Бессильная, больная, безликая розановщина, писсуарная поэзия, говоря стилем автора» (Зноско-Боровский Е. Парижские поэты // Воля России. 1926. № 1).

¹¹² См.: Литературный смотр: Свободный сборник / ред. З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский. Париж, 1939. С. 158–163.

кропедофилем и садистом — все это в воображении»¹¹³. Возможно, связь между «Распадом атома» и корпусом Розанова не ограничивается лишь случайными интертекстуальными связями. Не исключено, что сама использованная Ивановым метафора «распада атома», которую можно с легкостью отнести на счет широко популяризированных в межвоенный период открытий физики, была подсказана ему следующими словами из рецензии Федотова на «Опавшие листья»: «Вся изумительная вспышка розановского гения питается горючими газами, выделяющимися в разложении старой России. Думая о Розанове, невольно вспоминаешь распад атома, освобождающего огромное количество энергии»¹¹⁴. Федотов также упоминает «максимальную разорванность, распад “умного” сознания», отраженного Розановым. Вспоминая моральный климат в России на пороге революции в своем позднем эссе «Закат над Петербургом» (1953), Иванов говорит о Розанове практически в тех же категориях «разложения» и «опустошения». По его словам, Розанов «овладевал и без того почти опустошенными душами, чтобы их окончательно, “навсегда”, опустошить. <...> В этом и заключался, пожалуй, “пафос” розановского творчества — непрерывно соблазнять, неустанно опустошать. Он был, повторяю, большим талантом и искусствником слова. Но и был настоящим “профессионалом разложения” — гораздо более успешно, чем любой министр <...> или революционер, подталкивающий империю к октябрьской пропасти»¹¹⁵.

Гайто Газданов испытывал не меньший интерес к личности Розанова, чем другие эмигранты. В октябре 1929 г. он сделал доклад о нем на вечере «Кочевья». Не случайно Газданов, который исследовал метафизику смерти в своих собственных произведениях, отмечает, что «в жизни Розанова главный процесс был умирание, а остальное — это как бы аккомпанемент к нему»¹¹⁶. Рефлексия о смерти была постоянной темой в главном корпусе произведений Розанова, кроме того, Газданов мог быть знаком и с публикацией Е. Голлербаха в литературном приложении к газете «Накануне» «Последние дни Розанова (к 4-й годовщине смерти)» (11 февраля 1923 г.), содержащей отрывок, озаглавленный «Последние мысли Розанова». Продиктованные прикованным к постели философом своей дочери за месяц до смерти, эти мысли представляют собой беспрецедентный анализ физиологических процессов, происходящих в умирающем теле. Розанов особенно подчеркивает ощущение холода и постепенно заполняющей тело «мертвой воды»¹¹⁷.

Главный пафос доклада Газданова, известного своими неконформистскими мнениями, полемически направлен против культа Розанова: «...вокруг Розанова — создался миф. <...> Розанов не литератор, не явление, Розанов — это смертный туман и кошмар. Никакого влияния Розанов не мог иметь и не может иметь на литературу, потому что влияние предполагает прежде всего существование какой-то цельности, каких-то взглядов, объединенных одним субъективным на-

---

¹¹³ Ранчин А. Экзистенциализм по-русски, или Самоубийство Серебряного века: «Распад атома» Георгия Иванова // Нева. 2009. № 9. С. 189.

¹¹⁴ Федотов Г. В. Розанов. «Опавшие листья» // В. В. Розанов: Pro et contra. С. 396.

¹¹⁵ Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 467–468.

¹¹⁶ Газданов Г. Миф о Розанове // Собр. соч.: в 5 т. М., 2010. Т. 1. С. 724.

¹¹⁷ Голлербах Е. Ф. Последние мысли Розанова // В. В. Розанов: Pro et contra. С. 309–315.

чалом <...> сочинения Розанова представляют из себя смесь совершенно нессоединимых элементов, нелепых идей, кощунства и всего, чего хотите¹¹⁸.

Розанов конечно не создал литературной школы в строго академическом смысле, но в задоре полемики Газданов несправедливо отказывает ему в каком бы то ни было влиянии на литературу. Обращаясь к постреволюционному литературному поколению, мы можем констатировать, что антилитературный «розановский код» во многом определил их стилистические инновации. Писатели русского Монпарнаса были особенно восприимчивы к распространенным в двадцатых годах идеям о конце традиционного искусства, о кризисе романа и художественной литературы. Присутствие тех же мыслей у Розанова¹¹⁹ позволяло им примирить авангардный элемент в своем творчестве с русской традицией. То, что такое видное место в метадискурсе и поэтике молодого поколения занял именно Розанов, который, по определению Шкловского, стал «канонизатором младшей линии» в русской литературе¹²⁰, отражает общую авангардную тенденцию к смене эстетической парадигмы. В контексте диаспоры самоидентификация писателей русского Монпарнаса с маргинальной, розановской линией свидетельствует об их стремлении заявить о своей особой творческой практике, отличной от ориентации старшего поколения на мажоритарный канон русской классики.

---

¹¹⁸ Газданов Г. Миф о Розанове. С. 725–726.

¹¹⁹ Например: «М. б., мы живем в великом окончании литературы» (Розанов В.В. Сочинения. Т. 2: Уединенное. С. 282); «...явно во мне есть какое-то завершение литературы, литературности, ее существа, — как потребности отразить и выразить» (Там же. С. 423); «И у меня мелькает странное чувство, что я последний писатель, с которым литература вообще прекратится» (Там же. С. 424). Ср. с выводом Познера: «Розанов нанес такой удар жанру романа, который был бы смертельным, если бы этот жанр еще существовал» (Pozner V. Panorama de la Littérature russe contemporaine. С. 65).

¹²⁰ Шкловский В. Розанов. С. 337.

Т.В. Викторова

«Я НЕ ОСТАВЛЯЮ НАДЕЖДЫ,
ЧТО YMCA НАБЕРЕТСЯ МУЖЕСТВА ИЗДАТЬ...»:
АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ И «YMCA-PRESS»

«Я не оставляю надежды, что YMCA наберется мужества издать...»¹ — так обращается Алексей Михайлович Ремизов к Павлу Францевичу Андерсону 27 февраля 1930 г. с просьбой издать «2-ю книгу легенд» «Luciflos — Свети-цвет». «Luciflos, как и Stella Maria Maris (речь идет о книге, изданной «YMCA-Press» за два года до того. — Т.В.), обречен на корм мышам. Я это хорошо знаю, потому и говорю о мужестве. Сохранить в книге русскую легенду, это все равно как сохранить древний русский собор»².

Эта выдержка из письма емко характеризует взаимоотношения Ремизова с издательством «YMCA-Press». Автор понимает, что его книга окажется на складе, но продолжает надеяться, что ей суждено увидеть свет и найти своего читателя. Лукавый тон, столь характерный для автора, — это и шутливый портрет американских редакторов «YMCA-Press», зачастую издающих кота в мешке. Будучи сами других убеждений и верований, они видят в литературе русских эмигрантов «сокровищницу опыта, знаний и мудрости»³ и работают с авторами «всяких странностей», как называет сам себя Ремизов. Рассмотрим страницу из истории издательства на примере переписки А.М. Ремизова с Б.П. Вышеславцевым, Н.А. Бердяевым и П.Ф. Андерсоном, по которой восстанавливается, с одной стороны, общая картина деятельности русского отделения «YMCA-Press» 1920–30-х гг., с другой — история сложных взаимоотношений «непечатаемого» Ремизова с эмигрантскими издателями⁴. Эта переписка позволяет нам понять, прежде всего, как функционировало издательство в целом между заказом, реализацией и распространением издаваемых книг. Вместе с тем она раскрывает и другие, более неожиданные формы творческого контакта между издателями и авторами.

¹ А.М. Ремизов — П.Ф. Андерсону. 27 февраля 1930 // Ремизов и YMCA-Press: Переписка 1925–1932 годов // Вестник Русского христианского движения (Париж; Нью-Йорк; Москва). 2005 (II); 2006 (I). № 190. С. 293.

² Там же.

³ Андерсон П.Ф. Бердяевские годы: 1922–1939: (Из книги воспоминаний) // Вестник русского христианского движения. 1985. № 144. С. 249.

⁴ Приношу глубокую благодарность О.П. Раевской-Хьюз за разрешение воспользоваться опубликованными ею в 190-м номере «Вестника Русского христианского движения» (2005; 2006) материалами; Н.А. Струве за возможность работы с оригиналами писем Ремизова, Т. Чеботаревой за переданные копии ремизовских писем из Бахметьевского архива русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) и разрешение на их публикацию.

«ИМКОВСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК»: ИЗДАТЕЛЬ – АВТОР – ЧИТАТЕЛЬ

Классический издательский «треугольник» — взаимодействие между автором, издателем и читателем — обретает в деятельности «YMCA-Press» свои особенности: А.И. Солженицын под угрозой конфискации написанного за долгие годы «в глухоту, в логово гебистов, навсегда» пишет о «конструкции жесткого треугольника», трех связанных между собой точках: «постоянный русский издатель на Западе», «официальный представитель» (адвокат) и «доверенное посвященное лицо, могущее управлять всем, вывезенным на Запад»⁵.

В 1920–30-х, «бердяевских годах», которые охватывает интересующая нас переписка, положение значительно проще: русский отдел издательства перенесен из Берлина в Париж, символ свободы мысли и новых издательских возможностей; русская колония, а значит и потенциальный читатель, неуклонно возрастает; наконец, нет недостатка в пишущих авторах, среди которых были опубликованы, например, «философские труды» «некоего таксиста» и «носильщика Иванова на вокзале Сен-Лазар»⁶. Трудности издательства — главным образом финансовые, но отношение к ним философское⁷.

Переписка касается издания книги «Звезда Надзвездная», изданной «YMCA-Press» в 1929 г., и главным образом книги «Образ Николая Чудотворца», заказанной Ремизову издательством в октябре 1925 г. по ходатайству Бердяева (который еще летом «атаковал» в этой связи И.И. Фондаминского и И.П. Демидова). Книга, однако, вышла лишь в 1931 г. История сопутствующих перипетий, текстология, а также используемые источники тщательнейшим образом изучены О.П. Раевской-Хьюз⁸. Я остановлюсь лишь на тех аспектах, которые позволяют проследить диалог редакторов с автором.

Он открывается письмом Б.П. Вышеславцева, русского директора «YMCA-Press», от 5 октября 1925 г., вдохновляющего Ремизова на книгу о Николае Угоднике. Еще не будучи знаком с ним, он «хорошо знает и любит [его] как изумительно-го и ни с кем не сравнимого русского писателя» и выражает твердую уверенность, что «только Вы можете ее написать. А она нужна русскому человеку не менее, если не более, чем такая книга, какую написал для нашего издательства Борис Зайцев (Преподобный Сергий). Книга должна быть написана приблизительно так, как Вы писали свои “византийские” вещи»⁹. Таким образом, признание и восторженная оценка ремизовского стиля сопрягается с четко поставленной задачей: Ремизов оказывается в чреде авторов, пишущих о русских святых, наряду с Б. Зайцевым, В. Ильиным и Е. Скобцовой. Побывав вскоре в знаменитой «кукушкиной комнате»

⁵ Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С. 50.

⁶ Айдерсон П.Ф. Бердяевские годы: 1922–1939: (Из книги воспоминаний). С. 267.

⁷ См.: Б.П. Вышеславцев — А.М. Ремизову. 12 июля 1927; 11 апреля 1929 // Ремизов и YMCA-Press: Переписка 1925–1932 годов. С. 275, 290.

⁸ См.: Раевская-Хьюз О. «Образ Николая Чудотворца» в творчестве А.М. Ремизова // Вестник Русского христианского движения (Париж; Нью-Йорк; Москва). 2005 (II); 2006 (I). № 190. С. 247–262.

⁹ Б.П. Вышеславцев — А.М. Ремизову. 5 октября 1925 // Ремизов и YMCA-Press: Переписка 1925–1932 годов. С. 263.

А. Николай С. Ремизов
Я сейчас очень в расстроенном виде: еще одно испытание — отстал от автомобилей
и чужой сказал себе "конец" — а выяснилось
что я паднялся и поднялся —
помнят избит
Всех рихнунг
Как коза гуллентай

(1)
7. 7. 26
Paris

и сейчас испытание — отстал от автомобилей
и чужой сказал себе "конец" — а выяснилось
что я паднялся и поднялся —
(к великому восхищению публики)
в роде "Петрушка"
я не синоват, я осторожен, автомобилей тяжел
по неизвестному направлению

Я пишу Бориславичу
ссылаясь на Вас о моем рассказе "Рождество". Я его переписал на машинке,
еще исправил. Бориславичева я просил принять от меня рукопись, подпи-
стать и выдать мне вперед гонорар.

Больше при надежда, как пишет ему, до моих катасстроф, а отставка
нет. Я прошу Вас, напишите ему, Вас он послушает

Alexei Remizov
120 bis av. montaigne
5 Villa flor
Paris XVIe

Красивое письмо А. М. Ремизова Н. А. Бердяеву, Елецкая Тодорская
и риме в расшиве
от нас добре

Письмо А.М. Ремизова Н.А. Бердяеву. 7 июля 1926. Бахметьевский архив русской
и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк,
США). Фонд А. Ремизова

на квартире у Ремизовых, Вышеславцев кажется вполне втянутым в ремизовскую игру. В частности, он советует «разболевшемуся» автору: «“Хворь” не выходит из Вашего дома, надо, чтобы Вы ее объективировали в какого-либо беса (“вертыша” или “ползку”) и затем изгнали или сожгли. Где-нибудь она у Вас висит на ниточках в виде вредного талисмана, а если нет — ее надо сделать и уничтожить в огне...»¹⁰ С «недомоганиями» нового автора действительно постоянно приходится считаться: блестяще организованный редактор, каковым мы знаем Вышеславцева, день которого расписан поминутно между преподаванием в Свято-Сергиевском православном богословском институте и работой в издательстве, встречается с автором, который просит «не нарушать его утра» и отодвинуть встречу¹¹. Или же он оповещает его с Бердяевым: «Я сейчас в очень растерзанном виде: еще одно испытание — очутился под автомобилем и уж сказал себе “конец” — а выпростал ноги и поднялся и пошел (к великому восторгу публики, вроде “Петрушки”). Я не виноват, я осторожен, автомобиль ехал по неуказанному направлению»¹² [см. ил. на стр. 565]. Или же он надеется «ожить» и вернуться к работе, но только... «как прилетят птицы»¹³.

Это не препятствует возрастающей симпатии, «личной и объективно-эстетической», которую по-прежнему выражает Вышеславцев¹⁴, регулярно снабжая его для работы немецкими и французскими источниками для книги о св. Николае. Ремизов, со своей стороны, видит в своем собеседнике и корреспонденте далеко не только издателя. «Дорогой Борис Петрович, Сегодня Дионисия Ареопагита. И потому решил Вам написать», — начинает он свое письмо¹⁵. Философский и богословский диалог вскоре выливается в спор о содержании новой книги. Вышеславцев, твердо придерживаясь издательской линии, ждет сочинение «иконописно-исторического строгого стиля», Николая «исторического и всенародного»¹⁶. Ремизов же подчеркивает отсутствие исторических документов о его жизни, «переводит все на современность — в Париж»¹⁷ и даже смело отождествляет Николая Чудотворца с архангелом Михаилом, напоминая об увлечении антропософей и мистериями Рудольфа Штейнера¹⁸. «Здесь же гораздо больше сочинительства, вы-

¹⁰ Б.П. Вышеславцев — А.М. Ремизову. 13 января 1926 // Ремизов и YMCA-Press: Переписка 1925–1932 годов. С. 264.

¹¹ Б.П. Вышеславцев — А.М. Ремизову. 25 февраля 1928 // Там же. С. 285.

¹² А.М. Ремизов — Н.А. Бердяеву. 7 июля 1926 // Там же. С. 266. Приписка автора столбиком: «помят избит / встрихнут / как коза лупленая».

¹³ А.М. Ремизов — П.Ф. Андерсону. 27 февраля 1930 // Там же. С. 294.

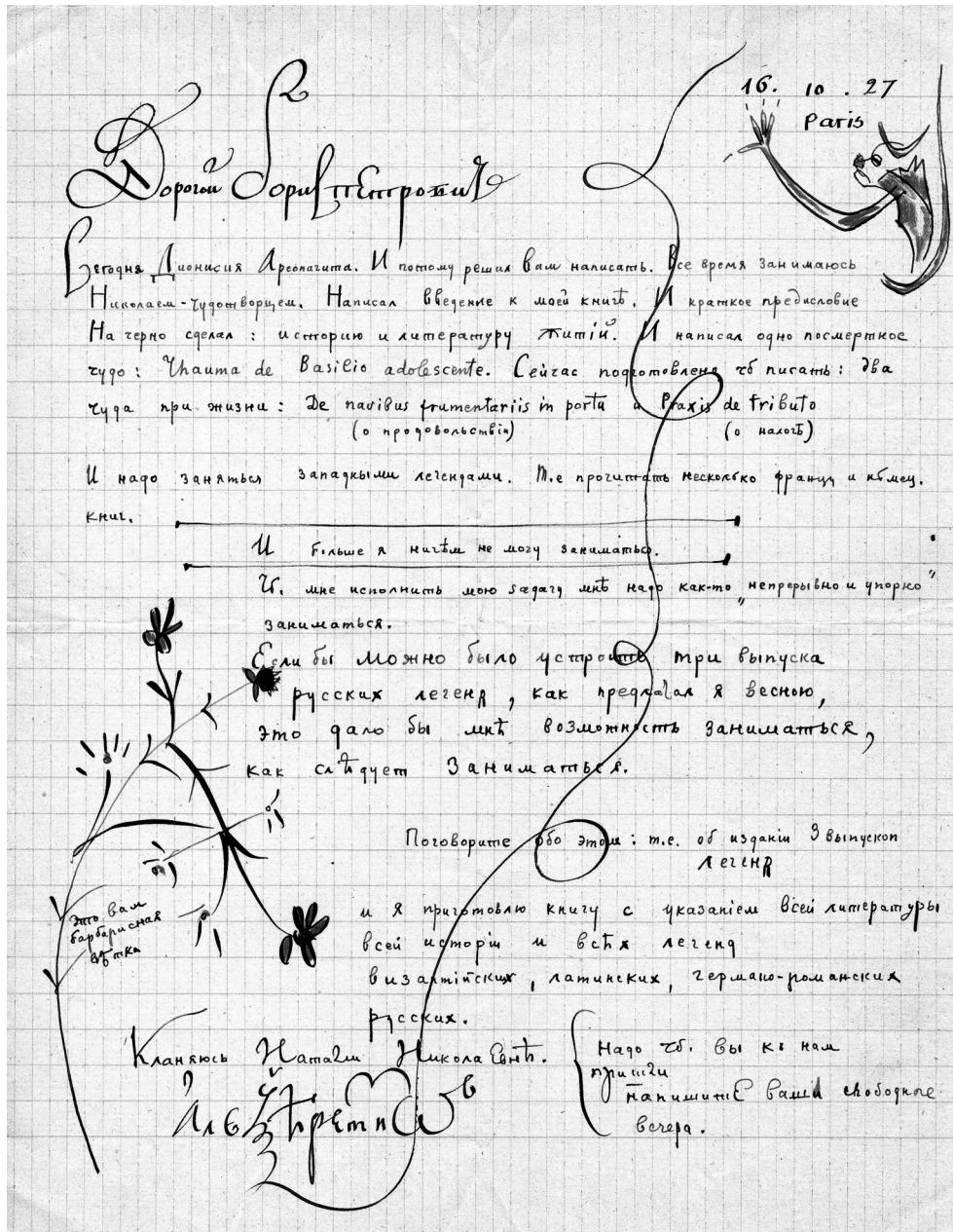
¹⁴ Б.П. Вышеславцев — А.М. Ремизову. 24 ноября 1932 // Там же. С. 296.

¹⁵ А.М. Ремизов — Б.П. Вышеславцеву. 16 октября 1927 // Там же. С. 277. Сравним обращение Б.К. Зайцева в письме к П.Ф. Андерсону: «Пишу Вам не совсем как издателю, а как Павлу Францевичу, которого знаю тридцать лет, человеку близкому мне по духу христианскому, и этим объясняется некий оттенок письма. <...> Уверен, что Вы поймете и не осудите. Повторяю. Пишу не зря, если бы не писал, то не исполнил бы чего-то, что мне надлежит исполнить» (Письмо Б. Зайцева П.Ф. Андерсону // Вестник русского христианского движения. 2006 (II). № 191. С. 209).

¹⁶ Б.П. Вышеславцев — А.М. Ремизову. 25 октября 1926 // Ремизов и YMCA-Press: Переписка 1925–1932 годов. С. 267, 268.

¹⁷ Раевская-Хьюз О. «Образ Николая Чудотворца» в творчестве А.М. Ремизова. С. 251.

¹⁸ См.: Там же. С. 257.

Письмо А.М. Ремизова Б.П. Вышеславцеву. 16 октября 1927. Бахметьевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк, США). Фонд А. Ремизова

думки, изобретательности», — отмечает деликатный Вышеславцев особенности книги¹⁹.

Та же «выдумка и изобретательность» становятся камнем преткновения для внешнего оформления книги, которому Ремизов придает особое значение, как мы можем предположить по его письмам-рисункам. Вышеславцев, казалось бы, сам вдохновляет его и в этом, предлагая прислать «эскиз собственного рисунка», «какую-нибудь свою книгу, в виде образца для распределения строк на каждой странице»²⁰. Однако конкретные ремизовские пожелания могли обескуражить и видавшего виды издателя: «Можно весь текст оплести заставками и концовками лубочных картинок из *Собрания Ровинского* <...> и французскими из Варанжевиля (у меня есть)»²¹. Действительно, такие примеры у Ремизова всегда под рукой: он щедро снабжает ими собственно письма в редакцию. В письме от 16 октября 1927 г. находим и «текст, оплетенный заставками», и лубочную картинку, в которой просматривается лик самого автора, и его пишущая рука [см. ил. на стр. 567]. Наконец, Вышеславцеву в дар преподносится «барбарисная ветка»²². Буквы для набора «Звезды Надзвездной» должны следовать «тому узору, по которому вышивала Божья Матерь»²³. Последний, очевидно, известен лишь автору — он обещает прислать издателю и его. Обложку Ремизов рисует сам — однако Вышеславцев протестует: «...слишком интимна и рафинирована — публика не прочтет и не поймет; она слишком *не бросается в глаза в магазине*»²⁴. Ремизов принимает новую, «безлинюю», но оставляет за собой последнее слово: «Все-таки я считаю, было бы виднее, если бы обложка была моя»²⁵. То же относительно содержания: «...писать можно только так, как я писал. Исторических данных НЕТ...»²⁶

В итоге «Николай Угодник» «совершенно не подходит»²⁷, но тем не менее книга издана, пусть и пять лет спустя, с купюрами и в скромном обличии. Вместе с тем это «не та книга, на которую пытался вдохновить Ремизова Вышеславцев»²⁸. Она остается «ремизовской» по духу, воссозидающей «живой образ Николы», и одной из пяти, изданных за двадцать лет с 1925 по 1946 г. Трудный диалог издателей и художника остается сотрудничеством, основанном на терпении, сочувствии и взаимопонимании. Более того, он становится саторчеством, которому предан и ами-

¹⁹ Б.П. Вышеславцев — А.М. Ремизову. 25 октября 1926 // Ремизов и YMCA-Press: Переписка 1925—1932 годов. С. 268.

²⁰ Б.П. Вышеславцев — А.М. Ремизову. 3 декабря 1927 // Там же. С. 280.

²¹ А.М. Ремизов — Н.А. Бердяеву. 5 октября 1929 // Там же. С. 291. Здесь и далее в цитатах — курсив источника.

²² А.М. Ремизов — Б.П. Вышеславцеву. 16 октября 1927 // Там же. С. 277.

²³ А.М. Ремизов — Б.П. Вышеславцеву. 4 декабря 1927 // Там же. С. 281.

²⁴ Б.П. Вышеславцев — А.М. Ремизову. 20 февраля 1928 // Там же. С. 285.

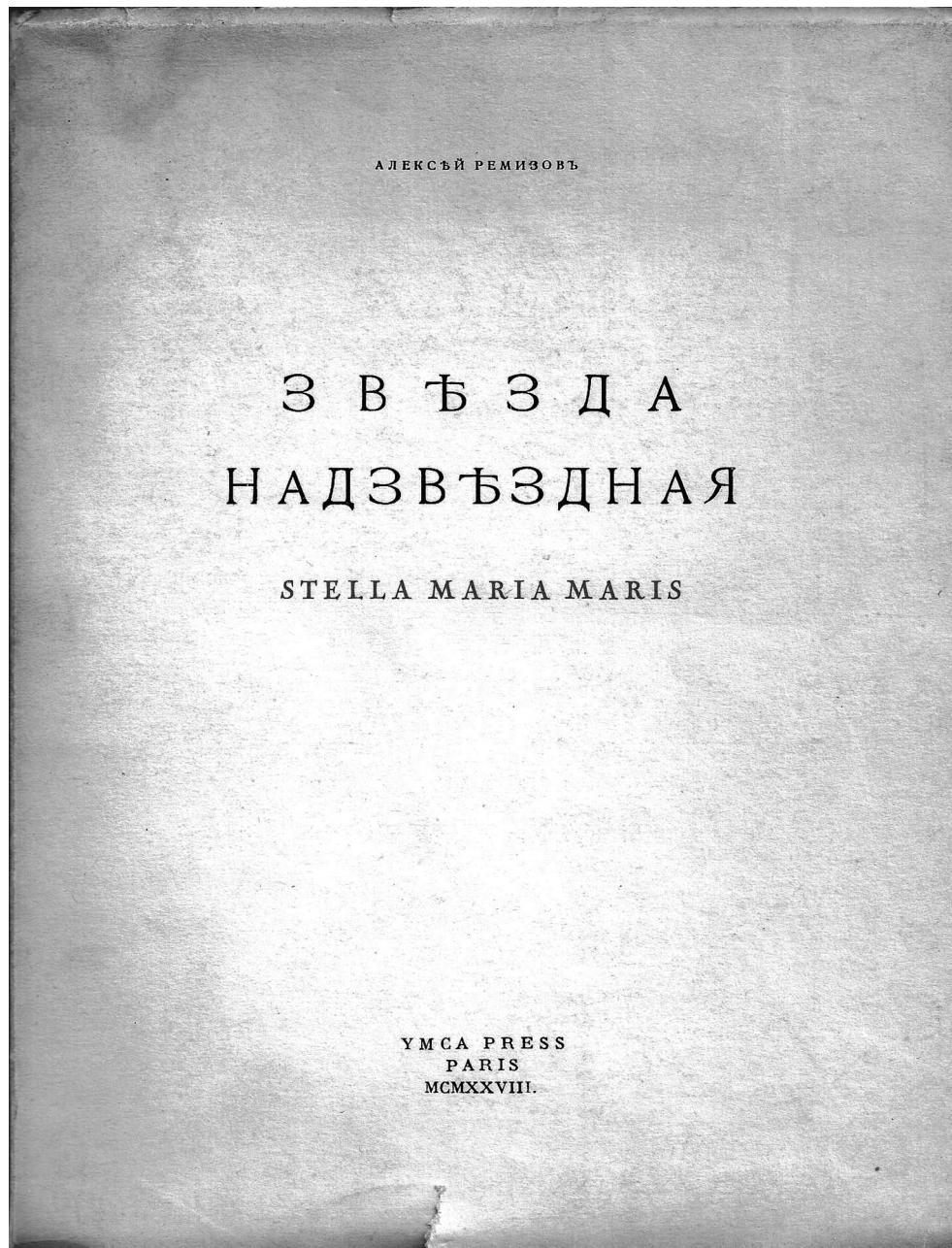
²⁵ А.М. Ремизов — П.Ф. Андерсону. 4 мая 1928 // Там же. С. 289.

²⁶ А.М. Ремизов — Б.П. Вышеславцеву. 23 июня 1927 // Там же. С. 274.

²⁷ Б.П. Вышеславцев — А.М. Ремизову. 25 октября 1926 // Там же. С. 267.

²⁸ Раевская-Хьюз О. «Образ Николая Чудотворца» в творчестве А.М. Ремизова. С. 254.

T.B. Викторова. «Я не оставляю надежды, что YMCA наберется мужества издать...»...

Обложка книги А.М. Ремизова «Звезда надзвездная». Р.: YMCA-Press, 1928

канский директор издательства: «Подумайте! Сообразите!»²⁹ — завершает Ремизов письмо Андерсону с просьбой об издании второй книги «Русских легенд».

Проблемным звеном этого сотрудничества остается фигура читателя — или же «книги, обреченной на корм мышам» — нотки, которые вновь появляются в письме Ремизова Вышеславцеву: «YMCA раскаивается, что выпустила “Звезду надзвезд^{ную}” и “Образ Николы”»³⁰. За ними слышна трагедия автора, который мыслит свои произведения как целое, возводит их как Собор; вместе с тем знает, что его книги «не для большой публики»³¹. Знают об этом и его новые издатели: «...Вы такой большой маэстро...» — повторяет Вышеславцев. Однако в итоге он вынужден констатировать: «...мало кто Вас понимает и способен оценить. Ваше искусство слишком аристократично»³². О «Снах Тургенева» он замечает: «...книга эта не может пойти — слишком она специальна, не найдет читателя»³³. Более того, он возвращает Ремизову его призыв, обращенный издателю: «Придумайте что-нибудь, дабы призвать читателя к сознанию своего долга перед русскими писателями и издателями»³⁴ (письмо от 24 ноября 1932 г.). Писатели и издатели здесь объединены в один клан, формы действительно изобретаются обоюдно, и даже Ремизов, отметив эту фразу на полях красным карандашом, невзирая на свою репутацию (впрочем, им же созданную) автора, который пишет не для читателя³⁵ и тем более не переводим, ищет в том числе и западного читателя. «...Я должен давать книгу иностранцам»³⁶, — пишет он Вышеславцеву о составлении контракта на издание русских легенд. «...Я хотел бы еще подписать некоторым лицам (не русским)...»³⁷ — обращается он к Андерсону в связи с подписыванием экземпляров «Звезды Надзвездной». Три года спустя он просит у него экземпляры этой книги, которую «спрашивают у меня для перевода»³⁸. Среди последних появляется перевод Бориса Шлётца «Звезды Надзвездной»; переводы на английский; наконец, Ремизов посыпает для библиотеки Андерсона второе немецкое издание «Звезды...», так как «первое было издано готическим шрифтом и все разошлось»³⁹. Наряду с этими признанными переводами, «непереводимый» автор переводит себя сам и тем самым позволяет европейской культуре познакомиться с языковыми играми своих поздних сочинений.

²⁹ А.М. Ремизов — П.Ф. Андерсону. 4 мая 1928 // Ремизов и YMCA-Press: Переписка 1925–1932 годов. С. 289.

³⁰ А.М. Ремизов — Б.П. Вышеславцеву. 26 ноября 1932 // Там же. С. 298.

³¹ А.М. Ремизов — Н.А. Бердяеву. 5 октября 1929 // Там же. С. 291.

³² Б.П. Вышеславцев — А.М. Ремизову. 24 ноября 1932 // Там же. С. 296.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 297.

³⁵ «Для писателя, когда он пишет, не существует никакого читателя» [: Анкета А.М. Ремизова] // Числа. 1931. № 5.

³⁶ А.М. Ремизов — Б.П. Вышеславцеву. 23 июня 1927 // Ремизов и YMCA-Press: Переписка 1925–1932 годов. С. 274.

³⁷ А.М. Ремизов — П.Ф. Андерсону. 4 мая 1928 // Там же. С. 289.

³⁸ А.М. Ремизов — П.Ф. Андерсону. 27 февраля 1930 // Там же. С. 293.

³⁹ Там же.

«ПРОИЗНЕСТИ... ВО ВСЕУСЛЫШАНЬЕ»: РЕМИЗОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В «YMCA-PRESS»

Совместный поиск читателя обретает порой неожиданные формы: автор, например, призван к участию в подготовке циркуляра об издании «Звезды Надзвездной» для рассылки по магазинам. «Напишите Ваши соображения, — пишет Вышеславцев Ремизову 3 марта 1928 г. — Мне нужно знать, что отмечать: отношение к русской народной религиозности, элементы легенды, отношение к апокрифам всякого рода. Это очень важно — книга получит совершенно иное распространение в этом случае. Немецкие издатели теперь всегда так делают»⁴⁰. У издателя есть все основания опасаться протеста несговорчивого автора — затворника «против рекламы», однако, как видим, в частности, по каталогу «YMCA-Press», аннотация к «Звезде Надзвездной» действительно написана не без участия автора.

Автор привлекается и в качестве чтеца собственных произведений. «Павел Францевич Андерсон хочет устроить у себя вечер (как в прошлом году), на который просит Вас прочесть Ваше введение к Николаю Угоднику, о котором я ему много говорил», — пишет Вышеславцев Ремизову 22 мая 1928 г. — Будет приглашен Митрополит (уже дал согласие) и другая избранная публика...»⁴¹ Письма пестрят такого рода информацией о публичных чтениях, организованных по просьбе служащих издательства «YMCA-Press» — членов Движения. Прислушивание «Николая Угодника», предваряющее публикацию, становится пробой голосом, перед тем как произведение предстанет перед читателем, — пробой, которая не стесняется ни купюрами, ни техническими несовершенствами издания, оставляя автору полноту творческого воплощения.

Это всецело соответствует его намерению: «...и во всю мою писательскую жизнь с той же игрой судьбы, как и в моей житейской жизни, у меня была одна цель <...> исполнить словесные вещи, как музыкант исполняет музыку на своем инструменте»⁴². Ибо «написанное не только хочется выговорить <...> не только хочется произнести вполголоса, как это часто делается в процессе письма, а чтобы на голос — во всеуслышанье, а если возможно, то и пропеть...»⁴³

Эти «концерты» привлекают публику — и, мы видели, «избранную», во главе с владыкой Евлогием. Они объединяют собравшихся и приглашают к дальнейшему чтению в собственном смысле слова, приближают загадочного автора, наконец, привлекают других возможных издателей.

---

⁴⁰ Б.П. Вышеславцев — А.М. Ремизову. 3 марта 1928 // Там же. С. 286.

⁴¹ Б.П. Вышеславцев — А.М. Ремизову. 22 мая 1928 // Там же. С. 288.

⁴² Ремизов А.М. Учитель музыки. Р.: La Presse Libre, 1983. С. 542.

⁴³ Он же. Рисунки писателей // Ремизов А.М. Встречи. Петербургский буерак. Р.: Lev, 1981. С. 223.

«...И УЖ САМО СОБОЙ, НАРИСОВАТЬ...»⁴⁴:
ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ЖАНР В РИСУНКАХ

...Написанное и нарисованное по существу одно⁴⁵.
А. Ремизов. Встречи. Петербургский буерак

Порыв «...и уж само собой, нарисовать...» издатели также могли оценить во всей полноте: письма в редакцию «YMCA-Press» из необходимого жеста для решения практических вопросов превращаются у Ремизова в художественное произведение. Указания о шрифте и украшениях на полях будущей книги становятся их пробой, рисунки иллюстрируют написанное, как в истории с автомобилем. Более того, они становятся частью фразы: «И для каждой обложки я нарисую в медальоне (рисунок) на манер “ВОЛА” в книге “Оля”»⁴⁶ [см. ил. на стр. 573]. Картинка здесь вписана в предложение как ее «слово» — и одновременно иллюстрирует его. «ВОЛ» — название издательства, в котором «Оля» вышла в 1927 г. в Париже, превратившееся на обложке книги в зверька из ремизовского бестиария, вновь — не без отдаленного сходства с рисующим [см. ил. на стр. 574]. Издательство «ВОЛ» не значится ни в одном из существующих справочников по русской эмиграции⁴⁷, книга издана крохотным тиражом на средства начинающего писателя Владимира Диксона, которому Ремизовы покровительствовали⁴⁸. Ремизов придумывает и название издательства, и его логотип. Это подтверждается и содержанием книги, обыгрывающей метафору времени, свертывающегося волчком; повествующую о родовом гнезде, шутливым «гербом» которого становится вол. Наконец, фактически каждый экземпляр этой книги, ставшей библиографической редкостью, подписан автором, где «ВОЛ» вплетается в более обширный рисунок ремизовской вязи. Автор дарил экземпляры своих книг Полю Байеру, известному французскому слависту, профессору русского языка в Институте славянских исследований 1 июня 1927 г. [см. ил. на стр. 574]; Владимиру Феофиловичу Зеелеру (24 июля 1927 г.), члену Земгора; писателю Василию Семеновичу Яновскому (1 февраля 1931 г.), дочери Наташе в Рождество (16 декабря 1928 г.), «на Елку», «когда вырастет». Каждый раз книга приближается почти к рукописному авторскому изданию, особому жанру ремизовской книги, в которой автор дает волю своей фантазии и своему перу⁴⁹.

С требованиями реального издательства, «YMCA-Press», автору приходится тем не менее считаться, а издательству — рассчитываться с автором. Расписка

---

⁴⁴ Ремизов А.М. Рисунки писателей. С. 223.

⁴⁵ Там же. С. 222.

⁴⁶ А.М. Ремизов — Б.П. Вышеславцеву. 23 июня 1927 // Ремизов и YMCA-Press: Переписка 1925–1932 годов. С. 273.

⁴⁷ См., в частности, одно из последних изданий: Базанов П.Н., Шомракова И.А. Книга русского зарубежья: Из истории книжной культуры XX века. СПб., 2003.

⁴⁸ См.: Резникова Н.В. Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С. 49. Благодарю О.П. Раевскую-Хьюз за указание источника.

⁴⁹ См.: Ремизов А.М. Рукописные книги. СПб., 2008.

Страница письма А.М. Ремизова Б.П. Вышеславцеву. 23 июня 1927.

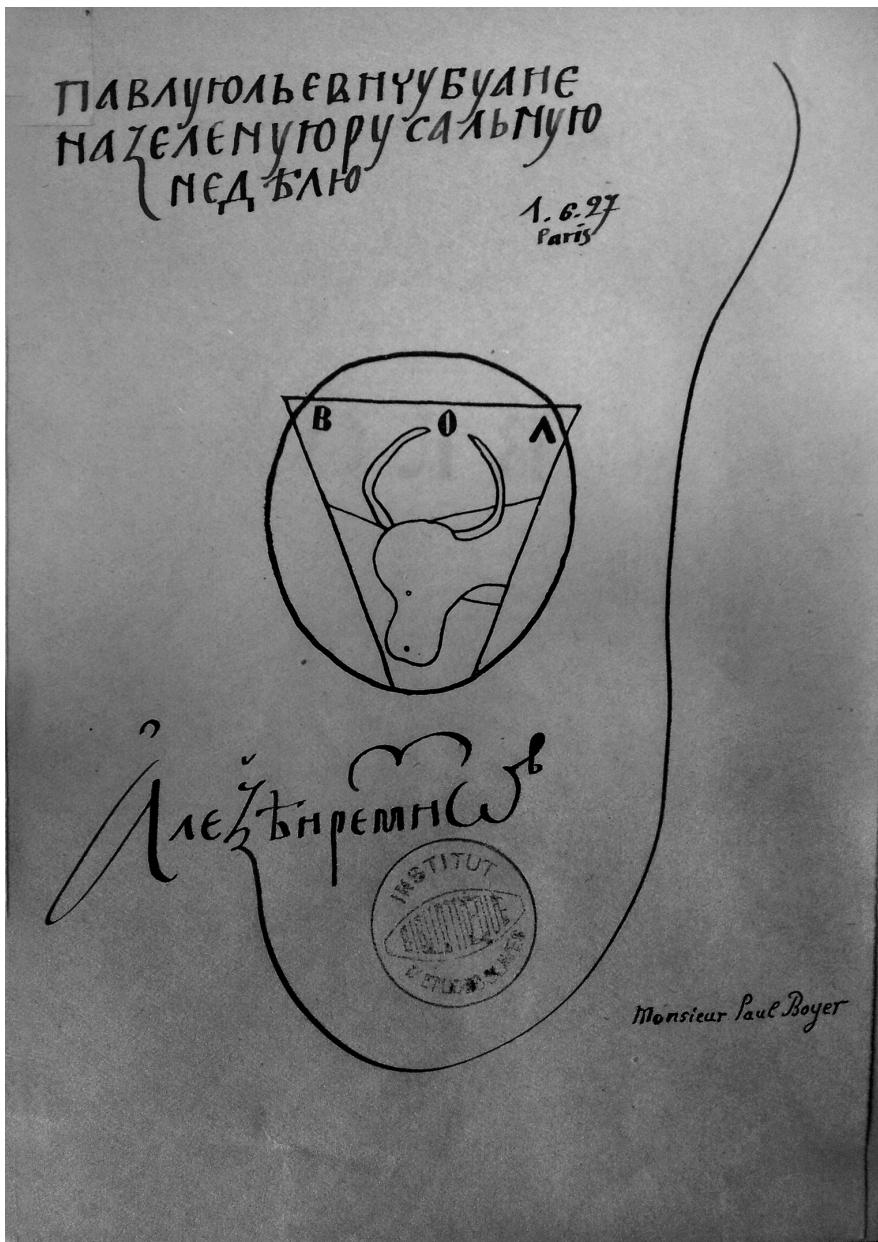
Архив издательства «YMCA-Press»

(может очень хорошо сработает)

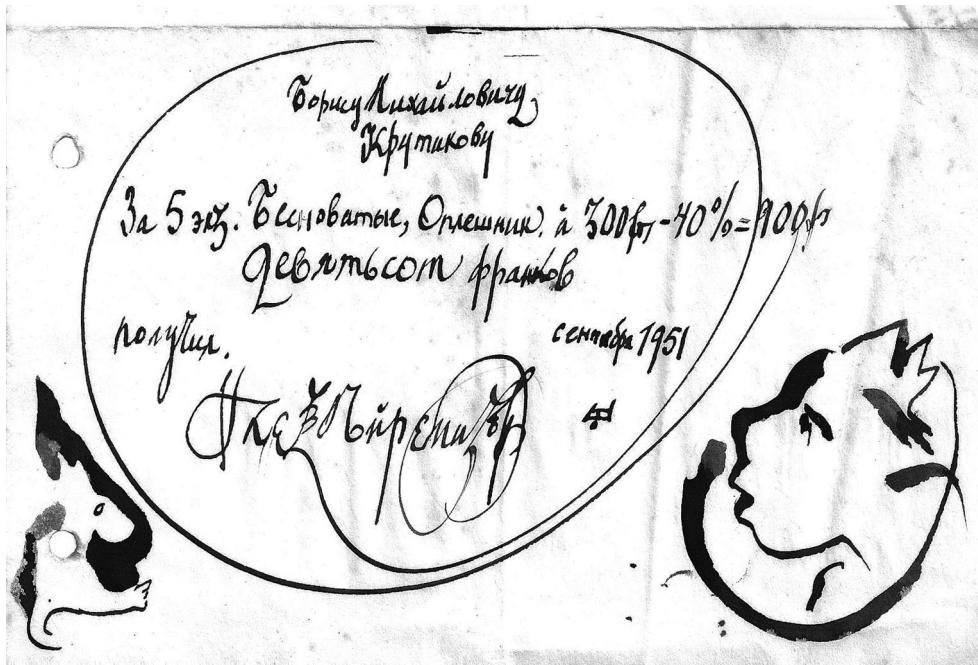
и для каждой обложки
я нарисую в медальоне ~~на~~ ^{не} на марке "ВОЛА" в книгу "Оль"
и мы бы хотели осенью, как листья: какому сейчас покрашено

Фрагмент письма А.М. Ремизова Б.П. Вышеславцеву. 23 июня 1927.

Архив издательства «YMCA-Press»

Фронтиспис книги А.М. Ремизова «Оля» с нарисованным автором логотипом издательства. Париж: ВОД, 1927. Институт Славянских исследований в Париже. Над логотипом — дарственная надпись: «Павлу Юльевичу Буайе на зеленую русальную неделю. 1.6.27. Paris». Под логотипом — подпись Ремизова

Расписка А.М. Ремизова Б.М. Крутикову,
коммерческому директору издательства «YMCA-Press» о получении 900 франков.
Сентябрь 1951

Борису Михайловичу Крутикову, коммерческому директору издательства о получении 900 франков (с уточнением — «минус 40 %») превращается в веселую картинку [см. ил. на стр. 575]. Зверек слева — возможно, Крутиков. Справа узнаем удивленного автора — размером гонорара или изъятого процента? Под датой — загадочный знак, напоминающий о ремизовских «замысловатых печатях, заключавших в себе чертовские знаки»⁵⁰. Знак явно авторский: он похож на вола; он сопровождает и автомобиль, который «ехал по неуказанному направлению» [см. ил. на стр. 565]. Адресованные конкретному лицу, для разового чтения, письма становятся продолжением той творческой манеры, которая не позволяет автору «остановиться»⁵¹. Фраза, слово, малейшая запятая его писем взвихряются, росчерк вырастает в разноцветную «барбарискую ветку», подаренную издателю [см. ил. на стр. 567]. Подпись, узнаваемая, и каждый раз новая, в расписке — вырастет в круглую «печать»; в письмах Андерсону — взвивается вверх виньеткой по всему письму, в письме Вышеславцеву — соединяется с автопортретом в правом верхнем углу [см. ил. на стр. 567]. Все письмо становится *автографом минимум* в трех значениях слова: собственноручной *подписью*; *рукописью*, оригинальность кото-

⁵⁰ Федин К. Горький среди нас. М., 1968. С. 144.

⁵¹ «Завитнув, я не могу остановиться и начинаю рисовать» (Ремизов А.М. Рисунки писателей. С. 225).

рой измеряется не только принадлежностью руке данного автора (здесь к тому же прорисованной), но и его *неповторимой манерой*.

Эта форма самовыражения, в большом и малом, устная и письменная, — одновременно ответ Вышеславцеву «призвать читателя»: «То, что пишется, пишется не для кого и не для чего, а только для того, что пишется и не может не быть написано», — так завершает Ремизов своего «Николая Чудотворца», так он мотивирует *невозможность* написать книгу по заказу⁵².

* * *

Однако ускользающий автор в разное время надеется издать книгу, чему «YMCA-Press» способствует по мере сил, проявляя такт и гибкость. Ремизов, со своей стороны, готов выпустить «Русские легенды» «без гонорара», лишь бы дополнить «З[<]везду» Н[<]адзвездную» — небесную книгу — землей и человечностью⁵³.

Реальным результатом, плодом «мужества» с обеих сторон стали три изданные книги: помимо упоминаемой «Звезды Надзвездной» (1928) и многострадального «Николая Угодника» (1931), в 1951 г. в издательстве «YMCA-Press» вышла итоговая ремизовская книга «Подстриженными глазами».

«Звезда надзвездная» не была напечатана «ГОДУНОВСКИМ-САМОЗВАНСКИМ ШРИФТОМ»⁵⁴ и не на «МАЛИНОВОЙ или БЛЕДНО-ВИШНЕВОЙ»⁵⁵ бумаге [см. ил. на стр. 569]. «Николай Угодник» не «оплетен заставками и концовками лубочных картинок», и это уж никак не «роскошное издание»⁵⁶. Наконец, не разноцветными появляются ремизовские книжки, сообразно его видению трех выпусков «легенд». («Мне бы хотелось ОСЕНЬЮ, как ЛИСТЬЯ: кому какой понравится»⁵⁷ [см. ил. на стр. 573].)

Вместе с тем они вырастают как скромные, но добрые кирпичики его Собора, позволяющие ему выстоять в любые времена, впоследствии переизданные, переведенные на европейские и восточные языки, сделавшие возможной книжную Пятидесятницу русской эмиграции.

---

⁵² Раевская-Хьюз О. «Образ Николая Чудотворца» в творчестве А.М. Ремизова. С. 258.

⁵³ А.М. Ремизов — П.Ф. Андерсону. 4 мая 1928 // Ремизов и YMCA-Press: Переписка 1925–1932 годов. С. 289.

⁵⁴ А.М. Ремизов — Б.П. Вышеславцеву. 4 декабря 1927 // Там же. С. 282.

⁵⁵ Там же. С. 281.

⁵⁶ А.М. Ремизов — Н.А. Бердяеву. 5 октября 1929 // Там же. С. 291.

⁵⁷ А.М. Ремизов — Б.П. Вышеславцеву. 23 июня 1927 // Там же. С. 273.

П.А. Трибунский
ФОНД ФОРДА, ФОНД «СВОБОДНАЯ РОССИЯ» /
ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИЙ ФОНД
И СОЗДАНИЕ «ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕНИ ЧЕХОВА»¹

Глобальное противостояние двух супердержав второй половины XX в., вошедшее в историю как холодная война, не обошло стороной сферу культуры. В исследованиях культурного фронта холодной войны представлена впечатляющая картина целенаправленного воздействия на умы и сердца людей посредством производства кинофильмов, устройства выставок и фестивалей, издания и распространения печатной продукции². В числе активных участников культурного фронта холодной войны было «Издательство имени Чехова», которое по праву может быть отнесено к крупнейшим русскоязычным издательским организациям, выпускавшим книги за пределами России и СССР в XX в. Появление подобного учреждения и осуществление им на протяжении 1951–1956 гг. амбициозной и широкомасштабной издательской программы было возможно лишь при условии использования внушительных финансовых активов. В годы после Второй мировой войны русскоязычная диаспора подобными средствами не располагала. Основным источником финансовых поступлений для функционирования издательства стала американская благотворительная организация Фонд Форда и аффилированный с последним фонд «Свободная Россия» (позже — Восточно-европейский фонд). О финансировании указанными институциями было официально объявлено при открытии издательства³, об этом открыто писалось в эпоху его функционирования⁴,

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 13-01-00194-а).

² См.: *Saunders F.S. Who Paid the Piper?: The CIA and the Cultural Cold War.* L., 1999; *Reisch A.A. Hot Books in the Cold War: The CIA-Funded Secret Western Book Distribution Program behind the Iron Curtain.* Budapest, 2013. Первая книга переведена на русский язык (*Сондерс Ф.С. ЦРУ и мир искусств: Культурный фронт холодной войны* / пер. с англ. под рук. Е. Логинова и А. Верченкова; ред. пер. В. Крашенинникова. М., 2013).

³ См., например: *Book Concern to Aid Exiles from Soviets* // *The New York Times*. 1951. December, 12. № 34290. P. 34.

⁴ См.: *Chekhov Completes a Year of Publishing Russian Books* // *Publishers' Weekly*. 1952. Vol. 162, № 21. P. 2090; *Struve G. The Chekhov Publishing House* // *Books Abroad*. 1953. Vol. 27, № 3. P. 262; *Maslenikov O.A. Publications of the Chekhov Publishing House, New York* // *American Slavic and East European Review*. 1954. Vol. 13, № 2. P. 253; *Wreden N. Books in Russian* // *Library Journal*. 1955. Vol. 80, № 5. P. 531; *Karpovich M. The Chekhov Publishing House* // *The Russian Review*. 1957. Vol. 16, № 1. P. 53; и др.

исследователи также не обходят вопрос стороной⁵. На мой взгляд, сведение участия Фонд Форда и аффилированных с ним структур исключительно к финансовой поддержке издательства ведет к одностороннему взгляду на одну из ярких страниц культурной истории холодной войны. Ниже сделана попытка, опираясь на не введенные прежде в научный оборот документы американских архивов, рассмотреть проекты Фонда Форда, фонда «Свободная Россия» / Восточно-европейского фонда, приведшие к созданию «Издательства имени Чехова», вопрос о финансировании последнего, кадровой политике, формулировании издательской программы. В ряде случаев будут сделаны необходимые экскурсы в смежные с заявленной темой области.

Общий абрис истории Фонда Форда известен, что позволяет отослать заинтересованных читателей к соответствующей литературе⁶. Аффилированным с ним структурам — фонду «Свободная Россия» / Восточно-европейскому фонду — исследователи до сих пор уделяли мало внимания, за исключением работы Э.Т. Честера⁷. Прежде чем перейти к обстоятельствам создания издательства, обратимся к событиям истории указанных учреждений, сделавших такое создание возможным.

Фонд Форда был зарегистрирован 15 января 1936 г. в Детройте, штат Мичиган. Появление фонда было напрямую связано с введением федерального закона о доходах от 30 августа 1935 г., по которому передаваемое по наследству состояние свыше 50 млн. долларов подлежало налогообложению в размере 70 %, за исключением сумм, пожертвованных благотворительным, религиозным и образовательным организациям. Генри Форд и его старший сын Эдсел завещали в пользование фонда все неголосующие акции (95 % от общего числа акций «Форд Мотор Компани»), передавая голосующие акции членам семьи (5 % от общего числа акций). После смерти Эдсела Форда в 1943 г. и Генри Форда в 1947 г. в управление фонда по завещаниям перешли значительные средства, оцененные в январе 1951 г. после уплаты налогов и произведения всех необходимых выплат в 417 млн. долларов. Эта астрономическая сумма разом сделала Фонд Форда крупнейшей благотвори-

⁵ См.: McCarthy K.D. From Cold War to Cultural Development: The International Cultural Activities of the Ford Foundation, 1950–1980 // *Daedalus*. 1987. Vol. 116, № 1. P. 96; Chester E.T. Covert Network: Progressives, the International Rescue Committee, and the CIA. Armonk; N. Y.; L., 1995. P. 50–51, 124; Engerman D.C. Know Your Enemy: the Rise and Fall of America's Soviet Experts. Oxford, 2009. P. 139; Базанов П.Н., Шомракова И.А. Книга Русского Зарубежья: из истории книжной культуры XX века: учеб. пособие. 2-е изд., испр. СПб., 2003. С. 74; Издательства и издательские организации русской эмиграции 1917–2003 гг.: энциклопедический справочник / сост., науч. ред. П.Н. Базанов. СПб., 2005. С. 76; и др.

⁶ MacDonald D. The Ford Foundation: The Men and the Millions. N. Y., [1956]; Nielsen W.A. The Big Foundations: A Twentieth Century Fund Study. N. Y., 1972; Magat R. The Ford Foundation at Work, Philanthropic Choices, Methods, and Styles. N. Y., 1979; Sutton F.X. The Ford Foundation: The Early Years // *Daedalus*. 1987. Vol. 116, № 1. P. 41–91; Dowie M. American Foundations: an Investigative History. Cambridge, MA, 2001; и др.

⁷ Chester E.T. Covert Network... P. 43, 46–51, 81–82. Отметим также неопубликованный доклад Д.Э. Дэвиса, представленный на 16-й ежегодной славистической конференции центральных штатов в Коламбии, штат Миссури, 18 ноября 1977 г. (см.: Davis D. The East European Fund, 1951–1954 // University of Illinois at Urbana-Champaign Archives (UIUCA). P.B. Anderson papers. Box 29, folder «Davis, Donald. Papers on East European Fund and Chekhov Press, 1977–99»).

тельной организацией в мире⁸. Глава компании и президент фонда Генри Форд II рассматривал фонд как благотворительную организацию, способную, благодаря денежным средствам начать осуществлять национальные и международные проекты. Специально созданный комитет под руководством юриста Г.Р. Гейтера-младшего в подготовленном докладе (ноябрь 1949 г.) предложил новые глобальные направления деятельности фонда: укрепление мира во всем мире, развитие демократии, развитие экономики, образования в демократическом обществе, изучение индивидуального поведения и человеческих отношений для принесения максимальной пользы обществу и людям. Предложения комитета были одобрены попечителями фонда 6 сентября 1950 г. и стали основополагающими в последующие годы⁹. Генри Форд видел будущее фонда в предоставлении ему независимости от компании, и первым шагом на этом пути стала его отставка с поста президента фонда с сохранением за собой кресла одного из попечителей. 6 ноября 1950 г. был избран новый президент фонда, П.Г. Хоффман, незадолго до того покинувший должность руководителя Администрации экономического сотрудничества, координировавшей выполнение плана Маршалла в Европе.

Изначально Хоффман с большим вниманием отнесся к первому направлению деятельности фонда — международным отношениям. В конце 1950 г. он негласно привлек к сотрудничеству признанного специалиста в этой сфере Дж.Ф. Кеннана, по-видимому попросив подготовить перечень возможных мер на «русском направлении». Кеннан, в свою очередь, обратился к Дж. Фишеру, не раскрывая конечного заказчика. По крайней мере, в письме от 21 декабря 1950 г. Фишер инициатором подготовки проекта называет самого Кеннана¹⁰.

Можно лишь с уверенностью утверждать, что для исследования вопроса был выбран весьма подходящий кандидат: прекрасно говоривший по-русски Джордж Фишер после окончания Второй мировой войны отслужил в армейской контрразведке в Германии, после увольнения благодаря правительенным беспроцентным ссудам демобилизованным солдатам поступил в аспирантуру Гарвардского университета, где специализировался на изучении советского коллаборационизма во время войны, участвовал в создании Гарвардского проекта интервьюирования беженцев и Института изучения истории и культуры СССР в Мюнхене, много и часто посещал лагеря перемещенных лиц в Германии, общался с разными группами русскоязычной эмиграции. О сложном положении беженцев из СССР, а также о важности их как источника информации о советской действительности для американских ученых и политиков, которые не могли похвастаться обширными знаниями о предполагаемом противнике, Фишер писал еще в 1949 г.¹¹ Теперь именно ему было предложено сформулировать конкретные меры помощи беженцам из СССР, а также способы применения их знаний.

---

⁸ См.: Sutton F.X. The Ford Foundation... P. 42–43, 52.

⁹ См.: Report of the Study for the Ford Foundation on Policy and Program. November, 1949. Detroit, MI, [1950]. P. 9–12, 52, 62, 70, 79–80, 90–91, 98–99.

¹⁰ См.: G. Fischer — G.F. Kennan. December 21, 1950 // Ford Foundation Archives (FFA). East European Fund papers. Box 11, folder «Early plans 1950 & 1951».

¹¹ См.: Fischer G. The New Soviet Emigration // The Russian Review. 1949. Vol. 8, № 1. P. 6–19.

Дж. Фишер подготовил два проекта, датированные 20 декабря 1950 г. и 4 января 1951 г., а также ряд приложений, дополнений и уточнений, составленных в начале 1951 г. Не ставя себе целью их детальное рассмотрение, коснемся лишь важных для настоящего исследования вопросов. В первом проекте добыванием, распределением средств и контролем за их расходованием должен был заниматься специально созданный Русско-Американский фонд. Основными задачами деятельности фонда Фишер называл помочь в интеграции беженцев в американское общество, поддержание политических эмигрантов на случай изменения советской системы, финансирование исследований СССР, выполняемых эмигрантами. Для первой задачи Фишер рекомендовал содействие как уже существующим организациям, так и создание новых, что было возможно лишь при широкомасштабной финансовой помощи. Вторая требовала создания аффилированной структуры — фонда «Свободная Россия», руководящий состав которого должен был быть избираем и утверждаем Русско-Американским фондом из числа наиболее авторитетных советских политических эмигрантов с некоторым добавлением послереволюционных изгнанников, демократических по взглядам и с незапятнанной репутацией. Фонд «Свободная Россия» должен был осуществлять руководство тремя проектами: дом «Свободная Россия», эмигрантский интеллектуальный и социальный центр; издательство «Свободная Россия» (см. ниже) и бюро помощи, призванное обеспечивать потребности вновь прибывших в зaimах, грантах, временному размещении, юридических консультациях и др. Третья задача — изучение СССР специалистами из числа его бывших граждан — виделась Фишеру как проведение исследований под руководством Русского института при Колумбийском университете с публикацией результатов в специально созданном англоязычном журнале и с организацией архива.

Необходимость создания издательства была для Фишера очевидна. Недостаток литературы, и прежде всего книг демократического направления, на русском языке вели к шовинистической эволюции и примитивизации послевоенных эмигрантов. Внимание к переводам на русский язык сочинений было неизбежным ввиду моноязычия подавляющего большинства беженцев. По мнению Фишера, издательство должно было заниматься публикацией ежемесячного журнала, сходного по направлению с «Новым журналом» и с таким же названием, с добавлением ряда черт немецкого «Монат» (*«Monat»*, Берлин; выходил с 1948 г. под редакцией Мельвина Ласки), выпуском в свет серии памфлетов, изданием и переизданием ценных оригинальных книг¹².

Третье приложение к первому проекту, датированное 2 января 1951 г., было посвящено детализации организационных мер и бюджета. По результатам обсуждения с Кеннаном пятеро членов совета попечителей должны были быть исключительно американцами (в том числе американские члены Комитета содействия перспективным культурным исследованиям славянства, представитель финансовых кругов, директор фонда, т. е. сам Фишер). Руководителем фонда «Свободная Россия» Фишер безоговорочно видел историка, профессо-

---

¹² См.: *Fischer G. Draft № 1 «Major Projects for Soviet Refugees in the United States»*. December 20, 1950 // FFA. East European Fund papers. Box 11, folder «Early plans 1950 & 1951».

ра Гарвардского университета, редактора «Нового журнала» М.М. Карповича. Чуть ранее, в письме Кеннану от 21 декабря 1950 г., Фишер писал, что не может представить на этом посту никого, кроме Карповича, благодаря его всеобщему признанию, подлинному либертарианству и такту. Предварительный бюджет Русско-Американского фонда Фишер определял в 1 млн. долларов, из которых на фонд «Свободная Россия» приходилось 300 тыс. На собственно издательство из этой суммы выделялось 100 тыс., которые должны были обеспечить жалованье сотрудников, канцелярские и операционные расходы¹³.

Второй проект почти во всем повторял первый, за редким исключением. Все, что касалось структуры Русско-Американского фонда и фонда «Свободная Россия», руководящего состава обоих организаций, направлений деятельности издательства — было оставлено без изменений¹⁴. Именно проект от 4 января 1951 г. и был послан Кеннаном Хоффману. В сопроводительных письмах от 8 и 9 января Кеннан выражал уверенность, что Фонд Форда сможет осуществить этот широкомасштабный и весьма необходимый неполитический проект. Кеннан прилагал рукопись своей статьи «Америка и будущее России», которая должна была послужить прояснению его антимилитаристской позиции. Буде Фонд Форда считет возможным создать русско-американский фонд, Кеннан соглашался возглавить его, отводя роль технического директора Д. Фишеру¹⁵.

Впечатленный Хоффман на представлении проектов фонда совету попечителей 29 января 1951 г. в рамках программы «Установление мира во всем мире» поставил отношения между СССР и США на первое место и для начала предложил выделить от 500 тыс. до 1 млн. долларов на программу по изучению американо-советских отношений в Институте перспективных исследований при Принстонском университете под руководством Дж. Кеннана. Холодная война, противостояние в Европе, негласное участие СССР в корейской войне — все это свидетельствовало в пользу важности такой программы. Официально о сотрудничестве Кеннана с Фондом Форда в качестве консультанта было объявлено 19 февраля 1951 г. Заметим, что в первом варианте пресс-релиза, который так и не был опубликован, сообщалось о назначении Кеннана главой программы по развитию международных отношений Фонда Форда¹⁶.

¹³ См.: Fischer G. Activities of the Russian-American Foundation: Budget and Organization. Third Supplement to the First Draft of «Major Projects for Soviet Refugees in the United States». January 2, 1951; G. Fischer — G.F. Kennan. December 21, 1950 // Ibid.

¹⁴ См.: Fischer G. Project «Aid to Russian Fugitives from Soviet Power and to Russian Cultural Activities in the United States». January 4, 1951 // Ibid.

¹⁵ См.: G. Kennan — P. Hoffman. January 8, January 9, 1951 // Department of Rare Books and Special Collections. Princeton University Library. Seeley G. Mudd Manuscript Library (DRBSC. PUL). G.F. Kennan papers. Series 1: Correspondence. Subseries 1A: Permanent. Box 13, folder 18 «The Ford Foundation, 1951–1952, 1972–1974»; Kennan G.F. America and the Russian Future // Foreign Affairs. 1951. Vol. 29, № 3. P. 351–370.

¹⁶ См.: The Ford Foundation. The following Announcement was made today in Pasadena, California for release at 5 p.m. Pacific Standard Time (8 p.m. Eastern Standard Time). February 19, 1951 // FFA. East European Fund papers. Box 13, folder «Kennan, George F. 1951–52»; Suggested press release on appointment of George Kennan to special project of Ford Foundation. February 19 [1951] // Rockefeller Archive Center. Ford Foundation Records (RCA. FFR). Grant File. PA 53-31. Reel R-1193. Section «General Correspondence»; Sutton F.X. The Ford Foundation... P. 56–57, 59–60.

Здесь необходимо отметить, что комитет Гейтера рекомендовал Фонду Форда не начинать свои собственные программы, а выступить в качестве распределителя средств между уже существующими учреждениями, ведущими полезную, с точки зрения фонда, деятельность¹⁷. По-видимому, в рамках подобных рекомендаций следует рассматривать состоявшееся 2 марта 1951 г. по приглашению Дж. Кеннана совещание, куда последний пригласил финансиста Ф. Альтшуля, историка, директора Русского института при Колумбийском университете Ф.Э. Мозли, юриста Э. Рута-младшего и вице-президента «Дж.П. Морган и К°, Инк.» миколога Р. Гордона Уоссона. На собрании Кеннан высказался за создание небольшой организации в Нью-Йорке, члены которой могли бы, используя свое влияние, помочь адаптации в США беженцам из СССР, морально поддержать их, дать возможность стать полезными новой стране проживания. Скупые строки протокола лишь упоминают о том, что Кеннан сообщил причины, по которым он считал данный момент наиболее подходящим для появления такой организации, а также о подходах к решению затронутых вопросов. После дискуссии была принята резолюция, согласно которой создаваемый комитет (название во время встречи не было определено) должен был возобновить с учетом изменившихся условий ту же деятельность, что и американское Общество друзей русской свободы. Напомним, что последнее, включавшее в себя общественных и политических деятелей либеральной и радикальной направленности, выступало за реформы в России и оказывало материальную и моральную поддержку борцам с самодержавием (1891–1919). Согласившись с Кеннаном относительно озвученных им конкретных целей комитета, собравшиеся выступили за поддержку всех групп эмигрантов, кроме тех, кто выступал за тоталитарную форму правления в России, одобряя железный занавес, любые формы угнетения людей. Кеннан продемонстрировал собравшимся проект, подготовленный Дж. Фишером для Фонда Форда, и выразил уверенность, что деятельность комитета получит поддержку фонда. Самого Фишера было решено пригласить на должность исполнительного секретаря комитета, который предполагалось зарегистрировать как можно быстрее. Из собравшихся только Рут-младший отказался войти в комитет¹⁸.

Очевидно, что Кеннан изложил на собрании проект Д. Фишера, датированный 4 января 1951 г. Здесь необходимо упомянуть и поступившие к тому моменту радикальные уточнения от 7 февраля, отправленные Фишером из Мюнхена. Еще раз пообщавшись с советскими беженцами, Фишер сделал неутешительный вывод относительно их неопытности в организационных вопросах, отсутствия жизненности, равно как и неспособности мыслить вне рамок тоталитарных схем. Исходя из этого, Фишер предлагал исключить фонд «Свободная Россия» из проекта, напрямую подчинив Русско-Американскому фонду дом «Свободная Россия»,

---

¹⁷ См.: Report of the Study for the Ford Foundation on Policy and Program. P. 103–104.

¹⁸ См.: Minutes of Meeting which took place on March 2, 1951, at the Century Club, New York City; [Resolution of Meeting]. March 2, 1951 // UIUCA. P.E. Mosely papers. Box 20, folder «Free Russia Fund. Origins of EEF. 1951»; G. Kennan — P. Mosely. February 12, March 5, March 12, 1951 // DRBSC. PUL. G.F. Kennan papers. Series 1: Correspondence. Subseries 1A: Permanent. Box 32, folder 5 «Mosely, Philip E., 1951–1972».

бюро помощи, и русский аналог журнала «Монат». В состав совета попечителей Русско-Американского фонда Фишер предлагал включить Карповича, двух послевоенных прозападно ориентированных беженцев и, возможно, А.Л. Толстую или Г.П. Федотова. Русскоязычные организации помощи новым гражданам США, Институт изучения истории и культуры СССР и «Новый журнал» должны были получать пособия напрямую от доноров, тогда как участие Русско-Американского фонда сводилась бы к роли консультантов для благотворителей¹⁹. Разочарование Фишера в деловых способностях послевоенной эмиграции, по-видимому, заставило его отказаться от идеи издательства. Даже для русского аналога журнала «Монат» Фишер предлагал привлечь американского редактора.

Можно предположить, что Хоффман обсуждал с Кеннаном возможность создания некой организации, через которую Фонд Форда мог бы финансировать «русские программы». В этом убеждает тот факт, что практически сразу же после собрания 2 марта Кеннан написал Хоффману о создании русско-американской организации, заметив, что после регистрации он планирует обратиться в Фонд Форда за финансовой поддержкой. Ответ Хоффмана был весьма ободряющим: он приглашал Кеннана дать рекомендации ему и его ближайшим сотрудникам, отмечая, что Фонд Форда поступит в соответствии с ними²⁰.

15 марта 1951 г. пять человек (Дж.Ф. Кеннан, Ф. Альтшуль, Ф.Э. Мозли, Р. Гордон Уоссон, юрист Дж.Э.Ф. Вуд) составили сертификат юридического лица — фонда «Свободная Россия», который был зарегистрирован Государственным департаментом штата Нью-Йорк 20 марта. 23 марта указанные лица оформили устав фонда, и в этот же день состоялось первое собрание совета попечителей организации. В сертификате были заявлены цели фонда: сделать беженцев от советской власти полезными членами свободного мира, поддержав их морально и материально, помочь им поделиться с американцами своими знаниями о России и СССР. Фонд, созданный по частной инициативе, в ходе последовавших некоторых договоренностей Хоффмана и Кеннана было решено объявить организованным Фондом Форда, о чем и было сообщено в официальном пресс-релизе, выпущенном 17 мая. Забегая вперед, скажем, что сертификат об изменении названия фонда «Свободная Россия» на Восточно-европейский фонд был составлен попечителями 21 сентября 1951 г. Изменение было зарегистрировано тем же департаментом 22 октября. Под указанным названием фонд просуществовал до 1961 г., когда был ликвидирован решением попечителей²¹.

---

¹⁹ См.: Fischer G. The Russian-American Foundation: Proposed Modifications. February 7, 1951 // FFA. East European Fund papers. Box 11, folder «Early plans 1950 & 1951».

²⁰ См.: G. Kennan — P. Hoffman. March 8, 1951; P. Hoffman — G. Kennan. March 12, 1951 // DRBSC. PUL. G.F. Kennan papers. Series 1: Correspondence. Subseries 1A: Permanent. Box 13, folder 18 «The Ford Foundation, 1951–1952, 1972–1974».

²¹ См.: Certificate of Incorporation of Free Russia Fund, Inc. Pursuant to the Membership Corporations Law. March 15, 1951 // FFA. East European Fund papers. Box 11, folder «Certificate of Incorporation of Free Russia Fund, Inc. Photostatic copies»; By-Laws of Free Russia Fund, Inc. (a New York Membership Corporation). March 23, 1951 // Ibid. Folder «EEF By-Laws»; Free Russia Fund, Inc. Minutes of Organization Meeting of Incorporators, March 23, 1951; Minutes of First Meeting of Board of Trustees Held on March 23, 1951 // Ibid. Folder «Minutes of the Meeting of the Board of Trustees — East European Fund, Inc.»; Certificate of

На первом же заседании совета попечителей фонда «Свободная Россия» 23 марта 1951 г. Кеннан был избран президентом, а Фишер — директором фонда. На этом же заседании было обсуждено письмо Кеннана Хоффману с сообщением об открытии фонда и с заявкой на выделение 145 тыс. долларов для начала действий (на период 1 мая — 31 октября). В письме от 30 марта Кеннан скорректировал запрашиваемый грант в сторону увеличения (200 тыс. долларов). На заседании совета попечителей Фонда Форда 10 апреля грант в 200 тыс. был одобрен, вскоре после чего Кеннану был вручен чек²². В посланном Хоффману бюджете издательство не значилось. После получения известий о выделении денег Дж. Фишер в письме Дж. Кеннану от 17 апреля 1951 г. среди проектов, на которые предполагалось потратить полученные деньги, упомянул издательство, правда, без каких-либо деталей. Возможно, проект создания издательства обсуждался Фишером и Кеннаном в 20-х числах апреля при личной встрече, о которой упоминается все в том же письме²³.

Впервые вопрос о создании фондом «Свободная Россия» издательства был поднят на заседании совета попечителей 22 мая 1951 г. Дж. Кеннан представил проект, по всей вероятности составленный Дж. Фишером. Текст проекта обнару-

---

Change of Name of Free Russia Fund, Inc. to East European Fund, Inc. Pursuant to Section 40 of the General Corporation Law. September 21, 1951 // Ibid. Folder «Certificate of Change of Name»; The Ford Foundation. [Press release on Free Russia Fund, Inc.] May 17, 1951; Free Russia Fund, Inc. For Release 6 P.M., May 31, 1951 // RAC. FFR. Grant File. PA 53-31. Reel R-1193. Section «General Correspondence»; Ford Fund to Aid Soviet Refugees // The New York Times. 1951. May 18. № 34082. P. 25.

²² См.: Free Russia Fund, Inc. Minutes of First Meeting of Board of Trustees Held on March 23, 1951; G. Kennan — P. Hoffman. March 26, 1951; Free Russia Fund, Inc. Budget Estimate № 1; Budget Estimate № 2; Budget Estimate № 3 // FFA. East European Fund papers. Box 11, folder «Minutes of the Meeting of the Board of Trustees — East European Fund, Inc.»; P. Hoffman — G. Kennan. April 16, 1951; G. Kennan — P. Hoffman. April 24, 1951; B.L. Gladieux — R. Gordon Wasson. May 2, 1951; [Payment card] // RAC. FFR. Grants Accounting File. PA 51-22. Reel R-1195.

²³ См.: G. Fischer — G. Kennan. April 17, 1951 // FFA. East European Fund papers. Box 11, folder «Early plans 1950 & 1951». Письмо Дж. Фишера Дж. Кеннану от 17 апреля 1951 г. интересно также той позицией, которую Фишер занял в отношении эмигрантов, после того как в число попечителей не вошел никто из предложенных им лиц. Дело в том, что Кеннан собрался пригласить на заседание совета попечителей фонда 22 мая Б.А. Бахметьева и М.М. Карповича. Ранее Кеннан обсуждал вопрос с Фишером о привлечении указанных лиц в качестве консультантов фонда. Тогда Фишер высказался против, указав на необходимость параллельного приглашения подобных консультантов из группы послевоенных эмигрантов и от нерусских национальностей. Кеннан возражениям внял, и Бахметьев и Карпович официально к сотрудничеству с фондом не были привлечены. В приглашении на заседание совета Фишер видел другое затруднение: присутствие двух посторонних заинтересованных лиц при обсуждении возможных распределений средств не позволило бы открыто обсудить предполагаемые проекты, равно как и не гарантировало бы сохранения конфиденциальности дискуссии. При этом к самому Карповичу Фишер относился уважительно, при составлении своих проектов пользовался его советами. В результате Кеннан пригласил Бахметьева и Карповича, но к концу собрания, когда щекотливые финансовые вопросы уже были обсуждены (см.: Free Russia Fund, Inc. Minutes of Special Meeting of Board of Trustees Held on May 22, 1951 // FFA. East European Fund papers. Box 11, folder «Minutes of the Meeting of the Board of Trustees — East European Fund, Inc.»; G. Fischer — G. Kennan. December 21, 1950 // Ibid. Folder «Early plans 1950 & 1951»; E. Meredith — M.M. Karpovich. May 10, 1951; M.M. Karpovich — E. Meredith. May 18, 1951 // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Butler Library. Columbia University in the City of New York (BA). M.M. Karpovich papers. Series II. Box 30, folder «Chekhov Publishing House»).

жить не удалось, и его содержание известно по краткому пересказу в протоколах. Предполагалось, что издательство будет печатать сочинения русских классиков, а также другие важные книги на русском языке, которые в данный момент были недоступны читателям. Вторым пунктом в издательской программе стояли работы беженцев из Советского Союза. Третьим — переводы западных классиков наряду с современными авторами, а также труды экономического и культурного значения для распространения среди послевоенных эмигрантов по всему свету. Фишер пояснил, что издательский проект распадается на две части: а) поддержка уже существующих журналов, б) собственно издательская деятельность. Для работы над проектом на заседании был избран подкомитет, в состав которого вошли Ф. Альтшуль (председатель), Дж. Фишер, Дж. Вуд. Подкомитет получил одобрение совета на привлечение двух консультантов со стороны. На заседании была также представлена предварительная оценка бюджета на функционирование фонда на 1 августа — 31 декабря 1951 г. на общую сумму 500 тыс. долларов. Собравшиеся решили обсудить бюджет на следующем заседании. Отметим, что на пять месяцев деятельности еще несозданного издательства у Фонда Форда предполагалось испросить 100 тыс. долларов без каких-либо деталей²⁴.

Одного из привлеченных подкомитетом консультантов удалось установить: это М.М. Карпович. Им был составлен меморандум об издательстве, 31 мая высланный Ф. Альтшулю и казначею фонда Р. Гордону Уоссону. Дж. Фишер получил меморандум чуть позже. Удалось обнаружить черновик меморандума. Прежде всего, Карпович выделил основные цели издательства: обеспечить выход творческим действиям эмиграции, поддержать русскую культурную традицию, способствовать распространению и пониманию западной мысли и культуры среди выходцев из СССР, запечатлеть в памяти события первой половины XX в. Указанные цели определяли виды публикуемых книг: эмигрантская проза и поэзия, научные работы общего плана, написанные эмигрантами, переиздание труднодоступных книг русских классиков и дореволюционных трудов по истории, политике, философии, религии, социологии, работы, специально написанные для правильного понимания советскими эмигрантами русской истории и культуры, мемуары эмигрантов первой и второй волн, переводы сочинений западных авторов, важных с культурной и идеологической точек зрения, работы, специально подготовленные для правильного понимания советскими эмигрантами западной истории, культуры и стиля жизни. Карпович отказывался отдавать предпочтение какому-нибудь одному виду книг, считая необходимым исходить при принятии решения из единственного критерия — качества сочинения. Меморандум содержал ряд практических советов: платить авторам гонорар, а не роялти, в некоторых случаях даже авансировать еще не оконченные рукописи, привлекать к работе издательства по преимуществу новых эмигрантов, обратить особое внимание на распространение книг, для чего организовать несколько центров в разных странах, рассмотреть во-

---

²⁴ См.: Free Russia Fund, Inc. Minutes of Special Meeting of Board of Trustees Held on May 22, 1951; Request to Ford Foundation for Future Funds for August 1, 1951 — December 31, 1951 // FFA. East European Fund papers. Box 11, folder «Minutes of the Meeting of the Board of Trustees — East European Fund, Inc.».

прос о снижении себестоимости путем размещения заказов не в США, а в Германии и Франции²⁵. Сравнение меморандума Карповича с докладом подкомитета (см. ниже) свидетельствует о близости позиций двух документов. Отсутствие необходимых данных, к сожалению, не позволяет оценить степень влияния рассуждений Карповича на оформление окончательного доклада подкомитета, ставшего судьбоносным в истории возникновения издательства.

На заседании совета попечителей 26 июня был зачитан доклад подкомитета — документ, определявший все без исключения внешние стороны существования издательства. Последнее предполагалось назвать в честь А.П. Чехова — «Издательством имени Чехова», образовав при финансовом содействии фонда. Главной целью издательства устанавливалась публикация интересных и ценных книг для беженцев от советского режима. Задачами издательства провозглашались создание центра отбора и выпуска в свет книг на русском языке для советских эмигрантов и содействие изданию в США выдающихся работ указанных эмигрантов на английском языке при посредничестве американского литературного агента.

Подкомитет сформулировал в докладе основные положения издательской программы. Издательство должно было публиковать книги, недоступные эмигрантам по разным причинам, наряду с трудами, знакомящими их с ценностями западной цивилизации. Допускались все виды художественной (повести, поэзия, короткие рассказы) и научной литературы (работы по истории, общественной мысли и современному положению СССР и мира), справочники и учебники. Желательными для издательства авторами были русские классики и советские писатели, произведения которых были под запретом в СССР, выдающиеся западные писатели, пропагандирующие духовные, интеллектуальные, культурные ценности свободного мира, писатели первой волны эмиграции, чьи сочинения шли в русле западных авторов или сохраняли ценности русской культуры и прошлого страны, и подающие надежды писатели второй волны эмиграции.

Касался доклад и проблем отбора рукописей для издания. В первую очередь публикации подлежали работы, способствовавшие исполнению главной цели издательства. Подлежали учету также доступность опубликованных материалов, вкусы и желание эмигрантского сообщества. Но во всех спорных случаях определяющей была главная цель издательства. Книги должны были попасть к максимально возможному количеству эмигрантов, что и определяло как цену производства, так и отпускную. Не обошел стороной подкомитет и вопрос распространения книг. Признавая неэффективными и неплатежеспособными имеющиеся эмигрантские книжные магазины, подкомитет рекомендовал уделять распространению книг особое внимание. Для эмигрантских книжных магазинов стоило предусмотреть значительные скидки. Изучение возможностей печатания русскоязычных книг в Нью-Йорке и его окрестностях привело подкомитет к вы-

---

²⁵ См.: [Karpovich M.M. Memorandum on the Publishing House. May 31, 1951]; M.M. Karpovich — F. Altschul. May 31, 1951; M.M. Karpovich — R. Gordon Wasson. May 31, 1951 // BA. M.M. Karpovich papers. Series II. Box 30, folder «Chekhov Publishing House».

воду, что издательство следовало бы сотрудничать с «Кинг Типографик Сервис Корпорейшн» (Нью-Йорк). Но эта рекомендация не предрешала окончательного решения самого издательства, выбор типографии которым зависел прежде всего от поступивших финансовых средств.

Подкомитет однозначно определял Нью-Йорк местом нахождения издательства, но не в одном здании с фондом «Свободная Россия». Управляющими органами провозглашались директор, Исполнительный комитет и Консультативный совет. Во главе издательства стоял директор, назначаемый советом попечителей фонда. Исполнительный комитет состоял из директора издательства, директора фонда и одного члена совета попечителей. Консультативный совет — из ведущих фигур литературного мира и издательского дела как из среды эмигрантов, так и из американцев. Управление издательства, без сомнения, копировало систему американских корпораций. Директору принадлежала власть в текущих делах, Исполнительный комитет определял стратегию издательства, рекомендации Консультативного совета должны были способствовать улучшению деятельности издательства, обратной связи с читателями и т. д. Издательству следовало находиться под административным контролем фонда. Все финансовые и банковские операции на первых порах должны были предварительно одобряться казначеем фонда до тех пор, пока он не делегировал бы часть своих полномочий сотрудникам издательства.

К докладу был приложен детализированный бюджет издательства на финансовый год (1 января — 31 декабря 1952 г.) с итоговой суммой в 250 тыс. долларов. Любые отклонения от ежемесячного бюджета требовали одобрения фонда. На начальный период существования (1 августа — 31 декабря 1951 г.) в распоряжение директора издательства следовало предоставить 100 тыс. долларов. В случае каких-либо остатков от суммы в 100 тыс. их следовало вернуть на общий счет фонда.

В заключение подкомитет рекомендовал совету попечителей одобрить доклад в принципе, назначить вице-президента «Э.П. Даттон энд Компани Паблишерз» Н.Р. Вредена директором издательства (по совместительству), уполномочить директора фонда Дж. Фишера начать реализацию проекта в установленных бюджетных рамках, разрешить открытие банковского счета на имя издательства. После непродолжительной дискуссии с небольшими уточнениями был одобрен доклад подкомитета, без возражений — бюджет на 1952 г., и Вреден был назначен директором издательства²⁶.

Доподлинно неизвестно, когда и почему именно кандидатура Вредена привлекла внимание подкомитета. Одно можно сказать с уверенностью: что Вре-

---

²⁶ См.: Free Russia Fund, Inc. Minutes of Meeting of Board of Trustees Held on June 26, 1951; Chekhov Publishing House Estimate for Annual Expenditures (January 1, 1952 — December 31, 1952) // FFA. East European Fund papers. Box 11, folder «Minutes of the Meeting of the Board of Trustees — East European Fund, Inc.»; Free Russia Fund, Inc. Monthly Report № 1. July 1, 1951 // RAC. FFR. Grant File. PA 53-31. Reel R-1193. Section «Grant Attachments»; *Altschul F, Fischer G*. Special Report of the Sub-Committee on Publishing Project. [1951] // University of Minnesota Libraries. The Kautz Family YMCA Archives (UML. KFYA). YMCA of the USA. International Work: Russia. Box 19, folder «Free Russia Fund, Inc. Correspondence, report, 1951».

ден удовлетворял всем необходимым качествам как директор издания. Происходивший из обруслевших немцев бывший морской офицер 50-летний Вреден проживал в стране уже 31-й год, был натурализован в 1926 г. С того же года подвизался на ниве книготорговли, позже — книгоиздательства и переводов. Пользовался доверием и уважением коллег по цеху, в 1942–1943 гг. возглавлял Американскую ассоциацию книготорговцев. С 1944 г. — вице-президент издательства «Э.П. Даттон энд Компани Паблишерз», член совета директоров, глава редакционного отдела. Без сомнения, с Вреденом были проведены предварительные переговоры, и назначение для него не стало неожиданным. Какие гарантии и полномочия он получил при этом — неизвестно. Можно лишь предположить, что Вредену был обещан определенный карт-бланш при выборе сотрудников нового издательства. Этим Вреден сразу воспользовался, пригласив 3 июля на откровенную беседу своего приятеля, писателя М.А. Алданова, переводчиком книг которого на английский язык ему довелось выступить («Начало конца» (1943), «Могила воина» (1945)). В ходе встречи Вреден предложил Алданову должность литературного редактора издательства, а также попросил конфиденциально рекомендовать ему возможных сотрудников и дать советы относительно могущих быть изданными книг. Алданов от должности отказался, советы же в письме от 4 июля дал. Писатель рекомендовал в будущее издательство пять человек, преимущественно из числа первой волны эмиграции: Г.М. Лунца, Л.Н. Штильмана, Б.И. Николаевского, В.А. Александрову, И.Г. Церетели. Помимо прекрасных рабочих качеств рекомендуемых Алданов указывал, что все они «очень порядочные люди, не склонные к сварам и подсиживанию, неспособные ко всему такому и беспристрастные. В литературе у них нет предвзятости, они будут беспристрастны в работе, что очень важно». Алданов дал детальные рекомендации по поводу авторов и книг, могущих быть изданными, очертил своего рода издательскую программу. Первым номером он, естественно, рекомендовал нобелевского лауреата И.А. Бунина. 16 июля прошла вторая встреча Алданова и Вредена. Последний согласился опубликовать три книги Бунина, выпуская по одной в год. Ассигнования издательство предполагало получить в августе, и договор с Буниным мог быть заключен уже в сентябре²⁷. Нуждавшийся престарелый писатель откликнулся на предложение незамедлительно, и уже 28 августа, еще до начала работы издательства, Вредену поступила переработанная версия «Жизни Арсеньева». Отметим, что практически все рекомендованные Алдановым авторы были напечатаны, тогда как из рекомендованных им сотрудников лишь Александрова вошла в штат издательства.

Но не только М.А. Алданов дал советы по кадровому составу и издательской программе. Не менее важным стало первое заседание Исполнительного комитета «Издательства имени Чехова» 13 июля в составе Дж. Фишера, Ф. Мозли и Н. Вредена (Вреден и Фишер стали членами комитета по должностям, Мозли —

---

²⁷ См.: М.А. Алданов — Н.Р. Вредену. 4 июля 1951 г. // BA. Chekhov Publishing House papers. Box 1; М.А. Алданов — И.А. Бунину. 16 июля, 21 сентября 1951 // Edinburgh University Library. Special Collections Division. Papers of M.A. Aldanov. Gen. 565/6.

был назначен президентом фонда Кеннаном²⁸). Базируясь на докладе подкомитета, Исполнительный комитет детализировал и прояснил многие вопросы деятельности будущего издательства. Главной задачей издательства провозглашалась публикация книг, ныне недоступных русскому читателю. Расширенный список авторов включал в себя русских классиков, эмигрантов первой и второй волн, авторов, живущих в СССР, переводы на русский язык западных писателей, наиболее адекватно выражавших убеждения и стиль жизни свободного мира. В первые годы деятельности издательства предполагалось публиковать 25 названий в год при условии, что переводы не будут превышать 25 % от общего числа подготовленных к печати книг. Издание книг для детей хотя и рассматривалось комитетом, но как не очень важное предприятие. К таковым же были отнесены исторические работы и мемуары разного рода деятелей. На первое время издание дорогостоящих иллюстрированных книг вовсе не планировалось. Никаких ограничений по формату выпускаемых книг не предвиделось, единственной объединяющей чертой должна была стать эмблема издательства. Все книги в обложке должны были соответствовать лучшим американским типографским стандартам с учетом требований экономии.

Касаясь авторских прав, комитет рассматривал все книги, вышедшие на русском языке до 1917 г., как перешедшие во всеобщее достояние. Исходя из практики советского Госиздата, комитет был готов платить роялти авторам, жившим в СССР, но только лично, без вовлечения в процесс любых литературных агентов. Предвидя протесты советских представителей, комитет был готов идти на ведение судебных процессов. Для авторов-эмигрантов устанавливались размеры гонорара: 1500 долларов за первые 2000 экземпляров с добавлением 400 долларов за третью, четвертую и пятую тысячи. При тираже свыше 5000 автору полагалось по 300 долларов за каждую следующую тысячу. Все платежи делились на три равных части (подписание договора, публикация, 90 дней после выхода книги в свет). Стоимость переуступки прав для переводов на другие языки устанавливалась в 10 %. Плата за право перевода на русский язык определялась в 200 долларов, тогда как гонорар за перевод (в несколько этапов) варьировался от 750 до 1000 долларов в зависимости от каждой конкретной книги.

Не вдаваясь в детали будущего распространения книг издательства, комитет тем не менее счел необходимым обозначить русскоязычные газеты как основные центры продаж. Для наиболее широкого распространения им позволялась скидка в 75 % от установленной цены. Реклама книг издательства должна была быть во всех русскоязычных газетах. Выпуск пресс-релиза о целях и направлении редакционной политики издательства откладывался до возвращения Дж. Кеннана из Европы (сентябрь 1951 г.). С началом функционирования издательства следовало предпринять шаги по его участию в Американском совете книгоиздателей.

Управление издательством виделось членам комитета следующим образом: все сотрудники издательства подчинялись директору или его заместителю, ди-

---

²⁸ См.: Free Russia Fund, Inc. Monthly Report № 1. July 1, 1951 // RAC. FFR. Grant File. PA 53-31. Reel R-1193. Section «Grant Attachments».

ректор был ответственен перед Исполнительным комитетом, который в свою очередь отчитывался перед советом попечителей фонда. На заседании комитета был также обсужден вопрос о кадровой политике издательства. Приглашение сотрудников было прерогативой директора, однако литературный редактор и его помощник подлежали утверждению Исполнительного комитета с целью избежать любых обвинений в политической пристрастности. На этом заседании комитета Л.Д. Планте была утверждена в качестве исполнительного секретаря издательства²⁹.

Появление в издательстве Л.Д. Планте (Plante), американского административного работника, ранее работавшего в компаниях «Американ Хоум Продактс Корпорейшн» и «Эвшарп»³⁰, было результатом взаимного соглашения между Исполнительным комитетом и Вреденом. Исполнительный комитет (а вслед за ним и фонд) хотели, чтобы в русскоязычном издательстве Вреден имел своим заместителем американца. Вреден пригласил Планте, бывшую с ним в дружеских отношениях, хотя и не знакомую с издательским делом. Исполнительный секретарь Планте уже скоро была переименована в заместителя директора. Отметим, что в дальнейшем Планте фактически управляла финансами и держала руководство фонда в курсе ситуации в издательстве. Из рекомендованных Алдановым людей Вреден выбрал на должность главного редактора литературного критика, сотрудника нью-йоркской газеты «Новое русское слово» В.А. Александрову, не замешанную в политических дрязгах. Когда прошло утверждение ее кандидатуры (и было ли оно) — данных обнаружить не удалось. Также осталось неизвестным, когда в менеджеры по производству и распространению Вреден пригласил своего соученика по Морскому кадетскому корпусу, боевого товарища Д.И. Атряскина-Неймана, прибывшего из Европы в США 26 марта 1951 г. Вреден, Планте, Александрова и Атряскин составили руководящее ядро формирующегося издательства. Другие будущие сотрудники издательства, как договорились Вреден и Фишер в конце июля (начале августа?), должны были набираться, с тем чтобы соблюсти баланс в трех направлениях: старая эмиграция vs. новая эмиграция, правые vs. левые, русские vs. нерусские русофилы. Фишер даже предлагал взять за правило всем сотрудникам издательства запретить иметь в качестве секретарей или помощников людей одного с ними круга или происхождения³¹.

Однако все назначения могли состояться лишь при условии финансирования деятельности фонда «Свободная Россия» и, в частности, издательства. Вопрос этот оказался весьма непростым. На памятном заседании 26 июня 1951 г. было обсуждено и одобрено письмо Дж. Кеннана П. Хоффману с запросом выделения необходимых средств для функционирования фонда на 1 августа — 31 декабря 1951 г. С предшествующего заседания (22 мая) оценка потребностей фонда выросла с

---

²⁹ См.: Meeting of the Executive Committee of the Chekhov Publishing House. July 13, 1951 // FFA. East European Fund papers. Box 12, folder «Chekhov Publishing House — Advisory Committee».

³⁰ См.: A.G. Brush — E. Meredith. July 26, 1951; K. Ide — E. Meredith. July 27, 1951 // Ibid. Box 10, folder «Plante, Lilian Dillon».

³¹ См.: G. Fischer — N. Wreden. August 7, 1951 // UML. KFYA. YMCA of the USA. International Work: Russia. Box 19, folder «Free Russia Fund, Inc. Correspondence, report, 1951».

500 до 800 тыс. долларов. Вместе с запросом на финансирование Хоффману отправлялся отчет об использовании гранта в 200 тыс., полученного в апреле 1951 г. Из отчета следовало, что фонд израсходовал почти весь грант: 69 043 доллара 21 цент было потрачено на разные проекты и было взято обязательств на 126 775 долларов³². Вскоре после заседания совета фонда Кеннан отбыл в Европу, с тем чтобы к концу июля быть в США. На 31 июля было назначено заседание совета попечителей Фонда Форда.

Заявка на масштабное финансирование была переправлена руководству нью-йоркского офиса Фонда Форда для уточнений. Последующие события выявили некоторую несогласованность действий президента Фонда Форда и его подчиненных в Нью-Йорке. Получив право собственных смелых инициатив, Хоффман поощрил амбициозного Кеннана к широкомасштабной постановке задачи помочь эмигрантам из России и СССР. Однако действия и программы фонда «Свободная Россия» оказались не вполне согласованы с общей политической Фонда Форда, и, что немаловажно, финансовые заявки носили слишком общий, недетализированный характер. 17 июля 1951 г. офис фонда «Свободная Россия» посетили сотрудники Фонда Форда С.Т. Гордон и Д.Г. Паркер, а также глава нью-йоркского офиса Б. Гладье. С 17 по 20 июля Гордон и Паркер изучали общие цели фонда, его структуру, бюджет, заявки на гранты, а также поддержанные проекты. Помимо представления документов Дж. Фишер и секретарь фонда Э. Мередит дали устные справки. По ряду статей запрашиваемого у Фонда Форда гранта в 800 тыс. долларов Фишер представил дополнительные разъяснения. По предполагаемым на 1 августа — 31 декабря 1951 г. тратам «Издательства имени Чехова» материал предоставил Вреден. Последний оценивал потребности в 85 700 долларов (в том числе административные траты и жалование — 15 700, вспомогательные услуги — 15 000, техническое обслуживание и оборудование для офиса — 15 500, средства на заключения договоров — 15 000 (на десять книг), типографские расходы — 24 000 из расчета на шесть книг, из которых две должны были выйти в 1951 г.). По результатам изучения деятельности фонда «Свободная Россия» и заявки на финансирование Гордон и Паркер дали рекомендацию сократить выделение средств с 800 до 535 тыс. долларов, уменьшив некоторые траты по программам и отказав в поддержке ряду проектов. В отношении издательства было предложено на пять последних месяцев 1951 г. выделить вместо 100 — 60 тыс., так как в заявке были показаны общие, а не детализированные траты и отсутствовала уверенность в том, что новое предприятие сможет достичь масштабов деятельности, которые бы соответствовали выделению суммы в 100 тыс. Гордон и Паркер отмечали хорошо концептуально продуманную работу издательства и видели практическую пользу от его деятельности, однако советовали Фонду Форда для начала решить принципиаль-

---

³² См.: Free Russia Fund, Inc. Minutes of Meeting of Board of Trustees Held on June 26, 1951; G. Kennan — P. Hoffman. June 26, 1951; Free Russia Fund, Inc. Use of Funds up to June 26, 1951; Free Russia Fund, Inc. Summary of Planning Estimate (August 1, 1951 — December 31, 1951) // FFA. East European Fund papers. Box 11, folder «Minutes of the Meeting of the Board of Trustees — East European Fund, Inc.».

ный вопрос — будет ли он поддерживать издательскую программу «Свободной России», и если да, то определиться с типом предлагаемой к изданию литературы и количеством публикуемых книг. Основываясь на выводах Гордона и Паркера, Б. Гладье в письме П. Хоффману от 26 июля сумму гранта фонду «Свободная Россия» определил в 585 тыс. долларов³³.

Получив письмо Б. Гладье и рекомендации С.Т. Гордона и Д.Г. Паркера, Хоффман послал копии Кеннану, который незамедлительно, 28 июля, откликнулся. Кеннан поднял два важнейших вопроса, нерешенность которых ставила под вопрос существование фонда «Свободная Россия» и окончание всех его программ. Кеннан обозначил принципиальное расхождение с сотрудниками Фонда Форда: по его мнению, экспериментальный характер деятельности фонда «Свободная Россия» не позволял составлять окончательный бюджет, только приблизительный. Получив средства, убежден был Кеннан, попечители имели право тратить их по своему усмотрению, учитывая меняющуюся обстановку и отчитываясь постфактум. С точки зрения сотрудников Фонда Форда, в основу должен был быть положен окончательный бюджет, со строгим следованием конкретным статьям расходов. Такое смещение акцентов в финансовых отношениях двух организаций позволяло Кеннану поставить вопрос о продолжении существования фонда «Свободная Россия» как отдельной корпорации. Второй вопрос касался сомнений в совместности целей фонда «Свободная Россия» с целями Фонда Форда, непонимания ответственными сотрудниками целей и задач первого учреждения. Кеннан резюмировал, что вскрывшиеся противоречия в отношениях фонда «Свободная Россия» и Фонда Форда не позволяют нормально функционировать без определенных договоренностей. Кеннан собирался рекомендовать попечителям фонда «Свободная Россия» не предпринимать никаких более шагов и не брать новых обязательств до заключения с Фондом Форда соглашения о признании за первым общей целесообразности решаемых задач, права распоряжаться деньгами, поступившими на счет, экспериментального характера деятельности фонда, что не позволяло подготовить окончательный бюджет. В целом Кеннан поднимал вопрос о необходимости получения от Фонда Форда формального или неформального обещания относительно общей суммы, на которую мог рассчитывать фонд «Свободная Россия», и необходимости в целях достижения результатов гарантировать поддержку не менее чем на пять лет³⁴. 31 июля прошло заседание совета попечителей Фонда Форда, на котором грант фонду «Свободная Россия» был одобрен в размере 585 тыс. долларов. Вопрос об отношениях фонда «Свободная Россия» и Фонда Форда был отложен до осени 1951 г.

Кеннан не стал посвящать никого в возникшие трения с Фондом Форда. Основной вопрос, которые он обсуждал с Дж. Фишером и Н. Вреденом в конце июля — начале августа — не зарегистрировать ли издательство в качестве само-

---

³³ См.: G. Fischer — G. Kennan. July 18, 1951; G. Fischer — S. Gordon. July 19, 1951; S.T. Gordon, G.H. Parker — B.L. Gladieux. July 25, 1951; B.L. Gladieux — P. Hoffman. July 26, 1951 // RAC. FFR. Grant File. PA 53-31. Reel R-1193. Section «General Correspondence».

³⁴ См.: G. Kennan — P. Hoffman. July 28, 1951 // Ibid.

стоятельного юридического лица. Однако к началу августа, моменту очередной поездки Дж. Кеннана в Европу, проблема не получила своего решения, и оно было отложено на осень. Кеннан считал, что издательство может начинать свои действия как отделение фонда «Свободная Россия», приурочивая их ко Дню труда, первому понедельнику сентября, приходившемуся в 1951 г. на 3-е число. Фишер в письме Вредену от 7 августа перечислил лично его волновавшие вопросы: неопределенность с помещением и выпуск пресс-релиза о создании издательства. Фишер считал возможным решить эти вопросы до окончательного вывода о необходимости отдельной регистрации издательства в качестве юридического лица. В письме от 13 августа Фишер с радостью сообщал, что с официального одобрения попечителей Фонда Форда фонд «Свободная Россия» наделял Вредена полномочиями для начала создания издательства с 1 сентября. Фишер информировал о возможности фонда подписать договор на аренду помещений для издательства, предполагаемом открытии счета в самом ближайшем будущем, скорейшей подготовке и выпуске пресс-релиза, организации бухгалтерского обслуживания, планировавшемся обсуждении необходимости отдельной регистрации издательства в качестве юридического лица. Последовавшее за телефонным разговором письмо Фишера Вредену от 22 августа было менее оптимистичным: аренда помещений могла быть временно оформлена лишь до конца 1951 г., а не на пять лет, как рассчитывал Вреден. Ясность в дело мог внести Кеннан, до возвращения которого из Европы (середина сентября) все формальные действия в этом направлении следовало, по мнению Фишера, заморозить. Соответственно, выход из ситуации Фишер видел во временном размещении издательства в отеле (отметим, что в конце августа — сентябре сотрудники издательства находились во временном помещении по адресу: 151 West 46th St., Room 903, с середины сентября они перебрались в отель «Принц Георг» по адресу: 14 East 28th Street, Rooms 234, 235, 236). Неясность с отдельной регистрацией издательства в качестве юридического лица повела к приостановке выпуска пресс-релиза. Взятые по отношению к руководящему ядру формирующегося издательства (Планте, Александрова, Атряскин) обязательства о найме на работу Фишер считал возможным исполнить и, несмотря ни на какие трудности, начать деятельность с 1 сентября³⁵.

Вреден последовал совету Фишера. 25 августа Д.И. Атряскин-Нейман был официально нанят на работу. 1 сентября штат издательства пополнился еще тремя членами: Вреденом, Планте и Александровой³⁶. Правда, не вполне ясно, кто конкретно принял Атряскина: ведь официально сам директор начал службу спустя шесть дней.

Ценная информация о деятельности сотрудников издательства в первые дни содержится в письме Н.Р. Вредена от 17 сентября 1951 г. Дж. Фишеру и

---

³⁵ См.: G. Fischer — N. Wreden. August 7, August 13, August 23, 1951; G. Kennan — G. Fischer. August 3, 1961 <sic!> // UML. KFYA. YMCA of the USA. International Work: Russia. Box 19, folder «Free Russia Fund, Inc. Correspondence, report, 1951»; Free Russia Fund, Inc. Monthly Report № 3. September 1, 1951; Monthly Report № 4. October 1, 1951 // RAC. FFR. Grant File. PA 53-31. Reel R-1193. Section «Grant Attachments».

³⁶ См.: Chekhov Publishing House. Progressive Report. № 6. May 1, 1953 // FFA. East European Fund papers. Box 12, folder «Chekhov Publishing House — Reports».

Ф. Мозли. Директор датировал начало деятельности издательства 4 сентября. Вреден отметил, что в течение августа Л.Д. Планте осмотрела 16 помещений, остановившись в конце концов на одном, наиболее подходящем для издательства. Правда, отсутствие денежных средств не позволило заключить договор, и костяк издательства продолжал заседать в отеле «Принц Георг». Планте начала налаживать систему делопроизводства, тогда как Д.И. Атряскин занялся обследованием типографий на предмет размещения заказов и составлением списка возможных центров распространения изданий. В.А. Александрова вступила в переписку с рядом авторов. Для публикации в числе первых книг было намечено пять названий, правда, никакие обещания не делались и договора не заключались. На 1952 г. Вреден намечал публикацию 35 книг (6 — художественных произведений эмигрантов первой волны, 3 — эмигрантов второй волны, 10 — научно-популярных, 5 — переизданий классиков, 5 — запрещенных советских авторов, 6 — переводных работ)³⁷. Деятельность сотрудников затруднялась неопределенностью положения издательства (статус, денежные средства), отсутствием постоянных помещений; это были вопросы, на которые могли ответить лишь учредители — фонд «Свободная Россия», а точнее, финансировавший все Фонд Форда.

Однако заседание попечителей фонда «Свободная Россия» 21 сентября, которое, без сомнения, мыслилось как подведение итогов и планирование будущей деятельности, особой ясности не внесло. Оповестив коллег о сокращении бюджета, Кеннан заявил о запланированном обсуждении взаимоотношений с Фондом Форда в самом недалеком будущем. Поднятый Дж. Вудом вопрос об отдельной регистрации издательства в качестве юридического лица не получил никакого разрешения и был отложен до следующего заседания. Некоторое развитие получила ситуация с «Издательством имени Чехова». Собравшиеся постановили, что сумма до 100 тыс. долларов может быть потрачена Вреденом на деятельность издательства, утвердив при этом округленные расходные статьи (в тысячах долларов: жалованье — 10, вспомогательные услуги — 10, техническое обслуживание — 15, аренда — 23, средства на заключения договоров — 22,5, типографские расходы — 19). Дж. Фишеру были delegированы полномочия по переговорам и подписанию договора аренды помещений на пятилетний срок для размещения издательства. Финансовые документы свидетельствуют, что на издательство до конца года было выделено 94 тыс. долларов³⁸.

Обсуждение Кеннаном и Хоффманом ситуации вокруг фонда «Свободная Россия» состоялось уже 23 сентября. По-видимому, Хоффман выступил за сокращение самостоятельности фонда, что повело к резкому заявлению Кеннана о

---

³⁷ См.: N. Wreden — G. Fischer, P.E. Mosely. September 17, 1951 // RAC. FFR. Grant File. PA 53-31. Reel R-1193. Section «General Correspondence».

³⁸ См.: Free Russia Fund, Inc. Minutes of Meeting of Board of Trustees Held on September 21, 1951; Projected Financial Statement // FFA. East European Fund papers. Box 11, folder «Minutes of the Meeting of the Board of Trustees — East European Fund, Inc.». См. также: G. Fischer — B.L. Gladieux. September 11, 1951; G. Fischer — G. Kennan. September 14, 1951 // RAC. FFR. Grant File. PA 53-31. Reel R-1193. Section «General Correspondence».

необходимости при такой постановке вопроса полной ликвидации «Свободной России» к 1 января 1952 г. Хоффман согласился, предложив Кеннану совместно с нью-йоркским офисом выработать порядок ликвидации, при этом предусматрев возможность продолжения важных проектов под прямым управлением Фонда Форда или других сторонних организаций. Хотя проекты не назывались, было ясно, что речь идет о программе изучения СССР и издательстве. Не зная о договоренности, за ликвидацию фонда «Свободная Россия» как отдельной корпорации высказался и директор Дж. Фишер, параллельно выступив за продолжение поддержки программы изучения СССР и издательства. 25 сентября Кеннан представил финансовые выкладки, где ежегодные траты издательства определялись в 300 тыс. долларов, а его существование виделось под контролем некой сторонней организации в течение не менее трех лет. Отметим, что в сумму просимого гранта Кеннан заложил субсидии неназванным журналам в области русской литературы и советских штудий. Из других материалов ясно, что речь шла о «Новом журнале» и «The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S.» («Летопись Украинской Академии искусств и наук в США»)³⁹.

Несколько поразмыслив о впечатлении, которое могло произвести резкое прекращение деятельности фонда «Свободная Россия», Хоффман несколько сместил акценты. На встрече 8 (9?) октября он обсудил с Кеннаном возможность продолжения деятельности фонда, при этом несколько изменив масштаб и направление деятельности: предполагалось закрыть офис фонда, разместив персонал в помещениях Фонда Форда, добавить несколько попечителей, переименовать его в Восточно-европейский фонд. Основной дебатировавшийся вопрос — должен ли фонд заниматься самостоятельными операциями или быть полностью контролируемым Фондом Форда — окончательно решен не был. Соглашаясь на полностью зависимое положение фонда, Кеннан для программы изучения СССР и издательства оговаривал определенную самостоятельность. Общие запросы Кеннана на деньги для издательства были конкретизированы при помощи Н.Р. Вредена (1 ноября). Он исходил из необходимости функционирования издательства в течение трех лет, указывая на сумму в 170 220 долларов в год, если будут одобрены для ежегодной публикации 20 названий, и 250 220 — если 36. В случае выделения через издательства субсидий двум указанным выше журналам Вреден просил добавить 60 тыс. ежегодно.

Отметим, что руководство Фонда Форда, в целом одобряя создание издательства, никак не могло прийти к окончательному решению относительно масштабов его деятельности. В обсуждениях фигурировали и возможная публикация издательством ежеквартального журнала на иностранном языке, и подчинение издательства некой сторонней организации, и др. Однозначным было намерение начать деятельность издательства под руководством Вредена, составлением окон-

---

³⁹ См.: B.L. Gladieux — J.M. McDaniel. September 24, 1951; G. Fischer — G.F. Kennan, B.L. Gladieux. September 25, 1951; Kennan's Tentative Approach to Free Russia Fund Problem. September 25, 1951 // Ibid.

чательного, а не примерного бюджета на три года под контролем Б. Гладье для подготовки заявки на грант Фонда Форда⁴⁰.

В добавок к возникшим трениям в ноябре 1951 г. стало ясно, что основной защитник «русских программ», создатель Восточно-европейского фонда Дж. Кеннан возвращается на государственную службу и вынужденно прерывает сотрудничество с Фондом Форда. Разговоры о возможности Кеннана занять место посла США в СССР, заместив адмирала А.Г. Кирка, велись еще в феврале 1951 г. Но тогда Кеннан наотрез отказался, сославшись на договоренности с Фондом Форда (и персонально с Хоффманом). Кеннан видел возможность своего возвращения лишь в случае крайней необходимости. Осенью такая ситуация сложилась. 20 ноября «Нью-Йорк таймс» сообщила сведения из правительственный кругов о предполагаемом назначении Кеннана в Москву. На следующий день на заседании совета попечителей Восточно-европейского фонда Кеннан заявил об отставке с поста президента и из попечителей фонда. 23 ноября вышел пресс-релиз о прекращении ассоциации Кеннана с Фондом Форда. 26 декабря Белый дом официально объявил Кеннана будущим послом в СССР⁴¹. Если к этому добавить, что директор Восточно-европейского фонда Дж. Фишер тоже попросился в отставку с 15 ноября 1951 г. и совет попечителей на заседании 16 ноября ее санкционировал⁴², то станет ясно, что фонд оказался в серьезном кризисе с неясными перспективами.

Накануне собрания совета попечителей 16 ноября Кеннан неожиданно опять повел разговор с руководством Фонда Форда о деактивации Восточно-европей-

---

⁴⁰ См.: B.L. Gladieux — J.M. McDaniel. October 8 (9?), 1951; M. Katz — G.F. Kennan. October 12, 1951; G. Fischer, E. Meredith — S. Gordon, G. Parker. October 19, 1951; G.F. Kennan, B.L. Gladieux — P. Hoffman. November 1, 1951; G.F. Kennan — P. Hoffman, R.M. Hutchins, M. Katz. November 5, 1951; M. Katz — P. Hoffman. November 8, 1951; Chekhov Publishing House. Minimum Estimate for Annual Expenditure [November 1, 1951]; Publishing House Project. November 1, 1951; Excerpt from New York Office Report Week Ending. November 2, November 9, 1951 // Ibid.

⁴¹ См.: G. Kennan — P. Hoffman. February 8, 1951 // DRBSC. PUL. G.F. Kennan papers. Series 1: Correspondence. Subseries 1A: Permanent. Box 13, folder 18 «The Ford Foundation, 1951–1952, 1972–1974»; Information Office. The Ford Foundation. For Release: Saturday, November 24 / 1951. A.M. Newspapers // RAC. FFR. Grant File. PA 53-31. Reel R-1193. Section «General Correspondence»; G. Kennan — Trustees of the East European Fund. November 26, 1951 // FFA. East European Fund papers. Box 13, folder «Kennan, George F. 1951-52»; East European Fund, Inc. Minutes of Special Meeting of Board of Trustees Held on Wednesday. November 21, 1951 // Ibid. Box 11, folder «Minutes of the Meeting of the Board of Trustees — East European Fund, Inc.»; Reston J. Kennan Is Slated for Post of Ambassador to Moscow // New York Times. 1951. November 20. № 34268. P. 1; The Proceedings in Washington // Ibid. P. 7; Kennan Quits Ford Post // Ibid. November 24. № 34272. P. 6; Kennan Gets Moscow Post; Soviet Accepts New Envoy // Ibid. December 27. № 34305. P. 1. После сообщения о назначении Дж. Кеннана послом по Нью-Йорку поползли слухи, что финансирование Восточно-европейского фонда будет сокращено, а он сам ликвидирован. Фонд Форда официально такую информацию не подтвердил. Интересно, что Б. Гладье сообщил корреспонденту «Нью-Йорк таймс», что Фонд Форда поддержит два проекта — программу по изучению СССР и «Издательство имени Чехова», о существовании которого еще не было объявлено! (см.: Project for Assisting Soviet Exiles Faces a Revision and Curtailment // New York Times. 1951. December 1. № 34279. P. 3).

⁴² См.: East European Fund, Inc. Minutes of Meeting of Board of Trustees Held on Friday. November 16, 1951 // FFA. East European Fund papers. Box 11, folder «Minutes of the Meeting of the Board of Trustees — East European Fund, Inc.».

ского фонда к 31 декабря 1951 г. и полном прекращении существования к апрелю 1952 г. На заседании Кеннан сообщил о своем предложении попечителям и уведомил о предстоящем возвращении на государственную службу и, соответственно, отставке с поста президента. Для фонда, который был задуман и сформирован Кеннаном и который занял определенную нишу только благодаря ему, эти заявления были весьма болезненны. Попечители одобрили все достигнутые с Фондом Форда договоренности относительно судьбы Восточно-европейского фонда, продолжения двух его проектов и суммы запроса на грант на их трехлетнее функционирование (734 тыс. долларов). Кеннан сообщил, что ему оставлено на усмотрение создание консультативного органа для помощи в функционировании «Издательства имени Чехова»⁴³.

Собрание совета попечителей Восточно-европейского фонда 21 ноября стало переломным в истории «Издательства имени Чехова». Благодаря ранее достигнутому взаимопониманию с представителями Фонда Форда попечители смогли наконец дать полномочия на начало его действий и обозначить их границы. Попечители одобрили план работ издательства, предложенный Вреденом, решив не регистрировать издательство в качестве самостоятельного юридического лица, а оставить составной частью фонда. Соответственно, название должно было отражать это решение: «Издательство имени Чехова Восточно-европейского фонда». Была одобрена новая система управления издательством: Исполнительный комитет и Консультативный совет упразднялись. Издательством единолично управлял Вреден, подчиненный президенту и совету попечителей. С учетом бюджетных ограничений директору были даны полномочия вступить в контакт с авторами и типографиями относительно публикации русскоязычных книг. Вреден до конца 1951 г. не имел права выходить за пределы сумм, одобренных советом 21 сентября. Казначей фонда Гордон Уоссон уполномочивался перевести деньги на отдельный счет издательства в то время и в тех размерах, какие он найдет подходящим. Вводилась строгая экономия и тщательный бухгалтерский контроль: для работы издательства были определены конкретные банки — «Бэнк оф Нью-Йорк» и «Фифс Авеню Бэнк», расходы сообщались дважды в месяц секретарю фонда для передачи казначею, только директор и его заместитель могли подписывать финансовые документы и совершать финансовые операции, услуги бухгалтера или юриста из своих средств оплачивал фонд. Аренда помещений на пять лет, одобренная на собрании 21 сентября, аннулировалась. Фиксировалось жалование Вредену — 2000 долларов в год, с ежемесячной выплатой. Ему доверялся набор персонала и определение их заработной платы. Для улучшения деятельности издательства президент фонда получал полномочия назначать консультантов⁴⁴. Вероятно, в тот же день

---

⁴³ См.: Ibid; B.L. Gladieux — P. Hoffman and other officers. November 16, 1951; B.L. Gladieux — J.M. McDaniel. November 19, 1951 // RAC. FFR. Grant File. PA 53-31. Reel R-1193. Section «General Correspondence».

⁴⁴ См.: East European Fund, Inc. Minutes of Special Meeting of Board of Trustees Held on Wednesday. November 21, 1951 // RAC. FFR. East European Fund papers. Box 11, folder «Minutes of the Meeting of the Board of Trustees — East European Fund, Inc.».

Вредену было сообщено о постановлении собрания совета, ибо этим днем датирован его список на согласование кандидатур консультантов (Дж.Э.Ф. Вуд, Ф.Э. Мозли, С. Гордон, М.М. Карпович, К.Л. Захарченко, Э. Мередит, Ф. Багхорн, М. Файнсад). Дж. Кеннан ответил Вредену 23 ноября. Письмо повторяло основные решения собрания совета попечителей 21 ноября. Кеннан делал упор на том, что функционировать издательство должно было исходя из 100 тыс. долларов, не боясь никаких обязательств сверх этой суммы. Решение по предоставлению гранта Фонда Форда следовало ожидать не ранее февраля 1952 г. Выпуск пресс-релиза откладывался до разрешения Фонда Форда. Отдельно Кеннан сделал комментарии по поводу состава консультантов⁴⁵.

Бюджет издательства на три года и пояснения к нему были составлены Вреденом еще к заседанию 16 ноября, но были отправлены Хоффману вместе с письмом Кеннана от 23 ноября. Кеннан, сообщив о постановлениях собраний 16 и 21 ноября и обозначив требуемую сумму на продолжение двух вышепоименованных проектов, настоятельно рекомендовал не прекращать «русскую работу» в той или иной форме. На деятельность издательства согласно расчетам Вредена на три года требовалось 727 915 долларов. В эту сумму включались полученные ранее 94 тыс., а также планируемые средства от продажи книг и разница в курсах валют при выплате роялти — 110 125. В детализации бюджета издательства были словно повторены рекомендации Исполнительного комитета. Выделенные средства должны были позволить издать 78 наименований, в том числе 6 учебников, 20 — научно-популярных книг, 10 — русских классиков, 10 — советских авторов, 18 — художественные произведения эмигрантов, 14 — переводов. Тиражи книг варьировались от 2000 до 5000. Общее количество определялось в 354 тыс. экземпляров⁴⁶.

Руководство Фонда Форда одобрило действия попечителей Восточно-европейского фонда относительно активации издательства. Понимая, что выделенных средств хватит лишь до конца года, П. Хоффман и его советник М. Катц связывали свои надежды с аудиенцией 29 ноября 1951 г. у Г. Форда II с которым предполагалось обсудить статус, планы и перспективы деятельности издательства. Г. Форд II высказался за самую деятельную поддержку «Издательства имени Чехова»⁴⁷. Уже 30 ноября был подготовлен пресс-релиз о создании «Издательства имени Чехова».

---

⁴⁵ См.: [Mr. Wreden requests the following for the Consultant Committee of Chekhov Publishing House]. November 21, 1951 // Ibid. Box 12, folder «Chekhov Publishing House — Advisory Committee»; G. Kennan — N. Wreden. November 23, 1951; N. Wreden — G. Kennan. December 10, 1951 // UML. KFYA. YMCA of the USA. International Work: Russia. Box 19, folder «Free Russia Fund, Inc. Correspondence, report, 1951».

⁴⁶ См.: Summary of Estimated Additional Financial Requirements For 3 Year Period. September 1, 1951 — August 31, 1954; Chekhov Publishing House. Budget for 3 year period, September 1, 1951 — August 31, 1954; Chekhov Publishing House. Explanation of Budget for 3 year period, 9/1/51 — 9/1/54 // FFA. East European Fund papers. Box 11, folder «Minutes of the Meeting of the Board of Trustees — East European Fund, Inc.»; G.F. Kennan — P. Hoffman. November 23, 1951 // RAC. FFR. Grant File. PA 53-31. Reel R-1193. Section «General Correspondence».

⁴⁷ См.: M. Katz — P. Hoffman. November 27, 1951; M. Katz — G. Kennan. November 29, 1951; G.F. Kennan — P. Hoffman. November 29, 1951; M. Katz — G. Kennan. December 5, 1951 // Ibid.

ва Восточно-европейского фонда» с обозначением издательской программы и перечислением руководителей организации. Датой начала работы организации называлось 15 декабря, что, как видно из вышеизложенного, было не более чем уловкой. Пресс-релиз предполагалось обнародовать 5 декабря, однако он был несколько задержан и увидел свет лишь 12 декабря. Среди первых действий Вредена — прием на службу С. Синявски — на должность секретаря менеджера по производству и распространению с 17 декабря. Синявски прибыла в США в 1948 г., и прием ее на работу устанавливал требуемый паритет среди сотрудников издательства между старой (Вреден, Александров) и новой (Атряскин, Синявски) эмиграцией. Финансовые траты за пять месяцев 1951 г. оказались значительно скромнее, чем планировалось: было потрачено 57 623 доллара (в том числе 11 457 на жалованье, налоги, транспорт, аренду и 46 166 — на оплату договоров с авторами и расходы по печати)⁴⁸.

После принципиального одобрения деятельности Восточно-европейского фонда и поддержки его будущего существования подготовка новой заявки на грант уже была делом техники. В основу подсчетов были положены расчеты, присланные при письме Кеннана от 23 ноября. Проверкой расчетов занимались все те же С.Т. Гордон и Д.Г. Паркер. В меморандуме от 7 декабря 1951 г. они одобрили общую сумму запрашиваемого гранта (734 тыс.). Бюджет издательства был признан детальным и разумным. В ходе уточнений общая сумма гранта на три года (1 сентября 1951 г. — 31 августа 1954 г.) была переопределена в 785 тыс. долларов. Руководство Фонда Форда рекомендовало совету попечителей, заседавшему с 4 по 8 февраля 1952 г., удовлетворить заявку Восточно-европейского фонда в полном объеме. 7 февраля попечители одобрили выделение 785 тыс. долларов. Первая часть (215 тыс.) поступила на счет фонда 31 марта 1952 г.⁴⁹ Заседание совета попечителей почти совпало по времени с окончанием печатания первых десяти книг «Издательства имени Чехова», которые вышли в свет 28 февраля 1952 г. Организационный период закончился, впереди были четыре года интенсивной деятельности издательства.

Подведем итоги. Появление «Издательства имени Чехова» было одним из эпизодов широкомасштабной конфронтации эпохи холодной войны в сфере культуры. Создание издательства стало возможным благодаря деятельности американских неправительственных благотворительных учреждений (Фонд Форда, фонд

---

⁴⁸ См.: B.L. Gladieux — J.M. McDaniel. November 30, 1951; East European Fund, Inc. For Release. A.M. Newspapers, Wednesday December 12, 1951 // Ibid. Grant File. PA 53-31. Reel R-1193. Section «Grant Attachments»; Chekhov Publishing House. Progressive Report. № 6. May 1, 1953 // FFA. East European Fund papers. Box 12, folder «Chekhov Publishing House — Reports»; East European Fund (a New York non-profit organization). Financial Statements. December 31, 1951. February 1, 1952 // UIUCA. P.E. Moseley papers. Box 22; Book Concern to Aid Exiles from Soviets // The New York Times. 1951. December 12. № 34290. P. 34.

⁴⁹ См.: Appropriation № 73. East European Fund; [Payment card] // RAC. FFR. Grants Accounting File. PA 52-73. Reel R-1195; Summary Statement. East European Fund [January, 1952]; P. Hoffman — P. Moseley. February 13, 1952 // Ibid. Grant File. PA 53-31. Reel R-1193. Section «Basic Documents»; S.T. Gordon, G.H. Parker — B.L. Gladieux. December 7, 1951; Excerpt from President's Report. 1951 // Ibid. Section «General Correspondence».

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

«Свободная Россия» / Восточно-европейский фонд), определивших цели издательства и направления его деятельности, основания издательской программы, выделивших значительные средства на ее выполнение, существенно повлиявших на кадровый вопрос и на внешнюю сторону функционирования издательства. Отметим, что последнее безоговорочно прекратило свое существование, когда Фонд Форда счел его миссию выполненной. Процесс формирования издательства находился в непосредственной связи с программами Фонда Форда, с историей его взаимоотношений с аффилированными структурами, особенностями финансирования его деятельности. Опубликованные издательством книги стали неотъемлемой частью культуры русского зарубежья, тогда как существование собственно издательства в той же мере относится к истории американской благотворительности в годы холодной войны.

ОБЗОРЫ ФОНДОВ
ДОМА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

M.A. Васильева
АРХИВ СЕМЬИ ЛЕВИЦКИХ – ХАРКЕВИЧ

Архив семьи Левицких — Харкевич на сегодняшний день для Дома русского зарубежья — наиболее крупное собрание, поступившее из Италии. Архивные материалы, ставшие основой отдельного фонда (ДРЗ. Ф. 63), — реликвии, фотографии, переписка, дневники, периодические и отдельные издания, ноты, рисунки др. — были переданы в дар в 2011 г. Галиной Сергеевной Дозмаровой, приемной дочерью Нины Адриановны Харкевич (1907–1999) — выдающейся представительницы русской колонии во Флоренции. Эти ценные материалы тематически объединены историей русской православной церкви Рождества Христова и святителя Николая Чудотворца во Флоренции. Храм имеет богатую предысторию, связанную с именами Александра I, дочери Николая I великой княгини Марии Николаевны, представителей семейств Бутурлиных и Демидовых. Большую поддержку храмостроительству оказывали Николай II, великие князья Сергей и Павел Александровичи, посол России в Италии А.И. Нелидов, князья Сан-Донато и др. Непосредственно же строительство и первые десятилетия становления и расцвета православного прихода во Флоренции связаны с деятельностью его первого настоятеля, магистра Санкт-Петербургской духовной академии, митрофорного протоиерея Владимира Ивановича Левицкого (1843–1923)¹. Так отца Владимира спустя много лет описывал в своем дневнике его зять Адриан Харкевич: «Чтобы дать яркое представление об этом маститом священнослужителе, надо обладать даром Н.С. Лескова или составить целую монографию. Здесь приходится ограничиться общими чертами для обрисовки этого выдающегося представителя заграничного духовенства. Человек выдающихся дарований, высокообразованный, самостоятельный и властный; замечательный писатель, изобразивший в своем труде “Современные стремления папства”² политику Ватикана с исчерпывающим пониманием вопроса; вдохно-

¹ О нем см.: Chiesa ortodossa russa di Firenze / a cura V. Vaccaro. Livorno, 1998; Нивье A. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995: биографический справочник. М.; Париж, 2007. С. 288–289; Последняя из Сан-Донато: Княгиня Абамелек-Лазарева, урожденная Демидова / сост., публ., comment. М.Г. Талалаев. М., 2010. С. 159–160; Талалаев М. Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. СПб., 2011. С. 193–287

² Левицкий В., прот. Современные стремления папства. Письма из Италии: 1895–1908 годы. СПб., 1908.

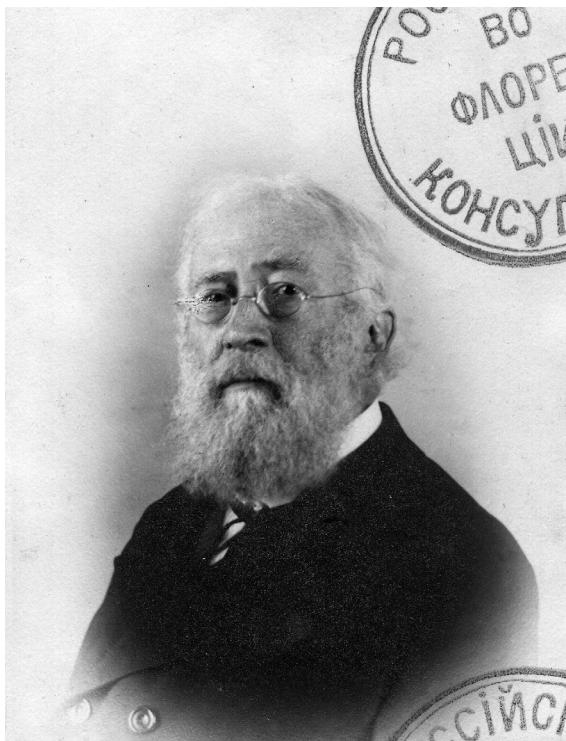

Церковь Рождества Христова и святителя Николая Чудотворца во Флоренции.
2011. Фотография М.А. Васильевой

венный и художественный оратор, удививший образностью своих проповедей такого “златоуста”, как А.Ф. Кони; благоговейный совершитель богослужений, соединявший с простотой и спокойствием редкостное величие³. В 1878 г. протоиерей Владимир Левицкий приехал из Ниццы во Флоренцию и обратился к представителям местной русской колонии и Императорского посольства в Риме с предложением строительства православного храма. Церковь была заложена в 1888 г., ее торжественное освящение состоялось в 1903-м. Построенная по проекту архитектора М.Т. Преображенского в стиле московско-ярославского зодчества XVII в., флорентийская церковь Рождества Христова стала первым русским православным церковным строением на территории Италии. Уникальное произведение архитектуры, храм служит примером сотворчества российских и итальянских мастеров, над его строительством и внутренним убранством трудились Дж. Боччини, Ф. Рейман, Дж. Пачарелли, П. Шарварок, А. Новоскольцев, Д. Киплик, Дж. Нови, А. Блазанов, Р. Фанфани, М. Васильев и др.

³ Харкевич А. Дневник // ДРЗ. Ф. 63. Л. 7–8. (Фонд находится в обработке.) Часть дневника опубликована в: Талалай М. Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. С. 288–312. Здесь и далее «Дневник» А. Харкевича цитируется по первоисточнику (ДРЗ. Ф. 63).

Во Флоренции протоиерей Владимир Левицкий прожил сорок пять лет, вплоть до своей кончины. Среди переданных в дар документов из личного архива отца Владимира — переписка, метрические документы, статьи, наградные грамоты, дневник «Из intimного журнала Аниэля» (1892–1895) и ценный фотоальбом — визуальная хроника жизни семьи Левицких — Харкевич, а также русской общины во Флоренции конца XIX — начала XX в. Дочь о. Владимира, Анна Владимировна Левицкая (1874–1960)⁴, вышла замуж за Адриана Ксенофонтовича Харкевича (1877–1961), который также в первой половине прошлого века играл заметную роль в жизни русской диаспоры в Италии. Во Флоренции он стал известен как регент-псаломщик хора Христорождественской церкви и автор музыкальных духовных сочинений, а также литературно-критических статей. Ему принадлежат переданные в архив ДРЗ содержательные записи, «разновременные заметки» (по определению А. Харкевича), которые он вел на протяжении многих лет, подробно описывая события из жизни хора и общины. Со временем автор собрал их воедино, многое дополнив по воспоминаниям, дав заметкам общее, по его же признанию, «неточное» название «Дневник», объединив под одной обложкой «Дневник многих лет («Ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»)» в двух частях («Годы 1903–1920» и «Годы 1921–1941»), «Мысли и воспоминания по поводу двух характерных писем» и «Дополнение к «Дневнику»». Не менее ценна по собранной информации и рукопись «Флорентийский церковный хор по воспоминаниям А. Харкевича. (К 30-летию концертов в пользу нуждающихся и прихода)» (1942). Вместе с перепиской с современниками, партитурами, афишами, авторскими экземплярами статей 1950-х гг. о русской литературе на русском и итальянском языках («Завещание Гоголя» (рукопись), «Anton Pavlovič Chehov», «Il fatum di Gogol» (авторизованная машинопись) и т. д.) эти материалы теперь хранятся в архиве Дома русского зарубежья. Большую ценность представляет также архив дочери

Владимир Николаевич Левицкий.
Флоренция. Конец 1910-х гг. ДРЗ. Ф. 63

⁴ За предоставленную информацию (годы рождения и смерти А.В. Левицкой) благодарю внучку Андрея Ивановича Левицкого Оксану Владимировну Кириллову (Екатеринбург).

Анна Владимировна Левицкая. Флоренция.
Около 1900. ДРЗ. Ф. 63

ставляющей Фонда семьи Левицких-Харкевичей, хранящегося в Доме русского зарубежья: семейные фотографии и личные документы, научные публикации по медицине, книги с посвящениями, рисунки Нины Харкевич, в том числе замечательные по наблюдательности и остроумию зарисовки-шаржи из жизни русской диаспоры в Италии 1920-х гг. Таким образом, перед нами предстает жизнь нескольких поколений одной из самых заметных семей наших соотечественников в Италии — отдельная веха в истории русской Флоренции — с конца XIX в. до конца прошлого столетия.

Самую значительную часть фонда составляют материалы из личного архива Адриана Ксенофонтовича Харкевича. Исторический портрет этого музыкального деятеля русского зарубежья до сих пор не завершен, биографические справки о его жизни и творчестве зияют лакунами и отличаются множественными разнотечени-

⁵ О ней см.: Иваск Ю. Врач, художник, поэт // Новое русское слово. 1978. 2 апр.; Киселев-Сергейин В. Необходимость гармонии: (О лирике Нины Харкевич) [Послесл.] // Харкевич Н. Осень. СПб., 1993. С. 73–84; Талалай М. Харкевич Нина Адриановна // Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я. Художники русского зарубежья: 1917–1939: (биографический словарь). СПб., 1999. С. 588–589; Комолова Н.П. Православный храм Рождества Христова во Флоренции и его прихожане // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ: Мат-лы. М., 2002. С. 302–305; Гардзонио С., Сульпассо Б. Осколки русской Италии: Исследования и материалы. Кн. 1. М., 2011. С. 74–75.

ями. Поэтому привлекенный в Дом русского зарубежья архив может представлять большой интерес для современного исследователя русского зарубежья.

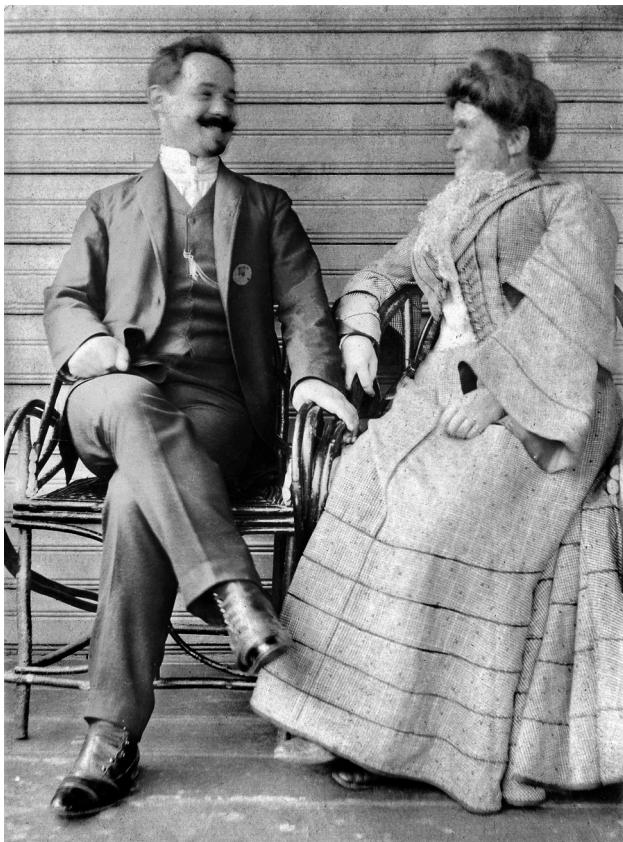
В фонде хранится список музыкальных сочинений «Музыкальные опыты Адриана Харкевича» (авторизованная машинопись, не датирована), созданный самим автором, который значительно расширяет уже сложившееся представление о нотографии композитора⁶, — в нем указано 56 сочинений духовной музыки и 22 произведения, выделенные в подзаголовок «Светские песни, сочинения и переложения». Исследователям еще предстоит уяснить место Адриана Харкевича в ряду имен, внесших свой вклад в сохранение русской духовной музыки за рубежом. В архиве Дома русского зарубежья хранится письмо к Харкевичу регента Свято-Александро-Невского собора в Париже Петра Васильевича Спасского (1896–1968)⁷ (авторизованная машинопись), датированное 5 марта 1958 г. Скорее всего, Петр Спасский познакомился с Адрианом Харкевичем во время своего трехгодичного пребывания в Италии (1923–1927), где проходил обучение на юридическом факультете Католического университета Милана, а также учился пению и участвовал в создании миланского православного русского прихода. В 1927 г. как представитель русских приходов Северной Италии Спасский отправился в Париж на Первый съезд Западно-Европейской русской епархии и осел во Франции. Музыкальная деятельность Спасского в 1940–50-х гг. достигла расцвета, особенно после того, как в 1947 г. он возглавил митрополичий хор Свято-Александро-Невского собора в Париже. Мировая известность пришла во многом благодаря появлению пластинок с записями выступлений хора. К концу 1950-х гг. Спасский находился на пике своей музыкальной карь-

Адриан Ксенофонтович Харкевич.
Флоренция. Около 1905. ДРЗ. Ф. 63

⁶ «...Его произведения числом около трех десятков исполняют во многих зарубежных храмах» (Последняя из Сан-Донато: Княгиня Абамелек-Лазарева, урожденная Демидова. С. 172).

⁷ О нем см.: Рахманова М. Спасский Петр Васильевич // Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 591–592; Спасский Н.П., Зверева С.Г. Петр Васильевич Спасский: Судьба русского регента-парижанина // Русское зарубежье: музыка и православие / сост. С.Г. Зверевой; науч. ред. С.Г. Зверевой, М.А. Васильевой. М., 2013. С. 69–92.

Адриан Харкевич и Анна Харкевич (урожд. Левицкая).

Гатчина. 1904. ДРЗ. Ф. 63

сили отзыва (кстати отметить: проиграв раз по нотам Ваш “Заповит”, другой и третий раз он его играл уже наизусть).

Высказанные такие мнения: музыка Ваша отличается хорошим мелодийным содержанием; она написана так, что исполнителям обеспечивает отличное вокальное звучание; при хорошем исполнении вполне может вызвать у слушателей те эмоции, ради коих она написана.

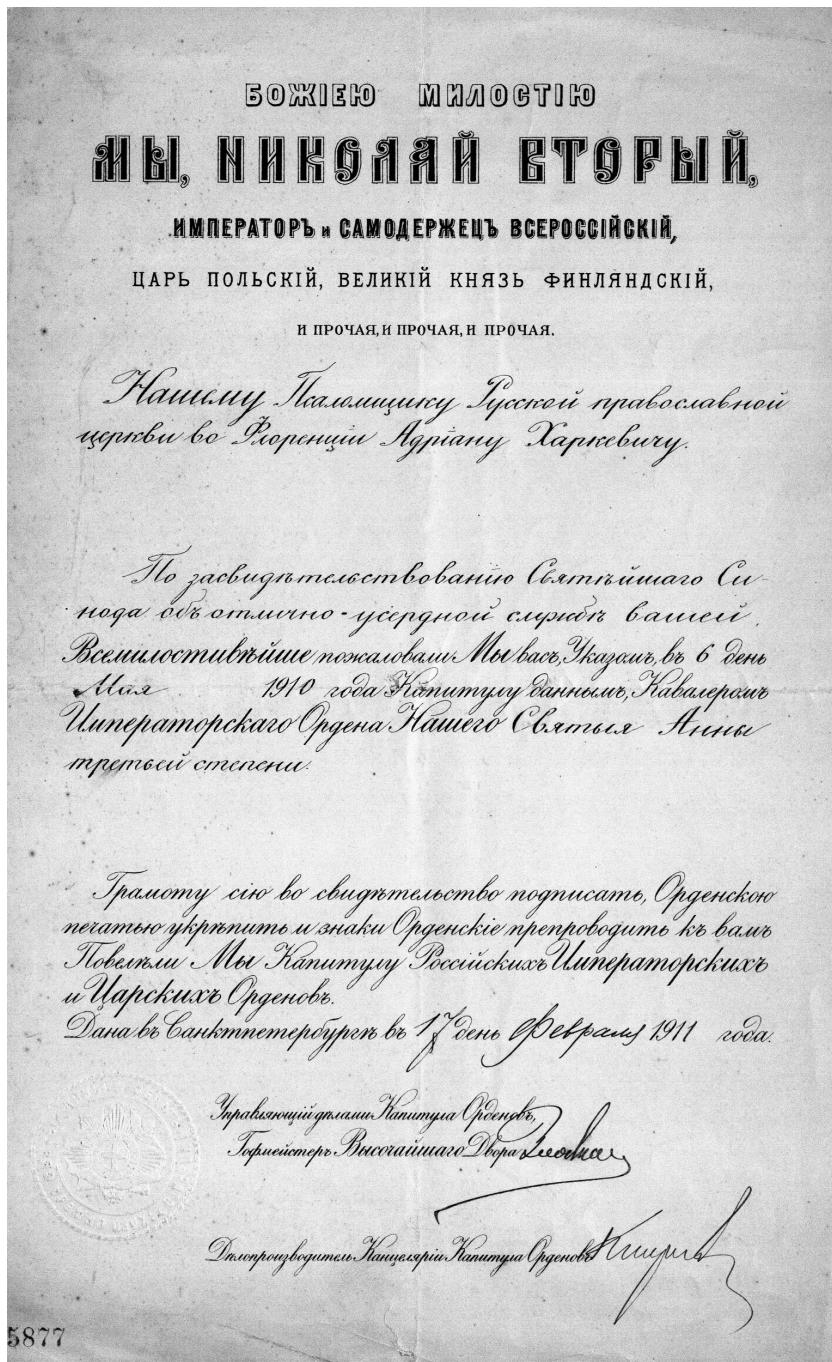
Для исполнения вокального она пригодна и в том виде, в каком есть в Ваших рукописях, и в теперешнем своем виде она может произвести надлежащее впечатление и иметь успех у слушателя»¹⁰.

⁸ Лабинский Александр Иванович (1894–1963) — пианист, дирижер, педагог, деятель культуры. В 1921 г. эмигрировал в Берлин, в 1923 г. переехал в Париж.

⁹ Поль Владимир Иванович (1875–1962) — композитор, пианист, педагог, музыкальный критик, художник. В 1922 г. эмигрировал в Париж, где стал одним из активных музыкально-общественных деятелей русского зарубежья.

¹⁰ П.В. Спасский — А.К. Харкевичу. 5 марта 1958 // ДРЗ. Ф. 63.

ры, тем важнее для нас его оценка творчества Адриана Харкевича, которую он дает в эти годы в своем ответном письме: «Получил возможность выполнить Ваше пожелание, изложенное в письме от 18 декабря прошлого года. Недавно я был в обществе людей весьма компетентных в вопросах музыки и пения. Это был Александр Иванович Лабинский⁸, бывший дирижер Мариинского театра, дирижер Русской оперы в Париже, диригируя спектаклями Русской оперы с участием Шаляпина в Испании, Англии, Франции, пианист и композитор; др. Владимир Иванович Поль⁹ — известный музыкoved, критик, композитор, бывший директор и (профессор по классу композиции) Русской Оперы. Лабинский проиграл те вещи. О которых Вы в письме про-

Грамота о пожаловании А.К. Харкевичу 6 мая 1910 г.
ордена Святой Анны третьей степени. 17 февраля 1911. ДРЗ. Ф. 63

Судя по содержанию письма, Харкевич просил Спасского дать характеристику нескольким своим программным произведениям и в то же время интересовался общей оценкой своего творчества в музыкальных кругах русского Парижа. В 1950-х гг. он подводит некий итог музыкальной деятельности, пытается упорядочить свое творческое наследие. Между тем его регентская карьера в эти годы переживает спад. Дневниковые записи этого периода проникнуты пессимизмом. Пролистывая страницы его «Дневника», соглашаешься с утверждением исследователя Михаила Талалая, что Харкевичу были свойственны «раздражительность и язвительность»¹¹. Пессимистическое настроение просматривается и в фотопортретах тех лет — в них трудно угадать того же Адриана Харкевича — обаятельно-го и жизнерадостного молодого человека, который смотрит на нас с фотографий 1900-х гг. Причину этих метаморфоз во многом раскрывают его «разновременные заметки», собранные в «Дневнике», записные книжки и воспоминания. Угнетенное состояние Харкевича повлияло и на стилистику, и на содержание этих записей. Регенту Христорождественской церкви не удалось избежать дрязг, свойственных замкнутой системе колонии. В то же время, если скинуть налет склок, множественных обид и как следствие — инвектив, которые выплескивает Адриан Харкевич на страницы «Дневника» и воспоминаний, перед нами предстает интереснейший документ о судьбе флорентийского православного церковного хора — кропотливая летопись его становления, его побед и поражений. Особую ценность в этом контексте представляет рукопись «Флорентийский церковный хор...» 1942 г. По этим воспоминаниям, а также по «Дневнику» мы можем более полно восстановить историю хора церкви Рождества Христова и святителя Николая Чудотворца во Флоренции и биографию его регента.

1900–1910-е гг. — самый плодотворный и счастливый период в жизни и творчестве Адриана Харкевича. В сентябре 1903 г. после года службы при римской посольской церкви в качестве писаломщика молодой, 26-летний Адриан Харкевич уехал во Флоренцию. «Находившийся тогда в Риме сановник Ведомства православного исповедания В.К. Саблер, напутствуя уезжавшего, сказал между прочим: “Там, у о. Левицкого, найдете хор “макаронников”, поют очень недурно”», — пишет Харкевич во «Флорентийском церковном хоре...». По воспоминаниям Харкевича, «хор оказался действительно хорошим: 9 итальянцев с прекрасными голосами и 3 русских — тоже не из второразрядных, при этом спевшихся и основательно изучивших наши напевы и сочинения наиболее известных наших духовных композиторов»¹². В ноябре 1903 г. состоялось торжественное освящение храма, на котором пел хор под его управлением. 19 мая 1904 г. Харкевич женился на дочери настоятеля Анне Владимировне Левицкой¹³.

Судя по записям Харкевича в «Дневнике», протоиерей Владимир Левицкий сыграл решающую роль в основании церковного хора. Он обладал «необычай-

---

¹¹ Последняя из Сан-Донато: Княгиня Абамелек-Лазарева, урожденная Демидова. С. 172.

¹² Харкевич А. Флорентийский церковный хор по воспоминаниям регента А. Харкевича: (К 30-летию концертов в пользу нуждающихся прихода) // ДРЗ. Ф. 63. Л. 3.

¹³ У четы Харкевичей было трое детей: Оксана (1905–?), Нина (1907–1999) и Никита (1909–1932).

А.Харкевича

ХЕРУВИМСКАЯ ПЕСНЬ

Умеренно

и - - - - хе хе - - - - ру- ви - - - - мы тай- но, тай- но
I - - - - že he - - - - ru-ví - - - - šy týj- no, táj-no

о-бра-зу- - - - ю-ше. И хи во-тво-ря- щей Tro - - - - и-
o-bra-zú - - - - ju-šče. I žy vo-tvorjá-ščej Tró - - - - i-

це три-свя- ту- ю песнь при-пе- ба - - - - ю - м. Вс - -
ce trisvja- tú-ju pesn' pri-pe- vá - - - ju - šče. Vsjá -

ко- е ны - не хи - тей - ско- е от- ло- хим. от- ло- хим
ko- e ný - ne ži - téj - sko- e ot-lo- žim. ot- lo- žim

от- ло- хим по- пе- че- ни- е, по- пе- че- ни- е.
ot- lo- žim po- pe- čé- ni- e, po- pe- čé- ni- e.

Нотная запись Херувимской песни А.К. Харкевича. [Б/д]. ДРЗ. Ф. 63

Нина Харкевич. Флоренция. Около 1914.

ДРЗ. Ф. 63

ным по тембру и диапазону голосом (бас)»¹⁴, к церковному песнопению относился как к важнейшей составляющей православной церковной службы. Наличие «полуитальянского», как его называет в воспоминаниях Харкевич, хора не помешало Христорождественской церкви проводить идею сохранения традиций русского православного хорового пения. Сам Адриан Харкевич, выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, некоторое время певший в хоре Александра Архангельского, оказался во Флоренции, начинает со временем тяготеть не к «петербургской» (А.А. Архангельский, Д.С. Бортнянский), а скорее к «московской школе» исполнения духовной музыки (А.Т. Гречанинов, А.Д. Кастальский, П.Г. Чесноков) с ее бережным сохранением национального стиля. Этот выбор в пользу «московской школы», или «нового направления», в русской духовной музыке тем более знаменателен, что происходит во Флоренции, — одном из

крупнейших культурных центров Италии, в немалой степени повлиявший на становление «петербургской школы» отечественной церковной музыки. В фонде семьи Левицких-Харкевичей хранится документ под общим названием «Переписка с протоиереем»¹⁵, где в одну тетрадь подшиты содержательные письма А. Харкевича, в одном из них автор замечает: «Со времен Сарти, Галуппи, его гениального ученика Бортнянского и др<угих> церковных композиторов того времени наше пение подвергалось неугомонной итальянизации, и начавшееся не так давно освобождение от итальянских влияний не совершило еще и половины своей задачи. Надо сказать, что наши древние напевы не могли по их бесконечности (иногда на один слог уходила целая страница нотных знаков) противостоять необходимости сокращений. Монотонность и строгость древних напевов не могли не смениться более краткими и оживленными выражениями религиозного чувства. К сожалению, эта оживленность по причине все усилившегося влияния Западной Европы пришла из Италии, где развитие музыки стояло на высоком уровне всесторонних достижений»¹⁶.

¹⁴ Харкевич А. Дневник. Л. 8.

¹⁵ Машинописные копии писем большей частью не датированы, адресат не указан; по содержанию переписка относится к концу 1950-х гг. Датируется по одному ответному письму (без подписи, машинописная копия сделана А. Харкевичем), на котором стоит дата 19 марта 1959 г.

¹⁶ Переписка с протоиереем // ДРЗ. Ф. 63. Л. 11.

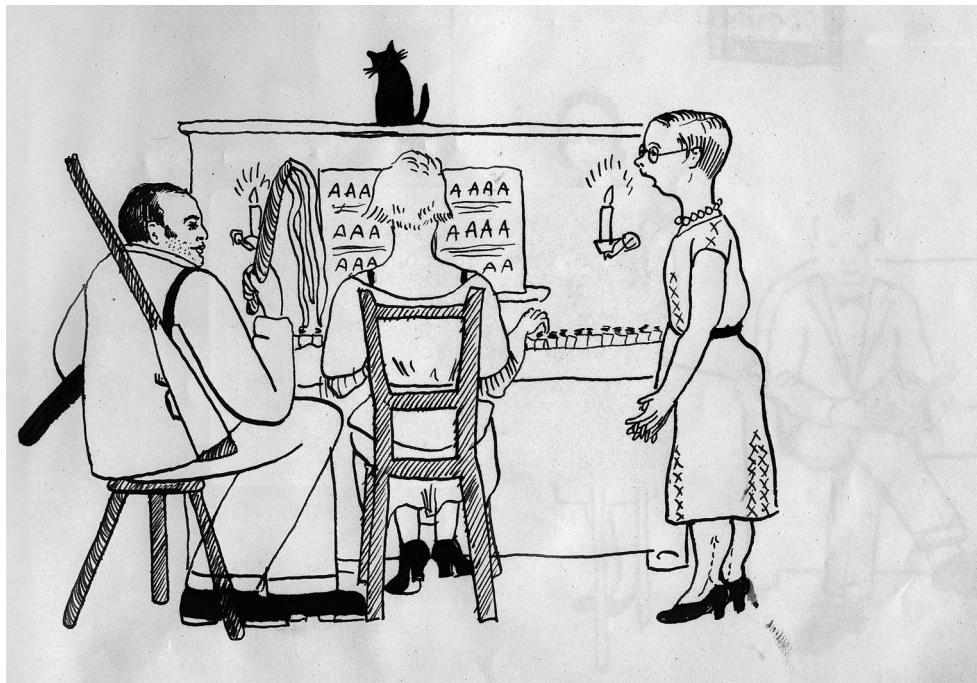

Рисунок из альбома Н.А. Харкевич.

Подпись: «Урок пения. 1930–31 гг. Сергей Михайлович Кочубей, Беата Мутти, Нина Харкевич (слева направо)». ДРЗ. Ф. 63

Вместе с тем стиль «московской школы» органично вписывался в архитектурный замысел Христорождественской церкви, и, судя по всему, Адриан Харкевич, невзирая на критику, чутко следовал идее эстетического и духовного единства хора с общим обликом церкви, что и отметил в своих воспоминаниях 1942 г.: «Когда шел вопрос о построении нашего прекрасного храма в настоящем московском стиле, то создателю его тому же приснопамятному о. Левицкому тоже пришлось выслушивать протест тех же критиков: “Помилуйте, говорили, в центре искусства вы хотите поставить вдруг этакую российскую табакерку!” Совершенно иного, к счастью, мнения держались посол наш в Риме Нелидов и статс-секретарь Зубов. Но лучшая оценка этой критики дана была самим итальянским королем: в воздаяние заслуги о. Левицкого по укращению г. Флоренции ему были пожалованы знаки высокого ордена святых Maurizio e Lazzaro»¹⁷.

С 1907 г. Адриану Харкевичу было поручено руководство хором. За пять лет православный хор Христорождественской церкви заявил о себе как о значительном музыкальном явлении русской Италии. С 1913 г. хор начал давать выездные концерты. В 1910 г. указом императора Николая II Адриан Харкевич был награж-

¹⁷ Харкевич А. Флорентийский церковный хор... Л. 3 об. Орден Святых Маврикия и Лазаря (итал. Ordine dei Santi Maurizio e Lazzaro) — рыцарский орден Савойского дома и Итальянского королевства.

Адриан Ксенофонтович Харкевич (в 1-м ряду в центре)
вместе с одноклассниками сына Никиты (во 2-м ряду, 2-й слева).
Флоренция. Около 1921. ДРЗ. Ф. 63

ден орденом Св. Анны третьей степени, о чем скромно умалчивает в своих воспоминаниях (грамота о пожаловании ордена хранится в Доме русского зарубежья (Ф. 63)). По воспоминаниям Харкевича, в 1910-х гг. хор православного храма Рождества Христова становится культурной достопримечательностью Флоренции, «многие иностранцы, — пишет он, — на вопрос: где тут можно послушать в воскресный день хорошее пение, получали от бюро отелей адрес русской церкви»¹⁸. Известность обеспечила и финансовое процветание, о чем пишет в воспоминаниях регент: «Много поощряли наш хор (и словами, и «делами») высочайшие особы, наезжавшие во Флоренцию князь Павел Александрович, вел. княгиня Мария Павловна, особенно ее сын Андрей Владимирович и другие». В 1912 г. флорентийскому церковному хору были завещаны крупные суммы от О.Н. Базилевской и А.З. Хитрова. О своем намерении завещать церкви и хору 50 000 лир сообщает о. Владимиру Левицкому графиня А.Н. Платова. Однако среди влиятельных лиц, взявших на себя финансовую заботу о хоре, «первое место принадлежало княгине

¹⁸ Харкевич А. Флорентийский церковный хор... Л. 7.

М.П. Абамелек-Лазаревой», почетной попечительнице церкви, оказавшей флорентийскому хору самую существенную финансовую помощь¹⁹.

«В апреле 1914 г. хор был вызван великой княгиней Марией Павловной в Венецию на освящение русского павильона так называемой Biennale²⁰. Во время чина освящения хор пел в боковом зале, так как главный едва вмещал представителей итальянского правительства, венецианских властей, знати, артистов и т. д. После освящения целая группа присутствовавших во главе с великой княгиней вошла в зал, где находился хор, чтобы выразить удовольствие и похвалу за исполнение песнопений, из которых особенно понравилось “Милосердия двери” древнего напева в переложении Кастальского. Певчие были приглашены дать концерт на дому у великой княгини. Успех концерта превзошел все ожидания хора...» — с гордостью вспоминает регент²¹. Осенью 1914 г. хор дал серию концертов в пользу инвалидов.

1917 г. стал поворотным для церковного хора и творческой карьеры Адриана Харкевича. Осев в Италии задолго до революции и органично интегрировавшись в культурную и социальную жизнь страны, семья Харкевичей-Левицких в полной мере разделила невзгоды пореволюционной русской эмиграции. Полученные еще в 1912 г. денежные пожертвования на поддержание флорентийского хора вопреки просьбе Левицкого были помещены в банки в России, и процентами с них хор смог воспользоваться только до революции 1917 г. «В 1917 г. настало наше российское лихолетье, — вспоминает Харкевич в мемуарах 1942 г., — за недостатком средств (капиталы Базилевской и Хитрова, как уже сказано, пропали в большевистской пучине) пришлось сократить наше церковное пение до квартета»²². В самом начале 1922 г. ушел на покой почти 80-летний настоятель храма о. Владимир Левицкий. С этого года начинается стагнация Адриана Харкевича как руководителя хора. С новым настоятелем прихода и с приходским советом у Харкевича не сложились отношения, и если с 1903 по 1922 г., по его признанию в «Дневнике», ему «выпало редкое преимущество служить под руководством приснопамятного прот. Владимира Левицкого <...> то с 1922 г. <...> пришлось служить в условиях диаметрально противоположных. Среди нахлынувших беженцев, явившихся сюда в роли не столько прихожан, сколько “прохожан” (“сегодня здесь, а завтра там”), создались настроения предвзятого недоверия к прежним порядкам»²³. Приход, состоявший к тому времени из беженцев и постоянно менявший свой состав, уже не был в состоянии в той же мере финансово поддерживать хор, как это было до революции. Судьба

¹⁹ Там же. Л. 5 об. По данным А. Харкевича, княгиня Мария Павловна Абамелек-Лазарева (урожд. Демидова; 1877–1955) взяла на себя расходы по содержанию хора и после революции 1917-го, выплачивая с 1919 г. 3600 лир ежегодно, что вылилось в немалую сумму — более 80 000 лир (см.: Харкевич А. Хор русской православной церкви во Флоренции // ДРЗ. Ф. 63. Л. 1).

²⁰ Об участии России в Венецианском биеннале 1914 г. см.: Бертеле М. Открытие русского павильона на Международной художественной выставке в Венеции в 1914 году // «Персонажи в поисках автора»: Жизнь русских в Италии XX века / сост., науч. ред. А. д'Амелия, Д. Рицци. М., 2011. С. 47–58.

²¹ Харкевич А. Флорентийский церковный хор... Л. 8 об.

²² Там же. Л. 10.

²³ Харкевич А. Дневник. Л. 2–3.

Галина Сергеевна Дзомарова, даритель архива.
Флоренция. 2001. Фотография М.А. Васильевой

не удалось. По воспоминаниям регента, приходской совет больше не был заинтересован в хоровом храмовом пении. В 1932 г. хор был упразднен. Очевидно, Харкевич прилагал немало усилий, чтобы сохранить духовную музыку как часть богослужения. Как вольнонаемный псаломщик он продолжал служить в храме, однако вместо хора «пение за богослужениями предоставлено было стараниям дуэта»²⁵, причем одним из исполнителей был сам Адриан Харкевич. Правда, музыкант честно признавал, что это было «нечто слишком убогое после многих лет полногласного хора <...> скромный, чтобы не сказать иначе, дуэт слишком уж не соответствовал ни величественности храма, ни блеску парковых риз, ни множеству светильников. Словом, всему наружному, бьющему на зрение. <...> Разве мыслимо благолепие без хорошего пения?»²⁶ Чуть позже дуэт разбрался до смешанного квартета, который с успехом давал концерты. Однако прежнего творческого взлета Адриану Харкевичу достигнуть было уже не под силу.

Погружаясь в эту непростую историю отношений, нельзя скидывать со счетов ни крайне непростые личностные качества регента, ни крайне драматичные

хора в эти годы напоминает зигзагообразную линию: в феврале 1918 г. он распущен, в апреле 1919 г. по настоянию княгини М.П. Абамелек-Лазаревой и благодаря ее финансированию снова восстановлен. В 1923 г. должность штатного псаломщика упразднена. «Ушли псаломщики, ушли и певчие, т. к. в приходе не нашлось никого, знающего регентское дело», — вспоминает регент²⁴. Однако Харкевича как псаломщика и в эти годы разногласий не раз вызывали в храм, например к погребению о. Левицкого и графини Платовой. В 1925 г. Харкевич и хор были возвращены на службу, но было-го величия восстановить

²⁴ Харкевич А. Флорентийский церковный хор... Л. 22.

²⁵ Там же. Л. 23 об.

²⁶ Там же. Л. 24.

условия его реализации как музыканта. «Думается, что ни один приход не пережил таких потрясений и уродств, как Флорентийский, и чтобы изобразить их, надо обладать кистью Гоголя и резцом Достоевского, а не обывательским пером пишущего эти строки»²⁷, — заметит в предисловии к «Дневнику» Адриан Ксенофонтович, и в этом замечании просматривается характерная двойственность, — «потрясения и уродства» он наблюдал не только в неблагожелательном отношении к нему ряда людей, но шире — в том историческом отрезке времени, исполненном социальных сломов и катастроф, которые неминуемо затронули и семью создателей Христорождественской церкви во Флоренции.

Похоронен Адриан Ксенофонтович Харкевич на флорентийском некатолическом кладбище Аллори, где покоятся также представители рода Левицких, в том числе первый настоятель православного храма Рождества Христова во Флоренции о. Владимир Левицкий, здесь же похоронена Нина Адриановна Харкевич.

Переданный архив, пополнив архивные и музейные собрания Дома русского зарубежья, безусловно, послужит стимулом для научной, выставочной и издательской работы. Мы выражаем Галине Сергеевне Дозмаровой (Флоренция) искреннюю благодарность за ценный дар. Автор этих строк выражает признательность нынешнему настоятелю церкви Рождества Христова и святителя Николая Чудотворца во Флоренции протоиерею Георгию Блатинскому за возможность ознакомиться с духовными сочинениями А.К. Харкевича, хранящимися в архиве церкви; благодарит Стефано Гардзонио и Наталию Михайловну Чернявскую за любезную посредническую помощь, а также сотрудников Научно-литературного кабинета Дж.-П. Вьёссе во Флоренции за возможность ознакомиться с материалами из фонда Н.А. Харкевич.

---

²⁷ Харкевич А. Дневник. Л. 3.

Н.И. Герасимов

ИЗ ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ
НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА И ЛЬВА ШЕСТОВА:
НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ РУКОПИСИ
И АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Изучение философского наследия Николая Бердяева и Льва Шестова представляет собой детальную аналитику концептуальных построений мыслителей в целостном историко-философском процессе. Труды русских философов широко известны во всем мире. В своей монографии «Философия в России: от Герцена к Ленину и Бердяеву»¹ известный историк философской мысли Фредерик Чарльз Коплстон отмечает необыкновенную глубину философской интуиции мыслителей русской эмиграции на примере творчества Бердяева и Шестова.

На сегодняшний день по всему миру защищаются диссертации, посвященные философии Николая Бердяева и Льва Шестова. Их труды переведены на многие западноевропейские и восточные языки. Российское научное историко-философское сообщество в течение 1990-х гг. издало большинство основополагающих трудов русских мыслителей. На данный момент анализ их творчества происходит не только в фокусе исследования феномена русской интеллектуальной эмиграции, но и в свете общемирового историко-философского явления. Современной исторической науке известно, что философия русского зарубежья не представляла собой исключительно автономное идеиное образование. Русские мыслители принимали активное участие в философских дискуссиях вместе с западноевропейскими коллегами. Бердяев был хорошо знаком с Максом Шеллером, Освальдом Шпенглером и Эммануэлем Мунье. Шестов переписывался с Эдмундом Гуссерлем, Мартином Хайдеггером и Клодом Леви-Строссом.

Современная ситуация в сфере исследования философского творчества Николая Бердяева и Льва Шестова указывает на необходимость разъяснения нюансов, деталей и специфических аспектов концепций мыслителей. Если магистральные линии идеиных ориентиров философов уже представлены в современной историко-философской литературе, то периферийные концепты, идеи, находящиеся на стыке различных философских суждений мыслителей, в современной научной литературе только начинают изучаться². Центральные мотивы философского творчества Бердяева и Шестова изучены как классиками историко-философской

---

¹ Frederick C. Copleston, S.J. Philosophy in Russia: from Herzen to Lenin and Berdyaev. Notre Dame, Indiana; Tunbridge Wells, UK, 1986.

² См.: Пономарева М.О. Л.И. Шестов как предтеча постмодернизма // Хора: журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики. 2008. № 2. С. 91–98. URL: <http://www.jkhora.narod.ru/2008-2-07.pdf> (дата обращения 6 декабря 2013 г.).

мысли (В.В. Зеньковский, Н.О. Лосский), так и современными исследователями (А.П. Козырев, В.А. Кувакин, Я. Кротов, Штефан Рейхальт и др.). При исследовании периферийных концепций невозможно основываться исключительно на документах в последней редакции, необходимо обращать внимание на исторический путь источников, хронологию их жизни, функционирования и интерпретации. Необходимым инструментарием в таком случае оказывается метод когнитивного историко-философского анализа, подразумевающий сложный комплекс аналитических процедур, совершаемых над целостным массивом архивных документов. Он включают в себя черновики итоговых философских сочинений, редакции их переводов, личные записи, отражающие первоначальный план мыслителя в процессе написания того или иного произведения, программные документы, свидетельствующие о специфике обстоятельств и историко-культурном контексте написанного сочинения.

Письменные источники философии Бердяева и Шестова рассредоточены по всему миру. Наибольшая их концентрация находится на архивы и фонды Франции и Германии. На сегодняшний день нельзя точно сказать о наличии некого единого центрального архива творческого наследия мыслителей. В такой трудной для исследователей ситуации в фокус внимания включаются все возможные документы, имеющие отношение к раскрытию идейного содержания философии Николая Бердяева и Льва Шестова.

Дом русского зарубежья обладает архивными материалами, имеющими прямое отношение к исследованию философского творчества мыслителей. Часть из них — массив рукописных копий и черновиков статей Николая Бердяева, переданный в дар учреждению Н.А. Струве. Другая — совокупность заметок, писем, книг с пометками Льва Шестова, составляющая эмпирический материал докторской работы американского исследователя философии Шестова Кента Хилла³, посещавшего СССР в конце 1980-х гг. Данные материалы пока находятся лишь на пути к систематизации и упорядочиванию⁴. Процесс анализа документов совершался в условиях отсутствия какой-либо описи или отчетливого списка предполагаемых материалов. В этой связи стоит отметить, что представленный обзор документов претендует лишь на предварительный анализ идейного содержания имеющихся письменных источников, который впоследствии может стать путеводным ориентиром в работе по составлению архивной описи.

В исследовательских работах часто сопоставляют религиозно-философский идеализм Бердяева и специфический экзистенциализм Шестова как идейно близкие концептуальные системы. В качестве идейно-парадигмального основания рассматривается не только персонализм мыслителей, но и их личное знакомство, и сотрудничество как философов, исследовавших схожие философские вопросы. Несмотря на то что тема русского экзистенциализма связана прежде всего с именами Николая Бердяева и Льва Шестова, не стоит видеть в их взглядах общее

---

³ Hill Kent R. The Early Life and Thought of Lev Shestov. Master of Arts Thesis. Washington, 1976.

⁴ Фонд Н.А. Бердяева в Доме русского зарубежья (Ф. 060) детально не разработан: отсутствует опись документов. Документы по творчеству Л.И. Шестова находятся на стадии первоначальной систематизации.

органическое единство. Если Бердяев является продолжателем и интерпретатором философии Владимира Соловьева вслед за о. Сергием Булгаковым и Семеном Франком, то Лев Шестов в первую очередь воплощает в себе развитие русского ницшеанства, обогащенного идеями Серена Кьеркегора. Философско-антропологическая проблематика Бердяева основывается на соловьевской концепции богочеловечества, в то время как проблема человека в интерпретации Шестова предполагает абсолютную и полную беспочвенность, т. е. определяется через философскую категорию неизвестности. Если Бердяев развивал философию идеализма, то Шестов ее категорически критиковал.

Заостряя внимание на различиях между философскими концепциями мыслителей, стоит помещать в фокус историко-философского исследования имеющиеся персоналии, прежде всего как носители уникальных концептов. Картина внешней идейной близости двух философов уже создана во множестве диссертационных исследований последних лет⁵. Анализ письменных источников, таким образом, необходимо проводить обязательно в фокусе внутреннего разночтения философских концептов данных персоналий.

При рассмотрении документов Н.А. Бердяева использовалась библиография мыслителя, составленная Т.Ф. Клепининой, изданная в Париже в 1978 г.⁶

Рукопись Николая Бердяева «Кризис протестантизма и русское православие» с прилагающейся машинописной копией в 20 страниц интересна тем, что она была опубликована впервые на немецком языке в журнале «Orient und Occident» («Восток и Запад») в 1929 г. На русском языке она не публиковалась. Читателю представлен русскоязычный черновик статьи, что позволяет ознакомиться с идейным содержанием текста без столкновения с проблемами перевода.

В данной статье мыслитель рассуждает о судьбе отечественной православной веры, проявляя философский оптимизм в отношении распространения и концептуального развития православия. Бердяев констатирует кризис протестантизма, его трансформацию в отчужденную от религии формально-этическую систему. Он считает, что русское православие обладает живым религиозным духом, способным преодолевать безбожные социокультурные нормативы западноевропейского мира. В свойственной Бердяеву манере противопоставление России и Европы осуществляется не в политическом, а в религиозно-культурном аспекте. Подобная проблематика встречается также в таких работах мыслителя, как «Русская идея», «Самопознание», «А.С. Хомяков» и др.

Рукопись «Религиозная проблема человека (антроподицея)» не имеет машинописной копии. Упоминаний о ней нет ни в библиографии Т.Ф. Клепининой, ни в других библиографических источниках. При сопоставительном анализе текста рукописи и текста опубликованных монографий Николая Бердяева выяснилось, что данная статья не является ни составной частью отдельной книги, ни черновой записью какой-либо еще опубликованной работы мыслителя. Общий объем

---

⁵ Серегина Т.Н. Проблема отчуждения в русском экзистенциализме (Н.А. Бердяев и Л.И. Шестов). Дис. ... канд. филос. наук. М., 2003; Овсянников А.В. Статус человеческого Я в религиозном экзистенциализме Н.А. Бердяева и Л.И. Шестова. Дис. ... канд. филос. наук. Орел, 2008.

⁶ Клепинина Т.Ф. Библиография сочинений Н. Бердяева. Париж, 1978.

источника насчитывает 31 рукописную страницу на русском языке. Предполагаемую дату написания этого сочинения точно установить не удалось. Папка, в которой оно хранится, датирована послереволюционным эмигрантским периодом в творчестве Бердяева. Эти факты дают основание предположить, что данная рукопись является уникальным письменным источником, расширяющим библиографию мыслителя.

В данной работе философ рассматривает человеческое бытие как подобие бытия божественного. Отношения между ними неиерархические. Бог со-переживает человеку, его страданиям. При этом Бог не может своей волей иллюминировать зло в мире в силу предоставленной человеку свободы. И Бог, и человек являются творцами. Парадоксальным образом их творчество равноценно, но не соизмеримо. Божественный акт творчества и акт творчества человеческий — уникальны, поэтому их невозможно сравнить. Как Бог нуждается в оправдании за наличие зла в мире, так и человек нуждается в оправдании за наличие греха в жизни. Если проблему теодицеи мыслитель решает через анализ мистического понятия *Ungrund* («бездна»), введенного в философскую терминологию мистиком Я. Бёме, то проблему антроподицеи Бердяев решает через осмысление понятия человеческого творчества как акта непосредственного духовного откровения. Оправдание Бога — это оправдание бытия, оправдание человека — это оправдание самой жизни. Творчество, таким образом, является ключом к пониманию вопроса антроподицеи. Подобная проблематика решается Бердяевым в его знаменитой монографии «Смысль творчества»⁷, а также в книге «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики»⁸.

Рукопись «Христианское и марксистское понимание истории» представляет собой русскоязычный оригинал-черновик статьи Николая Бердяева, опубликованной в 1935 г. на немецком и французском языках. На русском языке данная работа не публиковалась. Читатель может ознакомиться с исходным русскоязычным вариантом текста, т. е. непосредственно с первоисточником.

В своей статье Николай Бердяев сравнивает историческое христианское понимание жизни с тем, как данный вопрос трактует марксистская философия. В тексте работы наблюдается эволюция Бердяева от легального марксизма к новому религиозному сознанию. Философ утверждает, что марксизм, являясь материалистическим учением, в то же время воспринимается массами как учение религиозное. Современное христианство, будучи формально религиозным, напротив, отторгает от себя религиозную составляющую. Материалистическое и идеалистическое в понимании исторического процесса тесно сплетены друг с другом. Подлинное христианство предполагает личностное участие человека в формировании истории, марксизм же отвергает его, рассматривая человеческое бытие лишь как совокупность социально-экономических отношений. Бердяев как представитель «нового религиозного сознания» предлагает особый путь в трансформации христианского вероучения с учетом того, как марксистская философия от-

---

⁷ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысль творчества. М., 1989.

⁸ Он же. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. Париж: Современные записки, 1931.

ражается в сознании социума. По его мнению, личность как творческий субъект должна освободиться от строгой церковной догматики и тем самым найти путь к пониманию истории не с позиции пассивного гегельянского наблюдателя, а с позиции активно действующего творца. Подобные вопросы Бердяев поднимает в своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма»⁹.

Рукопись «Соблазн истории» представляет собой уникальный и ценный документ. Рукописная статья не упоминается в библиографических источниках, текст статьи не является частью других работ философа. Русскоязычный письменный источник не имеет машинописной копии. Общий объем документа составляет около семи страниц. Как и «Религиозная проблема человека (антроподицея)», данная статья расширяет библиографию Николая Бердяева.

В своей статье философ рассуждает о сложившемся к началу XX столетия в культуре понимании истории как логически обоснованной темпоральной динамике, восходящей к философии Гегеля. С точки зрения Бердяева, господство такого понимания исторического процесса подтверждает успех марксистской философии в его практическом смысле. Общество понимает себя как субъект истории и осознает себя как часть истории. В отличие от деперсоналистического исторического подхода Гегеля, Маркс требовал активного участия человека в формировании исторического бытия. Тем не менее Бердяев замечает, что в действительной практике активность субъекта подменяется неизбежностью исторических свершений. Революция парадоксальным образом концептуально противопоставляется свободному творчеству. Личность теряется во внешних социально-политических и социально-экономических событиях, не находит себя как источник творческой деятельности. Соблазн истории проявляется в детерминации человеческой жизни деперсоналистическими силами, внешними по отношению к конкретной личности. Человеку предоставляется иллюзия участия в революционных свершениях, а не само участие. История в таком понимании особым образом оправдывает личностный упадок человечества во имя стихийного массового слепого движения в сторону предполагаемого улучшения. История как прогресс в бердяевском смысле обречена на провал. Но именно такой взгляд на историю, продолжает он, наиболее привлекателен для человечества в начале XX в.

Машинописная копия рукописи «Формы безбожия в современном мире» на русском языке представляет собой противоречивый, но интересный для историко-философской науки документ. В левом верхнем углу первой страницы дается комментарий, что данная работа представляет собой план-текст доклада, прочитанного на французском языке. По-видимому, неизвестный исследователь имел дело с оригиналом текста доклада Бердяева и пришел к выводу, что данный документ есть прямое свидетельство публичного выступления философа. Историко-философский анализ показал, что данный текст представляет собой составную часть монографии Бердяева «Истина и откровение»¹⁰. Имеющийся письменный источник и первый параграф шестой главы книги текстологически несильно раз-

---

⁹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-Press, 1955.

¹⁰ Он же. Истина и откровение. СПб., 1996. С. 90–110.

личаются. Скорее всего, Бердяев действительно читал доклад, который потом стал составной частью цельного сочинения. Современному исследователю имеющийся документ позволяет проследить эволюцию мысли философа, наглядно рассмотреть то, как общие размышления Бердяева об атеизме и богочестве, представленные в докладе, нашли свое продолжение в философском экзистенциальном анализе иррационального безбожия, представленном в целой главе книги «Истина и откровение».

В тексте своего доклада Бердяев говорит о принципиальном различии между безбожием эпохи Просвещения и безбожием начала XX столетия. Дискурс Просвещения предполагал атеизм как следствие веры в человеческий разум, в прогресс и успех социальных и научных свершений. Характерный для этой формы безбожия позитивизм выражал скорое ожидание действительных социальных и культурных преобразований. Бердяев отмечает, что такое безбожие основывалось все же на особой вере. Безбожие XX в. противостоит рационально-просветительскому дискурсу. В нем нет веры в прогресс, в науку, в культуру. Атеизм превращается в иррациональное отрицание божественного. Бессмысленность жизни, ее пустота есть основа нового безбожия, пишет Бердяев. Появившийся утонченный атеизм, по его мнению, имеет не только негативную, но и позитивную сторону. Безбожие тесно сопряжено с богочеством. Богочество как духовная практика может стать инструментом для формирования новой религиозности. В этом аспекте идеи Бердяева и Шестова находят свое тесное соприкосновение. Однако подобные умонастроения были свойственны не только представителям экзистенциальной философии, но и таким мыслителям, как Дмитрий Мережковский и Вячеслав Иванов. В данном тексте Бердяев, с одной стороны, подвергает ницшеанство концептуальной ревизии, с другой — проводит параллель со своей работой «Новое Средневековье»¹¹, когда пишет о «ночном» и «дневном» безбожии.

Рукопись «Кризис человека в современном мире» представляет собой русскоязычный текст статьи Бердяева, которая была опубликована только на английском языке¹². Читатель может ознакомиться с оригиналом текста без столкновения с проблемой перевода.

В данной работе философ продолжает свои рассуждения о дегуманизированном обществе и кризисе персоналистической культуры. Николай Бердяев пишет о том, что эпоха начала XX столетия поставила под вопрос бытие человеческой жизни. С одной стороны, кризис человека вызван внешними обстоятельствами, включая войны и революции, с другой — внутренними, которые выражают логическое следствие крушения просветительского гуманизма. Человек в современном мире находится в состоянии духовного опустошения. Он чувствует бессмысленность своего личного существования. Крушение прежних духовных основ общества не привело к скорому формированию новых. В такой ситуации происходит испытание человеческой жизни свободой как свободой от идеалов. Проблема человека, таким образом, становится центральным вопросом современности.

---

¹¹ Бердяев Н.А. Новое Средневековье. Берлин: Обелиск, 1924.

¹² Berdyaev N.A. The crisis of man in the modern world // International Affairs. 1948. Jan.

Отдельный интерес представляют собой такие документы, как план книги «Типы современной религиозной мысли в России» с исправлениями автора, а также черновик сочинения «Новое Средневековье». Монография «Типы современной религиозной мысли в России» была задумана и написана Бердяевым еще в дореволюционной России, однако опубликование ее произошло только в 1989 г. в «YMCA-Press» в Европе. Имеющийся документ дает представление о процессе работы философа над структурой книги. Пометки и исправления в документе отражают проблемные сегменты в творческой мысли философа, его сомнения и неуверенность. Исследователь может ознакомиться с такими фактами, как попытка Бердяева целенаправленно написать о Победоносцеве как особом религиозном типе начала XX столетия, а также замысел посвятить одну из глав своего сочинения нигилизму как религиозному мировосприятию (впоследствии эти замыслы реализовались в целостной главе). Черновик работы «Новое Средневековье» представляет собой важный историко-философский памятник интеллектуальной культуры русской эмиграции. После своего опубликования в 1923 г. данное сочинение вызвало большой резонанс среди представителей философского сообщества XX в. В особой поэтико-философской стилистике Бердяев предсказал надвигающиеся катастрофы человечества: Вторую мировую войну, тоталитарные режимы и гражданские войны. Для современного исследователя и публикатора знакомство с русскоязычным первоисточником такого значимого сочинения представляет большую ценность.

Среди материалов, находящихся в собственности Дома русского зарубежья, есть также рукописные черновики таких сочинений Николая Бердяева, как «Одна церковь и две России», «Христианское учение о человеческой ассоциации», а также «Философское миросозерцание Бердяева (автоизложение)».

Немногие важные документы, имеющие отношение к философии Льва Шестова, представлены отчасти иллюстративными материалами, анализ которых все же дает возможность извлечь из них необходимую для историко-философского исследования информацию.

Афиша, посвященная собранию Общества духовной культуры в честь десятой годовщины со дня смерти Льва Шестова, оснащена особым комментарием Николая Бердяева. В нем говорится о выступлении Бориса Шлётцера, одного из ближайших философов — друзей мыслителя. В частности, отмечается, что Шлётцер в своем докладе попытался актуализовать философское наследие Льва Шестова в русле современной экзистенциальной мысли. Кроме этого, он заметил странное совпадение его идей с теориями европейских сюрреалистов. В.В. Зеньковский в своем выступлении отметил философско-иррациональный аспект творчества Шестова, его борьбу с рационализмом, которая, по его мнению, продолжалась в течение всей творческой эволюции мыслителя.

Машинописные письма Бенджамина Фондана (Fondane; 1898–1944) на французском языке представляют собой сложную рефлексию мыслителя, которая осуществлялась параллельно написанию сочинения-интервью «Разговоры с Львом Шестовым»¹³. Имеющиеся документы дополняют наше представление о процес-

---

¹³ Фондан Б. Разговоры с Львом Шестовым // Русский Нью-Йорк: Антология «Нового Журнала». Нью-Йорк, 2002. С. 397–420.

се работы над сочинением о русском философе. Кроме того, часть размышлений Фондана можно рассматривать как специфическую рецепцию экзистенциальной философии Шестова в эпоху формирования диалога между русской философской традицией и западноевропейской интеллектуальной культурой.

Машинописные копии конспектов лекций Шестова о неоплатонизме, по-видимому написанные Кентом Хиллом, дают представление о философской эрудиции мыслителя. Кроме того, анализ подобного источника позволяет проследить операции, совершенные Шестовым над материалом философии неоплатонизма, благодаря которым сформировался шестовский персоналистический иррационализм.

Переписка Шестова, Булгакова и Бердяева отражает историко-культурный контекст диалогичности философии русского зарубежья. Анализ этого источника проясняет непростые отношения Льва Шестова как автора «Апофеоза беспочвенности» (1905) со своими отечественными коллегами. В частности, текст переписки дает понять природу полемики между иррационализмом Шестова с бердяевским иррационализмом.

Лист-оповещение «YMCA-Press» скором выходе книги «Умозрение и откровение»¹⁴, а также берлинское прижизненное издание сочинения Льва Шестова «Что такое русский большевизм»¹⁵ имеют непосредственное практическое значение. Они могут составлять материал для возможной выставочной экспозиции по истории философской мысли русского зарубежья.

Николай Бердяев и Лев Шестов входили в элиту франкоязычного философского сообщества. Эмпирически это подтверждается и имеющимися материалами, такими как листы заседания Общества Бердяева во Франции и документы, связанные с различными публичными мероприятиями по философии Льва Шестова.

Документы, имеющие отношение к жизни и философии мыслителей, которые находятся в Доме русского зарубежья, нуждаются в систематизации и аналитике. Современная ситуация в историко-философской науке требует увеличения объема архивных материалов, способных прояснить не только магистральные, но и периферийные концепции философов. Это особенно необходимо в тот момент, когда исследователи приступают к изучению диалога между русским философским сообществом и западноевропейской мыслью. Николай Бердяев и Лев Шестов — персонажи наиболее известные среди прочих представителей отечественной гуманитарной интеллектуальной культуры русской эмиграции, поэтому они могут рассматриваться как ключ к прояснению диалогичности русской философской мысли в контексте общемировой философии.

---

¹⁴ Шестов Л.И. Умозрение и откровение. Париж: YMCA-Press, 1965.

¹⁵ Он же. Что такое русский большевизм. Берлин, 1920.

И.П. Мигошникова

КОЛЛЕКЦИЯ МЕМОРИАЛЬНЫХ ГАЛЛИПОЛИЙСКИХ ЗНАКОВ

В музейном собрании Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына коллекция фалеристики является одной из наиболее ценных. В ней собраны ордена и медали Российской империи, награды и знаки Белых армий и правительства, врачики, жетоны, брелоки. Среди знаков Белого движения особую группу составляют знаки, учрежденные в память пребывания Русской армии в военных лагерях на чужбине, и большая часть из них связана с Галлиполи.

Известно, что идея озnamеновать «галлиполийское сидение» особым знаком зародилась еще в первые месяцы пребывания Русской армии в Галлиполи и воплотилась в жизнь летом 1921 г., когда был объявлен конкурс на лучший проект, вызвавший большой интерес среди всех чинов армии.

Комиссия под председательством командира марковцев генерал-майора М.А. Пешни при штабе П.Н. Врангеля в Константинополе приняла проект знака в форме креста, установленного на вершине галлиполийского памятника¹.

Положение о знаке началось словами: «В озnamенование величия духа и высокого понимания долга перед Родиной, старыми знаменами и Андреевским флагом кадров Русской Армии и Флота утверждается знак “В память пребывания Русской Армии в военных лагерях на чужбине и флота в Бизерте в 1920–1921 гг.”»

Далее шло описание знака: «Знак представляет собою железный равноконечный крест. На лицевой стороне по обводу креста белая эмалевая кайма шириной в 0,08 дюйма; на верхнем и нижнем концах даты 1920–1921. Посередине надпись “Галлиполи”, “Лемнос”, “Кабакджа” в зависимости от того, в каком из лагерей находились части армии. Для флота — “Бизерта”; для района Константинополя — только дата. Цифры и надпись белые гладкие. Остальное поле черное. Оборотная сторона гладкая»².

Знак носился на левой стороне груди выше всех нагрудных знаков при всех формах одежды (в том числе и на шинели). Вместе со знаком выдавалось именное удостоверение за подписью командира части.

Перевозка всех контингентов русских войск на Балканы не закончилась в 1921 г.: последние подразделения Русской армии покинули лагерь в Галлиполи

---

¹ Главнокомандующий Русской армией генерал Врангель утвердил этот проект приказом № 369 от 15 ноября 1921 г.

² Цит. по: Рудченко А.И., Дуров В.А. Награды и знаки белых армий и правительства. М., 2005. С. 313.

Нагрудный знак «В память пребывания Русской армии в военных лагерях на чужбине. Галлиполи 1920—1921» и удостоверение № 15357 на право его ношения капитана А.Ф. Удовицкого. Галлиполи. 1921 г. Свинцово-оловянный сплав, краска. Кустарная работа. 32,5 × 32,5 мм. № КПоф 876

в мае 1923 г. Поэтому П.Н Врангель в приказе № 37 от 25 февраля 1922 г. и в распоряжении за № 61 от 30 июня 1923 г. установил для знаков «Галлиполи» и «Кабакджа — Галлиполи» дополнительные даты: «1920—1922» и «1920—1923»³.

В фонде архивного собрания ДРЗ хранятся мемуары сестры милосердия Зинаиды Степановны Мокиевской-Зубок, находившейся в Галлиполи с декабря 1920 по апрель 1923 г. и получившей два удостоверения на право ношения галлипольского знака. Вот что она вспоминает об этом: «Перед отъездом первой партии галлиполийцев в Болгарию из Ставки Главнокомандующего Русской армии от генерала Врангеля пришел приказ: всех галлиполийцев наградить особым нагрудным знаком (в виде железного Креста) за заслуги перед Родиной с надписью "Галлиполи 1920—1921". Все военные и сестры милосердия получили одинаковые

³ См.: Там же. С. 317—318.

Кольца с надписью «Галлиполи №».
Галлиполи. 1920-е гг. Железо с медной спайкой. Д. 20 мм. Шир. 8 мм.
№ КПоф 877, 878

ли вначале в мастерских технического полка, позже — в артиллерийской мастерской. Материалом для знаков служил различный металлический лом, так что порой нельзя точно сказать, из какого именно металла изготовлен тот или иной крест.

По идеи галлиполийский знак — *железный* крест, но от железа с самого начала пришлось отказаться, так как оно оказалось трудным для выделки и быстро ржавело.

Галлиполиец Г. Рубанов, автор одного из проектов галлиполийского креста, а ранее — одного из 18 проектов памятника, так описывает появление первых нагрудных знаков: «...однажды, после получения приказа об утверждении знака, по улицам Галлиполи прошелся офицер, конечно, из технического полка с черным крестом с надписью “Галлиполи 1920–1921”. На другой день уже несколько человек технического полка разгуливали с новым знаком — оказалось, сработали его ночью в своих мастерских. Первый крест был из олова — грубый и тяжелый, на гимнастерке отвисал»⁵.

Работа над знаками была долгой и кропотливой: каждый знак делался вручную. Эта работа велась по праздникам, в свободное от основных занятий время.

Известно, что первый «удачный» крест был поднесен генералу Кутепову — Первому галлиполийцу.

Кресты галлиполийской выделки, грубоые и «примитивные», — теперь очень редки и трудно находимы. По словам П. Пашкова, сделано их было весьма ограниченное количество и далеко не все галлиполийцы в лагерях их носили, так как крест надо было покупать, получая всего одну турецкую лиру в месяц, не всякий был способен заплатить пол-лиры, т. е. половину своего месячного жалованья⁶. Поэтому каждый дошедший до нас знак галлиполийского производства особенно ценен. Галлиполийский крест из собрания Дома русского зарубежья замечателен

вдвойне, поскольку он мемориальный. При надлежал крест, как свидетельствует удостоверение на право его ношения, капитану Алексеевского артиллерийского дивизиона А.Ф. Удовицкому.

Удовицкий Александр Федорович 13 марта 1894 — 21 февраля 1979) — выпускник киевского Константиновского военного училища, участник Первой мировой войны и Белого движения. Награжден орденами Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Георгиевским оружием. В Добровольческой армии с 1918 г.: пулеметный офицер на бронепоезде «Генерал Корнилов», затем — капитан артиллерийского дивизиона. Галлиполиец. В эмиграции — во Франции. Работал шофером. Член Русского общевоинского союза (РОВС) и Союза русских шоферов. Умер 21 февраля 1979 г. в Нейи под Парижем. Похоронен на местном кладбище.

Галлиполийский крест А.Ф. Удовицкого выполнен из свинцово-оловянного сплава, покрыт черной краской, имеет размеры 32,5 × 32,5 мм; на его оборотной стороне есть два ушка, отлитых вместе с крестом, при помощи которых он крепился к форме. Именно так выглядели первые нагрудные знаки галлиполийского производства.

Кроме креста галлиполийцы имели право носить кольца с надписью «Галлиполи».

Кольца и броши были введены не специальными приказами Врангеля, а «Уставом Общества галлиполийцев», учрежденным 22 ноября 1921 г., в годовщину прибытия русских войск в Галлиполи. В нем, в частности, говорилось, что члены общества: «как внешний символ единения <...> имеют право ношения кольца с надписью “Галлиполи” с соответствующим номером и черного креста с той же надписью и датами пребывания в Галлиполи»⁷. Право ношения кольца предоставлялось всем членам общества.

Хотя главнокомандующий Русской армии не издавал специального приказа об учреждении галлиполийского кольца, но он утвердил «Описание и правила ношения кольца для членов Общества галлиполийцев».

Кольца, хранящиеся в Доме русского зарубежья, судя по размерам, мужское и женское, выполнены в точном соответствии с этими правилами «материал — железо с

Знак фрачный галлиполийского креста «Галлиполи 1920—1921» на розетке «дроздовских» цветов капитана стрелкового полка Дроздовской дивизии
И.В. Виноградова. Прага. 1922 г.
Бронза золоченая, эмаль. 17 × 17 мм.
№ КПоф 399/1-2

⁷ Цит. по: Рудченко А.И., Дуров В.А. Награды и знаки белых армий и правительства. С. 320.

Знак фрачный галлиполийского креста
«Галлиполи 1920–1921» на розетке
«корниловских» цветов. Болгария (?).
1920–1930-е гг. Бронза золоченая, эмаль.
17 × 17 мм. № КПоф 879/1-2

Виноградов Иван Васильевич (12 февраля 1895 — 12 января 1981) — архимандрит, деятель Русской православной церкви, участник Белого движения. Во время Первой мировой войны участвовал в боях на Румынском фронте, был ранен, командовал ротой. В начале 1918 г. вступил в отряд полковника Михаила Дроздовского, с которым совершил переход из Ясс на Дон, где присоединился к Добровольческой армии. В ноябре 1920 г. в составе Русской армии эвакуировался из Крыма в Турцию. Находился в Галлиполийском лагере, потом переехал с полком в Болгарию. В 1925 г. состоял в списках Дроздовского стрелкового полка, вошедшего в РОВС.

В 1926 г. принят на второй курс Свято-Сергиевского богословского института в Париже и пострижен митрополитом Евлогием (Георгиевским) в монашество. С 1928 г. (или с 1929 г.) служил в Праге. С 1932 г. — игумен, с 1936 г. — архимандрит. С 1927 г. участвовал в деятельности РОВС, с января 1944 г. — главный священник

⁸ Цит. по: Рудченко А.И., Дуров В.А. Награды и знаки белых армий и правительства. С. 322.

⁹ Где изготавливались первые Галлиполийские кольца, точно неизвестно, а в 1930-х гг. они производились в парижской мастерской В. Богоявленского и в берлинской фирме М. Евгеньева.

¹⁰ Цит. по: Рудченко А.И., Дуров В.А. Награды и знаки белых армий и правительства. С. 324.

РОВС. После занятия Праги советскими войсками в мае 1945 г. был арестован и отправлен в СССР. Приговорен военным трибуналом к десяти годам лишения свободы и отправлен в Карлаг. В 1946 г. по ходатайству архиепископа Сергия (Королева) и патриарха Алексия I был освобожден из лагеря и направлен под надзор в город Актюбинск. В 1947 г. стал настоятелем Казанского храма в Алма-Ате, с 1948 г. — настоятель Никольского кафедрального собора; с 1958 г. — настоятель Вознесенского храма в Ельце и благочинный Елецкого округа. Был награжден патриаршим посохом. Скончался архимандрит Исаакий 12 января 1981 г.

Галлиполийский фрачный крест архимандрита Исаакия поступил в ДРЗ укрепленным на розетке, выполненной из шелковой ленты «дроздовских» цветов.

Нам до сих пор не встречалось описание и изображение такого способа ношения миниатюрного Галлиполийского креста. Его можно было бы счесть оригинальным, но недавно в фонды Дома поступил еще один галлиполийский фрачный знак, принадлежавший, судя по черно-красной розетке, теперь уже корниловцу (кому именно, пока неизвестно).

Теперь есть основание предполагать, что существовала традиция ношения галлиполийских петличных нагрудных знаков на розетках цветов воинских частей их владельцев.

Галлиполийский фрачник ротмистра Первого гусарского полка Н.П. Забелина передан нам вдовой его сына Ксенией Ивановной Забелиной. Вероятно, для того, чтобы иметь возможность носить дорогую ему реликвию не только в официальных случаях, Николай Петрович укрепил галлиполийский фрачный знак на своем перстне.

Николай Петрович Забелин (28 августа 1892 — 1979) — выпускник Александровского военного училища 1915 г., прaporщик 84-го Ширванского его величества полка 21-й пехотной дивизии. В 1916 г. был дважды ранен, признан инвалидом, но продолжал служить. Награжден орденами Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 2-й ст. с мечами и двумя орденами Св. Станислава. В 1919 г. служил в Северо-Западной и Северной армиях. В 1920 г. находился с частями генерала П.Н. Врангеля в Крыму и Галлиполи (1920—1921 гг.). В 1921 г. получил чин ротмистра. С 1921 до 1927 г. находился с частями генерала И.Г. Барбовича на пограничной службе в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. В 1941 г. находился в Германии в плену. После окончания Второй мировой войны переселился с женой и сыном в США, в Сан-Франциско. В 1947 г. вступил действительным членом в Общество русских ветеранов. Похоронен на Сербском кладбище в Сан-Франциско.

Миниатюрный нагрудный знак
«В память пребывания Русской
армии в военных лагерях на
чужбине. Галлиполи 1920—1921»
ротмистра 1-го Гусарского
полка Н.П. Забелина на перстне
с печаткой. 1920-е гг.
Бронза золоченая, эмаль.
17 × 17 мм. № КПоф 730

Последний по времени документ, имеющий отношение к теме галлиполийских знаков, был принят в 1954 г. Начальник РОВС генерал Архангельский в «Объединенном Оповещении Правления Отделов РОВСа в Аргентине и Общества галлиполийцев в Южной Америке» утвердил «...дополнение к § 4 Устава Общества — о наследственной передаче права ношения нагрудного знака с надписью “Галлиполи 1920–1921”, имеющее целью сохранение этого знака и после смерти последнего Галлиполийца:

1. Каждый Галлиполиец еще при жизни своей имеет право ходатайствовать о передаче своего нагрудного знака одному из его детей, по личному выбору, независимо от возраста и пола.

2. Передача нагрудного знака должна происходить, по возможности, в торжественной обстановке... с вручением соответствующего документа.

Выдача документа о наследственной передаче нагрудного знака принадлежит Главному Правлению»¹¹.

Право наследственной передачи распространялось и на все остальные лагерные знаки.

Сохраненные наследниками их владельцев галлиполийские реликвии в числе других предметных и документальных свидетельств истории Белого движения стали теперь ценнейшими экспонатами музея Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

---

¹¹ Цит. по: Рудченко А.И., Дуров В.А. Награды и знаки белых армий и правительства. С. 323.

Т.Ф. Соколова

ХУДОЖНИК ЕВГЕНИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ КЛИМОВ: МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ¹

Евгений Евгеньевич Климов (1901–1990) — живописец, иконописец, график, мозаичист, реставратор, искусствовед, педагог.

Часть личного архивного фонда художника была передана в 2006 г. в Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына (ДРЗ) его сыном Алексеем Евгеньевичем Климовым (Покипси, штат Нью-Йорк, США), профессором, филологом, переводчиком. Фонд состоит главным образом из писем, полученных Е.Е. Климовым в 1946–1987 гг. от разных корреспондентов — Н.А. Бенуа, М.Е. Вейнбаума, Р.Б. Гуля, Г.Д. Гребенщикова, В.М. Добужинского, И.С. Зильберштейна, Л.Ф. Зурова, Л.А. Зандера, Ю.П. Иvasка, протопр. Алексия Ионова, М.М. Лоховой, С.К. Маковского, В.А. Рязановского, Н.Н. Рыковской, З.Е., А.Б. и Е.Б. Серебряковых, В.И. Синайского, А.Л. Толстой, А.А. Черкесовой-Бенуа, И.С. Шмелева, протопр. Александра Шмемана и др.

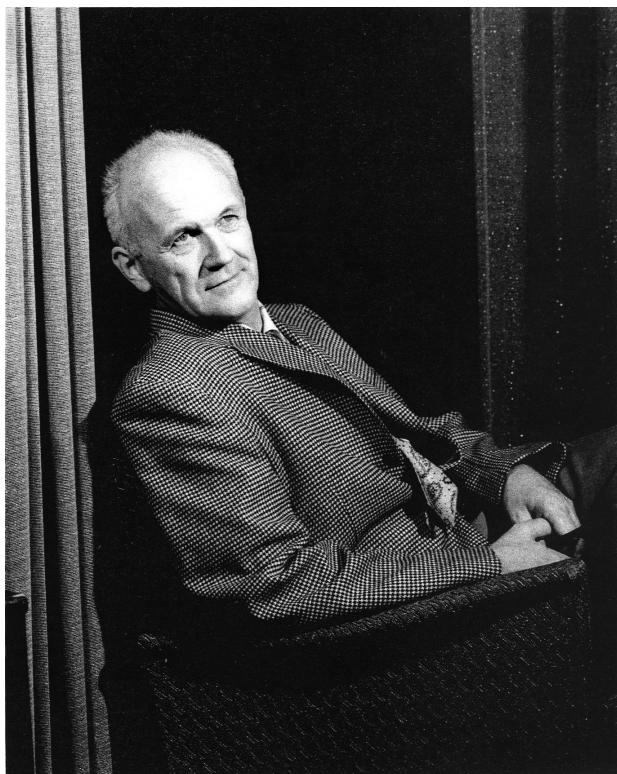
Полученный эпистолярный комплекс помогает не только изучить межличностные связи, но и содержит фактический материал, позволяющий уточнить некоторые факты послевоенного жизненного и творческого пути Е.Е. Климова.

Евгений Евгеньевич Климов родился в Митаве (ныне Елгава, Латвия) 8 мая 1901 г. Детство художника прошло в городах Прибалтики и Варшаве. В начале Первой мировой войны семья Климовых переезжает в Петроград, в 1917 г. — в Новочеркасск, где Евгений Евгеньевич оканчивает гимназию. Во время Гражданской войны он записывается вольноопределяющимся на морскую службу, в Севастополе избегает репрессий после падения белого Крыма и в 1921 г. как уроженец независимой к тому времени Прибалтики уезжает в Ригу. Е.Е. Климова принимают в латвийскую Академию художеств (учился у Я.Р. Тильберга, по курсу истории искусства — у Б.Р. Виппера), которую окончил в 1929 г. с дипломом художника-живописца и искусствоведа. В это же время изучает технику иконописи под руководством старообрядческого мастера П.М. Софонова.

Евгений Евгеньевич преподает живопись, рисование и историю искусств в Латвийском университете и Рижской городской русской гимназии (бывшей Ломоносовской) в 1929–1944 гг.

С середины 1920-х гг. Евгений Евгеньевич участвует в этнографических экспедициях на северо-восток Латвии, посещает Печоры, Изборск, Нарву, села и

¹ Автор выражает признательность за содействие в подготовке статьи Е.В. Бронниковой (Москва) и А.Е. Климову (Покипси, штат Нью-Йорк, США).

Е.Е. Климов. Канада. 1965. ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 41. Л. 4

поселки — Лавры, Городище, Щемерицы и другие, входившие в состав Эстонии, совершает экскурсии в Москву, Троице-Сергиеву лавру, Ленинград, Новгород, Псков. Знакомится в Риге в начале 1920-х гг. с И.Э. Грабарем, М.В. Добужинским, а позднее — с И.А. Ильиным.

Участвует в подготовке выставок «Старый Петербург» (Рига, 1931 г.), «Русская живопись двух последних столетий» (Рига, 1932 г.), экспозиции, посвященной 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина (Рига, 1937 г.).

Первый альбом литографий «Десять городских пейзажей. Литографии Е. Климова» вышел в Риге в 1928 г., второй «Городские пейзажи. Литографии Е. Климова» — в 1937 г., третий альбом «По Печерскому краю» — в 1938 г. и своей тематикой и мастерством заслужил внимание Александра Бенуа. В годы Второй мировой войны он участвовал в нескольких коллективных выставках, провел персональную, в Риге вышли папки его гравюр («Рига», «По Прибалтике», «Псков») и комплекты почтовых открыток с графикой («Aus dem Osten», «Aus dem Ostland»).

В 1942 г. Евгений Евгеньевич в составе Русской духовной миссии посетил Псков. Он сделал эскиз для мозаичной иконы «Троица» для ниши над Троицкими воротами кремля, заказал техническое исполнение в одной из лучших мастерских Европы. В 1988 г. икона была установлена на северной стене Троицкого собора. В

2003 г. «Троица» заняла свое место над Великими воротами Псковского кремля². В 1944 г. в качестве реставратора икон его пригласили в Археологический институт им. Н.П. Кондакова в Прагу. При приближении фронта к городу деятельность института почти полностью была свернута, и Евгений Евгеньевич летом переехал из Праги в Заац (Жáтец) к семье. В 1945 г. издал серию открыток с видами этого чешского города.

Семья Климовых в августе 1945 г. перебралась в американскую часть оккупационной зоны, в деревню Хейденхейм (Heidenheim; Германия), где провела четыре года. Евгений Евгеньевич продолжал писать пейзажи, портреты и иконы, выпустил альбом литографий с видами немецкого города Китцингена (Kitzingen).

Климов рассматривал возможность переезда своей семьи из Германии. Об условиях жизни в странах проживания и о возможности переезда семьи Климовых на новое место жительства рассказывали в письмах послевоенных лет его адресаты: М.Я. Лазерсон³ (Ф. 43. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–2), М.М. Лохова⁴ (Д. 15. Л. 1–1 об.), В.И. Синайский⁵ (Д. 23. Л. 1–2, 9 об.), И.С. Шмелев⁶ (Д. 30. Л. 1–2, 9 об.) и др. Сохранилось интересное письмо Георгия Дмитриевича Гребенщикова, проживавшего в США⁷.

---

² См.: Кызласова И.Л. К иконографии ведущих сотрудников ЦГРМ (А.И. Анисимов, Г.О. Чириков) и история мозаики «Троица» Е.Е. Климова (1942) // Грабарские чтения. М., 2010. С. 146–164.

³ Лазерсон (Laserson) Максим Яковлевич (1887–1951) — юрист и общественный деятель. С 1938 г. доцент в Колумбийском университете (США), а с 1946 г. ассоциированный профессор. Знаком с Климовым по Русским университетским курсам и по участию в выставке «Русская живопись двух последних столетий» (1932), одним из организаторов которой был Евгений Евгеньевич.

⁴ Лохова Мария Митрофановна — супруга художника Лохова Николая Николаевича (1872–1948), живописца, специалиста по технике итальянской живописи, реставратора, с 1914 г. работавшего в Италии, копируя церковные фрески и картины мастеров для создания в России галереи копий работ мастеров итальянского Возрождения. Е.Е. Климов познакомился с четой Лоховых в Италии в 1934 г.

⁵ Синайский Василий Иванович (1876–1949) — специалист по римскому и гражданскому праву, историк, поэт, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Латвийского университета. Знакомство, начавшееся в Риге в 1922 г., продолжалось всю жизнь.

⁶ Шмелев Иван Сергеевич (1873–1950) — писатель, публицист, православный мыслитель.

⁷ Гребенщиков Георгий Дмитриевич (1883–1964) — писатель, поэт, воспевавший Алтай, издатель, общественный деятель. В 1920 г. эмигрировал (Франция, США). Более сорока лет прожил в штате Коннектикут, где основал поселение Чураевка, известный в эмиграции русский поселок, культурный и издательский центр. Название связано с заглавием самого крупного произведения Гребенщикова — «Чураевы. Роман-хроника одной старообрядческой семьи» (Т. 1–6. 1913–1936).

Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВ – Е.Е. КЛИМОВУ

12 янв^аря 48

Глубокоуважаемый Константин⁸ Евгеньевич,

Все мне понятно, и казалось бы только естественно сразу же что-то сделать для человека Вашего калибра. Но я уже так ослабел от всех моих посильных забот и неудач по поводу бесконечных хлопот о единицах и о группах, и о семьях, и о молодежи. Я ведь не учреждение, у меня даже нет секретаря, что бы хоть часть моих писем писать. В.Л. Богдановичу⁹ тоже из Лондона Америка представляется в искаженном виде. То он пишет, что мы тут лежим на мешках золота и обобрали бедную Англию, то затевает сложные и срочные издания книг, думая, что для нас с женою все это так просто и легко. Вообще, многие в Европе преувеличивают и наши, и свои возможности в случае переезда в одну из Америк, будет ли это Канада или Аргентина. В Канаде у меня есть среди знакомых только духоборы, но они теперь сами в расстройстве, и художник для них никак не подходит. Я пошлю Ваше письмо архиепископу Виталию¹⁰. М. б., он, в свою очередь, перешлет его одному из своих викариев в Канаде. Это все, что я могу сделать. Если бы Вы приехали в Америку, я мог бы принять Вас на несколько дней в Чураевке для отдохна, но зимою мы в 1500 милях от Чураевки, и Вам пришлось бы там самим топить печки, собирать дрова, носить воду и проч. Дом у нас там зимою стоит заколочен. А здесь нас замотали свои работы и письма из Европы. Уже на наших плечах несколько студентов, а письма все увеличиваются, посылаю их в разные комитеты, а те сами завалены. Думаю я, что следовало бы Вам хорошо взвесить вопрос о переселении. Не будет ли резоннее устраиваться там, где Вы находитесь. Если в Америке нет никаких русских средних учебн^{ых} заведений, то в Канаде их нет и подавно. Значит, детей надо учить только по-английски, а насчет Вашего искусства мне почему-то думается, что в Германии Вы успеете скорее, нежели в других странах. Особенно я не возлагал бы больших надежд в этом отношении на Америку или Канаду. Свои голодают. Интеллект здесь ни во что не ценится, особенно без знания языка. Заставят вас таскать тяжести, чистить подвалы, может быть, писать вывески. Да и то все в юнионах¹¹, надо попадать в члены, как, веро-

---

⁸ Ошибочное обращение Константин исправлено на Евгений, предположительно, Е.Е. Клиновым.

⁹ Богданович Владислав Леонардович (1890–1956) — экономист. Окончил Московский университет (1916). Произведен в офицеры из юнкеров флота, мичман; помощник начальника Управления морского транспорта в Архангельске. С ноября 1918 г. в Белой армии, в войсках Северного фронта. С 1919 г. в Лондоне в Правительственном комитете по транспорту. Член Русского экономического общества, для которого в 1921 г. подготовил доклад «Северный морской путь в Сибирь, его значение для ближайшего будущего и торговая организация».

¹⁰ Виталий (Максименко Василий Иванович) (1873–1960) — архиепископ Русской Зарубежной Церкви. Переехал в США и был хиротонисан во епископа Детройтского (1934) с местопребыванием в Свято-Троицком монастыре в г. Джорданвилль (шт. Нью-Йорк, США), 1948–1960 гг. — настоятель. Воссоздал в обители типографию и основал духовную семинарию. Архиепископ Северо-Американский и Канадский (1959), затем архиепископ Восточно-Американский и Джерзейситский. Был членом Синода Зарубежной Церкви.

¹¹ От англ. union — профсоюз.

ятно, и в Германии. Я считаю своим долгом обратить Ваше внимание на то, что многие из приехавших из Европы уже ругаются: лучше бы мы не приезжали. Но я напишу Вл^{адыке} Виталию. Оттуда Вам, вероятно, что-либо ответят. А лучше всего хлопотать бы в группах и через Ваши там местные учреждения. Иначе, где и кто найдет Вам деньги на проезд? Это всё теперь труднее и труднее. Америка из-за Европы сама подтягивает пояса, и каждый платит огромные налоги на мас-совую помощь Европе. Это начинает раздражать американцев. Канадцы же панически боятся русских, предполагая в каждом из них советского шпиона. Все это печально, но таковы факты. Подумайте о том, нельзя ли там на месте открыть для Вас Америку. Дело это не легкое. Колумб умер нищим, открывши Америку, а все-таки открыл ее в пустыне и дикости. Чтобы не отчаиваться от безнадежности, надо всюду, всеми способами выдерживать и добиваться возможного, когда невозможное в облаках.

Ваш Георгий Гребенщиков

Не уверен, правильно ли я именую Вас.
Карандаш Ваш не разобрал.
Зрение мое очень плохо¹².

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 5. Л. 1. Авторизованная машинопись с правкой автора на личном бланке.

В 1949 г. Е.Е. Климов с семьей переселяется в Канаду и обосновывается во франкоязычной провинции Квебек. Одним из первых приветствовал и давал практические рекомендации по обустройству в Канаде давний друг художника М.Я. Лазерсон.

М.Я. ЛАЗЕРСОН – Е.Е. КЛИМОВУ

Октябрь 14, 1949

Дорогой Евгений Евгеньевич,
Только что получил Вашу открытку от 12 с^{его} м^{есяца} из Канады и спешу приветствовать Вас к приезду Вашему и всей В^{ашей} семьи сюда, по сю сторону Атлантики. Вы начинаете новую жизнь, и призываю на Вас благословение неба. Вам здесь предстоит совершенно новая жизнь, без всяких катаклизмов европейского материка, — от легкого презрения <...> через нетерпимость к полному зверству германского гитлеризма.

Здесь Вы «оправитесь», найдете новую атмосферу, и я не сомневаюсь, что преуспеете в своей художественной карьере. Жалею о том, что Вы не здесь, но и там, в Канаде, Вы найдете работу. Хорошо было бы Вам хоть посетить на короткое время Нью-Йорк и установить или обновить старые связи и знакомства.

---

¹² Рукописная пояснительная запись Г.Д. Гребенщикова, сделанная в левом верхнем углу письма.

Если бы Вы дали о себе автобиографические сведения в общей форме, то могу дать их в «Новое русское слово», которое читается тысячами американских русских. Пришлите мне на мой адрес, а я поговорю с редакцией. Упомяните о Ваших предыдущих работах, о выставках, что Вы привезли из основных вещей, а также откуда Вы родом и т. д., награды и т. п. Такая заметка может Вам дать непредусмотримую пользу.

Рад, что дети уже в школе и будут продвигаться вперед по широким дорогам английско-американской культуры. Здесь, особенно в Соед~~иненных~~ Штатах, Вы найдете, быть может, меньше вкуса и понимания искусства, стиляй и т. п., но гораздо, неизмеримо больше души, доброты и великодушия, чем в глазированной Европе. А это для Вас, начинаящего сначала, гораздо важнее.

Передайте привет от моей жены и меня Вашей супруге, матушке и детям.

Преданный Вам

М. Лазерсон

ДР3. Ф. 43. Оп. 1. Д. 14. Л. 5–5 об. Автограф на личном бланке.

Благодаря восстановленным довоенным связям и новым американским знакомствам Климов начинает сотрудничать в «Новом русском слове», «Новом журнале» и других русскоязычных изданиях, публикует статьи по истории русского искусства в иностранных журналах. Работает как живописец, график, иконописец, лектор и педагог. Выпускает несколько альбомов литографий: «Квебек» (Квебек (1951), «То, что уходит» (Квебек, 1953), «Торонто» (Торонто, 1954), «По полуострову Гаспе» (Квебек, 1955) и др. Евгений Евгеньевич активно рассыпает своим друзьям, знакомым, потенциальным работодателям альбомы с репродукциями своих художественных произведений. Благодаря этому расширяется круг его общения. Одним из таких адресатов Климова был Марк Ефимович Вейнбаум¹³ — главный редактор газеты «Новое русское слово».

М.Е. ВЕЙНБАУМ – Е.Е. КЛИМОВУ

1

26 января 1953 г.

Г-ну Е. Климову,
Квебек

Многоуважаемый г. Климов,
Простите за официальный тон обращения — не знаю, как Вас звать по батюшке.

---

¹³ Вейнбаум (Weinbaum) Марк Ефимович (1890–1973) — журналист, общественный деятель, публицист. В 1913 г. эмигрировал в США (Нью-Йорк). С 1914 г. — сотрудник, в 1923–1973 гг. — главный редактор газеты «Новое русское слово». Председатель Литературного фонда, оказывавшего помощь представителям русской культуры в эмиграции. Член Американской академии политических и общественных наук.

Очень благодарен Вам за альбом Квебека¹⁴. Я бывал там, и Ваши рисунки многое мне напомнили. Спасибо.

Пользуюсь случаем, чтобы, хотя и с запозданием, пожелать Вам всего наилучшего в наступающем 1953 году.

С уважением

M. Вейнбаум

2

1 мая 1953 г.

Г-ну Е. Климову,
Квебек

Многоуважаемый Евгений Евгеньевич,
Статью о Петербурге получил и напечатаю. Путевые впечатления о
Торонто охотно напечатаю.

С уважением

M. Вейнбаум

3

6 августа 1953 г.

Г-ну Е. Климову,
Квебек

Многоуважаемый Евгений Евгеньевич,
Получил вашу статью о Пскове. Спасибо. Откликов читателей на Ваши
статьи и заметки не припоминаю — читатель народ очень медлительный;
надо долго писать, чтобы он обратил на Вас внимание. Это особенно верно в
отношении статей об искусстве, интересующих очень немногих.

О моем отношении Вы можете судить по тому, что за редкими исключениями я Ваши статьи печатаю. Должен, однако, признать, что я невысоко оцениваю русское искусство вообще и советское в особенности.

Кстати, знаете ли Вы портретиста Савелия Сорина?¹⁵ И каково Ваше мнение о его искусстве? Мы с ним давние друзья.

С уважением

M. Вейнбаум

---

¹⁴ Климов Е.Е. Квебек. Альбом литографий. Квебек, 1951.

¹⁵ Сорин Савелий Абрамович (1878–1953) — художник, ученик И.Е. Репина, участник выставок «Мир искусства» и др., с 1920 г. — в эмиграции (Франция, США).

26 декабря 1953 г.

Г-ну Е. Климову,
Квебек

Многоуважаемый Евгений Евгеньевич,
Спасибо за чек в пользу Литфонда и за новогодние пожелания. Желаю и
Вам всего наилучшего в наступающем новом году.

Вдове Лозовской Литфонд охотно поможет. Но будет лучше, если Вы по-
советуете ей самой написать нам. Она может, конечно, сослаться на Вас.

Конечно, Вы можете запросить А.Ф. Керенского лично. Он сейчас нахо-
дится в Европе. <...>.

С уважением

M. Вейнбаум

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 2, 3, 5. Авторизованная машинопись на бланке редак-
ции журнала «Novoye Russkoye Slovo» («Новое русское слово»).

В 1956 г. Е.Е. Климов предложил редакции «Нового журнала» свою рецензию
на книгу Сергея Щербатова «Художник в ушедшей России» (1955). С этого нача-
лись сотрудничество с одним из наиболее авторитетных зарубежных русскоязычных
изданий и знакомство с его главным редактором Романом Борисовичем
Гулём¹⁶.

Р.Б. ГУЛЬ – Е.Е. КЛИМОВУ

10 мая 1956 г.

Глубокоуважаемый г-н Климов,
Простите, пожалуйста, что не знаю Вашего имени и отчества. Сообщите,
пожалуйста. Я уже писал Вам, что мы будем очень рады Вашему сотрудни-
честву. О книге кн. Щербатова¹⁷ у нас рецензия уже есть, а вот о воспомина-
ниях А. Бенуа¹⁸ было бы очень хорошо, если бы Вы написали. Сейчас только
что вышла книга 44-я. Ближайшая выйдет в конце июня, и мы были бы очень
рады, если бы Вы нам прислали для нее рецензию о книге Бенуа. Крайний
срок — конец мая.

Искренне Ваш

Роман Гуль

---

¹⁶ Гуль Роман Борисович (1896–1986) — писатель, эмигрант с 1919 г. Жил в Германии, Франции, США. С 1951 г. — ответственный секретарь «Нового журнала», в 1959–1986 гг. — главный редактор.

¹⁷ Щербатов С.А., кн. Художник в ушедшей России. Нью-Йорк: «Изд-во им. Чехова», 1955.

¹⁸ Бенуа А.Н. Жизнь художника. Воспоминания: в 2 т. Нью-Йорк: «Изд-во им. Чехова», 1955.

20 июня 1956 г.

Е.Е. Климову

Глубокоуважаемый Евгений Евгеньевич,

Ваш отзыв о книге А. Бенуа идет в ближайшем номере¹⁹, который выйдет в свет, вероятно, недели через две. Большое спасибо. Мы будем очень рады, если Вы будете писать для «Нового журнала» о книгах по искусству, выходящих в СССР.

Искренне Ваш

Роман Гуль

Глубокоуважаемый Евгений Евгеньевич,

Это гонорар за книгу № 45 «Нового журнала» (за Бенуа). Будем рады, если пришлете еще что-нибудь.

Ваш Роман Гуль

8 авг^{уста} 1956 г.

Глубокоуважаемый Евгений Евгеньевич,

Простите, что отвечаю на Ваше письмо с некоторым опозданием. Виной тому — я не в Нью-Йорке, а в отпуске в деревне. Мы будем очень рады, если Вы дадите для «Нового журнала» отзывы об упомянутых Вами, в письме, книгах. Мне думается, в первую очередь было бы лучше дать об очерках о жизни русских художников первой половины 19 и о В. Серове²⁰. А потом о двух других.

Спасибо за Ваш отзыв на мой отзыв о книге Щербатова²¹. То, что Вы пишите, что в книге есть много слабых мест — Вы правы. В первоначальном тексте мой отзыв был несколько резче, но М.М. Карпович²² его несколько смягчил, устранив «острые углы». Я не возражал, ибо, оказывается Щербатову за восемьдесят лет, живет он в Италии в большой нужде, и это, конечно, бы обидело и задело старика, а так — без «острых углов» — вышло лучше. То, что он меня «подвел» насчет А. Рубleva, это, конечно, свинство, но Бог уж с ним. У кого не бывает промашек. Вот недавно читал воспоминания очевидца известного в эмиграции лица — и сколько про-

---

¹⁹ Климов Е.Е. Бенуа А.Н. «Жизнь художника» // Новый журнал. 1956. № 45: С. 293—295.

²⁰ Серов Валентин Александрович (1865—1911) — живописец.

²¹ Гуль Р. [Рец.:] Щербатов С.А., кн. «Художник в ушедшей России» // Новый журнал. 1956. № 45. С. 288—290.

²² Карпович Михаил Михайлович (1878—1959) — историк, публицист, мемуарист, с 1943 г. принимал участие в работе «Нового журнала», 1946—1959 гг. — главный редактор.

машек, да еще каких! Поэтому я думаю, не стоит старику ставить лыко в строку и писать о его ошибках «письмо в редакцию». Ведь если бы это был к^{акой->}н^{ибудь} учебник, по которому люди бы учились — ну, дело десятое, а ведь это же мемуар. И в мемуаре всегда бывают грехи и грешки. Вот Вы человек, видимо, и с большой эрудицией и точный, а в Вашем отзыве о Бенуа М.М. Карпович тоже нашел какую-то неверность иль неточность и исправил. Не могу Вам сказать, что именно, потому что в деревне у меня ни книги «Н^{ового} ж^{урнала» нет, ни В^{ашей} рецензии, что-то мне помнится насчет русской иконы. Но не стоит блок ловить. Дело-то ведь не в блохах...}

Шлю Вам искренний привет, Ваш:

Роман Гуль

Время у Вас для отзывов еще есть. Если пришлете в начале сентября, будет хорошо.

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–2. Авторизованная машинопись на бланке «Нового журнала»; Л. 3. Автограф; Л. 4. Авторизованная машинопись на личном бланке.

Несмотря на насыщенную творческую деятельность, Е.Е. Климов ведет активную переписку со многими представителями русской эмиграции, в числе его корреспондентов — Александра Львовна Толстая²³, о. Александр Шмеман²⁴.

А.Л. ТОЛСТАЯ – Е.Е. КЛИМОВУ

1

1 ноября 1960 года

Mr. Eugene Klimoff
102 Aberdeen apt.2
Quebec 6 P.Q. CANADA

Многоуважаемый господин Климов.

Я получила Ваше письмо и в ответ на него сообщаю Вам следующее:

---

²³ Толстая Александра Львовна (1884–1979) — дочь Л.Н. Толстого. Получила авторские права на литературное наследие отца. Принимала участие в издании «Посмертных художественных произведений Льва Николаевича Толстого», подготовке Полного собрания сочинений. В 1929 г. эмигрировала в Японию, затем в США. В 1941 г. получила американское гражданство. Выступала с лекциями о Л.Н. Толстом, в 1939 г. организовала и возглавила Толстовский фонд помощи всем русским беженцам, филиалы которого действуют во многих странах.

²⁴ Шмеман Александр, протопресвитер (1921–1983) — православный богослов. В 1945 г. окончил Свято-Сергиевский богословский институт в Париже, в 1946 г. рукоположен в священника. В 1951 г. принял приглашение Свято-Владimirской семинарии и переселился с семьей в Нью-Йорк. В 1959 г. защитил в Париже докторскую диссертацию по литургическому богословию. Ректор Свято-Владимирской духовной семинарии (1962–1982).

1) Портрет моего отца углем²⁵, о котором Вы пишете, я не помню, но очень бы хотела его иметь. Буду Вам очень благодарна за присылку снимка с этого портрета. Все расходы, связанные с этим, с удовольствием оплачу.

2) Я ничего не имею против напечатания этого портрета моего отца.

3) Что касается отношения Л.Н. Толстого к Пастернаку²⁶ как к художнику, то могу сказать Вам, что отец очень ценил его не только как человека, но и как художника. Пастернак иллюстрировал «Воскресение», и мой отец считал, что иллюстрации к его роману сделаны прекрасно и был вполне ими удовлетворен. Сам Пастернак часто бывал у нас в Ясной Поляне и пользовался общей любовью.

Уважающая Вас

Александра Толстая

2

9 ноября 1960 года

*Mr. Eugene Klimoff
102 Aberdeen apt.2
Quebec 6 P.Q. CANADA*

Многоуважаемый Евгений Евгеньевич.

Сердечное спасибо за присланные фотографии с портрета моего отца, сделанного Л. Пастернаком. Он так хорошо сделан, и я так счастлива иметь его, что повещу его у себя в кабинете.

Что касается напечатания этого портрета в Новом русском слове в день юбилея, то я попрошу Вейнбаума напечатать его, и я уверена, что он это сделает.

Еще раз спасибо за доставленную мне радость.

Уважающая Вас

Александра Толстая

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 25. Л. 1, 2. Авторизованная машинопись на бланке Толстовского фонда.

А.Д. ШИМЕМАН – Е.Е. КЛИМОВУ

29.11.1960

Дорогой Евгений Евгеньевич,

Спасибо Вам большое за чудную открытку с портретом Пастернака²⁷: очень он хорош и именно таков, каким и я его вижу — «во — ображаю»...

---

²⁵ Имеется в виду портрет Л.Н. Толстого, написанный Л.О. Пастернаком (1906).

²⁶ Пастернак Леонид Осипович (1862–1945) — русский живописец, график, портретист, иллюстратор, педагог.

²⁷ Имеется в виду открытка с портрета Бориса Пастернака, выполненного Е.Е. Климовым.

Радуюсь плану работы в Berwick²⁸ — дай Бог. Вы меня очень огорчили известиями о болезни Сергея Эдуардовича Кригера²⁹ и Кирилла Федоровича Майкапара³⁰. Буду молиться об обоих. Ужасно было бы хорошо доехать до столь милого моему сердцу Квебеку — но когда это удастся, не знаю. Пока же передайте мой самый сердечный привет всем, кто меня помнит.

Храни Вас Господь

С любовью *прот. Александр Шмеман*

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 31. Л. 1. Автограф на личном бланке.

И.С. Зильберштейн³¹ первым в СССР с уважением стал писать о русской эмиграции в «Огоньке» и «Литературной газете». Обладая огромной эрудицией, высокой культурой и интеллигентностью, он располагал к себе самых разных людей. Благодаря инициативе Ильи Самойловича и его контактам со многими деятелями русской эмиграции начался процесс возвращения на родину ценностей русской культуры (воспоминания, письма, документы, художественные произведения и т. д.).

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН – Е.Е. КЛИМОВУ

1

14 августа 1967 года

Глубокоуважаемый Евгений Евгеньевич,

Я был сердечно рад Вашему письму. Очень Вам признателен за добрый отзыв о моих очерках³². Но, к сожалению, почти каждый из них сокращается вдвое. Они уже печатались в двенадцати номерах «Огонька». <...> Если у Вас есть какие-либо критические замечания, рад буду их от Вас получить и с благодарностью использую в книге под тем же названием «Парижские находки», которую мечтаю создать.

Я рад сообщить Вам, что по моей инициативе, вместе с А.Н. Савиновым мы сделали книгу, которая называется «Александр Бенуа размышляет...

---

²⁸ Город Бервик, штат Пенсильвания, США.

²⁹ Войновский-Кригер Сергей Эдуардович (1895–1968) — гражданский инженер, преподаватель. В 1917 г. уехал в Западную Европу, в 1924 г. окончил Высшую техническую школу в Берлине (Шарлоттенбурге). В 1950 г. переселился в Канаду.

³⁰ Майкапар Кирилл Федорович (1904–1961) — один из потомков рижского табачного магната А.С. Майкапара, ученик школы Карла Мая (Санкт-Петербург) в 1917–1918 гг.

³¹ Зильберштейн Илья Самойлович (1905–1988) — литературовед, коллекционер, доктор искусствоведения. Один из инициаторов и редактор сборников «Литературное наследство» (1931). Основатель Музея личных коллекций в Москве (открыт в 1994).

³² И.С. Зильберштейн пишет об очерках «Парижские находки», напечатанных в журнале «Огонек» в 1966 (№ 47, 49, 52), 1967 (№ 3, 5, 6, 8, 12, 13, 31, 33, 35) гг.

1917–1960»³³. Сюда включены многие его статьи, напечатанные за рубежом, а также его письма к друзьям. Я позволил себе включить в эту книгу отрывки из писем Александра Николаевича, адресованных Вам (опубликованные Вами в нью-йоркском журнале). Надеюсь, что Вы за это не будете на меня в претензии. Книга была подписана к печати еще в апреле месяце, но, к сожалению, она до сих пор еще не печатается. Как только она выйдет в свет, я, — если разрешите, — ее Вам вышлю. Если Вам нужны несколько экземпляров — пошлю их с величайшим удовольствием <...>.

Сколько писем написал Вам А.Н. Бенуа? Много ли писем вы получили от Добужинского? Надеюсь, Вы видели мой очерк о Добужинском. Мне интересно было бы знать Ваше мнение.

Еще раз спасибо за Ваше милое и любезное письмо, глубокоуважаемый Евгений Евгеньевич. Шлю Вам свои лучшие пожелания.

И. Зильберштейн

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 10. Л. 1. Авторизованная машинопись на бланке редакции «Литературного наследства».

2

25 декабря 1968

Глубокоуважаемый Евгений Евгеньевич!

<...>

Очень прошу извинить, что не ответил на Ваше письмо от 25 ноября прошлого года и не поблагодарил за фото рисунка Врубеля и небольшую очаровательную литографию, Вами исполненную <...>.

<...>

Одновременно посылаю заказной бандеролью экземпляр книги «Александр Бенуа размышляет». Через несколько дней надеюсь достать еще несколько экземпляров. <...>

И. Зильберштейн

<...>

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 10. Л. 5, 5 об. Автограф.

Наследие Климова активно изучается исследователями. Опубликованы письма некоторых его адресатов³⁴.

Кроме эпистолярного комплекса, в личном архивном фонде Е.Е. Климова хранятся каталог выставки А.Н. Бенуа (Shepherd Gallery, New York, 1968) со статьей

---

³³ Александр Бенуа размышляет...: Статьи и письма: 1917–1960 гг. / под ред. И.С. Зильберштейна, А.Н. Савинова. М., 1968.

³⁴ Бялик В.М. Неизвестные письма Зинаиды Серебряковой // Собрание. 2012. № 2. С. 112–119; Вересова Т.В. Евгений Евгеньевич Климов // Псковский летописец. 2012. № 2 (7). С. 100–123.

Е.Е. Климова (Д. 39), статья Е.Е. Климова «Выставка З. Серебряковой в СССР», опубликованная в «Новом русском слове» (28 декабря 1965) (Д. 40) и другие материалы.

Е.Е. Климов в области портретного жанра использовал различную технику, в том числе мозаику. Среди работ этого жанра особой известностью пользуется выполненный им портрет А.И. Солженицына, с которым Е.Е. Климов неоднократно встречался во время его вынужденного изгнания. Он также создает цикл портретов выдающихся людей русского зарубежья трех поколений (И. Елагин, И. Ильин, И. Чиннов и др.).

В музейное собрание ДРЗ был передан графический портрет Александра Исаевича Солженицына (Канада, Монреаль. 1975) и подаренные А.Е. Климовым в 2012 г. портреты поэта И.В. Елагина (США, Вермонт. 1970-е. Холст, масло), писателя Л.Д. Ржевского (США, Вермонт. 1977. Холст, масло), художника Н.В. Зарецкого за работой (Чехословакия, Прага. 1945. Холст, масло).

Во второй половине 2011 г. в ДРЗ проводилась книжно-иллюстративная выставка «Мастер с нежною душой...», посвященная 110-летию со дня рождения Е.Е. Климова. На выставке были представлены книги и периодические издания из библиотеки, копии материалов из архивного и музейного собрания Дома, Российского фонда культуры и репродукций живописных и графических работ Е.Е. Климова.

А.Е. Климовым в музейное собрание ДРЗ в 2013 г. были переданы графические работы Е.Е. Климова: портреты И.А. Ильина, Ю.П. Иvasка, Н.М. Коржавина, А.В. Муравьева и других; литографии с видами Риги, Китцингена, а также наборы открыток с портретами писателей и поэтов зарубежья.

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ:
ТРАДИЦИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ И МЕЦЕНАТСТВА»

Москва. 4–6 июня 2013

4, 5 и 6 июня 2013 года в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына состоялась Международная научная конференция «Династия Романовых: традиции благотворительности и меценатства». Конференция была приурочена к 400-летию окончания Смутного времени, восстановления российской государственности и призвания на царство первого царя из династии Романовых — Михаила Федоровича.

Основной целью конференции являлось изучение истоков и причин покровительства дома Романовых развитию помощи бедным в Российской империи, освещение деятельности благотворительных институций и отдельных филантропов, осмысление роли и вклада представителей династии Романовых в развитие науки, культуры и образования. Программа конференции отражала огромный вклад дома Романовых в различные сферы государственной, военной, общественной, научной, социальной и культурной жизни России. Изучение роли и вклада представителей дома Романовых в развитие благотворительности, отечественной культуры, науки и образования заслуживает своего осмыслиения и более глубокого осознания. Благотворительность под покровительством императорской фамилии фактически была средством решения государственных задач в области призрения, а вклад августейшего семейства в развитие отечественной науки, культуры, образования трудно переоценить.

Проблематика избранной темы конференции вызвала большой интерес у научной общественности. В адрес оргкомитета поступило около 90 заявок на участие. На самой конференции с докладами выступило 56 человек.

Открывая конференцию, директор ДРЗ В.А. Москвин подчеркнул актуальность избранной темы, обусловленной важностью и остротой социальных проблем, с которыми сталкивается современное российское общество. Область социальной политики — чрезвычайно сложная и обширная сфера деятельности общества и государства, чутко реагирующая на любые изменения в социально-экономической и политической области, влияющая на политическое и нравственное состояние общества.

С приветственными словами на открытии конференции выступили правнук Николая I Павел Эдвардович Куликовский-Романов, директор ГА РФ С.В. Мироненко, президент Российского дворянского собрания США К.Э. Гиацинтов. В адрес конференции поступили приветствия от первоиерарха РПЦЗ ми-

*В зале во время заседания.
На переднем плане Павел Эдвардович Куликовский-Романов*

трополита Илариона и председателя отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополита Волоколамского Илариона.

Программа конференции, помимо пленарного и секционных заседаний, на которых выступили известные научные специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Красноярска, Перми, Нальчика, а также США, Канады, Норвегии, Финляндии, Польши, Латвии, Франции, Греции, Германии, Украины, Азербайджана, включала открытие архивно-музейной выставки «Романовы: штрихи к биографии». Из архивно-музейного собрания Дома русского зарубежья; книжную выставку «Романовы в изданиях русского зарубежья», презентацию книг участников конференции, а также показ документального фильма «Николай Романов. Обретенная Россия» режиссера Жиля Вьюиссо (Швейцария). К началу работы конференции был опубликован сборник тезисов докладов, включенных в программу, позволяющий участникам заранее познакомиться с темами докладов¹.

На пленарном заседании с анализом 400-летнего служения Романовых России выступил Е.В. Пчелов (Россия, Москва). Адель Линдденмаер (Lindenmeyr), профессор, декан Колледжа свободных искусств и наук Университета Вилланова (США), определила перспективы современного изучения российской благотворительности, а доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института

---

¹ Династия Романовых: традиции благотворительности и меценатства: Междунар. науч. конф.: Тезисы докладов. Москва 4–6 июня 2013 г. / сост. Н.Ф. Гриценко. М., 2013.

та российской истории РАН Г.Н. Ульянова (Россия, Москва) проанализировала огромные заслуги императрицы Марии Федоровны в развитии благотворительности в России.

Большой интерес у участников конференции вызвал доклад сотрудника Колумбийского университета, магистра гуманитарных наук (М.А.), магистра философии (М.Р.) Эдварда Касинеца (Kasinec), посвященный Арманду Хаммеру, одной из значительных фигур в американо-российском культурном диалоге прошлого столетия, в частности, его деятельности по коллекционированию «сокровищ Романовых», а также доклад клирика Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (США), кандидата богословия протоиерея Владимира Цурикова о «романовских коллекциях в русском зарубежье».

Работа конференции проходила по трем секциям. Выступившие в рамках секции «Благотворительность и помощь бедным в России под покровительством дома Романовых» М.Е. Сорока (Канада), Д.М. Софын (Россия, Пермь), В.А. Шеншина (Финляндия), И.Л. Жалнина-Василькиоти (Греция), Д.М. Прасолов (Россия, Нальчик) представили новые архивные данные и источники, отражавшие разнообразный характер участия членов августейшего семейства в благотворительной деятельности и меценатстве. Как известно, среди представителей дома Романовых было немало тех, для кого благотворительность была внутренним долгом, гражданской обязанностью, в исполнение которой они вкладывали не только материальные средства, но и душу. В докладах С.В. Куликова (Россия, Санкт-Петербург), Л.Н. Жванко (Украина), Б.П. Миловидова (Россия, Санкт-Петербург) рассматривалась деятельность членов императорской семьи по оказанию помощи раненым, беженцам, военнопленным в 1812–1814 гг. и в период Первой мировой войны.

Во второй половине XIX — начале XX в. роль благотворительных ведомств и комитетов дома Романовых как общественных институтов, осуществлявших социальную помощь в

*Галина Николаевна Ульянова,
прот. Владимир Цуриков*

Эдвард Касинец

Участники конференции во время осмотра выставки «Романовы: штрихи к биографии.

Из архивно-музейного собрания Дома русского зарубежья».

В центре Адель Линденмайер, справа Елена Юрьевна Казакова-Апкарикова

общегосударственном масштабе, существенно возросла. В докладах Т.Г. Фруменковой (Россия, Санкт-Петербург), В.В. Тевлиной (Норвегия), И.П. Павловой (Россия, Красноярск), Е.М. Колесовой (Россия, Санкт-Петербург), М.В. Софьиной (Россия, Пермь), К.С. Барабановой (Россия, Санкт-Петербург) рассматривались различные аспекты социальной помощи детям. Э.А. Анненкова (Россия, Санкт-Петербург), А.А. Колточихина, К.К. Семенов (Россия, Москва) посвятили свои доклады благотворительной деятельности представителей дома Ольденбургских и судьбе князя С.Г. Романовского.

Российские благотворительные ведомства и комитеты под покровительством дома Романовых, осуществлявшие взаимодействие власти и общества в решении задач социальной политики, выдержали проверку временем, доказав свою жизнеспособность. Эта тема была проанализирована в докладах Е.Ю. Казаковой-Апкариковой (Россия, Екатеринбург), Л.Г. Рогушиной, Т.Г. Егоровой (Россия, Санкт-Петербург) и Н.А. Ёхиной (Россия, Москва).

Секция «Династия Романовых и российская наука и образование» была представлена докладами Е.Ю. Басаргиной, Д.Н. Шилова, С.Н. Искюля, В.М. Сысуевой, Ю.П. Голикова, Н.В. Слепковой, Ю.Н. Красниковой, Е.Н. Груздевой (Россия, Санкт-Петербург), С.Н. Ковальчук (Латвия), Ф. Джаббарова (Азербайджан), П.А. Трибунского (Россия, Москва), А.Ю. Баженовой (Польша). В докладах анализировалось взаимодействие науки и власти, покровительство императорского

дома Академии наук, поощрение научных исследований и развитие образовательных программ.

Отдельная сессия конференции «Династия Романовых и российская культура» была посвящена анализу августейшего патронажа в области музыки (Г.А. Моисеев (Россия, Москва)), традициям благотворительности в деятельности русских зодчих (С.С. Левошко (Россия, Санкт-Петербург)); архитектуре благотворительных учреждений, созданных под покровительством членов императорской семьи (А.В. Берташ (Германия, Россия)); памятникам благотворительной деятельности в собраниях музейных комплексов (В.М. Ушакова, Н.А. Мозохина, А.А. Бойко, М.А. Сенина (все — Россия, Санкт-Петербург)) и другим аспектам вклада императорского дома в развитие отечественной культуры.

Участникам конференции и гостям Дома русского зарубежья была представлена выставка документальных материалов «Романовы: штрихи к биографии. Из архивно-музейного собрания Дома русского зарубежья». Уникальная архивно-музейная коллекция Дома русского зарубежья, сохраняющая документальное, литературное и историческое наследие русской эмиграции, сложилась благодаря многочисленным дарам, поступившим из разных уголков мира. В ней собраны свидетельства нескольких поколений русской эмиграции о другой России, пережившей катастрофу изгнания и сохранившей свою идентичность.

По завершении работы конференции ее участники побывали на экскурсии в филиале Государственного исторического музея «Палаты бояр Романовых».

Участники конференции на экскурсии в филиале Государственного исторического музея «Палаты бояр Романовых»

Н.Ф. Гриценко

ОСВОЕНИЕ НАСЛЕДИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА: К ДВУМ ЮБИЛЕЯМ

*Международная научная конференция
«Ивану Денисовичу» — полвека»
Москва. 15–16 ноября 2012*

Конец 2012 г. в солженицынском пространстве прошел под знаком важного юбилея — пятидесятилетия первой публикации рассказа «Один день Ивана Денисовича» (журнал «Новый мир», № 11 за 1962 г.). Во многих городах России прошли конференции, обсуждения, читательские встречи, посвященные этому событию. Крупнейшим событием в череде этих мероприятий стала международная конференция, проведенная в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына при поддержке Российской академии наук и Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. Участниками конференции стали ученые, писатели, педагоги, архивисты, а также театральные деятели и кинематографисты, соприкоснувшиеся в своем творчестве с наследием Солженицына. Темами обсуждений стали история публикации «Одного дня Ивана Денисовича», его восприятие отечественными и зарубежными читателями, литературоведческие и лингвистические аспекты изучения рассказа, опыт освоения творчества Солженицына в высшей и средней школе, размышления о значении произведения для дня сегодняшнего и будущего, воспоминания первых читателей рассказа.

Торжественное открытие конференции провел директор Дома русского зарубежья В.А. Москвин. С приветственными словами выступили уполномоченный по правам человека в Российской Федерации В.П. Лукин, руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям М.В. Сеславинский, директор Института мировой литературы РАН академик А.Б. Куделин, директор издательства «YMCA-Press» Н.А. Струве. Были зачитаны тексты приветствий президента Российской академии наук Ю.С. Осипова, советника президента РФ по культуре В.И. Толстого.

Доклады представили ректор Высшего театрального училища (института) имени М.С. Щепкина Б.Н. Любимов, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН Е.В. Иванова, президент Американского университета в Центральной Азии Э.-Б. Вахтель, профессор Благовещенского государственного университета А.В. Урманов, заведующая Рукописным отделом Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) Т.С. Царькова, главный научный сотрудник Государственного института искусствознания РАН Л.И. Саракина, профессор русской литературы Вассар-колледжа в штате Нью-Йорк А.Е. Климов, лауреат Литературной премии Александра Солженицына (2012) прозаик О.О. Павлов, профессор русской литературы Юниверситета-колледжа Оксфордского университета М. Николсон, заведующий отделом

культуры русской речи Института русского языка РАН А.Д. Шмелев, профессор Иллинойского университета в Урбане-Шампейне Р. Темпест, профессор Л.Е. Герасимова и доцент Г.М. Алтынбаева (Саратовский государственный университет), учитель русского языка и литературы ГБОУ г. Москвы ЦО № 57 «Пятьдесят седьмая школа» Н.А. Шапиро.

В ходе заседаний были показаны два фильма: англо-норвежский художественный фильм «Один день Ивана Денисовича» (1970) — единственная полнометражная экранизация рассказа и документальная лента Алексея Денисова «“Один день Ивана Денисовича”: 50 лет спустя» (Россия, 2012), впервые представленный на суд зрителя.

Завершил конференцию круглый стол «“Один день Ивана Денисовича”: вчера, сегодня, завтра». Наиболее содержательными выступлениями стали воспоминания об авторе «Одного дня...» главного режиссера театра «Современник» народной артистки СССР Г.Б. Волчек, реплики И.Б. Роднянской и Е.Ц. Чуковской.

Гости и участники конференции были приглашены на моноспектакль (театрализованное чтение) народного артиста России Александра Филиппенко «Один день Ивана Денисовича» в Большой аудитории Политехнического музея 18 ноября, в точную годовщину появления одиннадцатой книжки «Нового мира» в 1962 г.

К ноябрьским торжествам в издательстве «Русский путь» вышли из печати два сборника, подготовленные сотрудниками отдела по изучению наследия писателя Дома русского зарубежья. Один из них, получивший название «“Ивану Денисовичу” полвека», включил опубликованные за прошедшие десятилетия критические статьи и литературоведческие исследования, как отечественные, так и зарубежные, посвященные рассказу¹. Составители освоили весь круг таких материалов, начиная с внутренних рецензий, написанных еще до публикации по просьбе главного редактора «Нового мира» А.Т. Твардовского для поддержки продвижения

Афиша конференции к юбилею публикации рассказа «Один день Ивана Денисовича».
Москва, Дом русского зарубежья.
15–16 ноября 2012. Худ. М. Дзержкович

¹ «Ивану Денисовичу» полвека: Юбилейный сборник (1962–2012) / сост. П.Е. Спиваковский, Т.В. Есина; вступ. ст. П.Е. Спиваковского. М.: Русский путь, 2012.

рассказа к печати, и заканчивая статьями последних лет, выуженными из ресурсов всемирной сети Интернет. Разумеется, не все они были включены в сборник, тем не менее представленные сто публикаций в полноте представляют историю изучения рассказа за прошедшие 50 лет.

Второй сборник посвящен прежде не издававшимся письмам читателей 1962–1964 гг., откликнувшихся на поразившую их публикацию повести о бесправном зэке на страницах одного из органов официальной советской печати². В сборнике приводятся тексты двух сотен писем, сохранившихся в архивах редакции журнала «Новый мир», Союза писателей СССР, Комитета по Ленинским премиям при Совете министров СССР и личных фондах людей из литературной среды тех лет, находящихся ныне в хранилищах Российского государственного архива литературы и искусства. Украшением издания стали двенадцать впервые опубликованных ответов писателя. Читательские письма представлены в нескольких разделах: материалы редакции «Нового мира» 1962–1963 гг.; первые отклики читателей; письма бывших зэков; письма бывших однополчан Александра Солженицына; письма читателей в поддержку присуждения Солженицыну Ленинской премии 1964 г.

Третьим вышедшим из печати сборником, завершающим юбилейную череду изданий, стали материалы московской конференции «“Ивану Денисовичу” — полвека», опубликованные в декабре 2013 г.³

АЛЬМАНАХ «СОЛЖЕНИЦЫНСКИЕ ТЕТРАДИ: МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ»

С декабря 2012 г. издательство «Русский путь» начало публикацию альманаха «Солженицынские тетради: Материалы и исследования» (главный редактор — А.С. Немзер). В настоящее время вышли в свет уже два выпуска. Материалы в альманахе организованы в пять разделов. В первом публикуются не издававшиеся прежде произведения Александра Солженицына, подготовленные к печати и откомментированные Н.Д. Солженицыной, а именно эссе из «Литературной коллекции», а также фрагменты его эпистолярного наследия. В двух вышедших выпусках помещены тексты Солженицына о Н.С. Лескове (1989), В.П. Астафьеве (2005), М.А. Булгакове (2004), переписка с Л.К. Чуковской (1967–1977), Е.С. Булгаковой (1962–1968), Ю.М. Лотманом (1964–1968), Н.Г. Губко (1963–1968).

Второй раздел полностью посвящен новым актуальным исследованиям творчества писателя, часть которых «выросла» из докладов, прочитанных на заседаниях семинара солженицынского отдела Дома русского зарубежья. Третий раздел рассказывает об очередной церемонии вручения ежегодной Литературной

---

² «Дорогой Иван Денисович!..»: Письма читателей: 1962–1964 / сост., comment., предисл. Г.А. Тюриной. М.: Русский путь, 2012.

³ Международная научная конференция «“Ивану Денисовичу” — полвека»: К 50-летию публикации рассказа Александра Солженицына. Москва, 15–16 ноября 2012 г. / сост. И.Е. Мелентьевой. М.: Русский путь, 2013.

премии Александра Солженицына. Пространный четвертый раздел озаглавлен «Хроника», в нем можно найти информацию о новых изданиях писателя, посвященных ему трудах и статьях, конференциях, памятных мероприятиях. Завершает альманах раздел «Архивные находки», где речь идет о новых источниках изучения творчества и жизненного пути писателя, выявленных в государственных и частных хранилищах.

В издании приводятся репродукции рукописей, иллюстративный материал к публикуемым исследованиям, фотографии событий, упоминаемых в разделе «Хроника».

ВЫСТАВКА «АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН:
ИЗ-ПОД ГЛЫБ: РУКОПИСИ, ДОКУМЕНТЫ, ФОТОГРАФИИ»
Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина
9 декабря 2013 — 9 февраля 2014

Год 2013-й был также годом большого юбилея — 11 декабря исполнилось 95 лет со дня рождения писателя. К этой дате была приурочена выставка рукописей и мемориальных вещей Солженицына из его архива, открытая 9 декабря в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина (автор концепции — Наталия Солженицына, дизайнер экспозиции — Эрик Белоусов). Это — первая презентация архива писателя на родине (в 2011 г. подобная выставка в течение полугода проводилась во всемирно известном Музее рукописей Мартина Бодмера в Женеве и стала значимым культурным событием Европы⁴). Все экспонаты — оригиналы, датируемые концом XIX — началом XXI в. Общее их число — 98 (5750 листов автографов писателя; 592 листа машинописи на правах рукописи с его пометами; 11 документов; регалии лауреата Нобелевской премии; 15 мемориальных вещей; автографы К.И. Чуковского, Д.Д. Шостаковича, А.А. Ахматовой, А.Т. Твардовского; шесть книг самиздата, три картины). Организованные по хронологическому принципу в шесть разделов, они в возможной полноте отражают весь жизненный и творческий путь писателя, прошедшего и преодолевшего все испытания, выпавшие на долю наших соотечественников в XX в.

Первый раздел (1918–1941) представляют детские и юношеские опыты Сами Солженицына на литературном поприще (рукописи рассказов, повестей и стихотворных произведений, датируемых 1929–1937 гг.), конспекты по истории Первой мировой войны — начало будущей полувековой работы над эпопеей по истории русской революции (1937–1939). Второй раздел наполняют чудом сохранившиеся рукописи военных и тюремно-лагерно-ссыльных лет (1941–1956). Главные из них: текст тезисов доклада курсанта Солженицына в артиллерийском училище осенью 1942 г., конспекты по истории философии, фрагменты автобиографической повести и начальных глав будущего «Августа Четырнадцатого», написанные тайно во время пребывания на шарашке в Марфине, самодельные книжечки с выписками

---

⁴ О ней см.: Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2012. М.: Русский путь, 2012. С. 631–633.

*Афиша выставки рукописей и мемориальных вещей из архива А.И. Солженицына.
Москва, Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.
9 декабря 2013 — 9 февраля 2014. Худ. Е. Корнеев*

из «Толкового словаря» В.И. Даля, которые заключенный Солженицын вел с 1947 г. в тюрьмах, лагерях и ссылке, а также четки, помогавшие писателю сочинять в уме на общих работах в каторжном экибастузском лагере автобиографическую поэму «Дороженька». Дополняют визуальный ряд этого раздела телогрейка и три нашивки с номерами, тайно вывезенные Солженицыным из лагеря после освобождения в «вечную» ссылку в Казахстан.

Ключевыми экспонатами третьего раздела (1956–1966) являются сделанные автором машинописные перепечатки рассказа «Один день Ивана Денисовича» (именно этот экземпляр машинописи был подан в 1961 г. в редакцию журнала «Новый мир») и романа «В круге первом» (рукописи этих произведений были

Вернисаж выставки в Итальянском дворике ГМИИ им. А.С. Пушкина.
Т. Салахов (во 2-м ряду), В.П. Лукин, И.А. Антонова, Н.Д. Солженицына.
9 декабря 2013. Фото С. Урбан

автором сожжены по конспиративным соображениям). В разделе представлены первые издания «Ивана Денисовича» (1963), а также фрагмент эпистолярия Солженицына того времени — письма-автографы А.Т. Твардовского, К.И. Чуковского, Д.Д. Шостаковича, сборник стихов с дарственной надписью А.А. Ахматовой.

Четвертый раздел представляет творческую работу Солженицына в условиях запрета его произведений и имени на родине в 1966–1974 гг.: рукопись повести «Раковый корпус» и жемчужину всей экспозиции — рукопись легендарной книги «Архипелаг ГУЛАГ», в течение двух десятилетий хранившуюся в тайнике в Эстонии (именно там на уединенном хуторе создавалось это произведение в 1965–1967 гг.) и возвращенную автору в 1990-х. Бытование произведений Солженицына на родине в эти годы отражают образцы самиздата того времени: рукописные, фото- и ксерокопии его книг. В разделе помещены регалии лауреата Нобелевской премии 1970 г. по литературе: золотая медаль и диплом, полученные писателем уже после изгнания из страны в 1974 г.

Пятый раздел (1974–1994) почти полностью посвящен титанической работе писателя над эпопеей «Красное Колесо». Последовательные этапы этой работы представлены многочисленными конвертами картотеки, разработанной автором специально для организации колоссального вспомогательного материала, рукописью всех четырех Узлов (более 3 тыс. листов), образцами редакторской правки, уникальным «Дневником романа».

Последний раздел (1994–2008) отражает процесс возвращения писателя на родину после двадцатилетнего изгнания и работу последних лет его жизни, включая рукописи не только художественных произведений (рассказов, крохоток и эссе из «Литературной коллекции»), но и публицистических книг и статей, посвященных актуальным проблемам.

Все разделы снабжены документами; самые ранние — свидетельство о рождении отца Александра Солженицына (выписка из метрической книги, сделанная в 1911 г. для поступления в университет) и запись о венчании его родителей на фронте в 1917 г., затем школьные и студенческие документы самого писателя, фронтовые справки, ордер на арест и анкета арестованного (1945), свидетельства о реабилитации.

Украшением выставки стал ряд мемориальных вещей: рабочие принадлежности писателя (очки, лупа, пенал с карандашиками, печатная машинка на столике и др.).

В экспозицию вошли четыре художественные работы: портреты Александра Солженицына работы Анатолия Зверева (1978) и Резо Габриадзе (2011), картина Гавриила Гликмана «Матренин двор» (1980) и знаменитое полотно друга Солженицына по марфинской шарашке Сергея Ивашева-Мусатова «Замок святого Грааля» (1966).

Кроме того, на выставке представлено 24 офпорта Рембрандта из собрания ГМИИ имени А.С. Пушкина, художественный мир которых удивительным образом созвучен рукописным артефактам из архива писателя.

Выставка снабжена современным оборудованием, позволяющим посетителю не только увидеть рукопись, но и «полистать» ее, рассмотреть в подробностях и почитать — на сенсорных экранах представлены фрагменты самых важных произведений Солженицына. Более двух сотен фотографий, в режиме слайд-шоу демонстрируемых на крупных экранах, представляют все главные «узлы» биографии писателя.

К открытию выставки из печати вышел ее каталог, признанный замечательным образцом современного книгоиздательского искусства (дизайнер — Евгений Корнеев)⁵. Сама выставка «Александр Солженицын: Из-под глыб» стала, несомненно, важной вехой в освоении отечественного культурного наследия.

Г.А. Тюрина

---

⁵ Александр Солженицын: Из-под глыб: рукописи, документы, фотографии / Сост. Н.Д. Солженицына, Г.А. Тюрина; вступ. ст. И.А. Антонова, Н.Д. Солженицына. М.: Русский путь, 2013.

**XV СИМПОЗИУМ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА
ДОСТОЕВСКОГО / XV SYMPOSIUM OF THE INTERNATIONAL
DOSTOEVSKY SOCIETY**

Москва. 8–14 июля 2013

С 8 по 14 июля 2013 г. в Москве проходил XV симпозиум Международного общества Достоевского (International Dostoevsky Society; IDS). Впервые за сорок с лишним лет существования Общества представительный научный форум состоялся на родине Достоевского, в России — в городе, где родился писатель, где прошли его детские годы и где в конце жизни, в 1880 г., он произнес свою знаменитую Пушкинскую речь на открытии памятника великому русскому поэту.

Международное общество Достоевского было образовано в 1971 г. на учредительном съезде ученых-достоевистов в Бад-Эмсе (ФРГ) и проводит свои симпозиумы раз в три года. На генеральной ассамблее Общества в 2010 г., в дни работы XIV симпозиума в Неаполе, было принято решение о проведении очередного, XV симпозиума Общества в Москве. Тогда же был избран Оргкомитет московского симпозиума, в который вошли президент Общества Д. Мартинсен (D. Martinsen, Нью-Йорк, США), исполнительный секретарь Общества С. Алоэ (S. Aloe, Верона, Италия), два вице-президента Общества от России В.Н. Захаров и И.Л. Волгин, президент Российского общества Достоевского Б.Н. Тихомиров (С.-Петербург, Россия) и национальный представитель России в Обществе К.А. Степанян (Москва, Россия). Сопредседателями оргкомитета стали Б.Н. Тихомиров и Д. Мартинсен. Позднее, когда было принято решение, что заседания симпозиума будут проходить в московском Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына (ДРЗ), в оргкомитет были кооптированы директор ДРЗ В.А. Москвин и ведущий специалист ДРЗ И.Л. Тетерев.

Через год в периодическом издании Международного общества Достоевского «*Dostoevsky Studies*» (№ 16), а также на официальном сайте Общества в интернете (www.dostoevsky.org) было опубликовано объявление оргкомитета, в котором сообщалось, что московский симпозиум будет посвящен теме «Достоевский и журнализм», а также были оглашены предпочтительные проблемно-тематические направления для подготовки докладов: «Достоевский — журналист и редактор», «Фельетонизм Достоевского», «Достоевский и журнальная полемика 1860–1870-х гг.», ««Дневник писателя» как историко-культурный феномен», «Журнализм и поэтика поздних романов Достоевского», «Достоевский и Солженицын». Вместе с тем отмечалось, что эти темы имеют рекомендательный характер, и, как всегда, в программу симпозиума также будут включаться доклады по самому широкому спектру вопросов, связанных с духовным наследием русского писателя. Указы-

валось, что языками симпозиума являются русский и английский (допускаются доклады также на французском и немецком языках). Тогда же было установлено, что крайний срок подачи заявок (тезисов докладов и резюме участников) — 30 июня 2012 г. Рабочим секретарем симпозиума был определен молодой ученый Н.Н. Подосокорский (Великий Новгород). Ко времени окончания сбора заявок был учрежден программный комитет, в который, кроме членов оргкомитета, вошли почетный президент Общества У. Шмид (U. Schmid, Санкт-Галлен, Швейцария), вице-президент Общества К. Кроо (K. Kroo, Будапешт, Венгрия), национальный представитель США в Обществе У. Todd III (W. Todd III, Кеймбридж, Миннесота, США) и профессор Т. Мотидзуки (T. Mochizuki, Саппоро, Япония). В адрес программного комитета поступило свыше 170 заявок, из которых был отобран 141 доклад. К июню 2013 г. оргкомитетом совместно с программным комитетом была составлена программа, которая была вывешена на сайте Международного общества Достоевского, а также напечатана в бумажном варианте. К началу работы симпозиума был напечатан и сборник тезисов докладов, включенных в программу, существенно облегчающий ориентирование участников форума в его работе (сборник вышел под редакцией К.А. Степаняна и Б.Н. Тихомирова). Как и в прежние годы (начиная с 2004-го, когда проходил XII симпозиум Общества в Женеве), было принято решение, что по материалам симпозиума в «Series of the International Dostoevsky Society “Dostoevsky Monographs”», которая выходит под международной редакцией, будет издан сборник «Достоевский и журнализм» (в настоящее время сборник подготовлен В.Н. Захаровым, К.А. Степаняном и Б.Н. Тихомировым и сдан в петербургское издательство «Дмитрий Буланин»). На этапе, непосредственно предшествовавшем началу работы симпозиума, координатором по всем организационным вопросам, осуществлявшим связь между участниками симпозиума и членами оргкомитета, выступал И.Л. Тетерев.

Симпозиум проходил при финансовой поддержке Министерства культуры РФ и Российского гуманитарного научного фонда, а также при организационном участии Государственного литературного музея.

Все научные заседания симпозиума проходили в залах и аудиториях Дома русского зарубежья. Во время открытия симпозиума с приветствиями к его участникам обратились президент Международного общества Достоевского Дебора Мартинсен, директор ДРЗ Виктор Москвин, участница первого симпозиума 1971 г. Ирен Зохраб (Irene Zohrab, Веллингтон, Новая Зеландия). От Российского гуманитарного научного фонда, выделившего грант на проведение симпозиума, выступил Владимир Захаров.

За пять дней, с 8 по 12 июля, на пленарных и секционных заседаниях в ДРЗ прозвучало более 130 докладов ученых-достоевистов из России, Украины, Латвии, Эстонии, Бразилии, США, Японии, Новой Зеландии, Италии, Испании, Болгарии, Венгрии, Греции, Польши, Великобритании и других стран. Также были проведены два круглых стола, один из которых был посвящен проблеме соотношения публицистики и художественного творчества писателя, а второй — современным тенденциям в науке о Достоевском. Кроме того, в первый день вечером прошла (также в формате круглого стола) презентация новинок исследовательской лите-

ратуры и издательских проектов, на которой участники симпозиума представили свои научные труды. По окончании книжной презентации первый день работы симпозиума завершился открытием выставки «Достоевский и русское зарубежье. По материалам архивов Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына» (автор концепции и куратор выставки — ученый секретарь ДРЗ М.А. Васильева), которая разместилась в одной из аудиторий четвертого этажа ДРЗ.

На пленарных заседаниях центральными докладами, вокруг которых строилась дискуссия, были: «Кодекс Достоевского: journalism как творческая идея писателя» (В.Н. Захаров), «Достоевский: journalism как миросозидающий проект» (И.Л. Волгин). Работа по секциям велась по направлениям: «Поэтика художественной “малой прозы” в структуре “Дневника писателя” (“Бобок”, “Сон смешного человека”, “Кроткая”); «Публицистическое и художественное в романах Достоевского 1870-х гг. (“Бесы”, “Подросток”, “Братья Карамазовы”); «Проблематика и поэтика “Дневника писателя” как моножурнала Достоевского»; «Журналистика Достоевского 1860-х гг.»; «Достоевский в культуре Серебряного века и русской эмиграции»; «Публицистика Достоевского в культурной и политической жизни XX века». Также работали секции, где наследие писателя рассматривалось вне проблематики журнализа.

Если художественное творчество писателя давно является объектом всестороннего изучения в мировой достоевистике, то публицистика писателя («Дневник писателя», его журнально-редакционная деятельность, публицистические элементы в романах) оставались, особенно в зарубежной науке, малоизученной темой. В осмыслении значения темы «Достоевский и journalism» как одной из важнейших для современного научного постижения наследия писателя состоит одно из главных значений прошедшего симпозиума. Обращение к центральной для симпозиума проблематике «Достоевский и journalism» позволило значительно расширить диапазон исследований жизни и творчества великого романиста и публициста. Магистральная тенденция в работе симпозиума была обозначена в ряде докладов, прозвучавших, как было отмечено, уже на пленарном заседании. Так, В.Н. Захаров представил journalism Достоевского как его творческую идею, отвечавшую стремлению гармонизировать риторику и поэтику, публицистичность и художественность. Об оригинальной авторской стратегии писателя говорил и И.Л. Волгин, подчеркивая в ней взаимопроникновение journalismа и романного мышления, что привело, например, к созданию «дневниковой прозы» писателя. Д. Мартинсен в докладе «Уникальное коварство черта Ивана Карамазова» также соотнесла романский текст с главой из «Дневника писателя» (январь 1876 г.) о спиритизме и чертях, отметив, что это «одна из самых умных вещей, написанных Достоевским».

Разным аспектам проблемы journalismа в творчестве Достоевского, рассмотренной в широком историко-культурном контексте, были посвящены доклады У. Тодда — об эволюции поэтики периодических изданий писателя, А. Барроса — о диалоге журналиста-писателя, В.А. Викторовича, назвавшего journalism фундаментальным качеством мышления Достоевского, А.Г. Гачевой, указавшей на соотношение историософских и художественных фрагментов «Дневника писателя»,

А.В. Денисовой, рассмотревшей поэтику диалога на публицистическом и художественном уровнях, Р.Х. Якубовой, охарактеризовавшей феномен журнализа в романе «Бесы», И.Д. Якубович, представившей доминирование реального факта как жанровую особенность «Записок из Мертвого дома» и «Дневника писателя» и др.

Ярким выражением отмеченной тенденции в современном достоевковедении явился новый дискурс, к которому обратился ряд докладчиков: «журналистский нарратив» (С.С. Шаулов), «металитературные тексты Достоевского-публициста» (Д. Чавдарова), ««Дневник писателя» как феномен интердискурса» (В.В. Борисова) и др.

В зеркале симпозиума отразилась и такая особенность современного состояния науки о Достоевском, как использование новых информационных технологий. К ним активно обращаются представители петрозаводской школы в отечественной достоевистике и текстологии: в частности, О.В. Захарова рассказала о сайте «Достоевский в прижизненной критике», Н.А. Тарасова показала возможности компьютерных технологий в решении вопросов текстологии и поэтики текста на примере «Дневника писателя» 1876–1877 гг. Не случайно на заключительном заседании симпозиума прозвучало предложение о создании единого информационного интернет-ресурса, посвященного Достоевскому.

В целом ряде выступлений были актуализированы жгучие проблемы, волновавшие Достоевского-публициста и художника и сохранившие свой злободневный характер в наше время: это прежде всего доклады О.Ю. Юрьевой («Художественное и публицистическое осмысление феномена русского “самоотрицания и саморазрушения” в творчестве Достоевского») и Л.И. Сараскиной («Церковь и общество в публицистике Достоевского и А.И. Солженицына»), страстно говорившей о том, что на новом витке истории размышления автора «Братьев Карамазовых» о церкви и государстве вновь оказываются в центре общественного внимания и интереса.

Поразительную перекличку явлений «берлусконщины» и «карамазовщины» раскрыл в ярком докладе «Великий инквизитор и этико-политическая жизнь современной Италии» С. Алоэ. Оказывается, Сильвио Берлускони в 1980 г. написал предисловие к итальянскому изданию тетрадей и черновиков Достоевского, усвоил некоторые его идеи и превратился в известной мере в «ипостась Великого инквизитора».

Среди новых аспектов изучения наследия Достоевского, нашедших отражение в материалах симпозиума, заметно повышенное внимание к визуальной поэтике романиста и публициста, в том или ином ракурсе рассмотренной во многих докладах. Достоевский представлен в них как великий живописец словом, который прежде всего обращается к зрению читателя, к его способности видения. И хотя визуальные образы Достоевского определяются исследователями не одинаково (как «словесные иконы», «картины», «эмблемы», виды «экфрасиса»), это разные языки описания одного и того же художественного феномена. О нем говорил Э. Димитров, назвавший роман Достоевского «романом-иконой» с учетом реализации ее изобразительных принципов; в аналогичном духе высказался

и В.Н. Лепахин в докладе «Икона в поэтике “Дневника писателя”»; Т.А. Касаткина осуществила в своем докладе презентацию грандиозной выставки «Живет в тебе Христос. Достоевский: образ мира и человека: икона и картина»; как важнейший фактор смыслопорождения охарактеризовала поэтику визуальности в романе «Преступление и наказание» О.В. Седельникова; о картине в концепции героя романов Достоевского, С. Моэма и Дж. Фаулза шла речь в докладе Л.П. Щенниковой; роль таких визуальных знаков, как взгляд, жест, мимика, поклон на примере анализа сцены суда над Дмитрием Карамазовым попытала выявить Е. Иванцова; об интермедиальном коде произведений из «Дневника писателя» говорила В.В. Борисова, имея в виду соединение визуальности и музыкальности в нем; художником — «рисовальщиком с натуры» назвала Достоевского Р. Казари; к источникам художественной ауры в «Дневнике писателя» отнесла эфрастичные природные образы Е.В. Степанян-Румянцева. Таким образом, налицо зримый поворот от изучения вербальной поэтики писателя к визуальной, связанный с культурным поворотом в целом от слушания к видению.

Большой интерес вызвали и другие выступления, в которых рассматривались вопросы вне проблематики «Достоевский и журнализм». Б.Н. Тихомиров в докладе «“Кто же это так смеется над человеком?” (Мотив “онтологической насмешки” в творчестве Достоевского)» проследил присутствие в мировоззрении ряда героев «великого пятикнижия», от Ипполита Терентьева до Великого инквизитора, гностической составляющей; К.А. Степанян сопоставил художественную антропологию Шекспира, Сервантеса, Бальзака, Достоевского и Маканина, по поводу которого, однако, во время дискуссии был задан вопрос, правомерно ли ставить в один ряд с величайшими мировыми классиками современного беллетриста. Высоким был уровень докладов, выдержаных в строгом академическом стиле. Так, Л. Федорова с чрезвычайной искусностью и тонкостью вскрыла в романе «Иди-от» систему взаимосвязанных подтекстов, включающую в себя «Золотой горшок» Э.-Т.-А. Гофмана и «Золотого осла» Апулея. По сути, американская коллега выявила причудливую трансформацию глубинных фабульных мотивов в произведении Достоевского. Аналогичный лабиринт сцеплений — от метафорических до предельно символических — в «Братьях Карамазовых» на примере варьирующегося мотива «камня» самым блестящим образом рассмотрела В.Е. Ветловская.

Бенами Баррос Гарсиа в своем докладе о трех маркерах-операторах в художественных текстах Достоевского показал рецептивное значение выражений «как бы», «как будто» и «вдруг» для читателя, испытывающего в результате своего рода психологический шок.

Ограничным дополнением заседаний симпозиума стали круглые столы, которые провели Каталин Кроо и Карен Степанян на тему «Современные тенденции в достоевистике», Игорь Волгин и Уильям Миллс Тодд III на тему «Достоевский-художник и Достоевский-публицист: тождество, расхождение, противоположность?». В ходе жаркой дискуссии возобладало мнение о литературном журнализме и журналистской литературности Достоевского.

Столь обильный научный урожай, собранный преимущественно отечественными учеными, еще раз подтвердил своеобразный ренессанс современного до-

стоевсковедения, знаковым выражением которого и стал московский симпозиум Общества.

По традиции во время работы симпозиума, 10 июля, была проведена генеральная ассамблея Общества. С отчетом о деятельности Международного общества Достоевского в последние три года, прошедшие после неапольского форума 2010 г., выступила президент Общества Дебора Мартинсен. Восьмой президент Общества со времени его основания, Д. Мартинсен занимала этот пост два срока (2007–2010 и 2010–2013 гг.) и на генеральной ассамблее в Москве сложила свои полномочия. Новым, девятым президентом Общества был избран российский ученый В.Н. Захаров. На генеральной ассамблее также было определено место проведения следующего симпозиума Общества, который состоится в 2016 г., — Гранада (Испания).

Богата была и культурная программа симпозиума, в подготовке которой принял участие Государственный литературный музей (директор Д.П. Бак). Для гостей форума 10 июля было организовано посещение Музея-квартиры Ф.М. Достоевского на Божедомке — в левом флигеле бывшей Мариинской больницы для бедных, где служил отец писателя М.А. Достоевский. 11 июля участники симпозиума присутствовали на открытии специально приуроченной к этим дням выставки из собрания Гослитмузея ««Всё мною собранное...»: Из коллекции А.Г. Достоевской» (Петровка, 28).

Кроме того, в последние дни работы симпозиума — 12 и 13 июля — было проведено выездное заседание в Российской государственной библиотеке (Пашков Дом), где при участии оркомитета была подготовлена уникальная выставка рукописей и мемориальных вещей («каторжный» Новый Завет) Достоевского, а также состоялась экскурсия участников форума в усадьбу Достоевских Даровое (Зарайский район Московской области). Гости Дарового совершили поездку по дороге детства великого писателя с остановкой в Бронницах, которые связаны с именем Н.Д. Фонвизиной — близкого адресата Достоевского в годы омской каторги: здесь она жила в имении Марьино, здесь похоронены оба ее супруга — М.А. Фонвизин и И.И. Пущин.

В Даровом у памятника Достоевскому участников симпозиума встретили студенты-волонтеры Московского государственного областного социально-гуманитарного института (Коломна), Поволжского государственного университета сервиса (Тольятти), учащиеся гимназии № 8 города Коломны. С приветствием к гостям Дарового обратился глава администрации Зарайского муниципального района А.В. Еванов, директор Историко-архитектурного, художественного и археологического музея «Зарайский кремль» И.А. Боголюбская.

Вице-президент Российского общества Достоевского, председатель правления Некоммерческого партнерства «Заповедное Даровое» профессор В.А. Викторович провел для участников симпозиума экскурсию по усадьбе Даровое. В рамках презентации проекта «Заповедник Даровое» гостям были предложены разные варианты экскурсий: традиционная с гидом либо индивидуальная с картой-схемой мемориальной территории. На различных музеиных объектах посетителей встречали студенты-волонтеры, которые подробно рассказывали об истории и значении данного места, направляли гостей по маршруту.

В усадебном саду участники симпозиума имели возможность познакомиться с проектом развития усадьбы как музея-заповедника Достоевского. В оригинальной форме была показана история Дарового и окрестностей, их значение в судьбе и творчестве Достоевского: на стогах сена были размещены баннеры с веселой графикой работы А. Бессоновой, каждый из объектов рассказывал о даровских событиях в жизни будущего писателя. Старая яблоня в саду была увешана хронологическими гирляндами, повествующими о событиях в истории Дарового начиная с XVI в. и заканчивая нашим временем. Здесь же разместился большой стол музея «Коломенская пастила», предлагавшего любимую пастилу Достоевского, приготовленную по историческим рецептам.

Затем гости Дарового посетили Свято-Духовский храм в соседнем селе Моногарове. Достоевские были прихожанами этого храма, здесь на церковном погосте похоронен отец писателя Михаил Андреевич Достоевский. У кенотафа настоятель Свято-Духовского храма протоиерей Григорий Решетов отслужил краткий молебен, после чего участники симпозиума присутствовали в храме на панихиде по семье Достоевских. В настоящее время Свято-Духовский храм находится на реставрации, однако силами студентов-волонтеров и местных жителей церковная территория содержится в идеальном порядке. В Моногарове гости узнали о реализации большого проекта по увековечиванию памяти родителей Достоевского. Она ведется по инициативе НП «Заповедное Даровое» при поддержке Зарайского благочиния, местных властей, МГОСГИ, Благотворительного фонда Серафима Саровского, МУП «Контур» (Коломна). Это создание фамильного некрополя при Свято-Духовском храме и Михайло-Мариинской обители памяти Михаила Андреевича и Марии Федоровны Достоевских.

Большим подарком для гостей стала новая асфальтовая дорога по Моногарову, построенная к открытию симпозиума в рамках губернаторской программы «Дороги Подмосковья». Заключительной частью большой поездки стало посещение Зарайского кремля и исторического центра Коломны — мест, где бывал Достоевский в детстве. Все участники симпозиума получили в подарок сборник научных статей «III Летние чтения в Даровом: К 90-летию Музея Достоевского в Даровом» (Коломна, 2013).

Культурная программа в усадьбе Даровое была подготовлена Некоммерческим партнерством «Заповедное Даровое» при поддержке Государственного литературного музея, Российского общества Достоевского, Культурного центра «Лига», музея «Коломенская пастила», ФГУП им. К.А. Мерецкова, Администрации сельского поселения «Струпинское» Зарайского района, МГОСГИ (Коломна).

14 июля 2013 г., в последний день симпозиума, Государственным литературным музеем была организована поездка участников форума в Переделкино с посещением музеев Б.Л. Пастернака и К.И. Чуковского. Желающие также могли посетить новую экспозицию Дома-музея А.И. Герцена в Сивцевом Вражке.

На этом XV симпозиум Международного общества Достоевского завершил свою работу.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ СЕМИНАР
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ.
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ»

Москва. Февраль — ноябрь 2013

В 2013 г. в Доме русского зарубежья начал свою работу постоянный научно-популярный семинар «Русское зарубежье. Неизвестные страницы». Дав такое широкое название семинару, его кураторы ученый секретарь Мария Васильева и заведующий отделом литературы и печатного дела российского зарубежья Олег Коростелев преследовали цель затронуть самые различные проблемы изучения русского зарубежья, в то же время объединяющим началом крайне многообразной тематики в этом проекте должен был служить принцип новизны. Семинар предполагает также и подвижную форму подачи материала — от музыкальных и кинопремьер до презентаций архивных разысканий, электронных ресурсов и новых изданий, от открытых лекций до камерных круглых столов и коллоквиумов.

Первым заседанием, прошедшим *18 февраля*, стал музыкально-литературный вечер «*Ave Roma*»: «Римские сонеты» Вячеслава Иванова», подготовленный организаторами семинара совместно с Исследовательским центром Вячеслава Иванова в Риме. Поэтический цикл, озаглавленный В.И. Ивановым в первой редакции «*Ave Roma*» (с подзаголовком «Римские сонеты»), был создан в Риме в конце 1924 г. Этот цикл занимает значительное место в зрелом творчестве поэта и шире — в европейском «римском тексте» XX в. В Доме русского зарубежья при большом стечении слушателей состоялась московская премьера «Римских сонетов» В.И. Иванова, положенных на музыку А.Т. Гречаниновым. Создание Гречаниновым в конце 1930-х гг. музыки на пять стихотворений из цикла «Римские сонеты» — важнейший эпизод в отношениях композитора и поэта, которых долгие годы связывала дружба. Гречанинов, вдохновленный поэзией Иванова, создал сперва два музыкальных произведения и послал их другу в Италию. Поэт в свою очередь откликнулся со-творчеством — так появился законченный цикл из пяти песен. Вячеслав Иванов мечтал, чтобы эти сонеты были исполнены в Вечном городе, однако Вторая мировая война внесла свои коррективы. Впервые эти произведения прозвучали в России сначала в Санкт-Петербурге в 2008 г., потом в Москве в Доме русского зарубежья. На вечере были также исполнены «римские» и «греческие» тексты поэта на музыку Н.Я. Мясковского и А.С. Лурье. Формат научного семинара значительно повлиял и на форму подачи материала. Исполнение музыкальных произведений (Юрий Серов — фортепиано, Мила Шкиртиль — меццо-сопрано) было вплетено в научную дискуссию на тему «Рим в русской мысли», в которой приняли участие Андрей

*Музыкально-литературный вечер «“Ave Roma”:
“Римские сонеты” Вячеслава Иванова». 18 февраля 2013*

Выступает Андрей Шишкин

Алексей Юдин, Павел Дмитриев

Семинар «Русская Италия: проблемы изучения». 15 апреля 2013

*Виктор Москвин, Стефано Гардзонио,
Бьянка Сульпассо*

Адриано Дель Аста

Максим Амелин, Ярослав Леонтьев

Шишкин (директор Исследовательского центра Вячеслава Иванова в Риме), Павел Дмитриев (заведующий Музыкальной библиотекой Санкт-Петербургской академической филармонии им. Д.Д. Шостаковича), Алексей Юдин (историк, журналист, доцент Центра изучения религий РГГУ). Кроме того, Павел Дмитриев представил на вечере подготовленное им издание «Поэзия Вячеслава Иванова в русской музыке: Нотографический справочник прижизненных публикаций 1913–1948» (СПб.: Изд-во Тимофея Маркова, 2013), работа над которым началась во многом благодаря возрождению в России «Римских сонетов» как музыкального проекта.

15 апреля на втором заседании семинара под знаком темы «Русская Италия: проблемы изучения» прошло обсуждение книги Стефano Гардзонио и Бьянки Сульпаско «Осколки русской Италии: Исследования и материалы: Кн. 1» (М.: Викмо-М : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Русский путь, 2011). Поздравив итальянских коллег с выходом книги в свет, директор Дома русского зарубежья Виктор Москвин заметил, что ее авторы «провели фундаментальнейшую работу, внесли огромный вклад в изучение не только итальянского зарубежья, но и русского зарубежья в целом». Как совместный проект двух институций — Дома русского зарубежья и Пизанского университета — издание вышло в монографической серии ДРЗ «Ex cathedra», призванной наиболее широко представить научную работу отечественных и зарубежных ученых, создавших комплексные исследования, посвященные русскому рассеянию. Книга была написана специально для серии, стала пятым ее выпуском, подведя итог многолетней работы авторов и значительно расширив диапазон научной серии ДРЗ. «Книга, которая только что родилась, на самом деле создавалась долго, — заметил автор, профессор Пизанского университета Стефano Гардзонио. — Она основывается на нашей многолетней работе в итальянских, российских и американских архивах, в частности в Центральном государственном архиве Италии, в ГА РФ, в архиве Гуверовского института войны, революции и мира. Эта книга вписывается в более широкий проект “Russi in Italia”, который ведется уже 10 лет на кафедрах различных итальянских университетов, в частности в Университете Венеции, Университете Салерно, Миланском университете». О русской колонии в Риме был представлен обстоятельный доклад автора книги, доцента Университета г. Мачерата Бьянки Сульпассо. Взяв Читальню имени Н.В. Гоголя за условную точку отсчета, докладчица выстроила топографию русского Рима, его культурных центров. Ценной репликой на этот доклад стало предложение российского историка Алексея Юдина подумать над проектом виртуальной карты русского Рима, который бы вился в масштабный виртуальный проект «Russi in Italia». Директор Итальянского института культуры в Москве профессор Адриано Дель Аста представил в своем сообщении широкую картину влияния русской философии на итальянскую и шире — европейскую мысль. «Без русских в Европе сегодня невозможно было бы вообразить западную философию и теологию вообще, был бы беднее наш взгляд на современный мир, у нас было бы меньше шансов выйти из угнетающего кризиса европейской культуры и восстановить идентичность Европы, опустошенную сегодня глобализацией», — заметил он. Поэт, переводчик, главный редактор издательства «ОГИ» Максим Амелин подробно остановился на

нескольких персонажах, представленных в книге (Владимире Жаботинском, Нине Петровской и Владимире Френкеле), заметив, что труд итальянских ученых заставил совершенно по-новому взглянуть на этих известных людей. На семинаре, посвященном проблемам изучения русской Италии, были представлены различные проекты по данной тематике: доцент МГУ Ярослав Леонтьев сделал презентацию ряда изданий; старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького (РАН) Марина Ариас-Вихиль подробно рассказала о фундаментальном проекте института «Архив Горького» и о планах издания книги «Горький в Италии».

27 мая в рамках работы семинара состоялся круглый стол «Итоги и перспективы изучения русского зарубежья», а также презентация книги Олега Коростелева «От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья» (СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2013). Выход книги, по признанию автора, стал формальным поводом бросить ретроспективный взгляд на «постперестроечный» период изучения литературы «другой России». Приглашая к разговору ведущих исследователей русского зарубежья, кураторы семинара названием заседания заранее обозначили проблемное поле. Двадцатипятилетний период изучения русского зарубежья, кропотливая источниковедческая, текстологическая и публикаторская работа ставят перед современным исследователем новые вопросы: можно ли сегодня подводить итоги? пришло ли время переходить к следующим — обобщающим — этапам изучения материала или время обобщений еще не пришло и надо продолжать работать в привычных жанрах? В работе круглого стола приняли участие Александр Николюкин (ИНИОН РАН), изатель Модест Колеров, Иван Толстой («Радио Свобода»), Дмитрий Николаев (ИМЛИ РАН), Лев Мнухин (Мемориальный дом-музей Марины Цветаевой в Большеве), Любовь Хачатурян (РГАЛИ), Анастасия Гачева (ИМЛИ РАН), Михаил Рейзин («Издательство имени Н.И. Новикова»), Вячеслав Нечаев (Библиотека СТД). Каждый из участников связан с инициацией и разработкой масштабных научных проектов, в значительной мере повлиявших на развитие и современное состояние эмигрантоведения. Директор Дома русского зарубежья В.А. Москвин, приветствуя гостей и приглашенных коллег из ведущих российских учреждений культуры, поблагодарил устроителей семинара за его «высокую планку». «Точка зрения специалистов и исследователей русского зарубежья, — заметил Виктор Москвин, — очень важна для всего нашего сообщества — сообщества людей, изучающих ту, другую, Россию». Поставленный вопрос о своевременности обобщающей работы разделил мнения участников дискуссии на диаметрально противоположные, — от сакраментальной реплики Модеста Колерова: «Какие обобщения?! Мы должны спасать то, что уже рассыпается в руках!» и замечания Льва Мнухина: «Мы не можем заниматься обобщающими работами — мы сохраняем то, что есть: например, описываем русские кладбища в Париже, Гренобле и других местах русского рассеяния на французской земле» до призыва Ивана Толстого: «Обобщающие труды по истории литературы русского зарубежья нужно издавать непрерывно, поскольку это есть “бесконечный процесс познания”» и предложения Анастасии Гачевой создать не только единый цифровой фонд литературного наследия русской эмиграции, но даже единую базу

Круглый стол «Итоги и перспективы изучения русского зарубежья».
27 мая 2013

Иван Толстой, Виктор Москвин,
Олег Коростелев, Мария Васильева,
Михаил Рейзин, Лев Мнухин,
Дмитрий Николаев

Олег Коростелев

характерных ошибок: «Наши исследования тормозятся разбросанностью материала по странам и континентам, — пояснила свою идею А.Г. Гачева, — исследовательская разобщенность влияет на немалое количество ошибок в информационных изданиях, которые кочуют из книги в книгу».

18 октября очередное заседание проходило в формате международного научного коллоквиума «Роман Якобсон, Дмитрий Чижевский и пути становления филологии русского зарубежья: поиски, диалоги, конфликты». Дмитрий Иванович Чижевский (1894–1977) — универсальный ученый ушедшего столетия и одна из наиболее привлекательных для современных исследователей фигур из

Международный научный коллоквиум «Роман Якобсон, Дмитрий Чижевский и пути становления филологии русского зарубежья: поиски, диалоги, конфликты». 18 октября 2013

Томаш Гланц, Ирина Валявко, Оксана Блашків, Роман Мних, Олег Коростелев,
Данута Шимоник, Евгений Пшеничный, Владимир Янцен

славистов русского зарубежья — до сих пор остается для широкого российского читателя неизвестным феноменом, «неизвестной страницей». Большая часть его блестящих программных трудов, посвященных Я.А. Коменскому, Г. Сковороде, немецкой философии и русской классической литературе, не опубликована в России, его архивное наследие разрабатывается у нас в стране благодаря усилиям нескольких подвижников-энтузиастов, причем наиболее значимая в России публикация архивных материалов, подготовленная Владимиром Янценом, состоялась благодаря Дому русского зарубежья и издательству «Русский путь»: «Чижевский Д.И. Избранное. Материалы к биографии: (1894–1977)» (М., 2007). Более оптимистично эта картина выглядит в Германии, Польше, Чехии и на Украине, где наследие выдающегося гуманитария-энциклопедиста последовательно вводится в научный оборот благодаря многочисленным публикациям, монографиям и международным конференциям. Коллоквиум и последовавшая за ним научная дискуссия были выстроены через призму отношений Дмитрия Чижевского с крупнейшим лингвистом и литературоведом XX в. Романом Осиповичем Якобсоном (1896–1982). В работе семинара приняли участие ведущие исследователи наследия Д.И. Чижевского и Р.О. Якобсона: Томаш Гланц (Берлинский университет им. Гумбольдта) — доклад «Якобсон и Чижевский: две концепции славянской компаративистики»; Владимир Янцен (Галле / Заале) — доклад «Якобсон и Чижевский:

история двух несостоявшихся книг “Диалектика языка” и “Западнославянская средневековая литература”; сотрудники Института неофиологии и междисциплинарных исследований Естественно-гуманитарного университета Седльце (Польша) Роман Мних — доклад «Роман Якобсон и Дмитрий Чижевский: востребованность имен в современной науке», Оксана Блашків — доклад «Славистика и слависты Гарварда: Дмитрий Чижевский и Роман Якобсон» и Данута Шимонник — доклад «Модернизм в славянских литературах в свете научной рефлексии Дмитрия Чижевского». К научному диалогу были также приглашены украинские ученые Ирина Валявко (Институт философии им. Г.С. Сковороды Национальной академии наук Украины) — доклад «*Pro et contra: Дмитрий Чижевский и Роман Якобсон (заметки к биографии)*» и Евгений Пшеничный (Институт франкознавства при Дрогобычском гос. педагогическом ун-те им. Ивана Франко) — доклад «Новые материалы о связях Д. Чижевского с украинскими учеными». Российское чижевсковедение было представлено докладом Александры Тоичкиной (СПГУ) «Понятие реализма в работах Р.О. Якобсона и Д.И. Чижевского».

15 ноября состоялось пятое заседание семинара, на котором прошла презентация новых книг, подготовленных Сергеем Федякиным и Николаем Мельниковым — сотрудниками отдела литературы и печатного дела российского зарубежья научно-исследовательского центра ДРЗ. Издание мемуарной прозы Г.В. Иванова «Китайские тени: мемуарная проза», составленное и комментированное С.Р. Федякиным (М.: АСТ, 2013), и книга Н.Г. Мельникова «Портрет без сходства. Владимир Набоков в письмах и дневниках современников (1910–1980-е годы)» (М.: Новое литературное обозрение, 2013) послужили актуальным поводом для проведения круглого стола на тему «Правда и вымысел в жанрах документальной прозы: мемуары, письма, дневники русского зарубежья». Очевидно, что появление большого количества мемуаров в русском зарубежье — это отдельный феномен и масштабная тема для исследователей (не случайно за последние годы прошло несколько научных конференций, посвященных воспоминаниям «другой России»). Мемуарами русская эмиграция словно подводила черту под целым отрезком времени, «закрывала» эпоху. Однако насколько точны были эти описания? Став для современного читателя одним из самых привлекательных направлений литературы русского зарубежья, документальная проза прочно заняла приоритетные позиции и в книгоиздании постперестроечной поры. История русского зарубежья во многом воссоздается отечественным читателем по мемуарам изгнанников. Вместе с тем вопрос о соотношении правды и вымысла в этих книгах был поставлен уже самой русской эмиграцией, и дискуссии после выхода в свет очередной книги воспоминаний нередко перерастали в самую жесткую polemiku. Вопрос о правде и вымысле остается одним из центральных в рецепции этого литературного наследия и по сей день. В последовавшем за презентацией круглом столе приняли участие сотрудники ДРЗ Сергей Федякин, Николай Мельников, Олег Коростелев, Мария Васильева, а также Лина Целкова (МПГУ), Игорь Болычев (Литературный институт им. А.М. Горького) и сотрудники ИМЛИ РАН Анастасия Гачева и Евгения Иванова.

Круглый стол «Правда и вымысел в жанрах документальной прозы: мемуары, письма, дневники русского зарубежья». 15 ноября 2013

Сергей Федякин, Николай Мельников, Олег Коростелев, Мария Васильева

Научно-популярный семинар «Русское зарубежье. Неизвестные страницы» сразу привлек внимание не только ведущих специалистов, но и широкой общественности, заседания проходили неизменно при большом количестве слушателей и при самом живом участии аудитории в дискуссии. Этот проект значительно расширил научно-образовательную работу Дома русского зарубежья, стал своеобразным перекрестьем самых различных тем, научных проектов и школ.

M.A. Васильева

СЕМИНАР ПО НАСЛЕДИЮ МИТРОПОЛИТА АНТОНИЯ СУРОЖСКОГО

Москва

Семинар по наследию митрополита Антония Сурожского проводится в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына уже более пяти лет, с марта 2008 г. Организуют его совместно ДРЗ и фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского»; ведущие: кандидат философских наук Н.В. Ликвинцева и кандидат биологических наук Е.Ю. Садовникова; было проведено уже 25 заседаний.

Сама идея проведения такого семинара была связана со стилистическими особенностями творческого наследия митрополита Антония. Дело в том, что владыка никогда неставил себе целью систематически излагать богословские или религиозно-философские положения и не считал себя богословом: все оставшиеся нам тексты — это, как правило, расшифровки устных бесед, лекций и проповедей, обращенных к конкретным людям. Это слово прежде всего пастырское, подтвержденное жизнью говорящего и сказанное из глубоко личного опыта, чем и обусловлена сила его влияния на слушателей и читателей (известно, как много людей, услышав или прочитав слова митрополита Антония, пришли к вере и в корне изменили свою жизнь). Однако, вчитываясь в эти уже ставшие напечатанными тексты, многие замечают в них удивительные богословские и религиозно-философские идеи и построения, исходя из которых можно говорить об особенностях и новизне антропологии и экклезиологии митрополита Антония и шире — об особенностях и отличительных чертах его богословия. Собственно, поиск таких отличительных черт, их «вычитывание» из живых и действенных пастырских текстов владыки, их анализ и систематизация и стали первичной и основной задачей нашего семинара.

Постепенно складывалась и вычленялась и сама структура работы такого семинара. Поскольку, исходя из поставленных задач, основным в такой работе становится внимательное чтение и анализ текстов, то к каждому семинару заранее выбирается один-два текста митрополита Антония (по выбранной теме), которые вместе с анонсом семинара заранее вывешиваются на сайтах ДРЗ и фонда, а в анонсе дается всегда библиографическая ссылка на данный текст, чтобы каждый желающий мог его заранее прочитать. Кроме того, чтобы такое чтение было максимально плодотворным, организаторы заранее продумывают вопросы для обсуждения, которые также включаются в анонс.

Чтобы можно было сосредоточиться на какой-то одной части богословского наследия митрополита Антония, темы семинаров объединяются в циклы. Наиболее плодотворным оказалось объединение в одно целое цикла семинаров и готовящейся конференции (которые проходят в ДРЗ раз в два года), когда семинар становится

плодотворной подготовительной работой, предваряющей собой конференцию, помогающей четче выделить проблематику и круг тем для предстоящего обсуждения; иногда, когда чувствовалось, что тема конференцией не исчерпана, мы продолжали обсуждение заявленной тематики и после конференции. Были проведены следующие циклы семинаров: «Цельность человека: дух, душа, тело» (обсуждаемые темы: православная философия материи; дух, душа, тело; психология и духовный опыт; самопознание); «Цельность человека: путь ученичества» (темы: молодежь и Церковь; ученик и учитель; научное образование и духовная жизнь; достоинство человека); «Человек в общении» (темы: общение и благодарение в антропологии митрополита Антония; искусство как общение, Евхаристия и преодоление разделенности); «Церковь — Богочеловеческое общество» (темы: литургия; взаимоотношение Церкви и мира; духовность и духовничество; молитвенное представительство; опыт гонимой Церкви; возвращение к первохристианству; Богооплощение в его связи с антропологией); «Учиться видеть» (темы: видение владыки и опыт его прихода; монашество в миру и идеал вселенского православия; победа над смертью; опыт красоты; слово и образ; человек страдающий: жизнь или выживание?).

Поскольку митрополит Антоний никогда не говорил абстрактно, а всегда только из гущи своего собственного жизненного опыта, только то, что не просто продумано, но глубоко пережито, то в выборе докладчиков организаторы также руководствовались императивом необходимости личного опыта. Наиболее плодотворным оказалось приглашать докладчиков, не только любящих слово владыки, многие годы размышляющих над ним, но размышляющих над ним из точки своего собственного опыта,озвучного тому, о чем говорил и думал митрополит Антоний. Поэтому на семинаре выступают не только философы и богословы (бibleист А.И. Шмаина-Великанова, философ А.С. Филоненко), но и врачи (сотрудница хосписа Фредерика де Граф, психиатр Б.А. Воскресенский, кардиолог С.П. Постольников, педиатр А.А. Сонькина), психологи (Б.С. Братусь, Н.В. Инина), священники (прот. Александр Борисов, прот. Владимир Архипов, прот. Владислав Каходский, прот. Кирилл Каледа, прот. Георгий Митрофанов и др.), художники, размышлявшие над опытом красоты (Александр Корноухов, Елена Утенкова-Тихонова, Михаил Тихонов, Константин Сутягин), поэты и писатели, размышлявшие о слове и образе (поэт, священник Сергей Круглов, писатель Майя Кучерская), педагоги (В.Г. Степаничева, Е.П. Морозова), филологи и искусствоведы. Основу каждого семинара составляют один или два доклада, сделанные в опоре на выбранные заранее и прочитанные всеми участниками тексты и на заранее данные вопросы, выступление содокладчиков, обсуждение докладов и выступления с репликами из зала. Кроме того, каждый семинар предваряется небольшим видеофрагментом по выбранной теме, в котором звучит живое слово митрополита Антония.

Особенно важными стали выступления специально приезжавших на семинар духовных чад и учеников митрополита Антония, не просто размышлявших над его словом, но хорошо знавших владыку: лингвиста Ирины фон Шлиппе (Лондон), физика Владимира фон Шлиппе (Лондон), социолога Амал Дибо (Бейрут), филолога Аврил Паман (Дарем), протодиакона Петра Скорера (Эксетер). Их анализ текстов и тем митрополита Антония подтверждался личным и многолетним опытом общения с владыкой, влиянием его слова на саму жизнь выступавших.

Н.В. Ликвинцева

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

Мошин Владимир, пром. Воспоминания / изд. подгот. Ж.Л. Левшина и Е.А. Пережогина. — Осташков: Цветослов, 2012. — 224 с.: ил.

Владимир Алексеевич Мошин, славист и византолог, археограф, протоиерей, прожил почти целое столетие (1894, Петербург — 1987, Скопье). Его воспоминания охватывают всю сознательную жизнь ученого и священника, с младенчества до 1980 г., и были надиктованы почти ослепшим автором близким, прежде всего сестре, Г.А. Карповой. Мемуары сохранились в нескольких машинописных копиях (подготовившие издание Ж.Л. Левшина и Е.А. Пережогина называют шесть известных им экземпляров). Два из них хранятся в бывшей Югославии, в Городской библиотеке г. Панчево (Сербия) и в Государственном архиве Республики Македония; есть косвенные указания на то, что последний из названных экземпляров — рукописный оригинал (с. 8). Остальные четыре находятся в России, три из них — в Петербурге (два в РО РНБ и один в Пушкинском Доме). Именно петербургские копии и легли в основу «давно назревшего» в России издания, и нельзя не быть искренне благодарным всем, кто его осуществил. В переводе на сербский язык и озаглавленные «Под грузом» мемуары вышли уже несколько лет назад¹.

Публикаторы оговаривают те исправления и дополнения, которые они внесли в печатный вариант, сверив доступные им копии мемуаров В.А. Мошина. Воспоминания выпущены без комментариев, однако снабжены двумя указателями — личных имен² и географических названий. Издание не фототипическое, поэтому не может не ввести в заблуждение неожиданное указание времени и места написания воспоминаний, предваряющее основной текст издания: Ленинград, 1980. Мемуарист озаглавил только первые четыре части своих воспоминаний, остальной текст разбит на главы публикаторами, определившими и хронологические рамки каждой из них, что делает удобным пользование книгой. Кроме того, она

¹ *Мошин В.А. Под теретом: Аутобиографија / превод и коментари Н. Палибрк-Сукић. Панчево, 2008.*

² Он нуждается в незначительной корректировке; так, кажется совсем нерелевантной «Аспазия, крестьянка» (вовсе не возлюбленная Перикла, а предприимчивая довоенная гречанка), а имя историка Флоровского следует исправить: «Антоний», а не «Анатолий» (с. 115).

иллюстрирована фотографиями; но только о тех, которые вынесены на обложку, сказано, откуда они (из личного архива А.В. Тарасьева, Белград).

Сколько бы воспоминаний ни было уже издано и прочитано, неизменным остается исходящее от них ощущение светлой, радостной жизни в России рубежа веков, катастрофически разрушенной войнами и революциями. Детство вновь окрашено празднично; усадебные пасторали, литературные и музыкальные увлечения, насыщенное образованием и культурой существование интеллигентской среды, даже в провинциальном захолустье, позволяют почувствовать невыносимое счастье бытия. Ни надрывов и «бесов» по Достоевскому, ни чеховских скучных людей, все пронизано добротой, искренностью, интеллектуальными и эстетическими интересами, все живут «очень весело и дружно» (с. 43). Несмотря на простоту повествовательного слога, страницы детства и юности оставляют чарующее впечатление, ведь чувствовать и понимать жизнь как чудо дано очень немногим.

Отучившись год на историко-филологическом факультете Петербургского университета, Владимир Мошин добровольцем поступил в армию, хотя студенты не подлежали мобилизации. Мемуарист сначала оказался в армии Брусилова, он рассказывает о своем участии в операциях на русско-австрийском фронте, упоминая ряд населенных пунктов в Польше и проявляя неуверенность в написании одного — Ярослава (взятого 20 сентября 1914 г.)³. В сербском издании воспоминаний Мошина напечатано «Ярославль», а отечественные публикаторы ограничиваются простой констатацией, что в доступных им экземплярах подобное написание либо зачеркнуто ученым, либо он, не полагаясь на стареющую память, оставил пустое место (с. 45). Кавказская страница в военной службе Мошина также грешит ошибками в именах собственных. Так, «последний русский городок, до которого доходила железная дорога», — это не Саракамыш, а Сарыкамыш. Несмотря на успехи русской армии на этом направлении, после Первой мировой войны город отошел к Турции (ныне горный курорт). Далее Мошин пишет о своем назначении «в 155-й пехотный Кубанский полк» и упоминает ротного командаира поручика «Боркадзе»; оговорено, что в одном из экземпляров исправлено на «Бохрадзе» (с. 46–47). Между тем любой энциклопедический справочник, начиная с дореволюционных, подскажет, что в виду имеется грузинская фамилия Бакрадзе. Опираясь на данные «Общего списка офицерских чинов Русской Императорской армии» (СПб., 1909)⁴, можно попытаться установить имя погибшего на глазах В.А. Мошина весной 1915 г. на линии турецкого фронта офицера. В алфавитном указателе приведено пять офицеров по фамилии Бакрадзе. Однако в 155-м пехотном Кубанском полку поручик Бакрадзе в 1909 г. не значится. В Кубанском

---

³ Возможно, из-за этой неуверенности город даже не был включен в указатель географических названий. Кстати будет заметить, что и иные географические названия несут на себе следы смущения публикаторов: так, специально оговорено написание горы (собственно, горного массива) Биоково на хорватском побережье Адриатики (с. 142), а в указателе географических названий рядом с этим верным написанием поставлен знак вопроса (с. 216).

⁴ Доступен на сайте Центра генеалогических исследований: URL: <http://rosgenea.ru/file/book/4/3.pdf> (дата обращения 19 января 2014 г.).

пластунском полку служил в это время М.К. Бакрадзе; казачьи пластунские батальоны принимали непосредственное участие в боевых действиях на Кавказском фронте, особенно отличившись осенью — зимой 1914 г. в сражении именно под Сарыкамышем. Быть может, запомнилась фамилия (как видим, неточно). Осенью 1915 г., когда семья Мошиных переселилась в Киев, Владимир Мошин поступил в киевскую школу прапорщиков. В Киеве базировалась 33-я артиллерийская бригада, в которой служил поручик К.И. Бакрадзе. Значит, точность мемуарного рассказа не безусловна.

Первый боевой опыт имел для В.А. Мошина «большой внутренний смысл» (с. 49), во многом сходный с переживаниями молодого Льва Толстого в Севастополе. И полвека спустя он стремился избежать ошибок в рассказе о важнейших моментах своей жизни, уточнить имена и названия; публикаторы, посчитав, что главное — издать текст, проведя серьезную и тщательную текстологическую работу по сверке автографов, ошибки и неточности исправлять не стали. Огорчает не само отсутствие комментариев — это кропотливый труд, и далеко не все рукописные памятники эмиграции издаются с научным аппаратом. Но что-то проверить, установить и объяснить, безусловно, стоило, тем более, как видим, память порой подводила мемуариста.

Комментарии, кстати, чрезвычайно увлекательное занятие с неожиданными сцеплениями. Так, следующий раздел в книге, посвященный годам в самостийной Украине («не более чем идеалистическая национальная тенденция, выражавшаяся... в пении украинских песен», с. 56), очень выиграл бы от некоторых пояснений. В частности, Мошин рассказывает о своем опыте театральной работы, о постановке «в Киеве впервые и не сходившей со сцены весь осенний период» драмы «Царь Иудейский». Это пьеса К.Р. (великого князя Константина Константиновича Романова) на евангельский сюжет — о Страстной седмице; и пьесу, и авторские примечания к ней М.А. Булгаков использовал в работе над романом «Мастер и Маргарита». Семья Булгакова вернулась в Киев в феврале 1918 г.; будущий драматург, актер, режиссер и просто любитель театра, скорее всего, посещал популярный спектакль. Десять лет спустя Л.Л. Лукьянин, режиссер этого спектакля, поставил вместе с А.Я. Таировым булгаковский «Багровый остров» в московском Камерном театре.

Тем временем перипетии Гражданской войны превратили самого Владимира Мошина — студента, актера-любителя, офицера — в булгаковского героя. Защищая Киев от наступающих петлюровцев, он был тяжело ранен — пуля «раздробила одну кость, разорвав артерию, а другую пробила нас kvозь» (с. 59). Мошин попал в еще не эвакуированный немецкий госпиталь, и весь рассказ о тех печальных, хотя и героических днях оборачивается неожиданным реальным комментарием к булгаковской эпопее о Белой гвардии.

Беженство, эмиграция и почти случайное прибежище в Югославии, оказавшееся судьбой. Русская эмиграция в Югославии — явление хорошо известное, но требующее дальнейшего многопланового изучения. До сих пор многие документы, в том числе воспоминания, отложившиеся в архивах, по большей части личных, не разобраны, не изданы, не введены в читательский и научный оборот. Русская диаспора в Югославии — явление живое, потому что почти не прерыва-

лась — во всяком случае, драматически — бытийная и научная преемственность, а новые поколения послереволюционных эмигрантов органично включились в исследовательскую работу, где частное, семейное неотрывно от большой истории. В этом смысле опубликованные на родине мемуары В.А. Мошина — отца Владимира иллюстрируют уже известные факты из жизни русской diáspоры и открывают в ней новые черты, иные грани.

Каждое новое свидетельство — особое в матрице эмигрантского существования. Отрыв от отечества, от родной почвы, от языка и веры, от близких всегда драматичен, и потому особенно притягательны судьбы оказавшихся за пределами России русских людей, чье изгнанничество обернулось успехом, чьи личности состоялись в той или иной сфере литературы, культуры, науки. Открывая по мемуарам Владимира Алексеевича Мошина его биографию, поражаешься не столько событиям и встречам, сколько непрестанному движению, развитию этой деятельной, неизменно бодрой и твердой личности. *Erfülltes Leben*, как говорят о подобной полной, долгой, разносторонней жизни немцы. Того, что вместились в остановки на этом жизненном пути, хватило бы на десятки жизней.

Хорватский городок Копривница, 1920–1932 гг. Учительство в «низших классах» гимназии, причем «для пополнения числа часов» (с. 69) приходится преподавать чистописание и пение. Жена, верная спутница, Ольга Яковлевна Мошина, учит французскому языку во всех классах; но о французском понятия никто не имеет, и только старшеклассники называют известного им «Думаса», автора «Трех мушкетеров» (с. 68). Преподавательская работа радует, несмотря на то что «профессорские друштва» раздираемы политическими противоречиями. А жизнь русской колонии! «Все пели, многие играли, декламировали, танцевали» (с. 66). Конечно, тоска по родине — но они были молоды, устраивали вечера, концерты, ставили спектакли, даже «оперетту-мюзикл» «Пикник любви» собственного сочинения мемуариста (с. 67). Между тем — завершено образование, и вступление в русскую эмигрантскую академическую среду — при основополагающей «духовной поддержке» А.Л. Погодина⁵ (с. 72) — знаменует начало научной карьеры. Общества, съезды, заседания — так, страницы 74–75 почти полностью заняты перечнями выдающихся соотечественников, рассеянных по всему миру ученых различных специальностей. Защищена диссертация, сделан выбор в пользу византинистики. Русский научный институт, кстати, профинансировал летом 1931 г. поездку в Грецию. «Моему греческому языку в тот раз Афон мало помог, но там я всем существом реально ощутил духовный мир средневековья, истинную живую Византию...» (с. 82). В 1931 г., через десяток лет после того, как юноша без диплома, с одним чемоданчиком и молодой женой пересел в Константинополе на очередной пароходик и поплыл в Югославию, он становится доцентом Университета в Скопье, философский факультет которого к этому времени насчитывает столько же лет, сколько и эмиграция свежеиспеченного русского византолога.

Однако университетская карьера в тот раз оказалась скоротечной, а демонстрация копривницких старшеклассников «против тогдашнего белградского аб-

---

⁵ О нем подробнее см.: Лаптева Л.П. Русский историк-славист Александр Львович Погодин: Жизнь и творчество (1872–1947). М., 2011.

солютистского режима» (с. 87) привела к переезду в Панчево. Воспоминания о периоде «панчевско-белградской жизни» (с. 88), об интеллектуально-духовном русском круге, жившем «общими интересами — семейными, литературными, музыкальными и научными» (с. 88) цепны подробностями общения с корифеями русской и сербской гуманитарной науки и освещением переезда Института им. Н.П. Кондакова из Праги в Белград. Атмосфера большого взаимного интереса и доверия русских и сербов отражена в мемуарах как фон самозабвенной научной работы, и это как раз и становится главным показателем комфортного существования русских в Югославии и подлинного гостеприимства «югославов». С одной стороны, В.А. Мошин удовлетворенно отмечает, что сын Коля «рос как русский ребенок, в совершенстве владел русским языком, пользуясь детской и юношеской литературой из богатых белградских библиотек» (с. 88). С другой стороны, сам ученый с энтузиазмом погружается в изучение «сербской палеографии, дипломатики, сфрагистики и хронологии» (с. 92) по архивным источникам. «Органически слившись» (с. 103) с сербской средой, в тесных, во всех смыслах счастливых для обоих народов контактах жили русские ученые в Белграде; оставаясь русскими, служили Сербии и избранной науке.

Идиллия? Отнюдь. Получив все-таки профессорскую ставку в Скопье, Мошин вступает в «насыщенную враждебностью среду» факультета (с. 96), политически поляризованного в преддверии войны. В Скопье война семью Мошиных и застала в образе колонны немецких автомобилей, ворвавшихся со стороны болгарской границы и промчавшихся к Пелопоннесу: «На улицах было совершенно спокойно, так как никаких попыток сопротивления не было; не было ни одного выстрела, и публика ходила, с любопытством наблюдая маневры одетых как на параде завоевателей» (с. 99). Рассказывая о бомбардировке Скопье и о разрушении среди прочих здания издательства, где хранился тираж только вышедшей книги В.А. Мошина (в соавторстве с М. Пурковичем) «Хиландарские игумены», мемуарист сообщает, что переработкой этого «старого общего труда» (с. 100) занялась его ученица М. Неделькович-Живоинович. Для мемуариста это, очевидно, один из важнейших эпизодов жизни, запомнившийся по разным и неизменно драматическим причинам, поэтому стоит уточнить, что книга все-таки была переиздана⁶. Война принесла очередной раздор в «славянство». Выселение сербской интеллигенции из Македонии, болгаризация населения, прежде всего школы и церкви, задела и русских эмигрантов. Они не лишились работы (а В.А. Мошин даже получил предложение занять пост директора небольшого музея в Греции), печатались книги, по-прежнему функционировали театры и кинематографы, но «страшные катастрофы» (с. 103) затрагивали все население оккупированной страны. Погибла в огне от попавшей бомбы Национальная библиотека со всеми раритетами и рукописями, сгорел и Русский византологический институт в Белграде, не только с «драгоценной библиотекой», но и с «милыми людьми и друзьями» (с. 103). В эти гибельные времена «главным духовным прибежищем» (с. 104) стала Русская церковь. Мемуарист с большой нежностью рассказывает о русских приходах в

---

⁶ Мошин В.А., Пурковић М.Ал. Хиландарски игумани средњега века. Београд: Свети Синод Српске Православне Цркве, 1999.

Белграде, в том числе о мемориальной часовне, построенной на кладбище Ново-Гробле в 1935 г. на средства русских, проживающих в Югославии, и посвященной памяти русских солдат и офицеров, погибших в боях на Салоникском фронте в ходе Первой мировой войны⁷. Ежедневное посещение служб, и днем и вечером, участие в церковном хоре помогло «хорошо усвоить церковные службы» (с. 104); недостаток церковных знаний у прихожан были призваны восполнить богословские курсы, на которых преподавали и священники, и университетские профессора. «Параллельно с тем проходили у митрополита Анастасия закрытые собрания кружка видных ученых и общественных деятелей» с обсуждением «злободневных проблем мировой политики и церковной жизни» (с. 105). С закрытием богословских курсов некоторые слушатели приняли церковный сан и служили потом, без преувеличения, по всему миру. В 1942 г. и В.А. Мошин был рукоположен сначала в дьякона, а затем в иерея. Он не оставил научной работы, но отказался от приглашений в зарубежные научные центры, в Болгарии и Германии. Между тем за время войны русская профессура в Белграде «очень поредела. Петр Бернгардович Струве уехал в Париж и там умер, Степан [Михайлович] Кульбакин жил дома в одиночестве и занимался историей языка, Александр Львович Погодин доживал последние годы в тяжелой материальной и моральной обстановке» (с. 106)⁸.

Сразу после прихода советских войск русские эмигранты были арестованы, но В.А. Мошина отпустили почти сразу, после не то допроса, не то беседы с «очень симпатичным боевым офицером» (с. 107); священнический сан не вызвал подозрений, и больше семью Мошиных «никто не беспокоил»: «Советские власти проявили большую благожелательность в отношении к остаткам русской эмиграции», хотя «немалое число... известных по своей антисоветской общественной деятельности было арестовано и отправлено в Россию...» (с. 108). Русская белградская церковь перешла под юрисдикцию Московской патриархии, и ее священники (протоиерей, академик Иоанн Сокаль и молодые иереи, бывшие воины Добровольческой армии Владислав Неклюдов и Виталий Тарасьев, а также сам о. Владимир) стали ходатайствовать о советском гражданстве и получили его в 1947 г.

Война еще раз расколола русское общество, вновь разрушила домашние очаги и разбила семьи. Всего два абзаца (с. 108–109) посвящает мемуарист истории своих близких — сестер Кирьяновых, Ольги (своей жены) и Натальи, жившей с мужем, Н.П. Сивко, и сыном в эмиграции в Праге. Погруженная в жизнь русской православной общины в Белграде чета Мошиных уцелела, а на долю их пражских родственников выпали сложные коллизии: Н.П. Сивко был выслан в СССР, получил десять лет мордовских лагерей; его сын, инженер, перебрался с матерью

---

⁷ К сожалению, вкрашившиеся в текст воспоминаний ошибки не исправлены в издании: фронт назван Солунским (по славянскому названию греческого города), а цифра павших русских воинов многократно преувеличена — Первая мировая война в целом унесла примерно десять миллионов жизней. На постаменте памятника — снаряда, увенчанного крылатым ангелом с мечом, — выбиты дата «1914» и надпись: «Императору Николаю II и 2 000 000 русских солдат, отдавших жизнь за свободу Сербии».

⁸ Двум последним упомянутым выдающимся русским ученым — членам Академии наук Югославии — в Белграде уже в наши дни установлены памятные доски.

в Мюнхен, после ее смерти уехал в Аргентину, женился на богатой испанке, получил выгодное место в Венесуэле, куда к нему приехал получивший свободу отец. Мошины же потеряли единственного сына, который в конце войны уехал во Францию в расчете на поддержку некоторых «ученых знакомых» отца. Но, «не найдя ее», Николай Мошин вступил во французскую армию, попал в Алжир, затем в Сайгон, где умер от тропической болезни; он погребен на французском военном кладбище под плитой с надписью «*Mort pour la France*»... О.Я. Мошина — может быть, уже потеряв сына (семейная сага не строга хронологически), — отзывалась на хвастливое письмо племянника из Латинской Америки отповедью, одновременно характерной и для глубоко верующего человека, и для интеллигента-бесцребренника: богатство «не важно, лишь бы был честным и хорошим человеком» (с. 108–109). Стали ли обиды обоюдными? Переписка прервалась, и семейная связь распалась навсегда.

Несмотря на чуть запоздавшие уговоры А. Белича и Г.А. Острогорского перейти на работу в основанный в составе Сербской академии наук Институт византиноведения, В.А. Мошин после войны принимает пост директора Архива Югославянской академии наук и искусств в Загребе и переезжает в хорватскую столицу. Этот очерк очередных, как в сказках, двенадцати лет служения науке, на этот раз на ниве систематизации и описания огромного собрания древних актов на кириллице и глаголице, а также латинских рукописей, перерастает, по сути, в жанр воспоминаний и приобретает самостоятельное научное значение. Как могло случиться, что столь ценный материал по истории славистической археографии в послевоенной Югославии ждал издания больше трех десятилетий? И как можно было оставить без пояснений этот мемуарно-историографический труд? Хотя бы несколько слов стоило сказать о проекте «Глаголической академии» и о «монсеньоре», как называет В.А. Мошин Светозара Ритига (в именном указателе он назван «писателем, историком», а титулование, обычное по отношению к облеченным высоким саном католическим священникам⁹, оставлено без внимания), вдохновителя института по изучению старославянского языка и глаголической письменности...

Каждый сугубо «славистический» или, точнее, палеославистический сюжет разворачивается одновременно в научной и в человеческой плоскостях, как это и бывает, если автор увлечен своим делом. Различий между важным и второстепенным для воспоминаний нет: обретение квартиры и реставрация рукописей, составление таблиц водяных знаков и первое посещение оставленного отечества — все равно интересно, все вплетается в общий узор жизни. Волею случая вновь на пароходе, как почти сорок лет назад, чета Мошиных оказалась на одесском берегу в 1957 г. Пока ученый осматривал коллекцию балканских рукописей В.И. Григоровича в университетской библиотеке, его жена волновалась из-за его

---

⁹ Светозар Ритиг (Ritig; 1873–1961), протоиерей, настоятель церкви Св. Марка в Загребе, во время войны был среди нескольких католических пасторов, вступивших в партизанское соединение И. Броз Тито. Поэтому ему, как соратнику маршала, занимавшему высокие политические должности в послевоенной Югославии, было многое позволено — по части изучения и издания рукописей религиозного содержания в атеистической стране.

долгого отсутствия: «Оля вообще очень глубоко переживала приезд на родную землю и не могла удержать потока слез, когда на берегу увидела первую надпись на подъемном кране: “Не стой под грузом”» (с. 128). Кажется, неожиданно глубокая символика этого предупреждения и дала название мемуарам ученого в сербском переводе («под теретом» и значит «под грузом»).

Надо отметить, что стиль Владимира Мошина совершенно лишен даже намека на украшательство, он строг, прост, предельно фактографичен. Этим, вероятно, и объясняется то обстоятельство, что небольшая по объему книга, меньше двухсот страниц, невероятно плотно заполнена коллизиями научной деятельности самого мемуариста, его сотрудников в разных архивах и университетах Югославии (с конца 1950-х гг. — и в архивах Ленинграда и Москвы). Собственно, эти мемуары можно было бы озаглавить не по-гесиодовски «Труды и дни», а «Труды и труды». Когда в этом одном бесконечном труде по описанию и изучению южнославянских рукописей находилось время для другой важной части духовной жизни о. Владимира — служения в церкви, почти невозможно представить. Просто жизнь была очень долгой. В ней был и отдых, и дружеское общение, и привязанность к родственникам, оставшимся в России и счастливо обретенным после войны, и такая же долгая, как сама жизнь, любовь к жене, Олюшке, с неизменным восхищением, благодарностью и заботой. Ей посвящены и последние строки воспоминаний.

Загребский период завершился, и на смену ему пришло новое двенадцатилетие, в Скопье, в Государственном архиве Македонии. Судя по тону воспоминаний, македонский период счастливо увенчал долгие годы занятий южнославянской археографией. Ученый с библиографической тщательностью описывает то, что сделано, но, быть может, еще более интересен рассказ о том, как делалось, сам процесс становления палеославистики в Македонии. Историко-филологическое образование, которое сам В.А. Мошин получил фактически без учителей, самостоятельно добывая знания, нужно было передавать молодым исследователям едва созданного государственного образования (Македония стала республикой в составе Югославии в 1947 г.), не только не знавшим азов палеографии, но даже не владевшим старославянской азбукой. В Македонии о. Владимир создал научную школу, воспитал несколько специалистов по древним рукописям, вместе с которыми выпустил десятки ценных изданий, прежде всего в основанной им в 1954 г. серии «Стари текстови».

Мошин не скрывает тягостности многих перипетий своей службы в разных научных учреждениях Югославии, бывали и трения с коллегами, и направленные против него интриги, но не они определяли общий настрой жизни. Воспоминания не просто заканчиваются в настоящем времени — «заканчиваю свою биографию» (с. 177). Ее венчает глава XII — «Незавершенные труды и возможные планы». Почти ослепший ученый выделяет три главных незаконченных им проекта и размышляет о том, как они должны развиваться и кого могли бы заинтересовать из современных ему филологов и историков. За минувшие три десятилетия и палеославистика, и южнославянстика продолжали развиваться; именно по намеченному о. Владимиром пути пошли сербские ученые из Академии наук и Археографической комиссии, хотя, разумеется, государственно-

политические катаклизмы не могли не повлиять на интенсивность и уровень научных исследований.

В.А. Мошин во многом предвосхитил труд будущих историков науки, поскольку его воспоминания — это идеально полный очерк жизни и творчества, которому предстоит стать очередным источником по истории послереволюционной научной эмиграции и по истории русской диаспоры на Балканах.

Задумываясь о феноменологии (чтобы не сказать пафосно — миссии) эмиграции в отечественной истории ХХ в., обращаясь к ее югославским страницам, поневоле думаешь, что даже трагические коллизии в жизни народа могут обрачиваться благом. Так, огромная русская диаспора, состоявшая в основном из людей образованных, в том числе из университетской профессуры, обогатила интеллектуальную жизнь разных центров Сербии, Хорватии, Словении, Македонии. Представители русского зарубежья внесли весомый вклад в образование, как в школьное, так и в университетское, заложили основы целого ряда специальностей, преданно и целенаправленно развивали различные сферы научного знания — не требя наград и с неизменной сердечной благодарностью к радушно приютившему их югославскому государству.

T.B. Марченко

Грезин И.И. Русское кладбище Кокад в Ницце = Cimetière russe de Caucade à Nice / науч. ред. А.А. Шумков. — М.: Старая Басманская, 2012. — 757 с., LVI с. цв. ил. — (Российский некрополь. Вып. 20)

Имя Ивана Ивановича Грезина хорошо известно специалистам в области генеалогических и биографических исследований благодаря изданному им чрезвычайно ценному справочнику о крупнейшем русском зарубежном некрополе — кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем¹. Ныне издательство «Старая Басманская» выпустило новый его труд, посвященный русскому кладбищу Кокад в Ницце.

Выход этой книги уже давно и с нетерпением ожидался заинтересованными читателями. По справедливому замечанию самого автора, Кокад — второе по значимости русское кладбище во Франции (с. 8) и — добавим уже от себя — один из важнейших для нашей истории и культуры зарубежных русских некрополей в мире. Выходцы из России находили свое упокоение на нем еще со второй половины XIX в. Но основное «население» кладбища — это эмигранты «первой волны», покинувшие родину после событий 1917 г.

Кокад богат историческими именами. Среди погребенных на этом кладбище — министры, члены Государственного совета и Государственной думы, губернаторы, предводители дворянства, придворные, генералы, офицеры, чиновники, представители титулованных фамилий. На Кокаде немало семейных захоронений, в том числе родов, сыгравших заметную роль в истории (Безаки, Вуичи, князья Оболенские, Треповы и др.). Благодаря долгой и кропотливой работе автору и редактору удалось собрать, главным образом в архивах России и Франции, исключительно ценный биографический и генеалогический материал о тысячах наших соотечественников, обстоятельства эмигрантской жизни и кончины многих из которых до сих пор оставались неясными. Важно подчеркнуть, что справочник содержит значительный объем информации не только об известных фигурах политической, общественной, культурной жизни России, но и о людях «второго

---

¹ Грезин И.И. Алфавитный список русских захоронений на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. М.: Старая Басманская, 2009. 566 с. (Российский некрополь. Вып. 9).

плана», найти о которых какие-либо данные в литературе бывает трудно, а то и невозможно.

В предисловии к изданию почему-то скромно умалчивается о количестве лиц, упомянутых в справочнике. По нашим подсчетам (весьма беглым), он включает приблизительно три с половиной тысячи имен только погребенных на Кокаде россиян, не считая их родственников и близких, сведения о которых (иногда подробные) тоже приводятся.

Книга Грэзина представляет собой «расширенный — с дополнениями и комментариями — перечень всех захоронений на Русском Кокаде» (с. 9). Другого современного справочника по этому кладбищу в литературе нет². Сведения о погребенных на нем лицах, размещенные в сети Интернет, как отмечает сам автор, носят выборочный и неполный характер (с. 14). Кокад — кладбище действующее, захоронения на нем осуществляются и в наши дни. Однако основной комплекс исторически значимых погребений можно назвать сложившимся. Все это предопределяет важное и непрекращающее, на десятилетия вперед научное значение справочника Грэзина, сопоставимое со значением изданий великого князя Николая Михайловича и его сотрудников³.

В источниковедческом и методическом отношениях работа Грэзина содержит немало важных новаций. При формировании списка погребенных им были использованы все возможные источники сведений — сами памятники, записи в кладбищенских и метрических книгах, сообщения в прессе. Включались в список и лица, скончавшиеся в Ницце и ее окрестностях, места захоронения которых достоверно не известны (с. 10).

Грэзин не ограничился в своей работе кругом источников, непосредственно связанных с фактом смерти, а попытался решить более сложную и трудоемкую задачу — «отыскать в других источниках как можно больше сведений о погребенных лицах» (с. 9). Дополнения делались им по двум основным направлениям: уточнение имеющихся данных (имен, фамилий, дат) и поиск любых биографических сведений (с. 12). Источниками дополнительной информации стали в основном архивные материалы, ведомственные справочники, биографические словари.

Автор отмечает два аспекта своей работы, новых для российской некрополистики и родословных исследований — массовое введение в справочник крупных фрагментов архивных текстов о самом усопшем и его семейном окружении и систематическое использование материалов французского ЗАГСа. Последние, по наблюдению Грэзина, более надежны и точны, нежели метрические книги русских зарубежных церквей (с. 14–15).

Основу справочника составили данные, полученные автором при натурном обследовании кладбища в 1995 г. (с дополнениями до 2001 г.)⁴. Сведения с надгро-

---

² Работа В.И. Чернопятова (*Чернопятов В.И. Русский некрополь за границей. Вып. 1–3. М., 1908–1913*) отражает состояние кладбища на начало XX в. и, соответственно, содержит сведения лишь о небольшой части «русских» захоронений.

³ Подробнее об изданиях великого князя см.: Шилов Д.Н. «Русский некрополь» великого князя Николая Михайловича: история создания, неопубликованные материалы. М., 2010.

⁴ О более поздних погребениях см.: Карамышев О.М. Захоронения 2001–2012 годов на русском кладбище Кокад. М., 2013. Брошюра выпущена в качестве приложения к труду И.И. Грэзина.

бий (за исключением заведомо неверных, вынесенных в примечания) приведены в книге крупным прямым шрифтом, в кириллической орфографии (за исключением сомнительных для перевода случаев и фамилий нерусского происхождения, когда даются и оригинальное, и русское написание). Дополнения к ним даны курсивом. Далее следуют (если выявлены) набранные уменьшенным прямым шрифтом дополнительные биографические сведения. Источники, их разночтения и авторские комментарии по их поводу отражены в примечаниях. В них же отмечены имеющиеся на памятниках портреты и фотографии. Помимо авторского предисловия, тексту некрополя предпослана заметка И.Б. Иванова о мемориальных досках в церкви Св. Николая на кладбище Кокад, сведения с которых также включены в издание. Наконец, отрадно, что книга снабжена большим количеством цветных фотографий, удачно дополняющих и иллюстрирующих текст.

Признавая важное, и даже, можно так выразиться, «вечное» научное значение труда И.И. Грезина, выскажем и несколько полемических соображений о нем — опять-таки вследствие знаковости и вероятной образцовости этой книги. Главный ее недостаток видится нам в отказе от указателя имен, не включенных в общий алфавитный ряд, и указателя географических названий. Нужда в них, как нам кажется, вообще бесспорна для такого рода изданий. Как еще читатель, заинтересованный, скажем, в выявлении сведений о представителях какого-нибудь рода (родов) или об уроженцах какого-либо села или города, сможет найти в справочнике искомое? Сейчас — только путем постраничного просмотра более чем семисот страниц сложного для восприятия текста. И все равно не будет уверен, что ничего не пропустил.

Как уже отмечалось, Грезин попытался решить чрезвычайно сложную задачу — собрать возможно больше дополнительной информации о лицах, погребенных на кладбище Кокад. Как следствие, именно эта часть справочника вызывает больше всего замечаний и предложений по усовершенствованию. Во-первых, собрано очень много, но далеко не все, что возможно было собрать. Возьмем в качестве примеров нескольких гражданских чиновников. На кладбище похоронены сенатор А.К. Бентковский (с. 82), служащие канцелярии Совета министров Н.И. Бутович (с. 103), Государственной канцелярии К.Н. Гирса (с. 167). Дополнительные сведения о них заимствованы автором из печатных справочных изданий, очень скучны и носят неопределенный характер. Между тем в Российском государственном историческом архиве хранятся дела о службе всех этих лиц. Такие дела обычно содержат формулярные списки и другие важные биографические материалы⁵. Можно заключить, что дополнительные сведения, сами по себе очень ценные, представлены в справочнике не систематически.

Во-вторых, в предисловии автор ничего не сообщает о принятых им принципах отбора и изложения дополнительной информации. Им привлекаются личные, служебные и имущественные документы, некрологи, выдержки из мемуаров и даже из печатных работ других авторов (например, в статье о Г.К. Лукомском на с. 363–366). Если включение в справочник неопубликованных архивных мате-

---

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 1030 (о службе А.К. Бентковского); Ф. 1276. Оп. 16. Д. 21 (о службе Н.И. Бутовича); Ф. 1162. Оп. 7. Д. 238 (о службе К.Н. Гирса).

риалов представляется полезным и желательным, то введение в него пространных текстов из печатных источников выглядит иногда чужеродным и излишним. Например, в статьях о Н.Д. Белороссове (с. 78–80) и М.И. Венюкове (с. 112–115) дополнительные сведения состоят почти исключительно из некрологов, опубликованных в дореволюционной столичной прессе и воспроизведенных дословно на протяжении нескольких страниц. С другой стороны, иногда дополнений нет, хотя они явно напрашиваются. Например, на с. 131, где речь идет о кн. Н.П. Волконской, ничего не говорится о ее отце (П.А. Столыпин) и других ближайших родственниках.

Излагая дополнительные сведения, Грэзин в большинстве статей придерживается особого стиля, представляющего собой нечто среднее между дословным цитированием используемых источников и их авторским пересказом. В результате получились обширные, неясно структурированные тексты, содержащие наряду с важными данными немало информационного балласта («22.3.1896, как состоявшему на действительной службе в Царствование Императора Александра III, пожалована серебряная медаль в память упомянутого царствования, на Александровской ленте»⁶ и т. п.), вышедшие из употребления слова (квартемистр, заведывающий), неправильные речевые обороты (например, «ныне» такой-то полк — по отношению к событиям XIX в., с. 73). На наш взгляд, логичнее было либо публиковать выявленные материалы как исторические документы (возможно, вынося их при этом в приложение в конец книги), либо составлять на их основании четко выстроенные генеалогические и биографические справки «от автора».

Ценнейшей частью справочника являются подстрочные примечания, содержащие ссылки на источники и литературу, а также источниковедческие комментарии автора. Однако архивные шифры в примечаниях часто даны «глухими», без пояснений, какие именно документы за ними скрываются. На наш взгляд, в изданиях такого рода, рассчитанных прежде всего на специалистов в областях генеалогии и биографики, подобные пояснения нужны. В случаях, когда использовалась информация, сообщенная автору или редактору другими лицами, примечание может не содержать никаких данных для верификации, кроме указания: «сообщение такого-то» (примечания 14, 76 и др.). Остается неизвестным, откуда сообщивший почерпнул эти данные и почему автор счел их достоверными.

В отношении библиографических ссылок в издании следует отметить, что они не всегда содержат указание на конкретную страницу (страницы) печатного источника. Иногда Грэзин предпочитает ссылаться на устаревшие справочники при наличии более современных и качественных. Например, в примечаниях к статьям о членах Государственной думы всегда упоминаются дореволюционные издания М.М. Боиовича, а новейшая энциклопедия⁷ — только в отдельных случаях. А в примечании к статье о В.Н. Белевцеве (с. 76) упомянуты оба этих издания, но почему-то не использована содержащаяся в них информация. Не всегда ссылки

---

⁶ С. 72. Медаль давалась всем без исключения чиновникам, состоявшим на службе в это царствование.

⁷ Государственная дума Российской империи. 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

делаются на последнее издание используемой работы (например, в ссылках на книгу В.Н. Рыхлякова о Булацелях указывается издание 1993, а не 2005 г.).

В издании присутствует список сокращений (с. 16), в котором, однако, нет большинства использованных в справочнике сокращений и аббревиатур, причем как тех, которые можно назвать общепринятыми (д., у., губ., ЕИВ), так и менее очевидных для читателя (РМ, В.О., ст.-во, вр.). Встречаются одинаковые сокращения, раскрывающиеся по-разному («В.О.» в книге — и «военный округ», и «Васильевский остров»). Одни и те же словосочетания даются то сокращенно, то полностью. Наконец, при сокращении ряда слов почему-то отвергаются традиционные для отечественной справочной литературы формы («М.В.Д.», «М.И.Д.» вместо «МВД», «МИД»).

В книге немало технических опечаток и ошибок, которые затрудняют правильное понимание текста: «л.-гв. уланский Е.М.В. полк» (с. 23), «В.Н. Чумаков» (примечания на с. 24, 36; вместо «Чуваков»), «произведен в отставку в коллежские асессоры» (с. 59), «высочайшее дозволение пользоваться в Российской Империи последовало указом» (с. 88; неясно, чем пользоваться, видимо, титулом), ЦГИА Сб (с. 99) и проч.

Подводя итоги рассмотрению труда Грезина, заметим, что любой крупный биографический справочник содержит недочеты и спорные методические решения. В данном случае наличие отдельных изъянов — неизбежное обстоятельство, сопутствующее выполнению крайне сложной и трудоемкой работы по сбору и систематизации громадного объема данных. Нет никакого сомнения в том, что рецензируемое издание вносит важнейший вклад в разработку темы зарубежного российского некрополя и станет настольной книгой у многих исследователей отечественной биографики и генеалогии.

Д.Н. Шилов

Bird R. Russian Prospero: the creative world of Vyacheslav Ivanov. — Chicago: University of Wisconsin press, 2007. — 325 p.

[*Бёрд Р. Русский Просперо: творческий мир Вячеслава Иванова.* — Чикаго: Издательство Висконсинского университета, 2007. — 325 с.]

28 марта 2013 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына прошел круглый стол «Русская философия в эмиграции после 1917 года: персоналии, концепции, проект выставочной экспозиции». В качестве зарубежного гостя-докладчика был приглашен Кристофер Струп (Christopher Stroop), американский специалист по интеллектуальной истории русской эмиграции. В своем докладе «Американская научная литература о русской философии и русском зарубежье: современные исследования и перспективы дальнейшего развития» он рассказал об историографии философии русского зарубежья в США и ангlosаксонских странах. В частности, он отметил, что институционально проблема русской эмиграции не вписывается в исследовательские программы американских университетов, так как концепция русского зарубежья находится по ту сторону исторических исследований как в области истории имперской России, так и в области России советской.

Предложенный в качестве приложения к докладу список англо-американских справочников и монографий по истории русской эмиграции и философии русского зарубежья завершается монографией Роберта Бёрда «Русский Просперо: творческий мир Вячеслава Иванова». Презентация этого труда в России состоялась 16 февраля 2009 г. в Санкт-Петербурге, в Музее Г.Р. Державина на вечере, посвященном памяти Вячеслава Иванова. Однако на русский язык монография не переведена, а в отечественной научной периодике рецензий на нее до сих пор не появилось. Чтобы заполнить этот исследовательский пробел, а также продолжить начатую Кристофером Струпом дискуссию об англоязычной научной литературе по философии русского зарубежья, было бы полезно хотя бы бегло рассмотреть это оригинальное историко-философское исследование.

Историю жизни и творчества Вячеслава Иванова сложно подвергнуть строгой систематизации. Еще сложнее представить себе его философское наследие как взаимосвязанную структуру образов, идей и мыслей. Как и многие разносторонние творческие личности рубежа XIX–XX столетий, он до конца не понят, не исследован, не раскрыт как отдельный феномен культуры. Будучи поэтом-символистом, он не смог принять поэзию человеческого одиночества. Будучи талантливым ученым-гуманитарием, специалистом в области античной филологии и истории, он не смог принять академические рамки исследования мира и человека. Будучи оригинальным философом, он не смог остаться в области отвлеченных мыслей и идейных систем. Вячеслав Иванов избегал социокультурной определенности. Любые попытки навесить на него ярлык вызывали в нем незамедлительную критику, бунт, протест. Его поэзия препятствовала культурной определенности, ее магистральным линиям развития и алгоритмам роста. Вместе с этим Вячеслав Иванов никогда не был нигилистом. Его творчество несло в себе критику, но критику особую, конструктивную. Она выражала ожидание перемен, новой жизни и новых форм осмыслиения культуры.

Как личность Вячеслав Иванов следовал в жизни тем же принципам неопределенности, что и в своем творчестве. Он отказался сдавать устный экзамен, хотя его диссертация была одобрена Берлинским университетом. Он ждал революцию, но быстро разочаровался в ней. Он дружил с православными богословами, но в итоге принял католичество.

В англоязычной литературе не так много научных публикаций, пытающихся раскрыть феномен Иванова как русского мыслителя и поэта-интеллектуала. В этом отношении книга Роберта Бёрда «Русский Просперо: творческий мир Вячеслава Иванова» становится счастливым обретением. Автор предпринял попытку изложить результаты своих многолетних исследований творчества мыслителя¹ в жанре интеллектуальной биографии.

Очевидно, что стиль поэзии и философии Вячеслава Иванова оказали большое влияние на творческие ориентиры самого Роберта Бёрда.

В разбираемом труде поэт и мыслитель представлен, с одной стороны, как реальная историческая личность, с другой — как мифологизированный персонаж человеческой культуры. Образ Просперо как своеобразная маска героя книги выбран не случайно. Просперо — персонаж пьесы Шекспира «Буря». По сюжету шекспировской пьесы Просперо является изгнаником, обладающим сверхъестественными способностями. Соединение Вячеслава Иванова и Просперо в одном образе — художественный прием Роберта Бёрда в стиле самого Вячеслава Иванова. Автор, таким образом, проводит сквозь всю книгу метафорическое понимание творческого дара мыслителя, его непростую природу, а также рассматривает жизнь своего героя после России как трагическую судьбу изгнанника. Несмотря

---

¹ Бёрд Р. Тление и воскресение: историософия Вячеслава Иванова // *Studia Slavica. Academiae scientiarum Hungaricae* (Budapest). 1996. Tom. 41; *Он же*. Катарсис — матезис — праксис: мистическая триада в эстетике Вяч. Иванова // *Europa Orientalis. Studi e ricerche sui paesi e le culture dell'Est europeo*. 2002. № 1 (XXI); *Он же*. Торфяная башня // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006.

на внешнее родство книги с академическим аналитическим исследованием, она все же тяготеет к исторической биографии как драматизации интеллектуального наследия мыслителя. Многоплановость книги Роберта Бёрда заключается в сложном переплетении жанра историко-философского исследования и оригинального художественного сочинения, явившегося в результате изучения поэзии и философии Вячеслава Иванова. Ссылка на «Бурю» Шекспира — это тоже продуманное и взвешенное научное и художественное решение автора. С одной стороны, образ бури олицетворяет социокультурный ландшафт России рубежа XIX–XX вв., с другой — духовные поиски героя, его попытки найти адекватную художественную форму своим взглядам.

Структурно книга Роберта Бёрда состоит из нескольких глав. Первая глава посвящена концептуальному анализу художественных приемов Вячеслава Иванова, их специфике и особенностям. Вторая раскрывает идеиное содержание его философии через триаду «катарсис — мазесис — праксис». В третьей главе автор пытается исследовать осмыслиение Ивановым феномена эмиграции, а также религиозно-философские взгляды мыслителя в фокусе теологии.

Роберт Бёрд различает лирическую и нарративную поэзию Вячеслава Иванова. Согласно исследователю, лирическое творчество основывается на внутреннем психоэмоциональном опыте поэта, выраженному в символическом осмыслинии личных переживаний. Ей соответствует шекспировский образ Ариэля, духа ветра, который, по мнению Бёрда, олицетворяет собой живую песню и лирику. Нарративная поэзия выражает повествовательную сторону поэтического творчества Иванова. Ей соответствует образ Просперо, мудрого волшебника. Союз Ариэля и Просперо символизирует взаимодействие лирического и нарративного начала в сочинениях Вячеслава Иванова. Роберт Бёрд утверждает, что одним из главных внутренних конфликтов поэта являлась проблема соотношения лирики и повествования. По его мнению, два рода поэтического творчества Вячеслава Иванова не обрели формы органического взаимодействия. Лирика Ариэля должна стать выражением повествований Просперо. Чувства, выраженные в символах, должны превратиться в средство существования мыслей. По мнению Роберта Бёрда, именно поиском этой формы взаимодействия поэт занимался всю свою жизнь.

Драматизм творческой эволюции Вячеслава Иванова Роберт Бёрд обосновывает фактами из биографии своего героя. Духовное становление поэта происходило под влиянием философии Фридриха Ницше. Прочтение трактата «Рождение трагедии из духа музыки» стало поворотным моментом в жизни Вячеслава Иванова. Философское осмыслиение культуры через образ Аполлона, символа геометрической гармонии, определенности, симметрии, телесного здоровья и космического порядка, и образ Диониса, символа спонтанности, неопределенности, асимметрии, праздности и хаоса, произвело на поэта огромное впечатление. Ницшеанство стало теоретическим обоснованием трагического мироощущения Вячеслава Иванова. Всякая жизнь драматична и хаотична, но и культура вовсе не несет в себе упорядоченность и гармонию. В то же время доминировала

ние аполлонического начала в социокультурном пространстве рано или поздно приведет к торжеству дионисийства. Дионисийство принесет с собой полное разрушение имеющегося представления о действительности. Однако ожидание Вячеславом Ивановым скорых разрушительных перемен не было проникнуто пессимизмом. В торжестве Диониса поэт видел окончательное освобождение человека от современности. На примере анализа стихотворений «Перстъ» и «В Колизее» Роберт Бёрд приходит к выводу, что в понимании Вячеслава Иванова современная культура детерминирована идеями культа порядка и иллюзорной гармонии.

Продолжая традицию соборности, берущую свое начало в сочинениях славянофилов, Вячеслав Иванов вливается в идейное направлении философии всеединства. В поэзии мыслителя преобладает мотив некоторого «мы», т. е. духовно единого союза людей в акте религиозной веры. Соборность предполагает собственную онтологию, собственное бытие, несводимое к атомарным участникам религиозно-ритуального действия. Поэтическое творчество отражает не духовный мир отдельно взятой личности, а мистическую жизнь целого народа.

Триада катарсис — матезис — праксис, по мнению автора книги, раскрывает герменевтические, эзотерические и эстетические принципы философии Вячеслава Иванова.

Катарсис выражает необходимое соответствие личности божественному в фокусе бытия как длящейся истории. Данная концепция мыслителя опирается на идею богочеловечества Владимира Соловьева. Катарсис рассматривается по-этом как особая музыкальная терапия, которую пифагорейцы применяли для лечения душевных недугов. В этом отношении катартический аспект философского творчества Вячеслава Иванова предполагает интуитивное проникновение в суть бытийных структур через высвобождение аффектов посредством творческой эмпатии. В отличие от многих символистов, он считал, что поэзия не должна дистанцироваться от религиозной жизни. Вячеслав Иванов подвергал критике мнение о том, что современный мир демифологизирован. С его точки зрения, вся человеческая жизнь погружена в миф. В мифе и должно твориться искусство.

Концепция матезиса отражает софиологические неоплатонические космогнические воззрения мыслителя. Мир разворачивается в художественном творчестве как единая хаотическая и вместе с этим упорядоченная система. Искусство раскрывает соотношение идеального и материального через образ печати. Печать есть единство материального и духовно-символического. София как премудрость Бога является духовной инстанцией, приводящей взаимоотношение материи и идеи в целостное движение. Поэтическое творчество Вячеслава Иванова по своей природе глубоко религиозно. В нем мистическая составляющая играет роль непосредственного содержания поэтических образов. Используя силу поэзии, мыслитель стремится постигнуть мир через принципы античной герменевтики. Слово в философии Иванова не является исключительно филологическим и лингвистическим элементом. Слово есть символ. Слово, отраженное в печати, олицетворяет

софийный характер культуры, ее противоречивую сущность как единства материального и духовно-символического.

Праксис, т. е. действие, олицетворяет собой активность поэзии. Вячеслав Иванов утверждает поиск поэтической гармонии как акт эсхатологического творчества. Поэзия не просто описывает мир, но и творит его. Но творит его особо. Поэтическое творчество направлено на завершение культурной эпохи. Оно приближает конец существующего порядка вещей. Эсхатологизм поэзии также выражает приближение человека к Богу и торжеству эпохи Богочеловечества. Мысль, заложенная в слове поэта, особым образом прекращает историю. Вячеслав Иванов ждал окончания линейного развития культуры и ее мистической трансформации в новую, еще неизвестную форму.

Жизнь в эмиграции особым образом повлияла на творчество мыслителя. Роберт Бёрд утверждает, что Иванов рассматривает отечественную эмиграцию как трансценденцию русской культуры. Концептуальная неопределенность культуры русской эмиграции составляет неисчерпаемую возможность ее всестороннего развития. Отечественная интеллигенция вдали от родины продолжала творить культурное пространство. Культурные корни русской интеллигенции трансформировал марксизм, тем самым уничтожив возможность их возрождения в своем естестве. Отсутствие идейных оснований парадоксальным образом не препятствовало развитию русской философии, науки и искусства. В некотором роде феномен отечественной эмиграции является проявлением противоречивости и неопределенности культурных основ человечества.

Вячеслав Иванов вслед за В.С. Соловьевым верил в воссоединение Западной и Восточной церквей. По его мнению, такое социально-религиозное событие стало бы символом крушения культуры модерна и начала торжества дionисийства. Роберт Бёрд пытается найти объяснение, почему Вячеслав Иванов в конце своей жизни принял католичество. Автор книги предполагает, что принятие католической веры несло в себе особую специфику. Для Вячеслава Иванова крушение России символизировало падение Восточной церкви. Восстановить ее на почве западноевропейской культуры он не считал возможным. Поэт решил стать католиком из необходимости защитить церковь Западную как возможное основание для возрождения Богочеловечества.

Несмотря на все достоинства книги Роберта Бёрда, в ней есть ряд существенных недостатков. Прежде всего, стоит отметить специфику изложения. С одной стороны, Роберт Бёрд пытается представить свою книгу как академическое аналитическое историко-философское исследование. С другой стороны, образность, эмоциональность стиля автора не проясняют множество сегментов творческого наследия Вячеслава Иванова, а наоборот — затемняют их. Игра с метафорами в данном случае вовсе не систематизирует философию мыслителя, а запутывает ее для читателя, и даже некотором смысле мистифицирует его. Попытка осмысливать феномен Вячеслава Иванова через образ Просперо лишь нагружает творчество поэта лишними, внешними по отношению к первоисточникам смыслами.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

Кроме того, почти в стороне осталась тема мистического анархизма мыслителя. Сотрудничество Иванова с Чулковым в журнале «Факелы» рассмотрено очень поверхностно, хотя именно этот период творческой деятельности поэта знаменует собой окончательный идейный разрыв с большинством поэтов-символистов. Автор оставляет в стороне также и тему критики декадентства, которая занимала существенное место в публицистических произведениях Иванова.

Тем не менее именно эта книга является одной из немногих англоязычных целенаправленных исследований философии и поэзии Вячеслава Иванова. Ее можно поставить в один ряд с монографией Памелы Дэвидсон², посвященной анализу концептуальных оснований поэзии мыслителя. Для современного научного сообщества данная книга, несомненно, представляет собой интересное историко-философское исследование.

Н.И. Герасимов

---

² Davidson P. The poetic imagination of Vyacheslav Ivanov: a Russian symbolist's perception of Dante. Cambridge university press, 1989.

Русская философия в изгнании / под общ. ред. Е.П. Челышева, А.Я. Дегтярева; гл. ред. Ю.В. Мухачев. — М.: Парад, 2012. — 456 с. — (Энциклопедия российской эмиграции)

В рамках серии «Энциклопедия российской эмиграции» вышла коллективная монография, целью которой является показать широкую панораму философской мысли в русском зарубежье XX в. При уже достаточной изученности отдельных мыслителей, оказавшихся в изгнании, в последнее время явно назрела необходимость соотнести и объединить результаты многолетних исследований в одну цельную картину. Первый опыт в указанном направлении осуществлен в книге «Русская философия в изгнании».

Монография состоит из двух разделов: «Исследования» и «Публикации». Первый раздел, включающий девять статей, открывается статьей С.С. Хоружего «Философское и богословское творчество российской диаспоры»¹, в которой на сегодняшний день дан наиболее глубокий и обобщающий анализ русской религиозно-философской мысли XX в. в эмиграции. Автор статьи не только показывает «панораму» процесса, но и пытается реконструировать его «логику и смысл». Насколько удается осуществить такую сложную задачу?

С одной стороны, С.С. Хоружий стремится подробно описать и охватить историю русской философии в эмиграции, с другой — предлагает законченную и последовательную концепцию, с точки зрения которой рассматривается философский процесс. Концепция сформулирована уже в начале статьи. По мнению С.С. Хоружего, достижение русских религиозных мыслителей в эмиграции «заключалось не в развитии учений, ранее выдвинутых деятелями Религиозно-философского возрождения (хотя они пользовались успехом и, казалось, отнюдь не исчерпали себя) — но, напротив, в отходе от этих учений, от всей метафизики Серебряного века» (с. 10). Иначе говоря, произошло переосмысление философских и богословских идей, или, как формулирует С.С. Хоружий, «отношения современного разума с духовной традицией» (с. 11). В русской эмиграции, как полагает С.С. Хоружий, появляется новая культурная парадигма, а принципом творчества становится верность святоотеческому преданию. С.С. Хоружий поясняет: «...пребывание в лоне духовной традиции

¹ Ранее статья была опубликована под другим названием: Хоружий С.С. Шаг вперед, сделанный в рассеянии // Хоружий С.С. Опыты из русской духовной традиции. М., 2005. С. 329–446. Судя по сноскам и библиографии, и другие статьи написаны в 2004 г., т. е. между подготовкой и изданием книги прошло восемь лет.

означает приобщение к определенному аутентичному духовному опыту, тем самым предполагая тождественную передачу, трансляцию духовного опыта; и осуществление этой трансляции есть творческий акт, требующий от сознания всех его ресурсов, включая, если угодно, и методы современного мышления» (с. 11).

Ясно сформулированная концепция мало отражается на той части статьи, в которой собран фактический материал («Философия и богословие в рассеянии: Панорама процесса»). Однако в следующей части «Логика и смысл процесса. Итоги, уроки и вопросы» общая концепция придает размышлению автора явно оценочный характер. Автор статьи считает, что в русской эмиграции метафизика Серебряного века получает завершение, а новое православное богословие начинает развитие. В богословии русской эмиграции рождается «переориентация в панправославном направлении» (прот. Иоанн Мейendorf), стратегия «вселенской» ориентации. В этом заключается итог процесса: происходит «размыкание» круга эмигрантской изолированности в универсальный контекст. С точки зрения этого «размыкания» С.С. Хоружий относит к «успешным историям» (по его выражению, «success stories») включения в универсальный контекст только шесть авторов: А. Кожева, Н.А. Бердяева, Л. Шестова, А. Койре, П.А. Сорокина, Г.Д. Гурвича. Остальные, т. е. все ведущие религиозные философы, несмотря на отдельные опыты профессионально-академической интеграции (Ф.А. Степун, Б.П. Вышеславцев и др.), выпадают из универсального контекста, продолжив и завершив традицию, идущую от метафизики Серебряного века (С.Л. Франк, Н.О. Лосский, Л.П. Карсавин, И.А. Ильин, В.Н. Ильин, В.В. Зеньковский, Л.А. Зандер, С.А. Левицкий).

Концепция С.С. Хоружего основана на обширном материале, отличается оригинальностью, открывает новые перспективы для исследований в указанном автором направлении. Кроме общего исследовательского импульса, статья С.С. Хоружего вызывает вопрос: может ли одна концепция служить единственным критерием оценки в отношении того богатого философского наследия, которое оставило русское зарубежье XX в.? Этот вопрос, безусловно, требует обсуждения и осмысления.

В разделе «Исследования» после статьи С.С. Хоружего помещены еще восемь статей, каждая из которых посвящена одному из самых выдающихся мыслителей русского зарубежья. Если воспринимать диалектику раздела как переход от общего к частному, то статью С.С. Хоружего можно понимать в качестве своеобразного введения, а другие статьи — как детальное рассмотрение темы. Однако большая часть статей носит вполне самостоятельный характер. К тому же из «успешных историй» статьями представлены Н.А. Бердяев и Л. Шестов, но нет статей об А. Кожеве, А. Койре, П.А. Сорокине, Г.Д. Гурвиче. В целом же предпочтение отдано общепризнанным и наиболее изучаемым авторам — С.Н. Булгакову, С.Л. Франку, В.В. Зеньковскому, Вяч. И. Иванову, И.А. Ильину, Л.П. Карсавину.

Все восемь статей написаны ведущими специалистами и представляют итог в изучении выбранных мыслителей. В этом отношении данные статьи могут быть по содержанию названы энциклопедическими, так как они охватывают основные труды и идеи каждого автора в эмигрантский период. Различие только в подходах и методах, которые признаются наиболее адекватными в применении к трудам того или иного мыслителя. Так, М.Н. Громов дает блестящий портрет Н.А. Бердяева, описывая его личность и давая обобщения главным идеям, нашедшим про-

должение в эмигрантский период творчества. Если М.Н. Громов ставит в центр своего внимания личность Н.А. Бердяева, то А.П. Козырев предпочитает изучать С.Н. Булгакова через вехи его биографии, в частности рассматривая его роль в создании и деятельности Свято-Сергиевского православного богословского института. Значительное место в статье А.П. Козырева занимает и знаменитый «спор о Софии». Кроме того, в приложении к статье опубликованы фрагменты из записной книжки С. Булгакова, дающие представление о личных переживаниях автора в конце жизни. А.В. Ахутин отводит биографии Л. Шестова около трех страниц и предпочитает размышлять о его философии, т. е. предлагает свою интерпретацию того, что составляет философскую сущность рассматриваемого автора («философский патос»). О.Н. Назарова, напротив, дает подробный анализ и обзор основных трудов С.Л. Франка, воспроизведя в статье все тематическое многообразие его философии (социальная философия, философия истории, онтология, христианская философия, этика). В том же ключе, но с большим вниманием к биографическим деталям выдержаны статьи В.М. Летцева о В.В. Зеньковском и Ю.Т. Лисицы об И.А. Ильине. Статья Р. Бёрда о Вяч. Иванове представляет собой философско-поэтическую медитацию со множеством стихотворных цитат и образов в полном соответствии с исследуемым материалом. Завершает раздел «Исследования» статья Ю.Б. Мелих и С.С. Хоружего о Л.П. Карсавине. В ней проанализирована философская эволюция Л.П. Карсавина, связанная географически с Германией, Францией и Литвой. Однако одним анализом авторы не ограничиваются, а утверждают, что в персонализме Л.П. Карсавина получает завершение метафизика Серебряного века и происходит переход к богословию личности.

Недостатком книги «Русская философия в изгнании» является отсутствие предисловия «От составителя», объясняющего цели как всего издания, так и каждого из двух разделов. Без этого предисловия совершенно необъяснимо содержание и назначение раздела «Публикации», который больше напоминает небольшое приложение к основному тексту книги. Первая из двух публикаций — письма П.С. Боранецкого к Н.А. Бердяеву. Если эти письма хотя бы косвенно имеют отношение к философии (адресованы известному философу), то вторая публикация, отрывок из книги М. Вишняка «Дань прошлому» (Нью-Йорк, 1954) может вызвать недоумение: какое отношение имеет рассказ известного политика об открытии Учредительного собрания в 1918 г. к русской философии в эмиграции? Или есть какое-то объяснение, с легкостью отождествляющее политику и философию? По крайней мере, раздел «Публикации» находится в явном противоречии с разделом «Исследования». Учитывая, что в последнее время регулярно выходили архивные и малоизвестные публикации русских философов-эмигрантов, в том числе подготовленные некоторыми авторами рецензируемого сборника, то раздел «Публикации» легко мог быть расширен или, наоборот, исключен для того, чтобы составить содержание специального издания.

Несмотря на отдельные недостатки, в целом издание «Русская философия в изгнании» является успешным опытом в реконструкции философского и богословского наследия, которое оставила русская эмиграция XX в., и может служить ориентиром в дальнейших исследованиях, задавая им высокий научный уровень.

Цоя С. Русский институт университетских знаний в межвоенной Латвии // Русский мир и Латвия: Арабажинские курсы: Альманах. XXXII / Seminarium Hortus Humanitatis; под ред. С. Мазура. — Рига: [S. n.], 2013. — С. 18–200: ил.

Работа рижского историка Сергея Александровича Цои, посвященная истории учебного заведения, существовавшего (с 1921 по 1937 г.) в Латвии, имеет все основания претендовать на уникальность¹. Русский институт университетских знаний (РИУЗ) в межвоенной Риге, подобно целому ряду народных университетов, существовавших в предреволюционной и революционной России, а также учебных заведений, созданных русскими эмигрантами для своих детей, не мог превратиться в высшую школу с собственной традицией, имеющей значимый вес в научном мире и европейском образовательном пространстве. Однако в уникальном культурном мире русского зарубежья первой волны эмиграции РИУЗ (как и его предшественник — Русские университетские курсы (РУК)) — явление явно неординарное.

Безусловной заслугой автора является скрупулезное исследование практически всех доступных ему материалов, сосредоточенных в современных рижских архивах, и публикаций из периодики, вышедшей в столице независимой Латвии. В двенадцати главах обширной работы (занявшей более 80 % объема опубликовавшего его альманаха) читатель найдет подробную историю учебного заведения, перипетии его борьбы за существование (сопровождавшей всю его историю), биографии руководителей и справки о наиболее видных преподавателях, информацию о читаемых курсах и условиях оплаты обучения, льготах для студентов, общественно-культурной жизни, контактах с Латвийской православной церковью и судьбах некоторых выпускников. Приложение позволит восстановить практически полный список сотрудников и студентов, включая многих отчисленных (как правило, за академическую неуспеваемость). Эта информация не может не порадовать потенциальных исследователей генеалогии русских семей в первой Латвийской республике.

---

¹ Полностью работу можно прочитать на сайте общества «Seminarium Hortus Humanitatis» (Рига): URL: <http://seminariumhumanitatis.info/32%20almanax/soderzanie.htm> (дата обращения 27 декабря 2013 г.).

Однако уникальность исследования — не только в скрупулезности. Историк или культуролог, взявшийся за исследование русского зарубежья, — это, как правило, российский специалист, для которого русский мир в Европе является внешним. Даже если его командировка в библиотеки и архивы Парижа, Праги, Берлина или Белграда окажется достаточно длительной или по каким-либо причинам он и вовсе переберется туда, он все равно будет чувствовать себя в несколько ином социокультурном пространстве. Здесь же — автор с рождения живет в Риге, необходимости работать с материалами в режиме цейтнота нет, и вдобавок ко всему русский мир в Риге никогда не сжался до размеров небольшого островка, он и сейчас распылен практически по всей латвийской столице. Автор не понадышке знает, в каких зданиях существовали и РУК, и РИУЗ, как менялась со временем нумерация домов, в которых они располагались, и что в них находится ныне. Архивные фотографии в работе перемежаются с современными.

В работе С. Цои красной нитью проходят идеи служения и подвижничества русской интеллигенции, оказавшейся волею судеб в послереволюционной диаспоре. С помощью национальной школы предпринимались попытки сохранить свою идентичность и отсрочить ассимиляцию в иной социокультурной среде, что автор и показал на примере Русского института университетских знаний.

Само собой, необходимо говорить и об уникальности культурной среды, в которой находилось учебное заведение. Очевидно, что русские в Латвии 1920–1930-х гг. — это не только политические эмигранты из советской России (хотя и они тоже). Это и люди, волею судьбы оказавшиеся здесь к окончанию революционного кризиса в России (к их числу можно отнести и создателя РУК – РИУЗ Константина Арабажина), и часть купеческого и ремесленного люда, успевшего обстоятельно укорениться в Риге еще в имперское время, и немалое количество крестьян (в том числе старообрядцев), населявших Латгалию еще с доимперских времен. Все это — больше, чем эмигрантская диаспора, здесь более оправдан термин «национальное меньшинство». У независимой демократической страны, какой пыталась позиционировать себя Латвия, были все основания предоставить нацменьшинству определенные права, в том числе избирательные и образовательные. Эти основания никак не вредили национальной самоидентификации, тем более что для формирующейся национально-культурной среды большую опасность представляло немецкое наследие, а угроза с востока ассоциировалась с неприемлемой идеологией, а не с национальностью ее носителей.

То, что показано в книге С.А. Цои, убеждает, что вся эволюция русского высшего образования в Латвии определялась именно необходимостью инкорпорироваться в формирующееся культурное пространство в качестве значимой, самостоятельной составляющей. В этом отношении негосударственное учреждение, выражавшее лояльность латвийскому правительству и искренне праздновавшее все годовщины независимости, оказалось весьма кстати. Повышение статуса до института (с характерной прибавкой — «университетских знаний») — это претензия прежде всего на академичность, на высокий уровень преподавания и на то, чтобы стать центром русского культурного универсума.

РИУЗ в своем развитии не мог не столкнуться с проблемой несоответствия высокого уровня преподавательского состава и относительно невысокого уровня подготовки студентов. Однако опускать заданную представлениями профессуры старой школы планку образования РИУЗ не собирался: очень небогатый в финансовом отношении вуз освобождал от платы более или менее способных студентов, оказывавшихся не в состоянии платить, но жестко отчислял не справлявшихся с программой. Собственно, финансовые проблемы, обострившиеся на фоне мирового экономического кризиса, и погубили РИУЗ.

Автор показывает, что значимых попыток ограничить русское культурное влияние ни со стороны правительства, ни со стороны националистических общественных организаций не прослеживалось — вероятно, в силу ограниченности самого влияния. Заметим, что русскоязычные депутаты сейма не принимали активного участия в сохранении института, Латвийская православная церковь оказывала только моральную поддержку. Арендная плата была постоянной проблемой, решить которую руководство института пыталось, в частности, при помощи благотворительных лекций и вечеров. Все это позволяет детально представить картину реального бытования института, но вызывает по крайней мере два вопроса, которые автор не поставил, но должны обозначить историки русского зарубежья. Во-первых, обречена ли была русская интеллигенция в других европейских столицах на такое же прозябанье, если бы межвоенный период продлился дольше? И во-вторых, насколько возможной могла быть инкорпорация русского культурного меньшинства в европейское пространство с сохранением своей идентификации?

Академическая значимость учебного заведения несомненна. Об этом говорит состав преподавателей, а также прославившихся в дальнейшем студентов: в стенах института преподавали такие известные ученые, как Р.Ю. Виппер, Б.Р. Виппер, В.И. Синайский, В.М. Грибовский, А.Н. Круглевский, М.Я. Лазерсон и др.; учащимися курсов, позднее института, были известные деятели культуры и науки Е.Е. Климов, Н.П. Истомин, М.Ф. Семенова. После прочтения работы С.А. Цои становится понятно, что Русский институт университетских знаний несомненно оставил след как в эмигрантском послереволюционном зарубежном русском образовании, так и в истории образования в Латвии.

П.П. Полх

Popow Irene. Adeus, Stalin!: Memórias da menina que fugiu da guerra. — Rio de Janeiro: Objetiva, 2011. — 232 p.: llus.

[*Попов Ирэни. Прощай, Сталин!: Воспоминания девушки, бежавшей от войны.* — Рио-де-Жанейро: Обжетива, 2011. — 232 с.: ил.]

В бразильском издательстве «Обжетива» (Рио-де-Жанейро) вышла книга Ирэни Попов «Прощай, Сталин!» — автобиографический рассказ о почти семи годах мытарств советской семьи с двумя малолетними девочками по фашистским концлагерям в Катовице (Польша), Брауншвейге и Зальцгиттере (Германия) и жизни в послевоенной Германии до переезда на постоянное место жительства в Бразилию. Одна из сестер и есть автор книги — Ирэни Попов, или, как ее называют близкие и друзья, Ира.

Благодаря феноменальной памяти автора, сохранившимся семейным фотографиям и документам, подлинность повествования не вызывает сомнений, а легкость пера автора позволяет читателю проглотить книгу на одном дыхании с наворачивающимися на глаза слезами. В Бразилии, выступившей в годы Второй мировой войны на стороне антигитлеровской коалиции, книга вызвала живой интерес со стороны средств массовой информации и читателей. Ире не было еще и девяти лет, когда ее семья была угнана в Германию из их родного украинского города Сталино¹ (нынешний Донецк), после того как в октября 1941 г. он был оккупирован немецко-фашистскими войсками. В книге Ирэни заново переживает события тех давно минувших дней вплоть до прибытия семьи в Рио-де-Жанейро, город, в который она сразу влюбилась и в котором родились ее трое детей. Младший — Андрюша Ваддингтон (Andrucha Waddington) в свои 42 года является сейчас известнейшим в Бразилии кинорежиссером. «Книга нас поразила с самого начала, — говорит директор издательства «Обжетива» Изя Пессоа (Isa Pessoa). — Это потрясающее по силе и глубине жизнеописание, искренность которого никого не может оставить равнодушным»². Сама дона Ирэни

---

¹ Название города Сталино не имело отношения к И.В. Сталину, а было присвоено городу в 1924 г. в честь сталелитейной промышленности, которой славился город.

² Здесь и далее цитаты — из личных бесед.

излучает такую же человеческую теплоту, которой пронизана вся книга. С юмором она рассказывает о тех профессиях, которыми ей пришлось овладеть в Рио. Это и сиделка, и преподаватель иностранных языков, и уборщица, и терапевт, и турагент, и, наконец, психоаналитик — профессия, которой она посвятила последние 33 года своей жизни до выхода на пенсию. «Я глубоко убеждена, что начинать что-то новое никогда не поздно!» Следуя этому постулату, Ирэни полна творческих сил и уже готовит новую книгу «Привет, Жетулио!»³.

Сейчас она живет в небольшой квартире в районе Фламенго, одном из центральных районов Рио-де-Жанейро. Гостиная в форме латинской буквы L выходит на всемирно известную бухту Гуанабара, куда 64 года назад прибыл пароход из Германии с ее семьей на борту. На маленьком балкончике Ирэни обожает встречать восходы с неизменной чашечкой утреннего кофе. В противоположном углу комнаты — высокая горка — «русский уголок». В ней несколько небольших икон вокруг маленькой постоянно горящей лампадки из разноцветного стекла. Под ней рушник. На других полках матрешки и другие предметы народных промыслов из России и большущий медный самовар. «Кто прочел книгу, удивляются моей памяти, — говорит Ира. — По правде говоря, те, кому пришлось пережить то, что пережила моя семья, этого никогда не забудут. Это совсем не то что родиться, расти, ходить в школу в родном городе!» На мой вопрос о выборе названия книги, Ира отвечает: «Сталин был кумиром советских детей и подавляющего большинства взрослых. Слава Богу, мне удалось с ним попрощаться навсегда».

На самом деле Бразилия оказалась конечным пунктом назначения семьи Поповых абсолютно случайно. Завершение войны они встретили в Британской зоне оккупации. Оттуда все советские пленные должны были быть отправлены в СССР. Однако англичане подделали метрики Иры и ее младшей сестры Людмилы, написав, что они родились в Польше. Это и позволило им избежать депатриации. Долгих четыре года они безрезультатно отправляли документы в консульства разных стран, включая африканские, но по тем или иным причинам отовсюду приходил отказ. После последнего отказа из консульства Аргентины, продержавшего их документы около полугода, отчаявшийся уже отец Иры с двумя друзьями набрел в Ганновере, где они тогда жили, на подъезд с незнакомым флагом. Это оказалось консульство Бразилии, страны, о которой тогда вообще мало кто знал. Их сразу же принял консул и после ряда формальностей уже через месяц предоставил разрешение на эмиграцию. Это было в начале 1949 г. Ире тогда уже было 15 лет. Так завершились три года концлагерей и четыре года томительного ожидания. Все эти детали трогательно описаны на страницах книги Ирэни Попов «Прощай, Сталин!», проиллюстрированных десятками фотографий и документов из семейного архива.

Первая относительно большая волна эмиграции в Бразилию была в начале прошлого века еще из царской России. Спасаясь от голода, люди откликнулись на призывы эмиссаров тогдашнего бразильского правительства, зазывавших жителей Сибири на освоение тамошних земель. Их везли на самый юг Бразилии в штат

---

³ Жетулио Варгас (1882–1954) — президент Бразилии, при котором семья Поповых приехала в эту страну.

Риу-Гранди-ду-Сул, на границу с Уругваем, в места, полностью покрытые непрходимыми лесами. Несмотря на тяжелейшие условия жизни, переселенцы смогли обосноваться на новом месте и стали успешно заниматься земледелием. Их потомки уже в четвертом-пятом поколениях продолжают жить в этих местах. Важным связующим звеном для них стало возведение на свои деньги православного храма, являющегося местом сбора на все церковные праздники. Еще одно поселение россиян есть в штате Мату-Гросу, на самой границе бразильской Амазонии. Это русские староверы, которых судьба вытеснила с родной земли и загнала туда, по сути — на край света. Несмотря на повсеместное наступление цивилизации и вынужденную хотя бы частичную ассимиляцию в современное общество, бородатые мужчины и одетые в русскую национальную одежду женщины пользуются уважением уже привыкшего к ним местного населения и продолжают вести максимально возможный изоляционистский образ жизни, свято чтя свои традиции.

B. Голенков

Intelligentsia entre France et Russie, archives inédites du XXe siècle
/ Ecole nationale supérieure des beaux-arts; Institut français; ouvrage sous la direction de Véronique Jobert et Lorraine de Meaux; préface Hélène Carrère d'Encausse. — P.: [S. n.], 2012. — 535 p.: ill.

[**Интеллигенция между Францией и Россией, неизданные архивы XX века** / Национальная высшая школа изящных искусств; Французский институт; изд. под ред. Вероники Жобер и Лоррен де Мо; предисл. Элен Каррер д'Анкос. — Париж: [Б. и.], 2012. — 535 с.: ил.]

Выставка «Интеллигенция между Францией и Россией. Неизданные архивы XX века» проходила в Национальной высшей школе изящных искусств в Париже (27 ноября 2012 — 11 января 2013), а затем в ГА РФ в Москве и была приурочена к году франко-русского культурного обмена в области языка и литературы. В ней приняли участие ведущие архивы России и Франции, а также частные архивные собрания: со стороны России — ГА РФ, РГАЛИ, РГАСПИ, РГАКФД, со стороны Франции — Национальный архив Франции, Библиотека современных зарубежных документов, Французская национальная библиотека, Институт славянских исследований, Архивы департамента Сены-Сен-Дени, Музей искусства и истории Сен-Дени, Музей охоты и природы.

В каталоге выставки представлены интереснейшие документы и фотоматериалы, отражающие сложную историю культурных связей России и Франции в XX в.: первые отзывы французских дипломатов, писателей и журналистов о революционных событиях в России; трансформация отношений к советской России французских писателей и деятелей культуры, которых с нашей страной связала личная судьба: писателя Луи Арагона, члена Французской компартии, познакомившегося с будущей супругой Эльзой Триоле, младшей сестрой Лили Брик, в 1928 г.; художников Фернана Леже, супругой которого была Надежда Ходасевич, и Пабло Пикассо, второй половиной и моделью которого стала балерина Ольга Хохлова; Ромена Роллана, женившегося в 1934 г. на Марии Кудашевой и ставшего не без ее влияния поклонником сталинизма.

Среди материалов и документов, связанных с теми французскими писателями и деятелями культуры, симпатии которых в силу их политического мировоззре-

ния были обращены к советской России (Пьер Паскаль, Андре Мальро, Андре Жид, Ромен Роллан, Жан-Поль Сартр), весьма любопытны характеристики советских органов госбезопасности на французских писателей, приезжавших в СССР, служебная переписка при подготовке их встреч со Сталиным.

В издании также опубликованы документы, связанные с судьбами русских писателей-эмигрантов, как русскоязычных, для которых Франция стала времененным пристанищем или второй родиной, — Владимир Набоков, Борис Зайцев, Алексей Ремизов, Марина Цветаева, Владимир Варшавский, — так и тех, кто вышел из эмигрантской среды, но стал писателем уже на французской языковой почве, как Ирэн Немировски, Жозеф Кессель, Борис Суварин, Натали Саррот, Анри Труаяя, Ромен Гари. Большая часть материалов в этом разделе — документы Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции с 1919 по 1923 г. из архива Библиотеки современных зарубежных документов (*Bibliothèque de documentation internationale contemporaine; BDIC*). Отдельный раздел каталога посвящен судьбам русских художников во Франции и французских художников, связанных с Россией (Михаил Ларионов, Наталья Гончарова, Пабло Пикассо, Фернан Леже).

1960–70-е гг. — эпоха диссидентства и тамиздата — представлена Указом Президиума Верховного совета СССР о высылке А.И. Солженицына и статьей Пьера Дэкса «Солженицын истина» в газете «Французские письма», вызвавшей бурную полемику в среде французской интеллигенции; документами по делу «Доктора Живаго» Пастернака, среди которых — письма, открытки и шифрованные телеграммы Пастернака Жаклине Пруйар, перевозившей рукопись романа во Францию, и др.

Взгляд на события с двух сторон — Франции и России, с разных политических и мировоззренческих позиций (эмигранты, революционеры, французские коммунисты, советские чиновники и т. д.), а также разнообразие материалов позволяют составить объемное представление о захватывающей интересной и до сих пор недостаточно изученной эпохе в российско-французских отношениях.

Каталог выставки снабжен научным аппаратом: каждый раздел предваряет статья-предисловие, в приложении — биографические статьи к персоналиям, хронология событий в области французско-русских культурных связей с 1917 по 1991 г., библиография. Невозможно не отметить прекрасное качество издания: фотографии, рукописные документы, письма, открытки и телеграммы, газетные заметки 1920-х гг. переданы в безупречных цветных копиях, позволяющих буквально прикоснуться к оригиналу, к его фактуре и цвету.

C.H. Дубровина

La joie du Royaume: Actes du colloque international «L'héritage du père Alexandre Schmemann». Paris, 11–14 décembre 2008 / publié sous la direction d'André Lossky, Cyrille Sollogub et Daniel Struve. — P.: YMCA-Press, 2012. — 321 p.: ill.

[Радость Царства: Материалы международной конференции «Наследие отца Александра Шмемана». Париж, 11–14 декабря 2008 / опубл. под ред. А. Лосского, К. Соллогуба, Д. Струве. — Париж: YMCA-Press, 2012. — 321 с.: ил.]

В парижском издательстве «YMCA-Press» в 2012 вышел сборник материалов первой широкомасштабной международной конференции «Наследие отца Александра Шмемана», прошедшей в Париже 11–14 декабря 2008 г. и приуроченной к 25-летней годовщине смерти великого богослова и пастыря.

Каждая удавшаяся конференция обычно дает свои плоды в два этапа. Первым становится сама конференция, звучащие на ней доклады, живое общение. И второй этап — выход сборника материалов, в котором представлены уже продуманные статьи, отредактированные и дополненные докладчиками после конференции. Живое слово становится письменным текстом, вводимым в научный оборот. Для каждой конференции такая публикация материалов всегда проверка и некоторый риск. Такую проверку французский сборник, посвященный прот. А. Шмеману, выдержал полностью. В итоге читатель держит в руках книгу, которая является первым серьезным исследовательским трудом, посвященным различным аспектам творчества о. Александра: его литургическому богословию и экклезиологии, богословию культуры и пастырской практике, что позволяет объемно и целостно увидеть вклад его мысли в культуру русского зарубежья и богословие XX в.

Во вступительной статье к сборнику Кирилл Соллогуб и Даниил Струве подробно останавливаются на такой объемности видения, которая как раз и входила в задачу (успешно выполненную) данной конференции. Она достигается двумя моментами. Во-первых, широким и очень разнообразным кругом лиц, приглашенных на конференцию: доклады на ней звучали на трех языках, так или иначе связанных с тремя родинами о. Александра Шмемана: с Россией, которую он очень

любил и связь с которой всегда чувствовал, литературу и культуру которой отлично знал; с Францией, где прошли его детство и юность, учеба в Свято-Сергиевском православном богословском институте (в котором и проходила конференция), где он начал свою деятельность и как священник, и как богослов; и с Америкой, страной, в которой эта деятельность достигла своих вершин, в которой были написаны самые важные книги о. Александра. Докладчики, соответственно, говорили по-русски, по-французски или по-английски. Вторым условием, обеспечившим такую удивительную объемность и полноту, стала умело составленная организаторами программа конференции, разбившая все выступления на ряд секций, отражающих разные и дополняющие друг друга аспекты творчества о. Александра Шмемана. Поскольку основной книгой о. Александра, ставшей настоящим событием, были его «Дневники», в которых много внимания уделено кругу чтения и анализу литературных произведений, названием первой секции конференции и, соответственно, первого раздела сборника стало «Литература и христианство». В разделе представлены интересные доклады священников с филологическим образованием — о. Иоанна Роберти (Ренн) «Роль литературы в жизни, отданной Церкви» и о. Михаила Евдокимова (Париж) «Отец Александр и русская литература по Дневникам»; глубокое сообщение поэта Ольги Седаковой (Москва) «Стихи как вести: что сообщает поэзия отцу Александру»; обстоятельный доклад Н.А. Струве (Париж), прослеживающий взаимоотношения и дружбу о. Александра Шмемана с А.И. Солженицыным; доклад Йоста ванн Россума (Париж) «Отец Александр Шмеман и А.П. Чехов»; сообщение Елены Дорман (Москва) о публикации работ о. Александра в России.

Второй раздел озаглавлен «Церковь и мир» и посвящен темам миссионерства и современных взаимоотношений Церкви и мира. Здесь были затронуты проблемы: оцерковления жизни и культуры (прот. Алексей Виноградов, Нью-Йорк), миссии Церкви в современном мире (о. Георгий Кочетков, Москва), русскому контексту наследия о. Александра (А.И. Кырлежев, Москва), мира как таинства (прот. Михаил Плекон, Нью-Йорк).

Отдельный раздел посвящен литургическому богословию о. Александра; здесь освещены: становление богословской темы, опыт ученичества Шмемана у о. Кирилана Керна (архим. Иов Гетча, Нью-Йорк), шмемановское осмысление богослужебного устава (А.Н. Лосский, Париж) и литургических символов (С. Фройшов, Норвегия), рецепция литургического наследия о. Александра в Америке (Павел Мейendorf, Нью-Йорк) и его литургического богословия в Католической церкви (о. Давид Брешиани, Рим).

В экклезиологическом разделе освещены темы вклада о. Александра в современное изучение экклезиологии (о. Георгий Басиудис, Мангейм), истоков шмемановской экклезиологической мысли (прот. Иоанн Гейт, Марсель), тема экклезиологического статуса Православной церкви в Америке (о. Фома Фитцгеральд, Бостон). Практический аспект экклезиологической мысли был представлен в пятом разделе «Пастырская практика», собравшем доклады, посвященные осмыслению пастырского опыта о. Александра, его отношения к исповеди, причастию, крещению, богословскому образованию и другим па-

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

стырским проблемам. Конференция завершилась проникновенным словом вдовы о. Александра Иулиани Шмеман, а также однодневной епархиальной конференцией, два доклада с которой открывают сборник: доклад французского историка Церкви Антуана Нивьера (Париж) о малоизвестном периоде жизни о. Александра, когда он был редактором «Вестника Экзархата», и глубокие размышления о. Петра Мещеринова (Москва) «Экклезиология: теоретические и практические проблемы»¹.

Н.В. Ликвинцева

---

¹ Доклады о. П. Мещеринова, О. Седаковой, Н. Струве, А. Кирлежева, заключительное слово И.С. Шмеман опубликованы впервые по-русски в «Вестнике РХД» (2009. № 195).

IN MEMORIAM

СЕРГЕЙ ГЕННАДИЕВИЧ ИСАКОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЭМИГРАЦИИ *Памяти ученого (1931–2013)*

Сергей Геннадиевич Исаков прожил 81 год. Из них 60 лет, т. е. три четверти жизни, было отдано занятиям наукой. Изучению эмиграции он посвятил последние 20 лет, но знакомство с русскими нансенистами у него началось еще с раннего детства¹.

С.Г. Исаков родился в 1931 г. в независимой Эстонии, в Нарве, где жило много русских эмигрантов, был Комитет русских эмигрантов и две русских гимназии: городская и эмигрантская. Эмигрантские газеты и журналы, которые потом были уничтожены, а единичные сохранившиеся экземпляры помещены в спецхранилища, ему приходилось держать в руках в детстве, хотя мальчик, конечно, еще не понимал всего, что было там написано. С русскими учебными заведениями и студенческими корпорациями он впервые познакомился не по архивным документам и газетам, а по рассказам родителей. Его отец Г.Ф. Исаков учился в русской городской гимназии в Нарве, а затем в частном Русском политехническом институте в Таллине и был членом русской студенческой корпорации. И самому Сергею Исакову довелось год проучиться в русской начальной школе Эстонии по аполитичным, но хорошо написанным и интересным учебникам.

В советское время эмиграция оказалась закрытой темой, поэтому Исаков, как и другие исследователи, смог обратиться к ней только во второй половине 1980-х гг., начав с изучения эстонского периода творчества Игоря Северянина. В 1987 г. в Эстонии отмечалось 100-летие со дня рождения поэта, а в 1990 г. в Таллине вышел составленный С.Г. Исаковым и Р. Круусом том «Сочинений» Северянина².

В 1990-х гг. в Прибалтике стали проходить конференции «Русские Эстонии» и «Русские Прибалтики», а материалы конференций издавались отдельными сборниками. В 1993 г. Сергей Геннадиевич был составителем толстого тома «Рус-

---

¹ О его биографии см.: Беззубов В., Коор М. Краткий очерк жизни и деятельности С.Г. Исакова // Professor S. Issakov: Kirjanduse nimestik = Professor S. Issakow: Literaturverzeichnis = Профессор С.Г. Исаков: Библиографический указатель. 1953–1990. Тарту, 1991. С. 7–17; Шор Т. Призвание — ученый // Труды Русского исследовательского центра в Эстонии. Вып. 1. Таллин, 2001. С. 4–11; Пономарева Г. К юбилею С.Г. Исакова // Таллинн. 2001. № 24. С. 90–96; Tartu Ülikool slaavi filoloogia osakond. Eesti kirjanike liit. In memoriam. Sergei Issakov. 08.10.1931 — 11.01.2013 // Universitas Tartuensis. 2013. № 2. Lk. 47.

² Северянин И. Сочинения / сост. С. Исаков и Р. Круус; предисл. С. Исакова, comment. Р. Крууса. Таллинн, 1990.

ские Прибалтики». Увесистую, еще машинописную рукопись отвезли в Союз славянских просветительных и благотворительных обществ в Таллине, но там она была благополучно потеряна. Через несколько лет ее нашли... в сейфе этой уважаемой организации. Постепенно обстановка в Эстонии стабилизировалась. К середине 1990-х гг. в Таллине было три русских литературных журнала. Кроме выходившей с 1986 г. «Радуги» с 1995 г. возобновил работу «Таллинн», а в 1994 г. появился «Вышгород». Во всех этих изданиях Сергей Геннадиевич был постоянным автором. С.Г. Исаков отличался хорошим здоровьем (он не курил и каждое утро делал зарядку) и редкостной работоспособностью. Профессор жил в центре маленьского Тарту и за 10–15 минут доходил до Литературного музея, где находится самое большое в стране собрание книг и периодических изданий, выходивших в Эстонии. В библиотеке музея Исакова все знали как многолетнего читателя. Заказанные им книги, газеты и журналы приносили через 5–10 минут. В читальном зале с красивой люстрой и лепным потолком (дом немецкого дворянина) царила тишина. Обедать он ходил домой, поскольку это было близко. Естественно, что при таких идеальных условиях для работы Литературный музей был любимым местом ученого. Поскольку бытовыми проблемами занималась заботливая и любящая жена, дети уже выросли, а учебной работы в связи с выходом на пенсию почти не было, то все силы были отданы научной работе. В 1996 г. вышла первая книга С.Г. Исакова, посвященная эмиграции. Это были историко-культурные очерки «Русские в Эстонии. 1918–1940»³. В ней было начато исследование русских газет Эстонии (особенно ценны эсеровские издания) и русской литературы 1920–30-х гг. Важно то, что издание снабжено как библиографическими примечаниями, так и именным указателем. Большая часть материала не устарела, хотя о писателях межвоенного времени сейчас известно больше. В 2001 г. под редакцией С.Г. Исакова в рамках научного проекта была выпущена книга «Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940)»⁴. Она стала универсальным справочником по политической, культурной и литературной жизни русских в Эстонии за эти два десятилетия, вызвавшим большой интерес в разных странах. Достаточно упомянуть, что на книгу вышло десять рецензий в семи странах: США, Германии, Чехии, Хорватии, Аргентине, России и Эстонии. Появившаяся в свет в 2005 г. монография ученого «Очерки истории русской культуры в Эстонии»⁵ только на две трети посвящена русской культуре Эстонии 1920–30-х гг. Первая же треть работы — статьи по русской культуре Эстонии XIX в. Эта тема была почти 35 лет предметом научных изысканий литературоведа. В той части книги, которая отведена XX в., можно отметить две работы. Эта статья со скромным названием «Нарвские газеты 1920–1930-х годов». Полностью разобраться в страшно запутанной истории нескольких маленьких нарвских газет, яростно конкурирующих между собой, мог только коренной нарвятин. Первым из исследователей Эстонии

³ Исаков С.Г. Русские в Эстонии. 1918–1940: Историко-культурные очерки. Тарту, 1996.

⁴ Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940) / под ред. С.Г. Исакова. Тарту; СПб., 2001.

⁵ Исаков С.Г. Очерки истории русской культуры в Эстонии. Таллин, 2005.

Сергей Геннадиевич написал работу на острую тему, о гибели русской культуры Эстонии во время Второй мировой войны «Конец одной литературы. Русская литература Эстонии и события 1939–1945 годов».

В последний период своей научной деятельности Сергей Геннадиевич был связан с изданием трех книг. Прежде всего, следует назвать антологию «Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918–1940 гг.»⁶. Название книги было предложено издателем ради коммерческого успеха и не вполне соответствует содержанию, поскольку среди местных литераторов были не только эмигранты, но и коренные русские жители. Антология подготовлена безупречно. Со вкусом выбраны тексты. Есть фотографии писателей, биографические справки и комментарии. Вторая книга — избранное писателя и художника К. Гершельмана «Я почему-то должен рассказать о том...»⁷. Прекрасные иллюстрации, твердая обложка, мелованная бумага, но художественные тексты самого писателя, увы, яркими не назовешь. А вот с изданием В. Никифорова-Волгина связаны две истории, прекрасно отражающие обыкновения 1990-х гг. Этим прозаиком, выбравшим себе красивый псевдоним, поскольку он родился на Волге, С.Г. Исаков начал заниматься в начале 1990-х гг. О своем детстве и отрочестве в Нарве Никифоров-Волгин нигде не писал, поэтому исследователь полагал, что прозаик приехал в Нарву уже в юношеском возрасте. На самом же деле В.А. Никифоров-Волгин всего год прожил в Тверском крае. Тверские же краеведы тут же заняли твердую позицию и объявили Никифорова-Волгина исконно тверским писателем. Поскольку основной темой прозы нарвского писателя было православие, то к его произведениям сразу же возник стойкий интерес в современной России. Судьба писателя оказалась трагична: он был расстрелян за свою прозу, изображающую многолетние издевательства над религией в СССР, в декабре 1941 г. по решению тройки, состоящей из одних женщин (мужчины были на фронте)⁸. Издательство «Лествица» пиратски выпустило книгу В. Никифорова-Волгина «Алтарь затворенный», не связавшись с изучавшим его жизнь и творчество профессором, а напечатав статью и комментарии «по Исакову»⁹.

С.Г. Исаков поддерживал семьи русских, переживших тюрьмы и ссылки. Так, он помог выпустить мемуары Т.П. Миллютиной «Люди моей жизни»¹⁰ и даже нашел ее тогда безработному сыну-биологу работу по специальности (перевод учебников биологии).

В Эстонии С.Г. Исаков известен как прекрасный библиограф. Тремя изданиями с исправлениями и дополнениями вышел его труд «Русские общественные и

---

⁶ Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918–1940 гг.: антология / сост., вступ. ст., биографич. справки и comment. проф. С.Г. Исакова. Таллин, 2002.

⁷ Гершельман К.К. «Я почему-то должен рассказать о том...»: Избранное / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. проф. С.Г. Исакова. Таллин, 2006.

⁸ См.: Пономарева Г., Шор Т. Мифоэлементы в мемуарах советских эмигрантов об Эстонии при изображении советских людей (1939–1941) // Культура русской диаспоры: эмиграция и мифы: сб. ст. Таллин, 2012.

⁹ Никифоров-Волгин В. Алтарь затворенный. М.; СПб., 1998.

¹⁰ Миллютина Т.П. Люди моей жизни. Тарту, 1997.

культурные деятели в Эстонии»¹¹. В России известность к С.Г. Исакову как автору энциклопедических статей и библиографий пришла в 1990-х гг. и связана со скандалным провалом био-библиографии и справочника «Русская печать в Эстонии. 1918–1940», составленного О.С. Фигурновой. Его обстоятельная рецензия на это халтурное издание вышла в «Балтийском архиве» и была объемом с брошюру¹². С тех пор статьи о русской культуре Эстонии просили писать уже С.Г. Исакова. С этого времени началось его сотрудничество с А.Н. Николюкиным, редактировавшим многотомное энциклопедическое издание, посвященное литературе русского зарубежья, литературным центрам, книгам и периодике. Исаков составил много фактоографически точных, документированных статей для «Литературной энциклопедии Русского Зарубежья». Тартуский ученый привлек для составления «Хроники литературной жизни Русского Зарубежья (1919–1940)», вышедшей в «Литературоведческом журнале», своих коллег и учеников.

По своему характеру С.Г. Исаков всегда был общественником, просветителем. В 2008 г. он выпустил научно-популярную книгу «Путь длиною в тысячу лет. Русские в Эстонии. История культуры»¹³. Она сразу же превратилась в учебное пособие, была востребована и массовым читателем. Вскоре понадобилось второе издание. Последняя работа ученого была связана с составлением хроники культурных событий в Эстонии за 1920–30-е гг.¹⁴ Сейчас эту хронику заканчивают его ученица Т.К. Шор, с которой С.Г. Исаков недавно написал несколько десятков биографических статей о русских журналистах Эстонии¹⁵, и научный сотрудник Тартуского университета Т.Т. Гузиров.

Когда-то С.Г. Исаков был специалистом по литературе народов СССР. С распадом Союза этот предмет исчез из университетских курсов и из академической науки, хотя отдельные статьи по украинской и белорусской культуре у Исакова продолжали выходить. Но интенсивное исследование русской эмиграции в Эстонии стало той новой темой, где за двадцать лет он смог полностью себя реализовать.

Г.М. Пономарева

---

¹¹ Русские общественные и культурные деятели в Эстонии: Материалы к биографическому словарю. Т. 1. (до 1940 г.): Словник / сост. проф. С.Г. Исаков. Изд. 3-е, испр. и доп. Таллин, 2006.

¹² Исаков С. [Рец.:] Русская печать в Эстонии. 1918–1940: Био-библиографические и справочные материалы к изучению культурной жизни русской эмиграции: в 2 вып. / сост. О. Фигурнова. М.: Наследие, 1998. 464 с. (РАН, Ин-т мировой лит-ры им А.М. Горького) // Балтийский архив. Т. 5. Рига, 1999. С. 166–226.

¹³ Исаков С.Г. Путь длиною в тысячу лет: Русские в Эстонии: История культуры: Ч. 1. Tallinn, 2008.

¹⁴ См.: Шор Т.К. Профессор Сергей Геннадиевич Исаков 08.10.1931, Нарва — 11.01.2013, Тарту // Русские Латвии. URL: <http://www.russkije.lv/ru/about/us.html> (дата обращения 19 декабря 2013 г.).

¹⁵ Эти материалы доступны на сайте Тартуского университета по постоянно действующему адресу: URL: <http://www.ut.ee/FLVE/ruslit/estorussica/index.htm>.

СИГУРД ОТТОВИЧ ШМИДТ (1922–2013)

22 мая 2013 г. на 92-м году жизни скончался Сигурд Оттович Шмидт.

Соль земли. Так называют людей, которые не потребляют, а создают жизнь. Именно к ним принадлежал Сигурд Оттович.

У него было много званий и наград. Заслуженный профессор РГГУ, академик Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, член Государственного совета при Президенте Российской Федерации по особо ценным объектам наследия народов Российской Федерации, советник РАН, почетный председатель Археографической комиссии РАН, почетный председатель Союза краеведов России, иностранный член Польской академии наук.

Сигурд Оттович получил орден Почета, медаль Пушкина, знак отличия «За заслуги перед Москвой». Он был отмечен Государственной премией Правительства РФ в области образования, Макарievской премией — «за выдающийся вклад в развитие отечественной исторической науки», а также премией «Триумф» за огромные научные достижения.

Перечисление его официальных титулов, конечно, дает представление об этой огромной фигуре в истории духовной жизни России второй половины XX — начала XXI в. Но сам он значил нечто большее.

Это был учитель, наставник, человек, во многом определивший судьбы сотен своих учеников, некоторые из которых сегодня известны всему миру. Сигурд Оттович воплощал собой почти исчезнувший образ русского интеллигента, подлинного патриота, личности высочайшей культуры и поразительного душевного благородства.

Подсчитать, сколько Сигурд Оттович за свою жизнь сделал добрых и нужных дел, просто невозможно. Сколько памятников архитектуры было спасено от разрушения, сколько в самые трудные времена издано исторических документов, не укладывавшихся в идеологические догмы. Более полувека возглавляя кружок источниковедения в Московском государственном историко-архивном институте, Сигурд Оттович воспитал несколько поколений исследователей. Являясь ответственным редактором «Археографического ежегодника», а потом и задуманной им «Московской энциклопедии» (М.: Изд. центр «Москововедение», 2007), он сохранил для нас целые пласти культуры прошлого.

Дмитрий Сергеевич Лихачев, с которым Сигурд Оттович был дружен долгие годы, так сказал о нем: «Сигурд Оттович Шмидт известен как исследователь-исто-

рик широкого плана, и как воспитатель научной молодежи, и как общественный деятель, посвящающий много времени вопросам охраны памятников истории и культуры, рукописному и документальному наследию».

Блестящий специалист по эпохе Ивана Грозного, автор ряда статей и книг о пушкинском времени, о Карамзине, который оставался одним из его самых любимых героев, Шмидт всегда откликался на любые начинания, если они были ему близки. Именно поэтому он так горячо поддерживал создание нашего Дома, тогда еще Библиотеки-фонда «Русское зарубежье». Также всегда мы ощущали бесценную поддержку Сигурда Оттовича и в работе издательства «Русский путь». При его участии была переиздана почти забытая работа «Далекое прошлое пушкинского уголка» (М., 1999), принадлежавшая перу замечательного историка Сергея Федоровича Платонова, затравленного в сталинские времена. Послесловие к ней написал Сигурд Оттович. Он же предварил своей блестящей статьей другое издание «Русское пути» — книгу Дмитрия Сергеевича Лихачева «Введение к чтению памятников древнерусской культуры» (М., 2004).

Член Попечительского совета Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, Сигурд Оттович с удовольствием приходил на наши конференции, семинары и выставки. Мы все помним его яркие, страстные выступления. Как поразительно он говорил на открытии выставки в Манеже в 2008 г. «Александр Солженицын и его время в фотографиях». Осмыслению методологии исторических исследований Александра Исаевича Шмидт посвятил статью в книге «Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына (М.: Русский путь, 2004).

Пушкин и эпоха великого поэта всегда жили в его исследованиях. Сигурд Оттович много работал для нашего издательства над книгой «Статьи о Пушкине», но завершить ее так и не успел. Сейчас в «Русском пути» готовится к изданию другая книга Шмидта — «История Москвы и проблемы московедения».

Жизнь он прожил долгую и счастливую, потому что сумел очень многое сделать. И склоняя голову перед его светлой памятью, остается вспомнить столь любимые им слова Жуковского из стихотворения «Воспоминания»: «Не говори с тоской: их нет, / Но с благодарностию — были».

B.B. Леонидов

ЛЮБОВЬ НИКОЛАЕВНА БЕЛОШЕВСКАЯ
(1946–2013)

В ночь с 11 на 12 ноября 2013 г. после тяжелой болезни ушла из жизни Любовь Николаевна Белошевская, одна из самых известных исследователей истории российской эмиграции в Чехословакии, руководитель рабочей группы Славянского института Академии наук Чешской Республики, большой друг нашего Дома.

Научный мир потерял настоящего ученого-подвижника, блестящего знатока русской Праги, а мы — отзывчивого и доброжелательного друга и коллегу. Фундаментальный вклад Любови Николаевны в изучение русской Чехословакии межвоенной поры трудно переоценить. Издательские проекты Любови Белошевской всегда отличали масштабность замысла, основательность архивной и текстологической подготовки и высокая научная культура. Подготовленные ею многочисленные издания — знаменитая двухтомная «Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословакской Республике» (Прага, 2000–2001) и предшествовавшие ей издания «Документов к истории русской и украинской эмиграции в Чехословакской Республике (1918–1939)» (Прага, 1998) и «Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословакской Республике (1919–1939)» (Прага, 1999), бесценные по собранному материалу ежегодные выпуски «Россики», трехтомник Льва Гомолицкого (М., 2011) и многие другие — уже давно вошли в золотой фонд эмигрантики и навсегда останутся настольными книгами для исследователей русского зарубежья.

Многолетний сотрудник Славянского института АН ЧР, Любовь Николаевна была также большим другом нашего Дома и его почетным дарителем. Для нас сотрудничество с ней было предметом гордости, а результаты сотрудничества всегда вдохновляли на новые проекты. Только в 2006 г. в Доме русского зарубежья состоялись два значительных события, в подготовке которых Любовь Николаевна принимала самое деятельное участие, — Дни Славянского института АН ЧР и международная научная конференция «А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья». В том же году издательство «Русский путь» опубликовало подготовленный Л.Н. Белошевской внушительный том литературного наследия русской Праги «“Скит”. Прага 1922–1940: Антология. Биография. Документы», на-всегда вписавший в историю русской эмиграции целую веху культурной жизни.

По инициативе Л.Н. Белошевской в 2011 г. было заключено «Соглашение о сотрудничестве между Домом русского зарубежья им. Александра Солженицына и Славянским институтом Академии наук Чешской Республики на 2012–2016 гг.»,

IN MEMORIAM

предусматривающее самое широкое взаимодействие наших институций в рамках научно-исследовательской темы «Гуманитарные и социальные науки как коммуникативное пространство между Чехией / Чехословакией и Россией в XX в.». В качестве первого проекта этого соглашения началась подготовка совместного издания «Русская эмиграция в Чехословакии: Биографический лексикон», которое, к нашему большому сожалению, оказалось последней научной работой Л.Н. Белошевской. Уверены, что этот проект будет продолжен и посвящен памяти Любови Николаевны.

Теперь, оборачиваясь назад и оценивая все, что было сделано Любовью Николаевной, поражаешься ее способности ко всеохвату целых исторических и культурных пластов русского зарубежья при неизменной кропотливости подготовки, научной совестливости, умении четко соблюсти принципы новизны и полноты в каждом из исследовательских начинаний.

Для всех нас ее уход — невосполнимая утрата. Дом русского зарубежья выражает соболезнования родным и близким Любови Николаевны Белошевской, ее друзьям и коллегам. Вечная память.

M.A. Васильева

ОБ АВТОРАХ

Андреева (Andreyev) Екатерина Николаевна — доктор философии (Ph.D.), преподаватель современной истории в колледже Крайст-Чёрч (Оксфорд, Великобритания).

Научные интересы: военная и политическая история России XX в., история русской эмиграции.

Арсеньев Алексей Борисович — потомок русских эмигрантов, вывезенных в 1920 г. из Крыма и обосновавшихся в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Окончил машиностроительный факультет Новицадского университета (1969); по специальности инженер-теплоэнергетик.

Автор научных исследований и публицистических книг и статей, посвященных истории русской эмиграции в Югославии и русско-сербских культурных связей. Переводчик с русского на сербский, редактор, библиограф. Живет в г. Нови-Сад (Сербия).

Байссвенгер (Beisswenger) Мартин — доктор философии (Ph.D.), доцент факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Научные интересы: русская и европейская интеллектуальная история, история российской эмиграции, русская религиозная философия, евразийство.

Бакунцев Антон Владимирович — старший научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья ДРЗ, доцент факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова.

Научные интересы: история печати Белого движения, история журналистики и литературы русского зарубежья, биография и творчество И.А. Бунина.

Борисова Валентина Васильевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Башкирского государственного педагогического университета (Уфа).

Научные интересы: русская литература XIX в., жизнь и творчество Ф.М. Достоевского.

Валькова Ольга Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН.

Научные интересы: социальная история науки, источниковедение и историография истории науки, гендерная история науки.

Васильева Мария Анатольевна — кандидат филологических наук, ученый секретарь ДРЗ; ответственный соредактор научной серии «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Материалы и исследования», член редколлегии научной серии ДРЗ «Ex Cathedra».

Научные интересы: литературоведение русского зарубежья, творчество младо-эмigrantов первой волны русской эмиграции.

Викторова Татьяна Владимировна — кандидат филологических наук, профессор Страсбургского университета, член Института сравнительного изучения западноевропейских литератур, секретарь журнала «Вестник русского христианского движения» (Париж; Нью-Йорк; Москва).

Научные интересы: история русской литературной эмиграции; жанр мистерии в средневековой и современной западной и русской литературе; поэзия русского Серебряного века в контексте европейской поэзии.

Викторович Владимир Александрович — доктор филологических наук, профессор Московского государственного областного социально-гуманитарного института (Коломна).

Научные интересы: русская литература XIX в., жизнь и творчество Ф.М. Достоевского.

Вышкварцев Виталий Владиславович — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории и истории права и государства НОУ ВПО «Международный юридический институт».

Научные интересы: правовое государство, гражданское общество, история российского конституционализма, история политических и правовых учений, концепция правовой культуры человека, конституционная культура.

Гачева Анастасия Георгиевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького, заведующая отделом Музея-библиотеки Н.Ф. Федорова при ЦДБ № 124 (Москва).

Научные интересы: русская философия и литература XIX — первой трети XX в., русский космизм, философия истории, эстетика жизнетворчества.

Герасимов Николай Игоревич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: история русской философии, социальная философия русской эмиграции.

Голенков Владимир — журналист-международник.

Голубинов Виктор Владимирович — психолог, дизайнер-график, член Союза дизайнеров России, арт-директор брендинговой компании REALPRO (Москва). Правнук профессора Николая Константиновича Кульчицкого.

Научные интересы: психология восприятия, психофизика, история семьи Кульчицких — Голубиновых, искусство Саратова 1910–1920-х гг.

Горинов-младший Михаил Михайлович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: история России XIX — начала XX в.; российское медицинское зарубежье; русская эмиграция в Югославии и Чехословакии; историческое краеведение российского зарубежья; государственная и общественная деятельность графа Н.П. Игнатьева (1879–1908).

Гриценко Наталья Федоровна — доктор исторических наук, заместитель директора по науке ДРЗ.

Научные интересы: история российского либерализма и правительственного консерватизма, история России второй половины XIX — первой половины XX в., история российской эмиграции.

Дмитриев Александр Николаевич — ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований (ИГИТИ) Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики, доцент факультета истории НИУ ВШЭ.

Научные интересы: история идей, история университетов и научной жизни первой половины XX в.

Дубровина Светлана Николаевна — кандидат филологических наук, заведующая отделом по развитию и связям с общественностью ДРЗ.

Научные интересы: литература русского зарубежья, французская драматургия XX в.

Ермшинин Олег Тимофеевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: история русской философии, религиозно-философская мысль русской эмиграции 1920–30-х гг., научное наследие В.В. Зеньковского.

Ефимов Михаил Витальевич — заместитель директора по науке Государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника «Парк Монрепо» (Выборг).

Научные интересы: литературная критика русского зарубежья, Д.П. Святополк-Мирский и его наследие, В.В. Набоков и литература русского зарубежья, биография А.Ф. Мейендорфа, история имения Монрепо.

Ёхина Наталья Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: история российской эмиграции, пореволюционная мысль российского зарубежья 1920–1930-х гг.

Зверева Светлана Георгиевна — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Государственного института искусствознания (Москва); преподаватель Королевской консерватории Шотландии (Royal Conservatoire of Scotland; Глазго).

Научные интересы: история русской музыки конца XIX — первой четверти XX в.; музыкальная культура русского зарубежья.

Капинос Елена Владимировна — старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Научные интересы: история журналистики и литературы русского зарубежья, творчество И.А. Бунина, поэтика лирической прозы.

Конкка Ольга Евгеньевна — докторант Университета Бордо-Монтене (Université Bordeaux Montaigne; Бордо, Франция).

Научные интересы: история науки.

Кривцова Елена Владимировна — историк музыкальной культуры, архивист (специализация — нотно-музыкальные архивы), научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: архивы русских музыкантов за рубежом, история русского музыкального зарубежья (1918–1940), биография и творчество С.С. Прокофьева и Д.Д. Шостаковича, музееоведение.

Леонидов Виктор Владимирович — кандидат исторических наук, главный библиограф ДРЗ.

Научные интересы: литература и культура русского зарубежья.

Ликвинцева Наталья Владимировна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: опыт XX в. и его осмысление в религиозно-философской и богословской мысли русского зарубежья.

Майер-Фраат (Meyer-Fraatz) Андреа — профессор славянской филологии Университета имени Фридриха Шиллера в Йене (Friedrich-Schiller-Universität Jena; Германия), специалист по русской литературе, а также по польской и южнославянским литературам.

Научные интересы: литературная компаративистика; славяно-немецкие литературные связи, включая вопросы художественного перевода, а также проблема автора в художественном тексте; литература и воспоминание, эстетика эмоционального в литературе и в кино, литературная утопия.

Марченко Татьяна Вячеславовна — доктор филологических наук, заведующая отделом культуры российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: литература послереволюционной русской эмиграции, рецепция русской литературы XX в. на Западе, творчество Бунина — проблемы поэтики и текстологии.

Масоликова Наталья Юрьевна — старший научный сотрудник отдела истории российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: социальная и персональная история отечественной психологии, история российского научного и педагогического зарубежья, некрополистика российского научного зарубежья.

Мирошиникова Ирина Павловна — ведущий научный сотрудник отдела музейного и архивного хранения ДРЗ.

Научные интересы: история декоративно-прикладного искусства, музееоведение, награды и знаки Российской империи и Белого движения.

Полх Павел Петрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград).

Научные интересы: аграрная история российских регионов в XIX–XX вв.; российская геральдика и генеалогия.

Пономарева Галина Михайловна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Таллиннского университета (Эстония).

Научные интересы: русская литература Серебряного века, русско-эстонские литературные и культурные связи; литература и культура эмиграции.

Рубинс Мария Олеговна — доктор филологических наук; доцент факультета славистики Лондонского университета (Великобритания); член-корреспондент Института славяноведения (Париж, Франция) и Центра по изучению России, Кавказа и Центральной Европы Французской академии наук; член редколлегии журнала британских славистов «Slavonic and East European Review»; переводчик с французского и английского языков.

Научные интересы: литература и культура русского зарубежья, творчество младоэмигрантов первой волны русской эмиграции, русско-французские литературные связи, интермедиальные связи между литературой и изобразительным искусством, экфрасис, творчество писателей-билингвов.

Седова Елена Евгеньевна — кандидат педагогических наук, доцент Воронежского государственного педагогического университета.

Научные интересы: педагогическая теория и образовательная практика в российском зарубежье первой волны, проблемы национального самосохранения детей и юношества в эмиграции.

Соколова Татьяна Федоровна — старший научный сотрудник отдела музейного и архивного хранения ДРЗ.

Научные интересы: история науки, архивоведение, музеология, история русской эмиграции.

Сорокина Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, заведующая отделом истории российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: история российского зарубежья, социальная история науки, в том числе научного зарубежья, некрополистика российского зарубежья, архивы зарубежья, история Второй мировой войны.

Стуюхина Наталья Юрьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Научные интересы: история науки, в том числе персональная и институциональная история психологии и педагогики.

Тихомиров Борис Николаевич — доктор филологических наук, заместитель по научной работе директора Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург).

Научные интересы: русская литература XIX в., текстология, жизнь и творчество Ф.М. Достоевского.

Трибунский Павел Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела литературы и печатного дела российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: история науки, история российского либерализма, архивное наследие ученых, издательское дело.

Федякин Сергей Романович — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературы и печатного дела российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: русская литература и периодика XX в., литература и печатное дело русского зарубежья, история русской литературной критики, русская музыка середины XIX и первой половины XX в.

Шилов Денис Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки, член Совета Русского генеалогического общества.

Научные интересы: история государственных учреждений и биографика государственных деятелей Российской империи, исторический некрополь Российской империи, русские биографические словари и справочники.

Шор Татьяна Кузьминична — кандидат филологических наук, архивариус Национального архива Эстонии (Тарту, Эстония).

Научные интересы: истории русской культуры и эмиграции в Эстонии.

СОДЕРЖАНИЕ

КАФЕДРА

<i>Екатерина Андреева. Мое понимание русской эмиграции.</i>	7
---	---

ГОД ВЕЛИКОБРИТАНИИ В РОССИИ

<i>В.В. Голубинов. Профессор Николай Константинович Кульчицкий (1856–1925): революция и эмиграция в зеркале семейной хроники</i>	19
<i>Е.Н. Андреева. Общество защиты науки и знаний в Великобритании и помочь русским ученым-эмигрантам</i>	67
<i>М.В. Ефимов. Д.П. Святополк-Мирский: между аристократией и интеллигенцией</i>	102
<i>Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. Новые свидетельства к биографии историка Георгия Каткова (1903–1985)</i>	110
<i>Н.В. Ликвинцева. «Все человечество — единый, сильный поток жизни»: митрополит Антоний Сурожский о способности человека быть живым</i>	118

НАУЧНЫЕ ВСТРЕЧИ

ВЕРНАДСКИЕ И РОССИЙСКАЯ ДИАСПОРА

Международная научная конференция. Москва. 14–15 марта 2013

<i>М.Ю. Сорокина. Между советской метрополией и российской диаспорой: неюбилейные заметки о наследии семьи Вернадских</i>	137
<i>А.Н. Дмитриев. Владимир Вернадский, «академическая революция» 1917–1918 гг. и украинская эмиграция</i>	142
<i>О.А. Валькова. Бои за историю геологии: неизвестное письмо В.И. Вернадского к В.А. Варсаноффьевой</i>	157

<i>М. Байссвенгер.</i> Н.В. Вернадская-Толль и становление «научного» евразийства (конец 1920-х гг.)	172
<i>А.Г. Гачева.</i> Идеи В.И. и Г.В. Вернадских в восприятии писателя, публициста, деятеля евразийского движения К.А. Чхеидзе	177
<i>Н.А. Ёхина.</i> Молодая эмиграция в поисках новой России: П.С. Боранецкий и евразийство	198
<i>М.Ю. Сорокина, Н.Ю. Стоюхина.</i> К биографии историка Николая Петровича Толля (1894–1985): новые архивные данные	209
<i>М.М. Горинов-мл.</i> Документальные материалы московских архивов как источник сведений по биографии М.М. Карповича	221
<i>Е.Е. Седова.</i> Незамеченная жизнь замечательной женщины: Екатерина Антоновна Шамье (1888–1950)	231
<i>В.В. Вышкварцев.</i> В.И. Вернадский и его социокультурные взгляды на личность	239
<i>О.Е. Конкка.</i> В.И. Вернадский в современных российских учебниках истории	250

**ИВАН БУНИН:
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РЕЦЕПЦИИ И ПОЭТИКЕ**

<i>Т.В. Марченко.</i> Юбилеи и утраты: Бунин и буниноведение	259
<i>А.В. Бакунцев.</i> Речь И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции» в общественном сознании эпохи. (По материалам эмигрантской и советской периодики 1920-х гг.)	268
<i>А. Майер-Фраац.</i> «Путевая книга» — забытый стихотворный цикл Ивана Бунина	338
ПРИЛОЖЕНИЕ	
<i>Иван Бунин.</i> Путевая книга	348
<i>Е.В. Капинос.</i> Из Парижа — в город мечты и воображения: «Поздний час» И.А. Бунина	352
<i>Т.В. Марченко.</i> «Кто как стреляется, таков он и есть...»: Gestum Bunini. (К интерпретации рассказа И.А. Бунина «Кавказ»)	368

С.В. РАХМАНИНОВ:

К 140-летию со дня рождения и 70-летию со дня смерти

<i>С.Р. Федякин.</i> «Симфонические танцы» С.В. Рахманинова в контексте истории русской эмиграции	411
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Нотные примеры	433
<i>С.Г. Зверева.</i> Сергей Рахманинов: последние годы	437
ПРИЛОЖЕНИЕ	
<i>Е. Сван.</i> Наша русская утрата. Подготовка текста и примечания С.Г. Зверевой.....	452
<i>Е.В. Кривцова.</i> С.С. Прокофьев — С.В. Рахманинов: биографические параллели и творческие пересечения (к истории взаимоотношений композиторов).....	455

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

<i>О.Т. Ермиишин.</i> Ритмы древнерусской истории в концепции П.Н. Савицкого.....	479
<i>Т.К. Шор.</i> Семья доктора Э.Э. Гартье и Эстония	485
<i>А.Б. Арсеньев.</i> Русские в кинематографии Югославии.....	490
<i>М.О. Рубинс.</i> Василий Розанов и русский Монпарнас (1920–30-е гг.)	541
<i>Т.В. Викторова.</i> «Я не оставляю надежды, что YMCA наберется мужества издать...»: Алексей Ремизов и «YMCA-Press».....	563
<i>П.А. Трибунский.</i> Фонд Форда, фонд «Свободная Россия» / Восточно-европейский фонд и создание «Издательства имени Чехова»	577

ОБЗОРЫ ФОНДОВ ДОМА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>М.А. Васильева.</i> Архив семьи Левицких — Харкевич.....	603
<i>Н.И. Герасимов.</i> Из философского наследия Николая Бердяева и Льва Шестова: неопубликованные рукописи и архивные документы	618
<i>И.П. Мирошникова.</i> Коллекция мемориальных галлиполийских знаков	626
<i>Т.Ф. Соколова.</i> Художник Евгений Евгеньевич Климов: Материалы к биографии..	633

ХРОНИКА

<i>Н.Ф. Гриценко.</i> Международная научная конференция «Династия Романовых: традиции благотворительности и меценатства». Москва. 4–6 июня 2013	649
<i>Г.А. Тюрина.</i> Освоение наследия Александра Солженицына: к двум юбилеям.....	654
<i>В.В. Борисова, В.А. Викторович, Б.Н. Тихомиров.</i> XV Симпозиум Международного общества Достоевского / XV Symposium of the International Dostoevsky Society. Москва. 8–14 июля 2013	661
<i>М.А. Васильева.</i> Научно-популярный семинар «Русское зарубежье. Неизвестные страницы». Москва. Февраль — ноябрь 2013	668
<i>Н.В. Ликвинцева.</i> Семинар по наследию митрополита Антония Сурожского. Москва	677

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

<i>Т.В. Марченко.</i> [Рец.:] М о шин Владимир, п р о т . Воспоминания	681
<i>Д.Н. Шилов.</i> [Рец.:] Гр е зин И.И. Русское кладбище Кокад в Ницце = Cimetière russe de Caucade à Nice	690
<i>Н.И. Герасимов.</i> [Рец.:] Bir d R . Russian Prospero: the creative world of Vyacheslav Ivanov	695
<i>О.Т. Ермиишин.</i> [Рец.:] Русская философия в изгнании.....	701
<i>П.П. Полх.</i> [Рец.:] Ц о я С . Русский институт университетских знаний в межвоенной Латвии	704
<i>В. Голенков.</i> [Обзор:] P o p o w I r e n e . Adeus, Stalin! Memórias da menina que fugiu da guerra.....	707
<i>С.Н. Дубровина.</i> [Обзор:] Intelligentsia entre France et Russie, archives inédites du XXe siècle	710
<i>Н.В. Ликвинцева.</i> [Обзор:] La joie du Royaume: Actes du colloque international «L'héritage du père Alexandre Schmemann». Paris, 11–14 décembre 2008.....	712

IN MEMORIAM

Сергей Геннадиевич Исакóв как исследователь эмиграции. Памяти ученого (1931–2013)	717
Сигурд Оттович Шмидт (1922–2013)	721
Любовь Николаевна Белошевская (1946–2013)	723
Об авторах	725

Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, Е-361 2013 / [отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. — М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014. — 736 с. : ил.

ISBN 978-5-98854-048-9

Выпуск «Ежегодника Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына» открывается материалами, связанными с Годом Великобритании в России: воспоминаниями английского историка русского происхождения Екатерины Андреевой и подборкой статей о русской научной, литературной, религиозной эмиграции в Великобритании. В отдельном разделе выпуска собраны исследования, представленные на международной научной конференции «Вернадские и российская диаспора», приуроченной к 150-летию со дня рождения русского ученого, академика В.И. Вернадского. Творческому наследию И.А. Бунина и С.В. Рахманинова посвящены тематические подборки статей российских и зарубежных исследователей. Кроме того, в «Ежегоднике...» публикуются работы, посвященные восприятию В.В. Розанова в кругах русской парижской эмиграции; русским эмигрантам в кинематографе Югославии; истории возникновения «Издательства имени Чехова»; историософским взглядам П.Н. Савицкого; и др.

В издании также содержится хроника научной жизни и обзоры архивно-музейного собрания Дома, а также отзывы на новые издания по истории русского зарубежья. Практически все иллюстрации, представленные в «Ежегоднике...», публикуются впервые.

УДК 08
ББК 79.1

Научное издание

ЕЖЕГОДНИК
Дома русского зарубежья
имени Александра Солженицына

2013

Ответственный редактор
Гриценко Наталия Федоровна

Редактор М.В. Архиреев. Корректор О.А. Савичева. Верстка Л.А. Фирсовой

Подписано в печать 15.08.14. Формат 70x100/16. Бумага писчая.

Гарнитура MinionC. Усл. печ. л. 59,82. Тираж 500 экз.

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2. Тел.: (495) 915-10-80, 915-27-48. www.domrz.ru

ООО «Книжница». 125009, г. Москва, Газетный пер., д. 1/12, стр. 6

Сайт издательства: www.rp-net.ru

Сайт магазина «Русское Зарубежье»: www.kmrz.ru

Типография «Наука». 121099, г. Москва, Шубинский переулок, д. 6